

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P Slaw 176. 25

Bd. Oct. 1887.

Harvard College Library

FROM THE FUND OF

CHARLES MINOT

(Class of 1828).

28 May - 25 June, 1887.

ВЪСТАНКЪ ВЪ ЕВРОПѢ

ЖУРНАЛЪ

МАЙ 25 1887

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ПЕЧАТЪ.

ДВАДЦАТЬ-ВТОРОЙ ГОДЪ.—КНИГА 5-я.

МАЙ, 1887.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 5-я. — МАЙ, 1887.

Стр

I.—П. Д. КАВЕЛИНЪ. Материалы для биографии из семейной переписки и воспоминаний.—X. Из переписки из 1872 и 1873 гг.—Д. А. Корсакова . . .	5
II.—СТИХОТВОРЕНИЯ.—ЗАВѢЩАНІЕ.—А. Ж.—ть . . .	83
III.—ИЗЪ НОВЫХЪ.—Романъ.—Часть третья и послѣдняя.—I-VII.—П. Д. Боборыкина . . .	85
IV.—ДѢЛОВЫЕ ЛЮДИ ВЪ АМЕРИКѢ.—I-III.—В. В. Маку-Галахъ . . .	116
V.—СТИХОТВОРЕНИЯ.—Есть жизнь братняя, есть таинственная чувства.—С. Г. Фруга . . .	144
VI.—ИЗЪ ДЕРЕВНИ.—Очерки.—I.—А. Н. Энгельгардта . . .	145
VII.—СТИХОТВОРЕНИЯ.—На мотивы изъ Стокгольма.—I-II.—О. М.—ой . . .	184
VIII.—ДВОРЯНСТВО ВЪ РОССИИ.—Историческій и общественный очеркъ.—III.—III. . .	186
IX.—БѢЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ.—III-IV.—А. Н. Пыпина . . .	211
X.—ЗЛОЙ ГЕНИЙ.—Семейная исторія. У. Коллиера.—Часть пятая и послѣдняя.—А. Э. . .	203
XI.—ЕЩЕ О СОВРЕМЕННЫХЪ РУССКИХЪ ПОЭТАХЪ.—Н. Митский и К. Фофановъ.—К. К. Арсеньева . . .	311
XII.—* Стих. А. М. Жемчужникова . . .	330
XIII.—ХРОНИКА.—КАЗЕННАЯ СУБСИДІЯ И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО ПАРОХОДСТВА И ТОРГОВЛИ.—С. Щ.—ева . . .	331
XIV.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Ожидаемое пониженіе пошлинъ награничные паспорта; экономическое и общественное значеніе этой мѣры.—Проектируемая ремесленная и низшая техническая училища.—Необходимость законодательнаго регулированія земельныхъ товариществъ, созданныхъ уставомъ крестьянскаго поземельнаго банка.—Нѣсколько словъ по поводу толковъ и слуховъ въ печати о фабричной инспекціи и о земскихъ начальникахъ . . .	343
XV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Натянутость междунагольного положенія.—Вопиственность галетныхъ патріотовъ въ Германіи и въ другихъ странахъ.—Дѣло Шиббеле въ вопросъ о военномъ шпионствѣ.—Особенности спорнаго факта и ихъ серьезное значеніе.—Послѣдствія нѣмецкихъ жѣръ въ Эльзасѣ и Лотарингіи.—Особая теорія государственной казнимъ.—Англійскія дѣла . . .	369
XVI.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Задачи русской народной школы, П. Горбова.—Современная задача, гр. П. А. Валуева.—Литературные очерки, С. Н. Валцова.—К. К.—Изъ порежитаго, П. Галазова-Платонова.—Гр. Л. Н. Толстой, какъ художникъ и мыслитель, А. Скабичевскаго.—А. П.—О. К. Ноточевъ (маркизъ О'Бичъ), Еще немножко философіи.—Примѣе пазогн и ихъ организація во Франціи, Власія Сухейкина.—Д. С.	385
XVII.—ПОПРАВКИ КЪ НОВѢЙШИМЪ ИЗДАНЫМЪ СОЧИНЕНІЙ ПУШКИНА.—I. Изъ писемъ Пушкина къ Погодину.—Сообщ. П. Бузачъ.—II. По поводу двухъ эпиграммъ Пушкина на О. Бузарина.—Сообщ. В. Науменко . . .	404
XIII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Публичныя лекціи Георга Брандеса.—Затронутые ими вопросы о предѣлахъ и задачахъ критики.—Отношеніе Г. Брандеса къ его предшественникамъ.—Разногласіе въ средѣ защитниковъ церковно-приходской школы.—По вопросу о нѣротерпимости . . .	410
XIX.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—Отъ редакціи.—Пожертвованія на поддержаніе сельской школы Кавелина и сооруженіе ему памятника . . .	420
XX.—ВНѢПОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Этюдъ о Ж.-Жакѣ Руссо, т. II. А. С. Алексѣева.—Политическая экономія, въ связи съ финансами, Л. В. Ходскаго.—Общедоступная военно-историческая христоматія, кн. 2, составл. К. К. Абаза.—Повѣсти, сказки и разсказы Кота-Мурлика, т. I.—Изъ пернихъ лѣтъ казанскаго университета, Н. Н. Булича.—Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, Д. Кобеко . . .	

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: XVI стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы“ въ 1887 г. см. ниже, на оберткѣ.

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О П Ы

ДВАДЦАТЬ-ВТОРОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ III.

— ТОМЪ ССХОІХ. — 1/13 МАЯ, 1887.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ДВАДЦАТЬ-ПЯТЫЙ ТОМЪ

ДВАДЦАТЬ-ВТОРОЙ ГОДЪ

ТОМЪ III

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:		Экспедиція журнала.
на Васильевскомъ Острове, 2-я линія,		на Вас. Остр., Академич. переулокъ,
№ 7.		№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1887

~~131.84~~

~~Star 30.2~~

p Skar 176.25

... 25

... ..

(1862)

КОНСТАНТИНЪ ДМИТРІЕВИЧЪ КАВЕЛИНЪ

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ, ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ ПЕРЕПИСКИ И ВОСПОМІНАНІЙ.

Х *).

Изъ семейной переписки, въ 1872 и 73 гг.

Въ семейной перепискѣ Кавелина за 1872 и 1873 гг. выражается безрадостное настроеніе его мыслей еще съ бѣльшей силой, чѣмъ въ его письмахъ 1868—1871 гг. Оно опредѣляется, кромѣ причинъ, указанныхъ въ предыдущей главѣ, еще нѣкоторыми обстоятельствами личной жизни Кавелина въ эту эпоху.

1872-й годъ начался для Кавелина очень грустно смертію одного изъ самыхъ близкихъ ему людей—Н. А. Милютина. Въ томъ же году появился въ печати многотѣтній трудъ Кавелина, плодъ его продолжительныхъ размышленій—„Задачи Психологіи“, которому, какъ мы видѣли, онъ придавалъ весьма большое значеніе. „Задачи Психологіи“ хотя и не „канули въ вѣчность“, чего опасался Кавелинъ при ихъ появленіи въ печати, но производили — и среди спеціалистовъ, и среди массы читающей публики — впечатлѣніе неблагопріятное для автора. На нихъ взглянули какъ на трактатъ недофланный, недоконченный, съ произвольными иногда предпосылками и выводами, и ими оста-

*) См. выше: апрѣль, 457 стр.

лись неудовлетворены какъ люди стараго философско-идеалистическаго воззрѣнія, такъ и люди новаго, научно-реалистическаго. Кавелинъ долженъ былъ вступить въ полемику съ двумя выдающимися представителями того и другого лагеря: съ Ю. О. Самаринымъ и съ профессоромъ И. М. Сѣченовымъ. Въ 1873 году въ семейной жизни Кавелина, въ тѣсный кругъ которой онъ замыкался все болѣе и болѣе съ 1868 года, произошла весьма важная перемѣна. Нѣжно-любимая имъ дочь, Софья Константиновна, зажила самостоятельной семейною жизнью. Съ замужествомъ дочери, Кавелинъ, весьма естественно, ощутилъ пустоту въ своемъ домашнемъ очагѣ, которому придавалось его ненаглядной „Соней“ столько теплоты и оживленія.

Всѣ эти обстоятельства, конечно, болѣзненно отзывались въ впечатлительной и глубоко-чувствующей душѣ Кавелина. При этомъ не мелочное оскорбленное авторское самолюбіе и не ревнивая, слѣпая родительская любовь руководили имъ въ данномъ случаѣ. Кавелинъ, какъ богато-надѣленная духовными дарами натура, былъ чуждъ всякаго мелкаго эгоистическаго чувства и всегда покорялся факту, какъ бы ни было то лично для него тяжело и скорбно; но онъ, въ силу того же своего духовнаго богатства, ясно сознавалъ свое одиночество, изолированность среди всего, окружающаго его... Онъ переносилъ свое положеніе съ большимъ мужествомъ, съ стоическою твердостью, по прежнему сохраняя глубокую вѣру въ свои идеалы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не могъ не замѣчать, что его лучшая пора миновала безвозвратно, что полдень его жизни смѣнялся сумерками, съ чѣмъ по-неволѣ приходилось мириться... И вотъ, Кавелинъ, болѣе, чѣмъ когда-либо, ищетъ успокоенія въ деревнѣ, все сильнѣе и сильнѣе предавался въ Ивановѣ хозяйственнымъ заботамъ и тѣснѣе сближаясь съ крестьянскимъ *міромъ*, ища въ немъ, какъ прежде, основъ для *мира* душевнаго. Но тѣсно усиливается онъ обрѣсти въ деревнѣ „тихое пристанище“ послѣ своего бурнаго плаванія по „житейскому морю“. Въ деревенскомъ кругѣ отношеній, болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, ощущаетъ онъ рѣзкое противорѣчіе между дѣйствительностію и своими идеальными воззрѣніями, и печатно заявляетъ сѣтованія на печальныя условія русской сельской жизни.

Глубокая, гнетущая скорбь западаетъ въ любящее, честное сердце Кавелина, и этою-то скорбью запечатлѣна вся его семейная переписка 1872—1873 гг.

15-го января 1872 г., писалъ онъ мнѣ, между прочимъ, слѣдующее:

„...1-го января я поспѣшно уѣхалъ въ Москву, по извѣстію о тяжелой болѣзни Н. А. Милютина, и воротился лишь 10-го. Милютинъ еще живъ, но не надолго. Болѣзнь сердца, Брайтова болѣзнь почекъ и водяная скоро справятся съ этой сильной натурой. Моему приѣзду онъ былъ очень радъ...

„...Начало моей работы теперь уже ты читалъ, конечно. Она будетъ больше, чѣмъ я думалъ, листовъ 14 печатныхъ. Въ февральской книжкѣ („Вѣст. Европы“) три главы займутъ листовъ 6. Все кончится въ апрѣлѣ. Мнѣ обѣщали возраженія письменныя. Пожалуйста напиши, если что услышишь, хотя бы ругательства: *la vérité, et rien que la vérité*. Это интереснѣе всего на свѣтѣ.

„Пишу на парахъ, какъ всегда, въ проклятомъ Петербургѣ, гдѣ миллионы мельчайшихъ дѣлъ не даютъ вздохнуть, и день денской намаешься, какъ каторжный.

„Соня мила по прежнему, много работаетъ и становится изъ добродушнаго субъекта пронизирующимъ. Ее очень озабочиваютъ уровни средней исторіи, къ которой она приступаетъ теперь.

„Я было началъ заниматься исторіей философіи и началъ штудировать, для Индіи, Дункера; но куда! Рѣшительно нѣтъ минуты свободной. Едва успѣешь прочесть на сонъ грядущій по двѣ-три страницы Гартмана, новаго философа, производящаго фуроръ въ Германіи, но буддиста по направленію“.

Предчувствіямъ Кавелина, выраженнымъ въ этомъ письмѣ, суждено было исполниться скорѣе, чѣмъ, быть можетъ, онъ предполагалъ. Н. А. Милютинъ скончался въ Москвѣ 26-го января 1872 года. Въ мартовской книжкѣ „Вѣстника Европы“ за этотъ годъ, въ некрологѣ его, Кавелинъ представляетъ слѣдующую характеристику своего друга:

„Лѣтъ за пять, за шесть тому назадъ, имя покойнаго упоминалось очень часто, одними—съ ожесточеніемъ и злобой, другими—съ глубокимъ, непритворнымъ сочувствіемъ. Знали это имя всѣ, потому что Н. А. Милютинъ принималъ дѣятельное участіе почти во всѣхъ важнѣйшихъ преобразованіяхъ, совершившихся въ Россіи за послѣднія пятнадцать лѣтъ. Еще не наступило время опредѣлить мѣру этого участія, выдѣлить то, что собственно ему принадлежитъ, отъ того, что принадлежитъ другимъ или обстоятельствамъ. Матеріалы для такой оцѣнки хранятся пока въ архивахъ, нетронутые, — да въ памяти товарищей Милютина по работѣ. Но, судя по глубокой неприязни, какую къ нему питали одни, по восторгу, преданности и сочувствію, какіе онъ

возбуждалъ въ другихъ, можно вывести уже теперь безъ ошибки, не дожидаясь послѣдующаго суда исторіи, что покойный Милютинъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ, которые получаютъ извѣстность не по занимаемому мѣсту или должности, не по происхожденію и связямъ, а завоевываютъ ее сами, своими личными свойствами и трудами. Сдѣланное имъ опредѣляется не количествомъ и формальными достоинствами сочиненныхъ имъ проектовъ, инструкцій, предписаній и другихъ бумагъ, а мыслями и началами, которыя онъ проводилъ въ своей дѣятельности, и тѣмъ, какъ онъ ихъ проводилъ. Составленіе дѣловыхъ бумагъ, какъ бы онѣ ни были написаны толково, искусно и хорошимъ слогомъ, никогда не доставило бы ему и малой доли извѣстности, какой онъ пользовался. Но съ именемъ его соединилось представленіе объ извѣстныхъ направленіяхъ и началахъ нашего законодательства и администраціи, которыя ненавистны однимъ, дороги другимъ. Около нихъ, изъ-за нихъ, идетъ у насъ борьба, начавшаяся Богъ знаетъ съ котораго времени, задолго до Петра Великаго. Эта борьба опредѣляетъ ходъ и смыслъ нашей исторіи, наше развитіе, къ ней сводится весь интересъ нашей общественной и государственной жизни. Кто, какъ покойный Милютинъ, принималъ въ ней горячее участіе, тотъ, въ какомъ бы онъ ни находился положеніи, не можетъ оставаться неизвѣстнымъ публикѣ, не можетъ не быть популярнымъ, хотя бы и въ отрицательномъ смыслѣ. Какъ дѣятеля, его можно было любить или ненавидѣть, но не знать его было невозможно.

„Большой его извѣстности много содѣйствовали, сверхъ того, и его замѣчательныя личныя свойства... Онъ не только былъ человѣкъ большихъ способностей, но и въ высокой степени почтеннаго, достойнаго характера. Съ умомъ яснымъ, необыкновенно живымъ, оборотливымъ и въ то же время точнымъ и нѣсколько рѣзкимъ, онъ соединялъ непоколебимую, ничѣмъ неподкупную гражданскую и политическую честность и строгость убѣжденій. Слащавое заискиванье въ высшихъ и популярничанье передъ низшими были ему одинаково чужды. Прямо, смѣло проводилъ онъ свои мысли, которыя всѣ знали, и за которыми никогда не таилось никакихъ лукавыхъ заднихъ мыслей. Друзья и враги Милютина хорошо знали, съ кѣмъ и съ чѣмъ имѣютъ дѣло, и только невѣжество или злонамѣренность могли приписывать ему тѣ или другія подразумѣваемые намѣренія и планы. Политическимъ своимъ противникамъ онъ былъ страшенъ не закулисными интригами, которыхъ гнушался, а рѣдкимъ умѣньемъ сразу схватить суть дѣла, понять его живую, практическую обстановку въ

данную минуту и необыкновеннымъ искусствомъ вести его посреди самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ и препятствій. Затрудненія не только не охлаждали его, не отталкивали отъ дѣла, а, напротивъ, подымали его силы, которыя росли съ трудностями; онъ точно былъ рожденъ для борьбы. Работавшіе съ Милютинымъ, сослуживцы и подчиненные, не могли надивиться его находчивости посреди препятствій, повидимому, неодолимыхъ, его счастливой способности вдругъ открыть нѣсколько выходовъ изъ затрудненій тамъ, гдѣ, казалось, не было никакого выхода, его поразительной, чисто русской смѣтѣ, благодаря которой онъ, въ короткое время, умѣлъ ориентироваться въ самыхъ запутанныхъ и притомъ мало извѣстныхъ ему вопросахъ, основательно съ ними ознакомиться и вести ихъ къ разрѣшенію съ такимъ совершеннымъ знаніемъ дѣла, до котораго другіе достигаютъ только годами кропотливаго изученія.

„Замѣчательныя качества и таланты покойнаго Милютина естественно выдвинули его впередъ, открыли дорогу къ государственной дѣятельности, создали ему горячихъ приверженцевъ и политическихъ враговъ. Частныхъ, личныхъ враговъ, сколько мы знаемъ, у него было мало; напротивъ, рѣдко кто у насъ, особливо изъ государственныхъ людей, имѣлъ столько преданныхъ, горячо привязанныхъ почитателей и друзей. Онъ имѣлъ даръ привлекать къ себѣ людей, любилъ окружать себя талантами, охотнѣе работалъ съ ними, не боялся, что они могутъ затмить его, дѣлалъ имъ уступки, когда онѣ были нужны для пользы дѣла, которое всегда у него шло на первомъ планѣ, впереди всего. Оттого ему охотно прощали его нетерпѣливость, порой его раздражительность, обыкновенные недостатки живыхъ, дѣятельныхъ натуръ. Милютинъ бывалъ рѣзокъ, насмѣшливъ, но никогда не былъ высокомеренъ; чувство презрѣнія было чуждо его благородной и мягкой душѣ“ ¹⁾...

Въ этой характеристикѣ Милютина, начертанной талантливымъ перомъ Кавелина, встрѣчается очень много качествъ, общихъ тому и другому. Кавелинъ такъ же, какъ и его другъ, былъ чуждъ „слащавому заискиванію въ высшихъ и популярничанію передъ низшими“. Онъ, одинаково съ Милютинымъ, прямо, смѣло проводилъ свои мысли, которыя всѣ знали и за которыми никогда не таилось никакихъ „дукавыхъ заднихъ мыслей“. Онъ

¹⁾ См. „Вѣстн. Евр.“ 1872 г., мартъ, стр. 461—463. Этотъ некрологъ Н. А. Милютина Кавелинъ подписалъ двумя произвольными буквами: *И. В.* Самый конецъ некролога со словъ: „Всѣ эти черты мы старались собрать отъ лицъ, коротко знавшихъ покойнаго“—писанъ другимъ лицомъ.

точно также нивогда не былъ „высокомѣренъ, и чувство презрѣнія было чуждо его благородной и мягкой души“. Эта-то общность нравственныхъ качествъ, такъ-сказать, духовное сродство между Кавелинымъ и Н. А. Милютинымъ и служило прочнымъ основаніемъ ихъ постоянной и неразрывной дружбы...

23-го февраля 1872 г., Кавелинъ писалъ своей сестрѣ слѣдующее и, между прочимъ, по поводу „Задачъ Психологіи“.

„Ты меня задѣла за живое, упрекнувъ косвеннымъ образомъ, что я будто бы не отвѣчаю и даже—о, ужась!—не читаю твоихъ писемъ. Корреспондентъ я дѣйствительно очень плохой, но, повѣрь, не отъ недостатка доброй воли, а потому, что верчусь какъ бѣлка въ колесѣ, часто до истощенія силъ. Рѣшительно недостааетъ времени вздохнуть,—такъ тормозить со всѣхъ сторонъ...

„...Тысячу разъ благодарю тебя и твоего милаго мужа за рассказы о впечатлѣніи, которое произвела статья въ Казани и на васъ. Авторскому самолюбію это пріятно. Я получилъ уже нѣсколько писемъ, съ выраженіемъ большого сочувствія, изъ разныхъ мѣстъ. Вчера получилъ анонимное письмо по городской почтѣ, съ замѣчаніями, въ самомъ дружескомъ тонѣ. Все это показываетъ, что моя десятилѣтняя работа не прошла незамѣченной, что она появилась встать, что интересъ къ вопросу возбужденъ. Это очень хорошій признакъ, что интересъ возбужденъ къ дѣлу. Пора намъ стряхнуть то полное пренебреженіе къ нравственнымъ предметамъ, которое дѣлаетъ намъ столько зла. Мнѣ хотѣлось доказать, что наши матеріалисты договорились до чортиковъ, до поправленія здраваго смысла, и это, кажется, мнѣ удалось. Серьезные люди изъ естествовѣдѣвъ намѣрены мнѣ возражать, чему я былъ бы душевно радъ. Это послужило бы только къ разъясненію вопроса“.

Отцу моему онъ писалъ 3-го марта:

„...Меня чрезвычайно радуетъ, что я вамъ потрафилъ своей работой. Вы,—пишетъ мнѣ Митя,—читали работу Сѣченова¹⁾).

„Я противъ нея главнымъ образомъ и полемизирую. Со всѣхъ сторонъ получаю выраженія сочувствія—письменные (даже анонимныя) и словесныя за первую статью, которая читается легко. Вторая—труднѣе; за третью многіе со мной поссорятся, а за

¹⁾ Книга И. М. Сѣченова: „Рефлексы головного мозга“, вышла въ Спб. 1866 г.; 2-е изд. Спб. 1871.

послѣднюю опять помирятся. Вообще я радъ тому, что работа не канула въ воду, какъ я боялся“.

1872-ой годъ имѣеть и въ моей жизни важное значеніе. Вернувшись въ 1870 году изъ-за границы здоровымъ и бодрымъ, какимъ желать меня видѣть Кавелинъ, я получилъ, наконецъ, возможность исполнить мое давнишнее и самое задушевное желаніе—держать экзаменъ на магистра русской исторіи. Въ концѣ ноября 1870 года я приступилъ къ экзамену и окончилъ его къ концу марта слѣдующаго, 1871 года. Кавелинъ участливо слѣдилъ за ходомъ моего экзамена, постоянно спрашивая меня въ письмахъ о подробностяхъ его и искренно радуясь, что давно задуманное мною дѣло, наконецъ, исполняется. 5-го марта 1872 г. происходилъ въ Казани мой магистерскій диспутъ; въ концѣ этого мѣсяца я былъ утвержденъ приватъ-доцентомъ русской исторіи въ казанскомъ университетѣ, а 24-го мая избранъ соѣтомъ университета въ штатные доценты при кафедрѣ русской исторіи, которую занималъ тогда профессоръ Н. А. Ойрсовъ. Осуществилась лучшая мечта моей юности—и я считалъ себя вполне счастливымъ.

9-го апрѣля 1872 г. Кавелинъ мнѣ писалъ слѣдующее:

„Любезнѣйшій другъ Дмитрій Александровичъ!

„Отъ всей души и отъ глубины любящаго сердца поздравляю тебя съ полученіемъ магистерскаго диплома и званія доцента (хотя и привата) по русской исторіи. Ты совершилъ подвигъ, добился съ честью предположенной цѣли: это еще больше чѣмъ дипломъ и *venia docendi*. Каждый новый фактъ, т.-е. выполненный годами планъ, не безъ препятствій и не безъ труда, внутреннихъ усилій, борьбы съ собою и съ обстоятельствами, формируетъ человека и его характеръ гораздо больше, чѣмъ десять прочитанныхъ умныхъ книгъ и блистательныхъ мыслей, которыя приходятъ въ голову и опять уходятъ, помимо нашего участія и нашихъ заслугъ. Ты, пожалуй, сгрустнулся на то, что я тебѣ не писалъ до сихъ поръ, и, навѣрное, не одно прискорбное подозрѣніе, не одно болѣзненное сомнѣніе зашевелилось по этому случаю въ твоей душѣ. Но вотъ тебѣ суцая правда. Съ начала марта по 28-е число я такъ усиленно работалъ надъ одесскимъ дѣломъ, которое должно было быть кончено, просмотрѣно министромъ, напечатано и отослано въ Государственный Совѣтъ къ 1-му апрѣля, во что бы то ни стало, что, наконецъ, не въ состояніи былъ писать самъ, а диктовалъ Сонѣ, и къ ужасу своему заболѣлъ,—впрочемъ, слава Богу на одинъ только день. Суди

самъ, было ли мнѣ время радоваться съ тобой и поздравить тебя? Я даже не могъ читать твоей диссертаци; она лежала недѣли на моемъ столѣ. И смотрѣлъ-то на нее украдкой. Когда же страда кончилась, я не хотѣлъ, да и совѣстно было, писать тебѣ, не прочитавши ея отъ доски до доски и не написавъ о ней статейки въ „С.-Петербургскія Вѣдомости“. Сегодня я послѣднее окончилъ “...

Обращаясь затѣмъ въ русской дѣйствительности начала 70-хъ годовъ и утѣшая меня въ томъ, что я вступаю на путь высшаго университетскаго преподаванія, послѣ долгихъ трудовъ съ моей стороны, только приватъ-доцентомъ, Кавелинъ, между прочимъ, говоритъ:

„...Теперь всюду такая гниль, что занимать въ ней первое или послѣднее мѣсто—право, не велика честь и не велико безчестье. Было бы самое дѣло—вотъ первое и главное, а остальное—пустяки! Особливо когда за спиной—независимый кусокъ хлѣба“...

Далѣе, онъ останавливается на моемъ предположеніи начать чтенія въ университетѣ специальнымъ курсомъ по новѣйшей русской исторіи, съ царствованія императора Павла. „Никакъ бы этого не совѣтовалъ!—пишетъ Кавелинъ:—по теперешнимъ условіямъ путнаго ты сказать ничего не можешь и не смѣешь съ каѳедры, а станешь говорить—слетишь ни за нюхъ табаку. Александръ I разоблачается съ каждымъ новымъ документомъ изъ его времени, который печатается. Не думаю, чтобы фигура Сперанскаго долго продержалась. А затѣмъ, кто же и чтѣ же? Голенищевъ-Кутузовъ? Аракчеевъ, что ли? Время было дрянное, люди были гнусные и... Для праведнаго суда надъ этимъ временемъ время еще не наступило, а читать курсъ въ Кайдановскомъ вкусѣ у тебя духу не хватитъ“...

Послѣ этого Кавелинъ снова обращается къ состоянію русской общественности 70-хъ годовъ: „Пошлость общества, дряблость или дрянность молодежи—скажи на милость—неужто это все для тебя такъ ново?.. Слава Богу, къ этимъ мефитическимъ воздухамъ, живя на російской почвѣ 27 или 28 лѣтъ, можно бы, кажется, и привыкаться... Вымираетъ цѣлый періодъ русской исторіи, а ты удивляешься, отчего такъ северно пахнетъ! Подумай, чтѣ перепрѣваетъ—и успокойся. Финны, татары, фанаріоты, Польша, Франція временъ послѣднихъ Людовиковъ, Москва и

Петербургъ, разлагаясь въ одной кучѣ, не могутъ пахнуть розанами и ландышами.

„10 апрѣля. Мы теперь осуждены, милый другъ, немножко похоже на римскихъ стоиковъ, предшественниковъ христіанъ, опираться только на самихъ себя, выполнять долгъ, какъ мы его понимаемъ, крѣпко стоять на своемъ, не озираясь и не прислушиваясь, что и какъ думаютъ посторонніе, потому что они того не стоятъ. Затѣмъ, случается, отъ единицъ слышать умныя рѣчи. Надо не быть самодуромъ, умѣть ихъ выслушать, оцѣнить и ихъ послушать; но это совсѣмъ не то, что прислушиваться къ общему говору и сужденію. Трудность жизни въ наше время въ томъ и состоитъ, что не на что опереться, нельзя плыть по теченію, нельзя облегчить себя и свою ношу. Кругомъ—пустота и развалины. Подъ-часъ жутко становится отъ одиночества, но дѣлать нечего. Надо къ нему привыкать, надо умѣть опираться только на себя и на свои силы. Значить—иди себѣ своей дорогой, не думая, что скажутъ другіе, работай серьезно, отдыхай въ трудѣ, копи зернышко къ зернышку, песчинку къ песчинкѣ, ставь выше всего исполненный долгъ—и пусть будетъ, что будетъ. Въ эту формулу сложились мои мысли, посреди нашей печальнѣйшей общественности, послѣ бурной жизни. Мои „психологическія задачи“—результатъ долгихъ исканій точки опоры, спасительной доски послѣ кораблекрушенія тысячи надеждъ и не осуществившихся требованій отъ окружающей среды. Посмотри, какъ глупы люди. Три четверти нашихъ радикаловъ строятъ самыя невозможныя и непрактическія требованія на теоріи, которая въ принципѣ отрицаетъ всякую самодѣятельность. Вѣдь это бессмыслица; а лучшіе люди не догадываются, что они сами съ собою въ вопіющемъ противорѣчій. При такой путаницѣ въ головѣ у лучшихъ людей, чего же ждать отъ массы, живущей въ грязи умственной, нравственной и физической?

„Ну, теперь перейду къ себѣ. Работа моя, какъ ты уже знаешь, кончена. Первая статья немного расшевелила мозги. Надѣялись, двигаясь на готовыхъ шаблонахъ, что я стану отвоевывать у естественныхъ наукъ то, что онѣ захватили въ свою область по праву. Но какъ этого не случилось (и, разумѣется, не могло случиться), то работа и перестала обращать на себя вниманіе, тѣмъ болѣе, что она требуетъ внимательнаго чтенія, предполагаетъ способность думать связно и логически, а никакихъ такихъ способностей мы не имѣемъ. Сначала я получалъ много заявленій сочувствія, но съ февральской книжки они замолкли и не возобновлялись. Получилъ сочувственное, но до-

вольно нелѣзное анонимное письмо, въ которомъ меня, между прочимъ, спрашиваютъ, почему я не говорю о религіи и религіозномъ чувствѣ,—неужели „страха ради іудейска“ (т.-е. передъ атеистами и нигилистами)? Какъ будто въ Россіи можно говорить печатно о религіи! Но, несмотря на такое видимое равнодушіе, я не теряю куражу. Не вдругъ, а исподоволь, дѣло будетъ за себя говорить, и люди, волей-неволей, придутъ къ тому же ряду мыслей, который привелъ меня къ напечатанной недавно работѣ. До какой степени мы бѣдны—можешь судить изъ того, что до сихъ поръ ни одинъ крайній реалистъ не нашелся серьезно возразить мнѣ. А съ какою самоувѣренностью они проповѣдуютъ „послѣднее слово науки“! Подумаешь—на гранитномъ пьедесталѣ стоитъ ихъ мудрость! И все у насъ такъ.

„Цѣлый рядъ работъ вертится въ головѣ, но глазъ видитъ, да зубъ неймае. Нѣтъ времени, нѣтъ досуга, тормошеніе безпрестанное! Хочется написать статью о Шопенгауерѣ и Гартманѣ, его учениѣ, по крайней мѣрѣ, послѣдователѣ и очень талантливомъ; написать очеркъ исторіи философіи, съ точки зрѣнія психологической своей работы. Думается написать книгу объ этикѣ, съ той же точки зрѣнія, и при сей вѣрной оказіи освободить евангельское ученіе отъ тысячи произвольныхъ толкованій, вольныхъ и невольныхъ, которыя дѣлаютъ его непонятнымъ при теперешнемъ состояніи наукъ и степени развитія культуры. Мечтается и о нѣкоторыхъ юридическихъ работахъ.

„Разумѣется, всего этого я не успѣю сдѣлать, развѣ судьба пошлетъ мнѣ презентъ въ видѣ лотерейнаго выигрыша, достаточнаго, чтобъ я могъ бросить службу. Но на это нельзя рассчитывать. Хотя бы часть этихъ работъ выполнить,—и то было бы отлично. Тебя я прошу объ одномъ. Такъ какъ ты теперь совершенно свободенъ, прочти внимательно „Задачи Психологіи“ и напиши мнѣ откровенно свое личное мнѣніе, съ присовокупленіемъ отзывовъ дѣйствительно умныхъ и толковыхъ людей, какого бы они ни были лагеря. Это меня обрадуетъ и будетъ мнѣ полезно. Кстати, напиши имя, отчество и фамилію того молодого профессора философіи въ вашемъ университетѣ, о которомъ ты мнѣ писалъ разъ ¹⁾. Я бы хотѣлъ отправить къ нему экземпляръ книги, когда она выйдетъ, что должно послѣдовать скоро. Весь текстъ отпечатанъ уже особыми оттисками. Остается заглавіе,

¹⁾ Рѣчь идетъ о В. А. Снегиревѣ, въ то время доцентѣ, а теперь ординарномъ профессорѣ философіи въ казанской духовной академіи. Г. Снегиревъ былъ приглашенъ въ 1872 г. преподавателемъ философіи въ казанскій университетъ, въ которомъ эта катедра оставалась вакантною, за переходомъ въ Варшаву М. М. Троицкаго.

посвященіе и предисловіе, которыхъ жду изъ типографіи на этихъ дняхъ. Очень жалѣю, что юный профессоръ не писалъ мнѣ ничего, какъ намѣревался. Я теперь отовсюду собираю отзывы о моей работѣ, чтобы составить статью, объяснительную и дополнительную.

„Теперь, кажется, сказалъ все. Обнимаю тебя отъ всего сердца. Нечего тебѣ и говорить, какъ я и мои будемъ рады видѣть тебя въ Ивановѣ и пожить съ тобой, сколько проживется. Тебѣ надо отдохнуть... Проездишь и разсѣйся.

„Прощай и будь здоровъ. Спасибо за твою горячую любовь и дружбу. Мнѣ весело умирать, думая, что наука и любовь къ ней не умрутъ со мною въ нашемъ родѣ, а перейдутъ, послѣ меня, къ дочери и къ тебѣ. Она очень дружески тебѣ кланяется и желаетъ всего лучшаго. Работаетъ по прежнему и преподаетъ исторію съ удивительнымъ успѣхомъ. Она сумѣла сдѣлать изъ нея для дѣтей уроки политиви, школу политическаго и юридическаго образованія. Я видѣлъ тетрадки 12-ти-лѣтнихъ дѣвочекъ и глазамъ своимъ не вѣрилъ,—такъ онѣ хороши. Знаетъ Соня по исторіи страшно много: я и въ 25 лѣтъ половины того не зналъ. Привычка ея къ постоянному, ежедневному труду составляетъ предметъ моей всегдашней зависти. Если бы смолоду моя обстановка была другая, и я бы вышелъ совсѣмъ другой.

„Теперь пора приниматься за другія дѣла. Передо мной списокъ въ 24 нумера разныхъ разностей, которые я долженъ еще передѣлать до отъѣзда—пишемъ, комиссій, дѣлъ, бумагъ и т. д. Одуры беретъ“.

Въ упомянутой выше рецензій на мою магистерскую диссертацию: „Меря и Ростовское княжество“, Кавелинъ затрогиваетъ весьма интересные общіе вопросы изъ прошлаго и настоящаго русской жизни. Поэтому позволяю себѣ привести отрывки изъ этой рецензій, исключая изъ нея, конечно, все, что касается лично меня и моей книги. Сами по себѣ мнѣнія, выраженные здѣсь Кавелинымъ, достойны полнаго вниманія, но они получаютъ еще большее значеніе въ виду того обстоятельства, что рецензія на мою магистерскую диссертацию была послѣдней его печатной статьей по русской исторіи. Съ 1872 г. онъ всецѣло посвятилъ себя философіи, публицистикѣ и специальнымъ изслѣдованіямъ по гражданскому праву.

Указавъ на мою книгу, какъ на попытку въ разработкѣ мѣстной исторіи одной изъ важнѣйшихъ русскихъ областей, въ которой возникло и сложилось великорусское племя,—Кавелинъ говорить:

„Мы слишкомъ долго и слишкомъ много вертѣлись въ однихъ общихъ соображеніяхъ, вторя въ наукѣ тому, что совершалось въ дѣйствительной жизни. Московскій и петербургскій періоды русской исторіи съ большимъ пренебреженіемъ относились ко всему мѣстному, усердно стирали всѣ мѣстные особенности, все намекавшее на самостоятельное мѣстное развитіе. Это направленіе длилось столѣтія и, конечно, имѣло и свои глубокія причины, и свои благотворныя послѣдствія. Но теперь оно сдѣлало свое дѣло, разрѣшило вполне задачу, которою было вызвано, и въ наше время видимо слабѣетъ. Въ строѣ всей русской жизни чувствуется поворотъ къ болѣе правильной, справедливой и разумной оцѣнкѣ той важной роли, какую мѣстные, провинціальныя элементы играютъ въ общей экономіи государственной и народной жизни. Дѣятельность, въ теченіе многихъ вѣковъ, сосредоточенная исключительно въ центрѣ, начинаетъ мало-по-малу переливаться въ периферію, и долго онѣмѣвшія оконечности начинаютъ понемногу оживать. Общественное и научное сознаніе, въ которыхъ волей-неволей отражается ходъ событій и настроеніе времени, не могутъ уже болѣе, какъ прежде, исключительно сосредоточиваться на однихъ общихъ историческихъ и политическихъ воззрѣніяхъ, и мѣстная жизнь, мѣстные интересы, въ прошедшемъ и настоящемъ, все больше и больше манять къ себѣ людей. Это безспорно значительный шагъ впередъ русской мысли, серьезный поворотъ нашего сознанія къ лучшему.

„Но не будемъ слишкомъ убаюкивать себя розовыми надеждами. На первыхъ шагахъ по этому новому пути насъ ожидаютъ, и въ наукѣ, и въ дѣйствительности, печальнѣйшія неожиданности, горькія разочарованія. Провинція заброшена нами Богъ знаетъ какъ давно. Послѣ такого продолжительнаго абсентеизма — чего можно въ ней ожидать, при возвращеніи? Разумѣется, нищета, развалины, дичь и глушь. Пока провинція снова станетъ хоть немного похожа на удобное человѣческое жилище, пройдетъ много времени. Объ этомъ знаютъ помѣщики, не мало интереснаго могутъ поразсказать земскія управы и думы, новые городскіе головы и городскія собранія. Такъ въ дѣйствительности. То же самое и въ научной разработкѣ русской исторіи“...

Затѣмъ Кавелинъ останавливается на незначительности *историческихъ* остатковъ въ русской мѣстной, провинціальной жизни и на невозможности возсоздать изъ этихъ остатковъ что-либо полное, цѣльное. „Какъ все это блѣдно, слабо, ничтожно! Какъ все это дразнить любопытство, не удовлетворяя его! Абсентеизмъ

науки въ вопросахъ мѣстной русской исторіи, какъ нашъ дѣйствительный абсентеизмъ въ провинціи—полный, поразительный!“—восклицаетъ Кавелинъ.

Далѣе онъ говоритъ: „Въ Европѣ филологія возсоздала, по однимъ даннымъ языка, давно несуществующихъ аріевъ — ихъ бытъ, нравы, обычаи, устройство домашнее и политическое, религію и культъ; а мы, мы ровно ничего не знаемъ о финскомъ народѣ, посреди котораго зародилось великорусское племя. У каждаго добросовѣстнаго изслѣдователя невольно должны, при мысли объ этомъ, опуститься руки. Вѣдь нельзя, въ одно и то же время, быть и филологомъ и археологомъ, и этнографомъ и знатокомъ русской филологіи и исторіи; нельзя ѣздить на мѣстахъ, собирать живые памятники старины, и въ то же время изслѣдовать ихъ критически. Наука дѣлаетъ прочные успѣхи при дружныхъ усиліяхъ специалистовъ по самымъ разнообразнымъ отраслямъ знанія, направившихъ свои изслѣдованія на одинъ и тотъ же предметъ; а этихъ-то дружныхъ силъ и дружныхъ усилій у насъ и нѣтъ. Каждый вынужденъ отдѣльно пробовать своротить гору, и изъ этого, разумѣется, выходитъ очень мало, далеко не соразмѣрно съ потраченнымъ трудомъ и доброй волей“.

Мѣстная, областная древне-русская жизнь приводитъ Кавелина къ слѣдующимъ общимъ выводамъ относительно національнаго русскаго самосознанія.

„Вездѣ, на каждомъ шагу,—пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—видно, что были ростки и зародыши живыхъ мѣстныхъ интересовъ, складывалось что-то похожее на живую мѣстную жизнь, были свои мѣстные дѣятели, великіе люди, подвижники, представители мѣстнаго земскаго дѣла, любимые тѣми, чьи интересы они принимали къ сердцу, въ чью пользу они трудились. Весь этотъ міръ, прежде чѣмъ успѣлъ выработаться, окрѣпнуть и принять опредѣленные формы, завялъ и заглохъ, оттого, что на очереди стоялъ вопросъ государственный, политическаго объединенія, во что бы то ни стало. Мы думаемъ, вопреки мнѣнію г. Костомарова, что не татарская буря сломила мѣстную жизнь въ древней Руси, а московская, какъ впоследствии петербургская. Теперь это теченіе русской исторіи приостанавливается. Мы начинаемъ искать себѣ новыхъ путей, и, оборачиваясь назадъ, съ ужасомъ видимъ однѣ развалины, одно запустѣнье. Историческая память у насъ точно отшиблена. Сзади пустота и впереди пустота! Мысль наша какъ-то виситъ на воздухѣ; ей въ своихъ исканіяхъ не на что опереться, не за что уцѣпиться. Личное существованіе не имѣетъ у насъ почвы, въ которую оно могло бы пустить корни и вросли крѣпко. Такую

твердую, крѣпкую почву можетъ дать лицу ближайшая обстановка, историческое преданіе, бытъ и нравы, переходящіе по наслѣдству отъ поколѣнія къ поколѣнію. Вырванный съ корнемъ изъ этой ближайшей среды, человѣкъ слабъ и безпомощенъ, слоняется посреди другихъ, себѣ подобныхъ, какъ тѣнь, не имѣя живыхъ интересовъ, не принимая ни въ чемъ горячаго участія. Общіе интересы, государственная и политическая жизнь только тогда не пустыя фразы, когда подкладкой имъ служить развитая, бьющая живымъ ключемъ мѣстная, провинціальная жизнь. Общая политическая жизнь, общіе вопросы, общіе интересы имѣютъ дѣйствительный смыслъ, когда они являются итогами, выводами изъ жизни провинціальной, сводятъ ее къ одному, не даютъ ей чрезмѣрно разползтись, разобщиться, замѣнуться въ узкій и эгоистическій партикуляризмъ. Общепародная, какъ и общечеловѣческая жизнь есть только освѣжающій элементъ, регуляторъ мѣстной жизни, какъ сѣздъ ученыхъ или специалистовъ имѣетъ живой смыслъ только тогда, когда они работаютъ усердно и добросовѣстно каждый про себя и у нихъ оттого есть чѣмъ обмѣняться при встрѣчѣ. Но другіе вопросы были поставлены въ русской исторіи и въ русской жизни, когда начало слагаться московское государство. Намъ нужно было, прежде и больше всего, стать единымъ сильнымъ государствомъ... На достиженіе этой жизненной цѣли пошли всѣ силы въ продолженіе пяти столѣтій; остальное было пренебрежено, забыто, и если обращало на себя вниманіе, то не болѣе, какъ сколько было нужно все для той же цѣли — для государственнаго единства. Во имя ея заметенъ и самый слѣдъ тѣхъ зачатковъ мѣстной гражданской, религіозной, политической жизни и культуры, которые, здѣсь и тамъ, начали-было проявляться и вырваны съ корнемъ. Очень вѣроятно, что мы теперь уже никогда, даже при самыхъ настойчивыхъ усиліяхъ, не будемъ въ состояніи доискаться полнаго смысла тѣхъ обломковъ старины, которые какъ-то чудомъ сохранились до насъ. Но, какъ бы эти обломки ни были скудны и жалки, мы съ большимъ уваженіемъ и полнымъ сочувствіемъ смотримъ на попытки и усилія собрать, сберечь ихъ и объяснить ихъ загадочный смыслъ. Попытки эти свидѣлствуютъ, что строй нашихъ мыслей измѣняется, что мы начинаемъ болѣе серьезно относиться къ самимъ себѣ. Благотворныя послѣдствія такой перемѣны не замедлятъ выказаться. Давно ли тому назадъ, чехи и другіе славяне считали себя за австрійцевъ—какую-то выдуманную, фиветивную національность? И вотъ, съ легкой руки двухъ-трехъ ученыхъ, они, путемъ науки и изслѣдованій, чрезъ архео-

логию и исторію, при помощи пыльныхъ архивовъ и книжной мудрости, доработались до сознанія своей національности и возстановили забытую и потерянную связь прошедшаго съ настоящимъ; только тогда они и стали на свои ноги, опустили съ воздуха на землю и приросли къ ней. Намъ, слава Богу, нечего припоминать, что мы — русскіе; мы этого никогда не забывали, и съ этой стороны задача наша, конечно, легче; но зато она гораздо труднѣе, хотя и совсѣмъ по другимъ причинамъ. Печальная доля чеховъ и западныхъ славянъ, само собою, невольно наталкивала ихъ на путь, которымъ они пошли. Нѣмцы, усердно и тщательно стирая съ нихъ слѣды національности, не могли не вызвать реакціи; фактъ былъ слишкомъ ярокъ и нагляденъ; противоѣдѣствіе ему рождалось невольно и безсознательно. Какъ было имъ не обратиться на самихъ себя, когда все кругомъ было чуждое и вдобавокъ враждебное? Мы, напротивъ, плаваемъ въ своемъ соку, вращаемся въ своемъ, русскомъ элементѣ, и потому намъ гораздо труднѣе, чѣмъ имъ, догадаться, въ какомъ мы глубокомъ и пагубномъ заблужденіи, живя одними общими государственными, политическими и международными интересами, и воображая, что сколько-нибудь правильная, благоустроенная общая государственная и политическая жизнь возможна безъ сильно развитой мѣстной, провинціальной. На этотъ счетъ мы всѣ одинаково горько заблуждаемся. Видно и намъ, подобно чехамъ и западнымъ славянамъ, предстоитъ добираться до сознанія простѣйшей изъ простыхъ истинъ путемъ науки и изслѣдованія, а не непосредственнымъ чутьемъ, которое, трудно сказать почему, въ насъ развито очень слабо“.

Заканчиваетъ рецензію Кавелинъ слѣдующимъ опредѣленіемъ задачъ русской исторіи:

„Только серьезными историческими трудами можетъ мало-помалу выясниться наше народное и историческое сознаніе, и будетъ положенъ давно желанный конецъ тѣмъ произвольнымъ кочеваньямъ по необозримымъ степямъ Россійской исторіи, которыя сбиваютъ съ толку нашу мысль, не даютъ ей правильно осѣсться и скристаллизоваться. Молитва и постъ для нашего ребяческаго, затуманеннаго, блуждающаго народнаго самосознанія есть исторія, исторія и опять-таки исторія, — критическая, добросовѣстная, правдивая“ ¹⁾.

¹⁾ Рецензія помѣщена въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1872, № 102.

Кавелинъ привѣтствовалъ мое вступленіе на университетскую кафедру теплымъ, душевнымъ письмомъ и снова звалъ меня на лѣто къ себѣ въ Иваново. Въ концѣ мая 1872 г. я отправился въ Москву на празднованіе двухсотлѣтняго юбилея дня рожденія Петра Великаго и проѣхалъ оттуда въ Иваново, возлагая большія надежды на бесѣды съ Кавелинымъ, столь для меня важныя въ то время, при началѣ моей университетской преподавательской дѣятельности. Но къ моему великому огорченію Кавелина не оказалось въ Ивановѣ: онъ былъ задержанъ въ Петербургѣ работою по безконечному дѣлу о куляницко-хаджибейскомъ соляномъ промыслѣ близъ Одессы. Въ Ивановѣ я засталъ его жену и Соню, и, пробывъ съ ними дней 5—6, возвратился въ Казань.

Въ письмѣ ко мнѣ изъ Петербурга, отъ 11-го іюля 1872 г., Кавелинъ выражалъ глубокое сожалѣніе о томъ, что наше свиданіе съ нимъ не состоялось и, между прочимъ, писалъ: „Отчего ты мнѣ не пишешь ничего о моей работѣ „Задачи Психологій“? Послѣ первыхъ похвалъ, я ждалъ критики, разбора, хоть ругни. Но ты молчишь, какъ рыба. Изъ этого заключаю, что ты недоволенъ, но деликатись высказаться. Напрасно. Ты не повѣришь, какъ мнѣ хочется услышать дѣльную, толковую критику, конечно, не такую, какая напечатана въ „Дѣло“, которая мало говоритъ о книгѣ, больше обо мнѣ, — что я — неспособность, старая брюзга, недовольная тѣмъ, что потерпѣлъ убытки отъ освобожденія крестьянъ! Посреди моря личныхъ выходовъ противъ меня встрѣчаются двѣ-три мысли, показывающія, что критикъ не далъ себѣ труда прочесть книгу, нѣсколько грубѣйшихъ ошибокъ и цитаты моихъ словъ въ кавычкахъ, въ которыхъ приводится то, чего я не говорилъ¹⁾. Конечно, такъ ты не напишешь; но что-нибудь мнѣ, въ письмѣ, ты долженъ написать, ради предмета, который не принадлежитъ къ числу специальныхъ. Книга идетъ хорошо. Черезъ мѣсяцъ по ея выходѣ куплено 200 экз. Значитъ, интересъ къ предмету возбужденъ“.

Съ сентября 1872 г. я началъ чтеніе лекцій въ казанскомъ университетѣ. Подготовка къ нимъ брала много времени, и переписка съ Кавелинымъ не могла быть слишкомъ частой и ограничивалась, притомъ, небольшими, записками и даже открытыми письмами.

24-го января 1873 г., Кавелинъ писалъ моему отцу:
„Дорогой и глубоко уважаемый другъ Александръ Львовичъ!

¹⁾ См. „Дѣло“ 1872, кн. 6-я, іюнь; Совр. Обзор., стр. 42—49.

Я у васъ, какъ всегда, вѣчнымъ должникомъ. До сихъ поръ не собрался написать вамъ лично и поздравить съ праздниками. Правда, сказать и то, что поздравлять съ новымъ годомъ какъ-то совѣстно, такіе они всѣ, эти года, дрянные, что рукой только махнешь: одинъ другого хуже и глупѣе, и если бы не занятія, да Соня, которая дѣлаетъ меня совершенно, вполне счастливымъ, то, кажется, умеръ бы со скуки.

„Особеннаго сообщить вамъ ничего не имѣю. Вездѣ кругомъ — стоячее болото. Людишки все такая дрянь, что не только чего-нибудь очень умнаго, а даже средственнаго ожидать нельзя.

„О томъ, что вы можете знать изъ газетъ, распространяться нечего. Напишу лучше о томъ, чего нѣтъ въ газетахъ. А все-таки надо начать съ газетъ. Одна изъ петербургскихъ газетъ, въ видѣ праздничнаго подарка, напечатала пасквиль на Литературный Фондъ, въ томъ числѣ на меня. Долго мы не знали, какъ поступить. Отвѣчать на такую грязь — значитъ, себя унижить; не отвѣчать — тоже нельзя: вѣдь мы представляемъ Общество, которое отъ того терпитъ. Ревизіонная коммиссія выручила насъ изъ бѣды. Найдя дѣла въ блистательномъ положеніи (16 тыс. доходу, 12 тыс. расходу, а капиталъ 53 тыс. возросъ до 56 тыс. руб.), коммиссія разобрала дѣло, отобрала отъ насъ показанія, навела въ дѣлахъ справки и вывела виновныхъ въ пасквилѣ на чистую воду. Отзывъ ея будетъ напечатанъ. По этому поводу Общество оживилось. Возникло предположеніе устроить въ общихъ собраніяхъ чтенія, обратить часть капитала въ ссудную казну и т. д. Словомъ, дѣло идетъ въ гору.

„Я пишу отвѣтъ своимъ критикамъ, Сѣченову и другимъ ¹⁾. Возраженія ихъ очень слабы; они даже не дали себѣ труда хорошенько понять, чтѣ я говорю. Надѣюсь окончить эту работу мѣсяца въ два и къ веснѣ напечатаю. Статья выйдетъ большая.

„Это лѣто думаю пораньше убраться въ деревню и заранѣе радуюсь тому. Начинаетъ мнѣ очень быть противнымъ Петербургъ. Болото и въ физическомъ, и въ нравственномъ смыслѣ. Только ни за что не хотѣлъ бы въ Москву; эта — еще хуже.

¹⁾ Загѣчанія И. М. Сѣченова на „Задачи Психологіи“ помѣщены въ „Вѣстн. Евр.“ 1872, ноябрь, стр. 386—420. — Послѣ рецензіи Сѣченова, изъ появившихся въ 1872 г. должны быть упомянуты слѣдующія: 1) Г. Кавелинъ, какъ психологъ. О. З. 1872, кн. 8-я, 10-я и 11-я; 2) Литвинова — въ „Знаніи“ 1872, № 4; 3) Гусева въ „Гражданинѣ“ 1872, №№ 25 — 31 и 34. — Кавелинъ не окончилъ своихъ возраженій къ предположенному имъ сроку, потому что И. М. Сѣченовъ вслѣдъ за „Загѣчаніями“ выступилъ съ самостоятельной статьей: „Кому и какъ разрабатывать психологію“ („Вѣстн. Евр.“ 1873, апр., стр. 548—628), въ которой стоялъ на чисто реально-научной, физиологической, точкѣ зрѣнія.

„И вотъ—почти все. Видите, какъ я бѣденъ новостями! А все-таки до смерти радъ, что собрался перекинуться съ вами словечкомъ“.

19-го февраля 1873 г. Кавелинъ писалъ мнѣ:

„Любезнѣйшій другъ, Дмитрій Александровичъ! Сегодня великій день въ моей жизни, съ которымъ связано все мое прошлое и судьба всей моей жизни. Грустно встрѣчаю его, при мысли, что многихъ, которые желали этого дня и которые его приготовили и привели,—

„Однихъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече!“

„Нѣтъ Милютина, Тарновскаго, нѣтъ цѣлой фаланги людей, которые сочли бы себя счастливыми праздновать его — Бѣлинскаго, Грановскаго. Грота (К. К.) нѣтъ въ Россіи: онъ за границей. И многихъ, многихъ нѣтъ!“

Коснувшись затѣмъ разныхъ вопросовъ, поднятыхъ мною въ одномъ изъ писемъ къ нему, Кавелинъ, между прочимъ, говоритъ слѣдующее:

„Общая, самая общая мысль—и спеціальное, самое спеціальное дѣло—вотъ лозунгъ, который должны бы взять себѣ всѣ до единого у насъ на Руси, въ настоящихъ условіяхъ. Но, кромѣ пошляковъ и вѣтрогоновъ, съ доброй дозой негодаевъ, никого и ничего не видно. Все, и прежде всего характеры, страшно истрепались. Кругомъ все валится. Нѣтъ явленія, производящаго сенсацию, которое бы не свидѣтельствовало о преждевременномъ растлѣніи, о гниломъ броженіи, которому не видать ни конца, ни края. За чтѣмъ ни возьмись — все разсыпается подъ руками въ гниль. И когда это кончится?! Кое-что какъ будто копится въ женскомъ образованіи, да въ живописи. Меня поразилъ на послѣдней выставкѣ „Христосъ“ Крамского. Такого Христа я еще *нидѣ* не видывалъ! Мѣзыка россійская, въ новыхъ произведеніяхъ, по моему мнѣнію, есть послѣднее слово отрицанія музыки. Литературѣ и не говорю: ея нѣтъ; только Салтыковъ (Щедринъ) составляетъ блистательное исключеніе; этотъ растетъ не по днямъ, а по часамъ, какъ обличитель пошлости и навоза, въ которыхъ мы загрязли по уши, пребывая въ немъ даже съ какимъ-то Wohlbehagen. Я часто спрашиваю себя: да ужъ не вразвѣду ли мы туранцы, какъ говорилъ Духинскій и, съ его словъ, Henry Martin? Чтѣмъ-жъ въ насъ европейскаго? Азія,—какъ есть Азія!

„...Свѣденія объ отзывѣхъ Снегирева и о намѣреніи L... ¹⁾, какъ ты легко можешь представить себѣ, крайне польстили моему самолюбію и были приняты мною съ восхищеніемъ. Могу сказать, не предаваясь самообожанію, что критики мои не только не стояли на высотѣ задачи, но даже не дали себѣ труда прочесть порядочно мою книжку. Такъ и осталась она безъ серьезнаго, добросовѣстнаго разбора. Ты понимаешь, что подъ добросовѣстнымъ я разумѣю не сочувственный или благопріятный мнѣ, а толковый, безъ глупыхъ придирокъ, съ серьезнымъ пониманіемъ и предмета, и того, что я говорю. А этого-то и нѣтъ! Профессоръ Снегиревъ оказалъ бы мнѣ большую услугу, если бы написалъ серьезный разборъ въ этомъ смыслѣ; и наша публика, совершенный ребенокъ по части философіи, сбитая съ толку пустыми рѣчами и невѣжествомъ, тоже сказала бы ему спасибо. Видѣть этотъ разборъ, котораго до смерти желаю, я могу только въ печати, а не въ рукописи, по причинамъ, которыя нечего объяснять: мы не знаемъ другъ друга, и предварительное чтеніе критики только бы стѣснило насъ обоихъ и поставило въ неловкое и деликатное отношеніе другъ къ другу, чего я никакъ не хочу. Печатная критика—другое дѣло.

„Гдѣ напечатать разборъ—я и не придумаю. Журналы избѣгаютъ опроверженій того, что въ нихъ напечатано, и крайне неохотно допускаютъ на своихъ страницахъ полемику обѣихъ сторонъ... Можетъ быть, возьметъ „Знаніе“, хотя я въ этомъ отчасти сомнѣваюсь, особенно не зная воззрѣній проф. Снегирева. „Знаніе“ — крайне реалистическій журналъ. Наконецъ, думаю, что статью, можетъ быть, приняли бы духовные журналы, которые не могутъ не интересоваться психологическими и философскими вопросами.

„Вопросъ г. L... гораздо проще. Передайте ему, что я съ *величайшей благодарностью* принимаю его предложеніе, и если *Revue de deux Mondes* печатаетъ переводы, то готовъ содѣйствовать ему въ помѣщеніи его перевода въ этомъ изданіи чрезъ пріятеля, французскаго профессора, Alfred Rambaud, съ которымъ въ перепискѣ ²⁾. Никакого гонорара мнѣ не нужно. Я ставлю

¹⁾ L... въ то время преподавалъ французскій языкъ въ Казани въ университетѣ и въ женскомъ Родіоновскомъ институтѣ и вызвался перевести на французскій языкъ монографію Кавелина: „Мысли и замѣтки о русской исторіи“.

²⁾ Извѣстный французскій ученый, изслѣдователь русской исторіи и современнаго быта Россіи, профессоръ Альфредъ Рамбо находился въ близкихъ отношеніяхъ къ Б. Д. Кавелину. Познакомившись со мной въ 1874 г., въ Кіевѣ, на археологическомъ съѣздѣ, г. Рамбо предлагалъ мнѣ свое посредничество для помѣщенія французскаго

голько условіемъ, во-первыхъ, чтобъ переводъ былъ мною просмотрѣнъ, и готовъ, если г. Л... признаетъ это нужнымъ, напечатать объ этомъ при изданіи перевода; во-вторыхъ, чтобъ мнѣ было доставлено 50 экземпляровъ оттисковъ, брошюрованныхъ, для раздачи пріятелямъ въ Россіи и за границею. Чтобъ не протягивать переписку, я прилагаю особо записку, для передачи г. Л..., за моею подписью...

„...Обними своего милаго отца и поцѣлуй мать. Антонина и Соня вамъ всѣмъ очень кланяются. Соня на масляницѣ веселилась во всѣ тяжкія, что не мѣшаетъ ей начать скоро уроки о реформации. Вотъ эта госпожа наполняетъ мою личную жизнь и составляетъ то солнце, которое ее живить и освѣщать!“

По окончаніи перваго года университетскихъ чтеній я собирался сдѣлать небольшое путешествіе за границу, чтобы освѣжиться послѣ усидчивыхъ занятій; лѣтомъ 1873 года открывалась въ Вѣнѣ международная выставка, и я мечталъ провести полтора или два мѣсяца въ Вѣнѣ, въ обществѣ Сони Кавелиной, которая также собиралась туда вмѣстѣ съ матерью. На обратномъ пути я располагалъ повидаться съ Кавелинымъ въ Ивановѣ, куда онъ меня снова радушно приглашалъ. Но мечтамъ моимъ не суждено было исполниться. Здоровье моего отца ухудшалось съ каждымъ днемъ, и 7-го іюня 1873 года онъ скончался. Его кончина производила значительныя измѣненія въ моихъ жизненныхъ условіяхъ, и поѣздка въ Вѣну являлась для меня невыполнимою. Незадолго до кончины моего отца, въ семейныхъ условіяхъ Сони Кавелиной произошла еще большая перемѣна, чѣмъ въ моихъ; въ маѣ 1873 года, она вышла замужъ за П. А. Брюллова, сына извѣстнаго архитектора Александра Павловича и племянника еще болѣе извѣстнаго живописца Карла Павловича Брюллова. Свадьба совершилась въ Баденѣ, небольшомъ городкѣ близъ Вѣны. Кавелинъ не присутствовалъ на свадьбѣ дочери, не имѣя возможности пріѣхать въ Вѣну изъ Иванова. Онъ провелъ все лѣто въ деревнѣ, занимаясь хозяйствомъ и приготовляя возраженія И. М. Сѣченову на его статьи по поводу „Задачъ Психологіи“¹⁾. Только въ первыхъ числахъ ноября 1873 года моло-

перевода „Мыслей и замѣтокъ“ Кавелина въ одной изъ парижскихъ „Revue“.—Въ бумагахъ Кавелина находится прекрасный переводъ этой монографіи на французскій языкъ, сдѣланный, повидимому, лицомъ, хорошо знакомымъ и съ французскимъ, и съ русскимъ языками, и просмотрѣнный авторомъ.

¹⁾ Полемика съ И. М. Сѣченовымъ возникла у Кавелина по поводу указанныхъ выше двухъ статей Сѣченова. Она печаталась въ „Вѣстн. Евр.“ слѣдующаго, 1874 г.

дые Брюлловы вернулись изъ-за границы въ Петербургъ, и Соня свидѣлась съ отцомъ послѣ пятимѣсячной разлуки: давно уже не разставались они на такой продолжительный срокъ. „Молодые живутъ въ пяти минутахъ ходьбы отъ насъ, и мы видимся ежедневно“, — пишетъ Кавелинъ моей матери 6-го декабря 1873 г., и затѣмъ прибавляетъ: — „Антонина никакъ не можетъ утѣшиться, что Соня улепетнула изъ дома. Я тоже еще не совсѣмъ привыкъ къ новому своему положенію, хотя меня очень успокаиваетъ, что она, повидимому, очень счастлива и довольна своей судьбой“.

Въ 1873 г., Кавелинъ зажилъ въ Ивановѣ, противъ обмѣновъ, до конца сентября. Онъ доволенъ положеніемъ своего хозяйства, а въ особенности радуется устройству въ своей деревнѣ сельской школы. „Въ Ивановѣ дѣла идутъ понемногу на ладъ, — пишетъ онъ своей сестрѣ, 22-го октября: — имѣніе устроивается и принимаетъ приличный видъ. Крестьяне ивановскіе, зеновскіе и кудринскіе (сосѣднихъ деревень), съ общаго согласія, открываютъ въ Ивановѣ школу. Назначена учительница, и завтра, 23-го, должно начаться ученіе. Это меня крайне радуетъ“. Но это довольство только кажущееся. Всматриваясь ближе и глубже въ русскую деревенскую жизнь во время этого долгаго пребыванія въ Ивановѣ, Кавелинъ приходитъ къ грустнымъ мыслямъ. Розовыя мечты, съ которыми онъ принимался за хозяйство три года тому назадъ, блекли подъ напоромъ реальныхъ фактовъ, иллюзіи разбивались въ прахъ тяжестью суровой дѣйствительности. Свои мысли о русской деревнѣ Кавелинъ изложилъ въ статьѣ, подписанной имъ псевдонимомъ: *Ивановскій*, подъ заглавіемъ: „Изъ деревенской записной книжки“, съ эпиграфомъ: „Jurez que vous direz la vérité et rien que la vérité. — Je jure“ ¹⁾.

Представляю выдержки изъ этой, во многихъ отношеніяхъ, интересной и почти неизвѣстной публикѣ статьи Кавелина. Эти выдержки послужатъ нагляднымъ доказательствомъ тому, о чемъ не разъ говорилось въ настоящихъ „матеріалахъ“, именно, что Кавелинъ не смотрѣлъ на русскаго крестьянина сквозь розовыя очки и не раздѣлялъ предвзятыхъ, произвольныхъ на него воззрѣній ни славянофиловъ, ни позднѣйшихъ такъ-называемыхъ

—Въ 1873 г. Кавелинъ вступилъ изъ-за „Задачъ Психологіи“ въ письменную, неофициальную, полемику съ Ю. О. Самаринимъ, появившуюся въ печати также въ „Вѣсти. Евр.“, но еще позже, а именно въ 1875 году. О той и другой полемикѣ я буду имѣть случай упомянуть въ слѣдующихъ главахъ матеріаловъ для біографіи К. Д. Кавелина.

¹⁾ Статья помѣщена въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1873, №№ 259, 260, 264.

народниковъ. Считаю „деревню“ типическимъ выраженіемъ великорусской общественности и симпатизируя ей, онъ въ то же время сознавалъ неприглядныя ея стороны, которыя, прежде всего, зависѣли отъ необыкновенно низкаго, первобытнаго уровня культуры „мужицкаго царства“.

„Я опять въ деревнѣ, и на этотъ разъ на цѣлое лѣто,—такъ начинается свою статью Кавелинъ.—Цѣль моя—подышать свѣжимъ воздухомъ, полечиться и заняться хозяйствомъ, которое, какъ ни верти, дасть, даже при хорошемъ урожаѣ, не доходы, а убытки. Надо же какъ-нибудь разгадать мудреную загадку, отчего это мы, бывшіе помѣщики, идемъ постепенно, но неудержимо, къ совершенному разоренію, и рѣшить вопросъ: надо ли продолжать хозяйничать, или лучше закрыть лавочку, ликвидировать свои дѣла и помѣстить капиталъ куда-нибудь въ банкъ, на проценты“.

Указавъ затѣмъ на „по истинѣ печальное положеніе какъ его собственнаго хозяйства, такъ и сосѣднихъ съ нимъ помѣщиковъ“, которое выражается въ прогрессивно-увеличивающемся дефицитѣ селѣско-хозяйственнаго бюджета, Кавелинъ вспоминаетъ, что его отецъ доходами съ того же самаго небольшого имѣнія—Иванова—жилъ очень прилично съ цѣлымъ семействомъ, воспиталъ и поставилъ на ноги своихъ дѣтей, и задается вопросомъ, почему теперь дѣла въ деревнѣ пошли такъ плохо? Чтобы открыть причину этого явленія, Кавелинъ пристально приглядывается ко всему, что его окружаетъ, и къ образу дѣйствій помѣщика въ деревенской средѣ. Результатамъ его наблюдений онъ предпосылаетъ слѣдующій интересный общій взглядъ на значеніе деревни во всей русской общественной жизни.

„О деревнѣ у насъ много говорятъ и пишутъ,—замѣчаетъ Кавелинъ,—а знаютъ и понимаютъ деревню очень, очень немногіе. Въ послѣднее время особенно у насъ развелось множество людей, толкующихъ о сельскомъ населеніи, о сельскомъ хозяйствѣ, о ихъ нуждахъ и потребностяхъ. Но я замѣтилъ, что, при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ, понимаютъ дѣло очень немногіе. Говорится и пишется и умное, и хорошее, но большая часть совѣтовъ непригодны къ дѣлу въ данное время, при данныхъ условіяхъ. Всего хуже, что многое говорится въ виду борьбы партій, съ консервативными или прогрессивными, реакціонными или либеральными задними мыслями. Тутъ уже теряется всякая тѣнь пониманія дѣйствительнаго положенія дѣлъ въ деревнѣ, и тѣ, кото-

рые хотѣли бы что-нибудь узнать, да и сами говорящіе и пишущіе совершенно сбиваются съ толку. Нашъ деревенскій бытъ, наша сельская школа — арена для борьбы взглядовъ и партій! Да это просто бессмыслица! Наша деревня и до сихъ поръ — эмбрионъ, почти безразличная стихійная почва. Относиться къ ней съ предвзятыми общественными или политическими взглядами такъ же нелѣпо, какъ учить грудного ребенка политической экономіи. Въ примѣненіи къ нашему селу и сельской жизни нѣтъ пока мѣста ни для какихъ политическихъ соображеній.

„Потомъ: всякій знаетъ, что ни универсальныхъ причинъ зла или добра, ни универсальныхъ лекарствъ нѣтъ и быть не можетъ. Это вообще справедливо, а въ примѣненіи къ сельскому быту и подавно. Нигдѣ, ни въ чемъ нѣтъ такой тѣсной, прямой, близкой зависимости всѣхъ условий и ихъ дѣйствій, какъ въ деревенскомъ быту, гдѣ они связаны другъ съ другомъ непосредственно. Оттого смѣшно и жаль видѣть, когда способъ обсуждения разныхъ вопросовъ болѣе сложной общественной и государственной жизни цѣликомъ переносится въ обсужденіе мѣръ къ усовершенствованію и поднятію сельскаго быта. Тамъ все расчленилось, обособилось, и потому нельзя сказать: издайте такой-то законъ, примите такую-то мѣру, введите то-то, отиѣните то-то, и дѣло пойдетъ хорошо. Село, деревню, условія сельскаго быта и хозяйства никакъ не такой мѣрой, распоряженіемъ и даже многими хорошими мѣрами и законами поднять и преобразовать нельзя. Универсальныхъ, быстро дѣйствующихъ лекарствъ и ядовъ для деревни нѣтъ; рецепты тутъ никуда не годятся, и не они нужны. Тутъ необходимо дружное, въ одной цѣли направленное, выдержанное дѣйствіе множества лицъ, условий и мѣръ. Результатъ не вдругъ скажется, даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ; зато не вдругъ его и уничтожишь противоположными усиліями и мѣрами. Нѣтъ ничего въ мірѣ упорнѣе, неподвижнѣе русской сельской жизни, какъ въ хорошемъ, такъ и въ дурномъ. Это страшная пассивная сила, которую нѣтъ средствъ направить такъ или иначе быстрыми мѣрами; скорѣй самъ изнеможешь, чѣмъ ее сдвинешь съ мѣста на куриный шагъ. Предупреждаю читателя, что въ вопросахъ о сельскомъ бытѣ и его условіяхъ я, въ политическомъ смыслѣ, совершенный индифферентъ ¹⁾. Силу и

¹⁾ Этотъ вопросъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, обсужденіе которыхъ чаще всего повторялось въ нашихъ дружескихъ бесѣдахъ съ добрейшимъ Константиномъ Дмитриевичемъ. Онъ никакъ не могъ допустить, что именно въ исповѣдуемомъ имъ спеціально „индифферентизмѣ“ и скрывается разгадка того недоумѣнія, которое поражаю его самого, въ виду тщеты всякихъ мѣропріятій и реформъ, какъ впередъ, такъ

дѣйствительность административныхъ рецептовъ и тонкихъ комбинацій разныхъ политическихъ взглядовъ, въ примѣненіи къ сельскому быту и его условіямъ, я рѣшительно отрицаю. Совсѣмъ не въ этихъ рецептахъ и комбинаціяхъ дѣло. Наконецъ, то, что я имѣю сказать, относится не къ сельско-хозяйственной или какой-нибудь другой спеціальности, а понемножку ко всѣмъ возможнымъ сторонамъ существованія русскаго люда въ деревнѣ, на сколько мнѣ удалось ихъ подмѣтить и понять ихъ дѣйствіе и значеніе“.

Установивъ такой общій взглядъ на деревню, Кавелинъ переходитъ къ изложенію невзгодъ сельскаго хозяйства, столь хорошо знакомыхъ всѣмъ дворянамъ-землевладѣльцамъ средней руки, въ особенности же тѣмъ, кто при этомъ не имѣетъ и должной опытности въ веденіи сельскаго хозяйства. Недостатокъ не только въ запасномъ, но и въ оборотномъ капиталѣ, безъ котораго невозможно никакое хозяйство, является первой и самой существенной изъ этихъ невзгодъ. При небольшихъ денежныхъ средствахъ такой землевладѣлецъ, по словамъ Кавелина, бываетъ вынужденъ или пустить крестьянъ на выкупъ и потерпѣть убытокъ отъ размѣна выкупныхъ свидѣтельствъ, или же заложить имѣніе въ Обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита. Получивъ такъ или иначе деньги, возникаетъ вопросъ о приказчикѣ: это дѣло весьма нелегкое, и въ концѣ концовъ приходится остановить свой выборъ на мужикѣ, потому что сколько-нибудь умный и толковый мужикъ все-таки изъ худшаго—лучшее.

Затѣмъ Кавелинъ слѣдитъ шагъ за шагомъ за всѣми возникающими хлопотами и непріятностями у землевладѣльца сельскаго хозяина: затѣваетъ ли онъ какія-нибудь постройки—неизбѣжно натолкнется, при наймѣ рядчика и рабочихъ, на безсовѣстность, неспособность, незнаніе дѣла или пьянство. Пашня приведена въ ужасное состояніе, благодаря тому, что большая часть полей удобрялась кое-какъ, а помѣщики при крѣпостномъ правѣ не

и назадъ, по отношенію „деревенскаго міра“. Онъ—возражали мы ему—задался невозможною мыслью: — исправить въ часовомъ механизмѣ неправильность движенія одного колеса, безъ всякой связи съ общимъ пересмотромъ и приведеніемъ въ порядокъ всего механизма и всѣхъ его колесъ и рычаговъ. Опровергая своихъ противниковъ,—говаривали мы ему,—онъ повторяетъ ошибку своихъ противниковъ, и также думаетъ, что „тутъ (т.-е. въ деревнѣ) необходимо дружное, къ одной цѣли направленное, выдержанное дѣйствіе множества лицъ, условій и мѣръ“. Но если не одно и не два, а цѣлыя сотни лицъ будутъ дружно исправлять одно колесо, оставаясь „индифферентными“ по отношенію благоустройства всего механизма, то какимъ образомъ, при этомъ, частичное исправленіе принесетъ пользу?—*Ред.*

обращали вниманія, насколько хороши урожаи, такъ какъ пользовались даровымъ трудомъ. Скотъ находится въ такомъ же разореніи, какъ и пашня, потому что не задаютъ себѣ вопроса, сколько скота держать и для чего—для удобренія, для убоя или для молочнаго хозяйства. Въ тульской губерніи (въ которой находится село Иваново) могутъ приносить хорошій доходъ фруктовые сады, но и они въ плачевномъ состояніи.

Изъ всѣхъ неблагопріятныхъ условій деревенскаго хозяйства самое печальное—это рабочая сила. Всѣ работы производятся крайне плохо и недобросовѣстно; на каждомъ шагѣ видишь мелкое воровство и терпишь убытки отъ небрежнаго обращенія рабочихъ съ инструментами и машинами. Съ рабочими-специалистами еще болѣе хлопотъ. Они—остатокъ крѣпостного права, бывшіе дворовые, обученные господами той или другой отрасли деревенскаго хозяйства и вынесшіе на себѣ все плутовство и всю испорченность старинной дворни. Перебѣнишь по нѣскольку такихъ рабочихъ въ годъ—и руки опустятся, потому что новыхъ совѣмъ нѣтъ.

Какъ наблюдатель въ высшей степени безпристрастный, Кавелинъ останавливается и на вопросѣ о томъ, какъ самъ землевладелецъ относится къ перечисленнымъ условіямъ? При истощенной почвѣ и дороговизнѣ труда, недочеты давно замѣнили доходы. Сельскій хозяинъ жалуется на непогоду, на неурожаи, но съ ними ничего не подѣлаешь, а потому все свое неудовольствіе онъ обращаетъ въ сторону рабочихъ. Онъ всячески старается урвать плату и содержаніе рабочихъ, притѣсняетъ ихъ и тѣмъ лишаетъ себя иногда лучшихъ изъ нихъ. Заведя рѣчь объ отношеніяхъ землевладельца къ своимъ рабочимъ, Кавелинъ отмѣчаетъ и отношенія землевладельцевъ къ сосѣднимъ крестьянамъ, большею частью бывшимъ крѣпостнымъ. Ихъ взаимные интересы тѣсно связаны между собою, потому что встрѣчаются почти ежедневныя надобности во взаимныхъ уступкахъ и услугахъ; но тѣмъ не менѣе отношенія въ большинствѣ случаевъ далеко не хорошия, и съ обѣихъ сторонъ замѣтны какое-то раздраженіе, неуступчивость, которыя переходятъ во вражду и приводятъ иногда къ самымъ плачевнымъ послѣдствіямъ.

Таковы, по изложенію Кавелина, тяжелыя условія, въ которыхъ поставлено помѣщичье хозяйство. Гдѣ же выходъ изъ нихъ? Кавелинъ видитъ этотъ выходъ прежде всего въ необходимости кореннымъ образомъ измѣнить *всю систему хозяйства* (сельскаго), но выстѣ съ тѣмъ не можетъ не признать трудности исполненія на практикѣ предложеннаго имъ средства. „Но легко сказать—перемѣ-

нить кореннымъ образомъ систему хозяйства! Спрашивается: какъ же это сдѣлать? — говоритъ онъ. — На перемѣну системы прежде всего нужны свободный капиталъ и специальное знаніе дѣла и практическій въ немъ навыкъ? Откуда все это добыть?

Долгосрочный дешевый кредитъ (3-хъ-или 4-хъ-процентный, вмѣстѣ съ погашеніемъ долга), — и рабочіе со специальными знаніями по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства могли бы, по мнѣнію Кавелина, оказать дѣятельную помощь въ томъ и другомъ отношеніи. Въ послѣднемъ случаѣ Кавелинъ возлагаетъ надежду на земство. Въ каждой почти мѣстности найдутся хорошо устроенные: скотный дворъ, конюшня, фруктовый садъ, кузничная, слесарная и другія порядочныя мастерскія. Если бы земства явились посредниками между этими заведеніями, помѣщиками и мѣстнымъ населеніемъ, то получился бы добрый результатъ при незначительныхъ затратахъ: бѣдные жители городовъ и деревень стали бы отдавать въ обученіе своихъ дѣтей, мастеровые были бы рады получить даровыхъ работниковъ, а помѣщики черезъ нѣсколько времени могли бы имѣть порядочныхъ рабочихъ-спеціалистовъ.

Было бы также, по мнѣнію Кавелина, крайне желательно, чтобы небогатые землевладѣльцы обмѣнивались между собою мыслями о сельскомъ хозяйствѣ, дѣлились выводами и познаніями и соединяли свои незначительныя денежныя средства на сельскохозяйственныя предпріятія, которыя не подъ-силу отдѣльнымъ личностямъ.

Въ заключеніе статьи, Кавелинъ останавливается на излюбленной своей идеѣ — на нравственной сторонѣ вопроса, которая, по его глубокому убѣжденію, какъ и вездѣ, есть въ данномъ случаѣ главная и имѣетъ рѣшающее вліяніе на наши сельско-хозяйственныя удачи и неудачи. Между тѣмъ нравственная сторона дѣла у насъ въ деревнѣ находится въ слишкомъ большомъ пренебреженіи. Всѣ наши соображенія постоянно вертятся на сѣвооборотахъ, машинахъ, рабочей силѣ, капиталѣ и т. д., а нравственныя начала замѣняются у насъ совершенно противоположными имъ. „Глаголь *объегорить*“, — мѣтко замѣчаетъ Кавелинъ, — спрягается у насъ въ деревняхъ на всѣ лады, по всѣмъ наклоненіямъ и временамъ. Владѣльцы „объегориваютъ“ крестьянъ и рабочихъ, крестьяне и рабочіе — владѣльцевъ; мы „объегориваемъ“ другъ друга, крестьяне точно также „объегориваютъ“ другъ друга. Кругъ „объегориваній“ обходитъ всѣхъ, проникаетъ всѣ отношенія и дѣлаетъ жизнь невыносимо тяжелой, ведя всѣхъ, владѣльцевъ и крестьянъ, къ обѣдѣнію, тормозя всякое благое начи-

наніе по сельскому хозяйству, дѣлая его невозможнымъ и лишая всѣхъ охоты положить въ него трудъ и деньги". Кавелинъ указываетъ, затѣмъ, на убыточность системы „объегориванья“ и на необходимость со стороны помѣщиковъ совершенно переимѣнить тактику ихъ обращенія съ рабочими, изучать рабочую среду и воспитать въ себѣ новыя начала хозяйничанья.

Эти новыя начала должны выразиться въ нарождающемся уже типѣ „хозяина“ взаимнѣ отживающаго свой вѣкъ „барина“.

„По виду наши сельскіе рабочіе и крестьяне тѣ же, что были прежде, — говоритъ Кавелинъ: — такъ же низко кланяются, такъ же стоятъ передъ нами безъ шапокъ, такъ же молча принимаютъ наши выходки. На самомъ же дѣлѣ они теперь стали совсѣмъ другіе. Они знаютъ, что имѣютъ передъ нами какія-то права, хотя и не всегда ясно ихъ сознаютъ. Крестьяне и рабочіе взвѣшиваютъ каждое наше слово, зорко присматриваются къ нашимъ поступкамъ. Выводъ—благопріятный или неблагопріятный—слагается въ репутацію, отъ которой зависитъ очень многое въ успѣхѣ или неуспѣхѣ нашихъ сельскихъ дѣлъ. Сколько я могъ примѣтить, типъ барина мало-по-малу вытѣсняется въ народномъ уваженіи типомъ хозяина, который еще не успѣлъ вполне выясниться и сложиться, отчасти, можетъ быть; потому, что мы упорно и безсознательно живемъ и поступаемъ по старому. Насколько народъ становится равнодушнѣ къ типу барина, настолько типъ хозяина, напротивъ, пользуется сочувствіемъ. Баринъ—это, по понятіямъ простого народа, человѣкъ ничего не дѣлающій, мало понимающій въ деревенскомъ хозяйствѣ и вовсе имъ не интересующійся. У барина денегъ много, и онъ не знаетъ ни счета; бросаетъ ихъ зря, на пустяки. Баринъ можетъ быть милостивъ и щедръ по капризу, зато и оборветъ, и обидитъ ни за что, ни про что. Понятія, привычки, образъ жизни у него совсѣмъ особенные, совсѣмъ не похожіе на то, какъ у другихъ людей, точно онъ человѣкъ съ луны. Съ баринкомъ надо и говорить, и обращаться умѣючи, не такъ, какъ съ другими, потому что онъ человѣкъ совсѣмъ особенный. Не то—хозяинъ. Хозяинъ—дѣловой человѣкъ, знаетъ всѣ порядки. Каждая копейка у него на счету. Свое добро онъ бережетъ, какъ глазъ, заботливъ, възыскателенъ, строгъ, иной разъ и суровъ, только не по пустякамъ, не изъ-за вздора, потому что онъ разуменъ и толковъ, и хозяйственное дѣло понимаетъ какъ слѣдуетъ; а въ прочемъ—онъ такой же человѣкъ, какъ и всѣ люди, только съ достаткомъ. Каждого куща крестьянинъ считаетъ хозяиномъ, идетъ къ нему охотнѣе на службу и въ работу, даже за меньшую цѣну, живетъ

у него годами и десятками лѣтъ; а у барина рѣдко онъ уживается долго. Прослать барину хозяиномъ въ глазахъ народа чрезвычайно трудно, а пожелать этого всякому можно. Кто разъ въ мнѣніи народа попалъ въ разрядъ хозяевъ, тому жить и управляться съ людьми съ полѣ-горя, и главная трудность въ веденіи сельскаго хозяйства устранена. Съ хозяиномъ рабочій не лебезить, не забѣгаетъ передъ нимъ лишній разъ, чтобъ снять шапку, не показываетъ вида, что работаетъ, не дѣлая ничего и будучи лѣнтяемъ; хозяина этими штуками не проведешь и никакими поклонами и льстивыми словами не умаслишь, какъ барина: онъ знаетъ и видитъ рабочаго насквозь. Зато ужъ онъ его задаромъ не рассчитаетъ, а за дѣло; пока хорошъ, будетъ его держать и приваживать ко двору“.

Но типъ хозяина, по мѣтвому наблюденію Кавелина, только зарождается и въ нашей промышленной купеческой средѣ, и едва-едва начинаетъ переноситься въ сельско-хозяйственную, деревенскую. Типъ этотъ лишенъ еще совершенно нравственныхъ началъ и культурныхъ элементовъ, а безъ нимъ онъ не можетъ быть ни развитъ, ни одухотворенъ. Въ этомъ и заключается настоящая задача землевладѣльца. Второй его задачей, въ его же интересахъ, является поднятіе культуры въ народныхъ массахъ, орудіями для чего являются сельскія школы и стоящія рядомъ съ ними правильно-организованныя сельскія хозяйства: таковы основныя идеи Кавелина.

Въ 1873 году, передъ Рождествомъ, я ѣздилъ въ Петербургъ и прожилъ тамъ до половины января слѣдующаго года. Каждый день я видался съ Кавелинымъ и молодыми Брюлловыми. Кавелинъ былъ опять раздраженъ, недоволенъ и жаловался на плохое состояніе здоровья. Но бесѣдовать онъ любилъ по прежнему много и все на тѣ же тѣмы, которыя постоянно развивалъ въ выше-приведенныхъ письмахъ и статьяхъ...

Д. КОРСАКОВЪ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ЗАВѢЩАНІЕ.

Похорони меня подъ сѣнію березъ, —
Тамъ ландышъ чистый тамъ благоухаетъ,
И съ сочной муравой, роняя капли слезъ,
Немолчно ручеекъ студеныи разсуждаетъ...
Тамъ все—мечта, все—нѣга, все—покой,
И, въ сумракѣ таясь голубоватомъ,
Двѣ сдсны замерли счастливою четой
И дышуть въ небеса смолистымъ ароматомъ...
Тамъ на зарѣ росистой соловей
Привыкъ мечтать надъ сонными водами,
Тамъ и свѣтлякъ, коварный другъ ночей,
Мерцаетъ въ зелени холодными лучами...
Пусть все, что здѣсь я такъ любилъ,
Чего лишень былъ странною судьбою,
Живеть вокругъ, исполненное силъ,
И дышетъ вольно надо мною!!..
Пусть все тамъ говорить о жизни яркомъ днѣ,
Сіяетъ радостно, исполнено привѣта!!..
Похорони меня, чтобъ въ чистой вышинѣ
Тебѣ все вспоминало обо мнѣ
Игрою воздуха, цвѣтовъ и свѣта!!..

* * *

Еще ребенкомъ я любилъ
 Храмину тайную лѣсовъ;
 Въ ней я впервые пережилъ
 Всю панораму дѣтскихъ сновъ...
 Бывало, ляжешь вверхъ лицомъ,
 И міръ волшебный надъ тобой —
 Вершинъ, раскинутыхъ шатромъ,
 Тонущихъ въ безднѣ голубой...
 А тамъ, какъ въ бурный ледоходъ,
 Сверкая въ солнечныхъ лучахъ,
 Громада облаковъ плыветъ,
 Мѣняясь въ формѣ и цвѣтахъ...
 Весь этотъ міръ, лѣсовъ просторъ
 Былъ дорогъ мнѣ, хотя тогда
 Не понималъ я разговоръ
 Ихъ темныхъ дебрей иногда.
 Но что-то все шептало мнѣ,
 Что этотъ лепетъ ихъ рѣчей,
 Тамъ, въ этой чистой вышинѣ,
 Былъ неземной, былъ чуждъ людей...
 И до сихъ поръ, родимый лѣсъ,
 Съ душой истерзанной, угрюмъ,
 Я не могу забыть небесъ,
 Твоихъ вершинъ услышавъ шумъ!!..
 И нѣтъ ни рѣры, нѣтъ ни грезъ —
 Ихъ не сумѣлъ я уберечь, —
 Но не могу безъ дѣтскихъ слезъ
 Твою внимать святую рѣчь!!..
 Еще недавно я созналъ,
 Прийдя къ тебѣ, какъ умъ мой спитъ,
 Какъ глубоко я духомъ палъ,
 Какъ исковерканъ, какъ разбитъ!!..
 Да, я желалъ бы, чтобъ потомъ,
 Когда ужъ мой исчезнетъ слѣдъ,
 Ты внукамъ тѣмъ же языкомъ
 Шепталъ и сказки, и совѣтъ!!..

А. Ж—чъ.

ИЗЪ НОВЫХЪ

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ *).

I.

По мраморной лѣстницѣ „Европейской Гостинницы“, въ Петербургѣ, сходилъ внизъ и на ходу нѣсколько придавливалъ каблуками красный коверъ ступенекъ Парменій Никитичъ Рынинъ. Газъ, сквозъ матовыя стекла, кидалъ на сѣни мягкій и грустный свѣтъ. Рынинъ спускался медленно, надѣвалъ перчатку и держалъ во рту папиросу. Мундиръ новаго образца, съ грудью, покрытою орденами, медалями и знаками, прикрывало надѣтое въ рукава, но до верху еще не застегнутое, зимнее пальто, съ погонами полковника.

Онъ ѣхалъ на званный обѣдъ и что-то обдумывалъ; по лицу его—отъ житья въ деревнѣ оно загорѣло и сдѣлалось жестче—пробѣгали струйки еле замѣтныхъ усмѣшекъ.

— А! это ты, Рынинъ! — крикнулъ ему высокій, сочный голосъ снизу.

Въ сѣни только-что вошелъ Снѣткинъ, въ очень низкой котиковой шапкѣ и въ пальто со стоячимъ барашковымъ воротникомъ. На мѣхѣ и на бородѣ, стриженной клиномъ, еще блестѣли звѣздочки мелкаго снѣга. Щеки его такъ и рдѣли.

— Зина ждетъ тебя,—степенно сказалъ ему Рынинъ, оста-

*) См. выше: апр., 572 стр.

новился на предпослѣдней ступенькѣ и доканчивалъ надѣваніе перчатки.

Руки они другъ другу, по-пріятельски, не подали. Снѣткинъ держалъ еще руки въ карманахъ своего узко-скроеннаго пальто. Оно обливало его плотный, тучнѣющій станъ.

— Я, кажется, не опоздалъ?

— Нѣтъ, нѣтъ! Она не желаетъ за табльд'отъ. Не выносить...

— И прекрасно дѣлаетъ!—Снѣткинъ разсмѣялся. Ты не прервнешь, если мы en tête-à-tête? Да и вообще вѣдь женщина для тебя—о государственникъ!—только подробность!..

— Ну, ну!—остановилъ его Рынинъ, застегнулся до верху и сворыми шагами пошелъ къ подъѣзду.

— Послушай!—окликнулъ его сверху Снѣткинъ.

— Что такое?

— Ты знаешь... Мы съ Зинаидой Мартыновной условились въ циркъ?.. Сегодня суббота, le jour chic.

— Она мнѣ говорила...

— Но супругъ и поведитель поморщился?

— Почему же? Ее еще никто здѣсь не знаетъ. Вы, надѣюсь, въ ложѣ?

— И при ложѣ будутъ еще состоять двое. Я ихъ отдаю въ полное распоряженіе Зинаиды Мартыновны.

— Кто это? Прожигатели, въ родѣ тебя?

— Deux bons jeunes hommes! Шварцъ и Кремлевъ. Это такой типъ—нынче: „un bon jeune homme“. Безъ него нельзя, все равно, что за границей безъ курьеровъ для высокопоставленныхъ особъ.

— Воображаю! Однако, мнѣ пора. Прощай!

— Ты куда такъ парадно? Въ какое-нибудь, поди, bureau de placement, для честолюбцевъ?

Рынинъ ничего не отвѣтилъ и только кивнулъ головой въ бараньей шапкѣ, сидѣвшей у него низко, до самыхъ бровей.

Снѣткинъ сталъ бойко шагать черезъ ступеньку.

Въ каретѣ Рынинъ оправилъ пальто, выдвинулъ ноги въ высокихъ сапогахъ и закурилъ новую папироску. Встрѣча со Снѣткинымъ, тонъ этого вивѣра невольно вызвали въ головѣ Парменія Никитича взглядъ на самого себя, на то, какъ онъ живетъ и къ чему онъ стремится.

„Государственникъ“, „честолюбецъ“, — повторилъ онъ нѣсколько разъ про себя:— „Ладно!“

Онъ зналъ, куда онъ шелъ и зачѣмъ онъ на свѣтъ; а тѣ тамъ, жена его, Снѣткинъ, только маются...

„И пускай ихъ!“

Сизый свѣтъ Невскаго прониетъ сразу въ карету и заставилъ его посмотрѣть вправо и влѣво. Карета ѣхала быстро, внизъ, къ Аничкову мосту. Порошилъ снѣжокъ. Улица казалась еще шире. Въ магазинахъ языки газа желтели среди общаго холодящаго, таинственнаго освѣщенія.

Безъ волненія и безъ „сангвиническихъ“ надеждъ ѣхалъ онъ на званый обѣдъ, къ старухѣ Моршанской. Она „кормила“ сановниковъ и показывала хорошенькихъ женщинъ, о какихъ въ истекшую зиму начиналъ говорить Петербургъ. Эту старуху Рынинъ считалъ чѣмъ-то въ родѣ выскочки, не признавалъ за ней никакихъ правъ на выдающееся положеніе. Но она съумѣла какъ-то втереться, лѣтъ десять-пятнадцать назадъ, каждую зиму хлопотала о томъ, чтобы у нея ѣли сановники и всѣ, кто выдвигается, и добила своего. Квартира у нея совсѣмъ не по приему, и столъ—неважный, да, кажется, и родовыхъ связей у нея нѣтъ, а все-таки къ ней ѣздили.

Сегодня онъ найдетъ цѣлый наборъ бесполезныхъ для него людей—покрупище и помельче, всѣ—„у дѣлъ“. Старуха—тѣхъ, что не „у дѣлъ“, не приглашаетъ или зоветъ по другимъ днямъ, изрѣдка, въ расчетѣ: „можетъ быть, и они опять всплывутъ наверхъ?“

Да, ни сангвиническихъ надеждъ, ни волненій мелкаго карьериста не сознавалъ въ себѣ Парменій Никитичъ. Вѣра въ свое достоинство, признаніе за собой особой цѣны росли въ немъ здѣсь, въ Петербургѣ, съ каждымъ днемъ, проводимымъ въ приемныхъ и въ гостинныхъ. Онъ и прежде зналъ, какой народъ поднимается; теперь — и подавно!.. Сегодня, съ обѣда у старухи Моршанской онъ поѣдетъ на раутъ въ такой домъ, гдѣ увидитъ многихъ изъ „бывшихъ“, въ салонъ „огорченныхъ“. Этотъ контрастъ ему нуженъ.

До Николаевской пара сѣрыхъ денного каретнаго извозчика довезла его въ пять-шесть минутъ. У крыльца уже стояло нѣсколько каретъ.

Швейцаръ, въ обширныхъ сѣняхъ съ каминомъ, попросилъ его оставить пальто внизу и предложилъ ему подняться на машинѣ. Моршанская жила въ третьемъ этажѣ.

Рынинъ отказался и сталъ входить, не торопясь; оправилъ правый эполетъ, немного спавшій съ плеча, и крестъ на шеѣ.

Въ тѣсноватую переднюю дверь была отворена. Пахло керо-

синомъ. Два ливрейныхъ лакея поднялись съ ясеневаго дивана, при входѣ Рынина. Лакей въ черномъ фракѣ спросилъ его: какъ о немъ доложить, и у дверей гостинной хмуро выговорилъ:

— Полковникъ Рынинъ!

Это докладываніе, вслухъ, на званныхъ обѣдахъ, старуха заимствовала въ посольскихъ домахъ, гдѣ тоже бывала; но у нея оно мало подходило къ размѣрамъ и отдѣлкѣ салона.

Комната была въ три окна, по улицѣ. Бѣлыя обои съ золотомъ, штофная мебель *bouton d'or*, двѣ-три картины, блесова-тый съ разводами коверъ, большой столъ по срединѣ, съ блюдомъ изъ майолики для карточекъ — „отдѣлка шестирублеваго номера“, — такъ и прежде опредѣлялъ Рынинъ.

Около стола, на диванѣ и на креслахъ, сидѣло цѣлое общество.

Хозяйка — сухая, широкая въ плечахъ, горбоносая, съ сѣдыми бандо подъ чепцомъ съ цвѣтами, покрыла половину желтаго дивана обширной юбкой ярко-краснаго платья изъ тяжелаго дамъ съ старомодными воланами. Кажется, она носила кринолинъ. Рядомъ съ нею, на диванѣ — красивая брюнетка въ темномъ бархатѣ; а по другую сторону, въ креслѣ — бритый, очень моложавый мужчина, высочій, держащійся прямо, въ стоячихъ воротничкахъ и бѣломъ галстухѣ съ чуть замѣтнымъ бантомъ. Ближе къ столу — два пожилыхъ гостя со звѣздами, одинъ приземистый, краснолицый, съ лысиной во всю голову, другой — съ свѣтло-рыжеватыми волосами, зачесанными по-чиновничьи; жидкія бакенбарды чуть замѣтно шли отъ ушей; пробитая верхняя губа топырилась. На обоихъ были черные галстуки. Между ними помѣстился подкрашенный, уса-тый иностранецъ, съ двумя большими иностранными звѣздами, очень смуглый и въ парикѣ. Онъ былъ въ бѣломъ галстухѣ и даже въ бѣломъ жилетѣ съ золотыми пуговицами.

Нѣсколько мужчинъ, въ томъ числѣ двое съ генеральскими эполетами, въ сюртукахъ, стояли въ глубинѣ, у дверей въ столовую. У столика, приставленнаго къ углу, спиной, дама съ бѣлыми плечами, одѣтая по бальному, говорила съ двумя мужчинами, заслоняя ихъ лица.

Рынинъ все это бѣгло окинулъ. Оба пожилыхъ господина были самые крупные гости старухи. И тому, и другому онъ уже былъ представленъ раньше. Красивую брюнетку — жену сенатора — онъ также зналъ. Въ группѣ мужчинъ, у дверей столовой, узналъ онъ Брынцева, пріѣзжаго губернатора, съ которымъ былъ на „ты“. Подкрашенный иностранецъ, въ парикѣ, съ двумя звѣздами, былъ, конечно, дипломатъ, изъ третъестепенныхъ. Лицо бри-

таго, моложаваго блондина, въ высокихъ воротничкахъ, онъ смутно припоминалъ. Они гдѣ-то встрѣчались. Рынинъ считалъ его тоже прїѣзжимъ изъ провинціи, навѣрно—по судебному вѣдомству. И онъ не ошибался.

Старуха начала представлять его заново и тѣмъ, кого онъ уже зналъ. Отъ обоихъ сановниковъ онъ получилъ по рукопожатію. Усатый брюнетъ, въ парикѣ, не былъ—какъ „особа“—названъ хозяйкой. Но, обернувшись къ Рынину, она ему сказала потише:

— L'ambassadeur, — и назвала какое-то посольство.

„Не изъ важныхъ, такъ я и думалъ“, — подтвердилъ, про себя, Рынинъ.

Бритаго блондина хозяйка назвала просто:

— Monsieur Blinoff.

Тотъ привсталъ, подавъ руку Рынину и отчетливо, какъ говорятъ только бывшіе воспитанники лицея или училища правовѣденія—лѣтъ за сорокъ—выговорилъ:

— Nous nous connaissons un peu...

И онъ улыбнулся Рынину своимъ актерскимъ лицомъ, гдѣ, поблизи, можно было замѣтить множество тонкихъ морщинокъ, у глазъ, угловъ рта и вдоль крыльевъ носа.

Одинъ только Рынинъ прїѣхалъ въ мундирѣ. Всѣ остальные военные были въ сюртукахъ при эполетахъ. Это его немного задѣло.

Онъ не желалъ показывать старухѣ, что заискиваетъ въ ней; да и въ самомъ дѣлѣ не заискивалъ. Ему надо было отправляться отъ нея на вечеръ; онъ такъ и одѣлся. Это онъ ей скажетъ, какъ только будетъ удобно, „чтобы она знала“.

Разговоръ у большого стола продолжался; говорила почти одна хозяйка. За двѣ недѣли—она „кормила“ два раза въ мѣсяцъ—набирала она отовсюду, точно въ ридикюль, новостей: придворныхъ, министерскихъ, салонныхъ, банковскихъ, изъ губерній,—отовсюду. И все это она передавала на своемъ французскомъ языкѣ, полномъ провинціальныхъ выраженій и упорныхъ русскихъ ошибокъ, но съ неизмѣнявшимъ ей никогда самообладаніемъ.

Отдѣльныя маленькія фразы она говорила, въ видѣ *a parte*, по-русски.

Такъ и Рынину, сѣвшему около двери всего ближе къ тому углу дивана, гдѣ она помѣщалась, старуха кинула:

— Жду графа. Только-что прибылъ изъ края. Большіе проекты привезъ.

Онъ знать, про какого „графа“ она ему говоритъ. Моршанская выдавала этого „начальника края“ за своего дальняго родственника. Она уже спрашивала Рынина, на той недѣлѣ, когда онъ былъ у нея съ визитомъ: — „отчего онъ не попросится, черезъ нее, служить въ графу?“

Онъ отвѣтилъ, что слишкомъ далеко.

— Я все-таки о васъ упомяну, — сказала старуха.

Но въ ея протекціи онъ не думалъ прибѣгать.

Пріѣхало еще нѣсколько приглашенныхъ, въ томъ числѣ двѣ дамы, обѣ красивыя, съ мужьями, кажется, изъ финансоваго міра. Старуха играла на биржѣ и ладила съ „жидками“, какъ она называла, за глаза, своихъ пріятелей-банкировъ.

Не раньше четверти седьмого лавей все тѣмъ же хмурымъ голосомъ доложили:

— Графъ Ергасовъ!

Вошелъ сѣдой, курчавый, съ подстриженной бородой, генералъ, весь искрящійся отъ металлическихъ переливовъ эполетъ, патронташей на груди, аксельбантовъ, звѣздъ, крестовъ, позументовъ и брелоковъ на цѣпочкѣ.

Съ хозяйкой онъ поздоровался, какъ со старой кумушкой, хриплымъ голосомъ бывшаго полкового кутилы, почтительно-благодарно пожалъ руку обоимъ господамъ со звѣздами, сейчасъ же поцѣловалъ руку у брюнетки и сдѣлалъ, черезъ столъ, веселый кивокъ головой бритому блондину.

— Проголодался, тетенька! — сказалъ онъ вполголоса хозянкѣ и сейчасъ же заговорилъ по-французски съ дипломатомъ, бойко, съ своеобразнымъ московскимъ акцентомъ.

Рынинъ стоялъ вбокъ отъ него и ждалъ своей очереди — раскланяться. Графа онъ встрѣчалъ въ кампаніи. Ему вспомнился даже обѣдъ, послѣ С.-Стефано, на Принцевыхъ островахъ, въ отелѣ. Тогда графъ былъ облеченъ какими-то полномочіями. Пріѣхалъ онъ хорошо пообѣдать, и дѣтски радовался тому, что метръ-д'отель принялъ его, кажется, за посланника. Съ нимъ была цѣлая свита и одинъ корреспондентъ, надъ которымъ онъ все подтрунивалъ, безпрестанно называлъ его „публицистъ“ и смѣялся этой остротѣ.

Жидкимъ казался уже и тогда Рынину этотъ недавній кутила, стоявшій уже на очень видной дорогѣ. И вотъ, онъ теперь настоящая особа. А все-таки въ его хитрыхъ карихъ глазахъ и еудряхъ и маленькихъ размѣровъ головѣ — сидитъ то же самое количество государственныхъ идей и дарованій.

— Рынинъ!—обратился къ нему графъ и подалъ руку.—
Очень радъ!.. Давненько не видалъ васъ...

Не дожидаясь отвѣта, онъ повернулся въ сторону хозяйки,
которая шепнула ему:

— Prenez le bras de madame!..

Графъ почти подбѣжалъ къ брюнеткѣ. Старуху повелъ лы-
сый сановникъ.

Не для всѣхъ достало дамъ. Остальные мужчины двинулись
гурьбой.

Закуска была скудная, въ углу; да около нея мужчины и не
успѣли постоять. Голосъ хозяйки призывалъ ихъ къ супу.

Столовая—узкая, длинная и скучная комната—едва вмѣ-
щала столъ на двадцать персонъ. Было такъ тѣсно сидѣть, что
Рынинъ сейчасъ же толкнулъ своего сосѣда, бритаго прокурора
изъ провинціи. Справа отъ него помѣстился губернаторъ, бывшій
съ нимъ на „ты“.

— Какъ сельди въ боченкѣ!—шепнулъ тотъ Рынину и бро-
силъ насмѣшливый взглядъ на весь столъ.

По тому же направленію поглядѣлъ и Рынинъ. Два канде-
лябра и одна височая лампа со свѣчами рѣзо освѣщали два
ряда лицъ, причесокъ, лысыхъ лбовъ, бородъ и усовъ. Всѣмъ
было тѣсно сидѣть и всѣ находили, что супъ холодный, что
пирожки отзываются саломъ. Старуха, на своемъ концѣ, одна
сидѣла просторно и поочередно говорила то съ графомъ, то съ
лысымъ сановникомъ, сидѣвшимъ отъ нея по лѣвую руку.

Каждый изъ этихъ господъ—ихъ было больше дюжины—
что-нибудь значилъ въ высшей или средней администраціи. Ры-
нинъ точно дѣлалъ имъ смотръ. И онъ, черезъ годъ, если при-
ѣдетъ изъ провинціи съ губернаторскаго поста, понюхать, тѣмъ
пахнетъ въ Петербургъ, будетъ сидѣть тутъ въ качествѣ моло-
дого, бойко пошедшаго въ ходъ администратора. Его тогда
вправъ будетъ каждый прировнять ко всѣмъ нимъ, да и не ко
всѣмъ, а вотъ къ этимъ, что сидятъ подальше отъ троихъ са-
новниковъ: одного военного и двухъ штатскихъ. До тѣхъ поръ,
пока онъ не добьется ихъ положенія, ему цѣна,—какъ инымъ
часамъ,—будетъ дюжинная.

Эти мысли не огорчили его; напротивъ, вызвали легкую
усмѣшку на его сжатые губы. Онъ одинаково относился ко
всѣмъ: и къ особамъ, и къ тѣмъ, что готовились въ особы; онъ
ихъ равно считалъ людьми „случайными“, безъ идеи, главное,
безъ характеровъ, безъ своей фizioноміи. „Еслибъ всѣхъ сидѣв-
шихъ здѣсь,—такъ думалъ онъ,—пригласить высказать свои

мнѣнія по тому, что французы называютъ „la situation“, какая какофонія вышла бы, что за безтолочь, непониманіе, какой вредный для страны личный задоръ!.. Каждый тянетъ одѣяло только за свой конецъ, и одно вѣдомство скандально интригуется противъ другого. А руководящая власть въ отсутствіи“.

Онъ зналъ, что такая оцѣнка давно сдѣлана въ Москвѣ, тамъ, куда онъ ѣздилъ съ визитомъ и лѣтомъ, и недавно, во время болѣзни Зины; но такъ понималъ онъ дѣло всегда: тѣмъ лучше, если тѣ умы въ прессѣ, которые онъ считалъ самыми сильными и вліятельными, думали въ ноту съ нимъ.

„La situation“, повторилъ онъ мысленно еще разъ, и вспомнилъ тотчасъ же, какъ въ Парижѣ,—это было въ его поѣздку въ Остенде, за Зиной, — на одномъ вечерѣ, онъ слушалъ уморительный монологъ „Коклена-младшаго“, гдѣ какой-то тревожный, по части политики, парижанинъ ходилъ по пріятелямъ: чиновникамъ, писателямъ, кутиламъ, и всѣхъ ихъ спрашивалъ: „quelle est la situation?“

Что бы и теперь начать, поочередно, спрашивать про русское „положеніе дѣлъ“ у каждаго чиновнаго гостя, приступающаго ко второму блюду старухи Моршанской — осетринѣ, такой же плохой, каковъ былъ и супъ.

Свою мысль онъ сообщилъ, подъ шумъ начавшихся разговоровъ, сосѣду справа, губернатору. Тотъ разсмѣялся и повторилъ громко раза два:

— Quelle est la situation?

Точно въ отвѣтъ, слѣва, въ сановномъ концѣ стола, заговорили о крестьянскомъ банкѣ, потомъ—о слѣдствіи по какой-то растратѣ. Прокуроръ сталъ мягко и отчетливо излагать по-французски, какія онъ произвелъ мѣропріятія и какъ ему нелегко было довести до конца свою кампанію.

— Une небрежность *impardonnable*!..—выговорилъ онъ съ конца губъ и держа въ лѣвой рукѣ корочку, которой подправлялъ куски рыбы.

Рынинъ и губернаторъ переглянулись.

— Какого тебѣ вина, краснаго?—спросилъ губернаторъ.—Извини... забылъ предложить... une *impardonnable* небрежность...—прибавилъ онъ на ухо Рынину.

Оба разсмѣялись, но тотчасъ же смолкли и продолжали прислушиваться къ разговору въ углу сановниковъ.

Французскія фразы прокурора звучали еще мягче, еще отчетливѣе и покрывали гулъ голосовъ справа, гдѣ красивыя дамы завели съ своими сосѣдами довольно живую бесѣду. Прокуроръ

старался красиво и остроумно передать подробности своего впечатлѣтельности, и всѣмъ тономъ своимъ показалъ онъ обоимъ савонникамъ другихъ вѣдомствъ, на какую независимость дѣйствій способны такіе дѣятели, какъ онъ, ищущіе выспихъ ступеней, чтобы развернуть свои государственныя способности. Такъ объяснилъ это себѣ Рынинъ.

— Хлыщъ! — шепнулъ ему губернаторъ.

Рынинъ кивнулъ головой.

И подъ гулъ разговоровъ, стукъ вилокъ и ножей, ходьбу прислуги, онъ смотрѣлъ на профиль прокурора, на его бритый подбородокъ и красивый носъ, на движенія его губъ. Вотъ вѣдь съ такимъ „жрецомъ правосудія“ ему придется скоро, въ провинціи, ладить или воевать. Губернаторъ обреченъ на „контры“ съ главой судебной власти. И каждый изъ нихъ будетъ считать другого „дрянью“, „вреднымъ человѣкомъ“; тотъ его: „небѣждой“, „кадетомъ“; онъ того — „снобомъ“, „пустозвонномъ“, „фальшивымъ либералишкой!“...

Рынинъ уже и теперь не можетъ отдѣлаться отъ пренебрежительнаго чувства къ нему. Нужды нѣтъ, что тотъ и говорить умѣетъ, быть можетъ, и учился хорошо, и способный администраторъ, пожалуй, и честный. „Не того поколѣнія, не того времени“ — вотъ что! Такому краснобаю должно теперь быть около сорока; стало, онъ начиналъ въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ; чтобы сдѣлать себѣ карьеру тогда, надо было раздѣлять „фанатберію“ новыхъ судейскихъ и воображать себя спасателями отечества... А потомъ онъ сталъ, разумѣется, вилять, и знаетъ теперь только свои повышенія...

Не такимъ считаетъ Рынинъ себя. Пускай онъ — не блестящъ и не ученъ, но онъ полонъ иного духа; онъ „не того времени“.

Французская рѣчь прокурора уже смолкла; Рынинъ все еще оглядывался на его профиль.

— Посмотри! — окликнулъ его шопотомъ губернаторъ: — Графъ-то какъ подсылъ... къ той... Какъ, бишь, ея фамилія?..

Онъ говорилъ о красивой брюнеткѣ.

Рынинъ назвалъ.

— Неунывающий кавалеристъ!.. А вотъ переведутъ въ его край... и станешь ему рапортовать... Настъ старуха посадила скверно... Отъ дамъ для насъ и хвостика не останется...

Рынинъ оглядѣлъ и тѣхъ дамъ, что сидѣли на правомъ концѣ, — всѣ были хорошенькія, но онѣ ему казались чѣмъ-то совершенно ненужнымъ. Это щеголянье красивыми женщинами

старухи Моршанской просто отвратительно. Какой это политическій салонъ? Просто, кухмистерская съ претензіями!..

Рынинъ сообщилъ свое сравненіе губернатору; онъ зналъ, что тотъ его не выдастъ, хоть и является въ старухѣ на поклонъ, чтобы потереться около вліятельныхъ лицъ.

— Ха, ха, ха!—разразился опять губернаторъ, не настолько, однако же, громко, чтобы обратить на себя вниманіе.

Но свои собственныя а parte, на ухо губернатору, показались Рынину дурного вкуса. Онъ замолчалъ и занялся было ѣдой; но все, что подавали, мало его прельщало. Оглянувшись вправо, онъ остановился взглядомъ на лицѣ мужчины, котораго въ залѣ что-то не замѣтилъ.

Это былъ блондинъ, съ бородкой и свѣтло-желтыми, рѣдкими волосами на узкомъ и высокомъ черепѣ, юркій, нестарый человекъ, въ ловко сидѣвшемъ фракѣ; не то помѣщикъ, не то купецъ изъ новыхъ, но ни въ какомъ случаѣ не петербуржецъ.

— Кто это?—указалъ на него сосѣду Рынинъ.

— Вотъ тотъ? Рыжеватый?

— Да...

— Ты не знаешь? Свѣдущій человекъ—Авлухинъ! Здѣсь на него какъ на перваго умницу смотрятъ.

— Что ты говоришь?!

И Рынинъ еще разъ всмотрѣлся въ этого рыжеватаго блондина, съ полукупеческой, полупомѣщичьей наружностью.

Во всемъ лицѣ была та же бойкость, что и въ глазахъ. Рынинъ, по нѣкоторымъ приемамъ, по манерамъ держаться, призналъ его „своимъ братомъ, дворяниномъ“.

— Какъ его фамилія?—переспросилъ онъ Брынцева.

— Авлухинъ.

— Откуда?

Тотъ назвалъ губернію.

Авлухинъ разговаривалъ съ сосѣдами безъ усталости, но больше все отрывочными фразами, должно быть, остроумными или забавными: сосѣди часто улыбались.

— Ты знакомъ съ нимъ?—спросилъ Рынинъ Брынцева.

— Знакомъ...

— Послѣ обѣда познакомъ насъ.

Онъ давно не толковалъ съ такимъ земцемъ изъ провинціи. И онъ самъ, на мѣстѣ свѣдущаго человека, пріѣхалъ бы обѣдать къ Моршанской, чтобы потолковать запросто съ тѣми, кто изъ Петербурга мудрить съ русской землей. Этотъ долженъ быть

изъ „датошныхъ“, — употребилъ про себя Рынинъ мѣстное, крестьянское слово.

За „таблѣ-д'отомъ“ старухи хорошо было хоть то, что обѣдъ не затягивался. Винами и десертомъ было тоже скучновато.

Минутъ черезъ десять, обѣдъ кончился. Дамъ повели подъ руку. Свободные мужчины потянулись въ маленькую курильню. Въ гостиной уже раскрыли два стола, и хозяйка, тотчасъ послѣ кофе, сама сѣла играть съ графомъ и двумя штатскими особами.

Въ курильнѣ, Брынцевъ познакомилъ Рынина съ земцемъ. Тотъ сейчасъ же какъ-то весь передернулся, попросилъ огня у Рынина и заговорилъ тономъ давно знакомаго, съ бойкостью и жаргономъ скорѣе банкира изъ купцовъ, чѣмъ дворянина-помѣщика. Они отошли въ сторонку и сѣли. Курильня ужъ стала пустѣть.

— Рынинъ! — окликнулъ губернаторъ: — я здѣсь еще съ недѣлю... Ты свободенъ въ будущій вторникъ, днемъ? хочешь позавтракать... въ кабачкѣ?...

— Хорошо!.. Гдѣ?..

— Да все у того же Петра Ивановича!..

— Буду...

Оставшіеся трое мужчинъ курили въ углу у двери.

„Свѣдущій человекъ“ былъ помѣщикомъ сосѣдней губерніи и хорошо зналъ уѣздъ Рынина. Онъ служилъ директоромъ мѣстнаго банка и состоялъ цѣлое трехлѣтіе предсѣдателемъ губернской управы.

Сейчасъ же онъ, двумя-тремя шуточками и подмигиваніями, далъ понять Рынину, что Петербургъ, тотъ, что мудрить и умничать, и править, онъ прекрасно раскусилъ и уже давно. Вотъ сюда попалъ, чтобы присмотрѣться къ этакой „закусочкѣ“ — онъ такъ и выразился. Все это облегчило Рынину дальнѣйшую бесѣду съ нимъ.

Они проговорили цѣлый часъ. Въ гостиной продолжали играть; въ угловой комнатѣ, въ родѣ кабинета хозяйки, сидѣли сначала дамы, но въ девяти часамъ всѣ уѣхали.

Рынинъ больше слушалъ земца. Тотъ какъ будто говорилъ въ духѣ его собственныхъ идей; была тутъ: и необходимость поднять „первенствующее сословіе“, и расчеты на скорое учрежденіе дворянскаго банка, и дѣловыя скептическія замѣчанія насчетъ „крестьянскаго“, и много кое-чего другого, все самаго новаго и хлѣбнаго. Только, чѣмъ больше говорилъ земецъ, тѣмъ все чаще въ его выраженіяхъ, въ разныхъ готовыхъ фразахъ, Рынинъ схватывалъ печатныя клишэ, и не изъ Москвы, не изъ

того органа, гдѣ они выдѣлывались впервые, а здѣшнія, петербургскія, изъ вторыхъ рукъ.

Въ этомъ бытовикѣ дворянской провинціи онъ все меньше видѣлъ своего человѣка; черезъ него совсѣмъ не дышало на него деревней, къ которой онъ все-таки же присматривался. Банкиръ изъ шустрыхъ помѣщиковъ питался дешевой газетной пищей; то же, что было въ немъ несомнѣнно своего, отзывалось дѣлечествомъ.

Рынину вспомнилась подробность, когда онъ ѣздитъ въ сосѣдній губернский городъ: въ мѣстномъ дворянскомъ банкѣ онъ нашелъ какъ разъ такого свѣдущаго человѣка, въ званіи директора. Его всѣ любили, но, подъ-рукой, рассказали Рынину, что онъ „ловкачъ“, изъ мелкихъ землевладѣльцевъ, въ пять лѣтъ сталъ крупнымъ, живеть широко, отбиваетъ женъ у мужей; по банковскимъ дѣламъ распоряжается самовластно, надавалъ ссудъ выше стоимости, за сотни имѣній. И языкъ, жесты, обхожденіе того были совершенно въ такомъ же родѣ. Пахло отъ нихъ биржевикомъ, коммисіонеромъ, банковскимъ дѣльцомъ. Только развѣ, вглядываясь въ лицо, можно было разсмотрѣть нѣкоторую сословную породу...

А когда Рынинъ захотѣлъ придать разговору другой тонъ, заговорилъ объ „идеѣ“ государственнаго склада родины, о „власти и самобытности внутреннихъ распоряжковъ“, земецъ сталъ отшучиваться, и опять полились у него газетныя обличительныя словечки.

Около десяти часовъ, земецъ крѣпко пожалъ руку своего собесѣдника и, вставая, спросилъ его:

-- Вы тоже скрываетесь?.. По-французски, безъ саламалѣа?

Рынину рано было на раутъ, для котораго онъ надѣлъ мундиръ. Онъ выкурилъ еще папиросу и вышелъ въ гостиную, гдѣ карты продолжались.

Столъ, за которымъ играла хозяйка съ тремя главными своими гостями, выдѣлился передъ нимъ, окруженный табачнымъ дымомъ—графъ съ однимъ штатскимъ сановникомъ курили—какъ что-то символическое... Вотъ передъ нимъ Петербургъ, тотъ, что долженъ знать: „quelle est la situation“, и думаетъ, что знаетъ это, и смотреть на себя „въ серъёзъ“, а внутри у него „пустушка“... Зинаида Мартыновна сказала бы: „pas de beefsteack sur la conscience!“ И прекрасно! Теперь-то и надо начинать, подняться на первую ступень фактической власти. И не лучшее ли время именно вотъ нынѣшнее?

Такъ постоялъ онъ въ дверяхъ—его никто не замѣтилъ—и

черезъ столовую и курильную вышелъ въ переднюю. Онъ былъ почти увѣренъ въ томъ, что не позднѣе, какъ къ великому посту, когда ему удобно будетъ переименоваться гражданскимъ чиномъ, произойдетъ его назначеніе. Каждый вечеръ ему нужно проводить въ серьезныхъ постижныхъ. Зина не рвется въ свѣтъ. Пускай при ней состоитъ Снѣткинъ. Только бы она не вздумала ѣздить съ нимъ по цыганамъ да по кабачкамъ.

„On y mettra ordre“, — подумалъ онъ по-французски, сходя съ лѣстницы третьяго этажа.

Такъ пройдутъ два мѣсяца. На будущей недѣлѣ надо взять въ отелѣ, отдѣленіе помѣсячно; будетъ дешевле. Денежныя дѣла ихъ въ образцовомъ порядкѣ, благодаря его умѣнью. Да и Зина не транжиритъ; даже скуповата. Ея десять тысячъ дохода она можетъ тратить на себя, т. е. на туалетъ и все, что — ея личный расходъ. Съ имѣнія уже получили доходъ — до трехъ тысячъ, да четыре онъ имѣетъ съ другого имѣнія, доставшагося ему отъ тѣтки по завѣщанію. Этихъ семи тысячъ ему достанетъ на его долю; расходы по отелю они дѣлятъ пополамъ. Въ денежныхъ счетахъ онъ держится щекотливой аккуратности. Онъ принялъ отъ жены выкупъ родовой вотчины, но доходъ съ нея идетъ на общіе расходы по дому.

Въ каретѣ онъ почувствовалъ, что почти голоденъ.

„Неужели изъ-за этакихъ паскудныхъ обѣдовъ ѣадить къ этой старушенці?“ — спросилъ онъ и вывелъ сейчасъ заключеніе.

Развѣ примѣръ такой старухи Моршанской не показываетъ, что въ Россіи, да и вездѣ, стоитъ только неизмѣнно бить въ одну точку: вотъ она, пріѣхала откуда-то изъ провинціи и задалась идеей, чтобы бывали у нея люди во власти, и живетъ въ третьемъ этажѣ, кормитъ плохо, сидѣтъ у нея тѣсно, скука немалая, несмотря на приглашеніе хорошенькихъ бабенокъ. А все-таки къ ней ѣздить, и она можетъ, съ полнымъ правомъ, хвастать, что у нея всѣ перебывали, кто состоялъ у дѣлъ.

Что такая старуха — передъ человѣкомъ съ желѣзными мышцами, какъ онъ?..

II.

Зина прилегла на кушетку. Снѣткинъ сидѣлъ въ креслахъ у круглаго стола, откуда человѣкъ еще не убралъ кофе и лиеры. Зеленая комната, съ триповой мебелью и пестрымъ ковромъ, при свѣтѣ одной лампы, глушила ихъ голоса тяжелыми гардинами. Затуманеннымъ взглядомъ смотрѣла Зина на своего

пріятеля. Шампанское и ликеры привели ее въ то состояніе, какое она, бывало, за границей, у Сосѣ, испытывала послѣ каждаго удачнаго обѣда. Переодѣваться ей не надо. Она поѣдетъ— въ чемъ она теперь, въ своемъ простомъ туалетѣ, *demi-deuil*, изъ смѣси бѣлаго, чернаго и свѣтло-сѣраго цвѣтовъ. Этотъ туалетъ особенно идетъ къ блѣдно-розовымъ ея щекамъ и къ прическѣ. Волосы только-что отросли настолько, что ихъ можно носить безъ искусственнаго „front“... Они закурчавились на лбу. Ей на видъ девятнадцать лѣтъ; глаза кажутся больше; во всемъ тѣлѣ особенная мягкость волнистыхъ очертаній и лѣнивая плавность жестовъ.

Прошло слишкомъ два мѣсяца со смерти ея матери. Вотъ сейчасъ, со стаканомъ шампанскаго въ рукахъ, она уже, по-пріятельски, рассказывала Снѣткину о своихъ „безумствахъ“. Да, она собралась умереть послѣ „toquade“ къ князю и похоронѣ матери, схватила тифъ — и очень жестокой; лежала въ безпамятствѣ, а когда пришла въ себя, увидала у кровати своего мужа. Умереть она не умерла, но все забыла, и цѣлыхъ двѣ недѣли, пока выздоравливала, съ трудомъ припоминала понемногу, что съ ней случилось.

Теперь она опять прежняя Зина Ногайцева, но только безъ всякой горечи и тревоги. Выздоровленіе принесло съ собою новый вкусъ къ жизни. Когда она говорила Снѣткину, сейчасъ за обѣдомъ, какъ пріятно оправляться отъ тифа, онъ вскричалъ:

— Не продѣлать ли и мнѣ того же?

Ея „escapade“, въ деревнѣ князя, — она ничего не скрываетъ отъ Снѣткина, — представляется ей чѣмъ-то до-нельзя дикимъ и смѣшнымъ. Теперь она способна встрѣтиться съ княземъ только какъ съ чудачкомъ. Ей потому такъ и легко, что она на мужчинѣ смотритъ какъ на товарищѣ или на что-то, принадлежащее къ обстановкѣ ея жизни, ея развлеченій. Такъ она относится и къ мужу. Бороться съ нимъ, воевать, затѣвать что-нибудь въ родѣ развода, она не желаетъ. Пускай онъ будетъ таковъ, какимъ сталъ въ послѣднее время: не стѣсняетъ ее въ привычкахъ и удовольствіяхъ, больше ей ничего не надо.

За кофе и ликеромъ Зина чувствовала пріятную истому во всемъ тѣлѣ, и ея мозгъ такъ все просто и легко перерабатывалъ. Прежде она столькохъ вещей стыдилась. Вотъ, хоть бы, своего незаконнаго происхожденія. Она ни за что не стала бы говорить Снѣткину о своей матери. А тутъ она все рассказала. Въ Москвѣ ею овладѣла особая жалость къ покойницѣ. Кровная связь съ матерью сказала въ ней послѣ той ужасной ночи въ

Ширяевъ. Но она не хочетъ хитрить и лицемѣрить. Она носитъ только „demi-deuil“ и не думаетъ отказывать себѣ въ развлеченияхъ, ѣдетъ сегодня съ нимъ въ циркъ, появится и въ театрахъ, и въ свѣтѣ, если ей захочется. Мужъ стоитъ вѣдь только за соблюденіе декорума. Она для него — законная дочь Мартына Ногайцева. Отецъ еще живъ; про мать ея — онъ врядъ ли самъ будетъ распространяться. И ему она дѣлаетъ услугу, что избавляетъ отъ распросовъ, по комъ она въ глубокомъ траурѣ?

Да и вообще у нея, послѣ тифа, пропала бывшая строгость насчетъ свѣта, того, что она признавала высшимъ стилемъ; всего больше насчетъ: „qu'en dira-t-on“, которое начало было проникать въ нее, въ Россіи... Въ шутиломъ тонѣ припомнила она, между прочимъ, исторію на кумысѣ.

Снѣткинъ сказалъ ей:

— Вотъ видите... кровь заиграла тогда. Это и теперь можетъ повториться.

— Можетъ, — отвѣтила Зина, — и пускай это будетъ лучше съ какимъ-нибудь мальчуганомъ. Nous allons rire!..

До такой степени ей все равно, что она и въ Петербургѣ будетъ выѣзжать только покуда ей это не надоѣстъ. Никакого „положенія“ она не желаетъ, и до плановъ, расчетовъ ея мужа ей дѣла нѣтъ.

— И мы основываемъ товарищество прожигателей? — спросилъ Снѣткинъ и допилъ рюмку ликера.

— Что такое? — лѣниво окликнула Зина.

— Такъ вашъ мужъ выражается... Прожигателей... Des viveurs!..

— Да, да!.. Il n'y a que ça de bon!..

Она помолчала и добавила:

— Только, Снѣткинъ, не дурить!

— Въ какомъ смыслѣ?

— Pas de toquades bêtes!

И онъ ей рассказывалъ за обѣдомъ про свой „collage“. Его, кажется, начинало затягивать. Зина почувала тутъ что-то не совсѣмъ ладное. Снѣткинъ читалъ ей стихи, присланные изъ Москвы, куда временно удалялась „la petite“, на опереточную сцену. Они хотѣли, по общему согласію, пожить экономнѣе; здѣсь, на два дома, деньги шли какъ вода. Но теперь она опять въ Петербургѣ, и, судя по нѣкоторымъ признакамъ, Снѣткину приходится частенько весьма не вкусно.

— Vous me la montrerez? — сказала Зина, перемѣнивъ позу.

Ей стало жаль этого красиваго, веселаго и умнаго малаго. Если пойдетъ такъ дальше, она должна его освободить отъ таковаго „collage“.

— N'est-ce pas?—добавила она.

— Volontiers!..

Случай представится навѣрное. Но почему же не показать ей эту „petite“ поближе, гдѣ-нибудь въ ресторанѣ, на островахъ, у цыганъ?

— А Парменій Никитичъ?

Зина только повела головой.

— Гдѣ, напримѣръ, она сегодня?—спросила Зина настоятельнѣе.

Онъ хорошенъко самъ не знаетъ. Кажется, обѣдаетъ у своей пріятельницы, Машеньки Адашевой, играющей въ клубныхъ спектакляхъ.

— Une brune bien jolie, d'une distinction rare,—добавилъ Снѣткинъ.

Объ эти пріятельницы были, стало быть, русскія. Это заинтересовало еще больше Зину. Ей бы хотѣлось посмотрѣть на русскихъ „horizontales“. Она и начала разспрашивать: давно ли онѣ появились и сколько ихъ, и есть ли надежда, что образуется изъ нихъ „quelque chose de bien“?

Ихъ уже не мало; французенки теперь рѣдки и плохи—такъ докладывалъ Зинѣ Снѣткинъ—да и деньги не тѣ. Есть уже свои „irrégulières de haute marque“, не такія, какъ прежде, изъ швей и горничныхъ или обдѣланныхъ купеческихъ дочерей, и не такія, какъ танцовщицы; тѣ остались по старому; нынѣшнія—„plus fantaisistes“; инныя побывали и въ Парижѣ, умѣютъ болтать, хорошо одѣваются, съ талантикомъ, съ своимъ жаргономъ.

Зина слушала и тихо улыбалась. Право, это гораздо занимательнѣе, чѣмъ толки о „настоящемъ“ свѣтѣ, куда ее совсѣмъ что-то не влекло. Отъ Снѣткина она уже знала, что въ Петербургѣ есть и въ свѣтѣ всего десять-пятнадцать женщинъ, всюду являющихся: „сборъ всѣмъ пожарнымъ частямъ“, какъ давно зовутъ ихъ. Всюду ихъ видишь, гдѣ только „весь Петербургъ“, а всего чаще въ Михайловскомъ театрѣ, гдѣ Зина еще не была—на благотворительныхъ базарахъ, на раутахъ, балахъ, пикникахъ, музыкальныхъ утрахъ.

— И вы попадали въ этотъ сборъ!—проронилъ онъ ей.

Но ей это нисколько не льстило. Она хочетъ прожить зиму одну или двѣ,—пока Парменій Никитичъ не получитъ своего „поста“,—иностранкой, пріѣзжей, безъ всякихъ строгихъ обязан-

ностей передъ обществомъ. Вотъ они и составляютъ товарищество; прѣдетъ Сосѣ—она уже телеграфировала о своемъ возвращеніи въ Россію—отецъ былъ очень слабъ; Снѣткинъ прикомандируетъ къ нимъ обѣимъ двоихъ своихъ пріятелей, тѣхъ, что ждутъ уже сегодня въ ихъ ложѣ, въ циркѣ.

— Et la petite, y sera-t-elle aujourd'hui? —спросила Зина и поднялась съ кушетки.

Онъ не зналъ; но врядъ ли. Ему бы этого и не хотѣлось. Его Надя способна на какую-нибудь выходку, увидавъ его вмѣстѣ съ такой красивой женщиной.

— Mon vieux, — сказала ему Зина, въ дверяхъ, — vous la craignez, votre petite. Il faut que je la tranquillise!

И со смѣхомъ она скрылась въ свой будуаръ позвонить горничную. Шелъ уже десятый часъ. Снѣткинъ, какъ только пріѣхалъ, отпустилъ свои сани и приказалъ имъ ѣхать къ „Надеждѣ Андреевнѣ“, на квартиру ея пріятельницы. За каретой онъ хотѣлъ послать изъ отеля; но Зина не пожелала кареты; потребовала троечныхъ саней, которые и дождались съ семи часовъ у подъѣзда.

Весело болтали они, когда шли по корридору бель-этажа. Около лѣстницы далъ имъ дорогу и церемонно поклонился старшій кельнеръ, изъ нѣмцевъ, во фракѣ и бѣломъ галстухѣ. Снѣткинъ шепнулъ Зинѣ:

— Je vous comprometts... Ça a bigrement l'air d'une partie fine!..

Оба разсмѣялись.

Въ своей песцовой шубѣ и шапочкѣ, покрытой наполовину бѣлымъ платкомъ, Зина спускалась по ступенямъ лѣстницы легкой и величавой поступью. Снѣткинъ засмотрѣлся на нее. Но она его не волновала, какъ женщина. Они были созданы только для пріятельства. Онъ глядѣлъ на ея профиль, строгій самъ по себѣ, но смягченный, въ ту минуту, блуждающей улыбкой и полупущенными рѣсницами.

„Барыня любитъ кутнуть—и хорошо дѣлаетъ!“ —думалъ онъ. „Пускай въ холодномъ да въ ливерахъ находитъ забвеніе!“

Ему сдавалось, что это забвеніе ей нужно. Она извѣдала страсть, и онъ ей не вѣрить, что теперь все прошло, что она способна встрѣтить князя Рязскаго съ насмѣшками надъ самой собой. Мужа не любитъ, петербургскій свѣтъ пріѣдется ей въ одну, въ двѣ зимы: она видѣла всякій high-life; что же остается? Но и кутить можетъ оказаться неудобнымъ, при такомъ мужѣ, какъ Рыннинъ. Развѣ найдетъ забавнымъ обманывать его? Такой жен-

щинѣ нужна встрѣча съ человѣкомъ, у котораго миллионы, дьявольскій темпераментъ, жажда жизни, вкусъ. А гдѣ онъ?..

Глаза Снѣткина вдругъ потускнѣли. Ему стало какъ бы досадно на Зину, что она выздоровѣла. Значить, разъ уже жаждала смерти?.. Тогда-то бы и жить, вернуться въ деревню, пустить въ ходъ всѣ свои чары, притянуть къ себѣ богомольца, „le gouler, sacré-dieu“! Для всего этого еще стоило жить; а теперь?..

— Qu'avez-vous?—окликнула его Зина, остановившись на послѣдней ступенькѣ.

Она посмотрѣла на него, и ей вдругъ вспомнились его слова, въ Шираевѣ, во время спора съ Рынинымъ: какъ онъ не задумается покончить съ собою, когда прожить больше будетъ уже нечего. И въ его глазахъ она прочла въ эту минуту точно новое подтвержденіе такого конца.

— Pas de bêtises!—вдругъ сказала она Снѣткину совсѣмъ другимъ тономъ.

— Et quoi?—удивленно спросилъ онъ.

— Je veux vivre, mon ami,—продолжала она, напирая на каждое слово:—entendez-vous?.. Et je vous y engage aussi!..

Снѣткинъ откинулъ голову назадъ и разсмѣялся.

— Vous lisez dans mon âme! Parole d'honneur!

Они стояли уже на площадкѣ, противъ лѣстницы. Мальчикъ отворялъ имъ дверь. Въ передней два швейцара ждали ихъ.

— Тройку прикажи подать!—крикнулъ Снѣткинъ мальчику.

Тотъ передалъ приказаніе ближайшему швейцару.

— Nous sommes perdus!.. Une troïka!—дурачился Снѣткинъ.

Прислуга могла думать, что ей угодно; Зина нисколько этимъ не смущалась. Она потребовала тройку, потому что ей хотѣлось послѣ спектакля въ циркѣ—онъ кончится рано—ѣхать на острова, кататься на горахъ. Ночь была славная, съ легкимъ снѣжкомъ, мягкая и не очень холодная.

Тройка спустилась со двора подъ ворота. Бубенчики звонко раздались подъ сводомъ. Двое мужчинъ съ дамой, ожидавшіеся экипажа, смотрѣли на это отправленіе красивой пары въ тройкѣ. Посыльные засуетились. Швейцаръ усаживалъ Зину и застегивалъ полость. Все это забавляло ее. Она смѣло оглядывала зрителей, принявшихъ ее, наѣрное, за женщину полусвѣта.

Сани вылетѣли изъ-подъ воротъ съ задорнымъ гудѣньемъ бубенцовъ и круто повернули налѣво, къ Михайловскому скверу. Маленькій переѣздъ къ цирку показался Зинѣ смѣшнымъ, по своей быстротѣ. Вотъ такъ хотѣла бы она переходить отъ одного

ощущенія къ другому, чувствовать себя по-дѣтски, ни на чемъ не останавливать ни мысли, ни страстнаго желанія...

Тройка стояла уже передъ подъѣздомъ цирка. Опять артельщикъ разстегивалъ полость. Снѣткинъ освѣдомился объ имени извозчика.

Они вошли въ проходъ между двумя половинами амфитеатра въ ту минуту, когда съ другой стороны, подъ интродукцію оркестра, показалась наѣздница, французенка, въ свѣтло-шоколадной амазонкѣ, стройная, прекрасной школы и такого строгаго стиля во всемъ своемъ туалетѣ, что Зина остановилась на ходу и стала разглядывать ее. Она не была особенно красива и уже не очень молода, съ крупнымъ профилемъ.

— Господа кавалеристы одобряютъ,—замѣтилъ Снѣткинъ. — А на вашъ вкусъ какъ?

— Très stylée,—убѣжденно отвѣтила Зина, и тутъ же представила себѣ, какая она сама могла бы быть видная наѣздница высшей школы.

Служитель провелъ ихъ къ ложъ. Тамъ уже дожидались „les bons jeunes hommes“, Шварцъ и Кремлевъ. Они сѣли на двухъ заднихъ стульяхъ. Шварцъ, смуглый, длинный, носилъ остроконечную бородку; правильныя черты лица были въ восточномъ типѣ. Кремлевъ—пухленькій блондинъ средняго роста. Оба были одинаково подстрижены, носили пальто съ мерлушковыми воротниками одной высоты, шапочки изъ мерлушки же и одноцвѣтныя грубыя, вязаныя, заграничныя варежки. Оба были въ *pinse-nez* и съ палками.

Они встали. Снѣткинъ кивнулъ на каждого головой, назвалъ ихъ по-одиночкѣ и, когда всѣ разсѣлись, сказалъ имъ:

— Вамъ предоставляется состоять при ложѣ сегодня, и если Зинаидѣ Мартыновнѣ будетъ угодно, то и вообще.

И онъ сталъ объяснять Зинѣ, что всѣ вотъ такіе петербургскіе „jeunes hommes“ состоятъ „при ложахъ“, и безъ этого немислимо ихъ существованіе.

Шварцъ и Кремлевъ не возражали; оба своими кроткими минами показывали Зинѣ, что она ими будетъ довольна, и лучше адъютантовъ она не найдетъ.

Ей они понравились. Съ ними будетъ удобно, это сейчасъ же чувствовалось.

— Наѣздница—парижская, изъ Cirque d'hiver!—доложилъ Кремлевъ.

Другъ его Шварцъ подтвердилъ это наклоненіемъ головы и прибавилъ:

— Загряжскій уже сдѣлалъ отличное *mot* насчетъ ея невыразимыхъ.

— Чего? — переспросила Зина.

— Пьедесталовъ! — Кремлевъ показалъ на свои панталоны. — Они у нея *couleur miraille*... на штрипкахъ.

— Такъ надо, — серьезнымъ тономъ одобрила Зина.

И всѣ четверо обернулись къ наѣздницѣ. Та заставляла своего венгерскаго каравоваго жеребца кланяться въ ихъ сторону. Черезъ двѣ минуты, когда лошадь обошла арену особымъ труднымъ аллюромъ, нѣсколько гусаръ захопали. Зинѣ показали, вправо, Луку Загряжскаго, перваго каламбуриста Петербурга, уже сдѣлавшаго „*mot*“ насчетъ панталонъ наѣздницы. Онъ сидѣлъ съ двумя мужчинами въ ложѣ. Шинель съ бобромъ и такая же шапка скрывали немного его лицо.

— *Superbe tête!* — почти со вздохомъ сказалъ Шварцъ.

— И умница, — добавилъ Кремлевъ.

Зина остановилась подольше на лицѣ Загряжскаго. Тотъ снялъ шапку. Подъ гребенку стриженные пепельные волосы, уже немного рѣдѣющіе, красивымъ выемомъ выступали на лбу; въ очертаніи черепа, со сдвоенными висками, было что-то татарское, суховатое и чинное, также и въ хрящеватомъ, нервномъ носѣ, въ бровяхъ, въ бородѣ двумя влинушками.

— Одобряете? — спросилъ Снѣткинъ.

— Онъ навѣрно не изъ благочестивыхъ, — сказала она вполголоса, — *mais il n'a pas l'air fat*.

— Насчетъ этого Шварцъ расскажетъ вамъ знаменитую его остроуту.

Кремлеву ужасно хотѣлось рассказать раньше Шварца, но онъ уступилъ другу.

— Былъ смотръ, — началъ Шварцъ, медленно и съ неподвижнымъ лицомъ.

— Не тяни! — вырвалось у Кремлева.

— Начальникъ дивизіи, старичокъ, князь Рукавицынъ, обращается къ строю и вызываетъ: „кто имѣетъ претензію?“ Загряжскій былъ тогда вольноопредѣляющимся; выѣзжаетъ и говоритъ: „я, ваше сіятельство, заявляю претензію“. — „На что?..“ — „На красоту... ваше сіятельство!..“

Кремлевъ засмѣялся раньше Шварца. Снѣткинъ покрылъ его жидкій смѣхъ своимъ густымъ и болѣе жирнымъ; Зина вторила имъ. Остроуту она нашла очень смѣшной, можетъ быть, оттого, что ей въ циркѣ, въ эти десять-пятнадцать минутъ, стало еще веселѣе, чѣмъ въ отелѣ, когда они шли со Снѣткинымъ по корридору и лѣстницѣ.

— Претензію... на красоту!—повторила она вслухъ и поглядѣла въ сторону ложи Загряжскаго.

И онъ, и тѣ, кто съ нимъ были, обратили вниманіе на Зину, какъ только она вошла. Загряжскій точно понялъ, что въ ложѣ этой неизвѣстной еще никому дамы говорить о немъ. Онъ пустилъ быстрый боковой взглядъ и кивнулъ головой мужчинамъ, сидѣвшимъ съ Зиной.

Она еще разъ остановилась на немъ глазами и сказала Снѣткину такъ, чтобы остальные не слышали.

— Décidément, je le gobe!

— И какъ стрѣляетъ!..—доложилъ Кремлевъ.

— Голубей!..—прибавилъ Шварцъ.

— Un chasseur de femmes.—Снѣткинъ сказалъ это, наклонившись къ Зинѣ.

Она все слушала съ улыбкой, не сходявшей съ ея губъ.

Развѣ такой вотъ острякъ и стрѣлокъ менѣе красивъ, чѣмъ тотъ, изъ-за котораго она бѣсновалась? И такъ ей вдругъ живо представился зимній вечеръ, когда она стояла въ снѣгу, въ однихъ чулкахъ, и морозила себя, по доброй волѣ искала смертельной болѣзни!

— Ха, ха, ха! — разразилась она, отвѣчая какъ будто на кувырканье клоуна съ летучей мышью на спинѣ и въ крашеномъ войлочномъ колпакѣ.

Но не клоунъ разсмѣшилъ ее такъ; она сама себя показала такой смѣшной... на кладбищѣ, въ однихъ чулкахъ, въ сугробѣ!..

Она окинула глазами весь амфитеатръ, ложи, кресла и стулья, рядъ головъ въ первыхъ и вторыхъ мѣстахъ, царскую ложу, весь этотъ малиновый трипъ и фрески потолка, и трапеции, оркестръ, красныя и бѣлыя фуражки офицеровъ, мѣха женщинъ, ихъ шляпки; потомъ группу артистовъ цирка въ парадныхъ венгеркахъ и большихъ сапогахъ,—и ей стало вдругъ, въ этомъ Петербургѣ, такъ удобно, хорошо; она была въ густомъ воздухѣ пользованія жизнью, наравнѣ со всѣми этими женщинами и мужчинами, штатскими и военными, посѣщавшими субботы цирка. Вотъ опять то масонство, „къ которому она принадлежала“ за границей; но тамъ оно было все-таки—чужое, случайное, заѣзжее; здѣсь же все это—свое. Связь есть несомнѣнная. И Снѣткинъ, и два ея новыхъ адъютанта, и тотъ острякъ и красавецъ, да и всѣ русскіе люди, всѣ, какъ выразался ея мужъ, „прожитатели“, они ее прекрасно поймутъ и оцѣнятъ, и съ ними она точно у пристани. Вѣдь сколько между этими мужчинами есть—самыхъ лучшихъ фамилій? Имъ мѣсто въ салонахъ здѣшняго „high-life“; а

они живутъ только въ своей кутильной компаніи, вотъ здѣсь, въ циркѣ, съ такими же дамами, любящими пожить, въ игорномъ домѣ, на пивникахъ, у цыганъ; надъ свѣтомъ они посмѣиваются, хотя и бываютъ въ немъ, по обязанности... И нагѣрное, самые веселые, умные, острые, смѣлые—въ ихъ числѣ...

Зина захлопала штурѣ наѣздника, вскочившаго на крупъ лошади, на всемъ скаку. Его трио въ чешуйчатыхъ блестяхъ, гибкій станъ искрились передъ ней и наполняли ее этимъ новымъ для нея и радостнымъ чувствомъ своего освобожденія отъ всякихъ прежнихъ оковъ и узъ, страстей и недуговъ... Она ни за что не повѣрила бы въ ту минуту, что съ нею могутъ случиться припадки... Какіе?.. Съ ней?.. Какой вздоръ! Щеки ея разгорѣлись, глаза блестя; она откинула на плечо шубу и высободила совсѣмъ руки.

Шварцъ и Кремлевъ разомъ заглядѣлись на Зину; потомъ обмѣнялись усмѣшками.

Снѣткинъ наклонился къ нему и шепнулъ:

— Что?.. какова барыня?..

— Прелесть!—сказалъ Шварцъ.

— Прелесть!—повторилъ его другъ.

И оба захлопали наѣзднику.

Зина уже мечтала объ ужинѣ. Она непременно будетъ ужинать, и эти господа должны ее угостить цыганами. Она потребуетъ, чтобы съ нея взяли ея часть. Отнынѣ она будетъ кутить по-мужски, платить за свою часть.

Но... одна дама и трое мужчинъ... А почему бы сегодня же не познакомиться съ той, avec la petite de Sniétkine?

Въ антрактѣ она спросила его:

— Elle n'y est pas?

— Non...

Было не мало дамъ въ ложахъ, въ креслахъ, и „порядочныхъ“, и „такихъ“; Зина „такихъ“ еще не особенно скоро различала и приняла одну барыню съ двумя гусарами за русскую кокетку.

— C'est tout comme!—замѣтилъ Снѣткинъ.

Зина почти потребовала, чтобы онъ добылъ свою Надю послѣ спектакля, одну или съ ея пріятельницей, непременно!

Онъ было началъ возражать, но Зина распорядилась сама.

— Шварцъ,—приказала она обрадованному брюнету,—поѣжайте туда, куда васъ пошлетъ Снѣткинъ, и привезите сейчасъ отвѣтъ.

— Почему же не я?—запросился Кремлевъ.

— Ступайте вы оба, это еще лучше; но одинъ тамъ останется, а другой вернется съ отвѣтомъ. Маршъ!..

Къ ней этотъ русскій, безцеремонный тонъ чрезвычайно шелъ. Всѣ мужчины засмѣялись разомъ, и Снѣткинъ, на ухо Шварцу, рассказать, въ чемъ дѣло. Надо было отыскать Надю и Машеньку и предложить имъ ѣхать на тройкѣ, въ „Самаркандъ“, одному съ ними остаться, другому вернуться съ отвѣтомъ, или обоимъ, если тѣ упрутса.

— Не являться обоимъ!—погрозила Зина.

Въ перерывѣ для устройства сѣтки—должна была качаться подъ потолкомъ какая-то дѣвица—друзья ушли, оба чрезвычайно довольные; Зина начала спрашивать Снѣткина почти о каждомъ мужчинѣ, въ ложахъ и креслахъ, кого онъ зналъ, и ихъ дамахъ. Выборъ—довольно большой, особенно для одной Зины. Снѣткинъ называлъ ей фамилии, и это дѣлало ихъ ближе къ ней. Всматриваясь въ лица, въ жесты, въ манеру держаться, она замѣчала, что всѣ эти виверы гораздо проще, чѣмъ заграничные; въ нихъ мало рисовки, никто не позируетъ „pour le torse ou autre chose“, какъ она сказала тутъ же Снѣткину.

— Такъ что вы нашъ человѣкъ на вѣки? — спросилъ Снѣткинъ.

— О, да!..

Ему все-таки надо было предупредить Зину насчетъ своей Нади. Та можетъ оказаться очень бурной. Потомъ, надо же было приготовить и насчетъ Парменія Никитича..

Зина ничего не боялась. Чтò бы ни вышло у цыганъ, она впередъ на все готова. Мужъ будетъ на раутѣ и можетъ сидѣть тамъ, сколько ему угодно. Если она явится домой въ два, даже и позднѣе, это—прекрасный опытъ на будущее время.

— Et voilà!—заключила она молодо и задорно.

Дѣвица вся въ трико тѣльнаго цвѣта, съ яркимъ бархатомъ вокругъ пояса, качалась на ужасной высотѣ. Зина взглянула на нее и безъ всякаго жуткаго чувства стала ею любоваться. Смѣлость этой акробатки сообщалась и ей. И она была бы способна такъ качаться на трапеціи, подъ потолкомъ.

Среди грома аплодисментовъ явился сіяющій Кремлевъ, одинъ, и односложно доложилъ:

— Улажено!

Онъ былъ еще менѣе щедръ на слова, чѣмъ его другъ.

Въ половинѣ пантомимы, Зина дала сигналъ къ отъѣзду. Было около одиннадцати. Ее тянуло на воздухъ въ снѣжную ночь. Она узнала отъ Кремлева, что „тѣ дамы“ будутъ не раньше

двѣнадцати въ „Самаркандѣ“, и потребовала цѣлый часъ кататься.

— Въ какихъ духахъ Надя?—спросилъ Свѣтлинъ тихонько у пріятеля.

— Въ отличныхъ... И съ Машенькой—водой не разольешь!

— Про барыню умолчалъ, надѣюсь? Это сюрпризомъ надо.

— Еще бы!..

Зина прекратила это *a parte* въ сѣняхъ и ушла Кремлева торопить сани.

III.

Изъ первой, главной, гостиной приносился гулъ голосовъ свѣта; справа, такой же гулъ изъ столовой, гдѣ, около буфета, было еще больше гостей. Въ дверь виднѣлся край стола съ пучкомъ свѣчей высокаго канделябра. Этотъ край обступила цѣлая стѣна мужчинъ. Подъ канделябромъ переливала разными цвѣтами глыба льду съ углубленіемъ по срединѣ. Туда метръ-д'отель безпрестанно вливалъ красноватую сладкую смѣсь двухъ винъ. Внизу, вокругъ глыбы, стояли лампочки съ цвѣтными рефлекторами. Онѣ и заставляли толщу льда переливать радугой.

Всѣ восхищались этой ледяной ступой. Напитокъ, хотя и не изъ первосортнаго шампанскаго, всѣмъ очень нравился. Нѣкоторые изъ мужчинъ протискивались съ стаканами и подставляли ихъ подъ разливательную ложку метръ-д'отеля. Дальше, въ глубинѣ довольно короткой столовой, шли разговоры: вдоль буфета стояли больше дамы. Военные въ густыхъ эполетахъ и пожилые штатскіе преобладали.

Проходная узловая гостиная была почти пуста. Въ самомъ углу, подъ раскидистой латаніей, Рынинъ сидѣлъ противъ дамы, лѣтъ за сорокъ, полной, широколицей брюнетки, въ тяжеломъ платьѣ, темноватаго цвѣта, и въ наволеѣ съ цвѣтами. Ея маленькіе глаза, немного насмѣшливые и холодные, глядѣли на него пристально. При разговорѣ, ротъ ея шевелился отчетливо и голосъ, сдержаннаго звука, выходилъ изъ горла точно съ легкимъ скрипомъ.

Они сидѣли уже больше десяти минутъ.

Эту барыню ему давно хотѣлось рассмотреть. Онъ съ ней немножко притворился: ни однимъ словомъ не выдалъ отъѣнка своихъ взглядовъ. Барыня, не дальше какъ пять лѣтъ назадъ, держала вліятельный домъ, куда не легко было попасть.

Тогда ея ближайшіе друзья были у дѣлъ. Теперь она показывала мало, но продолжала принимать пріятелей. Въ манерѣ

держатъ себя, въ тонѣ, осталась она та же; и то, и другое — какъ бы говорили: „я — въ тѣни, но это меня не смущаетъ“.

Въ Рыникѣ она сейчасъ же почувала военного, выжидающаго случая: пойти въ ходъ. Она говорила съ нимъ на извѣстномъ разстояніи, давая ему понять, что еще не такъ давно онъ многое бы далъ за то, чтобы попасть въ ней.

И онъ, слушая ея отчетливыя фразы и скрипучій звукъ ея голоса, про себя опредѣлялъ ее. Онъ не вѣрилъ въ ея „идею“. Какія идеи могутъ быть у женщины? Просто, попала, по мужъ, въ извѣстный кружокъ дѣльцовъ и карьеристовъ, потомъ, когда овдовѣла, — смекнула, что, заручившись бойкимъ, богатымъ и вліятельнымъ пріятелемъ, можно „проводить дѣла“.

„Я тебя, матушка, вижу насквозь!“ — думалъ онъ, взглядывая на нее исподлобья. „Ты — кулакъ и малякъ. Боже избави отъ такой политической бабы! Тебѣ бы — въ концессіи нагрѣть руку, а то и прямо въ руку получить кушъ“.

— Вы, я вижу, — сказала она ему съ сухой усмѣшкой, — удивлены, что здѣсь такъ много бываетъ?.. — Она намекала на то, что хозяинъ вечера — „изъ бывшихъ“ и его пѣсенка, вѣроятно, уже свѣта.

Рыникъ очень почтительно замѣтилъ ей, что это ему нравится. Стало быть, въ обществѣ есть хоть какая-нибудь самостоятельность. Да и, наконецъ, этотъ домъ продолжаетъ быть очень пріятнымъ именно потому, что сюда такъ много ѣздить; хозяйка держитъ свой салонъ замѣчательно.

— И, видите, цѣлый ледяной домъ устроенъ! — указалъ онъ на глыбу.

Она просвѣчивала сквозь толпу.

„Вы обѣ, голубушки, — продолжалъ думать Рыникъ, — локти кусаете, и больше вамъ ничего не осталось, какъ фразы сочинять и показывать свои люмберы“.

Ему забавно дѣлалось, что вотъ такая „жоухъ-баба“, и могла даже самое себя увѣрить въ своемъ патріотизмѣ и безкорыстныхъ государственныхъ идеяхъ.

Но и она не вѣрила его сдержанному тону. Она распознавала въ немъ одного изъ „нынѣшнихъ“, и захотѣла ему показать, что ее провести не такъ легко.

— Вы изъ чающихъ воды? — спросила она его, и глаза ея зло моргнули.

— Какъ это?

Рыникъ точно будто не понялъ сразу; но краска выступила у него на щекахъ, оставшаяся незамѣтной въ полусвѣтѣ комнаты.

— Ждете очереди?

Игривый тонъ не шелъ къ ея широкой, сырой фигурѣ; но въ звукѣ голоса была немалая язва.

Нетрудно было Рынину и разсердиться, но онъ не желалъ не только показать, что она его задѣла, даже и внутренне почувствовать какую-нибудь обиду.

— Если хотите, да, — отвѣтилъ онъ просто. — Для каждаго, кто начинаетъ, Петербургъ — обязательная пріемная. Всѣ ждутъ! Однихъ пригласять въ кабинетъ сейчасъ же; другіе постоятъ и потерпятъ.

— Вы сюда ѣздите, стало быть, присмотрѣться къ... оставшимъ? — сказала она съ нѣкоторымъ усиліемъ. — А не правда ли, говорить все: — „въ Россіи нѣтъ никакихъ партій“? Это вздоръ! Развѣ и у насъ нѣтъ: la hausse et la baisse внутренней политики? Или вы, быть можетъ, не допускаете, чтобы въ Россіи было что-нибудь на западный образецъ? Теперь только и слышишь вездѣ: „намъ того не нужно, намъ этого не нужно, мы совсѣмъ не Европа, мы — Азія, и наше единственное призваніе — смотрѣть на востокъ“. Вы не раздѣляете такого взгляда?

Она положила ногу-на-ногу и вызывающе посмотрѣла на него.

— Это слишкомъ мудреный вопросъ, — сказалъ онъ съ усмѣшкой. — Гдѣ же мнѣ его рѣшать? И сейчасъ же! Только мнѣ думается, что здѣсь, въ Петербургѣ, всѣ взгляды на Россію — что-то въ родѣ оптического обмана...

— Не новая мысль; но положимъ и такъ — откуда же смотрѣть на свое отечество? Непремѣнно изъ Москвы, со Страстного бульвара, или какъ, бишь, ее... эту улицу?.. Вы навѣрно тамъ бывали?

Рынинъ не подсказалъ ей улицы, и лицомъ своимъ далъ ей почувствовать, что онъ и скрываться отъ нея не желаетъ, да и картъ своихъ выкладывать — также.

Разговоръ пошелъ въ этомъ неискреннемъ направленіи. Они уже терпѣть не могли другъ друга, и ихъ глаза не лгали. Вдаваться въ споръ Рынинъ счелъ бы рискованнымъ. Хотя онъ не признавалъ за женщинами ни идей, ни настоящаго ума, онъ всегда боялся оказаться недостаточно начитаннымъ. А женщина, всякая, не то что ужъ такая проводительница дѣлъ, сейчасъ начнетъ дѣлать сноски, экзаменовать насчетъ авторовъ. У нихъ всегда есть время читать книжки и языковъ онѣ больше знаютъ.

Но эта напряженная бесѣда съ барыней вызвала въ немъ мысль о томъ, что вѣдь его жена, Зина, право, могла бы говорить то же самое, или противоположное, при небольшой дрессировкѣ. У него, Рынина, свой скептическій взглядъ на женскую

голову; не всё такъ смотрять. Вѣдь несомнѣнно, что такая вотъ „баба-жоухъ“ играла роль, да и теперь еще денежныя дѣла не безвыгодно пускать черезъ нее. Да и она ли одна въ Петербургѣ? Мужчины слишкомъ стали дрянны; ничтожныя натуршешки ищутъ преобладанія женщинъ. И вотъ такая барыня—безъ красоты, кое-чего начитавшаяся, съ нюхомъ, съ ловкостью и при видномъ мужѣ или другѣ, можетъ сплотить цѣлый кружокъ. Въ дѣлахъ это—все! Это и есть „русская партія“: другихъ у насъ нѣтъ.

Зина весьма неглупа, оригинальна, съ мужчинами умѣла и въ дѣвицахъ говорить находчиво и рѣзко. И, при ея наружности, тонѣ, туалетахъ, она могла бы быть блестящей хозяйкой влиятельной гостиной. Богъ дастъ, она поумнѣетъ, надобѣтъ ей жить такъ, какъ она теперь живетъ. Модничанье можетъ перейти въ высшее тщеславіе, хоть отъ скуки. А умничать онъ ей не дастъ.

Этотъ рядъ мыслей проходилъ въ его головѣ между фразами, которыя онъ выговаривалъ вслухъ, или какъ будто слушая свою собесѣдницу. Она, какъ личность, уже болѣе не интересовала его. Этотъ „фасонъ“ онъ уже зналъ, и такія точно мысли и фразы слышалъ отъ мужчинъ; только у всякой бабы выходитъ, какъ будто она это сама сочинила: до такой степени мужчины привыкли слышать отъ женщинъ одну болтовню.

— Къ себѣ я васъ не приглашаю,—сказала ему барыня, и встала съ мѣста.—Вамъ у меня будетъ.. не занимательно... Вы, я вижу, новый человѣкъ, а мои пріятели все больше—запштаные.

— Вы это говорите такимъ тономъ,—позволилъ себѣ остановить ее Рынинъ,—что думаете совсѣмъ по другому.

— Будто?

— И, быть можетъ, вы и правы. У насъ нельзя сказать, что всплываетъ опять наверхъ... Помните у Грибоѣдова...

„...знать, время не приспѣло,

„А что безъ нихъ не обойдется дѣло!“

Онъ не удержался отъ своего смѣха, сквозъ зубы.

— Vous êtes méchant!—сказала ему барыня:—c'est bon pour la lutte.

И, съ довольно важнымъ поклономъ, удалилась.

Рынинъ подошелъ на минуту къ камину и облокотился о него. Мимо, изъ столовой въ большую гостиную и въ другую сторону проходили гости. Онъ спросилъ себя: не напрасно ли онъ немного посчитался съ той „бабой“? Вѣдь, кто ее знаетъ, она, можетъ быть, и очень пригодится. Кто знаетъ: и „бывшіе“, и тѣ, что „не у дѣлъ“, не всё, а одинъ, другой могутъ опять

очутиться „у дѣлъ“. Онъ тоже, въ эту минуту, въ домѣ одного изъ такихъ очутившихся „заштатными“, какъ называла барыня. Однако сколько народа сюда ѣздить, и всѣ почти безъ исключенія—служащіе. Вонъ сколько военныхъ; и штатскіе всѣ, до безбородыхъ молодыхъ лицъ, всѣ на службѣ. И летятъ они сюда ужъ, конечно, не затѣмъ, чтобы любовныя дѣла обдѣлывать. Если они и ухаживаютъ, такъ за пожилыми дамами или за старухами съ тономъ и вѣсомъ.

„Кто знаетъ!“—въ третій разъ повторилъ онъ мысленно, но все-таки не упрекнулъ себя въ беззащитности или въ томъ, что слишкомъ показалъ свои карты этой барынѣ. Уже то, что она говорила съ нимъ на особый ладъ, вовсе не какъ съ первымъ попавшимся военнымъ молодымъ лѣтъ, что-нибудь да значило. Она, стало, почувала уже въ немъ кое-что побольше полковника, носившаго прежде бѣлую фуражку. Но и онъ, съ своей стороны, хорошо сдѣлалъ, что хотъ и не исполнилъ, а показалъ ей, съ кѣмъ она разговаривала. Даже еслибъ и всплылъ опять кто-нибудь изъ ея пріятелей, нужды нѣтъ, это будетъ временная удача; будущее—за такими, какъ онъ.

И ему представлялась вотъ такая же квартира, еще обширнѣе. Весь этотъ людъ у него, на его субботахъ; ему уже подъ пятьдесятъ, онъ наверху своего поприща. Всѣ улыбаются, кланяются, жмутъ руку, поддакиваютъ всему, что онъ скажетъ. Верхъ петербургскаго вліянія и власти!

Но такъ ли это соблазнительно? Полно, нужна ли ему вотъ такая свѣтская декорация, которая остается почти одинаковой у настоящаго „патрона“ и у бывшаго, находящагося „не у дѣлъ“?

Нѣтъ, онъ чувствовалъ равнодушіе собственно къ свѣтской обстановкѣ. Не на это положить онъ свою душу. Это только—неизбѣжный аксессуаръ, въ которомъ его Зина могла бы сослужить ему службу. Вѣдь онъ тогда, черезъ пятнадцать, двадцать лѣтъ, еще больше убѣдится въ ничтожествѣ и мелкотѣ окружающихъ, въ томъ, какъ они бродятъ безъ царя въ головѣ, здѣсь, въ этомъ Петербургѣ. Не это будетъ наполнять его высокимъ сладострастьемъ, а сознаніе своей силы, характера, идеи, ума. Или онъ ошибается, или онъ правъ въ пониманіи того, что нужно его отечеству. Если не ошибается, и самое высшее вліяніе будетъ въ его рукахъ—какой еще побѣды, какого больше духовнаго наслажденія?..

За другими двумя военными, сталъ онъ протискиваться въ мовую. Хозяинъ, самъ въ мундирѣ, для приданія своимъ рау-

тамъ тона, весело говорилъ съ двумя пожилыми дамами. Безпечнѣе выраженія лица трудно было выбрать въ эту минуту.

Такимъ онъ, Рынинъ, конечно бы, не могъ или не сумѣлъ бы казаться, еслибъ онъ такъ спотынулся...

„Не дипломатія это, — думалъ онъ, — не сила воли; просто легкость нрава... Ему только бы гдѣ-нибудь и съ кѣмъ-нибудь поболтать“.

Жену его, хозяйку дома, оставшуюся въ гостиной, Рынинъ считалъ гораздо умнѣе и честолюбивѣе, опять-таки насколько можетъ быть умна женщина, на его взглядъ...

Къ хозяину надо было подойти. Онъ еще не успѣлъ этого сдѣлать. Да и тутъ, въ тѣснотѣ, не совсѣмъ было удобно. Тотъ его замѣтилъ, когда обернулся въ направленіи дверей. Рынинъ на полголовы былъ выше почти всѣхъ.

— Очень радъ! — приласкалъ его хозяинъ, и подаль всю ладонь.

И въ этомъ звукѣ — Рынину такъ показалось — слышно было вниманіе къ человѣку, который пойдетъ и пригодится со временемъ.

— Будете въ нашемъ засѣданіи? — спросилъ онъ вдругъ Рынина, обернувшись къ нему опять, точно онъ сейчасъ вспомнилъ о чемъ-то.

Онъ предсѣдательствовалъ въ обществѣ, гдѣ Рынинъ считался очень свѣдущимъ по части порядковъ за Балканами.

Дамы овладѣли хозяиномъ. Рынинъ пробирался дальше. Знакомыхъ онъ находилъ очень мало. Отъ Петербурга онъ поотсталъ, а въ нѣкоторыя гостиныя и строевымъ офицеромъ не былъ вхожъ. Но весь этотъ „люди“ (такъ онъ называлъ) ничего не прибавитъ ему, даже еслибъ онъ и со всѣми раскланивался, и вездѣ бывалъ. Теперь ему надо держаться двухъ-трехъ гостиныхъ — онъ знаетъ, какихъ.

Ужъ, конечно, не салона вонъ той старѣющей грѣшницы, проводящей зимы въ Петербургѣ, послѣ того, какъ она всѣмъ надѣла за границей. Что онъ у нея забылъ? Какъ она ни пыжится, ни болтаетъ, ни собираетъ къ себѣ въ гостиную всякихъ „знаменитостей“, но ничего изъ этого не выходитъ.

„Спѣта, матушка, и твоя пѣсенка, спѣта!“ — говорилъ Рынинъ, поглядывая на нее съ того мѣста, куда онъ дошелъ наконецъ, и взялъ себѣ рюмку мадеры и сандвичъ.

До него долетѣлъ изъ толпы рѣзковатый голосъ той барыни. Она такъ и сыпала французскими фразами. Имена ея парижскихъ друзей то-и-дѣло выскакивали.

„Ладно, — проговорилъ онъ про себя, — мели безъ помолу! Какъ ты ни хлопотала объ этомъ, а тебя даже и за свѣтскую шпіонку перестали принимать за границей; ты бы и на томъ помирилась, только бы за что-нибудь принимали тебя“.

Не пойдетъ онъ и къ той, вонъ, толстухѣ, свѣдаемой то же жаждой общественной роли. Ее, какъ пушку, чѣмъ ни заряди, она противъ кого угодно выпалить! Двадцать лѣтъ мѣшала она свои любовныя дѣла съ благотворительными, отъ любовныхъ дѣлъ должна была, за негодностью, отказаться, да и какъ „*dame-rat-gresse*“ потеряла уже кредитъ, а все еще выпаливаетъ, чѣмъ ее ни заряди.

Такъ безцеремонно и зло раздумывалъ онъ, съ рюмкой въ рукахъ, среди гула и толкотни столовой, гдѣ сдѣлалось уже немного попросторнѣе. Нѣтъ, въ такія гостинныя онъ не будетъ ѣздить. Всѣ эти старыя грѣшницы, какъ онъ ихъ разумѣлъ, такія же „бонапартистки“, какъ и та княгиня, при которой состояла когда-то добровольной чтицей его жена. Изъ той же „военно-исправительной роты“, какъ онъ называлъ по-офицерски. Еслибъ онъ сбросилъ съ себя и свой теперешній мундиръ оппозиціи и либеральныхъ идей, онъ бы и тогда не взялъ ихъ себѣ ни въ тѣтенки по части карьеры, ни въ простыя исполнительницы.

Глаза его выбрали въ толпѣ длинную, худощавую фигуру иностраннаго дипломата, съ которымъ онъ былъ немного знакомъ. И къ нему онъ не станетъ ѣздить! Да не то что къ нему, да и къ болѣе дѣльнымъ, чѣмъ этотъ высохшій отставной красавецъ, торчащій у всѣхъ барынекъ легкихъ нравовъ. Ему особенно пріятно, что теперь вся эта братья не играла даже тутъ, въ Петербургѣ, никакой роли. Нечего передъ ними прыгать! Молодые люди, секретари, всякіе *attaché*, пускай себѣ остаются той же пустельгой. Это гораздо лучше, чѣмъ предательская дѣльность двоихъ-троихъ нѣмцевъ, черезъ-чуръ много знающихъ. И къ тѣмъ онъ заѣзжать не будетъ, хоть и знакомъ со всѣми.

Вотъ это хорошо, что передъ ними теперь не прыгаютъ. Къ дипломатин, и къ чужой, и къ своей, у него было смѣшанное чувство пренебреженія и неприязни. Ненужная мебель, умишки, способные испортить всякое дѣло, гдѣ замѣшаны истинные интересы родины... И чужіе-то болтаются зря, когда не служатъ соглядатаями, даромъ получаютъ жалованье, отводятъ глаза отъ настоящихъ потребностей государства. Изъ всѣхъ дипломатовъ его лѣтъ, знавалъ онъ одного американца, — о нѣмцахъ Рынинъ не хотѣлъ и думать — дѣйствительно дѣльнаго; такъ тотъ смотритъ на всю Европу какъ

настоящій янки. Его отечеству ни тепло, ни холодно отъ того, что для русскаго патріота—дѣло первой важности...

У буфета стало еще просторѣе. Рынинъ не хотѣлъ больше толкаться ни тутъ, ни въ большой гостиной. День его былъ черезъ-чуръ наполненъ. Онъ почувствовалъ утомленіе въ спинѣ и въ груди отъ визитовъ, съ длинными приѣмами, отъ обѣда и раута. Ему теперь захотѣлось сбросить съ себя это петербургское дежурство. Да и слишкомъ много посмотрѣлся онъ, именно сегодня, на такихъ же „чающихъ“, какъ и онъ самъ. Всѣхъ онъ, болѣе или менѣе, презиралъ, потому что не вѣрилъ въ нихъ, не признавалъ за ними ничего, кромѣ стремленія къ окладу. И бритыя лица, и съ бакенбардами, и бородатыя, въ вицмундирахъ, фракахъ, военныхъ кафтаныхъ, въ аксельбантахъ и толстыхъ жилетахъ,—всѣ одинаково были ему прѣсны и безвкусны, подъ конецъ этого дня, такъ набитаго петербургской сутолокой.

И его никуда не тянуло, гдѣ бы онъ могъ отдаться какой-нибудь страсти или любимому развлеченію. Онъ не игралъ. Ему не нужно было пріятельской компаніи за веселымъ ужиномъ, ни кутежа съ женщинами.

И „очага“ у него не было. Онъ живетъ въ разныхъ номерахъ съ женой, точно два холостяка; она его не ждетъ, теперь должна уже быть въ постели. Ихъ брачная жизнь складывается такъ странно; такъ мало можетъ онъ считать себя мужемъ...

Его потянуло, однако, домой, въ холостой номеръ отеля. Изъ большой гостиной онъ, не прощаясь, вслѣдъ за нѣсколькими мужчинами, перешелъ, черезъ узкую комнатку, на лѣстницу. Спустился онъ повади двухъ господъ во фракахъ со звѣздами, изъ такихъ, которыхъ онъ съ особеннымъ удовольствіемъ называетъ „чинуші“. Ихъ лица, походка, воротнички давали ему заключительную ноту всего дня, проведеннаго имъ въ каретѣ, въ приемныхъ, въ дѣловыхъ кабинетахъ, столовыхъ и салонахъ.

Оба господина со звѣздами говорили о питьѣ въ ледяной ступѣ.

— Настоящее ли? — усомнился одинъ изъ нихъ, насчетъ вина.

— Красное, пополамъ съ голицынскимъ.

— Говорятъ, очень недурное вино... Я не пивалъ его такъ, просто, безъ примѣси.

— Дорого для русскаго шампанскаго!

Въ швейцарской разговоръ о голицынскомъ шампанскомъ смолкъ.

Рынинъ подумалъ: „смѣсь краснаго съ голицынскимъ“—вотъ петербургское „situation“, которую онъ пожелалъ бы опредѣлить.

Было около часу, когда карета Рынина въѣхала подъ ворота Европейской гостиницы. Ночной швейцаръ впустилъ его.

— Моя жена вернулась?—спросилъ онъ.

— Ихъ ключъ наверху, — отвѣтилъ швейцаръ. — Тамъ дѣвушка...

Рынинъ поднялся въ корридоръ бель-этажа. Ему захотѣлось проститься съ Зиной, передъ уходомъ въ свой номеръ. Съ тѣхъ поръ, какъ они въ Петербургѣ, онъ этого ни разу не дѣлалъ. Зина ложилась раньше его. Но тутъ онъ подумалъ, что, вѣроятно, она еще не легла. Можетъ быть, Снѣткинъ пилъ у нея чай.

Зина жила черезъ нѣсколько номеровъ отъ его помѣщенія. Онъ подошелъ къ номеру двадцать - шестому; внутри—свѣтъ въ передней и ключъ въ двери.

Въ передней—никого, и нѣтъ шубы на вѣшалкѣ.

— Wer da?—окликнулъ изъ боковой комнаты голосъ Милли.

— Ich,—отвѣтилъ онъ, удивленный.

Милли выскочила къ нему, немного заспанная. Барыня еще не возвращалась; уѣхала съ молодымъ господиномъ, тотчасъ послѣ обѣда. Докладывая объ этомъ, нѣмка начала путаться. Это его разсердило.

— Ну, хорошо!—не дослушалъ онъ ея и вошелъ въ гостиную, гдѣ догорала лампа.

Заглянуть онъ мелькомъ въ спальню. Она была темная. Въ пальто и шапкѣ постоялъ онъ нѣсколько секундъ посрединѣ гостиной и вышелъ, сказалъ только горничной, чтобы вынесли лампу, иначе останется запахъ.

Къ себѣ онъ пришелъ нахмуренный. Человѣкъ его спалъ отдѣльно. Онъ за нимъ не сталъ посылать, сбросилъ съ себя мундиръ и въ панталонахъ и рубашкѣ долго ходилъ по первой комнатѣ, гораздо скромнѣе отдѣланной, чѣмъ у Зины.

Она, стало быть, ужинаетъ съ Снѣткинымъ... и съ тѣми двумя мальчишками, о которыхъ онъ говорилъ. Съ какой стати? Послѣ такой болѣзни, два мѣсяца послѣ смерти матери—причины Зининой болѣзни онъ не знаетъ—и, вдругъ, накинуться сейчасъ на петербургское вивѣрство, съ хлыщами... въ какомъ-нибудь кабакѣ?... Ужъ не на островахъ ли, у цыганъ?.. 9.

Виноватъ самъ!.. Распустилъ, размякъъ, во время ея тифа, въ Москвѣ. Его женѣ совсѣмъ ужъ не пристало попадать въ отдѣльные кабинеты...

Онъ такъ задумался, что проходилъ больше получаса. И какъ онъ не отговорилъ Зину и въ циркъ-то ѣхать со Снѣтки-

нымъ? Положимъ, настоящій трауръ она сама не пожелала носить, да и мало ее знаютъ въ городѣ; но все-таки это была непростительная слабость съ его стороны.

Не раздѣваясь, прилегъ онъ на кушетку, около столика, куда поставилъ свѣчу, и взялъ книгу. Сначала онъ читалъ довольно внимательно;—посмотрѣлъ на часы: прошло всего двадцать минутъ, уже безъ пяти два. Отелъ весь замеръ. Беззвучно чувствовался корридоръ, тамъ, за двойными дверьми комнаты и передней. Раздались глухіе шаги, мужскіе, тяжелые. И опять—все замерло.

Это жданье показалось Рынину унижительнымъ. Дѣло очевидное: они кутать, ужинаютъ; ему надо завтра быть у обѣдни въ одной домово́й церкви, и онъ не желаетъ имѣть заспанный видъ.

Свѣчу перенесъ онъ въ спальню, скоро раздѣлся и легъ въ постель. Читать онъ больше не будетъ. Когда темнота обволокла его, Рынинъ повернулся къ стѣнѣ, тотчасъ же закрылъ вѣки и сталъ усиленно отгонять всякія тревожныя и непріятныя мысли.

Но сонъ не шелъ. Онъ пробовалъ даже начать считать: „разъ, два, три“—до ста. Совсѣмъ отлегло сонъ; слухъ все изощрялся. Онъ, противъ желанія, прислушивался къ тишинѣ отеля. Внизу два раза отворяли дверь. По лѣстницѣ поднимался кто-то, навѣрно вдвоемъ: мужчина съ дамой. Можно было различить женскій, молодой голосъ. Но Зина должна была пройти мимо его номера. Въ его сторону никто не проходилъ.

Такъ лежалъ онъ, по крайней мѣрѣ, полчаса. Недовольство собою заново овладѣло имъ. Вся отвѣтственность за такую выходку жены лежала на немъ, на мужѣ.

Это обвиненіе „мужа“ повело его мысль дальше. Его женитьба, въ первый разъ, въ эту ночь, представилась ему въ видѣ больше чѣмъ годового итога. Онъ — мужъ... Но развѣ у него, въ самомъ дѣлѣ, есть супружеская жизнь?

Никакой!.. Даже подобія того, что люди ищутъ въ бракѣ. Жена его не любитъ. Только силой добился онъ того, что она перестала ему выказывать отвращеніе. Съ самаго выздоровленія Зины, они живутъ какъ товарищи или, лучше, какъ компаньоны. Между ними—родъ перемирія, вовсе не миръ. Она поуспокоилась и, кажется, стала менѣе истеричной—и только. Ни къ чему онъ ее еще не приучилъ серьезному. Да, сдается ему, и прежнее ея преклоненіе передъ стилемъ, свѣтскость заграничной *goutteuse* тоже уходитъ. Она можетъ сдѣлаться просто скучающей, кутающей барыней. Не даромъ она—родная дочь Мартына

Ногайцева. Кутежъ поведетъ за собой и распущенность. Подвернется какой-нибудь фатъ... тотъ же Снѣткинъ...

„Неужели,—продолжалъ допрашивать себя Рынинъ,—только на ея приданомъ женился я?.. Нѣтъ!“—чуть не вслухъ крикнулъ онъ.—„Это неправда!“... Онъ могъ найти себѣ партію, могъ выкупить свое Ширяево, взять въ Москвѣ невѣсту—простую, но строго держанную дѣвушку, хотя бы и купеческаго рода... Да и какой-же „родъ“ у Зины? Всѣ знали, что она—бывшая побочная дочь, уже взрослой дѣвушкой не имѣвшая имени... Зарвался онъ своимъ мужскимъ тщеславіемъ, захотѣлось пересилить „шальную бабенку“—показать себя какимъ-то героемъ изъ „Укрощенія строптивой“. Больше ничего и нѣтъ.

Никогда еще не спрашивалъ онъ себя съ такой ясностью головы и безстрастіемъ: какое у него чувство къ женѣ? Съ ея болѣзни, она не привлекаетъ его теперь и какъ женщина. Со стриженной головой она смотритъ мальчикомъ. Нѣжности онъ къ ней никогда не имѣлъ. Она не умѣетъ, да и не хочетъ тронуть его сердце; ни одного ласковаго слова не слыхалъ онъ отъ нея.

И все это онъ выносилъ и выносилъ, до сихъ поръ, добровольно.

Что же подъ этимъ? Вѣроятно, что-нибудь да есть. Будутъ ли дѣти?.. Врядъ ли... Съ этимъ онъ почти помирился.—Если не будутъ—къ чему же сведется совмѣстная жизнь? Но не самъ ли онъ виноватъ? Не слишкомъ ли онъ уходилъ, да и теперь уходитъ, въ свое мужское самообладаніе и спокойствіе, въ сознаніе превосходства надъ другими мужчинами!..

Приравнивать хоть немного Зину къ кому бы то ни было не пришло ему ни разу на умъ. И онъ совсѣмъ вѣдь не знаетъ, чтѣ у нея на сердцѣ, такая ли она теперь, какая была въ Ширяевѣ.

Ему вспомнилось лицо князя Рязскаго, его первый визитъ, то, какъ держала себя Зина, ея туалетъ въ тотъ день, когда они его ждали завтракать и обѣдать; особенный тонъ, какимъ она про него говорила, чтѣ-то такое, чтѣ противорѣчило ея возбужденности. А въ его отсутствіе? Что тамъ было? Видались они или нѣтъ? Онъ у нея ни разу не спрашивалъ.

Прошло три часа. Рынинъ такъ сильно перевернулся въ постели, что она хрустнула. Кутежъ? До четвертаго часа! Онъ не хотѣлъ больше ждать ни одной минуты, но сонъ отлетѣлъ совсѣмъ.

Вотъ слышны шаги; да, это навѣрно она!.. Впереди кто-нибудь идетъ и несетъ свѣчу. Прислуга будетъ знать, что го-

спожа Рынина возвращается одна, послѣ барина, можетъ быть, еще съ провожатымъ... Да, мужской голосъ. Только не Снѣткинъ...

Еще немного — Рынинъ вскочилъ бы и сталъ одѣваться. Проходятъ мимо его двери...

На такомъ ужинѣ Зина, навѣрно, пила и шампанское, и любимые свои ликеры. Послѣ болѣзни она стала забывать свои „аглицкія“ привычки; но съ такимъ молодцомъ, какъ Снѣткинъ, онѣ могутъ вернуться.

Звуки шаговъ затихли въ нѣсколькихъ аршинахъ. Это — она.

Пойти къ ней сейчасъ? Сдѣлать сцену? Рынинъ отвѣтилъ: „Нѣтъ!... Завтра!“ — И успокоился.

Идти просто, на правахъ мужа, онъ тоже не захотѣлъ. Ему не слѣдуетъ показывать ей, что онъ слѣдитъ, слушаетъ, дожидается ея возвращенія. Только такимъ пикникамъ онъ положить конецъ.

Щелкнулъ ключъ изнутри, очень звонко. Это заперлась Зина или ея нѣмея повернула такъ ключъ.

И ничего бы такого онъ не испытывалъ, если бы настоялъ на одномъ помѣщеніи, на одной спальнѣ, менѣе бы деликатничалъ съ ней, на томъ основаніи, что у нея былъ опасный тифъ.

Его порядочности она не оцѣнить и не пойметъ. Онъ для нея не что иное, какъ „goublard“ — все то же слово, въ которомъ она сосредоточила, когда-то, всю его душевную жизнь. Слово это вырвалось у нея во время ихъ схватокъ въ деревнѣ. Оно ему было памятно еще въ Петергофѣ, гдѣ пустила его старая „бонапартистка“, княгиня Трубчевская, первая руководительница его жены, мастерица давать прозвища и проникать въ чужія души.

— Ну ее къ чорту! — выбранился вслухъ Рынинъ, когда въ его памяти всплыло лицо княгини. Онъ повернулся въ послѣдній разъ и сталъ засыпать.

IV.

Давно уже Зина не просыпалась съ тяжелой головой, послѣ ночнаго кутежа. За границей случались кутильные обѣды и ужины. Къ вину и ликерамъ она тамъ привыкла; но никогда не сидѣла она такъ долго за столомъ.

Какая дикая ночь! Совершенно петербургская! Ей и смѣшно, и немножко жутко перебирать въ головѣ своей всѣ эпизоды вчерашняго пикника. Она долго оставалась въ постели, ожидая

мигрени; но настоящая мигрень не являлась. И тяжесть головы начала немножко опадать, послѣ компресса изъ ароматическаго уксуса.

А вѣдь она-таки поужинала, въ „Самаркандѣ“, съ русскими „irrégulières“. Долго катались они втроемъ по островамъ; часовъ около двѣнадцати взяли наверху большой кабинетъ въ ресторанѣ; позваны были цыгане и заказанъ ужинъ. Потомъ пріѣхали „ces dames“ съ провожатымъ. Ихъ все-таки Шварцъ предупредилъ. Когда онѣ входили, Снѣткинъ указалъ ей глазами на свою Надю. Она, блондинка, маленькая, широкая въ плечахъ, съ лицомъ красивой швеи, точно и теперь стоитъ передъ нею и смотритъ своими большими, странными, не то злыми, не то безумными глазами, въ такомъ же странномъ туалетѣ парижскаго, однако, покроя, вся въ лентахъ и разноцвѣтныхъ шу, перетянутая, съ полуоткрытыми руками, твердыми и бѣлыми, какъ у акробатки. Пріятельница ея—Машенька, въ черномъ шелковомъ платьѣ, съ наружностью молодой трагической актрисы; густыя брови, тонкій греческій носъ, сѣрые строговатые глаза: дѣйствительно, большая distinction. Обѣ онѣ сначала немного смутились. Разговоръ пошелъ по-русски, но Надя вставляла французскія слова. У Машеньки былъ особенный, провинціальныи выговоръ, который Зинѣ еще не случалось слышать.

Цыгане пропѣли свои десять или пятнадцать пѣсенъ. Разносили шампанское. Обѣ пріятельницы сидѣли, все время пѣнія, довольно чопорно и больше шептались между собою или отвѣчали на короткія шутки Шварца и Кремлева. Машенька не смотрѣла тѣмъ, что она была. Надю трудно было принять за что-либо другое. Машенька ничего не пила. Надя еще до ужина выпила нѣсколько стакановъ шампанскаго съ сельтерской водой. Снѣткинъ, какъ только она пріѣхала, сталъ иначе держать себя: тихо улыбался, поглядывалъ на нее издали, раза два спросилъ Зину:

— Comment la trouvez-vous?

На что она ему всякій разъ отвѣчала:

— Mais très bien...

И Снѣткинъ жалъ ей руку съ чувствомъ. Онъ былъ сильно увлеченъ и терялъ обыкновенный тонъ, увѣренность, видимо побаивался своей Нади. Ей такъ забавна казалась любовь, въ лицѣ этого красиваго и умнаго малаго, влюбленнаго въ такую ординарную русскую вѣкотку. „Вотъ,—говорила она себѣ, глядя на нихъ обоихъ,—вѣдь и я была похожа на Снѣтеина, когда терялась при князѣ Рязскомъ, когда у меня туманилось въ

головѣ, я замирала и готова была броситься на него съ ножомъ за то, что онъ меня не взялъ за талью и не поцѣловалъ“.

На мѣстѣ Сибѣткина, она лучше выбрала бы одну изъ солистокъ-цыганокъ, ту въ особенности, про которую Шварцъ и Кремлевъ все ей рассказывали. Она по крайней мѣрѣ была своего рода знаменитость, еще съ остатками оригинальной красоты; правда, бѣлилась и румянилась, но вечеромъ, при свѣчахъ, это въ ней шло. Какая у нея изящная манера держать себя и прекрасный темный туалетъ съ гирляндой живыхъ цвѣтовъ, сбоку корсажа. Другая солистка—худая, отцвѣтшая дѣвушка, съ большимъ, породистымъ цыганскимъ лицомъ, говорила съ мужчинами такъ неглупо и порядочно, что Зина заинтересовалась ею и пожелала, чтобы обѣ цыганки были приглашены ужинать.

Удалился хоръ, вернулись старухи и попросили „на чай“; пришли назадъ и басы и попросили на что-то еще. За ужиномъ Надя вдругъ разошлась, стала дурачиться, передразнивать разныхъ русскихъ актрисъ и опереточныхъ пѣвицъ; съ полчаса была очень забавна, хоть и слишкомъ шумна. Цыганки сдержанно смѣялись; но за ними пришли—звать ихъ пѣть. Сибѣкинъ взглядывалъ все на Зину, ища ея одобренія. Шварцъ и Кремлевъ хотѣли. Машенька ничего не ѣла и почти ничего не пила. Надя вдругъ стала заставлять ее пить. Та не соглашалась... Тутъ и пошло!..

Присутствіе Зины Надя совсѣмъ забыла. Блѣдность щекъ и злые глаза показывали, что вино разобрало ее. Она начала говорить ужасныя вещи Машенькѣ. Та ударилась въ слезы. Сибѣкинъ сталъ утѣшать. Это только подлило масла. Надя наизинулась и на него—и полетѣли тутъ такіе возгласы, слова и выраженія, которыхъ Зина отъ роду не слыхала. Но она не испугалась. Она желала узнать, что изъ этого выйдетъ, чѣмъ это можетъ кончиться. Шварцъ и Кремлевъ перестали улыбаться и сидѣли растерянные. Машенька зарыдала, съ ней сдѣлалась истерика. Ее отвели въ сосѣдній кабинетъ и положили на диванъ.

Сибѣкинъ не зналъ, какъ ему разорваться, просилъ извиненія у Зины, предлагалъ ей сейчасъ же ѣхать, упрасивалъ Надю, хотѣлъ увести ее насильно внизъ, но она не шла и вдругъ крикнула ему на весь верхній этажъ ресторана:

— Я знаю, ты меня стращать будешь, что застрѣлишься. Отдай мнѣ револьверъ, слышишь?!

Зина сидѣла въ большой комнатѣ, гдѣ ужинали, и въ отворенную дверь видѣла и слышала то, что происходило въ корридорѣ.

— Прикажете подать тройку?—спросилъ ее испуганно Кремлевъ.

Шварцъ хлопоталъ около Машеньки.

Она опять отказалась и все повторяла про себя:

— Чѣмъ же кончится?

Надя кинулась въ догонку за Снѣткинымъ и въ концѣ коридора схватила его за бортъ визитки. Зина подумала, что они подерутся. Они и стали какъ бы бороться. Снѣткинъ отталкивалъ ее. Надя шарилъ руками по его карманамъ и, наконецъ, выхватила изъ бокового кармана визитки небольшой револьверъ-бульдогъ, отскочила и крикнула:

— Ты меня не стражай больше! Гадость какая!

Зина помнила прекрасно, какъ она вбѣжала въ кабинетъ, прямо къ окну, отворила форточку и кинула въ нее револьверъ. Все это взяло не больше двухъ минутъ.

Снѣткинъ вбѣжалъ за нею, красный, пристыженный, и отъ сильнаго волненія почти упалъ на диванъ. Ему совѣстно было взглянуть на Зину. Но она засмѣялась, и этимъ смѣхомъ вызвала въ Надѣ, успѣвшей немного отрезвиться, рѣзкую переменъ настроенія.

Надя подошла къ ней съ шутливой миной и, указывая на Снѣтеина, сказала, какъ говорить бабы и горничныя:

— Матушка-барынька, мы оба безумненькіе, не обезсудьте насъ!

И тотчасъ побѣжала къ Машенькѣ, растормошила ее и привела опять ужинать. Та все еще глотала слезы и держала себя чопорно. И тутъ опять вышла сцена, во второй разъ ужаснѣе. Пришлось разнять обѣихъ пріятельницъ, и Зина хорошенько уже не могла вспомнить, какъ она очутилась въ тройкѣ. Она ѣхала одна со Шварцемъ; Снѣткинъ остался въ ресторанѣ умирять Надю.

— Она его побьетъ!—говорилъ Шварцъ дорогой.—Ему не слѣдовало соглашаться—посылать за ней.

Шварцу было совѣстно за свою даму, но Зина успокоила его и, прощаясь съ нимъ у отеля, весело сказала:

— Je ne regrette rien!

Было уже около четырехъ часовъ.

Зина позвонила. Пора и вставать.

Голова совсѣмъ почти не тяжелая. Это ее порадовало; значить, въ самомъ дѣлѣ, ей прибавилось здоровья послѣ тифа? Но для цвѣта лица и свѣжести кожи нельзя себѣ позволять часто такіе пикники. Часто—нѣтъ, но отказываться—она ни отъ чего не будетъ.

И тутъ только она вспомнила о мужѣ. Вчера онъ вернулся раньше ея. Можетъ быть, справился у швейцара? Чтожъ! И прекрасно, если справлялся. Онъ могъ легко сообразить, что она поѣхала ужинать. Никакихъ особенныхъ разрѣшеній она у него спрашивать не будетъ. Къ этому пора приучить, да онъ и самъ, кажется, начинаетъ понимать, что надо иначе устроиваться въ своей супружеской жизни. Этотъ ужинъ въ „Самаркандѣ“ можетъ послужить прекраснымъ предлогомъ для рѣшительнаго разговора.

Вопля Милли, все такая же бѣлая и краснощекая, съ роскошной грудью истой вѣнки, въ шелковомъ фартукѣ и свѣтлосѣромъ платьѣ. Во время болѣзни Зины, она перепала въ лицѣ, не спала ночей, но скоро оправилась. Зина къ ней гораздо больше привязалась послѣ тифа и позволяла ей болтать съ собою. Прежнихъ окриковъ Милли уже не слыхала отъ нея.

У Милли Зина спросила о мужѣ. Онъ уѣхалъ рано; но приказалъ сказать, что будетъ къ завтраку „непремѣнно“.

„Желаешь отчета и сдѣлаешь нотацію“, — подумала Зина, когда умывалась. Завтракали они въ Петербургѣ очень рѣдко вдвоемъ. Парменій Никитичъ возвращался обыкновенно не раньше двухъ, мѣнялъ мундиръ на скюртуъ и отправлялся опять съ визитами.

Зина выпила чашку чая и тотчасъ занялась туалетомъ; она хотѣла послѣ завтрака ѣхать кататься. Кожа была желтѣе, чѣмъ всѣ эти дни, когда нѣжный цвѣтъ лица Зины замѣчалъ нѣсколько разъ и мужъ. И днемъ сохранялась молоджавость отъ стриженной головы. Право, разъ въ недѣлю можно позволить себѣ „un petit baltazar“ — какъ говаривала Сосѣ, но не больше.

Отъ своей кузины она, послѣ болѣзни, получила одно письмо изъ Америки и одно изъ Европы. Знала она, что старикъ Кунъ плохъ и вызывалъ дочь проститься съ собою. Очень можетъ быть, что на дняхъ Сосѣ награнетъ. Въ письмахъ ея Зина чувствовала что-то напускное, чего прежде не было. Она хитритъ и скрываетъ изъ самолюбія, изъ нежеланія сознаться, что сдѣлала великую глупость, выйдя, съ такими жертвами, за своего „растакатора“.

Собственная глупость представилась Зинѣ въ эту минуту — она все еще оправляла на себѣ платье передъ зеркаломъ — гораздо сноснѣе. Быть женой иностранца, да еще Богъ вѣсть какого и откуда — большое неудобство. Только теперь Зина начала это сознавать, и сознание явилось само собою, послѣ житей въ вдвоемъ. — Она имъ была довольна.

Завтракать мужъ съ женой сходились въ салонъ, гдѣ вчера

обѣдалъ съ Зиной Снѣткинѣ. На этотъ разъ Зина сама рѣшила подождать Парменія Никитича и приказала доложить ему, какъ онъ только прійдетъ, что просить его кушать.

Въ половинѣ перваго Рыницъ вошелъ, въ мундирѣ. Онъ ѣздилъ къ кому-то представляться. На лицѣ его Зина ничего не прочла, кромѣ неопредѣленной усмѣшки; но то, что онъ не перемѣнилъ туалета, показывало ей ясно нетерпѣніе—разспросить поскорѣе, гдѣ она вчера была до такого поздняго часа.

Они пожали другъ другу руки. Такъ они здоровались уже нѣсколько мѣсяцевъ. Только разъ Рыницъ поцѣловалъ у нея руку, когда она начала оправляться и докторъ объявилъ, что опасность окончательно прошла. На глазахъ его она замѣтила тогда слезы, и это впервые заставило ее подумать, что онъ еще не очень жестокъ сердцемъ.

Изъ Петербурга онъ пріѣхалъ тотчасъ же и цѣлыхъ три недѣли находился при ней, вмѣстѣ съ Лукашинымъ и Милли. Болѣзнь и дала ровность ихъ тону.

Первая Зина спросила его, въ которомъ часу онъ вернулся и былъ ли онъ удивленъ, что она еще не возвратилась?

Рыницъ какъ будто ожидалъ такого хода со стороны Зины. Онъ отвѣтилъ, также вопросительной фразой:

— А вы, мой другъ, поздненько?

Разговоръ только при людяхъ шелъ у нихъ по-французски, да и то не всегда. Рыницъ приучилъ Зину къ русской рѣчи и даже сталъ замѣчать, что она начинаетъ употреблять разные слова жаргона.

Человѣкъ подалъ имъ и ушелъ.

— Я кутила,—начала Зина, подвигая къ себѣ блюдо котлетъ:—была въ „Самаркандѣ“, слушала цыганъ, ужинала... съ цыганками и даже...

Она остановилась и вскинула на него глазами.

— Съ кѣмъ, Боже мой?—тревожно спросилъ онъ.

— Avec des cocottes...

— Невозможно!

— De marque!—прибавила она все тѣмъ же шутливымъ тономъ.

— Вы дурачитесь?

Рыницъ, дѣйствительно, не хотѣлъ вѣрить.

— Серьезно, честное слово!

Онъ всталъ, съ салфеткой за воротникомъ.

Неужели Снѣткинъ позволилъ себѣ свести ее, жену Парменія Никитича, съ своей содержанкой?

Щеки Рынина побурѣли и пошли пятнами. Онъ присѣлъ опять къ столу и положилъ салфетку около тарелки.

— Vous plaisantez... Cela serait trop roide!

Французская фраза вырвалась у него при новомъ появленіи лакея.

— C'était bien drôle...

И она, во-первыхъ, выгородила своего пріятеля. Снѣтъ и не думала предлагать ей знакомство съ своей Надей. Она сама потребовала этого, въ циркѣ; потребовала потому, что ей было весело и захотѣлось чего-нибудь новаго, въ русскомъ вкусѣ. Она получила больше, чѣмъ могла мечтать. Не давая ему говорить, Зина съ нѣкоторымъ даже актерскимъ талантомъ, какого онъ у нея не замѣчалъ, описала ему ужинъ, цыганъ, обѣихъ пріятельницъ—Надю и Машеньку, выходку Нади, истерику Машеньки, наконецъ бѣгство и возню въ корридоръ и эпизодъ съ револьверомъ.

Онъ ушамъ своимъ не вѣрилъ. Чтò же это такое? Заговоръ противъ него? Весь этотъ безобразный кутежъ былъ устроенъ затѣмъ, чтобы имѣть поводъ къ разрыву?..

Такъ дѣло представилось Рынину, когда Зина остановилась и, какъ ни въ чемъ не бывало, принялась за ѣду.

Не сразу нашелъ онъ слово. Но онъ уже приказалъ себѣ сдержаться, не выдавать своего волненія.

— Ты теперь довольна?—спросилъ онъ шутливо, но губы у него дрогнули. — Это все программа, завѣщанная бонапартистами... Галлифе-Пурталесъ!..

— Почему это?—безпечно спросила Зина.

— А какъ же? Вѣдь это про бонапартистовъ ходилъ извѣстный рассказъ: какъ онѣ послѣ обѣда въ Café Fay—тѣ хоть съ мужьями были—захотѣли выйти на бульваръ et faire deux hommes... на пари.

— C'était crâne!—вскричала Зина.

— Такъ-то crâne,—продолжалъ Рынинъ, блѣдный,—что ихъ сейчасъ же сдавали два инспектора... знаете, такіе есть въ Парижѣ... pour les filles... И еслибъ не вмѣшательство мужей, ихъ отправили бы въ St.-Lazare... Ха, ха!

— Вы, душечка, кажется, сердитесь?—спросила Зина.

Это слово „душечка“ она прежде никогда не употребляла, въ разговорахъ съ мужемъ. Рынину оно показалось съ особеннымъ значеніемъ. Оно было спокойно-пренебрежительное.

— Я не сержусь, мой другъ,—отвѣтилъ онъ и выпрямился,—но согласенъ: то, чтò ты себѣ позволила, выходить изъ предѣловъ. .

Зина жестомъ прервала его.

— Ахъ, полно, голубчикъ!—слово опять рѣзнуло его:—Ne fût-ce que comme ballon d'essai!

— Un ballon d'essai?—переспросилъ онъ.

— Ну да! какъ будто я не знала, что тебя это возмутить... Мнѣ захотѣлось — и я такъ сдѣлала!.. Je veux m'amuser... et rester femme honnête; вотъ моя программа. Она гораздо лучше, чѣмъ то, что мы видимъ въ свѣтѣ.

Рынинъ хотѣлъ возразить, но Зина продолжала все въ томъ же веселомъ тонѣ. Она предложила ему — теперь вотъ, въ Петербургѣ, — гдѣ у нея не будетъ такихъ „défaillances“, какъ въ Ширяевѣ, жить пріятелями и не мѣшать другъ другу. Конечно, ему, человеку, который дорожитъ своей репутаціей и добивается виднаго положенія, опасно было бы, если бы его жена рисковала публично себя компрометтировать. Но этого не будетъ. Про такой пикникъ, „un rep fantaisiste“, самъ Снѣткинъ разсказывать не станетъ; а двумъ своимъ адъютантамъ она прикажетъ молчать. Да еслибъ кто изъ нихъ и проболтался, какое ей дѣло!

— Какъ какое дѣло?—уже строго перебилъ Рынинъ, на этотъ разъ не давъ ей договорить. Если не для него, то хоть для себя, она должна же знать, что допустимо и что отнимается у женщины всякое обаяніе. И передъ кѣмъ такъ марать себя — передъ хлыщами-мальчишками?..

Рынинъ, когда кончалъ свою тираду, увидалъ передъ собою улыбающеся, и не ядовито, а весело, почти по-дѣтски, лицо жены своей... Это его изумило.

— Знать, что допустимо?—повторила она его фразу, и даже его голосомъ. — Allons donc, mon ami! какъ будто это легко для женщины? Мы всѣ немного сумасшедшія... И, право, если ужъ нужно было надо мной наблюдать, такъ не теперь.

Она сказала это съ веселымъ подмигиваніемъ и тихо разсѣялась.

У Рынина мелькнула мысль: ужъ не въ самомъ ли дѣлѣ его жена приходитъ въ разстройство? Дѣло возможное. Она — дочь своего отца.

Возражать серьезно онъ не сталъ и выжидалъ, что она дальше будетъ говорить.

— Ты, какъ всѣ мужа, — продолжала Зина: — узналъ бы послѣдній, что твоя жена...

Она немного остановилась, почти на полусловѣ: — Enfin, voilà l'histoire!..

И опять также весело, и даже съ большими шутивными подробностями, разсказала она ему свою деревенскую исторію: какъ налетѣлъ на нее un coup de passion къ князю Рязскому, какъ она притворялась и какъ безумствовала. Свою поѣзду къ нему,

желаніе броситься на него, ночь въ Ширяевѣ, Москву, кладбище, все...

— Et bien, mon ami?—спросила она, когда кончила свой рассказъ:— qu'en dites-vous maintenant?

Рынинъ молчалъ.

— И вотъ видишь,—продолжала она по-русски: — тогда ты могъ бы бояться за меня... Но ты слишкомъ былъ занятъ своими дѣлами. Ты и не замѣтилъ. Я теперь здорова, и все съ меня слетѣло. И даже я выучилась говорить по-русски. Теперь для меня ни князь Рязскій, да и никакой мужчина не опасенъ!..

Она встала. Поднялся и Рынинъ, и отошелъ къ камину. Онъ чувствовалъ, что проигралъ всѣ свои ходы. Это была не ширяевская сцена, въ гостиной и въ кабинетѣ, когда онъ пригнулъ ее къ креслу, удачно уловивъ минуту физическаго приниженія истерической женщины. И, въ самомъ дѣлѣ, она точно преобразилась. Тифъ освободилъ ее отъ припадковъ, отъ болѣзненной нервности. Она не злится, не шипитъ, не безумствуетъ; смѣется надъ собой, говоритъ товарищескимъ тономъ, предлагаетъ ему супружество, но не фиктивное, а такое, чтобы каждая половина вела свой образъ жизни. Вѣдь то, что она сейчасъ ему рассказала — была правда! Она могла это скрыть, и не захотѣла: значитъ, она не боится его; да не боится и себя, искренно рада, что не подпадетъ больше обаянію мужчины. Кто знаетъ? Но, по крайней мѣрѣ, онъ теперь предупрежденъ и долженъ быть благодаренъ судьбѣ, этому святошѣ-князю и натурѣ жены своей за то, что его миновалъ высшій срамъ, какой только мужчина переживаетъ въ званіи мужа.

Всѣ эти мысли быстро смѣнялись въ головѣ Рынина, и ихъ натискъ мѣшалъ ему сказать что-нибудь отъ себя такое, что давало бы заключительную ноту.

— Sans gaucune!—Зина близко подошла къ нему.—Что было, то прошло. А теперь я вотъ что еще скажу, мой другъ: когда ты сдѣлаешься un haut dignitaire—я погляжу, какъ тогда будетъ; а пока, я хочу жить au jour le jour, au gré de ma fantaisie! Идетъ?—спросила она и протянула ему руку.

Ему ничего не оставалось больше, какъ протянуть и свою. Послѣ такой исповѣди, гдѣ не было, съ ея стороны, даже ни одного звука раскаянія за прошлое или извиненія передъ нимъ, законнымъ мужемъ, самое лучшее было ладить съ нею, положиться на ея натуру, для которой мужчина никогда не будетъ играть рѣшительной роли.

„А зачѣмъ тебѣ такая жена?“—спросилъ онъ себя въ эту минуту.—„Неужели одно упрямство дѣйствуетъ въ тебѣ?“

И ему сдѣлалось ее жалко. Она не возбуждала его чувственности, ему не нужно было ея состоянія, она не особенно льстила и его свѣтскому тщеславію, но развестись съ ней онъ не хотѣлъ, по своей волѣ. Еслибъ онъ не жалѣлъ ея, онъ не простилъ бы ей ни такой ея исповѣди, ни того, какъ она пересилила его сегодня. Его захватили врасплохъ, а ему всегда необходимо было подготовиться; онъ разсчитывалъ, что послѣднее слово останется за нимъ.

— Я хочу прокатиться, — сказала Зина: — у насъ сани или карета?

— Саней я не приказывалъ. Съ кѣмъ же ты поѣхала бы?

— Ахъ, Боже мой, одна! Или съ тобой! Мнѣ все равно. Вошелъ человѣкъ съ депешей на поднось.

— Кому? — спросилъ его Рынинъ.

— Pour madame.

Зина уже схватила депешу и разорвала печать.

— Вотъ это мило! Сосѣд будетъ сегодня! Я не успѣю ее встрѣтить.

— Успѣешь, мой другъ; она изъ-за границы?..

— Да!

— Такъ, стало, съ варшавскимъ поѣздомъ. Онъ приходитъ въ шесть часовъ.

Эта депеша разомъ оборвала нить ихъ объясненія. Рынину нельзя уже было за-ново начать его. Еще разъ онъ сказалъ себѣ: „да, меня она пересилила“, и еще разъ ему стало ее жалко.

Зина сейчасъ попросила его распорядиться насчетъ номера въ отелѣ. Сосѣд отмѣтила это въ своей телеграммѣ. Позвали оберъ-кельнера. Въ бель-этажѣ всѣ номера были заняты. Но въ отдѣленіи, съ подъѣздомъ на Большую Итальянскую, свободна цѣлая квартира изъ двухъ спаленъ, салона, передней и комнаты для горничной.

— Съ мужемъ она? — спросилъ Зину Рынинъ, уходя къ себѣ.

— Не знаю. Стоять въ депешѣ только: „Arrive aujourd'hui“.

— Значить, одна.

Они поглядѣли другъ на друга.

— Да ужъ онъ не бросилъ ли ее? — спросилъ Рынинъ.

— Не знаю!

Зина отвѣтила такъ, какъ будто она сама допускала этотъ фактъ.

— А я былъ бы радъ!

— Почему? Сосѣд — сама доброта!

— Не швыряй такъ бракомъ: точно пару туфель съ ногъ

долгой; одинъ мужъ не нравится—прочъ его, другого, выписного попробуемъ! Онъ ее и пустить въ трубу, послѣ смерти старика-отца.

И Рынинъ громко затворилъ за собой дверь. Шпоры его зазвучали сильнѣе по полу передней и корридора.

Съ депешей въ рукахъ, Зина стояла посреди комнаты, откуда прислуга еще не прибрала стола съ приборами. Она думала о Сосѣ, о ея судьбѣ и о своей теперешней жизни...

Кто выигралъ, кто проигралъ? Въ Ширяевѣ она была такъ несчастна; а теперь, кажется, добила своего и начинаетъ находить то, что люди называютъ, и по-французски, и по-русски, „своей тарелкой“.

У Сосѣ, въ ея помѣщеніи, съ ногами на большомъ турецкомъ диванѣ, послѣ поздняго обѣда—Рынинъ не участвовалъ въ немъ—сидѣли онѣ и курили.

Зина, еще на вокзалѣ желѣзной дороги, нашла въ своей шумной и рьяной кузинѣ что-то не то. Софья Германовна, сейчасъ же послѣ объятій и слезъ—это было въ ея натурѣ—въ каретѣ, кинула нѣсколько словъ объ отцѣ, его болѣзни, боязни не застать его въ живыхъ въ Москвѣ—но три дня она согласна была провести съ Зиной!—начала допрашивать кузину, какъ она живетъ, счастлива или нѣтъ, не нужна ли ей поддержка ея вѣрной Сосѣ, которую она совсѣмъ забыла; потомъ расплакалась она по поводу тяжелой болѣзни Зины, и опять попеняла за то, что извѣстіе объ этомъ пришло къ ней не прямо отъ Рыниныхъ,—черезъ доктора Лукашина. По-дѣтски размѣялась она вдругъ, обнимая въ каретѣ Зину, и повторала:

— Ты жива и здорова! Voilà qui est tout!

О себѣ, своихъ планахъ, дѣлахъ, а главное, о своемъ мужѣ, ни слова. На вопросъ Зины:

— А мужъ твой гдѣ?

Сосѣ отвѣтила вскользь:

— Онъ остался тамъ... И даже не прибавила, гдѣ—„тамъ“.

— Parlons de toi d'abord.

Эту фразу она повторила нѣсколько разъ, по дорогѣ въ отель.

Хоть и въ полусвѣтѣ вокзала и потомъ кареты, Зина разглядѣла ее достаточно. Сосѣ похудѣла во всемъ тѣлѣ, какъ-то вся ссохлась, потемнѣла въ лицѣ, стала говорить хриплымъ голосомъ, отрывисто, безъ прежней яркости звуковъ; только картавость ея осталась все та же. И въ туалетѣ замѣтно было нѣчто новое. Прежняя законченность и строгость стили куда-то ушли,

Зимнее пальто, шляпа и муфта, разныя мелочи дорожнаго костюма были слишкомъ скромны для Сосѣ.

Нѣсколько разъ она вставляла въ свои вопросительныя фразы, обращенныя къ Зинѣ, возгласъ:

— *Il faut faire des économies!*..

Такъ, въ отрывочныхъ разговорахъ, доѣхали онѣ до отеля. За обѣдомъ, Сосѣ — пеньюаръ, надѣтый ею, тоже не поражалъ чѣмъ-нибудь особенно новымъ — то вздыхала, то бросалась цѣловать Зину, то рассказывала, безъ всякой связи, про разныя сцены въ Америкѣ, про знакомства въ Лондонѣ, Ниццѣ, Монако.

— Вы играли? — спросила ее Зина, при словѣ „Монако“.

Сосѣ точно не разслыхала вопроса и понеслась дальше; но тонъ ея, къ которому Зина привыкла, какъ къ покрою ея платьевъ и запаху духовъ, былъ не прежній. И это тревожило Зину. Въ ней всплыла къ Сосѣ старая дѣвичья дружба и сознание своего превосходства. Одного часа сегодняшней бесѣды довольно было, чтобы это превосходство перешло въ другое, новое чувство, гораздо мягче, теплѣе и спокойнѣе. Сосѣ казалась ей теперь еще болѣе „маленькой“, чѣмъ прежде, скорѣе птицей, чѣмъ человекомъ, существомъ, на которое она, Зина, не въ состояніи уже была ни сердиться, ни кричать, какъ, бывало, за границей или въ Петергофѣ.

Послѣ обѣда, обѣ сѣли съ ногами на диванъ и закурили. Сосѣ прильнула къ плечу Зины и заплакала, не такъ, какъ при встрѣчѣ и въ каретѣ, тихо, точно крадучись, скрывая слезы. Зина обняла ее, поцѣловала въ лобъ и тономъ старшей, мягко и авторитетно, сказала ей по-русски:

— Сосѣ, ты поймалась!

— *Comment?*

Сосѣ какъ будто не дослышала. Зина повторила свое слово. Разговоръ пошелъ и дальше по-русски, какъ и прежде бывало, когда онѣ оставались вдвоемъ; теперь Зина уже бойко владѣла рѣчью; у Сосѣ безпрестанно недоставало словъ, и она затыкала эти остановки всякими иностранными словами.

— Онъ тебя бросилъ, или ты его?

— О, нѣтъ! — закричала Сосѣ, выпрямилась и даже перекрестилась. — Клянусь тебѣ!

— Такъ въ чемъ же дѣло?

— Ничего, ничего!

— Какъ ничего?

Но вмѣсто того, чтобы, какъ бывало когда-то, приструнить ее, Зина опять привлекла ее къ себѣ подъ плечо и поцѣловала

въ темя, продолжительно. Отъ этого поцѣлуя Сосѳ разомлѣла и уже не старалась глотать слезы.

Зина узнала то, что предчувствовала. Мужъ еще не бросилъ Сосѳ, но она сама не знала, что ей дѣлать и какъ ей быть.

— Я не могу его любить! Не могу! — повторяла она, двигаясь своимъ маленькимъ, красивымъ тѣломъ по обширному дивану. — *C'est plus fort que moi!* Ты меня знаешь — я за честность. *La franchise avant tout;* чтобы настоящая... *real affection!* И я всегда была за свободную любовь...

— Ну, онъ ее и покажетъ тебѣ — свободную любовь, — съ тихимъ смѣхомъ добавила Зина.

— Послушай!

Сосѳ поднялась на этотъ разъ съ бывалой своей стремительностью.

— Сейчасъ послѣ свадьбы я ему говорила: „*Archibald, ne me trompe pas. Plus rien. Razлюбилъ — скажи.*“ Но такъ! Это хуже вышло, чѣмъ у Ожиговыхъ, ты помнишь, тамъ у насъ!

Она было хотѣла, въ подробностяхъ, нарисовать Зинѣ картину грязныхъ невѣрностей своего „растакуэра“ (теперь и она его такъ называла), но объявила, что это ниже ея достоинства. Какъ скоро обманъ, ложь, „*la débauche clandestine*“ — любви нѣтъ, брака нѣтъ! И мужъ пересталъ для нея существовать.

— И прекрасно! — вырвалось у Зины. — Брось его, разведись. Онъ иностранецъ. Вы вѣнчались за границей.

Сосѳ вдругъ смолкла. Зина почувала что-то иное и сразу угадала что:

— Онъ тебя обобралъ, — сказала она увѣренно. — Не отпирайся...

— *La question d'argent, c'est la moindre des choses.*

— Та-та-та, *ma chérie,* — остановила Зина, — не говори пустяковъ! Въ этомъ все дѣло. Если ты не удержала въ своихъ рукахъ состоянія, ты — ничто! Знай это! И со всѣми, даже и съ честными людьми, не то, что... съ твоимъ... извини меня, авантюристомъ...

Послѣ паузы — Сосѳ сдѣлала надъ собой усиліе — полились новыя признанія, уже по денежной части...

Зина узнала, что мужъ Сосѳ успѣлъ получить отъ нея полную довѣренность, игралъ на биржѣ вездѣ, гдѣ могъ, и въ Лондонѣ, и въ Нью-Йоркѣ, и въ Парижѣ; и тутъ обманывалъ ее, какъ и „*sur l'article des femmes*“, обманывалъ грубо, какъ глупую дѣвчонку. А она, въ своемъ ослѣпленіи, — всему вѣрила.

— Je gobais tout cela comme une vraie oie! — закричала Сосѡ и даже разсмѣялась истерическимъ смѣхомъ.

— Не убивайся! — сказала ей Зина: — и не одна ты дѣлала глупости.

Послѣ биржевой пошла и просто азартная игра. Въ Монако спустили они до ста тысячъ, и когда Сосѡ охладѣла къ этому „saligot“, потребовала отъ него отчета, двѣ трети ея состоянія не существовали. А чтобъ спасти остальную треть — довѣренность она только теперь уничтожила — надо просить „бѣднаго, бѣднаго отца“ — Сосѡ опять всплакнула: — поддержать ее своимъ кредитомъ, иначе и оставшіяся бумаги придется продать со страшнымъ убыткомъ или сейчасъ же заплатить „la différence“, наличными.

Разсказавъ о денежныхъ потеряхъ, Сосѡ задорно спросила:

— C'est du propre, hein?..

И опять истерически разсмѣялась. Но не денегъ ей было жаль, а своей любви — Зина должна же понять ее — любви, которой она принесла столько жертвъ.

Зина остановила ее и начала тихо, почти нѣжно, по настойчиво доказывать ей, что любовь тутъ ни-при-чемъ. Ей понравился „растакуэръ“, прельстилъ ее своими сюртукми, панталонами и жилетами; — больше ничего въ немъ она никогда не видала. Чѣмъ скорѣе произошло просвѣтлѣніе, тѣмъ лучше. Но потеря состоянія для нея, Сосѡ, хуже смерти. Только съ большими деньгами можетъ она исполнять свои прихоти, а прихоти у нея всегда будутъ: такой она сойдетъ и въ могилу. Надо ей поскорѣе ѣхать въ Москву и, рискуя огорчить отца, просить его о поддержкѣ. Она это сдѣлаетъ и скажетъ спасибо Зинѣ за то, что та настаиваетъ теперь на энергическихъ дѣйствіяхъ.

— Oui, oui, tu as raison, — шопотомъ, какъ дѣвочка, повторила Сосѡ, все еще лежа головой на плечѣ Зины.

— А гдѣ же этотъ joli coso?

Вопросъ Зиной былъ сдѣланъ въ такомъ тонѣ, что Сосѡ расхохоталась уже веселымъ, неудержимымъ хохотомъ, вскочила съ дивана и забѣгала по комнатѣ.

— Joli coso! C'est ça!..

„Joli coso“ остался въ Швейцаріи, у своихъ, будто бы, родственниковъ. Передъ отъѣздомъ она ему объявила, что больше женой его себя не считаетъ.

— Ты ему предложила разводъ? — опять серьезно спросила Зина.

— А то какъ же? Ты сама мнѣ сейчасъ говорила.

— Да, но такой душка даромъ не уйдетъ. Il t'a demandé une somme?..

— Précisément!—все такъ же весело вскрикнула Сосѡ.

— Combien?

— Deux cent mille francs!

— Matin!—вырвалось у Зины. Она задумалась, а Сосѡ взяла новую папиросу и прилегла опять около нея.

— Qu'en dis-tu?—уже съ безпокойствомъ спросила она.

— Послушай, Сосѡ,—начала Зина тихо, и голосъ ея слегка вздрогнулъ:—я тебѣ говорила о разводѣ—забуди мои слова! Не нужно тебѣ разводиться.

— Je ne puis supporter le mensonge!

— погоди. Никто тебя не заставляетъ жить съ человѣкомъ, который мѣняетъ тебя на разныхъ drôlesses и воруетъ твои деньги. Но, если ты разведешься, тебя опять потянутъ туда же. Ne dis pas non, Soso.

— Je ne sais pas,—прошептала Софья Германовна.

— Потянутъ! Останься въ Россіи, при отцѣ, ну, хоть полгода... А тамъ живи, гдѣ хочешь; но останься замужемъ.

— Я не хочу носить его имени!

— Носи свое, дѣвичье...

— Но онъ принудитъ меня. У насъ контрактъ.

По контракту—напомнила Сосѡ Зинѣ—мужъ выговорить себѣ капиталъ, а ея деньги онъ проигралъ по ея же полной довѣренности.

— C'est une impasse!—закричала Сосѡ, и точно тутъ только поняла всю безвыходность своего положенія.

— Тогда отступись отъ него и живи, въ первое время, здѣсь.

— П va me relancer jusqu'-ici!..

На это Зина ей отвѣтила, что отсюда можно его и выслать. И первый—ея мужъ, Рынинъ, похлопочетъ о высылкѣ такого „душки“.

Сосѡ притихла. Ея кузина наклонила надъ ней голову, та начала у нея на колѣняхъ плакать, и долго, долго, въ полутемной комнатѣ съ тлѣющими угольями камина, чуть слышно раздавался ея низкій голосъ.

Она не изливалась передъ Сосѡ въ своихъ недавнихъ душевныхъ испытаніяхъ и говорила ей, точно мать или нѣжная старшая сестра, про то, какъ пора бросить эту блажь, ловлю мужчинъ, увлеченія, гдѣ все отзывается рабствомъ и безуміемъ, а братъ жизнь въ томъ, что она дастъ сегодня, и завтра, и послѣ-завтра, замужемъ или въ разводѣ; держаться за одну сво-

боду, за свободу отъ мужчины, отъ страсти или каприза, все равно.

Говоря эти тихія, материнскія слова, Зина сама себя проверяла, и внутри у нея становилось такъ покойно и такую новую увѣренность приобретаала она въ самой себѣ. Она—не Сосѣ! Она застрахована.

— Ты слушаешь меня, дитя мое?—спросила она, растроганная собственными увѣщаніями.

— Oui, oui, Zina chérie!—пробормотала Сосѣ и стихла.

Зина нагнулась ниже, чтобы разглядѣть лицо кузины.

Сосѣ заснула, младенчески, подложивъ все еще пухлую ручку подъ похудѣлую щеку.

V.

Въ ресторанѣ, куда Парменій Нивитичъ обѣщался губернатору пріѣхать къ завтраку, было еще очень пусто.

При входѣ, татаринъ - мальчикъ бросился снимать съ него шинель. Изъ-за буфета глядѣло сонное лицо одного изъ хозяевъ, въ усахъ. Главный хозяинъ похаживалъ вдоль обѣихъ бѣлыхъ комнатъ болѣзненной походкой, въ темныхъ туфляхъ; „шефъ“, въ куртѣ и беретѣ, молодой, высокій брюнетъ, подошелъ къ Рынину съ карточкой.

Рынинъ сказалъ, что подождетъ заказывать и сталъ закусывать у буфета.

Утро случилось сѣрое, снѣжное. Ресторанъ смотрѣлъ уныло. Рынинъ давно тутъ не былъ, такъ давно, что и забылъ даже когда, едва ли больше одного раза, по возвращеніи изъ своей заграничной службы. Бѣлыя пыльные стѣны, старая люстра, старые лакеи, татары, тѣсная стойка, круглый столъ, на который кладутъ верхнее пальто—говорили про плохія времена. Ресторанъ доживалъ свой вѣкъ.

Въ глубинѣ второй комнаты завтракало двое господъ, въ одиночку, съ газетами въ рукахъ. Передъ каждымъ стояла свѣча. Высокіе бронзовые шандалы и бѣлесоватое пламя свѣтъ придавали еще болѣе унынія ресторану.

Рынинъ выпилъ водки, положилъ себѣ игры на тарелочку и сѣлъ къ столу, въ первой комнатѣ, у окна.

Было время, не такъ давно, когда и онъ кучивалъ тамъ, наверху, въ отдѣльных кабинетахъ. Никогда ему не было весело, а любилъ онъ только бѣсить французеновъ, брать дерзостью и

злыми выходками мужчины. Много денегъ онъ не спустилъ: у него ихъ не было, и врядъ ли онъ даже состоятъ когда-нибудь должнымъ „по счету“.

Одинъ изъ хозяевъ, съ унылымъ усатымъ лицомъ, подошелъ къ нему; онъ его узналъ.

Рынину захотѣлось спросить, былъ ли у него счетъ въ ресторанѣ. Французъ подумалъ и отвѣчалъ по-русски съ лѣнивой усмѣшкой:

— Никакъ нѣтъ!.. Ничего!..

Прошелъ мимо Рынина высокій мужчина, очень узко-одѣтый, по заграничному, въ короткой визитѣ, широко разставляя ноги.

— Андреяновъ!—окликнулъ Рынинъ.

Тотъ обернулся.

— Давно ли въ отставкѣ?

— Третій годъ,—отвѣтилъ Андреяновъ, сильно картавя.

Рынинъ съ трудомъ узналъ его: слылъ красавцемъ во всей дивизіи, а теперь зеленый, со впалыми щеками, глаза тусклые, смотритъ „штафирной“, какъ они, бывало, называли въ полку. Послѣ строевой службы состоялъ адъютантомъ при такомъ лицѣ, что могъ бы быстро пойти, былъ уже, кажется, полковникъ...

— Перешли въ штатскую?

— Въ отставкѣ.

— Чѣмъ же занимаетесь?

— Дѣлишками. Хочу, вотъ, въ Морской парикмахерскую открыть. Ragole!..

Они пожали другъ другу руку. Тонъ у Андреянова всегда былъ тонъ благѣра; но Рынинъ не хотѣлъ допытываться, серьезно онъ говорить, или нѣтъ. Онъ видѣлъ только, что изъ такого малаго ничего уже не выйдетъ. И безъ всякой злобы онъ порадовался этому. Сдѣлай онъ карьеру—и было бы одною пустельгою больше, среди его будущихъ сверстниковъ по службѣ. Пора положить конецъ системѣ набиранія администраторовъ вотъ здѣсь, въ ресторанѣ, на углу Большой Морской и Кирпичнаго переулка.

Дверь изъ сѣней шумно растворилась. Въ буфетную ввалилась широкая мужская фигура и за ней еще двое: одинъ высокій брюнетъ, другой—пухлый блондинъ.

Снѣткинъ велъ съ собою обоихъ адъютантовъ Зинаиды Мартыновны, Шварца и Кремлева. Онъ первый замѣтилъ голову Рынина изъ-за вѣсяка, гдѣ висѣло длинное зеркало.

— Мужъ!—шепнулъ онъ пріятелямъ.—Ну, братцы, держать ухо востро!

Оба друга кинули по одному быстрому взгляду на военнаго, дождавшаго свою икру на блюдечѣхъ, и потомъ переглянулись между собой.

— Сурьезный мужчина, — сказалъ шопотомъ Шварцъ.

— Сурьезный, — отвѣтилъ Кремлевъ.

— То-то!

Окрикъ Снѣткина былъ веселый, но ему самому не совсѣмъ ловко было при видѣ мужа Зины. Послѣ пикника онъ у нея былъ, но не засталъ ея. Вѣроятно, Рынинъ сдѣлалъ ей сцену; должна же она была сказать ему, откуда пріѣхала въ три часа ночи. Можетъ быть, она и про исторію съ Надей рассказала. Болѣе чѣмъ вѣроятно...

Всѣ трое поспѣшно и тихо сняли свои пальто, съ помощью прислуги. Впереди пошелъ Снѣткинъ. Надо было представить Рынину обоихъ молодыхъ людей.

Всѣ трое подошли къ его столу.

— Вотъ, Рынинъ, — громко заговорилъ Снѣткинъ, — два образчика особой породы, *des bons jeunes hommes*.

Рынинъ привсталъ и подаль руку обоимъ друзьямъ, сказавши имъ вмѣстѣ:

— Весьма радъ.

На лицѣ его они ничего не прочли и, видя, что ему хочется придержать Снѣткина, скромно ретировались, одинъ за другимъ, къ столу, въ дальней комнатѣ, въ тому, гдѣ уже сидѣлъ Андрей-новъ. Онъ былъ изъ ихъ постоянной компаніи.

— Ты меня распекаать начнешь? — тихо спросилъ Снѣткинъ, присаживаясь. — Да? За субботу? Я ей-Богу не...

— Знаю, — остановилъ его Рынинъ. — Тебѣ, любезный другъ, все-таки не слѣдовало соглашаться. Зина жила за границей, на полной волѣ. Для нея все ни почемъ; но ты долженъ былъ подумать о томъ, что мы въ Петербургѣ.

— Кому ты говоришь?!

— Пожалуйста, чтобы въ другой разъ этого не было.

— Слушаю, ваше высокородіе!

По глазамъ Рынина Снѣткинъ замѣтилъ, что тотъ знаетъ и про исторію. Это его огорчило за Зину. Что за малодушіе! Какое же это товарищество! Или, быть можетъ, она представила все это въ смѣшномъ видѣ?

— Я предупреждалъ Зинаиду Мартыновну, — заговорилъ онъ серьезнымъ тономъ, — что отъ моей Нади можно всего ждать.

— А отъ тебя? — особеннымъ тономъ спросилъ Рынинъ и пристально поглядѣлъ на Снѣткина.

— Въ какомъ смыслѣ?

Рынинъ продолжалъ смотрѣть на него такъ же пристально, безъ злобы, безъ ироніи и не пренебрежительно. Ему этого хлыща сдѣлалось жалко не совсѣмъ такъ, какъ недавно Зину, а въ родѣ того.

— Послушай, Снѣткинъ, ты, въ самомъ дѣлѣ, можешь за-
рваться... и кончить...

— Могу, могу,—торопливо отвѣтилъ Снѣткинъ.

— Да брось ты всю эту, извини меня, ёрническую жизнь...
Малачество, разныхъ дѣвчонокъ... Иди служить со мной!

— Тра-та-та!.. Нашелъ, чѣмъ ловить! Нѣтъ, голубчикъ! Изви-
няюсь еще разъ передъ Зинаидой Мартыновной. Я буду у нея
сегодня же и паду къ ея ножкамъ. А службой я не прельщусь...
Тебѣ желаю всякихъ успѣховъ!..

Онъ убѣжалъ отъ Рынина, пріятельски дѣлая ему ручкой.

Брынцевъ опоздалъ, въ чемъ слегка извинился. Онъ былъ въ
новой формѣ, дѣлалъ официальные прощальные визиты, страшно
проголодался и долго закусывалъ у буфета...

Когда онъ сѣлъ противъ Рынина и они, вмѣстѣ съ шефомъ,
обсудили завтракъ, Брынцевъ положилъ оба локтя на столъ, весь
потянулся и громко вздохнулъ.

— Ъздишь на поклонъ къ принципалу? — спросилъ его
Рынинъ.

Онъ смотрѣлъ на красивое лицо Брынцева, его съуженный
черепъ, подстриженную черную бороду, тонкій носъ, его впалые
глаза съ блескомъ и легкую просѣдь. Мундиръ сидѣлъ на немъ
нѣсколько мѣшковато и грудь покрывало еще больше всякихъ
знаковъ отличія, чѣмъ было у Рынина, считая съ иностранными.

— Съ плечъ долой, послѣ-завтра—вонъ! Глупое это петер-
бургское бѣганье на кордѣ!..

Этого Брынцева Рынинъ считалъ краснобаемъ и склоннымъ
къ рисовкѣ, но неглупымъ и вообще способнымъ. Своихъ идей
онъ въ немъ не признавалъ. Глядя на него, онъ подумалъ, въ ту
минуту:

„Вотъ вѣдь онъ у дѣлъ и пойдетъ ходче моего; быть можетъ,
очутишься подчиненнымъ его“.

Оба были военные, если не въ равныхъ чинахъ, то въ близ-
кихъ: одинъ—полковникъ, другой—генералъ-маіоръ, числящійся
по арміи. Войди сейчасъ въ ресторапъ свѣжій человекъ, Брын-
цевъ—генералъ какъ генералъ, какихъ десятки, сотни. Онъ мо-
жешь на видъ, да и не старъ: ему не больше сорока-шести
лѣтъ!..

А онъ — Рынинъ — все-таки чувствуетъ въ немъ что-то особенное. Передъ нимъ сидитъ начальникъ цѣлаго края, одной изъ важныхъ губерній въ Великороссіи. Въ трудно-уловимыхъ, замѣтныхъ только пытливому взгляду отбѣивахъ манеры, выраженія лица, виденъ человѣкъ, сознающій, что тамъ, за тысячу верстъ, онъ не простой генералъ, сейчасъ дожидавшійся въ пріемной его высокопревосходительства, а дѣятель, руководитель, человѣкъ съ фактическимъ авторитетомъ.

Отними у него „постъ“, и что онъ будетъ здѣсь, въ Петербургѣ, при всей своей ловкости? Будетъ пробавляться кое-чѣмъ, сдѣлается, пожалуй, прихлебателемъ у какого-нибудь миллионщика или откроетъ игорный домъ, или, побившись, побившись, выйдетъ въ отставку; а то очутится нотаріусомъ или управляющимъ. Съ Георгіемъ на шеѣ генералы кончали этимъ же!

— Ну, городъ! — заговорилъ Брынцевъ озлобленно и оглянулъ ресторанъ. — Живешь въ губерніи, и тамъ нынче развелось красного звѣрья, жуликовъ достаточно. Но все не то! А здѣсь каждый такъ и опущиваетъ тебя: — нельзя ли хоть носовой платокъ вытащить?.. Право! Ты не находишь?

— Есть немножко, — отозвался Рынинъ. Ему разговоръ въ такомъ направленіи нравился.

— А твои дѣла? — спросилъ Брынцевъ, и такъ на него поглядѣлъ: „я, молъ, знаю, что ты ждешь оазиса“.

— Надъ нами не каплетъ!..

— Однако, есть кое-что въ виду?.. Или только тары-бары, хорошъ табачокъ, по губамъ смазываютъ? Впрочемъ, тебѣ что же прыгать? — Не нуждаешься, долговъ у тебя нѣтъ, а это — основаніе всему.

И онъ вздохнулъ.

— Развѣ ты все еще...

Рынинъ сдѣлалъ выразительный жестъ.

— Ахъ, душа моя!.. Я прямо сказалъ: коли угодно держать меня на моемъ посту, приварокъ нуженъ!

— Надобно освободиться предварительно...

Рынинъ сказалъ это тихо. И вообще его нѣсколько стѣсняло за Брынцева то, что тотъ такъ безцеремонно рассказывалъ про свои дѣла въ ресторанѣ.

— Душа моя, извини, это по-французски называется: „une vérité de monsieur la Palice“! У кого же нѣтъ долговъ — кому нужно служить?.. У тебя? Такъ ты желаешь положенія... Десяностопять процентовъ — въ долгу или быются. Оклады все-таки нищенскіе. А соблазнъ — огромный и тамъ, въ губерніи... Ка-

ждый наровить предложить тебѣ матарычъ. Я и такъ живу какъ настоящій протестъ. Кахетинское нью, а не такъ, какъ мы, вотъ, Pontet Capet! — Кахетинское и полынковое шипучее вино, для крипионовъ, отъ Чеботарева выписываю изъ Новочеркасска. И тебѣ рекомендую! И все-таки.. не предвижу, когда разстанусь съ кредитными знаками собственного изготовления!

Брынцевъ энергично напалъ на свой антрекотъ, и когда запилъ нѣсколько кусковъ стаканомъ краснаго вина, спросилъ:

— А тотъ свѣдущій-то? У старушенціи? Хорошъ мужчина? Какъ ты его напелъ?

Рынинъ высказалъ ему свое впечатлѣніе насчетъ готовыхъ „клише“ изъ петербургскихъ газетъ.

— Да, онъ жохъ! И всѣ они тамъ такіе, кто въ кодаки мѣтитъ. Послушай, душа моя,—Брынцевъ нагнулся въ нему:—никакого у насъ, и внутри страны, нѣтъ ни кредита, ни желанія поднять сословіе... Просто есть постоянная чесота: какъ бы завести сундукъ для чужихъ денегъ, и поскорѣ ихъ сцапать въ своей компаніи. Такъ—во всѣхъ сословіяхъ, и въ высшихъ, и у купцовъ, и у православныхъ мужичковъ. Вѣдь это здѣшніе ваши божьи коровки, въ министерствахъ, охаютъ о поднятій производительныхъ силъ, о кредитѣ, идутъ на такую удочку!.. Есть сундукъ. Онъ — пустой. Положить въ него чужихъ денегъ малую толику, и опять онъ пустъ... Вотъ тебѣ и все!..

— Однако, — возразилъ Рынинъ, — безъ матеріальной поддержки руководящее сословіе не поднимется.

— Эхъ, душа моя! сказка это про бѣлаго бычка! Сначала съ мужичками носились, потомъ съ коммерсантами, теперь до нашего брата очередь дошла! И ничего-то изъ всего этого не будетъ!

„Ничего-то у тебя нѣтъ за душой!“ подумалъ Рынинъ.

И ему захотѣлось показать Брынцеву, что онъ служить „и нашимъ, и вашимъ“, что въ немъ сидитъ полу-либераль, полу-народникъ, что онъ „оппортьюнистъ“, служилый человекъ, которому надо кормиться, что онъ не понимаетъ даже, куда надо вести страну.

Но онъ воздержался. Выводить его на свѣжую воду—значить наживать врага и, главное,—показывать свое внутреннее добро, давать другому возможность подражать себѣ, украсть у васъ вашу идею.

— За кого же тебя считаютъ тамъ?—сдержанно спросилъ Рынинъ:—за народника или за либерала, или защитникомъ окраинныхъ началъ?

— Никакой клички у меня нѣтъ, и я самъ по себѣ... Дѣлаю, что законъ и совѣсть приказываютъ. — Глаза его заискрились.

„И все ты врешь, — поправлялъ его Рынинъ, — и также дрожишь надъ своей популярностью, и передъ мужичками хочешь себя Гарунъ-аль-Рашидомъ показать“.

— Я слышалъ, — заговорилъ онъ, — что тебя любятъ... народъ... Ты умѣешь ладить. Мнѣ недавно много про тебя рассказывали. Даже извозчики, и тѣ не нахвалятся.

Брынцевъ слегка покраснѣлъ. Это ему показалось почему-то насмѣшкой.

— Вотъ будешь самъ тянуть эту лямку, увидишь, легко ли добиться хоть того, чтобы тебя походя не ругали. Я никакой поблажки не даю... и ни передъ кѣмъ не прыгаю... Народъ, самъ по себѣ, я люблю, хоть и не записываюсь въ разрядъ тѣхъ, что мужичка обсахариваютъ. Для меня всѣ равны. И купечество меня одобряетъ, я знаю, и ему грѣшно было бы быть мною недовольнымъ. Что могу — дѣлаю. Нынче, братъ, не то, что прежде. Нынче къ нимъ въ услуженіе господъ дворяне идутъ.

— Вотъ это-то и постыдно!..

— Мало ли что! Ты видѣлъ того свѣдущаго человѣка? Развѣ онъ не смахиваетъ на бойкаго бухгалтера, а настоящій столбовой... Народъ! — вернулся опять Брынцевъ къ предмету, который задѣлъ его. — Это, душа моя, — стихія, чреватая всѣмъ. Надо тутъ такой нюхъ имѣть.

— У тебя вѣдь были и погромы... въ прошломъ году? — перебилъ Рынинъ.

— У меня, что ли, одного?... Почему?.. Какъ? — Одинъ Аллахъ знаетъ...

— И что же?..

— Я сказалъ имъ на другой день утромъ: если, ребята, завтра хоть одного тронете — плакать буду, а разстрѣляю начинщиковъ.

— Можно было о плачѣ-то и не говорить.

Брынцевъ слегка нахмурился.

— Отчего же? Это вѣдь не басурманскіе, а русскіе люди.

„И опять ты врешь“, подумалъ Рынинъ, но сердить Брынцева не хотѣлъ.

— Стихія! — протянулъ тотъ со вздохомъ, поднося къ себѣ свѣчу, и закурилъ сигару. — Когда пораздумаешь, чѣмъ вся машина наша держится, руками разведешь.

— А чѣмъ же, ты думаешь?

— Я не по ученому скажу: такимъ чувствомъ, какое прежде, въ старину, всё имѣли въ вотчиннику, владѣльцу...

— Ты, пожалуй, правъ,—сказалъ Рынинъ. Ему не совсѣмъ пріятно было найти у Брынцева выраженіе мысли, которую онъ гдѣ-то прочелъ, потомъ сталъ считать своею собственною. —Держится идеей власти! Только ее и создала русская жизнь. Не будетъ ея, все распадется!..

— Власть, власть!—повторялъ Брынцевъ. —Душа моя... времена прошли... когда, бывало, начальникъ губерніи, посрединѣ залы, въ дворинскомъ собраніи стоитъ, а вокругъ него—почти-тѣльная пустота. Кого позоветъ въ себѣ, тотъ только подходитъ съ поклономъ. Нашего брата каждый норовитъ теперь *taquer sur le ventre!*.. И ничего не подѣлаешь!..

— Я не о такой власти говорю,—задумчиво произнесъ Рынинъ. —А вотъ та, чѣмъ держится стихія...

— Вотчиной!

Брынцевъ посмотрѣлъ на часы, потомъ взглянулъ въ окно и наморщилъ свой красивый лобъ.

— Тебѣ еще нужно по мытарствамъ?—спросилъ его Рынинъ.

— Да, въ одинъ день хочу спустить всю коллекцію.

Ихъ разговоръ не былъ истощенъ. И у того, и у другого осталось нѣсколько мыслей и убѣдительныхъ фактовъ, но они оставляли ихъ „про запасъ“. Брынцевъ считалъ Рынина изъ „жилистыхъ“, т.-е. изъ лицъ, которыя непременно добьются своего и будутъ съ положеніемъ; только онъ не вѣрилъ его убѣжденности. „Всѣ мы такъ разсуждали,—хотѣлось ему сказать вслухъ,—а какъ говядинки хватимъ, и начнемъ съ попутнымъ вѣтромъ плыть!“

Думая такъ, онъ считалъ себя все-таки лихимъ малымъ, очень умнымъ и благороднымъ и вѣрилъ, что его „обожаютъ“ тамъ, у него „въ губерніи“, считаютъ „отцомъ края“.

Рынинъ нашелъ для него слово „оппортунистъ“ и былъ доволенъ тѣмъ, что „пожурилъ“ Брынцева. Онъ далъ ему мѣрило того, съ кѣмъ ему придется соперничать. Такихъ Брынцевыхъ было три-четыре. Остальные—„чинуши“, какъ онъ выражался про себя.

Пріятели стали прощаться за кофе.

— Ты, я слышалъ, перечисляешься гражданскимъ чиномъ?—тихо спросилъ Брынцевъ.

— Еще не сейчасъ.

— А съ назначеніемъ можно скоро тебя поздравить? Мнѣ

говорили въ канцеляріи министра: твоя записка... найдена очень, очень замѣчательной...

Рынинъ промолчалъ. Онъ курилъ и пускалъ дымъ тонкой струей.

— Когда же и гдѣ увидимся?—громко спросилъ Брынцевъ. Въ передней его высокопревосходительства, въ одинъ изъ зимнихъ прїѣздовъ?

— Быть можетъ!

Они пожали другъ другу руку. Брынцевъ ушелъ. Рынинъ остался еще на нѣсколько минутъ. Тотъ тонъ, какой губернаторъ принялъ съ нимъ передъ уходомъ, лучше всякихъ словъ и увѣреній показывалъ, что его считаютъ тамъ, въ канцеляріи и въ прїемной министра, серьезнымъ кандидатомъ на постъ въ провинцію. Больше ему, пока, ничего и не нужно было.

Докурилъ онъ свою папиросу и допилъ кофе. Изъ второй комнаты раздался взрывъ спора. Это шло отъ стола, гдѣ сидѣли Свѣткинъ, его двое подручныхъ и Андреяновъ.

„А какая у тебя будетъ команда?—подумалъ Рынинъ.—Вѣдь не самъ же ты все станешь исполнять? Вотъ и придется взять такихъ же шалопаевъ, какъ тѣ“.

Его вывело изъ раздумья звяканье шпоръ и палаша по полу.

— Рынинъ! Bonjour!—кинулъ ему сбоку густой военный голосъ.

Онъ поднялъ голову.

— А! Александровъ!—откликнулся онъ и подаль руку, совсемъ не стремительно, свѣтскимъ жестомъ.

Его осликнулъ средняго роста, полный, усатый, съ красными щеками блондинъ, въ полковничьихъ эполетахъ. Шелъ онъ, подавшись всѣмъ корпусомъ, особой, изломанной походкой, которая доставила ему репутацію „d'être excessivement nature“.

Рынинъ не былъ съ нимъ на „ты“, но зналъ его хорошо, какъ офицера той же бригады. Онъ считалъ его „неучемъ“, „un faux bon homme“, зналъ, что онъ живетъ картами, родомъ — изъ помѣщичьихъ дѣтей средней руки, но какъ-то вошелъ въ моду среди свѣтскихъ барынекъ, которыхъ и восхищаетъ выходками своей „натуры“.

— Ça va bien?—спросилъ гвардеецъ въ полъ-оборота и настолько небрежно, что Рынинъ рассердился.

— Какъ видите,—суховато отвѣтилъ онъ и постучалъ по-жемъ о тарелку.

Онъ, еще въ полку, смѣялся всегда, за глаза, надъ этимъ Александровымъ, надъ его обязательнымъ французскимъ „bagout“,

понаворованнымъ отъ кокотокъ и актрисъ, смѣялся и надъ тѣми высокопоставленными „*gommeuses*“, которые записали его въ свои пріатели.

Брынцевъ сразу, послѣ такого Александрова, поднялся въ его глазахъ. Вѣдь и такой вотъ кончить тоже тѣмъ, что получить постъ, когда ему перестанетъ везти въ яхтъ-клубъ, или женится, и жена захочетъ играть роль. И даже найдется у него гораздо больше покровителей, чѣмъ у Брынцева.

Но это не всколыхнуло его желчи. Такой Александровъ слишкомъ уже былъ ничтоженъ въ его глазахъ.

Только-что Рынинъ всталъ, къ нему подбѣжали Шварцъ и Кремлевъ и молча каждый пожали ему руку. Подошелъ и Снѣткинъ, послѣ плотнаго завтрака и двухъ рюмокъ коньяку.

— Не дуйся! — крикнулъ онъ ему. — У Зинаиды Мартыновны цѣлую ножки!..

„Какой хлыщъ!“ — выбранился Рынинъ, и ему этотъ запанибрatный тонъ вивѣра былъ, въ ту минуту, чрезвычайно противенъ.

Весь ресторанъ съ его компаніей далъ ему ноту Петербурга, задолжавшаго, мелкокутильнаго, безыдейнаго, хищническаго и пустого для всякаго, кто видитъ, что подъ всѣмъ этимъ копошится.

Никогда еще онъ не достигалъ такого яснаго сознанія своего превосходства. Чего ему смущаться, когда все, что можетъ съ нимъ соперничать, вращается между полковникомъ Александровымъ и генералъ-майоромъ Брынцевымъ!

Ужъ про него-то не скажутъ и не напишутъ, что воспитать онъ свои государственныя способности въ кабачкѣ, на углу Кирпичнаго переулка!..

VI.

Сосѣ осталась въ Петербургѣ еще на трое сутокъ. Случился на недѣлѣ большой базаръ. Снѣткинъ и адъютанты Зины говорили объ этомъ базарѣ „*des merveilles*“. И Зина была довольна поѣхать на базаръ, гдѣ можно сдѣлать смотръ всему, что считается красивымъ и моднымъ; это гораздо удобнѣе и менѣе утомительно, чѣмъ отправляться въ субботу въ Михайловскій, когда происходитъ „сборъ всѣмъ частямъ“.

Молодые люди должны были ихъ встрѣтить на верхней площадкѣ парадной лѣстницы *** дворца. Снѣткинъ засталъ Зину во второй свой визитъ и выслушалъ отъ нея пріятельское внушеніе. Она спросила его прямо, что значить это пошеніе ре-

вольвера? Онъ отвертѣлся шуточкой. Зина зло подсмѣялась надъ замашкой пугать свою Надю самоубійствомъ. Тогда Снѣткинъ попросилъ ее къ этому сюжету не возвращаться и предоставить ему покончить свое „приганье на свѣтъ“, какъ онъ найдетъ лучшимъ и въ какой именно моментъ. За сцену въ „Самаркандѣ“ онъ у нея попросилъ извиненія, самымъ искреннимъ тономъ, Зина признала виновной и самое себя, и разговоръ кончился тѣмъ, что Зина передала ему во всѣхъ подробностяхъ свои объясненія съ мужемъ.

— Браво, сестричка! — закричалъ Снѣткинъ и началъ неистово хохотать, такъ, что было слышно въ корридорѣ.

У нихъ уже были секреты отъ Сосѣ, которой Зина, какъ „маленькой“, не считала ни нужнымъ, ни пріятнымъ повѣрять ни недавняго своего прошлаго, въ деревнѣ и въ Москвѣ, ни теперешній родъ отношеній къ мужу.

Сосѣ сейчасъ же почувствовала, что между Рыниными любви нѣтъ, начала допрашивать Зину, горячо и порывисто, умоляла ничего отъ нея не скрывать, предлагала свои услуги, если бы Зина думала развестись съ мужемъ.

— Не нужно мнѣ ничего этого! — сказала ей Зина спокойно и увѣренно. Если бы мнѣ стало совсѣмъ въ тягость жить съ нимъ — мы разѣдемся, но разводкой я не хочу быть.

Сосѣ, вообще и прежде считавшая Зину существомъ высшей породы, теперь еще больше исполнилась преклоненія передъ ея умомъ, знаніемъ жизни и тактомъ, передъ тѣмъ особеннымъ взглядомъ на все житейское, и свое, и чужое, — вплоть до ея „полутраура“. Сосѣ нашла, что носить полный трауръ по „такой“ матери, было бы только накладывать тѣнь на ея память. Туалеты Зины приводили ее въ восхищеніе. Они, по цвѣтамъ, не выступали изъ „demi-deuil“, а между тѣмъ въ нихъ не было ничего ни сухого, ни мрачнаго.

Она сама, отправляясь съ Зиной на базаръ, одѣлась потемнѣе, въ табачное платье. Цвѣтъ былъ модный, но къ ней не шелъ. Шляпа покрывала ея голову, какъ высокій волококлъ. Во всей фигурѣ было что-то почти смѣшное.

Парныя извозчичьи сани подвезли ихъ къ подъѣзду, во дворѣ *** дворца. Въ сѣняхъ, внизу, врывавшійся со двора холодный воздухъ такъ и ходилъ, охватывая дамъ дрожью, какъ только съ нихъ снимали шубы. Отъ этого холода Зина потащила Сосѣ поскорѣе на лѣстницу; обѣ выбрали платья и быстро вошли, не глядя ни на тѣхъ, кто поднимался вмѣстѣ съ ними, ни на отдѣлку лѣстницы и площадокъ.

Наверху, у продажи билетовъ, дожидались Шварцъ и Кремлевъ. Ихъ уже знала Сосѣ и нашла, что такихъ „jeune-seaux“ непременно надо имѣть при себѣ; въ Сибѣкинѣ она почувала соперника по дружбѣ съ Зиной и назвала его „un roseur jovial“, хотя съ нимъ держалась своего тона „bon garçon“.

— Всѣ наши базарки... — на подборъ, — доложилъ Шварцъ, съ невозмутимымъ своимъ лицомъ.

— Пожалуйте!.. ждутъ вашего обзора, — добавилъ Кремлевъ.

Онъ подалъ имъ два билета, и обѣ пары вошли: дамы въ серединѣ, по бокамъ по молодому человѣку. Зала съ мраморной отдѣлкой, съ позолотой, въ два свѣта, съ хрустальными люстрами, вся въ пестрыхъ краскахъ драпировокъ и прилавокъ, съ звуками музыки, доносившимися откуда-то, съ парадной и сдержанной толпой, охватила обѣихъ кузинъ чувствомъ недавнихъ свѣтскихъ компаній, гдѣ онѣ дѣйствовали бокъ-о-бокъ. Базаръ былъ изящнѣе, чѣмъ онѣ воображали. Сосѣ сейчасъ же сказала:

— Ça rappelle Londres!

Это была ея высшая похвала. Онѣ обѣ знали нѣкоторыхъ свѣтскихъ *gommeuses de marque* только по Петергофу; остального общества почти не знали, кромѣ тѣхъ дамъ и дѣвицъ, какихъ встрѣчали за границей. Но общій видъ былъ для нихъ совсѣмъ новый. Ихъ привлекала не толпа, не отдѣлка, даже не мужчины, а тѣ женщины, что представляли собою приманку базара.

— Шварцъ! — командовала Зина и заставила рассказывать и называть имена.

То же приказаніе получилъ и Кремлевъ. Они знали всѣхъ, если не лично, то въ лицо, всѣхъ хорошенькихъ барынь и дѣвицъ; отмѣчали каждую красивую фигуру и талію, у прилавокъ, въ рядахъ покупательницъ, и кратко сообщали исторіи.

Въ большой залѣ, гдѣ помѣстились всѣ удачныя прилавки, можно было найти и самыхъ примекательныхъ „базарокъ“. Слово это и Зина, и Сосѣ услышали отъ своихъ провожатыхъ въ первый разъ. Оно имъ понравилось.

— Кто пустил? — дѣловымъ тономъ спросила Сосѣ.

— Газеты, — отвѣтилъ Шварцъ и сейчасъ же нагнулся и сказалъ: — вотъ вамъ двѣ самыя цѣнныя базарки. Только ужъ насчетъ этого мѣста извините — онъ обвелъ рукой лицо — за то отъ нихъ не отдѣлаетесь.

Они проходили мимо прилавка съ модными товарами. Двѣ пожилыя дамы, очень перетянутыя и разодѣтыя, зазывали на

перебой; голоса ихъ трещали безъ умолку. Прошли онѣ мимо трехъ-четырехъ „professional beauty“, и на ухо имъ докладывалось все, что знали въ салонахъ и мужскихъ кружкахъ. Туалеты не приводили въ смущеніе ни Зину, ни Сосд. Для Сосд въ этихъ образчикахъ петербургскаго свѣта не было того, что она „обожала“ въ лондонскихъ сборищахъ такого же стиля. Зина находила, что у женщинъ есть свой *genre*—выше сортомъ того, среди какового она выросла и воспиталась за границей: все гораздо изящнѣе, чѣмъ у высокопоставленныхъ нѣмокъ, менѣе крикливо и тревожно, чѣмъ у французенокъ, и менѣе чопорно, чѣмъ въ иныхъ англійскихъ „conversations“... Но ей ни мало не захотѣлось въ этотъ свѣтъ, сдѣлаться завтра же одной изъ самыхъ привлекательныхъ „базарокъ“, принадлежать къ тому, что зовутъ „сборомъ всѣмъ частямъ“. У нея точно совсѣмъ замеръ всякій инстинктъ соперничества. Она даже не задавала себѣ вопроса: почему? Изъ чего будетъ она тянуться, проникать въ гостиныя, ставящія сейчасъ женщину на особое мѣсто въ свѣтской іерархіи?..

— Гдѣ же Снѣткинъ?—спросила она Шварца.

— Онъ будетъ въ буфетномъ салонѣ.

— Обжора!..

— Тамъ легче найти,—добродушно защитилъ его Шварцъ. Кремлевъ продолжалъ докладывать Сосд:

— Смотрите... М-lle Курчаева! Считается самой хорошенькой... послѣдняго вывоза.

— Какъ?—подхватила Сосд.

— Послѣдняго вывоза.

И Зина обернулась въ сторону прилавка, отдѣланнаго въ русскомъ вкусѣ, гдѣ висѣли полотенцы, ленты, вышиванья, кружева. Изъ-за одной драпировки выглядывало свѣжее, улыбающееся лицо дѣвушки съ золотистыми волосами. Ея большіе глаза смотрѣли прямо и немного удивленно. Она наклонила, въ ту минуту, станъ свой нѣсколько впередъ, и вся ея стройная талія, съ ловкимъ изгибомъ спины, въ бѣломъ матовомъ шерстяномъ платьѣ и платьѣ съ эгреткой, выдѣлялась передъ проходившими.

— Jolie fillette!..—сказала одобрительно Зина и настолько громко, что двое военныхъ и одна дама оглянулись.

Глаза золотистой блондинки обратились къ ихъ группѣ и дѣтски-весело приглашали ихъ купить что-нибудь.

— Кто это?—переспросила Сосд Кремлева.

— Оля Курчаева, — отвѣтилъ за пріятеля Шварцъ. — Подъ покровительствомъ еягини Рязской ..

— Рязской?—остановила его Зина.

Фамиліи Рязскихъ она никакъ не ожидала. Она точно обожгла ее, и щеки зардѣлись. Это ее ужасно удивило.

— Какой Рязской?—продолжала она спрашивать и наблюдать за своимъ неожиданнымъ волненіемъ.

— А вотъ... та, что по добрымъ дѣламъ. Она здѣсь навѣрно. Этотъ базаръ—подъ ея же главнымъ завѣдываніемъ.

Зина взяла руку Шварца. Въ толпѣ становилось тѣсно. Кремлевъ сдѣлалъ то же съ Сосѣ.

— Мать князя, что былъ когда-то въ полку, съ Рыннымъ?—спросила Зина, когда она переходила черезъ узковатую, длинную гостиную, раздѣленную на двѣ половины продольной колоннадой

— Да, вотъ что теперь... въ свѣтѣ записался...

— Вы его знаете?

— Встрѣчалъ.

Она замолчала и стала усиленно смотрѣть по сторонамъ. Ей хотѣлось заставить себя не думать о князѣ.

Нагѣво тянулся столъ, уставленный японскими вещами съ продавщицей, хорошенькой нѣмочкой, безкровной, съ пепельнымъ шиньономъ, въ платьѣ, которое и Сосѣ нашла „adorable“. Она разсѣяннo отвѣчала состоявшему при ея кассѣ офицеру и какъ будто боялась просмотрѣть какую-нибудь высокую особу.

— De la finance?—послышался Зинѣ вопросъ Сосѣ Кремлеву.

— Да-съ, — отвѣтилъ за него Шварцъ.—Это — Гостинный островъ.

Остроты ни одна изъ кузинъ не поняла.

— Снѣтеинъ соединилъ въ одно: Гостинный съ Васильевскимъ, и вышелъ Гостинный островъ.

И кузинамъ было объяснено, что барышня родомъ съ Васильевскаго острова, приданаго полмилліона, черезъ дамъ патронессъ попала на базары въ „professional beauty“—и не иначе хочеть, какъ за такого жениха, кто бы доставилъ ей „вокошникъ“.

Что значить „вокошникъ“, Сосѣ и Зина знали прекрасно, еще у себя въ курортѣ.

Зина все отгоняла отъ себя мысль о князѣ. Она нарочно останавливала своего кавалера передъ столомъ, гдѣ двѣ дамы продавали туалетныя вещи. Одна была вся въ брилліантахъ, въ тяжеломъ и пестромъ туалетѣ, съ низкимъ вырѣзомъ на груди. Зина нашла, что у нея лицо смазливой горничной или швеи подъ тридцать лѣтъ. Она смѣялась громко, говорила разомъ съ тремя военными и обращалась съ ними, какъ полковая дама.

Шварцъ называлъ ее по имени и прибавилъ, что изъ-за нея

одинъ чуть не отравился, и была еще „серьзная“ дуэль. Зина только усмѣхнулась. Ни эта женщина, ни всѣ, кого она оглядѣла въ большой залѣ, не вызвали въ ней женскаго чувства. Да она не замѣчала и взглядовъ мужчинъ; но ея провожатый очень хорошо видѣлъ, что эта, никому неизвѣстная, дама очень многихъ заинтересовала. Въ толпѣ мимо нея нельзя было пройти и не остановиться.

Вторая дама, продававшая цвѣты, заставила Зину что-то такое почувствовать. Она была также въ бѣломъ, какъ и блондинка съ дѣтскими глубокими глазами, но въ шолововомъ, а не въ шерстяномъ туалетѣ. И въ ея ушахъ и волосахъ горѣло не мало брилліантовъ. Вся голова ея, лобъ, волосы, носъ, глаза, привлекали Зину такъ, что она прикоснулась къ плечу Сосд и шепнула ей:

— *Regarde la brune!*

И въ головѣ ея выскочила мысль:

„А вѣдь вотъ какую женщину можетъ князь встрѣтить здѣсь... и кто знаетъ, устоитъ ли онъ?“...

Она нашла эту мысль глупой и пошлой и заторопила Шварца въ буфетъ, гдѣ дожидался Снѣтвинъ.

Въ угловой гостиной, увѣшанной рѣдкимъ оружіемъ, за столомъ вдоль лѣвой стѣны, продавала одна изъ самыхъ красивыхъ и молоденькихъ женщинъ сезона. Она нагнулась надъ столомъ и подавала чашку генералу въ серебряныхъ аксельбантахъ, причесанному по военной модѣ прошлаго царствованія. Ея головка, въ свѣтлой шляпѣ, державшейся только на высокой небольшой косѣ, видна была входившимъ въ полъ-оборота, а также румянецъ упругихъ щекъ, и носикъ, и бѣлая шея, къ затылку чуть покрытая завитыми каштановыми волосами. Бюстъ немного выгнулся и тонкіе пальцы держали чашку игривымъ жестомъ. При ней состоялъ такой же красивый офицеръ. Она подала генералу чашку и сейчасъ же вышла изъ-за буфета. Съ почти-тельной игривостью приблизилась она къ рослому молодому военному, на котораго публика поглядывала, какъ глядятъ на высокопоставленное лицо.

— *Jolie à croquer, la petite!*— сказала Сосд.

— *Une roupée!*— отозвалась Зина.

Красота или просто красивость, молодость, изящество, мода, большой свѣтъ, все это начинало тяготить ее. Она продолжала отгонять отъ себя мысль о князѣ. Его мать здѣсь... Не лучше ли она поступить, если поскорѣе познакомится съ нею и застрахуетъ себя окончательно отъ всякой новой вспышки тѣмъ, что будетъ

бывать у нея? Увидится тамъ и съ сыномъ, когда тотъ прійдетъ сюда. — Должна же она его встрѣтить гдѣ-нибудь. Послѣ того, что она рассказала Рынину, безчестно было бы избѣгать князя. Да онъ можетъ, наконецъ, самъ сдѣлать визитъ. Вѣдь онъ ничего не понялъ и не почувствовалъ у себя, въ деревнѣ. Ея визитъ былъ для него добрымъ дѣломъ, христіанскимъ порывомъ нѣжной женской души. Онъ навѣрно прійдетъ.

— Сестричка!

Голосъ Снѣткина вывелъ ее изъ раздумья.

Онъ стоялъ передъ нею, веселый, краснощекій, съ бѣлыми лбомъ и густыми, лоснящимися волосами, пестро одѣтый, въ англійскомъ жанрѣ, и глаза его точно насмѣшливо улыбались ей.

— Et bien, quoi?—окинула она.

— Онъ здѣсь!—шепнулъ Снѣткинъ.

Сосѣдъ съ Кремлевымъ была у буфета. Шварцъ, кавалеръ Зины, глядѣлъ въ другую сторону.

— Кто?—спросила она и должна была сознаться себѣ, что тревога проникаетъ въ нее.

— Рязскій въ Петербургѣ. Его мать здѣсь. Вы это знаете?

— Знаю.

— И онъ долженъ прійхатъ... Но этого мало.

— Сядемъ туда,—быстро заговорила она и перешла черезъ комнату, выбрала угловой круглый диванъ и сѣла.

Снѣткинъ сѣлъ рядомъ съ нею.

— Ну, такъ что-жъ, что онъ здѣсь?

Она сказала это съ улыбкой, какую дѣлаютъ себѣ, когда спрашиваютъ о совершенныхъ пустякахъ.

— А тутъ?

Большая ладонь Снѣткина, въ модныхъ яркихъ перчаткахъ, съ широкимъ шитьемъ, легла на то мѣсто груди, гдѣ сердце.

— Тутъ... все то же!..

Зина начала не на шутку сердиться на себя и уже боялась, что она себѣ измѣнить, возьметъ не тотъ тонъ.

Но передъ Снѣткинымъ ей что же притворяться!..

— Знаете что, Снѣткинъ,—заговорила она и все оглядывалась на обѣ двери, выходящія одна въ слѣдующую залу, другая—на площадку.—Знаете что?.. Мнѣ бы очень хотѣлось сейчасъ же подойти прямо къ нему, подать руку и рассказать, вотъ какъ я вамъ рассказывала, про мою... escapade. Вы его видѣли?—перебила она самой себя.

— Нѣтъ, но я откланивался его матери.

— Вы не можете меня съ ней познакомить?

И она сейчасъ же поправилась:

— Нѣтъ, это не такъ... Подождемъ. Онъ непременно будетъ.

— Княгиня ждетъ его. Онъ тутъ долженъ быть ассистентомъ у одной хорошенькой барышни. Княгиня ее вывозить...

— Кто это?

Вопросъ, противъ воли Зины, былъ такъ быстръ, что Снѣткинъ громко вскрикнулъ:

— Сестричка!.. Да это—товѣ!

— *Taisez-vous!*—разсердилась она, прикусивъ губу.

Волненіе ея не проходило, это несомнѣнно.

— Вамъ угодно знать, кто барышня?—продолжалъ, точно подзадоривалъ ее, Снѣткинъ.—Курчаева. Тамъ—въ большой залъ—глаза такіе круглые. И линія имѣется. Я одобряю, хотя барышня для меня—*überwundener Standpunkt*.

— Вы нелѣпы!..

— Покорно благодарю.

Онъ смолкъ и лицо его стало серьезнѣе.

— Мнѣ кажется,—продолжалъ онъ, нагнувшись слегка къ Зинѣ,—*la maman voudrait faire mijoter un mariage...*

— Съ этой... вуклой?—вырвалось у Зины.

— Она боится, что онъ совсѣмъ рехнется, со своей святостью. Продаетъ здѣсь книги и брошюры—и радъ! А потомъ, пожалуй, корабейникомъ пойдетъ по градамъ и весямъ... Вотъ старушка и хочетъ женить его!.. Вѣдь ему все равно. Онъ долженъ признавать бракъ цѣломудренно и, на весь вѣкъ, неразрывно... Барышня еще безъ всякаго душевнаго обличья. Стало, для него лестно будетъ сдѣлать изъ нея діакониссу.

Зина чуть не крикнула ему: „да перестаньте болтать!“ Она насилу сдержала себя.

— *Qui pourrait me présenter à la princesse?*—какъ будто про себя спросила она.

— *Votre époux chéri... ou le prince lui-même.* Онъ навѣрно будетъ. Да и вашъ супругъ попозднѣ завернетъ—погадать о своей судьбѣ, по какимъ-нибудь, ему только видимымъ, признакамъ.

Зинѣ уже было непріятно то, что она заговорила о матери князя и спрашивала, кто могъ бы ее представить ей. Къ чему все это?

Снѣткинъ смотрѣлъ на нее и улыбался. Этотъ улыбающійся взглядъ показался ей вдругъ нахальнымъ и глупымъ.

— *Vous êtes infecte!*—сказала она ему, отрывочно и серьезно, какъ, бывало, дѣвицей кому-нибудь изъ своихъ ухаживателей.

— Слушаю-съ,—отвѣтилъ Снѣткинъ.—Получилъ и расписался.

Она лучше бы сдѣлала, если бы сейчасъ же уѣхала отсюда. Нѣтъ, это будетъ малодушіе. Какъ будто она, въ самомъ дѣлѣ, чего-то испугалась!..

— Прикажете чего-нибудь съѣстного? — продолжалъ дурачиться Снѣткинъ.

Его тонъ раздражалъ ее; она находила его русскія шуточки чуть не лакейскими. Ей захотѣлось сказать ему что-нибудь... такое, чтобы онъ ушелъ, отсталъ отъ нея. Ей нужно было остаться одной, затеряться въ толпѣ. И Сосѣ, и эти два адъютанта тяготили ее, хотя и стояли въ сторонѣ, у буфета, и ею, въ ту минуту, не занимались вовсе.

Снѣткинъ понялъ сразу ея чувство.

— Я удалюсь, — кротко сказалъ онъ, и она увидѣла, что онъ хочетъ ей показать, какъ онъ ее понялъ.

И это ее сердило. Онъ вообразить сейчасъ, что она въ новомъ любовномъ припадкѣ, и внутренне готовъ подсмѣяться надъ нею.

Она встала и, ничего ему не отвѣчая, подошла къ Сосѣ и двумъ молодымъ людямъ.

Тѣ ее спросили, не хочетъ ли она чего-нибудь съѣсть? Сосѣ хотѣла, но она дожидалась Зины. Красивая продавщица уже отошла отъ военного и своимъ взглядомъ приглашала ихъ. Снѣткинъ лѣниво поднялся съ дивана и такъ же лѣниво подходилъ къ буфету.

Онъ началъ всего отвѣдывать.

— Qu'as-tu? — шепнула Сосѣ Зина.

— Rien, — отвѣтила она и повела сурово бровями.

Этого движенія бровей Сосѣ всегда боялась у своей кузины.

— Mais si, — настаивала она.

„Вы всѣ мнѣ надоѣли!“ — хотѣла имъ бросить Зина, но она себя пристыдила. Чѣмъ же они всѣ виноваты — и бѣдная Сосѣ, и Шварцъ, и Кремлевъ, и добрый, умный ея пріятель, который ѣлъ съ какой-то отчаянной рѣшимостью и запивалъ уже третьей рюмкой крѣпкаго вина?

Но „чувство“ не проходило. Она не спокойна. Ее не занималъ болѣе базаръ, а на женщинъ, вотъ на эту продавщицу, она смотритъ особенно. Ея лицо сливается съ лицомъ той „дѣвчонки“, про которую болтнулъ Снѣткинъ.

„Это невыносимо!“

Машинально Зина взяла въ руку чашку чаю; съ ней кто-то говорилъ, она что-то отвѣчала; потомъ она что-то еще ѣла и пила, кажется, рюмку вина съ бисквитами.

Рюмка еще была у нея въ правой рукѣ, когда она обернулась въ тотъ уголъ комнаты, куда выходила дверь на площадку.

Въ дверь входилъ ея мужъ.

Она ужасно ему обрадовалась, такъ что рюмка дрогнула у нея въ рукѣ и она чуть не расплескала вина. Снѣткинъ одинъ это замѣтилъ и подошелъ къ ней съ вопросительнымъ взглядомъ. Зина даже не посмотрѣла на него, быстро поставила рюмку и подбѣжала къ мужу.

— Парменій, — она назвала его такъ едва ли не въ первый разъ, — ты очень встати пріѣхалъ.

Она тотчасъ же увлекла его въ глубину комнаты и, въ нѣсколькихъ словахъ, объяснила ему, что здѣсь княгиня Рязская, которую онъ, вѣжеству, знаетъ, и что всего лучше будетъ ему подвести ее къ ней.

Она говорила съ такимъ выраженіемъ глазъ, что Рынинъ могъ понять это за желаніе дать ему почувствовать, какъ съ нея слетѣло все, бывшее въ Ширяевѣ, и она теперь совсѣмъ не желаетъ избѣгать случая возобновить знакомство съ княземъ. Этимъ она покажетъ Рязскому, что тамъ, въ деревнѣ, ничего и не было съ ея стороны, кромѣ участія въ его нездоровью.

Внутри у нея точно пробѣгали струйки особаго чувства, сродни тому, когда она такъ ловко заслоняла отъ мужа свою страсть. Она это и сознавала, и не сознавала.

Рынинъ былъ сначала какъ бы немного озадаченъ, но сейчасъ же выговорилъ:

— Изволь, только я мало ее знаю. Съ визитами бывалъ, но давно.

— Надо такъ сдѣлать!.. — Зина сказала это порывисто и опять посмотрѣла на него, съ тѣмъ же выраженіемъ.

Подошелъ Снѣткинъ.

— А князь Рязскій здѣсь? — небрежно спросилъ его Рынинъ.

Онъ никакъ не могъ бы подумать, что Зина рассказывала ему про ширяевскую исторію.

— Мнѣ княгиня сейчасъ говорила, что ждетъ его.

— Ты понимаешь, — тихо и быстро говорила Зина мужу, — я не могу же знакомиться съ княгиней черезъ Снѣткина.

Сосѣд и оба ея провожатыхъ видѣли, что о чемъ-то идетъ совѣщаніе. Они уже заплатили у буфета.

— Qu'est-ce? — опять съ участіемъ спросила Зину Сосѣд и взяла ее за локоть, по старой привычкѣ.

Она постоянно боялась, что между Рынинными выйдетъ сцена, боялась и внутренно была бы рада чему-нибудь рѣшительному.

— Ничего, Сосѣ, ничего,—отвѣтила ей Зина мягко, какъ успокаиваютъ подростковъ.— Идемъ въ залу.

И она головой скомандовала Шварцу и Кремлеву; оба, при Рынинѣ, сейчасъ же немного сократились.

Они пошли сзади, а ихъ мѣста заняли Снѣткинъ и „мужъ“,—такъ они между собой называли Парменія Никитича.

Зина сама пошла подъ-руку съ мужемъ и продолжала говорить ему, уже шутливо, какъ ей хотѣлось бы заслужить одобреніе княгини Рязской и поступить даже въ ея „общество“. Онъ молчалъ, но не хмурился, только немножко недоумѣвалъ. Собственное волненіе уже не казалось Зинѣ подозрительнымъ; она говорила совсѣмъ не о томъ, что у нея было въ головѣ.

Въ головѣ повторялось нѣсколько фразъ: „такъ лучше... это самое вѣрное средство... Il faut aller droit au but“...

Но къ какой цѣли? И почему ей такъ захотѣлось сейчасъ же быть представленной княгинѣ? Она не могла бы отвѣтить.

Рынину не былъ вполне ясенъ мотивъ представленія Зины. Но онъ считалъ это допустимымъ... и даже не лишнимъ: большой, родовитый домъ—хоть и „шалыхъ“ людей. По благотворительности княгиня занимала очень высокое положеніе. Только лучше бы уже было найти въ залѣ и самого князя.

Имъ указывалъ путь Снѣткинъ.

— Да и онъ здѣсь!—вдругъ крикнулъ онъ и указалъ головой на драпировку изъ русскихъ кружевъ, откуда глядѣли круглые глаза дѣвушки.

Зина отвернула голову, слышавъ слова Снѣткина, и встрѣтила тревожный взглядъ Сосѣ; та ничего не понимала, что тутъ творится...

„C'est bien!.. Elle a un amant“,—мгновенно сказала Сосѣ про себя.

Зина почувала это и густо покраснѣла.

И вдругъ, точно кто-то ее ударилъ подъ колѣни; ноги у нея дрогнули, и еслибъ Рынинъ не велъ ее, она бы непременно упала. Онъ одинъ не замѣтилъ этого.

Такой ударъ испугалъ и взбѣсилъ ее. Она вся выпрямилась, оперлась на руку мужа и смѣло, съ улыбкой на губахъ, съ откинутой назадъ головой, подошла къ прилавку.

Князь стоялъ, немного согнувшись, и считалъ деньги, рядомъ съ дамой въ сѣдыхъ бубляхъ, такого же почти роста, какъ и онъ. Худое, кроткое, простоватое лицо и большое извѣстство пожилой женщины схватила разомъ Зина, оглядѣвъ княгиню вбокъ; потомъ переняла взглядомъ въ блондинѣ.

Все еще подъ-руку съ мужемъ, у прилавка, сказала она громко: „*Bonjour, prince!*“ послѣ того, какъ Рынинъ почтительно поклонился княгинѣ. Князь бросилъ деньги, слегка покраснѣвъ, — это она прекрасно замѣтила, — обернулся къ матери и сказалъ ей довольно громко:

— Зинаида Мартыновна Рынина.

Княгиня отвѣтила сначала ему ласковымъ взглядомъ и тогда уже протянула руку Зинѣ и пожала ее крѣпко:

— *Je vous salue,* — сказала она съ удареи́емъ, пріятнымъ, тягучимъ голосомъ и подала потомъ руку Рынину.

Сосѣ тоже представили. Снѣткинъ подвелъ и обоихъ молодыхъ людей.

— *Tableau de famille!* — шепнулъ онъ Зинѣ.

Но она что-то уже выбирала у блондинки, вызывая ее на разговоръ.

„*Rouée, va!*“ — задорно мелькало въ головѣ Зины въ то время, какъ губы ея выговаривали разныя маленькія фразы, суховатыя и модныя, изъ того жаргона, которымъ она владѣла когда-то въ совершенствѣ.

Блондинка, розовая, надушенная геліотропомъ, отвѣчала ей все: „*oui, madame, parfaitement, madame*“, и это безпрестанное: „*madame*“ звучало у нея такъ, точно будто она, въ самомъ дѣлѣ, продавщица по профессіи. Зина и опредѣлила ее: „*une petite de magasin*“.

Она слушала, слѣва, разговоръ княгини съ мужемъ. Княгиня благодарила его за Зину, за ея доброту и сердечное вниманіе къ больному сыну. Рынинъ только наклонилъ голову и ничего не говорилъ.

„Вотъ это мило!“ подумала Зина. „Онъ, пожалуй, разсердится. Его же благодарятъ за мою поѣздку къ князю“.

Теперь можно было присоединиться къ ихъ разговору. Князь кончилъ считать деньги и что-то говорилъ Снѣткину. Сосѣ подошла къ прилавку и поглядѣла на Зину съ особымъ выраженіемъ, послѣ чего начала выбирать русскія кружева.

Этотъ взглядъ Сосѣ придалъ Зинѣ новой бодрости въ борьбѣ съ собою. Ничего у нея нѣтъ ни въ головѣ, ни въ крови, ни въ сердцѣ къ князю. Глупая Сосѣ сейчасъ съ своей маніей любви и отгадываніемъ увлеченій!..

И она сама заговорила съ княземъ, весело, немного даже по-пріятельски, спросила, доволенъ ли онъ тѣмъ, что дѣлается въ Петербургѣ, что его деревенскіе школьники, долго ли онъ думаетъ прожить здѣсь? Попросила не забывать своихъ ширяев-

скихъ друзей, потомъ обратилась къ княгинѣ, „поручила себя“, по-французски, ея вниманію и очень почтительно поблагодарила ее за приглашеніе бывать у нея.

Одинъ всего, быстрый и обволакивающій, взглядъ кинула она на князя, когда онъ подавалъ ей руку, и ей показалось, что въ его голубыхъ глазахъ, подернутыхъ слезой, вспыхнула тревога, — что-то непохожее на его всегдашнее выраженіе.

— Вы здѣсь по доброй волѣ?— успѣла она бросить ему вопросъ, уходя...

Князь сдѣлалъ жестъ головой и улыбнулся; но опять не такъ, какъ улыбался въ деревнѣ.

Зина посреди залы оставила руку мужа и сказала ему:

— Я тебя не удерживаю...

И отъ Сосѣ она ушла въ противоположную сторону. Ей надо было остаться одной. Она избѣгала разспросовъ кузины и ухаживанія своихъ провожатыхъ.

Шварцъ и Кремлевъ искали ее и нашли съ трудомъ въ той залѣ, гдѣ на эстрадѣ, за растеніями, помѣщался оркестръ.

Она ихъ прогнала и приказала сказать Сосѣ; чтобы та ее не дожидалась, ѣхала домой, если ей скучно, а ей прислала бы назадъ сани.

Говоря это, Зина выпрямилась; ея лицо, блѣдное и нервное, съ античнымъ носомъ, съ короткими волосами на лбу, подъ шляпой строгихъ цвѣтовъ, рослый станъ и движеніе руки, когда она отдала имъ приказаніе, прельстили обоихъ пріятелей.

Они оба стояли съ минуту и глядѣли ей вслѣдъ.

— Одинъ восторгъ!—выговорилъ Шварцъ.

— Восторгъ!—повторилъ Кремлевъ.

Оба уже согласились наканунѣ, что „такую“ женщину не постыдно любить и вдвоемъ, даже и совсѣмъ „понапрасну“, какъ дразнилъ уже ихъ Олѣткинъ.

VII.

— Mon enfant, tu danseras encore une contredanse avec Olga...

Князь Рязскій выслушалъ слова своей матери, сказанныя тихо и почти просительно, молча нагнулъ голову, въ знакъ согласія, и пошелъ отъ буфета въ залу, гдѣ уже проиграла приглашеніе къ кадрили.

Онъ знаетъ, его добрая и кроткая мать выбрала ему неvěсту,

хорошенькую Ольгу Курчаеву, и онъ очень ее огорчить, если откажется отъ этой дѣвушки. Конечно, княгиня вызвала его изъ деревни раньше, чѣмъ онъ собирался въ Петербургъ, съ тою же цѣлью.

„Жениться?“ — Онъ признавалъ бракъ, одинъ, нерасторжимый; ему тридцать лѣтъ, дѣвушка милая... Мать вотъ ужъ сколько времени увѣряетъ его, что у Ольги — прекрасная душа, что она ждетъ только человека, призванного Богомъ направить ее на добро...

Можетъ быть!..

Въ залѣ было движеніе. Устанавливались пары и вдоль, и поперекъ большой залы, подъ мраморъ, съ старинной, золоченой мебелью. Этотъ вечеръ княгиня устроила для Ольги. На него она пригласила и Рыниныхъ.

Вонъ стоитъ Зина, въ правомъ углу. Она говоритъ съ распорядителемъ танцевъ, очень высокимъ, худымъ брюнетомъ, въ мундирѣ казацкаго адъютанта. Ея профиль и голова съ короткими волосами, изгибъ талии, туалетъ, весь бѣлый — привлечь взглядъ князя. Она сама пригласила его на эту кадрили.

Ему слышится, до сихъ поръ, голосъ ея, и то, что она ему сказала, не на базарѣ, а у нихъ, когда пріѣхала къ нимъ съ визитомъ, одна, и онъ принялъ ее, до выхода княгини.

— Вы меня чуть не погубили! — сказала она ему въ тотъ разъ и громко разсмѣялась.

Онъ не понималъ. Тогда же она ему рассказала про свою попытку броситься на него съ чѣмъ-нибудь, съ револьверомъ, съ ножомъ, у него во флигелѣ. Это, конечно, была шутка. Онъ не сталъ спрашивать; мать его вошла въ ту минуту. Но ему сейчасъ вспомнилось, какая она тогда, у него въ деревнѣ, была странная. Ему стало сейчасъ же не по себѣ, какъ будто совѣстно за то, что случилось тогда... Значить, онъ былъ виноватъ. Но въ чемъ же? Онъ смотрѣлъ на нее, когда она говорила съ княгиней, сидя въ уголку, за кресломъ матери. Это лицо онъ плохо видѣлъ прежде, не рассмотрѣлъ. Въ немъ что-то начало его трогать и тревожить. И голосъ отзывался у него въ груди...

„А если она не пошутила?“ — думалъ онъ, не слушая, о чемъ говорятъ мать съ Зиной: — „тогда что же это было?“

Отвѣчать онъ не умѣлъ. У него давно не бывало въ головѣ мысли о томъ, что онъ можетъ возбудить въ женщинѣ страсть. Но если она не шутила, значить, онъ доставилъ ей душевное страданіе, не понималъ ее, не отозвался?

Не отозвался — на что? На страсть, т.-е. на „похоть“, на „прелюбодѣянiе“?

Эти слова наполнили его физическимъ отвращенiемъ. Ему сдѣлалось такъ неловко, что онъ съ трудомъ оставался въ гостиной, и въ то же время это лицо, этотъ голосъ приковывали его къ креслу все сильнѣе.

Надо было проводить гостью до передней. Княгиня два раза сказала ему.

— Oreste, reconduis madame.

Въ залѣ они остановились, оба разомъ.

— Вы пошутили?—сказалъ онъ ей.

— Нѣтъ,—отвѣтила она и такъ на него взглянула, что онъ весь вспыхнулъ.

— Только, князь, трагедiи я уже бросила; теперь я смотрю и на себя, и на все... гораздо проще.

Эти слова кончились смѣхомъ, для него и жуткимъ, и прiятнымъ. Онъ не нашелъ, что ей отвѣтить, но не посмѣлъ, однако, сказать ей:

„Полноте, такъ нехорошо!“

А это онъ сказалъ бы непременно, въ деревнѣ, у себя, или у нихъ, въ Ширяевѣ.

Два дня онъ рѣшалъ: поѣхать къ ней или нѣтъ? Мать его вздумала, тѣмъ временемъ, устроить „une petite sauterie“ для Ольги—и послала его сдѣлать визитъ Рынинымъ, пригласить ихъ; за себя извиниться: она, дѣйствительно, не выѣзжала дня три.

Онъ обрадовался этому порученiю. Онъ самъ уже жаждалъ „хорошаго разговора“. Ъхалъ онъ въ полной увѣренности, что ее увидитъ и даже одну; по дорогѣ—волновался, но онъ не засталъ Зины; дома былъ только мужъ. Это его огорчило, и въ первый разъ, едва ли не съ того времени, какъ онъ былъ въ полку, чувство досады овладѣло имъ.

Такъ онъ ее и не видалъ до этого вечера. Когда она вошла, онъ говорилъ съ Ольгой Курчаевой. Но его вдругъ стало тянуть къ „Зинѣ“,—онъ уже мысленно звалъ ее такъ,—и онъ задержалъ ее по пути въ гостиную, гдѣ сидѣла его мать, смотрѣлъ на нее, чувствовалъ, что ему совсѣмъ не то хочется говорить, а то, съ чѣмъ онъ ѣхалъ къ ней въ отель.

Она бросила ему двѣ-три фразы по-прiятельски, тономъ, отъ котораго онъ совсѣмъ отсталъ, такимъ, какъ тогда на базарѣ, но сейчасъ же сказала;

— Если вы танцуете,—я даю вамъ одну кадрили.

И онъ пожалѣлъ, что не первую; на нее онъ пригласилъ Ольгу, по просьбѣ матери.

Зина отошла отъ брюнета. Ей надо было перейти поперекъ всей залы. Князь, въ нерѣшительности, не зналъ, гдѣ они станутъ: на той сторонѣ, гдѣ она, или тамъ, гдѣ онъ стоялъ? Она сдѣлала ему знакъ головой, чтобы онъ не трудился идти за ней и оставался бы тамъ, гдѣ ему и слѣдовало быть. Его визави помѣстился уже въ двухъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ она говорила съ распорядителемъ танцами.

На этотъ вечеръ она непременно бы попала, если бы княгиня первая и не пригласила ее. Мужъ, можетъ быть, и хотѣлъ возражать; но настоящаго траура она не носила, это не балъ, а маленькій вечеръ, гдѣ были почти однѣ дѣвицы. Отъ Снѣткина знала она, что „sauterie“ княгиня затѣяла для Ольги, что Ольга уже почти невѣста князя. „Никогда этому не бывать!“ — такъ рѣшила Зина и назвала Снѣткина „сплетникомъ“ и „врагемъ“. Онъ сталъ подсмѣиваться надъ „рецидивомъ“ ея страсти. Она не на шутку разсердилась на него и чуть не прогнала. Почти такая же сцена вышла у нея, два дня передъ тѣмъ, въ день отъѣзда Сосѣ въ Москву. Та также стала увѣрять ее, что она любитъ, и повторяла все одну и ту же фразу:

„Меня нельзя провести“.

Зина простилась съ нею сухо, надавала ей нѣсколько бранныхъ прозвищъ и даже не поѣхала проводить. Сосѣ не стала плакать, какъ всегда, не на шутку обидѣлась и пожелала кузинѣ узнать, наконецъ, что такое любовь, и заплатить хорошенько...

На вечерѣ княгини Рязской Зина была среди незнакомаго общества, съ „дѣвчонками“, какъ она сказала Снѣткину. Онъ получилъ отъ нея приказъ явиться. Въ томъ, какъ ее встрѣтилъ князь, было что-то новое, незнакомое ей въ немъ. Она боялась ошибиться и начала радостно мечтать... Она уже больше не пересиливала себя, не стыдилась, не возмущалась; способна была опять шутить съ княземъ, на тему своей „toquade“. Трагедія она не хочетъ; но она ничего не испугается и посмотреть, таковъ ли онъ будетъ здѣсь, и что у нихъ разыграется... Никакихъ другихъ вопросовъ она не желала задавать себѣ.

Но когда князь податъ руку Ольгѣ Курчаевой и повелъ ее на мѣсто, Зинѣ вдругъ представилась возможность того, что эта „дѣвчонка“ будетъ его женой. Въ танцахъ она не выпускала ее изъ виду. Ея станъ, руки, голова мелькали мимо Зины и обдавали ее свѣжестью восемнадцати лѣтъ. Такой талии у нея самой уже не было. Молодость Ольги, эти наивные глаза, чи-

стога линій тѣла, самый туалетъ—изъ нѣжныхъ цвѣтовъ, между розовымъ и желтымъ—бросали вокругъ сіяніе, веселили и красили остальныхъ дамъ.

И рядомъ съ нею—красавецъ, такой же блондинъ, какъ и она, съ пріемами англійскаго аристократа, съ милой неловкостью человѣка, почти разучившагося танцовать. Но фракъ на князѣ былъ лондонскій, бѣлый галстухъ шелъ къ нему изумительно. Кто бы подумалъ, что онъ пріѣзжалъ въ Ширяево въ валенкахъ и полушубкѣ! Вотъ такимъ, какъ теперь, онъ долженъ быть всегда, и надо его удерживать здѣсь, въ Петербургѣ. Пускай его женить! Развѣ такая блондиночка съ дѣтскими круглыми глазами можетъ держать его въ своей власти?—Такъ думала Зина все время кадрили. Ей стало очень весело. Снѣтъкинъ и распорядитель танцевъ подводили къ ней молодыхъ людей. Она не искала князя; ей что-то говорило, что онъ не тотъ, какимъ былъ въ деревнѣ, и что отъ нея будетъ зависѣть провести его черезъ ощущенія, которыя онъ, въ своей святости, отрицалъ. Онъ, какъ будто, избѣгаетъ ея и, то-и-дѣло, взглядываетъ на нее издали.

Проиграли вторую ригурнель къ кадрили. Зина подошла къ князю. Ихъ стулья стояли въ самомъ углу у стѣны. Говорить было удобно.

Онъ сталъ надъ нею и глядѣлъ сверху внизъ на ея голову и бюстъ. Зинѣ передавалось то что-то, чего не было прежде въ князѣ. Она уже видѣла, что теперь она можетъ говорить ему съ самымъ игривымъ видомъ, шутить надъ нимъ и надъ собою, дѣйствовать по правиламъ новаго, дерзкаго кокетства, и онъ ее не остановитъ. Волненіе связывало ему языкъ.

Ихъ взгляды встрѣтились.

— Князь,—сказала она ему, поднявъ голову къ его лицу:—вы повѣрили тому, что я вамъ сказала... помните?

— Да,—отвѣтилъ онъ, смущенный и странно улыбающійся.

— Могли погубить меня... не правда ли? Vous me devez une compensation.

— Это правда!—выговорилъ онъ и не могъ отвести отъ нея глазъ, а взглядъ ихъ—онъ чувствовалъ—былъ „нехорошій“.

Зина уже схватила этотъ взглядъ и встала—имъ надо было начинать—съ большою затаенною радостью: нужды нѣтъ, что въ ней не влѣкочетъ та страсть, налетѣвшая на нее въ деревнѣ. Теперь она сама сильнѣе, это ясно. Ей и не нужно никакихъ увѣреній въ томъ, что „включило“. Такъ должно было случиться. Развѣ мыслимо мужчинѣ въ тридцать лѣтъ, изъ плоти и крови, съ такимъ лицомъ и глазами, блажить до потери вся-

каго чувства жизни?.. вотъ такой жизни, какая теперь начинается въ нихъ и между ними!

Вся зала заискрилась и запрыгала передъ Зиной... Она ласково глядѣла на Курчаеву, и чувство соперничества отлетѣло отъ нея. Пускай та танцуетъ, улыбается, мечтаетъ о замужествѣ... И всѣ остальные дамы и дѣвицы пускай вытанцовываютъ себѣ мужей и любовниковъ. Онѣ всѣ хорошенькія, нарядныя, и казались ей совсѣмъ не такими полчаса назадъ. Она переходила глазами отъ одной къ другой, дѣлая фигуру кадрили. Красивѣе ея вонъ та брюнетка, молодая дама, въ черномъ платьѣ, съ ландышами въ волосахъ. Какія чудныя плечи!—такихъ у нея никогда не бывало — и что за бархатные глаза! И „дѣвчонки“ ей уже нравились, всѣ безъ исключенія, и не дразнили ее больше своей свѣжестью, молодымъ румянцемъ и блескомъ глазъ, полныхъ бальныхъ ощущеній. Офицеры и штатскіе мелькали передъ нею, и она ихъ оглядывала съ той же тихой лаской, съ тѣмъ же сознаніемъ „чего-то“ новаго въ князѣ. Эти „мальчики“ и „дѣвочки“ танцуютъ съ нею въ одной кадрили и не знаютъ, какъ ей хорошо... У нихъ есть тоже свои сердечныя дѣла; но она не завидовала ихъ любви, ихъ увлеченіямъ и восторгамъ. У нихъ — свое, у нея — свое... все то же самое, но неизбѣжное, противъ котораго не устоялъ и онъ...

Зина подала обѣ руки князю и сдѣлала съ нимъ кругъ. Онъ избѣгалъ ея взгляда. Рядомъ съ нею, въ прикосновеніи танцевъ, онъ продолжалъ испытывать волненіе. Его, то-и-дѣло, бросало въ краску, внутри что-то трепетало, пріятное и хищное, возмущавшее отъ близости къ этой женщинѣ. Ни разу онъ не подумалъ о всей глупой суетности такого вечера, о „безобразіи“ голыхъ плечъ и рукъ въ дѣвушкахъ по семнадцатому году, привезенныхъ матерями на показъ и продажу въ замужество, о возмутительной тратѣ денегъ на цвѣты, кружева, шолкъ, брилліанты. Забылъ онъ и про желаніе своей доброй и кроткой матери — женить его на одной изъ этихъ прыгающихъ тутъ барышень. Онъ какъ бы терялъ связь съ тѣмъ человекомъ, чтò, нѣсколько дней назадъ, соглашался жить въ Петербургѣ затѣмъ только, чтобы не огорчать матери своей и чтобы распространять привезенныя имъ книжки и брошюры.

Его уже не мучилъ вопросъ — неужели онъ могъ навести Зину на кровавый поступокъ? Женщина привлекала его въ ней, и такихъ онъ еще не встрѣчалъ...

— Какъ мила ваша невѣста, князь!

Эти слова точно разбудили его.

— Моя невѣста?—шопотомъ и быстро переспросилъ онъ.

— Да, вонъ та барышня! Очень мила, очень...

— Но это неправда,—почти съ сердцемъ выговорилъ князь.
—Мамаша, дѣйствительно...

Ему тяжело было продолжать. Глаза Зины улыбались ему такъ игриво и увѣренно.

— Не оправдывайтесь... Я вѣдь знаю, что вы не женитесь. Вы не отъ міра сего!..

— Вы думаете?

Въ его вопросъ была нота стыда...

Онъ началъ презирать себя въ ту минуту, но не могъ сказать ничего такого... прежняго, прекратить этотъ „срамной разговоръ“, какъ называлъ бы его каждый изъ его пріятелей-мужиковъ, которые были однихъ съ нимъ взглядовъ на „цѣль жизни“.

„Это пройдетъ, это пройдетъ“,—мелькало у него въ головѣ, и рука его держала руку Зины, и глаза блуждали, прикованные то къ ея головѣ, то къ обнаженнымъ рукамъ, то къ профилю, то ко всему ея стану...

Дирижеръ танцевъ что-то очень громко крикнулъ, и всѣ взяли дамъ за талію.

— Что же, князь?—пригласила Зина, и чуть не расхохоталась.—*Voyons! du courage!*..

И его рука обхватила ея талію, въ первый разъ. Онъ уже держалъ за талію Ольгу Курчаеву, и ему было почти гадко, совѣстно, но не такъ, какъ теперь—скорѣе смѣшно и чудно. А теперь его рука вздрагиваетъ, дыханіе Зины туманить ему взглядъ, въ ушахъ звонъ... Онъ путается... Кому-то наступилъ на платье.

— Ха, ха, ха! Орестъ! Осторожнѣе, братецъ!

Это крикнулъ на него Снѣткинъ, пустившійся въ танцы, чтобы почаще сталкиваться съ Зиной и шептать ей разныя глупости, которыя уже не сердили ее, скорѣе веселили.

Разсмѣялось и еще нѣсколько мужчинъ надъ неловкостью князя. Но Зина на своей таліи чувствуетъ вздрагиваніе его руки и ея пожатіе. Она киваетъ головой Снѣткину и потомъ, въ „*balapchez*“—кидаетъ ему:

— *Ça y est!*

Фразу эту разомъ услышали ея адъютанты, Шварцъ и Кремлевъ. Они танцуютъ *vis-à-vis*, въ новыхъ, вышитыхъ въ Парижѣ, пластронахъ рубашекъ; имъ давно уже замѣтно, что „патронша“ (такъ Зину прозвали они сами) занята своимъ кавалеромъ. Но они любятъ вдвоемъ и терпѣливо. Они состоятъ „при ней“, и не хотятъ лучшаго положенія.

Кадриль длилась, конца ей не было съ фигурами, отъ которыхъ дама освободила князя. Продолжительность эта и мучила его, и давала ему неизвѣданное чувство близости къ женщинѣ, разбудившей въ немъ „звѣря“: такъ онъ еще могъ минутами называть свое душевное состояніе. Когда дирижеръ крикнулъ, точно ему перехватило горло веревкой:

— *Salvez vos dames!*

Князь былъ такъ близокъ Зинѣ, что ему вся зала, мужчины, женщины—сдѣлались несносны своимъ присутствіемъ. Зачѣмъ они не провалятся разомъ и не оставятъ ихъ вдвоемъ?!

— Поведите меня въ буфетъ,—сказала ему Зина.—Мнѣ хочется пить...

Онъ стоялъ съ нею у того угла, гдѣ было шампанское, наливалъ его, чокался, самъ пилъ; сзади и сбоку гудятъ около него разговоры... Трудно ему захмѣлѣть. Въ полку его спаивали не разъ, и всегда находили, что онъ—изъ самыхъ крѣпкихъ. Отъ шампанскаго онъ долго не опьянѣетъ; но въ груди пріятно заняло и въ головѣ заиграли тѣ пузырьки, что искрятся въ стаканѣ... Такъ ему гораздо лучше.

Подожелъ Снѣткинъ. Онъ предлагаетъ и ему выпить.

— Молодецъ, Орестъ!—слышитъ онъ его жирный голосъ.—Какая у тебя чудесная учительница... въ танцахъ!..

Они втроемъ смѣются. Этотъ смѣхъ уже не кажется ему ни безстыднымъ, ни неумѣстнымъ. Лучше смѣяться и хоть немного опьянѣть. Въ глазахъ Зины онъ видитъ уже начало опьянѣнія. Онъ не ошибается... И это ему не противно...

— Мы вмѣстѣ ужинаемъ, за особымъ столомъ,—говоритъ Снѣткинъ и подмигиваетъ имъ обоимъ.

— Да, да!—вскрикнулъ онъ съ Зиной.

Все будетъ устроено. Они усядутся въ комнатѣ налѣво отъ залы, возьмутъ Шварца и Кремлева и еще одну даму—ту брюнетку, что такъ понравилась Зинѣ, и больше никого.

— А твоя невѣста?—шепнулъ ему Снѣткинъ.—Маменька огорчится, если ты ее посадишь...

И въ отвѣтъ онъ вдругъ дѣлаетъ движеніе головой, ухарское, почти нахальное, и говорить:

— Дѣвицъ не нужно!

Всѣ трое опять смѣются. Ему хорошо въ этой грязи: чужая жена, вообще женщина, чуждая ему, его душѣ, и онъ желаетъ ее... такъ грѣховно, и уже не стыдится, а говорить ей, всѣмъ своимъ существомъ, что она найдетъ въ немъ своего сообщника въ паденіи, если только онъ ей не противенъ.

— Oreste!—окликнули его уже въ третій разъ.

Но онъ ничего не слышитъ.

— Княгиня!—толкнулъ его Снѣткинъ.

— Quoi, maman?—спросилъ онъ ее, и не узнавъ ни голоса своего, ни тона.

Княгиня поглядѣла на него, на его даму и товарища, и въ этомъ взглядѣ былъ нѣмой упрекъ; но онъ до него не дошелъ.

— Ah! la contredanse!.. Je n'oublie pas!

Онъ говорилъ по-французски. Русскія слова у него нейдутъ какъ-то съ губъ. Мать позвала его жестомъ головы; когда онъ подошелъ къ ней, извинившись передъ Зиной, княгиня попеняла ему, что онъ совсѣмъ забываетъ Ольгу. Онъ чуть-чуть не сказалъ ей:

„Оставьте меня въ покоѣ съ вашимъ сватовствомъ“.

— Donne-moi ton bras.

Съ неохотой подалъ онъ руку матери и, уходя, обернулся къ Зинѣ и Снѣткину.

— Что же, сестричка? теперь будете отнѣкиваться? А?..

— Нѣтъ, не буду,—отвѣтила Зина, и они чокнулись.

— Рецидивъ?

— Нѣтъ... совсѣмъ новая...

— Что новая?.. Болѣзнь?

— Очень пріятная...

Они выпили залпомъ.

— Поживите хотя за меня,—заговорилъ Снѣткинъ другимъ тономъ.

— Это еще что?

— Здѣсь, вотъ, въ Питерѣ... Я ѣду... на-дняхъ...

— Куда?

— Въ мѣстечко Парижъ.

— Съ ней?—спросила Зина.

— Yes...

Снѣткинъ вздохнулъ.

— И надолго?

— До истощенія финансовъ.

— А потомъ?

— Узнаете...

— Ахъ, Снѣткинъ! Пожалуйста, не пугайте... Я вѣдь не Надя...

Она не желала никакихъ намековъ, смущающихъ ея настроеніе. Болтать „по холостому“—вотъ что онъ обязанъ былъ дѣлать.—И ихъ разговоръ у буфета дѣлался все свабрѣнѣе,

забавлялъ ее контрастомъ съ невиннымъ характеромъ этой „sauterie“ для барышень.

Они пошли подъ руку въ залу, отыскивать князя, выручить его, ѡбднаго. Мать не на шутку собралась его женить.—Зина стала сочинять вслухъ цѣлую исторію, гдѣ она будетъ играть роль „тигрицы“. Слово „тигрица“ очень ихъ забавляло.

Въ гостиной играли въ карты на двухъ столахъ. За однимъ—Рынинъ съ молодой дамой и двумя маменьками. Онъ исполнялъ свои обязанности съ такой серьезностью, что и Зина, и Снѣткинъ не могли его не одобрить. О немъ они говорили точно будто онъ былъ не мужъ Зины, а дядя или опекунъ, съ которымъ она будетъ выѣзжать зимой, въ „хорошіе дома“,—подсказалъ Снѣткинъ.

У Зины не было того же пріятнаго желанія „le mettre dedans“, какъ въ Ширяевѣ; но безъ всякаго усилія, просто, какъ самую законную вещь, она признавала полезнымъ, необходимымъ и естественнымъ оградить свое теперешнее „удовольствіе“ отъ всякаго контроля и вмѣшательства мужа.

Рынинъ что-то хотѣлъ ей сказать. Она подошла къ нему.

— Ты хочешь ѣхать? Устала?—спросилъ онъ ее мягко.

— Нисколько. Мы будемъ ужинать.

— Гдѣ?

— Не знаю.

Заиграли вальсъ, и Снѣткинъ увлекъ ее въ залу. Но на второй туръ ея талію держалъ князь и вертѣлъ ее порывисто. Она не вѣрила тому, что вальсируетъ съ нимъ; но его рука обличала такое волненіе, и глаза глядѣли не въ даль, а на нее, и губы вздрагивали.

„Богомолецъ!—смѣялась она внутри себя:—каково?.. Вотъ такъ успѣхи!..“

Голова закружилась у нихъ обоихъ, послѣ трехъ круговъ по залѣ. Съ вальса, между ними то „что-то“, которое овладѣло и княземъ, уже не пряталось, не колебалось, прямо заявляло себя. Онъ танцевалъ и съ блондинкой—по обязанности—но ихъ раздѣляло только разстояніе отъ одной стѣны залы до другой. Они не переставали уже быть вмѣстѣ и до котильона, и во время его. Ужинъ прошелъ шумно, какъ они условились съ Снѣткинымъ, за отдѣльнымъ столомъ. Князь не побоялся огорчить мать свою. Ольга Курчаева была имъ оставлена въ столовой. За однимъ столомъ съ нею очутился Рынинъ.

Стали разѣзжаться, а они все ужинали... Князь провожалъ

Зину до подъѣзда и, когда мужу подавали шинель, сказалъ, глядя ей прямо въ глаза:

— Какъ я былъ глухъ!

Шварцъ и Кремлевъ подсаживали Зину въ карету. Голова у нея кружилась.

— Ты, кажется, задумала мечь женщины?—выговорилъ Рынинъ, кутаясь въ шинель.

— Что такое?—не разслышала Зина.

— Такая пьеса есть, Сарду — „Fernande“. Русское заглавие: „Мечь женщины“. Святошу я не узналъ... Или желаешь разстроить его свадьбу?

— Можетъ быть!..

Эти слова были сказаны задорно, и въ звукахъ слышался ужинъ съ шампанскимъ.

— Не обожгись,—замѣтилъ онъ, безъ раздраженія, тѣмъ тономъ превосходства, который не такъ давно приводилъ ее въ бѣшенство.

Но ничто не могло ее вывести изъ ея новаго настроенія. Чтѣ бы ни говорилъ этотъ полковникъ, считающійся ея мужемъ, ей рѣшительно все равно.

— Ça y est!—повторила она про себя; ея глаза слипались.

Она осталась бы, такъ, въ каретѣ, всю ночь, съ той же головой, гдѣ все танцовало и искрилось, съ замираніемъ сердца, не прежнимъ, жалкимъ и робкимъ, а сладкимъ—и грѣшнымъ, и хищнымъ,—съ сознаниемъ побѣды и чарующаго паденія, которое такъ близко... Завтра, послѣ-завтра...

— Зина, мы пріѣхали,—разбудилъ ее голосъ мужа.

— Какъ жалко!..—подумала она вслухъ.

П. БОБОРЫКИНЪ.

ДѢЛОВЫЕ ЛЮДИ

ВЪ

АМЕРИКѢ.

„Всемогуцій долларъ“ все съ большею и большею настойчивостью выступаетъ на первый планъ въ жизни Соединенныхъ Штатовъ, и притомъ проявляетъ—какъ увѣряють здѣсь—все большую и большую склонность сосредоточиваться въ рукахъ немногихъ лицъ, въ ущербъ общаго благосостоянія массъ.

Это послѣднее утвержденіе представляется намъ однако же далеко недоказаннымъ. Но что преклоненіе передъ практическими успѣхами въ жизни и неизмѣнно связаннымъ съ ними богатствомъ усиливается въ Штатахъ и начинаетъ вести къ упраздненію многихъ условій, прежде почитаемыхъ необходимыми — того не станетъ отвергать никто. Лучше ли, выше ли была прежняя мѣрка человѣческихъ качествъ и достоинствъ — вопросъ иной; но что прежніе общественные идеалы отступаютъ на задній планъ передъ идеаломъ богатства—фактъ неопровержимый, вызванный самою жизнью, и съ нимъ приходится считаться. Если прежніе идеалы и немногимъ стояли выше — все же то были идеалы, подсказываемые людямъ душевными тенденціями ихъ, а не однимъ безприкрашеннымъ расчетомъ, какъ теперь.

Каковы бывали требованія, предъявляемыя здѣсь челоѣку хотя бы въ пятидесятыхъ-шестидесятыхъ годахъ, для того чтобы доставить ему средство войти и удержаться въ одномъ изъ тѣхъ „наиболѣе респектабельныхъ“ кружковъ того или другого изъ многочисленныхъ здѣсь городовъ, каждый изъ которыхъ непре-

мѣнно почиталъ себя „центромъ“ большей или меньшей притягательной силы?

Въ пуританскомъ Бостонѣ, напримѣръ, требовалась для того, во-первыхъ, принадлежность даннаго человѣка къ какому-нибудь изъ мѣстныхъ протестантскихъ толковъ и, притомъ, значительная доза образованія, и чѣмъ болѣе такового — тѣмъ лучше. Теперь же Бостонъ заполоненъ людьми самаго низкаго уровня развитія, преимущественно иностраннаго происхожденія, а „лучшіе слои“ Бостона — когда-то гордившагося названіемъ „американскихъ Аѳинъ“ — пропадаютъ отъ зависти передъ недостижимымъ для нихъ блескомъ заѣзжихъ нью-йоркцевъ, съ ихъ бьющею въ глаза роскошью и дешевымъ остроуміемъ. Въ Филадельфіи, гдѣ въ былое время первымъ вопросомъ о новомъ человѣкѣ было: „кто его дѣдъ, и кто его прадѣдъ“, гдѣ закрыты были всѣ двери людямъ, не имѣющимъ длинной родословной, гдѣ преобладали честность и простота, введенныя первыми поселенцами, квакерами, — въ Филадельфіи теперь всюду проберется и всѣхъ къ себѣ залучить любой богачъ, способный давать хорошіе обѣды. Въ Нью-Йоркѣ, наконецъ, — гдѣ необходимо почиталось для всякаго респектабельнаго гражданина вести свою родословную отъ старыхъ гражданъ, поселившихся здѣсь еще тогда, когда Нью-Йоркъ звался Новымъ Амстердамомъ, — нѣтъ теперь лучшаго паспорта въ обществѣ, какъ репутація владѣльца массы долларовъ, порою подправленная слегка нивѣмъ не провѣряемыми смутными сказаніями о родственныхъ связяхъ богача съ какою-нибудь изъ семей англійской аристократіи; и даже такіа гордая, богатая и, по здѣшнимъ понятіямъ, старинная семья, какъ Асторы, которымъ дурно, бывало, дѣлалось отъ соприкосновенія съ „новыми богачами“ — и тѣ поступились своею ситѣсью и снизошли до знакомства съ семьей грубоватаго Вандербильта, лишь только тотъ прислалъ имъ приглашеніе на свой балъ, давъ имъ стороною понять, что если и это приглашеніе будетъ отклонено, какъ прежнія, то онъ повѣтается съ ними на биржѣ. О прежней гордости кожныхъ плантаторскихъ семей не остается и слѣда, развѣ только въ порядочно обветшалыхъ „послѣднихъ могиланахъ“, затерянныхъ въ глухой провинціи: весь югъ застроился фабриками и потомки плантаторской аристократіи сплошь заражаются духомъ торгашества. Одни большіе центры американскаго Запада, съ Чикаго во главѣ, не измѣнили своихъ общественныхъ идеаловъ — и это лишь потому, что сами эти центры возникли или разрослись только за послѣднія десятилѣтія: Западу и его жителямъ несомнѣнна въ будущемъ первенствующая, руководящая роль въ Союзѣ; онъ и теперь мо-

жетъ похвалиться тѣмъ, что первый водворилъ у себя культъ богатства: но тогда это былъ скорѣе культъ успѣха, о которомъ свидѣтельствовало богатство, культъ энергіи, культъ тѣхъ силъ, физическихъ и умственныхъ, которыя доставляютъ человѣку побѣду въ жизненной борьбѣ, и только при широкомъ распространеніи въ массахъ этотъ культъ перешелъ въ простой и неподраженный культъ золотого тельца.

Но какъ бы то ни было, успѣхъ, богатство, почести въ Соединенныхъ Штатахъ такъ нераздѣльны, что ихъ приходится разсматривать сообща, заботясь лишь о томъ, чтобы не смѣшивать причинъ со слѣдствіями.

ГЛАВА I.

Какъ возникли колоссальныя состоянія Вандервильтовъ, Асторовъ и Гульда.

Въ декабрѣ 1885 года внезапно скончался въ Нью-Йоркѣ Уильямъ Вандервильтъ—простой гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ самыхъ заурядныхъ способностей и ума, не заявившій себя при жизни ничѣмъ особенно дурнымъ или хорошимъ, не нажившій себѣ ни преданныхъ друзей, ни отъявленныхъ враговъ. Не прошло и мѣсяца съ его смерти, какъ личность его уже затерялась въ памяти людей; но имя его, конечно, будетъ еще долго жить въ лѣтописяхъ американской жизни, являясь само по себѣ представленіемъ цѣльнаго конкретнаго понятія и быстро прививаясь въ общемъ употребленіи подъ видомъ имени нарицательнаго.

Дѣло въ томъ, что людская молва приписываетъ этому простому гражданину Штатовъ состояніе въ двѣсти, если не въ триста милліоновъ долларовъ, вслѣдствіе чего Вандервильтъ могъ считаться богатѣйшимъ человѣкомъ нашего времени. Въ деньгахъ же, какъ извѣстно, кроется великая сила, и потому, въ виду сосредоточенія такого огромнаго состоянія въ рукахъ одного человѣка, нельзя не признать самый фактъ существованія такого человѣка въ странѣ—явленіемъ, достойнымъ не одного празднаго удивленія толпы, но и серьезнаго изученія и обсужденія со стороны изслѣдователей американской жизни и цивилизаціи.

Но людская молва, могутъ замѣтить, всегда склонна къ преувеличеніямъ: дѣйствительныя размѣры состоянія Вандервильта могутъ и не согласоваться съ популярнымъ представленіемъ о немъ.

Въ отвѣтъ на это приходится указать на тотъ общезвѣстный

въ Штатахъ фактъ, что людская молва, склонная преувеличивать цифры состоянія миллионеровъ, впадаетъ скорѣе въ другую крайность, лишь только миллионы эти умножаются настолько, что не могутъ уже въ умѣ простого человѣка переводиться ни на какія обычныя представленія о покупной способности такого количества денегъ. Какъ ни изощряйся владѣлецъ трехсотъ миллионровъ долларовъ, какъ ни будь онъ склоненъ къ расточительности, все же—пока разумъ его удерживаетъ нормальное равновѣсіе—онъ не въ состояніи будетъ придумать иныхъ тратъ, чѣмъ тѣ, какія доступны всѣмъ владѣльцамъ хотя бы десятой доли его сотенъ миллионровъ.

Вдобавокъ къ тому, состоянія въ двѣсти или триста миллионровъ необходимо возбуждаютъ нескончаемые толки со стороны современниковъ — толки, по большей части, нелестные для ихъ владѣльца, такъ какъ умъ человѣческій отказывается понять, какъ подобное скопленіе денегъ можетъ честнымъ путемъ сосредоточиться въ рукахъ одной семьи всего за два поколѣнія. Даже и тѣ, кто сознаетъ, что капиталъ, достигшій колоссальной величины, быстро увеличивается самъ собою, безъ всякихъ хитрыхъ изощреній со стороны его владѣльца, все же не могутъ признать такое непомѣрное накопленіе богатствъ въ единичномъ владѣніи вещью нормальной или желательной, и относятся къ этому если не съ завистью, то съ положительнымъ неодобреніемъ.

Понятное дѣло, что, въ виду этого, американскіе архи-миллионеры стараются всякими путями отклонить отъ себя вниманіе толпы, не бить ей въ глаза своимъ богатствомъ. Этому же побужденію и должно приписать тотъ фактъ, что они старательно скрываютъ цифру своего состоянія — даже при передачѣ такого по завѣщанію. Отецъ умершаго недавно Вандербильта, старшій командоръ Вандербильтъ,—прозванный такъ потому, что нажилъ свои первоначальные капиталы постройкою цѣлаго флота судовъ,—оставилъ сравнительно небольшія суммы денегъ своему старшему сыну, дочерямъ и вдовѣ; все же остальное, включая и непоименованный въ завѣщаніи капиталъ, передалъ второму сыну, Уильяму. Недовольный этимъ распоряженіемъ, старшій сынъ командора, Корнилій, возбудилъ противъ младшаго брата процессъ, вынудилъ его выдать ему еще крупную сумму денегъ, а этимъ путемъ стало и публикѣ извѣстно, что Уильямъ получилъ отъ командора круглый кушъ въ сто миллионровъ долларовъ. Уильямъ Вандербильтъ, въ свою очередь, оставилъ по завѣщанію восьмерымъ своимъ дѣтямъ по десяти миллионровъ долларовъ, все свое движимое имущество, домъ, полмилліона денегъ и ежегодную ренту въ

200,000 долларовъ вдовѣ своей, 1.200,000 долларовъ оставилъ разнымъ благотворительнымъ учрежденіямъ, а остальные капиталы завѣщалъ — опять непоименованными — подѣлить поровну двумъ старшимъ своимъ сыновьямъ. Чему эти послѣдніе капиталы равняются — публикѣ остается неизвѣстнымъ; но, судя по тому, что капиталы эти представляютъ собою цѣлыя желѣзно-дорожныя линіи, принадлежавшія Вандербильту, и сотни тысячъ акцій другихъ дорогъ и пароходныхъ линій, люди, знакомые съ дѣловыми сферами, въ одинъ голосъ говорятъ, что старшимъ сыновьямъ Вандербильта досталось не менѣе какъ по восьмидесяти милліоновъ каждому, — а легко можетъ статься, что и по восьмидесяти-пяти. И эти догадки далеко не голословны, если принять въ соображеніе общеизвѣстный фактъ того, что наслѣдникамъ Вандербильта между прочимъ досталось 50,000 акцій „Lake Shore“; 40,000 акцій „New-York Central“; 30,000 акцій „North Western“; 20,000 акцій „Michigan Central“; кромѣ того, тѣмъ же сыновьямъ Вандербильта перешла цѣликомъ линія „Harlem R. R.“, стоящая 25.000,000 долларовъ, и линія отъ „Spuytten Duyvil“ къ Нью-Йорку, стоящая никакъ не менѣе десяти милліоновъ; кромѣ того, имъ же достанутся принадлежавшія ихъ отцу $\frac{1}{5}$ всего капитала, положеннаго въ Вагнеровскую компанію спальныхъ вагоновъ, что равняется еще шести милліонамъ, и множество другихъ акцій въ различныхъ торговыхъ и финансовыхъ предпріятіяхъ. Если принять, притомъ, во вниманіе, что у покойнаго Уильяма Вандербильта до сорока милліоновъ долларовъ лежало за послѣднее время въ государственныхъ 4% бумагахъ, то станетъ для всякаго очевидно, что тѣ сто милліоновъ долларовъ, что оставлены были — всего семь лѣтъ тому назадъ — старымъ командоромъ Вандербильтомъ сыну Уильяму, за этотъ короткій срокъ болѣе чѣмъ удвоились. Люди компетентные исчисляють, что Уильямъ Вандербильтъ, умирая, оставилъ никакъ не менѣе трехсотъ милліоновъ, изъ которыхъ около 217.000,000 подѣлено между двумя старшими его сыновьями.

А какъ, спрашивается, могло совершиться такое баснословное приращеніе капиталовъ?

Конечно, не законнымъ путемъ торговли и промышленности — Вандербильты никогда не „торговали“ въ общепринятомъ значеніи этого термина; желѣзно-дорожныя линіи, контролируемыя Уильямомъ Вандербильтомъ, были всѣ почти отстроены при жизни командора и перешли къ нему уже состоя въ полномъ ходу. Всѣ эти несмѣтныя богатства несомнѣнно составились изъ обломковъ капиталовъ многихъ другихъ лицъ, потерпѣвшихъ финан-

совое крушеніе, и приобрѣтены Вандербильтомъ въ Wall Street, на нью-іорьской биржѣ, гдѣ онъ, впрочемъ, самъ никогда почти не показывался, производя всѣ операціи свои черезъ своихъ тайныхъ агентовъ и черезъ завѣдомыхъ маклеровъ.

Однако же, подобно другому нью-іорьскому миллионеру, Гульду, Вандербильты могли бы съ основаніемъ отклонить отъ себя обвиненіе въ биржевой игрѣ и спекуляціи. Командоръ и сынъ его Уильямъ — никогда не „спекулировали“: они играли всегда навѣрняка и неизмѣнно оставались въ выигрышѣ въ той занимательной биржевой игрѣ, гдѣ вся суть состоитъ въ томъ, чтобъ обойти кого-нибудь. Система ихъ состояла въ томъ, чтобъ купить что-нибудь дешевле его стоимости, и продать то же за дорогую цѣну. Всѣ эти Вандербильтовскіе миллионы были ими выжаты изъ здѣшней „Wall Street“; и въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, проявилась на дѣлѣ та неизмѣнная истина, что биржевая нажива перепадаетъ лишь тѣмъ, кто не ставитъ своихъ шансовъ на рискъ, а самъ руководитъ шансами и контролируетъ цѣнность валютъ.

Нѣтъ, Гульды и Вандербильты никогда не спекулируютъ: это предоставляютъ они публикѣ. Любимая система Вандербильта состояла въ томъ, чтобы искусственнымъ образомъ понижать цѣнность какихъ-нибудь акцій, до полной паники ихъ владѣльцевъ, затѣмъ скупить эти акціи за безцѣнокъ, поправить слегка дѣла той линіи, которую эти акціи собою представляли, а затѣмъ перепродать ихъ, наживая по сту и двѣсти процентовъ барыша—безъ всякаго риска, такъ какъ биржевыя цѣны, по большей части, въ такихъ случаяхъ создавались подъ руководствомъ его же — Вандербильта. Конечно, громадное состояніе Вандербильтовъ составилось не только благодаря ихъ финансовой смѣлвости, но и ихъ бережливости. Они не были скупы, но не проживали, конечно, и четверти своихъ доходовъ. Старый командоръ, подъ вліяніемъ жены своей, учредилъ университетъ своего имени въ Алабамѣ, а сынъ его Уильямъ перевезъ сюда на свой счетъ обелискъ, подаренный Штатамъ египетскимъ хедивомъ, потративъ на эту перевозку около 60,000 долларовъ, пожертвовалъ полмилліона долларовъ на нью-іорьскую медицинскую академію, да еще далъ взаймы 150,000 долларовъ покойному генералу Гранту, и, принявъ затѣмъ отъ того въ уплату долга всѣ рѣдкости и сувениры экс-президента, пожертвовалъ ихъ вашингтонскому правительству. Помимо этихъ пожертвованій на пользу общественную, Вандербильтъ не раздавалъ денегъ и тратилъ на себя весьма мало: единственная его забава состояла въ содержаніи кровныхъ быстроходныхъ лошадей,

которыхъ выѣзжалъ онъ самъ; отстроилъ онъ, правда, въ Нью-Йоркѣ домъ, стоившій болѣе милліона долларовъ, и далъ на своемъ новосельѣ въ этомъ домѣ балъ, по случаю котораго имъ выписано было изъ Флориды на 20,000 долларовъ (около 40,000 руб.) живыхъ цѣтвъ. Но этимъ его кутежъ и ограничился.

Не проявляютъ пока расположенія къ мотовству и сыновья его, за исключеніемъ развѣ одного второго сына—Уильяма К., который, года полтора тому назадъ, къ величайшей досадѣ отца своего, потерялъ добрыхъ три-четверти своего состоянія на нью-йоркской биржѣ; но этимъ онъ, такъ сказать, заплатилъ за науку и, вѣроятно, болѣе на ту же удочку не попадется. Увѣряютъ, будто бы молодому Уильяму К. эта неудача была такъ горька, что онъ рѣшился съ той поры довольствоваться самыми скромными законными процентами на свои капиталы, предоставляя главные свои капиталы въ распоряженіе разсудительнаго своего старшаго брата, Корнилія.

Но если даже допустить и то невѣроятное предположеніе, что сыновья Вандербильта не станутъ стремиться къ чрезмѣрной наживѣ, все же состояніе ихъ будетъ увеличиваться со дня на день, если примѣнить къ нимъ попавшія намъ недавно финансовыя исчисленія лондонской газеты „London Spectator“, въ которой состояніе умершаго Вандербильта исчислялось всего въ 35.000,000 фунтовъ стерлинговъ, дающихъ по 5⁰/₁₀₀ въ годъ. „Если бы Вандербильтъ,—говоритъ „Spectator“,—тратилъ на себя хотя по 100,000 фунтовъ стерл. ежегодно, все-таки его 35 милліоновъ фунтовъ, помѣщенные на 5⁰/₁₀₀, за какія-нибудь тридцать лѣтъ, не считая сложныхъ процентовъ, обратились бы въ 87.000,000 фунтовъ стерл., а считая и проценты на ихъ проценты, обратились бы, за тридцать лѣтъ, въ сто милліоновъ фунтовъ стерлинговъ—иначе говоря, въ 1.000.000,000 русскихъ рублей“... Страшно подумать, какая общественная сила олицетворяется сосредоточеніемъ такого колоссальнаго состоянія въ рукахъ одного человѣка. Будь онъ надѣленъ стремленіемъ проявить свою власть во всей силѣ, то могъ бы подкупать цѣлыя законодательныя собранія, заставляя ихъ проводить законы въ его интересахъ, могъ бы монополизировать всѣ пути сообщенія, захватить всѣ городскіе водопроводы; могъ бы запретить на время часть своихъ капиталовъ и, такимъ образомъ, произвести панику въ финансовомъ мірѣ, обращая опять разореніе тысячъ капиталистовъ въ свою пользу. Вандербильтъ не былъ одержимъ ни честолюбіемъ, ни властолюбіемъ, и потому былъ, до извѣстной степени, безвреденъ для заурядной публики. Но его примѣръ показалъ, до

какой степени возможно сосредоточеніе огромныхъ капиталовъ въ однѣхъ рукахъ, и многіе, конечно, станутъ теперь стремиться слѣдовать его примѣру, а послѣдователи его могутъ быть въ избытѣкѣ надѣлены чертами характера, являющимися, при содѣйствіи огромнаго богатства, опасными для всей страны.

Уже и теперь Вандербильты не одни здѣсь владѣютъ сотнями милліоновъ.

Нью-іоркскіе Асторы имѣютъ въ распоряженіи своемъ болѣе двухсотъ милліоновъ долларовъ — и это состояніе опять нажито не торговлею и не личнымъ трудомъ. Основаніе ихъ богатству положено дѣдомъ ихъ на мѣховой и другой торговлѣ; тогда же капиталы его были здѣсь положены въ дома и городскіе участки земли; и съ той поры такимъ же образомъ помѣщаютъ всѣ свои деньги сыновья этого богача и его внуки; а такъ какъ, съ быстрымъ ростомъ Нью-Іорка, цѣны на землю и недвижимую собственность растутъ неимоверно, въ виду того, что городу негдѣ расширится на узкомъ островѣ Мангаттанъ, то и состояніе Асторовъ растетъ само собою, не по днямъ, а по часамъ, безо всякаго для нихъ риска, такъ какъ въ немногихъ биржевыхъ своихъ операціяхъ Асторы дѣйствуютъ не иначе, какъ при полной увѣренности въ барышѣ. Подобно Вандербильтамъ, Асторы не имѣютъ никакой возможности, ни охоты проживать свои доходы, и помѣщаютъ излишекъ таковыхъ опять въ городскую землю и дома. Основатель ихъ состоянія увѣковѣчилъ свое имя учрежденіемъ великолѣпной публичной библіотеки его имени въ Нью-Іоркѣ; на ту же библіотеку жертвуютъ порою крупныя суммы и наслѣдники его, но, помимо того, ихъ пожертвованія весьма невелики и больше ограничиваются разными годичными обѣдами для бѣдныхъ и больныхъ въ больницахъ и т. п. предпріятіями, не требующими большихъ затратъ.

Въ настоящее время самымъ богатымъ членомъ семьи Асторовъ является Джонъ-Яковъ Асторъ, который получилъ двѣ-трети состоянія своего отца, т.-е. около 130.000,000 долларовъ; это было еще въ 1875 году. Съ той поры состояніе Астора значительно увеличилось, такъ что полагаютъ, что единственному сыну его достанется, по меньшей мѣрѣ, около полутораста милліоновъ, которые снова будутъ расти и расти, такъ какъ единственный сынъ этотъ, Уильямъ Вальдорфъ Асторъ, ожегшись разъ на политикѣ, потратя 70,000 долларовъ на свое избраніе въ конгрессъ и не добившись такового, — вполне предался изящнымъ искусствамъ и литературѣ, къ которымъ проявилъ большую склонность за послѣдніе года, проведенные имъ въ Римѣ въ ка-

чествѣ посланника Соединенныхъ Штатовъ. Трудно и сообразить, до какихъ размѣровъ дойдетъ, въ концѣ концовъ, состояніе этой разсчетливой семьи, надѣленной, притомъ, самыми скромными и недорогими вкусами.

Какъ Вандербильты, такъ и Асторы, отличающіеся такимъ талантомъ сохраненія и увеличенія капиталовъ своихъ безъ риска — происхожденія германскаго: дѣдъ теперешнихъ Асторовъ прибылъ сюда безъ гроша въ карманѣ изъ Баваріи, а предокъ Вандербиловъ явился сюда въ такомъ же видѣ изъ Голландіи.

Неизвѣстно, кто были предки другого нью-іорскаго милліонера, Джея Гульда, но самъ онъ представляетъ уже совершенно инныя особенности, чѣмъ респектабельные Асторы или безмятежные Вандербильты. Джей Гульдъ уже и не щука, пущенная въ воду на то, чтобъ карась не дремалъ, а цѣлая акула. Личность его проявляетъ собою гораздо болѣе индивидуальности, чѣмъ всѣ Асторы и Вандербильты, взятые вмѣстѣ; энергія бьетъ въ немъ неистощимымъ ключомъ, а самоувѣренности нѣтъ предѣловъ, тѣмъ болѣе, что совѣсть его весьма растяжима и отнюдь не стѣснена излишествомъ нравственныхъ принциповъ. Народное воображеніе представляетъ себѣ Гульда въ здѣшнихъ финансовыхъ слояхъ полнымъ воплощеніемъ владыки преисподней; власть его на зло признается неизмѣримой; многіе взираютъ на него съ суевѣрнымъ страхомъ, будто на какую-то сверхъестественную вредоносную силу, и, надо сказать, самъ онъ всѣми силами старается поддержать этотъ суевѣрный къ себѣ страхъ. Про него уже едва ли можно сказать, чтобы онъ старался сбавлять цифру своего состоянія: хотя Гульдъ слишкомъ уменъ, чтобъ хвастать своимъ богатствомъ, онъ все-таки, съ немалымъ, повидимому, удовольствіемъ, представилъ въ 1882 году членамъ одной слѣдственной комиссіи цѣлыхъ 50 милліоновъ долларовъ своихъ денегъ, помѣщенныхъ въ государственныхъ бумагахъ, присовокупляя, что — буде на то ихъ желаніе — онъ имъ можетъ представить одновременно еще цѣлыхъ два воза акцій и облигацій. Храбростью Гульдъ обладаетъ не малою, но и онъ при одномъ случаѣ такъ струсился возможности нашествія толпы нью-іорскихъ санкюлотовъ на свой домъ, что цѣлыхъ двѣ ночи провелъ, скрываясь въ отелѣ „Уиндзоръ“. Вообще же онъ не стѣсняется проявлять свою власть и силу, гдѣ бы ему ни потребовалось, и весьма извинительно гордится тѣмъ фактомъ, что самъ, однимъ умомъ и находчивостью своей, нажилъ свои сто милліоновъ. На чемъ его скопленіе богатствъ остановится, нельзя и предугадать, такъ какъ Гульду

теперь всего пятьдесятъ лѣтъ, и, несмотря на крупкую внѣшность, здоровье и силы его находятся въ наилучшемъ состояніи.

Здѣсь, въ Штатахъ, Гульда зовутъ Наполеономъ финансовъ, и это названіе онъ заслужилъ уже до значительной степени. Личная исторія этого человѣка, столь замѣчательнаго по своему давленію на общественную жизнь, сама по себѣ представляетъ не малый интересъ; на ней стоить не надолго остановиться, и это, полагаемъ, не помѣшаетъ общему характеру нашей статьи.

Подобно громадному большинству американскихъ богачей, пробившихся на широкую дорогу собственными силами, Гульдъ родился въ деревнѣ. Отецъ его былъ мелкій фермеръ, имѣвшій 20 коровъ, которыхъ босоногій мальчикъ, Джей Гульдъ, и выгонялъ ежедневно на пастбище. Въ школу онъ попалъ не надолго, да и то въ самую первобытную—сельскую. Четырнадцать лѣтъ Джей отпросился у отца на заработокъ—и съ той ранней поры уже всегда жилъ на свои средства. Сначала онъ взялся вести книги одного кузнеца, работая за комнату и столъ; за такое же скудное вознагражденіе перешелъ онъ, годъ спустя, приказчикомъ въ сельскую лавку, гдѣ, по обыкновенію, продавалось все, начиная съ ювелирныхъ вещей, матерій на платья и кончая свинымъ саломъ и колесной мазью. У него была врожденная охота къ математикѣ: весь день работалъ онъ въ лавкѣ, но вставалъ въ три часа утра и усердно учился всему, чему занятія у одного сосѣда книги могли научить его по части математики и землемѣрнаго искусства. Пройдя, что могъ одинъ, въ теоріи, онъ прямо нанялся на практическія работы къ землемѣру, за плату по 20 долларовъ въ мѣсяцъ. Вскорѣ послѣ того молодой Гульд совсѣмъ измѣнилъ свое классическое имя Язона (Jason) на короткое: Джей (Jay), о чемъ нельзя не пожалѣть въ настоящее время, когда къ нему такъ подошла бы кличка древняго удачника по части добыванія золотого руна. Первая карта, составленная Гульдомъ, представляетъ собою Делаверское графство въ Нью-Йоркѣ, гдѣ самъ онъ родился въ 1836 году; карта эта помѣчена 1856 годомъ; 23-хъ лѣтъ Джей Гульдъ состоялъ уже помощникомъ на кожевенномъ заводѣ. Перепробовавъ нѣсколько другихъ занятій, Гульдъ—по его собственному свидѣтельству—впервые вступилъ въ Нью-Йоркъ, привезя съ собою на продажу имъ же изобрѣтенную мышеловку; проѣздомъ по городской конкѣ, эту мышеловку у него украли; онъ же, спохватясь во-время, соскочилъ въ догонку за воромъ, схватилъ того за шиворотъ и, за-одно съ нимъ, въ качествѣ свидѣтеля, запертъ былъ въ городскую кутузку. Такъ провелъ онъ свою первую ночь въ Нью-Йоркѣ.

Вскорѣ затѣмъ счастье впервые улыбнулось Джею Гульдъ, и съ той поры удачи его шли непрерывнымъ чередомъ. Въ одномъ городскомъ отелѣ онъ познакомился съ дочерью крупнаго желѣзно-дорожника, мистера Миллера, и женился на ней—тайкомъ отъ ея семьи. Отецъ сперва разсердился, но затѣмъ простилъ молодыхъ людей и скоро оцѣнилъ умъ и способности своего зятя по достоинству. Первымъ дѣломъ, тестъ послалъ Гульда принять подѣ свое управленіе, стоявшую на краю банкротства желѣзно-дорожную линію „Renselaer and Saratoga R.R.“, въ которой Миллеръ былъ заинтересованъ. Гульдъ быстро поправилъ дѣла дороги, но передъ тѣмъ скупилъ за безцѣнокъ огромное количество ея акцій; когда же, затѣмъ, цѣна на акціи поднялась, Гульдъ всѣ свои распродалъ и разомъ нажилъ на этой операціи 750,000 долларовъ. Таковой же системы дѣйствій держался затѣмъ Гульдъ во всѣхъ своихъ операціяхъ: возьметъ въ руки негодную желѣзную линію, захватитъ по дешевой цѣнѣ множество ея акцій, поправить дорогу, приведетъ дѣла общества въ порядокъ, а затѣмъ спуститъ акціи съ огромнымъ барышомъ.

Переселясь въ Нью-Йоркъ окончательно, Джей Гульдъ весь ушелъ въ биржевую агитацію; любимымъ его дѣтищемъ, по части дѣловыхъ операцій, стала телеграфная компанія „Western Union“, сѣтъ проволоки которой расходится на весь Союзъ и соединяется кабелемъ съ Европой. Сперва Гульдъ держался акцій „American Union Telegraph Company“, и когда между этими двумя телеграфными линіями поднялось соперничество, Гульдъ разными операціями подорвалъ фонды „Western Union“, не допуская эту компанію проводить линій вдоль его, Гульдовскихъ, желѣзныхъ дорогъ; поразоривъ это общество и захвативъ въ свои руки порядочный кушъ его акцій, Гульдъ далъ ему генеральное сраженіе и принудилъ его не только сдаться, но и его самого избрать директоромъ. Подѣ руководствомъ Гульда дѣла „Western Union“ пошли блестяще; въ 1882 году оно скупило „American Union“, и теперь капиталы, помѣщенные въ акціи „Western Union“, доходятъ до 80.000,000 долларовъ, изъ которыхъ 20 миліоновъ—въ рукахъ самого Гульда. Такимъ путемъ, Гульдъ мало-по-малу захватилъ себѣ монополію телеграфовъ въ странѣ, подырая всѣхъ соперниковъ, и направилъ дѣло такъ, что „Western Union“ вошло въ соглашеніе и заключило съ четырьмя союзными за-атлантическими кабельными компаніями контракты, въ которыхъ, между прочимъ, включена была слѣдующая многозначительная статья: „Когда по кабелю передаются какія бы то ни было извѣстія, такъ или иначе касающіяся интересовъ общества

„Western Union“, обществу этому предоставлено будетъ право таковыя извѣстія просматривать“. А такъ какъ затѣмъ представлялось невозможнымъ предугадать, какія извѣстія могутъ затрогивать интересы „Western Union“, если не просмотрѣть всё, то на практикѣ устроилось такъ, что всё заграничныя телеграммы, немедленно по полученіи, отправлялись въ главную контору „Western Union“, на просмотръ агентамъ Гульда.

Получая, такимъ образомъ, первый всё политическія и финансовыя извѣстія изъ Европы, Гульдъ этими извѣстіями пользовался для биржевого ажіотажа—подготовлялъ всё свои планы финансовыхъ компаній заблаговременно, когда другіе финансисты не могли еще и предвидѣть, что можетъ воспослѣдовать.

Но даже и этого не показалось Гульду достаточнымъ. Какъ паукъ, старался онъ растянуть сѣти свои все на большій и большій районъ. Ему показались малы его выгоды, и онъ протянулъ свои руки дальше: задался дерзкою мыслью контролировать печать страны, такъ же какъ контролировалъ онъ телеграфныя извѣстія, получаемыя со всехъ концовъ Союза черезъ компанію „Associated Press“. Компанія эта снабжаетъ, за извѣстное вознагражденіе, газеты Союза новостями, передаваемыми отовсюду по телеграфу; такъ какъ во многихъ мѣстностяхъ не стоило бы держать для того спеціальныхъ корреспондентовъ, то собраніе мѣстныхъ извѣстій и передача ихъ въ „Associated Press“ возложены были на телеграфистовъ, т.-е. прямыхъ агентовъ Гульда, которые обязательно придавали передаваемымъ имъ новостямъ извѣстный колоритъ, въ интересахъ операций Гульда. Въ Нью-Йоркѣ это общество собиранія извѣстій—„Associated Press“—поставляетъ свои депеши лишь первоначальной ассоціаціи шести главныхъ столичныхъ газетъ: „Tribune“, „World“, „Express“, „Herald“, „Times“, „Sun“ и „Journal of Commerce“. Каждая изъ этихъ газетъ имѣетъ на совѣтахъ „Associated Press“ своего представителя, и большинствомъ голосовъ этихъ представителей рѣшаются всё дѣла, касающіяся способа собиранія новостей и распространенія ихъ черезъ „Associated Press“. Этотъ-то совѣтъ представителей столичной прессы Гульдъ и рѣшился захватить въ свои руки. Онъ уже и прежде субсидировалъ двѣ газеты—республиканскую „Tribune“ и демократическую „World“—распоряжался, какъ хотѣлъ, съ „Express“ и черезъ эти три органа печати распространялъ въ публикѣ извѣстія, соотвѣтственныя его назрѣвающимъ планамъ. Всё представители этихъ трехъ газетъ на совѣтахъ „Associated Press“ были его покорными слугами, но большинство голосовъ все еще было за представителями неза-

висимыхъ органовъ печати. Тогда Гульдъ сталъ употреблять всѣ средства къ тому, чтобъ скупить одну изъ газетъ противнаго лагера, но къ чести американской печати надо сказать, что это ему такъ и не удалось. Сознавъ невозможность успѣть въ этомъ дѣлѣ, Гульдъ пересталъ субсидировать „World“, и эта газета перешла въ другія руки, отъ Гульда теперь не зависитъ и ведется прекрасно.

Но алчность и дерзость Гульда уже возбудили серьезныя опасенія представителей печати и дѣловыхъ сферъ. Собственникъ газеты „New-York Herald“ рѣшилъ прекратить контроль Гульда надъ депешами, получаемыми изъ Европы, и съ этою цѣлью вступилъ въ товарищество съ извѣстнымъ американскимъ богачомъ, Джономъ Маки (John Maskey), и нѣкоторыми англійскими капиталистами, и учрежденная имъ компанія провела отсюда новый кабель на Ирландію, Англію и Францію. По этому кабелю теперь получаютъ депеши дешевле прежняго, и онѣ уже не поддаются пересмотру Гульдовскихъ цензоровъ.

Такимъ путемъ давленіе Гульда на печать и общественное мнѣніе было значительно пославлено; но сила его вліянія на законодательныя собранія различныхъ штатовъ, которыми проходятъ его желѣзно-дорожные линіи и телеграфы, не можетъ быть и приблизительно исчислена: желѣзныя линіи, состоящія подъ его контролемъ, тянутся на тысячи миль, отъ Атлантическаго побережья въ самый Техасъ, и интересы, связанные съ этою собственностью, заставляютъ Гульда зорко слѣдить за тѣмъ, какими путями добитися, въ разныхъ пунктахъ, сподручнаго ему состава судей, членовъ собраній и прочаго нужнаго люда. Все это Гульдъ устроиваетъ такъ хитро и тихо, что дѣла его идутъ прекрасно, а орудія его дѣйствій рѣдко становятся извѣстными.

Главная причина успѣха Гульда, несомнѣнно, заключается въ его личномъ умѣ и энергіи, не стѣсняемыхъ никакими нравственными принципами. Для достиженія своихъ цѣлей или даже въ видахъ простой наживы, Гульдъ не затрудняется лгать напрямикъ и нерѣдко спокойнымъ духомъ ведетъ къ разоренію даже личныхъ своихъ друзей, если ихъ разореніе можетъ содѣйствовать его собственному обогащенію: здѣсь и теперь часто вспоминаютъ о томъ, какъ въ страшную пору здѣшнихъ огульныхъ банкротствъ, „Черную Пятницу“—24-го сентября 1869 года, Гульдъ потопилъ въ биржевой бурѣ нѣсколькихъ преданныхъ ему людей, давая имъ фальшивые совѣты насчетъ того, какъ въ данномъ кризисѣ поступать. Направя такъ друзей, самъ Гульдъ сталъ дѣйствовать совершенно иначе и нажилъ много милліоновъ при всеоб-

щихъ банкротствахъ этого финансоваго кризиса. Сила этого человека далеко не сломлена и теперь, и способность его на зло, по прежнему, является постоянною угрозою даже для общественныхъ интересовъ страны.

ГЛАВА П.

УДАЧНИКИ ПЕРИОДА ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОЙ ГРЯЧКИ ВЪ СТРАНѢ И СПОСОБЫ ИХЪ ОБОГАЩЕНІЯ.

Приведенными въ предыдущей главѣ фамиліями, собственно говоря, и ограничивается число американскихъ богачей, состояніе которыхъ исчисляется сотнями миллионѡвъ. Есть, правда, еще одинъ американскій гражданинъ, близко къ нимъ богатствомъ подходящій, — а именно, Джонъ Маки (Maskey), извѣстный и Европѣ владѣлецъ золотыхъ и серебряныхъ приисковъ въ штатѣ Невадѣ. Предполагается, что и его состояніе равняется полутора миллионамъ долларѡвъ; но это чисто-гадательное предположеніе: пожелай Маки продать свои приiski, за нихъ дали бы ему не болѣе 60-ти миллионѡвъ долларѡвъ, хотя, въ дѣйствительности, какъ говорятъ, богатые приiski эти положительно неистощимы. Люди знающіе утверждаютъ, что Джонъ Маки не могъ бы самъ дать — если бы и захотѣлъ — даже приблизительно вѣрную цифру своего состоянія; семья его проживаетъ въ Парижѣ, какъ говорятъ, около двухъ миллионѡвъ долларѡвъ въ годъ, — считая тутъ, вѣроятно, и покушку драгоценныхъ камней, которыхъ у миссисъ Маки имѣется огромная коллекція.

Маки принадлежитъ къ той группѣ американскихъ миллионеровъ, которые извѣстны здѣсь подъ именемъ удачниковъ 1848 — 1849 годовъ; иначе говоря, основаніе своему состоянію положили они одновременно съ первымъ проявленіемъ золото-промышленной горячки въ Калифорніи. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ заключать, что разбогатѣли эти люди непосредственною добычею золотой и серебряной руды, напавъ внезапно на какую-нибудь баснословную залежь драгоценнаго металла. Число удачниковъ такого разряда и всегда было весьма не велико; кромѣ того, деньги въ ихъ рукахъ не удерживались — и это по весьма естественной причинѣ. Внезапное обогащеніе, вслѣдствіе необъяснимаго каприза фортуны, всегда вредно дѣйствуетъ на людей, нарушаетъ умственное равновѣсіе даже въ тѣхъ, которые одарены отъ природы наиболѣе свѣтлой головой; легко доставшееся богатство по большей части дѣлаетъ человека неспособнымъ къ настойчивому труду и со временемъ переходитъ въ руки его

болѣе энергичныхъ современниковъ. Это подтверждается примѣромъ всѣхъ тѣхъ миллионеровъ, которые стоятъ, по братству своему, во главѣ здѣшнихъ и калифорнскихъ богатей: если Маки, Флодъ, Фэръ, О'Брайанъ, Сарджентъ, Шаронъ, Джонъ Джонсонъ и другіе обязаны богатствомъ своимъ счастьемъ, то счастье это досталось имъ цѣною долгаго, тяжелаго, усиленнаго труда и терпѣливаго ожиданія и всѣ они въ молодости испытали нужду.

Джонъ Маки впервые прибылъ сюда изъ Ирландіи еще ребенкомъ, образованіе получилъ самое скудное и началъ зарабатывать деньги работникомъ у одного судостроителя, а затѣмъ держалъ пивную въ Нью-Йоркѣ. „Золотая горячка“, проявившаяся въ Калифорніи, подѣйствовала и на его молодую голову, и онъ отправился на далекій западъ въ 1852 году, всего 17-ти лѣтъ отъ роду. Но даже и въ эту раннюю пору жизни, Маки надѣленъ былъ замѣчательнымъ здравымъ смысломъ, и не сталъ тратить время на то, чтобъ пытаться свое счастье на рудникахъ. Онъ занялся снова тѣмъ же, чѣмъ жилъ въ Нью-Йоркѣ, и открылъ въ Санъ-Франциско портерную, которая со временемъ пошла у него очень хорошо; но главная отъ нея выгода для смышленнаго молодого человѣка состояла въ томъ, что въ эту портерную стекались рудокопы, приходившіе въ Санъ-Франциско сбывать свою руду; приходили они съ разныхъ концовъ штата и изъ Невады, и тутъ открыто обсуждали свои дѣла: попойки лишь усугубляли откровенныя рѣчи, а молодой, трезвый и смѣтливый хозяинъ портерной, прислуживая покупателямъ, набирался изъ ихъ разговоровъ опыта, и сталъ со временемъ большимъ знаткомъ по части того, какія мѣстныя руды наиболѣе надежны и прибыльны. Цѣлыми годами работалъ онъ, наживая деньги на своей портерной, и лишь въ 1864 году вошелъ въ дѣловое товарищество съ Флодомъ и О'Брайаномъ; затѣмъ въ то же товарищество принять былъ и Фэръ.

Всѣ эти компаньоны Маки были людьми болѣе или менѣе одинаковаго пошиба. Флодъ родился въ Нью-Йоркѣ, лѣтъ около шестидесяти тому назадъ, отъ бѣдныхъ родителей и получилъ заурядное образованіе въ публичныхъ школахъ. Поддавшись повѣтрію „золотой горячки“, онъ приплылъ въ Калифорнію въ 1849 году и открылъ въ Санъ-Франциско харчевню. Равнымъ образомъ, и О'Брайанъ началъ жизнь въ бѣдности, открылъ свою карьеру содержателемъ харчевни, пробился въ золотопромышленники, потерпѣвъ неудачи на самыхъ различныхъ предпріятіяхъ, и умеръ владѣльцемъ десятиллионнаго состоянія. Фэръ — третій компаньонъ товарищества — также ирландецъ родомъ, но образованіе

свое получили уже здѣсь, въ Иллинойсѣ. 18-ти лѣтъ отъ роду поддался онъ „золотой горячкѣ“ и отправился въ Калифорнію, гдѣ принялся за работу, вооружась обычными тогда доспѣхами рудокопа—заступомъ, кастрюлькой и лопаткой. Иногда счастье ему до того благоприятствовало, что дневной заработокъ его доходилъ до ста долларовъ; въ другіе же періоды онъ недѣлями не могъ добиться отъ руды никакого результата. Но хотя онъ и не богатѣлъ, зато приобреталъ опытность и вліяніе въ мѣстности, и со временемъ сдѣлался общепризнаннымъ экспертомъ по части рудниковъ и, въ этомъ качествѣ, былъ приглашенъ руководить большими предприятиями.

Изъ такихъ-то, закаленныхъ въ борьбѣ съ жизнью, трудовыхъ опытныхъ людей составилось товарищество, въ которомъ принялъ участіе Маки. Денегъ у нихъ было немного, но за то кредитъ имъ со всѣхъ сторонъ былъ открытъ неограниченный, и они сообща приобрѣли пріиски, извѣстные теперь подъ названіемъ „Консолидированной Виргиніи и Калифорніи“. Послѣ разновременныхъ другихъ попытокъ, она стала, наконецъ, разрабатывать одну рудную жилу, признанную другими непригодною. Для нихъ же эта жила—Comstock lode—оказалась совершеннымъ кладомъ, и они быстро превратились въ совершенныхъ королей среди золотопромышленниковъ, стали—какъ ихъ здѣсь зовутъ—Bonanza kings. До какой степени доходна оказалась открытая ими жила, видно изъ того, что она дала драгоценныхъ слитковъ, со времени ея открытія до 1879 года, на сумму въ 350 милліоновъ долларовъ. Съ 1873 по 1879 годъ „Консолидированная Виргинія“ дала съ своей стороны золота на 28 милл., а серебра—на 35 милліоновъ долларовъ. Пріискъ „Консолидированная Калифорнія“ далъ въ тому же времени золота на 50, а серебра на 58 милліоновъ долларовъ. Пріискъ „Виргинія“ былъ открытъ три года раньше пріиска „Калифорнія“, но затѣмъ оба разрабатывались вмѣстѣ. „Виргинія“ начала давать дивиденды въ маѣ 1875 года, и въ концѣ 1879 г. дала 51 дивидендъ, которые всѣ въ сложности представляли сумму въ 42.390.000 долларовъ. „Калифорнія“ дала первый дивидендъ въ маѣ же 1876 г., и въ три года дивидендовъ съ нея получено было 34, на сумму въ 31.320.000 долларовъ. Такимъ образомъ, за данный періодъ времени дивидендъ съ обоихъ этихъ пріисковъ равнялся крупной суммѣ 73.710.029 долларовъ.

Личное состояніе Флода оцѣнено въ 36 милліоновъ долларовъ—и это за исключеніемъ недвижимой его собственности и четверти милліона, которые онъ держитъ при себѣ наличными деньгами;

въ Сантъ-Франциско онъ выстроилъ домъ, стоявшій ему съ обстановкою пять милліоновъ долларовъ; дочери своей, въ день ея рожденія, этотъ бывшій содержатель мелкой харчевни подарилъ недавно два съ половиною милліона долларовъ, и миссъ Флодъ почитается самою богатою молодою дѣвушкою въ Соединенныхъ Штатахъ. Маки своихъ дѣтей не имѣетъ, и все состояніе его, вѣроятно, пойдетъ дочери его жены отъ перваго брака, которая прошлою зимою вышла въ Парижъ за князя Колонну — члена знаменитой итальянской фамиліи.

Состояніе Фэра исчисляется теперь въ 42 милліона долларовъ, и онъ имѣетъ цѣлыхъ 70 акровъ земли въ самомъ городѣ Сантъ-Франциско, гдѣ отстроилъ себѣ домъ въ полмилліона долларовъ. Большая часть его состоянія нажита была въ сообществѣ Флода на рудникахъ Невады, которые они приобрѣли послѣ долгихъ колебаній: они внимательно взвѣшивали все, что говорилось объ этихъ рудникахъ посѣтителеми харчевни Флода, и не ошиблись, рѣшивъ, наконецъ, что невадскіе рудники самые прибыльные. Фэръ былъ въ 1881 г. избранъ сенаторомъ отъ Невады и до сей поры занимаетъ свое мѣсто въ вашингтонскомъ конгрессѣ.

Много еще и другихъ, менѣе крупныхъ милліонеровъ положили начало своему состоянію вслѣдствіе открытія золотыхъ приисковъ въ Калифорніи, но изъ нихъ опять найдется весьма немного такихъ, которые разбогатѣли прямо съ копанья руды.

Значительно теперь поразорившійся „Bonanza king“, Джонсъ — также бывшій сенаторомъ отъ Невады — предпринималъ всевозможныя дѣла и разрабатывалъ въ свое время множество продуктовъ этого штата, который, кромѣ милліонеровъ, гордится и другими продуктами — славится неисчислимыми естественными богатствами; въ Невадѣ находятъ золото, серебро, свинецъ, буру, соль, щелочную соль, мѣдь, сѣру, сурьму, киноварь, сѣрно-кислую известь, графитъ, марганецъ, кобальтъ, мышьякъ, магнезію, квасцы, никель, селитру, желѣзо, каменный уголь и талькъ. Удивительно ли, что при такомъ огромномъ разнообразіи естественныхъ продуктовъ предприимчивые жители Невады богатѣютъ, а сенаторы изъ нея почитаются богаче всѣхъ своихъ собратьевъ въ сенатѣ?

Третій сенаторъ-милліонеръ отъ Невады — недавно умершій Шаронъ, оставилъ послѣ себя до 70-ти милліоновъ долларовъ состоянія; онъ также прожилъ въ Калифорніи цѣлыхъ семь лѣтъ, присматриваясь къ дѣлу прежде, чѣмъ даже пробовать копать руду. Въ теченіе цѣлыхъ четырнадцати лѣтъ занимался онъ про-

дажею разнаго краснаго товара и одежды рудокопамъ и за все это время скопиль 50.000 долларовъ, которые затѣмъ и помѣстилъ въ рудники и другія предпріятія, и добился-таки много-милліоннаго богатства.

Еще другой калифорнискій милліонеръ „золотого періода“ — это Сарджентъ, бывшій, въ президентство Арсэра, посланникомъ въ Берлинъ, а затѣмъ въ Петербургъ. Онъ нажилъ свои первыя деньги на прибыльной адвокатской практикѣ среди рудокоповъ, и уже затѣмъ, присмотрась къ дѣлу, разбогатѣлъ разумнымъ помышленіемъ своихъ денегъ въ золотыя и серебряныя прииски.

Огромныя владѣнія недавно умершаго здѣшняго преемника славы сказочнаго „маркиза Карабаса“ еще подтверждаютъ приведенное нами замѣчаніе, что большинство калифорнискихъ богачей 48 — 50 годовъ не копанью руды и не слѣпому счастью обязаны своими милліонами, а личной энергіи, предусмотрительности и умѣнью пользоваться обстоятельствами. Этотъ американскій „маркизь Карабасъ“ также былъ маркизомъ — и маркизомъ дѣйствительнымъ, хотя и продолжалъ состоять гражданиномъ демократической республики и носить нѣсколько плебейскую фамилію Мёрфи. Маркизь Мёрфи обязанъ былъ титуломъ своимъ римскому папѣ, который наградилъ имъ его за тѣ огромныя пожертвованія, какія Мёрфи дѣлалъ на католическія приюты, училища и больницы. Во время калифорниской золотопромышленной горячки Мёрфи занимался, подобно Шарону, продажею табаку и одежды на стоянкахъ рудокоповъ, много лѣтъ держался профессіи коробейника, расхаживая по странѣ, все выпрашивая и высматривая и помѣщая вырученныя на торговлѣ деньги въ земли, скупаемыя имъ за сущій безцѣнокъ. Со временемъ, Мёрфи значительно расширилъ свои предпріятія и, ставъ маркизомъ, былъ уже однимъ изъ крупнѣйшихъ милліонеровъ. Едва ли будетъ ошибочно заявить, что Мёрфи былъ самымъ крупнымъ частнымъ землевладѣльцемъ на землѣ: въ его владѣніи было 4 милліона акровъ земли въ Мексикѣ, 60.000 акровъ въ Невадѣ и 23.000 акровъ въ Калифорніи. Въ одной Мексикѣ земли его танутся на цѣлыхъ 60 миль, — т.-е. около 90 верстъ, — представляя собою богатые заливныя луга, долины и сосновые лѣса; и за все это Мёрфи первоначально заплатилъ всего 200.000 долларовъ, то-есть по пяти центовъ — десяти копѣекъ — за акръ. Въ Калифорніи за одинъ 1883 годъ, напр., сборъ съ его воздѣланныхъ полей далъ 55.000 мѣшковъ пшеницы; изъ Невады онъ отправлялъ на востокъ по 6.000 головъ своего скота ежегодно.

Было бы излишнимъ вдаваться въ подробную исторію того, какъ составились состоянія другихъ богачей Калифорніи за время державшейся въ этомъ штатѣ „золотой горячки“. Кто изъ нихъ нажилъ первыя тысячи капитала на стиркѣ бѣлья для рудокоповъ въ ту пору, когда тѣмъ, за стирку одной рубашки, приходилось платить по четыре доллара, т.-е. около восьми рублей, и за все остальное—въ пропорціи; миллионеръ d-r Hung Glenn нажился на обозахъ, которыми совершалъ перевозку людей и руды. Маркъ Хонкинъ былъ корабейникомъ; тѣмъ же дѣломъ нажилъ свои первыя деньги и Леландъ Станфордъ, состоящій теперь въ конгрессѣ сенаторомъ отъ Калифорніи, хотя миллионы его были затѣмъ составлены уже на желѣзно-дорожныхъ и другихъ операціяхъ, которымъ онъ давалъ ходъ, пользуясь своими связями съ калифорнскими политиканами. Смѣтка, помогавшая этому бывшему торговцу краснымъ товаромъ такъ разбогатѣть, не оставила его, повидимому, и теперь, если судить по недавней его громкой продѣлкѣ. Слухи объ этой продѣлкѣ Станфорда проникли, этою зимою, и въ европейскую печать, возбуждая въ публикѣ трепетное благоговѣніе передъ „просвѣщенною щедростію американскихъ богачей“.

Дѣло въ томъ, что Леландъ Станфордъ вдругъ вызвался пожертвовать собственность, оцѣниваемую въ двадцать миллионѣвъ долларовъ, на устройство такого университета въ Калифорніи, который бы могъ постоять за себя и передъ богатѣйшими изъ старыхъ университетовъ Европы. Конечно, пожертвованіе это было принято Калифорніей съ благодарностью, хотя жертвователь и оговорилъ себѣ право на произвольно-измѣненіе условій этого пожертвованія впослѣдствіи и, кромѣ того, контрактомъ обязывалъ штатъ назначить его самого—Леланда Станфорда—попечителемъ надъ этою собственностью, передаваемою имъ штату, и членомъ совѣта, имѣющаго выработывать статуты для предполагаемаго имъ въ Калифорніи университета. Но среди восторженныхъ похвалъ, посыпавшихся со всѣхъ сторонъ на щедрого жертвователя, рѣшительнымъ диссонансомъ прозвучало напечатанное въ газетахъ письмо одного скептика, который изслѣдовалъ дѣло на мѣстѣ и повѣдалъ публикѣ, до какой степени „пожертвованіе“ Станфорда выгодно для самого этого благодѣтеля. Во-первыхъ, онъ все еще можетъ отмѣнить это пожертвованіе, когда ему заблагоразсудится; а тѣмъ временемъ, собственность эта, — будто бы обращенная на интересы мѣстныхъ школъ, — по законамъ штата не облагается налогами; самъ же Леландъ Станфордъ, выхлопотавъ себѣ званіе единственнаго надъ этою собственностью

попечителя, вполне самовластно распоряжается ею, сдаетъ въ займы, съ выгодой, земли и дома, изъ которыхъ эта собственность состоитъ, и всячески увеличиваетъ ея цѣнность въ ожиданіи того, когда ему заблагоразсудится приступить къ ея ликвидаціи для составленія капитала на предполагаемое учрежденіе университета.

Конечно, весьма вѣроятно, что со смертію Станфорда эта собственность и поступитъ на университетъ, такъ какъ у него нѣтъ дѣтей; пока же Станфордъ живъ — а ему едва ли и 50 лѣтъ отъ роду — собственность эта даетъ ему крупный доходъ безо всякаго расхода на налоги и блестящую репутацію просвѣщеннаго благотворителя.

ГЛАВА III.

ДѢЯТЕЛИ, ВОЗНИКШІЕ НА ПОЧВѢ, ПОДГОТОВЛЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЮ ВОЙНОЮ.

Хотя тѣ причины, которыя вызвали собою непомѣрное обогащеніе энергическихъ калифорнійцевъ конца сороковыхъ и начала пятидесятихъ годовъ, не устранены и до сей поры и будутъ держаться въ силѣ, пока великія естественныя богатства далекаго запада являются открытымъ полемъ для личной предпримчивости, но первые дѣятели временъ „золотопромышленной горячки“ если и не устарѣли, то должны были до значительной степени отступить на задній планъ передъ новыми дѣятелями періода, послѣдовавшаго за національною войною Юга съ Сѣверомъ въ 1861—65 годахъ.

Сотни томовъ посвящены были описанію великаго національнаго кризиса, изъ котораго наши американскіе современники вышли побѣдителями, отстаивъ единство Союза въ своей страшной междоусобной войнѣ; многіе изъ лучшихъ писателей и мыслителей обоихъ полушарій посвящали себя труду наилучшаго освѣщенія тѣхъ социальныхъ причинъ, которыя вызвали эту разрушительную войну, и изслѣдованію тѣхъ чертъ американскаго характера и тенденцій, которыя съ наибольшою рельефностью проявились за этотъ тяжелый періодъ національной исторіи. Драматичный фазисъ войны 1861—65 годовъ — освобожденіе негровъ и систематичное угнетеніе прежнихъ рабовладѣльцевъ послѣ войны — сосредоточилъ на себѣ исключительный интересъ публики и писателей какъ здѣсь, такъ и въ Европѣ; а затѣмъ наступила естественная реакція и соотвѣтственное ослабленіе интереса къ дальнѣйшимъ результатамъ великой американской борьбы. Между

тѣмъ исторія того періода перестройки соціального строя жизни въ Штатахъ, который непосредственно слѣдовалъ за войною и истекалъ изъ нея, представляетъ глубокий и важный, по своимъ неотвратимымъ слѣдствіямъ, интересъ, не менѣе самой войны заслуживающій серьезной разработки. Этотъ періодъ жизни Штатовъ еще ожидаетъ своего непредубѣжденного историка; но на него, къ сожалѣнію, уже обращены взоры многихъ изслѣдователей здѣшней жизни, стремящихся лишь въ тому, чтобы подготвить факты къ подтвержденію своихъ излюбленныхъ теорій.

Не берясь за непосильную намъ задачу полной группировки тѣхъ факторовъ, которые непосредственно были вызваны четырехлѣтнею кровопролитною междоусобною войною, мы отмѣтимъ здѣсь лишь факты, лежащіе, такъ сказать, на поверхности; укажемъ на тотъ поворотъ въ общественныхъ тенденціяхъ, который вызвалъ новыя условія въ здѣшней общественной жизни со времени войны и отразился на міровоззрѣніи новаго поколѣнія американцевъ, положивъ основаніе новой эрѣ въ практическомъ и моральномъ развитіи страны.

На первомъ планѣ несомнѣнно выступаетъ фактъ упраздненія прежнихъ завѣтовъ пуританской простоты и строгости жизни, проникавшихъ до той поры во всѣ слои природно-американскаго общества штатовъ не-рабовладѣльческихъ, равно какъ и фактъ непомѣрнаго распространенія роскоши въ странѣ, съ окончанія войны, и колоссальныя состоянія отдѣльныхъ лицъ, основаніе которымъ положено среди условій, вызванныхъ войною. Множество людей разбогатѣло самой войною. Послѣ краткаго періода реакціи, послѣдовавшаго за войной, страна вступила въ долгій періодъ усиленной торговой и промышленной дѣятельности, вдалась въ широкія предпріятія, вступила въ періодъ всеобщаго благосостоянія и такъ разбогатѣла, что становится Крезомъ среди другихъ странъ и народовъ. Матеріальное обогащеніе Штатовъ за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ безпримѣрно въ исторіи народовъ, и въ особенности быстро шло это обогащеніе послѣ войны начала шестидесятыхъ годовъ. Въ одномъ Бостонѣ, напримѣръ, насчитывается теперь восемьдесятъ милліонеровъ на 362,839 человѣкъ жителей; въ Нью-Йоркѣ милліонеровъ и не перечестъ; а по всей странѣ найдутся уже не десятки, а цѣлыя сотни тысячъ людей, не имѣвшихъ ровно ничего съ четверть вѣка тому назадъ и которые теперь насчитываютъ свои быстро нажитыя состоянія сотнями тысячъ, милліонами, десятками милліоновъ долларовъ.

Война 1861—65 годовъ повела къ истребленію частной собственности на сумму нѣсколькихъ сотъ милліоновъ долларовъ, а

правительство вынуждено было заключить заемъ въ цѣлыхъ двѣ тысячи миллионѣвъ долларовъ для того, чтобъ продолжать начатую борьбу и отстоять цѣлость Союза. Казалось бы, эти два факта должны были естественнымъ образомъ побудить націю къ усиленной экономіи, отрезвить умы и упростить условія жизни.

На дѣлѣ же оказалось совершенно противоположное. Внутренній заемъ правительства распространенъ былъ въ народѣ путемъ насильственного займа, то-есть огромнаго количества бумажныхъ денегъ, такъ-называемыхъ здѣсь „гринбэковъ“ — изъ-за того, что оборотная ихъ сторона зеленого цвѣта. На каждой таковой ассигнаціи полнотою выставлены были слова, свидѣтельствующія о томъ, что бумага эта служить представленіемъ о долгѣ, кѣмъ-то быть уплаченнымъ — *народомъ же*; а между тѣмъ, по какому-то непонятному умопомраченію, массы, видя, что рынки страны запружены бумажными деньгами, вообразили, что это самое явленіе и свидѣлствуетъ о богатствѣ страны. Обезцѣненные въ теченіе долгаго времени „гринбэки“ естественно подняли цѣны на всѣ жизненные продукты; но, одновременно съ тѣмъ поднялся размѣръ платы за трудъ, уплачиваемый тѣми же бумажками. Получая большее количество долларовъ — хотя бы и дешевыми бумажками — массы народныя не останавливались на обсужденіи сбалансированія покупательной способности этихъ долларовъ, сказывавшейся постепенно: въ ихъ глазахъ умноженіе числа долларовъ являлось законнымъ побужденіемъ къ такимъ расходамъ, которыхъ большинство трудящагося люда въ былое время себѣ не позволяло.

Это развращающее вліяніе обезцѣненныхъ бумажекъ и серебряныхъ долларовъ (trade dollars), представляющихъ собою въ дѣйствительности лишь 88% своей наличной стоимости, проникло во всѣ народныя слои. Люди достаточные стали вдаваться въ жизни своей въ непомѣрную роскошь, а рабочіе стали тратить деньги на вещи, безъ которыхъ прекрасно прежде обходились; съ теченіемъ времени эти нововведенія становились насущной потребностью ихъ существованія, и результатъ былъ въ большинствѣ случаевъ тотъ, что заработокъ прожигался иногда до его получения, а при внезапномъ наступленіи періода безработицы рабочіе сразу чувствовали на себѣ бремя неоплатныхъ долговъ.

Но въ первые года послѣ войны безработица еще не являлась. Это былъ періодъ лихорадочной, торговой и промышленной производительности. Въ особенности набросились спекуляторы на постройку желѣзныхъ дорогъ. Въ теченіе извѣстнаго

періода времени дороги строились съ лихорадочною поспѣшностью по всѣмъ направленіямъ, въ томъ единственномъ, какъ казалось, предположеніи, что всѣ степи обратятся въ цвѣтушія, многочисленныя торговыя общины, лишь только черезъ нихъ проведена будетъ желѣзная дорога. Подъ вліяніемъ этого курьезнаго предположенія за десять лѣтъ, отъ 1870 по 1880 годъ, какъ свидѣлствуютъ послѣдніе отчеты по народной переписи, построено было въ Штатахъ 21,307 миль желѣзныхъ линій 336-ю различными компаніями; кромѣ того, въ половинѣ 1880 года, еще 4,861 миль желѣзныхъ дорогъ близились къ окончанію. Круглымъ числомъ, со времени войны здѣсь строилось по 5,000 миль, т.-е. около 7,500 верстъ, желѣзныхъ линій на каждое десятилѣтіе, — и теперь, какъ исчисляеть какой-то острякъ, американскія желѣзныя дороги могли бы лентой дважды обойти вокругъ всего земного шара.

Въ соотвѣтственной пропорціи стали разрабатываться естественные продукты страны, открывались новые прииски, новыя каменоломни, строилась масса новыхъ бумагопрядильныхъ и другихъ фабрикъ.

Радужныя мечты желѣзно-дорожниковъ во многихъ случаяхъ не осуществились, и по линіямъ новыхъ дорогъ не возникало повсемѣстно богатыхъ городовъ и другихъ пунктовъ осядлости — будто по мановенію волшебнаго жезла; угольныя копи, каменоломни стали сбавлять плату рабочимъ, а во многихъ мѣстностяхъ и совсѣмъ переставали разрабатываться. Фабрики — и преимущественно бумагопрядильныя — процвѣтали только на югѣ, тамъ, гдѣ на нихъ перерабатывался хлопокъ, доставляемый по низшей цѣнѣ мѣстными плантаціями. Мануфактуристы всѣ усилія свои стали направлять на возвышеніе правительственнаго тарифа на ввозные товары, будто бы для охраненія отечественнаго производства отъ опасной конкуренціи; а въ видахъ достиженія этихъ цѣлей мануфактуристы производили, посредствомъ наемныхъ агентовъ, адвокатовъ и лоббистовъ, давленіе на законодательныя палаты Штатовъ, на федеральный конгрессъ, развращали порою самихъ законодателей страны. Тѣмъ временемъ, толпы рабочаго люда, не находя себѣ заработка, бродили по странѣ, переходя изъ города въ городъ, съ фермы на ферму, вездѣ наступили ужасные года безработицы 1873—77 годовъ, въ теченіе которыхъ города кишѣли голоднымъ людомъ, а сельскія мѣстности стали небезопасными отъ множества поверженныхъ въ отчаяніе бродягъ.

Къ концу семидесятыхъ годовъ, финансы страны были,

однакоже, въ значительной степени поправлены разумными мѣропріятіями Джона Шермана, министра финансовъ въ президентство Гайза, вслѣдствіе которыхъ уплачена была значительная часть государственнаго долга и возстановленъ на твердомъ базисѣ кредитъ страны. Нѣсколько лѣтъ богатаго урожая, до известной степени, устранили безработицу и сообщили новый толчокъ торговлѣ и мѣстному производству.

Черезъ всѣ эти періоды смѣняющагося застоя и процвѣтанія торговли и промышленности въ странѣ, безумная спекуляція тянулась безсмѣнною чредою, заражая собою все большее число людей. Усиленная постройка желѣзныхъ дорогъ и увеличивающіяся потребности населенія—возросшаго съ 1870 по 1880-й годъ съ 38 миллионѣвъ на 50 и продолжающаго увеличиваться въ соотвѣтственной пропорціи—дали смѣтливѣымъ людямъ возможность составить себѣ многомилліонныя состоянія. Къ этому періоду надо отнести огромное приращеніе капиталовъ Вандербильта и обогащеніе Джея Гульда; на тѣхъ же желѣзно-дорожныхъ и другихъ спекуляціяхъ составили себѣ громадныя состоянія такіа лица, какъ Гентингтонъ, который можетъ проѣхать отъ Атлантическаго побережья Штатовъ къ Тихому океану—въ теченіе цѣлой недѣли ѣхать исключительно желѣзно-дорожными линіями, или самому ему принадлежащими, или состоящими подъ его личнымъ контролемъ; за тотъ же періодъ времени нажили свои миллионы Джемсъ Кинъ, Милльсъ, Цейрусъ Фильдъ, Руфусъ Хатчъ, Рессель Сэжъ, Виллардъ и другіе. Нѣкоторые изъ нихъ успѣли также быстро разориться, какъ, напримѣръ, Виллардъ, который изъ бѣдныхъ газетныхъ репортеровъ попалъ въ желѣзно-дорожныя магнаты, построилъ тихо-океанскую желѣзную дорогу черезъ весь американскій континентъ, обчелся въ расчетахъ на ея возможную доходность и, года два тому назадъ, внезапно потерялъ все свое состояніе, вовлекиши за собою въ банкротство множество неповинныхъ въ его безумно-дерзкихъ предпріятіяхъ лицъ. Другіе, болѣе осторожныя люди, удержали свое состояніе и до сей поры; и замѣчательно, что тѣ капиталисты, которые сумѣли удержать богатство черезъ всѣ кризисы, были такого рода люди, которые пробивались въ гору долгими усиліями, а не подыались вдругъ. Достойнымъ представителемъ этого класса людей, не легко выпускающихъ изъ рукъ нажитыя деньги, можно выставить Ресселя Сэжа, родившагося въ бѣдной сельской мѣстности; онъ былъ попеременно то посыльнымъ, то мальчикомъ при сельской лавкѣ, то клэркомъ, то приказчикомъ; 23-хъ лѣтъ завелъ свою торговлю—сначала розничную, а затѣмъ онто-

вую, составилъ себѣ въ своемъ сосѣдствѣ извѣстную популярность, попалъ въ альдерманы, въ конгрессъ, появился, въ началѣ шестидесятихъ годовъ, въ здѣшнемъ биржевомъ мірѣ, сталъ строить западныя желѣзныя дороги, составилъ на разныхъ операціяхъ до восьми милліоновъ долларовъ, а теперь совсѣмъ основался въ здѣшней „Wall street“, занимаясь преимущественно устройствомъ разныхъ такъ-называемыхъ pools—операцій, состоящихъ въ томъ, что составляется стачка нѣкоторыхъ капиталистовъ, которые складываютъ часть своихъ капиталовъ на скуку какихъ-нибудь цѣнностей или естественныхъ продуктовъ по обыкновенной цѣнѣ и, захвативъ на рынкѣ весь ихъ избытокъ, околными путями набиваютъ на нихъ спросъ, а затѣмъ, монополизируя поставку ихъ, наживаютъ большіе барыши.

Другіе богачи послѣдней четверти вѣка нажились менѣе предосудительными путями, какъ, напримѣръ, Александръ Стюартъ, который первый повелъ торговлю свою въ Нью-Йоркѣ на манеръ парижскихъ магазиновъ „Louvre“ и „Bon Marché“. Онъ прибылъ въ Америку шестнадцатилѣтнимъ юношей изъ Ирландіи—безъ гроша денегъ, но съ нѣкоторымъ образованіемъ, и занялъ мѣсто помощника учителя въ Нью-Йоркѣ, съ 300 долларовъ въ годъ жалованья. На тысячу долларовъ, доставшихся ему затѣмъ по наслѣдству отъ отца, Стюартъ открылъ свою торговлю—и на одной торговлѣ нажилъ затѣмъ всѣ свои 50 милл. долларовъ, никогда не вдаваясь ни въ биржевую игру, ни въ спекуляцію. Въ теченіе многихъ лѣтъ фирма Стюарта уплачивала среднимъ числомъ по 30.000 долларовъ на день таможенныхъ пошлинъ; отъ 60 до 90 тысячъ долларовъ получалось ежедневной выручки въ его магазинахъ, при которыхъ состояло 2.200 человекъ служащихъ и куда заходило въ день около 30.000 человекъ покупателей. Самъ Стюартъ до самой смерти ежедневно навѣдывался въ свои магазины и пользовался доходомъ, превосходившимъ по размѣрамъ своимъ все, что извлечено было до той поры кѣмъ бы то ни было изъ одной торговли.

Но милліонеры типа Стюарта—явленіе скорѣе отрадное въ странѣ, указывающее на здоровое процвѣтаніе торговли и промышленности; къ сожалѣнію, такого рода богачи немногочисленны: рѣдко кому посчастливится сколотить много милліоновъ на честной торговлѣ, не банкротаясь ни разу, тогда какъ милліонеры того калибра, къ которому принадлежитъ вышеописанный Рессель Сэджъ, чрезвычайно многочисленны, возникаютъ вокругъ разныхъ сомнительныхъ предпріятій цѣлыми группами, какъ осенніе опенки у полусгнившаго пня.

Духъ спекуляціи, раздуваемый на биржахъ капиталистами этого полета и твердо продержавшійся среди всѣхъ другихъ общественныхъ теченій, проникалъ тѣмъ временемъ все глубже и глубже въ народные слои. Страсть къ быстрой наживѣ на чужой счетъ перестала быть принадлежностью тѣхъ, которые, не имѣя добраго имени, не могли имъ и рисковать; даже въ честныхъ, всѣмъ извѣстныхъ съ хорошей стороны людяхъ, какъ-то притупилась способность распознавать „въ дѣлахъ“ хорошее отъ дурного, законное отъ сомнительнаго.

До какой ужасающей степени дошла общественная деморализація отъ этой страсти къ быстрой наживѣ, выказалось съ чрезвычайною рельефностью при банкротствѣ Фердинанда Уарда, повлекшаго за собою разореніе экс-президента Гранта и многихъ другихъ людей. Банкротство это случилось въ первыхъ числахъ мая 1884 г., операціи же Уарда открылись за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ. Первоначально, Уардъ былъ простымъ уличнымъ мальчишкой, бѣгавшимъ на посылахъ; мало-по-малу онъ пробился вверхъ, и къ тридцати годамъ проявилъ въ здѣшнемъ финансовомъ мірѣ такую смѣлливость, что снискалъ восторженное удивленіе экс-президента Гранта. Грантъ, неоспоримо, былъ весьма успѣшнымъ полководцемъ; но онъ былъ столь же плохимъ финансистомъ. сколько и дѣльцомъ. А между тѣмъ—по примѣру многихъ другихъ замѣчательныхъ по своимъ талантамъ людей—Грантъ именно и стремился проявить свои силы на такой дѣятельности, къ которой онъ былъ неподготовленъ, да и по природѣ неспособенъ. Грантъ весьма равнодушно относился ко всѣмъ похваламъ, которыя сыпались на него какъ на военнаго героя, и таялъ отъ восторга и польщеннаго самолюбія, когда кто-нибудь намекалъ на то, что онъ—искусный дѣлецъ. Къ тому же въ немъ самомъ, съ годами постоянного общенія съ богачами, проснулась страсть къ деньгамъ и наживѣ. Пользуясь своимъ личнымъ вліяніемъ и высокимъ положеніемъ въ Штатахъ, экс-президентъ Грантъ произвелъ значительное давленіе на мексиканское правительство и вызвалъ его согласіе на постройку въ Мексикѣ желѣзныхъ дорогъ американскими спекуляторами. Забота объ этихъ мексиканскихъ дорогахъ монополизировала всѣ силы и все время Гранта со времени его кругосвѣтнаго путешествія въ 1877—78 годахъ; но, встрѣтивъ Уарда, Грантъ былъ такъ ослѣпленъ его разсказами, что рѣшился тутъ же употребить все, чтобъ содѣйствовать его смѣлымъ финансовымъ планамъ и, съ помощью его, разбогатѣть самому. Положимъ, что и тогда Грантъ былъ богатъ, благодаря щедрости его благодарныхъ согражданъ, осыпавшихъ

его денежными пожертвованіями и подарками домовъ и проч.; однако же милліонеромъ Грантъ далеко не былъ, а милліонеромъ ему и хотѣлось стать. Въ Уардѣ, казалось ему,—какъ самъ онъ часто говаривалъ,—открылъ онъ настоящаго Наполеона финансовъ. И этотъ Наполеонъ довелъ его до того Ватерлоо, на которомъ рушилось состояніе не однихъ Грантовъ, но многихъ вполнѣ неповинныхъ людей, довѣрившихъ Уарду свои деньги лишь изъ-за того, что банкъ, открытый этимъ послѣднимъ, носилъ названіе „Grant and Ward“, а публика такъ слѣпо вѣрила въ честность Гранта, что клала деньги въ „его“ банкъ безо всякаго опасенія.

Въ теченіе года и нѣсколькихъ мѣсяцевъ всѣ были довольны, всѣ вкладчики получали большіе доходы; болѣе же всего радовались искусству Уарда Гранты—въ особенности сыновья экс-президента, вступившіе съ Уардомъ въ товарищество на положеніи директоровъ банка и получавшіе по двѣсти и болѣе процентовъ въ годъ на довѣренныя ими Уарду капиталы.

Понятное дѣло, что никакое законное предпріятіе, затѣянное банкомъ, не могло давать такихъ чудовищныхъ барышей. Почему же, спрашивается, не доискались директора банка правды, почему не добились они отъ Уарда доказательствъ того, какими путями доставались ему деньги? Почему? Это „почему“ именно и сводитъ насъ лицомъ къ лицу съ фактомъ ослабленія общественной совѣсти въ публикѣ и притупленія чувства сознанія справедливости въ индивидуальныхъ лицахъ. Деньги стали до такой степени необходимы всѣмъ для удовлетворенія непомерно растущаго расположенія къ роскоши, что множество респектабельныхъ, общеуважаемыхъ лицъ клали свои деньги въ банкъ Уарда, съ радостью забирали громадные проценты, выдаваемые имъ, и никто не задавалъ директорамъ никакихъ щекотливыхъ вопросовъ насчетъ того, какимъ путемъ эти деньги добывались. Вопросы люди боялись только попортить такъ прекрасно идущее дѣло. И что имъ, въ самомъ дѣлѣ, была въ томъ за нужда?.. ходили между вкладчиками слухи, что будто Уардъ, съ содѣйствіемъ Гранта, установилъ такія связи въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, что ему постоянно сдаются чрезвычайно выгодные правительственные контракты. Но на какихъ же контрактахъ—хотя бы и правительственныхъ—могла банкирская контора удваивать капиталы своихъ вкладчиковъ меньше чѣмъ въ одинъ годъ?

Но лишь только вкладчики доходили мысленно до этого тревожнаго сопоставленія фактовъ, они вызывали въ воображеніи своемъ фигуру любимаго народнаго героя; передъ ними возставала его незапятнанная репутація честнаго, неподкупнаго человѣка...

Неужели же такой человекъ, какъ Грантъ, дастъ Уарду на пользованіе свое имя и вліяніе на то, чтобъ обирать правительство или кого бы то ни было!?

Но даже и имя генерала Гранта не могло спасти отъ крушенія банкъ, всѣ операціи котораго, какъ вполнѣдствіи оказались, состояли въ томъ, чтобъ занимать деньги у одного лица, и уплачивать проценты на капиталы другого; и когда, въ маѣ 1884 года, совершилось это крушеніе, множество людей поплатилось большею частью своего состоянія — и Грантъ въ ихъ числѣ. Уардъ былъ засажень въ тюрьму, но общественное мнѣніе, хотя и признало въ немъ вора, все же не могло не сознавать, что одинъ Уардъ, безъ твердой поддержки такихъ людей, какъ Грантъ съ сыновьями, никакъ не былъ бы въ состояніи успѣшно обойти такъ много людей.

Что экс-президентъ Грантъ не зналъ о распространяемыхъ Уардомъ ссылокъ на правительственные контракты — это можно почитать вещь доказанной: Грантъ былъ честнымъ человекомъ по природѣ своей, и былъ самъ президентомъ въ теченіе восьми лѣтъ, зная прекрасно, что контракты для американскаго правительства никакъ не могли давать такихъ барышей поставщикамъ, тѣмъ болѣе, что сдаются они по конкурсамъ. Но тѣмъ не менѣе остается неизмѣннымъ тотъ фактъ, что въ источникъ громаднхъ доходовъ банка Грантъ вникать не позаботился.

Въ этомъ нельзя не видѣть ярекаго знаменія времени. Странному уклоненію должны были подвергнуться идеалы общественной этики, если даже люди, честно прожившіе всю свою жизнь, люди, стоящіе у всего народа на виду, пользующіеся заслуженною славою и общественнымъ почетомъ — и тѣ закрываютъ глаза на источникъ своихъ доходовъ, лишь только имъ отсыпается большіе барыши.

В. МАКЪ-ГАХАНЪ.

* * *

Есть мысли мрачныя, есть тягостныя чувства—
Въ нихъ много горечи и много правды въ нихъ;
Но ихъ не пріютитъ блестящее искусство
Въ нарядныхъ вапщахъ своихъ:

Съ готовой рамою въ міръ скорби и безсилъ,
Тоски и зла—искать картинъ оно идетъ,
И только то возьметъ, что быстро, безъ усилъ,
Къ готовой рамѣ подойдетъ.

Оно волшебными тѣнями наполняетъ
Тотъ міръ, гдѣ въ тишинѣ цвѣтутъ его мечты;
Оно въ узоръ живой и муки заплетаетъ,
И въ скорби ищетъ красоты...

А у толпы людской нѣтъ рамъ и формъ готовыхъ—
Она идетъ, куда судьба ее влечетъ,
И мечетъ въ ширь и въ высь волну своихъ суровыхъ
И жгучихъ болей и невзгодъ.

Ей дѣла нѣтъ, когда она вопить и стонетъ,
Созвучнымъ стономъ ли ей вторять звуки лиръ;
Она безъ факеловъ мечты свои хоронитъ,
Безъ розъ вѣнчаетъ свой кумиръ...

И никогда рѣзцу и кисти прихотливой,
Въ игривой ихъ тоскѣ и скорби расписной,
Не выразить того, что скажетъ вздохъ тоскливый,
Невольный стонъ души больной...

С. Фругъ.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ

ОЧЕРКИ.

Посвящается памяти К. Д. Кавелина.

I.

...И у насъ открыто отдѣленіе крестьянскаго банка. И въ нашемъ „счастливомъ уголкѣ“ крестьяне, при содѣйствіи банка, покупають земли. Пять деревень, смежныхъ съ моимъ имѣніемъ ¹⁾, уже прикупили довольно значительное количество земли.

И выходитъ хорошо.

Владѣльцы довольны, что могутъ продать ненужныя имъ земли, съ которыми они не знаютъ что дѣлать, съ которыхъ дохода не получаютъ, на которыя иныхъ покупателей, кромѣ крестьянъ, найти трудно. Продаются, большею частью, отрубки, запольныя земли, пустоша, отдѣльные запущенные хутора, и т. п.

Крестьяне довольны, что могутъ прикупать нужныя имъ земли „въ вѣчность“. Прикупленныя земли они могутъ „привести въ дѣлу“. Покупаемыя земли всегда существенно необходимы для крестьянъ; многіе изъ нихъ, большею частію, и прежде—а иные съ самаго „Положенія“—уже пользовались ими, отбывая за нихъ владѣльцамъ работы,—обыкновенно обрабатывали „кружки“. Но работы эти для крестьянъ въ высшей степени стѣснительны. Только необходимость,—потому что „податься некуда“,—вынуждаетъ крестьянъ работать „кружки“ за пользованіе этими землями. Пользованіе—самое невыгодное, обыкновенно пользованіе только

¹⁾ С. Батицево, дорогобужскаго уѣзда, смоленской губерніи.

тѣмъ, что земля даетъ, оставаясь въ дикомъ, некультурномъ состояніи. А зѣмли у насъ тощія, плохія,—сами по себѣ дающія очень мало. Это плохіе суходольные покосы и выгоны. Только при обработкѣ и хорошемъ удобреніи ихъ можно „привести къ дѣлу“, какъ говорятъ крестьяне; но это стоитъ дорого и, пользуясь землею только временно—обыкновенно крестьяне снимаютъ зѣмли на годъ, много на три, безъ права распахки,—кто же станетъ влагать въ нее трудъ и деньги!

Теперь, благодаря содѣйствію крестьянскаго банка, дѣло, къ обоюдному удовольствію и владѣльцевъ, и крестьянъ, отлично улаживается. Владѣльцы получаютъ нужны имъ деньги,—крестьяне приобрѣтаютъ необходимы имъ земли. Обѣ стороны довольны. Выходитъ хорошо.

Позвольте мнѣ рассказать объ этомъ дѣлѣ то, что я знаю и вижу. Но прошу—имѣйте въ виду, что я буду говорить только о „своемъ мѣстѣ“, о своемъ уѣздѣ, много—губерніи, и только о томъ, что доподлинно знаю и вижу.

Вопросомъ о крестьянскомъ банкѣ я не занимаюсь, даже отчетовъ о дѣйствіяхъ банка не читалъ. Я просто хочу рассказать, какъ идетъ дѣло тутъ у насъ, около меня, да и говорить объ этомъ дѣлѣ намѣренъ только съ хозяйственной, съ агрономической стороны. Давно уже, еще приступая ко второй серіи моихъ писемъ „Изъ деревни“¹⁾, я предупреждалъ, что „рѣшительно ни о чемъ другомъ ни думать, ни говорить, ни писать не могу, какъ о хозяйствѣ. Всѣ мои интересы, всѣ интересы лицъ, съ которыми я ежедневно встрѣчаюсь, сосредоточены на дровахъ, хлѣбѣ, скотѣ, навозѣ“. Теперь, просидѣвъ шестнадцать лѣтъ въ деревнѣ, я еще болѣе погрузился въ хозяйство...

Одна изъ деревень, купившихъ, при содѣйствіи крестьянскаго банка, землю, деревня Б., лежитъ, такъ сказать, внутри моихъ владѣній. Надѣлъ ея отдѣляется отъ той части моей земли, на которой я веду хозяйство, небольшою рѣчкой. Сзади надѣла узкою полосой тянется моя же пустошь, недавно, при мнѣ, въ теченіе послѣднихъ шестнадцати лѣтъ, разработанная изъ-подъ лѣса; пустошь моя прилегаетъ ко всѣмъ тремъ крестьянскимъ полямъ, и только съ одной стороны крестьянскій надѣлъ межуется съ землею сосѣдняго владѣльца, которую крестьяне, при содѣйствіи банка, и купили въ 1885 году.

¹⁾ Первая серія моихъ писемъ „Изъ деревни“ напечатана подъ псевдонимомъ А. Буглима (названіе деревни, близъ которой я прожилъ лѣто 1863 г.) въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1863 года. Вторая серія печаталась въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1872—1882 гг., а потомъ вышла отдѣльнымъ изданіемъ.

Надѣлъ у крестьянъ довольно хорошій, какъ по положенію, такъ и по качеству земли. Разумѣется, когда я говорю, что земля хороша по качеству, то это только относительно: по нашему, по смоленскому — хороша, но все же требуетъ неустаннаго удобренія и безъ навоза плохо родить хлѣбъ. Есть у крестьянъ довольно хорошій лугъ вдоль рѣчки. У большинства своего хлѣба для собственнаго прокормленія не хватаетъ, и хлѣбъ нужно прикупать. Смотри по урожаю, иногда хлѣбъ приходится прикупать съ масляной, иногда со Святой, рѣдко кому передъ ноябью только. Урожай хлѣба за послѣднія пятнадцать лѣтъ замѣтно возвысились, что и понятно, такъ какъ крестьяне снимаютъ на сторонѣ много покосовъ съ части, содержать изрядное количество лошадей, скота и удовлетворительно удобряютъ землю. Надѣлъ у крестьянъ не высній, — впрочемъ, до полного надѣла не хватаетъ немного. Крестьяне получили въ надѣлъ то, чѣмъ пользовались при крѣпостномъ правѣ, и прирѣзки земли до выснаго надѣла сами не пожелали, находя, что имъ достаточно и той земли, которой они прежде пользовались; но, конечно, потомъ вскорѣ оказалось „затѣсненіе въ землѣ“, стало „некуда подаваться“. Лугъ у крестьянъ очень порядочный, пахатной земли было достаточно, — а выгона для скота мало. Къ тому, порядки-то послѣ „Положенія“ пошли другіе.

Въ крѣпостное время было гораздо вольгѣе относительно пастбы скота уже потому, что вездѣ велось одинаковое трехпольное хозяйство, и поля обыкновенно приурочивались такъ, что во всѣхъ смежныхъ владѣніяхъ сѣялись одинаковые хлѣба. Къ моему паровому полю, на примѣръ, прилежали паровыя поля деревень Б., Д. и Х.; къ нимъ прилегалo паровое поле сосѣдняго помѣщика, и т. д. Поэтому „уруги“ (особняки) для скота — да и скота у крестьянъ тогда было много меньше — было достаточно, и остерегаться нужно было только отъ поправки хлѣбовъ и „заказныхъ“ луговъ, насчетъ чего, конечно, было строго. Послѣ „Положенія“ все это измѣнилось. Положимъ, къ крестьянскому паровому полю прилежитъ тоже паровое поле того или другого владѣльца, но ужъ это не только паровое поле, но и *чужое* паровое поле, на которое пускать скотъ нельзя, а хочешь пускать — послужи. Пустошъ, прилежащихъ къ паровымъ полямъ, даже луга по рѣчкамъ и оврагамъ, находящіеся за паромъ, прежде наступали подъ выгонъ, на которомъ пасся господскій скотъ и кормились лошади крестьянъ, работавшихъ на барщинѣ; теперь же, особенно тамъ, гдѣ у владѣльцевъ нѣтъ своего инвентаря и обработка производится „кругами“, т. е. крестьянами съ ихъ

лошадыми и орудіями, часто и за паромъ „заказываютъ“ часть пустошей. Прежде, бывало, послѣ скося травы и снятія хлѣбовъ было вольно; скотъ свободно ходилъ и по атавамъ, и по жнивьямъ, а теперь и на скошенный лугъ, и на жнивья чужія, если хочешь пускать скотъ,—послужи. Вначалѣ крестьяне долго привыкнуть не могли къ новымъ порядкамъ. Отдѣльная пустошь, напримѣръ, облегаютъ крестьянскія поля, владѣлецъ никогда на нее скота не пускаетъ за дальностью отъ усадьбы или даже за невозможностію прогнать свой скотъ на эту пустошь. Пустошь эту владѣлецъ косить и „заказываетъ“ не съ „Царя“ (т.-е. съ 21 мая), какъ „заказываются“ выгоны у крестьянъ, а съ ранней весны, какъ только снѣгъ согнало. Скосилъ владѣлецъ пустошь, убралъ сѣно, скота своего на нее не пускаетъ, атава задаромъ пропадаетъ, но пустошь чужая, и пускать на нее скотъ нельзя. Задаромъ пропадаетъ атава,—а „не смѣй пускать на мою землю! моя земля!“ Идутъ неудовольствія. Крестьяне, разумѣется, пробуютъ пускать. Разъ взяли лошадей „въ хлѣвъ“ — плати штрафъ за потраву; другой разъ взяли скотъ „въ хлѣвъ“; третій разъ свиней загнали. Все неудовольствіе. Чѣмъ постоянно „собачиться“, лучше послужить. Ну, и служить. Пока хозяйство у владѣльца ведется по той же системѣ, какъ у крестьянъ, все кое-какъ улаживается. Но въ послѣднее время пошли разныя перемѣны въ хозяйствѣ. Кое-гдѣ завелись многопольные сѣвообороты, хлѣба разные стали сѣять, клевера. У крестьянъ, напримѣръ, все то же паровое поле, какъ было въ старину, а на прилежащемъ полѣ сосѣдняго владѣльца, гдѣ въ старину тоже былъ паръ одновременно съ крестьянскимъ, теперь вдругъ очутился клеверъ, или ленъ, или овесъ. Тутъ уже и „послужить“ нельзя. Никто не дозволить и за послугу травить хлѣбъ или клеверъ — это и крестьянинъ отлично понимаетъ. Приходится сидѣть въ своихъ рамкахъ, на своемъ надѣлѣ, и нанимать „уругу“ если не для скота, то для лошадей, для „ночного“, на сторонѣ, водить туда лошадей въ поводу. Тутъ ужъ и владѣлецъ, при всемъ желаніи, иногда ничѣмъ помочь не можетъ.

И при полномъ высшемъ надѣлѣ разгуляться негдѣ; о томъ, чтобы было „вольно“, чтобы можно было безопасно пускать коня въ отдышку, и говорить нечего, лишь бы только накормить хорошенько,—а тутъ еще не высшій надѣлъ. Старики-то думали: довольно съ насъ и того, чѣмъ при крѣпости пользовались, жили вѣдь, — не захотѣли прирѣзки. Въ то время народъ „пушной“ былъ, какъ говорятъ теперь крестьяне. А потомъ пошли затѣс-

ненія. Надѣялись было, что еще земли прирѣжутъ, что будетъ передѣлать...

Ну, и допекаетъ же теперь молодежь стариковъ, что не умѣли и надѣла побольше получить, и земли лишней приобрѣсти. Тогда-то это было легко. Можно было часто получить значительныя прирѣзки пустопорожныхъ земель за очень дешевую плату—за отработку въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, какъ это и сдѣлали крестьяне нѣкоторыхъ деревень. Зѣмли тогда были очень дешевы.

— Не умѣли сдѣлать дѣла старики, прозѣвали землю, пушника!

Въ деревнѣ Б. именно молодежь—молодое новое поколѣніе, выросшее послѣ „Положенія“—и настояла на покупкѣ земли при содѣйствіи банка. Старики все боялись—въ „банку“ платить нужно, помѣщику работать нужно (за дополнительный платежъ), засѣяться первый годъ на новой землѣ нужно. А тамъ, не заплатитъ въ-время въ „банку“—землю отберутъ; это не то, что казенная недоямка. Старики навѣрно опять прозѣвали бы землю; тянули бы, сегодня такъ, завтра этакъ, дорого-моль, не совсѣмъ съ руки, можетъ, и такъ прирѣзка будетъ, новое положеніе отъ царя выйдетъ, тоѣ да сѣ, воловодили бы да воловодили. А тамъ кто-нибудь и купилъ бы, потому что участочекъ очень хорошъ.

Молодежь настояла на покупкѣ земли. Дѣло сдѣлано. Теперь всѣ, и старики, даже бабы, не нарадуются, что прикупили землю—съ хлѣбомъ стали.

Деревня Б. прикупила къ надѣлу участокъ пахатной земли съ лугомъ вдоль той же рѣчки, которая отдѣляетъ крестьянскій надѣлъ отъ моей земли. Прикупленный участокъ прилегаетъ къ одному изъ крестьянскихъ полей.

Покупка очень выгодная. Куплено около 50 десятинъ. что-то близко по 50 рублей за десятину. Часть денегъ далъ банкъ; уплату же остальной части помѣщикъ разсрочилъ на шесть лѣтъ, съ тѣмъ, что крестьяне, кто какъ пожелаетъ, могутъ платить деньгами или отработывать—„работать круги“—за опредѣленную, довольно хорошую, цѣну. Только два двора пожелали платить деньгами, остальные же взялись работать круги. Работа эта ихъ не очень стѣсняетъ и представляетъ еще ту выгоду, что, работая у помѣщика, крестьяне могутъ пользоваться для скота его „уругой“, по крайней мѣрѣ, по снятіи травъ и хлѣбовъ.

Купленная крестьянами деревни Б. земля очень хороша. Прекрасное, покатое на юго-западъ поле пахатной земли, когда-то отлично удобрявшейся и только запущенной, но еще не истощенной, за послѣднія пять-шесть лѣтъ. Внизу, у подошвы поля,

небольшой болотистый торфяной лугъ, по которому протекаетъ рѣчка.

Прежде, въ имѣніи, небольшую часть котораго составляетъ купленная крестьянами деревня Б. земля, велось обширное хозяйство, и земли отлично удобрялись. Въ этомъ имѣніи жилъ самъ владѣлецъ, у котораго было тутъ же, по близости, много, очень много, что-то около десяти тысячъ десятинъ, земли, преимущественно подъ лѣсами; было у него нѣсколько хуторовъ и множество „отрѣзковъ“, за которые работали круги крестьяне разныхъ деревень. Въ имѣніи, гдѣ жилъ владѣлецъ, было очень интенсивное хозяйство. Скота содержалось въ имѣніи много, велось молочное хозяйство съ прекрасной швейцарской сыроварней. Одного клевера было 150 десятинъ. Съ винокуреннаго завода, находившагося въ другомъ имѣніи, доставлялась сюда барда для корма скота, свозились сюда же, въ случаѣ надобности, кормы съ другихъ хуторовъ, употреблялось значительное количество конопляныхъ жмыховъ; сывороткой съ сыроварни и хлѣбомъ откармливалось много свиней. Выгоны постоянно растащались, изъ-подъ рошъ разрабатывались новыя земли. Навоза накоплялось множество, поля удобрялись отлично, хлѣбъ родился превосходнѣйшій, какой рѣдко гдѣ можно встрѣтить.

Когда я, въ 1871 году, поселился въ деревнѣ, хозяйство въ этомъ имѣніи было въ цвѣтущемъ состояніи. Впослѣдствіи, однако, мало-по-малу, дѣла владѣльца поразстроились. Обширные лѣса были распроданы, хутора — тоже. Нынѣшнему владѣльцу, наконецъ, досталось только это имѣніе, состоящее изъ главнаго участка, на которомъ ведется хозяйство, и разныхъ „отрѣзковъ“, за которые крестьяне обрабатываютъ кружки въ имѣніи. Конечно, по мѣрѣ уменьшенія средствъ владѣльца, а также и за отсутствіемъ его въ теченіе нѣкотораго времени, хозяйство стало опускаться. Не было уже того количества кормовыхъ средствъ, не было ни барды, ни жмыховъ, — одно время даже часть сѣна, клевера и соломы продавали. Скотоводство было сокращено. Навоза стало получаться меньше. Земли стали хуже удобряться. Обработка тоже стала хуже. Но такъ какъ прежде, и много лѣтъ притомъ, земля очень сильно удобрялась, то она еще не истощилась, не потеряла старой силы, но только запущена, одичала. Сдѣлать только настояще взяты за эту землю, и она тотчасъ же себя покажетъ.

Участокъ пахатной земли, прибрѣтенный крестьянами, составлялъ прежде часть экономическаго поля, сильно удобрялся и давалъ великолѣпнѣйшіе урожаи хлѣба. Послѣдніе же годы этотъ участокъ сдавался исполу крестьянамъ одной малоземельной

деревни, вовсе не удобрялся и обрабатывался до крайности плохо, кое-какъ, такъ что хлѣбъ пересталъ родиться. Но земля еще сохранила силу, что очень хорошо понимали крестьяне, покупая ее. Притомъ же крестьяне, купивъ этотъ участокъ по 50 рублей за десятину, вмѣстѣ съ тѣмъ, купили и подготовленный матеріалъ для удобрения этой земли, или, лучше сказать, подготовленный матеріалъ для *заправки земли*—именно, подготовленную къ вывозу на поля торфяную болотную землю.

Я сказалъ выше, что на купленномъ крестьянами участкѣ, внизу, у подошвы пахатнаго поля, находится болотистый торфяной лужокъ. Лѣтъ десять тому назадъ, когда хозяйство въ имѣніи было еще въ цвѣтущемъ состояніи, владѣлецъ задумалъ употреблять для удобрения полей болотную торфяную землю. Облюбовавъ лужокъ, который теперь вмѣстѣ съ пахатной землей купленъ крестьянами, онъ нанялъ граборовъ выкопать торфяную землю и сложить ее высокими саженными грядами, для того, чтобы она вывѣтрилась и окислилась до вывозки въ поле. Года черезъ два по выкопкѣ, часть этой торфяной земли была вывезена на ту же пахатную землю, которую теперь купили крестьяне. Дѣйствіе этого торфяного удобрения было очень хорошее. Но потомъ, когда хозяйство пришло въ упадокъ,—вывозить на поля торфяную землю перестали, такъ что теперь остальная выкопанная торфяная земля досталась крестьянамъ.

Когда сдѣлалось извѣстно объ учрежденіи у насъ отдѣленія крестьянскаго банка, то прежде всѣхъ возмѣли намѣреніе приобрести землю при содѣйствіи банка крестьяне другой сосѣдней со мною деревни О. Дѣйствительно эти крестьяне и приобрѣли цѣлый хуторъ, о чемъ я разскажу ниже. Вотъ это-то и дало первый толчокъ дѣлу.

— Они-молъ купили землю, цѣлый хуторъ!...

А такъ какъ крестьяне спятъ и видятъ, какъ бы имѣть больше земли, то, конечно, фактъ, что покупается земля при содѣйствіи банка, произвелъ сенсацию, заставилъ и другихъ подумать, какъ бы и имъ, по примѣру тѣхъ, приобрести земли. Земли у насъ дешевы, пустопорожнихъ земель множество, предложение земель на продажу огромное...

Вскорѣ стало извѣстно, что баринъ согласенъ продать земли крестьянамъ. Распространился слухъ, что онъ продаетъ отрѣзки крестьянамъ деревень Д. и Х., которые давно уже на нихъ сильно охотятся. Откуда-то узнали, что онъ не прочь продать участокъ земли, которая до сего ходила исполу, что крестьяне, которые до сихъ поръ держали этотъ участокъ по контракту на

нѣсколько лѣтъ, купивъ теперь хуторъ, рады были бы избавиться отъ работы на этомъ участкѣ исполу.

„А участочекъ-то—сливочки! Всего пятьдесятъ десятинокъ, межа съ межей; пахать ли, подъ выгонъ ли пустить—прелестъ! Одной пахатной земли 36 десятинокъ, да и земля-то какая; положимъ, запущена, но силы еще не потеряла: добра-то въ нее что прежде заложено; да и была тутъ когда-то деревенька, которую баринъ при крѣпости еще свелъ, такъ-что часть земли—селидебной, на много лѣтъ сдобженной. Опять же и лужокъ внизу, овражки, покосецъ, хотя и не мудрый, а все же... Торфяная земля заготовлена. Рѣчка внизу протекаетъ. Отличный участочекъ—хоть кому! Если купить, да построить хуторочекъ, земелькой заняться, торговли какой-нибудь—отлично! Тѣ же, Б—скіе крестьяне за уругу, даже „за вскокъ“, сколько обработаютъ! А рядомъ еще деревня С., Д., В.—всѣ кругомъ. Да тутъ если настоящему человѣку, хозяйственному, да съ деньжонками, да „обходительному“, чтобы, то-есть, „развратности“ у него достаточно, такъ ему четыре смежныя деревни за-даромъ все обработаютъ, за вскокъ, да за то, что въ нуждѣ когда „вызволить“. И цѣна небольшая—50 рублей за десятину; у кого есть деньги, чистыми можно отдать. Купить кто-нибудь, постройся,—возжайся тогда съ нимъ, хуже большого барина будетъ...“

А крестьянамъ купить можно: часть денегъ дать банетъ, а другую—баринъ разсрочить подъ работу. Сильно задумались крестьяне, какъ бы пріобрѣсти эту земельку,—но если бы не молодежь, то весьма вѣроятно, что прозѣвали бы покупку земли и потомъ вѣкъ бы калялись. Пока бы старики думали да гадали, да бобы разводили, да почесывались, кто-нибудь и купилъ бы въ частную собственность—вотъ бы и были у праздника! Или баринъ, продавъ разные „отрѣзки“, раздумалъ бы продавать этотъ участокъ. Куй желѣзо, пока горячо. Настояла, все сдѣлала сельская молодежь. Однако, сначала, только нѣсколько человѣкъ изъ молодежи хотѣли, выдѣлившись въ товарищество, купить землю для себя и даже переселиться на нее. Но потомъ дѣло устроилось иначе: купила вся деревня. Помогъ деревнѣ въ этомъ отношеніи одинъ молодой изъ образованныхъ; онъ разъяснилъ крестьянамъ все дѣло, указалъ, какъ и что, уговорилъ купить всей деревней, въ общественную собственность. Теперь, когда дѣло сладилось и вышло хорошо,—такъ хорошо, какъ нельзя лучше,—крестьяне, слыхалъ я, записали имя этого юноши въ свои поминальницы, которыя подаютъ за обѣдней. „И это ему зачтется!“ говорятъ крестьяне.

— Ужъ зачлось!—сѣстрилъ одинъ мой знакомый.

— Какъ?

— А помните, съ разспросами и развѣдками прїѣзжали.

Дѣло сладилось въ веснѣ 1885 года. Съ весны 1885 года помѣщикъ предоставилъ крестьянамъ покупаемую землю въ полное распоряженіе и пользованіе, съ тѣмъ, чтобы они убрали въ его пользу рожь, которая была посѣяна половинщиками въ 1884 году.

Однако первый блинъ выпелъ комомъ. Часть земли крестьяне засѣяли яровымъ, но въ 1885 году у насъ повсемѣстно былъ полнѣйшій неурожай ярового. Всѣ яровые хлѣба—ячмень, овесъ, ленъ—совершенно не уродили, такъ что мѣстами еле возвратили сѣмена. Урожай травъ былъ тоже очень плохой. Урожай ржи былъ у крестьянъ средній, да еще нужно было изъ этой ржи посѣять на прикупленной землѣ.

Предназначенную для посѣва часть земли крестьяне удобрили торфяной землей, о которой я упомянулъ выше, и тщательно удобрили; навоза положить не могли, потому что его не хватаетъ у нихъ для полнаго удобренія своей надѣльной земли. Осенью 1885 года зелень на этомъ полѣ была превосходнѣйшая, густая, темная цвѣтомъ, лучше, чѣмъ на надѣльной землѣ. Въ прошедшемъ году урожай ржи былъ превосходный, такъ что крестьянамъ хлѣба съ своей надѣльной земли да съ прикупленной хватить, безъ малаго, до нови, чего никогда прежде не бывало. Какъ тутъ бѣднякамъ было не записать имя „Виктора“ въ поминальницы! — Если бы, молъ, не онъ—купили бы землю нѣсколько товарищей помогутѣе, посемьянистѣе, а бѣдняки да одиночки остались бы безъ хлѣба — покупай тогда у товарищей! Ярового крестьяне на прикупленной землѣ нынче не сѣяли, а обратили землю подъ рожь будущаго года. Обработали паръ тщательно, прошлою осенью вспахали на зиму, что у насъ очень важно и полезно. Я всегда пашу паръ на зиму — черный паръ — трою лѣтомъ, и это имѣетъ огромное значеніе. Крестьяне, однако, до сихъ поръ не слѣдовали моему примѣру, потому что паръ имъ необходимъ для пастбы скота. Теперь же, какъ прикупили землю, ведутъ на ней ту же обработку, какъ и я, свой надѣльный паръ оставили подъ скотъ, принанали у меня участокъ—посѣтище недавно срѣзаннаго лѣса—для того, чтобы было гдѣ кормить лошадей, а на прикупленной землѣ завели настоящій черный паръ, какъ у меня. Вотъ и глядите, толкуйте о косности мужика! Нѣтъ, въ хозяйственномъ дѣлѣ онъ не такъ косенъ, какъ это кажется на первый взглядъ. Когда увидить дѣло, и найдетъ возможность его примѣнить—примѣнить. Конечно, если вы станете разводить турнепсы въ смолен-

ской губерніи, или садить кукурузу, конскій зубъ для силосованія, или разводить живокость, или что тамъ еще есть новаго, — росичка, кажется? — то мужикъ перенимать у васъ не станетъ. Мужикъ сѣръ, да не чортъ его умъ сѣбѣ! Прикупили землю — на зиму пахать стали, отлично обрабатываютъ паръ, торфяную землю на поле возить стали...

Впрочемъ, прошлый годъ, крестьяне торфяную землю на пашню не возили, потому что лѣто было мокрое и вывозить торфяную землю изъ болота было трудно. Многіе зато вывезли на прикупленную землю навозъ, рассчитывая, что выгоднѣе положить его на хорошую, удобно расположенную, вновь прикупленную землю, чѣмъ на плохія низкія нивы надѣльной земли. Зеленъ осенью прошедшаго года на прикупленной землѣ очень хороша — поле видно изъ моей усадьбы, такъ что я постоянно могу слѣдить за нимъ — и можно надѣяться, что крестьяне въ будущемъ году опять получатъ хорошій урожай ржи. Интересно, что, какъ только земля попала въ крестьянскія руки, и именно въ собственность или „въ вѣчность“, какъ говорятъ крестьяне, такъ и урожаи стали лучше, хотя, вообще говоря, въ среднемъ, у крестьянъ, большею частію, урожаи хуже, чѣмъ у помѣщиковъ; но это зависитъ не оттого, чтобы крестьяне хуже относились къ землѣ, лѣнились ее обрабатывать, какъ думаютъ нѣкоторые, но отъ множества сложныхъ причинъ.

Правда, крестьяне относятся очень недоувѣрчиво къ разнымъ агрономическимъ затѣямъ и нововведеніямъ помѣщиковъ, но и то сказать, что и въ самомъ дѣлѣ нельзя иначе относиться — столько уже они видѣли неудачъ, ошибокъ, а главное дѣло, *лекомысленности*. Чего, чего не было перепробовано охотниками до агрономіи, и всегда съ мыслью тотчасъ увеличить урожаи или удешевить производство, быстро разбогатѣть, — но на дѣлѣ ничего не выходитъ, и помѣщичье хозяйство, въ общемъ, за немногими исключеніями, недалеко ушло отъ крестьянскаго. Да и понятно: научныхъ знаній нѣтъ, да и практическихъ знаній, какъ у мужика, который все же много знаетъ, — тоже нѣтъ. А по дурно понимаемой теоріи „здраваго смысла“, безъ знаній — ничего не выходитъ.

Относясь недоувѣрчиво къ нововведеніямъ, крестьяне, однако, внимательно слѣдятъ за тѣмъ, что дѣлается у сосѣдняго помѣщика, и если дѣло дѣйствительно идетъ, установилось прочно, то крестьяне очень хорошо оцѣниваютъ выгодность того или другого нововведенія и примѣняютъ, если это возможно по условіямъ ихъ хозяйства. Такъ, у насъ, напимѣръ, давно уже введенъ у кре-

стьянъ посѣвъ картофеля на поляхъ. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, когда я ввелъ у себя посѣвъ льна на облогахъ, крестьяне очень недовѣрчиво смотрѣли на это дѣло, а теперь, если только представляется возможность, арендуютъ облоги и сѣютъ ленъ. Когда я сталъ улучшать скотъ, крестьяне тоже смотрѣли на это дѣло какъ на барскую затѣю, а теперь постоянно покупаютъ у меня телятъ и выращиваютъ отличныхъ коровъ.

Недовѣрчиво относились крестьяне, когда я сталъ пахать на зиму будущее паровое поле, тронуть землю подъ озимь, но скоро увидали, что это хорошо. Однако свое поле не пахали, несмотря на многократныя мои убѣжденія, не пахали потому, что оно нужно имъ для пастбы скота. Сколько разъ я ни доказывалъ крестьянамъ, что имъ выгоднѣе пахать свой паръ на зиму, а для выпаса скота нанимать землю у меня или у сосѣда-помѣщика, смотря по тому, какъ какой годъ будетъ удобнѣе, однако они все-таки оставались при своемъ и паръ не пахали—вѣроятно, боялись попасть въ слишкомъ большую зависимость отъ „пана“. Теперь же, какъ только сами крестьяне купили землю и явилась возможность вспахать ее на зиму и подтроить подъ озимь—сейчасъ же это и сдѣлали. Явилась возможность удобрять поле торфяной землей—стали возить на пашню торфяную землю. Даже на такую, совершенно новую, вещь, какъ мои опыты удобрения фосфоритной мукой (см. мою статью: „Опыты удобрения рославльской фосфоритной мукой“, въ №№ 40, 41, 42 и 43 „Земледѣльской Газеты“ за 1886 годъ), крестьяне тотчасъ же обратили вниманіе, и двое изъ деревни Б. сдѣлали опыты на своихъ нивахъ.

Въ 1885 году, я сдѣлалъ у себя опыты удобрения фосфоритной мукой, приготовляемой К. В. Мясоѣдовымъ изъ фосфоритовъ, найденныхъ мною въ рославльскомъ уѣздѣ въ 1884 году (см. мою статью: „Смоленскіе фосфориты“, въ „Земледѣльской Газетѣ“ 1884, №№ 39 — 40). Фосфоритная мука, употребленная мною для удобрения подъ рожь плохого перелома, одна, безъ навоза, произвела *поразительное* дѣйствіе, которое *каждому было замѣтно прямо на глазъ*. Съ весны прошедшаго 1886 года, какъ только рожь тронулась въ ростъ, участокъ, удобренный фосфоритной мукой, тотчасъ же рѣзко отличился, и это отличіе сохранялось все лѣто, такъ что каждый, по наружному виду ржи, всегда могъ совершенно точно указать границы удобреннаго фосфоритной мукой участка. Рожь на немъ была гуще и выше ростомъ, перистѣе, отличалась темною зеленью, ранѣе выколосилась, стала ранѣе зрѣть, такъ что когда рожь на удобренномъ

участіѣ стала желтѣть, остальная часть была еще вполне зелена, и потому удобренный участокъ можно было видѣть издали. Ко времени жатвы рожь на удобренномъ участіѣ была много спѣлѣе, на $\frac{1}{2}$ аршина выше ростомъ, толще соломою, колосистѣе. Когда рожь сжали, то на жнивьяхъ совершенно рѣзко было видно то мѣсто, которое было удобрено фосфоритной мукой, такъ что если бы фосфоритной мукой были сдѣланы надписи, то ихъ можно было бы читать на жнивьяхъ. Рожь на переломѣ, удобренномъ фосфоритной мукой, какъ небо отъ земли, отличалась отъ ржи на переломѣ, ничѣмъ не удобренномъ, и была такъ же хороша, какъ рожь на переломѣ, удобренномъ навозомъ.

Весною, на Троицу, у насъ, по обычаю, ходятъ „завивать вѣнки“ въ рощицу, непременно въ ржаномъ полѣ. Завиваніе, а потомъ развиваніе вѣнковъ—еще болѣе веселый праздникъ, когда обряжаютъ майское дерево и топятъ вѣнки—разумѣется, сопровождаются пѣснями, великолѣпными майскими пѣснями, съ ихъ мягкими, укачивающими напѣвами, пляскою, небольшою выпивкой, закуской. Кромѣ своихъ рабочихъ, къ намъ подъ вѣнки собирается много народа изъ сосѣдней деревни, преимущественно молодежи. Десятина, на которой былъ сдѣланъ опытъ удобрения фосфоритной мукой, находится какъ разъ около рощицы, въ которой въ нынѣшнемъ году завивали вѣнки. Я воспользовался случаемъ и показалъ ребятамъ, какое поразительное дѣйствіе произвела фосфоритная мука, которою я посыпалъ въ прошломъ году часть десятины, теперь рѣзко отличающуюся по виду зелени; всѣ, конечно, знали, что эта десятina не удобрена навозомъ, и что я на ней сыпалъ какую-то выписную землю. При этомъ я объяснилъ, что эта фосфоритная мука готовится изъ особаго камня, который мелютъ въ муку на простой мельницѣ. Мука эта, объясняю я обыкновенно крестьянамъ, почти то же, что зола, или, лучше, подзолъ, который остается, когда изъ золы дѣлаютъ щелокъ. Такое объясненіе понятно крестьянамъ, потому что наши крестьяне очень хорошо знаютъ, какое отличное удобрение—зола, съ полезнымъ дѣйствіемъ золы, какъ удобрения, крестьяне отлично у насъ знакомы, потому что часто сѣютъ хлѣбъ на лядяхъ, на пожогахъ, выжженныхъ послѣ рубки лѣса пространствахъ, также на грудкахъ, т.-е. сожженныхъ кучахъ хвороста. Даже суволоку съ коноплянниковъ, пеньковую костру и т. под. у насъ крестьяне вывозятъ на нивы и сжигаютъ: хлѣбъ на такихъ мѣстахъ родится лучше. Въ крѣпостное время, въ числѣ разныхъ даней—барановъ, куръ, сушеныхъ грибовъ, и пр.—у насъ, между прочимъ, выбиралась и зола, сколько помню, кажется, по осьминѣ съ тягла. Эта

зола употреблялась для удобренія особыхъ десятинъ, на которыхъ сѣялись сѣмянные хлѣба; отъ навоза развиваются сорные травы. Вотъ оно когда еще была въ ходу минеральная теорія удобренія!

Уже на Троицу рожъ на удобренномъ фосфоритомъ участѣ была такъ хороша, какъ нельзя лучше, и совершенно рѣзко отличалась отъ неудобренной части, что особенно бросалось въ глаза: каждый могъ тотчасъ опредѣлить границы удобренного участка. Дивовались ребята.

Потомъ все лѣто рожъ на удобренномъ фосфоритомъ участѣ рѣзко отличалась, и ростомъ, и густотой. Крестьяне обратили вниманіе—и не то что молодежь, а даже старики.

Разъ какъ-то нынѣшнимъ лѣтомъ, объѣзжая поля, завернулъ я къ участку, удобренному фосфоритомъ. Подъѣзжаю, смотрю—стоитъ около ржи одинъ уже немолодой крестьянинъ изъ соседней деревни, мѣстный богатъ.

— Здравствуй, Проконъ. Что, рожъ пришелъ посмотреть?

— Да, шелъ мимо,—въ К. за сапогами иду,—зашелъ поглядѣть. Видѣлъ овесъ, подъ который вы выписую землю сыпали: хорошъ, а рожъ такъ еще лучше. Удивленіе! И откуда это земля такая берется?

— Камень такой есть, круглячками, въ родѣ картофелинъ; зайдешь—покажу. Въ пескѣ этотъ камень слоями лежитъ, въ родѣ какъ картошка насыпанъ. Собираютъ, промываютъ, чтобы песокъ отмыть, и мелютъ на мельницѣ.

— На мельницѣ? на простой?

— Да, на простой.

— А у насъ здѣсь такого камня нѣтъ?

— Нѣтъ. Гдѣ такой камень на поляхъ водится, такъ тамъ хотя и песчаная земля, а въ году, безъ навоза, хлѣбъ отличный родится.

— А можетъ, и у насъ есть?

— Нѣтъ, у насъ нѣтъ. Недалеко отсюда, въ рославльскомъ уѣздѣ, есть.

— Это куда вы позавпрошлый годъ ѣздили?

— Да.

— Доходятъ же люди! Нѣмцы, небось, все?

— Конечно, нѣмцы. У нихъ огромныя фабрики для этого устроены. Каждогодно десятки миллионъ пудовъ камня въ удобреніе перерабатываютъ и этимъ удобреніемъ поля посыпаютъ. Отличный хлѣбъ родится. Если бы да не это удобреніе, у нѣмцевъ никогда такого хлѣба не было бы, какой у нихъ родится. Еще больше у насъ покупали бы.

— Ну, это хорошо, что мало покупаютъ. Оттого, должно быть, у насъ, слава Богу, и хлѣбъ дешевъ. А если это дѣло пойдетъ, если эта выписная земля себя окажетъ, то это большое дѣло будетъ, большое.

— Конечно, большое дѣло. Да отчего же не пойти, отчего не пойти? У нѣмцевъ, говорю тебѣ, ежегодно десятки миллионъ пудовъ удобренія изъ камня готовятъ... Не дураки же вѣдь. И у насъ камня этого много, пропасть, видимо-невидимо, цѣлые города есть, что этимъ камнемъ вымощены. Отчего не пойти? Ну, самъ видишь, рожь не хуже, чѣмъ на навозѣ. Вѣдь ты знаешь, что здѣсь навоза не было положено, земля „прусская“, двадцать-пять лѣтъ, съ „Положенія“, навоза не клали, облога была, трава совсѣмъ выродилась, въ прошломъ году лѣтъ по пласту былъ. Вотъ только-что переломъ.

— Знаю, что „прусская“ и до „Положенія“ сюда навоза рѣдко попадало. Переломъ-то—переломъ, извѣстно на „перееловѣвшей“ землѣ хлѣбъ всегда родится, но все же навозца потрусить нужно. А здѣсь вѣдь, мы знаемъ, навоза не положено, да и уголь, гдѣ нѣмецкой землей посыпано, отмѣнный: какъ отрѣзано, и въ ту сторону, и въ другую. Удивленіе! Мнѣ Потапычъ говорилъ: сходи, говорить, посмотри: въ длину 20 сажень, въ ширину—10 сыпали.

— Нѣтъ, въ ширину не 10, а 11 сажень.

— Ну, все равно.

— Нѣтъ, не все равно. Какъ все равно? Нѣтъ, ты поди отмѣрай шагами отъ угла по то мѣсто, по которое рожь отмѣнна.

И я заставилъ мужика смѣрять шагами то мѣсто, на которомъ рожь „отмѣнна“. Я это заставлялъ нынче дѣлать всякаго, кто соглашался поѣхать со мной посмотреть рожь на участкѣ, удобренномъ фосфоритной мукой. Приѣзжаю къ участку, прошу указать, гдѣ рожь хороша—различіе было такъ велико, что каждый, каждая барыня даже, могъ отличить на глазъ, гдѣ рожь лучше,—и затѣмъ прошу отмѣрять шагами, гдѣ рожь отличается.

Я самъ не ожидалъ, что фосфоритная мука, приготовленная простымъ размолотъ нашихъ смоленскихъ фосфоритовъ, употребленная одна, безъ совмѣстнаго примѣненія навоза, хотя бы, положимъ, и на переломѣ, окажетъ такое поразительное, видимое на глазъ, дѣйствіе. Каждый день нынѣшнее лѣто я приѣзжалъ посмотреть участокъ, который былъ удобренъ фосфоритной мукой. Мой старый конь, неизмѣнный мой слуга при обѣздахъ по хозяйству, такъ привыкъ къ фосфоритному мѣсту, что когда я поворачивалъ въ ржаное поле, конь шелъ прямо въ опытной деся-

тинѣ и останавливался какъ разъ у того мѣста, гдѣ было посыпано фосфоритомъ — точно и онъ понималъ. Каждый разъ я слѣзалъ съ бѣгунковъ, обходилъ участокъ, и—каюсь—идя, про себя попуткомъ считалъ шаги. Глазамъ своимъ не вѣрилъ, думалъ, не сошелъ ли я съ ума, не помѣшался ли на этомъ фосфоритѣ; поэтому-то я и тащилъ каждого посмотрѣть рожь на фосфоритномъ мѣстѣ и обмѣрять шагами. Вы подумайте только: двадцать лѣтъ тому назадъ, еще въ 1866 году, я объѣздилъ нѣсколько губерній, разыскивая и изучая залежи фосфорита, четыре года занимался въ лабораторіи изслѣдованіемъ собраннаго, писалъ объ этомъ очень много ¹⁾. Дѣломъ тогда, повидимому, заинтересовались. Устроились заводы близъ Курска и стали готовить фосфоритную муку. Предположено было произвести обширные опыты въ казенныхъ фермахъ при сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Однако дѣло не выгорѣло, фосфоритная мука въ ходъ не пошла и заводы закрылись (см. мою статью: „О примѣненіи фосфоритовъ для удобренія“, въ „Земл. Газетѣ“ 1886, №№ 49, 50, 51 и 52). Только въ остзейскихъ провинціяхъ за эти двадцать лѣтъ начали прививаться привозимые изъ-за границы суперфосфаты—тоже приготовляемые изъ фосфоритовъ, которые оттуда, мало-по-малу, стали распространяться въ псковской губерніи и въ Бѣлоруссіи. Пятнадцатилѣтній опытъ собственнаго хозяйства убѣдилъ меня въ необходимости искать подсобнаго искусственнаго удобренія, и я вновь занялся фосфоритами. Въ 1884 г. я изслѣдовалъ залежи фосфоритовъ, указанныхъ мною въ рославльскомъ уѣздѣ еще въ 1866 году, въ 1885 году произвелъ первый опытъ удобренія подъ рожь, и успѣхъ превзошелъ всѣ мои ожиданія. Да и подумать только, какое это „большое дѣло“! У насъ масса пустопорожнихъ дикихъ, некультивированныхъ земель — пустошей, пустаковъ, кусточковъ, поросниковъ, хмыльниковъ, лѣсныхъ посѣчищъ, облогъ, лядъ и пр., въ одномъ дорогобужскомъ уѣздѣ наберется нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ такихъ некультивированныхъ, дикихъ земель, которыя, при содѣйствіи фосфорита, можно превратить въ культурныя. При содѣйствіи крестьянскаго банка, крестьяне могутъ дешево скупить такія земли. Кунили, сейчасъ расчистили, подняли по пласту ленъ. Вотъ земля и окупилась. По перелому не нужно навоза; я посыпалъ только фосфоритной мукой—хлѣбъ богатѣйшій. Не то что

¹⁾ Результаты этихъ изслѣдованій напечатаны въ Petersb. Akad. Bull., XII, 394, въ журналѣ „Сельск. Хов. и Лѣсов.“ 1867—68, въ моемъ отчетѣ: „О фосфоритахъ въ Россіи“, въ статьѣ: „Наши, вгунѣ лежащія, богатства“, „Слб. Вѣд.“ 1867, №№ 311, 312.

изъ степи, какъ теперь, будемъ возить хлѣбъ, а еще свой станемъ продавать нѣмцамъ...

Мужикъ остановился.

— Тридцать-четыре.

— Нѣтъ, у тебя шагъ малъ. Дай-ка, я отмѣрю... разъ, два, три... тридцать-три.

— Да, большое дѣло, если пойдетъ.

— Отчего же не пойдетъ? Помнишь, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, когда я прѣхалъ сюда и задумалъ сѣять ленъ по облогамъ, ты самъ, ты именно, говорилъ мнѣ, что здѣсь ленъ не будетъ родиться? Помнишь, говорилъ: „ничѣго не будетъ, никогда здѣсь льновъ не было и не будетъ!“ — помнишь?

— Какъ не помнить, помню.

— А теперь самъ ленъ по облогамъ съешь. Льномъ торгуешь, въ прошломъ году у меня же на 1.200 рублей льна купилъ.

— Да вѣдь не знали.

— То-то, вы ничего не знаете. Нѣучи, а думаете про себя много. Мы-ста, да я-ста! Мы—хозяева; мы около земли ходимъ. Точно, что ходите, да только безъ фонаря ходите. Ты, вотъ, вѣкъ лучину жегъ и еще бы вѣкъ жегъ, если бы тебѣ не дали за 2 копейки фунтъ керосина. Вы, вонъ, отъ прѣзки земли отказались, когда вамъ надѣлъ отводили.

— Пушной народъ былъ.

— А теперь не пушной? Нѣучи? Только думаете, что много знаете. Помните, какъ градовой агентъ васъ училъ?

— Помню.

— А вѣдь не страхуете?

— Да кто ее знаетъ...

— Ну да, знаю, „царю-Граду“ молитесь.

(11-го мая (обновленіе Царьграда въ 330 году) во многихъ деревняхъ крестьяне не работаютъ, молятся царю-Граду, чтобы онъ, батюшка, поля не побилъ. Молебны служатъ. Иной, можетъ быть, подумаетъ, что это празднуютъ Кирилла и Меѳодію, но очень ошибется.)

— Ну, что же? Какъ ты думаешь насчетъ фосфорита?

— Нужно испытать эту „приспориту“, какъ вы ее тамъ называете. Только, вотъ, солдатъ Акимъ говорить, что можно этой приспоритой землю испортить. Будетъ, говорить, сначала родить, а потомъ и перестанетъ: приспорита, говорить, весь соекъ, какъ есть, изъ земли вытянетъ.

— А ты и навозъ не забывай. Испортить землю фосфоритъ

не можетъ, а, напротивъ, *заправить*, но все же навозъ не слѣдуетъ забывать. Одинъ разъ фосфоритъ положишь, другой разъ, — а потомъ навозъ. Вѣдь ты возилъ на поле болотную землю — польза?

— Какъ же, возилъ. Польза есть.

— Что же ты думаешь, что одной болотной землей все и будешь удобрять? Вѣдь нужно и навоза положить.

— Знамо дѣло, что нужно и навоза.

— Ну, то-то же! А въ фосфоритъ — конечно, гдѣ онъ требуется, нужно испытанія дѣлать — еще болѣе прока, чѣмъ въ болотной землѣ. Испортить имъ пашню нельзя, а польза — сама видишь — отъ него большая можетъ быть. Вотъ хорошо будетъ, если послѣ фосфорита клеверъ посѣять, дать годика хоть два полюбѣть землѣ, а потомъ ленъ, подъ рожь — опять фосфоритъ, а тамъ — навозъ. Вотъ вы теперь прикупили земли на четвертое поле, — можно часть и подъ клеверъ запустить, какъ я дѣлаю. Клеверъ — кормъ конямъ и скоту, навозъ, хлѣбъ. Будете болотной землей удобрять, фосфоритомъ и навозомъ не забывать — лишній навозъ подъ коноплю, подъ ячмень — такъ ваши поля заправите, что чудо! Будетъ хлѣба „и на сѣмены, и на ѣмены“, — и на продажу. А тамъ еще земли прикупить можно; банѣ опять поможетъ, коли хорошо будете выплачиваться. Когда-нибудь все мое Батищево купите. Купили же сосѣди бывшій княжескій хуторъ. Говорять, нынче на два года запасъ хлѣба сдѣлали.

— Нужно испытать... Ужъ вы, А. Н., выпишите и для меня мѣшечекъ этой земли. Чтѣ будетъ стоить — уплачу. Нужно испытывать.

Да, нужно испытывать и испытывать, а не разсуждать только теоретически. А то одинъ Акимъ говорить, что фосфоритъ — „пустяки“, „заблужденіе“; другой — что нужно употреблять суперфосфатъ, да еще на хорошей землѣ, да еще не иначе, какъ съ чилийской селитрой. Оказалось же, что фосфоритъ на нашихъ плохихъ земляхъ дѣйствуетъ превосходно, и вотъ третій Акимъ говорить, что это такъ только на первый разъ, что потомъ фосфоритъ землю испортитъ, весь сокъ изъ нея вытащитъ, и т. д., и т. д. Всѣ только умствуютъ, сидя въ кабинетахъ, тогда какъ нужно испытывать, толково испытывать. Не мало уже потеряно времени. Все дожидаемся, пока американецъ долбней по лбу не ударитъ.

Впослѣдствіи и еще крестьянинъ изъ сосѣдней деревни просилъ меня выписать для него мѣшокъ фосфоритной муки. Разумѣется, я былъ въ восторгѣ, потому что если мужики станутъ

примѣнять фосфоритную муку—дѣло сдѣлано. Въ то время у меня не было фосфоритной муки, потому что всю фосфоритную муку, полученную весной, я уже разсыпалъ, частью подъ овесъ, частью по вспаханному на зиму пару подъ рожь. Изъ слѣдующей выписанной партіи, которая пришла передъ мѣшанью, я далъ крестьянамъ два мѣшка. Одинъ изъ крестьянъ удобрилъ фосфоритной мукой ниву перелома, другой—ниву прѣсной земли. Осенью я поѣхалъ посмотреть, что вышло. Зеленъ на нивахъ, удобренныхъ фосфоритомъ, была отмѣнна, очень хороша.

Крестьяне, купившіе землю при содѣйствіи банка, этого по истинѣ благотѣлительнѣйшаго учрежденія, нынѣшній годъ ликовали. Земля отлично выручила. Хлѣба довольно. Эту прикупленную землю крестьяне какъ-то особенно любятъ, говорятъ о ней съ какимъ-то, если можно такъ выразиться, умиленіемъ. Постоянно думаютъ и заботятся о томъ, чтобы заработать денегъ и въ срокъ заплатить въ банкъ. Помѣщику за дополнительный платежъ работаютъ превосходно, всегда исправно являются на работы, дружно, всей деревней, по первому заказу.

Не хуже справились съ этимъ дѣломъ и другія деревни.

Двѣ деревни, Д. и Х., купили у того же помѣщика отличную пустошь. И дешево купили—что-то около 27 рублей за десятину. Эта покупка еще лучше, чѣмъ покупка деревни Б. Прикупленная земля надолго обезпечиваетъ деревни Д. и Х., и если они хорошо ее разработаютъ,—а мѣсто превосходное для распашки,—то будутъ богачи. Для разработки этой пустоши примѣненіе фосфоритовъ будетъ имѣть громадное значеніе. Лишь бы только убѣдить крестьянъ. Купленная ими пустошь одной стороной межуется съ моей землей; съ другихъ же сторонъ межуется съ надѣлами деревень Д. и Х., которыя и раздѣлили пустошь такъ, что каждая деревня получила прилегающую къ ней часть. Когда-то здѣсь былъ хорошій березовый лѣсъ. Незадолго, должно быть, до „Положенія“ значительная часть рощъ была вырублена на дрова, которыя владѣлецъ хотѣлъ сплавить по Днѣпру на югъ, но операція эта не удалась. Дрова, говорятъ, такъ и погибли. Вырубленные пространства крестьяне раздѣляли на лѣда и пустошные покосы.

Съ „Положенія“, деревни Д. и Х. постоянно пользовались этою пустошью за то, что обрабатывали владѣльцу 6 или 8 круговъ. Сначала имъ предоставлялось раздѣлывать удобныя мѣста на лѣдѣ, то-есть выжигать и сѣять на пожогахъ хлѣбъ, чѣмъ крестьяне широко воспользовались, но потомъ воспрещено было рубить лѣсъ, расчищать и жечь лѣдѣ, такъ что крестьяне могли

пользоваться этою пустошью только какъ покосомъ и выгономъ. Владѣлецъ намѣренъ былъ сохранить, что осталось, стараго лѣса и вырастить новый изъ молодыхъ зарослей, что со временемъ могло бы быть выгодно, вслѣдствіе близости желѣзной дороги. Но изъ этого ничего не вышло. Лѣсъ постоянно рубили, и свои, и чужіе, кому только нужно, потому что дѣло заглазное, участокъ отдѣленъ чужими землями отъ хозяйства владѣльца; лѣсъ былъ безъ присмотра, да и вообще въ хозяйствѣ не было, какъ у насъ говорится, никакой строгости, то-есть порядка. Когда, когда, навѣждалъ лѣсной сторожъ или староста, но, конечно, что же онъ могъ досмотрѣть. Такъ, мало-по-малу, все, что было хорошаго въ лѣсу, выпустошили.

Когда крестьяне въ прошломъ году купили эту землю, она представляла, обыкновенную у насъ, дурно-содержимую пустошь, то, что называется „земля подъ кустарникомъ“. По мѣстоположенію и качеству земли участокъ очень хорошій и купленъ 27 рублей за десятину—очень дешево. Я говорю: *дешево* не потому, чтобы цѣна была ниже среднихъ у насъ цѣнъ на пустошные земли. Въ этомъ смыслѣ—ни дешево, ни дорого. Пустошные земли цѣнятся у насъ, въ среднемъ, не дороже 25 рублей за десятину, и это хорошія пустоша; плохія же, поросшія бѣлоусомъ, кустарникомъ, и еще того дешевле—10—15 рублей за десятину. При покупкѣ же цѣлыхъ имѣній, и хорошія пустоши, но запущенныя, нечистыя, въ родѣ той, какую купили деревни Д. и Х., цѣнятся въ общей сложности дешевле 25 рублей. И если считать по доходности для землевладѣльца, то такія пустоши болѣе и не стоятъ. Оставленныя въ дикомъ состояніи, сильно заросшія уже послѣ „Положенія“, нерасчищаемыя,—что же могутъ давать эти пустоши владѣльцу, особенно если не входятъ въ составъ хозяйства и не могутъ быть утилизированы даже для выгона? Такіе „отрѣзки“ только и даютъ доходъ—въ видѣ работы,—когда затѣсняютъ крестьянъ и необходимы имъ потому, что податься некуда. Конечно, если воздѣлать эти пустоши, то онѣ могутъ дать громадный доходъ. Но чтобы привести такія земли въ дѣлу, нужно затратить и капиталъ, и энергію...

Для крестьянъ же—совсѣмъ другое дѣло; для нихъ покупка пустошной земли по 25—27 рублей дешева, потому что они имѣютъ возможность „привести землю въ дѣлу“. Притомъ же, покупаютъ крестьяне въ кредитъ при содѣйствіи банка.

Я давно и много говорилъ объ этомъ въ моихъ письмахъ, печатавшихся въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Я всегда былъ убѣжденъ, что только съ переходомъ въ крестьянскія руки эти

земли будутъ воздѣланы, и не видѣлъ никакой возможности, чтобы это сдѣлалось, пока земли будутъ въ рукахъ владѣльцевъ. Хозяину не трудно было предвидѣть, какое благодѣяніе для страны будетъ, если эти земли перейдутъ въ руки крестьянъ, которые приведутъ ихъ въ культурное состояніе, — а они одни только и могутъ это сдѣлать. Великое дѣло — учрежденіе крестьянскаго банка!

Мнѣ часто приходилось говорить съ крестьянами деревни Д. по поводу покупки пустоши. Обѣзжая свою землю, я часто ѣзжаю и на эту межующую со мной пустошь, изѣздивъ ее во всѣхъ направленіяхъ и знаю ее хорошо. Мѣсто прелестное въ хозяйственномъ отношеніи, даже красивое. Есть ручеекъ, есть хорошій оврагъ, кое-какой лѣсикъ, пустошки возвышенныя есть, самыя хлѣбородныя мѣста, — разумѣется, по нашему, по смоленскому. Если кому купить въ собственность, построиться да распахать — можно хозяйство вести, двѣ деревни въ рукахъ, за „вскокъ“, что наработаютъ. Только, вотъ, денегъ ни у кого нѣтъ!

Проѣзжая по пустоши, я часто встрѣчалъ тамъ, особенно въ покосъ, крестьянъ, которые мнѣ всѣ, какъ ближайшіе сосѣди, хорошо знакомы.

Давно уже совѣтовалъ я крестьянамъ купить эту пустошь, которую, я зналъ, продадутъ рублей за 25 — 30 десятину. Крестьяне обыкновенно говорили, что дорого.

— Дорого! Двадцать-пять рублей за десятину — дорого! Да вѣдь „въ вѣчность“ купите! И дѣти, и внуки, и правнуки ваши будутъ за это поминать васъ. Сколько лѣтъ послѣ „Положенія“ вы за пользованіе этой пустошью работали барину, а пустошь все же его, а не ваша. А купите въ вѣчность — всегда ваша будетъ. Да и пользуетесь какъ... только покосомъ, выгономъ; покосы вы не расчищаете, заросли на ляда жечь не можете, пустошной лѣсъ въ порядокъ привести не можете, словомъ, не можете „привести землю въ дѣлу“. Стоить пустырь, — пустыремъ всегда и останется, только конокрадамъ убѣжище. Пустота, дичь. И чѣмъ дальше, тѣмъ хуже покосы будутъ заростать, травы будутъ выраживаться, косить станеть нечего, будутъ только кусточки для выгона, а работать вы за нихъ будете все то же, потому что вамъ безъ этого выгона трудно обойтись. Купите-жъ, разъ заплатите; можетъ, баринъ въ разсрочку продастъ на отработку. Трудно, положимъ, будетъ, но зато земля ваша будетъ въ вѣчность. Вы ее скоро къ дѣлу приведете.

— Знамо дѣло.

— Лѣсъ приведете въ порядокъ, и что закажете на дрова, то

будеть расти. Вамъ подь рукою—деревней усмотрите, чтобы никто не рубилъ. Вонъ, по оврагу крутая сторона, только подь лѣсъ и годится; какой тутъ прежде лѣсъ стоялъ, а теперь что—однѣ баклуши да кустарникъ. Опять оврагъ: если его расчистить да ручью ходъ дать—какой покосъ будетъ. А и работы, если всей деревней выйти, всего на какихъ нибудь два-три дня. Пустоши все возвышенныя, земля самая хлѣбопашественная. Покосы плохіе, вонъ уже часть стала заростать бѣлоусомъ; а если эти пустоши распахать—что тутъ хлѣба взять можно! Сейчасъ, по пласту ленъ. Къ году что на льнѣ взять можно,—втрое противъ того, что за землю заплатите. Вѣдь вамъ не батраковъ нанимать—сами обработаете съ семьями. Что ни возьмете за сѣмя и ленъ—все ваше; все же выгднѣе, чѣмъ на сторону въ заработки ходить. Видали, какой у меня подь Дѣдовымъ на пустоши ленъ былъ?

— Видали, какъ не видать! нарочно ходили смотрѣть.

— А здѣсь чѣмъ хуже мѣсто? Теперь, если по пластамъ даже овесъ посѣять—тоже хорошо будетъ въ году. Какой у меня овесъ былъ на Ивановомъ ладѣ, тоже навѣрно видѣли? А потомъ по перелому если-жъ посѣять!

— Извѣстно, на переяловѣвшей землѣ, да если еще навозцу потрусить, хлѣбъ будетъ добрый.

— То-то! Тутъ и говорить нечего. Если бы вы купили эту землю, въ нѣсколько лѣтъ всѣ деньги возвратили бы, а земля была бы ваша въ вѣчность. И дѣти, и внуки, и правнуки поминали бы. За 25—30 рублей десятина „въ вѣчность“!

— Да какъ купить-то? Откуда денегъ взять?...

Блеснула-было тогда надежда.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ разнесся слухъ, что одинъ изъ крестьянъ деревни Д., старикъ Антонъ Бабьякъ, долженъ получить двѣсти тысячъ. Разсказывали, что племянникъ Бабьяка, живя въ Москвѣ, при хорошемъ мѣстѣ, скопилъ деньжонокъ. Теперь этотъ племянникъ умеръ въ Москвѣ, и послѣ его смерти остался билетъ, по которому его дядѣ, Бабьяку, приходится получить двѣсти тысячъ. Выходить эти деньги для Бабьяка взялась его сестра, живущая въ Москвѣ въ прачкахъ.

Черезъ нѣсколько времени подъявился ко мнѣ и самъ Бабьякъ посоветоваться на счетъ своего дѣла. Изъ его объясненій я сначала было подумалъ, что ему достался по наслѣдству билетъ, на который палъ выигрышъ въ двѣсти тысячъ, но при дальнѣйшихъ объясненіяхъ я уразумѣлъ, что ему просто достался выигрышный билетъ, но Бабьякъ думалъ, очевидно, что всякій

выигрышный билетъ стоитъ двѣсти тысячъ. Я ему объяснилъ, что такое выигрышный билетъ, но Бабыякъ моимъ объясненіямъ не повѣрилъ и остался при убѣжденіи, что ему слѣдуетъ двѣсти тысячъ, которыя нужно только выходить. Изъ дальнѣйшихъ туманныхъ и таинственныхъ его объясненій я пришелъ къ заключенію, что, должно быть, билетъ получила его сестра, которой онъ далъ довѣренность. Бабыякъ, конечно, никакого представленія о двухъ-стахъ тысячахъ не имѣетъ, да едва ли даже умѣетъ считать до ста.

— Ну, что же ты будешь дѣлать съ деньгами, если выходишь двѣсти тысячъ?

— А первымъ дѣломъ куплю подѣ деревню С. пустошь. Потому, она намъ очень нужна. Тогда мы заживемъ.

— Ну, а еще что?

Ничего Бабыякъ болѣе придумать не могъ.

Однако Бабыякъ и до сихъ поръ ничего не выходилъ, а между тѣмъ открылось у насъ отдѣленіе крестьянскаго банка, и крестьяне, при содѣйствіи его, тотчасъ купили пустошь.

Распоряжаться пустошью они начали съ позапрошлаго, 1885 года. Тогда они могли воспользоваться только покосомъ и распахать лишь незначительную часть лужковъ. По пластамъ посѣяли—кто ленъ, кто овесъ. Первый годъ вышелъ неудаченъ, потому что въ прошломъ году яровое повсемѣстно пропало. Затѣмъ, часть рошницъ, что получше, крестьяне „заказали“, чтобы имѣть въ будущемъ дрова, и установили очень строгія правила противъ самовольныхъ порубовъ своими же однопоселенцами. О порубахъ чужими и разговора быть не можетъ, потому—кто же пойдетъ рубить на крестьянской землѣ; деревня и безъ сторожей усмотритъ, изловить и такую встрѣпку задастъ, что по смерти помнить будетъ. Кустарники и плохія заросли крестьяне вырубали въ прошломъ году на ляда, выбрали дрова, а въ нынѣшнемъ году подобрали, кто лядечками, кто грудками, сдѣлали, словомъ, хозяйственно, выжгли весной и посѣяли пшеницей, ячменемъ, а по снятіи этихъ хлѣбовъ—тотчасъ засѣяли рожью. Урожай на лядахъ въ прошедшемъ году, особенно ячменя, былъ очень хорошъ. Изъ вспаханныхъ въ позапрошломъ году нивовъ, въ прошломъ году я видѣлъ только одну, по перелому, засѣянную овсомъ, и овесъ былъ превосходнѣйшій. Правда, прошедшій годъ у насъ урожай яровыхъ былъ очень хорошій, а овса—превосходнѣйшій: у меня, напримѣръ, хозяйственная десятина, 3.200 кв. саж., дала на кругъ 24 $\frac{1}{2}$ четверти овса, чего еще ни разу не было за 16 лѣтъ моего хозяйства; были десятины, которыя

дали болѣе 35 четвертей. Къ сожалѣнію, на пустоши у крестьянъ только одна нива была засѣяна, а остальные пустовали, потому что въ позапрошломъ году былъ неурожай яровыхъ, — сѣмянъ къ прошлому году было мало, цѣна овса весною доходила до 6 рублей, да и то достать было трудно. У насъ было множество такихъ деревень, въ которыхъ яровыя поля, за недостаткомъ сѣмянъ, остались незасѣянными. На брошенныхъ прошлогоднихъ нивахъ, однако, трава выросла очень порядочная, чѣмъ крестьяне хотя немного выручили.

Вообще, крестьяне деревень Д. и Х. въ прошедшемъ году не такъ хорошо выручили съ купленной земли, какъ крестьяне деревни Б., которые купили пахатную землю, но зато же и за землю заплатили вдвое дешевле. Въ будущемъ же крестьяне съ свѣжей пустоши возьмутъ болѣе и могутъ отлично устроить хозяйство.

Вопросъ теперь въ томъ, какъ будутъ далѣе пользоваться крестьяне купленною пустошью. Понятно, что всѣ овраги, овражки и лощины должны идти подъ покосъ, потому что съ нихъ будутъ получаться хорошіе урожаи травъ; возвышенныя же мѣста, суходольные пустошные луга, дающіе плохіе укусы сѣна, слѣдуетъ распахивать, удобрять фосфоритомъ и, соединивъ съ полевыми землями надѣловъ, ввести посѣвы клевера. Очень интересно, какъ возьмутся крестьяне за это дѣло. Думаю, что хорошо, судя, по крайней мѣрѣ, по тому, съ какимъ интересомъ разспрашивали меня крестьяне о моихъ разработкахъ пустошей, чѣмъ я уже столько лѣтъ занимаюсь.

Въ теченіе моего шестнадцатилѣтняго хозяйства, я постоянно распахивалъ новыя земли: сначала облоги, т. е. запущенныя послѣ „Положенія“, вслѣдствіе уменьшенія запашекъ, полевыя земли, потомъ, когда всѣ облоги были распаханы — плохія пустоши. Обыкновенно я поступалъ, при разработкѣ этихъ луговыхъ земель, такъ: поднималъ облогу или пустошь и по пластамъ сѣялъ ленъ, иногда овесъ, иногда, но рѣдко, больше на пробу, рожь. Надежнѣе и выгоднѣе сѣять ленъ, а для крестьянъ ленъ и еще выгоднѣе, потому что для обработки его крестьянину не нанимать людей, все обрабатываетъ своей семьей по осени, въ глухое время, когда никакихъ заработковъ нѣтъ. Такъ какъ крестьяне не вѣрили, чтобы на плохихъ пустошахъ, дающихъ самыя ничтожныя укусы сѣна, могъ родиться ленъ, то я, послѣ перваго опыта, сдѣланнаго на свой страхъ, чтобы пріучить крестьянъ къ разработкѣ пустошей, поступалъ такъ: я давалъ землю и сѣмена съ тѣмъ, чтобы по осени крестьянинъ возвращалъ мнѣ сѣмена

вдвое. На это нашлись охотники, потому что ничего не нужно было затрачивать впередъ: ни сѣмянъ, ни аренды платить за землю. Такимъ образомъ, я получалъ около 10 рублей за десятину и распаханную землю; крестьяне же получали отличную плату за трудъ, такъ какъ на мое и ихъ счастье всѣ разы этотъ трудъ отлично удавался.

Послѣ льна или овса, посѣяннаго по пластамъ, по перелому, съ половиннымъ удобреніемъ, „потрусивши навозцемъ“, безъ чего нельзя, я сѣялъ рожь и всегда получалъ великолѣпнѣйшіе урожаи, гораздо лучшіе, чѣмъ получались на мягкихъ земляхъ, при болѣе сильномъ навозномъ удобреніи. Для того же, чтобы не слишкомъ увеличивать запашку и имѣть достаточно навоза для удобренія, распахивая каждый годъ извѣстное количество облогъ или пустошей и пуская ихъ подъ пашню, я засѣвалъ соотвѣтственное количество мягкой земли травами (смѣсю клевера съ тимоеежкой) на долгій срокъ—6 лѣтъ, чтобы потомъ эти залуженнѣйшія десятины, когда въ нихъ накопится азотъ, вновь распахивать подъ хлѣбъ. Опытъ показалъ, что находившіяся долгій срокъ подъ травами, отдохнувшія безъ культуры земли, накопившія азотистыя и перегнойныя вещества, точно такъ же, какъ облоги и пустоши, даютъ при разработкѣ отличные урожаи льна по пластамъ—и потомъ по перелому, съ половиннымъ количествомъ навоза—превосходные урожаи ржи.

Этой системѣ перемѣннаго хозяйства,—при которомъ идетъ правильный круговоротъ, причемъ истощенныя, относительно азота, культурой хлѣбовъ земли идутъ подъ травы, а обогащенныя азотомъ, залуженнѣйшія земли поступаютъ подъ хлѣбъ,—я обязанъ тѣмъ, что въ пятнадцать лѣтъ урожаи ржи у меня болѣе чѣмъ удвоились. Такъ, съ 1 хозяйственной десятины получилось ржи:

Въ 1869 году 9 четвертей 3 мѣры.

Въ 1870 „ 5 „ 3 „

Въ 1871 „ 5 „ 2 „

Среднее, за трезлѣтіе 1869—71 н.: 6 четвертей 5 мѣръ.

Въ 1884 году 12 четвертей 3 мѣры

„ 1885 „ 14 „ 7 „

„ 1886 „ 15 „ „ „

Среднее, за трезлѣтіе 1884—86 н.: 14 четвертей.

Слѣдовательно, теперь съ каждой десятины получается, въ среднемъ, на 7 четвертей 3 мѣры болѣе, чѣмъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ.

Послѣдуютъ ли крестьяне моему примѣру? Перейдутъ ли они къ той же системѣ? Будутъ ли они, разрабатывая пустошь, удоб-

рать ее навозомъ и въ то же время соотвѣтственное количество мягкой земли засѣвать травами? Теперь, прикупивъ пустошь, крестьяне, казалось, могли бы ввести эту систему, и, безъ сомнѣнія, это было бы для нихъ выгодно: количество кормовыхъ средствъ увеличилось бы, увеличилось бы и количество навоза, хлѣба стали бы родиться много лучше, особенно если ввести вспашку пара на зиму, ленъ и продукты скотоводства представляли бы доходную статью. При веденіи экстензивнаго навознаго хозяйства вся система была бы правильна и разумна; хлѣба, требующіе азота, чередовались бы съ травами, подъ которыми азотъ накапливается.

Однако я сомнѣваюсь, чтобы крестьяне ввели травосѣяніе, — по крайней мѣрѣ, не думаю, чтобы они это тотчасъ сдѣлали. Слишкомъ большая ломка въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Постепенно крестьяне дойдутъ до этого, но не сейчасъ. Конечно, они воспользуются, и хорошо воспользуются, прикупленную пустошь. Уже теперь они оставляютъ тотъ способъ пользованія, который практиковали до сихъ поръ, пока пустошь имъ не принадлежала и арендовалась ими изъ года въ годъ. До сихъ поръ, арендуя землю, крестьяне, не расчищая ея, пользовались ею только какъ покосомъ и выгономъ — способъ пользованія самый невыгодный. Купивъ пустошь, первое, чтѣ сдѣлали крестьяне — стали расчищать покосы, вырубать кусты и заросли, жечь ихъ на лядѣ и по пожогамъ сѣять хлѣбъ. Лядѣ всегда хорошо выручаютъ. Взявъ два хлѣба, крестьяне будутъ оставлять полядки заростать травами для покоса и выгона. Затѣмъ, возвышенные пустошные лужки крестьяне стали поднимать, чтобы сѣять по облогамъ ленъ. Въ прошломъ году ленъ не удался, но онъ точно также не удался на облогахъ, на полевыхъ земляхъ, какъ и на пустошахъ. Теперь уже посѣвъ льна по пластамъ на облогахъ и пустошахъ не новостъ въ нашихъ мѣстахъ. Неудача прошлаго года не остановить дѣла. Въ нынѣшнемъ году „придранныя“ нивки пустовали, по перелому не было посѣяно, потому что не было яровыхъ сѣмянъ; но одинъ изъ крестьянъ засѣялъ прошлогоднюю нивку по перелому овсомъ, и овесъ былъ превосходный, чтѣ, конечно, замѣтили и всѣ другіе. Этого примѣра достаточно...

Крестьяне будутъ драть пустошь подъ ленъ, а по переломамъ сѣять хлѣбъ — это несомнѣнно.

Конечно, такое экстензивное пользованіе пустошью не дастъ возможности извлечь изъ нея всю пользу, какую можно извлечь, но все же крестьяне и при такомъ пользованіи хорошо выручатся, съ лихвою выручатъ очень скоро тѣ 27 рублей, которые ими заплачены за десятину. Банкъ можетъ быть совершенно

спокоенъ за свои деньги. Деньги будутъ возвращены, а за благо-
дѣяніе, имъ оказанное, крестьяне вѣчно будутъ благодарить и
помянуть. „И это зачтется“!..

Если же, взявъ ленъ и хлѣбъ съ распаханыхъ пустошей,
просто-на-просто бросать нивы, подобно тому какъ были бро-
шены у насъ, послѣ „Положенія“, массы полевыхъ десятинъ въ
помѣщичьихъ хозяйствахъ, то нивы эти будутъ заростать (само-
сѣвомъ) травой и давать не худшіе урожаи травъ, чѣмъ прежде
получались съ пустоши. Черезъ нѣсколько лѣтъ опять можно
будетъ возвратиться къ тому же самому, опять поднять и взять
ленъ и рожь и т. д. Это, конечно, будетъ очень экстензивное
пользованіе, но все же оно интензивнѣе того, какое было при
арендованіи пустоши крестьянами изъ года въ годъ.

Наконецъ, и земля будетъ превращена изъ дикой въ болѣе
или менѣе культурную. Порослая кустарникомъ, дикая пустошь
превратится въ чистое пахатное поле или сенокосный лугъ. И
будетъ всей мѣстности „продуктъ“, какъ у насъ говорятъ, а это
здѣсь, при нашихъ сырыхъ почвахъ, имѣетъ первостепенное
значеніе. У насъ всякая вырубка лѣсовъ, кустарниковъ и расчистка
изъ-подъ нихъ земли благотворно вліяетъ на окрестныя поля и
выгодно отражается на урожаяхъ. Я это знаю изъ собственнаго
опыта: вырубка мною и расчистка на луга лѣса, узкой полосой
окружавшаго — и, замѣтите, съ сѣвера и востока — крестьянскіе
надѣлы, а также расчистка и раздѣлка облогъ и пустошей чрез-
вычайно хорошо повліяли и на мои, и на крестьянскія поля.
Весною наши поля просыхаютъ гораздо ранѣе, чѣмъ у ближай-
шихъ сосѣдей, гдѣ поля окружены зарослями и кустарниками.

Я говорилъ выше — сомнительно, чтобы крестьяне, прикупив-
шіе пустоши, скоро взялись за травосѣяніе и ввели многопольные
травяные сѣвообороты. Совсѣмъ другое относительно фосфоритной
муки. Я увѣренъ, что крестьяне гораздо скорѣе могутъ *вести*
въ употребленіе фосфоритную муку. Это дѣло гораздо проще,
чѣмъ введеніе травосѣянія и измѣненіе сѣвооборота, удобопонят-
нѣе, не требуетъ такой ломки въ крестьянскомъ хозяйствѣ, не
требуетъ согласія всего общества, притягиванія тѣхъ, которымъ,
по бѣдности или инымъ причинамъ, нельзя вводить травосѣяніе.
Тутъ каждый, кто понялъ выгоду дѣла, можетъ примѣнить
удобреніе фосфоритной мукой на своей нивѣ, не мѣшая другимъ,
никого не стѣсняя. Я говорилъ выше, что, когда явилась воз-
можность, крестьяне деревни Б. стали удобрять свои нивы тор-
фяной землей. Начали, конечно, богатые, семейные, а за ними,
не желая отстать, и бѣднѣе возили, кто сколько могъ. Наконецъ,

по моему мнѣнію, введеніе въ употребленіе фосфоритной муки теперь пока гораздо важнѣе, чѣмъ травосѣяніе (см. мою статью: „О примѣненіи фосфоритовъ для удобренія“ въ „Земл. Газ.“ 1886, №№ 49—52), потому что, *заправивъ землю фосфоритной мукой*, мы легко можемъ перейти къ болѣе интензивному хозяйству, какъ это дѣлается при разработкѣ „ландъ“ во Франціи.

Конечно, примѣненіе фосфоритной муки—дѣло новое; самъ я первый опытъ удобренія фосфоритной мукой произвелъ лишь въ 1885 году, и только въ нынѣшнемъ году примѣнилъ значительное количество—400 пудовъ. Но дѣло это должно пойти, не можетъ не пойти, непременно поидетъ. Нужно только поэнергичнѣе за него взяться и дать крестьянамъ возможность приобретать фосфоритную муку на мѣстѣ такъ же легко, какъ соль. Я говорилъ выше, что двое крестьянъ взяли у меня для испытанія по мѣшку фосфоритной муки и удобрили подъ рожь. Если и у крестьянъ фосфоритная мука такъ же себя оправдываетъ, какъ при моихъ опытахъ, то примѣру первыхъ послѣдуютъ и другіе, разумѣется, при извѣстной поддержкѣ, а затѣмъ примѣненіе фосфорита распространится въ округѣ. Нужно проповѣдывать и словомъ, и дѣломъ, раздавать въ кредитъ фосфоритную муку желающимъ, даже навязывать ее, наблюдать, чтобы она была правильно примѣнена къ мѣсту. Образованный классъ людей тутъ можетъ много сдѣлать.

Свои опыты примѣненія фосфоритной муки я и началъ потому, что совершенно убѣдился, что наши свѣжія земли, пустошныя и обложныя, которыя долго находились подъ травами, слѣдовательно накопили азотъ, все же требуютъ, хотя и половиннаго, навознаго удобренія, которое въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ своими минеральными веществами, а слѣдовательно можетъ быть замѣнено искусственнымъ, минеральнымъ тукомъ, для чего самое подходящее—мука изъ нашихъ фосфоритовъ. Опыты блестящимъ образомъ подтвердили эти предположенія и даже дали болѣе, чѣмъ я ожидалъ.

Опытъ удобренія фосфоритной мукой переломовъ изъ-подъ обложъ и клевера показалъ, что фосфоритная мука, употребленная подъ рожь, производитъ поразительное дѣйствіе и вполне замѣняетъ навозъ.

Еще важнѣе другой опытъ примѣненія фосфоритной муки на такой землѣ, съ которой послѣ разработки пустоши взято безъ удобренія навозомъ уже три хлѣба. У меня была старая пустошь, давно уже разработанная изъ-подъ лѣса, такъ что пни совершенно выгнили. Трава на этой пустоши уже выродилась, укусы сѣна получались самыя ничтожныя, часто и косить не стоило,

земля плохая, подзолистая, никогда не выдавшая навоза. Я началъ разрабатывать эту пустошь съ 1882 года. Съ части пустоши былъ взятъ по пластамъ ленъ и овесъ, потомъ, по перелому съ легкимъ навознымъ удобреніемъ—25 возовъ на десятину—взята рожь, по ржи посѣяны травы. Съ другой части пустоши взятъ ленъ, потомъ овесъ или яровая рожь, потомъ еще яровая рожь или овесъ—на разныхъ десятинахъ чередовались разные хлѣба. Взято три урожая безъ навоза; урожай льна былъ превосходный, но урожай хлѣбовъ былъ плохой. Въ нынѣшнемъ году я обратилъ эту часть пустоши подъ рожь, въ предположеніи будущей весной засѣять травами. Половину земли я удобрилъ фосфоритной мукой (о томъ, сколько было высыпано фосфоритной муки и какъ, см. „Земл. Газету“ 1886), а другую половину, для сравненія, оставилъ ничѣмъ удобренной. Удобреніе фосфоритной мукой произведено полосами: полоса удобрена, полоса—нѣтъ, полоса удобрена, полоса—нѣтъ и т. д., всего 6 десятинъ: 3 удобрены, 3—нѣтъ. 4-го августа посѣяна рожь. Черезъ три недѣли, 26 августа, всѣ удобренныя фосфоритной мукой полосы отличались такъ, что каждый могъ ихъ указать. Осенью рожь на удобренныхъ фосфоритной мукой полосахъ была превосходная, такая же, какъ на самыхъ лучшихъ, сильно удобренныхъ навозомъ поддворныхъ ячныхъ нивахъ рядомъ лежащаго крестьянскаго поля. Большая проѣзжая дорога идетъ какъ разъ мимо этого поля и подлѣ удобренныхъ полосъ. Я поставилъ столбы съ надписями: „удобрено фосфоритомъ“, чтобы проѣзжающіе обращали вниманіе на это драгоцѣнное удобреніе.

Эти опыты совершенно убѣждаютъ въ возможности обойтись безъ навоза при разработкѣ нашихъ смоленскихъ пустошей и ограничиться, по крайней мѣрѣ въ теченіе первыхъ лѣтъ, примѣненіемъ одной фосфоритной муки.

Фосфоритная мука представляетъ могущественное средство для поднятія хозяйствъ крестьянъ, прикупившихъ, при содѣйствіи крестьянскаго банка, пустоши. Если крестьяне деревень Д. и Х. при разработкѣ пустоши примѣняютъ фосфоритную муку, то результаты будутъ громадные. До сихъ поръ эти крестьяне постоянно прикупали хлѣбъ для собственнаго потребленія, а тогда станутъ продавать. Примѣненіе фосфоритной муки на пустоши и вообще на прѣсной полевой землѣ дастъ имъ возможность усилить удобреніе навозомъ поддворныхъ ячныхъ нивъ и увеличить конопляники. Съ увеличеніемъ урожая хлѣба увеличится количество получаемой соломы, а слѣдовательно количество корма и навоза.

Вообще, въ нашей смоленской губерніи, думаю—и въ дру-

гихъ сосѣднихъ—примѣненіе фосфоритной муки представляетъ могущественное средство для поднятія хозяйствъ, въ которыхъ забота о навозѣ составляетъ главное, такъ какъ наши земли безъ удобренія ничего не дають. Замѣна навоза фосфоритомъ — а что такая замѣна при извѣстныхъ условіяхъ вполне возможна, доказываютъ мои опыты — сильно подниметь наши хозяйства, и мы тогда уже не будемъ кланяться „степи“, не будемъ ѣсть плохую сыромолотную степную рожь: къ намъ идетъ изъ „степи“ самый плохой хлѣбъ, котораго нельзя сбыть ни гнѣмцу, ни въ Москву, никуда, гдѣ нѣтъ такой нужды, какъ у насъ.

Не распространяясь далеко, возьму только нашъ дорогобужскій уѣздъ. По свѣденіямъ дорогобужской уѣздной земской управы, на 1883 годъ всей обложенной земли въ уѣздѣ—324.904 десятины. Изъ этого количества:

Земель 1-го разряда (заливныхъ луговъ) . . .	14.796 десятинъ, или	4,°/о
Земель 2-го разряда (усадебной и о которой не доставлено свѣденій)	11.099 „ „	3,°/о
Земель 3-го разряда (пахатной и пустошныхъ луговъ)	139.101 „ „	42,°/о
Земель 4-го разряда (подъ лѣсомъ и кустарникомъ)	159.908 „ „	49,°/о

Изъ этихъ данныхъ мы видимъ, какую ничтожную долю составляютъ въ нашемъ уѣздѣ заливные луга—всего $4\frac{1}{2}^{\circ}/о$, и это при такихъ почвахъ, которыя требуютъ неустаннаго удобренія навозомъ. Понятное дѣло, при такомъ недостаткѣ луговъ, какой же можетъ быть кормъ, какой скотъ, какой хлѣбъ! При самомъ благопріятномъ урожаѣ, крестьянамъ не хватаетъ хлѣба на прокормленіе, и въ концѣ зимы приходится уже прикупать. Хлѣбъ изъ помѣщичьихъ хозяйствъ раскупается тутъ же крестьянами и еще его не хватаетъ, такъ что ввозится много степного хлѣба. При малѣйшемъ же неурожаѣ—а это бываетъ очень часто—крестьяне начинаютъ прикупать хлѣбъ уже съ Рождества, и тогда масса дѣтей идетъ „въ кусочки“.

Во второмъ разрядѣ показаны земли усадебныя и такія, о которыхъ не доставало свѣденій; сюда отнесены 2.494 десятины помѣщичьихъ земель, за которыя владѣльцы должны платить по второму разряду. Это въ родѣ штрафа за невниманіе къ дѣлу, за неоставленіе свѣденій.

Къ третьему разряду отнесены пахатныя земли и пустошные луга, причемъ неизвѣстно, сколько именно пахатной и сколько пустошныхъ луговъ.

Къ четвертому разряду отнесены земли подъ лѣсами и кустарниками, и эти земли составляютъ 49,2⁰/о.

Такимъ образомъ, половина земли въ уѣздѣ находится подъ лѣсомъ и кустарникомъ, т.-е. вовсе остается некультивированною. Такъ какъ съ проведеніемъ желѣзной дороги лѣса сильно истребились и истребляются, огромныя количества ихъ, въ видѣ дровъ, досокъ, теса и т. п., ушли въ Москву, то можно безошибочно сказать, что большая часть земель 4-го разряда состоитъ изъ кустарниковъ, лѣсныхъ посѣчищъ, зарослей, выпустошенныхъ лѣсовъ, изъ которыхъ выбрано все, что есть хорошаго. Самое поверхностное наблюденіе при проѣздѣ по уѣзду показываетъ, что все это въ дѣйствительности такъ и есть, что огромное количество земель, принадлежащихъ владѣльцамъ, находится „подъ кустарникомъ“. Все это стоитъ безъ разработки, потому что землевладѣльцы не имѣютъ ни средствъ, ни охоты разрабатывать эти выпустошенные земли. Только послѣ перехода въ крестьянскія руки, эти выпустошенные лѣсныя земли могутъ быть разработаны сначала на лѣса, потомъ на пустошные луга, и, наконецъ, распаханы.

Если обратиться къ разсмотрѣнію земель, принадлежащихъ въ томъ же уѣздѣ крестьянамъ, то увидимъ, что у нихъ большая часть земель находится въ культурномъ состояніи.

По свѣдѣніямъ земской управы, въ нашемъ уѣздѣ крестьянамъ принадлежитъ 139.645 десятинъ, что составляетъ около 43⁰/о всего количества земли въ уѣздѣ. Изъ этого количества крестьянской земли:

Заливныхъ луговъ	7 ⁰ /о
Усадебной.	5 ⁰ /о
Пахатной и пустошныхъ луговъ.	76 ⁰ /о
Подъ лѣсомъ и кустарникомъ	12 ⁰ /о

Заливные луга составляютъ лишь небольшой процентъ, и если бы они были распределены равномерно, то получаемого съ нихъ количества сѣна только-что хватило бы для удобренія огородовъ, воноплянниковъ и поддворныхъ ячныхъ нивъ.

Главную массу крестьянскихъ земель составляютъ земли второго разряда (пахатныя земли и пустошные луга) — 76⁰/о. Но такъ какъ у крестьянъ въ надѣлахъ очень мало пустошныхъ луговъ, то большая часть земли изъ этихъ 76⁰/о находится подъ хлѣбами. И чѣмъ же удобрять эти земли? Конечно, сѣна съ заливныхъ луговъ не хватитъ. Недостающее количество сѣна дополняется тѣмъ, что крестьяне нанимаютъ у владѣльцевъ покосы или за деньги, или за работы, или, наконецъ, убираютъ

съ части. Поэтому у насъ выкашиваются всѣ луга; даже самые плохіе луга, состоящіе сплошь изъ бѣлоуса, не остаются неискошенными. Сѣномъ, получаемымъ съ владѣльческихъ луговъ, крестьяне восполняютъ отчасти недостатокъ сѣна съ надѣловъ. Но и при всемъ томъ, количество сѣна, накапливаемого крестьянами, очень недостаточно, и его хватаетъ лишь для овецъ, телятъ и лошадей, да и то только въ урожайные годы.

Некультивированныхъ земель у крестьянъ очень мало, и количество ихъ ежегодно уменьшается, потому что при первой возможности крестьяне разрабатываютъ свои кустарники.

Совершенно иное отношеніе въ распредѣленіи угодій у землевладѣльцевъ. Здѣсь главная масса земель находится въ некультурномъ состояніи— $76\frac{1}{2}\%$ —и лишь незначительная часть подлпшней и пустошными лугами— $18\frac{1}{2}\%$. Эти отношенія хорошо видны изъ слѣдующей таблички:

У землевладѣльцевъ:		У крестьянъ:	
Всей земли.	171.951 десятина	139.645 десятивъ	
Изъ этого количества:			
Культивированной (пахатной и			
пустошныхъ луговъ.	31.873 десят. ($18\frac{1}{2}\%$)	106.076 десят. (76%)	
Некультивированной (подъ гѣ-			
сомъ и кустарн.)	131.697 десят. ($76\frac{1}{2}\%$)	16.917 десят. (12%)	

Изъ этого видно, что у насъ хозяйство ведется, главнымъ образомъ, крестьянами. Владѣльцы же оставляютъ большую часть земель пустовать. Съ переходомъ этихъ пустопорожныхъ земель къ крестьянамъ при содѣйствіи банка, земли эти будутъ разрабатаны и приведены въ культурное состояніе.

Четвертая изъ смежныхъ со мною деревень, деревня О., принявъ въ товарищи нѣсколькихъ человѣкъ изъ другихъ деревень, купила при содѣйствіи банка цѣлый хуторъ. А и деревенька эта небольшая, и земли у нея немного. Но народъ бойкій, трудолюбивый, зажиточный. Еще прежде эта деревенька купила дешево небольшую выпустошенную лѣсную землю въ нѣкоторомъ разстояніи отъ деревни и раздѣлала ее на покосъ. Теперь же, какъ только открылось у насъ отдѣленіе крестьянскаго банка, деревня О., первая въ нашей округѣ, купила, при содѣйствіи его, землю, да еще цѣлый господскій хуторъ. А еще въ этой деревнѣ есть кабакъ, т.-е. не кабакъ,—я все забываю, что теперь въ Россіи нѣтъ кабаковъ,—а винная лавочка, такая лавочка, въ которой продають водку въ запечатанной посудѣ и пить ее тутъ не позволяютъ, такъ что купившій водку долженъ унести ее изъ лавочки

и распивать въ особой избѣ, специально для того предназначенной. Какъ называется эта изба — не знаю; мужики называютъ, по старому, кабакомъ все это учрежденіе, т.-е. лавочку и избу, гдѣ распиваютъ. Мужики увѣряютъ, что все это такъ устроено для удобства кабатчиковъ, чтобы ихъ не беспокоили пьяные. Прежде водку пили въ самомъ кабацѣ — ну, разумѣется, для кабатчика безпокойство. Выпьютъ, шумятъ, галдятъ, сквернословятъ, пѣсни поютъ, ссорятся, задерутся еще, а тамъ кто и до безчувствія напьется — убирай его; еще иной обопьется. Мнѣ много разъ приходилось слышать жалобы отъ кабатчиковъ на это безпокойство: „напьютъ на рубль, а насквернословятъ на десять; тутъ дочь — дѣвица образованная, въ училищѣ училась, неприятно!“ Большое безпокойство для самого кабатчика и въ особенности для м-ше кабатчицы. А у насъ, сколько я замѣтилъ главную роль въ кабакахъ играютъ м-шес кабатчицы, потому что большая часть мужчинъ кабатчиковъ-мужей — сами пьяницы, которые вѣчно находятся въ подпитіи: сидитъ у бочки — ну, и наспиртуется. Кабатчицы же не пьютъ и всѣмъ дѣломъ правятъ. Конечно, большое спокойствіе — ни шуму, ни ругани, чинно, благородно. Возьми водку въ запечатанной посудѣ — меньше полубутылки не отпускаютъ — и пей, гдѣ хочешь. Лѣтомъ, конечно, можно пить и на улицѣ, но зимой это не совсѣмъ удобно. Водка теперь вездѣ крѣпкая, въ 40⁰/₀, — прежде у насъ вездѣ была водка слабая, 27—30⁰/₀, дешевая, 3 р. 40 к. за ведро, — лавочка не отапливается, и водка имѣетъ почти ту же температуру, какъ наружный воздухъ, такъ что зимою, если внести водку въ комнату, то бутылка покрывается инеемъ. И вотъ такую-то, холодную, въ 15⁰, а можетъ 20⁰R, водку, да еще крѣпкую, да еще не менѣе полубутылки, нужно выпить на морозѣ. Тутъ, въ большой морозъ, и губы къ стакану примерзнуть. Специалисты говорятъ, впрочемъ, что холодная водка пьется легко, только горло пересѣкаетъ, почему зимой такъ много охрипшихъ до совершенной невозможности говорить. Говорятъ, что выпитая крѣпкая 40⁰/₀ водка, да еще холодная, дѣйствуетъ не вдругъ, но потомъ сразу разбираетъ сильно, такъ что если проѣздомъ остановиться, выпить на морозѣ одну-другую полубутылочку, то сначала ничего, а потомъ, какъ проѣдешь нѣсколько верстъ, сильно разбираетъ, до безчувствія — можно замерзнуть или обморозиться. Это всѣ говорятъ. Какъ ни нападаютъ на безчеловѣчность кабатчиковъ, но все-таки же и они люди, и у нихъ „Христокъ“ есть; они очень хорошо поняли, что пить холодную водку на морозѣ, на улицѣ, невозможно, вредно, — изъ гуманности устроили вездѣ около вин-

ныхъ лавочекъ избы, гдѣ можно распивать купленную водку, гдѣ есть и крючокъ, чтобы откупорить бутылку, и стаканчики, и закуски. Можно посидѣть, поговорить, выпить въ прохладу, не спѣша; мало — еще спросить; кто не любитъ ерѣвской водки — можно спросить дешевой, разбавленной водой.

И сначала не вѣрилъ, чтобы винныя лавочки были учреждены для спокойствія кабатчиковъ, — мужики всегда что-нибудь такое выдумаютъ, — но потомъ, когда распространились слухи, что скоро будетъ введена казенная продажа водки, то и мнѣ пришло въ голову, что эти спокойныя для кабатчиковъ винныя лавочки, вѣроятно, учреждены для того, чтобы постепенно готовить народъ къ благочинію въ кабакахъ. Понятно, что когда въ кабакахъ будутъ сидѣть казенные люди при формѣ, при какихъ-нибудь знакахъ, то шумѣть тамъ и сквернословить нельзя будетъ; безъ сомнѣнія, тогда будутъ требовать, чтобы при входѣ въ кабакъ снимали шапки, какъ теперь это требуется, напримеръ, въ аптекахъ; даже не казенныхъ учрежденій, а только привилегированныхъ.

Такъ вотъ и кабакъ въ деревнѣ, — а все-таки крестьяне не смилостились и купили цѣлый хуторъ. Хуторъ, который купили они, принадлежалъ когда-то одному князю, хорошему хозяину, главное имѣніе котораго и резиденція находились верстахъ въ 30 отъ этого хутора. Прежде на хуторѣ содержалось достаточно скота, сѣялся клеверъ, и хлѣбъ родился хорошій. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ я засталъ еще хорошее хозяйство на этомъ хуторѣ, хотя уже много полевой земли было запущено, и клеверъ перестали сѣять. При хуторѣ было много хорошаго березоваго лѣса. Затѣмъ, по смерти владѣльца, хуторъ былъ въ арендѣ, но баринъ-арендаторъ самъ въ немъ не жилъ, и хозяйство велъ староста. Хозяйство еще болѣе опустилось; стали заниматься льнами, чтобы утилизировать запущенныя послѣ „Положенія“ земли. Наконецъ, хуторъ этотъ, въ числѣ прочихъ имѣній, былъ купленъ купцомъ-лѣсоторговцемъ, который уничтожилъ хозяйство, вырѣзалъ лѣсъ на дрова и, наконецъ, продалъ крестьянамъ деревни О. Крестьяне начали распоразжаться на хуторѣ съ прошлаго года: распахиваютъ полевую землю, пользуются покосами и, главное, раздѣлываютъ вырубленныя рощи на лядъ, жгутъ и сѣютъ хлѣбъ. Говорятъ, что въ нынѣшнемъ году крестьяне получили хлѣба столько, что имъ на два года хватитъ. Работа идетъ усиленная. Такъ какъ въ сведенныхъ купцомъ рощахъ осталось много лома, макушки, негодныхъ на московскія дрова деревъ, то въ нынѣшнемъ году

крестьяне-владѣльцы сдаютъ подборку дровъ и всего, что можетъ годиться мужику въ хозяйствѣ, другимъ крестьянамъ.

Съ нынѣшняго года нѣкоторые крестьяне уже построились на купленномъ хуторѣ и переселились туда на жительство. Такимъ образомъ вырастаетъ новая деревня, а на старыхъ мѣстахъ съ выходомъ многихъ лицъ станетъ свободнѣе относительно земли.

Смѣшной казусъ случился только съ этимъ переселеніемъ. Я говорилъ, что крестьяне приняли товарищей изъ другихъ деревень. Выселились на хуторъ одинъ крестьянинъ изъ одной деревни, другой—изъ другой. Вышло такъ, что одинъ крестьянинъ былъ приходомъ въ одно село, другой—приходомъ въ другое село; самый же хуторъ, когда былъ за помѣщикомъ, былъ приходомъ въ третье село. Крестьяне у насъ очень держатся своихъ приходовъ, первыхъ, потому, что каждая деревня празднуетъ своему празднику—кто Покрову-батьшкѣ, кто Троицѣ-матушкѣ, кто Вознесенію—и имѣютъ соотвѣтственные свои образа; во-вторыхъ, потому, что у каждого въ своемъ приходѣ есть свои „могилы“, а крестьяне очень строго держатся поминовений по усопшимъ и каждую родительскую отправляются на могилы поминать родителей.

Каждый изъ выселившихся крестьянъ на праздникъ, чтобы освятить домъ, посылалъ попа изъ своего прихода—это еще ничего, потому что у насъ есть такія деревушки, въ которыхъ часть дворовъ приходомъ въ одно село, а часть въ другое; но вступился въ дѣло тотъ попъ, куда приходомъ былъ прежде хуторъ, и не дозволилъ другимъ служить.

— Моя земля, говорить,—разсказывалъ мнѣ одинъ крестьянинъ:—не позволю чужимъ на моей землѣ служить, образа отберу.

— Какъ отберетъ?—спрашиваю я.

— Такъ, говорить, не смѣютъ на моей землѣ служить, возьму образа „въ хлѣвъ“,—разсказывалъ мужикъ.

— Какъ въ хлѣвъ?

Я сначала не понималъ, но потомъ разъяснилось, что крестьянинъ примѣнилъ къ образамъ то выраженіе, какое у насъ обыкновенно употребляютъ, когда возьмутъ въ потравѣ лошадь. Обыкновенно говорить: „взялъ въ хлѣвъ“.

Такъ чужіе и побоялись служить. Крестьяне, говорятъ, наладили дѣло такъ, что пригласили отслужить въ новыхъ домахъ стараго заштатнаго священника, который не побоялся и отслу-

жилъ великолѣпно, — не то что попы новой формаціи, которые обыкновенно служатъ быстро.

— Такъ ужъ хорошо служилъ старый батюшка, такъ хорошо, — рассказывалъ крестьянинъ, — не то что молодые: по цѣлой свѣчѣ передъ образами за службу сгорѣло, вотъ эстолько не осталось, — и онъ указалъ на кончикъ ногтя.

Крестьяне всегда измѣряютъ службу количествомъ сгорѣвшей у образа свѣчи и сообразно съ этимъ опредѣляютъ, дорого ли беретъ попъ, или нѣтъ. Попы новой формаціи у насъ не возвысили цѣны за обыкновенныя службы, безъ которыхъ можно обойтись, — возвысили только цѣны на свадьбы и пр., — но служить менѣе, скорѣе: на четверть свѣчки, на осьмушку, — какъ выражаются крестьяне.

Потомъ вышло, говорить, разрѣшеніе крестьянамъ остаться при своихъ приходахъ.

Живутъ эти крестьяне хорошо, въ хлѣбъ не нуждаются, работаютъ какъ нельзя лучше и на старой надѣльной землѣ, и на вновь купленномъ хutorѣ, не упускаютъ, гдѣ встать, и подходящихъ заработковъ на сторонѣ — доски теперь зимой съ паровой молотильни на полустанокъ возятъ, хотя и невелика нынче цѣна за извозъ. Ничего не упускаютъ — „хоть маленькій барышокъ, да почаще въ мѣшокъ“, — деньги накапливаютъ въ „банку“ платить. Никогда эти крестьяне у меня ничего не работали, а нынче взялись сметать у меня въ стоги жнитво съ клеверомъ, и выполнили работу быстро, аккуратно, превосходно.

Я еще не видалъ, какъ раздѣляли крестьяне купленный хutorъ; въ будущемъ году, будемъ живы-здоровы, — думаю, пробраться туда съ фосфоритами. Эти, если поймутъ, да попробуютъ, да выйдетъ хорошо, — такъ у нихъ дѣло пойдетъ, — еще складъ фосфоритной муки на продажу откроютъ.

Пятая деревня Д., опять таки межующая со мною, тоже прикупила землю при содѣйствіи крестьянскаго банка. Эта деревня купила прилегающіе къ надѣлу „отрѣзки“, которыми и прежде пользовалась за послуги — работала круги — помѣщику, имѣніе котораго лежитъ въ нѣсколькихъ верстахъ. Имѣніе это купилъ купецъ-лѣсоторговецъ, который и продалъ крестьянамъ отрѣзки.

Крестьянамъ выгодно, когда имѣнія переходятъ въ руки купцовъ-лѣсоторговцевъ. Рѣдко, рѣдко купецъ станетъ вести самъ хозяйство. Обыкновенно, онъ тотчасъ же начинаетъ сводить лѣсъ, чѣмъ даетъ зимній заработокъ крестьянамъ, въ особенности возкой. Вырубленные пространства, кушчу не нужны — товарникомъ у насъ не занимаются, жженіемъ угля мало — со всѣмъ

ломомъ купецъ сдаетъ крестьянамъ на лядъ для выжега и посѣва по пожогамъ хлѣба, и опять-таки сдаетъ подъ работу, и не подъ лѣтнюю работу, а подъ зимнюю, что крестьянамъ на руку. Наконецъ, при содѣйствіи банка, купецъ продаетъ крестьянамъ ненужную ему землю.

Такъ отразилось въ нашихъ мѣстахъ недавнее открытіе у насъ крестьянскаго банка.

Отрадное впечатлѣніе производитъ это „большое дѣло“. Половина земель въ нашемъ уѣздѣ находится въ дикомъ, некультурномъ состояніи (кустарникъ, выпустошенные лѣса), но и затѣмъ еще изъ второй половины значительная часть находится въ самомъ экстензивномъ пользованіи, въ видѣ плохихъ пустошей, дающихъ самые ничтожные укусы плохого сѣна.

Въ ужасномъ видѣ находится наше несчастное дорогобужское хозяйство. Куда ни поѣдешь, всюду видишь печальную картину: кусты, заросли, пустоши, посѣчища и, какъ оазисы, топія поля. Только и радуется долина Днѣпра съ его прекрасными заливными лугами; здѣсь и поля, и скоть, и лошади—все иное.

Помѣщикамъ не съ чего подняться. Выкупныя свидѣтельства прожиты; деньги, полученные за проданные лѣса, прожиты; имѣнія большею частью заложены; денегъ нѣтъ, доходовъ нѣтъ.

Только крестьяне могутъ разработать эти пустующія земли, потому что ихъ рабочія руки—капиталь. Но крестьяне могутъ разработать эти земли только тогда, когда онѣ будутъ имъ принадлежать. Крестьянскій банкъ далъ „въ нашемъ мѣстѣ“ первый толчокъ этому дѣлу. Первый опытъ далъ блестящіе результаты. Возможность простого и дешеваго примѣненія для удобренія фосфоритовъ еще болѣе подвинетъ дѣло.

Интересно и весело смотрѣть на отношеніе крестьянъ къ вновь прикупленнымъ землямъ. Эти земли они особенно любятъ, на нихъ возлагаютъ надежды, съ гордостью смотрятъ на свои приобрѣтенія. Понятно, что прежде всего приобрѣтаются крестьянами самыя необходимыя для нихъ земли, о которыхъ они постоянно мечтали, которыя волей-неволей снимали у владѣльцевъ, отработывая за нихъ лѣтнія работы, трудныя для крестьянъ, мало полезныя для владѣльцевъ при теперешнихъ условіяхъ. Шла одна канитель. Банкъ всѣмъ развязалъ руки. Возможность приобрѣтенія земель при содѣйствіи банка здорово дѣйствуетъ, устраняя безплодныя, только раздражающія, неосуществимыя мечтанія о передѣлахъ, вольныхъ земляхъ и пр.

Забоятся крестьяне о своевременной уплатѣ въ банкъ очень,

боясь опоздать съ уплатой; зорко смотреть въ этомъ отношеніи другъ за другомъ и имѣють огромное нравственное вліяніе одинъ на другого, побуждая зарабатывать деньги и не упускать случаявъ, когда представляется какая-нибудь работа. Это особенно замѣтно на исключительныхъ для деревни безпечныхъ лѣтякахъ, которые обыкновенно ничего не дѣлали съ осени, пока есть хлѣбъ, и ни на какую стороннюю работу не шли. Мнѣ, какъ хозяину, требующему постоянно рабочей силы, въ особенности поденщиковъ, все это очень замѣтно. Нахожу даже, что живутъ крестьяне трезвѣе; прежде какъ-то больше спустя рукава жили. Есть хлѣбъ—ну и ладно: „хоть не уѣдно, такъ улежно“; а теперь не то—каждый заработать денегъ гонится.

Всѣ заплатили въ банкѣ своевременно и работы за дополнительные платежи исполнили хорошо. А между тѣмъ 1885 годъ былъ очень тяжелый,—сужу объ этомъ не по тому только, что видѣлъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, но и по тому, что испыталъ въ своемъ собственномъ.

Въ то время, какъ въ позапрошломъ году журналы толковали о перепроизводствѣ и ныли о дешевизнѣ хлѣба, у насъ крестьяне просто-на-просто голодали. Вотъ уже 15 лѣтъ, что я живу въ деревнѣ, прожилъ и тѣ года, когда у насъ рожь доходила до 14 рублей за четверть, но подобнаго бѣдствія, какъ въ зиму 1885—86 г., не видалъ. Я не знаю, что собственно на официальномъ языкѣ называется голодомъ и гдѣ граница между недостаткомъ хлѣба и голодомъ, но въ прошломъ году самъ видѣлъ голодныхъ, которые по два дня не ѣли. Такихъ голодныхъ, съ такимъ особеннымъ выраженіемъ лица, я давно уже не видывалъ. Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ рожь у насъ доходила до 14 рублей за четверть, такой голодухи не было,—не было такого множества ходящихъ „въ кусочки“, какъ въ прошломъ году. Не только дѣти, старики, женщины, но даже молодые дѣвушки и парни, способные работать, ходили въ кусочки. Положимъ, изъ ближайшихъ деревень, сосѣднихъ со мной, тѣхъ, которые прикупили земли, мало кто ходилъ въ кусочки: совѣстились, старались такъ какъ-нибудь пробиться, забирали подѣ работы, занимали, но изъ дальнихъ деревень ходили толпами, такъ что въ застойной, гдѣ подавать „кусочки“, было замѣтное увеличеніе расхода на муку.

Не знаю, какъ гдѣ, но у насъ въ предпрошломъ году рожь вовсе не была дешева,—нынче дешевле. Привозную степную рожь въ Вязьмѣ предпрошлой зимой продавали 6 р. 30 к. за четверть. Крестьяне массами отправлялись въ Вязьму покупать рожь. У насъ тоже степная рожь продавалась по 7 рублей, а весною

и дороже. Мѣстная сухая рожь продавалась 7 р. 50 к., подѣ весну—по 8 р. и дороже. Нельзя же эти цѣны считать дешевыми, и какихъ еще цѣнъ нужно! Разлакомились мы ужъ очень 14-ти-рублевыми цѣнами за четверть, какія были нѣсколько лѣтъ тому назадъ! Но вѣдь эти цѣны были исключительныя. Не очень давно, въ 70-хъ годахъ, обыкновенная цѣна на рожь у насъ была 7 рублей за четверть, а давно ли то время, когда рожь продавали у насъ 3—4 рубля за четверть.

Хотя урожай ржи въ прошломъ году былъ хорошій, выше средняго въ нашей округѣ, но зато всѣ другія хозяйственныя условія сложились самымъ неблагоприятнымъ образомъ.

Вслѣдствіе необыкновенной засухи травы уродились очень плохо, и хотя во время уборки стояла хорошая погода, такъ что съ покосомъ убрались рано и сѣно получилось хорошее, но его было чрезвычайно мало.

Яровые хлѣба тоже уродились плохо. Ячмень совсѣмъ пропалъ, такъ что многіе и сѣмѣнъ не возвратили. Овесъ тоже пропалъ. Вслѣдствіе неурожая яровыхъ хлѣбовъ не было и яровой соломы—главнаго корма для скота.

Значить—ни сѣна, ни яровой соломы; за все, про все должна была отвѣчать ржаная солома.

Ленъ, пенька тоже не уродились, а между тѣмъ это—главный продажный продуктъ, дающій крестьянамъ деньги.

Вслѣдствіе недостатка корма скотъ по осени былъ ни по чемъ, да и къ веснѣ цѣны на скотъ не повысились.

Заработковъ никакихъ. Даже заготовокъ дровъ для Москвы дѣлалось мало. Цѣны на вывозку дровъ, досокъ и пр., что составляетъ главный заработокъ крестьянъ, понизились до чрезвычайности, несмотря на дороговизну кормовъ и совершенный недостатокъ овса. Вслѣдствіе этого понизились цѣны на всѣ работы, главное же—никому рабочіе не были нужны, даже даромъ, изъ-за харчей. Чтобы добыть денегъ, крестьянамъ приходилось забирать впередъ деньги подѣ лѣтнія работы, въ большинствѣ, чѣмъ можно выполнить, количествѣ. Но когда хочется ѣсть, объ этомъ не думаютъ. Авось какъ-нибудь выполнимъ.

Ходили массами въ кусочки, но и въ міру плохо подавали.

Рожь была вовсе не дешева. Да, кромѣ того, рожь отвѣчала за все. За отсутствіемъ ярового—ни каши, ни крупника, ни лепешекъ, ни блиновъ, ни киселя. Одинъ ржаной хлѣбъ да картошка. Опять же нужно и свиненку, и куренку; овса нѣтъ—отвѣчаетъ ржаная мука. Сѣна и яровой соломы нѣтъ, слѣдова-

тельно, и конямъ, и скоту—рѣзка изъ ржаной соломы, посыпанная опять же ржаной мукой.

Ну, такъ и перебивались. Не дождали. Къ веснѣ, и на людей, и на скотъ смотрѣть страшно было. Лошади весною были въ такомъ видѣ, что пахарю приходилось только жаворонковъ слушать. Пройдетъ борозду и станетъ. „Ну, матушка! ну, матушка! ну!“—а матушка только хвостомъ помахиваетъ. И стой, слушай, какъ жаворонки въ поднебесѣхъ заливаются. Хорошо оно, весело жаворонковъ слушать, да не за сохою. Впрочемъ, пахать пришлось немного, потому что, за недостаткомъ яровыхъ сѣмянъ, большая часть полей осталась незасѣянною.

Отвалился скотъ—полегче стало. Осталась одна забота: прокормиться самому до „нови“. А много еще нужно, потому работа, день большой, хлѣба много требуется. Хотя и говорится: „придетъ весна, потеплѣетъ, люди подобрѣютъ“, но нынче и весною нѣто не подобрѣлъ. Подъ работы все забрано, что только можно взять. Тутъ ужъ на все бросались. Въ самую рабочую пору запрягаетъ мужикъ пару лошадей, ѣдетъ на паровую лѣсопилку, нагружаетъ два воза досокъ и тащитъ на полустанокъ. Цѣна извѣстно какая, когда мужику ѣсть нечего. Тащить на полустанокъ доски, лошадь по дорогѣ кормить—гдѣ пасти съпустить, гдѣ травки навесить подвѣчерь или ночью, гдѣ руками нарветъ. Привезетъ доски, свалить—сейчасъ расчетъ; купить муки и живеть недѣлю, а тамъ опять за доски. Хорошо еще, что были доски. Возка досокъ многихъ спасла. Съ нови всѣ возрадовались. Урожай ржи великолѣпный. Хлѣба—кому до нови хватить, кому до святой, самому бѣдному—до масляной. Долги всѣ отдали. Ячмень, овесъ, конопля, ленъ, что сѣялъ, уродились на славу—урожай небывалый. Ликуй, земледѣлецъ! Одно только плохо—заработковъ никакихъ опять нынче нѣтъ! Нѣтъ заработковъ, нѣтъ денегъ, а деньги требуютъ во всѣ концы, благо начальство знаетъ, что годъ нынче урожайный. А денегъ нѣтъ...

А. Энгельгардтъ.

Батищевъ.—15-го янв. 1887.

НА МОТИВЫ

изъ Стекивти.

I.

Я видѣлъ бабочку—ее поймали дѣти—
Какъ билася она о край злобѣщій сѣти!
Но тщетно: не могли несчастную спасти
Ея безплодные и слабыя усилыя,—
А злые шалуны, порвавъ бѣдняжкѣ крылья,
Кричали ей съ насмѣшкою:—Лети!

Такъ, сѣтью мелкихъ дразгъ, заботы повседневной
Опутанный, я бьюсь, но, крылья обломивъ,—
Не въ силахъ ужъ летѣть на радостный призывъ...
А вокругъ меня твердятъ съ ироніею гнѣвной:
— Ужели силъ въ себѣ не можешь ты найти?
Вотъ цѣль желанная! Лети же къ ней, лети!—

II.

Мнѣ снился сонъ: какъ будто вольной птицей
 Я къ высотамъ лазурнымъ поднялся...
 Обрывки тучъ вилися вереницей,
 Исчезло все: и горы, и лѣса.
 Невидимою силой увлеченный,
 Я все летѣлъ, но вдругъ ударилъ громъ, —
 И, молніи сіяньемъ остѣпленный,
 Безжалостно разбитый, пораженный,
 Я внизъ упалъ со сломаннымъ крыломъ...

Мнѣ снился сонъ: межъ рожью золотистой,
 Среди полей я выросъ василькомъ.
 Въ вечерній часъ, прохладный и душистый,
 Шептался я съ залетнымъ вѣтеркомъ.
 Среди ночей сіяніе зарницы
 Я наблюдалъ на небѣ голубомъ;
 Но часъ насталъ — пришли жнецы и жницы,
 И срѣзанъ я блистающимъ серпомъ...

Мнѣ снился сонъ: что будто бы тобою,
 Моя любовь, я также былъ любимъ,
 Что счастье, невѣдомое мною,
 Меня лучомъ коснулося своимъ.
 И плакалъ я, и вѣрилъ безотчетно!..
 И, пробудясь, печалью удрученъ,
 Я сожалѣлъ, что грѣза — мимолетна,
 Что это сонъ, не болѣе какъ сонъ!

О. М — А.

ДВОРЯНСТВО

ВЪ

РОССІИ

ИСТОРИЧЕСКІЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ОЧЕРКЪ.

III *).

Причины, вслѣдствіе которыхъ не могла образоваться аристократическая среда изъ потомковъ подчинившихся московскому правительству удѣльныхъ князей. — Незамкнутость всѣхъ слоевъ служилаго сословія. — Мѣстничество. — Іерархія московской службы. — Численность и распределение служилаго сословія по мѣстностямъ Россіи. — Постепенное перерожденіе этого сословія изъ ратныхъ людей въ холодовъ-помѣщиковъ. — Объединеніе служилаго сословія при Петрѣ Великомъ. — Освобожденіе дворянъ отъ служилаго тягла и дарованіе имъ сословныхъ правъ личныхъ и по управленію уѣздомъ. — Черты внутренняго характера нашего дворянства, оказавшія послѣдствіемъ его развитія въ исторіи. — Общій взглядъ на коренное различіе въ національномъ характерѣ народовъ западно-европейскихъ и русскаго народа.

Когда власть московскаго правительства стала окончательно укрѣпляться, большая часть удѣльныхъ князей, преклонившись передъ его могуществомъ, начала появляться въ Москвѣ и вступать по рядамъ съ великими князьями къ нимъ на службу. Такимъ служилымъ князьямъ или оставался въ видѣ вотчины удѣлъ, которымъ они прежде владѣли, или предоставлялась новая вотчина. Бывали случаи, когда московскіе великіе князья покупали чужія княжества у ихъ владѣльцевъ — и тогда послѣдніе

*) См. выше: апр., 581 стр.

обыкновенно, подъ именемъ окупныхъ князьковъ, оставались въ своей прежней волости, какъ въ вотчинѣ, съ которой они служили великому князю. Бывали случаи, что удѣльные князья, въ особенности если они были близкими родственниками великаго князя, завѣщали ему сами свои удѣлы, правда, озабочиваясь обыкновенно возложеніемъ на него и уплаты долговъ, которые послѣ нихъ оставались. Странно звучать цифры этихъ обязательствъ, ничтожныхъ по взглядамъ нашего времени. Князь Юрій Васильевичъ Дмитровскій, какъ видно по его духовной, оставилъ послѣ себя 752 рубля долгу, и притомъ большею частью подъ залогъ движимыхъ вещей, а князь Михаилъ Верейскій и того менѣе—267 рублей ¹⁾.

Земля и ея владѣтели переходили постепенно подъ власть великихъ князей Москвы. Поступая на службу, они сохраняли титулъ князей; титулъ этотъ представляется единственнымъ наслѣдственнымъ званіемъ, прошедшимъ черезъ всю русскую исторію съ самаго ея начала. Тѣ изъ нашихъ княжескихъ родовъ, которые принадлежать къ Рюриковичамъ, могутъ похвалиться одною изъ самыхъ древнихъ генеалогій по сравненію съ западно-европейской аристократіей, большая часть которой едва ли въ состояніи довести слѣды своего происхожденія до IX вѣка.

Благодаря происхожденію и наслѣдственному землевладѣнію, эти обломки независимыхъ княжескихъ родовъ, къ которымъ присоединились Гедиминовичи, выходцы изъ Литвы, и еще нѣсколько князей и инородческаго корня, представляли элементъ, изъ котораго могъ бы выработаться классъ высшей земельной аристократіи, съ политическими правами и самостоятельнымъ общественнымъ положеніемъ. Названіе пэровъ, которое мы встрѣчаемъ на Западѣ, гораздо болѣе подходило бы по существу къ потомкамъ нашихъ удѣльныхъ князей, чѣмъ къ западно-европейскимъ феодаламъ, такъ какъ послѣдніе хотя и были когда-то самостоятельными, но происходили отъ служилыхъ родовъ; а наши князья были одного корня съ великими князьями, которымъ подчинились. Но въ Россіи мы встрѣчаемъ обратное явленіе. Русскіе князья очень быстро и безъ особыхъ затрудненій освоились съ положеніемъ царевыхъ слугъ. Въ обращеніяхъ къ царямъ они стали называть себя холопами, какъ остальные служилые люди.

¹⁾ Стоимость денегъ была значительно большею въ то время, чѣмъ теперь; но если даже и допустить се въ сто разъ превышающую теперешнюю, какъ предполагаютъ нѣкоторые изслѣдователи, то и тогда упомянутыя цифры крайне скромны по размѣру.

Наиболѣе почетнымъ сдѣлалось званіе слуги, которымъ Иванъ Грозный отличилъ изъ среды бояръ князя Воротынскаго.

Принимая князей на службу, московскіе государи не давали княжескому титулу опредѣленнаго служилаго и общественнаго значенія. Многіе изъ княжескихъ родовъ занимали мѣсто въ спискахъ высшихъ чиновъ государства, но случались и захудалые рода, которые прозябали въ низшихъ слояхъ служилаго сословія. Разсыпавшись по всѣмъ ступенямъ іерархической служебной лѣстницы, потомки удѣльныхъ князей не представляли сплоченной группы. Цари старались отводить первое мѣсто личной службѣ. На этой почвѣ могла выработаться только служилая, а не родовая аристократія. Въ мѣстническихъ служебныхъ счетахъ титулъ князя также не имѣлъ равно никакого вѣса; если князья не могли похвалиться первенствомъ службы предковъ, они должны были уступать мѣсто простымъ, не-титулованнымъ боярамъ.

Ослабленію престижа княжескихъ родовъ много содѣйствовало чрезмѣрное изобиліе князей. Отъ XI-го до XV-го столѣтія племя Рюриковичей чрезвычайно размножилось: однихъ князей этого корня было, по исчисленію г. Загоскина, 167 родовъ. Многіе поступали на московскую службу уже захудалыми изъ-подъ служилаго ярма какому-нибудь мелкому князьку, какъ напр. предокъ вѣтви князей Масальскихъ - Колодѣ, которому у князя Воротынскаго были „приказаны собаки“, т.-е. завѣдываніе охотой. Многокняжіе вообще оставило дурную память въ народѣ. Глазъ общества приписывалъ справедливо этому явленію большую часть постигшихъ русскую землю бѣдствій. Вотъ указанія изъ относимаго къ XII-му вѣку извѣстнаго эпического творенія, „Слова о полку Игоревѣ“. „Тогда,—вспоминается въ пѣснѣ,—сѣяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Дажь-Божа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣщи чловѣкомъ скратишась“... „Усобица княземъ на поганья погипе,—говорится въ другомъ мѣстѣ,—рекоста бо братъ брату: се мое, а то моеже; и начаша князи про малое—се великое мѣвити, а сами на себѣ крамолу ковати; а поганіи со всѣхъ странъ приходяху съ побѣдами на землю рускую“. Еще разъ повторяется та же жалоба на крамолы княжескія въ другомъ мѣстѣ съ прибавленіемъ выраженій общей скорби: „тоска разлилася по русской земли; печаль жирна тече средь земли русской“. Очевидно, княжескія усобицы составляли наболѣвшій мотивъ въ сознаніи народа. „О стонати русской земли, поманувше первую годину и первыхъ князей! Того стараго Владимира (Мономаха) не лѣзъ бѣ пригвоздити къ горамъ кievскимъ“, —сожалѣеть вѣщее слово. Оно оказалось предсказаніемъ. При-

шли еще татары—и стонъ русской земли усугубился. Какое же побужденіе могли имѣть русскіе люди, чтобы поддерживать маленькихъ князей противъ великой Москвы, исполнявшей внутренней завѣтъ народа, объединяя и укрѣпляя Русь?

А безъ поддержки народа князья не могли сдѣлаться ничѣмъ инымъ, кромѣ холопей государя, потому что, проведя весь вѣкъ въ безцѣльныхъ распряхъ, не создавъ ни единого, сколько-нибудь сближавшаго ихъ принципа, они отличались полнымъ отсутствіемъ солидарности. Столкновѣнія—не только князей, но и вообще бояръ—съ властью носятъ характеръ такихъ же несерьезныхъ, случайныхъ домогательствъ, какъ и усобицы удѣльнаго времени. Поднялся въ XIV-мъ вѣкѣ въ Москвѣ извѣстный тысяцкій Алексѣй Петровичъ Хвостъ. Въ 1357 году, 3-го февраля, онъ былъ найденъ убитымъ на площади. „Нѣци глаголють,—прибавляетъ лѣтописецъ,—яко... всѣхъ бояръ общею думою убиенъ бысть, да яко же Андрей Боголюбивый отъ своихъ рабъ отъ Кучковичъ, тако и сій отъ своея дружины пострада“ (Воскр., 10). Соперничество бояръ между собою несомнѣнно помогало московскимъ правителямъ въ сосредоточеніи власти. О корпоративныхъ домогательствахъ не было и помину. Когда отдѣльныя лица московской знати входили въ силу во время малолѣтства царей, они распоряжались не какъ представители сословія и не въ интересахъ послѣдняго, а просто какъ временщики, думавшіе только о личномъ торжествѣ и счетахъ съ враждебными боярскими родами. Такъ было во время дѣтства Ивана Грознаго. Князь Овчина Телепневъ-Оболенскій, князья Шуйскіе, князь Бѣльскій и князья Глинскіе послѣдовательно захватывали власть, но они пользовались ею только для себя. „Свирѣпи, аки львовѣ, а люди ихъ, аки звѣри дивніи до крестьянъ“,—говоритъ про боярское правленіе лѣтописецъ. Оно окончилось мятежемъ, во время котораго убитъ былъ Юрій Глинскій. Впечатлѣніе, оставленное въ народѣ господствомъ бояръ, было таково, что юный царь на первомъ бывшемъ въ Москвѣ земскомъ соборѣ въ 1550 году просилъ на лобномъ мѣстѣ народъ забыть прежнія обиды и разоренія, вражды и тяготы, обѣщая быть самъ для всѣхъ судьей и обороной.

Примкнувшіе къ боярству служилые князья сливались, для народа, въ одномъ представленіи съ прочими боярами. Между тѣмъ нельзя сказать, чтобы боярство было особенно популярнымъ во времена московской Руси. Конечно, были люди, пользовавшіеся народной симпатіей, которыхъ народъ называлъ добрыми боярами, но зато народъ приписывалъ дурное, что дѣлалось на Руси, влиянію дурныхъ бояръ. Во время мятежа 1662 года, вызван-

наго затрудненіями отъ выпуска мѣдныхъ денегъ, народъ требовалъ расправы надъ измѣнниками: бояриномъ Милославскимъ, окольничимъ Ртищевымъ и гостемъ Шоринымъ. Когда въ 1679 г. явился въ Запорожьѣ самозванецъ Воробьевъ (иначе Матюшка), выдававшій себя за царевича Симеона Алексѣевича, то на козачьей радѣ произносились, между прочимъ, слѣдующія рѣчи. Кошевой атаманъ Сѣрко, называя самозванца многоцѣннымъ жемчужнымъ зерномъ и самоцѣтнымъ камнемъ, даннымъ съ неба Запорожью, разсказывалъ, что причиною ссоры, послужившей къ бѣгству царевича изъ Москвы, была будто бы произнесенная имъ угроза матери, царицѣ Марѣ Ильинишнѣ, перевести всѣхъ нежелательныхъ бояръ, въ особенности же Милославскаго. Скучность даровъ, присылаемыхъ козакамъ изъ Москвы, Сѣрко объяснялъ тѣмъ, что хотя царское величество милосердѣ къ козакамъ, много общается, но бояре и малаго не даютъ. При этомъ Сѣрко ссылался на авторитетъ царевича, но прибавлялъ, „что мы и сами это хорошо знаемъ“. Когда посланцы царя просили отправить мнимаго царевича къ государю, то атаманы отвѣчали: „если и тысячу человѣкъ съ нимъ пошлемъ, то на дорогѣ его отнимутъ и до царскаго величества не допустятъ“. Трудно себѣ представить, чтобы атаманы вѣрили въ подлинность царевича; послѣдній хвалился, что у него на тѣлѣ находятся царскіе знаки: вѣнецъ, орелъ, мѣсяцъ и звѣзда, а оказались у него на груди отъ одного плеча до другого восемь пятенъ бѣлыхъ, точно пальцемъ ткнуто, да на правомъ плечѣ точно лишай—широко и бѣло. Но упомянутыя рѣчи характерны, какъ мотивы, которые считалось нужнымъ развивать передъ толпою.

Посмотримъ теперь, каково было отношеніе къ служилымъ князьямъ московскаго правительства. Принимая ихъ на службу и предоставляя многимъ изъ нихъ выдающееся положеніе въ средѣ служилыхъ людей, правительство стремилось, по возможности, подчинить себѣ ихъ земельное достояніе, словно подозрѣвая въ нихъ воспоминаніе о прежней политической независимости. Первое распоряженіе XV вѣка о томъ, чтобы у бояръ отнимались вотчины, въ случаѣ отъѣзда въ другое княжество, относилось къ служилымъ князьямъ. Иванъ Грозный въ приговорѣ 1562 года установилъ существенныя ограниченія относительно права распоряженія и наслѣдованія въ ихъ старинныхъ вотчинахъ. Только сыновья служилыхъ князей имѣли безусловное право на наслѣдство; продавать вотчины, мѣнять ихъ, давать въ приданое и завѣщать пастырямъ (для поминовенія усопшаго — „душу строить“, какъ говорилось въ то время) было совершенно запрещено. Встрѣ-

чается, между прочимъ, случай запрещенія одному изъ князей носить титулъ по мѣстности родового удѣла. Царь Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ князю Ромодановскому не писаться Стародубскимъ (по имени прежняго удѣла—Стародуба Ряполовскаго на Клязьмѣ). Это показалось обиднымъ Ромодановскому, онъ подавъ царю слезное ходатайство о сохраненіи титула, прося умилосердиться, не отнимать у него—„старой нашей честишки“. Ходатайство было уважено, князю Ромодановскому оставлена была его „честишка“.

Царь Иванъ IV поднялъ гоненіе противъ бояръ. Поводомъ къ тому послужило не солидарное противодѣйствіе бояръ, о чемъ не было и помину, а непокорность ихъ, какъ отдѣльныхъ лицъ. Царь ожидалъ видѣть въ нихъ холопей, какъ они себя называли—вѣрныхъ, безропотныхъ слугъ; между тѣмъ поступки бояръ иногда расходились съ ихъ словами. Они таили про себя замыслы и расчеты, и когда послѣдніе сталкивались съ царской волей, бояре не всегда готовы были отдать ей первое мѣсто, какъ произошло, напримѣръ, когда во время болѣзни царя возникъ вопросъ о престолонаслѣдіи. Иванъ Грозный поставилъ себѣ цѣлью выбить эту черту изъ боярства. Вотъ смыслъ казней и опалъ, направленныхъ противъ бояръ.

Въ средѣ боярства служилые князья отнюдь не составляли сплоченной группы и дѣйствовали совершенно разрозненно. Трудно было обвинять ихъ въ какихъ-нибудь общихъ замыслахъ. Даже въ тѣ эпохи, когда московскій престолъ оставался безъ законнаго преемника, они не объединялись съ цѣлью посадить на царство излюбленное лицо изъ своей среды. Послѣ Ѳедора Ивановича русскую землю получилъ Борисъ Годуновъ, сильный родствомъ съ царицей, но не принадлежавшій къ боярской знати. Какъ видно по родословной книгѣ, составленной при Ѳедорѣ Ивановичѣ, Годуновы происходили вмѣстѣ съ Сабуровыми отъ Зернова, потомка татарскаго мурзы Чета, поступившаго при Калитѣ на московскую службу изъ орды. Изъ Годуновыхъ до Бориса былъ конюшимъ бояриномъ только дядя его Дмитрій Ивановичъ; это не помѣшало Борису забрать въ руки власть въ государствѣ, а затѣмъ и самый престолъ. Только послѣ низверженія перваго Лжедмитрія на престолѣ удалось сѣсть Рюриковичу—князю Шуйскому. Въ грамотѣ о воцареніи онъ не преминулъ напомнить о правахъ своихъ на царство. „Государство это даровалъ Богъ прародителю нашему Рюрику, бывшему отъ римскаго весаря,—писалъ онъ,—и потомъ въ продолженіе многихъ лѣтъ, до самаго прародителя нашего великаго князя Александра

Ярославовича Невскаго, на семъ російскомъ государствѣ были прародители мои, а потомъ удалились на суздальскій удѣлъ, не отнятіемъ или неволею, но по родству, какъ обыкли большіе братья на большихъ престолахъ садиться“. Онъ объявилъ въ той же грамотѣ, что обязывается никого не предавать смерти, не отнимать имѣнія у семействъ преступниковъ и ихъ родственниковъ, если они не участвовали въ преступленіи, „не осудя истиннымъ судомъ съ бояри своими“. Шуйскій успокаивалъ этимъ увѣреніемъ приближенный служилый кругъ, чтобы не было опасеній относительно возвращенія эпохи произвольныхъ опалъ и казней, отличавшихъ господство временщиковъ-бояръ во время малолѣтства Ивана Грознаго и позже—царствованія Бориса Годунова. Нѣтъ основаній предполагать, чтобы упомянутое обѣщаніе было результатомъ уговора бояръ съ Шуйскимъ. Онъ не былъ посаженъ боярами, онъ самъ посадилъ себя на царство. По замѣчанію келаря Авраамія Палицына, Шуйскій „малыми нѣвками отъ царскихъ палатъ излюбленъ бысть царемъ и никѣмъ же отъ вельможъ пререкованъ, ни отъ прочаго народа умоленъ“... „Не было совѣта со всею землею — и на Москвѣ не вѣдаху многіе люди“, — замѣчается по тому же поводу въ лѣтописи смутнаго времени („О многихъ мятежахъ“).

Прародительскія права на русскую землю оказались, однако, шаткими; просидѣвъ четыре года на престолѣ, Шуйскій, подъ давленіемъ общаго несочувствія къ его несчастному царству, долженъ былъ его оставить. Его паденіе совершилось необыкновенно просто—оно имѣло видъ переѣзда изъ царскихъ палатъ въ прежній его боярскій домъ. Мятежники собрались у Серпуховскихъ воротъ и постановили соборомъ отказать царю, потому что кровь при немъ напрасно льется и государь онъ несчастливый. Шуйскій подчинился этому требованію, переданному его своякомъ княземъ Воротынскимъ. Только черезъ два дня, 19-го іюня, бывшаго царя постригли и отвезли въ Чудовъ монастырь.

Послѣ Шуйскаго, „пока Богъ дастъ государя“, — какъ начертано было въ присяжной грамотѣ, приняла бразды правленія боярская дума: князь Мстиславскій съ товарищи. Доблестіе для состава пребывавшихъ въ Москвѣ бояръ было бы, если бы они не признали польскаго царевича Владислава Жигимонтовича; но они преклонились передъ обстоятельствами. Договоръ, заключенный боярами съ Владиславомъ, не содержалъ въ себѣ особеннаго расширенія правъ боярской думы, за исключеніемъ лишь обязательства не увеличивать налоговъ безъ согласія думскихъ людей. Обязательство—никого не карать, чести не лишать, въ ссылку не

ссылать, безъ вины великихъ чиновъ людей не понижать безъ слѣдствія и суда со всѣми боярами,—составляетъ, въ сущности, повтореніе въ нѣсколько расширенномъ видѣ общаія, даннаго Шуйскимъ. Еще думѣ предоставлено было рѣшать дѣла о наслѣдствахъ послѣ умершихъ бездѣтно, но это—мелочь. Во всемъ остальномъ бояре заботились только о томъ, чтобы дѣятельность думы продолжалась согласно съ обычаемъ московскаго государства. Аристократическая организація государства была настолько чужда Россіи, что боярамъ не пришло въ голову воспользоваться удобною минутой для установленія таковой по образцу Польши, откуда брали царя, но, напротивъ, держались какъ нельзя болѣе твердо чина своего царства.

Во главѣ земскаго движенія, спасающаго Россію, народъ увидѣлъ не великихъ бояръ, а малыхъ людей: стольника князя Пожарскаго и простого нижегородскаго гражданина Минина. Въ концѣ московской осады ратью Пожарскаго и Трубецкаго, произошла характерная картина. Стѣнные въ Кремлѣ поляки выпустили оттуда, чтобы избавиться отъ лишнихъ ртовъ, сначала боярынь, потомъ бояръ, и когда послѣдніе появились на Неглинномъ мосту, казаки стояли на-готовѣ, чтобы наброситься на нихъ съ цѣлью грабежа, и земскому ополченію Пожарскаго пришлось ихъ защищать. Отъ времени избранія царемъ Михаила Фёдоровича сохранилось указаніе, проливающее свѣтъ на отношеніе бояръ къ этому избранію. По словамъ Мельникова, Шереметевъ, въ письмѣ къ Голицыну, высказалъ слѣдующее мнѣніе: „Миша Романовъ молодъ, разумомъ еще не дошелъ и намъ будетъ поваденъ“. Вотъ чего искали бояре въ личности верховнаго правителя Россіи: не льготъ и милостей для сословія, а слабости и потворства ихъ личнымъ цѣлямъ ¹⁾.

Факты эти отнюдь не умаляютъ дѣятельности московской знати, какъ слугъ государевыхъ. Будучи постоянными сотрудниками царя, какъ органы высшаго управленія и члены его думы, они отслужили государству полезную службу. Они были на этомъ поприщѣ „разумными мужами и добрыми, надежными воеводами“, но когда бояре выступали не въ качествѣ царевыхъ слугъ, а самостоятельно, они оказывались людьми, преслѣдовавшими мелкія, личныя цѣли.

Этою же чертою отличалось мѣстничество, оригинальный продуктъ самобытной русской службы. Мѣстническіе счеты составляли въ теченіе московскаго періода, такъ сказать, конституцію боярской

¹⁾ Костомаровъ, „Ист. монографія“, т. VI, стр. 294; Латкинъ, „Земскіе соборы“, стр. 127.

и служилой жизни. Хотя начало это, основанное на родовых притязаніяхъ, не могло объединять служилого сословія въ солидарную группу, а скорѣе разбивало его по частямъ, но, какъ бы то ни было, оно затрудняло доступъ къ власти и почестямъ новымъ людямъ, которымъ надо было пробиваться черезъ сомкнутую толпу именитыхъ родовъ. Когда же при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ торжественно отмѣнено было мѣстничество, боярство потеряло окончательно почву. Правъ былъ окольничій начальникъ стрѣлскаго приказа, Ѳеодоръ Леонтьевичъ Щегловитовъ (болѣе извѣстный подъ именемъ Шахловитаго), когда въ 1687 году онъ, на возраженіе стрѣльцовъ, что противъ его замысловъ о вѣчаніи царевны Софіи царскимъ вѣнцомъ будутъ патріархъ и бояре, — отвѣтилъ: „патріарха можно перемѣнить, а бояре — отпадшее, заблое дерево“. Дѣйствительно, Петръ Великій, не отмѣняя даже боярства, просто прошелъ мимо него — и оно изъ жизни перешло на страницы исторіи.

Московское боярство въ теченіе царствованія Ѳеодора Алексѣевича, вслѣдъ за отмѣною мѣстничества, разрѣшилось на своемъ предсмертномъ одрѣ грандіознымъ проектомъ о великородныхъ вѣчныхъ намѣстникахъ. О судьбѣ этого неосуществившагося проекта сохранилось слѣдующее указаніе: „Совѣтовали государю палатные бояре, чтобъ въ его царской державѣ, въ Великомъ Новгородѣ, въ Казани, въ Астрахани, въ Сибири и другихъ мѣстахъ быть царскимъ намѣстникамъ великороднымъ болярамъ вѣчно и титла имъ отъ тѣхъ царствъ имѣть. Также и митрополитамъ писаться: митрополитъ новгородскій и всего поморія, казанскій и всего казанскаго царства. И на сіе дѣло государь изволилъ и тому всему, гдѣ кому быть, тетрадь за помѣтою думнаго дьяка къ св. патріарху прислана, чтобъ онъ на то дѣло дать благословеніе и въ исполненіи его помогать. Іоакимъ патріархъ еще и многую трудность имѣлъ отъ желающихъ этого, палатскихъ подустителей, но нисаеъ не допустилъ и возбранилъ всеконечно это дѣлать, для того, чтобъ учиненные вѣчные намѣстники великородные люди, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, обогатятся и пренебрегши московскихъ царей самодержавствомъ, не отступили и единовластія не разорили“.

Замѣчательно, что званіе намѣстниковъ, не развившееся въ предполагаемую боярствомъ великородную и вѣчную форму, употреблялось и ранѣе того московскими царями въ дипломатическихъ сношеніяхъ, въ веденіи которыхъ правительство XVII вѣка сильно заботилось внушить иностраннымъ государствамъ надлежащее понятіе о своемъ величій. Наименованія бояръ и околь-

ничихъ казались царямъ неподходящими для этой цѣли, какъ предметы домашняго обихода, а потому посланники, люди, которымъ поручались сношенія съ иностранными послами, и даже порубежные воеводы снабжались званіями вымышленныхъ намѣстничествъ. Въ Полномъ Собраніи Законовъ напечатана (т. II, № 715) интересная докладная записка при указѣ 16-го января 1678 года, въ которой наименованія эти распредѣлены, съ 15-го августа 1679 года, между разными приближенными царя. Какъ видно изъ указа 21-го марта 1679 года (П. С., II, 755), въ то время считалось невозможнымъ сноситься обыкновенными чинами даже съ малороссійскими гетманами. Для переписки съ Самойловичемъ окольничему Хитрову велѣно было называться намѣстникомъ ржевскимъ, а думному дворянину Змѣеву—намѣстникомъ серпуховскимъ, до тѣхъ поръ, пока они не поступятъ подъ начальство боярина Шереметева, а съ тѣхъ поръ не чинить особой переписки съ гетманомъ и намѣстниками не писаться. Самый громкій титулъ предоставленъ былъ для дипломатическихъ сношеній боярину Матѣеву, князю Василю Васильевичу Голицыну—царственныя большія печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегателя (указъ 19-го октября 1682 года—П. С., II, 958). Сверхъ того, Голицынъ назывался ближнимъ бояриномъ и большого полка дворовымъ воеводой и намѣстникомъ новгородскимъ. Итакъ, территоріальныя званія, которыя на Западѣ имѣли значеніе грозныхъ воспоминаній феодальнаго времени, въ нашей жизни получили характеръ мирныхъ декорацій, которыми старались украсить поприще московской государственной дѣятельности для иноземныхъ странъ и людей.

Нельзя отрицать въ московскомъ служиломъ сословіи гордости породю; оно иногда претерпѣвало въ мѣстническихъ счетахъ тяжелыя наказанія: заключеніе въ тюрьмѣ, битье батогами, ссылку и нныя послѣдствія царской немилости, не соглашаясь уронить своего рода принятіемъ мѣста неподходящаго достоинства. Но эта гордость не только не поддерживалась сознаніемъ общности всей знати, но, напротивъ, выражалась главнымъ образомъ въ соперничествѣ одного рода съ другимъ. Это была гордость происхожденіемъ или *отечествомъ*, какъ выражались въ то время. Посмотримъ, на чемъ она основывалась. При мѣстническомъ столкновеніи князя Волконскаго съ бояриномъ Головинымъ была произнесена боярами, производившими разборъ этого счета, знаменитая фраза, что „за службу жалуетъ государь помѣстьемъ и деньгами, а не отечествомъ“. Одинъ изъ почтенныхъ изслѣдователей организаціи боярскаго класса замѣтилъ по этому поводу, что едва ли

феодалный баронъ счумѣлъ бы аристократичѣе формулировать одно изъ основныхъ воззрѣній политической аристократіи. Мы не можемъ съ этимъ согласиться. Цѣлая пропасть отдѣляетъ корпоративный *point d'honneur* феодалнаго аристократа отъ служилой „честишки“ нашихъ бояръ. Для феодала вопросы фамиліальной гордости взвѣшивались независимо отъ служилаго значенія рода. „*Roi ne puis, prince ne daigne, Rohan je suis*“ — гласилъ извѣстный девизъ Рогановъ. Между тѣмъ „отечество“ нашихъ аристократовъ московскаго царства имѣло своимъ источникомъ служилое, а не иное прошлое рода. Нерѣдко Рюриковичи должны были уступать въ мѣстническихъ счетахъ людямъ не-княжескаго рода. Это произошло даже, какъ нарочно, въ томъ случаѣ, когда была произнесена приведенная фраза о значеніи отечества. Князь Волконскій признанъ былъ моложе боярина Головина, какъ это бывало и въ другихъ случаяхъ; напримѣръ, князь Литвиновъ-Масальскій долженъ былъ уступить думному дворянину Олферьеву-Безнину, бояринъ князь Дмитрій Пожарскій, освободитель Россіи — боярину Салтыкову. Побѣдители князей были въ этихъ случаяхъ вѣковѣчными слугами московскаго правительства, тогда какъ князья происходили отъ первыхъ правителей русской земли. Въ мѣстническихъ счетахъ не было, слѣдовательно, чистаго аристократизма, а только аристократизмъ служилый. Повидимому, существенное значеніе имѣло то обстоятельство, какъ принять былъ извѣстный родъ на службу. Удѣльные князья, приходившіе на службу въ Москву нерѣдко съ своими вотчинами, принимались съ большою честью. Бояре должны были передъ ними разступаться, но князья, которые ранѣе того захудали, принимались хуже и становились на службѣ младшими. Вѣроятно, имѣли значеніе и случайныя обстоятельства. Извѣстенъ разсказъ о томъ, какъ Федоръ Сабуръ на свадьбѣ князя Патрикѣева, литовскаго выходца, женившагося на сестрѣ (или дочери) великаго князя Василія Дмитриевича, сѣлъ выше старшаго брата Патрикѣева — князя Хованскаго, и, когда тотъ указалъ ему на младшаго брата, сидѣвшаго выше всѣхъ, Сабуръ отвѣтилъ: „у того Богъ въ кикѣ (намекая на его жену), а у тебя Бога въ кикѣ нѣтъ“. Въ послѣднее время московскаго царства мѣстническіе счета такъ перепутались, что въ нихъ стало положительно трудно разбираться. Иногда бояре мѣстничались даже не московскою службою, а службою удѣльнымъ князьямъ до перехода въ Москву.

Во всякомъ случаѣ, отечество, которымъ такъ хвалились московскіе бояре, было положеніемъ, приобрѣтеннымъ службою, но не было дѣйствительною аристократичностью происхожденія, при-

несенною на службу. Дѣйствительно, отечества не могъ дать правящій царь (хотя онъ могъ превознести своего любимца милостями, несмотря на отсутствіе отечества), но послѣднее было отраженіемъ служилаго прошлаго рода. Московскіе служилые люди потому такъ упрямо мѣстничались и докучали царямъ своими челобитными, что каждая уступка на этомъ поприщѣ, состоявшая изъ служилыхъ прецедентовъ, равносильна была проигрышу, не только для даннаго лица, но и для его потомковъ. Только объявленіемъ, что назначеніе сдѣлано не въ мѣсто, цари устраняли значеніе послѣдняго случая для служилой оцѣнки рода; иначе все служебное прошлое опроверживалось однимъ ударомъ.

Глубокое проникновеніе мѣстничества въ жизнь показываетъ, какъ сильно укоренилось въ обществѣ убѣжденіе, что средоточіемъ чести является царская власть. Мѣстничались не только бояре, но и дьяки (послѣдніе не родами, но старшинствомъ службы), мѣстничались гости съ дьяками, мѣстничались епископы и архіепископы. Всякій старался отстоять свое мѣсто или подняться мѣстомъ, потому что все достоинство его зависѣло отъ степени близости къ центру власти. Вблизи отъ царей мѣстничество доводилось до абсурда. Мѣстничались члены одного рода, и племянникъ доказывалъ свое первенство передъ дядей тѣмъ, что послѣдній—восьмой сынъ у отца, а онъ у отца первый сынъ, а дѣдъ племянника—большій братъ отцу дяди (мѣстническій счетъ князей Ромодановскихъ, — П. С., I, 77).

Передъ мѣстничествомъ останавливалось всемогущество московскихъ царей—такъ силенъ былъ этотъ обычай. Цари неоднократно нарушали мѣстническіе взгляды, безъ этого нельзя было обойтись; но все окружающее ихъ такъ пропитано было этими взглядами, что цари предписывали сами соблюденіе ихъ даже на низшихъ ступеняхъ служилой лѣстницы. Если кто могъ превознести служилаго человѣка выше его родового положенія, то только царь, а не воевода или осадный голова. Поэтому, какъ видно изъ разрядовъ, послѣднимъ предписывалось, чтобы „меньшія статьи дѣти боярскіе большихъ статей дворянъ выборныхъ и дѣтей боярскихъ лучшихъ не ослушивали“. Нельзя было давать младшимъ служилымъ людямъ даже и случая выдвигаться передъ старшими.

Откуда произошелъ обычай мѣстничества? Вопросъ этотъ имѣетъ цѣлую литературу, разобранную въ особомъ трудѣ г. Маркевича (О мѣстничествѣ, 1879). Мѣстничество является естественнымъ результатомъ условий, въ которыхъ выросло русское служилое сословіе. Сословіе это имѣло характеръ постепенной наносной формаціи. При легкомъ доступѣ въ дружину, а въ послѣдствіи

въ дворъ и служилую среду великихъ князей всякихъ постороннихъ элементовъ, кореннымъ боярамъ и служилымъ людямъ надо же было чѣмъ-нибудь защищать свое положеніе. Хорошо еще, когда было возможно отъѣзжать, но, во время усиленія Москвы, когда, съ постепеннымъ расширеніемъ территоріи, быстро нарасталъ контингентъ служилаго люда, не было расчета оставлять Москву и переходить въ особые княжества. Приходилось пускаться въ ходъ другое оружіе—и такимъ средствомъ явились традиции прошлаго: старшинство и давность службы. Когда отъѣзды стали прекращаться, традиции эти остались единственнымъ оружіемъ служилыхъ людей противъ обслуживанья новыми людьми. Благодаря этому обстоятельству и громадному значенію политической власти, зарождавшееся сознаніе фамиліной гордости естественно сосредоточилось у насъ на поприщѣ служебнаго честолюбія. Въ вызванной централизаціею власти упорной борьбѣ за положеніе, мѣстничество сдѣлалось излюбленнымъ средствомъ сопротивленія противъ наплыва новыхъ элементовъ. Это обстоятельство должно было содѣйствовать сохраненію мѣстничества: обычаи его были въ интересахъ сильныхъ. Даже для пробившихся сквозь мѣстничество новыхъ людей оно было желательнымъ принципомъ, потому что затрудняло другимъ доступъ къ высотамъ и помогало ихъ потомству сохраниться на нихъ безъ труда. Но, кромѣ того, при образованіи московскаго царства развитію мѣстничества благопріятствовали и другіе факторы жизни. Если мѣстническіе счеты и стѣсняли порою царей въ ихъ служебныхъ распоряженіяхъ, то на первое время они были небезполезны для царской власти, какъ средство разьединенія служилыхъ людей. Всѣ эти разнородныя условія поддерживали мѣстничество и дали ему почву для развитія.

Но когда государственная жизнь вошла въ правильную колею, мѣстничество стало бесполезнымъ и стѣснительнымъ явленіемъ. Правительство должно было стремиться къ полной свободѣ въ выборѣ своихъ слугъ. Впервые новое начало появилось на поприщѣ военной службы. Приговоромъ 1550 года Иванъ Грозный уничтожилъ право молодыхъ людей знатнаго происхожденія мѣстничаться съ воеводами менѣе знатными; право мѣстничества они получали только, когда сами становились воеводами, и въ этихъ случаяхъ прежняя подчиненная ихъ служба не должна была имѣть никакого вліянія; вмѣстѣ съ тѣмъ ограничено было число случаевъ, въ которыхъ воеводы разныхъ полковъ могли мѣстничаться. Съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе усиливалось число случаевъ частичной отміны мѣстничества объявленіемъ со стороны

царей, что служба должна быть безъ мѣстъ. Мало-по-малу начало это проникло и въ гражданскую, и въ военную государственную службу. По мѣрѣ того какъ постепенно расширявшіся потребности государственнаго дѣла вызывали необходимость въ дѣловыхъ людяхъ,—новая бюрократическая сила, въ лицѣ дьяковъ, этихъ дѣльцовъ московскаго царства, постепенно оттѣсняла родовую силу боярства. Постѣ отмѣны мѣстничества, приказная сила, превратившаяся, съ табелью о рангахъ Петра Великаго, въ бюрократическое чиновничество, сдѣлалась у насъ обычнымъ поприщемъ къ достиженію высшихъ должностей управленія.

Первоначально, дворянскою считалась, по преимуществу, военная служба; мы указывали уже, что въ официальныхъ актахъ XVI вѣка дворяне и дѣти боярскіе, какъ ратные люди, отличались отъ приказныхъ людей; первымъ принадлежало выдающееся мѣсто. Это вполне понятно. Чѣмъ моложе государство, тѣмъ болѣе значенія должно принадлежать въ немъ органамъ внѣшняго нападенія и защиты. Даже въ современной жизни можно квалифицировать подъемъ общественнаго положенія военного элемента, какъ доказательство стремленія даннаго государства разрастаться, какъ, напр., это видно теперь въ Германіи. Но понятно, что, по мѣрѣ развитія внутренней жизни, должны получать все большее и большее значеніе органы гражданскаго управленія. Въ царствованіе Михаила Федоровича, съ появленіемъ первыхъ признаковъ болѣе замкнутости военнаго служилого круга, въ видѣ запрещенія верстать въ дворяне и дѣти боярскихъ дѣтей неслуживыхъ отцовъ, сдѣлана была попытка возвысить и приказную службу. Указомъ 1641 года постановлено было не принимать въ подьячіе поповыхъ и дьяконовыхъ дѣтей, торговыхъ (даже гостинной и суконной сотенъ) и вообще посадскихъ и пашенныхъ людей (А. И., III, № 92, XXI). Указомъ 8-го февраля 1665 года подтверждено было не назначать въ подьячіе распоповъ и раздьяконовъ, т.-е. разстригъ (П. С., II, 369). Распоряженія объ образованіи приказовъ изъ служилой среды не получили, однако, безусловной силы. Извѣстенъ случай, когда до думнаго дворянства выслуживались посредствомъ службы въ думныхъ дьякахъ московскіе гости, напримѣръ отецъ и сынъ Кириловы. Отъ 23-го августа 1657 года сохранился указъ, данный разныхъ чиновъ служилымъ и жилецкимъ людямъ города Переяслава-Рязанскаго, выбрать трехъ подьячихъ, но не обязательно изъ ихъ среды, а изъ всякихъ людей, „у которыхъ отцы не въ казачьей, не въ стрѣлцкой и не въ пушварской службѣ, и не въ затынцѣвахъ, и не въ казенныхъ сторожахъ, и не въ тяглыхъ людѣхъ“; слѣдовательно,

могли быть избраны въ городскіе подъячіе и люди торговые, выписавшіеся изъ тягла, и гулящіе люди, какъ-то поповы и дьяконовы дѣти (П. С., I, 213). Допущеніе неслуживыхъ элементовъ въ приказную службу объясняется тѣмъ, что положеніе подъячаго было, конечно, настолько незаманчивымъ, что служилому чело-вѣку трудно было на него польститься. Дѣйствительно, жалованья положено было: по 10 рублей подъячимъ 1-ой статьи, 7 рублей—2-ой статьи, 5 рублей—3-ей,—очевидно, въ годъ (указъ 23-го августа 1657 года, П. С., I, 212). Что же касается высшего слоя служилого класса, то онъ брезгалъ даже положеніемъ дьяка въ московскихъ приказахъ. Ларіонъ Лопухинъ, бывшій жильцомъ, а потомъ московскимъ дворяниномъ, при составленіи Уложения 1649 года, билъ челомъ, чтобы его или написали въ Уложении особой отъ дьяковъ статей, или отставили отъ дьячества. Государь пожаловалъ его, велѣвъ ему впредь того, что онъ служилъ въ дьякахъ, не ставить въ упрекъ и безчестіе передъ его братіей дворянами, „потому что онъ взятъ изъ дворянъ въ дьяки по государеву имянному указу, а не его хотѣнемъ“. Наоборотъ, провинціальное дворянство домогалось бюрократическихъ должностей въ приказахъ, но, конечно, по преимуществу въ Москвѣ, а не въ городахъ. Для него должности эти имѣли значеніе ступени въ карьерѣ, средства пройти въ думные дворяне или даже въ окольничьи.

Отсюда видно, что, несмотря на неоднократныя запрещенія, приказная служба отнюдь не была замѣнутаю въ московское время. Черта эта распространялась, въ сущности, на все служилое сословіе. Незамѣнутасть составляетъ, безъ сомнѣнія, самую твердую и постоянную отличительную черту служилого слоя въ Россіи; она встрѣчается рѣшительно во всѣхъ періодахъ ея существованія. Во времена удѣльно-вѣчевыя, доступъ въ княжескую дружину, а впоследствии въ княжескій дворъ, былъ совершенно свободенъ; онъ оставался такимъ же и въ московскій періодъ; принципъ этотъ проявляется и въ примѣненіи въ боярской средѣ, которую цари любили разбавлять иноземными и инородческими элементами, чтобы не давать аристократической гущѣ застаиваться; наконецъ, табель о рангахъ, дѣйствующая со времени Петра I, открываетъ полный ходъ по ея ступенямъ людямъ—съ сословной точки зрѣнія—худороднымъ.

Прослѣдимъ примѣненіе этого принципа. Когда образовывалось служилое сословіе, въ составъ его принимались не только потомки прежнихъ дружинниковъ, бояръ и дворовыхъ людей удѣльныхъ князей, но и вообще земскіе и разнаго рода иные

люди. Такъ, послѣ завоеванія новгородской области въ 1476 году, тамъ были сдѣланы помѣщиками набранные изъ боярскихъ дворовъ послужилцы; выселенные изъ Вятки простые горожане были въ 1489 году надѣлены помѣстьями въ Боровскѣ и Кременцѣ, т.-е. сдѣланы служилыми людьми; когда, при Иванѣ Грозномъ, опредѣлена была уложенная служба съ земли, то въ служилое сословіе должны были, очевидно, попасть всѣ землевладѣльцы. Въ коренныхъ московскихъ областяхъ недвижимая собственность была сама по себѣ, въ большинствѣ случаевъ, служилаго происхожденія, но въ сѣверно-русскихъ народоправствахъ существовали, въ качествѣ землевладѣльцевъ, такъ-называемые земцы, которые послѣ присоединенія ихъ къ служилому сословию нѣкоторое время отличались отъ выводныхъ изъ низовыхъ (т.-е. московскихъ) областей служилыхъ людей. Напримѣръ, въ грамотѣ Ивана Грознаго 1555 года къ намѣстнику новгородскому Палещкому повелѣно было выслать на службу дѣтей боярскихъ и земцевъ (Д. А. И., № 65). Новгородскіе земцы не всѣ, однакожъ, были записываемы на службу; нѣкоторые попадали и въ черное тягло (Д. А. И., I, № 57). Такимъ образомъ, при образованіи служилаго сословія въ первыхъ приемахъ его организациі не было ни замѣнотости, ни исключительности.

Въ XVII вѣкѣ начинается то время московскаго царства, когда служилое сословіе, ставши многочисленнымъ, комплектуется уже не изъ постороннихъ элементовъ, а изъ своей собственной среды. Въ разрадахъ царствованія Михаила Феодоровича, напр., 124-го (1616) года можно найти приказъ царя о томъ, чтобы при раздачѣ помѣстій—„неслужилыхъ отцовъ дѣтей помѣстьемъ и деньгами не верстати“. Запрещеніе это проходитъ сплошь черезъ все столѣтіе, неоднократно повторяясь въ многочисленныхъ наказахъ о верстаніи. Дворянскимъ окладчикамъ, которые дерзнули бы нарушить такой запретъ, угрожалось великою опалою со стороны государя и жестокимъ наказаніемъ. Въ числѣ сословій, которыя не могли быть допускаемы въ служилую среду, поименовывались въ частности: поповскія дѣти (наказъ 20-го октября 1652 года и 31-го января 1660 года—П. С., I, 85 и 273), холопы боярскіе и пашенные мужики (наказы 1675- и 1678 года—П. С., I, 615 и 744). Далекіе отъ Москвы воеводы поморскихъ и сибирскихъ мѣстъ нарушали, однако, запрещеніе. Кузнецкій воевода сталъ приверстывать въ служилые люди ссыльных; царь подтвердилъ ему грамотой 30-го ноября 1670 года, что на мѣсто умершихъ и побитыхъ людей могутъ быть приверстываемы въ службу ихъ дѣти, братья и пле-

мянники, а отнюдь не гулящие или иные люди (А. И., IV, № 214). То же самое указано было грамотою 23-го мая 1673 года верхотурскому воеводѣ (А. И., IV, № 236).

Но цари не стѣснялись сами, когда въ томъ представлялась необходимость, пополнять служилый классъ новыми элементами. Запрещенія устанавливаемы были только для низшихъ органовъ. Включеніе въ служилую среду производилось отнюдь не за какія-либо заслуги, а по соображеніямъ посторонняго и случайнаго свойства. Въ Древней Вивліоніѣ упоминается указъ царя Алексѣя Михайловича 1659 года о раздачѣ денежнаго жалованья стрѣльцкимъ и вазачьимъ дѣтямъ, отцы которыхъ были въ 1650 году поверстаны въ боярскія дѣти (XX, стр. 157). Изъ грамоты 30-го ноября 1670 года видно, что составъ дѣтей боярскихъ въ сибирскихъ городахъ былъ верстанъ на Москвѣ изъ военно-плѣнныхъ польскихъ и литовскихъ людей. Вѣроятно, свои служилые люди неохотно отправлялись въ далекіе края, между тѣмъ московское правительство не знало, какъ утилизировать военно-плѣнныхъ,—этимъ, какъ слѣдуетъ думать, объясняется распоряженіе о зачисленіи ихъ въ служилые люди въ Сибирь. Точно также были посланы и въ Астрахань такіе же плѣнные литовцы: Алексѣй Званскій съ товарищами—для пополненія служилаго сословія. Но астраханскіе боярскіе дѣти обидѣлись за присоединеніе къ ихъ средѣ людей, которыхъ они называли мѣщанскими и гайдуцкими дѣтьми, и въ 1668 году послали къ царю челобитную, гдѣ просили разверстать ихъ съ ними,—„чтобы намъ, холопамъ твоимъ,—говорили они,—передъ своею братьею верховныхъ городовъ ими впредь въ безчестіѣ не быть“. Только получивъ эту челобитную, правительство признало нужнымъ привести въ извѣстность, имѣются ли у новыхъ астраханскихъ поселенцевъ, записанныхъ въ боярскія дѣти, надлежащія сказки о польскомъ шляхетствѣ (А. И., IV, № 206). Это, вѣроятно, единственные въ лѣтописяхъ исторіи примѣры образованія высшей среды общества изъ всего, что попадалось подъ руку.

При изданіи Уложенія 1649 года было въ послѣдній разъ предпринято зачисленіе на государеву службу лицъ, купившихъ вотчины. Статеею 37-й главы XVII Уложенія постановлено: „а которые патриарши же и митрополичи, и архіепископи и епископи дворовые люди, не служилыхъ отцовъ дѣти и не природныя боярскія дѣти покупали себѣ вотчины, и тѣхъ людей по тѣмъ вотчинамъ написати въ государеву службу въ города; а буде кто государеву службу дѣтей боярскихъ служить не похочетъ и у него купленная его вотчина взявъ отдать въ раздачу,

кому государь укажетъ". Послѣ этой мѣры могли оставаться во владѣніи неслужившихъ людей еще земли, которыя были изъ порожнихъ помѣстныхъ участковъ въ московскомъ уѣздѣ, Дмитровѣ, Рузѣ и Звенигородѣ проданы безъ ограниченія людьми служилаго званія еще при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ въ 1628 году (ст. 45—55, XVII главы Уложения). Распоряженій къ возвращенію этихъ земель въ царскую службу не было принято, но ихъ не могло быть много, такъ какъ подмосковныя земли шли въ надѣлъ привилегированнымъ дворянамъ, а потому нельзя думать, чтобы порожними оставались большіе участки. Притомъ, приобретателями этихъ земель, — какъ справедливо предполагаетъ г. Градовскій, — были вѣроятно гости, т.-е. богатые купцы, проживавшіе болѣею частью въ Москвѣ. При изданіи Уложения правительство, вмѣстѣ съ тѣмъ, запретило боярскимъ людямъ и монастырскимъ слугамъ на будущее время получать и принимать въ закладъ вотчины подъ страхомъ отнятія земли и отдачи доносчику въ помѣстье (ст. 41, XVII глава), и постановить, что порожнія помѣстныя земли въ Новгородѣ и иныхъ городахъ могутъ быть продаваемы отъ казны только верстаннымъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ (ст. 46 и 47).

Отсюда выработалась привилегія служивыхъ людей на земле-владѣніе. Она имѣла своимъ источникомъ, очевидно, соображеніе такого свойства: „чтобы земля изъ службы не выходила". Правительство стало мало-по-малу стѣснять пріобрѣтеніе земель даже гостями, этимъ разрядомъ посадскихъ людей, который относился къ царскимъ московскимъ и отѣзжскимъ службамъ. Указомъ 15-го іюня 1666 года было постановлено, что они не могутъ покупать и принимать подъ закладъ частныя вотчины безъ подписныхъ челобитенъ (П. С., I 390), а указомъ 19-го іюня 1679 года — что челобитныя эти должны быть за подписью думнаго дьяка (П. С., II, 767), отсюда слѣдуетъ заключить, что онѣ восходили на разсмотрѣніе боярской думы, докладывавшей о своихъ рѣшеніяхъ государю ¹⁾.

Приблизительно въ то же время можно найти слѣды другой привилегіи ратныхъ служивыхъ людей — владѣть крѣпостными людьми. Въ послѣдующее время изъ этихъ двухъ привилегій выработалось, по надлежавшемъ ихъ сочетаніи, право владѣть населенными имѣніями. Безъ сомнѣнія, вторая привилегія была вы-

¹⁾ Ограничивая пріобрѣтеніе гостями вотчинъ, правительство само раздавало имъ иногда помѣстья; напримѣръ, въ 1687 году, по случаю мира съ польскимъ королемъ, были розданы помѣстные олады, вмѣстѣ съ денежными, 29 московскимъ гостямъ (П. С., II, 1233).

звана также потребностями тягла, которыя можно видѣть въ томъ, что крѣпостные люди нужны были служилому сословію для выставленія даточныхъ людей, тогда какъ отъ другихъ сословій не требовалось выставленіе ратниковъ. Для разъясненія содержанія указа, на толкованіи котораго мы основываемъ наше мнѣніе объ ограниченіи владѣнія крѣпостными людьми только служилымъ классомъ, необходимо имѣть въ виду различіе между холопами и крѣпостными людьми. Послѣ производства ревизіи при Петрѣ Великомъ эти классы слились, но во время московскаго царства они различались весьма существенно: холопы были частною собственностью своихъ господъ, а крѣпостные — тяглыми людьми государства, подчиненными помѣщикамъ. Правительство, какъ мы уже упоминали, строго запрещало переводить крѣпостныхъ людей въ холопы. Оно не только ввело различную подвѣдомственность упомянутыхъ категорій людей (помѣстный приказъ для крѣпостныхъ и приказъ холопьяго суда — для холопей; П. С., II, 1293), но даже и различные способы укрѣпленія. На холопей надо было имѣть служилыя кабалы (ст. 9, 19 и др., гл. XX Уложенія), актами же, доказывавшими принадлежность помѣщику крѣпостныхъ крестьянъ, были писцовыя книги и ссудныя записи. Правительство настоятельно требовало, чтобы эти способы укрѣпленія не смѣнивались даже по отношенію къ тѣмъ людямъ, которые были освобождены по отпущеннымъ изъ холопства или крѣпостного состоянія. Если отпущенный холопъ билъ опять челомъ въ холопство, то на него надо было брать служилую кабалу; если же билъ челомъ въ холопство вольно-отпущенный крѣпостной, то на него надлежало брать ссудную запись (П. С., II, 869, 1073, 1028, 1246). Между тѣмъ, указомъ 29-го января 1682 года, разрѣшено было гостиной сотни торговымъ людямъ держать у себя людей въ работѣ по кабаламъ, а не по записямъ (П. С., II, 966). Отсюда слѣдуетъ, что торговые люди лишены были возможности приобрѣтать крѣпостныхъ людей. Что же касается владѣнія по служилымъ кабаламъ, то право на таковое предоставлено было не только гостямъ, но, напр., и лицамъ духовнаго званія (напр., П. С., II, 1229).

Право владѣнія крѣпостными людьми составило, съ теченіемъ времени, самую существенную привилегію дворянства, ибо оно было источникомъ вотчинной, патримоніальной власти, при посредствѣ которой правительство черезъ помѣщиковъ въ до-реформенное время держало русскую землю. Замѣчательно, что вотчинная власть, которая въ XIV, XV и XVI столѣтіяхъ раздѣлялась въ видѣ личныхъ льготъ отдѣльнымъ служилымъ людямъ,

никогда не устанавливалась въ видѣ общей нормы. Но, по силѣ мѣстныхъ условій, она водворилась въ жизни и парализовала начатки самоуправления, задуманные Иваномъ Грознымъ. О существованіи вотчинной власти помѣщиковъ въ XVII вѣкѣ, когда установилось крѣпостное право, можно заключать, при обзорѣни тогдашняго законодательства, по намекамъ; въ Уложеніи 1649 г., которое столь подробно, что въ немъ помѣщена такса живности на случай штрафовъ¹⁾, нѣтъ ни малѣйшаго постановленія о правѣ помѣщиковъ судить крѣпостныхъ и расправляться съ ними, но есть статья, подразумевающая это право, какъ справедливо указываетъ г. Сергѣевичъ. Это—статья 13 главы II Уложенія 1649, запрещающая принимать навѣты крѣпостныхъ людей на господѣ.

Вотъ въ чемъ заключались привилегіи служилыхъ людей во время московскаго царства—привилегіи, выросшія, какъ мы видѣли, на тяглоѣ почвѣ. Посмотримъ теперь, какъ относилось правительство къ служилому тяглу дворянъ. Тягло это заключалось въ службѣ въ особыхъ полкахъ, которые отличались отъ регулярныхъ войскъ. Переводъ въ регулярныя части назначался неоднократно въ видѣ наказанія или за необъявленіе на службу, (напр., П. С., II, 1313), или даже за уголовныя преступленія (напр., за растлѣніе чужой дѣвки—П. С., II, 1124). Очевидно, служба въ регулярныхъ войскахъ была продолжительнѣе и тяжелѣе, чѣмъ въ дворянскихъ полкахъ. Самою легкою считалась въ рейтарахъ, драгунахъ и копейщикахъ (изъ которыхъ образовался впоследствии классъ однокорцевъ); самою тяжелою—служба въ солдатахъ. Но цари ни мало не стѣснялись приглашать и назначать дворянскихъ дѣтей въ регулярную, не-дворянскую, военную службу. Если формулировать отношеніе московскаго правительства къ служилымъ людямъ, то оно окажется аналогичнымъ съ отношеніемъ его къ землѣ: и люди, и земля, признавались принадлежностью государства, которою можно было пользоваться, смотря по необходимости. Когда пріобрѣтались земли, цари направляли ихъ эксплуатацію сообразно потребностямъ даннаго времени: нужны были деньги, земли отдавались въ оброкъ; нужно было усилить составъ служилыхъ людей, земли верстались на помѣстья. Точно такъ же поступали и съ людьми. Тѣхъ, которые записаны были въ тягло служилое или денежное, отъ него не отрывали; это было бы невыгодно для государства. Но тѣми,

¹⁾ Изъ этой таксы, напримѣръ, видно, что въ XVII столѣтіи индѣйка (кура индѣйское) стоила вдвое дороже гуся и въ пять разъ дороже простой курицы—6 алтынъ 4 деньги, и т. д. (глава XXIII Уложенія).

которые не были вписаны еще въ тягло, т.-е. приростомъ молодыхъ силъ, правительство считало себя въ правѣ распоряжаться исполнѣ по своему усмотрѣнію. Въ XVII вѣкѣ главныя усилія правительства устремлены были на образованіе регулярныхъ частей войска. Поэтому нерѣдко служилые люди переводились въ этотъ разрядъ. Мы уже упоминали объ указѣ Алексѣя Михайловича, объявленномъ въ 1653 году въ городахъ черезъ особыхъ посланцевъ. Они должны были собирать на съѣзжіе двory дворянъ и дѣтей боярскихъ, и милостивымъ государевымъ словомъ приглашать въ солдатскій строй ихъ дѣтей, братьевъ и племянниковъ, которые не въ службѣ и не надѣлены помѣстьями. При этомъ указано было обѣщать государственное жалованье и милость, что велить государь написать ихъ по московскому и жилицкому списку, если они были выборными дворянами; если же они были по дворовому списку, то въ выборный, будетъ имъ и кормъ, и денегъ дадутъ на платье; а если въ солдатскій строй писаться не станутъ, то впередъ имъ служилыми людьми не называться и въ государственной службѣ отнюдь не бывать, а быть въ землепашцахъ (А. И., IV, № 70). Такія угрозы нибого не удивляли. Неоднократно правительство назначало дворянскихъ новиковъ въ рейтарскую службу обязательно, безъ согласія съ ихъ стороны. Такъ, 21-го февраля 1659 года недоросли изъ боярскихъ дѣтей, которые ни въ какіе чины не написаны и денежнымъ окладомъ не верстаны, были, кромѣ принадлежавшихъ въ новгородскому и бѣлгородскому полкамъ, назначены на вѣчное житье въ рейтары въ Смоленскъ (такихъ оказалось 300) съ опредѣленіемъ имъ на содержаніе — по десяти крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, а за кѣмъ нѣтъ помѣстій — по десяти рублей жалованья (П. С., I, 240). Послѣдующими указами поощрялось опредѣленіе дворянъ и дѣтей боярскихъ въ рейтары, посредствомъ выдачи имъ усиленнаго жалованья по 30 рублей (П. С., I, 261), и сохранялись въ рейтарской службѣ тѣ, которые были въ нее зачислены (напр., наказомъ о верстаніи 1675 года — П. С., I, 615).

Впрочемъ дворяне, какъ шли добровольно въ холопы, такъ опредѣлялись охотно и въ рейтары. Поступленіе неимущихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ въ эту службу упорядочено было указомъ 1678 года. Лицъ этихъ велѣно было писать въ рейтарскую службу съ жалованьемъ по 24 рубля въ годъ; если они имѣли крестьянскіе дворы, то съ нихъ вычиталось изъ жалованья по 1 рублю за дворъ; съ пустопомѣстныхъ и безпомѣстныхъ вычета не дѣлалось. Владѣющимъ же двадцатью-четырьмя крестьянскими дворами и болѣе указано было служить земскую полковую службу

безъ денежнаго жалованья; если такіе дворяне подавали челобитныя о поступленіи въ рейтарскую службу, то ихъ разрѣшено было принимать на эту службу, но только безъ жалованья. Равнымъ образомъ, тѣ, которые, имѣя менѣе 23 дворовъ, выражали желаніе служить не въ рейтарахъ, а въ дворянскихъ полкахъ, должны были одинаково служить безъ содержанія.

Но черезъ 10 лѣтъ, въ 1688 году, было по новгородскому полку запрещено дворянамъ поступать въ гусары, копейщики и рейтари, а эти части предписано набирать изъ недорослей гусарскихъ же, копейщиковыхъ или рейтарскихъ дѣтей (П. С., II, 1327). Слѣдуетъ думать, что въ новгородскомъ полку явился контингентъ, изъ котораго можно было формировать эти части, такъ что привлеченіе къ участию въ нихъ дворянъ оказалось излишнимъ.

Въ концѣ XVII столѣтія появляются, однако, несмотря на упомянутыя распоряженія московскихъ царей, нѣкоторые признаки почетнаго значенія дворянскаго званія. Оно было въ 1665 году пожаловано, вмѣстѣ съ назначеніемъ гетмана Ивана Брюховецкаго бояриномъ, казачьей старшинѣ: обозному, судѣ, есауламъ, хорунжему, бунчуковому, войсковымъ писарямъ и всѣмъ полковникамъ (П. С., I, 381). Пожалованіе боярскимъ саномъ безъ зачисленія на русскую службу было большою рѣдкостью, и царь въ указѣ, данномъ разряду, считалъ нужнымъ оговорить, что объявленіе этой милости Брюховецкому по чину московскаго царства назначеннымъ для того человѣкомъ не можетъ быть поставлено послѣднему въ безчестье (П. С., I, 375). Пожалованіе въ дворяне, повидимому, было личнымъ; по крайней мѣрѣ, о потомственномъ пожалованіи нельзя дѣлать заключенія ни изъ общей грамоты, ни изъ особыхъ, — напримѣръ, грамоты о написаніи въ дворяне прилуцкаго полковника Лазаря Горненко (А. И., IV, № 183). Въ Сибири, даже въ XVIII вѣкѣ, встрѣчались пожалованные въ дворяне казаки, причемъ ихъ дворянство было какъ-бы чиномъ, не переходившимъ отъ отца къ дѣтямъ, такъ что въ комиссіи 1767 года были заявлены возраженія относительно присоединенія ихъ къ сословному дворянству ¹⁾.

Нѣкоторымъ шагомъ впередъ къ обособленію дворянства было установленіе при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, послѣ отгнѣны въ 1682 году мѣстничества, 4-хъ родословныхъ книгъ: въ первую должны были быть внесены всѣ княжескіе и иные честные роды, которые занимали должности бояръ, окольничихъ и думныхъ людей, или

¹⁾ Романовичъ-Славатинскій: „Дворянство въ Россіи“, стр. 514.

тѣ, которые съ царствованія Ивана Васильевича и при его державѣ явились въ посольствахъ, полкахъ и городахъ воеводами и въ иныхъ знатныхъ посылкахъ или въ близости государя; во вторую — тѣ роды, которые съ начала царствованія Михаила Ѳеодоровича были въ полковыхъ воеводахъ, послахъ, посланникахъ, знатныхъ носилкахъ, въ иныхъ честныхъ чинахъ или въ десятияхъ (войсковыхъ спискахъ) написаны въ первой статьѣ; въ третью книгу — тѣ роды, которые написаны въ десятияхъ въ средней и меньшей статьяхъ; въ четвертую — тѣ, которые написаны въ московскіе чины изъ нижнихъ чиновъ за службы отцовъ своихъ или за свои (П. С., II, 905). Учреждая веденіе этихъ книгъ, царь не установилъ ни малѣйшаго различія въ правахъ упомянутыхъ разрядовъ дворянства; единственною цѣлью составленія родословныхъ книгъ было. — по словамъ царя, — то соображеніе, что онѣ будутъ служить на память какъ современникамъ, такъ и потомству. Откуда появилась мысль о веденіи государственной родословной? Ѳеодоръ Алексѣевичъ былъ воспитанникомъ западно-русскаго монаха, Симеона Полоцкаго, и владѣлъ польскимъ языкомъ. Посвящая царю написанныя имъ на польскомъ языкѣ книги, Лазарь Барановичъ писалъ: „извѣстенъ бо есмь, яко царевичъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ не точію нашимъ природнымъ, но и латинскимъ языкомъ чтетъ книги“. Какъ извѣстно, въ Польшѣ аристократическій принципъ былъ весьма сильно развитъ: весьма возможно, что мысль о родословныхъ явилась отсюда. Наше служилое сословіе отнеслось къ составленію книгъ весьма холодно; черезъ два года правительство издало указъ, гдѣ, упоминая о представленіи въ разрядъ немногихъ родословныхъ росписей, требовало принесенія ихъ безъ мотчанья (П. С., II, 1051). Въ 1686 году повелѣно было завести новыя книги для пополненія прежнихъ вновь поступившими или еще незаписанными родами (П. С., II, 1207) и раздѣлить всю родословную на главы, съ внесеніемъ каждаго рода порознь и со включеніемъ поколѣнной росписи (П. С., II, 1219).

Много ли было служилыхъ людей во время московскаго царства? По указаніямъ XVII вѣка, число ихъ было весьма значительно. Оно можетъ быть составлено по разрядамъ. Такъ, въ 1616 году число несшихъ службу равнялось 23.049; изъ нихъ считалось: 1.327 въ Смоленскѣ, 4.215 — въ полкахъ противъ Ливонскаго, 1.967 — въ Брянскѣ, 386 — въ послахъ, 880 — въ Устюжнѣ Желѣзопольской, 2.427 — въ 3 полкахъ отъ крымскихъ людей, 10.227 — въ южныхъ и 2.524 — въ сѣверныхъ городахъ

(Разр., т. I, 1616 г.). Полный призывъ дворянъ производился очевидно только въ моменты сильныхъ напряженій, какими были первые года царствованія Михаила Ѳеодоровича. Позднѣйшіе разряды даютъ меньшую цифру бывшихъ на службѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ, очевидно потому, что не всѣ служилые люди были приглашаемы. По разряду 1679 года (последнему изъ напечатанныхъ въ изданіи разрядныхъ книгъ б. II отдѣленія), въ войскѣ подъ начальствомъ князя Черкаскаго состояло всего: 8.926 дворянъ и дѣтей боярскихъ; изъ нихъ большого государева полку, т.-е. стольниковъ, стряпчихъ, московскихъ дворянъ и жильцовъ 3.669 (кромѣ того, тѣхъ же чиновъ по новгородскому разряду—80, съ нижегородцами—576 и отдѣльно въ бѣлгородскомъ полку—15); изъ замосковныхъ городовъ (владимірской, смоленской, тульской и смежныхъ областей)—884; ярославскихъ мѣстъ—474; по новгородскому разряду (новгородской, псковской, отчасти тверской области)—782; по нижегородскому краю—164; изъ низовыхъ городовъ (симбирскихъ, пензенскихъ, саратовскихъ, самарскихъ мѣстъ)—338, а съ казанцами и свѣязанами—504; изъ рязанскихъ и сѣверскихъ мѣстъ—1.768.

На земскихъ соборахъ московской Руси, когда цари созывали людей всякихъ чиновъ и наименованій, дворяне составляли большую часть представителей и участниковъ собора. На соборѣ 1566 года было изъ 374 лицъ (по исчисленію г. Латкина)—32 духовныхъ лица, 29—изъ высшаго служилаго разряда, 205—низшихъ служилыхъ чиновъ (кромѣ дьяковъ и приказныхъ, которыхъ было 33) и 75 челоуѣвъ гостей, московскихъ купцовъ и смольнянъ; на соборѣ 1597 года, избравшемъ Бориса Годунова въ цари, было изъ 757 членовъ собора—83 духовныхъ лица, 42 высшихъ служилыхъ чиновъ, 231 низшихъ служилыхъ чиновъ большей частью московскаго дворянства (не считая 27 дьяковъ, 2 барашей-обойщиковъ казеннаго приказа и 13 дворцовыхъ ключниковъ), 22 гостя и 13 сотскихъ черныхъ сотенъ; на соборѣ 1649 года было изъ 315 членовъ—13 духовныхъ лицъ, 32—высшей служилой среды, 159 низшихъ служилыхъ людей (кромѣ того, 2 дьяка, 15 стрѣльцовъ и 21 неизвѣстнаго чина), 3 гостя, 12 представителей московскихъ сотенъ и слободъ и 79 посадскихъ изъ городовъ. Многочисленность служилаго класса на соборахъ объясняется тѣмъ, что правительство не приглашало къ участію въ нихъ сельское тяглое населеніе, закрѣпощенное въ концѣ XVI вѣка. Между тѣмъ остальные элементы были, кромѣ служилаго разряда, весьма слабо развиты. Всѣ вновь введенные на югѣ го-

рода отличались отсутствіемъ посадскихъ людей. По разряду 1668 года таковыхъ вовсе не было даже въ Харьковѣ, Тамбовѣ, Орлѣ. Воеводы оказывались въ большомъ затрудненіи, когда цари требовали отъ нихъ высылки въ Москву на соборы представителей посадскаго класса ¹⁾. Кого же можно было, при такихъ условіяхъ, считать представителями мѣстнаго земства, какъ не служилыхъ людей, испомѣщенныхъ въ краѣ?

III.

¹⁾ На соборъ 1651 года воевода города Крапивны послалъ, вѣроятно, по зрѣломъ обсужденіи, мѣсто посадскихъ людей, которыхъ было у него всего 3, — боярскаго сына и пушкаря, а ливенскій воевода, у котораго совсѣмъ не было посадскихъ, одного бобыля. Последнему воеводѣ не досталось отъ правительства за эту несправность, вѣроятно, въ виду пословицы, что на нѣтъ и суда нѣтъ. Но крапивненскому воеводѣ былъ сдѣланъ выговоръ. Дьякъ Заборовскій на отпискѣ воеводи отиѣтилъ: „онъ сплунилъ, мимо посадскихъ людей прислалъ въ нихъ мѣсто сына боярскаго да пушкаря мимо государева указу“, и за это постановлено было воеводу „осудить гораздо“. Не жѣлало бы подвергнуть этой мѣрѣ первымъ дѣломъ строгаго дѣла, который разсылалъ царскіе указы, не соображаясь съ числомъ посадскихъ людей въ городѣ. См. Матеріалы для исторіи земскихъ соборовъ XVII столѣтія, Латкина, стр. 102 и 108, и Земскіе соборы древней Руси, того же автора, стр. 266.

БѢЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ

III *).

Съ 1837 года началъ появляться рядъ книжекъ Яна Чечота—до послѣдней, вышедшей въ 1846 году ¹⁾).

Янъ Чечотъ родился въ новогрудскомъ уѣздѣ, минской губ.,—неизвѣстно, въ какомъ году, но, вѣроятно, въ концѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія, потому что онъ былъ сверстникомъ Мицкевича, съ которымъ учился вмѣстѣ въ первоначальной школѣ

*) См. выше: апрѣль, 644 стр.

¹⁾ Эти книжки въ настоящее время рѣдки, и потому укажемъ ихъ подробно:

— *Piosnki wieśniacze z nad Niemna. We dwóch częściach.* Wilno, 1837. 8°. VIII и 106 стр.; 107—111, оглавление пѣсень. Безъ имени издателя; предисловіе помѣчено 1834 годомъ.

— *Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny.* Wilno, 1839. 8°, 118 стр.; 119—124, оглавление. Безъ имени.

— *Piosnki wieśniacze z nad Dźwiny. Książeczka trzecia.* Wilno. 8°. XII и 89 стр.; 90—94, оглавление. Безъ имени; съ эпиграфомъ изъ Кохановскаго: „I ogasz ubogi śpiéwa—Choć od pracéj aż omdléwa“; посвященіе, въ стихахъ: „Ukochanym kniotkóm z nad Niemna i Dźwiny“, и предисловіе.

— *Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny, z dołączeniem pierwotownych w mowie ślawiano-krewickiej.* Wilno, 1844. 8°, XVIII и 129 стр.; 131—137, оглавление, опечатки, объявленіе о книгахъ. Безъ имени; посвященіе въ стихахъ: „Dobroczytnym Panóm i Rządcom ich majątności, troskliwym o dobry byt włościan“.

— *Piosnki wieśniacze z nad Niemna, Dniepra i Dniestra.* Wilno, 1845. 8°, XII и 103 стр.; 105—108, оглавление; посвященіе въ стихахъ: „Zasnym i bogobojnym Panienkom i Paniczom“. Безъ имени.

— *Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny, niektóre przysłówia i idiotyzmy w mowie ślawiano-krewickiej, z postrzeżeniami nad nią uczynionemi.* Wilno, 1846. 8°. XXXIV и 123 стр.; 125 — 129, оглавление; 131 — 134, опечатки въ прежнихъ книжкахъ. Посвященіе въ стихахъ памяти Станислава Сташица. Предисловіе, отъ 1845, впервые подписано именемъ собирателя.

въ Новогрудѣ (эти „повѣтвые школы“ послѣ іезуитовъ были въ рукахъ доминиканцевъ). Чечотъ былъ потомъ товарищемъ Мицкевича и въ виленскомъ университетѣ, гдѣ они были дружны, дѣлили впечатлѣнія тогдашней возбужденной умственной жизни и романтическаго патріотизма, и когда основалось, или возобновилось, въ 1817 г. полу-тайное общество „филоматовъ“, то Чечотъ вмѣстѣ съ Мицкевичемъ былъ въ числѣ первыхъ въ тогдашней виленской академической молодежи, которые посвящены были основателями этого кружка въ его идеи. Патріотизмъ, гуманность и просвѣщеніе были основной мыслью этого кружка. Онъ просуществовалъ недолго; въ двадцатыхъ годахъ это движеніе было замѣчено, началось извѣстное слѣдствіе Новосильцова; многіе изъ профессоровъ виленскаго университета были удалены; „филматы“ арестованы (въ томъ числѣ одно время и Мицкевичъ) и высланы изъ Вильны и изъ края. Чечотъ отправленъ былъ, въ 1823 г., въ Оренбургъ, гдѣ пробылъ, кажется, больше десяти лѣтъ; по возвращеніи на родину, онъ былъ библиотечаремъ у Адама Хрептовича въ извѣстномъ имѣніи его Щорсахъ, затѣмъ, по смерти Хрептовича, поселился въ деревнѣ и умеръ въ 1847 въ Друскеникахъ ¹⁾.

По разсказу біографа Мицкевича, Чечотъ былъ человекъ мягкаго чувства, воспримчивый и впечатлительный, въ своемъ добродушіи иногда раздражительный именно противъ тѣхъ, кому былъ преданъ. Эта мягкость его личнаго чувства отражается, какъ увидимъ, и на его сборникахъ. Этнографія, которую представляютъ его книжки, была особаго рода. Школа, которую онъ прошелъ въ юности, привила ему съ одной стороны народный романтизмъ—въ томъ кругѣ, гдѣ онъ жилъ, читали Бродзинскаго, знали Ходаковского и первыя этнографическія работы, появлявшіяся тогда, между прочимъ, именно въ виленскихъ изданіяхъ; съ другой стороны, или рядомъ съ этимъ, онъ былъ филантропъ,

¹⁾ Zdanowicz-Sowiński, Rys dziejów liter. polskiéj, т. III, 1876, стр. 85—86, 695—696; Chmielowski, Adam Mickiewicz, zagryz biograficzno-literacki, Kraków i Warszawa, 1886, I, стр. 38, 94 (характеристика личности Чечота), 173—4, 197, 208, 221, 250—1, 292—3, 303—4, 308—9; 457. О Щорсахъ есть довольно сѣдѣній въ польской литературѣ. О нихъ говоритъ и Шинлевскій въ своемъ Путешествіи по Полѣсью и Бѣлор. краю: „Это древнее достояніе знаменитой бѣлорусской фамиліи Хрептовичей замѣчательно своимъ великолѣпнымъ каменнымъ дворцомъ, роскошнымъ садомъ и богатѣйшею бібліотекою во дворцѣ, обязанною хранящимися въ ней рѣдкими книгами и рукописями нынѣшнему владѣльцу своему, извѣстному ученому археологу Адаму Хрептовичу“. „Современникъ“ 1853, т. 40-й, стр. 56. Щорсы—въ минской губ., между Новогрудкомъ и Минскомъ; см. о нихъ и о Хрептовичѣ (ум. 1844) также Zdanowicz-Sowiński, III, стр. 706.

принимавшій близко къ сердцу матеріальное положеніе „народа“, т.-е. крестьянъ... Той эпохѣ польской литературы и общественности наши популярныя историки приписываютъ обыкновенно или явную, или затаенную интригу и пропаганду полонизма; мы замѣчали уже, что въ отношеніи польскихъ патріотовъ къ западному краю гораздо больше было простой исторической привычки смотрѣть на этотъ край, какъ на издавнюю часть ихъ польскаго отечества, — тѣмъ больше, когда съ русской стороны въ тѣ годы общественный интересъ къ этому краю почти не существовалъ¹⁾. Множество этихъ поляковъ, патріотовъ и писателей, были именно уроженцы этого края; „народъ“ края не былъ польскій, но они по старой памяти считали его своимъ, давно съ ними связаннымъ, и въ ту эпоху развитія народнаго романтизма ихъ интересъ направился и на этотъ народъ, какъ и на народъ собственно литовскій, и народъ польскій. Таково отношеніе къ западно-русскому народу у Чечота, — отношеніе непосредственное, почти наивное; ему, позидимому, не приходитъ въ голову, что народъ, которому онъ посвящаетъ свои изученія, есть именно самый русскій. Чечотъ настаиваетъ на простой красотѣ его поэзій, на необходимости знакомиться съ этимъ народомъ и особенно облегчить его положеніе. Объ этомъ положеніи онъ принимается говорить нѣсколько разъ, и при этомъ обращается не столько къ полякамъ, сколько къ *панамъ*, говоритъ не о народности, а о крѣпостныхъ, которыхъ участь ему страстно хотѣлось бы видѣть улучшенной; объ этнографической наукѣ онъ думаетъ всего меньше; повидимому, онъ даже мало о ней знаетъ.

Свою первую книжку онъ начинаетъ въ предисловіи такими словами: „Крестьяне наши, народъ добрый, смиренный, трудолюбивый, почтенный, должны возбуждать въ насъ самыя доброжелательныя къ нимъ чувства. Съ ними мы можемъ быть счастливы. За работу ихъ рукъ, удѣляя имъ труды нашей мысли и просвѣщенія, мы можемъ умножить всеобщее благо. Не будемъ думать, чтобы мы не могли отъ нихъ чему-нибудь научиться. Мы многому научимся изъ познанія ихъ состоянія и быта; найдемъ у нихъ преданья, сказки, повѣсти, и чрезвычайно обильна будетъ жатва пѣсенъ, дающихъ узнать ихъ трогательныя, прекрасныя, даже тонкія и глубокія чувства. Не будемъ думать, что только каждый городъ или провинція имѣетъ своего ученаго пѣвца; мы увидимъ, что почти каждая деревня имѣла и можетъ имѣть сво-

¹⁾ Дальше укажемъ, что это простое объясненіе представлялось и болѣе спокойнымъ русскимъ наблюдателямъ въ новѣйшее время.

его не ученаго, но отъ души и сердца пѣвца. Я замѣтилъ, что на разстояніи нѣсколькихъ миль, даже полъ-мили, поются уже совершенно инныя пѣсни. Какое это сокровище для ученаго пѣвца и наблюдателя! Сколько тамъ невынужденной и свѣжей поэзій! Будемъ слушать охотно ихъ пѣсенъ свадебныхъ, дожинковыхъ, купальскихъ и другихъ, и мы не разъ пріятно проведемъ время, и, что важнѣе, приобрѣтемъ большую привязанность къ нашимъ добрымъ земледѣльцамъ "... Онъ жалѣетъ, что со стороны пановъ или ихъ управителей оказывается невниманіе или препятствія къ исполненію народныхъ обычаевъ, между тѣмъ какъ участіе въ нихъ сблизило бы обѣ стороны... „Отъ дѣтскихъ лѣтъ искренно любя нашихъ милыхъ и добрыхъ крестьянъ,—продолжаетъ Чечотъ,—я хочу представить имъ доказательство моей привязанности"...

Какъ мало было у него этнографическаго пониманія, видно изъ того, что этотъ сборникъ—какъ и другіе, кромѣ лишь послѣднихъ его книжекъ—представляетъ не подлинныя бѣлорусскія пѣсни, а ихъ *польскіе* переводы и „подражанія“. „Я не слишкомъ держался оригинала,—замѣчаетъ онъ простодушно,—однако нѣкоторыя пѣсни переведены дословно; другимъ я, болѣе или менѣе, близко подражалъ“. Впрочемъ онъ предоставлялъ себѣ въ другое время издать пѣсни и съ подлиннымъ текстомъ (что потомъ и сдѣлалъ).

Таковы и вторая, и третья книжки Чечота (пѣсни купальскія или свято-янскія, свадебныя, дожинковыя, дѣтскія и „различныя“). Въ предисловіи къ третьей книжкѣ онъ пишетъ: „Какъ сначала я думалъ, что на небольшомъ разстояніи пѣсни по деревнямъ бываютъ различны, такъ при дальнѣйшемъ собираніи ихъ я убѣдился, что даже на большихъ разстояніяхъ пѣсни бываютъ совершенно сходны, или только съ небольшими измѣненіями въ словахъ. Нѣманъ и Бѣлица не близки къ Двинѣ, Березинѣ и Лепельскому краю, и однако пѣсни сходны; похожи на нихъ и пѣсни на Вилии въ Завилейскомъ краѣ. Кто ихъ переносилъ? Не печать и письмо, но память, сердца и уста братскихъ племенъ“. Нѣкоторыя изъ этихъ сходныхъ пѣсенъ онъ перевелъ для сравненія, но повтореніемъ другихъ не хотѣлъ отягощать своего сборника. О способѣ своего собиранія онъ на этотъ разъ говоритъ слѣдующее: „Сборникъ этотъ мнѣ было легко сдѣлать: занятому своими обязанностями на мѣстѣ, мнѣ не надо было ходить или ѣздить по деревнямъ, а только попросить достойныхъ и любезныхъ паненокъ, которыя, безъ большого труда и хлопотъ, безъ принужденія или оплаты, какъ это случалось другимъ собирате-

лямъ сельскихъ пѣсень, прямо отъ своихъ собственныхъ прислугъ или вызванныхъ изъ деревни селяноукъ могли и могутъ записать столько пѣсень, сколько пожелается собирателю. И дѣйствительно, онѣ однѣ только способны у насъ собирать эти пѣсни. Наши поселяне—не знаю, поютъ ли когда-нибудь; а поселянки, слишкомъ скромныя и несмѣлыя, стыдятся проговорить свои пѣсни передъ мужчиной; начать усмѣхаться, говорить, что въ ихъ пѣсняхъ нѣтъ ничего хорошаго, и, покраснѣвши отъ стыда, ничего не скажутъ. А милой паненкѣ разскажутъ, къ паненкѣ онѣ бѣгутъ съ радостью, говоря:—вотъ еще я припомнила хорошую пѣсенку!..“

Но эту картину заслоняетъ у него другая мысль. „Этотъ милый и прекрасный образъ, присутствующій въ моемъ сердцѣ, я долженъ помрачить печальной мыслью о положеніи составителей и составительницъ сельскихъ пѣсень. Какъ изъ пѣсень съ Нѣмана, такъ и изъ пѣсень съ Двины, я позволилъ себѣ устранить несчастную водку, не разъ въ нихъ вспоминаемую, и замѣнить ее медомъ и пивомъ, которые теперь почти неизвѣстны поселанамъ. Водка есть гибель нашихъ поселанъ. Первый грошъ—отъ водки, говоритъ помѣщикъ и управитель; первое зло, говоритъ каждый разсудительный человѣкъ. Сердце болитъ, видя, какъ многочислѣннѣйшій и трудолюбивѣйшій классъ населенія часто приходитъ въ такую нужду, къ какой всего скорѣе приводитъ пьянство“... И „этнографъ“ углубляется въ разсужденіе о бѣдствіяхъ народнаго пьянства; въ пѣсняхъ онъ даже удалилъ названіе водки. Въ концѣ онъ говоритъ, что былъ бы счастливъ, если бы его трудъ помогъ веселѣе справлять дожинки и купалу, еслибъ онъ хоть сколько-нибудь уменьшилъ пьянство, составляющее истинную бѣду для поселанъ. Онъ не будетъ искать для нихъ похвалы; она явится для чувствительныхъ душъ въ самой этой книжкѣ. „Имъ также (этимъ поселанамъ), какъ достойнымъ посвященія ихъ собственнаго труда, я посвящаю эту милую мнѣ забаву, исполненный святой надежды, что въ каждой благородной душѣ она возбудитъ истинную христіанскую любовь къ моимъ любимымъ крестьянамъ-авторамъ“.

Только уже въ четвертой книжкѣ Чечоть, вызванный, наконецъ, и критикой, далъ образчики „первотворныхъ“ пѣсень, т.-е. на ихъ подлинномъ бѣлорусскомъ языкѣ, который онъ назвалъ „славяно-кревицкимъ“. Въ этомъ названіи заключается тенденціозность, но Чечоть не самъ его выдумалъ, и, какъ увидимъ, его собственный интересъ остается опять, главнымъ образомъ, филантропическій.

„Поэзія, называемая теперь народною, сельскою (gminna),—

говорить онъ въ предисловіи, — въ древніе вѣка была общей всѣмъ нашимъ предкамъ: господская, княжеская, словомъ, народная (narodowa); поэтому она должна бы быть достойна вниманія даже у тѣхъ, которые не хотѣли бы видѣть ничего хорошаго въ томъ, что есть только сельское, крестьянское. Нашимъ крестьянамъ мы обязаны сохраненіемъ старинныхъ обрядовъ и пѣсенъ. Имъ и за это мы должны быть благодарны. Подчиняясь сами вліянію сосѣднихъ племенъ и цивилизаціи Европы, мы легче измѣнялись, чѣмъ они, а черезъ это забыли и тѣ пѣсни, какія отдаленная прабабка не одного изъ насъ пѣла за пряжей, можетъ быть, въ той же самой деревнѣ съ своими единокровными, которыхъ потомство, отъ недостатка заслугъ въ краѣ, осталось въ состояніи зависимости. И сама поэзія кривицеая подчинилась вліянію поэзіи украинской и польской. По нѣкоторымъ пѣснямъ это можно было положительно наблюдать. Теперь она сильно подчиняется вліянію народной поэзіи російской, переносимой войсками, квартирующими по деревнямъ. Быть можетъ, и народная поэзія литовская — если бы мы имѣли изданіе ея пѣсенъ — представила бы подобныя произведенія, переводы или подражанія съ кривицкаго. Поэтому было бы любопытнымъ дѣломъ для прилежнаго изслѣдователя поэзіи и древности собирать самому сельскія пѣсни, быть на свадьбахъ и другихъ обрядахъ. Безъ этого нельзя ни сохранить должнаго порядка въ ихъ послѣдовательности, ни знать обрядовъ, какъ нельзя, вмѣстѣ съ тѣмъ, узнать, какія пѣсни остались отъ давнихъ временъ, и какія и какъ появляются вновь, такъ какъ и въ настоящее время могутъ быть тамъ-и-сямъ пѣвцы и пѣвицы, создающіе новыя пѣсни по собственному вдохновенію. Это, можетъ быть, теперь рѣже, чѣмъ бывало въ старину, потому что, во-первыхъ, старинная пѣсня особенно уважается, а во-вторыхъ, поселеніе не такъ теперь одушевлено, чтобы легко могли браться за новыя созданія. Отсюда происходитъ заимствованіе пѣсенъ отъ солдатъ, квартирующихъ или возвращающихся въ большомъ числѣ изъ службы въ родныя деревни“.

Такимъ образомъ, Чечотъ самъ пришелъ къ заключенію, что собраніе пѣсенъ черезъ паненокъ не есть лучший способъ ихъ добыванія, и увидѣлъ, что для полноты наблюденія нужно отмѣчать „послѣдовательность“ пѣсенъ и обряды, что было совершенно справедливо. Передъ нимъ мелькаетъ мысль объ особенностяхъ народнаго пѣсеннаго языка, который кажется ему очень „бѣднымъ“ и „несовершеннымъ“, потому что не имѣетъ словъ для отвлеченныхъ понятій и выражаетъ ихъ „фактомъ“, т.-е. образомъ. Онъ дѣлаетъ заключеніе о древности пѣсенъ изъ частыхъ упо-

минаній о Дунаѣ, о морѣ, о виноградѣ; славянскіе предки долго должны были блуждать по берегамъ Дуная и пить дунайскую воду, чтобы имя этой рѣки запомнилось такъ крѣпко. У Чечота мелькаетъ мысль и о томъ, почему народная поэзія отличается своимъ особымъ складомъ, непохожимъ на складъ нашей искусственной поэзіи; но простодушный взглядъ на народную пѣсню сказался опять въ слѣдующемъ: авторъ заявляетъ, что къ народнымъ пѣснямъ онъ прибавилъ (въ счастію, въ особой рубрикѣ) нѣсколько „своихъ собственныхъ, по-крестьянски составленныхъ пѣсенъ“, на бѢлорусскомъ языкѣ, съ польскимъ переводомъ. „Быть можетъ, онѣ проникнутъ какъ-нибудь въ деревню? быть можетъ, онѣ заговорятъ въ сердцу благожелательныхъ пановъ и обратятъ болѣе любящее вниманіе на крестьянъ, а вмѣстѣ будутъ содѣйствовать успѣху этихъ трудолюбивыхъ соотечественниковъ въ нравственности?“

Далѣе: „Какъ переводчикъ, я долженъ былъ бы описать всю жизнь моихъ *авторовъ*. Я много думалъ объ этомъ, даже читалъ о нихъ нѣсколько книгъ, хотѣлъ рассказать многое, но, размысливши больше, замолчалъ, и довольно будетъ съ меня, если укажу благосклоннымъ читателямъ источники, изъ которыхъ они сами могутъ почерпнуть свѣденія о состояніи крестьянъ и мысли объ улучшеніи ихъ быта“. И вмѣсто ожидаемыхъ археологическихъ и этнографическихъ указаній, Чечотъ приводитъ рядъ сочиненій, посвященныхъ въ польской литературѣ крестьянскому вопросу съ конца прошедшаго столѣтія, сообщая ихъ главное содержаніе и оканчивая указомъ имп. Александра I, 1817 г., о крестьянахъ курляндской губерніи. „Предлагая вниманію благосклонныхъ читателей эти драгоценныя труды,—заключаетъ онъ,—внушенные истинно христіанскими чувствами и основанные на опытѣ и чистомъ разумѣ, я считаю себя свободнымъ отъ печальной необходимости гореванья надъ нищетою и бѣдственнымъ бытомъ любимыхъ поселянъ. Пусть каждый обратится на минуту къ своему сердцу, и сердце его скажетъ больше, чѣмъ я сумѣлъ бы сказать“.

Пѣсенъ „первотворныхъ“ помѣщено здѣсь по десяти съ Нѣмана и Двины. Пѣсни бѢлорусскія собственнаго сочиненія Чечота написаны въ складѣ народныхъ и заключаютъ обыкновенно какое-нибудь поученіе, которое авторъ хотѣлъ бы внушить поселянамъ.

Пятая книжка мало интересна: нѣсколько пѣсенъ съ Нѣмана, и затѣмъ пѣсни украинскія, взятая, кажется, исключительно изъ Вацлава Залѣскаго и Жеготы Паули, — то и другое только въ переводахъ; наконецъ, опять пѣсни собственнаго сочиненія, по-польски.

Наиболѣе любопытна шестая книжка, послѣдній трудъ Чечота. Въ предисловіи онъ жалѣетъ, что не имѣетъ достаточно научныхъ свѣдѣній, чтобы дать грамматическо-историческій очеркъ бѣлорускаго („кревицкаго“) языка; онъ долженъ ограничиться лишь немногими замѣтками, какія ему встрѣтились. Полное изученіе этого языка, которымъ еще на памяти автора (по словамъ его) любили, бывало, говорить старыя паны, на которомъ нѣкогда писались официальные акты, сдѣлано будетъ какимъ-нибудь знающимъ человѣкомъ, можетъ быть, крестьяниномъ, который, усвоивши научныя свѣдѣнія, примѣнитъ ихъ къ объясненію хорошо ему извѣстнаго, роднаго языка.

Немногія замѣчанія Чечота, почерпнутыя изъ собственныхъ наблюдений, въ свое время были едва ли не первой, нѣсколько отчетливой, характеристикой бѣлорускаго нарѣчія; онъ отмѣчаетъ особенности его звуковъ и формъ (стр. VII—XXV). По его мнѣнію, „кревицкое нарѣчіе занимаетъ середину между польскимъ, російскимъ и украинскимъ: украинскій, или полянскій, въ своемъ строѣ и стихосложеніи болѣе сходенъ съ польскимъ, кревицей—съ російскимъ“. Ему представился и вопросъ правописанія „кревицкаго“ нарѣчія; онъ видитъ трудность его въ различныхъ случаяхъ, и, не имѣя возможности рѣшить дѣла, особливо по поводу нѣсколькихъ пѣсенъ, онъ хочетъ писать такъ, какъ выговаривается... Ему совсѣмъ не приходитъ въ голову, что наилучшее „правописаніе“ этого языка было бы не польское, а „россійское“.

„Познанію кревицкаго языка, — продолжаетъ авторъ, — могло бы прислушиванье къ домашнему разговору крестьянъ; но это было бы нелегко для одѣтаго въ сюртукъ, и ему надо бы развѣ переодѣться въ сермягу и идти, какъ чужому человѣку, на вечерницы или въ корчму. Но гораздо болѣе удобный способъ научиться языку и дѣлать надъ нимъ наблюденія былъ бы тотъ, если бы кто сталъ слушать и съ точностью записывать сказки, выучившись заранѣе искусству быстрого письма: потому что это — литература, съ давнихъ вѣковъ сохранившаяся въ памяти крестьянъ и до сихъ поръ еще нетронутая. Это была бы гораздо болѣе обильная сокровищница языка, чѣмъ коротенькія пѣсенки, въ которыхъ всего чаще встрѣчаются только выраженія любовныя и нѣтъ выраженій, рисующихъ другія чувства и представленія. Это рѣчь скупая и неотесанная, бѣдная словами ¹⁾

¹⁾ „Uboga w greszowniki“ — раньше авторъ указывалъ бѣдность народнаго языка словами, выражающими отвѣченныя понятія.

и всѣми выраженіями умственныхъ понятій; но, все-таки, она, какъ и всякая, должна имѣть свои особенности и оригинальность.

„Не могу, — продолжаетъ онъ, — безъ какой-то милой тревоги вспомнить забытыя сказки, которыя я слышалъ и зналъ въ мои дѣтскіе годы. Въ нихъ часто заключена прекрасная нравственная мысль“... И онъ вспоминаетъ нѣсколько сказочныхъ сюжетовъ, знакомыхъ ему съ дѣтства. Онъ уже думалъ о собираніи сказокъ, но жалѣетъ, что „никто еще у насъ ихъ не цѣнитъ и не окажетъ дѣйствительной помощи, а самъ я, при плохомъ здоровьѣ и подобномъ пренебреженіи къ этимъ плодамъ народной фантазіи и остаткамъ старины, до сихъ поръ не въ состояніи заняться этимъ милымъ и полезнымъ для отечественной литературы трудомъ“. Онъ призываетъ другихъ, у кого найдется больше удобства и силъ, заняться этой заброшенной литературой, „которая, какъ пѣсни, была нѣкогда общей предкамъ пановъ и бѣдняковъ“: „пусть другіе, болѣе сильнымъ и слышнымъ голосомъ, заохотятъ уважать и собирать эти крестьянскія, или лучше, народные повѣсти и пѣсни“...

Не имѣя возможности, по ихъ нежеланію, назвать имена паненокъ и панъ, сообщавшихъ ему пѣсни, Чечотъ находитъ нужнымъ, по крайней мѣрѣ, указать тѣ мѣстности, изъ которыхъ идутъ пѣсни. „Быть можетъ, въ далекомъ будущемъ, пробудится въ комъ-нибудь любопытство узнать, не поютъ ли въ тѣхъ же мѣстахъ тѣ же пѣсни“, — и онъ подробно указываетъ мѣстности по Нѣману и Двинѣ, откуда взяты пѣсни, помѣщенные во всѣхъ его прежнихъ книжкахъ; пѣсни съ нижняго Днѣпра поются въ Липовецкомъ повѣтѣ: „нѣсколько изъ нихъ я получилъ отъ простаго солдата, тамошняго уроженца, а другія — отъ одного почтеннаго ксендза, который жилъ тамъ въ молодости“; больше достать онъ не могъ; а пѣсни съ Днѣстра взяты изъ книгъ, печатанныхъ во Львовѣ (сборники Залѣскаго и Паули).

„Относительно вліянія польскаго, російскаго (русскаго) и украинскаго языка на кревицкій (бѣлорусскій), можно бы сказать, что это вліяніе сильнѣе на діалектъ наднѣманскій, чѣмъ на наддвинскій, — такъ какъ сторона наддвинская не имѣетъ постоянного квартированія войскъ и больше отдалена отъ Мазовши и Украины, чѣмъ сторона наднѣманская. Въ новогрудскомъ краѣ хлопцы съ охотой перенимаютъ російскія пѣсни отъ солдатъ, и ими уже оглашаются поля, напр. въ Щорсахъ ¹⁾, отъ ѣдущихъ

¹⁾ Гдѣ Чечотъ былъ бібліотекаремъ у Хрептовича.

на ночлегъ съ лошадьми, а иногда слышатся онѣ тамъ и въ устахъ женщинъ при жнитвѣ, или отзываются въ пѣньѣ дворовыхъ женщинъ, которыя также переносятъ въ деревни и какую-нибудь, по своему передѣланную, польскую пѣсню. Поэтому-то, въ настоящемъ небольшомъ сборникѣ, я помѣстилъ больше пѣсенъ обрядовыхъ, жнивныхъ, и даже нѣсколько пѣсенъ, какія поются надъ дѣтской колыбелью, такъ какъ онѣ несомнѣнно мѣстныя“.

Пословицы, собранныя въ той же книжкѣ (стр. 106—120, почти до двухъ сотъ), почти всѣ, по словамъ собирателя, слышаны и вспомянуты съ дѣтскихъ лѣтъ; онѣ повторяются и между шляхтой. Собиратель расположилъ ихъ въ алфавитномъ порядкѣ, чтобы облегчить послѣдующимъ собирателямъ ихъ дополненіе и, потомъ, приведеніе въ систему по содержанію. Чечотъ сожалѣетъ, что не могъ сличить ихъ съ изданными пословицами другихъ славянскихъ народовъ, такъ какъ не имѣлъ подъ рукою книгъ. „Все это остается кому-нибудь болѣе дѣятельному и счастливому, о которомъ, дай Богъ, чтобы мнѣ удалось услышать“. Онъ жалѣетъ дальше, что не было еще до тѣхъ поръ описанія обрядовъ и игръ тамошняго края, — ему извѣстно только описаніе свадьбы въ Борисовскомъ повѣтѣ ¹⁾, — нѣтъ описанія домашняго быта, убогой утвари и народныхъ кушаньевъ. „Если бы кто захотѣлъ и съумѣлъ, могъ бы сдѣлать себѣ чрезвычайно пріятной деревенскую жизнь, занявшись собираніемъ обо всемъ этомъ свѣденій полезныхъ, любопытныхъ и желанныхъ. Теперь каждый жалѣетъ, что наши лѣтописцы, Длугошъ или Стрыйковскій, не собирали народныхъ пѣсенъ и преданій, о которыхъ упоминаютъ только мимоходомъ; когда-нибудь, черезъ нѣсколько вѣковъ, будутъ жалѣть и справедливо упрекать нынѣшнее время, если мы не соберемъ заботливо и не передадимъ потомкамъ этихъ памятниковъ; потому что, хотя деревенскій людъ (gmin) есть вѣрный и нелегко перемѣнчивый хранитель мѣстныхъ свѣчаевъ и обычаевъ, но съ ходомъ цивилизаціи или даже съ перемѣной политическихъ (krajowych) отношеній и онъ долженъ измѣняться и не можетъ сохранить въ чистотѣ образъ жизни, проходящей въ этой юдоли, и однако потомки любятъ всматриваться въ обличье своихъ прадѣдовъ; сохранимъ же его для ихъ чувствительности и, угаснувъ, еще пробудимъ въ сердцахъ ихъ большую привязанность и память о настоящемъ вѣкѣ“.

Наконецъ, онъ сожалѣетъ, что „кревицкій“ языкъ до сихъ

¹⁾ Tygodnik Wileński, 1819.

порѣ не нашелъ изслѣдователя, когда даже небольшія славянскія племена на Западѣ еще въ концѣ XVI-го вѣка имѣли свои грамматики и словари. На „кревицкомъ“ языкѣ Чечоту извѣстенъ только катехизисъ, недавно передъ тѣмъ изданный въ Вильнѣ, но и того онъ не видалъ. „Теперь именно пора вознаградить это нерадѣніе прошлыхъ вѣковъ и заняться составленіемъ грамматики и словаря кревицкаго нарѣчія, когда, съ небольшими исключеніями, оно еще остается въ своей чистотѣ; потому что еслибъ и захотѣли когда-нибудь учить крестьянъ другому нарѣчію, они не поймутъ его достаточно, не имѣя на своемъ собственномъ объясненія его словъ... Если мы рады видѣть остатки вѣльскаго или герульскаго языка, то, быть можетъ, когда-нибудь будутъ возбуждать такое же и не праздное любопытство и памятники кревицкаго нарѣчія, которое — сомнительно, чтобы стало письменнымъ и образовалось самостоятельно“.

Кромѣ пословицъ, въ книжкѣ помѣщенъ небольшой словарь къ пѣсеннымъ текстамъ, съ польскимъ переводомъ, и собраніе идиотизмовъ или особенныхъ выраженій „кревицкаго“ языка, наконецъ этимологическія замѣчанія и статейка о сходствѣ славянскихъ языковъ съ санскритомъ, изъ книжки Маевского ¹⁾.

Мы остановились дольше на книжкахъ Чечота потому, что онѣ представляютъ довольно характерное явленіе польской этнографіи относительно бѣлорусской народности, и притомъ эти книжки рѣдки и у насъ мало извѣстны. Названіе бѣлорусскаго племени „кревицкимъ“ въ первый разъ пошло, кажется, отъ Нарбутта ²⁾, и изъ всего, что мы цитировали, кажется, ясно, что въ Чечотѣ мы имѣемъ дѣло вовсе не съ человѣкомъ какой-нибудь лукавой тенденціи, а съ искреннимъ любителемъ, который зналъ бѣлорусскій языкъ и народъ съ дѣтства и, воспринявъ въ своей школѣ народный романтизмъ и человѣчное отношеніе къ народу, примѣнялъ теперь это давнее настроеніе къ этнографіи. Къ спеціальному этнографическому изученію онъ былъ, очевидно, приготовленъ очень мало, — въ началѣ не понималъ, напр., даже того, что народная поэзія можетъ стать предметомъ научнаго

¹⁾ „O Sławianach i ich pobratimcach. Cześć pierwsza, obejmująca Rozprawę o języku Samokryckim, tudzież o literaturze Indian“, przez W. S. Majewskiego. Warszawa, 1816.

²⁾ Ср. позднѣйшее замѣчаніе Сырокомли: „Происходитъ ли названіе кривичанъ отъ литовскаго слова: Круге? и должно ли поэтому доказывать до-историческое братство (pobratymstwo) ихъ племени и вѣры съ Литвой?—Этой мысли, брошенной впервые Ватсономъ, а нинѣ доказываемой историкомъ Литвы, Т. Нарбуттомъ, мы не чувствуемъ себя въ правѣ ни поддерживать, ни опровергать“. Teka Wileńska, 1867, № 1, стр. 225.

интереса только на ея подлинномъ языкѣ: только въ послѣднихъ своихъ книжкахъ онъ помѣщаетъ „первотворныя“ бѣлорусскія пѣсни и приходитъ къ заключенію, что лучший способъ собирать произведенія народа—не черезъ паненковъ, а прямо изъ народныхъ устъ и въ самой обстановкѣ обычаевъ и обрядовъ. Его этнографическія наблюденія неразрывны съ мыслью о тяжеломъ бытовомъ положеніи вѣрностнаго народа, о которомъ онъ говорить съ несомнѣнно искреннимъ участіемъ. Жаль, конечно, что пѣсни, сообщенныя имъ только въ переводахъ, почти пропадаютъ для изслѣдованія и остаются только косвеннымъ матеріаломъ для сличенія ¹⁾.

Не больше Чечота приготовленъ былъ къ этнографическому изученію Ромуальдъ Зенкевичъ, издавшій сборникъ бѣлорусскихъ пѣсенъ въ 1851 году ²⁾. Намъ не встрѣтилось о немъ біографическихъ свѣдѣній; по указанію г. Безсонова ³⁾, это былъ почтенный мѣстный учитель, доживавшій свой вѣкъ въ крайней бѣдности и слѣпотѣ. Его отношеніе къ дѣлу было почти столь же простодушное, какъ у Чечота, но онъ пошелъ дальше тѣмъ, что къ своему польскому переводу онъ уже вездѣ прилагаетъ *en regard* бѣлорусскій подлинникъ, переданный, конечно, по польскому обычаю, польской азбукой. Главная доля сборника состоитъ изъ пѣсенъ надъ рѣками Пиной, Припетью и Цной (болѣе 200, стр. 1—377) и затѣмъ прибавлено нѣсколько пѣсенъ изъ волинскаго Полѣсся, съ Буга, въ окрестностяхъ Любомля. Въ небольшомъ предисловіи онъ указываетъ въ пѣсняхъ прелесть первобытной поэзіи, чуждой всего искусственнаго, и интересъ ихъ, какъ остатка далекой древности: „эти именно соображенія побудили меня къ собиранію народныхъ пѣсенъ, а пріютъ, который — когда лодка моя разбилась — я, во мракѣ вѣчной ночи (намекъ на его слѣпоту), находилъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ пинскомъ краѣ, въ домѣ князей Іеронимовъ Друцкихъ-Любецкихъ, далъ мнѣ къ этому удобный случай“. Пѣсни онъ помѣщалъ „безъ всякихъ измѣненій и передѣлокъ, какъ ихъ слышалъ въ пѣніи“; въ рас-

¹⁾ Г. Безсоновъ упоминаетъ изъ этого времени еще познанскій сборникъ „изъ околлицъ Алексоты“, какъ заключающій польскіе переводы „съ литовско-жмудскаго и отчасти бѣлорусскаго“, но эта книжка: „Pieśni ludu Nad Niemnińskiego z okolic Aleksoty, zebrał i przełożył Karol M. Br...i (Brzostowski). Z dołączeniem do niektórych melodyj“. Poznań, 1844. (16°, 129 стр., 51 пѣсня, изъ которыхъ при 8-ми приведены литовскій оригиналы, — и поэма изъ народныхъ преданій) не представляетъ ничего бѣлорусскаго, а только литовское.

²⁾ *Piosenki gminne ludu Pińskiego. Zbierał i przekładał Romuald Zienkiewicz. Kowno, 1851. 8°. XVII (пред. и оглавленіе) и 414 стр.*

³⁾ Бѣлор. Пѣсни, стр. XXIII.

положеніи—руководился временемъ, когда онѣ поются народомъ, причѣмъ помѣстилъ и краткое описаніе обрядовъ; но полное объясненіе собиратель оставлялъ историкамъ и археологамъ. Въ переводѣ,—говоритъ онъ,—старался вѣрно передать духъ и виѣшнюю форму подлинника; но самъ сознается, что иной разъ старался придать пѣснямъ, слишкомъ отрывочнымъ, большую цѣльность — и переводы выходили обширнѣе подлинника. Кое-гдѣ Зенкевичъ уклонился отъ передачи нѣкоторыхъ подробностей, не-пріятныхъ для польскаго уха, хотя сохранилъ ихъ въ бѢлорусскомъ подлинникѣ пѣсни ¹⁾. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ вдается въ небольшія міеологическія объясненія — его параллели взяты иногда изъ библейскихъ сказаній, а особенно изъ греческой міеологии; конечно, объясненія совершенно отрывочны и случайны ²⁾.

Далѣе, мы встрѣчаемъ еще одну работу Зенкевича: „О урочищахъ и обычаяхъ пинскаго народа и также о характерѣ его пѣсень“ ³⁾: это—заслуживающее вниманія описаніе нѣкоторыхъ урочищъ пинскаго края, связанныхъ съ народными преданьями, и описаніе обычаевъ, колядскихъ, свадебныхъ и пр., служащее комментариемъ къ пѣснямъ.—Зенкевичъ умеръ въ 1868 г. ⁴⁾.

Время съ тридцатыхъ до начала шестидесятыхъ годовъ представляетъ значительное развитіе интереса къ изученію западно-русскаго края. Виленскій университетъ, закрытый послѣ возстанія, въ 1832 г., успѣлъ возбудить умственную жизнь, и Вильна оставалась однимъ изъ главныхъ центровъ польскаго литературнаго движенія, въ которомъ здѣсь участвовали и нѣкоторые изъ бывшихъ профессоровъ университета. Такимъ отголоскомъ прежняго была дѣятельность Чечота. Въ сороковыхъ годахъ Крашевскій издавалъ въ Вильнѣ свой „Атеней“, Киркоръ (съ псевдонимомъ Jan ze Śliwina) издавалъ свои періодическіе сборники

¹⁾ Напр., на стр. 282: звѣздочка свѣтитъ—„nie dla ciebie, wraży synu, Lasze“; подчеркнутыя слова остались непереведенными. Пѣсня о Гонтѣ, предводителѣ уманьской рѣзни и его казни (стр. 394—398), оканчивается правоученіемъ (угрозой) не для поляковъ, а для украинцевъ.

²⁾ Первый небольшой сборникъ Зенкевича, изъ 34 пѣсень, напечатанъ былъ еще въ 1847 году въ „Атеней“ Крашевскаго (Athenaeum, pismo zbiorowe, Wilno, т. IV, стр. 146—186: „Pieśni ludu, zebrane w Północy i przelożone“ и пр.). а еще ранѣе онъ далъ образчикъ бѢлорусскихъ пѣсень въ изданіи Киркора: „Rade-gast“, 1843. Пѣсни „Атенея“ представляютъ нѣкоторые варианты въ записи, иногда болѣе, кажется вѣрныя, чѣмъ въ изданіи 1851 г., иногда—наоборотъ.

³⁾ Biblioteka Warszawska, 1852, т. IV, стр. 505—527; продолженія, въ 1853-мъ, у насъ не было подъ руками. Раньше онъ помѣстилъ статью: „O kurhanach i grodziskach powiatu Oszmiańskiego“, въ „Атеней“ Крашевскаго, 1848, т. V, стр. 119—128.

⁴⁾ Encyklop. Powzeczna, Оргельбранда, в. v.

„Radegast“ и „TeKa Wileńska“; въ Вильнѣ работали мѣстные изслѣдователи, какъ Ярошевичъ, Балинскій, Киркоръ, гр. Тышкевичъ, Сырокомля и т. д.—трудами которыхъ, особливо первыхъ, обильно пользовались потомъ первые русскіе изслѣдователи исторіи и этнографіи западнаго края. Такъ, Іосифъ Ярошевичъ, авторъ упомянутой раньше книги объ исторіи „Литвы“, бывшій профессоръ виленскаго университета, писалъ о статистикѣ и этнографіи Гродненской губерніи ¹⁾; въ томъ же „Атенеѣ“ Крашевскаго помѣщены были этнографическія свѣденія о жителяхъ кобринскаго уѣзда той же губерніи ²⁾; извѣстному поэту Сырокомлѣ (Кондратовичу) принадлежитъ монографія о Минскѣ, современномъ и историческомъ ³⁾; далѣе, изслѣдованія по исторіи и этнографіи края Н. Малиновскаго и особливо Киркора, труды котораго наполовину принадлежать русской литературѣ и о которомъ скажемъ еще далѣе. Одно изъ лучшихъ произведеній этой польско-бѣлорусской этнографіи есть книга гр. Евстафія Тышкевича—составившаго себѣ почетную извѣстность археологическими трудами—„Описаніе Борисовскаго уѣзда“ ⁴⁾. Книга составлена мѣстнымъ статистическимъ комитетомъ, который собранъ былъ гр. Тышкевичемъ, какъ предводителемъ дворянства (маршалкомъ), подъ его предсѣдательствомъ, и посвящена гр. Л. А. Перовскому, тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ, какъ ихъ „главному начальнику“, которому „обязаны своимъ развитіемъ всѣ статистическія работы въ имперіи“. Книга даетъ подробное и весьма обстоятельное описаніе по тѣмъ предметамъ, какіе указывались тогдашними статистическими программами, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр., въ отдѣлѣ этнографическомъ, быть можетъ, давала даже больше, чѣмъ тогда требовалось этими программами.

¹⁾ *Materiały do statystyki i etnografii Gubernji Grodzieńskiej. Powiat Bielski*,—„*Athenaeum*“, 1848, т. VI, стр. 168—186. Здѣсь, между прочимъ, замѣтки о народномъ бытѣ бѣлоруссовъ, о тяжеломъ положеніи помѣщичьихъ крестьянъ сравнительно съ государственными, два образчика пѣсенъ, указаніе на другіе образчики въ книгѣ Войццкаго, 1836, и въ 1-мъ выпускѣ „*Ondynu*“ друскеницкой, 1846.—Вѣроятно, эта статья Ярошевича („Статистико-этногр. свѣденія о Бѣльскомъ уѣздѣ Гродненской губерніи“) явилась по-русски въ „Гродн. Губ. Вѣдом.“ 1848, 20—22.

²⁾ *Kilka zagadów z życia ludu wiejskiego w Kobryńskim. Przez K.*,—„*Athenaeum*“, 1850, ч. IV, стр. 165—187.

³⁾ *Minsk, „TeKa Wileńska“*, 1857, № 1, стр. 173—232; № 2, стр. 133—204. Въ исторіи этого края Сырокомля считаетъ, что Слово о полку Игоревѣ есть поэма бѣлорусская и что Баянъ жилъ именно въ Минскѣ; см. „*TeKa*“, I, стр. 208.

⁴⁾ *Opisanie powiatu Borysowskiego pod względem statystycznym, geognostycznym, historycznym, gospodarszym, przemysłowo-handlowym i lekarskim. Z dodaniem wiadomości: o Obyczajach, Spiewach, Przysłowiach i Ubiorach ludu, Gusiach, Zabobonach i t. d. Wilna*, 1847. 446 и 43 стр. 8°.

За свѣденіями статистическими (о пространствахъ, границахъ, населеніи и пр.), помѣщены историческія свѣденія о судьбѣ края отъ древнихъ до новыхъ временъ, археологическіе остатки, свѣденія о городѣ и мѣстечкахъ, церквахъ православныхъ и католическихъ; геогностическое и естественно-историческое описаніе края; далѣе, описаны хозяйство, хлѣбныя растенія, промыслы; свѣденія медицинскія; образованіе, научныя собранія, — наконецъ, народная жизнь (стр. 286—446). Въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ помѣщено множество любопытныхъ данныхъ, описаній обрядовъ съ сопровождающими ихъ пѣснями. Здѣсь выдѣлены особенно двѣ статьи: обряды деревенскаго народа съ береговъ Березины, наблюдавшіеся и собранные въ Побережѣ и Скуплинѣ въ 1846 г., Е. М., и свадебные обряды въ Борисовскомъ уѣздѣ, въ приходѣ Гаенскомъ, наблюдавшіеся въ 1800, 1801 и 1802 гг. съ нѣкоторыми пѣснями; это послѣднее есть работа Игн. Шидловскаго, перепечатанная изъ его журнала 1819 г. ¹⁾ Далѣе, описаніе обрядовъ жнивныхъ съ ихъ пѣснями; народное чарованіе, суевѣрія, примѣты; собраніе пословицъ, расположенныхъ по рубрикамъ бытовыхъ отношеній и нравственныхъ понятій.

Въ западномъ край и послѣ паденія польскаго государства шла та же польская жизнь, въ иныхъ случаяхъ, какъ мы видѣли, даже подкрѣпленная русскою властью. Такъ, напр., здѣсь, какъ и на Украинѣ, польское крѣпостное право надъ русскими крестьянами приобрѣло болѣе спокойную прочность; іезуитство было уничтожено въ 1773 въ Польшѣ, но въ областяхъ, присоединенныхъ къ Россіи, оно было сохранено наперекоръ папской буллѣ, потому что іезуиты счумѣли здѣсь выставить себя вѣрнѣйшими подданными, и въ то время, когда въ самой Польшѣ (до послѣдняго раздѣла) началось и сильно развивалось движеніе въ болѣе новомъ просвѣтительномъ духѣ, въ западномъ край еще долго господствовала іезуитская школа въ старомъ духѣ. Высшіе классы оставались и подъ русскимъ владычествомъ тѣмъ же, чѣмъ были прежде, и судьба народа оставалась та же. Но образовательное движеніе, начавшееся въ Польшѣ въ концѣ прошлаго столѣтія, распространилось и сюда и выразилось основаніемъ виленскаго университета; и съ развитіемъ новой литературы, гдѣ, какъ упомянуто, нашла мѣсто довольно распространенная (хотя неглубокая) народно-романтическая струя, умственная жизнь получила новую складку: возникъ интересъ къ народнымъ массамъ. Нельзя было не видѣть, что въ западномъ край эти массы были въ гро-

¹⁾ Tygodnik Wileński, 1819, т. VII, стр. 1 и 81.

мадномъ большинствѣ чужды польской національности—русскія и литовскія; но, по старой памяти, никому не приходило въ голову, чтобы эти массы, при какомъ-либо дальнѣйшемъ развитіи, могли найти инныя средства просвѣщенія, кромѣ польскихъ, и могли вступить на иной путь цивилизаціи, кромѣ польскаго. Рядомъ съ этимъ была—часто горячая—любовь къ своей мѣстной родинѣ, къ ея исторической и бытовой особенности, къ народному обычаю, знакомому съ дѣтства и въ панской средѣ; въ этой средѣ не чужды былъ и народный (въ данномъ случаѣ бѣлорусскій) языкъ, къ которому привыкали отъ нянекъ, домашней прислуги и отъ сельскихъ рабочихъ; многіе изъ панства, сами бѣлоруссы, кажется, до довольно поздняго времени не были окончательно полонизованы, и языкъ бѣлорусскій частію держался и въ этой средѣ, какъ родной; въ мелкой „загнѣтковой“, „околичной“, шляхтѣ—тѣмъ болѣе. Народно-романтическое направленіе литературы совпадало съ этой памятью бѣлорусскаго и съ привязанностью къ нему въ самой жизни,—и въ мѣстномъ патріотизмѣ произошло довольно странное соединеніе весьма разнородныхъ элементовъ: этотъ патріотизмъ былъ „бѣлорусскій“, но сущность его была польская. Онъ былъ бѣлорусскій—по любви къ территориальной родинѣ и ея пейзажной и бытовой обстановкѣ, но вся жизнь самого бѣлорусскаго народа понималась съ чисто польской точки зрѣнія: этотъ народъ игралъ только служебную роль; его бытовое содержаніе, его поэзія не могли ожидать какого-нибудь собственнаго самостоятельнаго развитія и должны были только послужить къ обогащенію польской литературы и поэзіи, какъ самый народъ долженъ былъ питать польскую національность, въ которой онъ и считался... Мы замѣчали уже, что въ этомъ взглядѣ на западный край, какъ на край польскій, у насъ видѣть неисправимую злонамѣренность польскихъ патріотовъ, и повторимъ, что съ другой стороны, напротивъ, по вѣковой исторической судьбѣ края они весьма естественно приходили къ этой точкѣ зрѣнія: польская цивилизація, католицизмъ или уніа, польскій языкъ и, наконецъ, польскій патріотизмъ казались единственнымъ результатомъ, какой могъ предстоять народнымъ массамъ этого края... Намъ самимъ представляется обыкновенно, что или государство, или ходъ просвѣщенія должны только объединять инородные элементы подъ русское цѣлое; то же самое казалось полякамъ: сначала они объединяли государственной силой, потомъ присоединялась къ ней сила культурная, и послѣ паденія государства эта послѣдняя оставалась, и дѣйствительно — вслѣдствіе разныхъ условій, и между прочимъ нашего собственнаго призна-

нія и содѣйствія—оказывала свое дѣйствіе. Съ XVI-го вѣка, и даже раньше, культурная жизнь инородныхъ областей Польши складывалась въ польскую форму; теперь, при всѣхъ политическихъ невзгодахъ, продолжалось то же: польская литература украшалась именами „литвина“ Мицкевича, „украинцевъ“ Богдана Залѣскаго, Гоцинскаго, „бѣлорусса“ Сырокомли и т. д., и если полякамъ трудно было увѣриться, что для Украины окончательно наступилъ иной періодъ и путь развитія, то для бѣлорусской народности они такого пути не видѣли: она оставалась въ сферѣ польскаго культурнаго господства,—и сами русскіе долго не подозревали возможности и необходимости наступленія иныхъ отношеній.

Въ сороковыхъ годахъ, когда совершались упомянутые польскіе этнографическіе труды по изученію бѣлорусскаго края, мѣстные патріоты говорили о „бѣлорусской литературѣ“, радовались ея возникновенію и желали ей успѣховъ. Какая же это была литература?—Всего меньше она была на бѣлорусскомъ языкѣ: она понималась, главнымъ образомъ, территоріально; это была литература польская, относившаяся къ Бѣлоруссіи, изображавшая ея природу, нравы и обычаи, передававшая мѣстные черты и особенности—и въ томъ числѣ она касалась народнаго, а иногда вмѣщала въ себѣ и сочиненія на бѣлорусскомъ языкѣ. Словомъ, это была польская провинціальная литература. Ея начатки возникали въ самой средѣ обыденной жизни; въ частныхъ явленіяхъ мѣстнаго быта находился матеріалъ для легкой беллетристики, шутки и домашней сатиры; часто эта литература была письменная, ходила по рукамъ, любопытная и иногда только туземцамъ понятная; иной разъ она касалась и народной жизни; наконецъ, эти попытки выступали и на обще-литературную сцену... Не вдаваясь въ ея подробности, укажемъ два-три примѣра.

Этотъ мѣстный интересъ сталъ сказываться еще съ конца прошлаго столѣтія, и любопытно, что однимъ изъ первыхъ его проявленій была здѣсь, какъ и въ малорусской литературѣ, Энеида наизнанку, переложенная на бѣлорусскіе народные нравы и на бѣлорусскомъ языкѣ. Авторомъ этой „Энеиды“ былъ нѣкто Маньковскій, проживавшій въ Могилевѣ и бывшій потомъ вице-губернаторомъ въ Витебскѣ, въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія. По словамъ польскаго мѣстнаго историка, эта поэма, изображающая, подъ видомъ героевъ Виргиліевой поэмы, быть богатыхъ бѣлорусскихъ хлопцовъ,—чисто народна по своему духу и формѣ, и представляетъ совершеннѣйшій образецъ бѣлорусской шутки и юмора, и вмѣстѣ чистѣйшій образецъ бѣлорус-

скаго языка „Энеида“ Маньковского пользовалась великой популярностью въ средѣ мелкой шляхты, ходила въ рукописяхъ, стихи ея заучивались, но о самомъ авторѣ извѣстно было (и, кажется, осталось) очень мало ¹⁾.

Опуская другихъ писателей польскихъ, которые изображали бѣлорусскій край и его жизнь, какъ Каз. Буйницкій, Александръ Гроза, Лада-Заблоцкій и другіе, упомянемъ еще о писателѣ, котораго бѣлорусско-польскіе мѣстные патріоты называли въ сороковыхъ годахъ „львомъ“ этой литературы. Это былъ Лян Барщевскій, род. въ 1794 г. Бѣлорусскій уроженецъ (его родина — витебская губ.), онъ принадлежалъ къ той многочисленной, но бѣдной шляхтѣ этого края, которая, по словамъ его польскаго біографа, „не имѣя сознанія о своей сущности, имѣетъ наиболѣе народныхъ жизненныхъ элементовъ и сохраняетъ съ несглаженнымъ цивилизаціею характеромъ наиболѣе народныхъ воспоминаній. Этотъ бѣдный классъ шляхты, имѣющей такія близкія связи съ классомъ народа сельскаго, что почти сливается съ нимъ, представляетъ собой переходъ и соединеніе этихъ двухъ сословій“, — которымъ Барщевскій и посвятилъ свое перо. Онъ учился въ іезуитской коллегіи въ Полоцкѣ, и еще въ школѣ приобрѣлъ репутацію стихотворца, и писалъ стихотворенія и „ораціи“ на торжественные школьные случаи; возвращаясь домой на вакаціи, онъ занимался стихотворствомъ другого рода, писалъ шуточные стихи и каррикатуры, которые очень нравились, такъ что бѣдный поэтъ былъ желаннымъ гостемъ у „застѣвковой“ шляхты своего края, которая вознаграждала его творчество натурой — мѣрой гороху, пшеницы и т. п. Эта самая шляхта доставила ему типы, которые онъ изображалъ потомъ въ своихъ повѣстяхъ; нѣкоторые его стихи, на бѣлорусскомъ языкѣ, приобрѣтали большую популярность, расходились „по всей Бѣлоруссіи“ (говоритъ его біографъ) и, „наравнѣ съ Маньковскимъ, ставили его во главѣ истинно народныхъ бѣлорусскихъ писателей“. Онъ отправился потомъ въ Петербургъ, былъ гувернеромъ, учителемъ греческаго и латинскаго языковъ, а лѣтомъ уходилъ пѣшкомъ въ свою Бѣлоруссію; съ нимъ, въ шапкѣ, были его тетрадки, писанныя стариннымъ почеркомъ и старинной орфографіей; свое время проводилъ онъ въ народной и полу-народной мелко-шляхетской средѣ, которую зналъ совершенно. Свою печатную литературную дѣятельность онъ началъ изданіемъ періодическаго сборника „Niezabudka“,

¹⁾ Отрывокъ этой поэмы напечатанъ былъ въ „Маякѣ“, 1845, т. XXIII, Смѣсь, стр. 33—39: „Отрывокъ изъ Энеиды на изнанку на бѣлорусскомъ крестьянскомъ нарѣчій“.

которому приписываютъ ту заслугу, что онъ будилъ интересъ къ литературѣ въ томъ кругу, гдѣ до тѣхъ поръ единственнымъ чтеніемъ были календари. Барщевскій началъ стихотворными балладами изъ народнаго быта и преданій и затѣмъ перешелъ къ разсказамъ, которые составили основаніе его литературной репутаціи. Польскіе критики сороковыхъ годовъ ставили его очень высоко ¹⁾).

Съ нынѣшней и русской точки зрѣнія, разсказы Барщевского, пожалуй, не представляютъ такихъ достоинствъ, какія видѣлись польскимъ критикамъ; изображенія быта не идутъ глубоко, отношеніе къ народу остается покровительственное — но и неясное; нѣтъ того непосредственнаго интереса къ народу, который былъ бы нуженъ и для цѣлей искусства, и диктовался бы мыслью о социальномъ положеніи народа. Но въ тогдашнихъ условіяхъ, когда и въ русской литературѣ только еще готовилось это простое, гуманно-реальное представленіе народа въ понятіяхъ общественныхъ и художественныхъ, и когда польская литература была еще болѣе далека отъ подобнаго представленія, разсказы Барщевского могли явиться любопытною новостью, пріятною для мѣстныхъ патріотовъ изображеніями быта ихъ родины, а также пріятною и для тѣхъ, кто уже думалъ, что должны установиться нныя, болѣе человѣчныя отношенія къ хлопоту. Разсказы построены очень просто: авторъ пріѣзжаетъ на родину и живетъ у своего дяди, шляхтича Завальни, мѣстнаго старожилы, знающаго весь околлдокъ, и встрѣчаетъ у него разнородныя лица, которыя и проходятъ въ разсказѣ съ цѣлымъ рядомъ исторій, рисующихъ мѣстную жизнь, народныя нравы, суевѣрія и т. п. Разсказъ ведется въ тонѣ добродушнаго юмора, съ образчиками народной рѣчи и пѣсни ²⁾).

Въ сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ выступалъ съ своими сочиненіями на бѣлорусскомъ языкѣ мѣстный патріотъ Винцентій Дунинъ-Марцинкевичъ, котораго одна пьеса на бѣлорусскомъ языкѣ давалась даже въ Минскѣ на сценѣ съ большимъ успѣхомъ ³⁾).

¹⁾ См. собраніе разсказовъ Барщевского: *Szlachcic Zawalnia czyli Białoruś w fantastycznych opowiadaniach przez Jana Baraszczewskiego. Poprzedzone krytycznym rzutem oka na literaturę Białoruską przez Romualda Podbereskiego. Wydał Jan Eynerling. Petersburg, 1844—1846, 4 книжки. Ср. письмо Головинскаго къ Мих. Грабовскому, „Pielgrzym“, 1848, т. II, июнь.*

²⁾ Имя этого писателя появлялось тогда и въ русской литературѣ; см. „Очерки сѣверной Бѣлоруссіи“, Яна Барщевского, въ „Иллюстраціи“, 1846, № 10.

³⁾ Это была „Sielanka“, комедія въ 2 д., Вильно, 1846. Затѣмъ имъ были изданы „Haron, powieść białoruska, z prawdziwego zdarzenia, w języku białoruskiego ludu

Въ художественномъ отношеніи произведенія его не требуютъ критики; они любопытны только какъ бытовая черта. Въ предисловіи къ своему „Гапону“, авторъ объясняетъ, что въ своей пьесѣ „имѣлъ въ виду, чтобы наши обыватели, въ выборѣ на помощь себѣ официалистовъ (управляющихъ), обращали поочередное вниманіе на ихъ характеръ и нравы: потому что они, злоупотребляя иногда вѣренной имъ властью, для собственныхъ выгодъ притѣсняютъ трудолюбивый народъ и черезъ это, часто самымъ невиннымъ (т.-е., вѣроятно, со стороны самихъ пановъ) образомъ, навлекаютъ на пановъ его ненависть... И для того также я писалъ на языкѣ крестьянъ, чтобы пьеса, иной разъ прочитанная имъ въ праздничный день, могла привлечь ихъ сердца къ панамъ и тѣмъ же соединить ихъ интересомъ общей выгоды, и вмѣстѣ, чтобы уничтожить то, какъ будто врожденное, отвращеніе, съ какимъ нашъ крестьянинъ относится къ служенію краю“. — Въ примѣрѣ для крестьянъ и въ совѣтъ помѣщикамъ выставляется, напр., трудолюбивый и добродѣтельный „хлопекъ“, который получаетъ отъ пана награду; авторъ пишетъ на бѣлорусскомъ языкѣ особое „повиншваніе“, въ стихахъ, которымъ „войтъ Наумъ“ поздравляетъ панну въ день ея именинъ и т. п.

Прибавимъ еще, что тотъ же Марцинкевичъ сдѣлалъ бѣлорусскій переводъ „Пана Тадеуша“ (первая часть, Вильно, 1856). Другой польско-бѣлорусскій писатель, Даревскій-Верига, кромѣ собственныхъ сочиненій, сдѣлалъ бѣлорусскій переводъ „Конрада Вяленрода“, оставшійся, впрочемъ, ненапечатаннымъ. По словамъ Киркора, „извѣстный польскій поэтъ Сырокомля (Людвигъ Кондратовичъ) не только отлично зналъ языкъ бѣлорусскій, но зналъ народъ, любилъ его, понималъ его нужды, его желанія, проникалъ всю глубину его чувства, зналъ его преданія, поговорки. Поэтому не удивительно, что его бѣлорусскія пѣсни особенно любимы народомъ. Ихъ поютъ вездѣ, хотя немногіе уже знаютъ, кто былъ ихъ авторомъ“ ¹⁾).

parisana. Mińsk, 1855 (здѣсь же и другія стихотворенія и пьеса на польскомъ языкѣ); „Wieczernice“, тамъ же, 1855; „Ciekawys?—przeczytaj“, 1856, гдѣ, кромѣ польскаго стихотворства, помѣщена: „Kurpała, powiastka ludowa, w białoruskiem narzeczu“; „Dudarz białoruski, szyli wazystkiego potroaze“. Mińsk, 1857, гдѣ опять, среди польскихъ пьесъ, помѣщены „Szczegółskie Dożynki“, повѣсть въ стихахъ на бѣлорусскомъ нарѣчьи. Шпилевскій упоминаетъ о „Селянѣхъ“ Марцинкевича какъ объ „извѣстной народной опереткѣ“ („Пантеонъ“, 1854, т. XV, стр. 51).

¹⁾ „Живописная Россія“, изд. Вольфа, т. III, 1882, стр. 327. Одинъ изъ писателей этой бѣлорусско-польской литературы, Казимиръ Вуйницкій, издавалъ въ 40-хъ годахъ въ Вильнѣ періодическій сборникъ: „Rubon, rismo zbiorowe, poświęcone rozrytecznej rozrywce“, гдѣ было дано мѣсто и интересу народно-поэтическому. Здѣсь

Въ 1858 году, кружокъ польско-бѣлорусскихъ писателей издалъ „Альбомъ“ по случаю прибытія въ Вильну императора Александра II, гдѣ были выражены мѣстныя патриотическія чувства и добрыя пожеланія. Въ „Альбомѣ“, который поднесенъ былъ императору Киркормъ и другими лицами, приняли участіе Одынецъ, помѣстившій свое стихотвореніе, и, между прочимъ, Викентій Коротыньскій, написавшій здѣсь стихотвореніе отъ имени народа на бѣлорусскомъ языкѣ. Нѣтъ повода сомнѣваться, что это настроеніе было искреннее: по крайней мѣрѣ крайніе польскіе патриоты возстали противъ виленскаго „Альбома“, какъ противъ измѣны ¹⁾.

Съ другой стороны бѣлорусскій языкъ послужилъ и для другого рода литературы: въ 1862 году ходила по рукамъ книжка „съ политической тенденціей“, вѣроятно, въ духѣ возстанія ²⁾.

Не будемъ останавливаться на другихъ явленіяхъ этой „бѣлорусской“ литературы ³⁾: мы имѣемъ въ ней вообще отраженіе польскаго взгляда на западный край, какъ на составную часть и польской территоріи, и польской національности, и только въ самое послѣднее время, передъ польскимъ возстаніемъ, стало возникать представленіе о болѣе сложномъ характерѣ этого края, гдѣ требовалъ себѣ вниманія и своего права элементъ народно-русскій.

участвовали, между прочимъ, извѣстный польскій критикъ и этнографъ Мих. Грабовскій (большая статья: O gminnych ukraińskich podaniach, т. VI, 1845, стр. 145—218, главнымъ образомъ, на основаніи неизданныхъ собраній г. Кулиша), Киркоръ (Jan ze S.), Чечотъ (стихотворенія), гр. Платеръ (по археологін), и др. Въ V-мъ томѣ этого сборника, 1845, помѣщена статья: Rzut oka na poezję ludu Biało-ruskiego (стр. 35—82; подпись: Ign. Chr. . ., 1843, въ Кохановичахъ—витебской губ.); здѣсь, кромѣ понятныя характеристика бѣлорусской народной поэзіи, помѣщено нѣсколько образчиковъ пѣсенъ. См. также пѣсни въ III-мъ томѣ, котораго мы не имѣли въ рукахъ.

¹⁾ Извѣстный польскій публицистъ того времени, Юліанъ Клячко, издалъ по этому случаю рѣзкій памфлетъ: „Odstercu“; другой патриотъ, Корнелій Уейскій, нѣсколько воедиже авторъ знаменитой революціонной пѣсни „Z dymem pożarów“, написалъ не менѣ ожесточенное нападеніе, гдѣ караетъ Одынца, Игнатія Ходзьку, Николая Малиновскаго, Киркора и ксати Коротыньскаго. См. „Dziennik Literacki“, 1860, и въ отдѣльномъ изданіи: „Listy z pod Lwowa. Pierwsze trzy głosy“, Kornela Ujejskiego. Lipsk, 1861 („O Albumie Wilenskim“, стр. 11—20).

²⁾ Книжка называлась „Hutorki staroho dzieda“; см. статью г. Ельскаго о бѣлорусской этнографіи въ газетѣ „Chwila“, 1886, № 20.

³⁾ Онѣ перечислены вкратцѣ въ той же статьѣ Киркора въ „Живописной Россіи“, т. III, стр. 326—328.

IV.

Рѣзкій поворотъ въ судьбѣ бѣлорусской этнографіи начинается, какъ мы упоминали выше, съ послѣдняго польскаго возстанія. Въ русскомъ обществѣ, можно сказать, въ первый разъ явилось тогда болѣе или менѣе отчетливое представленіе о западномъ край, какъ о русскомъ, и лишь околѣ того времени началось первое внимательное и научнымъ образомъ поставленное изслѣдованіе западно-русской вѣтви русской народности. Это было новое, послѣ уничтоженія уніи, „возсоединеніе“ западнаго края съ русскимъ центромъ; къ сожалѣнію, дѣло, поднятое въ 1863 году въ исключительныхъ обстоятельствахъ, до сихъ поръ остается натынутымъ, неяснымъ и обоюднымъ. Интересъ общества къ западно-русскому вопросу не былъ, или не могъ быть, полный: въ сущности онъ былъ поставленъ только съ тѣсно политической точки зрѣнія, почти исключительно въ смыслѣ анти-польскихъ репрессалій, и собственно народно-общественная сторона дѣла не нашла въ то время, да и послѣ, возможности выясниться и высказаться...

Упомянутое возсоединеніе русской народности было, конечно, очень запоздалое: главныя части бѣлорусскаго края почти уже сто лѣтъ находились въ соединеніи съ имперіей, и можно было бы ожидать, что національные инстинкты раньше окажутъ свое дѣйствіе и произведутъ то сліяніе, о которомъ стали такъ много говорить съ 60-хъ годовъ. Но причины этой запоздалости весьма понятны. Частью мы ихъ указывали выше. Сліяніе возможно лишь тогда, когда для него работаютъ не однѣ внѣшнія, но и внутреннія силы, не только политическія, но и общественныя, народныя, образовательныя. Между тѣмъ, какъ мы видѣли раньше, сама власть долгое время смотрѣла на западный край какъ на вполнѣ или наполовину польскій, и такъ-называемый культурный, а вмѣстѣ и владѣльческій классъ былъ въ самомъ дѣлѣ польскій или полонизованный до такой степени, что русская доля его была почти незамѣтна, оставалась почти безъ вліянія. Русское общество, до конца 50-хъ годовъ, было почти чуждо западно-русскому вопросу: оно не имѣло никакого голоса въ предметахъ, имѣвшихъ какой-нибудь политическій отгнѣнокъ, и занято было тѣми заботами своего внутренняго развитія, какія оставались ему доступны и которыя, сами по себѣ, были слишкомъ серьезны, настоятельны и требовали не малыхъ усилій, — между тѣмъ западно-русскій вопросъ былъ именно политическій и народно-общественный. Говорить о „народѣ“ въ сколько-нибудь широкомъ

и серьезномъ смыслѣ этого слова не было возможности до тѣхъ поръ, пока нельзя было коснуться его существенной стороны — крѣпостного права. Въ западномъ краѣ народный вопросъ былъ въ особенности вопросъ крѣпостной, тѣмъ болѣе мудреный, что владѣльческой стороною являлся классъ иноплеменный или почти иноплеменный. По всѣмъ обстоятельствамъ времени вопросъ оставался недоступнымъ для общественнаго мнѣнія, а вмѣстѣ для литературы, — говорить о бѣлорусскомъ народѣ, какъ и принимать слишкомъ близко къ сердцу интересы народа русскаго (великорусскаго) значило бы прежде всего говорить о крѣпостномъ правѣ, о правѣ народа на лучшее гражданское положеніе, на школу и т. д. Не мудрено, что до начала новаго царствованія научный и общественный интересъ русскаго общества къ западному краю оставался отрывочнымъ и поверхностнымъ; не мудрено также, что первая, болѣе широкая мысль о предметѣ явилась только тогда, когда, при польскомъ возстаніи 1862 — 1863 года, оказалось, что небреженіе къ народному положенію западнаго края можетъ повлечь къ политической опасности или, по крайней мѣрѣ, къ политическому затрудненію и неудобству...

Одной изъ первыхъ и едва ли не первой русской книгой о западномъ краѣ былъ офиціальныи путеводитель, изданныи по поводу путешествія въ Бѣлоруссію императрицы Екатерины въ 1780 году ¹⁾. Книга начинается географическимъ описаніемъ мѣстностей и городовъ, лежащихъ на пути изъ Петербурга въ Бѣлоруссію (Красное Село, Ямбургъ, Нарва и пр.), и затѣмъ переходитъ къ описанію Бѣлоруссіи по тогдашнимъ намѣстничествамъ (полоцкое и моголевское) и ихъ уѣздамъ.

„Сія новая страна, — говорится здѣсь о Бѣлоруссіи, — коеи краткое описаніе здѣсь слѣдуетъ, присоединена паки въ Россіи подѣ благополучнымъ и славнымъ царствованіемъ Екатерины II. Названіе *Бѣлоруссіи* или *Бѣлой Россіи* разные писатели различно производятъ; иные думаютъ, что сіе названіе произошло отъ снѣговъ; другіе — отъ обыкновенія восточныхъ народовъ называть Россійскихъ государей *бѣлыми царями*; иные же — отъ освобожденія податей (ибо всѣ неплатежныя земли изъ стари въ *Россіи* назывались *бѣлыми землями*), когда сія страна под-

¹⁾ „Топографическія примѣчанія на знатѣйшія мѣста путешествія Ея Императорскаго Величества въ Бѣлорусскія намѣстничества. 1780. При Сиб. Импер. Акад. Наукъ“. Мал. 8°. Было сдѣлано зарѣмъ два изданія: одно, снабженное гравюрными орнаментами — 147 стр., другое, лишь съ немногими украшеніями — 133 стр., но оба печатаны однимъ наборомъ. Описаніе Бѣлоруссіи — стр. 42 — 121 по первому изъ этихъ изданій.

пала *Литовскому* владѣнію; но всѣ сіи догадки неосновательны, — свѣдами не одна Бѣлоруссія покрывается; въ нашествіе татаръ на *Россію* прочія ея области не были симъ именемъ названы; отъ бѣлой или безоборочной земли тѣмъ менѣе производить можно, что Литва не могла попустить покоренной оружіемъ землѣ быть отъ всѣхъ податей свободною; въ свойствѣ же или цвѣтѣ земли нѣтъ никакого различія отъ околныхъ странъ. И такъ, вѣроятно, что сіе названіе дано произвольно сей завоеванной части отъ *Литванъ* въ 14-мъ столѣтіи для различія отъ прочихъ странъ Россіи, какъ-то: *Великой, Малой и Червонной Россіи*. Нѣкогда эта страна принадлежала русскимъ великимъ князьямъ, потомъ Россія была расхищена на части, но русскіе государи, начиная съ вел. князя Іоанна Васильевича, „начали паки присоединять оторванныя части“ — княжества черниговское, сѣверское, Смоленскъ; наконецъ, въ 1772 г., „все обстоятельствами времени потерянное приобщено и утверждено подъ державу Екатерины II“. „Премудрыя узаконенія, утвердившія въ Россіи правосудіе... и показавшія всякому состоянію прямой свой долгъ, прямыя свои выгоды и прямыя свои упражненія“ (и между прочимъ доставившія „обществу дворянъ существенныя ихъ преимущества“), теперь „озарили и новопріобрѣтенныя области“, — внутренняя жизнь которыхъ подъ прежнимъ (польскимъ) владѣніемъ изображается самыми мрачными красками.

Названная книжка сообщаетъ о возвращенномъ русскомъ краѣ только внѣшнія топографическія и историческія свѣденія, мало останавливаясь на вопросѣ о русскихъ свойствахъ населенія и его быта, что вообще забывалось тогда, за соображеніями политическими. Заѣзжіе русскіе, которымъ случалось бывать въ краѣ проѣздомъ и по службѣ, видѣли иногда и эту сторону западно-русскаго быта ¹⁾, но въ литературѣ этотъ предметъ оставался незатронутымъ; и какъ мало даже въ образованномъ кругу понимались эти народныя отношенія Бѣлоруссіи, примѣръ этому мы указывали выше въ Запискахъ академика Севергина, которому край казался просто польскимъ, а его православные жители — „схизматиками“.

Въ концѣ концовъ, положеніе вещей должно было, однако, выясниться, и когда это выясненіе не достигалось средствами общественности, на него наводили научное изслѣдованіе — исторія и этнографія. Мы упоминали выше, что въ нашихъ журна-

¹⁾ См., напр., Записки Добрынина, Мертваго и др., изданныя, впрочемъ, только въ новѣйшее время.

лахъ, въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, начинаютъ появляться отдѣльныя этнографическія свѣденія о западномъ краѣ, взятыхъ изъ мѣстныхъ польскихъ источниковъ. Что касается до изслѣдованій историческихъ, то русская наука уже скоро заняла въ этомъ предметѣ самостоятельное положеніе. Древность западнаго края для историковъ польскихъ не могла не представляться больше или меньше чуждой. Западный край вступаетъ въ политическія связи съ Польшей лишь съ конца XIV столѣтія, а тѣснѣе сближается съ нею только съ конца XVI столѣтія, съ люблинскою уніею; русскій языкъ, какъ извѣстно, оставался въ литовскомъ княжествѣ языкомъ официальнымъ и придворнымъ и держался въ административномъ употребленіи даже въ XVII столѣтіи, но полякамъ онъ оставался чуждымъ — для нихъ край и его жизнь становились близки и понятны лишь съ распространеніемъ польскаго управленія, нравовъ, языка и католической церкви; собственно русское стало казаться все больше и больше провинціализмомъ и протонародностью. Между тѣмъ для историка русскаго западно-русская старина могла быть съ самаго начала совершенно доступна и понятна; о ней говорила та же старая лѣтопись, которая говорила о Кіевѣ, Новгородѣ, Ростовѣ, Галичѣ, потомъ Твери, Москвѣ, и т. д.; старый лѣтописецъ говорилъ о русскихъ племенахъ древняго западнаго края наравнѣ со всѣми другими русскими племенами; князья, владѣвшіе этимъ краемъ, были тѣ же князья Рюрикова рода; здѣсь была та же православная русская церковь, тотъ же народъ и языкъ, словомъ, это была естественная составная часть древняго русскаго цѣлаго. Такъ дѣло и было излагаемо въ „Исторіи“ Карамзина. Десятые и двадцатые года нынѣшняго столѣтія отличались особеннымъ возбужденіемъ историческаго интереса въ старинѣ, отчасти подъ вліяніемъ Карамзина, отчасти независимо отъ него, параллельно и въ помощь ему; историческія, филологическія и археологическія разысканія Калайдовича, Востокова, Малиновскаго, Арцыбышева, Успенскаго, нѣмцевъ Эверса, Круга, Лерберга и т. д., все больше и больше расширяли горизонтъ русско-исторіографіи и, между прочимъ, сторону западнаго края. Въ этомъ послѣднемъ направленіи уже съ двадцатыхъ годовъ началъ работать извѣстный бѣлорусскій ученый, протоіерей Иванъ Григоровичъ, поддерживаемый знаменитымъ канцлеромъ Румянцовымъ. Протоіерей Григоровичъ (1792—1852) былъ сынъ православнаго священника въ г. Пропойскѣ (потомъ въ Гомелѣ), могилевской губерніи; онъ не былъ собственно бѣлорусъ (отецъ его былъ родомъ изъ Малороссіи), но онъ выросъ въ западномъ

краѣ, учился потомъ въ петербургской духовной академіи, откуда снова вернулся на родину; здѣсь онъ былъ назначенъ священникомъ и начальникомъ духовной школы въ мѣстечкѣ Гомелѣ (впослѣдствіи уѣздный городъ), принадлежавшемъ тогда графу Румянцову. Въ 1831 году онъ былъ переведенъ въ Петербургъ священникомъ—сначала въ финляндскій полкъ, потомъ къ церкви Аничковскаго дворца, былъ сдѣланъ членомъ российской академіи и Археографической комиссіи вскорѣ послѣ основанія этой послѣдней. Еще при поступленіи въ духовную академію Григоровичъ былъ извѣстенъ Румянцову, который назначилъ ему стипендію. Григоровичъ хорошо зналъ древніе языки и пристрастился къ занятіямъ русской древностью, которымъ, вѣроятно, помогла хорошая классическая школа. Живя студентомъ въ Петербургѣ, онъ бывалъ въ ученomъ обществѣ Румянцова и, вернувшись въ Бѣлоруссію, продолжалъ свои ученныя занятія и сношенія съ извѣстнѣйшими тогда филологами и археологами, какъ митрополитъ Евгеній, Калайдовичъ, Лобойко, Зубрицкій и др. Въ двадцатыхъ годахъ онъ написалъ сочиненіе по исторіи западно-русской церкви, оставшееся ненапечатаннымъ, а затѣмъ рѣшился собрать древніе акты, относящіеся къ исторіи западнаго края; при помощи Румянцова, онъ получилъ разрѣшеніе осмотрѣть могилевскіе архивы, нѣсколько грамотъ доставилъ ему Румянцовъ, и изъ этого матеріала составилось изданіе, первая (и единственная) часть котораго вышла въ 1824 году ¹⁾. Собранные здѣсь акты, на русскомъ и польскомъ языкѣ, простираются отъ половины XV до XVII вѣка, и трудъ Григоровича былъ у насъ первымъ опытомъ обратиться къ самымъ источникамъ западно-русской исторіи, въ ея средніе вѣка, опытомъ, который впослѣдствіи продолженъ былъ массою изданій историческихъ актовъ западнаго края и гдѣ опять Григоровичъ работалъ раньше другихъ въ Археографической комиссіи. Въ Петербургѣ, въ 1834 году, онъ издалъ „Переписку папъ съ русскими государями“ и сочиненія знаменитаго бѣлорусскаго архіепископа Георгія Конисскаго (который, по матери, приходился ему двоюроднымъ дѣдомъ), а вступивъ въ Археографическую комиссію, работалъ преимущественно надъ двумя вещами—дополненіемъ иностранныхъ документовъ о Россіи, собранныхъ А. И. Тургеневымъ, и редакціей древнихъ русскихъ актовъ, особливо актовъ, относящихся къ западной Россіи ²⁾. Наконецъ, о. Гри-

¹⁾ Бѣлорусскій архивъ древнихъ грамотъ. Часть 1-я. Москва, 1824, 4°. Книга издана была гр. Румянцовымъ.

²⁾ Григоровичу принадлежитъ редакція первыхъ четырехъ томовъ этого изданія археогр. комиссіи; надъ пятымъ онъ началъ работать.

горовичъ занимался составленіемъ бѣлорускаго словаря; только часть его была напечатана до его смерти ¹⁾).

Большая заслуга этой дѣятельности не требуетъ большихъ объясненій. Исторія—за отсутствіемъ другихъ средствъ общественнаго сознанія—оставалась однимъ изъ главныхъ основаній для пониманія судьбы и положенія современнаго наличнаго народа; изученіе исторіи должно было опереться на первыхъ источникахъ, и надъ этими источниками работать Григоровичъ. Иное изъ нихъ уже являлось въ польской литературѣ, гдѣ бѣлорусскіе памятники издавались въ польской переписи, какъ еще въ прошломъ столѣтіи сдѣланъ былъ сборникъ старыхъ польскихъ (и западно-русскихъ) государственныхъ актовъ, какъ теперь явился „*Latorisiec Litwy i Kronika ruska*“ въ первомъ изданіи Даниловича (Вильна, 1827) или „*Zbiór praw Litewskich*“, Дзялынскаго (Познань, 1836) и т. д., и нужно было, наконецъ, издать подобные памятники въ ихъ подлинномъ видѣ и въ болѣе полномъ собраніи. Необходимъ былъ и словарь бѣлорусскій, чтобы выяснитъ окончательно вопросъ о характерѣ языка, который поляки хотѣли понимать или какъ лингвистическую смѣсь, или даже какъ простое мѣстное нарѣчіе польскаго языка, и который для русскихъ оставался, въ сущности, неясенъ до словарныхъ работъ Носовича и до новѣйшихъ изслѣдованій о его звукахъ и формахъ... Но труды Григоровича оставались только спеціальными, подготовительными трудами и началомъ для дальнѣйшей научной разработки предмета, а въ его представленіяхъ о языкѣ была еще немалая неопредѣленность и неточность... Труды Григоровича, какъ выше замѣчено, были началомъ тѣхъ обширныхъ изданій, которыя сдѣланы были потомъ археографическими коммиссіями въ Петербургѣ, Вильнѣ, а также и Кіевѣ. Объ изслѣдованіяхъ по языку, Носовича и другихъ, скажемъ далѣе.

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ изслѣдованія о Бѣлорусіи были все еще скудны. Въ основанномъ тогда „Журналѣ Министерства Внутреннихъ дѣлъ“, который велся тогда Надеждинымъ, и въ подобномъ изданіи министерства государственныхъ имуществъ стали появляться небольшія статьи о западномъ краѣ съ официальными свѣденіями статистическими и особливо хозяйственными,—но очень мало статей общихъ, которыя могли бы служить не для одной характеристики внѣшняго быта, но и для

¹⁾ Планъ этого словаря, въ сокращеніи, напечатанъ былъ въ „Отчетѣ“ П-го отдѣленія академіи за 1848 г., а вполне—въ его біографіи („Очеркъ жизни протоіерея І. І. Григоровича“, Н. Григоровича, въ „Странникѣ“, 1861, т. II, стр. 303—398), стр. 332—337, прим.

объясненія мѣстныхъ общественныхъ и народныхъ отношеній. Статьи послѣдняго рода рѣдки. Таковы были, напр., „Замѣтки о Бѣлоруссіи¹⁾”; это не болѣе какъ отрывочныя путевыя замѣтки, сдѣланныя человѣкомъ, мало приготовленнымъ къ наблюденію и, кажется, не имѣвшимъ для того и времени; основнымъ его впечатлѣніемъ остается то, что этотъ край, нѣкогда чисто русскій, несмотря на возсоединеніе (при которомъ надо было предположить вліяніе русской власти и русской жизни), все еще носилъ польскій характеръ²⁾.

Изъ работъ собственно этнографическихъ можно опять отгнѣтить рядъ небольшихъ отрывочныхъ статей въ журналахъ и газетахъ³⁾. Въ мѣстныхъ изданіяхъ, губернскихъ вѣдомостяхъ и

¹⁾ Н. С. Щукина; см. Журн. Мин. Внутр. Дѣл., 1846, т. XIV, стр. 1—49.

²⁾ Напр. „Въ Витебскѣ (авторъ ѣхалъ изъ Петербурга) господствуетъ уже польскій языкъ. Дворяне и чиновники говорятъ между собою и съ жидками по-польски. Они *примѣжкамъ соображаютъ себя* поляками, потому что предки ихъ, волею и неволею, приняли католическій законъ и два съ половиною столѣтія были подданными Польши. Но вотъ уже прошло три четверти вѣка, какъ они возвращены Россіи: пора бы и обрусѣть опять! Дамы и дѣвицы лучшаго круга почти всѣ говорятъ по-французски, а по-русски съ грѣхомъ пополамъ“ (стр. 16).

„Долговременное пребываніе Бѣлоруссіи подъ польскимъ владѣтельствомъ измѣнило архитектуру нашихъ церквей: онѣ построены здѣсь по образцу католическихъ, въ одинъ этажъ и съ двумя колокольнями. Отъ католиковъ, кромѣ того, перенято и многое другое; такъ, напримѣръ, простой народъ при входѣ въ церковь становится на колѣни и цѣлуетъ полъ, а грамотные, въ продолженіе литургіи, читаютъ молитвенникъ“ (стр. 29).

„...Дворяне здѣшніе (въ могилевской губ.) почти всѣ исповѣдуютъ ученіе западной церкви и говорятъ между собою испорченнымъ (?) польскимъ языкомъ. Нѣтъ нужды, что въ древности были здѣсь русскіе князьяства... Нѣтъ нужды, что настоящіе поляки, жители царства польскаго, оскорбляются (?), когда чужіе навязываются имъ въ родство: вѣковыя привычки, хотя и привитыя насильно, упорны, какъ застарѣлая рана. Есть нѣсколько помѣщиковъ чисто русскихъ; есть и туземцы, исповѣдующіе православіе; но ихъ очень немного... Въ вѣдомомъ помѣщикѣ замѣтны болѣе или менѣе слѣды полученнаго въ молодости образованія. Воспитаніе женскаго пола такое же, какъ у насъ. Въ отдаленныхъ уѣздахъ дѣвицы вовсе не знаютъ по-русски, кромѣ тѣхъ немногихъ, которыя воспитаны въ институтахъ...“ (стр. 33—34). Въ упомянутомъ замѣчаніи, что чистые поляки оскорбляются, когда „чужіе“ (т. е. люди западнаго края) „навязываются имъ въ родство“, авторъ, кажется, ошибался или былъ неточенъ; напротивъ, какъ мы не разъ упоминали, польская точка зрѣнія состояла въ томъ, что западный край есть нераздѣльная часть польской національной территоріи.

Отзывы о положеніи крестьянъ—самые печальные (стр. 35—39). Вообще авторъ жалуется, что „Бѣлоруссіа худо изслѣдована, и того хуже описана“ (стр. 21).

³⁾ Напр., въ „Маякѣ“: „Слова два о языкѣ и грамотности Бѣлой Руси“, Цитовича, 1848, т. IX, Сѣбсь, стр. 33; „Бѣлорусскія поговорки“, В. Васильева, 1844, т. XV, Сѣбсь, стр. 29, и 1845, т. XXII, стр. 58 и т. д., XXIII, стр. 144; „Памят-

„памятныхъ книжкахъ“, которыя начинаютъ издаваться по губерніямъ съ пятидесятыхъ годовъ, все чаще являются статьи, посвящаемыя особливо статистикѣ, а частію, и этнографіи края ¹⁾. Въ Вильнѣ много работалъ Киркоръ, о польскихъ изданіяхъ котораго мы выше упоминали. Въ „Виленскихъ Губ. Вѣдомостяхъ“, издававшихся тогда по-русски и по-польски, и въ „Памятныхъ книжкахъ“ (которыя въ 1850—54 гг. выходили подъ редакціей Киркора) помѣщенъ былъ цѣлый рядъ статей по старинѣ и этнографіи западнаго края и особенно виленской губерніи; это были по преимуществу работы Киркора ²⁾. Впослѣдствіи мы встрѣчаемъ его труды въ изданіяхъ Географическаго общества.

Къ собственной этнографіи принадлежатъ за это время довольно многочисленные труды Шпилевскаго (Пав. Мих., 1827—1861). Шпилевскій родился или провелъ дѣтство въ захолустьяхъ Бѣлоруссіи ³⁾, и видимо наслушался съ дѣтства сказокъ, пѣсенъ, видывалъ обряды, потомъ не мало и читалъ. Его работы были новостью въ нашей этнографической литературѣ и характеризуютъ, между прочимъ, ея тогдашнее состояніе. Послѣ первыхъ небольшихъ работъ, онъ помѣстилъ въ 1846 году нѣсколько статей въ Журналъ Министерства просвѣщенія подъ псевдонимомъ „Древлянскаго“ ⁴⁾; это—работы очень юношескія, нерѣдко просто-

ники бѣлорусской письменности“, А. Кавелина, т. XXII; выше упомянуто, что здѣсь напечатанъ былъ и отрывокъ бѣлорусской „Энеиды наизнанку“, Маньковскаго.

Въ „Москвитинѣ“:—„Гецики“, П. Кушина, рассказъ изъ бѣлорусской жизни съ нѣсколькими пѣснями, плясовыми и свадебными, 1843, т. IV, стр. 383—412.

Въ „Моск. Вѣдомостяхъ“:—„Бѣлоруссія, этнографическій очеркъ“, А. Васковскаго, 1864, № 148—149, 152—153, и др.

¹⁾ Укажемъ, напр., „Путевныя замѣтки о западной и юго-западной Россіи“, К. И. Арсеньева, въ „Вилен. Губ. Вѣдом.“ 1846, № 21—23, и его же „Статист. очерки въ Россіи“, Сиб. 1848;—„Бѣлорусскія пословицы“, собранныя и объясненныя новозибковскимъ протоіереемъ, К. Мальчевскимъ, въ „Могил. Губ. Вѣдом.“ 1860, № 40—42, 45, и др.

²⁾ „Исторія, географія, этнографія и статистика западныхъ губерній, и виленской въ особенности“, „Вил. Губ. Вѣдом.“ 1847, № 15—19 и дал.; „Этнографія вил. губерніи“, тамъ же, 1848, № 1; въ „Пам. книжкѣ виленской губерніи“ на 1852 г.: „Хронологическое показаніе достопримѣчательныхъ событій отеч. исторіи въ вил. губерніи“ и пр., и „Очерки городовъ вил. губерніи“.

³⁾ Ср. „Современникъ“ 1853, іюль, отд. II, стр. 18; „...родной бѣлорусскій языкъ... нѣкогда, въ годы младенчества и дѣтства, раздавался въ ушахъ моихъ, когда добрая старушка-няня убаюкивала меня фантастическими сказками о шапочкѣ-невидимкѣ, о заклятыхъ князьяхъ и княжнахъ, о Бабѣ-ягѣ костяной-ногѣ“.

⁴⁾ „Бѣлорусскія народныя преданія (повѣрья)“, въ прибавленіяхъ къ Журн. Мин. Просв. 1846, кн. I, стр. 4—25; кн. IV, стр. 85—125; 1852, Литер. приб., № 3, стр. 1—32 (послѣдняя статья уже съ подписью Шпилевскаго).

душіны и потребовали бы большой провѣрки отъ того, кто захотѣлъ бы воспользоваться указаніями юнаго тогда автора. Въ этнографіи и особливо въ міеологіи онъ былъ видимо самоучка, между тѣмъ на этотъ разъ его тянуло именно къ міеологіи. Собирая народныя преданія, Шпилевскій увѣренъ, что находитъ въ нихъ самое прямое продолженіе далекой языческой древности, и насчитываетъ у бѣлоруссовъ цѣлыя десятии языческихъ „боговъ“ и „богинь“, которыхъ описываетъ иногда съ большими подробностями—ихъ вида, одѣянія, ихъ добрыхъ и злыхъ дѣйствій... Въ примѣръ довольно привести его толкованія „толоки“ (то, что у великоруссовъ называется обыкновенно „помочью“); по объясненію Шпилевского, бѣлорусская „толока“ есть „покровительница жатвы и плодородія“, и въ пѣсняхъ, которыя поются при сучаяхъ толоки, онъ находитъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ Цереру ¹⁾.

Въ 1853, Шпилевскій напечаталъ еще одно свое изслѣдованіе изъ области бѣлорусской міеологіи ²⁾, любопытное по приведеннымъ здѣсь народнымъ повѣрьямъ и разсказамъ, насколько они достовѣрны.

Въ томъ же году, Шпилевскій началъ двѣ серіи статей о Бѣлоруссіи, въ „Пантеонѣ“ и въ „Современникѣ“ ³⁾.

Первый изъ этого ряда статей представляетъ, въ отдѣльныхъ главахъ, во-первыхъ, пересказы народныхъ бѣлорусскихъ преданій и сказокъ и, во-вторыхъ, описаніе различныхъ обрядовъ и обычаевъ съ принадлежащими къ нимъ пѣснями. Въ предисловіи Шпилевскій, повторяя нѣсколько словъ изъ своей первой статьи, указываетъ богатство сохранившихся въ бѣлорусскомъ народѣ древнихъ языческихъ преданій—о духахъ, таинственныхъ силахъ, вѣдьмахъ, заклятыхъ людяхъ, русалкахъ, оборотняхъ и другихъ страшилищахъ, преданій, которыя, по его словамъ, „съ теченіемъ времени облеклись только въ поэтической вымыселъ и приняли живописный колоритъ въ устахъ разсказчика“... „Такова Бѣлоруссія въ настоящее время!.. И потому не можетъ не обра-

¹⁾ Ж. Мин. Пр. 1846, приб. IV, стр. 111—118.

²⁾ „Изслѣдованіе о вѣдьмакахъ на основаніи бѣлорусскихъ повѣрій“, Москвитинъ, 1853, т. II, ч. 5, стр. 1—30.

³⁾ „Бѣлоруссія въ характеристическихъ описаніяхъ и фантастическихъ ея сказкахъ“; Пантеонъ, 1853, т. VIII, кн. 4, Смѣсь, стр. 71—96; т. IX, кн. 5—6, стр. 1—20, 1—34; т. X, кн. 7, стр. 15—56; 1854, т. XV, кн. 5—6, стр. 21—44, 47—68 (здѣсь одной статьи мы не имѣли подъ руками); 1856, кн. 1, стр. 1—30; кн. 3, стр. 1—28.

—„Путешествіе по Польсью и Бѣлорусскому краю“, Современникъ, 1853 г., т. XXXIX, стр. 75—98; т. XL (іюль и августъ), стр. 1—26, 89—110; 1854 г., XLVIII, стр. 1—58; 1855, т. LII, стр. 1—62.

щать на себя вниманіе образованнаго человѣка—русскаго, желающаго ознакомиться съ древнимъ бытомъ своихъ единоплеменныхъ собратовъ... Насъ интересуютъ преданія и вѣрованія древнихъ грековъ и римлянъ, мы пишемъ объ ихъ нравахъ, мѣологии, языкѣ, даже пиршествахъ и обѣдахъ; отчего жъ не писать о родной Бѣлоруссіи, которая такъ богата своими самобытными нравами, мѣологією, языкомъ и, наконецъ, игрищами и празднествами". Авторъ не замѣтилъ, что была разница въ интересѣ греческихъ и бѣлорусскихъ преданій, а научное значеніе изслѣдованія русскихъ народныхъ преданій, въ то время уже намѣченное въ первыхъ трудахъ Буслаева и Афанасьева, осталось ему не совсѣмъ ясно; его интересъ остается народно-романтическимъ; его привлекаетъ меньше этнографія, чѣмъ поэзія и живописный колоритъ.

Вотъ предметы, на которыхъ онъ останавливается въ своемъ разсказѣ: Сестра чаровница, преданіе минской губерніи;—Бѣлорусская ярмарка (бытовая картина);—Колядныя повечёрки, вечернія собранія дѣвицъ во время рождественскихъ святокъ, оканчивающіяся съ разсвѣтомъ (по замѣчанію автора, повсемѣстный обычай въ Бѣлоруссіи);—Свадебные обряды у поселянъ могилевской и минской губерній („малыя запоины“, „большія запоины“, „змовины“ или сговоръ, печенье караваевъ, выкупъ невѣсты, пріемъ жениха, одѣваніе невѣсты, „поѣздъ въ церковь“, „веселье“, т.-е. свадебная пирушка, „переносины“, т.-е. переездъ невѣсты къ жениху) съ относящимися къ этимъ обрядамъ пѣснями; — „Медвѣжье ушко“, преданіе витебской и отчасти смоленской губерній (собственно сказка, приуроченная къ мѣстности);—Обряды поселянъ витебской и минской губерній при уборкѣ хлѣба съ полей (покрыванье поля, зажинки и дожинки съ относящимися сюда пѣснями);—„Волшебный цвѣтокъ“, преданіе могилевской, минской и витебской губерній (т.-е. опять сказка);—Юрьевъ день, народные обычай и повѣрья по случаю этого дня и двѣ пѣсни; — Молодиковая недѣля (т.-е. первое воскресенье послѣ новолунія, когда совершается богослуженіе передъ чудотворнымъ образомъ Божіей Матери, или такъ-называемыя „прощи“), мѣстный бытовой очеркъ опять съ пѣснями;—„Золотая щука“, преданіе витебской губерніи (опять сказка);—Свадебные обряды у застѣнковцевъ (околичанъ) витебской губерніи, съ пѣснями (застѣнковцы или застѣнковая пляхта есть особый классъ въ родѣ однодворцевъ, занимающій середину между настоящей шляхтой и простонародіемъ и въ быту своемъ сохранившій также много старинны);—Игрища (опять съ пѣснями);—Чары, заговариванья,

суетвѣрія и предразсудки (по словамъ автора, отрывокъ изъ большого сборника);—Родины и крестины, опять съ пѣснями;—Похороны и поминки съ образчиками причитаній;—Волочобники, повсемѣстное бѣлорусское обыкновеніе (такъ называются особаго рода пѣвцы, которые ходятъ на Пасху по деревнямъ съ поздравленіями), съ нѣсколькими волочобными пѣснями;—Глѣбушкины слезки, преданіе могилевской и минской губерній, —опять нѣчто въ родѣ сказки съ мѣстнымъ приуроченіемъ.

Таково разнообразное содержаніе этихъ статей Шпилевскаго. Онъ упоминаетъ однажды, что еще въ юности онъ много слышалъ и записывалъ народныхъ пѣсень, преданій и т. п., и, какъ видимъ, много пѣсень, повѣрій, описаній обычаевъ разсѣяно въ его разсказахъ. Къ сожалѣнію, ни у него не было, видимо, никакой правильной этнографической школы, ни въ общихъ литературныхъ понятіяхъ того времени еще не было достаточно распространено представленіе о должномъ отношеніи къ памятникамъ народнаго быта и поэзіи; поэтому многое въ его сообщеніяхъ получаетъ только беллетристическій интересъ и не имѣетъ достаточной научной достовѣрности. Таковы, напр., переданныя имъ сказки: это—не запись настоящаго народнаго текста, а собственное изложеніе сюжета, снабженное литературными украшениями, которыя, по необходимости, подрываютъ довѣріе и ко всему тексту. Картинки бытовья принадлежатъ, конечно, вполне автору. Изъ большого числа пѣсень, вставленныхъ въ его разсказы, многія, вѣроятно, записаны имъ самимъ, но не одинъ разъ мы встрѣчали, повидимому, простое заимствованіе изъ сборниковъ Чечота и Тышкевича, нигдѣ, однако, не оговоренное; самъ Шпилевскій выдаетъ обыкновенно эти пѣсни за собранныя имъ самимъ ¹⁾.

¹⁾ Приводимъ для будущихъ изслѣдователей нѣсколько случаевъ.

— Пѣсня, въ „Пант.“ 1853, кн. 5, стр. 4, параллельна съ пѣсней у Тышкевича, стр. 291:

Сягодня заручники
Богъ намъ давъ;
Працівъ надзельки
Богъ намъ давъ,
И или дари на три стаги
Таму-сяму па падарачку
Нашему NN (такому-то)
Три падарачки
Богъ яму давъ, и проч.

Siagodnia zaruczynku
Boh nam dau;
Pracju paniadzielku
Boh nam dau,
Szli dary, na try stały;
Tamu siamu pa padarku,
Naszamu Janeczku
Try padareczki
Boh jamu dau, и пр.

— Тамъ же „Пант.“, стр. 7: „Приѣхали заручники“ и т. д.—Тышкевича, стр. 290: „Przyjechali zaruczyniki“, и пр., съ небольшимъ вариантомъ въ одномъ словѣ.

Другой рядъ статей Шпилевскаго представляетъ путешествіе по бѣлорусскому краю, начатое изъ Варшавы. Это—рассказъ о подробностяхъ пути, дорожныхъ встрѣчахъ и впечатлѣніяхъ, съ описаніемъ встрѣчныхъ мѣстностей, городовъ и мѣстечекъ, съ картинами природы, историческими воспоминаніями и археологическими подробностями. Путешествіе написано вообще легко и, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, слишкомъ мелочныхъ, эпизодовъ, не лишено занимательности, а въ свое время и новизны; впрочемъ и теперь, черезъ тридцать лѣтъ, это сочиненіе не замѣнено другимъ подобнымъ. Кромѣ отдѣльныхъ случаевъ, гдѣ авторъ самъ обращается къ источникамъ по исторіи края, онъ видимо поль-

— Тамъ же „Пант.“, стр. 9=Тышк., стр. 294:

Благославице, людзи,

Błahasławicie, ludzie,

Близкіе сусѣдзи

Blizkije sąsiedzi,

Гэтаму дзцяццi

Hetomu dziciaci

Каравай заміаііць и пр.

Karawaj zamiásić, и пр.

Но пропущенное здѣсь у Шпилевскаго—находится у Тышкевича синона. Другія каравайныя пѣсни также сходны.

— Тамъ же, „Пант.“, стр. 15: „Моя мамачка; приступи къ столачку“, и пр.= Тышк. стр. 326: „Moja matczka, przystup k stołaczku“ и пр.

— Тамъ же, „Пант.“, стр. 16: „Пяперъ я сѣла міжъ шипшиничку“, и пр.= Тышк. стр. 327: „Ciaper ja sieła miż szypszyniczku“, и пр.

— Тамъ же, „Пант.“, стр. 17: Таткавъ куточаць=Тышк., стр. 394: „Tatkou kutoczek“, и пр.

— Далѣе „Пант.“ 1853, кн. 6, стр. 19 и далѣе, пѣсни живныя, отчасти сходны съ Тышк., стр. 395 и слѣд., хотя не тождественны.

— Далѣе, „Пант.“ 1853, кн. 7, стр. 40, пѣсня на Юрьевъ день: „Ой, вду я на улачку, а бычки буюццi“ и пр.=въ сборникѣ Чечота, 1846, стр. 2—3: „Oj wujdu ja na właczku, byczki buwajuc“, и пр.

— Тамъ же, „Пант.“, стр. 51, любопытная пѣсня, которую Шпилевскій „самъ слышалъ и записалъ съ устъ одной пѣвицы“: „Туманъ, туманъ, туманъ на далінѣ“ и пр., совершенно сходна съ пѣсней у Чечота, стр. 56: „Tuman, tuman, tuman, tuman na dalinie“, и пр., съ маленькими разнициами, вѣроятно ошибками у Шпилевскаго противъ Чечота.

— Далѣе, „Пант.“ 1854, кн. 5, стр. 32—48: „Лецаць птушачки на три стадачки“, и пр., записанная вѣроятно самимъ Шпилевскимъ, представляетъ сокращенное соединеніе двухъ пѣсенъ у Чечота, 1846, стр. 40: „Leciąc ptaszeczki na trzy stadeczki“, и стр. 15: „Zazulko, zazulko da nie holosno“, и пр.

— Тамъ же, „Пант.“, стр. 31: „Да пристаць, Боже, пристаць“=Чечота, стр. 14; у Шпил. съ небольшимъ пропускомъ.

— Тамъ же, „Пант.“, стр. 33: „Знаць табѣ... замужъ хочецца“ и пр.=Чечота, стр. 42: „Znać tabie... замужъ choczec sa“, и пр.

— Далѣе, „Пант.“ 1854, кн. 6, въ описаніи чаръ, стр. 67—68, не оговоренная выписка изъ Тышкевича, стр. 410.

— Далѣе, „Пант.“ 1856, кн. 3, стр. 4—7, длинная пѣсня волочобинковъ взята цѣлкомъ у Тышкевича, стр. 389—391, безъ одной подробности, выпущенной у Шпилевскаго, вѣроятно по цензурному соображенію, и находящейся у Тышкевича.

зуются готовыми матеріалами, особливо польскими, хотя, по обыкновенію, ихъ не указываетъ. Такъ, напр. въ описаніи минской губерніи и тамошняго народнаго быта онъ пользуется упомянутой книгой Тышкевича и выписываетъ изъ нея, не упоминая о ней ¹⁾. Разсказъ кончается описаніемъ игуменскаго края.

Бѣлорусское племя Шпилевскій считаетъ едва ли не древнѣйшимъ изъ славянскихъ племенъ и самымъ древнимъ изъ племенъ русскихъ; живя издавна на своихъ мѣстахъ, бѣлоруссы сохранили наибольше подлинной славянской старины; оттого они и теперь отличаются чрезвычайнымъ богатствомъ народной поэзій и преданій ²⁾...

Въ 1853, вышло въ Петербургѣ первое и отдѣльное собраніе бѣлорусскихъ пѣсенъ ³⁾. Неизвѣстная составительница этой книжки, указавъ въ предисловіи богатство бѣлорусской поэзій, желала представить свой сборникъ „какъ матеріалъ для ученыхъ“; пѣсни собраны преимущественно въ быховскомъ уѣздѣ могилевской губерніи, но общеупотребительность ихъ и въ другихъ уѣздахъ той губерніи побудила дать книгѣ общее названіе. „При всѣхъ стараніяхъ объ умноженіи сборника числомъ пѣсенъ“, собирательница была увѣрена, что даже въ быховскомъ уѣздѣ найдется еще много пѣсенъ кромѣ тѣхъ, какія вошли въ ея книгу; это было справедливо, но дальше указано обстоятельство, отнимающее у книжки значеніе „какъ матеріала для ученыхъ“: „я ни въ чемъ не измѣнила пѣсенъ, писала такъ, какъ слышала; но не сохранила особенностей бѣлорускаго выговора, и приняла русскій алфавитъ“. Замѣчаніе объ „алфавитѣ“ показываетъ, что на мѣстѣ еще въ 50-хъ годахъ казалось новостью употреблять для тамошняго русскаго языка русскую азбуку. Въ сборникѣ помѣщено больше ста пѣсенъ, иногда прекрасныхъ по поэтическому обороту и обрядовому содержанію; къ сожалѣнію, онѣ потеряли подлинность въ пересказѣ; при пѣсняхъ свадебныхъ сдѣлано краткое описаніе обряда.

Наконецъ, бѣлорусская этнографія была затронута въ компетентныхъ ученыхъ обществахъ. Во-первыхъ, — въ обществѣ Географическомъ. Въ первое же время послѣ своего основанія (въ 1845 г.) Общество составило и широко распространило про-

¹⁾ См. „Современникъ“, 1853, т. XL, стр. 89 и далѣе, и „Opisanie powiatu Woguwoskiego“, Тышкевича; Шпилевскій упоминаетъ только археологическія изслѣдованія этого польскаго ученаго, и не мало другихъ книгъ.

²⁾ См. соображенія его по этому предмету въ „Современникѣ“, 1853, т. XL, стр. 71 и дал.

³⁾ „Народныя бѣлорусскія пѣсни. Собраны Е. П.“ Спб. 1853. 8°. III и 86 стр.

грамму для собиранія этнографическихъ свѣдѣній, и уже вскорѣ въ Общество стали поступать изъ разныхъ концовъ Россіи болѣе или менѣе удовлетворительные отвѣты на вопросы программы, между прочимъ подробныя описанія отдѣльныхъ мѣстностей и даже цѣлыхъ губерній. Этотъ матеріалъ собранъ былъ въ нѣсколькихъ томахъ „Этнографическаго Сборника“ (1853—1864). Съ перваго же тома появляются матеріалы о западно-русскомъ краѣ. Здѣсь помѣщена статья объ Остринскомъ приходѣ (виленской губ., лидскаго уѣзда), профессора литовской семинаріи Юркевича (I, стр. 283—293). Любопытно при этомъ, что редакторъ „Сборника“ (въ этой части его редакторомъ былъ К. Д. Кавелинъ), доискиваясь племенной принадлежности этого прихода, обращался не только къ изданной передъ тѣмъ (1852 г.) „Этнографической картѣ“ Кёппена, но даже къ маленькой картѣ Шафарика: такъ были скудны подручныя свѣдѣнія—не далѣе какъ о виленской губерніи. Въ самой статьѣ языкъ тамошняго населенія (т.-е. бѣлорусскій) изображается, какъ „смѣсь русскаго съ польскимъ“, но „ближе къ русскому“.

Во второмъ томѣ „Сборника“ (редакторомъ его былъ опять Кавелинъ) помѣщена цѣлая обширная статья: „Бытъ бѣлорусскихъ крестьянъ“ (стр. 111—268), въ составъ которой вошли свѣдѣнія, полученныя Обществомъ отъ разныхъ лицъ изъ западнаго края въ 1848—50 годахъ. Въ числѣ этихъ свѣдѣній наиболѣе подробное, „превосходное“ этнографическое описаніе въ отвѣтъ на программу Общества доставилъ г. Анимелле, вольноотпущенный одного помѣщика; это описаніе было положено въ основу статьи и дополнено другими сообщеніями, полученными отъ помѣщиковъ, священниковъ, учителей и даже отъ земскаго исправника. — Статья Анимелле даетъ весьма обстоятельные отвѣты на программу Общества и сообщаетъ свѣдѣнія о разныхъ сторонахъ народнаго быта въ Бѣлоруссіи, отъ внѣшнихъ подробностей—устройства избы, двора,—до обычаевъ, суевѣрій, языка, частію пѣсенъ, и т. д. Авторъ обратилъ вниманіе на различія въ бытѣ и самомъ языкѣ поселянъ православныхъ и католиковъ (у послѣднихъ больше въ ходу словъ, взятыхъ съ польскаго), привелъ народный календарь, и т. д.

Въ третьемъ томѣ „Сборника“ находимъ: „Замѣтки о западной части гродненской губерніи“ (стр. 47—115, безъ имени автора) съ историческими свѣдѣніями о старинѣ этого края и образчиками языка, и обширный „Этнографическій взглядъ на виленскую губернію“, А. Киркора (стр. 115—276). Здѣсь даны: географическое описаніе губерніи, распредѣленіе племенъ (литов-

скаго и бѣлорусскаго), народные обычаи, народный календарь, указаніе мѣстностей, замѣчательныхъ въ археологическомъ отношеніи. наконецъ, краткій словарь бѣлорусскаго языка (называемаго у автора „бѣлорусско-кривичанскимъ“, стр. 193—201) и собраніе „кривичанскихъ“ пѣсенъ (стр. 201—276). Пѣсни, можетъ быть, частію собраны были самимъ авторомъ изслѣдованія, но значительная доля взята изъ прежнихъ сборниковъ ¹⁾.

Изслѣдованія о бѣлорусской народности нашли мѣсто и въ изданіяхъ русскаго отдѣленія Академіи. Въ „Извѣстіяхъ“ этого отдѣленія за 1852 г. помѣщены были „Бѣлорусскія пословицы и поговорки“, собранныя Н. Носовичемъ, о трудахъ котораго подробнѣе мы скажемъ дальше; въ слѣдующемъ году напечатанъ былъ сборникъ бѣлорусскихъ пословицъ П. Шпилевскаго; наконецъ, помѣщались въ томъ же изданіи отчеты И. Миеуцкаго объ его изслѣдованіяхъ въ западномъ краѣ по языку литовскому и также бѣлорусскому..

Въ пятидесятихъ годахъ дѣлаются и попытки историческаго изученія западнаго края. Таковы были: книга И. Боричевскаго: „Православіе и русская народность въ Литвѣ“ ²⁾; книга О. Турчиновича: „Обозрѣніе исторіи Бѣлоруссіи съ древнѣйшихъ временъ“ (Спб. 1857), то и другое—самые общіе обзоры политической и церковной исторіи западнаго края. Рядомъ съ ними можно упомянуть: „Историческія свѣденія о примѣчательнѣйшихъ мѣстахъ въ Бѣлоруссіи съ присовокупленіемъ и другихъ свѣденій, къ ней же относящихся“, генералъ-маіора М. О. Безъ-Корниловича (Спб. 1855)—гдѣ, кромѣ историческихъ подробностей о цѣломъ краѣ и разныхъ его мѣстностяхъ, собраны также данныя статистическія о мѣстныхъ промыслахъ и торговлѣ, наконецъ, свѣденія этнографическія. Книга—отрывочная, съ извѣстнымъ личнымъ знаніемъ мѣстнаго быта, но съ весьма случайными свѣденіями историческими и этнографическими. Авторъ знакомъ, между прочимъ, съ польскими источниками, и, вѣроятно, они отразились въ смутныхъ объясненіяхъ мѣстной этнографіи; упомянувъ о „древнихъ кривичахъ“, Безъ-Корниловичъ замѣчаетъ, что „соединенные съ славянами (?) ихъ потомки, бѣлоруссы, съ принятіемъ христіанской вѣры, хотя забыли идоловъ, но до сихъ поръ сохранили свой особенный типъ въ обычаяхъ, предрасудкахъ, языкѣ, забавахъ“, и пр. Далѣе: „народъ кривичанскій занималъ

¹⁾ Напр., стр. 201—212 изъ Чечота, 1846, стр. 17—32; стр. 212—223 изъ той же книги, стр. 46—62, и т. д.; только въ „Сборникѣ“ Георг. Общ. пѣсни переписаны русскою азбукой.

²⁾ Спб. 1851, напечатано сначала въ „Христіанскомъ Читаніи“.

всю витебскую губернію, южную часть псковской, сѣверо-западную часть смоленской и сѣверную половину губерній могилевской и минской, въ чему неоспоримымъ доказательствомъ служить *самое нарѣчіе бѣлорусскаго языка*, до сихъ поръ оставшееся въ разговорномъ, хотя *обрусьломъ* (?), *языкъ*, употребляемомъ жителями тѣхъ мѣстъ“¹⁾—фраза не весьма грамотная и показывающая, что „кривичей“ авторъ, вслѣдъ за нѣкоторыми польскими писателями, принималъ какъ будто за совсѣмъ особое отъ русскихъ племя, только смѣшавшееся съ ними²⁾.

Наконецъ, изысканія о западномъ краѣ предприняты были, съ новой точки зрѣнія, въ военномъ ученомъ вѣдомствѣ.

Генеральный штабъ, уже съ 1837 по 1854, производилъ статистическія работы, которыя имѣли три изданія и предназначались исключительно для военныхъ потребностей генеральнаго штаба и вѣдомствъ провіантскаго и комиссаріатскаго. Для публики эти изданія не были доступны. Послѣ крымской войны, военное министерство положило собрать черезъ офицеровъ генеральнаго штаба возможно полныя и обстоятельныя свѣденія о губерніяхъ и областяхъ Россіи, какъ для своихъ собственныхъ потребностей, такъ и вообще для обогащенія свѣжими данными русской географіи и статистики.

Въ 1857, 1858 и 1859 году, департаментъ генеральнаго штаба издалъ на этотъ предметъ особыя инструкціи и программы; съ этого послѣдняго года назначенныя лица приступили къ исполненію возложеннаго на нихъ порученія, и съ 1861 года стали выходить рядъ изданій, посвященныхъ отдѣльнымъ губерніямъ. Однимъ изъ первыхъ явилось описаніе виленской губерніи, составителемъ котораго былъ г. Корева³⁾. Книга распадается на слѣдующіе отдѣлы: географическое и топографическое описаніе губерніи; жители; промышленность; образованность; частный и гражданскій бытъ; управленіе; свѣденія о городахъ и мѣстечкахъ, наконецъ, приложенія. Кромѣ личнаго ознакомленія съ территоріей губерніи, авторъ, какъ исполнитель официальнаго порученія, имѣлъ въ распоряженіи множество свѣдѣній, доставленныхъ гу-

¹⁾ Стр. 1—2.

²⁾ На стр. 19 авторъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: „Надо полагать, что названіе *Кривичи* произошло отъ испорченнаго переписчиками (?), а можетъ быть, и самими лѣтописцами слова *крѣваго*, *крѣиватисъ*, означавшаго первосвященника“, т.-е. что они были происхожденія *литовскаго*?

³⁾ Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба. Виленская губернія. Составилъ генеральнаго штаба капитанъ А. Корева. Спб. 1861. VIII, IV и 804 стр. съ нѣсколькими картами.

бернскимъ статистическимъ комитетомъ и другими офіціальными вѣдомствами, воспользовался литературой мѣстныхъ описаній, русскихъ и польскихъ, наконецъ, личнымъ содѣйствіемъ мѣстныхъ специалистовъ. Изъ литературы о западномъ краѣ авторъ называетъ Нарбутта, Балинскаго, Крашевскаго („Litwa“), историко-статистическія работы Киркора, П. Кукольника (о литовцахъ), Чацкаго и В. Григорьева (о евреяхъ), Мухлинскаго (о татарахъ западнаго края), проф. Юндзилла (ботаника), гр. Платера (зоологія западнаго края), Порай-Кошица (о мѣстномъ дворянствѣ). Изъ этихъ и особливо дѣловыхъ офіціальныхъ источниковъ авторъ собралъ множество свѣденій о разныхъ отношеніяхъ мѣстнаго быта; этнографія затронута мало, и это—слабѣйшая часть книги. Авторъ, хотя трудолюбиво изучавшій край, видимо такъ и остался въ недоумѣніи относительно того, какіе „славяне“ населяютъ виленскую губернію. Пользуясь своими польскими источниками и не имѣя ни живого знакомства съ народомъ, ни филологической и этнографической школы, авторъ продолжаетъ говорить о „кривичанскихъ славянахъ“, не подозревая, что это просто — русскіе. Его этнографическія опредѣленія очень запутанны. „Славяне, населяющіе виленскую губернію,—по словамъ автора,—кромѣ выходцевъ изъ Великороссіи, великороссіянъ, раздѣляются на бѣлоруссовъ, черноруссовъ и кривичей“ (стр. 290),—такъ они раздѣлены и на этнографической картѣ, приложенной къ книгѣ; историческія свѣденія о Литвѣ весьма темныя, и авторъ считаетъ нужнымъ доказывать, что они принадлежатъ къ кавказскому племени,—религія ихъ изображается заимствованной то у грековъ, то у индѣйцевъ (стр. 290—292). „Виленская губернія представляетъ огромное разнообразіе въ населеніи, изъ котораго *только* славяне и литовцы ¹⁾ не отличаются между собою большимъ различіемъ ни въ нравахъ, ни въ обычаяхъ; остальные затѣмъ народы ²⁾, считающіе своею колыбелью Азію, по языку, обычаямъ и нравамъ, не только разнятся отъ коренныхъ жителей, но не имѣютъ ничего общаго и между собою“ ³⁾... Авторъ приводитъ (стр. 635 и дал.) „извлеченіе изъ пѣсенъ славянъ“, т.-е. бѣлоруссовъ, которыхъ называетъ и „племенемъ кривичанскимъ“;

¹⁾ А они-то и составляютъ главную массу „огромнаго разнообразія“.

²⁾ Это евреи и немногочисленные нѣмцы, татары и цыганы.

³⁾ Укажемъ еще замѣчаніе о литовцахъ: „Каково бы ни было происхожденіе литовскаго народа и въ какую бы эпоху онъ ни поселился въ предѣлахъ нынѣшней Литвы, исторія этого народа, быть можетъ, до сихъ поръ оставалась бы тайною для человечества (!), еслибы жители Швеціи, Норвегіи и Дании, извѣстные подъ именемъ скандинавовъ или нормановъ, не вызвали литовцевъ къ исторической дѣятельности“...

пѣсни взяты изъ текстовъ Киркора.—Свѣденія о мѣстной литературѣ (стр. 598—600) отрывочны и опять неясны.

Вторымъ трудомъ военныхъ статистиковъ по описанію западно-русскаго края было описаніе Гродненской губерніи, г. Бобровскаго ¹⁾. Это—громадный и уже гораздо болѣе обстоятельный трудъ, по той же программѣ, но съ болѣе подробными экскурсіями въ исторію и съ большимъ количествомъ данныхъ, извлекаемыхъ изъ разнаго рода официальныхъ мѣстныхъ вѣдомствъ, изъ спеціальной литературы и, наконецъ, изъ сообщеній мѣстныхъ обывателей и знатоковъ края. Гораздо больше дано здѣсь мѣста и этнографіи (глава III: народонаселеніе по племенамъ; гл. V: народный бытъ). Въ „историческомъ обзорѣ о происхожденіи“ (т.-е. происхожденія) племенъ авторъ, вѣроятно, уже подъ влияніемъ начавшихся въ то время толковъ о національной принадлежности западнаго края, доказываетъ историческими памятниками и языкомъ наличной массы населенія, что страна, занимаемая нынѣ гродненской губерніей, была и есть *русская*, что „почти съ самаго образованія Руси, *выра и языкъ* славянскихъ племенъ между Припетью и Нѣманомъ всегда находились въ тѣсной связи съ славянскими *племенами*, жившими на сѣверъ, югъ и востокъ отъ этой губерніи“. За исключеніемъ неточности выраженія, мысль была, конечно, справедлива.

Въ частности, на основаніи Шафарика, Ярошевича и другихъ писателей, а также на основаніи свѣденій, „собранныхъ черезъ приходскихъ священниковъ“, авторъ находитъ въ гродненской губерніи двѣ русскія народности: „черноруссовъ, тѣхъ же бѣлоруссовъ“ и „малороссіянъ или, лучше, польшуконъ или пинчуконъ и бужанъ“; „къ этимъ двумъ народностямъ,—прибавляетъ авторъ,—мы въ правѣ присоединить и подлясанъ русскаго происхожденія, раздробленныхъ по отбѣнкамъ языка на нѣсколько группъ“ ²⁾. Различныя нарѣчія бѣлорусскія и малорусскія авторъ характеризуетъ образчиками пѣсенъ, сказокъ и пословицъ, доставленными отъ приходскихъ священниковъ, а также записанными самимъ авторомъ или г. Парчевскимъ, составителемъ „Сельско-хозяйственной статистики“ края, въ которой

¹⁾ Матеріалы, и пр. Гродненская губернія. Составилъ членъ Импер. Русск. Геогр. Общества, генеральнаго штаба подполковникъ П. Бобровскій, 2 ч. Слб. 1863. Больш. 8°; XXII и 866 стр.; VIII и 1074 стр., съ нѣсколькими картами, планами и родословными таблицами.

²⁾ Бѣлоруссовъ авторъ считаетъ потомками кривичей (въ сѣв. части губерніи); черноруссовъ—потомками дреговичей; въ южной части губерніи находитъ малоруссовъ—потомковъ древлянъ и бужанъ, и т. д. (стр. 622—623).

собранны были также и свѣденія этнографическія и которая была сообщена г. Бобровскому въ рукописи. Къ сожалѣнію, эти записи писаны и пр., сдѣланныя не-спеціалистами, не даютъ достаточныхъ ручательствъ точности и самого однообразія приема. Въ описаніяхъ быта, народныхъ повѣрій и суевѣрій также видна неопытность въ этнографіи ¹⁾.

Не менѣе обстоятельный трудъ вышелъ нѣсколько позднѣе о губерніи Минской ²⁾. Въ это время событія поставили уже жгучій вопросъ о роли полонизма въ западномъ краѣ, и заключенія автора о положеніи вещей гораздо опредѣлительнѣе, чѣмъ у его предшественниковъ. Вопросы этнографическаго онъ касается меньше, но свою точку зрѣнія указываетъ въ историческихъ частяхъ своей работы. Авторъ едва ли не первый обратилъ вниманіе на ту путаницу, которая господствовала въ этнографической номенклатурѣ западнаго края и которая требовала, наконецъ, разъясненія. Въ самомъ дѣлѣ, путаница существовала, накопившись отъ стараго преданія, отъ названій, нѣкогда употребительныхъ въ Польшѣ и занесенныхъ въ русское официальное употребленіе, наконецъ, отъ новой, болѣе или менѣе тенденціозной терминологіи, введенной нѣкоторыми новѣйшими польскими писателями: что такое „Бѣлоруссія“, „кривичанскіе славяне“, „Черная Русь“; насколько эти названія приложимы къ современному западно-русскому племени и его отбѣнкамъ; насколько, наконецъ, можетъ быть употребляемо названіе „Литвы“ въ примѣненіи къ западно-русскому краю? Авторъ пересматриваетъ старыя названія племенные (кривичи, дреговичи), давно исчезнувшія, послѣдующія названія края по княженіямъ и землямъ, припоминаетъ мнѣнія старыхъ и новыхъ, польскихъ и русскихъ, этнографовъ и историковъ, начиная съ Карпинскаго (автора географическаго словаря, Вильно, 1766) и продолжая Карамзинымъ, Балинскимъ, Ярошевичемъ, Сырокомлей, Турчиновичемъ, К. И. Арсеньевымъ, Киркоромъ, указываетъ противорѣчія, которыя совсѣмъ спутываютъ представленіе о дѣйствительномъ этнографическомъ характерѣ края ³⁾. Относительно „бѣлоруссовъ“ и „черноруссовъ“

¹⁾ Ср. стр. 808 и слѣд., 821—824, и пр. То же надо сказать и о книгѣ г. Коревы,—напр. „Вил. губ.“, стр. 610—611 и др. О другихъ трудахъ г. Бобровскаго въ этой области упомянемъ еще далѣе. Весьма высокую оцѣнку книги г. Бобровскаго см. у Безсонова, „Бѣлор. Пѣсни“, стр. XLVI—XLVIII.

²⁾ Матеріалы, и пр.—Минская губернія. Составилъ генеральнаго штаба подполковникъ И. Зеленскій. 2 части. Спб. 1864. V и 672; VIII и 701 стр., съ обильными приложеніями изъ официальныхъ статистическихъ свѣдѣній, картами и планами.

³⁾ См. т. I, стр. 401—411. Авторъ замѣчаетъ, напр. (стр. 407): „Сбивчивость понятія о границахъ Черной Руси и Бѣлоруссіи и привычка приурочивать послѣд-

авторъ замѣчаетъ „последнія два прозванія сохранились и по настоящее время, несмотря на то, что обѣ эти родныя вѣтви одного и того же племени славянскаго, элемента чисто русскаго, слились уже до такой степени, что теперь, по нашему мнѣнію, ~~нѣтъ~~ уже *никакой возможности* указать на тѣ характеристическія черты, которыя отличали бы одно населеніе отъ другого“. Онъ предполагаетъ, что въ польское время могла быть какая-нибудь разница между этими оттѣнками, можетъ быть, есть и теперь; „но такъ какъ до сихъ поръ никто еще, кажется, не занимался подобными этнографическими изслѣдованіями, то мы рѣшительно отказываемся указать на тѣ мѣстности минской губерніи, которыя заняты тѣмъ или другимъ племенемъ“. Авторъ замѣчаетъ также, что онъ не понимаетъ, какую разницу находилъ Киркоръ между „славянами-бѣлоруссами“ и „славянами-кривичами“, тѣмъ больше, что дальше самъ Киркоръ считалъ вѣтъ сомнѣнія, что „нарѣчіе, называемое нынѣ бѣлорусскимъ, есть именно то самое, которое употребляли древніе кривичи“ ¹⁾.

Наконецъ, изъ этого рода изслѣдованій упомянемъ книгу г. Цебрикова о Смоленской губерніи ²⁾. Сѣверо-восточные уѣзды ея заняты населеніемъ великорусскимъ (по счету г. Цебрикова, до 520.000); юго-западные—бѣлорусскимъ (до 600.000). Авторъ

нѣе названіе исключительно къ Могилевской и Витебской губерніямъ былъ, вѣроятно, причиною, что не только въ разговорномъ языкѣ, но и въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, подъ именемъ Литвы разумѣютъ и Минскую губернію или, по крайней мѣрѣ, сѣверную ея часть—„между тѣмъ какъ литовцевъ въ этой губерніи почти совсѣмъ нѣтъ. Такъ это названіе „Литва“ было неточно употреблено Арсеньевымъ (Статист. очерки, стр. 179), а на основаніи его г. Егуновъ, въ своемъ изслѣдованіи „О среднихъ цѣнахъ на хлѣбъ въ Россіи“ (Отеч. Зап. 1852), говоря о скудномъ состояніи хозяйства въ этомъ краѣ, прямо приписываетъ его—безпечности и безпромышленности *литовскаго племени*, котораго тутъ вовсе нѣтъ.

¹⁾ Тамъ же, I, стр. 408. Дальше, стр. 411, и самъ авторъ считаетъ населеніе минской губ. состоящимъ изъ бѣлоруссовъ, „черноруссовъ“ и полѣсянъ (эти послѣдніе—малоруссы).

Собственной этнографіи, какъ мы сказали, авторъ не касается. Мѣстныя бытовыя отношенія, повидимому, остались ему иногда не совсѣмъ ясны. Ему кажется, напр., что въ прежнее время ополченіе высшаго класса совершалось только принудительными средствами (I, стр. 411), или, тамъ же: „Благодаря усердію незабвенныхъ іезуитовъ и римскаго духовенства, католичество—этотъ чуждый элементъ—пустало здѣсь сильныя корни не только въ высшемъ классѣ, но и въ значительной части простого народа, бывшихъ уніатахъ, и теперь еще отличающихся какимъ-то непонятнымъ (?) равнодушіемъ въ дѣлѣ вѣры“. Но вѣдь у нихъ дѣйствіе католичества и уни уже прекращено; гдѣ же причина равнодушія?

²⁾ Матеріалы, и пр. Смоленская губернія. Составилъ генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ М. Цебриковъ. Спб. 1862.

останавливался, между прочимъ, и на этнографическихъ чертахъ быта и народной поэзіи смоленскихъ бѣлоруссовъ и частію великоруссовъ ¹⁾). Собранный здѣсь этнографическій матеріалъ заслуживаетъ вниманіи, хотя весьма не обширенъ и не свободенъ отъ ошибокъ или неточностей, которыя, какъ мы видѣли, почти неизмѣнно сопровождаютъ прежнія описанія западнаго края у наблюдателей, не-спеціалистовъ по этнографіи ²⁾).

А. Пыпинъ.

¹⁾ О племенныхъ отличіяхъ населенія, стр. 125—127; нравы и обычаи, народные праздники, мѣстные повѣрья и предрасудки (съ образчиками пѣсенъ), стр. 258—316. Описаніе свадебныхъ обычаевъ великорусскихъ замѣстовано изъ статьи Геннади, въ „Вѣстникъ“ Географ. Общества, 1852, кн. IV.

²⁾ Напр., стр. 126: „Пространство, занимаемое нынѣ Смоленскою губерніею, въ древнія времена было заселено кривичами,—народомъ славянскаго племени. Впослѣдствіи, потомки *коренныхъ* обитателей описываемаго края, находясь продолжительное время подъ владычествомъ Литвы и Польши, *слились* (?) съ польскими и литовскими выходцами. *Это обстоятельство* послужило причиною племенного различія, замѣчаемаго нынѣ въ народонаселеніи смоленской губерніи“. — Напротивъ, именно не слились, и *это* обстоятельство есть причина существующаго племенного различія; и откуда же было бы это различіе, если бы племена „слились“? Подобныя неточности и въ историческихъ свѣдѣніяхъ о краѣ.

ЗЛОЙ ГЕНІЙ

СЕМЕЙНАЯ ИСТОРИЯ.

Соч. Уильяма Коллинза.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

I *).

„М-ръ Гербертъ Линлей, я прошу позволенія отвѣчать на ваши вопросы письменно, потому что весьма вѣроятно, что нѣкоторыя мнѣнія, которыя я выскажу, оскорбили бы васъ, еслибы были высказаны не письменно, а словесно. Я не могу уповоить васъ насчетъ миссъ Сидни Уэстерфильдъ. Но могу высказать вамъ то, что я обо всемъ этомъ думаю.

„Вы правы, предполагая, что миссъ Уэстерфильдъ слышала про меня въ Моунтъ-Морвенѣ, какъ про агента и легальнаго совѣтника дамы, которая была когда-то вашей женой. Съ какимъ намѣреніемъ она обратилась ко мнѣ, вы тотчасъ это услышите. Что касается того, какъ она разыскала мою контору, то позвольте вамъ напомнить, что адресъ она могла найти въ любомъ календарѣ.

„Цѣль миссъ Уэстерфильдъ заключалась въ томъ, чтобы сообщить мнѣ, во-первыхъ, что преступная жизнь, которую она вела съ вами, окончена. Она отказалась отъ вашего покровительства не затѣмъ, чтобы снова къ нему возвращаться. Мнѣ жалъ было видѣть (хотя она и старалась это скрыть изъ всѣхъ

*) См. выше: апрѣль, стр. 687.

силъ), какъ ей тяжела была эта разлука. Вы были любимы двумя прекрасными женщинами такъ, какъ вы того не заслуживали.

„Объяснивши мнѣ все предыдущее, миссъ Уэстерфильдъ высказала затѣмъ мотивы, которые привели ее въ мою контору. Она спросила, могу ли я сообщить ей адресъ м-съ Норманъ.

„Эта просьба, сознаюсь, удивила меня.

„По моему мнѣнію, ей послѣдней изъ всѣхъ женщинъ пристало вступать въ какія бы то ни было отношенія съ м-съ Норманъ. Я говорю это вамъ, но ей, разумѣется, этого не сказалъ.

„Я позволилъ только себѣ спросить: затѣмъ ей этотъ адресъ?

„Она отвѣчала, что у нея есть причины, которыя ей неудобно сообщить постороннему лицу.

„Послѣ этого я отказался дать ей адресъ.

„Не ожидая, очевидно, такого отказа, она спросила у меня адресъ м-ра Рандала Линлея. Въ этомъ случаѣ я радъ былъ удовлетворить ея желаніе. Всего лучше ей обратиться за совѣтомъ къ вашему брату. Сообщая его лондонскій адресъ, я сказалъ ей, что вашъ братъ находится въ отсутствіи, гостить у знакомыхъ, но вернется черезъ недѣлю.

„Она поблагодарила меня и встала, собиравсь уходить.

„Сознаюсь, что я заинтересовался ею. Быть можетъ, я подумалъ о томъ времени, когда она могла быть такъ же дорога своему отцу, какъ дороги мнѣ мои дочери. Я спросилъ: живы ли ея родители? Она отвѣчала, что умерли. Есть ли у нея друзья въ Лондонѣ? Она отвѣчала:—У меня нѣтъ друзей.

„Это было сказано съ такой покорностью, которую больно встрѣтить въ такомъ юномъ существѣ.

„Я рискнулъ разсердить ее и спросилъ: есть ли у нея деньги? Она отвѣчала:—У меня есть небольшія сбереженія отъ жалованья, которое я получала, будучи въ гувернанткахъ.

„Переменная въ голосъ сказала мнѣ, что она намекала на то время, когда она жила въ Моунтъ-Морвенѣ. Невозможно было видѣть эту одинокую дѣвушку и не обезпечиться насчетъ квартиры, въ которую она попадетъ въ такомъ мѣстѣ, какъ Лондонъ. Къ счастью, она пріѣхала ко мнѣ съ желѣзной дороги и еще не искала себѣ пристанища. Наконецъ-то, я могъ быть ей полезенъ. Мой старшій клеркъ принялъ на себя хлопоты о пріисканіи квартиры для миссъ Уэстерфильдъ и помѣстилъ ее къ почтеннымъ людямъ, въ домѣ которыхъ она могла проживать дешево и безопасно. Адресъ этого дома (ради нея) я отказываюсь сообщить вамъ.

„Вы ее не должны тревожить.

„Черезъ недѣлю меня навѣститъ мой добрый пріятель, Рандаль Линлей.

„Онъ въ тотъ день видѣлся съ миссъ Уэстерфильдъ. Она сказала ему то, что говорила мнѣ, и повторила ту же просьбу, въ которой я ей отказалъ, признавшись, однако, Рандалью въ мотивахъ, которые отъ меня скрыла. На него произвело сильное впечатлѣніе самопожертвованіе этой раскаявшейся женщины, и онъ сначала готовъ былъ сообщить ей адресъ м-съ Норманъ.

„Но, по зрѣломъ размысленіи, объяснилъ онъ, убѣдился, что какъ бы ни были чисты и безкорыстны ея мотивы, въ чемъ не могло быть никакого сомнѣнія, это не даетъ ему права позволить ей подвергнуть себя послѣдствіямъ, могущимъ произойти отъ предполагаемаго свиданія. Все, что онъ посоветовалъ ей—это поручить ему передать м-съ Норманъ то, что говорила ему миссъ Уэстерфильдъ, и увѣдомить послѣднюю о результатѣ.

„Такъ какъ я беспокоился о томъ, что будетъ съ миссъ Уэстерфильдъ, то вашъ добрый братъ сразу успокоилъ меня на этотъ счетъ.

„Онъ предложилъ отдать миссъ Уэстерфильдъ на попеченіе старинному и короткому пріятелю ея покойнаго отца—капитану Бенедеку. Ея добровольная разлука съ вами доставила вашему брату и капитану тотъ случай, какого они оба ждали. Капитанъ Бенедекъ въ это время плавалъ въ морѣ на своей яхтѣ. Немедленно по его возвращеніи, вкусы и желанія миссъ Уэстерфильдъ будутъ спрошены, и она, безъ сомнѣнія, не откажется познакомиться съ другомъ своего отца.

„Теперь я сообщилъ вамъ все, что знаю, въ отвѣтъ на тѣ вопросы, съ какими вы ко мнѣ обратились. Позвольте мнѣ усердно посоветовать вамъ вознаградить зло, причиненное вами этой бѣдной дѣвушкѣ единственнымъ способомъ, какой для васъ возможенъ. Согласитесь на разлуку, которая имѣетъ въ виду не только ея благо, но и ваше собственное. Самуэль Саррацинъ“.

II.

Долго не получая извѣстій отъ капитана Бенедека, Рандаль нашелъ нужнымъ, въ интересахъ Сидни Уэстерфильдъ, навести справки о немъ въ клубъ. Тамъ ничего не знали, гдѣ капитанъ и что дѣлаетъ. Рандаль написалъ въ гостиницу въ Сандисиль.

Отвѣтъ хозяйки гостиницы немного удивилъ его.

Нѣсколько дней тому назадъ, яхта снова появилась въ бухтѣ. Капитанъ Бенедекъ высадился на берегъ, повидимому, въ добромъ здоровіи и уѣхалъ съ раннимъ поѣздомъ въ Лондонъ. Бочманъ объявилъ, что получилъ приказъ отвести яхту обратно въ портъ, безъ всякихъ иныхъ поясненій, кромѣ того, что плаваніе окончено.

Перемѣна въ планахъ капитана (окончившаго свое путешествіе мѣсяцемъ раньше того, чѣмъ предполагалъ вначалѣ) удивила Рандаля. Онъ отправился въ частную резиденцію своего пріятеля, но услышалъ отъ слугъ, что они не видѣли своего господина и не знаютъ, гдѣ онъ. Рандаль тщетно ждалъ въ Лондонѣ, что капитанъ навѣститъ его.

Но, наконецъ, терпѣніе его было вознаграждено самымъ неожиданнымъ образомъ. Онъ узналъ адресъ капитана изъ письма отъ Катерины, адресованнаго изъ „Букъ-отеля въ Сайденгемъ“. Упрекая его за то, что онъ и не пишетъ, и не ѣдетъ, она приглашала его обѣдать къ себѣ въ отель. Письмо заключалось словами: „кромѣ васъ, будетъ еще только одно лицо, вашъ другъ и (съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами не видались) нашъ другъ. Капитану Бенедеку надоѣло плавать по морю. Онъ поселился въ отелѣ, лечится сайденгемскимъ воздухомъ и находитъ, что онъ очень ему полезенъ“.

Эти строчки навели Рандаля на серьезные размышленія.

Повѣрить, что Бенедеку „надоѣло море“ и что онъ предпочитаетъ воздухъ лондонскаго предмѣстья морскому воздуху—было бы слишкомъ глупо и нелѣпо для человѣка, хорошо знавшаго капитана. Несмотря на невинный тонъ письма Катерины, Рандаль заключилъ, что истинная причина прекращенія плаванія заключается въ самой Катеринѣ. Пребываніе на морскомъ берегу и время сдѣлали свое, и, оправившись отъ потрясеній, отъ которыхъ было подурнѣла, она стала такъ же хороша, какъ и прежде. Перемѣна имени охраняетъ ее отъ обнаруженія того, что она разведенная жена—обстоятельство, которое для такого религіознаго человѣка, какъ Бенедекъ, было бы возмутительно.

Ужъ не влюбился ли онъ въ нее? А она раздѣляетъ интересъ, который ему внушила?..

Рандаль написалъ, что принимаетъ приглашеніе, рѣшившись прійхать пораньше и частнымъ образомъ переговорить съ Катериной, экспромтомъ, не давая ей времени приготовиться къ его разспросамъ.

Въ тотъ короткій промежутокъ времени, какой истекъ до наступленія дня, когда онъ былъ приглашенъ на обѣдъ, произо-

шло событіе, только укрѣпившее его въ принятомъ рѣшеніи. Послѣ долгихъ мѣсяцевъ разлуки, онъ увидѣлся съ Гербертомъ.

Неужели этотъ блѣдный, худой, растерянный человѣкъ, глядѣвшій на него жалкими глазами, налитыми кровью, былъ красивый, веселый, счастливый братъ, какимъ онъ его помнилъ?..

Рандаль былъ такъ огорченъ, что въ первую минуту не могъ сказать ни слова. Онъ могъ только указать брату на кресло. Гербертъ упалъ въ него, какъ человѣкъ, дошедшій до крайняго истощенія силъ. И, однако, заговорилъ сердито. Онъ казался разгнѣваннымъ.

— Я, кажется, пугаю тебя?

— Ты огорчаешь меня, Гербертъ, болѣе, нежели я могу выразить.

— Дай мнѣ стаканъ вина. Я все ходилъ... не знаю, куда. Далеко куда-то; я умираю отъ усталости.

Онъ жадно выпилъ вино. Если оно и подкрѣпило его, то не измѣнило расположенія духа. Въ человѣкѣ нравственно слабомъ несчастіе (переживаемое безъ всякой силы отпора) пробивается наружу сквозь оболочку джентльмена и показываетъ обнаженную природу человѣка, сродни нашему предку-диварю.

— Лучше ли тебѣ, Гербертъ?

Онъ поставилъ пустой стаканъ на столъ, не обративъ вниманія на вопросъ брата.

— Рандаль, — сказалъ онъ, — ты знаешь, гдѣ находится Сидни?

Рандаль отвѣчалъ утвердительно.

— Дай мнѣ ея адресъ. Моя голова въ такомъ состояніи, что я не могу запомнить его. Запиши его для меня.

— Нѣтъ, Гербертъ.

— Ты не хочешь? Но почему же?

— Потому что не слѣдуетъ. Сядь, пожалуйста, опять въ кресло. Твои сжатые кулаки и яростные взгляды меня не запугаютъ. Миссъ Уэстерфильдъ поступила прекрасно, разставшись съ тобой. И ты неправъ, желая опять сойтись съ ней. Вотъ мои резоны, постарайся уразумѣть ихъ. А теперь, повторяю, сядь.

Онъ говорилъ сурово, даже сердце его болѣло за брата. Онъ былъ правъ. Строгость—единственный способъ обращаться съ человѣкомъ, который не умѣетъ переносить страданія, не унижая самого себя.

Бѣднаяга сдался, видя твердый взглядъ и слыша суровый голосъ Рандала.

— Не будь ко мнѣ такъ безжалостенъ, — сказалъ онъ. — Я

думаю, что человѣка въ моемъ положеніи можно пожалѣть, въ особенности родному брату. Я не похожъ на тебя; я не привыкъ жить одинъ. Я привыкъ, чтобы добрая женщина жалѣла меня и была моимъ товарищемъ. Ты не знаешь, какъ это пріятно—видѣть хорошенькое существо, всегда хорошо одѣтое, всегда у тебя на глазахъ, которое такъ много думаетъ о тебѣ и забываетъ о самой себѣ, и затѣмъ остаться одному; какъ я остался! У меня нѣтъ жены; она бросила меня и отняла у меня моего ребенка. А теперь у меня отняли и Сидни. Я совсѣмъ одинъ. Слышишь ты это? Одинъ! Возьми кочергу изъ камина и разбей мнѣ голову, или возврати мнѣ Сидни. Самъ я не могу рѣшиться убить себя! О! зачѣмъ я нанялъ эту гувернантку! Я былъ такъ счастливъ, Рандаль, съ Катериной и съ Китти!

Онъ устало прислонилъ голову къ спинкѣ кресла. Рандаль предложилъ ему выпить еще вина. Онъ отказался.

— Я боюсь, — сказалъ онъ: — я отъ вина прихожу въ бѣшенство. Ты слыхалъ про людей, которые заливаютъ горе виномъ? Я вчера попытался тоже; но оно зажегло мой мозгъ. Выпитый стаканъ уже подѣйствовалъ на меня. Нѣтъ! мнѣ не дурно. Моей головѣ легче, когда держу ее такимъ образомъ. Дай пожать твою руку, Рандаль; мы никогда еще съ тобой не ссорились; не будемъ начинать сегодня. Во мнѣ есть что-то пагубное. Я не зналъ, какъ я привязанъ къ Сидни, пока не потерялъ ея. Я не зналъ, какъ любилъ жену, пока не лишился ея.

Онъ умолялъ и поднималъ руку къ горячей головѣ. Неужели онъ бредитъ? Онъ удивилъ брата новой просьбой... самой неожиданной, какую только можно себѣ представить.

— Дорогой другъ, окажи мнѣ милость. Скажи мнѣ, гдѣ живетъ моя жена?

— Вѣдь ты знаешь, однако, что она тебѣ не жена больше, — отвѣчалъ Рандаль.

— Все равно. Мнѣ надо ей кое-что сказать.

— Это невозможно.

— Ну, такъ нельзя ли тебѣ поручить сказать ей это отъ меня?

— Скажи сначала, въ чемъ дѣло.

Гербертъ поднялъ голову и положилъ руку на плечо брата.

— Скажи ей, что я одинокъ, скажи, что я умираю отъ горя и попроси ее позволить мнѣ повидать Китти.

Его тонъ тронулъ Рандаль до глубины души.

— Мнѣ жалъ тебя, Гербертъ, — сказалъ онъ съ чувствомъ. — Я передамъ ей твою просьбу и все, что могу сдѣлать съ своей стороны—все сдѣлаю.

— Такъ скоро, какъ только можно?

— Да; такъ скоро, какъ только можно.

— И ты не забудешь? Нѣтъ, нѣтъ, конечно, ты не забудешь.

Онъ хотѣлъ-было встать, но снова упалъ въ кресло.

— Позволь мнѣ отдохнуть, — молилъ онъ, — если я тебѣ не мѣшаю. Я тебѣ теперь не компанія; я уйду, когда ты мнѣ скажешь.

Рандаль не захотѣлъ отпустить его.

— Ты останешься со мной, и если мнѣ случится выйти изъ дому, то въ домѣ всегда будетъ человѣкъ, который тебя любитъ почти такъ же сильно, какъ и я тебя люблю.

Онъ назвалъ одного изъ старинныхъ слугъ Моунтъ-Морвена, который привязался къ Рандалю, послѣ распаденія семьи.

— А теперь спи, — сказалъ Рандаль, — и позволь мнѣ подложить тебѣ эту подушку подъ голову.

Гербертъ отвѣчалъ:

— Я опять чувствую себя точно дома, — и закрылъ глаза.

III.

Черезъ день Рандаль устроилъ свой отъѣздъ въ Сайденгемъ такъ, чтобы пріѣхать въ отель за часъ до обѣда. Шансы на то, чтобы просьба его брата встрѣтила милостивый приемъ, были такъ ничтожны, что онъ воздержался — изъ боязни возбудить надежды, которыя окажутся на дѣлѣ неосновательными — сообщить о своей поѣздкѣ Герберту. Никто не зналъ, куда онъ отправляется, когда онъ выѣхалъ изъ дому. Когда онъ сѣлся въ вагонъ, у окна, по обыкновенію, показался разнощикъ газетъ. Новый нумеръ весьма распространенной еженедѣльной газеты вышелъ какъ разъ въ этотъ день. Рандаль купилъ его.

Прочитавъ одну или двѣ политическія статьи, онъ дошелъ до столбцовъ, посвященныхъ исключительно „хроникѣ свѣтской жизни“. Не интересуясь этого рода новостями, онъ перевертывалъ страницы, ища глазами литературныхъ и драматическихъ статей, какъ вдругъ знакомое имя привлекло его взглядъ. Онъ прочиталъ слѣдующую замѣтку.

„Очаровательная вдова, и-съ Норманъ, какъ мы слышали, находится въ числѣ именитыхъ пріѣзжихъ, живущихъ въ отелѣ Бука. На ухо передають, что эта дама выходитъ замужъ за отставнаго морского офицера, прославившагося въ полярной

экспедиціи, а теперь известнаго какъ одинъ изъ нашихъ выдающихся филантроповъ“.

Намекъ на Бенедекъ былъ слишкомъ ясенъ, чтобы его не признать. Рандаль опять прочиталъ слова:

„Очаровательная вдова“! Неужели возможно, чтобы подъ этими словами подразумѣвалась Катерина? Предположить, что она способна выдавать себя за вдову и—еслибы ея дочь спросила у нея, что это значить,—сказать ребенку, что отецъ ея умеръ,—значило, по мнѣнію Рандалья, жестоко оскорбить ее. Борясь съ запавшимъ въ него подозрѣніемъ, онъ прибылъ въ отель, упрямо думая, что „очаровательная вдова“ окажется посторонней женщиной.

Первое разочарованіе ждало его, какъ только онъ вошелъ въ домъ. М-съ Норманъ и ея маленькая дочка уѣхали кататься съ однимъ хорошимъ знакомымъ и должны были вернуться только къ обѣду. Мистриссъ Прести была дома. Она гуляла въ саду отеля.

Рандаль нашелъ ее въ бесѣдкѣ съ шитьемъ въ рукахъ и газетой на колѣняхъ. Она пошла ему на встрѣчу съ улыбающимся и любезнымъ лицомъ.

— Какъ мило съ вашей стороны, что вы такъ рано пріѣхали!—начала она.

Но проникательный взглядъ ея увидѣлъ нѣчто въ лицѣ Рандалья, отъ чего вся ея веселость вдругъ пропала.

— Надѣюсь, что вы пріѣхали не затѣмъ, чтобы испортить нашъ веселый обѣдъ худыми вѣстами?—прибавила она, подозрительно глядя на него.

— Вы сами должны это рѣшить,—отвѣчалъ Рандаль.

— Слишкомъ много чести для бѣдной, бесполезной старухи, мой другъ! Не будьте такъ таинственны, мой другъ! Я не принадлежу къ поколѣнію, которое производитъ бури въ ставанъ-воды и называетъ схватки съ дикарями—сраженіями. Говорите, въ чемъ дѣло!

Рандаль подаль ей газету, открытую на томъ самомъ мѣстѣ, которое поразило его.

— Вотъ моя вѣсть!—сказалъ онъ.

Мистриссъ Прести взглянула на газету Рандалья и подала ему свою.

— Мнѣ очень жаль испортить вашу драматическій эффектъ,—сказала она.—Но вы должны знать, что мы только на полчаса опаздываемъ въ Сайденгемъ передъ вами, въ дѣлѣ новостей. Извѣстіе это преждевременно, мой другъ. Но еслибы газетчики

ждали, чтобы извѣстіе подтвердилось или было опровергнуто, то много ли бы сплетенъ читали люди въ своихъ любимыхъ газетахъ? Кромѣ того, если это невѣрно теперь, то будетъ вѣрно черезъ недѣлю. Авторъ говоритъ: „на ухо передають“! Какъ это съ его стороны деликатно! Что за вѣжливый джентльменъ!

— Долженъ ли я понять изъ вашихъ словъ, мистриссъ Прести, что Катерина...

— Вы должны понять, что Катерина—вдова и этимъ мнѣ обязана, говорю это съ гордостью...

— Если это шутка, сударыня...

— Нисколько, сэръ.

— Извѣстно ли вамъ, мистриссъ Прести, что мой братъ...

— О! не говорите о вашемъ братѣ! Онъ—помѣха на нашемъ пути, и мы вынуждены были отдѣлаться отъ него.

Рандаль отступилъ на шагъ. Дерзость мистриссъ Прести была для него нѣчто непостижимое. „Ужъ не сошла ли эта женщина съ ума?“—подумалъ онъ.

— Садитесь,—пригласила мистриссъ Прести.—Если вы намѣрены поднимать изъ-за этого тревогу или настаивать на томъ, чтобы я оправдывалась, то вы этимъ докажете, что у васъ нѣтъ—что очень конечно жаль—никакого чувства юмора, но я сдѣлаю такъ, какъ вамъ хочется. Буду оправдываться. Извольте. Вы услышите, какъ поступили съ моей разведенною дочерью въ Сандисилъ и съ моей бѣдной маленькой внучкой, послѣ того, какъ вы отъ насъ уѣхали.

Разсказавъ о томъ, что было, она предложила Рандалью сначала вникнуть въ положеніе Катерины и затѣмъ уже произносить свое сужденіе.

— Согласились ли бы вы на ея мѣстѣ вторично подвергнуться такому оскорбленію?—спросила она.—И пріятно ли бы вамъ было видѣть, что и вашъ ребенокъ страдаетъ вмѣстѣ съ вами?

— Я бы велъ уединенную жизнь и не рисковалъ бы знакомиться съ неизвѣстными людьми по гостинницамъ.

— Ахъ! въ самомъ дѣлѣ? И вы бы осудили свою дочь тоже на заточеніе? Вы бы равнодушно смотрѣли на то, какъ она скучаетъ безъ дѣтскаго общества, и не пожалѣли бы ея? Желала бы я знать, какъ бы вы поступили, когда капитанъ Бенедекъ сдѣлалъ намъ визитъ въ Сандисилъ? Онъ былъ представленъ мистриссъ Норманъ и маленькой дочкѣ миссъ Норманъ, и мы всѣ пришли отъ него въ восторгъ. Когда я осталась съ нимъ вдвоемъ, онъ спросилъ меня натурально, гдѣ находится счастливый мужъ такой

красавицы, какъ моя дочь. Еслибы онъ спросилъ васъ про м-ра Нормана, что бы вы ему отвѣтили?

— Я бы сказала ему правду.

— Вы бы сказали, что мистера Нормана не существуетъ?

— Да.

— Ну, и я такъ сказала! А капитанъ, само собою разумѣется, заключилъ (послѣ того какъ увидѣлъ Китти), что мистриссъ Норманъ—вдова. Еслибы я сказала ему правду, что стало бы съ репутаціей моей дочери? Еслибы я сказала правду въ гостиницѣ, гдѣ всякому хотѣлось узнать, кто такая—красавица мистриссъ Норманъ, что бы изъ этого вышло и для Катерины, и для ея маленькой дочери? Нѣтъ, нѣтъ! я исправила, насколько можно, нестерпимое положеніе. Я обезпечила спокійствіе несчастной, несправедливо обиженной женщины и ея ребенка.

Рандаль рѣшилъ разстаться съ ней.

— Вы все это сдѣлали съ согласія Катерины? — спросилъ онъ, вставая съ мѣста.

— Катерина подчиняется обстоятельствамъ, какъ женщина благоразумная.

— Она соглашается обманывать Китти, что ея отецъ умеръ? Лицо мистриссъ Прести стало серьезно.

— Пойдите минуточку; прежде чѣмъ придти къ такому рѣшенію, я спросила мать: позволить ли она Китти видѣться съ отцомъ?

Какъ разъ тотъ вопросъ, изъ-за котораго прѣхалъ Рандаль.

— Что же она вамъ на это отвѣчала?

— Она сказала: „ни за что на свѣтѣ“. Послѣ того я сказала Китти...

— Довольно, мистриссъ Прести,—перебилъ Рандаль.—Ваша защита вполне достойна вашего поведенія.

— Скажите лучше, что мое поведеніе есть результатъ безчестнаго отношенія вашего брата къ моей дочери — это будетъ вѣрнѣе!

Рандаль пропустилъ это замѣчаніе безъ отвѣта.

— Будьте такъ добры, передайте Катеринѣ, что я готовъ извинить ее, но не могу обѣдать за ея столомъ и не смѣю глядѣть въ лицо моей племянницѣ, послѣ того, что я слышалъ.

— И прекрасно дѣлаете. Вы бы своей кислой миной испортили все наше удовольствіе.

Рандаль церемонно раскланялся съ мистриссъ Прести, какъ съ посторонней женщиной. Но неисправимая старуха простилась съ нимъ съ фамиллярною ласковостью.

— Прощайте, милый Рандаль. Постоите минутку! Можно будет вас пригласить на свадьбу?

Придя на станцію желѣзной дороги, Рандаль увидѣлъ, что ему надо подождать поѣзда. Пока онъ прохаживался по платформѣ, пришелъ поѣздъ изъ Лондона. Онъ остановился и разсѣянно глядѣлъ на пассажировъ, выходившихъ изъ вагона, какъ вдругъ услышалъ знакомый голосъ, спрашивавшій дорогу въ отель Буа. Онъ перебѣжалъ черезъ рельсы и очутился лицомъ къ лицу съ Гербертомъ.

IV.

Съ минуту оба брата глядѣли другъ на друга, не говоря ни слова. Въ удивленныхъ глазахъ Герберта отражалось удивленіе его брата.

— Что ты здѣсь дѣлаешь?—спросилъ онъ.

Подозрѣніе омрачило его лицо въ ту минуту, какъ онъ задавалъ этотъ вопросъ.

— Ты былъ въ гостинницѣ?—ты видѣлъ Катерину?

Рандаль могъ, не солгавъ, утверждать, что не видѣлъ Катерины, и это успокоило Герберта.

— Сколько я тебя помню, ты никогда не говорилъ лжи,—сказалъ онъ.—Мы оба, конечно, прочли одно и то же извѣстіе въ газетахъ, и ты первый захотѣлъ выяснитъ дѣло. Такъ вѣдь?

— Да.

— Желалъ бы знать, кто эта другая мистриссъ Норманъ? ты не узналъ?

— Нѣтъ.

— Во всякомъ случаѣ она не Катерина, и я уйду домой съ болѣе легкимъ сердцемъ.

Онъ взялъ брата подъ руку, чтобы перейти на другую платформу.

— Знаешь ли, Рандаль, я вѣдь почти боялся, что Катерина окажется этой женщиной. Чортъ бы побралъ все это дѣло и тѣхъ людей, которые сообщаютъ такіа вещи въ газетахъ!

Говоря это, онъ вынулъ изъ кармана газету и, разорвавъ ее пополамъ, бросилъ.

— Малькольмъ думалъ сдѣлать доброе дѣло, а вмѣсто того разстроилъ меня на цѣлое утро.

— Постои, Гербертъ; а что, еслибы газетный слухъ оказался вѣрнымъ?

— Послѣ того, что ты мнѣ сказалъ сейчасъ, къ чему предполагать такіа вещи?

— Не сердись и помни пожалуйста, что разводъ даетъ и тебѣ право жениться, и Катеринѣ выйти замужъ.

Гербертъ разсвирѣпѣлъ еще болѣе.

— Если Катерина вздумаетъ выйти замужъ, то этому человеку придется сначала имѣть дѣло со мной. Но не въ томъ вопросъ. Ты, кажется, забылъ, что женщина, о которой говорятъ въ газетахъ, названа вдовой. Уже то, что моя разведенная жена могла назвать себя вдовой—довольно скверно, но что она могла увѣрить въ томъ нашего ребенка—вотъ что довело меня до бѣшенства. Но довольно объ этомъ. Ты видѣлъ въ послѣднее время Катерину?

— Нѣтъ.

— Я полагаю, что она такъ же хороша, какъ прежде! Когда ты попросишь ее позволить мнѣ повидать Китти?

— Представь это мнѣ,—вотъ все, что могъ сказать Рандаль.

Онъ былъ въ очень затруднительномъ положеніи. Откровенной натурѣ его противно было обманывать Герберта, а между тѣмъ что могъ онъ пока сказать ему утѣшительнаго?

Но не только положеніе брата тревожило его, а также и положеніе Сидни.

Вѣдь и ей тоже обѣщаль онъ употребить всѣ усилія, чтобы уговорить Катерину повидать Сидни. Исполнить это обѣщаніе казалось теперь совершенно невозможнымъ. Подъ вліяніемъ досаднаго чувства разочарованія, къ которому она не была готова, кто знаетъ, какой неосторожный поступокъ можетъ совершить Сидни?

Даже надежда на покровительство Бенедекка утратила свою живость, послѣ неудачнаго визита Рандала въ Сайденгемъ. Что капитанъ приметъ такъ ласково дочь своего друга, какъ бы свою собственную дочь—въ этомъ нельзя было ни минуты сомнѣваться. Но что онъ не удѣлитъ ей теперь, когда онъ ухаживаетъ за Катериной, того вниманія, какое удѣлитъ бы при другихъ обстоятельствахъ—это тоже несомнѣнно. Но каковъ бы ни былъ результатъ, а Рандаль видѣлъ теперь передъ собой только одинъ путь. Онъ рѣшился поторопиться знакомствомъ Сидни съ капитаномъ и немедленно написать капитану, чтобы приготовить его къ этому событію.

Вотъ письмо, которое онъ написалъ ему подъ вліяніемъ обивчивыхъ чувствъ и ощущеній, владѣвшихъ имъ.

„У меня есть новости для васъ, которыя вы услышите, я увѣренъ, съ удовольствіемъ. Дочь вашего стариннаго пріятеля отказалась отъ своего грѣховнаго образа жизни и принесла жертвы,

доказывающія искренность ея раскаянія. Не входя въ подробности, позвольте мнѣ завѣрить васъ, что я ручаюсь за Сидни Уэстерфильдъ, какъ за особу, достойную вашего участія. Могу ли я передать ей, когда увижу ее завтра, что вы побываете у нея? Я увѣренъ, что могъ бы и теперь уже сказать ей это, но думаю, что бѣдную дѣвушку ободрить, если я могу общать ей вашу визитъ отъ вашего имени“.

Онъ сообщилъ адресъ Сидни и отправилъ письмо на почту въ тотъ же вечеръ.

Утромъ слѣдующаго дня два письма съ сайденгемской почтовой маркой поданы были Рандалю.

На первомъ, которое онъ взялъ въ руки, адресъ оказался написаннымъ рукою мистриссъ Прести. Его мнѣніе о корреспондентѣ выразилось въ немедленномъ дѣйствіи: онъ бросилъ письмо нераспечатаннымъ въ корзину для ненужныхъ бумагъ.

Другое письмо было отъ Бенедекка и написано въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ, но безъ всякаго намека на предстоящую перемѣну въ его жизни. Онъ писалъ, что ему нельзя будетъ оставить Сайденгемъ еще день или два. Никакого объясненія по поводу этого промедленія не давалось. Но, быть можетъ, это объяснялось тѣмъ, что вопросъ о женитьбѣ еще не былъ рѣшенъ и капитанъ все еще ждалъ отвѣта Катерины на свое предложеніе.

Рандаль положилъ письмо въ карманъ и пошелъ на квартиру Сидни.

V.

Погода стояла необыкновенно теплая.

Изъ всѣхъ мучительныхъ лѣтнихъ мѣстопробываній Лондонъ всего несноснѣе въ жаркое лѣто. Рандаль зналъ, что если Сидни и пойдетъ прогуляться, то не раньше вечера. Поэтому онъ былъ удивленъ, не заставъ ее дома.

— Неужели она отправилась гулять въ такую жару?

Нѣтъ, она не была въ состояніи ходить въ такой зной. Мальчикъ хозяйки бѣгалъ для нея за кѣбомъ и слышалъ, что миссъ Уэстерфильдъ приказала кучеру везти себя въ Линкольнс-Иннъ-Фильдъ.

Адресъ этотъ сразу напомнилъ Рандалю про мистера Саррапина. Въ надеждѣ узнать что-нибудь, онъ отправился къ юристу. Ему показалось весьма вѣроятнымъ, что Сидни могла отправиться туда вторично, и, наведя справки, онъ узналъ, что его предполо-

женіе вѣрно. Миссъ Уэстерфильдъ пріѣзжала, но уже съ часъ тому навадь какъ уѣхала.

Упомянувъ объ этомъ обстоятельствѣ, добрый мистеръ Саррацинъ внезапно перемѣнилъ разговоръ. Онъ заговорилъ о погодѣ и, какъ и всѣ, сталъ жаловаться на жару. Не встрѣчая сочувствія, онъ перешелъ къ политикѣ. Но Рандаль былъ непоколебимо равнодушенъ къ положенію партій и крайней необходимости въ реформѣ. Желая, повидимому, не дать посѣтителю заговорить о томъ, что его интересовало, мистеръ Саррацинъ сталъ угощать его сигарой и предложилъ холодное питье. Рандаль не чувствовалъ жажды и вовсе не желалъ курить. Побѣдить ли онъ упрямство адвоката, или нѣтъ? Кажется, что такъ. По крайней мѣрѣ тотъ самъ, наконецъ, сказалъ:

— Вамъ что-то отъ меня нужно, мой другъ? Что же именно?

— Я хочу знать, зачѣмъ къ вамъ пріѣзжала миссъ Уэстерфильдъ.

Рандаль льстилъ себя надеждой, что онъ отрѣзалъ всѣ пути къ отступленію такимъ прямымъ вопросомъ. Ничуть не бывало! Мистеръ Саррацинъ проскользнулъ у него между пальцами, какъ угорь. Неписанный законъ вѣжливости послужилъ ему желаннымъ убѣжищемъ.

— Самая ненарушимая тайна должна окружать дамскія признанія, — торжественно объявилъ онъ, — а тѣмъ болѣе когда дама молода и хороша собой. Неужели мнѣ нужно напоминать вамъ о томъ, чѣмъ мы обязаны прекрасному полу?

Такой взрывъ иностранной породы былъ неновъ для Рандалья въ его пріятелѣ. Онъ остался столь же равнодушенъ къ правамъ прекраснаго пола, какъ еслибы былъ девяностолѣтнимъ старикомъ.

— Миссъ Уэстерфильдъ говорила что-нибудь обо мнѣ? спросилъ онъ.

Увертливый мистеръ Саррацинъ прибѣгнулъ къ новой уловкѣ:

— Что-жъ это такое? — воскликнулъ онъ. — Ужъ не помѣнялись ли мы ролями и мѣстомъ нахождения? Ужъ не свидѣтель ли я, призванный въ судебную палату, а вы — законовѣдъ, его разспрашивающій? Память измѣняетъ мнѣ, мой ученый другъ. Non mi ricordo. Ничего объ этомъ не знаю.

Рандаль перемѣнилъ тонъ.

— Мы довольно шутили; у меня есть серьезныя основанія, Саррацинъ, чтобы желать узнать, что происходило между вами и миссъ Уэстерфильдъ... и я надѣюсь, что мой давнишній пріятель избавитъ меня отъ этой тревоги.

Адвокат обыкновенно говорил о себѣ, что не любитъ полумѣръ. И отвѣтъ его Рандаль доказалъ, что онъ вѣрно понимаетъ свой характеръ.

— Вашъ давнишній пріятель оправдаетъ ваше довѣріе, — сказалъ онъ. — Вы желаете знать, зачѣмъ пріѣхала сюда миссъ Уэстерфильдъ? Затѣмъ, чтобы обернуть меня вокругъ пальца, и долженъ сознаться вамъ, что она вполне успѣла въ этомъ. Мой дорогой Рандаль, хитрость этого хорошенькаго созданія замѣчательна даже для женщины. Я — старый законовѣдъ, искусившійся въ знаніи жизни и людей... но эта молоденькая дѣвушка совершенно обошла меня. Она спросила меня — и еслибы вы знали, съ какимъ невиннымъ видомъ! — долго ли пробудетъ мистриссъ Норманъ въ своемъ теперешнемъ мѣстопребываніи.

Рандаль перебилъ его.

— Неужели вы хотите сказать, что сообщили ей адресъ Катерины?

— Отель Буза въ Сайденгемѣ, — отвѣчалъ мистеръ Саррацинъ. — Она записала этотъ адресъ въ свою хорошенькую карманную записную книжку.

— Какая непростительная слабость! — воскликнулъ Рандаль.

Мистеръ Саррацинъ добродушно съ нимъ согласился.

— Непростительная слабость, вы правы! Хорошенькая миссъ Сидни вывѣдала, кромѣ адреса, еще много другихъ вещей. Она знаетъ, что мистриссъ Норманъ находится здѣсь для новаго помѣщенія своего капитала. Она знаетъ, кромѣ того, что насъ задерживаетъ одинъ изъ опекуновъ. Она, кромѣ того, высказала много разумныхъ замѣчаній. Она замѣтила, что слыхала, какъ мистриссъ Норманъ говорила, что воздухъ Лондона ей вреденъ, и высказала, что надѣется, что она поселилась въ здоровомъ, сравнительно, кварталѣ Лондона. Это, какъ вы видите, привело къ обнаруженію адреса. Злой духъ овладѣлъ мной; я допустилъ миссъ Уэстерфильдъ вытянуть изъ меня часть истины. Мистриссъ Норманъ находится въ настоящую минуту не въ самомъ Лондонѣ, а въ его окрестностяхъ. Знаніе женщинъ должно было бы приготовить меня къ тому, что затѣмъ послѣдовало. Но со стыдомъ долженъ сознаться, что эта дама поймала меня въ-расплахъ.

— Что же она сдѣлала?

— Упала на колѣни, бѣднѣжка, и сказала: „О! мистеръ Саррацинъ, будьте ко мнѣ еще добрѣе, чѣмъ были до сихъ поръ и скажите, гдѣ находится мистриссъ Норманъ?“ Я усадилъ ее обратно на стулъ и, вынувъ платокъ изъ ея кармана, вытеръ ей глаза.

— И затѣмъ сообщили ей адресъ?

— Готовъ былъ это сдѣлать, но все-таки удержался. Я спросилъ, въ чемъ дѣло и что вы для нея взяли сдѣлать. Увы, ваше доброе сердце заставило васъ общать больше, нежели вы могли сдержать. Она ждала услышать отъ васъ о томъ, согласилась ли мистриссъ Норманъ на свиданіе съ нею, и ждала напрасно. Вѣдь трудное ея положеніе, не правда ли? И все-таки я жалѣлъ ее, но упорствовалъ. Я только ощущалъ тѣ симптомы, которые предостерегали меня о томъ, что я поступилъ какъ дуракъ; но тутъ она сообщила мнѣ свою тайну и ясно высказала, зачѣмъ ей нужно видѣть мистриссъ Норманъ. Слезамъ и мольбамъ ея я могъ противиться, но мотивы ея одолѣли меня. Необходимо, чтобы эти двѣ женщины увидѣлись! — восликнулъ мистеръ Саррацинъ, вдругъ разгораясь. — Припомните, что эта бѣдная дѣвушка доказала, что ея раскаяніе непритворно. Я нахожу, что она въ правѣ высказать, а леди, которую она оскорбила, въ правѣ выслушать то, что она сдѣлала, чтобы загладить прошлое. Ахъ, да! я знаю, что возвращаетъ на это англійскій сант. Но чортъ бы побралъ англійскій сант! это худшее препятствіе для прогресса англійской націи!

Рандаль слушалъ разсѣянно; онъ думалъ:

„Не могло быть никакого сомнѣнія въ томъ, куда Сидни Уэтерфильдъ отправилась, выйдя изъ конторы стряпчаго. Быть можетъ, въ эту самую минуту она и Катерина уже свидѣлись и разговариваютъ наединѣ“.

Мистеръ Саррацинъ замѣтилъ молчаніе своего пріятеля.

— Неужели вы меня не одобряете? — спросилъ онъ.

— Я не питаю такихъ надеждъ на результатъ свиданія этихъ двухъ женщинъ, какъ вы.

— Ахъ, другъ мой, вы вообще по натурѣ не сангвиникъ. Если мистриссъ Норманъ обойдется съ нашей бѣдной Сидни такъ, какъ обошлась бы дюжинная сварливая женщина, то я буду очень удивленъ. Но еслибы даже Сидни и оскорбили, то я увѣренъ, что она по крайней мѣрѣ не отвѣтитъ на оскорбленіе; нѣтъ такой жертвы, какой бы она не принесла, чтобы загладить свою вину. Ея характеръ закаленъ несчастіемъ. Но вѣрьте, что жизнь, которую вела Сидни, прежде нежели мы ее съ вами встрѣтили, — жизнь тяжкая. Боже мой! Что бы сказала моя жена, еслибы слышала меня! Женщины — хорошія созданія, но у нихъ есть свои слабости. Подождемъ до завтра, мой милый другъ, и будемъ до вѣрять Сидни, не давая нашимъ женамъ — извините, я хочу сказать: моей женѣ — подозрѣвать, на какой запрещенный путь завлекли насъ наши симпатіи.

Кто устоялъ бы передъ увѣренностью этого человѣка и не

заразился бы ею? Рандаль уѣхалъ домой въ гораздо лучшемъ расположеніи духа, но мрачный видъ слуги, отворившаго ему дверь, поразилъ его.

— Что-нибудь неладно, Малькольмъ? — спросилъ онъ.

— Съ сожалѣніемъ долженъ сказать, сэръ, что м-ръ Гербертъ оставилъ насъ.

— Оставилъ насъ! Почему?

— Не могу знать, сэръ.

— Куда онъ уѣхалъ?

— Онъ не сказалъ мнѣ, сэръ.

— Нѣтъ ли письма? Или не поручалъ ли онъ передать что на словахъ.

— Поручилъ, сэръ. М-ръ Гербертъ, вернувшись домой...

— Пойдите! Откуда онъ вернулся?

— Онъ говорилъ, что ему стало скучно, когда вы уѣхали, и онъ, чтобы разсѣяться, отправился въ клубъ. И поручилъ мнѣ передать вамъ объ этомъ, когда вы вернетесь, и все это онъ говорилъ спокойно и весело... точно прежній нашъ баринъ, сэръ. Но когда онъ вернулся, то, простите, сэръ, но я никогда не видѣлъ болѣе разсерженнаго человѣка. „Скажите моему брату, что я благодаренъ ему за гостепріимство; но не могу имъ долѣе пользоваться“. Вотъ въ чемъ заключается порученіе м-ра Герберта. Я пытался-было вставить слово, но онъ хлопнулъ дверью и былъ таковъ.

Даже вроткая и терпѣливая натура Рандаля возмутилась отъ такого поступка брата. Онъ молча вошелъ въ свой кабинетъ. Малькольмъ послѣдовалъ за нимъ и указалъ на письмо, лежавшее на столѣ.

— Я подумалъ, сэръ, что вы нечаянно бросили это письмо, — объяснилъ старый слуга. — Я нашелъ его въ корзинкѣ, куда вы бросаете негодныя бумаги.

И, поклонившись съ глубокимъ почтеніемъ старыхъ слугъ, вышелъ вонъ.

Первымъ движеніемъ Рандаля было отложить всякое попеченіе о братѣ.

„Доброта ни къ чему не ведетъ съ Гербертомъ, — думалъ онъ. — На будущее время я буду поступать съ нимъ такъ, какъ онъ со мной поступаетъ“.

Но онъ никакъ не могъ выгнать мысли о братѣ изъ головы, — и распечаталъ письмо м-съ Прести въ надеждѣ, что оно дастъ иное направленіе его мыслямъ.

Но, вопреки м-съ Прести, вопреки самому себѣ, сердце его

болѣло по братѣ, который такъ дурно обошелся съ нимъ. Вмѣсто того, чтобы прочесть письмо, онъ сталъ раздумывать о томъ, нѣтъ ли какой-нибудь связи между посѣщеніемъ братомъ клуба и его сердитымъ порученіемъ. Не слышалъ ли Гербертъ въ курильной клуба какихъ-нибудь сплетенъ, которыя могли бы объяснить его поведеніе? Еслибы Рандаль былъ членомъ этого клуба, онъ бы пошелъ туда за справками. Нельзя ли ему получить свѣденія инымъ какимъ путемъ?

Послѣ нѣкотораго размышленія, онъ припомнилъ обѣдъ, которыми угощаль пріятеля своего Саррацина, когда вернулся изъ Соединенныхъ Штатовъ, и то, что адвокатъ ушелъ послѣ того въ клубъ, имѣя въ виду цѣль, интересовавшую ихъ обоихъ. Къ этому самому клубу принадлежалъ и Гербертъ. Рандаль тотчасъ же написалъ записку м-ру Саррацину, сообщивъ ему о случившемся и сознаваясь, что это очень его тревожитъ.

Приказавъ Малькольму отнести записку на домъ къ адвокату, и если не найдетъ его дома, то узнать, гдѣ его можно найти, Рандаль прибѣгнулъ къ вѣрнѣйшему способу успокоить свои нервы: закурилъ трубку.

Онъ былъ закутанъ облаками табачнаго дыма, единственными, которыя никогда не обманываютъ насъ, когда письмо м-съ Прести снова привлекло его вниманіе.

Если бы вмѣсто іюля на дворѣ стоялъ январь, онъ бросилъ бы его въ огонь. При существующихъ обстоятельствахъ онъ взялъ и сталъ читать его:

„Я не сержусь на васъ, любезный Рандаль, и пишу вамъ такъ же дружески, какъ еслибы вы и не наговорили мнѣ дерзостей въ послѣдній разъ, какъ мы видѣлись.

„Вамъ пріятно будетъ слышать, что Катерина была огорчена такъ сильно, какъ вы только могли этого пожелать, когда я вынуждена была, къ сожалѣнію, передать о томъ, что произошло между нами, чтобы объяснить ваше отсутствіе. Она была до того разстроена, что не могла даже скрыть этого отъ капитана Бенедика.

„—Я не могу быть съ вами такъ любезна, какъ слѣдуетъ,—сказала она ему, когда мы сѣли за столъ,—но вы, быть можетъ, извините меня. Я лишилась уваженія стариннаго друга, который жестоко меня оскорбилъ.—Изъ деликатности она не назвала вашего имени. Но я въ жизни не слышала лучшаго отвѣта, какъ отвѣтъ капитана.

„—Позвольте недавнему другу занять въ вашемъ сердцѣ мѣсто, утраченное стариннымъ другомъ.

„Онъ поцѣловаль у нея руку. Если бы вы видѣли, какъ онъ это сдѣлать и какъ она глядѣла на него, то, можетъ быть, сильнѣе, чѣмъ кто-либо, сильнѣе, нежели я сама, стали бы убѣждать мою дочь выйти замужъ за капитана. Вы бросили ее; вы оставили ее съ единственнымъ другомъ, какой у нея есть. Благодарю васъ, Рандаль. Ради всѣхъ насъ, благодарю васъ.“

„Безполезно прибавлять, что я ушла изъ комнаты и увела Китти съ собой, какъ только могла, и оставила ихъ вдвоемъ.“

„Вечеромъ я вошла въ спальню Катерины. Нашъ разговоръ длился не болѣе минуты. Безполезно было спрашивать Катерину о томъ: сдѣлано ли ей предложеніе? Ея взволнованный видъ сказалъ мнѣ о томъ, что произошло. Я спросила только: — Милая Катя, ты сказала: да? Она поблѣднѣла какъ смерть и отвѣчала:

— Я не сказала: нѣтъ.“

„Но вѣдь я этого достаточно и это успокоительно. Желаю вамъ всего лучшаго. Мы увидимся на свадьбѣ“.

Рандаль положилъ письмо и набилъ трубку вновь табакомъ. Онъ нисколько не сердился; онъ только нетерпѣливо желалъ видѣть м-ра Саррацина. Еслибы мистриссъ Прести увидѣла его въ эту минуту, то сказала бы:

— Я забыла, что негодяй курить табакъ.

Черезъ полчаса Мальвольтъ распахнулъ дверь, — мистеръ Саррацинъ своей особой явился дать отвѣтъ пріятелю.

— Нѣтъ злѣйшихъ сплетниковъ, какъ клубные курильщики, — сказалъ онъ. — Газета начала бѣду, а ея издатель докончилъ ее; откуда онъ добылъ свои свѣденія, не знаю. Клубные сплетники затараторили объ извѣстїи, касавшемся прелестной вдовы, а издатель сталъ хвастаться своею деликатностью. Когда мнѣ доставили это извѣстіе, — говорилъ онъ, — авторъ упомянулъ о томъ, что мистриссъ Норманъ не кто иная, какъ разведенная мистриссъ Гербертъ Линлей. Но я напелъ, что это не деликатно, и зачеркнулъ. — Кажется, что это было сказано при вашемъ братѣ. Онъ рѣдко ходитъ въ клубъ, и никто изъ членовъ не знаетъ его въ лицо. Дать вамъ спичку? ваша трубка погасла?

Рандаль не отказался прибѣгнуть снова къ успокоительному дѣйствию табака.

— Какъ вы думаете, вашъ братъ поѣхалъ въ Сайденгемъ? — спросилъ м-ръ Саррацинъ.

— Я въ этомъ нисколько не сомнѣваюсь.

VI.

Садъ гостинницы въ Сайденгеѣ принадлежалъ первоначально частному дому. Большой по размѣрамъ, онъ былъ превосходно разбитъ. Цвѣточные клумбы и лужайки, красивый фонтанъ, скамейки, осыненные группами высокихъ и прекрасныхъ деревьевъ, доканчивали идиллическую прелесть этого мѣста. Извилистая дорожка шла черезъ весь садъ отъ задняго фасада дома. Спекуляторъ, купившій это мѣсто, провелъ ее дальше, до самой дороги, которая шла по окраинѣ мѣстности, сообщавшейся съ Хрустальнымъ дворцомъ. Посѣтителемъ отеля такъ нравился садъ, что многіе ради него возвращались сюда, предпочитая его приманкамъ другихъ мѣстностей. Разнообразные вкусы и разнообразныя возрасты находили здѣсь удовлетвореніе. Дѣти радовались тому, что было гдѣ поиграть и побѣгать. Отдаленныя прогулки, заключенныя среди плодовыхъ садовъ, привлекали людей скрытныхъ и любящихъ уединеніе, прїѣзжавшихъ никому неизвѣстными и увѣжавшихъ ни съ кѣмъ не познакомаясь. Фонтанъ и лужайка приманивали болѣе общительныхъ посѣтителей, которые готовы съ каждымъ знакомиться. Даже художники-любители могли позволить себѣ вольное обращеніе съ природой и найти удобныя пункты для сниманія видовъ, на дальнихъ пунктахъ сада.

На другой день послѣ злополучнаго обѣда, когда одинъ изъ званыхъ гостей такъ горько разочаровалъ Катерину, въ Хрустальномъ дворцѣ происходило какое-то празднество, привлекавшее всѣхъ жильцовъ отеля, такъ что садъ оставался почти безлюднымъ.

Съ закатомъ солнца, теплымъ лѣтнимъ вечеромъ, немногіе большыя, которые осторожно бродили между цвѣточными клумбами или сидѣли подъ деревьями, стали понемногу расходиться, опасаясь сырости. Катерина съ дочкой и нянькой осталась одна въ саду. Китти объявила, что „съ мамой сегодня не такъ весело, какъ вчера“. Съ того рокового дня, когда бабушка произнесла роковыя слова, воспрещавшія всякій намекъ на отца, дѣвочка постоянно капризничала, и жаловалась, если ее не забавляли.

Теперь она стала жаловаться на мистриссъ Прести.

— Мнѣ кажется, бабушка могла бы меня взять съ собой въ Хрустальный дворецъ, сказала она.

— Милая моя, твоя бабушка поѣхала со своими знакомыми, дамами и кавалерами, которымъ скучно было бы возиться съ ребенкомъ.

Китти приняла это свѣденіе крайне нелюбезно.

— Ненавижу дамъ и кавалеровъ,—сказала она.

— Даже капитана Бенедика?—спросила мать.

— Нѣтъ; капитана люблю; онъ милый. И люблю корридорныхъ слугъ. Они бы взяли меня въ Хрустальный дворецъ, да имъ некогда. Я бы желала, чтобъ поскорѣй наступило время идти спать; я не знаю, что мнѣ съ собой дѣлать.

— Погуляй съ Сусанной.

— Куда я пойду?

Катерина поглядѣла на ворота, выходившія на дорогу, и предложила пойти навѣстить сторожа въ сторожкѣ.

Китти покачала головой. Сторожъ ей не нравился.

— Онъ все меня экзаменуетъ; все заставляетъ складывать цифры; онъ гордится тѣмъ, что хорошо знаетъ сложеніе, и постоянно уличаетъ меня въ ошибкахъ. Я не люблю старика-сторожа.

Катерина поглядѣла въ другую сторону, по направленію къ дому. Оттуда доносился шумъ воды отъ фонтана.

— Ступай кормить золотыхъ рыбокъ,—предложила она.

Это предложеніе восхитило Китти.

— Вотъ это дѣло!—вскричала она и побѣжала къ фонтану, а за ней поспѣшила и нянька.

Катерина осталась одна подъ деревьями и глядѣла на солнце, заходившее за горизонтъ на безоблачномъ небѣ. Воспоминаніе о счастливыхъ дняхъ ея замужней жизни никогда еще такъ печально и неотступно не представлялось ея уму, какъ въ настоящее время, когда ей надо было рѣшить, выходить ли ей вторично замужъ. Воспоминанія о прошломъ, о которомъ она сожалѣла, и думы о будущемъ, которое представлялось ей не особенно заманчивымъ, терзали ее. День склонялся къ концу. Въ то время, какъ она наблюдала за заходящимъ солнцемъ, призракъ ея преступнаго мужа омрачалъ для нея небесный свѣтъ, прибавлялъ невыразимую горечь къ ея недовѣрію къ самой себѣ, которое пугало ее, не давало сказать: да, и оставляло ее нерѣшительной и неспособной сказать: нѣтъ.

Фигура человѣка показалась на пустынной дорожкѣ, которая вела къ воротамъ сада.

Машинально завидя ее, она встала съ мѣста и машинально же усѣлась опять. Послѣ первой нерѣшимости волненіе ея улеглось, и она снова получила способность думать.

Избѣгать его, послѣ того, какъ онъ, по ея просьбѣ, согласился отложить ихъ объясненіе — было бы неблагодарностью; принять его — значило снова поставить себя въ ложное положеніе женщины,

которая сама не знаетъ, что ей дѣлать. Вынужденная выбирать одно изъ двухъ, она, изъ уваженія къ Бенедекку, осталась поджидать его. Когда онъ подошелъ ближе, она увидѣла тревогу на его лицѣ и замѣтила въ рукахъ его распечатанное письмо. Онъ улыбнулся, подождя къ ней, и попросилъ позволенія сѣсть на стулъ около нея. Въ то же самое время, замѣтивъ, что она глядитъ на письмо, торопливо сунулъ его въ карманъ.

— Я надѣюсь, что вы не получили никакихъ непріятныхъ вѣстей?— сказала она.

Онъ снова улыбнулся и спросилъ:— не письмо ли, которое онъ держалъ въ рукѣ, заставляетъ ее это думать.

— Это не что иное, какъ докладъ отъ моего субъ-инспектора, которому я поручилъ завѣдываніе моимъ приютомъ. Онъ — превосходный человѣкъ, но боюсь, что его раздражаетъ неблагодарность, которую мы часто встрѣчаемъ въ нашемъ дѣлѣ. Онъ не хочетъ понять того развращающаго дѣйствія, какое производятъ недоувѣріе къ себѣ и отчаяніе даже на хорошія натуры. Нѣтъ, меня это нисколько не беспокоитъ. Я забываю всѣ мои заботы, кромѣ одной, когда нахожусь съ вами.

Глаза его сказали ей, что онъ готовъ вернуться къ тому предмету, котораго она всего больше опасалась. Она старалась — какъ это часто дѣлаютъ женщины въ такихъ затруднительныхъ случаяхъ — выгадать время.

— Меня очень интересуетъ вашъ приютъ, — сказала она. — Я хотѣла бы знать, какого рода это учрежденіе. Очень ли строга въ немъ дисциплина?

— Въ немъ совсѣмъ нѣтъ дисциплины, — горячо отвѣчалъ онъ. — Моя единственная цѣль быть другомъ моимъ несчастнымъ ближнимъ, а единственнымъ способомъ управленія ими служить для меня Нагорная проповѣдь. Менѣе всего хотѣлъ бы я, чтобы мой приютъ напоминалъ имъ тюрьму. По этой причинѣ — хотя я отъ всей души жалѣю закоренѣлыхъ желчныхъ женщинъ, но не раскрываю передъ ними своихъ дверей. Для этихъ грѣшницъ и безъ того открыто много приютовъ, гдѣ дисциплина неизбѣжна. Мое убѣжище предназначается страдальцамъ другого рода, такимъ, которые потеряли извѣстное положеніе въ обществѣ, въ которыхъ было воспитано понятіе о чести и которымъ я могу помочь, съ Евангеліемъ въ рукахъ, перемѣнить образъ жизни и вернуться къ тѣмъ религіознымъ понятіямъ, съ которыми онѣ вступили въ жизнь. Время отъ времени мнѣ случается испытывать разочарованіе. Но я продолжаю держаться системы довѣрія — какъ если бы онѣ были мои дѣти, и по большей части онѣ

оправдываютъ это довѣріе. Въ тотъ день—если только онъ когда-нибудь наступитъ—когда я признаю, что безъ дисциплины не обойтись, будетъ днемъ такого для меня разочарованія, что я закрою пріютъ.

— Вы одинаково принимаете въ свой пріютъ и мужчинъ, и женщинъ?—спросила Катерина.

Ему хотѣлось бы заговорить съ ней о предметѣ еще болѣе для него интересномъ, нежели самъ пріютъ. Отвѣчая на ея вопросы, онъ былъ поэтому разсѣянъ и водилъ тросточкой по мягкой землѣ подъ деревьями.

— Средства, находящіяся въ моемъ распоряженіи, ограничены, — сказалъ онъ, — и поэтому я былъ вынужденъ выбирать между мужчинами и женщинами.

— И вы выбрали женщинъ?

— Да.

— Почему?

— Потому что потерянная женщина—существо болѣе безпомощное, нежели мужчина.

— Онѣ сами приходятъ къ вамъ? или же вы ихъ разыскиваете?

— Ббльшею частью онѣ сами приходятъ. Есть, однако, одна молодая женщина, которая теперь ждетъ свиданія со мной и которую я самъ разыскалъ. Я очень сильно интересуюсь ею.

— Что же васъ такъ заинтересовало? ея красота?

— Я не видѣлъ ея съ самаго ея дѣтства. Она—дочь стариннаго моего пріятеля, который умеръ много лѣтъ тому назадъ.

— И вы заставляете ее ждать?

— Да.

Онъ уронилъ тросточку на землю и взглянулъ на Катерину, но не объяснилъ своего страннаго поведенія. Она была немного разочарована.

— Вы уже давно не были въ своемъ пріютѣ; когда вы думаете въ него отправиться?

— Тогда,—отвѣчалъ онъ,—когда я узнаю, могу ли я поблагодарить Бога, какъ счастливѣйшій изъ смертныхъ.

Оба замолчали.

VII.

Катерина прислушивалась къ журчанью воды въ отдаленномъ фонтанѣ. Она сознавала, что питаетъ слабую надежду, — недостойную ея, — что, быть можетъ, Китти надоѣдаютъ золотыя рыбки,

и она помѣшаетъ дальнѣйшему объясненію. Но ничего подобнаго не случилось; никто не показывался на дорожкѣ, извивавшейся по саду. Она была одна съ нимъ. Тихій лѣтній вечеръ располагалъ къ сердечнымъ изліяніямъ.

— Думали ли вы обо мнѣ со вчерашняго дня? — спросилъ онъ.

Она созналась, что думала.

— Могу ли я надѣяться, что ваше сердце обратится ко мнѣ?

— Я не смѣю слушаться своего сердца. Еслибы дѣло было въ моихъ чувствахъ...

Она умолкла.

— А въ чемъ же еще дѣло?

— Въ моей прошлой жизни... въ томъ, какъ я страдала и въ чемъ должна была раскаиваться.

— Вы не были счастливы замужемъ?

— Подъ конецъ... нѣтъ.

— Не по вашей, конечно, винѣ?

— Нѣтъ, конечно.

— И, однако, вы говорите, что въ чемъ-то вамъ приходится раскаиваться.

— Я не думала о моемъ мужѣ, капитанѣ Бенедекѣ, говоря это. Если я передъ кѣмъ и виновата, то только передъ самой собою.

Она думала о роковой уступкѣ, какую она сдѣлала матери и въ интересахъ ребенка, благодаря чему попала въ фальшивое положеніе передъ человѣкомъ, который любитъ и довѣряетъ ей. Бенедекъ увидѣлъ, что она поблѣднѣла, и упрекнулъ себя за это.

— Я надѣюсь, что вы простите меня?

Она удивилась.

— Что я должна вамъ простить?

— Недостатокъ деликатности.

— О, капитанъ Бенедекъ, не говорите этого! Я не знаю человѣка деликатнѣе васъ.

Онъ слишкомъ серьезно сомнѣвался въ себѣ, а потому не могъ такъ сразу сдаться.

— Я невольно напомнилъ вамъ про ваши горести, — сказалъ онъ, — горести, въ которыхъ я не могу васъ утѣшить. Я не стѣю, чтобы вы простили меня. Но позвольте мнѣ дать единственное объясненіе этому. Позвольте мнѣ рассказать вамъ о себѣ.

Она знакомъ дала ему знать, что такая просьба излишня.

— Жизнь, которую я велъ, — продолжалъ онъ, — можетъ до

нѣкоторой степени объяснить мои недостатки. Въ школѣ я не былъ популярнымъ мальчикомъ; я подружился только съ однимъ товарищемъ, и онъ давно уже умеръ. О моей жизни въ коллегіи и затѣмъ въ Лондонѣ я не смѣю вамъ рассказывать; я самъ съ ужасомъ вспоминаю о ней. Мой школьный товарищъ повліялъ на мой выборъ профессіи; онъ поступилъ во флотъ. Не зная, что дѣлать съ собой, я вскорѣ послѣдовалъ его примѣру. Мнѣ понравилась эта жизнь; могу сказать, что море спасло меня. Долгіе годы я не выходилъ на берегъ иначе какъ на нѣсколько недѣль. Я совсѣмъ не бывалъ въ обществѣ. Я почти никогда не бывалъ въ дамской компаніи. Перемѣна въ моей жизни наступила вмѣстѣ съ экспедиціей въ Полярное море. Боже упаси меня отъ того, чтобы пересказывать вамъ, чему подвергаются люди, затерянные въ этомъ поясѣ вѣчнаго льда. Я скажу только, что спасся—чудеснымъ образомъ спасся—затѣмъ, чтобы воспользоваться этимъ страшнымъ опытомъ. Онъ преобразилъ меня въ новаго человѣка; онъ измѣнилъ меня (надѣюсь, къ лучшему) во всѣхъ отношеніяхъ. О! я чувствую, что долженъ былъ бы скрыть вчера мою тайну отъ васъ... я хочу сказать то, что я люблю васъ. Мнѣ бы слѣдовало подождать, пока вы узнали бы меня, пока мой образъ дѣйствія снискалъ бы мнѣ уваженіе въ вашихъ глазахъ. Вы не станете смѣяться, если я сознаюсь, что (въ мои годы) я все-таки неопытенъ. Пока я васъ не встрѣтилъ, я не зналъ, что значитъ истинная любовь... а вѣдь мнѣ уже сорокъ лѣтъ. Многимъ, очень многимъ это покажется смѣшнымъ, но мнѣ это кажется печальнымъ.

— Нѣтъ, не печальнымъ.

Голосъ ея дрожалъ. Волненіе, которое не было мучительно, пріятно овладѣло ею.

— Я думаю, что вы несправедливы къ себѣ, — заговорила она, и голосъ ея дрожалъ. — Симпатія, — я разумѣю такую симпатію, какъ ваша, — иногда говорить больше словъ. Развѣ вы этого не замѣчали?

— Я замѣтилъ это у васъ.

— Быть можетъ, я выказала слишкомъ явно, какъ я дорожу вами, какъ мнѣ грустно было бы лишиться въ васъ друга.

Она покраснѣла, говоря это. Когда слова эти уже вырвались у нея, она сообразила, что имъ можно придать совсѣмъ иной смыслъ. Онъ взялъ ея руку: всѣ сомнѣнія и страхи въ немъ разлетѣлись.

— Вы никогда не лишитесь меня, если позволите мнѣ быть вашимъ мужемъ.

Она закрыла лицо руками, потому что боялась, что оно выдастъ ее.

Онъ подождать съ минуту, вздохнулъ и выпустилъ ее руку.

— Я не хотѣлъ васъ огорчить, — грустно промолвилъ онъ.

Она взглянула на него, и онъ все понялъ. Рука его обвилась вокругъ ея талии. Послѣдній лучъ солнца погасъ въ небѣ, и наступили мягкія лѣтнія сумерки.

— Мы будемъ жить въ уединеніи?

— Гдѣ хотите. Вы предпочитаете провинцію?

— Да, да; вы говорили про море, какъ про лучшаго своего друга; будемъ жить на берегу моря. Но я не хочу отнимать васъ совсѣмъ у бѣдныхъ созданій, которыхъ вы спасаете. Быть можетъ, я могу быть вашей помощницей? Вы въ этомъ не сомнѣваетесь?

— Я сомнѣваюсь только въ томъ, долженъ ли я васъ познать съ тѣмъ, чего я бываю иногда свидѣтелемъ. Я боюсь, что вы почувствуете себя несчастной.

— Я хочу быть достойной васъ. Когда мнѣ можно будетъ осмотрѣть вашъ пріютъ?

Онъ крѣпче обнялъ ее и нѣжно, хотя и застѣнчиво, поцѣловалъ.

— Это отъ васъ зависитъ, — отвѣчалъ онъ. — Когда вы будете моей женой?

Она колебалась. Онъ чувствовалъ, какъ она дрожала.

— Есть развѣ какое-нибудь препятствіе? — спросилъ онъ.

Но прежде, нежели она успѣла отвѣтить, послышался голосъ Китти, звавшій мать... и сама Китти подбѣжала къ нимъ.

Катерина похолодѣла, когда ребенокъ схватилъ ее за руку, стараясь овладѣть ея вниманіемъ. Все, что ей слѣдовало бы помнить, все, что она забыла въ нѣсколько свѣтлыхъ моментовъ, какъ длилась иллюзія — все это встало передъ ней, точно обвиненіе, и на минуту парализовало ея умъ, когда она почувствовала прикосновеніе Китти.

Бенедекъ увидѣлъ перемѣну. Неужели внезапное появленіе ребенка испугало ее? Китти надо было что-то сказать, и она сказала это прежде, нежели онъ успѣлъ заговорить.

— Мама, я хочу идти гулять съ другими дѣтьми. Сусанна пошла ужинать. Пойдемте со мной.

Мать даже не слушала ея. Китти съ нетерпѣніемъ повернулась къ Бенедеху.

— Почему мама не хочетъ говорить со мной?

Онъ успокоилъ ее словами:

— Я пойду съ вами.

Но безпокойство, какое внушала ему Катерина, было слишкомъ сильно.

— Позвольте мнѣ отвести васъ домой, — сказалъ онъ. — Я боюсь, что вамъ нездоровится.

— Это пройдетъ. Пожалуйста... уведите ребенка.

Она говорила тихо и разсѣянно; Бенедекъ колебался. Она съ мольбой сложила дрожащія руки.

— Прошу васъ, оставьте меня!

Голосъ, манеры ея требовали повиновенія. Онъ съ покорностью повернулся къ Китти и спросилъ, куда она хочетъ идти. Дитя указало на дорожку, которая вела къ одной изъ башенъ Хрустальнаго дворца, видѣвшейся издали.

— Гувернантка повела другихъ дѣтей смотрѣть, какъ расходится публика. И я хочу идти туда же.

Бенедекъ оглянулся на Катерину, прежде, нежели потерять ее изъ виду.

Она сидѣла все въ той же позѣ, въ какой онъ ее оставилъ.

На противоположномъ концѣ дорожки, которая вела въ гостиницу, ему показалось, что онъ видитъ какую-то фигуру, шедшую къ дому. Еслибы Катеринѣ понадобилась помощь, она была бы близко.

Это соображеніе нѣсколько успокоило его, и онъ съ Китти вмѣстѣ вышелъ изъ сада.

VIII.

Она старалась думать о Бенедекѣ. Глаза ея слѣдили за нимъ до тѣхъ поръ, пока онъ не скрылся изъ виду, но мысли были далеко. Кроткая таинственность сумерекъ и уединеніе стали, наконецъ, давить Катерину, и она встала, чтобы вернуться къ свѣту и людскому обществу. Повернувшись лицомъ къ дому, она увидѣла, что больше не одна.

Женщина стояла на дорожкѣ и какъ будто поджидала ее.

Въ полусвѣтѣ и на такомъ разстояніи нельзя было узнать, кто эта женщина. Она, къ тому же, не двигалась и не говорила. Нервы Катерины, и безъ того уже натянутые до послѣдней степени, не выдержали. Она опустилась назадъ на скамейку и дрожащимъ голосомъ проговорила:

— Кто вы? что вамъ нужно?

Голосъ, отвѣтившій ей, точно такъ же дрожалъ отъ страха, какъ и ея собственный:

— Мнѣ надо съ вами поговорить.

Женщина, то дѣлая шагъ впередъ, то останавливаясь, то снова двигаясь впередъ, подошла, наконецъ. Свѣта было достаточно, чтобы разглядѣть ея лицо. То была Сидни Уэстерфильдъ. При видѣ ея смущеніе Катерины вдругъ уступило мѣсто гнѣву, и подъ его вліяніемъ самаго разстройства нервовъ какъ не бывало.

— Я удивляюсь вашей дерзости, — сказала она.

Въ отвѣтъ Сидни зазвучала терпѣливая покорность, но не обида:

— Я два раза подходила къ дому, гдѣ вы живете, и два раза мужество покидало меня. Я опять ушла, все шла, шла, не знаю, какъ далеко зашла. Стыдъ и страхъ, вѣроятно, заглушаютъ усталость. Это моя третья попытка. Еслибы я стояла поближе къ вамъ, вы бы увидѣли, какихъ усилій мнѣ это стоитъ. То, что я имѣю вамъ сказать, не многословно. Могу я васъ попросить меня выслушать?

— Вы захватили меня врасплохъ, миссъ Уэстерфильдъ. Вы не въ правѣ были это сдѣлать. Я отказываюсь васъ выслушать.

— Попытайтесь, сударыня, повѣрить въ то, что никакое несчастное созданіе на моемъ мѣстѣ не стало бы подвергать себя вашему гнѣву и презрѣнію безъ серьезныхъ мотивовъ. Вы, можетъ быть, перемѣните ваше рѣшеніе?

— Нѣтъ!

Сидни повернулась, чтобы уйти... и вдругъ остановилась.

Другое лицо показалось изъ гостинницы, — ихъ перебили и самымъ тривиальнымъ образомъ. Нянька хватилась ребенка и пришла въ садъ, думая, что она съ матерью.

— Гдѣ миссъ Китти, сударыня? — спросила дѣвушка.

Госпожа сообщила ей о томъ, что произошло, и послала ее освободить капитана Бенедика отъ возложенной имъ на себя обязанности. Сусанна слушала, глядя на Сидни и узнавъ въ ней знакомое лицо. Когда дѣвушка собралась уходить, Сидни спросила ее:

— Я надѣюсь, что маленькая Китти здорова и счастлива?

Нѣтъ такой матери, которая бы могла устоять передъ тономъ, какимъ былъ сдѣланъ вопросъ. Разбитое сердце, любовь къ ребенку, которая все еще жила въ немъ, тронули даже служанку.

— Совсѣмъ здорова, миссъ, благодарю васъ, — отвѣчала Сусанна.

Когда она уходила, то увидѣла, что барыня предложила Сидни сѣсть рядомъ съ собой. Но нянька была уже слишкомъ далеко, чтобы услышать то, что при этомъ говорилось.

— Миссъ Уэстерфильдъ, забудьте то, что я вамъ сейчасъ сказала!—съ этими словами мистриссъ Норманъ указала ей на стулъ.—Я готова васъ выслушать,—продолжала она.—Но прежде я хочу спросить васъ: то, что вы имѣете мнѣ сообщить, касается только васъ или еще кого-нибудь?

— Это касается и другого лица, также какъ и меня.

— Если это другое лицо — мистеръ Гербертъ Линлей...

Сидни перебила ее самыми неожиданными для нея словами:

— Я больше никогда не увижу мистера Герберта Линлея.

— Онъ бросилъ васъ?

— Нѣтъ. Но я оставила его.

— Вы!

Тонъ, какимъ это было сказано, заставилъ Сидни впервые заступиться за себя.

— Еслибы я оставила его не по собственной охотѣ, то какое было бы оправданіе тому, что я сюда явилась?

— Что же, онъ жестоко обращался съ вами и вынудилъ васъ его бросить?

— Еслибы онъ былъ жестокъ со мной, неужели вы думаете, что я пришла бы жаловаться на него вамъ? Отдайте мнѣ хоть нѣкоторую справедливость и не считайте меня способной на такое униженіе. Я ни на что не жалуюсь.

— И однако вы его оставили?

— Онъ былъ добръ и внимателенъ, насколько этого отъ него можно было требовать; онъ все дѣлалъ, что могъ дѣлать человекъ въ его несчастномъ положеніи, чтобы успокоить меня. И однако я его оставила. О! я не хвалюсь своимъ расказаніемъ, хотя горько его чувствую! У меня, можетъ быть, не хватило бы мужества оставить его, еслибы онъ любилъ меня такъ, какъ нѣкогда любилъ васъ.

— Миссъ Уэстерфильдъ! вы—послѣдняя женщина, которая имѣетъ право намерать на мою замужнюю жизнь.

— Вы, можетъ быть, простите мнѣ этотъ намекъ, когда услышите то, что я вамъ скажу. Я обязана передъ мистеромъ Гербертомъ Линлеемъ, если не передъ вами, сознаниемъ, что жизнь его со мной не была счастливою жизнью. Онъ старался изъ страданія скрывать отъ меня свою тайну, но это ему не удалось. Я давно подозрѣвала истину, но ясно прочитала ее у него на лицѣ, когда онъ нашелъ книгу, забытую вами въ гостинницѣ. Вашъ образъ отъ начала до конца одинъ жилъ въ его сердцѣ. Я—несчастная жертва мимолетнаго мужского калприза. Вы были и остались единственной женщиной, которую любилъ по настоя-

щему вамъ мужъ. Спросите сами себя: какая женщина въ мірѣ созналась бы въ томъ, что я говорю, еслибы не была въ томъ увѣрена?

Сердце Катерины упало въ груди; руки, безпомощно лежавшія на колѣняхъ, задрожали.

Было еще не совсѣмъ темно. Сидни могла видѣть лицо Катерины. Въ своемъ рвѣніи исправить прошлое заблужденіе, она сдѣлала капитальную ошибку: слишкомъ поспѣшила.

— Позвольте мистеру Герберту Линлею явиться къ вамъ съ повинной.

Катерина разсердилась.

— Онъ слишкомъ многого хочетъ! — мрачно отвѣчала она. — Онъ тоже, можетъ быть, здѣсь и хочетъ захватить меня врасплохъ, какъ и вы? Вы, можетъ быть, сговорились?

— Я неспособна позволить себѣ такую вольность. Я, можетъ быть, слишкомъ понадѣялась... Простите меня за это; я не смѣю настаивать...

— А посмѣете ли вы посмотрѣть истиннѣ въ глаза? Помните ли вы, какія священные узмы онъ разорвалъ? Вы говорите о своемъ раскаяніи. Но помните ли вы о томъ, что онъ до сихъ поръ былъ бы моимъ мужемъ, еслибы не *ты*!

Сидни молча выслушала упрекъ. Катерина взглянула на нее и смягчилась.

— Я говорю это не затѣмъ, чтобы васъ оскорбить. Но прежде нежели просить меня простить и забыть, подумайте сначала, чего вы просите. Мы только разстроимъ другъ друга, если будемъ продолжать эту бесѣду, — прибавила она, вставая. — Быть можетъ, вы повѣрите, что я не желаю вамъ зла, если я спрошу: не могу ли я что-нибудь для васъ сдѣлать?

— Ничего.

Въ этомъ словѣ вылилось все безпредѣльное отчаяніе женщины, для которой не было никакого будущаго.

— Я вѣрю въ ваши добрыя намѣренія; я вѣрю въ ваше раскаяніе, — сказала ей Катерина на прощанье.

— Вѣрьте въ то, что я наказана, — отвѣчала Сидни.

И на этомъ онѣ расстались.

IX.

Не страхъ передъ своимъ одиночествомъ, не грустное воспоминаніе о прошломъ, не боязнь будущаго владѣли въ настоящую минуту умомъ Сидни. Единственное чувство, сказывавшееся въ ней,

была усталость. Безъ думъ, машинально, она отдыхала, какъ бы отдыхало выбившееся изъ силъ животное. Она ничего не слышала, ничего не видѣла и чувствовала только боль во всѣхъ членахъ. Луна взопла на небѣ и ярко освѣтила ее, и вдругъ Сидни услышала знакомый дѣтскій голосокъ:

— О, Сидни, дорогая моя! это вы?

И черезъ секунду ея маленькая ученица и товарищъ прежнихъ дней висѣла у нея на шеѣ, лежала у нея въ объятіяхъ.

— Милочка моя! откуда вы взялись?

Сусанна отвѣтила на вопросъ.

— Мы возвращаемся изъ дворца, миссъ. Я боюсь,—прибавила она застѣнчиво,—что намъ пора домой.

Съ безмолвною покорностью Сидни попыталась отцѣпить руки Китти.

Но дѣвочка крѣпко прижималась къ ней и цѣловала ее. И огрызнулась на няньку:

— Неужели вы думаете, что я оставлю Сидъ теперь, когда я ее нашла? Сусанна, вы меня удивляете!

Сусанна сдалась и отошла.

А Китти принялась осыпать свою бывшую гувернантку вопросами. На нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ было, однако, очень трудно отвѣчать правдиво. Китти спросила: видѣлась ли Сидъ съ ея мамой, и затѣмъ тотчасъ же захотѣла узнать, почему мама ушла и оставила Сидъ одну въ саду.

— Почему вы не пошли съ мамой въ домъ?—спросила она.

— Не спрашивайте меня, моя душа,—вотъ все, что могла сказать Сидни.

Китти немедленно вывела изъ этого неизбежное заключеніе:

— Вы поссорились съ мамой?

— О, нѣтъ!

— Ну, такъ пойдемте со мной къ намъ.

— Подождите немного, Китти, и расскажите мнѣ про себя. Какъ идутъ ваши уроки?

— Какая же вы глупенькая дѣвочка, Сидни, если думаете, что я стану учить уроки, когда не вы меня учите!—Гдѣ вы все это время пропадали?

Она умоляла: зоркіе дѣтскіе глазки съ откровеннымъ любопытствомъ рассматривали лицо Сидни.

— Это отъ луннаго свѣта лицо ваше кажется такимъ блѣднымъ и измученнымъ? или вы въ самомъ дѣлѣ несчастливы? Скажите мнѣ, моя милочка: вы поете тѣ пѣсни, которыми я васъ научила?

— Нивогда.

— У васъ есть съ кѣмъ гулять и бѣгать, какъ бывало со мной?

— Нѣтъ, дружокъ, эти дни прошли безвозвратно.

Китти грустно прислонилась головкой къ плечу Сидни.

— Это не отъ луннаго свѣта, — сказала онъ. — Хотите, я вамъ скажу секретъ? Я тоже теперь часто несчастлива. Бѣдный папѣ умеръ. Онъ любилъ васъ; я увѣрена, что вамъ его жаль.

Отъ удивленія Сидни не могла вымолвить ни слова. Прежде, чѣмъ она успѣла спросить, что это значить, нянька, стоявшая за стуломъ, тронула ее молча рукой, давая этимъ знакъ не разспрашивать.

— Мы, кажется, всѣ теперь несчастливы, — продолжала Китти думать вслухъ. — Мама совсѣмъ не такая, какъ была, и даже мой милый капитанъ со мной совсѣмъ не разговаривалъ и не захотѣлъ идти къ намъ, а сказалъ, что пойдетъ къ себѣ.

Другой намекъ въ словахъ ребенка поразилъ Сидни. Она спросила, какъ зовутъ капитана. Вопросъ ее точно обидѣлъ Китти.

— Вотъ что значить, что вы насъ бросили и не хотите знать: вы даже не знаете капитана Бенедека!

Имя корреспондента ея отца!

— Гдѣ вы съ нимъ познакомились?

— Въ Сандисилѣ. Мамѣ онъ понравился, и бабушкѣ тоже — вѣдь это удивительно, не правда ли? — и я его поцѣловала. Общайтесь не рассказывать того, что я вамъ скажу: капитанъ будетъ монимъ новымъ папой.

Сусанна остановила ребенка.

— Не слѣдуетъ говорить такихъ вещей, миссъ. Слѣзайте съ колѣнъ миссъ Уэстерфильдъ и пойдите домой. Намъ давно пора.

Китти предложила сдѣлку.

— Я пойду, если Сидъ пойдетъ со мной.

— Милочка моя, я никакъ не могу.

Но всѣ убѣжденія и просьбы были напрасны. Китти уцѣпилась за платье Сидъ и со слезами кричала, что не пойдетъ безъ нея.

Сусанна прибѣгла къ хитрости.

— Миссъ Уэстерфильдъ подождетъ васъ здѣсь, а вы попросите позволенія у мамѣ придти за ней. Скажите: да! — шепнула она Сидни, — иначе намъ съ ней не справиться. Госпожа ни за что не пуститъ ея, и вы можете уйти черезъ садъ.

Когда они ушли, Сидни тоже встала. Но, сдѣлавъ нѣсколько

шаговъ, увидѣла, что ей трудно стоять на ногахъ; ноги подкашивались у нея, а слезы ослѣпляли глаза. Она бы упала, еслибы ее не поддерживала сильная рука.

— Дитя мое, — сказалъ низкій, но добрый мужской голосъ, — вы совсѣмъ, кажется, выбились изъ силъ, позвольте мнѣ помочь вамъ.

— Никто не можетъ помочь мнѣ.

— Я отвезу васъ къ вашимъ друзьямъ.

— У меня нѣтъ друзей.

— Вы ошибаетесь; одинъ другъ у васъ есть во всякомъ случаѣ; я — другъ всѣмъ, кто несчастливъ. Вы отправитесь отсюда въ Лондонъ?

— Да.

— Завтра я долженъ видѣться съ другой дѣвушкой, которая также одинока въ мірѣ, какъ и вы. Если я скажу вамъ, гдѣ она живетъ, то вы не откажетесь справиться у нея, заслуживаю ли я довѣрія. Я только недавно узналъ ее адресъ, а вотъ и мой.

Онъ сунулъ свою визитную карточку въ руку Сидни.

Въ эту минуту изъ гостиницы донесся плачущій дѣтскій голосокъ, который о чемъ-то упрашивалъ. Сидни узнала этотъ голосокъ, и незнакомецъ тоже узналъ его и оглянулся.

Когда онъ повернулся къ особѣ, заинтересовавшей его, ей уже не было.

Въ испугѣ, что Китти вырвется и прибѣжить къ ней, Сидни убѣжала изъ сада и бросилась на станцію желѣзной дороги. Сидя уже въ вагонѣ, она поднесла къ глазамъ карточку незнакомца и при свѣтѣ фонаря прочитала имя капитана Бенедекъ.

Х.

Мистриссъ Прести вернулась съ прогулки съ друзьями по Хрустальному дворцу въ чрезвычайно веселомъ настроеніи духа. Она какъ нельзя пріятнѣе провела время и, по обычаю всѣхъ себялюбивыхъ людей, была разсержена и возмущена, увидѣвъ, что расположеніе духа ея дочери не соотвѣтствуетъ ея собственному.

Она застала Катерину въ слезахъ и величайшемъ уныніи. Выслушавъ отъ нея разсказъ о неожиданномъ свиданіи съ Сидни Уэстерфильдъ, мистриссъ Прести окончательно вознегодовала, но негодованію ея не стало предѣловъ, когда Катерина объявила, что капитанъ Бенедекъ сдѣлалъ ей предложеніе и она приняла его, но твердо рѣшила сперва сообщить ему всю истину относительно своего настоящаго положенія.

Тщетно истощивъ свое краснорѣчіе въ попыткахъ переубѣдить дочь и заставить ее отказаться отъ своего намѣренія, мистриссъ Прести величественно объявила:

— Ты не хочешь меня слушаться и хочешь сдѣлать по своему! Прекрасно! увидишь, что изъ этого выйдетъ. Мы живемъ въ эпоху выставокъ и золотыхъ медалей. Если когда-нибудь будетъ выставка идіотовъ, то я знаю, кому могла бы быть присуждена первая медаль.

Катерина привыкла сохранять почтительное отношеніе къ матери даже при трудныхъ обстоятельствахъ; но сегодня мать превзошла ту мѣру обидъ, которую, по понятіямъ Катерины, почтительная дочь обязана вынести отъ матери.

— Я жалѣю, — отвѣчала она, — что вообще слушалась вашихъ совѣтовъ. Лучше было бы, еслибы я ихъ никогда не слушалась. Отъ многихъ злыхъ минутъ была бы я спасена, еслибы всегда поступала по своему. Вы были злымъ гениемъ въ моей жизни съ той самой минуты, какъ миссъ Уэстерфильдъ впервые вошла ко мнѣ въ домъ.

Она прошла въ раскрытую дверь, но вдругъ остановилась и вернулась назадъ:

— Я не хотѣла васъ оскорбить, мама, но вы говорите такія обидныя вещи!.. Покойной ночи.

Ни словомъ не отозвавшись на это извиненіе, мистриссъ Прести, живая мистриссъ Прести, находчивая и остроумная мистриссъ Прести окаменѣла на мѣстѣ. Какъ? Она, ангель-хранитель семьи, чья опытность, преданность и здравый смыслъ руководили Катериной въ трудныхъ и опасныхъ обстоятельствахъ жизни, которыя могли привести къ окончательной гибели ея семейнаго счастья... она, примѣрная мать, была заклемена названіемъ злого гения своей дочери — и кѣмъ же? родной дочерью! Что тутъ сказать? что тутъ дѣлать? Какой образъ дѣйствія, еще небывалый и неслыханный, принять послѣ такой обиды? Мистриссъ Прести стояла, безпомощная, посреди комнаты и задавала себѣ эти вопросы, задавала, дивилась и не находила отвѣта.

Прошло нѣкоторое время. Кто-то постучался въ дверь. Показался слуга. Онъ доложилъ:

— Какой-то джентльменъ желаетъ видѣть мистриссъ Норманъ.

Джентльменъ вошелъ въ комнату, и это оказался — Гербертъ Линлей!

XI.

Разведенный мужъ глядѣлъ на свою тещу, не дѣлая ни малѣйшей уступки требованіямъ вѣжливости. Онъ не подалъ руки и не поклонился. Нахмуренныя брови, раскраснѣвшееся лицо выдавали владѣвшій имъ гнѣвъ.

— Я хочу видѣть Катерину, — сказалъ онъ.

Такая рѣшительная грубость оказалась той живой водой, какою слѣдовало вспрыснуть эту старую даму, чтобы вернуть ей обычную энергію. Улыбка, всегда грозившая бѣдой и напасти, появлялась на лицѣ мистриссъ Прести.

— Съ какого сорта людьми водились вы съ тѣхъ поръ, какъ я васъ видѣла въ послѣдній разъ? — начала она.

— Какое вамъ дѣло до этого?

— Никакого, къ счастью. Я только подумала, не путешествовали ли вы гдѣ-нибудь въ южной Африкѣ и не проживали ли среди готтентотовъ? Вы являетесь въ гостиную невзванный-непрошенный, находите въ немъ даму и ведете себя такъ, какъ еслибы пришли въ лавку за покупками. Позвольте мнѣ дать вамъ урокъ хорошихъ манеръ. Замѣчайте: я встрѣчаю васъ съ поклономъ и говорю: — какъ поживаете, мистеръ Линлей? — Понимаете меня?

— И не хочу васъ понимать — я хочу видѣть Катерину.

— Кто такая Катерина?

— Вы знаете это такъ же хорошо, какъ и я: ваша дочь.

— Моя дочь, сэръ, — посторонняя для васъ женщина. Покорнѣйше прошу называть ее тѣмъ именемъ, тѣмъ знаменитымъ именемъ, которое она носитъ по праву рожденія. — Вы желаете видѣть мистриссъ Норманъ?

— Зовите ее, какъ хотите. Мнѣ надо сказать ей одно слово, и я его скажу.

— Нѣтъ, мистеръ Линлей, вы его не скажете.

— Увидимъ! Гдѣ она?

— Моя дочь нездорова.

— Здорова или нездорова, я ее долго не задержу.

— Моя дочь ушла уже къ себѣ въ комнату.

— Гдѣ ея комната?

Мистриссъ Прести подошла къ камину и взялась за ручку колокольчика.

— Вы помните, что вы находитесь въ гостинницѣ?

— Мнѣ все равно, гдѣ я нахожусь.

— Прекрасно; но вѣдь въ гостинницахъ есть лакеи, а въ

такой большой гостинницѣ, какъ наша, даже и полицменъ. Прикажете позвонить?

Выборъ между необходимостью уступить мистриссъ Прести или быть позорно выведеннымъ представился Линлею. Какъ бы то ни было, а онъ все-таки былъ нѣкогда джентльменомъ и понималъ, что неприлично вѣль себя.

— Я не стану утруждать васъ необходимостью звать прислугу, я прошу извинить меня, если я позволилъ себѣ быть грубымъ. Но прошу васъ вспомнить, что я былъ къ этому вызванъ.

— Вы?!—никакъ не могу съ этимъ согласиться. Всѣ вины и всѣ вызовы на вашей сторонѣ.

— Вы бы не говорили этого, еслибы знали все, что я выстрадалъ...

Мистриссъ Прести взглянула на дверь.

— Постойте минутку,—сказала она:—я слышу, кто-то сюда идетъ.

Въ тишинѣ, послѣдовавшей затѣмъ, слышались чьи-то шаги; но они удалялись отъ двери, а не приближались къ ней. Должно быть, мистриссъ Прести ошиблась.

— Ну-съ,—сказала она, покоряясь судьбѣ и приглашая Герберта Линлея объясниться.

— Я пріѣхалъ, чтобы увидѣться съ Китти.

— Этого никакъ нельзя допустить.

— Не говорите этого, мистриссъ Прести. Я—несчастнѣйшій въ мірѣ человѣкъ и жажду единственнаго утѣшенія: видѣть своего ребенка. Китти, я знаю, не забыла меня. Мать ея не можетъ быть такъ жестока, чтобы отказать мнѣ въ этомъ. Во всемъ остальномъ я покоряюсь ея волѣ. Попросите Катерину позволить мнѣ видѣться съ Китти.

— Никакъ не могу этого сдѣлать.

— Почему нѣтъ?

— По разнымъ причинамъ.

— По какимъ же?

— По такимъ, о которыхъ вы не въ правѣ разспрашивать.

Онъ всталъ съ кресла. Лицо его приняло то же выраженіе, которое видѣла на немъ мистриссъ Прести, когда онъ только-что вошелъ въ комнату.

— Входя сюда,—сказалъ онъ,—я желалъ удостовѣриться въ одной вещи, и ваше обращеніе разъяснило мнѣ то, что я хотѣлъ знать. Газеты, по желанію Катерины, величаютъ ее вдовой—вотъ что я желалъ узнать, мистриссъ Прести. Теперь я знаю, почему мой братъ, который никогда меня не обманывалъ, обманулъ меня

въ этомъ случаѣ. Я понимаю, какую роль играетъ моя жена и какую дьявольскую ложь вы сказали моему ребенку. Нѣтъ, нѣтъ, лучше мнѣ не видѣться съ Катериной! Не одинъ мужъ убилъ свою жену по причинѣ менѣе важной. Вы правы, что не пускаете меня къ ней.

Вдругъ онъ умоляетъ и оглянулся на дверь.

— Я слышу ея шаги! — закричалъ онъ: — Она сюда идетъ!

Шаги дѣйствительно приближались. Они раздались у самой двери. Гербертъ отошелъ отъ нея. Мистриссъ Прести бросилась къ двери, съ горестнымъ предчувствіемъ самыхъ худшихъ золъ и выпустила капитана Бенедекъ.

ХП.

Вниманіе капитана прежде всего было привлечено посѣтителемъ, котораго онъ засталъ въ гостиной. Онъ поклонился незнакомцу, но первое впечатлѣніе, произведенное послѣднимъ на него, казалось, было неблагопріятно.

Гербертъ, съ своей стороны, обидѣлся критическимъ отношеніемъ къ своей особѣ, которое замѣтилъ во взглядѣ и въ манерахъ пришедшаго. Оглядѣвъ Бенедекъ съ головы до ногъ, онъ спросилъ мистриссъ Прести:

— Кто этотъ джентльменъ? Можетъ быть, я ошибаюсь, — прибавилъ онъ, — но мнѣ показалось, что вашъ знакомый смотритъ на меня такъ, какъ еслибы зналъ, кто я.

— Я встрѣчалъ васъ раньше, сэръ.

Капитанъ далъ этотъ отвѣтъ вѣжливымъ тономъ, напомнившимъ Герберту о приличіяхъ.

— Могу я спросить, гдѣ именно я имѣлъ честь встрѣчаться съ вами?

— Вы прошли мимо меня въ гостинницѣ въ Сандисилѣ. Съ вами была молодая особа.

— У васъ лучше память, нежели у меня, сэръ. Я этого не помню.

Бенедекъ не сталъ настаивать.

— Можетъ быть, я помѣшалъ конфиденціальному разговору? — обратился онъ къ мистриссъ Прести: — я долженъ объяснить...

Мистриссъ Прести слушала разсѣянно, озабоченная страхомъ, что Гербертъ вызоветъ опасное открытіе, и трудностью предотвратить эту опасность. Она перебила капитана:

— Извините меня, мнѣ надо сказать нѣсколько словъ этому джентльмену.

Бенедекъ немедленно отступилъ вглубь комнаты, а мистриссъ Прести испотомъ сказала Герберту:

— Вы хотѣли видѣть Китти, — аттаковала она сразу слабую сторону противника: — Это зависитъ отъ вашей скромности.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Не говорите про наши семейные раздоры, и я обещаю вамъ, что вы увидите съ Китти.

Гербертъ отказался что-либо общать въ этомъ отношеніи и предложилъ мистриссъ Прести выслушать сначала то, что соби-
рался ей сказать капитанъ Бенедекъ.

Мистриссъ Прести ничего не оставалось, какъ покориться. Никогда еще не ненавидѣла она Герберта Линлея такъ, какъ въ эту минуту. Капитанъ сказалъ, что у него были причины войти безъ приглашенія. Онъ вошелъ въ надеждѣ...

— Въ надеждѣ видѣть дочь мистриссъ Прести, — перебилъ Гербертъ.

— Это одна изъ причинъ.

— Будетъ ли нескромно спросить о другой?

— Нисколько. Я услышалъ чужой голосъ, говорившій съ дамой такимъ тономъ, какой обыкновенно не принять въ гости-
ныхъ, и хотѣлъ...

— Хотѣли заступиться за даму, — опять перебилъ Гербертъ. — Изъ этого я заключаю, что вы — капитанъ Бенедекъ.

— Радъ слышать, сэръ, что вы такъ догадливы.

— Благодарите за это газеты, которыя возвѣстили о пред-
стоящей женитбѣ вашей на мистриссъ Норманъ.

— Я не читаю газетъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Но, можетъ быть, газеты солгали. По-
звольте васъ спросить: правда ли, что вы женитесь на „краса-
вицѣ вдовѣ, мистриссъ Норманъ“ — такъ, кажется, стояло въ га-
зетахъ?

Мистриссъ Прести вдругъ встала съ мѣста. Съ искаженнымъ
отъ злости лицомъ, она пошла къ двери. Отворяя ее, она по-
вернулась къ обоимъ мужчинамъ съ беззащитною развязностью,
которая служила ей броней въ злыя минуты.

— Мнѣ очень жаль перебить этотъ интересный разговоръ,
но я забыла, что мнѣ еще надо распорядиться по хозяйству. Я
вернусь, когда окончу свои распоряженія, и съ удвоеннымъ удо-
вольствиемъ послушаю васъ. Надѣюсь, что къ тому времени вы
станете оба повѣжливе.

Она дошла до такого взрыва тайной ярости, что послала обомлеть воздушный поцѣлуй рукой, прежде, нежели вышла изъ комнаты.

Бенедекъ поглядѣлъ ей вслѣдъ, убѣжденный, что подъ этимъ скрывается что-то роковое, но совершенно теряясь въ догадкахъ, что именно. Гербертъ продолжалъ разговоръ въ такомъ тонѣ, что ясно было, что онъ ищетъ ссоры съ капитаномъ.

— Какъ я уже замѣтилъ раньше, газетѣ не всегда можно вѣрить. Серьезно ли вы намѣрены, сэръ, жениться на мистриссъ Норманъ?

— Да, я надѣюсь на эту честь и счастье. Но не понимаю, какое вамъ до этого дѣло?

— Въ такомъ случаѣ позвольте васъ просвѣтить. Меня зовутъ: Гербертъ Линлей.

Онъ ожидалъ, что имя его произведетъ громовой эффектъ, но ошибся. Въ манерахъ капитана и на его лицѣ не выразилось никакого волненія. Напротивъ того, онъ казался только заинтересованнымъ.

— Вы, вѣроятно, родня моему пріятелю?—спокійно спросилъ онъ.

— Кто вашъ пріятель?

— Рандаль Линлей.

— Я—его старшій братъ.

Не подозрѣвая о семейныхъ раздорахъ фамиліи Линлей, капитанъ Бенедекъ только удивился.

— Считете ли вы меня за очень нескромнаго человѣка, если я спрошу васъ: одобряетъ ли мой братъ вашу женитьбу?

Тонъ вопроса показался Бенедеку такимъ же дерзкимъ, какъ и самый вопросъ.

— Я не спрашивалъ мнѣнія моего пріятеля,—коротко и сухо отвѣтилъ онъ.

Гербертъ сбросилъ маску.

— Ну, въ такомъ случаѣ выслушайте мое мнѣніе: вашъ бракъ—преступленіе, и я намѣренъ ему помѣшать.

Капитанъ поднялся съ мѣста и мрачно взглянулъ въ лицо человѣку, осмѣлившемуся сказать такую дерзость.

— Вы съ ума сошли?—спросилъ онъ.

Гербертъ готовъ былъ объявить, что онъ—разведенный мужъ Катерины, какъ вдругъ вошелъ слуга и доложилъ:

— Васъ спрашиваютъ, сэръ. Сейчасъ, немедленно, по очень важному дѣлу.

— Кто меня спрашиваетъ?

— Одна особа и по очень важному дѣлу, не терпящему отлагательства.

Гербертъ повернулся къ капитану.

— Вы должны обѣщать мнѣ, что подождете меня, иначе я не уйду отсюда.

— Успокойтесь. Я самъ не двинусь съ мѣста, пока вы не объяснитесь,—былъ твердый отвѣтъ.

Слуга провелъ Герберта по корридору и отворилъ дверь въ общій салонъ гостиницы. Гербертъ вошелъ—и очутился лицомъ къ лицу съ своей разведенной женой.

XIII.

Безъ всякихъ объясненій Катерина подошла къ нему и спросила:

— Отвѣчайте: вы уже сообщили капитану Бенедеку, кто я?

— Нѣтъ еще.

Онъ не узналъ Катерины. Въ послѣдній разъ, когда онъ видѣлъ ее въ Сандисилѣ, она была блѣдна и разстроена отъ неожиданной встрѣчи. Огорченіе и досада старили ее и придавали жесткое выраженіе ея лицу. Теперь она знала заранѣе, что увидитъ его, и приготовилась къ этому свиданію. Голубые глаза ея блестѣли, яркій румянецъ игралъ на щекахъ. Онъ былъ положительно ослѣпленъ ея красотой.

— Въ прошлое время, которое мы оба помнимъ,—сказала она,—вы находили, что я—самая правдивая женщина, какую вы только знаете. Съ тѣхъ поръ вы не переимѣнили своего мнѣнія?

— Нисколько.

— Прежде, чѣмъ вы вошли въ этотъ домъ, я рѣшила сообщить капитану Бенедеку то, что вы ему еще не передали. Скажите, вѣрите ли вы тому, что я говорю?

Онъ не спускалъ съ нея глазъ и мягко отвѣтилъ:

— Я вамъ вѣрю.

Она вынула письмо изъ-за корсета и показала ему, что оно не запечатано.

— Я писала его въ своей спальнѣ, когда матушка пришла и сообщила мнѣ, что вы сидите съ капитаномъ Бенедekomъ въ гостиной. Она побоялась ссоры и скандала и просила меня объясниться съ вами. Гдѣ капитанъ Бенедекъ?

— Онъ дожидается въ гостиной.

— Дожидается васъ?

Да.

Она подумала съ минуту и затѣмъ сказала:

— Я принесла съ собой письмо; хотите его прочитать?

Она подала ему письмо. Онъ не рѣшился сразу его взять.

— Вы мнѣ писали?—спросилъ онъ.

— Я писала капитану Бенедекку,—отвѣтила она.

Ревность, кипѣвшая въ немъ и на которую онъ не имѣлъ никакого права, заставила его притворяться равнодушнымъ. Онъ объявилъ, что не желаетъ знать содержаніе письма.

— Нѣтъ, вы должны узнать его,—настаивала Катерина.—Я пишу ему всю правду безъ утайки. Хотите прочитать письмо?

Онъ молча взялъ и сталъ читать. Стараніе быть спокойнымъ и благоразумнымъ было ему почти не подъ силу. Катерина услышала, какъ онъ тяжело вздыхалъ, читая письмо. Дочитавъ, онъ всталъ, подошелъ къ ней и подалъ письмо.

Два раза пытался онъ заговорить, и два раза голосъ измѣнялъ ему.

Наконецъ онъ справился съ собой и заставилъ голосъ не дрожать и произносить слова твердо, хотя и мягко:

— Стоитъ ли человѣкъ, за котораго вы собираетесь выйти замужъ, *этой* жертвы?—спросилъ онъ, указывая на письмо.

Она твердо отвѣчала:

— Стоитъ.

— Выходите за него замужъ, Катерина, и забудьте меня.

Великое сердце, которое онъ такъ жестоко оскорбилъ, дрогнуло отъ состраданія. Она простила ему и, заливаясь слезами, протянула дрожащую руку. Онъ прикоснулся къ ней губами ...и исчезъ.

XIV.

Веселая и радостная появилась въ гостиной мистриссъ Прести.

— Мы избавлены отъ нашего врага!—объявила она.—Я видѣла въ окно, какъ онъ уѣхалъ.

Она замолчала, пораженная глубоко-огорченнымъ видомъ дочери.

— Катерина!—воскликнула она:—я говорю тебѣ, что Гербертъ уѣхалъ, а ты такъ смотришь, какъ будто бы объ этомъ сожалѣешь! Что случилось?

— Ничего.

— Онъ успѣлъ сообщить Бенедекку про разводъ?

— Нѣтъ.

— Слава Богу! Теперь нечего бояться. Гдѣ капитанъ?

— Онъ все еще въ пріемной.

— Почему ты не идешь къ нему?

— Я не смѣю.

— Хочешь, я пойду.

— Да... и отдайте ему вотъ это.

Мистриссъ Престри взяла письмо.

— Ты хочешь, вѣрно, чтобы я разорвала письмо, и это умно съ твоей стороны.

— Я хочу сказать то, что я сказала.

— Дорогое дитя мое, если ты хоть сколько-нибудь уважаешь себя и меня, то не проси меня передавать Бенедекку это безумное письмо! Послушайся матери! Нѣтъ, не хочешь?

— Не хочу.

— Если когда-нибудь Китти будетъ такъ поступать съ тобой, Катерина, какъ ты поступаешь со мной, то тебѣ это будетъ по дѣломъ. О! еслибы ты была ребенкомъ, я бы выбила эту дурь изъ тебя... ужъ я бы выбила!

Съ этимъ взрывомъ простыхъ словъ она взяла письмо къ Бенедекку. Черезъ минуту она вернулась укрошенная.

— Онъ пугаетъ меня, — объявила она.

— Онъ очень разсердился?

— Нисколько... Это-то всего хуже. Когда мужчины сердятся, я ихъ никогда не боюсь. Онъ спокоенъ, слишкомъ спокоенъ. Онъ сказалъ: „Я жду мистера Герберта Линлея; гдѣ онъ“? Я отвѣчала: — Онъ уѣхалъ. Онъ сказалъ: „Что это значитъ?“ А я подала ему письмо. — Можетъ быть, это объяснить вамъ, — сказала я. — Онъ взглянулъ на адресъ и сейчасъ узналъ твой почеркъ. „Зачѣмъ она пишетъ мнѣ, когда мы живемъ въ одномъ домѣ? Зачѣмъ она не на словахъ объяснить мнѣ то, что хочетъ сказать?“ — И глаза его, эти добрые глаза, такъ и впились въ меня, такъ и впились, — кто бы могъ это подумать! — точно онъ хотѣлъ насильно прочесть меня. „Я васъ долже не задерживаю“, — объявилъ онъ вдругъ. Меня, ты знаешь, не легко смутить... но я рада была уйти отъ него поскорѣй. И что бы ты думала? не успѣла я выйти въ корридоръ, какъ онъ заперся на ключъ. Онъ заперся на ключъ, моя милая, понимаешь ты это? Мы здѣсь слишкомъ близко отъ него. Пойдемъ на верхъ.

Катерина отказалась.

— Я должна быть ближе къ нему; можетъ быть, онъ захочетъ меня видѣть.

Мать напомнила ей, что салонъ—общественная комната и может понадобиться другимъ жильцамъ.

— Пойдемъ лучше въ садъ,—предложила она.—Мы скажемъ слугѣ, гдѣ найти насъ, если насъ пожелаютъ видѣть.

Катерина согласилась. Возбужденіе мистриссъ Прести всегда расходовалось въ болтовнѣ. Дочери ея нечего было говорить и неохота было ничего слушать. Жизнь какъ будто замерла въ ней въ эту страшную минуту ожиданія. Онѣ бродили по саду. Полчаса прошло, а никто не приходилъ за ними. Часы въ гостиницѣ пробили часъ. И все еще никакихъ гонцовъ не было видно.

— Я не могу долѣе терпѣть,—сказала Катерина.

Она упала на одинъ изъ садовыхъ стульевъ и схватила мать за руку.

— Подите къ нему, ради Бога!—молила она.—Я не могу долѣе терпѣть.

Мистриссъ Прести, храбрая мистриссъ Прести, тоже трусила.

— Онъ любитъ Китти,—сказала она.—Я ее пошлю къ нему.

Черезъ минуту Китти разыскали, мистриссъ Прести дала ей свои инструкціи, и дѣвочка побѣжала исполнять порученіе, гордясь и радуясь, что придетъ къ капитану одна, „точно большая“.

Вскорѣ она побѣжала назадъ.

— Хорошо, что вы меня послали!—объявила она.—Онъ сказалъ, что ни для кого другого не отперъ бы дверь... право, онъ такъ сказалъ.

— Ты тихонько постучалась, какъ я тебѣ говорила?—спросила мистриссъ Прести.

— Нѣтъ, бабушка, я забыла. Я сначала хотѣла отворить дверь. Онъ крикнулъ, чтобы его не беспокоили. Я сказала:—да вѣдь это я,—и онъ тотчасъ отперъ дверь. Отчего онъ такой блѣдный, мама? развѣ онъ боленъ?

— Можетъ быть, отъ жары,—нашлась мистриссъ Прести.

— Онъ сказалъ: „дорогая Китти!“ и взялъ меня на руки и поцѣловалъ. Когда онъ сѣлъ и посадилъ меня къ себѣ на колѣни, онъ спросилъ: люблю ли я его? а я отвѣчала: да, очень люблю. И тогда онъ опять меня поцѣловалъ и спросилъ: вѣрно, я по немъ соскучилась, что пришла? А я, бабушка, забыла, что вы мнѣ велѣли ему сказать и сама придумала.

— Что ты ему сказала?

— Я сказала ему: и мама васъ такъ же любить, какъ и я, и она соскучилась по васъ. Тутъ онъ спустилъ меня съ колѣнъ, и подошелъ къ окну, и сталъ глядѣть. Я сказала ему, что такъ онъ ее не дожидется, и сказала: я пойду и приведу ее. Но

вѣдь онъ ужасно упрямъ, нашъ милый капитанъ. Онъ ни за что не хотѣлъ отойти отъ окна. Я сказала:—хотите видѣть маму? А онъ сказалъ: „да“. Ну, такъ не запирайте дверь, ей это не понравится. И что бы вы думали онъ мнѣ на это сказалъ:— „Прощайте, Китти!“—Развѣ это не смѣшно? Мнѣ кажется онъ самъ не понималъ, что говорилъ. Если хотите знать, мама, мое мнѣніе, то чѣмъ скорѣе вы къ нему пойдете, тѣмъ будетъ лучше.

Катерина колебалась. Мистриссъ Прести съ одной стороны, а Китти съ другой—повели ее въ домъ.

XV.

Капитанъ Бенедекъ встрѣтилъ Катерину съ дочерью у открытых дверей. Мистриссъ Прести, остановившись въ нѣсколькихъ шагахъ, ждала въ корридорѣ, чтобы уловить выраженіе лица капитана. Но она ничего на немъ не прочитала.

Катерина же увидѣла въ немъ перемѣну. Въ его манерахъ было что-то подавленное и апатичное. Онъ походилъ на чело-вѣка, который заставилъ себя сдѣлать нѣчто такое, что истощило всѣ его силы. Капитанъ былъ спокоенъ, капитанъ былъ добръ; ни словомъ, ни взглядомъ не далъ онъ понять Катеринѣ, что всѣ ихъ планы рухнули; однако сердце въ ней упало, когда они встрѣтились у двери.

Онъ довелъ ее до кресла, говоря, что она пришла какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ особенно желалъ съ нею перегово-рить. Китти спросила, можно ли ей остаться съ ними, но онъ ласково положилъ ей руку на голову, говоря:—Нѣтъ, моя душа, не теперь.

Ребенокъ взглянулъ на него и тоже понялъ, что онъ не такой, какъ всегда, и это открытіе произвело свое дѣйствіе: Китти молча и покорно удалилась.

Капитанъ затворилъ дверь и сѣлъ около Катерины.

— Благодарю васъ за письмо,—сказалъ онъ:—еслибы только это было возможно, то оно заставило бы меня уважать васъ еще сильнѣе, чѣмъ до сихъ поръ. Вы сознались въ ошибкахъ и обманѣ, допущенномъ вами, когда ничего не могли выиграть, а только проиграть, открывая истину. Только хорошая женщина способна на это.

Въ его голосѣ было больше чувства, нежели въ словахъ. Катерина придвинулась къ нему ближе и взяла его за руку.

— Вы не можете себя представить, какъ вы меня удивляете и утѣшаете!— съ жаромъ сказала она и пожала его руку.

Въ порывѣ благодарности, она и не замѣтила, что онъ не отвѣтилъ на ея пожатіе.

— Чѣмъ я васъ удивилъ? чѣмъ утѣшилъ?

— Я боялась, что вы будете презирать меня.

— Но почему же?

— Потому что я дѣйствовала съ самаго начала не прямо и не откровенно съ вами.

— Скажите лучше—за то, что вы человѣкъ съ такими же слабостями, какъ и всѣ люди. Развѣ вы видали безгрѣшныхъ людей?

— Иногда о нихъ читаешь въ книгахъ,—замѣтила она.

— Да. И это худшія и самыя безнравственныя книги, какія только существуютъ.

— Почему онѣ безнравственны?

— Потому самому, что сознательно извращаютъ истину. Какимъ низкимъ фарисеемъ долженъ былъ бы я быть, чтобы презирать васъ!

Она съ благодарностью взглянула на него, но сердце подсказало ей, что радоваться особенно нечему.

— Я жалѣю, что вы допустили обманъ, хотя и понимаю ваши мотивы,—продолжалъ онъ,—но исправить его такъ легко. Выведите вашу дочь изъ заблужденія, какъ вывели меня, и зачѣмъ... у меня нѣтъ личныхъ мотивовъ ходатайствовать за мистера Герберта Линлея, послѣ того, какъ я его видѣлъ... но вы должны признать его права на ребенка.

— Вы хотите сказать, что я должна ему позволить видѣться съ Китти?

— Да, что же другое? Да! видѣться съ нею. Сдѣлайте то, что вы должны были сдѣлать въ тотъ проклятый день, который будетъ злополучнѣйшимъ днемъ въ моемъ календарѣ.

— О какомъ днѣ вы говорите?

— О томъ, въ который вы помнили о людскихъ законахъ, но забыли о божескихъ; о томъ днѣ, когда вы порвали брачныя узы, священныя брачныя узы, попросивъ развода!

Она слушала, но уже безъ страха, а съ негодованіемъ.

— Вы слишкомъ жестоки!—объявила она.—Вы судите безпощадно объ единственномъ безупречномъ поступкѣ въ моей жизни,—поступкѣ, которымъ я обезпечила за собою материнскія права надъ моимъ ребенкомъ. О! неужели это вы говорите? неужели это возможно?

— Возможно и должно,—горько вздохнул онъ.

— Какое странное заблужденіе! Почему проклинаете вы день, счастливый день, который вернулъ мнѣ моего ребенка?

— По самой эгоистичной причинѣ. Я проклинаю вашу разводъ, потому что онъ разлучаетъ насъ на вѣки.

— Разлучаетъ насъ на вѣки? какимъ образомъ?

— И вы еще спрашиваете?

— Да, спрашиваю!

Онъ оглядѣлъ комнату. Общество религіозныхъ людей, посѣтившее гостиницу, когда она была только-что открыта, просило позволенія снабдить каждую комнату экземпляромъ библіи. Одинъ такой экземпляръ лежалъ на каминѣ въ гостиной Катерины. Капитанъ Бенедекъ взялъ библію и раскрылъ Новый Завѣтъ, на евангеліи св. Матвея.

— Прочитайте,—сказалъ онъ,—то, что сказалъ снисходительнѣйшій изъ всѣхъ учителей въ Нагорной проповѣди.

Она прочитала: „кто женится на разведенной женѣ, тотъ сотворить прелюбодѣяніе“.

Другая невинная женщина на ея мѣстѣ указала бы на первую часть этого текста, въ которомъ предполагается невѣрность разведенной, и спросила бы:—неужели это къ ней относится? Но эта женщина, зная, что она его потеряла, знала также и то, чѣмъ обязана передъ самой собой. Она молча встала и протянула ему руку.

Онъ подождалъ прежде, нежели взять ея руку.

— Вы меня прощаете?—спросилъ онъ.

— Я васъ жалѣю.

— Оглянитесь назадъ, на дни вашей замужней жизни, и припомните слова, которыми вы были соединены съ мужемъ до тѣхъ поръ, пока смерть не разлучитъ васъ? Чтò онъ обращался съ вами съ грубой жестокостью?

— Никогда.

— Онъ раскаялся въ своемъ прегрѣшеніи?

— Да.

— Спросите свою совѣсть: нѣтъ ли для васъ и для вашего ребенка болѣе достойной жизни, нежели та, какую вы теперь ведете?

Она молчала.

— Не заблуждайтесь насчетъ моихъ намѣреній,—мягко сказалъ онъ.—Я смотрю на несчастье, поразившее меня, не съ эгоистической точки зрѣнія личнаго отчаянія... я думаю о *вашемъ* будущемъ и стараюсь указать вамъ наилучшій выходъ изъ вашего

положенія. Катерина, неужели у васъ не находится для меня дружескаго слова?

— Вы поставили меня въ необходимость сказать вамъ только одно слово: прощайте!

Онъ тихонько привлекъ ее къ себѣ и поцѣловалъ въ лобъ. Мука, выразившаяся въ его лицѣ, была ей не по силамъ; она съ ужасомъ отскочила отъ него. Последней его мыслью была забота о спокойствіи женщины, которую онъ любилъ. Онъ далъ ей знакъ выйти.

XVI.

Мистриссъ Прести ждала въ саду, чтобы къ ней пришли дочь съ капитаномъ Бенедеккомъ, и ждала напрасно. Ея внучкѣ давно уже пора было спать; она рѣшила вернуться въ домъ.

— Зайдемъ за ними въ гостиную,—предложила Китти.

— Подождемъ минутку у двери, прежде нежели войти,—сообразила бабушка.—Если я услышу, что они разговариваютъ, я отведу тебя наверхъ спать.

— Почему?

— Потому что не слѣдуетъ ихъ перебивать.

— Почему?

Мистриссъ Прести удостоила Китти совѣтомъ насчетъ обращенія съ любопытными дѣтьми, который могъ ей пригодиться въ послѣдствіи.

— Когда ты вырастешь, душа моя, то берегись впадать въ только-что сдѣланную мною ошибку. Никогда не высказывай своихъ резоновъ, когда ребенокъ спроситъ у тебя: почему?

— Развѣ съ вами, бабушка, такъ обращались, когда вы были маленькая?

— Разумѣется, такъ.

— Почему?

Они дошли тѣмъ временемъ до гостиной. Китти безъ церемоніи отворила ее и заглянула. Комната была пуста.

Сдавъ внучку на руки няньки, мистриссъ Прести постучала въ дверь спальни Катерины.

— Можно войти?

— Войдите! Гдѣ Китти?

— Сусанна укладываетъ ее спать.

— Остановите ее! Китти не должна ложиться спать. Пожалуйста, безъ разспросовъ. Я объяснюсь, когда вы вернетесь назадъ.

Въ глазахъ ея видна была такая рѣшительность, а голосъ

былъ такой повелительный, что мистриссъ Прести нашла нужнымъ отложить всякія претензіи въ сторону и покориться.

— Я не спрашиваю, что случилось, — сказала она въ отвѣтъ. — Твое письмо, это роковое письмо, оправдало худшія мои опасенія. Ради самого неба, что намъ теперь дѣлать?

— Уѣхать отсюда!

— Когда?

— Сегодня же.

— Катерина! ты знаешь ли, который часъ?

— Все равно; мы успѣемъ попасть на лондонскій поѣздъ. Не спорьте со мной! Если я останусь здѣсь, я съ ума сойду! Ударъ, нанесенный мнѣ, униженіе, которое я вынесла — говорю вамъ, что это мнѣ не подъ-силу! Оставайтесь здѣсь, если хотите. Я уѣзжаю.

Она бѣжала взадъ и впередъ по комнатамъ въ неопisanномъ волненіи.

Мистриссъ Прести избрала единственное средство хоть сколько-нибудь ее успокоить.

— Не волнуйся, Катя, и все, что ты хочешь, будетъ исполнено. Я покончу всѣ расчеты съ хозяиномъ гостиницы и отдамъ приказанія горничной. Посиди у открытаго окна. Вѣтеръ освѣжитъ тебя.

Поѣзды изъ Сайденгема въ Лондонъ ходятъ очень поздно. За пять минутъ до полуночи, онѣ посѣли на послѣдній отходившій поѣздъ. Когда они отѣхали отъ станціи, Катерина настолько успокоилась, что могла говорить о своихъ планахъ на будущее время.

Ночь они проведутъ въ ближайшемъ отъ желѣзной дороги отелѣ, а на слѣдующій день найдутъ какой-нибудь тихій уголокъ за городомъ, гдѣ-нибудь, все равно, только, чтобы никто ихъ не беспокоилъ.

— Дайте мнѣ отдохнуть и успокоиться! — просила Катерина. — Спрячьте меня отъ гостей и знакомыхъ!

Эти условія были строго выполнены, и исключеніе было сдѣлано только въ пользу мистера Саррацина. Пока денежные дѣла его кліентки не были улажены, стряпчій имѣлъ право быть къ ней допущенъ.

Послѣ ихъ отѣзда капитанъ Бенедекъ, чтобы разсѣять себя, занялся чтеніемъ полученныхъ имъ писемъ, которыя до сихъ поръ были имъ не прочитаны. Среди многихъ мало интересныхъ писемъ одно оказалось вполне заслуживающимъ его вниманія.

То было письмо отъ дочери его друга, Родерика Уэстерфильда. Изъ письма Сидни онъ узналъ то, что уже раньше было сообщено ему объ ея печальной исторіи Катериной, но послѣдняя скрыла отъ него имя гувернантки, похитившей у нея мужа, великодушно щадя чужую тайну. Капитанъ Бенедекъ рѣшился лучше на словахъ сообщить свой отвѣтъ Сидни Уэстерфильдъ, и на слѣдующее утро съ первымъ поѣздомъ отправился въ Лондонъ и прямо поѣхалъ на квартиру Рандаля, чтобы добыть отъ него адресъ Сидни.

Сообщивъ ему адресъ, Рандаль спросилъ, намекая на помолвку, объявленную въ газетахъ:

— Можно васъ поздравить?

— Поздравить съ тѣмъ, что я нашелъ дочь Родерика Уэстерфильда?

Этотъ отвѣтъ и тонъ, которымъ онъ былъ сдѣланъ, заставилъ Рандаля спросить: — Развѣ слухъ о помолвкѣ преждевременный?

— Никакой помолвки не существуетъ, — отвѣтилъ Бенедекъ съ такимъ взглядомъ, который лучше всякихъ словъ говорилъ, что не слѣдуетъ распространяться объ этомъ предметѣ.

Но извѣстіе это обрадовало Рандаля, ради брата. Онъ рискнулъ поэтому спросить: — все ли еще Катерина находится въ Сайденгемъ?

Капитанъ отрицательно качнулъ головой. Рандаль настаивалъ.

— Вы не знаете, куда она уѣхала?

— Никто не знаетъ, кромѣ ея повѣреннаго.

— Въ такомъ случаѣ, — заключилъ Рандаль, — я получу свѣденія, въ какихъ нуждаюсь.

И, замѣтивъ, что Бенедекъ смотритъ на него съ удивленіемъ, объяснилъ, въ чемъ дѣло.

— Герберту ужасно хочется видѣть Китти; я желаю ему въ этомъ помочь. Онъ, съ своей стороны, все сдѣлалъ, что во власти мужчины, для того, чтобы загладить прошлое. Мнѣ кажется, что, какъ теперь сложились обстоятельства, я не оскорблю Катерину, если устрою свиданіе между отцомъ и дочерью. Какъ вы думаете?

Бенедекъ энергически и серьезно отвѣтилъ:

— Устройте это какъ можно скорѣе!

Они вмѣстѣ вышли изъ дому: одинъ — чтобы идти къ Сидни, другой — чтобы увидѣться съ мистеромъ Саррациномъ.

XVII.

Когда служанка доложила миссъ Уэстерфильдъ о приходѣ капитана, первымъ движеніемъ Сидни былъ страхъ за то, какъ онъ обойдется съ нею. Она помнила, что женщина въ ея положеніи нуждается въ такой снисходительности, какую не всегда можно встрѣтить даже у добрыхъ людей. Но съ первыхъ же словъ Бенедекъ она убѣдилась, что страхъ ея неоснователенъ.

— Душа моя, какъ вы похожи на своего отца! у васъ его глаза и его улыбка. Не могу выразить вамъ, какъ мнѣ пріятно это сходство съ моимъ дорогимъ другомъ.

Онъ взялъ ее за руку и поцѣловалъ такъ, какъ еслибы она была его дочь.

— Вы не помните меня, Сидни, какъ я бывалъ у васъ въ домѣ? Нѣтъ: вы были слишкомъ малы.

Она была глубоко тронута и тихимъ, дрожащимъ голосомъ проговорила:

— Я помню ваше имя; мой бѣдный папа часто о васъ говорилъ.

Капитанъ Бенедекъ долго бесѣдовалъ съ Сидни и закончилъ разговоръ словами:

— Съ сегодняшняго дня, моя дорогая, мы начнемъ новую жизнь, и, если Богу угодно, она будетъ счастливѣе прежней. Есть ли у васъ какіе планы насчетъ вашей будущей жизни?

— Я бы хотѣла, если можно, эмигрировать, — отвѣчала покорно Сидни. — Я бы не отказалась ни отъ каковаго дѣла; никакое занятіе не сочла бы ниже своего достоинства и, кромѣ того, еслибы я отправилась въ Америку, то, можетъ быть, разыскала бы своего брата.

— Дорогое дитя мое, послѣ такого длиннаго промежутка времени нѣтъ никакой надежды, чтобы вы встрѣтили вашего брата. Да еслибы вы и встрѣтились, то не узнали бы другъ друга. Отбросьте эту тщетную надежду и останьтесь со мной. Вы можете быть полезны и счастливы у себя на родинѣ.

— Полезна? — повторила Сидни печально. — Ваше доброе сердце, капитанъ Бенедекъ, вводитъ васъ въ заблужденіе. Быть полезнымъ другимъ, полагаю, значить помогать имъ. А кто же захочетъ принять отъ меня помощь?

— Я, — отвѣчалъ капитанъ.

— Вы?

— Да. Вы можете быть очень полезной для меня помощницей. Я сейчас расскажу вамъ, какими образомъ.

И онъ сообщилъ ей про свой пріютъ и его назначеніе и предложилъ ей быть его секретаремъ. Рандавъ засталъ ихъ за разборкой дѣловыхъ бумагъ и былъ пріятно удивленъ тѣмъ, что ему сообщили о новыхъ занятіяхъ Сидни Уэстерфильдъ. Съ своей стороны, онъ пришелъ сообщить, что мистеръ Саррацинъ далъ ему адресъ Катерины и что Гербертъ Линлей поѣдетъ туда немедленно, если только узнаетъ, что капитанъ Бенедекъ на ней не женится, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, не рѣшится безпокоить женщину, бывшую когда-то его женой.

Капитанъ понялъ, чего отъ него требовали.

— Скажите ему обо мнѣ, что хотите, — отвѣчалъ онъ, — и поскорѣе соедините отца съ дочерью... Черезъ это вы можете вызвать примиреніе между мужемъ и женой.

— Развѣ вы забыли, — замѣтилъ Рандавъ, — что ихъ бракъ расторгнутъ?

Бенедекъ показалъ, что рѣшительно игнорируетъ такой законъ.

— Я помню только, — сказалъ онъ, — что бракъ былъ профанированъ.

XVIII.

Два дня спустя послѣ того, какъ они оставили гостиницу въ Сайденгемѣ, Катерина и ея маленькая семья поселились въ небольшомъ коттеджѣ въ Брайтуотерѣ.

Мистриссъ Прести замѣтила, что Катерина особенно грустна и озабочена, и на ея вопросъ, что ее такъ особенно тревожитъ, отвѣчала, что она не знаетъ, какъ ей выйти изъ ложнаго положенія относительно маленькой Китти, созданнаго той ложью, какую ей сказали о смерти отца. Теперь отецъ желаетъ видѣться съ дочерью, а она не можетъ ему этого запретить, но... какъ же ей теперь быть?

— Предоставь мнѣ, — успокоила мистриссъ Прести. — У меня въ рукахъ средство выйти изъ затрудненія.

И она указала на книгу, которую держала въ рукахъ, — книгу, трактовавшую о кораблекрушеніяхъ.

Катерина вопросительно взглянула на нее.

— Ты не понимаешь? Впрочемъ я забыла, что ты не наслаждалась отъ меня живости воображенія. Годы не ослабили во мнѣ этой способности, которая приводила въ такое изумленіе

твоего бѣднаго отца. Онъ постоянно дивился, почему я не пишу романовъ. Мистеръ Прести также высоко цѣнилъ мой умъ, но съ другой точки зрѣнія. „Пожалуйста, душа моя,—говаривалъ онъ,—не лишай себя того высокаго отличія, какое у тебя есть: ты теперь одна изъ самыхъ замѣчательныхъ женщинъ въ Англіи: ты не написала ни одного романа“.—Извини меня, я вдавалась въ историческіе анекдоты и отвлеклась отъ дѣла. Предположимъ, что я прочитала исторію о кораблекрушеніи и о томъ, что пассажиры, считавшіеся утонувшими, вдругъ вернулись въ свои семьи, и какъ тѣ обрадовались... Какъ ты думаешь: можетъ это облегчить намъ нашу задачу?

Катерина такъ ухватила за эту мысль, что захотѣла немедленно испробовать ее на дѣлѣ.

Послали за Китти, и та появилась съ удочкой на плечѣ.

— Я иду удить рыбу,—объявила она,—и принесу вамъ ее на обѣдъ.

Мистрисъ Прести остановила Катерину за руку въ тотъ самый моментъ, какъ та собиралась предложить дочкѣ почитать лучше исторію о кораблекрушеніи.

— Оставь,—прошептала она:—у нея теперь не то на умѣ, и она будетъ невнимательна. Пусть ее сначала позабавится. Когда ей надоесть возиться съ удочкой, она рада будетъ всякому новому развлеченію.

Китти, въ сопровожденіи вѣрной Сусанны, отправилась къ рѣкѣ и закинула удочку.

Удить рыбу на солнцѣ могло бы быть само по себѣ урокомъ терпѣнія, и Сусанна могла бы полюбоваться терпѣніемъ барышни, еслибы не заснула. Но рыба не клевала, и Китти, въ концѣ концовъ, потеряла терпѣніе. Она положила удочку на берегъ и стала искать новой забавы. Собирая цвѣты, она очутилась у калитки какого-то огорода, загораживавшаго путь, а возлѣ калитки стояла простая скамейка. По правую руку у нея былъ деревянный мостъ, перекинутый черезъ рѣку въ этомъ мѣстѣ и служившій средствомъ сообщенія для слугъ и торговцевъ между вотчеджемъ и селеніемъ, видѣвшимся по ту сторону рѣки въ милѣ разстоянія.

Дѣвочка устала и ей было жарко. Она сѣла на скамейку и принялась связывать букетъ для своей матери. Среди этого занятія она вдругъ услышала голосъ, звавшій ее. Она оглянулась и увидѣла какого-то джентльмена, переходившаго черезъ мостъ. Онъ спрашивалъ у нея, какъ пройти въ брайтутерскій коттеджъ.

Что-то въ голосѣ его поразило ее, и она побѣжала ему навстрѣчу. Когда они близко сошлись, глаза господина засверкали, щеки вспыхнули и онъ весело закричалъ:—Ахъ! вотъ и она сама!

Но тотчасъ же поблѣднѣлъ и смолкъ, видя, что дѣвочка смотритъ на него съ невиннымъ любопытствомъ. Онъ поразилъ Китти не тѣмъ, что казался разстроеннымъ и огорченнымъ, но потому что она нашла, что онъ похожъ—ахъ, какъ похожъ, хотя гораздо худѣе, блѣднѣе и старше—на ея покойнаго отца!

— Вотъ воттедѣжъ, сэръ,—тихо сказала она.

Печальные глаза его не отрывались отъ нея, и однако казалось, что она тѣмъ-то разочаровала его. Дитя рѣшилось спросить:

— Вы меня знаете, сэръ?

Онъ отвѣчалъ печальнѣйшимъ голосомъ, какой когда-либо слышала Китти.

— Милое дитя мое, почему вы думаете, что я васъ знаю?

Она не знала, что сказать, боясь огорчить его. И только промолвила:

— Вы такъ похожи на моего бѣднаго папу.

Онъ вздрогнулъ, точно испугался, и взялъ ее за руку. Въ такой жаркій день пальцы его были холодны какъ ледъ. Онъ отвелъ ее назадъ къ скамейкѣ, на которой она передъ тѣмъ сидѣла.

— Я усталъ, моя душа,—сказалъ онъ.—Посидимъ немного.

И въ самомъ дѣлѣ, онъ, казалось, очень усталъ; онъ просто съ трудомъ волочилъ ноги. Китти было его очень жаль.

— Я боюсь, что вы больны,—сказала она, усаживаясь съ нимъ рядомъ на скамейкѣ.

— Нѣтъ; не боленъ, но только усталъ и боюсь, не напугать ли я васъ.

Онъ держалъ ея ручку въ своей и гладилъ время отъ времени.

— Моя милочка, почему вы называли своего папу „бѣднымъ“, когда сейчасъ о немъ заговорили?

— Потому что мой папа умеръ, сэръ.

Онъ отвернулся и прижалъ обѣ руки къ груди, какъ бы стараясь подавить сильную боль. Наконецъ справился съ собой и спросилъ, кто ей сказалъ, что ея папа умеръ?

— Бабушка.

— А вы помните, что вамъ сказала бабушка?

— Да; она сказала, что папа утонулъ въ морѣ.

Онъ сказалъ сквозь зубы:— Не мать сказала это, слава Богу, не мать!

Что онъ хотѣлъ этимъ сказать?

Китти глядѣла на него во всѣ глаза и удивлялась. Онъ обнялъ ее.

— Сядь ко мнѣ ближе,—сказалъ онъ,— не бойся меня, моя милочка.

Она придвинулась къ нему ближе.

— Папа, вѣрно, цѣловалъ тебя; ты говоришь, что я похожъ на твоего папу; можно мнѣ поцѣловать тебя?

Она положила свои ручки къ нему на плечи и приблизила свое личико къ его лицу. Въ ту минуту, какъ онъ поцѣловалъ ее, она узнала его. Сердце у нея сильно забилося отъ восторга; она закричала:— Такъ меня папа цѣловалъ! О! вы мой папа вы мой папа! вы не утопули въ морѣ.

Она охватила рученками его шею, точно боялась отпустить его отъ себя.

— Милый папа! бѣдный папа!

Слезы текли по его лицу.

— Моя дорогая дѣвочка! моя милая, милая Китти!

— Пойдемъ,—сказала Китти,— къ мамѣ; она будетъ такъ же рада, какъ и я!

Онъ колебался. Она вскочила къ нему на колѣни, прижалась щекой къ его щекѣ съ привычной для него лаской.

— О! папа! неужели вы хотите огорчить меня въ первый разъ въ жизни?

Онъ сдался. Онъ былъ такъ слабъ въ ея рукахъ, какъ еслибы онъ былъ ребенокъ, а она—сильный мужчина.

Смѣясь, напѣвая и танцуя вокругъ него, Китти подвела его къ окну, выходившему изъ гостиной въ садъ. Кто-то затворилъ его изнутри. Мать ея услышала стукъ, мать подошла къ окну и... выбѣжала имъ на-встрѣчу. И вотъ эти трое лицъ снова соединились впервые послѣ того злополучнаго дня, когда оставили Моунтъ-Морвенъ, впервые послѣ неестественной разлуки между отцомъ и дочерью.

ЭПИЛОГЪ.

1. — АПОЛОГІЯ ЗАКОНОВАДА.

Чтобы женщина такихъ зрѣлыхъ лѣтъ, какъ моя жена, ревновала такого примѣрнаго мужа, каковаго только можно найти въ брачныхъ лѣтописяхъ—это, можно сказать, по меньшей мѣрѣ огорчительно. Мужчина склоненъ въ такихъ случаяхъ забывать, что добродѣтель находитъ награду въ самой себѣ, и спрашиваетъ: стоитъ ли послѣ этого быть вѣрнымъ мужемъ?

Какъ бы то ни было, а правиломъ брачной жизни должно быть: миръ во что бы то ни стало. Сегодня съ меня сняли зарокъ тайны; ты настаиваешь на объясненіи. Будь по твоему.

Въ тысячный разъ, душа моя, съ тѣхъ поръ, какъ мы соединили свою судьбу, ты права. Письмо, съ надписью: секретное, полученное мною за чаемъ, было дѣйствительно, какъ ты справедливо предположила, отъ дамы, отъ очаровательной дамы, находящейся въ большомъ затрудненіи. Мы коротко знакомы между собой уже много лѣтъ, въ качествѣ законовѣда и кліентки. Ей нуженъ былъ и на этотъ разъ мой совѣтъ и въ величайшемъ секретѣ. Совмѣстимо ли съ моими профессиональными обязанностями показать такое письмо женѣ? Мистриссъ Саррацинъ говорить: да. Мужъ мистриссъ Саррацинъ говорить: нѣтъ.

Позволь мнѣ прибавить, что эта дама—особа съ незапятнанной репутаціей и что она попала въ ложное положеніе не по своей винѣ. Говоря по просту, безъ затѣй, она была въ разводѣ съ мужемъ.

Да, моя кліентка—мистриссъ Норманъ, и къ ней отправился я на другой день. Тамъ нашелъ я своего пріятеля Рандаля Линлея, тоже явившагося по спеціальному приглашенію.

Постой минуту. Зачѣмъ я пишу все это, вмѣсто того, чтобы высказать на словахъ? Душа моя, ты принадлежишь къ старинной и знаменитой фамиліи; ты сдѣлала мнѣ честь выйти за меня замужъ и наслѣдовала (какъ мнѣ сказалъ твой отецъ въ день нашей свадьбы) надменный и горячій характеръ своей расы. Я предвижу взрывъ этого характера, а потому пусть лучше бумага подвергается ему, а не моя особа.

Это признаніе доказываетъ мою трусость — согласенъ. Но мужество, мистриссъ Саррацинъ, дѣло относительное: у самаго храбраго человѣка можетъ быть своя Ахиллесова пята.

Итакъ: мистриссъ Норманъ, Рандаль Линлей и я сидѣли и совѣщались въ коттеджѣ мистриссъ Норманъ.

Что нужно было моей прекрасной клиенткѣ?

Она затѣяла вновь вступить въ бракъ и призвала меня на совѣтъ.

Изъ словъ Рандалья Линлея я вывелъ заключеніе, что она собирается вновь выйти замужъ за своего разведеннаго мужа. Когда я спросилъ его, такъ ли это, онъ отвѣчалъ:

— Да, если законъ допускаетъ это.

Милая моя супруга, во всю совѣстную жизнь нашу вамъ еще не доводилось видѣть вашего мужа въ состояніи такого удивленія. Какъ! вотъ женщина, которая по собственной охотѣ развелась съ мужемъ, и вдругъ, по собственной же охотѣ, опять хочетъ быть его женой. Да вѣдь это невѣроятно! И никакой романистъ не осмѣлился бы измыслить такую перипетію!

Ну, да Богъ съ ними, съ романистами! Возвратимся къ дѣлу.

Само собой разумѣется, что передо мной былъ одинъ только исходъ. Такъ какъ такое дѣло не имѣетъ прецедента въ моей практикѣ, то я отбросилъ профессиональный характеръ. Въ качествѣ простого знакомаго, я могъ сказать мистриссъ Норманъ только одно:—законъ объявилъ васъ и мистера Герберта Линлея холостыми людьми. Сдѣлайте то, что дѣлаютъ холостые люди. Купите разрѣшеніе и сдѣлайте оглашеніе въ церкви—и всенепременно пошлите пригласительный билетъ на свадьбу судѣй, который далъ вамъ разводъ.

Сказано, а черезъ двѣ недѣли и сдѣлано. Мистеръ и мистриссъ Линлей снова обвѣнчались сегодня утромъ; Рандаль и я были единственными свидѣтелями церемоніи строго приватнаго характера.

2. — Защита законовада.

Желалъ бы я знать, разорваны ли въ клочки предыдущія страницы и брошены ли въ сорнукъ корзину? Я знаю, что ты не захочешь усыпать коверъ рваной бумагой. Нѣтъ. Я могу быть растерзанъ тобой, но это мнѣ не помѣшаетъ отнестись къ тебѣ справедливо.

Какія возраженія представлялись противъ того, чтобы разведеннымъ мужу и женѣ снова сочетаться бракомъ?

Мистриссъ Прести высказала ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ. Ошибаюсь ли я, думая, что, въ этомъ случаѣ, ты будешь одного мнѣнія съ мистриссъ Прести?

Первое возраженіе: никто и никогда такого еще не дѣлалъ.

Второе возраженіе: рассказанный или нерасказанный грѣшникъ мистеръ Гербертъ Линлей, но онъ этого не заслуживаетъ.

Третье возраженіе: ни одна реснектабельная женщина не будетъ съ ними знакома.

Первый отвѣтъ: вопросъ не въ томъ, дѣлалось это раньше или нѣтъ, а въ томъ, возможно ли это и хорошо ли само по себѣ. Въ брачномъ уставѣ нѣтъ правила, запрещающаго женѣ простить мужа, но есть прямое запрещеніе разлучать мужа съ женой.

Поэтому недурно простить мистера Герберта Линлея и безусловно хорошо выйти за него вторично замужъ.

Второй отвѣтъ: когда ребенокъ привелъ отца къ матери, принимая за безусловную истину, что ея мать и отецъ *должны* жить вмѣстѣ *потому*, что они ея отецъ и мать,—то Китти стояла на вѣрной почвѣ закона природы, а слѣдовательно и толковать нечего.

Третій отвѣтъ: я знаю одну почтенную женщину, которая будетъ у нихъ бывать:—мистриссъ Саррацинъ. Да, моя душа, ты это сдѣлаешь. Не потому, чтобы я на этомъ настаивалъ,—развѣ я когда-нибудь настаиваю на чемъ-нибудь?—но по собственной охотѣ... изъ состраданія къ глупой старухѣ. Я думаю, что ты сама согласишься со мной въ томъ, что мистриссъ Прести нуждается въ хорошемъ примѣрѣ, когда я скажу тебѣ, что она объявила дочери, что послѣ того, что произошло, ноги ея не будутъ въ ея домѣ.

Когда ты поѣдешь съ визитомъ къ молодымъ, по возвращеніи ихъ изъ свадебной поѣздки, то захвати съ собой мистриссъ Прести.

3. — Последнее слово законовѣда.

Если вы навязываете мнѣ эту нелѣпую и скучную исторію (мнѣ кажется, что я слышу, какъ мистриссъ Саррацинъ говоритъ это), то самое меньшее, что вы можете сдѣлать, это досказать ее до конца. Но, быть можетъ, вы искусно намѣрены досказать мнѣ о томъ, что стало съ Китти и какая кара постигла миссъ Уэстерфильдъ.

Нѣтъ, я и въ этомъ случаѣ предпочитаю отвѣтить письменно, сидя въ конторѣ въ Линкольнс-Иннъ-Фильдъ, на безопасномъ разстояніи отъ своего дома.

Китти, само собой разумѣется, сопровождаетъ отца съ матерью въ ихъ путешествіи по континенту. Но сначала она настояла на томъ, чтобы проститься съ своимъ милымъ другомъ, своей быв-

шей гувернанткой. Рандаль и я вызвались отвезти ее (съ позволенія ея матери) повидаться съ миссъ Увстерфилдъ. Постарайся не сердиться. Постарайся не растерзать меня.

Мы застали капитана Бенедекка и его хорошенькаго секретаря дома отдыхающими и завтракающими послѣ долгой утренней работы въ пріютѣ. Капитанъ разрѣзывалъ дышленка, Сидни приготовляла салатъ. Кошка сидѣла на третьемъ стулѣ и слѣдила за всѣми движеніями ножа и вилки. Картинка вышла, какъ видишь, недурная, а появленіе Китти на сценѣ только дополнило ее.

Когда мы уходили, Китти сказала дядѣ. — Какъ вы думаете, женится мой милый капитанъ на Сидѣ?

Дядя отвѣчалъ: — Дорогое дитя, это не наше съ тобой дѣло.

Но Китти, ни мало не смущаясь, обратилась ко мнѣ:

— А *о*мъ какъ думаете, Самуэль?

Я послѣдовалъ примѣру Рандала и отвѣчалъ:

— Почему я знаю?

Дѣвочка поглядѣла поочередно на насъ обоихъ и объявила:

— Знаете ли, что я думаю? Я думаю, что вы оба — большіе притворщики.

А. Э.

ЕЩЕ О СОВРЕМЕННЫХЪ РУССКИХЪ ПОЭТАХЪ

Н. Минскій и К. Фофановъ.

Кто слѣдитъ за движеніемъ нашей литературы какъ по вновь выходящимъ книгамъ, такъ и по журналамъ, тотъ не могъ не замѣтить, что среди великаго множества поэтовъ и стихотворцевъ, издающихъ, въ послѣднее время, сборники своихъ произведеній, недостаетъ одного имени, весьма извѣстнаго: имени Н. Минскаго. На поэтическое поприще г. Минскій выступилъ раньше другихъ представителей того же поколѣнія; его дѣятельность продолжается уже около десяти лѣтъ — и если ей до сихъ поръ никѣмъ еще не были подведены итоги, то это объясняется именно разбросанностью его стихотвореній. Скоро ли мы дождемся выхода ихъ въ свѣтъ отдѣльной книгой — не знаемъ, и именно потому не хотимъ больше медлить съ общеою ихъ оцѣнкой; безъ нея былъ бы неполонъ нашъ обзоръ современной русской поэзіи ¹⁾).

Отличительной чертой творчества г. Минскаго служить значительность, ширина содержанія. Поэтъ не замыкается въ свой тѣсный внутренній міръ, не отдается во власть одного господствующаго чувства; онъ не посвящаетъ всего себя и культу формы, не погружается всецѣло въ заботы о красотѣ стиха, о новизнѣ эпитетовъ, о необычайности пріемовъ и оборотовъ рѣчи. Онъ черпаетъ темы изъ прошедшаго и настоящаго, изъ дѣйствительности и фантазіи, изъ нашей и чужой жизни; разнообразіа

¹⁾ См. янв. 1887, стр. 226.

у него больше, чѣмъ у кого бы то ни было изъ нашихъ молодыхъ поэтовъ. Онъ рѣдко тенденціозенъ, но еще рѣже—объективенъ; рисуя картины, онъ ихъ почти всегда переживаетъ и часто вносить въ нихъ окраску личнаго настроенія. Это настроеніе измѣнчиво; оно колеблется между уныніемъ и надеждой, между глубокою печалью и свѣтлою радостью — неизмѣннымъ остается только главный источникъ поэтическаго вдохновенія. Г. Минскій — прежде всего пѣвецъ *любви*, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова: любви, торжествующей надъ ненавистью и злобой, ведущей къ прощенію и примиренію. Она борется въ немъ съ другими теченіями, но одерживаетъ верхъ, сохраняетъ за собою послѣднее слово. Всего ярче эта борьба отразилась въ „Бѣлыхъ ночахъ“, „Уйди“, — говоритъ поэтъ своей „воздушной подружкѣ“, — шепчущей ему „кроткія рѣчи“: — „въ грозный нашъ вѣкъ развѣ кротость нужна?.. Намъ безъ вражды невозможно любить, какъ невозможно оковы желѣзныя кроткой слезою разбить“ (Ночь третья). Тишина все больше и больше становится въ тягость поэту; онъ призываетъ грозу, призываетъ бурю, лишь бы только встрепенулось сердце, удрученное безконечнымъ ненастьемъ. „Пусть стволы деревьевъ ураганъ ломаетъ, пусть весь лѣсъ отъ молній ярко запылаетъ... Живни! живни! живни! Истомилась грудь, разъ хоть полной грудью хочется вздохнуть!“ (Ночь четвертая.) Проходитъ день — и поэтъ содрогается передъ своимъ „безумно-изступленнымъ бредомъ“. Онъ вспоминаетъ свои дѣтскія впечатлѣнія, свои юношескія мечты, и благословляетъ тотъ день, „какъ въ первый разъ онъ обнялъ всѣхъ людей любовью необъятной“ (Ночь пятая). Эта любовь была кротостью; она учила его любить „нищихъ-богачей“ наравнѣ съ „нищими-бѣдняками“, одинаково скорбѣть „надъ палачемъ и надъ жертвой“. Теперь любовь является къ нему „сурово-страстною, въ горячечномъ огнѣ, и бредитъ битвами, и мстью, и бойцами“. Ему снится мрачный духъ, вызванный имъ самимъ — „духъ мести и грозы“...

... „Черезъ весь мой край родимый
Промчится бурно онъ, какъ разъяренный шквалъ —
И вскрикнетъ родина отъ боли нестерпимой..
Онъ, какъ пожаръ, пройдетъ. Сперва сердца людей,
Потомъ испепелитъ людскія онъ жилища..
Онъ когти обостритъ у дремлющихъ страстей..
На мѣстѣ городовъ воздвигнетъ онъ кладбища..
И тамъ, въ тиши полей, въ безмолвіи лѣсовъ,
Гдѣ нынѣ труженикъ покорно и безъ словъ
Гнетъ выю крѣпкую подъ иго вѣковое, —
Тамъ пламя злобы онъ раздуетъ роковое“...

Эта картина страшитъ поэта, страшитъ его тѣмъ болѣе, что она носится не только передъ нимъ однимъ. „Грозовая тѣнь“ грядущаго—

„Легла на всѣ сердца, сгущаясь каждый день.
И съ каждымъ днемъ въ душѣ все громче голосъ тайный
Рыдастъ и зоветъ: „Возстань, очнись, поэтъ!
Забудь сомнѣнія!“ Въ безмолвіи суровомъ.
Въ сердцахъ скопляется гроза—источникъ бѣды...
Возстань, гони ее любви могучимъ словомъ,
Зови: да будетъ миръ! Зови: да будетъ свѣтъ!
И тихій возгласъ твой, другимъ повторенный,
Быть можетъ, прозвучитъ побѣдною трубой,
Какъ слабый звукъ средь скалъ, роня камень сонный,
Обвала грохотомъ разносится цорой“..

Любовью создается и тотъ нерукотворенный храмъ, который рисуется передъ фантазіей поэта („Въ безчисленныхъ огняхъ“); любовь влечетъ къ постройкѣ новаго „столпа“, новой вавилонской башни („Столпотвореніе“) — башни, воздвигаемой „мечтаньями поэта, пыломъ героя, испытаннымъ умомъ мудреца, изъ чистыхъ мыслей, святаго состраданья, изъ подвиговъ любви, изъ безкорыстныхъ думъ“. Понятна г. Минскому даже и та любовь, которая не можетъ пережить „потери родимаго гнѣзда“, принесеннаго въ жертву родимому краю („Засуха“).

Какъ бы всеобъемлюща ни была любовь, она всегда сосредоточивается преимущественно на комъ-либо или на чемъ-либо. У г. Минскаго главнымъ ея предметомъ является то русскій народъ, то молодое поколѣніе. Чувство любви къ народу выливается иногда въ форму, напоминающую Некрасова („Наше горе“, „Въ деревнѣ“) — но чаще оно обнимаетъ собою не одно крестьянство, а всю Россію. Ея „кроткій и великій образъ“ возстаетъ передъ глазами поэта, когда онъ любитъ „праздникомъ на чужбинѣ, славнымъ юбилеемъ свободы“ („На чужомъ пиру“); вспоминая о ней, онъ испытываетъ такую же сердечную боль, „какъ еслибы попалъ невольнѣ въ чужой семьѣ на яркій балъ, оставивъ мать больную дома“. Отчизна кажется ему „библейскою вдовой, что на распутіяхъ безпомощно скорѣла“. Какъ — спрашиваетъ онъ ее, — „какъ тайну разгадать судьбы твоей плачевной?“ ...

„Ни глубиной ума, ни кротостью душевной
Не ниже ты своихъ счастливейшихъ подругъ.
Добрѣ нѣтъ, сильнѣе нѣтъ народа
Тюмхъ сыновъ-богатырей.
И проражаетъ щедростью своей

Твоя богатая природа...
 Зачѣмъ же счастья въ тебѣ, отчизна, нѣтъ?
 Зачѣмъ же твой народъ, народъ-Тантагъ, страдаетъ,
 Всѣмъ бѣденъ, лишь однимъ терпѣніемъ богатъ,
 О лучшемъ будущемъ заботясь такъ же мало,
 Какъ бы о роскоши случайнаго привала
 За часъ предъ битвою—солдатъ?“

Оставляя на время родную страну— „страну невыплаканныхъ слезъ, страну порывовъ неогладныхъ, силъ неразбуженныхъ, неисполнимыхъ грезъ, страну загадокъ неразгаданныхъ“ („Пѣсни о родинѣ“),—поэтъ думаетъ, что разстается съ ней безъ сожалѣнья; но мысль о ней слѣдитъ за нимъ всюду—и на берегахъ Рейна, и у кратера Везувія, и въ Римѣ, и въ Парижѣ. Не всегда, однако, эта мысль такъ печальна и горька, какъ при видѣ „чужого пира“. Среди будничной парижской толпы мечта поэта устремляется „въ тотъ ненастный край, гдѣ еще не смѣшно вѣрить, рыдать слезами восторга, вызывать съ молитвою къ правдѣ“. Въ Колизеѣ ему слышится тихая рѣчь „призрака развалинъ“, шепчущаго слова успокоенія и надежды. Безвозвратно-минувшее—вотъ настоящій источникъ неутѣшнаго горя; гдѣ есть будущее, тамъ нѣтъ мѣста для отчаянія.

„Когда гроза весенняя порвала
 Желаннымъ громомъ зимнюю дремоту
 И весело разыгралъ, ломая сучья
 И старый прахъ взметая, буйный вихорь,—
 Ты оробѣлъ, цвѣтовъ не вида тотчасъ?..
 Иль ты бѣ желалъ сковать вѣнецъ грядущій
 Безъ молота, безъ пламени, безъ стука,
 И новый храмъ построить безъ деревьевъ
 Поверженныхъ?..“

Какъ счастливъ ты, какъ скорбь твоя завидна!
 Вечернему подобная туману,
 Моя печаль стущается, чернѣя;
 Твоя же грусть и грусть твоей отчизны,
 Какъ легкій дымъ въ лучахъ пурпурныхъ утра.
 Разсѣется безслѣдно. Ты иль сынъ твой
 Великое увидите..
 Ужь въ грудь твою ликующей волною
 Врывается весны живящій лепетъ
 И бодрый гость живыхъ надеждъ стучится.
 Онъ лишь того, кто молодъ, посѣщаетъ“...

Тотъ же мотивъ звучитъ въ заключительномъ аккордѣ „Пѣсенъ о родинѣ“ („Возвращеніе“), когда поэту видится образъ весны, улетающей съ береговъ южнаго, голубого моря „на свѣрь дремлющій и милый“:

... „Манить меня нная сторона:
 Подъ бѣлымъ пологомъ лежитъ она стыдливо
 И первой ласки ждетъ, и грудь ея полна
 Любви тоской нетерпѣливой...
 Пройдусь я по снѣгамъ—растаетъ гладь снѣговъ;
 Взгляну ль на голый лѣсъ—лѣсъ зашумитъ пріятно
 И дремлющій ручей на ласковый мой зовъ
 Очнется съ ласкою ответной.
 Пора! тамъ ждутъ меня... Повсюду, приталесъ,
 Трепещутъ юныя, ожидательныя силы“..

„Страданій народныхъ, какъ моря ковшемъ, нельзя исчерпать нашей пѣсней нарядной“—читаемъ мы въ первой изъ „Бѣлыхъ ночей“. Но въ морѣ есть волны — и одна изъ нихъ особенно близка и дорога поэту. Теперь она улеглась или разбилась, оставивъ глубокий слѣдъ въ нашемъ недавнемъ прошломъ—и въ поэзіи г. Минскаго. Если Надсонъ—по преимуществу поэта современной молодежи, то г. Минскому, въ первомъ періодѣ его дѣятельности, принадлежала, быть можетъ, такая же роль по отношенію къ молодому поколѣнію конца семидесятыхъ годовъ. Само собою разумѣется, что ни тотъ, ни другой не сосредоточили въ себѣ всѣхъ стремленій данной эпохи; и въ Надсонѣ, и въ г. Минскомъ отразились только нѣкоторыя, но характеристичныя черты двухъ историческихъ моментовъ. Одинъ изъ этихъ моментовъ мы еще переживаемъ, другой пережить нами еще слишкомъ недавно; отсюда невозможность подробнаго развитія параллели, намѣчаемой нами слегка и мимоходомъ. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, лишь одно: г. Минскій и Надсонъ гораздо тѣснѣе связаны съ средой и минутой, чѣмъ другіе молодые русскіе поэты. У послѣднихъ найдется сравнительно немного стихотвореній, которые носили бы яркій отпечатокъ своего времени, которыхъ нельзя было бы отнести, съ одинаковою вѣроятностью, далеко назадъ или далеко впередъ; стихотворенія Надсона и г. Минскаго оставляютъ, съ этой точки зрѣнія, гораздо меньше мѣста для произвольныхъ предположеній. Ошибочно было бы видѣть въ этомъ слабую сторону обоихъ поэтовъ, залогъ недолговѣчности ихъ произведеній; созданіемъ минуты представляются вѣдь и „Ямбы“ Барбье, и „Châtiments“ В. Гюго, и нѣкоторыя изъ лучшихъ вдохновеній Некрасова. Раскройте вторую главу первой „Пѣсни о родинѣ“—и вы увидите картину, дѣйствіе которой не уменьшается поразительнымъ сходствомъ съ несуществующимъ больше оригиналомъ. Съ той же темой мы встречаемся и въ „Бѣлыхъ ночахъ“. Не ограничиваясь изображеніемъ фона, поэтъ рисуетъ здѣсь отдѣльные образы—рисуетъ товарища,

„не лукавившаго умомъ, не гнушавшаго сердцемъ“, и именно потому не выдержавшаго житейской битвы. Его жребій былъ брошенъ „въ тотъ мигъ, какъ онъ столкнулся съ жизненнымъ сфинксомъ: иль умри, иль рѣши“. „Я не знаю“ — таковы его послѣднія слова —

„Я не знаю, гдѣ правда и свѣтъ,
Я не знаю, какому молиться мнѣ Богу..
Я, какъ въ сказкѣ царевичъ, блуждалъ съ юныхъ лѣтъ,
Въ край завѣтный искалъ я дорогу —
И къ распутью пришелъ наконецъ.. Впередъ
Съ тайной надписью камень стоялъ одинокій —
И прочелъ я на немъ приговоръ свой жестокій.
Я прочелъ: здѣсь лежать предъ тобой три пути,
Здѣсь раскрыты три къ жизни ведущія двери.
Выбирай, что твоимъ отвѣчаетъ мечтамъ:
Ступишь вправо — жди совѣсти тяжелой потери,
Ступишь прямо — сѣдять тебя легкие звѣри,
А налѣво пойдешь — станешь звѣремъ ты самъ..
— И заснуть, о, друзья! предпочелъ я въ преддверьи“..

Погруженіе въ жизнь, кипящую вокругъ поэта, внушило ему еще одну изъ лучшихъ его страницъ: „Послѣднюю волю“. Умирающій другъ проситъ приходить къ его могилѣ и сообщать вѣсти о томъ, что творится въ оставляемой имъ отчизнѣ; занимается ли заря, или все еще царствуетъ сумракъ:

„И если, товарищъ, заря одолѣла, —
То мѣсто, гдѣ грудь молодая истлѣла,
Живыми цвѣтами покрой!..
Свершилось послѣднее друга желанье;
Я въ день годовщины пошелъ на свиданье,
Но только безъ свѣжихъ цвѣтовъ..
Плакучія ивы шептались сердито,
И долго искалъ я могилы забытой
Среди деревянныхъ крестовъ.
И странно! Гдѣ грудь молодая истлѣла,
Тамъ, густо разросшись, полныя зеленѣла,
И дрогнуло сердце во мнѣ..
И долго стоялъ я въ безмолвной печали.
— Какъ видно, товарищъ, тебѣ ужъ сказали,
Что стало въ родимой странѣ!“

Поэма, такъ близко соприкасающаяся съ самыми жгучими сторонами современной дѣйствительности, всегда свойственно высокое представленіе о призваніи поэта. Мы видѣли уже, что въ основу новой вавилонской башни г. Минскій кладетъ, между прочимъ, „мечтанія поэта“; мы видѣли, чего онъ ждетъ отъ „ти-

хаго поэтического возгласа“, повтореннаго тысячетгласымъ эхо. Въ „Весталкахъ“ жалобѣ на упадокъ „древняго величія“, на безуміе черни, на сонъ боговъ, противопоставляется суровый голосъ всегда неизмѣннаго долга. „Пусть дряхлый Римъ забылъ свой жребій“ — такъ ободряетъ одна изъ весталокъ свою унывающую подругу:

„Ты, жрица, помни свой: небесъ огонь священный
И сердце чистое храни...
И еслибъ міръ опять ниспалъ въ хаосъ нестройный,—
Владѣя искрою одной,
Ты изъ послѣдняго обломка съ ней спокойно
Послѣдній жертвенникъ устрой“..

Пророкъ—въ стихотвореніи этого имени—молитъ Бога взять у него изъ рукъ „мечъ отрезвляющихъ рѣчей“, спасти его „отъ бесполезнаго томленья“. Пророчества не нужны; „міръ знаетъ самъ свои пороки и позабыть о нихъ спѣшитъ“. Благословеніе достается на долю того, „кто чѣмъ-нибудь — затѣйной сказкой, пѣсней звучной—на мигъ волнуетъ нашу грудь, кто создастъ въ пустынѣ скучной миражъ волшебной красоты, кто смерти грозное видѣніе отъ глазъ скрываетъ на мгновенье подъ дымкой радужной мечты“. Мольба пророка остается неслышанной; онъ получаетъ изъ руки Господней „чашу немолчной совѣсти, отрезвляющей тоски“—и выпиваетъ ее до дна.

Вѣра въ назначеніе поэзіи, какъ и всякая другая, не исключаетъ минутъ унынія и сомнѣнія. Такія минуты г. Минскій переживалъ, повидимому, еще недавно; ихъ отголоскомъ является цѣлый рядъ стихотвореній, относящихся къ 1884 и 1885 гг.:— „Скорбь“, „Въ минуту скорби“, „Мой демонъ“, „Напрасно надъ собой я дѣлаю усилія“, „Другу“, „Дума“. Настроеніе, въ нихъ выразившееся, не имѣетъ ничего общаго съ моднымъ и у насъ, въ послѣднее время, пессимизмомъ—пессимизмомъ, въ основаніи котораго лежитъ неудовлетворенная и неудовлетворимая жажда наслажденій, испытанная непрочность житейскихъ благъ, сознаніе надвигающейся старости или болѣзни, страхъ передъ вѣчно близкою, вѣчно грозящею смертію. Это и не тихая грусть, вызванная потерей надеждъ на личное счастіе, не меланхолія, вытекающая изъ длиннаго ряда личныхъ разочарованій; это скорѣе тоска по утраченной вѣрѣ, напоминающая первую пѣснь „Rolla“ или наиболѣе мрачныя стихотворенія Аккермантъ:

„Какъ блѣдная луна румяный день смѣняетъ
И на уснувшій міръ струитъ холодный свѣтъ,
Такъ страстная печаль свой мертвый лучъ роняетъ
Въ ту грудь, гдѣ солнца вѣры нѣтъ..

Кумиры прошлаго развѣнчаны безъ страха,
Грядущее темно, какъ море предъ грозой,
И родъ людской стоитъ межъ гробомъ, полнымъ праха,
И колыбелю пустой“.

Чувство, внушившее эти строки, носится въ воздухѣ нашего вѣка, подчиняетъ себѣ людей самаго различнаго склада, самыхъ противоположныхъ направленій; оно исчезаетъ по временамъ, но появляется вновь съ удвоенною силою, питаясь каждымъ неисполненнымъ ожиданіемъ, каждой обманушею мечтою. Особенно трудно устоять противъ него на рубежѣ между двумя смѣняющимися міросозерцаніями, между двумя періодами жизни; но когда пройденъ этотъ рубежъ, мракъ часто уступаетъ мѣсто новой зарѣ, отчаяніе—новой надеждѣ. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что такой переходъ совершился или совершается и въ г. Минскомъ. У него слишкомъ много бодрости и свѣжести, слишкомъ много чуткости къ свѣтлымъ, радостнымъ сторонамъ бытія, чтобы онъ могъ застыть и оцѣпенѣть въ отрицаніи жизни. Доказательство этому мы видимъ въ такихъ пьесахъ, какъ „Робкому соловью“, „Предъ зарею“, „Молитва“ (нѣкоторыя изъ нихъ написаны весьма недавно):

...„Пролейте, о, созвѣзды,
Мнѣ въ душу кроткій лучъ сіянья своего,
Чтобъ могъ бѣжать я ала, хотъ нѣтъ за зло возмездья,
Чтобъ могъ творить добро, не зная, для чего;
Чтобъ я свой путь земной, какъ вы—свой путь эфирный,
Безъ думы о концѣ свершилъ, трудясь мирно;
Чтобъ взоръ моихъ очей всю жизнь горѣлъ свѣтло,
Чтобъ было ихъ сомкнуть не слишкомъ тяжело! 1)“

Даже тогда, когда поэтъ пишетъ подъ вліяніемъ горькаго, грустнаго чувства, оно не всегда владѣетъ имъ нераздѣльно; сквозь облака пробивается, иной разъ, слабый солнечный лучъ. „Увы“, — читаемъ мы въ стихотвореніи на смерть Кавелина, — „какъ огни послѣ пира, мудрѣйшіе, лучшіе гаснутъ межъ насъ, и ночь все темнѣетъ надъ родиной бѣдной... Напрасно горѣлъ ослѣпительный свѣтъ... Россія могилами только богата“... И что же? Это уныніе разрывается призывомъ къ бодрости, ожиданіемъ лучшаго будущаго. „Ужели безсиленъ тотъ край, гдѣ выросли

1) Читая эту строфу, мы невольно вспомнили слова, которыми заканчивается посвященіе одной изъ книгъ Д. Ф. Штрауса („Das Leben Jesu, für das deutsche Volk bearbeitet“); въ нихъ выражаются желаніе и надежда „прожить если и не свято, то честно, и умереть если и не блаженно, то спокойно“. Подлинныхъ словъ Штрауса мы не приводимъ потому, что не имѣемъ подъ рукою самой книги.

эти могучія силы?.. Быть можетъ, отъ насъ не на вѣкъ отлетѣли бывшія надежды, бывшая весна: въ могилѣ того, надъ кѣмъ плачетъ страна, грядущее спитъ, какъ дитя въ колыбели“.

Нѣтъ такого горя, котораго бы не могла облегчить великая утѣшительница—природа; нужно только умѣть находить въ ней утѣшеніе—и это умѣнье дано г. Минскому, какъ и большинству другихъ русскихъ поэтовъ. Онъ поддается ея чарамъ, прислушивается къ ея успокоительному голосу („Херсонесъ“, „На кораблѣ“, „Вечеръ“, „На высотѣ“); она заставляетъ его „закрывать темную книгу познания и любоваться яркой виньеткой“. Иногда онъ олицетворяетъ природу, извлекаетъ изъ нея фантастическіе образы, живущіе нашею жизнью („Везувій“, „Казбеку“); иногда онъ изображаетъ ее какъ она есть, какъ она представляется простому взгляду. Таково, напримѣръ, начало „Фонтана“:

„Тяжелый зной, недвижный, гнѣвный,
Лицо пустыни сожигалъ.
Объятъ ужасомъ, застыли
Утесы мгlistою градою.
На нихъ, сквозь дымку ѣдкой пыли,
Кой-гдѣ видѣлся мохъ сѣдой
И росъ бурьянъ мертворожденный.
Блестѣлъ сводъ неба раскаленный,
И блескъ, и зной, и мгла, и сонъ,
Казалось, въ душу проникали“.

Конечно, бываютъ минуты, когда „душевная тревога“ поэта не „смиряется“ ни яснымъ днемъ, ни морскою далью, ни снѣжными горами („Блескомъ солнца небо ослѣпляетъ“); когда его сердце рвется назадъ, къ городской суетѣ и смутѣ, въ вѣчно трепещущей злобѣ дня („Въ толпѣ людской ожесточенной“); но довольно уже и того, что для него возможенъ отдыхъ „на груди природы“—этотъ лучшій противовѣсъ безысходной тоскѣ, постоянному перебиранию однихъ и тѣхъ же скорбныхъ мотивовъ. Есть еще одна область, въ которой можно найти на время тишину и душевный миръ: это — область личнаго чувства, также знакомая г. Минскому („О, еслибъ знали вы“, „Въ моей душѣ любовь восходитъ“, „Я боюсь рассказать“, „Прости“). Онъ остается и здѣсь вполне оригинальнымъ, ни за кѣмъ не слѣдуя и ничего не повторяя; если въ нѣкоторыхъ его стихотвореніяхъ встрѣчаются черты, общія съ Гейне, то это объясняется неизгладимомъ печатью, наложенною нѣмецкимъ поэтомъ на цѣлую отрасль эротической поэзіи. Гдѣ любовь смѣется сквозь слезы, иронизируетъ сама надъ собою, колеблется между элегіей и юморомъ, гдѣ сливаются въ одно нераздѣльное цѣлое „горькое веселье“ и

„сладкое горе“ любви („der Liebe süßes Elend und der Liebe bitt're Lust“),—тамъ нельзя не вспомнить объ авторѣ „Buch der Lieder“ и „Neue Gedichte“.

Мы коснулись далеко не всѣхъ сторонъ поэзіи г. Минскаго, но достаточно, кажется, подтвердили основной нашъ тезисъ: богатство ея содержанія. Цитаты, нами приведенныя, доказали, быть можетъ, еще другое: извѣстную степень художественности, которой часто достигаетъ у г. Минскаго поэтическая форма. Молодымъ (сравнительно) поэтамъ, о которыхъ намъ приходилось говорить до сихъ поръ, свойственна, въ большей или меньшей мѣрѣ, неровность исполненія. Рядомъ съ пьесами, выѣшная отдѣлка которыхъ не оставляетъ желать ничего лучшаго, попадаются другія, страдающія небрежностью или искусственностью, недостаткомъ или избыткомъ работы. Рѣзко, иногда, отличаются другъ отъ друга и отдѣльныя части одного и того же стихотворенія; прекрасное начало испорчено неудачнымъ концомъ, или, наоборотъ, блестящій конецъ не можетъ заставить забыть тусклое, блѣдное начало. У г. Минскаго мы этого почти не встрѣчаемъ. Само собою разумѣется, что цѣнность его стихотвореній далеко не одинакова—но между ними мало такихъ, которыя могутъ быть названы безусловно плохими. Еще рѣже—невыдержанность цѣлаго, явное несоотвѣтствіе между частями. Г. Минскому чуждо желаніе блеснуть, удивить, поразить; онъ слишкомъ увлеченъ своею идеею или своимъ чувствомъ, чтобы искать въ чемъ-либо другомъ средствъ дѣйствія на читателей или слушателей. Это предохраняетъ его отъ усилій, иногда приводящихъ къ цѣли, но чаще безплодныхъ или хуже чѣмъ безплодныхъ—расколаживающихъ, уничтожающихъ впечатлѣніе. Если для той „Verstimung“, о которой говоритъ Гёте („man merkt die Absicht — und man ist verstimmt“), достаточно слишкомъ явнаго „намѣренія“ со стороны автора, то что же сказать о намѣреніи не только явномъ, но въдобавокъ неисполненномъ или неисполнимомъ? Такимъ намѣреніемъ г. Минскій грѣшитъ весьма рѣдко; оно чувствуется ясно только въ одномъ стихотвореніи: „Всталъ онъ бодрый и пошелъ“. Намъ случалось слышать, какъ г. Минскаго упрекали въ наклонности къ риторикѣ, въ пристрастіи къ громкимъ, трескучимъ фразамъ; мы находимъ этотъ упрекъ совершенно незаслуженнымъ. Нѣкоторый подъемъ рѣчи является естественнымъ, неизбѣжнымъ результатомъ подъема мысли; риторичею онъ становится только тогда, когда нѣтъ гармоніи между содержаніемъ и формой, когда авторъ искусственно настраиваетъ себя на высокій ладъ и взбирается на ходули, когда порывъ оказы-

вается расчетомъ, горячее чувство—подогрѣтымъ, лиризмъ—резонерствомъ. Ничего подобнаго въ стихотвореніяхъ г. Минскаго мы не видимъ; они дышатъ искренностью—дышать ею и тогда, когда въ нихъ слышится вопль душевной боли или крикъ восторженной надежды. Именно потому, быть можетъ, они выдерживаютъ испытаніе, часто опасное для поэта: они ничего не теряютъ, если читать ихъ одно за другимъ—скорѣе напротивъ. Каждый читатель найдетъ въ нихъ что-нибудь пережитое имъ самимъ, въ тѣ смутные годы, которые мы только-что оставили за собою... Изданныя отдѣльной книгой, стихотворенія г. Минскаго должны, если мы не ошибаемся, приобрести широкую извѣстность; вѣдь и популярность Надсона стала быстро расти именно съ тѣхъ поръ, какъ все написанное имъ было въ первый разъ соединено въ одно цѣлое.

Немного найдется книгъ, которыя производили бы такое оригинальное впечатлѣніе, какъ сборникъ стихотвореній г. Фофанова. Самое появленіе его было сюрпризомъ для огромнаго большинства читающей публики. Многимъ было неизвѣстно, до тѣхъ поръ, даже имя автора; многіе знали *только* имя, не соединяя съ нимъ никакого опредѣленнаго представленія ¹⁾. Удивленіе возрастало по мѣрѣ знакомства съ содержаніемъ сборника. Рядомъ съ страницами, по истинѣ замѣчательными и выдвигающими автора въ первый рядъ современныхъ нашихъ поэтовъ, попадались произведенія до крайности слабыя, почти ребяческія и по мысли, и по формѣ. Становилось очевидно, что передъ нами—сила еще не сложившаяся, не овладѣвшая сама собою, не разобравшаяся въ собственномъ богатствѣ. Приходилось пожалѣть, что никакая дружеская рука не руководила авторомъ въ выборѣ стихотвореній, стоящихъ перепечатки ²⁾,—пожалѣть, ко-

¹⁾ Чуть ли не раньше всѣхъ угадалъ талантъ г. Фофанова другой поэтъ—Надсонъ. „Обращаю вниманіе читателя“,—писалъ онъ лѣтомъ прошлаго года, задолго до выхода въ свѣтъ сборника стихотвореній г. Фофанова, — „на молодого поэта, г. Фофанова, обладающаго, по моему, большимъ дарованіемъ чисто-художественнаго отъѣнка. Къ сожалѣнію, онъ преимущественно печатался въ маленькихъ журналахъ и потому извѣстенъ немногимъ“. Нельзя не замѣтить, по этому поводу, что большинству нашихъ молодыхъ поэтовъ совершенно чужда такъ-называемая *jalousie de métier*. Вслѣдъ за появленіемъ сборника г. Фофанова намъ случилось слышать чтеніе лучшихъ его стихотвореній двумя поэтами, относившимися къ нимъ съ самымъ горячимъ сочувствіемъ.

²⁾ О небрежности, съ которою составленъ сборникъ, можно судить по тому факту, что два стихотворенія напечатаны въ немъ, почти безъ всякихъ измѣненій, по два раза, въ двухъ различныхъ мѣстахъ („Какъ дѣва грустная въ нарядѣ полублечномъ“—стр. 9 и 58, „Богиня вѣчности во глубинѣ зенита“—стр. 27 и 95).

нечно, не потому, чтобы лучшимъ пьесамъ г. Фофанова вредило неудачное сосѣдство, а потому, что до нихъ трудно добраться, трудно выдѣлить ихъ изъ массы посредственнаго или плохого (всѣхъ стихотвореній въ сборникѣ болѣе двухсотъ). Кто не отступить передъ этимъ трудомъ, тотъ будетъ вознагражденъ за него съ избыткомъ.

Повторимъ сначала съ наименѣе привлекательной стороны нашей задачи—съ указаніемъ недостатковъ, свойственныхъ многимъ стихотвореніямъ г. Фофанова. Первый изъ нихъ—это необузданность образовъ, часто напоминающая крайности ультра-романтизма. Когда мы читаемъ стихи въ родѣ слѣдующихъ: „ты будешь безмолвна, какъ сумракъ темницы, а буду какъ буря мятеженъ“; „духъ пѣвца, мятежный и кипучій, являетъ радугу восторженныхъ созвучій, пройдя сквозь пламенный страстей“; „на стягѣ пурпурномъ своемъ, облитомъ юношеской кровью, а выткалъ бисернымъ огнемъ: зло побѣждается любовью“; „изъ глазъ соменутыхъ мертвецовъ смотрѣла темь былыхъ вѣковъ, ихъ пастью вѣчность хохотала“, — мы переносимся мысленно въ ту эпоху, когда Бенедиктовъ и Марлинскій были популярнѣе Пушкина и Лермонтова. Далеко не свободенъ г. Фофановъ и от другой слабости, болѣе современной—отъ погони за натянутыми сравненіями, за вычурными эпитетами. „Въ золотыхъ рукахъ возницы змѣи бѣлыя зарницы вмѣсто полевыхъ возжей“ (рѣчь идетъ о грозовой тучѣ); „будто бы чары испуганной грѣзы, гасились одинъ за другимъ фонари“; „молю тебя, дитя, не вслушивайся ты въ житейскій шумъ и гамъ, *или ляжетъ слѣдъ ужасный морщинъ безрадостныхъ въ небесныя черты* и отравить покой души твоей прекрасной“; стрѣлка часовъ „тихо ползетъ, безъ мысленій и словъ, на бѣломъ лицѣ циферблата“; волшебное мгновенье „улетаетъ безъ слѣда, какъ отстрадавшая звѣзда“—во всѣхъ подобныхъ картинахъ чувствуется претензія, не имѣющая ничего общаго съ истиннымъ искусствомъ. Иногда оба недостатка переплетаются между собою, усложняясь неясной, фантастичной до чудовищности идеей—и въ результатъ получается какой-то мнимо-поэтический бредъ. Вѣчность „считаетъ вѣка, сопедшіе изъ міра“, поглощаетъ ихъ, „звѣвая пастью гробовой“, и затѣмъ „спугиваетъ жадными перстами свѣтлый рой новыхъ вѣковъ“. Эти вѣка, „съ мерцаніемъ лазурнымъ на пламениющихъ крылахъ“, мчатся въ шумный міръ, „какъ день, родившійся въ потьмахъ“. Погостивъ въ мірѣ „кровавыми и злыми, безъ упованій и лучей“, они возвращаются „злѣдыми больными къ печальной вѣчности своей“. Не лучше и другое стихотвореніе,

озаглавленное: „Въ церковной оградѣ“. Въ то время, когда „лицо мечтательной луны блещетъ на небѣ райскимъ маякомъ“, поэтъ ожидаетъ появленія на церковной паперти „давно забытыхъ призраковъ и тѣней его больной души“, которые, „какъ нищіе, протянуть къ нему руки, моля, чтобъ онъ ихъ вновь душой облюбовалъ, чтобъ ихъ облекъ въ цвѣты и звуки и, зарыдавъ, къ ногамъ припалъ“. Въ „Великой ночи“ вѣтеръ „взмываетъ съдую волну и разсыпаетъ ее надъ волною, сферы неба сливаются въ святую музыку съ падшею землею, вздрагиваютъ въ страхъ иглы терній и голубая лазурь“. Рядомъ съ избыткомъ искусственности встрѣчается избытокъ реализма; тѣмъ или другимъ испорчено множество стихотвореній, хорошо задуманныхъ и наполовину хорошо исполненныхъ. Муза „одуваетъ“ перья умершаго поэта, истина спитъ „испаранною въ кровь“, ночь „спугиваетъ лиловыя зарницы“, звѣзда „мигаетъ землѣ, не удостоивая ее словомъ“, небеса „синимъ тюлемъ“ опрокинуты надъ лѣсами, любовь „отпархиваетъ въ глубь лазореваго рая“.

„Горе, припѣвая, въ нашемъ мірѣ рыщетъ,
Горе колосится въ полѣ яровомъ.
Горе перепелкой въ темномъ лѣсѣ свищетъ,
Солнышкомъ сіяетъ въ небѣ голубомъ;
Приголубить лаской, заманитъ сторонкой,
Вспѣнитъ, сыграетъ брагою хмѣльной,
Въ пору обернется красною дьячонкой
И столкнетъ, смѣясь, въ омутъ роковой“.

Подчеркнутыя нами мѣста совершенно уничтожаютъ впечатлѣніе, произведенное симпатичнымъ началомъ пьесы — и такихъ примѣровъ можно было бы привести весьма много. Въ рѣдкихъ случаяхъ небрежность исполненія идетъ еще дальше и доходитъ до слѣдующихъ невозможныхъ стиховъ:

„Это не женщина, другъ мой, эдема намъ
Не отверзаетъ она безконечнаго;
Это злой геній, ниспосланный демономъ“.

Излишняя плодовитость г. Фофанова влечетъ за собою массу повтореній, — повтореній не только въ мотивахъ, но даже въ отдѣльныхъ выраженіяхъ и образахъ. Въ одномъ стихотвореніи, напримѣръ, „капли слезъ серебрятся въ урнѣ пышнаго тюльпана“ („Лѣтнія картинки“), въ другомъ — „въ огненной урнѣ тюльпана дрожитъ яркой слезинкой роса“ („Вѣтеръ въ запутанныхъ вѣткахъ чуть дышетъ“). Всего утомительнѣе, при массѣ матеріала, однообразіе, бѣдность содержанія; въ этомъ отношеніи г. Фофановъ составляетъ совершенный контрастъ съ г. Минскимъ.

Онъ почти не выходитъ изъ области личныхъ настроеній—личныхъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, т.-е. не зависящихъ отъ того, что совершается вокругъ поэта. Изрѣдка только у него звучитъ нота сочувствія къ чужому страданію или горю—но она производитъ впечатлѣніе чего-то навѣяннаго извне, и между стихотвореніями, ею вызванными („Весною въ Божьи именины“, „Если разъ хоть позналъ ты житейскій обманъ“, „Мы при свѣчахъ болтали долго“, „Столица бредила въ чаду своей тоски“, „Лица унылыя, взоры туманные“), нѣтъ ни одного, которое возвышалось бы надъ уровнемъ посредственности. Тенденція, гдѣ она есть, выступаетъ на видъ во всей своей наготѣ, не заботясь о поэтическомъ покровѣ. „Но вспомнани“,—такъ обращается г. Фофановъ къ беззаботному, лѣнивому ребенку, — „есть недалеко подвалы блѣдныхъ бѣдниковъ,—не имъ журчаніе потока, не имъ дыханіе цвѣтовъ! Скажи, дитя, не странно ль это? Однимъ — и блескъ, и аромать; другимъ—весна, зима и лѣто, и жизнь, и міръ—тяжелый адъ“! Не удаются г. Фофанову и стихотворенія на философской подкладкѣ; они слишкомъ легко принимаютъ резонерскій характеръ и обращаются либо въ сухую прозу („А эти дни, когда душа живетъ, когда въ умѣ какой-то бредъ тяжелый,—какъ ихъ назвать? Не остоветъ ли тѣ голый, которому разрушиться—исходъ“), либо въ риторическую шумиху, образецъ которой мы видѣли выше, въ стихотвореніи о „богинѣ вѣчности“.

А между тѣмъ нѣтъ ни одного отдѣла въ книгѣ г. Фофанова, въ которомъ нельзя было бы найти настоящихъ поэтическихъ перловъ. Всего слабѣе, какъ цѣлое, „Библейскіе мотивы“, начинающіеся съ обращенія къ „выброскамъ природы“, за которыми „аравой бѣгутъ во слѣдъ глупцы“—но и здѣсь мы видимъ прекрасное переложеніе словъ Іеговы: „Напрасно, волю давъ молитвамъ и слезамъ“, а въ заключительной пьесѣ: „Надъ Библіей“ встрѣчаемъ мѣста, выдерживающія сравненіе съ еврейскими пѣснями г. Фруга. Между „Фантазіями“, „Думами“, „Отрывками“, „Сказками и поэмами“ есть вещи безусловно неудачныя („Грѣзы“, „Рай“, „То было лѣтомъ“, „Жизнь“, „Скряга и Звѣзды“, „Мраморная дѣва“, „Местъ любви“, „Тѣни Пушкина“) —но есть и превосходныя, въ родѣ „Предчувствія“, „Каменотеса“, „Невѣсты“, „Осеннею порою“. Еще больше прекраснаго—въ отдѣлѣ мелкихъ стихотвореній. Замѣчательно, прежде всего, мастерство формы, котораго способенъ достигнуть г. Фофановъ. Стихъ, такъ часто не повинующійся ему или служащій сообщникомъ его прегрѣшеній противъ простоты и правды, становится, по временамъ, удивительно послушнымъ орудіемъ, тонкимъ, блестящимъ, неотра-

зимимъ. Самые капризные линіи удаются поэту наравнѣ съ самыми простыми; онъ то играетъ риемой, то отбрасываетъ ее въ сторону, пробуетъ себя въ самыхъ разнообразныхъ размѣрахъ и побѣдоносно справляется со всѣми трудностями. Прочтите, напримеръ, „Тріолетъ“, написанный г. Фофановымъ въ самомъ началѣ его дѣятельности—и вы невольно подивитесь искусству, съ которымъ выдержана здѣсь, на протяженіи пятнадцати куплетовъ, замысловатая, капризная поэтическая форма:

„Царевичъ пылкій Тріолетъ
Расцвѣлъ въ краяхъ душистыхъ юга
И былъ восторженъ какъ поэтъ.
Царевичъ пылкій Тріолетъ
Любилъ цвѣты, а въ ночь досуга
Мечталъ, смотря на лунный свѣтъ.
Царевичъ пылкій Тріолетъ
Расцвѣлъ въ краяхъ душистыхъ юга“..

Длина „Тріолета“ составляетъ, пожалуй, его недостатокъ; обязательное повтореніе риемъ и строкъ становится, à la longue, немножко утомительнымъ—но граціозная легкость стиха до самаго конца не измѣняетъ поэту, да и сюжетъ, сказочный, задумчиво-нѣжный, выбранъ вполне соответствующій формѣ. Прямую противоположность порхающему, причудливому стиху „Тріолета“ составляетъ изящно-простой, медленно движущійся бѣлый стихъ, которымъ написана „Невѣста“. Мы не находимъ, чтобы эта небольшая поэма была испорчена длиннымъ періодомъ (въ 17 стиховъ), составляющимъ ея вступленіе:

„Теперь, когда плыветъ лазурной степью
Весенній мѣсяцъ зеркаломъ блестящимъ,
Въ которое глядятся серафимы,
Когда они расчесываютъ кудри,
Чтобъ на землю спуститься и пріять
Тѣвъ мирную усопшаго младенца,
Или отца почившаго смиренно
Отъ золь людскихъ въ семьѣ своихъ дѣтей;—
Теперь, когда отъ вздоховъ и лобзаній
Трепещетъ воздухъ, напоенный сладкимъ
Дыханіемъ заплаканныхъ цвѣтовъ;—
Теперь, когда мигающія звѣзды
Передаютъ безгрѣшныя преданья
Богѣзвенно растроганной землѣ;—
Теперь, когда теплѣй звучитъ молитва
И ласковѣй божественные сны,—
Теперь не спать, влюбленная, она“.

„Можно подумать“, — замѣчаетъ, по поводу этихъ стиховъ,

одинъ изъ критиковъ г. Фофанова, — „что это написано нарочно, въ шутку, чтобы читатель не дочелъ до конца и задохся“. Съ такимъ мнѣніемъ мы рѣшительно не согласны. У нашихъ лучшихъ поэтовъ нетрудно найти періоды не менѣе или еще болѣе длинные; укажемъ, для примѣра, на Лермонтовскаго „Демона“, который прямо начинается періодомъ въ *восемнадцать* стиховъ (или по меньшей мѣрѣ въ шестнадцать, если не относить къ нему первыхъ двухъ строкъ поэмы), или на вариантъ къ первымъ тремъ строфамъ восьмой главы „Онѣгина“, въ которомъ мы видимъ періодъ въ *тридцать-два* стиха. Въ такихъ случаяхъ важно, прежде всего, искусное раздѣленіе періода на части, самостоятельныя если не въ грамматическомъ, то въ поэтическомъ смыслѣ слова. Въ „Демонѣ“ внѣшнимъ признакомъ дѣленія служить слово: *когда*, въ Онѣгинѣ — слова: *когда* и *въ тѣ дни*; въ „Невѣстѣ“ г. Фофанова ту же роль съ полнымъ успѣхомъ играютъ слова: *теперь, когда*. Передъ каждымъ ихъ повтореніемъ смѣло можно остановиться и спастись, такимъ образомъ, отъ опасности „задушенія“. Еще важнѣе, конечно, чтобы длинная вереница образовъ слагалась, въ концѣ концовъ, въ одну цѣльную картину, чтобы многочисленности ихъ соответствовала внутренняя ихъ цѣльность. И этому условію начало „Невѣсты“ удовлетворяетъ вполнѣ; оно проникнуто таинственной прелестью весенней лунной ночи, открывающей безграничный просторъ для молодыхъ мечтаній:

„Она не спитъ; окно ея раскрыто;
 Душистый воздухъ теплою волною
 Плыветъ въ окно изъ трепетнаго сада,
 Уснувшаго подъ пологомъ прозрачнымъ
 Тоскующей, мечтательной весны...
 И вотъ она безшумною походкой,
 Какъ тѣнь, идетъ въ росистый садъ; кусты.
 Привѣтствуютъ ее; въ нихъ очертанья
 Ей чудятся улыбка, и она
 Срываетъ кисть лиловую сирени
 И въ звѣздочкахъ ея голубоокихъ
 Невѣрною рукою ищетъ счастья
 И счастье находитъ, наконецъ...
 Должно для ней свершиться завтра все.
 О чемъ она молила и мечтала...
 Она его любила всей душою,
 Всей радостью, всей страстью юной жизни...
 И завтра съ нимъ ее соединять.
 Но отчего мучительно трепещетъ
 Ея душа? И отчего она
 Хотѣла бы, чтобъ эта ночь осталась
 Всегда царить надъ сонною землею;

Чтобъ въ эту ночь переломило время
Свою косу, губящую все въ мірѣ;
Чтобы ея тревожная душа
Почила бы навѣки въ ожиданьи?"

Не чувствуется ли, при чтеніи этихъ строкъ, что ожиданье счастья незамѣнно даже счастьемъ, что минуты, имъ наполненныя, переживаются только однажды—и переживаются съ смутнымъ сознаніемъ, что онѣ больше не повторятся? Настроение поэмы овладѣваетъ нами всецѣло; ея благозвучный, мягкій, нѣжный стихъ ласкаетъ ухо, какъ полу-меланхолическій, полу-страстный мотивъ Шуберта или Шумана... Менѣе безукоризненна по исполненію, но также богата красотаи другая небольшая поэма: „Осеннею порою“. И здѣсь рамка вполнѣ гармонируетъ съ картиной; рядъ старческихъ воспоминаній окруженъ сумерками угасающаго осенняго дня:

„Туманнымъ саваномъ окутывалась даль,
И нити пыльныя воздушной паутины
Бѣгли межъ вѣтвей алыющей рябины,
Какъ хмурая осени исгнѣвшая вуаль“.

Въ сказкѣ: „Каменотесь“ есть нѣсколько слабыхъ штриховъ, но это не мѣшаетъ ей принадлежать—и по мысли, и по исполненію—къ числу самыхъ удачныхъ произведеній г. Фофанова. Вмѣстѣ съ „Невѣстой“ и „Предчувствіемъ“, вмѣстѣ съ одной изъ „Пѣсенъ о родинѣ“ г. Минскаго, „Каменотесь“ можетъ служить доказательствомъ тому, какъ велика сила, какъ велико богатство русскаго блага стиха.

Лучшимъ поэмамъ г. Фофанова не уступаютъ лучшія изъ его мелкихъ стихотвореній. Когда ему попадаетъ тема, родственная его таланту, и когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, ему удастся выдержать тонъ, уберечься, съ одной стороны, отъ небрежности, съ другой стороны—отъ вычурности и преувеличеній, онъ сразу поднимается на большую высоту и очаровываетъ читателя. Сколько оригинальнаго и поэтическаго, напримѣръ, представляетъ небольшая пьеса, служащая эпиграфомъ къ его книгѣ:

„Звѣзды ясныя, звѣзды прекрасныя
Нашептали цвѣтамъ сказки чудныя,
Лепестки улыбнулись атласныя,
Задрожали листы неумрудныя,
И цвѣты, опыленные росами,
Разказали вѣтрамъ сказки нѣжныя—
И распѣли ихъ вѣтры матежныя
Надъ землею, надъ волной, надъ утесами.“

И земля, подъ весенними ласками
 Нараялася тканью зеленою,
 Переполнила звѣздными сказками
 Мою душу, безумно влюбленную.
 И теперь, въ эти дни многотрудные,
 Въ эти темныя ночи, ненастныя,
 Отдаю я вамъ, звѣзды прекрасныя,
 Ваши сказки задумчиво чудныя“.

Это—не единственное стихотвореніе, внушенное г. Фофанову самымъ процессомъ поэтического творчества; онъ замѣтно отразился еще въ нѣсколькихъ особенно симпатичныхъ пьесахъ—„Пѣсни мои, пѣсни“, „Въ дни весны моей“, „Думы волнуются“, „Грѣзы крылатыя“. Любовныя пѣсни удаются г. Фофанову въ особенности тогда, когда онъ изображаетъ только-что пробуждающееся, еще неясное чувство („Подожди, въ немъ тоже скоро вспыхнутъ страсти“) или воспоминанія о минувшемъ счастьѣ („Не правда ль, все дышало прозой“, „Печальный румянецъ заката“, „Нѣжныя письма“). Хороши, мѣстами, и картины расцвѣтающей природы („Ночи блѣдныя, томныя“, „Только проглянули первые цвѣточки“) — хороши даже послѣ лучшихъ описаній весны, оставленныхъ намъ нашими прежними поэтами:

„Шумять лѣса тѣнистые,
 Тѣнистые, душистые;
 Свои оковы льдистыя
 Разрушила волна.
 Пришла она, желанная,
 Пришла благоуханная,
 Изъ свѣта дня сотканная,
 Волшебница весна“...

Почти всѣ остальные выдающіяся стихотворенія г. Фофанова вызваны мимолетными настроеніями, то радостными, то причудливыми, то грустными; онъ умѣетъ воссоздавать ихъ въ немногихъ яркихъ чертахъ и находить имъ отголосокъ въ душѣ читателя. Назовемъ, для примѣра, „Ночь на Ивана Купала“, „Въ дилижансѣ“, „Юность“, „Посмотри, рассыпалъ кто-то“, „Ива съ дубомъ, мечта“, „По саду я гулялъ задумчиво съ тобой“, — и приведемъ цѣликомъ двѣ пьесы, которыми и заключимъ наши цитаты:

„Съ тоской въ груди и тѣвомъ смутнымъ,
 Съ волненьемъ, вспыхнувшимъ въ крови,
 Не повѣрай друзьямъ минутнымъ
 Печаль осмѣянной любви.
 Имъ все равно; они отъ счастья
 Не отрекутся своего;

Ихъ равнодушное участіе
Большій несчастья самого“...

„За моря ушла ночь съ дремотою,
И послѣднія звѣзды стгнули
И зари лучи въ тучки кинули
Нѣжно-розовой поволокою.
Здравствуй, божій день! здравствуй, солнышко!
Здравствуй, шумный міръ, пробужденный людъ!
Завари свой пиръ, начинай свой трудъ,
Выпей чашу дня всю до доннышка,
Многохмѣльную чашу, горькую;
Ночь придетъ опять, убаюкаетъ,
Снами-чарами міръ окутаетъ —
И проснется онъ съ новой ворякою“...

Лучшими своими сторонами г. Фофановъ соприкасается отчасти съ г. Полонскимъ, отчасти съ г. Фетомъ, едва ли въ чемъ-нибудь уступая здѣсь тому или другому. По справедливому замѣчанію Надсона, его дарованіе имѣетъ „чисто-художественный оттѣнокъ“; но это нисколько не уменьшаетъ его цѣны. Прошло то время, когда у насъ могла разсчитывать на успѣхъ *только* тенденціозная поэзія. Она сохраняетъ и теперь все свое обаяніе, всю свою силу — но рядомъ съ ней остается мѣсто для произведеній другого рода, черпающихъ свое содержаніе изъ области сердечной жизни или дышащихъ только любовью къ красотѣ. Отъ г. Фофанова нѣкто не потребуетъ жертвоприношеній злобѣ дня, клятвы на вѣрность тому или другому „стагу“; пускай онъ остается пѣвцомъ „чистаго искусства“, лишь бы только онъ сталъ строже къ самому себѣ и заботливѣе очищать отъ плевелъ свою роскошную пшеницу.

К. АРСЕНЬЕВЪ.

* * *

Какъ будто все всѣмъ надоѣло:
Застыли чувства; умъ зачахъ;
Ни въ чемъ, нигдѣ живого дѣла,
И лишь по горло всѣ въ дѣлахъ.

Средь современности безцвѣтной
Вступили въ связь добро и зло,
И равнодушье незамѣтно,
Какъ ночь, насъ всѣхъ заволокло.

Намъ жизнь—не скорбь и не утѣха;
Въ нее нашъ вѣкъ лишь скуку внесъ;
Нѣтъ въ этой пошлой шуткѣ—смѣха;
Нѣтъ въ этой жесткой драмѣ—слезъ.

Порой, какъ силъ подземныхъ взрывы,
Насъ вѣсть бѣды всколышетъ вдругъ,—
И быть безпечный и лѣнивый
Охватять ужасъ и испугъ.

Иль вдругъ родится мысль больная,
Что людямъ надобна война,—
И рвемся мы къ войнѣ, не зная —
Ни почему, ни съ кѣмъ она.

Но чуть лишь мы, затишью вѣря,
Отъ передраги отдохнемъ,
Какъ страхъ и злая похоть звѣря
Ужъ въ насъ смѣнились прежнимъ сномъ.

И вновь, унылой мглой одѣты,
Дни скучной тянутся чредой,
Какъ похоронныя кареты
За гробомъ—улицей пустой...

АЛЕКСАЙ ЖЕМЧУЖНИКОВЪ.

КАЗЕННАЯ СУБСИДІЯ

и

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО ПАРОХОДСТВА И ТОРГОВЛИ.

Затруднительное положеніе нашихъ финансовъ и хроническіе дефициты въ бюджетѣ давно уже вызвали у нашей финансовой администраціи усиленныя заботы о приисканіи новыхъ источниковъ доходовъ. За послѣднее же время это стремленіе стало принимать особенно интенсивный характеръ. Необходимость заставляла не останавливаться даже передъ разными затрудненіями, лишь бы найти хотя и мелкій въ отношеніи доходности, но все-таки новый предметъ обложенія. На-ряду съ этимъ, но пока значительно еще въ меньшей степени, обнаружилось и стремленіе къ возможному сокращенію расходовъ нашего государственнаго казначейства. Иногда усилія въ подобномъ направленіи проявлялись даже по отношенію къ разнымъ новымъ производительнымъ расходамъ, особенно въ области просвѣщенія и т. п. Можно было бы привести множество примѣровъ, какъ самыя нестложныя преобразованія, въ родѣ распространенія новаго судопроизводства на окраины, учрежденія новыхъ школъ и гимназій и т. п., откладывались на неопредѣленное время—и все для избѣжанія обремененія необходимыми для этого новыми расходами нашего государственнаго казначейства. Конечно, при наличныхъ экономическихъ условіяхъ, когда, вслѣдствіе полнаго напряженія платежныхъ силъ главной массы населенія, новые или повышенные прежніе налоги стали давать весьма малое повышение,—всяческая экономія въ расходахъ съ каждымъ годомъ дѣлается все болѣе и болѣе настоятельною необходимостью и представляетъ едва ли не единственное средство къ возстановленію нарушеннаго равновѣсія въ нашемъ государственномъ.

бюджетѣ. Если тратится масса усилий на введеніе новаго налога, ради увеличенія доходовъ государственнаго казначейства на нѣсколько сотъ тысячъ руб. ежегодно, то и всякій расходъ въ такомъ же размѣрѣ не представляется уже бездѣлицей, о которой не стоитъ много говорить, а требуетъ предварительныхъ доказательствъ своей необходимости и полезности.

Мы оставляемъ въ сторонѣ всѣ расходы на потребности государственнаго управленія и защиты, вообще на разныя, такъ сказать, спеціально-государственныя нужды, на государственный кредитъ и пр., ассигнованіе которыхъ производится у насъ въ размѣрахъ, установленныхъ уже прежнею практикою, съ ежегодными лишь добавками на удовлетвореніе вновь возникающихъ нуждъ по каждой отдѣльной отрасли государственнаго управленія и хозяйства.

Всѣ расходы такого рода совершенно ускользаютъ у насъ отъ всякаго общественнаго контроля, и голосъ общественнаго мнѣнія рѣдко участвуетъ въ предварительномъ обсужденіи размѣровъ необходимаго и возможнаго кредита по каждой изъ подобныхъ статей расходовъ.

Но зато есть цѣлая область государственныхъ расходовъ, именно всѣ траты нашего государственнаго казначейства на всевозможнаго рода субсидіи и воспособленія различнымъ промышленнымъ и коммерческимъ предпріятіямъ, назначеніе которыхъ, во многихъ случаяхъ, производится подъ давленіемъ и при участіи нашей печати, дѣйствительныхъ и самозванныхъ представителей такъ-называемаго общественнаго мнѣнія. Каждое новое домогательство подобныхъ субсидій, особенно при настоящемъ положеніи нашихъ финансовъ, выходитъ уже изъ узкой сферы взаимныхъ отношеній заинтересованныхъ сторонъ и заслуживаетъ общественнаго вниманія по многимъ причинамъ. Выясненіе подобныхъ домогательствъ, съ точки зрѣнія дѣйствительныхъ потребностей страны, необходимо хотя бы потому, что авторы ихъ, ради достиженія своихъ цѣлей, въ весьма широкихъ размѣрахъ прибѣгаютъ ко всевозможнымъ ссылкамъ на неисчислимыя блага, которыя сулитъ Россіи то или иное предпріятіе для поднятія нашихъ производительныхъ силъ. Нѣкоторые примѣры изъ области подобныхъ мѣропріятій способны, вмѣстѣ съ тѣмъ, ярко освѣтить дѣйствительныя основы господствующей системы, ея возможныя послѣдствія.

Однимъ изъ такихъ весьма характерныхъ примѣровъ можетъ служить возникшій въ настоящее время вопросъ: продолжать ли выдачу казенной субсидіи „русскому обществу пароходства и торговли“, дѣйствующему на Черномъ морѣ. 21-го мая текущаго года наступаетъ первый срокъ, когда казна, послѣ десяти лѣтъ, можетъ отказать на-

званному обществу въ дальнѣйшей выдачѣ помилной платы изъ средствъ государственнаго казначейства.

Выдача таковой помилной платы производилась обществу, начиная со времени его возникновенія въ 1857 г. Въ послѣдній разъ выдача казенной субсидіи была продолжена въ 1877 г. на 12 лѣтъ въ ежегодномъ размѣрѣ около 700 т. руб. Такимъ образомъ, въ настоящее время, возникаетъ вопросъ о дальнѣйшемъ продолженіи на тотъ же срокъ и въ томъ же размѣрѣ подобной субсидіи, о возложеніи на государственное казначейство новой затраты — приблизительно въ 7 милл. руб., въ продолженіе будущаго десятилѣтія. Одинъ уже весьма значительный размѣръ расходовъ заставляетъ серьезно отнестись къ вопросу объ ихъ полезности и необходимости. Но особыя условія положенія и дѣятельности названнаго общества, появленіе цѣлыхъ объемистыхъ сочиненій, направленныхъ къ апологіи его дѣятельности, къ доказательству необходимости выдачи ему дальнѣйшей казенной субсидіи—все это невольно придаетъ вопросу болѣе широкій характеръ.

Одной изъ наиболѣе типическихъ особенностей нашей финансовой политики за послѣднія десятилѣтія являются, какъ это не трудно замѣтить, всевозможныя заботы нашего правительства о возможно широкомъ развитіи у насъ виѣшней торговли и крупнаго производства во всѣхъ сферахъ нашей экономической дѣятельности. Виѣстъ съ тѣмъ такое покровительство интересамъ крупной промышленности выставилось у насъ одною изъ главныхъ задачъ здоровой національной экономической политики.

Съ каждымъ днемъ такая національная политика получаетъ все болѣе и болѣе широкое распространеніе и господство. Частичныя мѣропріятія, предпринимаемыя въ интересахъ мелкаго народнаго производства, какъ земледѣльческаго, такъ и кустарнаго, и по размѣрамъ затраченныхъ на нихъ средствъ, и по предѣламъ своего вліянія, далеко не могутъ идти въ сравненіе съ мѣропріятіями указаннаго господствующаго характера; даже по своему ограниченному числу они просто тонуть въ массѣ мѣропріятій въ той или другой формѣ, якобы направленныхъ къ удовлетворенію многочисленныхъ нуждъ торговли и крупнаго хозяйства. Все различіе системъ отдѣльныхъ руководителей нашихъ финансовъ заключалось лишь въ томъ, что, въ зависимости отъ временно выдвигаемыхъ на первый планъ тѣхъ или другихъ вопросовъ дня, одинъ изъ руководителей прилагалъ особыя старанія къ развитію у насъ желѣзныхъ дорогъ, другой — заводской и фабричной промышленности и т. д.

Только изрѣдка, въ недолгія минуты оживленія государственной дѣятельности, принимались разныя мѣры для непосредственной под-

держки хозяйства и благосостоянія главной массы нашего населенія, но „вѣянія“ скоро проходили и господствующимъ началомъ нашей финансовой политики, по прежнему, оставались указанная заботы о поддержкѣ всевозможныхъ политическихъ и промышленныхъ предприятий, въ которыхъ все различіе сводилось на мелкія подробности. Кромѣ всевозможныхъ мѣръ косвенной поддержки, начиная съ повышенія таможенныхъ пошлинъ, наше небогатое государственное казначейство давно уже обременялось значительными расходами на выдачу разныхъ субсидій, гарантій, помилыхъ платъ и т. под. непосредственныхъ воспособленій изъ общегосударственныхъ средствъ отдѣльнымъ предприятиямъ. Въ этомъ отношеніи нѣкоторыя изъ такихъ предприятий являлись настоящими баловнями судьбы, такъ какъ на нихъ изъ казеннаго сундука, какъ изъ рога изобилія, сыпались всевозможныя субсидіи и пособія. Такимъ особеннымъ баловнемъ, по справедливости, можетъ считаться именно „русское общество пароходства и торговли“. Названное предприятие было основано въ 1857 году для содержанія срочнаго пароходнаго сообщенія, пассажирскаго и грузового, какъ между разными пунктами русскаго черноморско-азовскаго побережья, такъ и между русскими и иностранными портами. Эта, въ сущности простая, цѣль тотчасъ же была приукрашена разными соображеніями: будто бы, поддерживая названное предприятие, правительство окажетъ необходимое содѣйствіе не только развитію торговли южнаго края, но и создастъ путемъ субсидій этому обществу русскій торговый флотъ въ нашемъ важнѣйшемъ морскомъ бассейнѣ на югѣ, взаимѣнъ уничтоженнаго въ то время военнаго черноморскаго флота. Конечно, не были забыты всевозможныя патриотическія фразы, приличествующія данному случаю, о важности поддержки обаянія русскаго флага, на востокѣ, при помощи пароходовъ „русскаго общества“, и т. д. и т. д. Словомъ, съ тѣхъ поръ на это общество посыпались всевозможныя воспособленія изъ государственнаго казначейства.

Пользуясь официальными данными ¹⁾ и отчетами самого общества, мы постараемся подвести итоги, во что обошлось это общество нашей казнѣ. Вотъ не лишенный интереса длинный перечень пособій, оказанныхъ обществу въ видахъ поощренія и поддержки его предприятия. При самомъ учрежденіи „русскаго общества пароходства и торговли“ правительство, съ цѣлью оказать ему содѣйствіе, взяло себѣ 6.670 акцій. Уплативъ за нихъ 2.001 т. руб., оно уступило эти же акціи впослѣдствіи тому же обществу за 799.344 руб., и такимъ образомъ вложило въ дѣло безвозвратно—1.201.656 руб. Причитав-

¹⁾ Вѣстникъ финансовъ, промышленности и торговли, № 48 за 1886 г.

пійся на эти акціи, въ первыя пять лѣтъ существованія общества, дивидендъ былъ уступленъ правительствомъ въ пользу общества, что составило всего—680.340 руб. За отчужденіемъ 1.200 принадлежавшихъ правительству акцій, дивидендъ на остальные 5.470 акцій, въ послѣдующія пять лѣтъ существованія общества, также былъ предоставленъ въ его пользу, что составило всего—754.860 руб. Далѣе, правительство отпускало обществу, съ 1857 по 1877 г., по 64 т. руб. ежегодно на необходимыя ремонтныя исправленія пароходовъ.

Пять пароходовъ бывшей новороссійской экспедиціи, стоившіе казнѣ 603.493 руб., переданы были обществу за 143.281 руб., съ разсрочкой уплаты этой суммы на 5 лѣтъ, безъ процентовъ, или казна потеряла при этомъ въ пользу общества 460.212 руб. Кроме того, обществу за все время его существованія и до сихъ поръ выдается изъ государственнаго казначейства ежегодно особая плата за каждую милю, пройденную пароходами общества въ извѣстныхъ линіяхъ пароходныхъ сообщеній. Размѣры помилной платы, число и направление оплачиваемыхъ линій измѣнялись, но съ 1857 г. по 1-е января 1886 г. выдано было обществу помилной платы и пособій на ремонтъ всего 37.159.724 руб. Такимъ образомъ, прямыя денежныя затраты правительства для поддержки русскаго общества пароходства и торговли достигли къ 1-му января 1886 г. весьма почтенной суммы 40.256.792 руб. Но этимъ еще не ограничились пособія названному обществу. Такъ ему были оказаны еще слѣдующія льготы: 24-го марта 1858 г. обществу предоставлено было, для постройки въ Севастополѣ эллинга, принадлежащее казнѣ мѣсто Лазаревскаго адмиралтейства съ начатыми работами, и дозволено употреблять также бесплатно и камень отъ доковъ и укрѣпленій Севастополя.

Всѣ необходимыя для общества механическія заведенія, пристани, верфи, конторы, магазины и всякія другія строенія дозволено ему устраивать на казенныхъ мѣстахъ бесплатно. Пристани, магазины для складки товаровъ и угля и вообще всѣ портовые мѣста въ Одессѣ и на другихъ пунктахъ, которыми пользовались пароходы новороссійской экспедиціи, также были предоставлены бесплатно въ распоряженіе общества. Наконецъ, обществу отведенъ былъ въ Землѣ Войска Донскаго участокъ до 2½ верстъ для устройства антрацитовыхъ копей. Всѣ эти матеріальныя пожертвованія не оцѣнены на деньги, но всякій посѣщавшій порты Чернаго моря и видѣвшій значительные участки лучшихъ портовыхъ земель, занятыхъ „русскимъ обществомъ пароходства и торговли“, легко можетъ понять, какую громадную цѣнность представляютъ эти земли въ настоящее время. При такихъ условіяхъ онѣ могли бы служить источникомъ значительныхъ доходовъ въ видѣ арендной платы за пользованіе этими участками, но

все это многомилліонное имущество уступлено казною безвозмездно въ пользу названнаго общества. Наше правительство не только, какъ мы видѣли, не жалѣло средствъ на пособія обществу,—оно не оставилось даже передъ подчиненіемъ своихъ агентовъ этому привилегированному обществу. Такъ, на основаніи еще до сихъ поръ дѣйствующаго устава (§§ 17 и 18) общества, „всѣ военныя и гражданскія начальства и присутственныя мѣста должны разумѣть общество, какъ учрежденіе особенно полезное для отечественной промышленности и торговли, а потому обязываются не только оказывать обществу всякую помощь, защиту и покровительство, но и отъ всякихъ, могущихъ послѣдовать ему убытковъ и вреда, предостерегать. Равномѣрно русскіе консулы, находящіеся за границею въ тѣхъ мѣстахъ, въ коихъ будутъ ходить общественные пароходы, обязаны оказывать обществу возможную, съ ихъ стороны, помощь и принимать самое живое участіе въ его интересахъ, всемѣрно стараясь о развитіи торговыхъ его отношеній и самаго круга дѣятельности общества“. Не знаемъ, какъ исполняются эти предписанія устава на практикѣ, но исключительная обязательность для правительственныхъ агентовъ защищать интересы одного предпріятія, безъ равномѣрной защиты всѣхъ русскихъ подданныхъ, несомнѣнно создаетъ для названнаго общества особое, привилегированное положеніе.

Итакъ, „русское общество пароходства и торговли“ обошлось правительству въ нѣсколько десятковъ миллионовъ рублей. Можно сказать прямо, что оно даже создано исключительно на средства казны. Въ самомъ дѣлѣ, весь основной капиталъ по балансамъ общества исчисляется въ 10 милл. руб., раздѣленныхъ на 20 т. акцій, по нарицательной стоимости въ 500 руб. каждая. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, акціонерами общества внесено на каждую акцію только по 150 руб., или изъ всего акціонернаго капитала въ 10 милл. руб. только 2.812.500 руб., или лишь 28,1%, представляютъ дѣйствительно внесенный акціонерами капиталъ,—вся же остальная сумма составила изъ прибылей предпріятія и перечислена, между прочимъ, въ 1878 г., изъ запаснаго капитала. Зато казна потратила за это время на общество однѣми наличными деньгами болѣе 40 милл. руб. Многимъ можетъ показаться слишкомъ фантастичнымъ, что акція, котирующаяся въ настоящее время на биржѣ по 860 руб., въ дѣйствительности была оплачена первоначально всего 150 руб. Чтобы не быть голословными, мы сошлемся на расчеты Высочайше утвержденной въ 1874 г. комиссіи для выработки новаго устава общества ¹⁾ и на самые его отчеты.

¹⁾ Вѣстникъ финансовъ, промышленности и торговли, № 48, 1886 г.

По этимъ вычисленіямъ, изъ всего прежняго складочнаго капитала въ 9 милл. руб., было возвращено акціонерамъ, въ разное время, до 1879 г. по 150 руб. на акцію, или всего 4.500 т. руб., да уничтожено 10 т. акцій на сумму 1.687 т. руб. Итого возвращено 6.187.500 р., т.-е. дѣйствительно внесенный акціонерами капиталъ составляетъ только 2.812.500 руб. Эта сумма въ 1879 г., какъ это можно видѣть изъ объяснительной записки въ отчету общества за тотъ же годъ, была пополнена до 10 милл. руб. простымъ перечисленіемъ соотвѣтствующей части запаснаго капитала, который вслѣдствіе этого, вмѣсто 11.256.435 руб., уменьшился къ 1-му янв. 1879 г. до 4.726.612 руб. Мы не будемъ касаться вопроса, насколько необходимы были столь щедрыя затраты казны на „русское общество пароходства и торговли“ въ прежніе годы его существованія. Всѣ эти пособія производились безвозвратно и не такъ, какъ платежи по гарантіямъ желѣзныхъ дорогъ, которыя записываются долгомъ за обществами жел. дор., и что бы ни говорили, все равно возвратить эти средства отъ общества теперь нельзя. Гораздо важнѣе вопросъ, насколько возможно и необходимо, при настоящемъ положеніи нашихъ финансовъ и дѣлъ самого общества, продолженіе ему выдачи прежней субсидіи на будущее время.

Мы видѣли уже, чѣмъ оправдывалась необходимость казенныхъ пособій въ прежнее время. Естественнo возникаетъ вопросъ, насколько же соотвѣтствуютъ полученные результаты сдѣланнымъ затратамъ. Защитники „русскаго общества пароходства и торговли“ даютъ намъ на это готовые отвѣты. „Заслуга общества, напимѣръ, по словамъ г. Скальковскаго, заключается не только въ томъ, что оно оживило торговлю всего черноморскаго побережья, связало между собою его населенные пункты и увеличило благосостояніе южно-русскаго населенія, но также и въ томъ, что оно живымъ примѣромъ доказало выгоду пароходныхъ предпріятій и возбудило довѣріе русскихъ людей къ отечественному мореходству. Оно образовало большое число моряковъ, механиковъ и машинистовъ, составляющихъ кадры для будущаго торговаго флота Россіи. Оно завязало также серьезныя торговыя сношенія съ иностранными портами, особенно восточными, и выяснило, какъ русскимъ людямъ слѣдуетъ въ нихъ дѣйствовать“.

Пусть будетъ такъ, но надо было бы доказать все это соотвѣтствующими фактами и ради простаго безпристрастія обратить также вниманіе и на другія стороны вопроса. Однимъ изъ важнѣйшихъ доказательствъ заслугъ и пользы выдачи казенной субсидіи „русскому обществу пароходства и торговли“ выставилось всегда соображеніе о необходимости созданія на югѣ большого торговаго флота. Во время учрежденія общества, русскаго парового флота на Черномъ морѣ почти не существовало; казна потратила для этого 40 милл. руб.

на „русское общество пароходства и торговли“ — и что же оказывается? — По официальнымъ даннымъ, къ 1-му января 1886 г. во всѣхъ портахъ Чернаго и Азовскаго морей было приписано 228 русскихъ пароходовъ; изъ нихъ на долю „русскаго общества пароходства и торговли“ приходилось всего 70 пароходовъ, или только 30%, общаго числа.

Такимъ образомъ, болѣе $\frac{2}{3}$ всего наличнаго парового флота на югѣ создано *помимо* всякихъ государственныхъ субсидій. Причемъ же тутъ казенныя пособія и всѣ разговоры о невозможности развитія пароходства безъ подобной помощи? Возможно ли, сохраняя хоть тѣнь безпристрастія, восхвалять при такихъ условіяхъ „русское общество пароходства и торговли“ за созданіе нашего торговаго флота, возвышать, какъ это дѣлается теперь, о каждомъ новомъ пароходѣ, приобретаемомъ обществомъ, какъ о какой-то заслугѣ передъ Россіей? Правда, „русское общество пароходства и торговли“ за 30 лѣтъ увеличило число всѣхъ своихъ пароходовъ съ 17 до 80, т.-е. почти въ пять разъ, но и общая численность всего парового флота возросла въ этомъ бассейнѣ за тотъ же періодъ болѣе чѣмъ въ десять разъ. За одно послѣднее десятилѣтіе, съ 1876 г. по 1886 г., число пароходовъ на Черномъ морѣ возросло на 61%, а число судовъ „русскаго общества пароходства и торговли“ увеличилось всего на 7, 6%. Увеличеніе слишкомъ медленное, вовсе не соответствующее обширнымъ средствамъ общества.

Также мало можно говорить о заслугахъ общества въ оживленіи торговли южной Россіи, по крайней мѣрѣ за послѣднія 20 лѣтъ. Значительное возрастаніе числа пароходовъ остальныхъ владѣльцевъ, кромѣ „русскаго общества пароходства и торговли“, достаточно указываетъ, что это оживленіе шло естественнымъ путемъ, въ силу экономическаго роста нашихъ окраинъ, независимо отъ какихъ бы то ни было усилій названнаго общества. О размѣрахъ этого возрастанія говорятъ цифры оборотовъ движенія паровыхъ судовъ по нашимъ южнымъ портамъ. Однимъ изъ поводовъ выдачи субсидіи обществу пароходства и торговли выставилась его задача развивать перевозку товаровъ въ заграничныя порты на русскихъ судахъ. Между тѣмъ въ заграничномъ плаваніи обороты русскаго пароходства за послѣднее десятилѣтіе сократились, и значительная часть нашего экспорта производится на иностранныхъ судахъ. Такимъ образомъ въ важнѣйшей части своей задачи „русское общество пароходства и торговли“ вовсе и не проявляло должной энергіи. Оно и понятно, такъ какъ щедрыя субсидіи, создавая высокіе дивиденды, въ такой же мѣрѣ усыпляютъ и предпримчивость, а борьба съ иностранной конкуренціей требовала полнаго напряженія силъ. Что „русское общество па-

роходства и торговли“ не обнаружило особенной энергии даже въ развитіи внутренней торговли, доказывается примѣрами, какъ многія линіи, брошенныя обществомъ вслѣдствіе отказа въ выдачѣ на нихъ казенной субсидіи, превсправно потомъ эксплуатировались несубсидируемыми предпріятіями. Какъ на примѣръ, укажемъ на темрюжскую линію въ Азовскомъ морѣ, содержимую теперь обществомъ пароходства по Дону, Азовскому и Черному морямъ, послѣ того, какъ „русское общество“ ее закрыло. Другимъ примѣромъ можетъ служить недавно возникшее черноморско-дунайское пароходство. Богатое „русское общество пароходства и торговли“ отказалось открыть эти линіи безъ ежегодной субсидіи въ 70 т. руб., а новое, специально учрежденное для этой цѣли предпріятіе нашло выгоднымъ содержать ихъ за 50 т. руб. въ годъ. Такихъ примѣровъ можно привести много, какъ много ихъ приводилось также для доказательства монопольнаго характера дѣятельности общества, которое не терпитъ и по возможности проваливаетъ разными средствами вновь возникающія пароходныя предпріятія каботажнаго плаванія, а средствъ этихъ у общества весьма достаточно. Владѣя собственными верфями, пристанями и пр., понижая фрахтъ, оно всегда можетъ стѣснить дѣятельность своего конкурента и отбивать у него всякую охоту содержать пароходное сообщеніе на одиѣхъ линіяхъ съ обществомъ.

Каковы бы ни были отрицательные результаты общей дѣятельности общества, какъ бы ни старались его защитники затушевать ихъ и превознести прежнія заслуги этого общества, въ интересующемъ насъ теперь вопросѣ о продолженіи субсидіи большое значеніе имѣютъ другія соображенія. Положимъ, что казенныя субсидіи были необходимы при учрежденіи общества, что безъ нихъ не могло создаться самое крупное въ Россіи пароходное предпріятіе. Но тогда были иныя условія, а теперь все измѣнилось. На Черномъ морѣ созданъ цѣлый торговый флотъ, учреждается и военный; существуетъ и богатѣетъ и само „русское общество пароходства и торговли“. Возможно еще съ разными натяжками поднимать вопросъ о казенной помощи новому предпріятію, бѣдному средствами, не обладающему опытомъ и т. п. Но развѣ „русское общество пароходства и торговли“ бѣдно?

Въ 1-му января 1886 г. общество имѣло, кромѣ 11 милл. руб. основного и страхового капитала, одного запаснаго капитала около 8 милл. руб. Стоимость его подвижнаго состава, за всѣми погашеніями, простиралась до 7.229.071 руб.; въ обществѣ числилось недвижимаго имущества, въ видѣ пристаней, магазиновъ, заводовъ, эллинга и пр.—всего на сумму 2.901.000 руб.; минеральнаго топлива въ складахъ состояло на 576.347 руб.; матеріаловъ и припасовъ —

на 259 т. руб.; стоимость антрацитового рудника достигала къ 1-му январю 1886 г. до 1.037.686 руб. По дебету въ балансѣ общества числилось на текущихъ счетахъ 428 т. руб. и въ % бумагахъ — 4.159.928 руб. Эти данныя свидѣлствуютъ о томъ, насколько хорошо обставлено разсматриваемое нами предпріятіе. За послѣднія 10 лѣтъ ¹⁾ общество получило болѣе 17 милл. руб. чистой прибыли, или болѣе 25% всего валового дохода. За десятилѣтіе съ 1866 г. по 1876 г. было выдано въ дивидендъ 11.599 т. руб.; съ 1876 г. по 1-е января 1886 г. — 12.115 т. руб. Въ среднемъ выводѣ за 10 лѣтъ общество выдавало ежегодно по 59 руб. 34 коп. на каждую акцію; но были годы, напр. 1878 г., когда оно выдало 114 руб. на каждую акцію, въ 1879 г. — по 83 руб., и т. д. Принимая, какъ было уже указано выше, первоначальную стоимость акціи въ 150 руб., старые акціонеры получали ежегодно въ среднемъ около 40% на внесенный капиталъ; доходность чрезвычайно высокая, если не сказать болѣе. Въ 1885 г. было выдано въ дивидендъ болѣе 11%, даже если считать весь основной капиталъ въ 10 милл. руб. За десять навигаціонныхъ мѣсяцевъ 1886 г. „русское общество пароходства и торговли“ перевыручило противъ того же періода 1885 г. на 330 т. р. болѣе. Вообще финансовое положеніе этого общества болѣе чѣмъ блестящее, о чемъ краснорѣчиво свидѣлствуютъ всѣ эти цифры. Между тѣмъ находятся спеціальныя органы, въ которыхъ доходность общества высчитывается въ 500 т. руб., когда помещенный чрезъ нѣсколько десятковъ страницъ балансъ общества показываетъ, что въ 1885 г. было выдано 1.101 т. руб. дивиденда, т.-е. почти вдвое противъ вычисляемой доходности. Цифры отчетовъ самого общества трудно опровергнуть. А разъ общество владѣетъ столькими капиталами и имуществомъ, не будетъ ли совершенно напрасной тратой казенныхъ денегъ дальнѣйшая выдача ему поименованной платы? Эта выдача имѣла бы хоть тѣнь основанія, если бы общество было бѣдно и несло убытки, но вѣдь этого нѣтъ! Нѣкоторые, впрочемъ, ссылаются на бездоходность субсидируемыхъ линій. Надо замѣтить при этомъ, что всѣ содержимыя обществомъ линіи раздѣляются на субсидируемыя, за которыя производится выдача поименованной платы, и несубсидируемыя. Къ числу первыхъ относятся всѣ заграничныя линіи и внутреннія—кавказская—линія отъ Керчи до Батума. Какія же изъ этихъ линій убыточны, какъ велики доходы по этимъ линіямъ, — общество не показываетъ. Оно приводитъ, съ 1874 г., въ своихъ отчетахъ лишь огульныя цифры сборовъ и

¹⁾ Эти цифры о финансовомъ положеніи дѣлъ „русскаго общества пароходства и торговли“ мы заимствуемъ изъ официального „Вѣстника финансовъ, промышленности и торговли“, № 48 за 1886 г.

расходовъ по всѣмъ линіямъ. Эта излишняя краткость отчетовъ, своеобразная манера ихъ составленія, могутъ быть объяснены простымъ неудобствомъ для общества показывать точныя цифры доходовъ по отдѣльнымъ линіямъ. Иначе, при отсутствіи подобной таинственности, тотчасъ же выяснилась бы передъ всѣми дѣйствительная доходность субсидируемыхъ линій или чрезмѣрная эксплуатація обществомъ внутреннихъ линій каботажнаго плаванія. Между тѣмъ теперь, при отсутствіи такихъ свѣдѣній, защитникамъ общества легко дѣлать голословныя намеки на убыточность заграничныхъ линій, и тѣмъ самымъ убѣдить того, кто колеблется. Быть можетъ, нѣкоторыя линіи и давали когда-нибудь убытокъ, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что обществу необходимо теперь давать субсидію. Предпріятіе вѣдь ведется сообща по всѣмъ линіямъ, и высокій размѣръ дивидендовъ указываетъ, что гипотетическіе убытки на однихъ линіяхъ съ избыткомъ покрываются большими доходами по другимъ. Въ общемъ итогѣ, такимъ образомъ, получаются самыя удовлетворительныя результаты. Ссылки на количество перевезенныхъ грузовъ и пассажировъ по разнымъ линіямъ также не имѣютъ значенія въ данномъ случаѣ, такъ какъ тысячи пудовъ груза, перевезеннаго изъ Херсона въ Одессу или изъ Одессы въ Китай, имѣютъ далеко не одинаковое значеніе для общества въ отношеніи доходности. Словомъ, всѣ приведенныя данныя, подтверждая вполнѣ блестящее положеніе финансовъ общества, вмѣстѣ съ тѣмъ не даютъ никакихъ основаній для продолженія выдачи ему казенной субсидіи. Между прочимъ, среди аргументовъ въ пользу субсидіи, проскальзываютъ угрозы, что, въ случаѣ отказа въ дальнѣйшей выдачѣ помиліонной платы, общество ликвидируетъ свои дѣла и закроетъ сообщенія на заграничныхъ, субсидируемыхъ теперь, линіяхъ. Быть можетъ, и существуетъ нѣкоторое стремленіе къ ликвидаціи, такъ какъ акціонеры при этомъ получаютъ чуть ли не въ шесть разъ болѣе сдѣланныхъ ими взносовъ.

Но общая доходность предпріятія такъ велика, что акціонерамъ не легко будетъ помѣстить освободившіеся капиталы въ другое столь же доходное предпріятіе. Эти фиктивные угрозы ликвидаціей характерны въ другомъ отношеніи и указываютъ, какъ могутъ щедро и нерасчетливо тратиться иногда государственныя средства въ интересахъ отдѣльныхъ предпріятій. Казна создала на свои средства громадное предпріятіе и отдала его, безъ всякихъ контрактовъ или оговорокъ, въ полное распоряженіе акціонеровъ, вложившихъ сравнительно ничтожныя капиталы въ это дѣло. Вотъ и является теперь угроза правительству, что „если не будутъ выданы дальнѣйшія пособія, то мы закроемъ свои линіи“. Но всѣ эти угрозы носятъ слишкомъ уже явный дипломатическій характеръ, чтобы разбирать ихъ по суще-

ству. Сообщенія по выгоднымъ линіямъ не могутъ прекратиться, и если ихъ закроетъ „русское общество п. и т.“, то откроютъ другіе предприниматели.

Въ доказательствахъ необходимости выдачи казенныхъ пособій „русскому обществу п. и т.“ не могутъ имѣть мѣста и ссылки на субсидію добровольному флоту, такъ какъ между этими двумя предпріятіями существуетъ коренное различіе. Добровольный флотъ—не акціонерное предпріятіе, и всѣ расходы на него казны являются простыми оборотными расходами, а всѣ доходы отъ него остаются въ казѣ.

Иное дѣло—„русское общество п. и т.“, гдѣ всѣ казенныя пособія идутъ непосредственно въ дивидендъ акціонерамъ.

Резюмируя все сказанное, легко можно видѣть, что продолженіе выдачи субсидіи „русскому обществу п. и т.“ вовсе не оправдывается никакими серьезными доводами и явится напрасной тратой казенныхъ денегъ. Между тѣмъ такая трата не можетъ быть допущена, безъ нарушенія самыхъ элементарныхъ требованій государственной экономіи, при настоящемъ затруднительномъ положеніи нашихъ финансовъ. Отказъ въ выдачѣ субсидіи вовсе не означаетъ отказа правительства отъ всякихъ мѣръ дѣйствительной помощи *всему* русскому торговому флоту. Для развитія его нужны общія мѣры улучшенія всѣхъ условій плаванія нашихъ судовъ, и эти мѣры давно уже указываются различными изслѣдователями. Исторія и образъ дѣйствія „русскаго общества п. и т.“ служатъ живымъ примѣромъ, что образованіе на казенныя средства богатыхъ монопольныхъ предпріятій имѣетъ весьма малое отношеніе къ заботамъ о развитіи всего русскаго торговаго флота. Если у насъ тратились сотни миліоновъ рублей на сомнительныя желѣзно-дорожныя и иныя предпріятія, то это, конечно, не должно служить прецедентомъ для оправданія бесполезной траты еще нѣсколькихъ новыхъ миліоновъ, которыхъ почти не откуда взять и которые нужны для удовлетворенія другихъ, болѣе насущныхъ потребностей государства...

С. Щ.—евѣ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 мая 1887 г.

Ожидаемое повышение пошлины на заграничные паспорта; экономическое и общественное значеніе этой мѣры. — Проектируемыя ремесленные и низшія техническія училища. — Необходимость законодательнаго регулированія земельных товариществъ, созданныхъ уставомъ крестьянскаго поземельнаго банка. — Нѣсколько словъ по поводу толковъ и слуховъ въ печати о фабричной инспекціи и о земскихъ начальникахъ.

Четыре года тому назадъ въ нашемъ финансовомъ вѣдомствѣ возникла было мысль о значительномъ повышеніи пошлины на заграничные паспорта. Встрѣченная рукоплесканіями нѣкоторыхъ органовъ прессы, она осталась, однако, безъ всякихъ практическихъ результатовъ. Отказалось ли отъ нея, по собственному почину, финансовое управленіе, или она встрѣтила противодѣйствіе въ высшихъ законодательныхъ сферахъ—этого мы навѣрное не знаемъ; вѣроятнѣе первое, потому что она шла въ разрѣзъ съ общимъ характеромъ тогдашней финансовой политики. Теперь она опять выступила на сцену, въ формѣ гораздо болѣе крупной и рѣзкой. Въ 1883 г. предполагалось взимать съ cadaго лица по одиннадцати рублей *кредитныхъ* за каждый мѣсяцъ пребыванія за границей, какъ бы долго оно ни продолжалось; теперь пошлина проектируется въ размѣрѣ десяти рублей *металлическихъ* за каждый изъ трехъ первыхъ мѣсяцевъ, а затѣмъ она постепенно растеть, останавливаясь, по окончаніи перваго года, на тридцати рублѣхъ металлическихъ въ мѣсяцъ. Другими словами, по проекту 1883 г., трехмѣсячное пребываніе одного лица за границей оплачивалось бы тридцатью-тремя, шестимѣсячное—шестидесятью-шестью, годовое—ста тридцатью-двумя, двухъ годовое—двумястами шестидесятью-четырьмя кредитными рублями ¹⁾; теперь соот-

¹⁾ Судя по слухамъ, за вѣрность которыхъ поручиться нельзя, дѣло ограничится возвращеніемъ къ этому проекту прежняго министерства финансовъ, и будетъ взиматься по 12 руб. кредитн. съ лица за каждый мѣсяцъ пребыванія за границей.

вѣтствующія цифры составляютъ (если даже считать металлическій рубль равнымъ только 1 руб. 60 коп. кред.) сорокъ-восемь, сто двадцать, триста тридцать-шесть и девятьсотъ двѣнадцать рублей. Отсюда уже весьма недалеко до пошлины начала пятидесятихъ годовъ, составлявшей 500 рублей въ годъ—до этой знаменитой пошлины, въ воскрешеніе которой еще недавно никто не захотѣлъ бы вѣрить, но при которой, однако, рубль равнялся четыремъ франкамъ. Вмѣстѣ съ цифрой *триста*, какъ максимальнымъ числомъ студентовъ въ каждомъ университетѣ, та цифра служила отличительнымъ признакомъ эпохи, которую всѣ считали безвозвратно минувшей и похороненной. Теперь, быть можетъ, придется сказать: *les morts reviennent*—и приготовиться къ цѣлому ряду аналогичныхъ политическихъ раскопокъ.

Чтобы вполне понять значеніе подобной мѣры, необходимо имѣть въ виду, что взиманіе пошлины съ *паспорта* предполагается замѣнить взиманіемъ пошлины съ *лица*. Какъ бы велика ни была семья, отправляющаяся за границу, пошлина будетъ взыскиваться съ каждаго ея члена, за исключеніемъ только дѣтей, не достигшихъ десятилѣтняго возраста (и то если они ѣдутъ съ родителями, а не съ посторонними лицами). Семья, состоящей изъ мужа, жены и трехъ дѣтей въ возрастѣ отъ 10 до 15 лѣтъ, придется, такимъ образомъ, заплатить за три мѣсяца 240, за полгода—600, за годъ—1.680, за два года—4.560 рублей. Не ясно ли, что для громаднаго большинства семей, сколько-нибудь многочисленныхъ, введеніе пошлины въ проектируемыхъ размѣрахъ будетъ равносильно совершенному запрещенію поѣздокъ за границу, на болѣе или менѣе продолжительное время? „Въ древнемъ Римѣ“,—писали мы въ 1883 г., когда въ первый разъ стали распространяться слухи о повышеніи паспортныхъ пошлинъ,—„существовало такъ-называемое *jus trium liberorum*, т. е. совокупность привилегій для отца, имѣющаго по меньшей мѣрѣ трехъ дѣтей. У насъ въ Россіи нѣтъ надобности въ подобныхъ привилегіяхъ; но это еще не значитъ, чтобы можно было вдаваться въ противоположную крайность и облагать семью налогомъ, растущимъ прямо пропорціонально числу ея членовъ... Обложеніе паспортной пошлиной каждаго члена семьи было бы, до извѣстной степени, понятно, еслибы взятіе дѣтей за границу было, со стороны ѣдущихъ туда родителей, капризомъ, роскошью; но можно ли считать капризомъ желаніе отца или матери не разставаться съ семьей?“ Прибавимъ къ этому, что разлука родителей съ дѣтьми, особенно тяжелая для первыхъ, особенно опасна для послѣднихъ именно тогда, когда дѣти вступили въ такъ-называемый переходный возрастъ. На попеченіи постороннихъ лицъ легче оставить ребенка, нуждающагося только въ физи-

ческомъ уходѣ, чѣмъ подростковъ, требующихъ постояннаго наблюденія и руководства. Небогатымъ семейнымъ людямъ, при дѣйствіи новаго закона, безпрестанно придется сталкиваться съ слѣдующей дилеммой: или отказаться отъ поѣздки за границу, необходимой для окончанія работы, для поддержанія здоровья, можетъ быть, для продолженія жизни,—или предпринять ее безъ семьи, создавая для себя источникъ самыхъ мучительныхъ безпокойствъ, подвергая дѣтей риску нравственной порчи. Если вѣрить газетамъ, составители законопроекта рассуждали такимъ образомъ: „уже одинъ фактъ отпавленія дѣтей за границу вмѣстѣ съ родителями или другими близкими родственниками указываетъ на то, что родители въ состояніи дѣлать затраты по заграничнымъ поѣздкамъ не только на себя самихъ, но еще и на дѣтей“. Затраты вынужденныя, до крайности тяжелыя, можетъ быть, разорительныя, смѣшиваются здѣсь съ затратами произвольными, свидѣтельствующими объ избыткѣ свободныхъ средствъ или „бѣшеныхъ денегъ“. Ваять или не ваять съ собою дѣтей—это такой вопросъ, для котораго часто нѣтъ и не можетъ быть двухъ рѣшеній; не на кого оставить дѣтей въ Россіи—по-деволѣ повеземъ ихъ съ собою за границу, если только есть какая-нибудь къ тому возможность. Само собою разумѣется, что во многихъ случаяхъ такой возможности на-лицо не окажется, и несправедливо-высокій налогъ отзовется разединеніемъ семьи, серьезнымъ, иногда непоправимымъ разстройствомъ семейныхъ отношеній... И въ литературѣ, и въ законодательствахъ все больше и больше получаетъ право гражданства мысль, что семейное положеніе плательщика должно вліять на размѣръ подоходнаго налога, что при равномъ доходѣ меньше долженъ платить тотъ, у кого больше дѣтей. Проектируемая пошлина на заграничные паспорта идетъ прямо въ разрѣзъ съ этимъ началомъ, въ высшей степени разумнымъ и гуманнымъ.

Защитники разбираемой нами мѣры, въ особенности если они считаютъ нужнымъ прикрываться маской лже-народничества, оправдываютъ ее преимущественно тѣмъ, что она касается только людей достаточныхъ и составляетъ, собственно говоря, одинъ изъ видовъ пошлины на роскошь. Ее называютъ налогомъ на „праздноштаніе“, на „журство“; противниковъ ея обвиняютъ въ лицемеріи, въ пренебреженіи къ интересамъ массы, не помышляющей о поѣздкѣ за границу. Посмотримъ, прежде всего, что причисляется обыкновенно къ разряду такъ-называемыхъ „сумпуарныхъ“ пошлинъ, т.-е. пошлинъ на предметы роскоши. Леруа-Болье, напримѣръ, относитъ сюда налоги на собственныхъ (т.-е. не извозчичьихъ) лошадей и на собственные экипажи, на собакъ, на охоту (т.-е. на позволеніе охотиться), на игральныя карты, на билліарды, на клубы, на золотыя и серебря-

ныя вещи, на гербы (изображаемые на экипажахъ), на мужскую прислугу ¹⁾. Общая черта этихъ налоговъ заключается въ томъ, что они упадаютъ на предметы, безъ которыхъ легко обойтись, которые служатъ только къ доставленію комфорта, къ удовлетворенію тщеславія или къ увеличенію суммы удовольствій; пользованіе всѣми обложенными предметами,—за исключеніемъ развѣ игральныя карты, для обложенія которыхъ имѣются другія основанія,—указываетъ, притомъ, на значительную степень достатка пользующихся лицъ. При такихъ условіяхъ обложеніе удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ справедливости и здраваго смысла; то же самое слѣдуетъ сказать и о его ростѣ. Весьма естественно, что владѣлецъ нѣсколькихъ лошадей и экипажей или наниматель нѣсколькихъ лакеевъ платитъ больше, чѣмъ владѣлецъ одной лошади и одного экипажа, наниматель одного лакея; весьма естественно, что для каждаго отдѣльнаго покупателя игральныя карты сумма уплачиваемой пошлины растетъ пропорціонально числу купленныхъ колодъ. Къ высокой пошлинѣ на заграничныя паспорта непримѣнимъ ни одинъ изъ признаковъ налога на предметъ роскоши. За границу ѣздятъ десятки—если не сотни—тысячъ людей, никогда даже не мечтавшихъ ни о мужской прислугѣ, ни о собственныхъ лошадяхъ и экипажахъ—десятки тысячъ людей съ самыми скромными средствами, отказывающихъ себѣ, во многомъ, лишь бы только отъ времени до времени или хоть разъ въ жизни побывать за границей. Почему? Потому что только за границей они могутъ найти то, что имъ нужно. Одному необходимо провести нѣсколько мѣсяцевъ въ тепломъ климатѣ, окруживъ себя такими удобствами, которыя у насъ въ Крыму или на Кавказѣ совершенно немислимы или доступны только для людей богатыхъ; другого притягиваютъ такіе центры умственной жизни, какъ нѣмецкіе университеты, третьяго—такія хранилища искусствъ, какъ Флоренція или Римъ, четвертаго—такіе очаги промышленной и торговой дѣятельности, какъ Лондонъ, Манчестеръ или Ливерпуль. Если поѣздка, предпринятая съ одною изъ этихъ цѣлей, можетъ считаться роскошью, то подѣ понятіе о роскоши слѣдовало бы подвести и подписку на журналы и газеты, и приобрѣтеніе книгъ, нотъ, гравюръ, рисунковъ. Масса народа, особенно у насъ, не читаетъ вовсе или читаетъ очень мало,—однако самые рылые газетные проповѣдники лже-народничества не предла-

¹⁾ Во Франціи всѣ эти пошлины (кромя двухъ послѣднихъ, незнакомыхъ французскому законодательству) доставляли государству и общинамъ, въ концѣ семидесятихъ годовъ, около 35 милліоновъ франковъ (болѣе 14 милліоновъ рублей). Въ Англіи одинъ налогъ на экипажи составлялъ, въ 1876 г., болѣе полу милліона фунт. стерл. (около пяти милліоновъ рублей), налогъ на мужскую прислугу (по 15 шиллинговъ съ лица)—болѣе 150 тысячъ фунт. стерл. (около 1½ милліона рублей).

газетъ обложитъ высокою пошленною газетъ и все выходящее изъ-подъ типографскаго прессы, за исключеніемъ богослужебныхъ книгъ, душе-спасительныхъ, къ которымъ слѣдуетъ одобренныхъ брошюръ, губернскихъ и епархіальныхъ вѣдомостей и „Сельскаго Вѣстника“. Найдутся, быть можетъ, газеты, готовые рекомендовать и такое обложеніе—но пока-мѣстъ имъ до этого еще не дожили, и призывъ къ логикѣ не потерялъ еще своей силы. Если поѣздка за границу предпринимается, силою и рядомъ, подъ вліяніемъ побужденій самыхъ пустыхъ или даже непохвальныхъ, то вѣдь и книги или произведенія искусства не всегда же покупаются для пріобрѣтенія новыхъ знаній, для развитія эстетическаго чувства; и въ нихъ многіе ищутъ только способа развлечься, убить время, польстить испорченному вкусу. Никто не видитъ въ этомъ аргумента въ пользу высокога обложенія гравюръ или книгъ; на какомъ же основаніи фланерство однихъ ставится въ вину всѣмъ, разъ что рѣчь заходитъ о поѣздкахъ за границу? Фланеры не всегда отправляются на Западъ, многіе изъ нихъ ѣдутъ съ пустыми цѣлями въ Москву, на нижегородскую ярмарку, внизъ по Волгѣ, на югъ Россіи; значить ли это, что въ лѣтніе мѣсяцы слѣдуетъ повсѣмъ плату за проѣздъ въ первомъ и второмъ классѣ пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ?.. Не ясно ли, притомъ, что всю тяжесть высокой паспортной пошрины чувствуютъ именно тѣ, которые ѣдутъ или хотятъ ѣхать за границу съ небольшими средствами, но необходимости или съ серьезною цѣлью? Фланерство, „праздношатаіе“, „жуирство“ доступно только для людей богатыхъ или очень достаточныхъ; оно предполагаетъ возможность сыпать деньгами, тратить ихъ, не стѣсняясь и не считая. У кого есть такая возможность, тотъ не остановится передъ уплатой нѣсколькихъ лишнихъ десятковъ или сотенъ рублей—не остановится тѣмъ болѣе, что праздношатаіе происходитъ, болѣею частью, въ одиночку или парами; фланерирующихъ или жуирующихъ семействъ едва ли найдется много. Отѣажутся отъ поѣздки—или сократятъ, къ явному вреду для себя, ея продолжительность—только тѣ, для которыхъ она меньше всего была бы предметомъ роскоши. Всякому изъ насъ извѣстно, безъ сомнѣнія, множество случаевъ, въ которыхъ поѣздка за границу, обогатившая путешественника на всю жизнь финансовыми или умственными силами, была предпринята съ величайшимъ трудомъ, на послѣднія крохи—и не была бы предпринята вовсе, если бы ко всѣмъ расходамъ, съ нею сопряженнымъ, присоединилась еще высокая, прогрессивно растущая паспортная пошлина.

До какого циническаго легкомыслія доходятъ газетные защитники проекта, отстаивая его *per fas et nefas*, объ этомъ можно судить по слѣдующему примѣру. „Отговорка, что за границею лучше устроена

жизнь,—говорить одна петербургская газета, — не имѣетъ смысла, потому что тамъ оттого все лучше и устроено, что прїѣзжаетъ много публики. Давно ли Франценсбадъ былъ грязной дырой, а въ двадцать лѣтъ, на-половину на русскія деньги, онъ отлично обстроился. Дали бы тѣ же средства Липецку или Желѣзноводску — и они завели бы тѣ же удобства¹⁾. Прогрѣваніе главныхъ заграничныхъ курортовъ началось давно, гораздо раньше наплыва русскихъ туристов; Карлсбадъ, Теплицъ, Спа, Пирмонтъ уже въ прошломъ столѣтіи или въ началѣ нынѣшняго были, *toutes proportions gardées*, тѣмъ же самымъ, чѣмъ мы видимъ ихъ теперь—да и Франценсбадъ, нѣсколько отъ нихъ отставшій, представлялъ, двадцать лѣтъ тому назадъ¹⁾, рѣшительно всѣ удобства, *необходимыя* для больного. Это объясняется очень просто: между большими и маленькими заграничными городами никогда не было того колоссальнаго различія житейскихъ условий, какое существуетъ до сихъ поръ у насъ въ Россіи. Чистое помѣщеніе и здоровую пищу гораздо легче найти въ нѣмецкомъ деревенскомъ трактирѣ, чѣмъ въ нашихъ уѣздныхъ, а иногда и губернскихъ гостинницахъ. Отъ деревни, конечно, никогда не отставали курорты, даже самые скромные. Прїѣзжая туда, больные всегда встрѣчали обстановку, не слишкомъ рѣзко расходившуюся съ ихъ привычками и во всякомъ случаѣ совмѣстную съ успѣхомъ леченія: Отсюда постоянное возрастаніе числа прїѣзжихъ, а параллельно съ нимъ—обогащеніе курортовъ, выражающееся въ лучшемъ устройствѣ домовъ, прогулокъ, лечебныхъ приспособленій, въ разнообразіи и утонченности развлеченій, предлагаемыхъ публикѣ. Въ исторіи нѣмецкихъ курортовъ едва ли можно отыскать такой моментъ, когда настоящее было бы принесено въ жертву будущему — другими словами, когда одному поколѣнію больныхъ приходилось бы претерпѣвать всевозможныя лишенія, чтобы обезпечить за слѣдующимъ всевозможныя удобства. А между тѣмъ въ чему-то въ этомъ родѣ приглашаютъ теперь нашихъ больныхъ. Имъ говорятъ: помѣщайтесь въ сырыхъ домахъ, пронизываемыхъ сквознымъ вѣтромъ, питайтесь гнилыми продуктами, садитесь въ грязныя ванны, глотайте пыль на гуляньяхъ, разстраивайте здоровье, для востановленія котораго вы прїѣхали издалека — и утѣшайтесь тѣмъ, что на деньги, брошенныя вами понапрасну, устроятся образцовые курорты, которыми будутъ пользоваться... ваши потомки. Нѣтъ, такого самоотверженія нельзя ожидать и отъ здоровыхъ людей — тѣмъ менѣе отъ больныхъ. Еслибы наши русскіе курорты удовлетворяли хотя бы самымъ умѣреннымъ требованіямъ, достаточной приманкой для боль-

¹⁾ Писувшій эти строки былъ въ Франценсбадѣ какъ разъ въ 1867 г.

ныхъ они были бы уже давно вслѣдствіе страшнаго паденія нашего курса. Большинство предпочитаетъ до сихъ поръ Франценсбадъ — Жалъзноводску или Киссингентъ—Эссентукамъ не потому, что тамъ веселѣе живетъ, а потому, что здѣсь нѣтъ на-лицо самыхъ элементарныхъ условій для правильнаго леченія... Скажемъ болѣе: будущіе невольные посѣтители русскихъ минеральныхъ водъ не имѣли бы и того утѣшенія, которое имъ сулитъ вышеупомянутая газета: они не имѣли бы увѣренности, что въ близкомъ будущемъ все переимѣнится къ лучшему. Если уже теперь наши курорты такъ мало заботятся о соперничествѣ съ иностранными, то что же будетъ тогда, когда имъ дадутъ искусственную охрану отъ этого соперничества? Не повторится ли здѣсь исторія многихъ русскихъ фабричныхъ производствъ, мирно спавшихъ и спящихъ подъ покровомъ протекціоннаго тарифа?

Если высокая пошлина на иностранные паспорта не можетъ быть разсматриваема какъ налогъ на роскошь, то она теряетъ всякое право на существованіе. Фискальное ея значеніе совершенно ничтожно; доставить съ небольшимъ милліонъ рублей она можетъ только въ такомъ случаѣ, если почти не уменьшится число ѣдущихъ за границу—а этого, очевидно, ожидать нельзя. „Не лучше ли было бы“—говорили мы уже въ 1883 г., возражая противъ тогдашняго проекта обложенія иностранныхъ паспортовъ — „вмѣсто полумѣръ, бесполезныхъ въ финансовомъ отношеніи и вредныхъ во всѣхъ другихъ, приступить, наконецъ, къ радикальной перестройкѣ всей финансовой системы, установить прогрессивный подоходный налогъ и облегчить такимъ образомъ массу, распредѣливъ податное бремя не по случайнымъ, обманчивымъ признакамъ, а по мѣрѣ дѣйствительной состоятельности плательщиковъ?“ То же самое мы можемъ повторить и теперь, добавивъ только, во избѣжаніе недоразумѣній, что вмѣстѣ съ прогрессивнымъ подоходнымъ налогомъ могли бы быть введены и всѣ возможные налоги на предметы роскоши,—роскоши, конечно, реальной, а не мнимой. Такъ смотреть на дѣло и многіе другіе противники проектируемой пошлины. Имъ, какъ и намъ, не зачѣмъ, поэтому, опасаться упрека въ игнорированіи народныхъ интересовъ, въ охраненіи кармановъ привилегированнаго меньшинства. Возставать противъ высокой пошлины на иностранные паспорта—не значитъ еще стоять за возвращеніе къ рутиннымъ финансовымъ приемамъ, въ родѣ огульнаго возвышенія гербоваго сбора или удвоенія сбора съ низшихъ сортовъ табаку. Если министерство финансовъ дѣйствительно имѣетъ въ виду ту или другую изъ этихъ мѣръ, оно готовится впасть въ большую ошибку—но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы оно было право въ стремленіи обложить тяжелымъ налогомъ

всѣхъ ѣдущихъ за границу... Чрезвычайно характеристичнымъ для нашихъ лже-народниковъ кажется намъ слѣдующее обстоятельство: та самая газета, которая всего усерднѣе отстаиваетъ противъ „либераловъ“ высокую пошлину на заграничные паспорта, отнеслась весьма несочувственно къ недавнему докладу профессора Исаева въ „вольно-экономическомъ обществѣ“—докладу, выставившему на видъ необходимость скорѣйшаго введенія подоходнаго налога.

Способствовать поднятію нашего курса—уменьшеніемъ количества вывозимыхъ за-границу русскихъ бумажекъ — проектируемая пошлина, очевидно, не можетъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоить только спросить себя: когда же именно колебанія курса соотвѣтствовали увеличенію или уменьшенію числа лицъ, ѣдущихъ за границу? Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что такого момента исторія послѣднихъ тридцати лѣтъ не представляетъ. Въ концѣ пятидесятихъ годовъ, когда въ первый разъ были широко раскрыты двери за границу, курсъ нашъ стоялъ такъ высоко, что каждому предъявляющему заграничный паспортъ выдавалась, по желанію, извѣстная сумма золотой монетой. Всѣ дальнѣйшія пониженія и повышенія курса легко могутъ быть приурочены къ условіямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ болѣе или мѣнѣе модой на заграничные вояжи. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что сильное пониженіе курса всегда уменьшаетъ число ѣдущихъ за границу. Что же, замѣтно ли обратное вліяніе этого явленія, влечетъ ли оно за собою, черезъ нѣсколько времени, повышеніе курса? Отвѣчать утвердительно на этотъ вопросъ никто не рѣшится—а между тѣмъ указанное нами соотношеніе было бы неизбежно, еслибы цифра затратъ, сопряженныхъ съ поѣздками за границу, состояла въ прямой связи съ колебаніями нашей валюты. Не говоримъ уже о томъ, какъ незначительны подобныя затраты въ сравненіи съ суммами, уплачиваемыми Россіей за иностранные товары ¹⁾; не говоримъ и о другихъ, финансовыхъ и политическихъ причинахъ, которыми регулируется цѣнность нашего кредитнаго рубля. Достаточно замѣтить, что исторія рубля кредитнаго составляетъ, въ главныхъ чертахъ, повтореніе исторіи рубля ассигнаціоннаго — а вѣдь въ то время заграничная поѣздка выпадала на долю лишь весьма немногихъ „благополучныхъ россіянъ“. Не мѣшаетъ вспомнить и о томъ, что Италія, сѣверо-американскимъ штатамъ, отчасти и Австріи удалось поправить свой

¹⁾ Въ послѣднее время у насъ выдавалось ежегодно, среднимъ числомъ, около 27 тысячъ заграничныхъ паспортовъ. Считаю на каждый паспортъ среднюю цифру расхода въ тысячу рублей—что, безъ сомнѣнія, черезъ-чуръ много, — мы получаемъ сумму въ 27 милліоновъ рублей, между тѣмъ какъ стоимость иностранныхъ товаровъ, ввозимыхъ въ Россію, исчисляется сотнями милліоновъ.

курсъ безъ всякихъ стѣснительныхъ мѣръ по отношенію къ заграничнымъ поѣздкамъ... Въ пользу проекта приводится еще одинъ мотивъ: необходимость и справедливость привлеченія заграничныхъ путешественниковъ къ участию въ расходахъ по содержанію нашихъ дипломатическихъ агентовъ. Серьезный разборъ этого мотива кажется намъ совершенно излишнимъ; кому же не извѣстно, что изъ тысячи русскихъ, путешествующихъ за границей, обратиться съ просьбой къ русскому посольству или консульству случается развѣ одному? За услуги, оказываемыя консульствами, взимается притомъ, въ большинствѣ случаевъ, на мѣстѣ особая плата.

Тридцать-семь лѣтъ тому назадъ, когда откровенность была больше въ модѣ, нежели въ настоящее время, никто не старался оправдать высокую пошлину на заграничные паспорта соображеніями финансоваго или экономическаго свойства; она прямо являлась тѣмъ, чѣмъ была на самомъ дѣлѣ—т.-е. мѣрой чисто-политической. До извѣстной степени этотъ характеръ признается за нею даже теперь. Защитники ея не отрицаютъ, что она должна служить, между прочимъ, орудіемъ противъ „абсентеизма“, возводимаго, при семъ удобномъ случаѣ, на степень „одного изъ величайшихъ социальныхъ золъ“ (!). Необходимо, прежде всего, опредѣлить нѣсколько точнѣе значеніе этого „страшнаго слова“. Оно употребляется обыкновенно въ смыслѣ оставленія, навсегда или надолго, своего настоящаго поста—того поста, занятіе котораго составляетъ нравственную обязанность или призваніе данного лица. Нельзя, слѣдовательно, говорить объ абсентеизмѣ, когда идетъ рѣчь о *краткосрочныхъ* поѣздкахъ за границу. Никакое призваніе, никакая обязанность не требуетъ безсмѣннаго дежурства, *постояннаго* пребыванія въ предѣлахъ отечества; можно быть самымъ примѣрнымъ гражданиномъ, самымъ полезнымъ слугою государства, проводя, хотя бы даже ежегодно, нѣкоторое время за границей. Никто не назоветъ абсентеизмомъ и продолжительное пребываніе за границей, если оно составляетъ въ жизни человѣка эпизодъ единичный или повторяющійся весьма рѣдко, по прошествіи значительныхъ промежутковъ времени; центромъ дѣятельности, въ такихъ случаяхъ, остается Россія, по отношенію въ которой и самое житье за границей играетъ, сплошь и рядомъ, роль чисто служебную, т.-е. состоящую въ тѣсной связи съ обычными занятіями на родинѣ. Вопросъ объ абсентеизмѣ можетъ возникнуть только тогда, когда пребываніе за границей становится *правломъ*, пребываніе въ Россіи—исключеніемъ. Введенный въ эти предѣлы, онъ перестаетъ быть „страшнымъ“, какъ потому, что русскихъ, постоянно или почти постоянно живущихъ за границей, очень немного, такъ и потому, что между ними преобладаютъ люди преданныхъ

лѣтъ или слабаго здоровья, неспособные трудиться на общую пользу. Наберется, пожалуй, и небольшой контингентъ людей, не желающихъ работать—но почувствуютъ ли они это желаніе, если ихъ заставятъ возвратиться въ Россію? Много ли выиграетъ государство, если нѣсколько сотъ „праздношатающихся“ станутъ гранить не заграничныя, а русскія мостовныя?.. Безспорно вреднымъ представляется, въ нашихъ глазахъ, только тотъ абсентеизмъ, вслѣдствіе котораго пустоѣтъ наша провинція, оскудѣваетъ умственною силой наше земство—но въ борьбѣ съ *этимъ* абсентеизмомъ высокая пошлина на заграничныя паспорта окажется совершенно безсильной. Образованные землевладѣльцы, оставляющіе „деревню“, отираются, въ огромномъ большинствѣ, не за границу, а въ губернскіе города, въ Москву и Петербургъ, для пріисканія службы или иного „дѣла“. Помѣщиковъ, живущихъ исключительно на доходъ съ имѣнія, у насъ теперь уже немного; нужно думать о заработкѣ—а заработокъ за границей, какъ извѣстно, пріобрѣтается цѣною величайшихъ и рѣдко успѣшныхъ усилій.

Еслибы газетные защитники проекта захотѣли быть искренними, они не стали бы толковать объ „абсентеизмѣ“ и выставили бы другую формулу, менѣе замысловатую. „Незачѣмъ бѣгать по чужимъ краямъ—сказали бы они путешественникамъ *in spe*—сидите дома и бросьте *завиральныя идеи*, не приводящія къ добру. За границей нельзя научиться ничему путному; у насъ не въ примѣръ лучше, чѣмъ у басурмановъ—а если что и похуже, то незачѣмъ въ томъ убѣждаться“. Не высказываются такіе доводы, между прочимъ, потому, что они заключали бы въ себѣ самую сильную критику проекта. Мы вполне убѣждены, что при составленіи его не имѣлось въ виду ничего подобнаго—но не случайна, однако, возможность толкованія его въ смыслѣ до-петровскихъ тенденцій. Осуществленіе его было бы равносильно восстановленію китайской стѣны между Россіей и западною Европой. Конечно, въ этой стѣнѣ имѣлись бы ворота—но они отворялись бы только золотымъ ключомъ и оставались бы закрытыми именно передъ тѣмъ, кто всего больше нуждается въ провѣдѣ... „*Bleibe im Land und nähre dich redlich*“, гласитъ старинная нѣмецкая поговорка. Буквально она не соблюдалась даже въ тѣ времена, когда она возникла; странствованія изъ одной германской земли въ другую были общимъ правиломъ для нѣмецкой молодежи—и студенческой, и ремесленной—еще задолго до улучшенныхъ и удешевленныхъ способовъ передвиженія. Тѣмъ меньше примѣнимо первое правило поговорки теперь, когда все—и всѣ—въ Европѣ стало такъ близко одно къ другому; совершенно достаточно хранить вѣрность второму правилу—честно снискивать себѣ пропитаніе,—а для этого

сплюнь и рядомъ бываетъ нужно *на время* разстаться съ своей страной, познакомиться съ тѣмъ, что дѣлается за ея предѣлами. Больше тѣмъ для кого-либо эта необходимость существуетъ для насъ, русскихъ. Сколько бы шаговъ впередъ ни было сдѣлано нами со временъ Петра, не только пускавшаго, но и толкавшаго нашихъ предковъ за границу, Россія все еще во многомъ отстала отъ своихъ западныхъ сосѣдей. Вынужденное „Bleiben im Land“ приведетъ однихъ къ китайскому самоиѣнію, несовмѣстимому съ самоусовершенствованіемъ, другихъ—къ преувеличенной оцѣнкѣ всего чужого, процвѣтавшей у насъ именно тогда, когда заграничные порядки были извѣстны громадному большинству только по слухамъ.

Заклучимъ нашу замѣтку о проектируемой пошлѣнѣ словами Пушкина, выписываемыми нами изъ его дневника 1834 г. ¹⁾: „Говорять, будто бы на дняхъ выйдетъ указъ о томъ, что уничтожается право русскимъ подданнымъ пребывать въ чужихъ краяхъ. Жаль во всѣхъ отношеніяхъ, если слухъ сей оправдается... Вышелъ указъ о русскихъ подданныхъ, пребывающихъ въ чужихъ краяхъ... Но такъ какъ допускаются исключенія, то и будетъ одною изъ безчисленныхъ пустыхъ мѣръ, принимаемыхъ ежедневно къ досадѣ благомыслящихъ людей и во вреду правительства“...

Говоря, въ предыдущемъ обзорѣніи, о проектируемой учебной реформѣ, мы имѣли уже случай замѣтить, что она должна скорѣе увеличить, тѣмъ уменьшить наплывъ учениковъ въ гимназіи, а слѣдовательно и въ прогимназіи. Теперь главное назначеніе гимназій заключается въ приготовленіи къ университету; въ ближайшемъ будущемъ предполагается сдѣлать ихъ необходимымъ или почти необходимымъ преддверіемъ высшаго техническаго образованія. Понятно, что къ нимъ отхлынетъ тогда масса дѣтей, въ настоящее время поступающихъ въ реальныя училища; гимназическія скамьи, безъ того уже—по крайней мѣрѣ въ младшихъ классахъ—переполненныя учениками, должны переполниться ими еще больше. Все это не помѣшало газетнымъ реакціонерамъ пустить въ ходъ извѣстіе объ учрежденіи особой высшей комиссіи, на обязанность которой возложено, будто бы, пріисканіе мѣръ къ возможно большому сокращенію числа гимназій и прогимназій. Сенсационная вѣсть была сообщена въ самой утвердительной формѣ, не оставлявшей мѣста ни для какихъ сомнѣній. Тяжелое впечатлѣніе, ею произведенное, было, къ счастью, непродолжительно; чрезъ нѣсколько дней она была опровергнута офи-

¹⁾ Изданіе Литературнаго Фонда, т. V, стр. 206 и 207.

ціально, и мы упоминаемъ о ней только потому, что она характеризуетъ тенденціи, господствующія въ извѣстныхъ сферахъ. Выдуманную ими новость реакціонные вѣстовщики называли „радостною“, „благою“, возводили ее, въ связи съ моментомъ появленія выдумки, чуть не на степень пасхальнаго яичка. На самомъ дѣлѣ, она могла и должна была обрадовать только тѣхъ, кому давно уже хочется сдѣлать среднее (классическое) и высшее образованіе удѣломъ привилегированнаго меньшинства. Для этихъ господъ „нормальный порядокъ въ учебномъ мірѣ“ не водворенъ еще до сихъ поръ, не водворенъ даже превознесенными — ими же — до небесъ реформами 1871 и 1884 гг. (гимназическою и университетскою); онъ воцарится только тогда, когда въ опустѣвшихъ классахъ гимназій, въ опустѣвшихъ аудиторіяхъ высшихъ учебныхъ заведеній останутся одни лишь представители привилегій или туго набитаго кармана.

Сокращеніе числа гимназій и прогимназій связывалось реакціонными вѣстовщиками съ повсемѣстнымъ распространеніемъ профессиональных школъ. Было бы весьма прискорбно, еслибы нововведеніе, само по себѣ въ высшей степени желательное и полезное, было искусственно соединено съ такою ретроградной мѣрой, какъ тенденціозное уменьшеніе числа гимназій. Сколько намъ извѣстно, ни о чемъ подобномъ нѣтъ рѣчи ни въ проектѣ общаго нормальнаго плана промышленнаго образованія въ Россіи, ни въ представленіи, при которомъ внесены министерствомъ народнаго просвѣщенія въ Государственный Совѣтъ проекты уставовъ промышленныхъ и реальныхъ училищъ. Высшее учебное вѣдомство, очевидно, находило и находитъ, что развитіе профессиональных школъ вовсе не требуетъ стѣснительныхъ мѣръ по отношенію къ общеобразовательнымъ учебнымъ заведеніямъ; предусматривалась только возможность закрытія нѣкоторыхъ реальныхъ училищъ, въ связи съ измѣненіемъ ихъ назначенія и устройства. Эта точка зрѣнія кажется намъ единственною правильною; шагъ впередъ въ одномъ направленіи не долженъ быть покупаемъ цѣною регресса въ другомъ, не менѣе важномъ.

Въ прошедшій разъ мы упомянули только объ одной категоріи вновь проектируемыхъ профессиональныхъ училищъ—о среднихъ техническихъ училищахъ, доступъ въ которыя обусловливается знаніемъ курса реального училища. Другія двѣ категоріи — это училища ремесленные и низшія техническія. Вмѣстѣ съ средними и высшими техническими училищами, они соответствуютъ четыремъ ступенямъ промышленнаго образованія, намѣченнымъ въ „общемъ нормальномъ планѣ“. Ремесленные училища должны готовить *рабочихъ*, хорошо развитыхъ и ознакомившихся съ главными приемами производства; низшія техническія училища—*промышленно-торговыхъ дѣлѣ-*

лей и техникумъ, во главѣ не слишкомъ крупныхъ промышленныхъ учреждений; высшія техническія училища—*инженеровъ* (въ обширномъ смыслѣ слова), всесторонне изучившихъ свое дѣло и могущихъ не только вести его въ какихъ угодно размѣрахъ, но и вводить въ него всѣ усовершенствованія, требуемыя опытомъ и наукой. Въ главныхъ своихъ чертахъ эта схема кажется намъ совершенно правильною; она не претендуетъ, конечно, на точное, абсолютное разграниченіе областей, незамѣтно переходящихъ одна въ другую, но указываетъ пути, наиболѣе соотвѣтствующіе каждому роду промышленной дѣятельности. Ремесленные училища проектъ устава, какъ и нормальный планъ, приурочиваетъ къ низшей ступени общаго образованія, т.-е. открываетъ ихъ для всѣхъ окончившихъ курсъ въ начальной одноклассной школѣ (все равно—городской или сельской, земской, министерской или церковно-приходской) или имѣющихъ свидѣтельство о знаніи этого курса. Это вполне практично: требовать болѣешей подготовки—значило бы закрыть двери ремесленныхъ училищъ для громаднаго большинства крестьянскихъ мальчиковъ; требовать меньшаго—значило бы усложнить программу ремесленного училища или затруднить достиженіе преслѣдуемой имъ цѣли (не слѣдуетъ забывать, что въ составъ этой цѣли входитъ и общее развитіе учениковъ). Изъ общаго правила сдѣлано, однако, существенно важное исключеніе: поступать въ ремесленное училище могутъ и мальчики, не имѣющіе свидѣтельства о знаніи курса начальной школы, если они работали не менѣе двухъ лѣтъ въ промышленномъ учрежденіи и если, притомъ, они будутъ признаны вполне способными воспользоваться обученіемъ въ ремесленномъ училищѣ¹⁾. Доступъ къ ремесленному образованію открывается, такимъ образомъ, и для тѣхъ, кто не успѣлъ въ свое время пройти курсъ начальной школы—вслѣдствіе слишкомъ ранняго, напримѣръ, поступленія на фабрику или въ ученики къ ремесленнику.

Существенная разница между „нормальнымъ планомъ“ и предположеніями министерства, насколько они касаются ремесленныхъ училищъ, заключается въ томъ, что нормальный планъ имѣлъ въ виду доведеніе общаго образованія учениковъ до степени сельскаго

¹⁾ Такія же исключенія допущены проектомъ и по отношенію къ низшимъ и среднимъ техническимъ училищамъ; и сюда могутъ быть принимаемы лица, не обладающія всѣмъ требуемымъ запасомъ свѣдѣній, если только есть основаніе предполагать, что они въ состояніи справиться съ трудностями предстоящаго имъ курса. Другая черта, общая всѣмъ тремъ категоріямъ училищъ—это разрѣшеніе постороннимъ лицамъ, работающимъ на поприщѣ промышленности, раздѣлять занятія учениковъ по нѣкоторымъ отдѣльнымъ предметамъ обученія, если это возможно безъ вреда для нравственности учениковъ и для успѣшнаго хода дѣла.

двухкласснаго училища, а министерство довольствуется гораздо меньшимъ. Стремясь къ возможно-полному отдѣленію спеціальнаго образованія отъ общаго, оно относитъ къ послѣднему, въ курсѣ ремесленныхъ училищъ, только законъ Божій и русскій языкъ; ариметика, геометрія и начатки естествознанія приурочиваются къ спеціальному образованію, т.-е. непосредственно приспособляются къ его особымъ цѣлямъ, — а исторія и географія вовсе исключаются изъ программы. Замѣчательно, что при этомъ продолжительность курса ученія скорѣе увеличивается, чѣмъ уменьшается; по нормальному плану курсъ ремесленнаго училища могъ быть двухъ-или трехлѣтній, смотря по ремеслу, а предположенія министерства принимаютъ за основаніе курсъ трехлѣтній, хотя и не устраняютъ безусловно пониженія его до двухъ лѣтъ. Не запрещается министерствомъ соединеніе ремесленныхъ занятій и съ такою долей общаго образованія, которая соотвѣтствовала бы уровню двухкласснаго училища — но для этого устанавливается курсъ ученія четырехъ- или пятилѣтній. Намъ кажется, что ремесленное училище должно удовлетворять двумъ существенно-важнымъ условіямъ: курсъ ученія долженъ быть по возможности непродолжителенъ — потому что иначе онъ будетъ не по силамъ большинству учениковъ изъ среды крестьянства и бѣднѣйшаго мѣщанства, — и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ какъ можно больше расширить общее образованіе учениковъ, потому что развитію рабочему легче усовершенствоваться въ своей спеціальности, легче и перейти, въ случаѣ надобности, отъ одного рода работы къ другому. Нормальный планъ признавалъ возможнымъ одновременное достиженіе обѣихъ цѣлей; предположенія министерства жертвуютъ одною изъ нихъ, ничуть не приближаясь къ другой, т.-е. не сокращая продолжительности курса. Не слѣдовало ли бы, по меньшей мѣрѣ, сдѣлать опытъ на почвѣ, предначертанной нормальнымъ планомъ, т.-е. разрѣшить открытіе ремесленныхъ училищъ съ двухъ-или трехлѣтнимъ курсомъ ученія и съ программой двухкласснаго сельскаго училища? Противъ училищъ съ двухлѣтнимъ курсомъ можетъ быть сдѣлано возраженіе такого рода: если прохожденіе извѣстныхъ предметовъ въ двухклассномъ сельскомъ училищѣ требуетъ двухъ лѣтъ, то возможно ли допустить, чтобы они могли быть пройдены въ тотъ же срокъ въ ремесленномъ училищѣ, гдѣ занятія учениковъ усложнены изученіемъ ремесла? На это мы отвѣтимъ, что изученіе ремесла, по дѣйствующимъ правиламъ, можетъ быть введено и въ курсъ двухкласснаго училища, безъ удлиненія его срока. Достаточнымъ, по нормальному плану, двухлѣтній срокъ ученія въ ремесленномъ училищѣ признается, притомъ, только тогда, когда изучаемое ремесло принадлежитъ къ числу *легкихъ*. Допустимъ,

наконецъ, что въ два года рѣшительно невозможно научиться ремеслу ¹⁾ и пройти, вмѣстѣ съ тѣмъ, курсъ двухкласснаго сельскаго училища; — недоказанною, во всякомъ случаѣ, остается невозможность достиженія этого результата въ *трехлѣтній* срокъ. Нормальный планъ отводить для классныхъ занятій, при трехлѣтнемъ курсѣ, только два часа ежедневно, назначая семь часовъ для работы въ мастерскихъ; правильнѣе было бы, кажется, увеличить на одинъ часъ продолжительность классныхъ занятій, съ соотвѣтственнымъ сокращеніемъ работы въ мастерскихъ. При такомъ распредѣленіи времени успѣшное прохожденіе курса, въ обѣихъ главныхъ его частяхъ, представлялось бы, повидимому, совершенно обезпеченнымъ.

Относительно низшихъ техническихъ училищъ, предназначенныхъ для подготовки „мастеровъ“, предположенія министерства также не во всемъ сходятся съ нормальнымъ планомъ. Для общаго образованія будущихъ мастеровъ составители нормальнаго плана проектировали особыя высшія городскія училища, съ четырехлѣтнимъ курсомъ, соотвѣтствующимъ, въ главныхъ чертахъ, курсу четырехъ старшихъ классовъ нынѣшнихъ городскихъ училищъ (организованныхъ на основаніи устава 1872 г.). Разница между вновь проектируемыми и теперешними городскими училищами заключалась бы въ томъ, что въ первыхъ были бы введены предметные учителя, взамѣнъ классныхъ ²⁾, и такимъ образомъ достигнута была бы возможность болѣе основательнаго изученія каждаго предмета. Окончившіе курсъ въ высшемъ городскомъ училищѣ поступали бы, по нормальному плану, въ спеціальную школу, съ двухлѣтнимъ курсомъ ученія, приспособленнымъ къ той или другой отрасли промышленности (механической, химической, строительной). Здѣсь учебное время распредѣлялось бы между преподаваніемъ предметовъ, прямо приспособленнымъ къ промышленной дѣятельности, и практическими занятіями въ мастерскихъ. Министерство народнаго просвѣщенія высказывается за другое рѣшеніе вопроса; оно предлагаетъ учредить техническія школы (также приспособленные къ разнымъ спеціальностямъ), для вступленія въ которыя требовалось бы одно знаніе курса двухклассныхъ сельскихъ училищъ. На этотъ разъ мы склоняемся на сторону министерскаго

¹⁾ Необходимо имѣть въ виду, что изученіе ремесла въ ремесленномъ училищѣ не можетъ быть доведено до полнаго съ нимъ знакомства, до виртуозности, приобретаемой только продолжительною практикою; задача училища исполнена, если оно дало ученикамъ хорошую общую и спеціальную подготовку къ предстоящей имъ работѣ.

²⁾ По уставу 1872 г. въ каждомъ классѣ городского училища всѣ предметы (кромя закона Божіа) преподаются однимъ учителемъ, а самъ классъ раздѣляется, въ большинствѣ случаевъ, на два или даже на три отдѣленія.

проекта. Онъ имѣетъ, прежде всего, преимущество простоты; создается вновь только одна категорія школъ, примыкающая къ существующимъ уже общеобразовательнымъ учебнымъ заведеніямъ. Приурочивая школу для мастеровъ къ городскимъ училищамъ — да еще вдобавокъ „вышимъ“, т.-е. существующимъ далеко не вездѣ, — нормальный планъ затруднялъ привлеченіе въ эту школу крестьянскихъ мальчиковъ; низшее техническое училище, проектируемое министерствомъ, одинаково доступно для учениковъ сельскихъ двухклассныхъ, уѣздныхъ и городскихъ училищъ, т.-е. какъ для деревенскихъ, такъ и для городскихъ жителей. Продолжительность ученія одинакова и по нормальному плану, и по министерскому проекту; она составляетъ, и тамъ, и здѣсь, восемь лѣтъ ¹⁾—но министерскій проектъ отводитъ гораздо больше мѣста для занятій въ мастерскихъ (62—67 часовъ въ недѣлю вмѣсто 28—36), не понижая черезъ-чуръ уровня общаго образованія. Если трехлѣтнія практическія занятія признаются, въ большинствѣ случаевъ, необходимыми для будущихъ *рабочихъ*, то едва ли послѣдовательно было бы ограничивать ихъ двумя годами для будущихъ *мастеровъ*.

Заслуживаютъ вниманія еще двѣ статьи министерскаго проекта, относящіяся одинаково ко всѣмъ промышленнымъ училищамъ. Одна изъ нихъ ограничиваетъ продолжительность лѣтнихъ вакацій шестью недѣлями, другая допускаетъ двухлѣтнее, за малоуспѣшностью, пребываніе въ одномъ и томъ же классѣ лишь въ видѣ исключенія, съ особаго, каждый разъ, разрѣшенія попечителя учебнаго округа (если рѣчь идетъ о техническомъ училищѣ) или директора народныхъ училищъ (если рѣчь идетъ объ училищѣ ремесленномъ). И въ томъ, и въ другомъ случаѣ предполагается отступить отъ общепринятаго порядка — и отступить, какъ намъ кажется, безъ всякихъ правильныхъ къ тому оснований. Въ шесть недѣль нельзя отдохнуть какъ слѣдуетъ и запастись новыми силами, въ особенности если часть этого времени, какъ предусмотрено въ уставѣ, будетъ употреблена на полевныя практическія занятія. По отношенію къ ремесленнымъ, а отчасти и къ низшимъ техническимъ училищамъ, болѣе длинныя лѣтнія вакаціи необходимы въ виду еще одного спеціальнаго соображенія. Крестьянскій мальчикъ, учащійся въ двухклассномъ сельскомъ и даже въ городскомъ училищѣ, сохраняетъ, въ большинствѣ случаевъ, привычку къ земледѣльческому труду и является, въ страдную пору, полезнымъ помощникомъ своей семьи, продолжающей за-

¹⁾ По нормальному плану — два года элементарнаго обученія, четыре года въ высшемъ городскомъ училищѣ, два года въ спеціальной школѣ; по министерскому проекту — пять лѣтъ въ двухклассномъ (или соотвѣствующемъ ему) училищѣ, три года въ низшей технической школѣ.

ниматься хлѣбопашествомъ. Весьма желательно, чтобы такую же роль, возвращаясь лѣтомъ въ деревню, игралъ и ученикъ ремесленного или низшаго технического училища. Желательно это, во-первыхъ, потому, что крестьяне станутъ тогда охотѣе отдавать своихъ сыновей въ промышленныя училища, во-вторыхъ—потому, что окончившему курсъ въ ремесленной или низшей технической школѣ не всегда же придется порвать всякое отношеніе къ деревнѣ. Онъ можетъ переживать тамъ періоды промышленнаго зстоя или срочнаго прекращенія фабричныхъ работъ, можетъ заняться кустарнымъ промысломъ, можетъ основать небольшую деревенскую мастерскую; во всѣхъ этихъ случаяхъ земледѣльческій трудъ можетъ оказать ему самыя существенныя услуги—да и деревня выиграетъ немало, если въ ней или около нея охотно станутъ поселяться ремесленники-земледѣльцы. Шести недѣль, еще урѣзанныхъ, быть можетъ, практическими занятіями, слишкомъ мало, чтобы способствовать поддержанію живой связи между ученикомъ промышленнаго училища и деревней—слишкомъ мало уже потому, что въ этотъ періодъ времени совершается далеко не полный циклъ земледѣльской работы.

Строгое правило относительно учениковъ, не могущихъ перейти, за малоуспѣшностью, въ слѣдующій классъ промышленнаго училища, мотивируется дороговизною обученія въ этихъ училищахъ, а также тѣмъ, что примѣсь менѣе прилежныхъ учениковъ оказываетъ здѣсь болѣе вредное вліяніе, чѣмъ въ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Дороговизна обученія съ гораздо болѣшимъ правомъ можетъ служить аргументомъ въ пользу снисходительности, чѣмъ въ пользу строгости. Чѣмъ болѣе частное лицо, общество или казна затратили на обученіе ученика, тѣмъ менѣе желательно увольненіе его до окончанія курса, влекущее за собою полную непроизводительность сдѣланныхъ затратъ. Не лучше ли, и съ этой точки зрѣнія, дать ученику возможность поправиться и потомъ пойти дальше, чѣмъ прямо закрывать передъ нимъ избранную имъ дорогу? Въ промышленномъ училищѣ случаи малоуспѣшности могутъ встрѣчаться тѣмъ чаще, что преподаваніе обнимаетъ собою двѣ совершенно различныя сферы. Можно туго воспринимать *знанія* и быстро приобретать *умѣнье*, или наоборотъ—а для перехода въ слѣдующій классъ необходима известная доля успѣха и въ томъ, и въ другомъ. Малоуспѣшность можетъ зависѣть и не отъ недостатка прилежанія, а отъ медленнаго развитія одной изъ способностей, къ которымъ обращается промышленная школа. Трудно понять, сверхъ того, почему лѣность въ промышленномъ училищѣ признается болѣе вредной, чѣмъ въ общеобразовательномъ; заразительное ея дѣйствіе вездѣ можетъ быть одинаково сильнымъ. Къ чему, наконецъ, та сложная процедура, которую

проектъ обусловливаетъ отступленіе отъ общаго правила, воспреещающаго оставлять ученика на второй годъ въ одномъ и томъ же классѣ промышленной школы? Возможна ли для директора народныхъ училищъ или, тѣмъ болѣе, для попечителя учебнаго округа фактическая провѣрка обстоятельствъ, вызывающихъ снисхожденіе къ тому или другому малоуспѣвшему ученику? Не слишкомъ ли великъ произволъ, предоставляемый педагогическому совѣту, — произволъ тѣмъ болѣе опасный, что форма проявленія его — чисто пассивная? Педагогическому совѣту достаточно будетъ *не возбудить ходатайства* передъ высшимъ начальствомъ — и участь „малоуспѣвшаго“ ученика будетъ рѣшена безповоротно.

Въ области государственной жизни у насъ немного найдется теперь такихъ живыхъ дѣлъ, какъ то, которое ведется крестьянскимъ поземельнымъ банкомъ. Неудивительно, что оно возбуждаетъ множество живыхъ вопросовъ, не сочиненныхъ а прямо созданныхъ дѣйствительностью. Одинъ изъ этихъ вопросовъ поставленъ и подробно рассмотрѣнъ г. Воропоновымъ въ статьѣ, напечатанной недавно въ „Трудахъ Вольно-Экономическаго Общества“. Онъ касается товариществъ, на долю которыхъ приходится, какъ извѣстно, около половины всѣхъ покупокъ, совершаемыхъ при посредствѣ крестьянскаго банка. Положеніе 18-го мая 1882 г., включивъ товарищества въ число покупателей, имѣющихъ право на помощь банка, не опредѣлило ихъ юридическаго значенія, не указало мѣста, которое они должны занять въ нашемъ публичномъ и частномъ правѣ. Ставить это въ вину законодательной власти нельзя, потому что при составленіи и изданіи закона трудно, почти невозможно было предвидѣть его практическіе результаты; но теперь необходимость дальнѣйшихъ законодательныхъ опредѣленій едва ли можетъ подлежать какому-либо сомнѣнію, и нужно надѣяться, что они не заставятъ себя ждать слишкомъ долго. Матеріалъ, собранный и освѣщенный г. Воропоновымъ, указываетъ съ достаточною ясностью и самыя задачи, и способъ ихъ рѣшенія.

Положеніемъ о крестьянскомъ банкѣ установлено только минимальное число лицъ (*три*), изъ которыхъ можетъ составиться товарищество, но не назначено для него никакой максимальной цифры. Отсюда — возможность товариществъ весьма многочисленныхъ, съ нѣсколькими десятками или сотнями участниковъ. На практикѣ образованію такихъ товариществъ способствуетъ уже то правило устава, по которому цифра ссуды соразмѣряется съ числомъ душъ или домохозяевъ, участвующихъ въ покупкѣ; обширное имѣніе или большой, цѣнный участокъ земли не могутъ быть приобрѣтены небольшимъ числомъ покупателей. Еще больше растеть число товарищей, когда

земля покупается съ цѣлью переселенія. Изъ десяти товариществъ этого рода, изслѣдованныхъ г. Воропоновымъ (въ губерніяхъ екатеринославской, полтавской и херсонской), ровно половина имѣла сто или болѣе участниковъ; въ одномъ товариществѣ ихъ было *сто девяносто-четыре*. Понятно, что при такомъ большомъ числѣ товарищей переимѣны въ составѣ товарищества, вслѣдъ за покупкой, а иногда и во время предшествующихъ ей переговоровъ, совершенно неизбежны; случается, что уже въ купчую крѣпость вносятся лица, завѣдомо отказавшіяся отъ участія въ покупкѣ, такъ какъ иначе потребовалась бы передѣлка документовъ, грозящая потерей времени или даже разрушеніемъ сдѣлки. Еще болѣе обыкновенное явленіе — отказъ или неявка нѣкоторыхъ участниковъ, когда покупка окончательно совершена и приходится переселяться на новое мѣсто или браться за обработку вновь купленной земли. Ни одно изъ десяти товариществъ, упомянутыхъ нами выше, не осталось въ томъ составѣ, который оно имѣло въ моментъ покупки. Число неявившихся, отказавшихся или умершихъ товарищей простирается иногда до одной четверти или одной трети первоначальнаго числа участниковъ сдѣлки; въ одномъ случаѣ оно доходитъ даже почти до половины этого числа. Столь же общая черта — принатіе новыхъ товарищей, взаимѣнъ неявившихся. Между тѣмъ официальнымъ владѣльцемъ купленной земли можетъ считаться только *все* товарищество въ *первоначальномъ* своемъ составѣ, т.-е. совокупность всѣхъ лицъ, прописанныхъ въ купчей крѣпости. Безъ общаго всѣхъ ихъ согласія невозможно, съ формальной точки зрѣнія, совершеніе какого бы то ни было акта отъ имени товарищества. Отказавшіеся отъ участія въ покупкѣ могутъ взять назадъ свой отказъ; не явившіеся нѣсколько лѣтъ могутъ внезапно явиться и потребовать выдѣла земли, не ими поднятой и обработанной. Права новыхъ участниковъ товарищества ничѣмъ не обезпечены; они владѣютъ землею только по словесному соглашенію или домашнему письменному акту, который не можетъ, самъ по себѣ, служить основаніемъ права собственности на землю. Если одинъ изъ участниковъ товарищества умираетъ, не оставляя наследниковъ, его доля является имуществомъ ничѣмъ или выморочнымъ, т.-е. принадлежащимъ прежнимъ его однообщественникамъ, хотя бы они жили за нѣсколько сотъ верстъ отъ мѣста поселенія товарищества.

Допустимъ, однако, что въ составѣ товарищества не произошло никакихъ измѣненій и всѣ товарищи находятся на-лицо; положеніе ихъ все-таки до крайности неопредѣленно. Если приравнивать ихъ къ лицамъ, владѣющимъ имѣніемъ на правѣ общей собственности, то каждое распоряженіе ихъ должно быть основано на общемъ со-

гласіи—что, конечно, фактически невозможно, особенно при многочисленности товарищей. Отсюда необходимость органа, который могъ бы постановлять рѣшенія отъ имени товарищества, необходимость правилъ, которыми опредѣлялся бы порядокъ постановленія этихъ рѣшеній и условія ихъ дѣйствительности. Только тогда можетъ быть рѣчь о прочномъ, правильномъ распредѣленіи земли между товарищами, о сборѣ причитающихся съ cadaго изъ нихъ платежей, о мѣрахъ къ взысканію недоимокъ, и т. п. Теперь возможенъ, напримеръ, такой случай, приводимый г. Воропоновымъ. Нѣкоторые изъ числа товарищей внесли избранному сборщику упдающую на нихъ часть платежей крестьянскому банку; другіе ничего не внесли и вносятъ, повидимому, не намѣрены. Тогда исправные плательщики потребовали отъ сборщика возвращенія внесенныхъ ими денегъ. „Конечно“,—говоритъ г. Воропоновъ,—„имъ грозитъ продажа земли; но какъ было имъ поступить? Если они внесутъ въ банкъ все, что съ нихъ слѣдуетъ, то земля все-таки будетъ продана цѣликомъ за недоимку остальныхъ. Стало быть, имъ невольно приходило въ голову; не лучше ли хотъ вернуть платежи, чѣмъ заплатить ихъ и все-таки лишиться земли?.. Да и вообще крестьяне-покупщики (члены товарищества) очень часто задаются вопросомъ: какъ поступить съ неплательщиками? Самый естественный исходъ, казалось бы, взять у недоимщика его земельную долю, по праву круговой поруки, на товарищество, т.-е. на исправныхъ плательщиковъ, или сдать эту долю кому-нибудь въ аренду. Да, это самый простой исходъ, только въ законѣ на этотъ счетъ нѣтъ ровно никакихъ указаній, и подобное дѣйствіе товарищій легко можетъ быть признано произволомъ. Лишенные земли, пожалуй, затѣютъ процессъ и — чего добраго — выиграютъ“.

Если товарищество купило землю для переселенія, то на мѣстѣ покупки образуется новая, не только земельная, но и общественная единица, нуждающаяся въ организаціи, въ внутреннемъ управленіи. Эта потребность такъ велика, что во многихъ мѣстахъ товарищи по собственному почину приступаютъ къ избранію изъ своей среды старосты—для охраненія порядка, сборщика—для взиманія платежей; но власть, не имѣющая за собою официальнаго признанія, не имѣетъ и надлежащаго авторитета, и на практикѣ встрѣчаются уже случаи отказа въ повиновеніи „старостѣ безъ медали“. Обращеніе новаго поселенія въ сельское общество всегда сопряжено съ затрудненіями, съ продолжительной перепиской; но даже и послѣ образованія общества оно можетъ не совпадать вполне съ товариществомъ, какъ потому, что нѣкоторые изъ товарищій не получаютъ увольненія отъ общества, къ которому они прежде принадлежали, такъ и потому

что товарищи, и прежде жившіе недалеко отъ мѣста покупки, могутъ оставаться приписанными къ сосѣднимъ сельскимъ обществамъ. Исходя изъ этихъ соображеній, г. Воропоновъ видитъ задачу законодательства и администраціи не въ одномъ только содѣйствіи возможно-скорѣйшему образованію, на мѣстахъ поселенія товариществъ, новыхъ сельскихъ обществъ, но и въ регулированіи правъ и обязанностей товариществъ, какъ *общественныхъ союзовъ*, а не какъ простой аггломерациі частныхъ владѣльцевъ. Необходимо предоставить товариществамъ имѣть сельскіе сходы, распределять землю между товарищами по приговорамъ, постановленнымъ большинствомъ двухъ третей голосовъ, производить (гдѣ не установилось подворное владѣніе) передѣлы земли, составлять раскладки платежей, взыскивать недоимки, принимать (подъ надлежащимъ контролемъ) новыхъ товарищей и увольнять прежнихъ, распоряжаться общественными арендными статьями и т. п.; необходимо также организовать управление товарищескихъ поселеній, еще не обращенныхъ въ сельскія общества. Все это можетъ быть сдѣлано только путемъ изданія новаго закона. Соглашаясь вполне съ г. Воропоновымъ и признавая возбужденный имъ вопросъ въ высшей степени важнымъ, требующимъ неотложнаго рѣшенія, мы прибавимъ только одно: законъ о товариществахъ, покупающихъ землю съ помощью крестьянскаго банка, послужить, можетъ быть, первымъ шагомъ къ пересмотру и дополненію крайне недостаточныхъ и неудовлетворительныхъ постановленій объ общей собственности, заключающихся въ десятомъ томѣ гражданскихъ законовъ. Пресловутое „распоряженіе по общему согласію“, совершенно непримѣнимое къ многочисленнымъ товариществамъ, оказывается до крайности неудобнымъ и тогда, когда имущество принадлежитъ сообща двумъ или нѣсколькимъ частнымъ владѣльцамъ.

Обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на продолженіе статьи г. Обнинскаго о фабричномъ надзорѣ („Юридическій Вѣстникъ“, № 4). Авторъ рисуетъ поразительную картину тѣхъ затрудненій, которыя переживаетъ теперь фабричная инспекція, тѣхъ опасностей, которыя ей угрожаютъ. Многое зависитъ отъ того, сохранитъ ли фабричная инспекція свой настоящій составъ и останется ли она въ вѣденіи министерства финансовъ, или же перейдетъ — какъ о томъ сообщалось въ газетахъ — въ вѣденіе министерства внутреннихъ дѣлъ. Съ такимъ переходомъ было бы сопряжено, по всей вѣроятности, подчиненіе инспекціи мѣстному губернскому началству и низведеніе ея на степень технической полиціи — а это было бы равносильно совершенной отиѣнѣ новаго фабричнаго законодательства.

Дѣйствительно исполнять свои тяжелыя обязанности, при обстановкѣ до крайности неблагоприятной, фабричная инспекція можетъ только подѣ условіемъ самостоятельности, признанной за нею законами 1-го іюня 1882 и 12-го іюня 1884 г. и лишь слегка поколебленной закономъ 3-го іюня 1886 г. Введенная въ составъ губернскихъ исполнительныхъ властей, она будетъ, можетъ быть, способствовать огражденію на фабрикахъ внѣшняго благочинія и порядка, но окажется безсильной во всемъ томъ, что касается улучшенія фабричнаго быта, охраны фабричныхъ рабочихъ. Неужели учрежденіе, такъ много сдѣлавшее въ короткое время, будетъ принесено въ жертву своекорыстнымъ жалобамъ и легкомысленнымъ навѣтамъ? Неужели будетъ зачеркнута одна изъ лучшихъ страницъ законодательной дѣятельности восьмидесятыхъ годовъ?.. До какой степени неосновательны нареканія на фабричную инспекцію и сѣтованія на новое фабричное законодательство, объ этомъ можно судить по слѣдующему факту, приводимому г. Обнинскимъ. „Много было шума и крику по поводу ежемѣсячныхъ сроковъ расплаты съ рабочими; и вотъ, когда фабричное присутствіе (московское), по ходатайству самой инспекціи, пригласило нѣкоторыхъ фабрикантовъ лично пожаловать въ засѣданіе и изложить встрѣчаемыя затрудненія, общія возможное содѣйствіе къ ихъ устраненію, то въ засѣданіе почти никто не явился, а явившіеся отнеслись до того равнодушно къ крикливо-поднятому вопросу, что оставалось только отложить дѣло до другого раза. На томъ вся смута, вѣроятно, и закончится, а отчего? Оттого, что надобилось вовсе не дѣло, не удовлетвореніе той или другой дѣйствительной потребности, а просто крикъ и шумъ, какъ орудіе, пригодное для борьбы“...

Неизвѣстность относительно законопроекта о реформѣ мѣстнаго управленія начинаетъ разсѣиваться; въ газетахъ появились общія свѣденія о „земскихъ начальникахъ“, конечно, далеко еще не полныя, но все же болѣе точныя и подробныя, чѣмъ прежде. Встрѣчается даже обзоръ возраженій, сдѣланныхъ противъ проекта „однимъ высокопоставленнымъ лицомъ“. Нѣкоторыя основныя черты проекта выяснились, повидимому, окончательно; это — сословный характеръ новой должности, оставляющій мало мѣста для образовательнаго ценза; соединеніе въ лицѣ земскаго начальника, въ весьма широкихъ размѣрахъ, властей административной и судебной; назначеніе земскихъ начальниковъ по соглашенію губернатора съ губернскимъ и уѣзднымъ предводителями дворянства и утвержденіе ихъ министромъ внутреннихъ дѣлъ; увольненіе ихъ отъ должности единоличною властью министра, по представленію губернскаго присутствія. Со-

словный характеръ должности имѣлъ бы совершенно иное значеніе, еслибы за нею была упрочена полная самостоятельность; сліяніе властей представляется въ совершенно различномъ свѣтѣ, смотря по тому, въ чьихъ рукахъ онѣ соединены и какими гарантіями обставлено ихъ примѣненіе. *Избранію* должностныхъ лицъ свойственны и слабыя, и сильныя стороны; то же самое слѣдуетъ сказать и о *назначеніи*—но комбинація избранія и назначенія можетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, соединять въ себѣ только слабыя стороны того и другого, въ особенности если увольненіе опредѣляемаго такимъ образомъ должностнаго лица зависитъ отъ усмотрѣнія единоличной административной власти.

Въ чемъ заключается главная опасность *избранія*, если оно предоставлено мѣстнымъ жителямъ? Въ томъ, что избиратели могутъ руководиться не столько достоинствами и заслугами избираемаго, сколько симпатіями или антипатіями, расчетами, личными видами. Гдѣ же основаніе думать, что губернский и уѣздный предводители дворянства—или, лучше сказать, одинъ уѣздный, такъ какъ губернский предводитель, въ большинствѣ случаевъ, стоитъ слишкомъ далеко отъ мѣстной уѣздной жизни,—не подчинятся, при рекомендаціи кандидатовъ, ни одному изъ этихъ вліяній? Гораздо вѣроятнѣе, наоборотъ, что уѣздный предводитель дворянства будетъ къ нимъ весьма чувствителенъ. Онъ—такой же мѣстный житель, какъ и всѣ остальные, онъ близокъ къ однимъ, равнодушенъ къ другимъ, враждебенъ къ третьимъ; онъ имѣетъ за собою прошедшее, давленіе котораго не всегда замѣтно, но тѣмъ болѣе сильно,—имѣетъ связи, дѣла, родню, друзей, можетъ, наконецъ, имѣть надобность въ томъ или другомъ земскомъ начальникѣ. Ему предстоитъ засѣдать вмѣстѣ съ ними въ одномъ присутствіи; отсюда новое побужденіе желать, чтобы они были люди его „партіи“, его масти. Въ собраніи, сколько-нибудь многочисленномъ, одно теченіе можетъ быть уравновѣшено другими; полное торжество искусственно сплоченной группы бываетъ здѣсь скорѣе исключеніемъ, чѣмъ общимъ правиломъ. Выборамъ предшествуютъ толки, пренія, споры; права кандидатовъ сравниваются между собою, взвѣшиваются, контролируются, освѣщаются иногда такимъ яркимъ свѣтомъ, котораго не видятъ только слѣпыя. Ничего подобнаго рекомендація одного или двухъ лицъ, совершающаяся въ тиши кабинета, не представляетъ. Здѣсь также происходитъ *выборъ*, со всѣми его случайностями и увлеченіями, но безъ гарантій, которыми обставлено настоящее избраніе.

Нельзя отрицать, съ другой стороны, и опасности *назначенія* (мы остаемся и здѣсь въ области мѣстнаго управленія). Назначающій не всегда близко знаетъ назначаемаго, не всегда относится къ нему безпри-

страстно, не всегда горячо принимаетъ къ сердцу интересы и подробности мѣстности, которой непосредственно касается назначеніе. Очевидно, что все это вполне примѣнимо къ губернатору, насколько онъ участвуетъ въ назначеніи земскихъ начальниковъ. Нельзя же допустить, въ самомъ дѣлѣ, чтобы министру и даже губернатору землевладѣльцы данной мѣстности были извѣстны точно такъ же, какъ были на примѣръ, гласнымъ уѣзднаго земскаго собранія. Хорошая сторона назначенія—это независимость назначающаго отъ мѣстныхъ вліяній, личная незаинтересованность его въ дѣлахъ, подвѣдомственныхъ назначающему, многочисленность кандидатовъ, изъ среды которыхъ предстоитъ сдѣлать выборъ, разнообразіе источниковъ, изъ которыхъ можно получить свѣденія о каждомъ отдѣльномъ кандидатѣ. Всѣ эти преимущества исчезаютъ безслѣдно, какъ только назначеніе, въ чистой своей формѣ, уступаетъ мѣсто назначенію „по соглашенію“. Ограничивается, во-первыхъ, число кандидатовъ, потому что назначить можно только одного изъ „рекомендованныхъ“; ограничивается, во-вторыхъ, число способовъ удостовѣренія въ способности и пригодности кандидатовъ, потому что официальнымъ и достаточнымъ удостовѣреніемъ является „рекомендація“ (не говоримъ уже объ ограниченіяхъ, обусловливаемыхъ сословнымъ цензомъ). Независимость отъ мѣстныхъ вліяній становится невысказанной, разъ что одно изъ нихъ получаетъ долю участія въ назначеніи; по той же причинѣ не можетъ быть болѣе и рѣчи о незаинтересованности въ мѣстныхъ дѣлахъ.

Съ избраніемъ, какъ и съ назначеніемъ, сопряжена извѣстная доля нравственной—а иногда и юридической—отвѣтственности. Правда, избиратели отвѣчаютъ коллективно—но этимъ отвѣтственность только уменьшается, а не уничтожается. Неудачный выборъ тяготитъ собраніе и возбуждаетъ въ избирателяхъ, сплошь и рядомъ, рѣшимость не допускать повторенія однажды сдѣланной ошибки. При комбинаціи назначенія и избранія раздѣленіе отвѣтственности легко можетъ повлечь за собою полное ея отсутствіе. Рекомендующій можетъ сказать самъ себѣ: мое дѣло—дать указанія, намѣтить кандидатовъ; окончательное рѣшеніе зависитъ не отъ меня, и я за него не отвѣчаю. Другой участникъ „соглашенія“ можетъ возразить: я вѣрилъ рекомендаціи, я не имѣлъ возможности лично убѣдиться въ ея правильности; если я ошибся, виноватъ тотъ, кто меня ввелъ въ заблужденіе. Въ глазахъ населенія вся тяжесть отвѣтственности за неудачный выборъ будетъ ложиться, вѣроятно, на представителя центральной администраціи—но неудобства, нами указанныя, не сдѣлаются отъ этого менѣе чувствительными, да и авторитетъ правительственной власти не можетъ выиграть отъ того, что ей станутъ приписыва-

вать рѣшенія, въ которыхъ она принимала, на самомъ дѣлѣ, только пассивное участіе.

Проектируемое расширеніе власти и правъ уѣзднаго предводителя дворянства состоитъ въ чувствительномъ противорѣчій съ настоящимъ характеромъ этой должности. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ уѣзднымъ предводителемъ избирается не тотъ мѣстный дворянинъ, который дѣйствительно заслуживаетъ быть *primus inter pares*, а тотъ, который располагаетъ достаточными средствами и достаточнымъ досугомъ для принятія на себя хлопотливыхъ, сложныхъ и неоплачиваемыхъ обязанностей. Иногда должность предводителя достается, безъ спора и безъ боя, тому единственному лицу, которое соглашается занять ее; иногда завязывается избирательная борьба—и ведется традиционными средствами, выработанными вѣковою, но далеко не почтенною практикою. Двигателемъ борьбы всего чаще является тщеславіе, усложняемое иногда надеждой на будущую служебную карьеру. Въ ббльшей или меньшей степени все это примѣнимо и къ губернскому предводителю дворянства. Если далеко не безопаснымъ, для массы населенія, было бы избраніе земскихъ начальниковъ дворянскимъ собраніемъ или сословнымъ земствомъ, то что же сказать объ избраніи ихъ—хоть не *de jure*, но *de facto*—отдѣльными лицами изъ среды дворянства, не возвышающимися надъ общимъ его уровнемъ, но считающими себя, въ силу самаго своего положенія, спеціально призванными къ охранѣ спеціально дворянскихъ интересовъ?

Рѣшающимъ аргументомъ въ пользу системы, совмѣщающей избраніе съ назначеніемъ, является, обыкновенно, ссылка на мировыхъ посредниковъ, опредѣлявшихся на должность именно въ такомъ порядкѣ. Не повторяя сказаннаго нами неоднократно о невозможности возвращенія къ обстановкѣ, при которой дѣйствовали первые мировые посредники, и о неубѣдительности разсужденій, основанныхъ на ихъ примѣрѣ, ограничимся только двумя замѣчаніями. Подлинный текстъ законопроекта, внесеннаго на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, намъ неизвѣстенъ; но если содержаніе его правильно изложено въ газетахъ, онъ устанавливаетъ опредѣленіе земскихъ начальниковъ *по соглашенію* губернатора съ предводителями дворянства. Положеніемъ 19 февраля назначеніе посредниковъ было предоставлено губернатору, *по совѣщаніи* съ губернскимъ и уѣзднымъ предводителями. Это далеко не одно и то же *совѣщаніе* не связываетъ свободы дѣйствій губернатора,—при *соглашеніи* онъ становится только однимъ изъ участниковъ назначенія. Конечно, опасность нежелательныхъ мѣстныхъ вліяній весьма велика и при *совѣщаніи*—но при *соглашеніи* она неизбежна. Допустимъ, однако, что порядокъ назначенія земскихъ начальниковъ ничѣмъ не отличается отъ порядка

назначенія мировыхъ посредниковъ; несомнѣнно и въ высшей степени важно различіе въ порядкѣ *утвержденія и увольненія* тѣхъ и другихъ. Мировые посредники были утверждаемы въ должности и удаляемы отъ нея опредѣленіями перваго департамента Правит. Сената; земскіе начальники утверждаются и увольняются министромъ внутреннихъ дѣлъ. Этого одного вполне достаточно, чтобы *уничтожить всякую аналогію между настоящимъ проектомъ и Положеніемъ 19 февраля.*

Нужно ли объяснять отношеніе между порядкомъ увольненія земскихъ начальниковъ и соединеніемъ въ ихъ лицѣ судебной и административной власти? Не очевидно ли, что если администратору вообще трудно быть судьей—судьею не по имени только, а на самомъ дѣлѣ,—то администратору, увольняемому *à volonté*, быть судьей рѣшительно невозможно!.. За сліянiе властей у насъ высказывались авторитетные голоса и двадцать лѣтъ тому назадъ, передъ введеніемъ въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, и въ настоящее время (напримѣръ, въ петербургскомъ Юридическомъ Обществѣ, въ засѣданіяхъ 29 ноября и 13 декабря прошедшаго года); но въ основаніи всѣхъ мнѣній этого рода лежало предположеніе, что администраторъ-судья прежде всего будетъ *судьею*, образованнымъ, независимымъ, несмѣняемымъ, приближающимъ административную дѣятельность къ судебной, а не судебную—къ административной. Сліянiе, проектируемое теперь, представляется чѣмъ-то прямо противоположнымъ; оно соединяетъ въ себѣ всѣ неудобства, всѣ опасныя стороны сліянiя властей, не имѣя ни одного изъ возможныхъ его достоинствъ. Въ сравненіи съ проектомъ, чѣмъ-то завиднымъ представляется даже программа меньшинства Кахановской комиссіи — та самая программа, противъ которой мы такъ постоянно боролись. Участковые начальники, за которыхъ стояла (въ комиссіи) симбирско-орловская группа, должны были быть избранниками земства — земства сословнаго, но все-таки земства, — независимыми отъ центральной администраціи; „земскіе начальники“ (земскіе—настолько же, насколько *lucius* происходитъ отъ *non lucendo*) напоминаютъ ихъ лишь по имени, но не по мысли.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го мая (19 апрѣля) 1887 г.

Натянутость международнаго положенія. — Воинственность газетныхъ патриотовъ въ Германіи и въ другихъ странахъ. — Дѣло Шнѣбеле и вопросъ о военномъ шпионствѣ. — Особенности спорнаго факта и ихъ серьезное значеніе. — Послѣдствія нѣмецкихъ мѣръ въ Эльзасѣ и Лотарингіи. — Особая теорія государственной измѣны. — Англійскія дѣла.

Постоянное, хотя и неосновательное, ожиданіе войны, газетные толки объ ея неминуемости, общее недовѣріе къ миролюбію правительствъ и патриотическіе призывы къ укрощенію возможныхъ враговъ — все это создаетъ атмосферу крайне опасную для мирнаго существованія народовъ. Событія зависятъ отъ людей, и если въ обществѣ начинается господствовать увѣренность въ неизбежности кроваваго столкновенія, то послѣднее дѣйствительно становится весьма вѣроятнымъ. Воинственность, какъ и боязнь войны, есть дѣло настроенія; разумная логика бессильна передъ стаднымъ чувствомъ, толкающимъ народы на путь слѣпой борьбы. Зачинщики военной паники или военнаго увлеченія не идутъ на войну и ничѣмъ не рискуютъ; имъ ничего не стоитъ пріобрѣсть славу патриотовъ и подготовить себѣ великія личныя выгоды на случай грознаго взрыва. Отдавать свою жизнь приходится не тѣмъ, которые громко заявляютъ въ печати о своемъ неудержимомъ патриотизмѣ; за нихъ расплачиваются другіе, до которыхъ нѣтъ никакого дѣла самованнымъ охранителямъ народной чести. Ремесло кабинетнаго войнолюбца въ высшей степени удобно и заманчиво; оно даетъ репутацію благонамѣренной храбрости, открываетъ широкія перспективы по части хищеній и доставляетъ легкій успѣхъ въ публикѣ. Такихъ сомнительныхъ дѣятелей появилось очень много въ послѣднее время; каждая страна имѣетъ ихъ въ достаточномъ изобиліи. Они первые бьютъ тревогу, когда замѣтатъ малѣйшій поводъ къ международной ссорѣ; они усердно раздуваютъ всякій „инцидентъ“, способный посѣять смуту въ политикѣ, придумываютъ враждебныя комбинаціи, требующія будто бы энергическаго отпора, подогрѣваютъ старые споры и сочиняютъ новыя. При такихъ условіяхъ самый ничтожный случай можетъ превратиться въ ту искру, которая воспламенитъ накопившіеся горючіе матеріалы современнаго вооруженнаго мира въ Европѣ.

Нѣсколько разъ въ теченіе настоящаго года выступали наружу симптомы приближающейся опасности европейской войны. Симптомы появлялись то на Востокѣ, то на Западѣ; теперь гроза собирается только въ области франко-германскихъ отношеній. Кампанія берлинскихъ офиціозовъ противъ Франціи по поводу вопроса о септеннатѣ не могла пройти безслѣдно; она оставила послѣ себя обоеудное раздраженіе, убѣдила французовъ въ ненадежности мира съ Германіею и напугала нѣмцевъ мнимой близостью „реванша“. Задорная полемика между газетами обѣихъ странъ прекратилась отчасти; но не исчезло и не скоро еще исчезнетъ впечатлѣніе, произведенное систематическими нападками и угрозами нѣмецкой офиціозной печати. Война можетъ вспыхнуть рано или поздно, благодаря этой взаимной подозрительности и безпокойству; мелкіе сами по себѣ факты приобрятають значеніе событій, могущихъ привести къ колоссальнымъ послѣдствіямъ.

„Дѣло Шнебеле“, законченное нынѣ миролюбиво, было дѣйствительно серьезнымъ дѣломъ, и оно не безъ основанія принималось многими за признакъ рѣшимости нѣмецкихъ правителей напасть на Францію или вывести ее изъ територіи; но и эта исторія не возбуждала бы такихъ опасеній въ мирное время, при меньшей напряженности отношеній между двумя заинтересованными державами. Незадолго до того газеты говорили много о дѣлѣ Эйролля, уволеннаго изъ французскаго военнаго министерства за передачу секретныхъ свѣдѣній германскому военному агенту; послѣдній подвергался обвиненіямъ и подозрѣніямъ, которыя считались оскорбительными въ Берлинѣ, но умѣренные парижскіе органы рѣшительно протестовали противъ безтактныхъ выходокъ, ставившихъ нѣмецкаго представителя въ неловкое положеніе,—такъ-что непріятный эпизодъ не имѣлъ никакихъ послѣдствій. Процессы о шпіонствѣ происходили довольно часто въ новѣйшее время, особенно въ Германіи; всякій разъ невольно бросалась тѣнь на иностранныхъ военныхъ агентовъ и офицеровъ, которые, однако, къ суду не привлекались. Когда французъ попадался въ руки нѣмцевъ, онъ обыкновенно высылался изъ предѣловъ имперіи: такъ поступлено было, напр., съ поручикомъ Летелье, арестованнымъ въ Карлсруэ. Еще съ большею осторожностью дѣйствовали французскія власти, которыя вообще избѣгали возбужденія щекотливыхъ дѣлъ по поводу пребывающихъ во Франціи сомнительныхъ наблюдателей-нѣмцевъ. Военныя министерства всѣхъ великихъ государствъ имѣють свои свѣденія о порядкахъ за границею и стараются по мѣрѣ возможности узнавать чужія тайны, касающіяся новыхъ вооруженій и изобрѣтеній, плановъ крѣпостей, распредѣленія войскъ, способовъ мобилизаціи, состава новыхъ взрывчатыхъ веществъ и т. п.,

—и нигдѣ не считается это предосудительнымъ. Военное соперничество оправдываетъ эту систему взаимнаго надзора, и каждая страна оберегаетъ себя отъ неудобной любознательности сосѣдей только пассивными мѣрами — выборомъ неподкупныхъ чиновниковъ по военному вѣдомству, усиленнымъ контролемъ за дѣятельностью иностранцевъ и безусловнымъ недопущеніемъ частныхъ лицъ въ извѣстныя области военныхъ приготовленій. Конечно, этихъ мѣръ недостаточно для устраненія случаевъ успѣшнаго шпионства; но военная администрація не можетъ серьезно думать о полномъ уничтоженіи такой спеціальности, плодами которой она можетъ пользоваться сама относительно чужихъ державъ. Задача въ сущности сводится къ тому, чтобы довести до минимума успѣхи иноземныхъ лазутчиковъ и расширить шансы своихъ собственныхъ. Такъ какъ военная практика повсюду одинакова, то на этой почвѣ не могутъ возникать серьезные столкновенія или пререканія, пока преобладаютъ интересы мира; но при болѣе тревожныхъ обстоятельствахъ эти развѣдочныя усилія военныхъ агентовъ представляютъ благодарнѣйшій матеріалъ для опасныхъ „инцидентовъ“, которые могутъ быть устроиваемы когда угодно, по желанію того или другого правительства.

Дни, пережитые Европою отъ 8-го до 17-го апрѣля, можно назвать „недѣлею Шнебеле“. Фактъ, занимавшій въ эти дни европейское общественное мнѣніе, выходилъ изъ ряда обычныхъ случаевъ подобнаго рода. На самой границѣ Франціи нѣмецкіе переодѣтые сыщики накинудись на французскаго полицейскаго комиссара, взяли его въ плѣнъ и отвезли въ тюрьму, гдѣ онъ и содержался цѣлую недѣлю. Эльзасецъ Шнебеле (нѣмецкая фамилія—Schnäbele,—передѣланная у насъ почему-то въ Шнебелля) занималъ официальную должность въ мѣстечкѣ Паньи (Pagny-sur-Moselle), въ округѣ Нанси; онъ формально утвержденъ въ правахъ французскаго гражданина и принадлежитъ безспорно къ составу французской администраціи. Приглашенный на дѣловое свиданіе своимъ нѣмецкимъ коллегой, пограничнымъ полицейскимъ комиссаромъ Гаучемъ, онъ подвергся неожиданному нападенію двухъ нѣмецкихъ агентовъ, вырвался отъ нихъ и успѣлъ обратно перейти границу, но былъ настигнутъ вторично уже на французской территоріи. Дѣло происходило почти у самой пограничной черты, на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ въ ту или другую сторону; началось оно на нѣмецкой землѣ, а кончилось на французской. Обстановка ареста была настолько двусмысленна, что одинъ изъ случайныхъ свидѣтелей событія высказалъ мнѣніе о совершенной невозможности точно опредѣлять мѣсто происшествія, ибо „ноги Шнебеле лежали въ Германіи, а голова — во Франціи“. При арестованіи употреблено было насиліе, и французскій чиновникъ

былъ въ наручникахъ доставленъ въ Мецъ. Угрожающее значеніе имѣетъ не самый фактъ, а отношеніе къ нему германскихъ властей. Удивляться нужно не самому захвату пограничнаго комиссара, а тому, что онъ не былъ тотчасъ же выпущенъ на свободу по приказанію изъ Берлина. Нѣмецкія офиціозныя газеты ограничились на первыхъ порахъ заявленіемъ, что Шнебеле арестованъ на германской территоріи по законному распоряженію судебнаго слѣдователя, что онъ обвиняется въ шпіонствѣ и государственной измѣнѣ, въ соучастіи съ другими лицами, въ предѣлахъ присоединенныхъ провинцій, что нѣмецкія власти только исполнили свой долгъ. и что слѣдствіе будетъ производиться обменовеннымъ порядкомъ. Органы князя Бисмарка сохраняли странное молчаніе о двухъ обстоятельствахъ первостепенной важности—объ офиціальномъ характерѣ задержаннаго француза и объ арестѣ его на самой границѣ. Въ Берлинѣ допускали освобожденіе Шнебеле только въ двухъ случаяхъ:—если окажется, что нѣмецкіе агенты нарушили границу, или что они завлекли свою жертву въ засаду подъ предлогомъ какихъ-то переговоровъ. И оба эти пункта допущены были только на третій или четвертый день, когда понятное волненіе охватило Францію и отозвалось въ остальной Европѣ. Для удостовѣренія спорныхъ обстоятельствъ производились дознанія на мѣстѣ, составлялись и сличались протоколы, посылались документы изъ Парижа въ Берлинъ и обратно. Такая постановка вопроса была неправильна по существу и заключала въ себѣ значительную долю риска. Жизненные интересы двухъ великихъ народовъ невозможно ставить въ зависимость отъ выясненія подобныхъ мелкихъ случайностей. Шнебеле могъ не вырваться изъ нѣмецкихъ рукъ и могъ пройти нѣсколько лишнихъ шаговъ безъ приглашенія нѣмецкаго коллеги; и однако арестованіе его было бы явнымъ нарушеніемъ международныхъ приличій и вооружило бы противъ Германіи самыхъ миролюбивыхъ французскихъ гражданъ. Когда должностное лицо чужого государства подозрѣвается въ какихъ-либо враждебныхъ дѣйствіяхъ, то объ этомъ сообщаютъ заинтересованному правительству, требуютъ его удаленія или отдачи его подъ судъ; но прибѣгать къ насильственному задержанію иностраннаго чиновника и заключать его въ тюрьму по обвиненію въ политическихъ проискахъ, безъ предварительныхъ сношеній съ дипломатіею его отечества—это значитъ обнаружить прямое неуваженіе къ данному народу и государству. Было ли такое намѣреніе у берлинскаго кабинета относительно Франціи? Если было, то все случившееся получаетъ свое разумное объясненіе; французамъ дано понять вполне наглядно, что къ нимъ относятся безцеремонно, что ихъ не уважаютъ и не боятся. Но изъ словъ и дѣйствій князя Бисмарка очевидно,

что у него не было желанія оскорбить Францію или бросить ей вызовъ для ускоренія ожидаемой войны;—онъ просто не видитъ ничего обиднаго для побѣжденныхъ въ томъ, что было бы великимъ оскорбленіемъ для побѣдителей. Въ этомъ и коренится главная опасность для будущаго: германскій канцлеръ и солидарные съ нимъ нѣмецкіе патріоты ни на минуту не забываютъ, что Франція побита Германіею, что французы должны чувствовать на себѣ естественныя послѣдствія пораженія и не могутъ претендовать на полную равноправность съ побѣдоносною нѣмецкою націею. Быть можетъ, германскіе правители поступили бы не менѣе круто, еслибы дѣло шло о чиновникѣ русскомъ или англійскомъ; но тогда не было бы той жгучей политической подкладки, которая придаетъ всякому столкновенію вызывающій, воинственный характеръ. Съ этой точки зрѣнія „инцидентъ Шнебеле“ представляется въ высшей степени печальнымъ; онъ указываетъ на болѣзненную самоувѣренность и раздражительность въ официальныхъ сферахъ германской имперіи, на готовность дѣлать рискованные шаги для поддержанія нѣмецкаго авторитета въ Европѣ. Французскій комиссаръ выпущенъ былъ только тогда, когда не оставалось уже никакихъ формальныхъ оправданій для его ареста; завлеченіе его въ западню и преслѣдованіе его на французской территоріи были удостовѣрены настолько положительно, что даже нѣмецкая пресса должна была признать незаконность содержанія его въ нѣмецкой тюрьмѣ. Общественное мнѣніе повсюду высказывалось противъ поступка германскихъ властей; англійскія, австрійскія и итальянскія газеты—не говоря уже о русскихъ—единодушно осуждали усердіе нѣмецкой полиціи и выражали надежду на мирное обоюдное соглашеніе по дѣлу Шнебеле. Еслибы Германія даже пренебрегала чувствами французовъ, то она во всякомъ случаѣ не можетъ пренебречь мнѣніемъ всей Европы: комиссаръ изъ Панъи-сюръ-Мозель, отнынѣ знаменитый, былъ освобожденъ 17-го апрѣля, чрезъ девять дней послѣ его задержанія.

Поведеніе французскаго правительства въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ достойно было всякаго сочувствія; оно одобрялось даже придирчивою нѣмецкою критикою. Кабинетъ Гобле дѣйствовалъ съ замѣчательною осторожностью; онъ сохранялъ спокойствіе и хладнокровіе въ минуты общаго возбужденія, предвѣщавшаго неминуемую грозу. Министерство не предпринимало никакого дипломатическаго шага до тѣхъ поръ, пока дѣло не было разслѣдовано на мѣстѣ; никакихъ официальныхъ запросовъ или требованій не предъявлялось въ Берлинъ, и успокоительныя завѣренія даны были германскимъ повѣреннымъ въ Парижѣ по собственному почину князя Бисмарка. Французскія газеты вели себя крайне сдержанно и тактично; онѣ

удивляли всѣхъ своею умѣренностью и миролюбіемъ. Многимъ казалось, что правительство республики проявило постыдную слабость, не потребовавъ немедленнаго освобожденія комиссара Шнебеле; одинъ изъ русскихъ корреспондентовъ рассказываетъ даже, что французскіе патріоты плакали, говоря о позорномъ паденіи Франціи при нынѣшнемъ ея режимѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что война разыгралась бы неизбежно, еслибы министерство послѣдовало совѣтамъ этихъ чувствительныхъ и нетерпѣливыхъ гражданъ. Требованіе объ освобожденіи не было бы исполнено уже потому, что этого не допустила бы національная гордость Германіи; нѣмецкій канцлеръ отвѣтилъ бы отказомъ, по крайней мѣрѣ условнымъ, ибо подчиниться французскому требованію было бы немислимо для достоинства имперіи. Отказъ, хотя бы условный, поставилъ бы Францію въ необходимость или взять назадъ свое требованіе, или поддержать его силою оружія; такъ какъ первый путь невозможенъ для великой державы, то не было бы другого выхода, кромѣ войны. А воевать изъ-за Шнебеля не стоило. — Тѣмъ болѣе, что военныя преобразованія, начатыя генераломъ Буланжѣ, далеко еще не приведены къ концу. Результатъ вполнѣ оправдалъ благоразумную политику министерства. Эльзасскій плѣнникъ выпущенъ былъ нѣсколькими днями позже, безъ категорическаго требованія Франціи, послѣ миролюбиваго обмѣна формальныхъ свѣдѣній и разъясненій по спорнымъ пунктамъ дѣла. Терпѣливая сдержанность была настоящимъ подвигомъ для французскаго правительства, при существующихъ въ странѣ чувствахъ относительно Германіи. Трудно представить себѣ, чтобы берлинскій кабинетъ выказалъ такое же миролюбіе въ случаѣ захвата нѣмецкаго чиновника французскими властями; мы не сомнѣваемся, что князь Бисмаркъ тотчасъ потребовалъ бы надлежащаго удовлетворенія и не отступилъ бы даже передъ рискомъ войны.

Натянутыя отношенія между Франціею и Германіею могутъ измѣниться къ лучшему только послѣ того, какъ сойдутъ со сцены могущественные побѣдители французовъ, стоящіе еще во главѣ имперскихъ дѣлъ. Новое поколѣніе нѣмецкихъ правителей не будетъ уже непосредственно связано съ великими побѣдами 1871 года; исключительный авторитетъ князя Бисмарка не перейдетъ къ его преемнику. Управляемая дѣтелями, менѣе увѣренными въ своей силѣ, болѣе скромными по заслугамъ и по значенію въ Европѣ, германская имперія перестанетъ быть грозой для Франціи и приобрѣтетъ тотъ мирный и спокойный характеръ, который соответствуетъ національнымъ качествамъ и стремленіямъ нѣмецкаго народа. Тогда и вопросъ объ Эльзасѣ и Лотарингіи можетъ уладиться безъ новой борьбы. Французы даже помирились бы съ утратою этихъ провинцій,

еслибы послѣднимъ дана была полная автономія и еслибы нѣмцы вообще прониклись болѣе справедливыми взглядами по отношенію къ сосѣднему, все-таки великому и передовому народу. Къ сожалѣнію, германскій канцлеръ успѣлъ наложить свой тяжелый отпечатокъ на всю политическую и культурную жизнь имперіи; онъ образовалъ цѣлую школу государственныхъ людей, дипломатовъ, публицистовъ и патріотовъ, — онъ подготовилъ новое нѣмецкое поколѣніе, которое будетъ еще слѣдовать его примѣрамъ и традиціямъ. Но очень многое соединено неразрывно съ личностью князя Бисмарка, и его удаленіе на покой отразится весьма существенно на международной политической роли Германіи.

Раздражительность и непослѣдовательность нѣмецкой политики относительно Франціи объясняются, главнымъ образомъ, неблагопріятнымъ положеніемъ дѣлъ въ Эльзасѣ и Лотарингіи. Всѣ усилія привлечь населеніе этихъ областей на сторону имперской власти оказались тщетными. Нѣмецкая объединительная политика потерпѣла рѣшительное фіаско въ двухъ присоединенныхъ провинціяхъ. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, князь Бисмаркъ выразилъ увѣренность, что дѣти нынѣшнихъ эльзасцевъ будутъ уже вѣрными нѣмцами; — съ тѣхъ поръ дѣти превратились въ гражданъ, и всѣ они обращаютъ свои взоры на западъ, выбираютъ въ депутаты только сторонниковъ Франціи, записываются въ „патріотическую лигу“ и открыто стремятся къ отдѣленію отъ имперіи. Прежній оптимизмъ правительства уступилъ мѣсто полному разочарованію и раздраженію. Не достигнувъ цѣли добромъ, нѣмецкая администрація приняла систему репрессіи, которая окончательно оттолкнетъ эльзасцевъ отъ officialнаго „отечества“. Въ провинціяхъ вводится осадное положеніе; французы изгоняются безусловно, за исключеніемъ тѣхъ, которымъ нѣмецкія власти разрѣшили доступъ въ страну; люди, извѣстные своими симпатіями къ Франціи, въ томъ числѣ избранные недавно члены имперскаго сейма, какъ, напр., Антуанъ, удалены изъ предѣловъ родного края, — такъ что эльзасскіе депутаты отправляются въ Берлинъ на засѣданія рейхстага черезъ Бельгію. Коммисаръ Шнебеле обвинялся, между прочимъ, въ незаконныхъ сношеніяхъ съ наиболѣе выдающимся изъ этихъ германскихъ выборныхъ представителей области, Антуаномъ. Неудовольствіе и глухое броженіе усиливаются подъ вліяніемъ подобныхъ административныхъ мѣръ; надежды эльзасцевъ еще болѣе обращаются на западъ, и мысль объ освобожденіи отъ притѣснителей растетъ и крѣпнетъ по ту сторону Вогезовъ. Всякая новая строгость въ провинціяхъ отзывается болѣзненно во Франціи; создается и поддерживается постоянное раздраженіе, изъ котораго выростетъ, со временемъ, рѣшимость выступить на защиту

угнетаемыхъ эльзасцевъ, пользующихся всеобщими и вполне понятными симпатіями французовъ. Князь Бисмаркъ не могъ бы дѣйствовать иначе, чѣмъ онъ дѣйствуетъ теперь, — еслибы сознательною цѣлью его было тѣснѣйшее сближеніе Эльзаса и Лотарингіи съ Франціею и рѣшительное отдаленіе ихъ отъ имперіи. Что дальновидный государственный человѣкъ поступаетъ такимъ образомъ, — это только признакъ раздраженія и досады; политическаго разумнаго плана тутъ нѣтъ и быть не можетъ. Даже на случай войны нежелательно для нѣмцевъ, чтобы въ занятыхъ провинціяхъ подготовлена была почва для восторженнаго приѣма французскихъ войскъ и для скрытаго противодѣйствія нѣмецкой арміи; а теперь дѣлается все именно для созданія этого враждебнаго настроенія. Князь Бисмаркъ становится старъ, и самый гениальный дѣятель не можетъ не подчиняться естественному вліянію преклоннаго возраста; а долгая привычка къ господству мѣшаетъ признавать свои слабости и ошибки, даже когда онѣ ясны для другихъ. Есть основаніе думать, что просвѣщенная часть нѣмецкаго общества смотритъ болѣе правильно на задачи управленія въ Эльзасъ-Лотарингіи и что съ удаленіемъ нынѣшняго канцлера восторжествуетъ политика умиротворенія, терпѣнія и справедливости — политика единственно возможная и цѣлесообразная, съ точки зрѣнія жизненныхъ интересовъ германской націи.

Одна французская газета сравнила арестованіе Шнебеле съ захватомъ герцога Энгиенскаго Наполеономъ. Разумѣется, сравненіе это — совершенно неподходящее и даже нелѣпое; но если присмотрѣться поближе къ фактамъ, то дѣло Шнебеле, по своей логической основѣ, заключаетъ въ себѣ принципиальную возможность нарушеній еще болѣе важныхъ и грубыхъ, чѣмъ захватъ герцога Энгиенскаго. Въ парижской печати было справедливо замѣчено, что, обвиняя французскаго чиновника въ государственной измѣнѣ, нѣмецкія власти высказываютъ принципъ, по которому всѣ начальствующія лица во Франціи, министры и полководцы, подлежали бы аресту и суду, въ случаѣ, еслибы они вздумали перейти нѣмецкую границу. И дѣйствительно, французскій комиссаръ былъ соучастникомъ въ политическомъ преступленіи, совершенномъ нѣкоторыми эльзасцами, а самое преступленіе состояло въ военномъ шпіонствѣ, въ собираніи свѣдѣній объ укрѣпленіяхъ Меца и его окрестностей, о передвиженіяхъ нѣмецкихъ войскъ и т. п. Но, собирая эти свѣдѣнія, Шнебеле дѣйствовалъ не самостоятельно, а въ соучастіи съ другими, выше стоящими, лицами; онъ былъ только исполнителемъ распоряженій, исходящихъ отъ французскаго военнаго министерства, которое, въ свою

очередь, дѣйствуетъ въ полномъ согласіи съ французскимъ правительствомъ во всемъ его составѣ. Поэтому отвѣтственность Шнебеле гораздо меньше той, которая лежитъ на французскихъ министрахъ и генералахъ; послѣдніе суть настоящіе виновники и зачинщики преступныхъ дѣйствій, совершаемыхъ ихъ второстепенными агентами. Во всѣхъ дѣлахъ о государственной измѣнѣ, возникающихъ въ судебныхъ мѣстахъ германской имперіи, участвуютъ, въ качествѣ интеллектуальныхъ виновниковъ, иноземные военные министры, генеральные штабы и военно-дипломатическіе представители чужихъ государствъ, — и всѣ они являются участниками нѣмецкихъ „преступленій“ въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ ничтожный комиссаръ изъ Паньи-сюръ-Мовелль. Когда нѣмецкій офицеръ продаетъ секретные документы или планы крѣпостей военному вѣдомству иностранной державы, напр. Россіи или Австріи, то въ государственной измѣнѣ нѣмецкаго офицера виновато-де и правительство русское или австрійское, такъ какъ оно воспользовалось плодами измѣны и заплатило за нихъ свои деньги; нѣмецкія власти будутъ производить слѣдствіе и постановлять приговоры объ иностранныхъ сановникахъ и чиновникахъ, а въ случаѣ возможности — будутъ и хватать чужихъ министровъ, когда тѣ, по незнанію, соберутся путешествовать черезъ германскую территорію. Такимъ образомъ, генераль Буланжѣ, какъ главный организаторъ французской военной обороны и высшій начальникъ всѣхъ развѣдочныхъ агентовъ, могъ бы быть арестованъ и судимъ нѣмецкою полиціею въ случаѣ перехода его за пограничную черту, отдѣляющую имперію отъ республики. Очевидно, въ этомъ своеобразномъ взглядѣ на государственную измѣну и на соучастіе въ ней иностранныхъ правительствъ коренится нѣчто совсѣмъ неправдоподобное, сближающее дѣло Шнебеле съ болѣе крупными вопросами международнаго права. Герцогъ Энгіенскій былъ французскій подданный; онъ могъ быть законно обвиняемъ въ измѣнническихъ предпріятіяхъ противъ своего отечества, и захватъ его былъ несправедливъ только потому, что совершился на чужой землѣ. Но чтобы иностранный генераль или министръ могъ подлежать карательнымъ мѣрамъ того или другого государства за политическія дѣйствія, совершенныя на родинѣ, по долгу службы, — это предположеніе идетъ несравненно дальше Бонапартовскаго взгляда по дѣлу герцога Энгіенскаго и гораздо глубже нарушаетъ общепринятія международныя отношенія, чѣмъ печальный подвигъ Наполеона. Во время войны 1870—71 годовъ нѣмецкія войска едва не завладѣли желѣзно-дорожнымъ поѣздомъ, въ которомъ находился Гамбетта; тогда возникъ и обсуждался въ печати вопросъ: можно ли брать въ плѣнъ министровъ непріятельской державы и позволительно ли поступать съ ними

какъ съ военноплѣнными. Тогда вопросъ рѣшался утвердительно по той простой причинѣ, что Гамбетта былъ руководителемъ военныхъ приготовленій и стоялъ фактически во главѣ французской національной защиты; но это было въ военное время, и тогдашняя точка зрѣнія нѣмецкаго правительства вполне соотвѣтствовала обстоятельствамъ. Какой же смыслъ могутъ имѣть эти чисто-военныя мѣры и репрессаліи при мирныхъ отношеніяхъ между народами и государствами? Или Европа дѣйствительно превращается въ военный лагерь, и законы войны должны примѣняться и во время мира?

Недоразумѣніе усиливается еще крайнею односторонностію нѣмецкихъ газетныхъ толковъ объ иноземномъ и особенно французскомъ шпионствѣ. Никто не станетъ отрицать, что германское военное вѣдомство имѣетъ такія же организованныя развѣдочныя агентуры во Франціи и въ другихъ странахъ, какъ и французское военное министерство. Въ Берлинѣ получаютъ точныя и подробныя свѣденія о вооруженіяхъ французскихъ, австрійскихъ и русскихъ; свѣденія проходятъ черезъ руки многочисленныхъ нѣмецкихъ Шнѣбелей, пребывающихъ во Франціи, Австріи и Россіи. Отчего же нигдѣ не поднимаютъ шуму по поводу неудобной дѣятельности нѣмецкихъ пограничныхъ соглядатаевъ? Почему не арестовываютъ и не судятъ ихъ въ чужихъ государствахъ, гостепріимствомъ которыхъ они пользуются невозбранно? Еслибы гдѣ-нибудь вздумали заключить въ тюрьму нѣмецкаго officialнаго лазутчика, то что сказали бы на это берлинскіе officialы? Они едва ли рѣшились бы примѣнить къ себѣ правило, которое они выставляютъ въ назиданіе другимъ, — хотя иностранная держава могла бы спокойно сослаться на мудрое изреченіе: *paterere legem quam ipse tulisti*. Германскія министерскія газеты свысока поучаютъ французовъ, что не слѣдуетъ допускать шпионство въ предѣлахъ нѣмецкой имперіи, что такіа дѣла, какъ „инцидентъ“ Шнѣбеле, подвергаютъ опасности международный миръ, что необходимо осуждать дѣятельность подобныхъ сыщиковъ и не пользоваться ихъ услугами ни въ какомъ случаѣ. И это говорится отъ имени державы, гдѣ военное соглядатайство устроено самымъ совершеннымъ образомъ и гдѣ оно дѣйствительно достигаетъ своихъ цѣлей при помощи небрежнаго или снисходительнаго отношенія чужихъ правительствъ къ агентамъ извѣстнаго рода!

Мы не разъ имѣли случай высказаться въ пользу мирной дружбы съ могущественною и просвѣщенною Германіею; мы глубоко сочувствуемъ нѣмецкой интеллигенціи, нѣмецкой наукѣ и литературѣ, и насъ никто не заподозритъ въ предвзятой враждебности даже относительно политическаго направленія, господствующаго нынѣ въ германской имперіи. Увлеченія officialныхъ публицистовъ и патріотовъ

извѣстнаго сорта могутъ быть признаваемы вредными, неосновательными и произвольными; они могутъ вызывать рѣзкую критику въ независимыхъ органахъ печати какъ внутри, такъ и внѣ страны, — но было бы слишкомъ близорукое дѣлать изъ этого выводъ, что критикующіе проникнуты непріязнью къ нѣмцамъ или склоняются на сторону Франціи по какимъ-либо особеннымъ расчетамъ или симпатіямъ. Наполеоновскій режимъ во Франціи былъ намъ такъ же не-симпатиченъ, какъ нѣкоторыя стороны Бисмарковскаго режима въ Германіи. Говоря о нѣмецкой политикѣ, о нѣмецкихъ ошибкахъ и увлеченіяхъ, мы всегда имѣемъ въ виду дѣятельность официальныхъ берлинскихъ сферъ и взгляды признанныхъ выразителей ихъ въ журналистикѣ. „Сѣверо-Германская Всеобщая Газета“ обыкновенно зачисляетъ всякаго критика или противника идей князя Бисмарка въ лагерь явныхъ враговъ германской имперіи. Даже вѣнская „Neue Freie Presse“, извѣстная своимъ тяготѣніемъ ко всему нѣмецкому, заподозрѣна въ преступномъ сочувствіи къ французамъ съ тѣхъ поръ, какъ она стала позволять себѣ нѣкоторое критическое отношеніе къ рискованнымъ теоріямъ и возгласамъ берлинскихъ офиціозовъ. Поведеніе австрійской нѣмецкой прессы по поводу дѣла Шнѣбеле должно было бы служить для Берлина весьма серьезнымъ указаніемъ, изъ котораго не трудно было бы извлечь пользу для будущаго. Слишкомъ узкіе патріотическіе взгляды, проводимые съ неуклонною послѣдовательностью, порождаютъ непріятное чувство даже среди родствен-ныхъ элементовъ государства, связаннаго съ Германіею тѣсными политическими обязательствами и отношеніями. Въмѣсто того чтобы толковать о франкофильствѣ австрійскихъ нѣмцевъ, было бы гораздо справедливѣе подвергнуть болѣе хладнокровному и безпристрастному анализу тѣ отдѣльные факты, которые заставляютъ общественное мнѣніе высказываться противъ одностороннихъ взглядовъ берлинскаго кабинета и его органовъ.

Въ „Сѣверо-Германской Газетѣ“, отъ 19-го апрѣля, напечатано сообщеніе князя Бисмарка на имя французскаго посланника Гербетта, отъ 16-го числа, по дѣлу Шнѣбеле. Въ этомъ сообщеніи говорится о французскомъ комиссарѣ, какъ о подсудимомъ, и освобожденіе его мотивировано исключительно обстоятельствами перехода его чрезъ нѣмецкую границу по случаю переговоровъ съ пограничнымъ германскимъ чиновникомъ. „Предметомъ производящагося о Шнѣбеле слѣдствія, — пишетъ канцлеръ, — служить преступленіе государственной измѣны; слѣдствіе опирается на полныя улики вины подсудимаго, которыя заключаются въ показаніяхъ нѣкоего Клейна, обвиняемаго по такому же дѣлу, и въ собственныхъ письмахъ Шнѣбеле. Если нижеподписавшійся, тѣмъ не менѣе, исходатайствовалъ у императора

повелѣніе объ освобожденіи Шнебеле, то въ этомъ онъ руководствовался взглядомъ на дѣло съ точки зрѣнія международного права, именно тѣмъ соображеніемъ, что переходы черезъ границу, дѣлаемые съ цѣлью переговоровъ по службѣ между чиновниками сосѣднихъ государствъ, всегда считаются совершенными какъ бы въ силу молчаливаго обезпеченія свободного пропуска. Императоръ рѣшилъ, что, въ виду мотивовъ международного права, имѣющихъ цѣлью безусловно обезпечить международные переговоры, Шнебеле слѣдуетъ выпустить на свободу, несмотря на то, что противъ него имѣются улики. Германскій канцлеръ строго проводитъ здѣсь именно ту точку зрѣнія, что иностранный чиновникъ можетъ быть судимъ за „государственную измѣну“ чужому отечеству; несомнѣнно, „улики имѣются противъ подсудимаго“, но еще болѣе вѣскія улики существуютъ противъ генерала Буланжэ, какъ и съ своей стороны французы могли бы заняться разслѣдованіемъ уликъ противъ графа Мольтке и его агентовъ. Эта оригинальная теорія „измѣны“, примѣняемая пока только къ французамъ, можетъ привести къ цѣлому ряду политическихъ абсурдовъ,—и рано или поздно она будетъ отвергнута самими нѣмцами ради собственныхъ ихъ выгодъ и интересовъ.

Въ Англіи расколъ между политическими партіями сдѣлался какъ бы хроническимъ. Бывшій радикалъ и приверженецъ Гладстона, Чамберленъ, произноситъ громовыя рѣчи противъ либеральныхъ дѣятелей, готовыхъ дать Ирландіи полную автономію. Умѣренные либералы, съ маркизомъ Гартингтономъ во главѣ, дѣйствуютъ заодно съ консервативнымъ премьеромъ, лордомъ Сольсбюри, а сторонники Гладстона составляютъ какъ бы одну партію съ ирландскою группою Парнелля. Правительство внесло въ парламентъ новый законъ о преступленіяхъ въ Ирландіи, и по этому поводу продолжается горячая полемика въ печати, на митингахъ и въ палатѣ общинъ.

Въ лондонскомъ Гайдъ-паркѣ собралась 11-го апрѣля многочисленная сходка для выраженія протеста противъ правительственнаго билля. Болѣе пятидесяти тысячъ человѣкъ участвовало въ этой мирной манифестаціи. Надъ толпою развѣвались знамена съ соотвѣствующими надписями, изъ которыхъ нѣкоторыя были весьма выразительны: „Ирландія—сестра, а не рабыня“, „Долой принужденіе“, „Земля для народа“, „Еще борьба за свободу“, „Довѣрьтесь народу“, „Справедливость для Ирландіи“ и т. п. Между прочимъ, обращалъ на себя вниманіе черный гробъ съ надписью: „Въ память принужденія“. Въ разныхъ мѣстахъ парка воздвигнуты были платформы, съ которыхъ ораторы обращались съ своими рѣчами къ народу.

Говорили члены парламента Стюартъ, Секстонъ, Дэвиль и Лабушеръ, г-жа Аштонъ-Дилькъ и лордъ-мэръ Дублина. Имя Гладстона не разъ привѣтствовалось громкими заявленіями сочувствія. Тѣмъ не менѣе шансы защитниковъ Ирландіи сравнительно слабы въ настоящее время; въ обществѣ преобладаетъ настроеніе, неблагоприятное для ирландской автономіи.

Большинство англійскихъ газетъ ратуетъ за сохраненіе государственнаго единства, подрываемаго будто бы проектами знаменитаго вождя либераловъ. „Times“ предпринялъ специальный походъ противъ ирландской „національной лиги“; онъ старается доказать солидарность Парнелля и его товарищей съ динамитчиками и убійцами, причемъ прибѣгаетъ къ средствамъ довольно сомнительнымъ. Редакція „Times“ приобрѣла у кого-то факсимиле письма Парнелля къ казначею „земельной лиги“, Патрику Эгану, отъ 15-го мая 1882 г.; въ этомъ письмѣ выражено косвенное одобреніе убійства, совершеннаго незадолго до того въ Фениксъ-паркъ и жертвами котораго пали лордъ Кавендишъ и Боркъ. Парнелль категорически заявилъ въ парламентѣ, что письмо это — гнусный подлогъ, что подпись его поддѣлана весьма неумѣло и что текстъ писанъ рукою, не имѣющею никакого сходства съ почеркомъ его секретаря. „Times“ настаиваетъ на своемъ, доказываетъ полное соответствіе содержанія письма съ неоднократными публичными заявленіями приверженцевъ Парнелля и наконецъ предлагаетъ послѣднему начать процессъ о клеветѣ. Въ томъ же смыслѣ высказываются правительственные ораторы, либеральныя „уніонисты“ и консерваторы; сторонники Гладстона, съ своей стороны, протестуютъ противъ голословныхъ обвиненій, подкрѣпленныхъ подлогами. Нѣкоторые изъ ирландскихъ автономистовъ, задѣтыхъ разоблаченіями „Times'a“, начали уже судебное дѣло противъ этой газеты; Парнелль удерживается отъ процесса только потому, что не рассчитываетъ на безпристрастіе англійскихъ присяжныхъ, которые, вѣроятно, рѣшили бы споръ въ пользу обвинителей. Очень можетъ быть, что письмо дѣйствительно писано Парнеллемъ, хотя это не соответствовало бы обычной осторожности „некоронованнаго короля“ Ирландіи. Положеніе ирландскаго вождя таково, что онъ долженъ шадить крайнихъ революціонеровъ, доставляющихъ изъ Сѣверной Америки значительную массу средствъ для поддержанія дѣла „національной лиги“. Это щекотливое положеніе Парнелля, въ виду кровавыхъ подвиговъ ирландскаго „патріотизма“, было замѣчено и признано уже давно; къ этому, въ сущности, ничего не прибавить письмо, помѣщенное въ „Times'ѣ“, еслибы даже оно оказалось длиннымъ. Обвиняя Парнелля, „уніонисты“ имѣютъ въ виду не столько его самого, сколько его нынѣшнихъ союзниковъ, принадлежащихъ

къ партіи Гладстона; они думаютъ заставить послѣднихъ отказаться отъ союза, который можетъ дискредитировать ихъ въ глазахъ общественнаго мнѣнія.

Но союзъ этотъ кажется теперь крѣпче, чѣмъ когда-либо; обѣ группы—ирландская и Гладстоновская—дѣйствуютъ какъ одинъ человѣкъ. Иногда невозможно судить по содержанію рѣчей, кто ихъ произноситъ—настоящій ли автономистъ, или какой-нибудь бывшій либеральный министръ. „Въ теченіе пятидесятилѣтняго царствованія королевы,—говорилъ, напримѣръ, ораторъ на одномъ изъ недавнихъ митинговъ,—процвѣтали всѣ части государства, кромѣ Ирландіи. Въ теченіе этого срока погибло отъ голода около 1.225.000 ирландцевъ. Около 3.600.000 изгнано было землевладѣльцами и 4.186.000 выселились изъ страны навсегда. Когда лордъ Сольсбюри былъ еще лордомъ Робертомъ Сесиль, онъ справедливо замѣтилъ однажды, что разгадка ирландскаго вопроса заключается не въ томъ, что ирландцы—кельты, что они—католики, что ихъ увлекаютъ демагоги; а истинною причиною ирландской смуты является англійское правительство“. Слова эти были сказаны бывшимъ министромъ въ кабинетѣ Гладстона, сэромъ Гаркортонъ. Рѣшимость покончить съ ирландскимъ вопросомъ и разрѣшить его разъ навсегда въ духѣ справедливости, согласно настойчивымъ стремленіямъ Ирландіи, установилась твердо въ средѣ единомышленниковъ Гладстона. На почвѣ этого вопроса будетъ продолжаться борьба между партіями до будущей избирательной кампаніи, пока успѣхъ не перейдетъ на сторону либераловъ. Отрицательныя мѣры консервативнаго кабинета не устранять и не разрѣшать задачи; неудовольствіе ирландцевъ будетъ продолжаться все рѣзче и сильнѣе; группа Шарнелла будетъ все больше тормазить дѣятельность англійскаго парламента, и наконецъ англичане мало-по-малу проникнутся убѣжденіемъ, что нѣтъ и не можетъ быть другого рѣшенія, кромѣ предложеннаго Гладстономъ. Тогда возстановится и единство либеральной партіи, нарушенное неудавшимся проектомъ ирландской автономіи. До тѣхъ поръ консерваторы, въ союзѣ съ уніонистами, останутся, вѣроятно, во главѣ управленія, и прежній торійскій духъ постепенно сольется съ неопредѣленно-умѣреннымъ направленіемъ виговъ.

Обычные доводы въ пользу или противъ репрессивной системы въ Ирландіи вновь наполняютъ собою столбцы англійскихъ газетъ. „Times“ и его соратники въ журналистикѣ стоятъ энергически за репрессию; „Daily News“ и другіе либеральные органы защищаютъ принципы самоуправленія. Радикалъ Чамберленъ отстаиваетъ консервативную точку зрѣнія, и въ интересной рѣчи, произнесенной имъ недавно въ Эйрѣ, въ Шотландіи, онъ подробно объяснилъ мотивы

своего разлада съ бывшими коллегами по либерализму. Чамберленъ напомнилъ публикѣ, что въ 1887 году либеральное министерство признало нужнымъ внести суровый принудительный билль, которымъ предоставлено было ирландской администраціи заключать въ тюрьму всякаго подозрительнаго человѣка, безъ формальнаго суда. На этомъ основаніи было арестовано въ разныхъ мѣстахъ болѣе тысячи заподозрѣнныхъ лицъ, и число преступныхъ дѣйствій еще болѣе увеличилось въ Ирландіи. Строгій законъ былъ замѣненъ болѣе мягкимъ въ 1882 году, и при управленіи лорда Спенсера преступность сократилась до ничтожной цифры. Но въ 1885 году колебалось равновѣсіе между партіями, и незначительное меньшинство палаты общинъ, состоявшее изъ 85 послѣдователей Парнелля, получило возможность распоряжаться судьбами парламентскаго положенія. „Съ того времени,—говоритъ Чамберленъ,—измѣнилась кореннымъ образомъ традиціонная политика либерализма. Программа большинства либеральной партіи состоитъ теперь въ томъ, что мы должны прекратить безпорядки въ Ирландіи не удержаніемъ нарушителей закона отъ дурныхъ поступковъ, а отдачею всего авторитета и вліянія правительства въ руки этихъ именно нарушителей. Ирландцы рѣшились сдѣлать невозможнымъ англійское управленіе въ Ирландіи, и, къ несчастію, въ первый разъ въ нашей исторіи и, надѣмся, въ послѣдній разъ либеральная партія или главнѣйшая ея часть отождествила себя съ подобною политикою — политикою возмущенія и анархіи“. Чамберленъ негодуетъ по поводу новой системы, усвоенной въ Ирландіи и извѣстной подъ именемъ „плана кампаніи“: ирландскіе фермеры отказываются платить ренту землевладѣльцамъ-лордамъ, если послѣдніе не соглашаются на уменьшеніе платы по желанію фермеровъ. Непримиримые лорды прибѣгаютъ къ насильственному выселенію фермеровъ, при помощи полицейскихъ командъ; отсюда безпорядки и волненія, которыми пользуются „агитаторы“ для своихъ политическихъ цѣлей. Министерство Сольсбюри старалось уменьшить число насильственныхъ выселеній при помощи билля, по которому фермеры могутъ получать скидку арендной платы черезъ посредство земельного суда; но эта мѣра едва ли много поможетъ массѣ нуждающихся арендаторовъ. Преступленія противъ землевладѣльческихъ агентовъ возросли весьма значительно: въ 1884 году число аграрныхъ нарушеній не превышало 762; въ 1885 году ихъ было 994, а въ 1886—1.056. Изъ этого Чамберленъ выводитъ, что правительственный билль безусловно необходимъ. Можно сказать, что на этотъ разъ билль настолько же оправдывается обстоятельствами, насколько оправдывались такого рода мѣры и въ прошедшемъ; но такихъ биллей издано

было не меньше 87 со времени „уніи“ Ирландіи съ Англією, и до сихъ поръ они ни къ чему не привели. Чамберленъ не упоминаетъ вовсе объ этой существенной сторонѣ вопроса, вытекающей прямо изъ указаній прошлаго.

Такъ судить и большинство заурядныхъ политиковъ, не видящихъ ничего дальше настоящей минуты и даннаго положенія; такъ рѣшило и большинство парламента въ засѣданіи 18-го апрѣля: послѣ бурныхъ и продолжительныхъ преній законъ принятъ 370 голосами противъ 269. Ирландская проблема остается въ томъ же видѣ, какъ была и въ прежніе годы; рѣшеніе отсрочено, но не устранено.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го мая 1887.

- *Н. Горбова*, Задачи русской народной школы. Москва, 1887.
— *Гр. П. А. Валуевъ*, Современныя задачи. II. Воспитаніе и образованіе. Москва, 1887.

Брошюра г. Горбова соединяетъ въ себѣ защиту церковной школы съ протестомъ противъ тѣхъ приемовъ, къ которымъ прибѣгаютъ обыкновенно усердные не по разуму ея ревнители. О протестѣ говорится ниже, въ Общественной Хроникѣ; не въ немъ заключается главное содержаніе книги и главная цѣль автора. Критика нѣмецкой педагогики и попытокъ пересадить ее на нашу почву составляетъ фундаментъ, на которомъ строится зданіе идеальной, по мнѣнію г. Горбова, народной школы. Въ критикѣ не мало основательнаго, но мало новаго; она занимается, большею частью, взламываніемъ открытой двери—открытой со времени появленія педагогическихъ статей графа Л. Н. Толстого. Не хорошо только то, что г. Горбовъ приписываетъ иногда нѣмецкой педагогикѣ положенія ей чуждыя или явно неправильно толкуетъ ея взгляды. По словамъ г. Горбова, научная (т.-е. нѣмецкая) педагогика утверждаетъ, что „стоитъ вести правильно воспитаніе—и человѣкъ уже окончательно готовъ“. Мы же-лали бы знать, кому именно принадлежитъ этотъ невозможный тезисъ? Нѣмецкимъ педагогамъ, какъ и всѣмъ вообще мыслящимъ людямъ, не можетъ не быть извѣстно, что за предѣлами школьнаго воспитанія начинается—или, лучше сказать, продолжается—непрерывная воспитательная работа жизни. Другой примѣръ: г. Горбовъ приписываетъ Дистервегу мнѣніе объ „особенной глупости нѣмецкихъ дѣтей“, составляющей, притомъ, ихъ „особое достоинство“, — и въ подтвержденіе этого приводитъ, въ выносѣхъ, подлинныя слова Дистервега, не переводя ихъ на русскій языкъ: „An Beweglichkeit, An-stelligkeit, Bildsamkeit und Gefügigkeit wird der deutsche Knabe von

den Sohne der Slaven und Romanen unbedingt übertroffen; er hat aber die Naturkraft, die sich eben zunächst in der Ungelenkigkeit offenbart, vor ihnen voraus; er entwickelt sich langsamer“ („Въ подвижности, гибкости, умѣньѣ приспособляться и подчиняться нѣмецкѣй мальчикъ безусловно уступаетъ славянскому и романскому, но онъ превосходить ихъ природной силой, которая сначала и выражается именно въ неловкости, тяжеловѣсности; онъ развивается медленнѣе“). Правильно ли мнѣніе Дистервега—это вопросъ, который насъ теперь не интересуетъ; мы хотѣли только показать, какъ произвольно искажаетъ его г. Горбовъ. Столь же безцеремонно обращается авторъ и съ словами Диттеса (стр. 48—49), которыхъ мы не приводимъ, чтобы не удлинять черезъ-чуръ нашу замѣтку.

Гораздо интереснѣе положительная сторона брошюры, т.-е. взглядъ автора на русскую народную школу, *какою она должна быть*. Первое требованіе его—это *подчиненіе школы указаніямъ жизни*. „Только жизнь знаетъ, что для нея нужно. Народъ носитъ въ себѣ идеалы высшіе, чѣмъ дѣйствительность. Эти идеалы, и только они, ведутъ народъ впередъ; доктрина же можетъ приносить только вредъ. Но народъ слагается изъ отдѣльныхъ единицъ, семей. Слѣдовательно только семья знаетъ идеалы народа. Школа слушаетъ, чего требуетъ семья, и очищаетъ эти требованія отъ случайныхъ примѣсей, старается исполнить ихъ возможно скорѣе и лучше. Слѣдовательно только эти требованія для нея законъ, а не досужія измышленія *лучшихъ людей*“. Повтореніе слова: *слѣдовательно*—должно замѣнять здѣсь недостающую послѣдовательность идей. Сначала—знаніе „того, что нужно“, приписывается жизни. Это, очевидно, не болѣе какъ фраза, потому что содержаніемъ жизни служить, между прочимъ, вѣчный споръ о „томъ, что нужно“. Каждая спорящая сторона считаетъ себя правой—и каждая расположена влагать свой отвѣтъ въ уста жизни. Дальше—„знающимъ“ является уже *народъ*—но это также „звукъ пустой“, потому что народъ молчитъ, а за него или отъ его имени говорятъ отдѣльныя лица. Еще дальше—представителемъ народа выступаетъ *семья*; но здѣсь авторъ уже окончательно виситъ на воздухѣ, потому что типичной *семьи* нѣтъ, а къ *семьямъ* примѣнима русская поговорка: сколько головъ, столько умовъ. И почему именно *семья*, только *семья* знаетъ „идеалы народа“? Что это за таинственная сила, которая даетъ союзу нѣсколькихъ лицъ возможность знать невидимое каждому изъ нихъ въ отдѣльности? Одно изъ двухъ: или приведенныя нами слова г. Горбова не имѣютъ никакого смысла, или они имѣютъ тотъ смыслъ, что истину знаетъ *масса народа*, и образцомъ для школьнаго воспитанія должно служить домашнее воспитаніе, какимъ мы его видимъ въ громадномъ большинствѣ рус-

скихъ семей, т.-е. въ семьяхъ крестьянскихъ. Но если это такъ, то во что же обращаются насмѣшки г. Горбова надъ „новоявленными педагогами—простыми мужичками“¹⁾? Не становится ли онъ самъ въ ряды тѣхъ „друзей“ церковной школы, въ которыхъ онъ видитъ самыхъ опасныхъ враговъ ея? Не беретъ ли онъ изъ „требованій“, предъявляемыхъ крестьянскою семьей, только тѣ, которыя онъ заранѣе призналъ правильными? Не повторяетъ ли онъ, въ нѣсколько утонченномъ видѣ, ту самую процедуру, грубѣйшая форма которой вызываетъ въ немъ чувства негодованія и отвращенія? Уже одного очищенія требованій жизни отъ случайныхъ прихвѣсей вполне достаточно для того, чтобы внести въ школу элементъ индивидуальный, въ какой угодно дозѣ.

Одно основное противорѣчіе влечетъ за собою множество другихъ. Г. Горбовъ не признаетъ за школой права „выбирать свѣденія, необходимыя для крестьянскихъ дѣтей“ — и все-таки дѣлаетъ этотъ выборъ; ему кажется, что онъ останется логичнымъ, если сведетъ сумму выбираемаго до крайняго минимума. Онъ хочетъ ограничить учебную задачу народной школы сообщеніемъ *навыковъ* — навыка читать, писать, считать; но вѣдь самое это ограниченіе предполагаетъ предварительную расцѣнку свѣденій, сдѣланную, конечно, не „жизнью“, не „народомъ“, не „семьею“, а самимъ г. Горбовымъ. Лучшее доказательство этому мы видимъ въ томъ, что авторъ дѣлаетъ *исключеніе* въ пользу русской исторіи. Откуда онъ почерпнулъ уполномочіе на такую мѣру? Очевидно — не изъ чего иного, какъ изъ собственнаго, личнаго взгляда. „Требованія“ на знаніе русской исторіи „русская семья“, сколько намъ извѣстно еще не предъявляла — и во всякомъ случаѣ не устанавливала размѣровъ и предѣловъ знанія. Кто же долженъ установить ихъ? Опять-таки — то учрежденіе или лицо, которому принадлежитъ руководство школой. Снисхожденіе г. Горбова къ русской исторіи объясняется, быть можетъ, слѣдующимъ простымъ соображеніемъ. Какъ бы мало онъ ни придавалъ значенія *содержанію* читаемаго, на *русскомъ языкѣ*, въ начальной школѣ (священные и богослужебныя книги, по мнѣнію автора, слѣдуетъ читать по церковно-славянскому тексту), все же, однако, матеріаломъ или предметомъ чтенія должна служить *книга*, а не бессмысленный наборъ словъ. И вотъ, изъ числа книгъ выбираются наиболѣе симпатичныя г. Горбову: сначала легкіе рассказы, потомъ сочиненія по русской исторіи — и тѣ, и другія, конечно, во всемъ соотвѣтствующіе тенденціи избирающаго. При чемъ же тутъ „требованія семьи и жизни“, какъ ихъ сначала формулируетъ г. Горбовъ?

¹⁾ См. ниже—Общественную Хронику.

Довольно любопытна аргументація, съ помощью которой г. Горбовъ оспариваетъ пользу чтенія „содержательныхъ книгъ“ (т.-е. книгъ, содержаніе которыхъ не подходитъ подъ излюбленную авторомъ схему). Возьмемъ, напримѣръ, книгу, заключающую въ себѣ практическія свѣденія о земледѣліи; она предлагается къ чтенію въ народной школѣ, потому что Россія—„страна земледѣльческая, а земледѣліе „стоитъ въ ней на никакой степени развитія“. „Это очень странное разсужденіе,—говоритъ г. Горбовъ:—земледѣліе, какъ и всякое практическое дѣло, стоитъ на низкой ступени не по одному незнанію. Не меньшее, если не большее значеніе имѣетъ бѣдность, да и привычка не мало значить, и не только привычка, но и совершенно законное опасеніе нововведеній. Хорошіе ли, дурные ли, но теперешніе приемы (крестьянскаго хозяйства) даютъ опредѣленные результаты, а отъ перемѣны что-то еще выйдетъ?“ Оставляя въ сторонѣ своеобразный квіетизмъ, выражающійся въ послѣднихъ словахъ г. Горбова, отмѣтимъ только продолжающійся разладъ его съ логикой. „Земледѣліе стоитъ на низкой ступени не по одному незнанію“. Совершенно вѣрно; но, выражаясь такимъ образомъ, авторъ прямо признаетъ незнаніе *одной изъ причинъ*, противодействующихъ развитію земледѣлія. Отсюда вытекаетъ, повидимому, необходимость усилій, направленныхъ къ устраненію этой причины—усилій, къ которымъ можетъ и должна присоединиться школа; но для автора послѣдовательность не существуетъ. Ему кажется, что, доказавъ многочисленность причинъ, онъ доказалъ этимъ самымъ безполезность борьбы противъ каждой изъ нихъ въ отдѣльности. Не замѣтилъ онъ и того, что „привычка“ состоитъ въ самой тѣсной связи съ „незнаніемъ“, и что уменьшить послѣднее, значило бы поколебать власть, принадлежащую первой.

Въ старшемъ отдѣленіи школы, по мнѣнію г. Горбова, „русское чтеніе должно быть сведено на минимумъ; по-русски старшіе ученики должны читать только насколько это необходимо въ видахъ изученія грамматики. И наоборотъ, славянскому чтенію, т.-е. изученію богослужебныхъ книгъ (а не Евангелія) должно быть отведено самое широкое мѣсто“. Этихъ немногихъ словъ достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о педагогическихъ „требованіяхъ“ г. Горбова. Хорошо будетъ „навыкъ“ въ русскомъ чтеніи, если онъ будетъ приобрѣтаться въ теченіе какихъ-нибудь восьми или шестнадцати мѣсяцевъ ¹⁾! И здѣсь г. Горбовъ остается вѣрнымъ самому себѣ, т.-е.

¹⁾ Курсъ начальной школы, если онъ трехлѣтній, продолжается никакъ не болѣе 24 мѣсяцевъ; въ церковно-приходской школѣ онъ продолжается только два года, т.-е. 16 мѣсяцевъ. Понятно, что значить ограничить русское чтеніе одною третью или половиною и безъ того уже столь короткаго учебнаго времени.

своей привычкѣ впадать въ противорѣчіе съ самимъ собою. Для чтенія въ старшемъ отдѣленіи предлагаются имъ почти исключительно такія книги, изъ которыхъ одну (главную) онъ самъ, нѣсколькоими строками раньше, назвалъ „неразчитанною для дѣтскаго возраста“. Еслибы это чтеніе должно было идти параллельно съ другимъ, приспособленнымъ къ дѣтскому пониманію, мы не сказали бы противъ него ни слова; но разѣ что оно является господствующимъ, ученики старшаго отдѣленія обрекаются на безконечный рядъ механическихъ упражненій, и одна изъ цѣлей обученія отодвигается на задній планъ именно тогда, когда достиженіе ея становится всего болѣе удобнымъ. Или, можетъ быть, ученики старшаго отдѣленія — уже не дѣти? Крестьяне, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, стараются отдать своихъ дѣтей въ школу какъ можно раньше, чтобы они ничѣмъ не отвлекались отъ физическаго труда, когда сдѣлаются къ нему способными. Сообразно съ этимъ, курсъ начальной школы оканчиваютъ, болѣею частью (особенно когда школа въ данной мѣстности существуетъ уже давно), одиннадцати- или двѣнадцатилѣтнія дѣти.

Объемъ библиографической замѣтки не позволяетъ намъ остановиться на разныхъ другихъ оригинальныхъ взглядахъ г. Горбова. Литеранство (!) и невѣріе — по мнѣнію автора — вѣтви отъ одного и того же ствола; изъ нѣсколькихъ словъ на страницѣ 59-ой можно заключить, что протестанты, въ глазахъ г. Горбова, — не христіане... Ограничимся еще одной, послѣдней цитатой: „Никто не приглашаетъ учителя, въ умѣнѣхъ коего не увѣренъ; никто не долженъ былъ бы приглашать въ народную школу учителя, въ искреннемъ православіи коего онъ имѣетъ поводъ сомнѣваться. Это такъ очевидно, а между тѣмъ, такой взглядъ, увы! далеко не распространенъ“. Неужели авторъ не замѣчаетъ, что онъ сравниваетъ здѣсь величины несомнѣримныя? *Умѣнѣе* можетъ быть точно взвѣшено, опредѣлено; *искренность въ роуаніа* не подлежитъ повѣркѣ, и распространеніе взгляда, поддерживаемаго г. Горбовымъ, могло бы привести только къ одному: къ развѣтію лицемерія.

По вопросу о начальномъ обученіи, графъ П. А. Валуевъ сходится съ г. Горбовымъ, по крайней мѣрѣ, въ окончательномъ выводѣ, но мотивы заимствованы изъ отчета синодальнаго оберъ-прокурора; болѣею самостоятельностью отличается та часть брошюры, которая касается гимназическаго обученія, причемъ обращено вниманіе преимущественно на два пункта: переутомленіе учениковъ и значеніе закона Вожія, какъ предмета преподаванія въ гимназіи. Переутомленіе учениковъ признается авторомъ, какъ фактъ, и фактъ прискорбный. Для устраненія или уменьшенія свидѣтельствуемаго неудобства предла-

гается, во-первыхъ, сокращеніе числа уроковъ по новѣйшимъ языкамъ и по исторіи; но эти предметы уже и теперь играютъ въ гимназіи самую подчиненную роль; во-вторыхъ,—освобожденіе отъ изученія греческаго языка всѣхъ тѣхъ учениковъ гимназіи, которые заранее откажутся отъ полученія аттестата зрѣлости, т.-е. отъ намѣренія вступить въ университетъ. Итакъ, судьба ученика должна быть предрѣшена уже при переходѣ его изъ второго класса въ третій, т.-е. въ возрастъ отъ 12 до 14 лѣтъ. Опять должна быть введена бифуркація, достаточно уже доказавшая свою несостоятельность—и притомъ бифуркація еще болѣе ранняя, чѣмъ прежде. Много ли найдется въ гимназіи учениковъ, которые—или родители которыхъ—рѣшились бы совершить предлагаемый авторомъ „опасный скачокъ“ (*saut périlleux*)? Къ чему опредѣлять мальчика въ гимназію, если дорога къ высшему образованію заранее признается для него закрытой? Правильно ли, сверхъ того, связывать вопросъ о переутомленіи учениковъ единственно съ числомъ учебныхъ часовъ? Не зависить ли оно гораздо больше отъ характера преподаванія и содержанія учебныхъ программъ, отъ продолжительности обусловливаемыхъ тѣмъ и другимъ внѣ-классныхъ занятій? Всѣ мѣры противъ „переутомленія“ окажутся палліативными, пока не измѣнится *цѣль*, а вмѣстѣ съ нею и *способъ* преподаванія древнихъ языковъ.

Доказывая необходимость поднять значеніе закона Божія, какъ предмета обученія въ гимназіяхъ, графъ П. А. Валуевъ—нельзя не отдать автору эту справедливость—очень далека отъ мысли (еще недавно высказанной въ одномъ изъ реакціонныхъ органовъ печати), что средствомъ подъема должно быть увеличеніе строгости, уравненіе закона Божія, по послѣдствіямъ неудовлетворительной отмѣтки, съ такъ-называемыми „главными предметами“. Напротивъ того, авторъ настаиваетъ на уменьшеніи „заучиванья“, на необходимости всевозможныхъ облегченій для учениковъ, „по личному такту законоучителя“. Но все же, однако, его предложенія сводятся къ тому, чтобы въ высшихъ классахъ преподаваніе принимало „характеръ научно-религіозной, кроткой, дружественной, предупредительной и предохранительной полупроповѣди“. Но вѣдь это вполне возможно и теперь, тѣмъ болѣе, что въ двухъ старшихъ классахъ гимназіи законоучитель не стѣсненъ требованіями программы, предписывающей только, въ общихъ чертахъ, „повтореніе“ закона Божія. Совѣтъ автора „признать за законоучителями все подобающее имъ значеніе“ остается, такимъ образомъ, до дальнѣйшаго выясненія малоопредѣленнымъ. Авторъ брошюры выражаетъ еще желаніе уменьшить знакомство учениковъ съ Гоголемъ, и вообще съ „сатирическою струною“ нашей литературы, и увеличить знакомство ихъ съ Хомяковымъ и гра-

фомъ А. К. Толстымъ; но такой взглядъ на значеніе Гоголя въ русской литературѣ намъ весьма трудно раздѣлять.

— *Литературныя очерки С. Я. Надсона* (1883—86). Изданіе Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. С.-Петербургъ, 1887.

Покойный поэтъ, такъ быстро завоевавшій симпатіи русскаго общества и оставившій по себѣ такую глубокую, добрую память, былъ критикомъ только мимоходомъ; тѣмъ не менѣе Литературный Фондъ поступилъ совершенно правильно, собравъ и издавъ въ свѣтъ его критическіе очерки. Они объясняютъ происхожденіе вражды, преслѣдовавшей Надсона въ послѣдніе мѣсяцы его жизни и не умолкнувшей даже послѣ его смерти; они показываютъ, какъ неосторожно поступила академія наукъ, поручивъ разборъ стихотвореній Надсона одному изъ нашихъ поэтовъ, и какую безтактность допустилъ этотъ поэтъ, согласившись исполнить порученіе академіи. Еще важнѣе, конечно, тотъ дополнительный свѣтъ, которымъ освѣщена теперь, благодаря новому изданію, личность умершаго поэта. Мы видимъ, какъ горяча была его любовь къ поэзіи, какъ велико сочувствіе къ молодымъ начинающимъ поэтамъ (Мережковскому, Чюминой, Фофанову) и къ поэтамъ неоцѣненнымъ, напрасно забытымъ (Симборскій, Старостинъ). Талантъ, гдѣ бы и въ чемъ онъ ни проявлялся, привлекалъ его къ себѣ, находилъ въ немъ правдиваго цѣнителя и усерднаго защитника; ненавистно и противно было ему зато все опошляющее литературу, все вводящее въ нее элементъ угожденія низкимъ, грубымъ вкусамъ. Всего яснѣе эстетическія воззрѣнія Надсона выразились въ его „замѣткахъ по теоріи поэзіи“, въ первый разъ появляющихся въ печати. Онъ увлекается, утверждая, что будущность принадлежитъ только тенденціозному искусству, что „недалеко время, когда поэзія тенденціозная поглотитъ поэзію чистую, какъ цѣлое свою часть, какъ океанъ поглощаетъ разбившуюся объ утесы свою же волну“; но увлеченіе не дѣлаетъ его слѣпымъ къ прелестямъ чистой поэзіи, не дѣлаетъ его несправедливымъ къ представителямъ искусства для искусства. Онъ высоко ставитъ лучшія произведенія Полонскаго, Майкова, Фета, графа А. К. Толстого. Нѣкоторыя замѣчанія его о соотношеніи поэзіи и эстетической критики поражаютъ своимъ сходствомъ съ мыслями, выраженными въ одной изъ недавнихъ петербургскихъ лекцій Брандеса. Весьма можетъ быть, что для занятія болѣе виднаго мѣста въ области критики Надсону не хватило только одного: *времени*, котораго ему вообще было дано такъ мало.—К. К.

— *Изъ пережитаго.* Автобіографическія воспоминанія Н. Гиларова-Платонова. Въ двухъ частяхъ. М. 1886—87.

Воспоминанія г. Гиларова-Платонова печатались сначала въ одномъ изъ журналовъ; теперь онѣ вышли отдѣльной книгой, которая составитъ очень любопытный вкладъ въ нашу литературу автобіографическихъ записокъ,—тѣмъ болѣе любопытный, что рѣчь идетъ о недавнихъ еще временахъ, готовившихъ современное положеніе общества. Содержаніе своихъ записокъ авторъ опредѣляетъ какъ бытовое, педагогическое и психологическое,—и дѣйствительно, отъ личныхъ фактовъ своей дѣтской и юношеской біографіи онъ постоянно обращается къ общимъ чертамъ быта, среди котораго онъ росъ, къ объясненію или указанію педагогическихъ условій, къ движеніямъ своей психологической жизни. Понятно, что автобіографія при этомъ разрасталась: въ двухъ плотныхъ книжкахъ авторъ разсказалъ свою жизнь съ дѣтства и только до поступленія въ московскую, или тронцеую, духовную академію. Автобіографія имѣетъ свое генеалогическое введеніе. „Плебейское происхожденіе,—говоритъ авторъ (его генеалогія вращается въ кругу сельскаго и, частію, уѣзднаго духовенства),—не позволяетъ простираться мнѣ вдаль на цѣлые вѣка; однако, родословіе все-таки не потеряно для меня, по крайней мѣрѣ, съ половины прошлаго столѣтія“. Обращаясь къ этой старинѣ и тому быту, среди котораго прошло его дѣтство и юность, авторъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „Одинъ изъ умѣйшихъ людей Россіи (П. В. Кирѣевскій) говаривалъ, что Россія живетъ въ многоярусномъ бытѣ. Часть не дошла еще до XVIII столѣтія; а гдѣ-нибудь въ пинскихъ лѣсахъ, отрѣзываемыхъ отъ остальнаго міра болотами на цѣлые полгода, въ какомъ-нибудь мозырскомъ уѣздѣ, гдѣ уже на нашей памяти запыль разъ исправникъ, наступленіемъ лѣта разобщенный со своей резиденціей и даже исключенный изъ списковъ, какъ умершій,—въ этомъ глухомъ углу живо пожалуй XIII столѣтіе. Подобныя же границы столѣтій пролегаютъ и въ одной мѣстности, но въ разныхъ слояхъ населенія. Въ той же Москвѣ большинство живетъ исходомъ XIX столѣтія, а безспорно, для другихъ это столѣтіе еще не начиналось. Понятія и быть—другъ другу не знакомые, хотя рядомъ живущіе и даже сносящіеся между собою отчасти. Духовенство же есть вообще особенный міръ; а семья, среди которой я выросъ, была и среди особенныхъ особенная: она жила въ XVII вѣкѣ, по крайней мѣрѣ, на переходѣ къ XVIII“. Имѣя въ виду эти свойства „многояруснаго быта“, авторъ сообщаетъ изъ исторіи своего рода (начиная съ пра-дѣда) множество любопытныхъ подробностей, которыми воспользуется нѣкогда исторія нашей „культуры“. Нѣкоторыя замѣчанія чрезвы-

чайно справедливы и рисуютъ цѣлыя крупныя стороны нашей административной практики въ ея противоположности съ историческимъ и народнымъ преданіемъ... Родъ автора жилъ въ Коломнѣ и селѣ Чернызовѣ подѣ Коломной; въ Коломнѣ была нѣкогда отдѣльная епархія и съ ней духовныя школы, семинарія. Впослѣдствіи коломенская епархія, въ ряду нѣсколькихъ другихъ старыхъ епархій, были уничтожены и разверстаны по губерніямъ. „Опустѣла родина,—говоритъ авторъ.—Она подошла подѣ тотъ типъ казенщины, который тамъ раньше, тамъ позже, но неуклонно повсюду овладѣваетъ Россіей, стирая все бытовое, мѣстное, историческое, не щадя ни одного уголка, ни одного отправления общественной жизни. Раньше развѣнчаны Ростовъ и Переславль, позже или одновременно съ Коломной—Бѣлгородъ и Переяславль. Съ какими-то кажущимся озлобленіемъ, а въ сущности даже безотчетно преслѣдовались самыя названія, и притомъ когда они ничему не мѣшали и никакого затрудненія административной машинѣ учинить даже не могли. Къ какимъ затрудненіямъ, напримѣръ, могло повлечь именованіе епископа „тульскимъ и каширскимъ“? Второй титулъ архіереевъ ровно никакихъ практическихъ послѣдствій за собою вообще не влечетъ, хотя бы называли кого гвинейскимъ или ново-зеландскимъ. Однако тульскій епископъ именуется теперь „тульскимъ и бѣлевскимъ“. Кашира все-таки древній городъ, значился въ старыхъ архіерейскихъ титулахъ; такъ нѣтъ же, долой ее. Для чего это?—Вопросомъ этимъ предполагается цѣль, умыселъ; расширение и углубленіе казенщины хотя и продолжается неумолимо, но давно перестало быть послѣдствіемъ чьихъ-либо расчетовъ. Оно совершается самостоятельно; люди служатъ направленію, а не двигаютъ имъ... Лѣтъ десять, двѣнадцать назадъ велась въ печати оживленная рѣчь о томъ, чтобы и московскую духовную академію перевести изъ Троицкой Лавры въ Москву. Тоже находились поводы и основанія благовидныя. Но въ сущности, во всѣхъ этихъ мѣропріятіяхъ дѣйствуетъ фронтовой идеалъ, который засѣдаетъ въ душѣ русскихъ умниковъ. Разнообразіе коробитъ, волнистыя линіи колютъ глазъ, личная самостоятельность, мѣстная особенность приводятъ умъ въ замѣшательство. Безотчетное чувство понуждаетъ приводить все къ одному уровню, превращать, хотя бы насильно, всякій органическій процессъ, если возможно, въ механическій. Между прочимъ, и мысли спокойнѣе. Она приучается къ общимъ мѣстамъ, слѣдовательно къ безмыслію“ (I, стр. 45—46).

Картина жизни дѣдовъ автора очень любопытна подробностями стариннаго, чисто патріархальнаго быта, который держался еще на памяти автора, въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ. Въ теченіе разсказа онъ не однажды приводитъ примѣры того, какъ медленно и какъ поздно распространялись въ томъ кругѣ, гдѣ онъ

жилъ, разныя бытовыя (очень простыя) нововведенія, которыя теперь проникаютъ сильно даже въ бытъ крестьянскій. „Цивилизація“ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ бытовыхъ и хозяйственныхъ удобствъ шла очень туго. Напримѣръ... „Стулья (въ началѣ столѣтія) были еще роскошью (въ домахъ священниковъ) въ провинціи, и въ нашей семьѣ они оставались недосыгаемою роскошью до тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія. Знаете ли, между прочимъ, чему обязаны знакомствомъ со стульями даже селенія, лежащія подъ самою Москвою? Нашествію французовъ и за нимъ послѣдовавшему нашествію крестьянъ на ту же Москву съ цѣлію грабежа. Награбленная мебель послужила образцомъ для комфорта и типомъ для ремесла. И еще, кто разноситъ, знаете ли, и сейчасъ цивилизацію домашней утвари по всей Россіи? Станціонныя дома желѣзныхъ дорогъ, внезапно появляющіеся тамъ, куда изобрѣтеніе дивановъ и стульевъ еще не дошло“. Авторъ рассказываетъ также, какъ недавно вошелъ въ употребленіе чай; за тѣмъ кофе былъ неизвѣстенъ еще дольше.

Проживши молодые годы въ обстановкѣ, вообще свято хранившей преданія, авторъ находитъ въ старинѣ много хорошаго, что устранилось новѣйшими правами или также вліяніями бюрократическаго вмѣшательства. Онъ сожалеетъ, напр., объ измѣненіи правовъ духовенства, промѣнившемъ частію отъ измѣненія его officialнаго положенія. „Въ тѣ времена, — говоритъ онъ, — въ началѣ нынѣшняго и въ концѣ минувшаго столѣтія, ни въ самомъ духовенствѣ, ни между нимъ и другими званіями (за исключеніемъ дворянскаго), еще не прелегалось рѣзкой черты, и еще не начиналось попятываній на какой-нибудь аристократизмъ по па предъ дьячкомъ и даже предъ крестьянами и ремесленникомъ. Аристократизмъ не успѣлъ, по крайней мѣрѣ, спуститься до села и до провинціи“ (I, стр. 33). Проще были и отношенія съ властями. Авторъ рассказываетъ, какъ однажды въ духовномъ училищѣ долготерпѣливыя ученики школы были, наконецъ, возмущены истязаніями, которымъ по старому обычаю подвергали ихъ одинъ изъ наставниковъ; школьники придумывали, какъ имъ избавитися отъ этихъ истязаній, и надумали идти съ жалобой къ архіерею (когда въ Коломнѣ была еще епархія); они отправили избранную депутацію, и она имѣла успѣхъ, — архіерей сдѣлалъ строгій выговоръ, и учитель смирился. „Какъ поступлено было бы, не говорю, въ кадетскомъ корпусѣ, но въ гимназій и, вѣроятно, даже въ теперешней семинаріи? Это — бунтъ. Но архіерей не считалъ это бунтомъ, самъ учитель не видѣлъ бунта, не думали бунтовать ученики. Во всей исторіи понятіе бунта отсутствовало, и съ вытаращенными глазами посмотрѣли бы ученики, и архіерей, и учитель, на того, кто заговорилъ бы по поводу этого о субординаціи и ея нарушеніи“ (I, стр. 73).

Было бы, впрочемъ, долго останавливаться на всѣхъ любопытныхъ бытовыхъ подробностяхъ и сближеніяхъ, какія разсѣяны въ книгѣ г. Гилярова-Платонова: довольно сказать, что въ ней найдется множество интересныхъ фактовъ относительно быта духовенства въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, и вообще относительно исторіи нашихъ нравовъ и образованности—между прочимъ въ такихъ кругахъ, которые мало подвергались наблюденію. Всего больше вниманія посвящено духовной школѣ, на ея первыхъ и среднихъ ступеняхъ: авторъ видѣлъ ея недостатки, но вмѣстѣ горячо защищаетъ многія ея достоинства, и нравственныя, и дидактическія. Трудно и по его описанію опредѣлить, что брало верхъ, и выкупаютъ ли немногочисленные блестящіе образчики питомцевъ духовной школы ту массу ея неудовлетворительныхъ продуктовъ, обилія которыхъ и авторъ не отвергаетъ. Свои привязанности къ старинѣ авторъ простираетъ до того, что даже отдаетъ предпочтеніе старымъ головоломнымъ приемамъ обученія чтенію передъ новымъ методомъ, который передаетъ это искусство очень быстро и очень просто... Во всякомъ случаѣ та школа, которую прошелъ авторъ и которую онъ защищаетъ отъ нареканій, играла, безъ сомнѣнія, большую роль въ ходѣ нашего образованія и литературы, въ складѣ общественнаго мѣтнія и тѣхъ понятій, какія дѣйствовали и дѣйствуютъ въ нашей общественной и въ самой государственной жизни. Авторъ, нерѣдко отличающійся не только оригинальностью своихъ мыслей, но и своеобразностью выраженія, называетъ наше общественное развитіе „полосатымъ“, и это слово дѣйствительно выражаетъ то разнообразіе источниковъ, изъ которыхъ идутъ въ общество его разнородныя понятія, дѣйствіемъ и борьбою которыхъ приносятся прогрессъ и застоялость, создаются разнородные идеалы и—столько неурядицы въ общественныхъ понятіяхъ. Духовная школа составляетъ, конечно, одну изъ очень важныхъ „полосъ“, какъ другую подобную полосу проводятъ впечатлѣнія бытовыхъ, вліяніе преданій и т. п. Авторъ признаетъ, что эти послѣдніе источники сильно повліяли на его собственное міровоззрѣніе, и впоследствии не разъ побуждали его смотрѣть на вещи иначе, чѣмъ онѣ представлялись людямъ другой почвы и другой школы... Издатель „Современныхъ Извѣстій“ донинѣ извѣстенъ своеобразностью своихъ взглядовъ, часто неожиданной: очень часто, быть можетъ, съ этими взглядами нельзя согласиться, но иногда ему дѣйствительно случается ставить вопросы на ту почву здраваго смысла, которую способна давать непосредственная близость съ народомъ, хотя бы только въ пору воспитанія. Съ другой стороны, эта тѣсная связь съ непосредственнымъ бытомъ оставляла дѣйствіе, которое передадимъ словами самого автора. Главу: „Общественная жизнь“ онъ начинается слѣдующими словами:

„Обойду ли молчаніемъ общественную жизнь родного города въ болѣе обширныхъ предѣлахъ, нежели приходъ?”

„Ея не было; но въ томъ и дѣло. Когда въ зрѣломъ моемъ возрастѣ возникали и рѣшались крупныя вопросы, политическіе и социальныя, вводились реформы, я за повѣркой обращался, между прочимъ, въ свои дѣтскіе годы, и искалъ тамъ зачатковъ, развитіе которыхъ теперь совершалось предо мной, вопросовъ, на которые давался теперь отвѣтъ законодательствомъ и печатью; я спрашивалъ объ отношеніи, въ какомъ находились къ тѣмъ самымъ вопросамъ мои современники тридцатныхъ годовъ. Тщетно; я не находилъ никакого отношенія, никакихъ запросовъ, никакихъ зачатковъ. Предъ крестьянскою реформой, напримѣръ, съ трудомъ я вошелъ въ мысль, что прекращеніе крѣпостныхъ отношеній должно произвести коренной, глубокой, всеобъемлющій переворотъ. Таково было недоумѣніе, оставленное во мнѣ средой, меня воспитавшею, несмотря на то, что я нѣсколько лѣтъ уже занималъ каеедру, достаточно, между прочимъ, былъ знакомъ съ политическими и социальными ученіями, современными и прошлыми, не говоря объ исторіи. Сужденіями по многимъ вопросамъ и событіямъ внутренней политики я производилъ на пріятелей, воспитавшихся въ другой средѣ, впечатлѣніе „институтки“; употребляю это выраженіе, сказанное въ тѣ времена мнѣ и обо мнѣ однимъ извѣстнымъ Россіи публицистомъ“ (I, стр. 168—169).

Признаніе не безынтересное, которое авторъ приводитъ въ обзорчикъ „полосатости“ нашего общественнаго развитія... Съ этими данными авторъ получилъ особое направленіе мыслей; онъ не сочувствовалъ взглядамъ людей „сороковыхъ годовъ“ и примыкалъ скорѣе къ славянофильству, хотя окончательно, кажется, не примкнулъ. Бѣлинскаго и др. онъ отвергалъ по теоретическимъ основаніямъ, но, во всякомъ случаѣ, автору можно было бы признать, что явленія литературы, ему не сочувственныя, составляютъ также свою „полосу“ общественнаго развитія, за которой должна была быть, и дѣйствительно была, своя историческая основа, и съ этой точки зрѣнія за этими явленіями могло бы быть признано ихъ историческое и общественное значеніе...

—Графъ Л. Н. Толстой, какъ художникъ и мыслитель. Критическіе очерки и замѣтки А. Скабичевскаго. Спб. 1887.

Едва ли какой-нибудь изъ русскихъ писателей столько занималъ общественное мнѣніе характеромъ своихъ теоретическихъ идей, какъ занимаетъ теперь гр. Толстой. О немъ составила уже цѣлая литература, выходящая изъ весьма несходныхъ, даже совсѣмъ противоположныхъ точекъ зрѣнія: всѣ отдають безусловное сочувствіе

и хвалу его великому художественному дарованію, всей его прежней дѣятельности въ этомъ направленіи,—но съ тѣхъ поръ какъ гр. Толстой, не довольствуясь чисто художественными задачами, началъ ставить и рѣшать вопросы религіозные, нравственные, соціальные, изъ художника превратился въ философа, проповѣдника и публициста, мнѣнія общества весьма рѣшительно раздѣлились. Одни, и многіе безусловно, увѣровали въ проповѣдничество гр. Толстого; другіе, и опять многіе, безусловно въ ней усомнились. Понятны и увлеченіе, и сомнѣніе. Въ ряду увѣровавшихъ была въ особенности молодежь, всегда ищущая идеала, стремящаяся найти принципы служенія обществу или народу: она и нашла въ новыхъ сочиненіяхъ гр. Толстого оригинальныя мысли, самоотрицанія, призывы, увѣщанія—и послѣдовала за ними, одѣвая мыслями и изреченіями гр. Толстого свои собственные идеальныя и неясныя порывы. Дѣйствовали здѣсь, конечно, и тѣ благія намѣренія, которыхъ мы не станемъ отрицать въ новыхъ твореніяхъ гр. Толстого; дѣйствовали и встрѣчающіяся въ нихъ картины нравственнаго разлада и соціальнаго бѣдствія, изображаемыя съ обычной силой таланта знаменитаго писателя,—но дѣйствовали, безъ сомнѣнія, и внѣшнія условія, въ которыхъ являлись новыя сочиненія графа Толстого. Эти сочиненія являлись впервые только въ частномъ обращеніи, не выходили на открытую литературную арену, и критика, которая хотѣла бы говорить противъ нихъ, была стѣснена тѣмъ, что къ ней приходилъ только частный документъ, нѣчто въ родѣ частнаго письма, гдѣ притомъ многое касалось такихъ предметовъ, относительно которыхъ наша литература доселѣ не имѣетъ возможности высказываться; тѣмъ временемъ, однако, частные документы производили дѣйствіе, о которомъ мы упоминали. Сомнѣнія, съ другой стороны, были также совершенно понятны; графъ Толстой, при всемъ, повидимому, всеобъемлющемъ характерѣ его новаго ученія, въ сущности касался нравственныхъ и соціальныхъ вопросовъ чрезвычайно отрывочно; вопросъ личной нравственности, къ которому онъ сводилъ ихъ, оставался, однако, такъ сказать, на воздухѣ, потому что при его рѣшеніи забывались даже необходимѣйшія практическія условія выполненія; отрицаніе науки, хотя очень рѣшительное, было, однако, совершенно младенческое; проповѣдь путалась въ теоретическихъ противорѣчіяхъ и непослѣдовательностяхъ. Все это критика въ первое время должна была совершенно умалчивать; потомъ, по мѣрѣ все большаго распространенія и все большаго популярности новыхъ сочиненій графа Толстого, она стала прибѣгать къ выдуманному, точно шалость, поводамъ, чтобы говорить объ этихъ вещахъ, требовавшихъ, наконецъ, вниманія; критикъ бесѣдовалъ съ воображаемымъ противникомъ, говорявшимъ фразами графа Толстого, видѣлъ сны и въ нихъ встрѣчался

съ новыми ученіями графа Толстого и т. п.; одинъ критикъ, наконецъ, подъ видомъ цитаты перепечаталъ чуть ли не цѣликомъ всю „Исповѣдь“. Въ настоящую минуту возможность говорить объ ученіяхъ графа Толстого увеличилась, но вполне не открылась и до сихъ поръ...

Въ томъ, что было писано до сихъ поръ по этому предмету, статьи г. Скабичевского заслуживаютъ особеннаго вниманія, и очень кстати является собраніе ихъ въ книгѣ, заглавіе которой мы выпи-сали. Книга представляетъ, впрочемъ, не только статьи по поводу новѣйшихъ сочиненій гр. Толстого: это почти полный обзоръ его писательской дѣятельности. Она открывается „общей характеристической литературной дѣятельности гр. Толстого по 1872 годъ“; затѣмъ слѣдуетъ статья: „Разладъ художника и мыслителя“ по поводу романа „Анна Каренина“; далѣе—„Мысли и замѣтки по поводу нравственно-философскихъ идей гр. Толстого“, занимающія вторую половину книги и посвященныя новѣйшимъ трудамъ писателя.

Переломъ въ художественной дѣятельности графа Толстого, или если не переломъ, то извѣстную двойственность, авторъ замѣчаетъ уже съ „Войны и мира“. „Въ судьбѣ гр. Л. Толстого, — говоритъ г. Скабичевскій, — есть много общаго съ судьбою Гоголя. Дѣятельность Гоголя, какъ всѣмъ извѣстно, имѣетъ два періода; въ первый періодъ онъ писалъ свои произведенія, не задаваясь никакими особенными замыслами: повинаясь своему непосредственному творчеству, онъ воспроизводилъ жизнь такъ, какъ она представлялась его художественному наблюденію, и несмотря на такую, повидимому, безцѣльность творчества, каждое произведеніе его этого періода исполнено глубокаго и важнаго содержанія, что зависѣло не отъ чего иного, какъ отъ громадной силы творческихъ способностей Гоголя, умѣвшаго быстро схватывать общія и существенныя явленія жизни. Въ концѣ этого періода онъ началъ писать „Мертвыя Души“, имѣя первоначально въ виду опять-таки ничего болѣе, какъ нѣсколько картинъ изъ нравовъ русскаго захолустья“.—Въ періодъ своего мистицизма Гоголь „началъ стремиться къ тому, чтобы каждый его шагъ въ жизни былъ исполненъ высшихъ цѣлей, стремился къ осуществленію тѣхъ мистическихъ идеаловъ, которые онъ себѣ поставилъ; сообразно этому онъ сталъ задавать себѣ вопросы; къ чему я пишу? какая цѣль всего этого осмѣянія пошлости? Вся его литературная дѣятельность показалась ему безцѣльною, и онъ началъ ее искусственно направлять къ своимъ идеаламъ“. Во второй части „Мертвыхъ Душъ“ Гоголь-художникъ „превращается передъ нами въ Гоголя-мистика, являются божественные помощники и божественные отступники, очевидно, взятые не изъ жизни, а отвлеченно задуманные въ высшихъ соображеніяхъ: начинаются мистическія разсужденія, и надо пола-

гать, что еслибы Гоголю удалось кончить „Мертвыя Души“, въ третьей части не было бы уже и слѣда чего-либо художественнаго, какихъ-либо характеровъ, сценъ, а былъ бы рядъ поученій въ духѣ „Пенрениски съ друзьями“ (стр. 61—62).

То же самое указываетъ авторъ (въ статьѣ, писанной въ 1872 году) въ литературной дѣятельности гр. Толстого; первые труды писателя были плодомъ непосредственнаго художественнаго творчества, а затѣмъ „Войнѣ и миру“ г. Скабичевскій приписываетъ ту роль, какую играли „Мертвыя Души“ въ дѣятельности Гоголя; три первые части романа остаются безукоризненны, даже представляютъ нѣчто небывалое въ нашей литературѣ, но затѣмъ является преднамѣренная тенденція, желаніе провести свои придуманные идеалы, стремленіе философствовать и поучать. Въ новѣйшихъ произведеніяхъ гр. Толстого эта послѣдняя тенденція становится господствующей.

Послѣдняя глава книги г. Скабичевского, посвященная, какъ мы сказали, новѣйшимъ произведеніямъ графа Толстого, составляетъ до сихъ поръ едва ли не самый обстоятельный пересмотръ тѣхъ произведеній гр. Толстого, разсмотрѣніе которыхъ было доступно для печати. Мечтательныя теоріи и поученія авторъ сопоставляетъ съ требованіями логики и здраваго смысла, сопоставляетъ ихъ съ фактами простой дѣйствительности и приходитъ всего чаще къ совершенно отрицательному выводу, съ которымъ было бы весьма полезно справиться тѣмъ, кто видитъ въ ученіяхъ гр. Толстого добытое рѣшеніе нравственно-общественнаго вопроса.

Еслибы шла рѣчь объ опредѣленіи всей писательской дѣятельности гр. Толстого, можно было бы и къ нему примѣнить заключеніе, къ какому приходитъ критика относительно Гоголя. Если оказывается несомнѣнная разница въ характерѣ однихъ и другихъ произведеній Гоголя, то самая личность, основное содержаніе писателя не представляютъ никакого принципиальнаго перелома: Гоголь второй половины 40-хъ годовъ подготовлялся уже давно; тогдашняя критика уже встрѣчала съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ такъ-называемыя лирическія мѣста первой части „Мертвыхъ Душъ“. Точно также направленіе позднѣйшихъ произведеній гр. Толстого начинается не съ четвертой части „Войны и мира“, а, напримѣръ, еще съ „Казаковъ“ или еще раньше—съ „Ясной Поляны“,—другими словами, оно лежало издавна въ цѣломъ личномъ характерѣ автора и давнишнемъ складѣ его идей.—А. П.

— О. К. Нотовичъ (маркиза О'Квича). Еще немножко философіи (къ вопросу о свободѣ воли). Софизмы и парадоксы. Спб. 1887.

Говоря о первой книгѣ „маркиза О'Квича“, вышедшей въ прошломъ году подъ заглавіемъ: „Немножко философіи“, мы выразились, между прочимъ, что она написана „безъ всякихъ научныхъ претензій, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ юмора“ (См. „Вѣстникъ Европы“ 1886, апрѣль, Литер. Обзор., стр. 892 и сл.). Оказывается, однако, что мы ошиблись насчетъ истинныхъ намѣреній автора.

Г-нъ Нотовичъ объясняетъ теперь причины, побудившія его облечь свои разсужденія въ форму „софизмовъ и парадоксовъ“. „Русскому публицисту,—говоритъ онъ,—выступать, при настоящемъ хаосѣ воззрѣній, въ роли философа столь же рискованно, какъ свѣтскому человѣку фигурировать на церковной кафедрѣ въ качествѣ проповѣдника. Простое изложеніе существующихъ философскихъ ученій въ примѣненіи къ совершившимся событіямъ было бы и схоластично, и незанимательно для тѣхъ, кто ищетъ прямого отвѣта на запросы жизни. Самостоятельнымъ же освѣщеніемъ этихъ событій съ строго-философской точки зрѣнія,—что именно и требуется въ настоящую минуту,—публицистъ рискуетъ вызвать противъ себя или злорадный смѣхъ, или безцеремонную брань... Чтобы избѣгнуть того и другого и замаскировать мою дерзкую попытку пошевелить человеческую мысль въ самомъ ея основаніи, я придалъ моимъ бесѣдамъ форму шутки и чуть ли не черезъ фразу рассыпался въ увѣреніяхъ, что эти бесѣды ни малѣйшей претензіи на научность не имѣютъ, а такъ себѣ — пріятный разговоръ... о высокихъ матеріяхъ или о томъ, о чемъ вообще въ современномъ порядочномъ обществѣ не принято разговаривать. Но, къ сожалѣнію, моя шутка принята была за чистую монету и, какъ обоюдоострое оружіе, обращена была противъ меня. Это была, съ моей стороны, большая ошибка, и я вынужденъ теперь категорически заявить, что *въ моихъ разсужденіяхъ нѣтъ ни одной строки, не обоснованной научно*, какъ ни въ одной строкѣ самаго новѣйшаго изъ пользующихся всеобщимъ признаніемъ мыслителей нѣтъ ничего оригинальнаго въ смыслѣ полной отчужденности или изолированности отъ предъидущихъ философскихъ системъ вплоть до египетской“. Признаемся, что въ словахъ, отмѣченныхъ нами курсивомъ, мы склонны видѣть опять лишь парадоксъ, а „шутка“, о которой сожалѣетъ авторъ, кажется намъ вполне соотвѣтствующею дѣйствительному характеру легкихъ бесѣдъ и замѣтокъ „маркиза О'Квича“. Намъ вообще неизвѣстны такіе философскіе трактаты, въ которыхъ „нѣтъ ни одной строки, не обоснованной научно“, и, конечно, трудъ г. Нотовича не составляетъ исключенія. Для автора довольно и того, что

онъ успѣлъ „пошевелить человѣческую мысль“ нѣкоторыми оригинальными и остроумными замѣчаніями, которыя будутъ съ интересомъ прочитаны публикою.

Маркизь О'Квичъ отрицаетъ свободу воли и признаетъ одинъ общій законъ необходимости: люди могутъ дѣйствовать съ кажущеюся свободою и подавлять свои природные инстинкты только подъ вліяніемъ долгаго общественнаго воспитанія, результаты котораго становятся для человѣка какъ бы второю его натурою. Никакихъ преступленій не было бы, и вопросъ объ отвѣтственности не могъ бы возникнуть, еслибы условія общежитія вполне достигали предположенныхъ цѣлей, воспитывая людей въ надлежащемъ духѣ и направленіи. „То же самое,—какъ думаетъ авторъ,—мы видимъ и на другихъ животныхъ: волкъ, напримѣръ, путемъ воспитанія или прирученія, становится безобидною и послушною собакою“ (?). Къ сожалѣнію, авторъ разсуждаетъ въ этомъ случаѣ слишкомъ отвлеченно, безъ всякой связи съ фактами естественными и историческими. Нельзя же разсматривать свободу воли съ точки зрѣнія метафизической; взгляды Канта или Шопенгауэра далеко не исчерпываютъ вопроса въ современной его постановкѣ, въ чемъ легко было бы убѣдиться при ознакомленіи съ такими популярно-научными книгами, какъ сочиненіе Риббъ о болѣзняхъ воли ¹⁾).

Повидимому, авторъ смѣшиваетъ общежитіе съ государственностью, что приводитъ его къ выводамъ крайне сомнительнаго свойства. „Идеаль государства—по его словамъ—заключается именно въ достиженіи наивозможно большаго отреченія отъ своихъ первоначальныхъ грубыхъ инстинктовъ; и съ этой точки зрѣнія, чѣмъ рациональнѣе и систематичнѣе ведется дѣло общественнаго воспитанія, тѣмъ болѣе осуществляется основная проблема государственности... Мы вполне сознаемъ, что человѣкъ, въ основѣ своихъ волевыхъ актовъ, является рабомъ всеобщаго закона необходимости. Но, имѣя въ виду данное ему общественное воспитаніе, въ существѣ измѣнившее нѣкоторыя свойства его природы, мы, во имя этого воспитанія, требуемъ отъ него точнаго исполненія обязательствъ, которыя вытекаютъ изъ добровольнаго (?) компромисса, лежащаго въ основаніи общественнаго союза (?).“ Можно подумать, что авторъ держится еще теоріи „Contrat social“ въ примѣненіи къ существующимъ государствамъ. Г-нъ Нотовичъ говоритъ о какомъ-то идеальномъ общественномъ воспитаніи, способномъ будто бы искоренять всякіе дурные инстинкты и устранять самую возможность правонарушеній со стороны отдѣльныхъ лицъ; но кто эти добродѣтельные воспитатели, и откуда возьмутся

¹⁾ См. Литературное Обозр. въ „Вѣстникъ Европы“, 1884, июль, стр. 851 и сл.

они—неизвѣстно. Авторъ предлагаетъ уничтожить законы, стѣсняющіе человѣческую природу искусственными мѣрами и формами; тогда исчезнутъ многіе виды преступленій, и не будетъ повода винить во всемъ „злую волю“ человѣка. Но, уничтожая одни законы, нужно создавать сотни новыхъ, которые, въ свою очередь, вызовутъ тысячи нарушеній; такъ, по крайней мѣрѣ, можно заключить по тѣмъ пожеланіямъ, которыя высказываетъ авторъ относительно болѣе цѣлесообразнаго законодательнаго регулированія человѣческихъ отношеній: „Устраивайте общественныя отношенія такъ, чтобы въ бѣдномъ не могло и возникать побужденія во мракѣ ночи или изъ-за угла нападать на богатаго... Поставьте свободу супружескихъ отношеній въ такія раціональныя условія, чтобы одинъ супругъ не долженъ былъ искать улучшенія своей жизни насчетъ несчастія другого, и т. п.“. Гдѣ эти идеальныя и всемогущіе устроители, какъ могутъ они перedѣлать реальную интимную жизнь миллионовъ людей — это опять-таки загадка. Авторъ настолько далеко отъ положительной, фактической почвы, что въ существующемъ повсюду антагонизмѣ между личностью и государствомъ, правомъ и моралью, политикою и нравственностью онъ видитъ лишь „одинъ изъ величайшихъ софизмовъ современной науки“ (?). По мнѣнію автора, достаточно было бы отмѣнить формальные законы, чтобы общественная совѣсть тотчасъ заняла ихъ мѣсто; не надо ни письменныхъ сдѣлокъ, ни содѣйствія суда и полиціи, такъ какъ эти способы именно и создаютъ нарушенія и развращаютъ людей. Такъ, напримѣръ, прислугѣ, швейцару или носильщику довѣряются часто дорогія вещи, платье и т. п., безъ всякаго риска; это возможно будто бы только потому, что сдѣлки совершаются безъ участія нотариусовъ, въ силу простого довѣрія. Пусть введены будутъ какія-либо формальности, и „нравственный элементъ окончательно ступшевася бы, и шубы, безъ сомнѣнія, пропадали бы десятками“. Если мы не можемъ довѣрить денегъ тѣмъ самымъ людямъ, которыми спокойно отдаемъ на храненіе наши вещи, то и въ этомъ виноваты уже законы, ибо „вопросъ о довѣріи наличныхъ капиталовъ и цѣнностей также поставленъ подъ особую регламентацію и тѣмъ самымъ изъятъ изъ сферы дѣйствія того нравственнаго элемента, который присущъ занятіямъ прислуги“. Очевидно, авторъ, согласно своей задачѣ, намѣренъ ищеть парадоксальныхъ объясненій; онъ не хочетъ принять во вниманіе, что „деньги не пахнутъ“ и не носятъ на себѣ печати владѣльца, какъ другое имущество; что ихъ ничего не стоитъ скрыть, что ихъ не надо сбывать на рынкѣ, рискуя попасться съ поличнымъ. Соблазнъ заключается здѣсь въ болѣе легкой присвоеніи и въ болѣе большихъ шансахъ безнаказанности, а вовсе не въ существованіи тѣхъ или другихъ законовъ. Къ числу смѣлыхъ парадоксовъ слѣдуетъ также отнести утвержденіе,

что „деревня нравственнѣе города потому, что жизнь первой менѣе регламентирована, чѣмъ жизнь второго, но только по этой причинѣ, а вовсе не потому, какъ думаютъ народники, что правда жизни скрывается въ тайникахъ сознанія простого народа“. И здѣсь регламентація ни-при-чемъ: гдѣ жизнь проще и однообразнѣе, гдѣ меньше потребностей и столкновений, тамъ меньше и поводовъ къ уклоненію отъ обычныхъ нравственныхъ требованій. Авторъ ссылается на гласный судъ въ доказательство „крайней несправедливости сложившагося у насъ мнѣнія о нечестности русскаго человѣка“; но судъ основанъ весь на регламентаціи, и безукоризненная честность судебныхъ дѣятелей объясняется не только высокимъ образовательнымъ цензомъ, но и контролемъ общественнаго мнѣнія и общественной совѣсти, какъ справедливо замѣчено авторомъ. То, что говорится далѣе объ уголовныхъ законахъ и о виѣяемости, представляетъ рядъ рискованныхъ гипотезъ, не лишенныхъ впрочемъ остроумія. Сокращеніе кодексовъ „на двѣ трети ихъ объема“ уменьшило бы число судебныхъ дѣлъ, но не могло бы повліять на количество тѣхъ дѣйствій, которыя во всѣхъ странахъ одинаково считаются преступными. Ничего опредѣленнаго не выражаетъ также требованіе, чтобы наказанія сведены были „къ двумъ цѣлямъ: исправленія, путемъ логически соответствующихъ этому понятію мѣропріятій, и огражденія государственныхъ интересовъ, путемъ удаленія изъ общества неудобныхъ для него членовъ“. Исправленіе и удаленіе—старыя формулы криминалистовъ, и напрасно авторъ находитъ въ нихъ нѣчто новое, могущее будто бы примирить отсутствіе свободной воли съ принципами ответственности и наказуемости. Опять-таки авторъ относится къ предмету слишкомъ формально и даже схоластично; онъ могъ бы найти много для себя полезнаго въ новѣйшей ученой литературѣ по сложному вопросу о преступности. Довольно мудрено въ настоящее время рѣшать подобныя проблемы независимо отъ научныхъ изслѣдованій психіатровъ и антропологовъ — изслѣдованій, отчасти доступныхъ и русской публикѣ, благодаря появляющимся у насъ переводнымъ работамъ. Повторяемъ, книга маркиза О'Квича вполне отвѣчаетъ своему заглавію, какъ собраніе „софизмовъ и парадоксовъ“, и въ этомъ смыслѣ она займетъ читателя.

— Прямые налоги и ихъ организація во Франціи. *Власія Судейкина*. Спб. 1887.

Извѣстно, что вопросъ о новыхъ налогахъ составляетъ у насъ настоящую злобу дня, и что онъ рѣшается въ нѣкоторыхъ нашихъ газетахъ съ необычайною легкостью, безъ всякой справки съ опы-

томъ другихъ государствъ и съ фактами нашего собственнаго недавняго прошлаго. За новыя и оригинальныя проекты выдаются такія предположенія, которыя не только противорѣчатъ здоровой финансовой политикѣ, но въ свое время были уже испробованы на дѣлѣ и потерпѣли у насъ заслуженное фіаско. Теперь, когда всякій знатокъ балета считаетъ себя компетентнымъ въ изобрѣтеніи податей, появленіе такихъ серьезныхъ работъ, какъ книга г. Судейкина, должно быть признано весьма своевременнымъ. Авторъ вполне добросовѣстно изучилъ французскую финансовую организацію, причемъ пользовался содѣйствіемъ нашего министерства финансовъ. Правда, система налоговъ во Франціи не можетъ быть названа образцовой; но она во всякомъ случаѣ выше и лучше нашей, доставляя государству до четырехъ милліардовъ дохода безъ особеннаго обремененія плательщиковъ. Французскіе налоги, по словамъ автора, „не чрезмѣрно высоки и поэтому не сильно даютъ себя чувствовать и не возбуждаютъ такого неудовольствія въ массѣ населенія, какъ это можно думать“; притомъ „имъ подлежатъ всѣ классы населенія; изъятій отъ податной обязанности нѣтъ; классы лицъ, пользующихся бѣльшимъ благосостояніемъ, облагаются выше“. Г. Судейкинъ заявляетъ въ другомъ мѣстѣ, что, „благодаря постояннымъ нападкамъ на высшую финансовую администрацію и тому, что въ составъ ея выбираютъ дѣйствительно образованныхъ, знающихъ и понимающихъ дѣло людей, а не умѣренныхъ и аккуратныхъ невѣждъ, она постоянно занята мыслью о проведеніи бѣльшей пропорціональности въ обложеніи; съ этою цѣлью въ налоги постоянно вносятся измѣненія, сообразно указаніямъ опыта“. Не мѣшало бы и нашимъ прожектерамъ принять къ свѣденію эти „указанія опыта“, безъ которыхъ немислимо обойтись въ такой важной и запутанной области интересовъ, какъ государственныя финансы.—Л. С.

ПОПРАВКИ

къ новѣйшимъ изданіямъ сочиненій Пушкина.

Пройдетъ, вѣроятно, не мало лѣтъ, пока явится изданіе сочиненій Пушкина, которое можно будетъ справедливо назвать вполне достойнымъ имени поэта. Полученныя нынѣ редакціею нашего журнала „поправки“ изъ Казани, отъ проф. Н. Н. Булича, и изъ Кіева, отъ В. П. Науменко, служатъ только доказательствомъ того, что безъ помощи, такъ сказать, всего общества, никогда нельзя будетъ ру-

чаться, что нигдѣ и ничего больше не откроется въ рукописныхъ замѣткахъ на поляхъ книгъ, мемуарахъ и т. п., такого, что могло бы заставить сдѣлать новыя поправки къ тексту Пушкина или даже цѣлыя дополненія. Довольно уже одного того обстоятельства, что напечатанное при жизни Пушкина не всегда могло соответствовать его же рукописному тексту, вслѣдствіе необходимыхъ уступокъ времени; между тѣмъ, теперь можетъ случайно открыться достовѣрная и современная копія того или другого стихотворенія, сохранившаяся въ какомъ-нибудь фамильномъ архивѣ и снятая кѣмъ-нибудь изъ лицъ, близкихъ къ поэту, и вотъ—придется вновь дополнять то, что въ свое время было пропущено по-неволѣ. Потому-то желательно было бы пока, чтобы каждый, кто найдетъ недостатки въ новѣйшихъ изданіяхъ Пушкина, спѣшилъ заявлять о томъ въ печати. Нѣсколько такихъ полезныхъ заявленій уже сдѣлано въ газетахъ; присоединяемъ къ нимъ новыя поправки, обязательно сообщенныя намъ вышеупомянутыми лицами.

I.

Изъ писемъ Пушкина къ Погодину.

Въ изданіи Литературнаго Фонда (въ 7 томахъ, Спб. 1837) встрѣчаются слѣдующіе пробѣлы и неточности въ письмахъ А. С. Пушкина къ М. П. Погодину:

1) Совсѣмъ пропущено письмо, отъ 10-го іюня 1827 г., которое слѣдовало бы, по хронологическому порядку, помѣстить вслѣдъ за № 189 (т. VII, стр. 193). Вотъ содержаніе этого письма:

„Очень васъ благодарю и съ поспѣшностью возвращаю корректуру. Ай да Соболевскій, ай да байбакъ! Чтѣ тутъ онъ нагородилъ! Отъ него получилъ я письмо и на-дняхъ отвѣчу. Покажѣсть съ вожделѣніемъ думаю о сельери по 11 р. асс.“

2) Въ № 194, на 196 стр., напечатано: „скажите отъ меня юснину“; слѣдуетъ дополнить: *Дмитубскому*; а послѣ словъ: „быть учтивѣе и снисходительнѣе“—вовсе пропущено въ изданіи Лит. Фонда слѣдующее мѣсто:

„Плетневъ доставить вамъ сцену съ копіей отношенія Бенкендорфа; если московская цензура все такъ будетъ упрямиться, то напишите мнѣ, и я опять буду беспокоить Государя Императора всеподданнѣйшею просьбою и жалобою на неуваженіе Высочайшей его воли“.

3) Въ № 196, на 198 стр., вмѣсто: „къ высшему начальству“ слѣдуетъ сказать: „къ высшему цензору“¹⁾.

¹⁾ Известно—кто взялъ на себя быть „цензоромъ“ Пушкина.

4) Въ № 198, на стр. 200, въ примѣчаніи (сноска 1) встрѣчается ошибка. По словамъ Пушкина, дѣло идетъ о томъ примѣчаніи Булгарина, которое онъ помѣстилъ *подъ перепечатаннымъ имъ въ „Съв. Пчелѣ“ стихотвореніемъ: „Москва“*; въ „Моск. Вѣстн.“ оно было *помѣщено съ ошибками*. — Въ концѣ этого же письма, къ словамъ: „плюньте на суку“—слѣдуетъ прибавить: „*Съверную Пчелу*“.

5) Въ № 202, въ самой послѣдней строкѣ, стр. 202, слово: „онъ“ поставлено вмѣсто: *Ксенофонтъ Телеграфъ*, а потому это мѣсто слѣдуетъ читать такъ: „въ бытность свою въ С.-Петербургѣ, Ксенофонтъ Телеграфъ со мною въ томъ было согласился“. Въ словахъ того же письма (стр. 203): „какъ свинья нужна кухнѣ, а N. N. (слѣдуетъ поставить: *Шишкова*) Русской академіи“.

6) Въ № 255, на стр. 246, за словами: „Посылаю вамъ изъ Памоса“—слѣдуетъ эпитетъ: *моею*.

7) Въ № 290, на стр. 273, вмѣсто: „жалѣю, что вы не раздѣлялись еще съ *Полевымъ*“ и т. д.—надобно читать слѣдующее:

„Жалѣю, что вы не раздѣлялись еще съ *московскимъ университетомъ*, который долженъ рано или поздно *извернуть васъ изъ среды своей*, ибо ничего чуждаго не можетъ оставаться ни въ какомъ тѣлѣ, а ученость, дѣятельность и умъ чужды *московскому университету*“, — а не Полевою, какъ сказано въ изданіи Лит. Фонда.

Въ концѣ того же письма пропущена еще слѣдующая приписка:

„У насъ есть счетецъ. За мною процентовъ было 225 р.; изъ оныхъ отдалъ я вамъ, помнится, 75—итого остается—150 р., комъ вы получите, какъ скоро получу оброкъ съ Смирдина“.

Конецъ этого письма (№ 290) со словъ: „Пишите ко мнѣ прямо въ Царское“ и пр. — есть собственно конецъ другого, слѣдующаго письма къ Погодину (№ 291). Оно начиналось словами, не попавшими въ изданіе Фонда:

„Любезный и почтенный, не имѣю времени отвѣчать вамъ на ваше письмо. Увѣдомляю васъ только, что порученіе ваше касательно статистики Петра I исполнено; Жуковскій получилъ экземпляръ для Великаго Князя и для себя. Экземпляръ, слѣдующимъ В. К. Константину, расположилъ онъ иначе. Жуковскій представилъ его Императору. Напишите, сдѣлайте милость, офиціальную записку его превосходительству Ивану Павловичу Шамбо (секретарю Ея Величества): „Осмѣливаюсь повергнуть къ ногамъ Ея Величества такую-то замѣчательную книгу“ и проч.), и доставьте письмо мнѣ. У гр. Бенкендорфа былъ я для васъ же, но не засталъ его дома; онъ въ Ц.-С. остается, слѣдственно на-дняхъ буду съ нимъ толковать. По-камѣстн. обнимаю васъ“.

8) Въ № 328, на стр. 303, въ самомъ его концѣ, напечатано:

„И что, еслибы еще должны мы были уважать N. N. N.“; а слѣдуетъ читать: „мнѣнія Булгарина, Полевого, Надеждина?“

9) Въ № 340, на стр. 314, въ началѣ письма, есть пропуски. Вмѣсто: „Наконецъ я представилъ“—слѣдуетъ читать:

„Наконецъ на масляницѣ царь заговорилъ какъ-то со мной о Петрѣ I, и я тутъ же представилъ, что“ и т. д.

Послѣ словъ: „помощь просвѣщеннаго, умнаго и дѣятельнаго ученаго мнѣ необходима“—слѣдуютъ еще слова:

„Государь спросилъ: кого же мнѣ надобно, и при вашемъ имени было нахмурился (онъ смѣшиваетъ васъ (т. е. Погодина) съ Полевымъ: извините великодушно; онъ). Я кое-какъ умѣлъ васъ откомендовать, а Д. Н. Блудовъ все поправилъ и объяснилъ, что между вами и Полевымъ общаго только первый слогъ вашихъ фамилій. Къ сему присовокупился и благосклонный отзывъ Бенкендорфа“.

10) Въ № 370, на стр. 340, напечатанъ только конецъ письма. Начало же его, нижеслѣдующее, пропущено:

„Радуюсь случаю поговорить съ вами откровенно. Общество любителей поступило со мною такъ, что никакимъ образомъ я не могу быть съ нимъ въ сношеніи. Оно выбрало меня въ свои члены вмѣстѣ съ Булгаринымъ, въ то самое время, какъ онъ единогласно забаллотированъ въ англійскомъ клубѣ (NB: въ петербургскомъ), какъ , въ то самое время, какъ я въ отвѣтъ на всѣ его ругательства принужденъ былъ напечатать статью о Видокѣ. Мнѣ нужно было доказать публикѣ, которая въ правѣ была удивляться моему долготерпѣнію, что я имѣю полное право презирать мнѣніе Булгарина и не требовать удовлетворенія отъ , толкующаго о чести и нравственности. И что же? Въ то самое время читаю въ газетѣ Шаликова: „Александръ Сергѣевичъ и Ѳаддей Венедиктовичъ, сіи два корифея нашей словесности, удостоены“ etc. etc. Воля ваша: это пощечина. Вѣрю, что Общество въ этомъ случаѣ поступило какъ Фамусовъ, не имѣя намѣренія оскорбить меня:

„Я всякому, ты знаешь, радъ“.

„Но долгъ мой былъ немедленно возвратить присланный дипломъ; я того не сдѣлалъ, потому что тогда мнѣ было не до дипломовъ, —но ужъ имѣть сношенія съ Обществомъ любителей я не въ состояніи“.

„Вы спрашиваете меня“ и т. д. по печатному тексту (стр. 340).

Всѣ вышеприведенныя дополненія пропущенныхъ мѣстъ въ письмахъ Пушкина къ Погодину, происшедшихъ въ свое время изъ цензурныхъ и другихъ соображеній, сдѣланы были мною еще въ 1854 г., въ Москвѣ, хотя и не съ подлинныхъ писемъ Пушкина, но съ тщательныхъ копій руки Н. С. Тихонравова и съ корректуры „Москвитянина“, гдѣ письма были первоначально напечатаны. Не знаю, гдѣ теперь подлинники, но точность пропусковъ въ новѣйшихъ изданіяхъ несомнѣнна. Предпоследнее изданіе (Анскаго) повторило текстъ „Москвитянина“ 1842 г., и изданіе Литературнаго Фонда сдѣлало, къ сожалѣнію, то же самое. Бумаги Погодина я видѣлъ въ Румянцовскомъ музеѣ.

Н. Буличъ.

Казань.

II.

По поводу двухъ эпиграммъ Пушкина на Ф. Булгарина.

Безспорно,—не составляетъ ничего существеннаго для главнаго дѣла вопросъ: правильно или неправильно приписываются совсѣмъ сравнительно ничтожныя, и по объему, и по содержанію, произведенія такому писателю, слава котораго сложилась на основаніи многихъ капитальныхъ его твореній, но музѣ котораго, какъ извѣстно, не чуждо было творчество и въ другой области поэзіи, къ которой относятся эти литературныя мелочи. Хотя все это и такъ, однако уже одно имя великаго поэта требуетъ самаго тщательнаго изслѣдованія, до мелочей, всего, что относится къ нему. Въ виду появившихся уже и появляющихся чуть не съ каждымъ днемъ новыхъ изданій полного собранія сочиненій Пушкина, а также въ виду нѣкоторыхъ новыхъ данныхъ, имѣющихся у меня подъ руками, считаю умѣстнымъ вновь затронуть вопросъ о двухъ мелкихъ произведеніяхъ, приписывавшихся нашему великому поэту и дававшихъ не разъ поводъ сомнѣваться въ томъ, кто былъ истинный авторъ ихъ.

Въ „Деннищѣ“, альманахѣ на 1831 г., издававшемся М. Максимовичемъ въ Москвѣ, были помѣщены двѣ эпиграммы, пущенныя по адресу Булгарина. Одна изъ нихъ:

Не то бѣда, Авдѣй Флюгаринъ,
Что родомъ ты не русскій баринъ,
Что на Парнасѣ ты цыганъ,
Что въ свѣтѣ ты Видокъ Фигляринъ:
Бѣда, что скученъ твой романъ.

Другая:

Повѣрьте мнѣ—Фигляринъ моралистъ
Намъ говорить преумиленнымъ слогомъ:
„Не должно красть; кто на руку нечистъ,
Передъ людьми грѣшить и передъ Богомъ;
Не надобно въ судѣ кривить душой;

Не хорошо живиться клеветой,
 Временщику подслуживаться — низко;
 Честь, братцы, честь дороже намъ всего!
 Ну что-жъ? Богъ съ нимъ! Все это къ правдѣ близко,
 А кажется, и ново для него.

Объ эти эпиграммы приписывались, почти безусловно, Пушкину; по крайней мѣрѣ въ прежнихъ изданіяхъ его сочиненій онѣ постоянно помѣщались, причемъ — въ нѣкоторыхъ — съ оговорками. Такъ, въ изданіи 1857 г., при второй изъ нихъ въ примѣчаніи было сказано, что она приписывается и Баратынскому, но всего вѣроятнѣе, что мысль эпиграммы принадлежитъ обоимъ авторамъ (т. 7-й, стр. 107); въ изданіи 1880 г., подъ редакціей г. Ефремова, сказано почти то же, а именно, что объ онѣ приписываются и Баратынскому, но, можетъ быть, написаны сообща (т. 2, стр. 439). Просматривая теперь новыя изданія, мы въ однихъ встрѣчаемся съ ними, какъ, напр., въ изданіи В. Комарова, подъ редакціей г. Ефремова (т. 2-й, стр. 324), въ другихъ — нѣтъ, напр., въ изданіи „Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ“, подъ редакціей г. Морозова; причемъ въ этомъ послѣднемъ сказано: „Баратынского же, а не Пушкина слѣдуетъ считать и авторомъ эпиграммы: „Не то бѣда, Авдѣй Флюгаринъ“ и „Повѣрьте мнѣ — Фигляринъ моралистъ“ (т. 2-й, стр. 91-я). Обращаемся, наконецъ, къ „Ruschkianp'ъ“ извѣстнаго нашего труженика по библиографіи — тамъ находимъ объ эти эпиграммы въ числѣ сочиненій Пушкина (стр. 114-я, ММ 1838 и 1839).

Разбирая теперь рукописи покойнаго М. А. Максимовича, я нашелъ листокъ съ библиографическими замѣтками, писанный его рукою въ концѣ 1857 года; этотъ листокъ даетъ возможность точно разрѣшить указанное сомнѣніе, такъ какъ Максимовичъ тамъ положительно опредѣляетъ, кто авторы этихъ эпиграммъ, и приводитъ нѣкоторыя частности, не оставляющія никакихъ дальнѣйшихъ сомнѣній. Привожу подлинныя слова г. Максимовича изъ этихъ замѣтокъ:

„На 107-й страницѣ седьмого тома сочиненій Пушкина (говорится объ изданіи г. Анненкова 1855—57 гг.) помѣщены двѣ эпиграммы, которыя были напечатаны въ „Денницѣ“ на 1831 годъ. Къ одной изъ нихъ сдѣлано примѣчаніе, что она „приписывается и Баратынскому, но всего вѣроятнѣе, что мысль эпиграммы принадлежитъ обоимъ авторамъ“. Какъ издатель „Денницы“, я скажу съ достовѣрностью, что Пушкину принадлежитъ только одна изъ тѣхъ двухъ эпиграммъ („Не то бѣда, Авдѣй Флюгаринъ“). Другая подлежитъ исключенію изъ сочиненій Пушкина: ее сочинилъ Баратынский

еще до прїѣзда Пушкина въ Москву и написалъ ее мнѣ своеручно въ такомъ видѣ:

„Пожѣрьте мнѣ—Фигляринъ моралистъ и т. д.“

„Послѣдній же стихъ читался такъ:

„А *можетъ быть*, и ново для него“.

„Пушкинъ, по прїѣздѣ въ Москву, любовался этою эпиграммою; рукою властною онъ зачеркнулъ въ послѣднемъ стихѣ: *можетъ быть*, и надписалъ: *кажется*. Съ этою переменною и напечатанъ въ „Денницѣ“ послѣдній стихъ:

„А *кажется*, и ново для него“.

„Вотъ все, что принадлежитъ Пушкину въ эпиграммѣ Баратынского!“

В. НАУМВИЧЕ.

Кіевъ.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-го мая 1887.

Публичныя лекціи Георга Брандеса; затронуты имъ вопросы о предѣлахъ и задачахъ критики. — Отношеніе Брандеса къ его предшественникамъ. — Разногласіе въ средѣ защитниковъ церковно-приходской школы. — По вопросу о ѣвротеримности.

Когда, три года тому назадъ, въ Петербургъ прїѣхалъ Шпильгагенъ, онъ находился уже на склонѣ своего таланта и своей извѣстности; симпатичный пріемъ, оказанный ему большинствомъ образованной публики, относился не столько къ его настоящему, сколько къ его давно-прошедшему — не столько къ автору „*Sturmflut*“ или „*Plattland*“, сколько къ автору „*Die von Hohenstein*“ и въ особенности „*In Reih' und Glied*“. Другое дѣло — тотъ гость, съ которымъ мы только-что простились. Георгъ Брандесъ явился передъ нами въ полномъ расцвѣтѣ своего дарованія и своего авторитета. Никто изъ живущихъ теперь писателей не можетъ оспаривать у него права на первое мѣсто въ области литературной критики и исторіи литературы. На родинѣ успѣхъ былъ завоеванъ имъ не сразу, но въ Германіи, въ Россіи, онъ былъ оцененъ по достоинству вслѣдъ за выходомъ въ свѣтъ перваго тома его „Литературы XIX-го вѣка“. Давно уже нѣтъ ни одного русскаго журнала, который, слѣдя за движеніемъ европейской мысли, не познакомилъ бы своихъ читателей съ взглядами Брандеса, не посвятилъ бы ему одной или нѣсколькихъ критиче-

скихъ статей; первый томъ „Литературы XIX-го вѣка“ весь цѣлкомъ переведенъ на русскій языкъ. Неудивительно, что Брандесъ былъ встрѣченъ у насъ съ большимъ сочувствіемъ и вниманіемъ, что лекціи его привлекли многочисленныхъ слушателей. Онъ не могъ прочесть ихъ на своемъ родномъ языкѣ, въ Россіи почти никому незнакомомъ; но полнотѣ впечатлѣнія это повредило весьма немного. Въ своихъ лекціяхъ Брандесъ показалъ себя тѣмъ, чѣмъ мы привыкли видѣть его въ его книгахъ: не только мыслителемъ, но и артистомъ. Если поэзія нашего времени, — какъ замѣтилъ Брандесъ во второй лекціи, — меньше прежняго далека отъ критики, то, скажемъ, и критика, въ лицѣ такихъ представителей, какъ Брандесъ, идетъ навстрѣчу поэзіи. „Брандесъ — говорилъ нашъ журналъ года четыре тому назадъ ¹⁾“ — не только человѣкъ, отзывчивый на всѣ вопросы, всѣ идеи нашего вѣка, не только широко-образованный знатокъ и любитель литературы; это вмѣстѣ съ тѣмъ художникъ, часто возвышающійся до истинной поэзіи. Онъ никому не уступаетъ въ умѣннѣ схватить характеристическую черту писателя, опредѣлять ее немногими мѣткими словами, сдѣлать изъ нея картину, поражающую воображеніе. Орудіемъ сравненія онъ владѣетъ какъ немногіе; проводить ли онъ параллель между двумя авторами, ищетъ ли онъ, чтобы выяснить свойство литературнаго явленія, апалогій въ исторіи или въ природѣ, добываетъ ли онъ лучи свѣта, ярко освѣщающіе изучаемый предметъ, изъ фантазіи или изъ жизни — онъ почти всегда достигаетъ цѣли, передаетъ намъ, вмѣстѣ съ мыслью, и одушевляющее его чувство“. Такимъ остается Брандесъ и на кафедрѣ — и простота его дикціи еще ярче выставляетъ на видъ смѣлый полетъ его мысли, творческую работу его воображенія.

Разбирая, во второй лекціи, методы и задачи современной критики, Брандесъ выразилъ мысль, что для критика недостаточно одного пониманія, что ему необходимо чутье, необходимо „интуитивное“ проникновеніе въ самую глубь изучаемой имъ жизни — а это, въ полной мѣрѣ, возможно только по отношенію къ *своему* народу, только по отношенію къ произведеніямъ, написаннымъ на родномъ языкѣ критика. Въ пользу этой мысли, брошенной лекторомъ только мимоходомъ, говорить, безъ сомнѣнія, весьма многое — но согласиться съ нею безусловно намъ мѣшаетъ именно дѣятельность самого Брандеса. Кульминаціонныя точки его критики едва ли слѣдуетъ искать въ статьяхъ, посвященныхъ скандинавскимъ литературамъ. Внутреннее богатство этихъ литературъ гораздо больше, чѣмъ думаютъ

¹⁾ См. статью: „Новый историкъ французскаго романтизма“ въ № 8 „В. Евр.“ за 1883 годъ. Разборъ другой книги Брандеса: „Moderne Geister“ можно найти въ Литературномъ Обозрѣніи № 5 „В. Евр.“ за 1882 г.

обыкновенно—но все же ни одна изъ нихъ не можетъ сравниться съ литературами Франціи, Англіи, Германіи. Послѣднимъ, во всякомъ случаѣ, принадлежитъ инициатива „главныхъ теченій“ (Hauptströmungen), по преимуществу изучаемыхъ Брандесомъ; какъ бы сильно движеніе, возникшее къ югу отъ Балтійскаго моря, ни отразилось въ Даніи, Швеціи, Норвегіи, все же оно остается тамъ *движеніемъ от-раженнымъ*. Ограничившись изслѣдованіемъ скандинавскихъ литературъ, Брандесъ не только не *достигъ* бы европейской славы — онъ едва ли и *заслужилъ* бы ее, въ силу извѣстнаго поэтического афоризма: „es wächst der Mensch mit seinen gröss'ren Zwecken“. Большому кораблю нужно большое плаваніе; большой силѣ нуженъ большой просторъ, нужна значительная задача — значительная въ томъ смыслѣ, въ какомъ Тэнъ говоритъ о значительности или важности характера (importance du caractère). Такую задачу Брандесъ могъ найти только за предѣлами скандинавскаго міра — и, только исполняя ее, онъ могъ подняться на ту высоту, на которой мы теперь его видимъ. Представляютъ ли его этюды по скандинавской литературѣ что-нибудь болѣе глубокое, въ сравненіи со всѣми остальными — объ этомъ мы не беремся судить, потому что слишкомъ мало знакомы съ самымъ предметомъ этюдовъ; но можно подойти къ вопросу съ другой стороны, можно посмотреть, недостаетъ ли чего-нибудь существеннаго статьямъ Брандеса о писателяхъ французскихъ или нѣмецкихъ, замѣчается ли здѣсь остановка передъ чертою, дальше которой не дано идти иностранцу, *какъ иностранцу*. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что такой остановки у Брандеса нигдѣ не видно. Онъ не могъ бы, конечно, опредѣлить со всею точностью всѣ особенности *языка* иностраннаго писателя—но онъ за это и не берется, ему это и не нужно. Все типичное въ писателѣ, все составляющее его своеобразность, его главную силу или слабость, указано, въ лучшихъ статьяхъ Брандеса, съ такою мѣткостью, съ такою художественной правдой, когорую едва ли могъ бы превзойти соотечественникъ разбираемаго автора. Удивительнаго въ этомъ нѣтъ ничего. Если даровитый историкъ можетъ возстановить жизнь несуществующаго болѣе народа, отдѣленную отъ насъ цѣлыми вѣками, если Гротъ можетъ перенестись и перенести насъ съ собою въ древнюю Грецію, Моммсенъ—въ древній Римъ, то почему же даровитый критикъ не могъ бы проникнуть во всѣ изгибы творческаго процесса, совершающагося за предѣлами его страны, но при условіяхъ, сравнительно легко поддающихся изученію? Въ психическомъ мірѣ современнаго человѣка на каждомъ шагѣ встрѣчаются черты, зависящія гораздо больше отъ его темперамента, отъ степени его развитія и образованія, отъ обстоятельствъ личной его жизни, чѣмъ отъ его на-

ціональности; вліяніе послѣдней нивогда не можетъ быть всецѣло сложено со счетовъ, но оно можетъ быть предметомъ изслѣдованія, какъ нѣкій нерастворимый остатокъ, получаемый послѣ анализа всѣхъ другихъ элементовъ авторской личности. Весьма важнымъ орудіемъ изслѣдованія служитъ здѣсь, безъ сомнѣнія, знаніе языка, на которомъ писалъ изслѣдуемый авторъ—но этимъ орудіемъ Брандесъ вполне владѣетъ, когда работаетъ надъ литературами: англійскою, нѣмецкою французскою. Еслибы на верхнихъ ступеняхъ критики могли найти мѣсто, по праву, только работы, посвященныя соотечественникамъ автора,—удалить отсюда, вмѣстѣ съ болѣею частью написаннаго Брандесомъ, пришлось бы и „Исторію англійской литературы“, и „Опытъ о Титѣ-Ливіи“, Тэна — а справедливость послѣдней мѣры едва ли призналъ бы и самъ Брандесъ. Чѣмъ крупнѣе критикъ, тѣмъ больше роль, которую играетъ у него интуиція, „угадыванье“ — это бесспорно; въ такомъ критикѣ почти всегда скрывается поэтъ ¹⁾, а въ поэтѣ часто говорить что-то бессознательное. Мы утверждаемъ только, что сфера „угадыванья“ ничѣмъ не ограничена, что его источникъ слѣдуетъ искать не въ общности происхожденія и языка. Откуда, напримѣръ, вывелъ Брандесъ заключеніе о внутренней связи между личной жизнью Киркегоарда и его творчествомъ—заключеніе, вполне оправданное изданною, нѣсколько лѣтъ спустя, перепискою Киркегоарда и приведенное лекторомъ въ доказательство разбираемаго нами тезиса? Исключительно изъ *содержанія* произведеній Киркегоарда, т.-е. именно изъ того, что вполне доступно не для однихъ датчанъ.

Скажемъ болѣе: для такого критика, какъ Брандесъ, препятствіемъ къ правильному пониманію автора далеко не всегда служить даже незнаніе языка, на которомъ писалъ авторъ. Переводъ не можетъ, конечно, дать понятіе о прелести формы, о гармоніи стиха или прозаической рѣчи, — но онъ можетъ сохранить и воспроизвести всѣ особенности содержанія, а слѣдовательно, и послужить основой для плодотворной критической работы. Въ оцѣнкѣ русскаго романа Брандесъ едва ли остался позади Вогюэ, хорошо знающаго русскій языкъ. Если первая лекція Брандеса, посвященная Тургеневу, Достоевскому и Льву Толстому, уступала остальнымъ по законченности и глубинѣ, то объясненіе этому слѣдуетъ искать не въ чемъ другомъ, какъ въ громадности избранной темы; въ полтора часа невозможно исчерпать даже самыя главные черты творчества трехъ писателей, столь

¹⁾ Припомнимъ извѣстную фразу Сентъ-Бѣва, помимо его воли вылившуюся въ стихи и послужившую поводомъ къ прелестному совету Альфреда Мюссе: „il existe, en un mot, chez les trois quarts des hommes un poète mort jeune à qui l'homme survit“.

крупныхъ и столь мало похожихъ другъ на друга. Чтобы выйти съ честью изъ трудностей такой задачи, чтобы заинтересовать русскую публику бѣглымъ эскизомъ ея любимцевъ, нужно было дарованіе, далеко выходящее изъ ряда — нужно было, однимъ словомъ, дарованіе Георга Брандеса. Противопоставленіе національнаго пессимизма Тургенева національному оптимизму Достоевскаго, указаніе на меланхолію, какъ на общее свойство великихъ русскихъ романистовъ, на источники или оттѣнки меланхоліи, какъ на черту различія между ними — все это и многое другое носило на себѣ отпечатокъ большой критической силы. Только она позволила лектору справиться, въ предѣлахъ одной лекціи, и съ другимъ предметомъ, почти столь же обширнымъ: съ характеристикой современной критики, въ лицѣ трехъ представителей ея — Сентъ-Бѣва, Тэна и самого Брандеса. Намъ случилось слышать мнѣніе, что напрасно Брандесъ говорилъ такъ много о самомъ себѣ и какъ бы старался превознести себя надъ другими. Съ этимъ мнѣніемъ едва ли можно согласиться. Во всѣхъ областяхъ знанія существуетъ извѣстная преимущество, безъ пониманія которой нельзя дать себѣ отчетъ въ успѣхѣ знанія. Если изслѣдователь указываетъ прямо, чѣмъ онъ обязанъ своимъ предшественникамъ и въ чемъ онъ расходится съ ними, онъ только облегчаетъ сравненіе, существенно необходимое для правильнаго вывода. Излишняя скромность была бы здѣсь неумѣстна, въ особенности въ устахъ того, кто уже достигъ высокаго положенія въ литературѣ. Несправедливъ или тщеславенъ Брандесъ былъ бы въ такомъ лишь случаѣ, еслибы онъ отрицалъ всякую внутреннюю связь свою съ Тэномъ и Сентъ-Бѣвомъ. Онъ этого не дѣлаетъ; онъ признаетъ себя ихъ продолжателемъ — но продолженіе не равносильно повторенію или подражанію. Весь вопросъ сводится къ тому, вѣрно ли опредѣлены Брандесомъ главные черты различія между нимъ и великими французскими критиками. На этотъ вопросъ мы, не колеблясь, отвѣчаемъ утвердительно. Такъ-называемыхъ *unes d'ensemble* у Брандеса, безъ сомнѣнія, больше, чѣмъ у Сентъ-Бѣва; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить самую постройку „Литературы XIX-го вѣка“, направленную къ объединенію разрозненныхъ теченій — или картину французскаго романтизма, обнимающую собою безъ всякой натяжки не школу, не доктрину, а цѣлую эпоху. Столь же безспорно и то, что Брандесъ свободенъ отъ догматизма, иногда слишкомъ замѣтнаго у Тэна. Въ нашемъ журналѣ, пять лѣтъ тому назадъ (при разборѣ „*Moderne Geister*“), было подчеркнуто „духовное родство“ между Брандесомъ и Тэномъ, но при этомъ была сдѣлана оговорка, что „отъ родства до полнаго сходства еще весьма далеко“. „Брандесъ, — продолжали мы, — идетъ по той же дорогѣ, по которой

раньше его шель Тэнъ, но идетъ по ней совершенно самостоятельно. Въ натурѣ Тэна есть сухость, чуждая Брандесу; поэтическая струна звучитъ въ послѣднемъ гораздо чаще и сильнѣе, чѣмъ въ первомъ". Эта поэтическая струна—или, говоря словами Брандеса, эта способность къ интуиціи — и позволяетъ Брандесу углубляться дальше Тэна въ чужой психическій міръ, въ психическую жизнь писателя. Тэнъ схватываетъ лучше всего данное писателю извнѣ—расой, средой. моментомъ; Брандесъ прибавляетъ къ этому чисто-индивидуальныя черты, нерѣдко берущія верхъ надъ остальными.

„Новѣйшая критика, — такъ началъ Брандесъ свою вторую лекцію, — рѣдко судитъ; она излагаетъ и объясняетъ". Это замѣчаніе совершенно справедливо, если понимать подъ именемъ *суда* примѣненіе къ писателямъ и произведеніямъ какихъ-либо эстетическихъ законовъ, заранѣе установленныхъ, непреклонныхъ и неподвижныхъ. Судъ иного рода, болѣе свободный и широкій, едва ли отдѣлимъ отъ *объясненія*. Объяснить — значитъ не только раскрыть происхожденіе произведенія, но и показать, чего хотѣлъ достигнуть авторъ и чего онъ достигъ на самомъ дѣлѣ. Сличеніе того и другого уже само по себѣ равносильно критическому приговору—но критика можетъ идти еще дальше, не выходя изъ своей нормальной роли. Она можетъ подвергнуть оцѣнкѣ самое *нампреніе* автора; она можетъ задаться вопросомъ, было ли оно *исполнимо*. Самъ Брандесъ нѣсколько разъ являлся передъ нами въ роли судьи: онъ подвергалъ сомнѣнію, на-примѣръ, искренность юношескихъ произведеній Мюссэ; онъ защищалъ Вольтера противъ нападеній „Rolla“; онъ выставялъ на видъ явную несообразность между замысломъ этой поэмы и ничтожностью ея героя. Въ опредѣленіи задачъ критики, данномъ Брандесомъ, есть, однако, большая доля правды. Если критика и не исчерпывается *объясненіемъ*, то оно составляетъ, во всякомъ случаѣ, ея краеугольный камень и вмѣстѣ съ тѣмъ ея вѣнецъ, ея главное призваніе и ея высшее торжество. Понять мысль Брандеса помогутъ намъ его слова, сказанныя имъ въ частной бесѣдѣ; онъ замѣтилъ, что настоящая область критики—лучшія произведенія искусства, что спускаться въ низины она должна только тогда, когда нужно противоdѣйствовать торжествующей лжи, бороться съ фальшью, подчиняющею себѣ умы и имѣющею блестящій успѣхъ, временный, но тѣмъ не менѣе опасный. Критика будничная, чернорабочая, слѣдящая изо дня въ день, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, за маленькими и большими литературными движеніями, не можетъ, къ сожалѣнію, воспользоваться совѣтомъ Брандеса; ея сторожевая, безпкойная служба тѣмъ болѣе необходима, чѣмъ ниже, въ данную минуту, уровень общественнаго развитія. На солдатское ружье, при такихъ условіяхъ, мѣняють

иногда свой мечъ и прирожденные полководцы; не даромъ же у насъ въ Россіи Бѣлинскій и Добролюбовъ не брезгали скромной библиографической работой. И все-таки Брандесъ совершенно правъ: путь на вершины критики дѣйствительно идетъ только по вершинамъ литературы. Бѣлинскій, съ этой точки зрѣнія, обязанъ безконечно многимъ Пушкину, Лермонтову, Гоголю; Добролюбовъ—Тургеневу, Островскому, Достоевскому и Гончарову; Сентъ-Бѣвъ—романтической плеядѣ; Тэнъ—Шекспиру и Байрону, Бальзаку, Диккенсу и Теккерею; Брандесъ—всѣмъ представителямъ „главныхъ теченій“ XIX-го вѣка.

Слухи о предстоящемъ объединеніи всѣхъ начальныхъ школъ по типу и образцу школы церковно-приходской продолжаютъ появляться, отъ времени до времени, въ нашихъ газетахъ. Не возвращаясь къ вопросу о томъ, насколько такое объединеніе было бы желательно и цѣлесообразно, мы хотимъ только указать на одно средство, чаще прежняго пускаемое въ ходъ односторонними приверженцами церковно-приходской школы. Это средство—коллективныя прошенія или депутаціи отъ крестьянъ, жалующихся на земскую школу и ходатайствующихъ о передѣлкѣ ея по *alleinseligmachend*'ному фасону. Объ одной изъ такихъ депутацій намъ повѣдала еще недавно петербургская лже-консервативная газета. Само собою разумѣется, что въ новой варіаціи на старую тему говорится и „объ общемъ голосѣ отцовъ и матерей“, и о „безсмысленныхъ сказкахъ и пустыхъ поговоркахъ“, будто бы наполняющихъ учебники Ушинскаго и барона Корфа, и о спасительности обученія грамотѣ по церковнымъ книгамъ, по часослову и псалтири. Просители находятъ „программы учебныхъ предметовъ для церковно-приходскихъ школъ“, изданныя святѣйшимъ синодомъ, „совершенно согласными и съ духомъ православія, и съ исторически сложившимся народнымъ настроеніемъ“, а теперь употребляемые учебники—„служащими въ явный подрывъ семейнымъ связямъ (1) и вѣрованіямъ русскаго народа“. Попытки выставить народъ (ни мало, конечно, къ тому не причастный) судьей въ чисто-педагогическихъ вопросахъ встрѣчаются уже не въ первый разъ; ихъ цѣль совершенно ясна—и тѣмъ пріятнѣе было встрѣтить имъ отпоръ съ такой стороны, которая никакъ не можетъ быть заподозрѣна въ несочувствіи новымъ влѣвіямъ. Мы говоримъ о брошюрѣ г. Горбова, извѣстнаго нашимъ читателямъ въ качествѣ одного изъ самыхъ крайнихъ противниковъ свѣтской, земской школы ¹⁾. Вотъ что мы читаемъ

¹⁾ См. Общественную Хронику въ № 6 „Вѣстн. Евр.“ за 1884 г. и въ № 4 за 1885 г., а также Литературное Обозрѣніе въ настоящей книжкѣ нашего журнала.

въ этой брошюрѣ („Задачи русской начальной школы“): „Главное, чего надо желать для самой церковной школы, это чтобы какъ можно скорѣе прекратились громкія фразы ея защитниковъ, ихъ самодовольное порицаніе земской школы и нѣмецкихъ пріемовъ, ихъ пока ничѣмъ не оправданныя ожиданія,—чтобы какъ можно скорѣе прекратились толки о „голосѣ народа“, перестали появляться мірскіе приговоры о замѣнѣ земской школы церковно-приходской, приговоры, цѣна и происхождение коихъ вѣкъ извѣстны“. Въ другомъ мѣстѣ, посвященномъ звуковой методѣ обученія, г. Горбовъ замѣчаетъ, что она кажется ему неудобной, не болѣе. „Между тѣмъ,—продолжаетъ онъ,—новоявленные педагоги—простые мужички разсматриваютъ ее, такъ сказать, съ точки зрѣнія ея православности. Ужъ коли церковно-приходская школа, такъ и учить въ ней надо со всякими бры, кры, вспры; такъ, молъ, и первоучители учили“¹⁾. Злѣе посмѣяться надъ нелѣпыми притязаніями и фальшивыми пріемами едва ли возможно—и неотразимая сила насмѣшки тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что она идетъ отъ единомышленника, отъ „своего“ человѣка... Въ видѣ иллюстраціи къ тому, чего стоить коллективныя нападки на земскую школу, и въ какой степени онѣ являются „голосомъ отцовъ и матерей“, приведемъ небольшую выписку изъ другого неліцепріятнаго источника—изъ „Правительственнаго Вѣстника“. По свѣденіямъ, собраннымъ нѣкоторыми училищными совѣтами губерній черниговской и полтавской, „крестьянское населеніе въ высшей степени сочувственно относится къ школѣ. Ежегодно, во время пріема учениковъ, многимъ изъ нихъ приходится отказывать за недостаткомъ мѣста. Изъ года въ годъ повторяются случаи, когда крестьянскія общества, по собственному почину, жертвуютъ изъ общественныхъ суммъ деньги на постройку школьных помѣщеній и обращаются съ ходатайствами о назначеніи въ ихъ села учителей. Также есть много примѣровъ, что крестьяне посылаютъ дѣтей въ земскую школу въ ближайшее село, отстоящее на разстояніи четырехъ-пяти верстъ“. Мы желали бы знать, много ли найдется въ земскихъ губерніяхъ уѣздовъ или волостей, о которыхъ нельзя было бы сказать буквально того же самого?

Возвращаясь къ г. Горбову, отмѣтимъ еще нѣкоторыя черты, выдѣляющія его изъ среды его союзниковъ. Вотъ, напримѣръ, отзывъ, его о баронѣ Н. А. Корфѣ, въ высшей степени поучительный для „Московскихъ Вѣдомостей“ и для всѣхъ тѣхъ, кто отравилъ послѣдніе годы жизни честнаго труженика и не переставалъ глумиться надъ нимъ

¹⁾ Шаблонность „новоявленныхъ педагоговъ“, — т.-е. тѣхъ, кто говоритъ ихъ устами,—по истинѣ изумительна; ссылка на первоучителей есть и въ прошеніи, о которомъ мы говорили выше—а книга г. Горбова вышла въ свѣтъ до его подачи.

и послѣ его смерти. „Баронъ Корфъ—единственный русскій самостоятельный представитель научной педагогики; нельзя оставлять его взглядовъ безъ вниманія, хотя и соглашаться съ нимъ часто трудно... Онъ даетъ очень цѣнныя указанія о технической сторонѣ преподаванія закона Божія, и всякому сельскому законоучителю полезно познакомиться съ ними“. Мнѣніе, въ силу котораго нельзя читать въ школѣ басни и сказки, г. Горбовъ называетъ „показывающимъ отсутствіе практической опытности“. Онъ несогласенъ и съ тѣмъ, что надо начинать обученіе чтенію съ псалтири и часослова. „Засадить ученика прямо за псалтирь“,—говоритъ онъ,—„значитъ заставить его побѣждать четыре трудности заразъ: трудность механическаго чтенія, трудность пониманія читаемаго вообще, трудность пониманія чужого языка и трудность пониманія книги, не рассчитанной для дѣтскаго возраста“. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи г. Горбовъ расходится даже съ официальными программами, изданными для церковно-приходскихъ школъ. Объяснительная записка къ программѣ по церковно-славянскому языку признаетъ, что „въ церковно-приходской школѣ желательно было бы начинать обученіе прямо съ церковно славянской азбуки“, и уклоненіе отъ этого порядка допускается лишь въ видѣ уступки, во вниманіе къ затрудненіямъ, какія могло бы вызвать, въ настоящее время, „употребленіе стариннаго способа, отличнаго отъ современныхъ“. „Лицамъ убѣжденнымъ и опытнымъ“,—читаемъ мы дальше,—„откуда не возбраняется начинать обученіе съ церковно-славянской азбуки въ древле уложенномъ порядкѣ и съ подлинными названіями буквъ. *Такіе опыты даже желательны*: они дадутъ цѣнный матеріалъ для болѣе вѣрнаго и положительнаго рѣшенія вопроса объ обученіи церковно-славянскому чтенію въ церковно-приходскихъ школахъ“. А вотъ что говоритъ г. Горбовъ: „Начинать надо съ гражданской печати и учить читать какъ можно скорѣе... Представимъ себѣ двѣ школы. Въ одной, хотя бы и не православной, ученики къ концу зимы читаютъ всякую русскую и славянскую книгу, пишутъ и кое-что знаютъ изъ ариметики. Въ другой, строго церковной, они еще только кончаютъ азбуку. Куда долженъ отдать крестьянинъ своего сына?..“

Нельзя не пожалѣть о томъ, что усиленная агитація въ пользу церковно-приходской школы совпала съ эпохой школьныхъ и иныхъ преобразованій въ остзейскомъ краѣ. Чѣмъ меньше преобладалъ бы въ этихъ преобразованіяхъ элементъ національной и религіозной исключительности, тѣмъ больше были бы шансы прочнаго и широкаго ихъ успѣха. Нѣмецкая начальная школа, игнорирующая законныя требованія латышей и эстовъ, легче поддалась бы новымъ требованіямъ, еслибы ей пришлось стать лицомъ къ лицу съ школой, устроенной по русскому земскому типу. Ровно четыре года тому на-

здѣ мы перепечатали изъ „Руси“ обзоръ желаній, заявленныхъ, по поводу сенаторской ревизіи Н. А. Манасеина, эсто-латышскимъ населеніемъ прибалтійскаго края. Въ составъ этой программы входило, между прочимъ, предоставленіе лютеранскимъ приходамъ права выбирать своихъ пасторовъ и обращеніе начальной школы въ дѣйствительно народную, съ изытіемъ ея изъ-подъ власти пастора. Исполнено, въ настоящее время, только послѣднее желаніе; будутъ ли исполнены другія, не менѣе важныя?.. Заговоримъ однажды объ остзейскомъ краѣ, сдѣлаемъ еще два замѣчанія. Предметомъ эсто-латышскихъ ходатайствъ, кромѣ школьной реформы, были еще реформы судебно-административная и земельная. Первой изъ нихъ слѣдуетъ ожидать, повидимому, въ непродолжительномъ времени, хотя и неизвѣстно, подаритъ ли она остзейскому краю желаемыя имъ все-сословныя земскія учрежденія; но о реформѣ земельной до сихъ поръ ничего не слышно—а она составляетъ, быть можетъ, краеугольный камень по отношенію ко всѣмъ остальнымъ ¹⁾. Другое замѣчаніе наше заключается въ томъ, что распространенію православія въ остзейскомъ краѣ едва ли можетъ способствовать напоминаніе объ отвѣтственности, угрожающей отщепенцамъ отъ православной церкви. Лифляндскій губернаторъ, если вѣрить газетамъ, пришелъ къ убѣжденію, что въ Лифляндіи существуетъ довольно значительное число крестьянъ, которые, будучи окрещены по обряду православной церкви, впоследствии конфирмовались или вѣнчались, или крестили своихъ дѣтей у лютеранскихъ пасторовъ. Для предупрежденія такихъ случаевъ на будущее время, губернаторъ призналъ нужнымъ разъяснить, что браки, неправильно вѣнчанные, а слѣдовательно и рожденные отъ отъ нихъ дѣти, не могутъ считаться законными, а воспитаніе въ лютеранской вѣрѣ дѣтей, рожденных отъ православныхъ родителей, можетъ имѣть послѣдствіемъ не только наказаніе родителей (тюремнымъ заключеніемъ), но и *отобраніе у нихъ дѣтей*. Фактически все это, конечно, совершенно вѣрно; законы, на которые ссылается губернаторъ, дѣйствительно существуютъ — но какъ-то плохо вѣрится въ возможность ихъ примѣненія, особенно въ возможность отобранія дѣтей отъ родителей. Это такая мѣра, о которой нельзя подумать безъ ужаса; нельзя себѣ представить чтобы изъ-за вѣроисповѣднаго вопроса могла быть разорвана священная связь между родителями и дѣтьми, нарушены самыя нѣжныя, самыя глубокія чувства. Къ чему же устрашать населеніе указаніемъ на мѣру, которая едва ли

¹⁾ Главныя желанія, относящіяся къ земельной реформѣ, были слѣдующія: выкупъ усадебъ по „казенной таксѣ“, а не по такъ-называемому добровольному соглашенію; надѣленіе батраковъ участками казенной или пасторатской земли, съ вознагражденіемъ, въ послѣднемъ случаѣ, пасторовъ; распространеніе на мизныя земли повинностей, лежащихъ теперь исключительно на крестьянскихъ земляхъ.

когда-нибудь осуществится? Не ясно ли, что это ни въ какомъ случаѣ не можетъ вести къ увеличенію числа лицъ, обращающихся изъ лютеранства въ православіе? Отпаденіе вновь присоединенныхъ обратно въ лютеранство можетъ зависѣть отъ двухъ главныхъ причинъ: отъ слишкомъ поспѣшнаго присоединенія—и отъ лишеній или гоненій, являющихся результатомъ обращенія въ православіе. Противъ перваго уже приняты мѣры святѣйшимъ синодомъ — а послѣднія сдѣлаются немыслимыми, какъ только крестьяне перестанутъ быть юридически и матеріально зависимыми отъ помѣщиковъ и пасторовъ.

ИЗВѢЩЕНІЯ.

Отъ Редакціи.—На поддержаніе сельской школы Кавелина, въ селѣ Ивановѣ, тульской губерніи, бѣлевскаго уѣзда, и на могильный памятникъ—поступило:

1) Къ 1-му апрѣля 1887 г. 4.098 р. 98 к.

2) Въ теченіе апрѣля вновь поступило отъ Д. А.

Корсакова, изъ Казани. 100 „ — „

Всего къ 1-му мая 1887 г. . . 4.198 р. 98 к.

Израсходовано по счету мастера В. Ефимова на установленный на Волковскомъ кладбищѣ могильный

памятникъ 900 р. — к.

Въ остаткѣ на сельскую школу . . . 3.298 р. 98 к.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

Отзыв о Ж.-Ж. Руссо. Томъ II: Связь политической доктрины Ж.-Ж. Руссо съ государственными бытовыми Женеви. А. С. Алексеева, проф. моск. унив. М. 1887. Стр. 368 и Сл. II. Ц. 2 р. 50 к.

Новый выпуск посвящен исключительно известному „Contrat social“. Изложив историю различных редакций „Общественного договора“ и выяснив связь этого трактата съ первыми проповедями Ж.-Ж. Руссо, авторъ дает картину государственного быта Женеви въ то время, когда совершались тамъ въ первой половине XVIII-го вѣка политическія движенія, и, наконецъ, выясняетъ тѣ отношенія, какія образовались между гражданами „Договора“, женевскою конституціей и борющимися тогда партіями въ Женевѣ, напавши приговора книги женевскими властями въ публичному сожженію. Авторъ писалъ по рукописямъ, которыя онъ имѣлъ случай лично изучать въ Невшателѣ и Женевѣ, и это одно придаетъ его труду особенное научное значеніе; въ концѣ книги помѣщено обширное приложение съ подлинниками главнѣйшихъ документовъ, которые, въ свою очередь, могутъ послужить теперь общедоступнымъ сборникомъ матеріаловъ для изученія той любовитной эпохи, на которой остановился авторъ.

Политическая экономія, въ связи съ финансами. Л. В. Ходскаго. Второе изданіе. Сиб. 1887. Стр. 535. Ц. 3 р. 50 к.

При появленіи перваго изданія въ 1884 г. мы имѣли случай познакомить читателей довольно подробно какъ съ достоинствами, такъ и съ нѣкоторыми слабыми сторонами этого почтеннаго и полезнаго труда,—если принять въ соображеніе недостатки у насъ дѣльныхъ руководствъ по политической экономіи. Новое изданіе, дополненное авторомъ, доставило ему случай какъ исправить общую теоретическую часть курса—слабая сторона перваго изданія, такъ и многое дополнить съ пользою для книги, которая въ настоящемъ своемъ видѣ можетъ быть признана еще болѣе пригодною, какъ учебное пособіе.

Общедоступная военно-историческая хрестоматія. Съ рисунками, картами и планами. Составл. К. К. Абазы. Кн. 2. Сиб. 1887. Стр. 398. Ц. 1 р.

Мы имѣли недавно случай указать при первомъ выпускѣ на значеніе подобнаго изданія для усилковъ класснаго преподаванія исторической науки. Второй выпускъ имѣетъ цѣлью дать для русской исторіи то же, что далъ первый для всеобщей, но, по своимъ пріемамъ, послѣдній, какъ намъ кажется, много уступаетъ первому. Авторъ еще дальше отступаетъ теперь отъ основной мысли всякаго подобнаго изданія—поставить въ болѣе близкое соотношеніе учащагося съ живыми словами или современниками событій, или классическихъ писателей той эпохи. Въ настоящемъ же видѣ новый выпускъ можно назвать только болѣе обширнымъ учебникомъ, съ огромными пропусками внутри; изъ этой хрестоматіи нельзя даже заключить, что у насъ есть такіе историки, какъ Карамзинъ, Соловьевъ, Погодинъ, Полевой, имена которыхъ даже и не встрѣчаются въ оглавленіи, при указаніи тѣхъ источниковъ, по которымъ статьи составлены, но зато тамъ можно встрѣтить, для статей объ отечественной войнѣ, именъ Тьера, Богдановича, и имя г. Шафеева. Относительно иллюстрацій

мы повторили бы сказанное нами по поводу перваго выпуска. Надѣемся, впрочемъ, что второе изданіе этого, тѣмъ не менѣе, полезнаго труда дастъ случай автору приблизиться къ той идее, которая должна лежать въ основаніи задуманнаго авторомъ дѣла.

Повѣсти, сказки и разсказы Кота-Мутлика. Т. I. Сиб. 1887. Стр. 319.

Псевдонимъ автора пользуется такою заслуженною популярностью, что уже одно это имя содержитъ въ себѣ ручательство за то, что новое изданіе его „Сказокъ“ представляется несомнительно и тѣ же достоинства, и тѣ же особенности таланта и направленія мысли автора. „Будить сознание въ человѣкѣ“, и притомъ для „лучшей жизни“—здѣсь—таковъ девизъ, избравшій авторомъ, вмѣсто предисловія. Въ настоящемъ выпускѣ помѣщены восемь разсказовъ, изъ которыхъ обращаетъ на себя особое вниманіе „Князь Коста“, гдѣ авторъ, вооруживъ читателя почти дѣтской сферой, намѣтилъ, тѣмъ не менѣе, много случаевъ обнаруживать тонкости своихъ наблюденій надъ природою человѣка и глубину анализа жельчайшихъ движеній нашей души.

Изъ первыхъ лѣтъ казанскаго университета (1805—1819). Разсказы по архивнымъ документамъ. Н. Булича. Ч. I. Казань. 1877. Стр. 639. Ц. 4 р.

Начало этого, въ высшей степени интереснаго труда обнимаетъ собой первый періодъ казанскаго университета, отъ 1814 г. до 1819 г., совпадающій съ лучшимъ эпохою правленія имп. Александра I. Первые главы этой части были составлены авторомъ еще въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, при существованіи университетскаго устава 1863 г. Разсказы, приписанные въ книгѣ изъ жизни и быта университета той отдаленной эпохи, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, не имѣютъ ничего общаго съ обычными официальными университетскими „исторіями“. Вторая часть будетъ имѣть предметомъ извѣстную исторію хода и развитія высшаго образованія въ Казани, съ біографіей профессоровъ; туда же войдутъ подробности извѣстной рѣшимъ Магницкаго, во всемъ контрастѣ печальнаго прошлаго нашего просвѣщенія съ мечтою о лучшемъ будущемъ. Вр. Н. Н. Булича, безъ сомнѣній, займетъ въ видное мѣсто въ исторической литературѣ, изучивъ своими спеціальными предметомъ изученіе весьма разнообразной, по различнымъ эпохамъ, судьбы высшаго просвѣщенія въ Россіи.

Цесаревичъ Павелъ Петровичъ (1754—1796). Историческое изслѣдованіе Д. Кобеко. Изд. 3-е. Сиб. 1887. Стр. 474. Ц. 3 р.

Прошло пять лѣтъ со времени перваго выхода въ свѣтъ изслѣдованія Д. Кобеко, и оно пользуется уже третьимъ изданіемъ, что само по себѣ говоритъ и о достоинствахъ труда, независимо отъ преміи, которую этотъ трудъ былъ почтенъ со стороны академіи наукъ, и объ интересѣ, возбужденномъ книгою въ читающей публикѣ. Авторъ поспѣшилъ воспользоваться такими частными повтореніями своего изданія и обогатилъ его извѣстной рать свѣденіями изъ новѣйшихъ сборниковъ историческихъ документовъ; сверхъ того, онъ сдѣлалъ свою книгу болѣе удобною для пользованія ею изслѣдователями и специалистами—приложеніемъ алфавитнаго указателя личныхъ именъ, встречающихся въ книгѣ.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

на 1887 г.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

Годъ: Полгода: Четверть:

Годъ: Полгода: Четверть:

Безъ доставки. . .	15 р. 50 к.	8 р.	4 р.	{	Съ пересылкою. . .	17 „ — „	10 „	6 „
Съ доставкою. . .	16 „ — „	9 „	5 „		За границей . . .	19 „ — „	11 „	7 „

Номеръ журнала отдѣльно, съ доставкою и пересылкою, въ Россіи — 2 р. 50 к., за границей — 3 руб.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычномъ уступкомъ.

ПОДПИСКА принимается — въ Петербургѣ: 1) въ Главной Конторѣ журнала „Вѣстникъ Европы“ въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., 2-я лин., 7; 2) въ ея Отдѣленіи, при книжномъ магазинѣ Э. Меліе, на Невскомъ проспектѣ; — въ Москвѣ: 1) при книжныхъ магазинахъ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; 2) Н. П. Карбасникова, на Моховой, д. Коха, и 3) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи. — Иногородные обращаются по почтѣ въ Редацію журнала: Спб., Галерная, 20, а лично — въ Главную Контору. Тамъ же принимаются частныя извѣщенія и ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ журналѣ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редація отзываетъ вниманіе на точную и своевременную доставку городскихъ подписчикамъ и въ Конторѣ и въ Отдѣленіи, а также на иногороднихъ и иностранныхъ, которые выслали свою сумму по почтѣ въ Редацію „Вѣстника Европы“, въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (NB) доставлено до вышеуказанныхъ мѣстъ за границей.

Въ перемѣнѣ адреса просить извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго жительства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногороднее доплачивается 1 р. 50 к.; иногороднихъ въ городское — 40 коп.; и изъ городскихъ или иногороднихъ въ иностранное — доставленное до вышеуказанныхъ мѣстъ за границей.

Жалобы выносятся исключительно въ Редацію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно обьявленію отъ Почтоваго Департамента, не можетъ быть по полученіи слѣдующаго номера журнала.

Высланы на получение журнала выписываются особо тѣмъ изъ иногороднихъ, которые приложатъ къ почтовой суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Напечатано и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦИЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер., 7.

КНИГА 6-я. — ЮНЬ, 1887.

Стр.

I.—ДВОРЯНСТВО ВЪ РОССІИ.—Историческій и общественный очеркъ.—Оканчаніе.—III.	421
II.—ИЗЪ НОВЫХЪ.—Романъ.—Часть третья и послѣдняя.—VIII-XII.—Окончаніе,— П. Д. Боборыкина	453
III.—ДѢЛОВЫЕ ЛЮДИ ВЪ АМЕРИКѢ.—IV.—В. В. Макъ-Гаханъ.	529
IV.—БАЛКАНСКІЯ ДѢЛА и БОЛГАРСКІЙ ВОПРОСЪ.—1877-1887 гг.—Л. З. Слонимскаго	576
V.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. По взморью бродить я.—II. Искусство.—В. Минскаго.	618
VI.—СЧАСТЛИВЕЦЪ.—Эгоизм.—В. Щедрина.	615
VII.—БѢЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ.—V-VI.—А. П. Нынина	640
VIII.—СТЕЛЛА.—Романъ въ двухъ частяхъ.—Часть первая.—I-V.—А. Э.	682
IX.—НОВАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ КРИТИКА.—Очеркъ.—К. К. Арсеньева	731
X.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—Изъ Теннисона и Томаса Мура.—О. Ч—скій	731
XI.—ХРОНИКА.—КЪ ПЕРЕСЕЛЕНЦАМЪ.—Изъ путевыхъ замѣтокъ.—I.—Ф. Ф. Воропонова	756
XII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Новый законъ о порядкѣ образованія и о со- ставѣ суда присяжныхъ; отношенія его къ прежнимъ проектамъ, его силь- ныя и слабыя стороны.—Законопроектъ объ ограниченіи сферы дѣятель- ности суда присяжныхъ; три главныя группы дѣлъ, къ которымъ онъ относится; новая форма суда, имъ создаваемая.—Императоръ указъ 14-го марта.—Нѣ- сколько словъ о реформѣ мѣстнаго управленія.	785
XIII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Перемена министерства во Франціи.—Кабин- етъ Гоббэ и французскіе финансы.—Исключительная роль генерала Бу- ланже.—Дѣятельность военнаго министра; его заслуги и слабости.—Попу- лярность Буланже и ея причины.—Французская политика относительно Германіи.—Газетные споры о русско-германскихъ отношеніяхъ.—Рабочее движеніе въ Бельгіи	805
XIV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Народная поэзія, Ф. И. Буслаева.—Поволжье, Донъ и Кавказъ, С. Филиппова.—А. И.—Вышняя политика имп. Николая I, С. С. Татищева.—Л. С.	820
XV.—ЗАМѢТКА.—Университетъ въ Италіи.—А. В—скій	833
XVI.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Старый, но все еще нерѣшенный, вопросъ о высшемъ женскомъ образованіи.—Отчетъ комитета общества для достав- ленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ въ Петербургѣ.—Судьба жен- скихъ врачебныхъ курсовъ.—„Двойная бухгалтерія“, примѣняемая къ суду. —Новые нападки на судъ присяжныхъ.—Еще перлъ же-консервативной критики	838
XVII.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—Отъ редакціи.—Пожертвованія на поддержаніе сельской школы Кавелина и сооруженіе ему памятника	850
XVIII.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Современная Персія, д-ра Уэллса, пер. И. Коростовцова.—Французскіе Листы, П. А. Трифонова.—Древнѣе и современ- нѣе софисты, соч. Брентано, пер. Я. Поповицкій.—Русскій мыслитель: Го- голь, собр. И. Щеглова.—Военные законы Петра В., изслѣд. П. О. Бобро- ваго.—Жизнь Іисуса Христа, соч. Ф. В. Фаррара, пер. А. П. Лозукина.	

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: XVI стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы“ въ 1887 г. см. ниже, на оберткѣ.

ДВОРЯНСТВО .

ВЪ

РОССИИ

ИСТОРИЧЕСКІЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ОЧЕРКЪ.

Окончаніе.

Вышеприведенную картину ¹⁾ положенія служилаго земскаго сословія дополнимъ очеркомъ іерархіи московской службы, по которой оно двигалось и распредѣлялось. При изученіи этой іерархіи, получается впечатлѣніе лабиринта, въ которомъ не было однороднаго начала ни относительно характера служебныхъ ступеней, ни относительно родовъ службы, ни способа ея прохождения. Съ современной точки зрѣнія, чины московскаго царства являются смѣшеніемъ чиновъ, въ собственномъ смыслѣ слова, съ званіями и должностями. Несомнѣнно, что чины вообще вырабатывались изъ должностей, постепенно утрачивавшихъ свое первоначальное назначеніе; таковы, напр., чины окольничьихъ, площадныхъ стольниковъ и стряпчихъ и т. д. Но нѣкоторыя должности не поддавались этому процессу, какъ-то: должности центральнаго и придворнаго управленія (напримѣръ—печатника, казначея, постельничьяго, кравчаго и т. д.), между тѣмъ они фигурировали въ общихъ спискахъ чиновъ.

Если проводить различіе между видами службы, во время

¹⁾ См. выше: май, 186 стр.

московскаго царства, то было бы возможно отмѣтить слѣдующіе: 1) *думную* службу высшихъ государственныхъ чиновъ, 2) *чисто-придворную*—такъ-называемыхъ комнатныхъ или ближнихъ чиновъ, 3) *чисто-военную*—простыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, 4) *чисто-гражданскую*—приказныхъ людей, 5) *смѣшанную*—военную, гражданскую и отчасти придворную: площадныхъ стольниковъ и стряпчихъ, московскихъ дворянъ и жильцовъ. Чины послѣдней категоріи назначались и въ походы, и съ обыкновенными служебными порученіями; эта же группа фигурировала въ расшитыхъ одеждахъ на церемоніяхъ московскаго царства ¹⁾. Стольники, стряпчіе, московскіе дворяне и жильцы дѣлились на извѣстное число смѣнъ, которыя должны были чередоваться въ Москвѣ. Сначала этихъ смѣнъ было четыре, но потомъ, указомъ 17-го іюня 1683 года, ихъ сдѣлано было пять, съ тѣмъ, чтобы, отбывая свою четверть года, каждой смѣтѣ пришлось въ слѣдующемъ году нести службу въ другое время (П. С., II, 1023). Чины эти носили общее названіе государева полка, хотя въ дѣйствительности изъ нихъ не формировалось общей воинской части. Какъ можно заключить изъ приведенныхъ свѣдѣній, іерархія московской службы не отличалась простотой. Различные виды службы не были отдѣлены другъ отъ друга чинопроизводствомъ, какъ въ настоящее время. Все было перемѣшано.

Чины московскаго царства различались по достоинству. Какъ видно изъ указа 8-го мая 1687 года (П. С., II, 1243), въ боярскихъ книгахъ съ 1616 года писались: бояре, окольничіе, кравчіе, чашникъ, казначей, постельничьи, думные дворяне, думные дѣяки и стряпчіе съ ключомъ. Это былъ высшій слой служилаго люда. Изъ нихъ принадлежали въ думнымъ чинамъ: бояре, окольничьи, думные дворяне, изъ которыхъ образовывался составъ боярской думы и думные дѣяки, завѣдывавшіе дѣлопроизводствомъ въ этой думѣ. Къ придворнымъ чинамъ относились: кравчіе, чашникъ, постельничій и стряпчій съ ключомъ (постельничій былъ начальникомъ надъ спальниками, а стряпчій съ ключомъ завѣдывалъ гардеробомъ царя).

Чинами средняго достоинства слѣдуетъ считать печатника, конюшаго, оружейничяго, ловчаго, стольниковъ, стряпчихъ, спальниковъ и московскихъ дворянъ. Спальники несли исключительно придворную службу; но стольники и стряпчіе,—смотря по тому, относились ли они къ придворной или общей службѣ,—но-

¹⁾ См. росписаніе, въ какіе дни надо было разнымъ чинамъ являться въ золотыхъ бархатныхъ и обляриныхъ фerezеяхъ на государевы выходы—П. С. II, 850.

слии названіе комнатныхъ (или ближнихъ) и площадныхъ. Званіе московскаго дворнина считалось весьма почетнымъ, сопровождалось исполненіемъ въ окрестностяхъ столицы и, будучи наслѣдственнымъ, служило лучшей гарантіей, что почтенный этимъ званіемъ родъ сохранить близость къ царскому двору.

Наконецъ, нижними чинами были жильцы, дворяне и дѣти боярскія. Жильцами назывались назначаемые изъ выборнаго списка на три года, въ числѣ 300, дворяне и дѣти боярскія—для исполненія обязанностей почетнаго конвоя при царѣ. Они составляли внутреннюю стражу кремлевскихъ палатъ, прислуживали вмѣстѣ съ комнатными стольниками на торжественныхъ обѣдахъ и ѣздили передовымъ отрядомъ въ царскихъ поѣздахъ. Для обыкновенныхъ дворянъ назначеніе въ жильцы было едва ли не единственною ступенью, чтобы выслужиться, если они не хотѣли идти въ дѣяки. Но, чтобы попасть въ жильцы, надо было принадлежать къ выборному списку лучшихъ дворянскихъ фамилій; въ списоки этотъ заносились роды городовыхъ дворянъ по выбору царя. Остальные городовые дворяне дѣлились по роду службы: одни несли полковую службу, т.-е. должны были выѣзжать для составленія полковъ: „конные, людные и оружные“; другіе несли службу по городу, т.-е. составляли его гарнизонъ на случай осады.

Очевидно, что вся эта длинная вереница должностей, чиновъ и служебныхъ положеній не могла составлять, подобно теперешней табели о рангахъ, іерархической лѣстницы, которую надлежало проходить каждому служащему. Движеніе по службѣ было инымъ для потомка именитаго княжескаго или боярскаго рода, для человека средняго и для простаго дворнина. Первый шелъ сокращеннымъ придворнымъ путемъ: юношей—онъ или стольничалъ у царицы, или прямо назначался стольникомъ къ царю, отсюда записывался въ московскіе дворяне или комнатные стольники и проходилъ непосредственно въ окольничьи или бояре. Такой путь долженъ былъ основываться на блистательныхъ служебныхъ прецедентахъ рода. Но иногда цари не удовлетворяли ожиданіямъ юныхъ честолюбцевъ. Извѣстенъ случай съ Головинымъ: отецъ его былъ бояриномъ, а онъ изъ дворянъ назначенъ былъ не прямо въ бояре, а въ окольничьи. Онъ билъ челомъ царю, что окольничихъ въ его родѣ нѣтъ. „Тебѣ, страднику, ни въ какой чести не бывать“,—отвѣтилъ царь въ указѣ, но простилъ ему сѣченіе кнута и ссылку въ Сибирь, къ которымъ приговорила его за дерзость боярская дума.

Средній человекъ назначался изъ дворянъ въ стряпчіе, столь-

ники, приходилъ къ сбору на площадку передъ постельничьимъ крыльцомъ, ожидая приказаній государя, или получалъ назначеніе на военную службу, гдѣ могъ добиться мѣста воеводы въ полку. За большія заслуги онъ могъ получить санъ окольничьяго, который былъ, за исключеніемъ любимцевъ царей, заключительнымъ звеномъ карьеры для людей неизменитаго рода.

Простой городской дворянинъ долженъ былъ, чтобы пробиться въ люди, попасть въ жильцы, откуда онъ могъ пойти среднею карьерою, т.-е. въ площадные стряпчие и стольники; иначе ему оставалось только поступить въ дьяки и идти вверхъ приказною службою, которая могла привести его въ думные дьяки и, наконецъ, въ думные дворяне или даже окольничьи. Оставаясь на мѣстѣ въ обыкновенной ратной службѣ, дворянинъ не имѣлъ никакой возможности выдѣлиться изъ среды сослуживцевъ; цари требовали отъ воеводъ, чтобы они не давали младшимъ родамъ и низшимъ статьямъ случая ослуживать старшихъ и высплывать; порученія, возлагаемыя на каждого, должны были соразмѣряться съ его родовитостью. Въ 1685 году, указомъ 20-го марта, было повелѣно недорослей, у которыхъ отцы служили и служить съ городами, отнюдь не писать въ полковую службу и въ житѣе, а писать ихъ въ службѣ съ тѣми же городами, гдѣ отцы ихъ служили и служатъ (П. С., II, 1113). Для дворянъ городской (гарнизонной) службы не было, слѣдовательно, никакого выхода изъ скромнаго поприща ихъ служебнаго удѣла.

Такимъ образомъ, для служилаго сословія въ московское время существовали два вида службы: одна, которая, путемъ сокращеннымъ или болѣе продолжительнымъ, могла привести ихъ къ знатнымъ чинамъ, къ мѣсту въ думѣ государя; служба оплачивалась милостями и отличіями и обеспечивала потомкамъ ихъ болѣе легкій и пріятный служебный ходъ,—и другая, заурядная, которая являлась тягломъ, бесполезнымъ для честолюбія и даже вовлекавшимъ дворянъ въ расходы и долги. Отъ дворянъ требовали, чтобы они являлись на службу конными и вооруженными и приводили извѣстное число даточныхъ людей изъ вѣрнопостныхъ также на лошадяхъ и съ надлежащимъ вооруженіемъ; между тѣмъ хозяйство въ помѣстьѣ, доходы съ котораго должны были покрывать эти затраты, страдало отъ постоянныхъ и продолжительныхъ отлучекъ хозяина. Требованія службы, очевидно, противорѣчили интересамъ хозяйства. Естественно, дворяне старались всевозможными средствами уклоняться отъ выѣзда на службу. Во все время существованія московскаго царства продолжалась постоянная борьба между правительствомъ, настаивавшимъ на

точномъ исполненіи служилыхъ обязанностей, и нерадивыми дворянами, получившими характерное названіе „нѣтчиковъ“. Въ XVI-мъ столѣтіи Иванъ Грозный приказывалъ разыскивать неявившихся на службу и, сыскавъ, бить кнутомъ и давать на поруку, а за порукою высылать на государеву службу. Указы XVII-го вѣка испещрены неумолкаемыми жалобами на лѣность и огурство дворянъ. Цари угрожали нѣтчикамъ торговою казнью и отобраніемъ ихъ помѣстій и вотчинъ въ пользу доносителя, а животовъ—на жалованье ратнымъ людямъ. Неявка дворянъ входила, однако, все болѣе и болѣе въ обычай. Въ 1687 году, во время похода князя Голицына противъ крымскихъ татаръ, оказалось въ нѣтяхъ ни болѣе, ни менѣе, какъ 1.866 человекъ. Правительство уже не думало о примѣненіи къ неисправнымъ объявленныхъ имъ неоднократно строгихъ мѣръ взысканія; указомъ 5-го марта 1688 года оно, исчисливъ подробно всѣхъ нѣтчиковъ по городамъ, возобновило имъ приказаніе явиться въ Рыльскъ къ 1-му мая подъ начальство воеводы Неплюева и возложило на мѣстныя власти обязанность обѣхать всѣ мѣста, розыскать и выслать скрывавшихся по назначенію (П. С., II, 1280).

Параллельно съ этимъ явленіемъ, въ законодательствѣ московскаго царства появляется въ XVII вѣкѣ стремленіе приравнять помѣстья къ вотчинамъ. Это теченіе стало обратнымъ сравнительно съ существовавшимъ въ XVI-мъ столѣтіи. Тогда правительство, относясь неблагопріятно къ стариннымъ вотчинамъ, ограничивало, по возможности, право распоряженія ими. Въ XV-мъ вѣкѣ наступила реакція. Не вотчины приближаются къ помѣстьямъ, но, напротивъ того, помѣстья приближаются къ вотчинному праву. Помѣстья становятся предметомъ частныхъ сдѣлокъ; согласно уложенію царя Алексѣя Михайловича, разрѣшено было подвергать ихъ мѣнѣ съ вѣдома помѣстнаго приказа, причемъ можно было переводить вотчины въ помѣстья и наоборотъ, лишь бы казна не потеряла своихъ владѣній. Съ другой стороны, ограниченія по отчужденію и наследованію вотчинъ стали слабѣть. При царѣ Михаилѣ Федоровичѣ признано было право наследованія въ вотчинахъ за дочерями: при братьяхъ онѣ получали указную часть изъ помѣстья, но, въ случаѣ отсутствія братьевъ—имъ дозволено было бить челомъ о введеніи ихъ въ наследство вотчинами. Вдова имѣла право наследованія только въ купленной вотчинѣ; изъ родовыхъ и выслуженныхъ вотчинъ она ничего не получала; по уложенію царя Алексѣя Михайловича, вдова получала, впрочемъ, право на извѣстную часть выслуженныхъ вотчинъ съ обязательствомъ не продавать ея, не за-

кладывать, не отдавать въ приданое или по душѣ; съ бездѣтными женами были сравнены матери. При этомъ помѣстья все болѣе укоренялись въ извѣстныхъ родахъ; сынъ пропускался на мѣсто отца, и дворяне все болѣе и болѣе обживались въ имѣніяхъ, данныхъ имъ только въ пользованіе, привыкая смотрѣть на нихъ какъ на родовую принадлежность. Правительство поддерживало этотъ взглядъ, систематически переименовывая помѣстья въ вотчины, посредствомъ пожалованій въ видѣ награды или милости. Обыкновенною милостью московскихъ царей по случаю окончанія похода или высокаторжественнаго событія (бракосочетанія, совершеннолѣтія наслѣдника престола и т. д.) было пожалованіе части помѣстій въ вотчину. Первые два тома Полнаго Собранія Законовъ переполнены такими указами (напр., т. I, 400, 404, 433, 450, 512; II, 640, 871, 922, 961, 1079, 1114, 1155, 1177, 1213, 1247, 1291, 1317). Въ 1682 году, за скорый пріѣздъ къ Троицко-Сергіевскому монастырю на защиту молодыхъ царей Ивана и Петра и царевны Софьи отъ взбунтовавшихся въ Москвѣ стрѣльцовъ, стольники, стряпчіе, московскіе дворяне и жильцы получили въ вотчину десятую часть помѣстныхъ окладовъ. Болѣе отдаленные новгородскіе дворяне и дѣти боярскія просились у воеводы со слезами идти на защиту государей—и получили за это мѣше, чѣмъ московскіе дворяне, но все же двадцатую часть помѣстій въ вотчину (П. С., II, 1079 и 1155). Кромѣ того, правительство разрѣшало обращать помѣстья въ вотчины, посредствомъ выкупа, съ платою по рублю за четверть земли (П. С., II, 700, № 3; II, 374).

Наконецъ, мѣрою, существенно повліявшею на отправленіе дворянами ратной службы, было образованіе въ XVII-мъ вѣкѣ особой воинской силы, независимой отъ земскихъ служилыхъ людей. Воинская повинность дворянъ не могла удовлетворять новымъ требованіямъ государства. Во-первыхъ, она давала ему войско опредѣленной численности на случай войны, но не давала постоянной военной силы, необходимой для порядка въ мирное время. Государство не могло задерживать на службѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ. По возвращеніи изъ похода, имъ надо было давать отпускъ для занятій хозяйствомъ; иначе предоставленіе имъ помѣстій теряло бы всякій смыслъ. Во-вторыхъ, земское войско, не обученное ратному дѣлу, могло оказаться успешнымъ, пока военныя дѣйствія сосредоточивались на востокѣ и югѣ въ столкновеніяхъ съ татарами и инородцами. Какъ только появилась возможность столкновеній съ болѣе культурными на-

ціями, въ войсѣхъ московскихъ государей начинаютъ появляться особые ратные люди. Въ XVI-мъ вѣкѣ они носятъ названіе пушкарей и стрѣльцовъ; но число такихъ ратныхъ людей, въ сравненіи съ дворянами, было въ то время менѣе значительнымъ, чѣмъ въ XVII-мъ вѣкѣ. Такъ, по Разряду 1579 года на 10.532 русскихъ служилыхъ челоуѣка и 6.461 новокрещеновъ и инородцевъ приходилось 15.119 стрѣльцовъ и казаковъ; а по Разряду 1679 года, войско образовывалось изъ 8.926 дворянъ и дѣтей боярскихъ, а рейтаровъ и иныхъ солдатъ было около 70.000; инородцевъ же было только нѣсколько сотенъ. Измѣненіе условій войны повліяло на составъ ратной силы.

Такимъ образомъ соединились всѣ условія, чтобы обратить помѣщика-служилаго челоуѣка въ помѣщика-хозяина. Сами помѣщики лѣнливо относились къ службѣ; правительство обращало ихъ пожизненное владѣніе въ потомственное и вѣчное; наконецъ, ихъ специальное назначеніе—воинская служба—стало требовать иной организаціи, чѣмъ та, которою обусловливалась ихъ служилая повинность. Изъ двухъ, сочетавшихся въ лицѣ помѣщиковъ московскаго періода и оказавшихся не вполне соединимыми, состояній—земскаго и служилаго—первое стало, по силѣ обстоятельствъ, постепенно вытѣснять второе. Приближалось время, когда различіе въ тяглахъ должно было обратиться въ сословную привилегію съ отбѣнкомъ большей чистоты происхожденія. За тяглыми классами сохранились ихъ повинности, тогда какъ предоставленныя служилому классу, въ виду его службы государству, права на землю и крѣпостныхъ крестьянъ стали обращаться, съ освобожденіемъ дворянъ отъ служебной повинности, изъ условныхъ преимуществъ въ частныя, безусловныя права. Оправдалась извѣстная формула: *beati possidentes!*

Превращеніе это совершилось въ императорскій періодъ: первые шаги въ такомъ направленіи предприняты были въ царствованіе великаго преобразователя Россіи, Петра I. Періодъ XVIII и XIX вѣка отличается отъ прежней русской исторіи, какъ извѣстно, тѣмъ, что воздѣйствіе политической власти на русскую жизнь, имѣвшее неоспоримое значеніе для общественнаго строя Россіи, начинаетъ совершаться въ значительной степени подъ вліяніемъ образцовъ западно-европейской жизни. Не подлежитъ сомнѣнію, что послѣдніе отразились и на дальнѣйшемъ развитіи дворянскаго сословія, обратившагося изъ служилаго класса въ

сословіе благородное и привилегированное, какимъ было съ самаго начала феодальное сословіе на Западѣ. Мы такъ подробно остановились на характеристикѣ служилаго сословія въ московскій періодъ съ тѣмъ, чтобы показать всю его своеобразность и несоотвѣтствіе упомянутому идеалу. Не только въ прежнихъ установленіяхъ московскаго періода, но и въ нравахъ русской жизни конца XVII вѣка не было почвы къ самостоятельному образованію сословной рыцарской чести въ нашемъ служиломъ сословіи. Отношеніе къ нему царей отличалось патріархальной первобытностью. Ѳеодоръ Алексѣевичъ завелъ, правда, книги дворянскихъ фамилій въ назиданіе и память потомкамъ, но представители этихъ фамилій не были изъяты отъ позорящихъ тѣлесныхъ наказаній; мало того,—примѣненіе ихъ даже не устраняло изъ сословія. Сама боярская дума приговаривала членовъ выдающихся фамилій къ сѣченію кнутомъ за строптивость въ мѣстническихъ счетахъ, и если кто миловалъ въ этихъ случаяхъ виновныхъ, то лишь сами цари. Внѣшность, одежда, вся жизнь служилыхъ людей подлежала усмотрѣнію царя. Предписывалось—кому ѣздить въ какихъ экипажахъ: думнымъ чинамъ было вмѣнено въ обязанность ѣздить на двухъ лошадяхъ; спальникамъ, стольникамъ, стряпчимъ и дворянамъ можно было ѣздить только на санихъ въ одну лошадь; лѣтомъ они должны были совершать передвиженія верхомъ; кареты, существовавшія уже въ то время, были достояніемъ только членовъ царской думы (П. С., I, 902). Запрещено было подстригать волосы на головѣ и носить платья, кафтаны и шапки иноземскихъ образцовъ, перенимая „иноземскіе извѣщанія“; за нарушеніе этого запрета князь Кольцовъ-Масальскій переведенъ былъ изъ стряпчихъ въ жильцы (П. С., I, 607). Цари наказывали за нарушеніе воскреснаго дня дозволеніемъ работать въ этотъ день людямъ и крестьянамъ или произнесеніемъ скверныхъ словъ; за это князь Григорій Оболенскій былъ посаженъ въ тюрьму (П. С., I, 453). Когда Петръ Великій предписывалъ брить бороды и носить нѣмецкое платье, онъ не выходилъ изъ предѣловъ того, на что былъ властенъ царь по обычаямъ времени.

Разсмотримъ теперь главнѣйшія распоряженія императорскаго періода относительно служилаго класса. Находясь въ области, приближающейся къ современнымъ понятіямъ сословности, мы имѣемъ возможность быть болѣе краткими, такъ какъ нѣтъ необходимости, посредствомъ детальнѣхъ фактовъ, возсоздавать строй жизни XVIII-го вѣка; онъ самъ по себѣ болѣе понятенъ, чѣмъ

сдѣлавшійся чуждымъ для нашего времени строй московскаго государства ¹⁾).

Однимъ изъ существенныхъ явленій при Петрѣ Великомъ было прекращеніе раздачи помѣстій и уничтоженіе различія между помѣстьями и вотчинами. Начиная съ закона 1714 года о единомъ наслѣдіи, распространеннаго одинаково какъ на вотчины, такъ и на помѣстья, слѣдовательно сравниваемаго ихъ въ самомъ важномъ между ними различіи—въ порядкѣ наслѣдованія, государство перестало давать служилымъ людямъ помѣстья и замѣнило ихъ выдачей опредѣленнаго денежнаго содержанія. Послѣдніе слѣды помѣстной раздачи встрѣчаются, впрочемъ, и позже, въ особенности по отношенію къ инороднымъ князьямъ и дворянамъ, переходившимъ на русскую службу. Такъ, въ Малороссіи даны были Анной Ивановной помѣстья грузинскимъ дворянамъ, а въ новороссійскомъ краѣ при Елизаветѣ Петровнѣ—дворянамъ сербскимъ. Но вообще раздача имѣній начала принимать характеръ не предоставленія средствъ, изъ которыхъ дворянамъ надо было нести службу, а жалованья въ собственность, просто въ видѣ награды или милости. Въ XVIII вѣкѣ, какъ нарочно, территория Россіи быстро увеличивалась—количество земли, находившейся въ распоряженіи государей, постоянно умножалось, и раздачу имѣній совершались щедрою рукой. Происхожденіе многихъ, существующихъ въ настоящее время, крупныхъ аристократическихъ состояній относится къ этой эпохѣ. Въ особенности обильна была раздача населенныхъ имѣній въ царствованіе императора Павла. Мало того, что раздаваемы были населенныя имѣнія близкимъ и заслуженнымъ людямъ (напр., 82.000 душъ въ день коронованія), но было даже прямо предоставлено начальству при испрошеніи наградъ чиновникамъ представлять ихъ къ полученію земель; въ 1800 году пожаловано было разнымъ чиновникамъ 213.000 десятинъ въ саратовской губерніи (П. С., 19858). Не даромъ приписываются Павлу I слова: „у меня столько полиціймейстеровъ, сколько помѣщиковъ въ государствѣ (Записки Болотова, Р. Арх., ч. 2, стр. 781). До императора Александра I, пожалованіе имѣній совершалось часто предоставленіемъ извѣстнаго числа душъ. Александръ I прекратилъ раздачу населенныхъ имѣній съ крестьянами. Съ этого времени въ собственность жаловались только ненаселен-

¹⁾ Мы еще разъ останавливаемъ вниманіе читателя на трудѣ профессора Романовича-Славатинскаго, содержащемъ въ себѣ весьма полный сводъ фактовъ относительно дворянской исторіи, которымъ намъ приходилось широко пользоваться при изложеніи императорскаго ея періода.

ныя имѣнія, а населенныя земли предоставляемы были не иначе, какъ въ аренду. Первый видъ раздачи практиковался при Александрѣ I на довольно широкихъ основаніяхъ. Въ 1803 году предписано было раздавать въ новороссійскомъ краѣ ненаселенныя земли штабъ- и оберъ-офицерамъ—первымъ по 1.000, а вторымъ по 500 десятинъ (П. С., 20609). Ко времени царствованія Екатерины II, Павла I и Александра I относится, какъ мы уже указали, начало главной массы дворянскаго землевладѣнія въ степномъ краѣ и нижнемъ Поволжѣ. Последнею страницей правительственной раздачи земель (приобрѣтшей въ минувшее царствованіе характеръ продажи на льготныхъ основаніяхъ) была происходившая на нашихъ глазахъ раздача земель въ уфимской губерніи.

Съ обращеніемъ при Петрѣ I помѣстій въ собственность, стала все болѣе и болѣе входить въ силу система вознагражденія служилыхъ людей денежными содержаніями. вмѣстѣ съ тѣмъ устранены были прежніе дворянскіе полки, составлявшіеся изъ дворянъ и отъ даточныхъ людей, и установлена была служба въ регулярныхъ войскахъ и въ гражданскомъ вѣдомствѣ. Упорядоченіе служилой повинности дворянства на новыхъ основаніяхъ совершено было императоромъ въ послѣдніе годы его царствованія: съ этою цѣлью была издана табель о рангахъ 1722 г., и учреждена должность герольдмейстера.

Нельзя не замѣтить, что, при всей юности корпоративнаго чувства въ средѣ дворянскихъ депутатовъ, участвовавшихъ въ обсужденіи Наказа Екатерины въ комиссіи 1767 года, нѣкоторые изъ нихъ сознавали несоотвѣтствіе идеѣ благородства привилегированнаго сословія приобрѣтеніе дворянскихъ правъ чинами. Депутаты изъ Ельца, Ярославля, Михайлова, Курска и Клина ходатайствовали объ отмѣнѣ этого правила, указывая на то, что присвоеніе Петромъ Великимъ сословныхъ правъ чинамъ слѣдуетъ признавать временною мѣрою. Но отсутствіе замѣнутости служилого сословія было, какъ мы показали, историческою чертою его существованія въ Россіи,—и потому приобрѣтеніе сословныхъ преимуществъ службою должно было неизбѣжно сохраниться, тогда какъ такая мѣра, какъ майораты, которое могло бы повести къ обособленію дворянства, погибла безслѣдно.

Царствованію Петра Великаго принадлежатъ первыя попытки къ объединенію дворянскаго сословія въ одно цѣлое. Мы видѣли, что нѣкоторый шагъ къ этому былъ уже сдѣланъ при Федорѣ Алексѣевичѣ установленіемъ дворянскихъ книгъ. Но когда Петръ В. сталъ окончательно упразднять, какъ отжившую свой вѣкъ,

указанную нами выше іерархію московской службы, возникла необходимость собрать въ одну хранину членовъ служилого сословія, разсыпанныхъ по ступенямъ упразднившейся іерархіи. Замѣчательно, что Петръ I прибѣгнулъ, для обозначенія объединеннаго сословія, къ не-русскому выраженію: шляхетство. Понятіе дворянства хотя и употреблялось въ жизни, въ смыслѣ общаго термина, — представляло, вѣроятно, неудобство въ томъ отношеніи, что оно обозначало, въ то же время, извѣстную и притомъ низкую ступень служилой іерархіи. Память объ этомъ низкомъ значеніи дворянскаго званія была въ Петровскую эпоху слишкомъ свѣжа, чтобы не служить препятствіемъ къ наименованію этимъ званіемъ сословія, въ которое Петръ старался вселить сознаніе превосходства надъ другими и благородности происхожденія. Нельзя не упомянуть, что въ указахъ двадцатыхъ годовъ XVIII-го столѣтія проглядываетъ еще различіе въ средѣ шляхетства между дворянами и царедворцами, т.-е. обыкновенными служилыми людьми и близкими къ царскому двору. Но мало-по-малу къ половинѣ XVIII-го вѣка званіе дворянина начинается окончательно приобрѣтать права гражданства.

Петръ В. показалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, примѣръ введенія общихъ сословныхъ отличій для дворянства. Это были упомянутые уже нами гербы и титулы благородія, перешедшій къ дворянству въ наслѣдіе отъ членовъ царскаго дома послѣ измѣненія, въ 1721 году, ихъ титула изъ благородныхъ въ благовѣрные, тогда какъ въ московское время званіе благовѣрнаго предоставляемо было только наслѣднику престола. Установленіемъ по табели о рангахъ правила, что дѣти чиновниковъ отъ 8-го до 14-го класса не суть дворяне, Петръ I положилъ основаніе къ образованію новой категоріи въ средѣ объединеннаго имъ шляхетства: дворянства личнаго, которое имѣетъ право на титулы благородія, но не можетъ получать гербовъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Петру Великому принадлежитъ первая попытка образованія мѣстныхъ учреждений изъ дворянской среды. Въ 1702 году повелѣно было, съ упраздненіемъ губныхъ старостъ и сыщиковъ, воеводамъ отдать всякія дѣла съ выборными отъ дворянства лицами (П. С., IV, 1900), а въ 1715 году установлены были при губернаторахъ ландратскія коллегіи изъ дворянъ, которыя должны были вѣдать всякими административными дѣлами вмѣстѣ съ губернаторомъ (П. С., V, 2673). Постлѣднія учрежденія, заимствованныя, судя по названію, изъ остзейскаго края, исчезли безслѣдно, и, наконецъ, въ 1718 году было возложено на дворянъ избраніе земскаго комиссара въ губерніи,

на котораго возложены были весьма существенныя администра-
тивные полицейскія обязанности (П. С., V, 3245 и 3295).

Вотъ главные распоряженія, сдѣланныя для дворянства Петромъ Великимъ, не говоря о единонаслѣдіи, о которомъ мы уже имѣли случай упомянуть. Титуль благородія—наряду съ неизгнѣ-
тіемъ дворянъ отъ тѣлеснаго наказанія, гербы—и приобрѣтеніе
дворянства чинами, обязательная ратная служба—и введеніе при-
вилегированныхъ дворянскихъ властей въ мѣстномъ управленіи—
какое удивительное сочетаніе противорѣчій! Наследши служилое
сословіе уже въ видѣ многочисленнаго и развитаго, но чисто тяг-
лаго, служилаго класса, Петръ В. попытался вложить въ его орга-
низацию новыя мысли, но не видоизмѣнилъ существенно стараго.
Получилась картина весьма своеобразная—единственная по своей
оригинальности въ исторіи благородныхъ сословій.

Нельзя не замѣтить существеннаго вліянія на сдѣланныя
нововведенія иностранныхъ и остзейскихъ образцовъ. Установле-
нію майоратовъ предшествовало изученіе Петромъ В. иностранныхъ
законовъ; учрежденіе ландратовъ, сохранившихъ даже первобыт-
ное остзейское наименованіе, даетъ указаніе на источникъ, от-
куда была заимствована мысль объ этомъ институтѣ. Вліяніе
это сказалось и при учрежденіи корпоративной организациі дво-
рянства—введеніе, по примѣру остзейскихъ маршаловъ, дворян-
скихъ предводителей. Какъ видно по акеорднымъ пунктамъ о
присоединеніи Лифляндіи и Эстляндіи къ Россіи (4-го іюля и
29-го сентября 1710 года, П. С., IV, 2279), тамъ суще-
ствоваль уже въ то время сохранившійся донынѣ отъ XVI-го
вѣка строй дворянскихъ учреждений: ландтаги, ландмаршалы
и т. д., и объ оставленіи ихъ въ дѣйствиі былъ заключенъ прямой
договоръ съ дворянствомъ. Естественно, русскіе монархи, оста-
новившись на необходимости дать корпоративную организацию
русскому дворянству, черпали соотвѣтствующее отсюда. Сохра-
нилось указаніе, что, при составленіи жалованной грамоты дво-
рянству, приглашены были императрицей Екатериной двое ост-
зейцевъ: Ульрихъ и Сиверсъ; съ послѣднимъ государыня вела
по этому предмету переписку, и ему приписывается, между про-
чимъ, мысль объ учрежденіи губернскихъ предводителей (см.
Bienemann, „Die Statthalterschaftszeit“, стр. 231, 258 и 260).

Мы не будемъ останавливаться на детальныя распоряже-
ніяхъ, касающихся дворянства, которыя предприняты были не-
посредственными преемниками Петра Великаго. Капитальною
мѣрою было устраненіе лежавшаго на немъ служилаго тягла,
осуществленное манифестомъ, 18-го февраля 1762 года, Петра III.

Единственными остатками прежней служилой повинности являются въ этой грамотѣ: 1) повелѣніе, чтобы дворяне, „кои нивакой и нигдѣ службы не имѣли“, были презираемы и уничтожаемы (конечно, въ нравственномъ смыслѣ) всѣми вѣрноподданными и сынами отечества и не были терпимы ни на прїѣздахъ ко двору, ни на публичныхъ собраніяхъ и торжествахъ; 2) распоряженіе о ежегодномъ избраніи дворянами каждой губерніи 50 человекъ для того, чтобы изъ нихъ состояли—30 при сенатѣ, а 20—при сенатской канторѣ; 3) принадлежность монарху права призывать дворянъ къ службѣ, когда того потребовала бы особливая надобность, и 4) возложеніе на дворянъ обязательства не воспитывать дѣтей „безъ обученія пристойныхъ благородному дворянству наукъ“ (П. С., XV, 11444). Только съ этихъ поръ можно считать начавшимся существованіе дворянства, какъ дѣйствительно привилегированнаго класса.

Окончательное установленіе правъ вольности и свободы русскаго дворянства сдѣлано было жалованною грамотою 21-го апрѣля 1785 года (П. С., XXII, 16187). Права, которыми съ тѣхъ поръ пользовались дворяне, могутъ быть раздѣлены на отрицательныя, какъ-то: свобода отъ личной службы и личныхъ податей, освобожденіе дома отъ постоя, изъятіе отъ тѣлесныхъ наказаній,—и положительныя, какъ-то: права владѣть поземельною собственностью, нѣкоторыя преимущества по производству въ чины и по прохожденію службы и, наконецъ, весьма существенная прерогатива особой корпоративной организаціи. Съ предоставленіемъ, въ 1801 году, всѣмъ русскимъ подданнымъ права пріобрѣтать земли безъ крестьянъ, привилегія дворянскаго землевладѣнія стала ограничиваться исключительно населенными имѣніями; съ нею была сопряжена весьма важная вотчинная полицейская власть помѣщика надъ его крѣпостными крестьянами. Съ другой стороны, дворянское званіе влекло за собою нѣкоторыя стѣсненія, напримеръ, запрещеніе дворянамъ записываться въ гильдіи, выраженное окончательно въ сенатскомъ указѣ 26-го октября 1790 года (П. С., XXIII, 16914). Замѣчательно, что мысль объ этомъ ограниченіи заимствована была Екатериною II изъ Монтескьё (гл. XIII Наказа, § 320). Запрещеніе записываться въ гильдіи было, впрочемъ, отмѣнено закономъ 1-го января 1807 года, который, послѣ нѣкотораго колебанія въ 1825 году, былъ подтвержденъ въ 1827 г. и окончательно санкціонированъ закономъ 1863 года. Согласно жалованной грамотѣ, сословныя права должны быть сохраняемы непоколебимо и ненарушимо. Указано было, что дворянинъ можетъ быть лишенъ своего достоинства только по суду; при этомъ по-

яснялось, что такимъ судомъ можетъ быть лишь судъ равныхъ (§ 12). Нельзя не замѣтить, что это послѣднее постановленіе, идея котораго напоминаетъ нѣсколько средневѣковый судъ пэровъ, осталось совершенно безъ примѣненія.

Жалованная грамота дала дворянству корпоративную организацію: она образовала изъ дворянства каждой губерніи особое общество съ уѣздными и губернскими сословными представителями. Учрежденіе предводителей дворянства, окончательно закрѣпленное въ 1785 году, началось нѣсколько ранѣе. Въ 1766 г., при выборѣ депутатовъ въ комиссію для составленія новаго уложенія, повелѣно было дворянамъ избрать изъ своей среды на два года предводителей по уѣздамъ (П. С., т. XVII, 12801). Послѣдующими указами повелѣно было возобновлять выборы по истеченіи упомянутого срока (П. С., т. XVIII и XIX, 13119 и 13600), а указомъ 1771 года—избраніе уѣздныхъ предводителей вмѣнено въ обязанность, не ожидая новаго указа (№ 13661). Встрѣчаются указанія и на существованіе губернскихъ предводителей дворянства въ промежутки между 1775 и 1785 годами (напр., П. С. 3, т. XXI, 15280). Но съ 1785 года должности уѣздныхъ и губернскихъ предводителей получаютъ окончательную организацію. Характерно, что, слитое въ губернскія и уѣздныя группы, дворянство при Екатеринѣ не получило однообразнаго вишняго облаченія. Кафтаны и камзолы, которые были ему предоставлены, различались по полосамъ и губерніямъ Россіи (П. С., т. XXII, 15973); только при императорѣ Николаѣ, въ 1832 году, была введена общая для дворянъ всей имперіи форма—мундиръ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ (П. С., т. VII, 5455).

Кромѣ того, по учрежденію о губерніяхъ 1775 года, дворянство получило право на замѣщеніе изъ своей среды по выборамъ многихъ должностей по полицейскому и судебному управленіямъ. Завѣдываніе уѣздною полиціей предоставлено было нижнему земскому суду, члены котораго (земскій исправникъ и два или три дворянскихъ засѣдателя) выбирались дворянствомъ, кромѣ двухъ сельскихъ засѣдателей, которые назначались изъ нижней расправы. Измѣненіе этого порядка произведено было въ 1837 году, когда установилось дѣленіе уѣздовъ на станы, подчиненные приставамъ, которые назначались губернскими правленіями, причемъ дворянскимъ собраніямъ предоставлено было только указывать означеннымъ правленіямъ на мѣстныхъ дворянъ для назначенія на эту должность; къ составу дворянской полиціи былъ присоединенъ, такимъ образомъ, коронный элементъ, который не долженъ былъ пополняться обязательно изъ состава дворянъ. Вмѣстѣ съ

тѣмъ, изъ прежнихъ нѣсколькихъ дворянскихъ засѣдателей оставленъ былъ только одинъ, для постоянного присутствованія въ земскомъ судѣ, подъ названіемъ старшаго непремѣннаго засѣдателя (2-е П. С., XII, 10305). По судебному управленію было учрежденіемъ губерній 1775 года предоставлено дворянству замѣщать по выборамъ членовъ уѣздныхъ судовъ, уѣздныхъ судей и 2 засѣдателей (П. С., XX, 14392, § 19) и 10 засѣдателей въ верхнихъ земскихъ судахъ, учрежденныхъ для всей губерніи и состоявшихъ подъ предсѣдательствомъ двухъ коронныхъ предсѣдателей (§ 37). Въ 1831 году предоставлено было дворянамъ избирать не только нѣкоторыхъ членовъ, но и самихъ предсѣдателей губернскихъ судовъ, переименованныхъ уже въ палаты (2-ое П. С., VII, отд. 2, 4989).

Право на замѣщеніе дворянствомъ полицейскихъ должностей въ уѣздѣ продолжалось до 1860 года; право на замѣщеніе дворянствомъ должностей по судебному управленію существовало до 1865 года. Остановимся на практическихъ результатахъ, данныхъ дворянскими учрежденіями. Дореформенное время уже такъ далеко, что многіе, склонные его идеализировать, забываютъ объ обратной сторонѣ медали. Тѣмъ не менѣе, по отношенію къ полицейскимъ и судебнымъ должностямъ дореформенной формации, сохранилась до настоящаго времени въ обществѣ память, далеко для нихъ не-благопріятная. Ограничимся теперь ссылками на чисто-офіціальныя источники.

Чѣмъ вызвано было установленіе, въ 1775 году, новой, весьма существенной, привилегіи дворянства на замѣщеніе органовъ мѣстнаго управленія? Относительно предводительскихъ должностей нельзя отвергать вліяніе остзейскихъ порядковъ, подавшее къ нимъ мысль. Остзейскіе термины, напр. названіе ландратовъ, мелькаютъ даже въ требованіяхъ мѣстнаго дворянства, заявленныхъ наказами, которые были даны дворянскимъ депутатамъ, избраннымъ для составленія новаго уложенія въ Екатерининской коммисіи 1767 и 1769 гг. Такъ, боровское дворянство ходатайствовало объ установленіи ландрата въ уѣздѣ, которому быть его защитникомъ и опекуномъ. Весьма возможно, что и образцы дворянской полиціи и дворянскихъ судовъ, существующіе до настоящаго времени въ остзейскомъ краѣ, сохранившись тамъ съ XVI вѣка, имѣли для нашихъ дворянъ тоже значеніе. Между прочимъ, боровичане отождествляютъ должность ландрата съ воеводою-исправникомъ. Во всякомъ случаѣ, въ наказахъ нѣкоторыхъ дворянствъ весьма энергично указывалось на необходимость организаціи не только особенныхъ властей для завѣды-

ванія дворянскими дѣлами, но и мѣстныхъ властей для управленія краемъ по выбору дворянства. Таковы предположенія о выборныхъ воеводахъ комиссарахъ; послѣдняя должность представляетъ особый интересъ, потому что комиссару предполагалось дворянами дать, вмѣстѣ съ административной, и судебную власть, какъ-то: словесный разборъ крестьянскихъ споровъ и ссоръ, мелкихъ сосѣдскихъ споровъ помѣщиковъ и, между прочимъ, право подвергать крестьянъ наказаніямъ. Правительство приняло мысль дворянства объ устройствѣ мѣстнаго суда и управленія, на дворянскомъ началѣ естественно, такъ какъ дворянство, которому принадлежали земля и крестьяне, на ней живущіе, фактически уже обладало этою властью въ видѣ вотчинныхъ правъ помѣщиковъ. Другого нельзя было сдѣлать. Дворянство было всеобъемлющей мѣстной силой.

Начало царствованія Александра I ознаменовалось указомъ, возвѣстившимъ дворянамъ, что воля монарха предуказываетъ имъ ревностиѣ относиться къ участию въ выборахъ. Указъ этотъ начинается словами: „Доходитъ до свѣденія нашего, что будто лучшее дворянство, а также граждане, уклоняются отъ выборовъ. Изъ того само по себѣ выходитъ, что земскій судъ и управа достаются въ руки ненадежныя“ (П. С., XXVII, 20381). Во время царствованія императора Николая I повторялось то же явленіе. Вотъ слова графа Забресскаго, бывшаго въ 1831 году министромъ внутреннихъ дѣлъ, въ донесеніи государю императору: „усердіе и честность членовъ земскихъ судовъ нерѣдко измѣняютъ видъ свой подъ бременемъ бѣдности. Дворянинъ, имѣющій порядочное состояніе, избѣгаетъ той должности по выборамъ, которая ничего не обѣщаетъ, кромѣ труда и ответственности. Званіе земскихъ засѣдателей, по обязанностямъ своимъ весьма важное, къ несчастію, въ общемъ мнѣніи пришло въ униженіе. Оттого мѣста сія чаще всего достаются тѣмъ людямъ, которые или не хотятъ служить, но не извлекали средства избѣгнуть выборовъ, или вовсе неспособны къ службѣ, но, не имѣя никакой фортуны, доискивались какой-нибудь должности. Весьма примѣтно, что дворянскіе выборы далеко уклонились отъ прямой цѣли своего установленія“. Въ указѣ 1-го января 1832 года императоръ Николай I въ слѣдующихъ чертахъ указалъ на недостатки дворянскихъ учреждений: „Лучшіе дворяне или уклонялись отъ служенія, или не участвовали въ выборахъ, или съ равнодушіемъ соглашались на избраніе людей, не имѣющихъ потребныхъ качествъ къ исполненію возложенной на нихъ обязанности. Отъ сего чиновники по судебной части оказывались нерѣдко не довольно свѣдущими въ

законахъ; по части же полицейской открывались злоупотребленія, накопленіе податныхъ недоимокъ, а въ дѣлахъ слѣдственныхъ и уголовныхъ—запутанность и упущеніе, постановляющія высшія судилища въ затрудненіе постановить безошибочное рѣшеніе по словамъ закона“ (2-е П. С. VII, 5053). То же самое продолжалось и въ послѣдующее время. Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1842 годъ, новый министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Перовскій, заявлялъ: „дворянскіе выборы не всегда отвѣчаютъ своей цѣли. Чиновники, служащіе по выборамъ, нерѣдко менѣе способны и надежны, чѣмъ опредѣляемые отъ правительства. На выборахъ не всегда обнаруживается чистое и безкорыстное стремленіе къ общественному благу. Званія земскихъ исправниковъ и засѣдателей слишкомъ унижены въ общественномъ мнѣніи“.

Объяснить эти явленія не трудно. Очевидно, на дворянство была возложена задача, не подходящая къ его характеру и отношенію къ службѣ. Издавна въ дворянствѣ сложилось уваженіе къ службѣ чиновной, поднимающей человека надъ уровнемъ окружающихъ, и пренебреженіе къ мѣстной службѣ, составлявшей тягло, отъ котораго пріятно было избавиться. Простое дворянство XVI и XVII столѣтій относилось такъ къ обязательной воинской, а потомъ и гражданской службѣ; потомки его въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка относились не иначе къ службѣ выборной. Дворянство сдавало на административныя и судебныя должности мѣстной службы или своихъ пролетаріевъ, или своихъ инвалидовъ. Въ нѣкоторой степени, правительство, впрочемъ, само показывало примѣръ въ этомъ отношеніи. Достаточно вспомнить, что, послѣ окончанія войны 1812 и 1813 годовъ, было съ 1816 года Высочайше повелѣно опредѣлять городничими, завѣдывавшими полиціей въ городахъ и назначавшимися отъ правительства, преимущественно офицеровъ, состоявшихъ подъ покровительствомъ комитета о раненыхъ.

Если сравнить минувшую дѣятельность дворянскихъ учреждений съ теперешнею дѣятельностью органовъ земскихъ установленій и мировой юстиціи, то окажется неоспоримое улучшеніе. Что бы ни говорили про современныхъ мѣстныхъ дѣятелей, но ихъ нельзя болѣе характеризовать чертами типовъ, увѣковѣченныхъ въ „Мертвыхъ Душахъ“ и „Ревизорѣ“. Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что избирательная дворянская среда, изъ которой выходили дѣльцы старыхъ временъ, была въ нравственномъ отношеніи цѣльнѣе избирательной земской среды теперешняго времени, которая часто представляетъ картину неорганизованныхъ общественныхъ силъ, дробящихся на случайныя партіи. Значить,

среда, производящая выборы, не имѣетъ еще рѣшающаго значенія; сословность выборовъ не служитъ достаточнымъ предохранительнымъ средствомъ противъ низкаго уровня избираемыхъ.

Нельзя не замѣтить, что положеніе дворянства въ земствѣ нельзя назвать теперь неблагоприятнымъ. Ему принадлежитъ большая часть земельного ценза и голосовъ въ сѣздахъ крупныхъ землевладѣльцевъ; въ его средѣ принадлежитъ также большинство людей, имѣющихъ необходимый образовательный цензъ для выборовъ и охоту служить въ мѣстныхъ учрежденіяхъ. Безъ особенныхъ стараній, на сторонѣ дворянства оазываются часто голоса сельскихъ обществъ. Крестьяне привыкли относиться съ уваженіемъ къ дворянамъ; они привыкли и къ тому, что служба составляетъ дворянское дѣло. Въ значительной части мѣстностей имперіи дворянству принадлежитъ даже большинство голосовъ на земскихъ собраніяхъ. Это объясняется тѣмъ, что дворяне имѣютъ болѣе досуга заниматься общественнымъ дѣломъ, чѣмъ лица другихъ сословій. Крестьяне не любятъ отрываться отъ трудовыхъ занятій и склонны видѣть въ обязанностяхъ гласнаго не общественное право, а повинность; главный контингентъ ихъ сословныхъ представителей на земскихъ собраніяхъ, это—волостные старшины и волостные писаря. Купцы заняты также своимъ торговымъ дѣломъ; что значать для нихъ общественныя нужды? При такомъ составѣ земскихъ собраній, еслибы дворянство обладало живучестью на сословной корпоративной почвѣ, оно не преминуло бы воспользоваться своимъ руководящимъ положеніемъ въ земствѣ, чтобы проводить сословныя цѣли. Но этого нѣтъ. Дворяне, въ качествѣ земскихъ дѣятелей, широко откликались на нужды народа и сдѣлали для нихъ посильное. Въ дѣлахъ же, живо затрагивающихъ личные интересы, напр., въ выборахъ на земскія должности, дворянство, несмотря на свою корпоративную организацію, которая давала бы ему возможность поступать вполнѣ единодушно, нерѣдко само дѣлится на партіи. Замѣчается также, что многіе изъ дворянъ не ѣздятъ ни на выборы, ни на земскія собранія. Если такое отношеніе къ дѣлу даетъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, болѣе широкій просторъ вліянію кулаческаго элемента, то виною тому отнюдь не подавленное состояніе дворянства въ земской сферѣ, а собственное бездѣйствіе. Апатію дворянъ къ мѣстной дѣятельности можно было бы отнести къ безсословному характеру земскихъ учреждений, будто бы оскорбляющему служилую честь дворянъ, еслибы послѣдніе въ учрежденіяхъ дворянскаго типа дѣйствовали съ дѣйствительною энергіей и рвеніемъ. Но жалобы правительства на небрежное исполненіе дворянами

обязанностей по выборамъ можно найти на страницахъ законодательства особенно часто за тѣ времена, когда весь уѣздъ находился въ рукахъ дворянъ. Дворяне не ѣздили въ дворянскія собранія, такъ что пришлось въ 1832 году установить особыя высканія за неявку къ участию въ выборахъ (2-е П. С., VI, 4989, § 69); надо было разъяснять, что, напримѣръ, исполненіе обязанностей церковнаго старосты не служитъ законнымъ поводомъ къ уклоненію отъ выборовъ, и т. д. Избранные въ должности дворяне нерѣдко отъ нихъ уклонялись, и возникалъ вопросъ, какъ поступать правительству въ такихъ случаяхъ. Въ 1827 году было постановлено поступать при означенныхъ обстоятельствахъ на основаніи указа 20 іюля 1797 года, т.-е. замѣщать такія мѣста по назначенію губернскихъ правленій (2-е П. С., II, 853). По нашему убѣжденію, причины бездѣтельности дворянъ, и въ прежнее, и въ теперешнее время, одинаковы. Это, какъ мы уже разъяснили—абсентеизмъ крупныхъ дворянъ, слабость среднепомѣстнаго класса, традиціонное тяготѣніе къ государственной службѣ и пренебреженіе къ нечиновной службѣ. Если же безпристрастно спросить себя, въ какой періодъ дворянство проявило болѣе признаковъ общественной дѣятельности: въ исключительно сословный или земскій періодъ его существованія, то перевѣсъ выпадетъ безусловно на послѣдній.

Какъ примирить значительное участіе дворянскихъ силъ въ мѣстной земской дѣятельности съ несомнѣнными фактами оскуднѣнія дворянства въ сферѣ землевладѣнія? Упомянутое явленіе объясняется, по нашему мнѣнію, болѣе широкимъ допущеніемъ новыхъ дворянскихъ элементовъ въ сферу выборной дѣятельности. Прежде, для непосредственнаго участія въ дворянскомъ собраніи надо было имѣть не менѣе 100 душъ или 3.000 десятинъ земли; положеніе о земскихъ учрежденіяхъ требуетъ для участія въ сѣздѣ землевладѣльцевъ и для избранія въ гласные отъ 200 до 500 десятинъ; тотъ же цензъ дѣйствуетъ теперь и для дворянскихъ собраній. Пониженіе ценза открыло двери въ общественную дѣятельность мелкопомѣстному дворянству, которое прежде не выступало на свѣтъ Божій. Вотъ этотъ-то элементъ въ настоящее время особенно замѣтенъ въ земствѣ.

Мы приблизились въ нашемъ изслѣдованіи къ порогу современности. Интересно удостовѣрить, въ чемъ заключаются въ настоящее время привилегіи дворянства? Мы видѣли, что главныя изъ нихъ были чисто отрицательнаго свойства. Наиболѣе существенная привилегія—свобода отъ службы и личныхъ податей—утратила всякій смыслъ послѣ установленія всеобщей воинской

повинности и отѣны подушнаго налога. Обязанности всѣхъ подданныхъ по отношенію къ государству теперь одинаковы. Изъ всѣхъ реформъ минувшаго царствованія это уравниеніе оказалось особенно ощутительнымъ для паденія привилегированнаго положенія дворянства, такъ какъ источникомъ сословной жизни въ Россіи было именно различіе въ тяглахъ между различными классами общества. Другою дворянской привилегіей было изъятіе отъ тѣлесныхъ наказаній. Но право это уже не составляетъ теперь прерогативы однихъ дворянъ; оно раздѣляется такимъ широкимъ кругомъ русскихъ подданныхъ, что исчисленіе всѣхъ лицъ, избавленныхъ отъ упомянутыхъ наказаній, занимаетъ нѣсколько страницъ въ законѣ. Изъ положительныхъ правъ дворянства отпало право на владѣніе населенными имѣніями, составлявшее существенную экономическую привилегію; устранились всѣ преимущества по назначенію на службу и прохожденію ея. Что же осталось? Свобода дворянскихъ домовъ отъ постоя, титулъ благородія, гербы и корпоративная организація. Но титулъ благородія можетъ быть легко пріобрѣтенъ канцелярскимъ чиновникомъ, за усердное переписываніе бумагъ, или даже курьеромъ, за услуги вовсе не дворянскаго свойства. О гербахъ никто не думаетъ, а корпоративная организація начинаетъ становиться ощутительнымъ бременемъ, такъ какъ налогъ на содержаніе дворянскихъ учреждений, упاداющій на однихъ дворянъ, увеличивается для участниковъ, по мѣрѣ уменьшенія числа дворянъ въ уѣздахъ и губерніяхъ. Между тѣмъ все стало доступнымъ для каждаго — образованіе, служба, почести. Кто хочетъ сдѣлаться дворяниномъ, можетъ достигнуть этого званія даже не служилымъ путемъ, — если онъ располагаетъ лично большимъ состояніемъ, — посредствомъ удѣленія извѣстной лепты на благотворительныя учрежденія; всѣ крупные дѣльцы послѣдняго времени пріобрѣли права потомственнаго дворянства, если только они этого добивались.

Окончивши историческій обзоръ минувшихъ судебъ нашего дворянства, мы должны подвести итоги его историческаго роста. Въ чемъ заключаются его хорошія качества, какіе его недостатки? Отвѣтъ самъ собою подсказывается: хорошія черты и заслуги дворянства принадлежать служилой сферѣ и проявлялись въ ней; самостоятельная же дѣятельность дворянства и теперь отличается отсутствіемъ корпоративности, сродства и единства между различными частями этого сословія. Основнымъ условіемъ аристократичности сословія является его малочисленность, замкнутость,

однородность историческаго прошлаго, единство задачъ и взглядовъ на жизнь. Всего этого нѣтъ въ нашемъ дворянствѣ. Оно слишкомъ многочисленно, слилось изъ разнородныхъ элементовъ, разъединено не только національными различіями, но и несходствомъ экономическихъ положеній и рода жизни его сочленовъ. Своею обширностью и разбросанностью оно напоминаетъ картину Россіи, съ ея безконечнымъ протяженіемъ, незамкнутыми границами, разнохарактерностью населенія и географическихъ свойствъ. Для созданія при такихъ условіяхъ твердой, въ сословномъ отношеніи, единицы было бы вдвойнѣ необходимо существованіе въ средѣ дворянства неизмѣннаго и непроницаемаго ядра въ видѣ надлежащимъ образомъ развитаго среднепомѣстнаго класса, но послѣдній слабъ и не имѣетъ достаточнаго распространенія.

Дворянство создано было правительствомъ, сначала какъ служилое, а потомъ какъ привилегированное землевладѣльческое сословіе. Но черты, приобретенныя имъ во время перваго періода его существованія, препятствовали его развитію въ другомъ направленіи. Въ началѣ историческаго прошлаго дворянства землевладѣніе и сельское хозяйство имѣло второстепенное значеніе; главнымъ его назначеніемъ была служба, а эксплуатація земли была для нея только средствомъ. Взглядъ на землевладѣльческое положеніе дворянскаго класса, какъ на нѣчто несущественное, однако сохранился, въ сожалѣнію, въ значительной части сословія и послѣ того, какъ оно было освобождено отъ служилой обязанности. Онъ сохранился точно также, какъ пережила установленіе привилегій другая традиціонная черта дворянства—его незамкнутость. Это можетъ послужить краснорѣчивымъ примѣромъ, какъ, несмотря на измѣненіе событій и направленія жизни, удерживаются черты, дѣйствительно глубоко укоренившіяся. Послѣ обращенія дворянства въ сословіе съ разными преимуществами, входъ въ это сословіе остался все-таки открытымъ; послѣ того, какъ снабженное помѣстьями и даровымъ трудомъ крестьянъ дворянство было освобождено отъ службы, оно тѣмъ не менѣе, въ лицѣ многихъ своихъ представителей, продолжало искать величія на другихъ поприщахъ жизни, пренебрегая агрикультурными цѣлями. Въ лучшихъ случаяхъ, такіе дворяне продолжали службу; въ худшихъ — обращали прожизненіе доходовъ, имѣвшихъ сначала служебное назначеніе, въ самостоятельное призваніе. Между тѣмъ мѣстное дворянство, проживавшее въ имѣніяхъ, не могло образовать изъ своей среды надлежащаго контингента силъ для мѣстнаго управленія и суда. Происходило странное явленіе: извѣстная часть

дворянъ порывалась на государственную службу и потому пренебрегала хозяйствомъ; другая часть—проживавшая на мѣстѣ—напротивъ, пренебрегала мѣстной службой. Когда привилегіи, охранявшія неприкосновенность дворянскаго землевладѣнія, были отмѣнены правительствомъ, то наплывъ въ землевладѣльческую среду новыхъ элементовъ не встрѣтилъ энергичнаго отпора.

Нельзя не замѣтить, что вліяніе идей западно-европейской образованности, составляющее немаловажный факторъ русской жизни со времени установленія прочныхъ отношеній къ Западу, сильно сказывалось во вредъ развитія сословныхъ стимуловъ. Отношеніе къ сословнымъ интересамъ дворянъ, принадлежащихъ къ составу такъ-называемой интеллигенціи, было большею частью чисто-отрицательное. Установленіе сословныхъ привилегій въ Россіи произошло такъ поздно (въ концѣ XVIII вѣка), что оно только немногими годами предшествовало торжеству буржуазныхъ началъ на Западѣ Европы. Увлеченіе новыми идеями вредило зарожденію корпоративныхъ интересовъ, къ которымъ молодые дворяне относились какъ къ чему-то уже устарѣвшему и подлежащему сдать въ архивъ. Въ дворянскихъ семействахъ стала разыгрываться, все чаще и чаще, извѣстная драма между старымъ и молодымъ поколѣніемъ, въ особенности обострившаяся въ эпоху реформъ. Неуспѣвшія окрѣпнуть въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій сословныя чувства въ дворянской средѣ не могли дать противовѣсна мыслямъ, имъ противорѣчащимъ. Дѣйствительно, немногіе изъ интеллигентныхъ дворянъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ находили въ воспоминаніяхъ и впечатлѣніяхъ дѣтства, въ традиціяхъ, внушенныхъ имъ съ колыбели, ту силу внутренняго убѣжденія, которая для западно-европейскаго аристократа дѣлаетъ такъ часто изъ сословныхъ интересовъ завѣтъ всей жизни.

Въ заключеніе историческаго обзора дворянской и сословной жизни въ Россіи, постараемся указать, въ чемъ же заключаются смыслъ и значеніе русской сословности? Ответъ опять самъ собою подсказывается: отсутствіе единодушія, коллективнаго сознанія своихъ правъ и интересовъ, недостатокъ общественнаго взаимодѣйствія, вотъ черты, которыми дышетъ каждая страница сословной исторіи Россіи.

Если бросить поверхностный взглядъ на русскую жизнь, то передъ нами оказались бы, повидимому, твердо и непоколебимо стоящія общественныя группы. Въ сознаніи каждаго онѣ отпечатлѣваются въ ясныхъ, опредѣленныхъ образахъ. Крестьянинъ рисуется передъ нами въ выпунѣ и лаптяхъ, съ загорѣлымъ лицомъ и мозолистыми, заскорузлыми руками; онъ занимается хлѣбопаше-

ствомъ и говорить грубыя мужицкія рѣчи. Купецъ облеченъ въ нанковый сюртукъ; онъ занимается торговлей, набобенъ, но, посѣщая исправно церковь Господню, не упускаетъ изъ виду, при удобномъ случаѣ, умножить и земное свое достояніе. Духовенство носить рясы и круглыя шапы; пребывая въ страхѣ Божіемъ, оно, по скудости средствъ, вынуждено извлекать какъ можно болѣе отъ своихъ прихожанъ, потому что иначе, ему не проворить многочисленной семьи. Дворяне ходятъ въ суконномъ нѣмецкомъ платьѣ; они по большей части занимаются службою или иными вольными профессіями; говорятъ они и даже часто мыслятъ по внижнему. — Такова картина. Чего же, спросать насъ, идти далѣе? У насъ несомнѣнно существуютъ сословія, впечатлѣнныя болѣе рѣзко, чѣмъ гдѣ-либо. Всѣ упомянутыя группы существуютъ сами по себѣ. Одной нѣтъ дѣла до другой. Люди разныхъ слоевъ подчасъ даже съ трудомъ понимаютъ другъ друга. Но если всмотрѣться въ эту картину поглубже, то окажется, что у насъ дѣйствительно имѣются дворяне, купцы, крестьяне, но нѣтъ дворянства, купечества, крестьянства — въ смыслѣ сознательно и солидарно дѣйствующихъ общественныхъ силъ, а въ этомъ-то вся суть вопроса. Крестьянину одного села нѣтъ дѣла до крестьянина сосѣдней деревни, точно также какъ дворянину или купцу одной мѣстности до дворянина или купца другой мѣстности. У насъ имѣются сословныя рамки, но нѣтъ сословнаго духа. Наши сословія, это — организмы безъ скелетовъ. Говоря о сословныхъ рамкахъ, надо притомъ имѣть въ виду, что онѣ не только не замкнуты, но даже въ нѣкоторыхъ частяхъ совершенно неопредѣленны. Что такое наше торговое сословіе? Каждый, взявши гильдейское свидѣтельство, дѣлается купцомъ. Притомъ, наше купечество не имѣетъ опредѣленнаго отношенія ни къ потомственному почетному гражданству, ни къ мѣщанству. Или вотъ еще вопросъ. Въ какую категорію включать личныхъ дворянъ, этихъ людей благородныхъ, хотя и не родившихся благородными и не могущихъ оставить послѣ себя благородныхъ дѣтей? Потомственный дворянинъ или крестьянинъ могутъ заниматься торговлей; потомственный почетный гражданинъ можетъ купить землю и оставить торговля занятія. Тогда центръ нравственнаго тяготѣнія ихъ жизни совершенно перемѣщается. Реальная сила общественной жизни и экономическихъ интересовъ ступениваетъ группировку людей по происхожденію.

Дворяне, купцы, крестьяне — отнюдь не враждебны другъ другу въ силу принадлежности къ разнымъ состояніямъ. Если интересы ихъ различны, то не потому, что одинъ — дворянинъ,

другой—купецъ, а третій—мужикъ, а потому, что занятія и положенія различныя. Пояснимъ это примѣромъ. Кому не извѣстна противоположность интересовъ крестьянскаго и дворянскаго сословій? Но развѣ мужикъ ненавидитъ помѣщика за то, что у него гербъ съ разноцвѣтными украшеніями или даже барскій домъ подъ желѣзной крышей? Если бывають столкновенія, то они обусловливаются различіями мелкаго и крупнаго землевладѣнія. У мужика нѣтъ лѣса и мало луговъ. Очевидно, онъ не прочь позаимствоваться незаконнымъ образомъ дровами изъ помѣщичьей дачи или покормить скотину на чужомъ сѣнокосѣ. Но тотъ же мужикъ охотно выберетъ своимъ земскимъ представителемъ дворянина, если тотъ этого пожелаетъ. Точно также купцы приобрѣтають теперь много земель, но они дѣлають это вовсе не для того, чтобы обездолить дворянъ, а потому, что это составляетъ выгодное помѣщеніе капитала. Главное преимущество купцовъ передъ дворянами, въ этомъ отношеніи, заключается въ томъ, что купцы, по занятіямъ своимъ, наживаются, а дворяне—по своимъ привычкамъ и условіямъ жизни, наоборотъ, проживаются.

Въ нашихъ сословіяхъ нѣтъ политическихъ стремленій. Дворянамъ чуждо тенденціозное стремленіе къ олигархическому захвату власти, точно также какъ и купцу невозможно внушить, что онъ, по образцу западно-европейскаго буржуа, долженъ сочувствовать всякаго рода политическимъ и инымъ вольностямъ, или крестьянину—что для его благополучія необходимо обзавестись рабочими артелями. Въ томъ-то и заключается вся великая разниа между значеніемъ политическихъ программъ на Западѣ Европы и въ Россіи, что тамъ за нихъ стоятъ интересы крупныхъ социальныхъ группъ, а у насъ этого нѣтъ,—и сила теоретическихъ обобщеній опредѣляется постому ихъ обаяніемъ для отдѣльныхъ лицъ, въ нихъ воспитанныхъ. Пова существуетъ и поддерживается вѣра въ практическую осуществимость извѣстныхъ идеаловъ, они служатъ средоточіемъ для группировки интеллигентныхъ силъ—но относительная слабость идейной силы мыслей въ сравненіи съ реальными интересами жизни объясняетъ, почему русскіе интеллигентные люди нерѣдко перерождаются въ своихъ убѣжденіяхъ.

Согласно весьма распространенному взгляду, главною причиною слабости сословныхъ союзовъ въ Россіи является будто бы давленіе власти на эти союзы. Исторія свидѣтельствуетъ, что это не совсѣмъ такъ. Кто же объединилъ общественные классы въ Россіи, какъ не политическая власть? Когда во времена удѣльно-вѣчевого періода власть была въ зародышѣ, самостоятельной груп-

пировки общественныхъ силъ не произошло. Во время московскаго царства власть дѣйствительно давила, но не въ смыслѣ уничтоженія, а въ смыслѣ проведенія сословныхъ руслъ. Очевидно, правительство не хотѣло и, конечно, не могло вселить въ нихъ самостоятельный сословный духъ; это были группы, различавшіяся своими тяглами. Но когда правительство, въ видѣ исключенія, подняло въ XVIII вѣкѣ знамя сословныхъ привилегій и корпоративной организаціи—изъ дворянства все-таки не создалась цѣльная и единообразная корпорація. Послѣ освобожденія отъ служилаго тягла и дарованія дворянству вольностей, сословіе это было силой, чрезъ посредство которой правительство держало русскую землю. Но солидарности между отдѣльными представителями вотчинной власти все-таки не укрѣпилось; дворянство не сплотилось въ политическій союзъ. Между тѣмъ нельзя было жаловаться на отсутствіе поприща для проявленія творческой силы этого союза. Мѣстная полицейская, судебная и хозяйственная власти не могутъ быть признаваемы маловажными удѣлами. Какъ же думать о внѣдреніи сословнаго духа въ дворянство, въ настоящее время, когда землевладѣльческая его основа слабѣетъ подъ ударами конкуренціи и когда уже нѣтъ прежнихъ благопріятныхъ условій исключительнаго господства?

Намъ кажется, что не только въ исторіи русскаго народа, но и въ самомъ его характерѣ, въ томъ своеобразномъ способѣ мыслить, чувствовать и дѣйствовать, который составляетъ его отличительную черту въ сравненіи съ другими національностями, нельзя указать почвы для развитія чувствъ сословной обособленности.

Про характеръ русскаго человѣка много писалось противорѣчащаго: нашу жизнь сравнивали то съ неподвижной, непроницаемой стѣной, то—съ бѣшено скачущей тройкой. Дѣйствительно, каждый русскій человѣкъ можетъ констатировать въ себѣ то порывы настойчивой, непреклонной энергіи, то внезапный ея упадокъ. Но не эта сторона, нерѣдко изумляющая насъ самихъ, должна останавливать наше вниманіе при оцѣнкѣ творческой способности народа на сословномъ поприщѣ.

Когда говорятъ объ общественныхъ достоинствахъ и недостаткахъ русскаго національнаго характера, то обыкновенно сравниваютъ—и это особенно охотно дѣлаютъ иностранные писатели—его черты съ необъятными протяженіями Россіи, ея дѣйственными, невоздѣланными и часто дикими пространствами, съ ея суровымъ климатомъ и однообразіемъ внѣшняго вида страны. Безъ сомнѣнія, параллель между страной и характеромъ насе-

ляющей ее націи имѣть существенныя основанія, если не придавать ей слишкомъ далекаго значенія. Разбросанность населенія, въ силу географическихъ условій, безъ сомнѣнія, сильно подрывала возможность образованія болѣе обширныхъ группъ и союзовъ. Уединеніе всегда располагаетъ жить про себя и для себя.

Но, кромѣ того, въ русскомъ характерѣ, насколько мы его понимаемъ, нѣтъ и другихъ условій, составляющихъ необходимую подкладку для образованія сословной обособленности. Способность складываться въ замкнутыя группы и служить ихъ интересамъ предполагаетъ не только сознательную солидарность ихъ сочленовъ, но, съ другой стороны, и извѣстную односторонность, узкость, стремленіе къ специализации и склонность ограничивать задачи жизни заранѣе опредѣленнымъ кругомъ условныхъ цѣлей. Всѣ эти черты замѣчаются въ націяхъ съ отшлифованною сословною жизнью, но почти не проявляются въ русскомъ народѣ. Не даромъ русскій человѣкъ любитъ называть себя широкой натурой и въ этомъ опредѣленіи находитъ утѣшеніе во многихъ неспособностяхъ своей натуры.

Дѣйствительно, въ личной дѣятельности русскихъ людей въ сферѣ художественнаго и научнаго творчества мы найдемъ преобладающимъ стремленіе вширь и вдалѣ, постоянное желаніе вырваться изъ круга условной узкости. Для развитія науки это—въ высшей степени невыгодное свойство. Стремленіе къ всесторонности, которымъ отличается русскій человѣкъ въ своемъ вольномъ трудѣ, приводитъ къ господству дилеттантства. Дѣйствительно, нигдѣ, какъ въ Россіи, не найдется столько людей, разносторонне развитыхъ и понимающихъ самыя различныя области человѣческаго духа,—и такъ мало людей, рѣшающихся посвятить всю жизнь на изученіе и дальнѣйшее развитіе какой-нибудь одной специальности. Наоборотъ, въ области художественнаго творчества стремленіе къ разносторонности, столь невыгодное въ другихъ сферахъ, является въ высшей степени драгоценнымъ качествомъ, обуславливающимъ собою выдающееся положеніе русскихъ художественныхъ произведеній. Они отличаются равномернымъ развитіемъ всѣхъ сторонъ человѣческой личности: ума, чувства и фантазіи—и въ этомъ заключается прелесть ихъ обаянія, объясняющая впечатлѣніе, производимое ими на Западѣ. Въ лучшихъ, по красотѣ и лирическому подъему, страницахъ Пушкина, Лермонтова, Гоголя и графа Л. Толстого всегда виднѣтся умный глазъ русскаго человѣка, спасающій ихъ отъ творческой запутанности и безплодныхъ полетовъ фантазіи.

Перейдемъ на болѣе широкое поприще. Во внѣшней политиче-

свой дѣятельности народа сказывается, безъ сомнѣнія, отношеніе его духовныхъ силъ къ интересамъ другихъ націй. Что же мы видимъ? Наша внѣшняя политика, со времени окончательнаго объединенія территорій нашего отечества, можетъ быть охарактеризована не какъ политика интересовъ, господствующая у народовъ съ развитымъ индивидуализмомъ, какъ Германія и Англія, но какъ политика историческихъ миссій. Въ европейской Турціи, гдѣ мы принесли всего болѣе усилій и жертвъ, наша дѣятельность была настолько безкорыстна, что чрезвычайно трудно указать, какъ мы могли бы въ настоящее время утилизировать результаты нашихъ прежнихъ подвиговъ для какихъ-нибудь затаенныхъ цѣлей. До сихъ поръ мы переходили Дунай для защиты православія и угнетенныхъ славянскихъ народностей. Достигнутые нами результаты громадны, если судить о нихъ съ точки зрѣнія пользы для другихъ, но они ничтожны, если стать на точку зрѣнія національнаго эгоизма. Русскій народъ проявилъ въ этой области свою душевность, способность отзываться на чужія страданія и приносить безкорыстныя жертвы для облегченія несчастія и горя другихъ. Намъ кажется, что эти черты русскаго характера не примиряются и съ сословнымъ эгоизмомъ. Онъ слишкомъ узокъ для русскаго духа.

Продолжимъ эту параллель. Наши общественные классы отличаются недостаточнымъ развитіемъ сословій, отсутствіемъ индивидуализаціи. Этой чертѣ соответствуетъ относительно весьма слабое развитіе личностей въ русской исторіи. У насъ не было Баярдовъ, Колинъ, Кромвелей—и, безъ сомнѣнія, труднѣйшимъ подвигомъ по русской исторіи было бы составленіе жизнеописанія народныхъ героевъ. Были—Пожарскій, Мининъ; но что извѣстно изъ ихъ біографій? То, главнымъ образомъ, что они явились, когда надо было, чтобы спасти Россію. Но если у насъ мало было громкихъ подвиговъ отдѣльныхъ личностей, то нельзя не признать, что вся исторія Россіи есть великій подвигъ всего народа. Участіе всего народа въ глубоко-національной войнѣ 1812 года, такъ художественно выставленное въ знаменитомъ произведеніи графа Л. Н. Толстого, подвинуло его даже на жестокую критику объясненія историческихъ явленій вліяніемъ и значеніемъ отдѣльныхъ личностей. Русская нація, въ отличіе отъ западно-европейскихъ, сильна не развитіемъ личностей и сословій, а стихійной силой народа. Его духъ крѣпокъ въ примитивныхъ союзахъ: семьѣ, общинѣ, мірѣ, громадѣ; онъ неустойчивъ и немощенъ въ сословныхъ рамкахъ. Отсутствіе внутренней дѣеспособности въ сословіяхъ стоитъ въ связи съ нераздѣльнымъ господствомъ по-

литической власти въ русской исторіи; оно объясняетъ намъ причину ея исключительнаго могущества.

Но спросятъ насъ: какъ же можетъ существовать политическая власть безъ опредѣленныхъ устоевъ, разумѣя подъ ними общественныя группы? На это мы отвѣтимъ, что сословія тамъ, гдѣ они составляютъ живыя цѣли, вовсе не отбѣчаютъ положенію неподвижныхъ массъ, изъ которыхъ можно соорудать фундаменты. Сословія имѣютъ свои собственныя стремленія, и они могутъ исполнять назначеніе фундамента для политическаго строя — только пока интересы власти совпадаютъ съ ихъ интересами. Когда же эти интересы расходятся, фундаментъ обращается во враждебную силу. Власть, опирающаяся на сословія, должна, поэтому, мѣнять стремленія и даже организацію соотвѣтственно интересамъ господствующаго класса. Она неизбежно получаетъ содержаніе для своей дѣятельности и форму изъ общественной жизни. Конфликты между властью, являющеюся представительницей отжившей общественной силы, и новыми, вошедшими въ силу, общественными элементами, рѣшаются революціями. Вотъ картина политической жизни тамъ, гдѣ сильна общественная индивидуализація.

Неизмѣнявшееся могущество политической силы въ Россіи соотвѣтствуетъ слабости сословныхъ союзовъ. По нашему убѣжденію это — явленія вполнѣ нераздѣльныя. Сословные союзы у насъ не даютъ самобытныхъ политическихъ идей. Вотъ почему трудно приурочить консерватизмъ въ Россіи къ тому или другому сословію. Развѣ купецъ или крестьянинъ имѣютъ политическіе идеалы, не соотвѣтствующіе уваженію къ существующей власти? Не только дворянство, но вообще вся русская земщина, въ обширномъ смыслѣ, стоитъ на сторонѣ государственнаго и общественнаго порядка.

Предоставленіе административныхъ привилегій дворянству, какъ намъ кажется, не создало бы, очевидно, новой эры въ его исторіи; оно не въ силахъ вызвать дѣйствительный поворотъ въ общественной жизни. Развѣ привилегіи эти могутъ остановить упадокъ дворянскаго землевладѣнія? Казалось бы, что онѣ съ этою стороною жизни и дворянства не имѣютъ ничего общаго. Процессъ обезземеленія дворянъ будетъ идти своимъ порядкомъ. Привилегіями этими была бы обезпечена только мѣстная служба дворянъ, а въ этой сферѣ дворяне и теперь чувствуютъ себя почти внѣ конкуренціи.

Историческимъ основаніемъ мысли о сословной власти является, помимо выборныхъ дворянскихъ учрежденій до-реформеннаго вре-

мени, упраздненная съ отмѣной крѣпостного права вотчинная власть помѣщиковъ надъ крестьянами. Власть эта составляетъ въ русской жизни, какъ мы уже указывали выше, очень давнее явленіе. Появившись въ XIV, XV и XVI столѣтіяхъ на почвѣ личныхъ льготъ нѣкоторымъ помѣщикамъ или монастырямъ (несудимыя грамоты), она вошла въ XVII вѣкъ въ составъ крѣпостного права, съ отмѣною котораго должна была неизбежно пасть. Возстановить ее въ видѣ личныхъ прерогативъ каждаго помѣщика, очевидно, невозможно безъ возвращенія къ началамъ крѣпостной зависимости. Но съ выдѣленіемъ изъ состава этой власти, бывшей прежде личной, признава сословности—получается мысль о замѣнѣ бывшего господства помѣщика надъ крестьянами господствомъ дворянскаго сословія надъ крестьянскимъ.

Жизнь отдалила насъ отъ крѣпостного права настолько, что временами прорывается уже склонность къ его идеализаціи. Въ каждомъ общественномъ отношеніи имѣются, однако, двѣ стороны: субъектъ и объектъ власти—и поэтому всесторонняя оцѣнка достоинствъ вотчиннаго устройства не можетъ быть произведена только съ точки зрѣнія бывшихъ ея распорядителей помѣщиковъ. Помѣщикамъ въ то время, очевидно, лучше жилось, чѣмъ теперь. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы вотчинная власть составляла идеальное явленіе. Во всякомъ же случаѣ, если въ ней были хорошія и удобныя для жизни стороны, то возстановленіе ея на выборно-сословной почвѣ не возобновило бы этихъ сторонъ. Дѣйствительно, при условіи пребыванія помѣщика въ имѣніи, могли, во время господства личной вотчинной власти, образоваться патріархальныя отношенія между нимъ и мужиками. Онъ зналъ лично каждаго крестьянина; онъ могъ не только расточать строгости, но и входить въ нужды своихъ крѣпостныхъ. Этимъ личнымъ соприкосновеніемъ смягчалась внутренняя несправедливость положенія, въ которомъ одинъ былъ—безконтрольнымъ властелиномъ, а другіе—безмолвными рабами. Возстановить эту патріархальность теперь невозможно. Съ другой стороны, власть, находящаяся въ разстояніи 30, 40 верстъ, — не то, что власть на мѣстѣ, въ самомъ имѣніи. Жизнь состоитъ изъ мелочей: по поводу обыденнаго нарушенія, помѣщику, какъ и въ настоящее время, пришлось бы все-таки обращаться письменно къ мѣстному начальнику и ожидать вызова къ нему для представленія доказательствъ; въ этомъ-то заключается неудобство мировой юстиціи для землевладѣльцевъ. Если оно можетъ быть чѣмъ-нибудь устранено, то исключительно увеличеніемъ числа представи-

телей мѣстной власти; чрезмѣрное же расширеніе ихъ полномочій и сословность едва ли могли бы помочь бѣдѣ.

Главнѣйшимъ историческимъ недостаткомъ вотчинной власти, объясняющимъ въ сущности теперешнюю безпомощность мѣстной жизни въ сферѣ управленія, было отсутствіе въ ней почвы къ развитію элементовъ для будущаго. Она не могла дать ничего для завтрашняго дня, для той поры, когда ей пришлось быть отмѣненной. Съ одной стороны, недостатки теперешняго крестьянскаго самоуправленія, очевидно, вызываются вѣчной опекой, въ которой находилось это сословіе. Съ другой стороны, равнодушіе дворянства къ мѣстной выборной административной и судебной власти находило основаніе въ томъ, что каждый помѣщикъ былъ у себя въ имѣніи властелиномъ. Крупныхъ случаевъ, требующихъ внимательства специальныхъ органовъ власти, бываетъ вообще мало, а для обыденнаго теченія жизни — своей власти было болѣе чѣмъ довольно. Если оказывался въ средѣ крестьянъ воръ или негодяй, помѣщикъ могъ избавиться отъ него безъ жалобы и особаго разбирательства. Онъ или отдавалъ его въ солдаты, или подвергалъ административной ссылкѣ въ Сибирь. Для воспитанія въ началахъ солидарнаго самоуправленія вотчинная власть рѣшительно ничего не давала для обѣихъ сторонъ: какъ для дворянства, такъ и для крестьянства. Вотъ почему мѣстная жизнь, въ этомъ отношеніи, оказывается теперь въ такомъ неустроенномъ положеніи.

Въ мѣстномъ положеніи дворянства не подлежатъ сомнѣнію два факта: 1) что оно теряетъ землевладѣніе, и 2) что въ дворянствѣ, за отсутствіемъ среднепомѣстнаго класса, сидитъ на мѣстахъ слабый мелкопомѣстный разрядъ, а крупнопомѣстный не имѣетъ наклонности къ пребыванію въ имѣніяхъ. При такихъ условіяхъ, административныя привилегіи дворянъ не могутъ быть признаны долговѣчными. Нельзя держать землю черезъ сословіе, которое теряетъ землевладѣніе и которое въ лицѣ крупнѣйшихъ своихъ представителей не пускаетъ корней на мѣстахъ. Съ другой стороны, если опѣнживать эту мѣру, какъ переходную, то оказалось бы, что она, какъ вотчинная власть, ничего не даетъ для развитія въ будущемъ, потому что принимаетъ за основаніе идею сословности, составляющую въ русской жизни не глубокое, а чисто поверхностное явленіе.

Мы поняли бы цѣлесообразность подобныхъ привилегій тотчасъ вслѣдъ за отмѣною крѣпостнаго права. Тогда не было, по крайней мѣрѣ, фактовъ обезземеленія, противорѣчащихъ ихъ введенію. Составъ мѣстнаго дворянства былъ сильнѣе, ровнѣе и

лучше въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, чѣмъ теперь. Вѣдь тогда предводители были богатыми, вполне самостоятельными людьми; тогда не было еще необходимости отрывать дверь въ дворянскія собранія мелкопомѣстному дворянству. Тогдашній составъ дворянства можно сравнить съ полкомъ, который могъ выйти на парадъ; теперешній составъ, во многихъ мѣстахъ, имѣетъ сходство съ воинскою частью, совершившею тяжелый, утомительный переходъ, на которомъ она растерала добрую часть своихъ ратниковъ, причѣмъ ея кадры пополнились слабосильными людьми. Институтъ мировыхъ посредниковъ далъ въ общемъ хорошіе результаты. Отчего было не идти впередъ развитіемъ этого учрежденія? Факты увеличивавшагося обезземеленія дворянъ заставили бы, съ теченіемъ времени, перейти на иную почву. Тогда не произошло бы той странной перестановки, что, въ періодъ болѣе благопріятный для дворянства, его сословный флагъ оказался въ мѣстномъ управленіи опущеннымъ, и что, наоборотъ, его поднимаютъ теперь, когда мѣстныя силы сословія ослабѣли.

Но могутъ возразить намъ: если дворянство, въ настоящее время фактически несетъ на себѣ исполненіе большей части должностей по мѣстному управленію, то какая бѣда можетъ произойти отъ обращенія этого факта въ общеобязательную норму? Предоставленіе привилегій, въ настоящее время, имѣло бы два существеннѣйшихъ неудобства. Установленіе ихъ за общественной силой, слабѣющей и не выдерживающей экономической конкуренціи, могло бы возбудить, какъ показываетъ исторія, сознаніе несправедливости въ другихъ слояхъ, въ особенности если мѣра эта, какъ должно было бы произойти въ настоящемъ случаѣ, сопровождалась бы упраздненіемъ правъ, принадлежащихъ другимъ сословіямъ.

Затѣмъ, съ обращеніемъ земской въ дворянскую службу, на это сословіе перешла бы отвѣтственность за всѣ недостатки и прорухи мѣстнаго управленія. Между тѣмъ, при теперешнемъ мѣстномъ безлюдьѣ, трудно было бы отыскать людей, оказывающихъ на высотѣ власти, которую, если слѣдовать типу вотчиннаго устройства, пришлось бы даровать мѣстнымъ органамъ, сложивъ ее изъ весьма обширныхъ административныхъ и судебныхъ функцій. Конечно, большія преимущества службы, если таковыми были бы обставлены мѣстныя должности, могли бы привлечь нѣсколько новыхъ людей въ уѣздъ. Появилось бы, конечно, нѣсколько карьеристовъ для украшенія своихъ служебныхъ шансовъ рекламой мѣстной дѣятельности. Но это—перелетныя птицы, на которыхъ нельзя продолжительно рассчитывать. Безъ сомнѣ-

нія, все-таки главную часть служебнаго контингента составили бы тѣ же люди, которые занимають мѣстныя должности въ настоящее время. Но если дѣятельность послѣднихъ признается недостаточною, если возвращеніе къ сословности назначеній вызывается тѣмъ, что мировые судьи и предсѣдатели управъ плохи, то какимъ же образомъ случится, что, служа по выбору дворянства, они вдругъ сдѣлались бы лучшими? Вѣдь чѣмъ сильнѣе и безконтрольнѣе власть, тѣмъ труднѣе найти для нея надлежащихъ исполнителей.

Къ будущему вообще слѣдуетъ относиться осторожно. Вотъ въ 1767 въ разсужденіяхъ дворянскихъ депутатовъ екатерининской комиссіи сколько говорено было о взяточничествѣ, о безпорядкѣ въ уѣздѣ, о лѣности и праздности правительственныхъ властей. Для уврачеванія этихъ недуговъ предлагалось замѣнить пришлые правительственныя органы мѣстными дворянскими. Это было сдѣлано, но недостатки дѣятельности властей сохранились — они перешли въ дворянскія учрежденія. Такъ часто бываетъ. Благія намѣренія остаются намѣреніями и не служатъ переходомъ къ исполненію. Вѣдь жизнь по приказу не передѣлаешь.

Мы кончаемъ наше изслѣдованіе. Мы постарались поставить вопросъ о будущности дворянства на почву фактовъ исторіи и современности. Ставя задачей своей разъясненіе вопроса, а не споры въ области твердыхъ данныхъ, мы объявляемъ себя чуждыми всякой полемики, основанной на фразѣхъ, а не на реальныхъ фактахъ. Совокупность историческихъ, бытовыхъ, экономическихъ и соціальныхъ условій привела насъ къ выводу, что программа, основанная на сословныхъ привилегіяхъ, не можетъ быть признана лозунгомъ будущности Россіи. Выводъ этотъ мы сочли нужнымъ выразить. Мы относимся къ убѣжденіямъ и симпатіямъ, имѣющимъ въ виду развитіе дворянства, съ уваженіемъ, тѣмъ большимъ, что отсутствіе сознательнаго отношенія къ сословнымъ интересамъ составляетъ слабое мѣсто русской жизни. Но прочное, въ житейскомъ смыслѣ, не можетъ быть создано на почвѣ однихъ идеаловъ, созданныхъ путемъ предположеній. Рѣшающее значеніе должны имѣть не заранѣе предвзятыя мысли, — а правда жизни и исторіи.

Ш.

ИЗЪ НОВЫХЪ

РОМАНЪ.

Окончаніе.

VIII *).

Снѣткинъ взялъ со столика свою котиковую шапку и нагнулся къ вешеткѣ, гдѣ Зина, какъ всегда у себя, „больше лежала, тѣмъ сидѣла“, въ плюшевомъ пенъюарѣ темносиняго, почти чернаго цвѣта.

Шелъ четвертый часъ, сумерки уже подвигались. Они сидѣли такъ, вдвоемъ, минутъ двадцать.

— Знаете чтó, сестричка, — медленно выговорилъ Снѣткинъ и поникъ головой: — вѣдь у меня за васъ не особенно ладно на дунѣ... право...

— Безъ меланхоліи!..

Зина отдѣлила голову отъ вешетки.

— Хорошо, если у благочестиваго человѣка достанетъ грѣховности — поддаться вамъ... какъ слѣдуетъ...

Они передъ тѣмъ, и намеками, и совершенно ясно, говорили, о князѣ, о томъ — чтó въ немъ теперь происходитъ.

— Не расхолаживайте! — сказала Зина, и тихо засмѣялась.

— Я не упираюсь, не отрицаю вашей побѣды... Цѣлую ваши ручки и сожалѣю о томъ только, что не держалъ съ вами пари. Какой угодно кабощникъ изъ сапфира проигралъ бы вамъ съ великимъ наслажденіемъ!

*) См. выше: янв. 150; февр., 646; мартъ 132; апр., 572; май, стр. 35.

Зина улыбалась ему; глаза ея были полузакрытыми.

— Сегодня ждете?

— Не знаю... Да,—добавила она увѣренно.

— Мужъ дома?

— Кажется, нѣтъ.

— И вотъ на этотъ самый коверъ благочестивый человѣкъ опуститъ свои благородныя рюриковскія колѣни; вы его, хоть на пер-
выхъ порахъ, носкомъ туфли тольните, чтобъ онъ почувствовалъ,
заднимъ числомъ, какъ гнусно было его недавнее юродство.

— Ха, ха!

Зина опять громко разсмѣялась. Снѣткинъ, не зная того, вызвалъ въ ея памяти цѣлую сцену изъ заграничныхъ ея любов-
ныхъ исторій.

Она сидѣла въ паркѣ, на дерновой скамьѣ—и передъ ней, прямо на дорожку, опустился длинный, длинный нѣмецъ, графъ, совѣтникъ посольства, носитель знаменитаго имени. Совершенно такъ, какъ Снѣткинъ сказалъ сейчасъ, она пихнула его туфлей и крикнула ему:

— As tu fini, Gugusse?

Нѣмецъ поднялся, весь красный, и ничего не нашелъ лучшаго, какъ начать выкладывать передъ ней:—какое онъ носить имя и чей онъ сынъ, и какую проходить карьеру; на что она ему опять, въ томъ же тонѣ бульварнаго *voyou*, сказала:

— Mon ami, allez vous faire photogaphier!

Вотъ когда она была сильна и дѣлала изъ мужчинъ что хотѣла! Это чувство возвращалось къ ней и теперь.

— Спасибо, Снѣткинъ!—оживленно выговорила она и сказала ему сцену въ паркѣ.

Они опять посмѣялись. Но вдругъ Снѣткинъ всталъ и сейчасъ же присѣлъ къ ней на конецъ кушетки.

— Прощайте, сестричка,—я вѣдь къ вамъ на минутку зашелъ проститься.

— Да развѣ вы сегодня въ Парижъ?

— Завтра. Только завтра я не попаду къ вамъ.

— Я рада за васъ. Если вы съ вашей Надей ѣдете туда... Это полезно... Въ Парижѣ—вашъ collage кончится.

— Кончится,—повторилъ Снѣткинъ,—но на особый ладъ.

— Снѣткинъ! когда же вы, наконецъ, бросите эту замашку дурного тона: пугать насъ тѣмъ, что вы покончите съ собою?

— Сестричка, не говорите со мною... такъ... Вы уважьте во мнѣ хоть то, что я совсѣмъ не рисуюсь. И ничего торже-
ственного не дѣлаю. Прощаюсь съ вами навсегда.

— Глушости!

Зина спустила ноги съ кушетки, сѣла выпрямившись и взяла Снѣткина за руку.

— Вы серьезно?

— Вѣсьма. Мы ѣдемъ вдвоемъ, тамъ похоровадимся, черезъ мѣсяцъ я ее отправлю сюда... въ хорошему человѣку на руки, — прибавилъ онъ съ улыбкой. — А тамъ — и финалъ!

— Да вы съума сошли? Вы, съ вашей...

— Эхъ, полноте! — остановилъ ее Снѣткинъ. — Я васъ считаю способной на то же, когда вы увидите, что нельзя идти все тѣмъ же ходомъ. А мнѣ, ровно черезъ пять недѣль, ходу нѣтъ — все проѣмъ. Только вы, сестричка, кажется, экономная... Есть грѣшочки!..

— Скупа, что-ли?

— Да вѣдь я, какъ старушки говорятъ: „не въ осужденіе, а въ похваленіе“. Держите мошну!.. Безъ капитала не то, что женщинѣ, да и такому цвѣтущему мужчинѣ, какъ я, нельзя жить...

— Вы серьезно?

Зина это спросила, и вопросъ, сдѣланный во второй разъ, тотчасъ же ей показался лишнимъ, глупымъ. Да, онъ покончить съ собой, безъ всякой трагедіи и рисовки, когда проѣстъ послѣдній франкъ и убѣдится, что ему не выпутаться изъ денежныхъ тисковъ; а инстинктовъ „прожигателя“ ему не усмирить въ себѣ.

Развѣ она не способна на то же самое? Вѣдь становилась же она въ снѣжный сугробъ ногами, въ полковыхъ чулкахъ, чтобы схватить тифъ? Чѣмъ же она застрахована отъ того же и теперь?..

Изъ любви не сдѣлаетъ этого, такъ сдѣлала бы, еслибы лишилась всего, должна была бы идти въ гувернантки или бонны.

Снѣткинъ нагнулся и поцѣловалъ ее руку.

— Вы не бойтесь за насъ, — продолжалъ онъ, — вы узнаете изъ газетъ: все обойдется прилично. Ну, а ужъ кое-какіе коммерсанты не досчитаются по векселямъ. Они вѣдь меня сильно нагрѣвали. Мы свѣтаемся... Ей-Богу!

Онъ тряхнулъ головой и всталъ.

Зина глядѣла на него снизу вверхъ, оставаясь все еще на кушеткѣ.

— Простите, сестричка, что разболтался объ этомъ... сегодня... Можетъ, разстроилъ васъ; вамъ нуженъ полный подъемъ духа... Вотъ здѣсь будетъ одержана побѣда, и на этомъ поводѣ долженъ ваяться нашъ святоша...

Въ передней звякнули шпоры. И Зина, и Снѣткинъ узнали тяжеловатую походку Рынина. Они оба оглянулись и, точно заговорщики, пожали другъ другу руки. Въ этомъ пожатіи было то, что они сочли уже лишнимъ досказывать.

— Я еще посижу, — успѣлъ шепнуть Снѣткинъ, прежде чѣмъ дверь изъ передней отворилась. — Дождусь совращеннаго праведника и прощусь съ нимъ за-одно. Позволяете?

— Позволяю, — отвѣтила Зина.

Вошелъ Рынинъ, въ сюртугѣ съ эполетами, въ перчаткахъ, причесанный старательно и съ подстриженной бородкой. Видно было, что онъ собрался съ визитомъ въ такой домъ, гдѣ одни погоны были бы недостаточно почтительны.

— Ты встати! — крикнулъ ему Снѣткинъ, быстро повернувшись на каблукѣ. — Я вотъ прощался сейчасъ съ Зинаидой Мартыновой.

— Надолго? — спросилъ Рынинъ небрежно и уклончиво, какъ все, что онъ говорилъ Снѣткину.

— Навсегда!..

— Какъ такъ?

— Да хочу сдѣлаться гражданиномъ французской республики.

Зина поблагодарила Снѣткина взглядомъ за то, что онъ только съ ней говорилъ сейчасъ чистосердечно...

— Чтожъ... и съ Богомъ! — пошутилъ Рынинъ. — У тебя всѣ данныя, чтобы процвѣтать на бульварахъ... Доброго пути!..

Онъ обернулся къ Зинѣ.

— Ты дома сегодня? Будешь принимать?

— Да... А ты обѣдать вернешься?

— Постараюсь...

Что-то немного торжественное было въ его тонѣ; безъ Снѣткина онъ сказалъ бы жентѣ, что отъ его сегодняшняго визита зависеть, быть можетъ, его ближайшее назначеніе; но при немъ онъ не хотѣлъ этого.

— Былъ у тебя князь Рязскій? — остановила Зина мужа.

Онъ уже собирался уходить.

— Нѣтъ, а что?

— Онъ намъ долженъ визитъ...

— Прими его... безъ меня, — выговорилъ Рынинъ и посмотрѣлъ на нихъ обоихъ съ усмѣшкой.

„Вы видите, — говорило его лицо: — я жить умѣю; не боюсь никакихъ увлеченій и капризовъ моей супруги“.

„Attends, mon bibi!“ выговорила про себя Зина, совершенно такъ, какъ повторяла въ Ширяевѣ; только тамъ она сама не

удержалась въ такихъ игривыхъ тонахъ, какъ здѣсь... Тамъ она кончила страданіемъ; теперь пускай страдаетъ тотъ, изъ-за кого она безумствовала.

Такъ понявъ ея мину и Снѣткинъ.

— Къ святой ты—префектъ?—спросилъ онъ, удерживая Рынина за руч.

— „Въ чинахъ мы небольшихъ“, —отшутился Рынинъ.

— Перейди въ гражданскую... какъ разъ вылетипъ въ штатскіе генералы...

— Прощай! —перебилъ Рынинъ, сдѣлавъ имъ общій поклонъ, и вышелъ.

Ему не хотѣлось портить себѣ расположеніе духа въ этомъ воздухѣ „безпробуднаго вздора“, какъ онъ называлъ все препровожденіе времени и кавалеровъ своей жены. Не болѣе пріятно было бы ему и общество князя Рязскаго, еслибы тотъ явился...

Онъ не могъ не замѣтить, что Зина опять занята княземъ. Можетъ быть, это расчетъ тщеславія женщины, желавшей добиться побѣды, отомстить за то, что она испытывала три мѣсяца назадъ. Кто знаетъ, —и въ князѣ могъ пробудиться мужчина. Но разбирать это сейчасъ же, принимать какія-нибудь мѣры, Рынинъ не считалъ нужнымъ. А главное, онъ избѣгалъ такихъ думъ и „несвоевременныхъ тревогъ“ именно сегодня. Одафаконная суета или „психопатія“ (это слово онъ начиналъ любить) вставала передъ нимъ и въ душевныхъ паровозизмахъ Зины, и въ юродствѣ святоши-князя, и въ безіутствѣ Снѣткина. Но чувство жалости, которое, помимо его воли, началось въ немъ недавно къ Зинѣ, не смягчало его сегодня. Онъ весь отдался подучиванью роли, какъ старательный актеръ, не расстающійся съ тетрадкой до той минуты, когда режиссеръ шепнетъ ему:

— Вамъ выходить!

— Вѣренъ себѣ!

Этимъ возгласомъ Снѣткинъ проводилъ Рынина и протянулъ руку по направленію къ выходной двери.

— Ахъ, сестричка, весело вамъ будетъ!.. Я бы остался съ вами здѣсь...

— Нѣтъ, поѣзжайте!

Зина вспомнила, что вѣдь онъ, въ самомъ дѣлѣ, прощался съ нею, десять минутъ назадъ, и прощался навсегда. Но она не хотѣла объ этомъ серьезно думать. Мало ли кто нынче говоритъ о самоубійствѣ!

— Уѣду, уѣду, какъ только онъ явится, —продолжалъ уже

искреннѣе дурачиться Снѣткинѣ, — довольно я состоялъ въ наперсникахъ. Теперь я буду совершенно лишній!.. И безъ того васъ будетъ трое!..

Эти шутки не задѣвали въ Зинѣ ея теперешняго чувства. Вѣдь она сама не хотѣла ни за что „трагедіи“. Только въ такомъ отношеніи къ мужчинѣ, когда его хочется покорить, — и сидитъ настоящее обаяніе женщины. Чувственная игра, а не страсть до самоуничтоженія, можетъ вызвать въ святошѣ грѣховные помыслы.

Ей легко было продолжать со Снѣткинымъ все въ томъ же духѣ. Онъ не уходилъ; непремѣнно хотѣлъ дожидаться того момента, когда въ дверяхъ увидитъ „лучезарный ликъ угодника“.

— А вдругъ какъ прибѣгутъ ваши Добчинскій съ Бобчинскимъ? — спросилъ онъ.

— Кто? Шварцъ съ Кремлевымъ?

— Yes...

— Да, это возможно...

— Не беспокойтесь. Я, уходя, скажу, чтобы никого больше не принимать.

— Ce serait scandaleux!

Они помѣстились на кушеткѣ такъ, какъ были до прихода Рынина, и стали бесѣдовать тише и серьезнѣе. Зинѣ сдѣлалось опять совѣстно за себя. Какъ можетъ она дурачиться съ человекомъ, который прощается съ ней передъ смертью? Она задала Снѣткину два-три вопроса: действительно ли онъ такъ запутался. Голосъ ея звучалъ искренно.

— Да полноте, — остановилъ Снѣткинъ, — ни вы, сестричка, никто мнѣ не поможетъ. Посмотрите на меня: неужели было бы лучше, еслибы я дожился до водянки или перерожденія почекъ? А я этимъ непремѣнно кончилъ бы, при моемъ режимѣ.

Онъ рѣшительно не допускалъ до задушевныхъ изліяній — на счетъ своей судьбы; но о ея судьбѣ онъ много говорилъ, полупути, полусерьезно рассказывалъ ей разные эпизоды изъ юродства князя „pour sa gouverne“ — какъ онъ выражался, предвѣщалъ ей блистательное совращеніе „блаженненькаго“, съ „расторженіемъ узъ“ и новымъ бракомъ, причемъ дѣло не обошлось бы, пожалуй, и безъ родительскаго проклятія, еслибы княгиня была на это способна... Но все обойдется „какъ по писанному“, и ему одного жаль, что онъ не будетъ у нихъ „медъ пить“ въ усадьбѣ, гдѣ „Орестушка“ все-таки вернется къ старымъ затѣямъ и начнетъ выкидывать свои душеспасительныя „богѣна“.

Подъ болтовню Снѣткина, Зина не замѣтила, какъ прошло еще полчаса, и перестала волноваться ожиданіемъ князя.

Парныя сани везли Рынина по Литейной. Онъ кутался въ шинель съ бобрами. Мокрый снѣгъ хлесталъ по лицу; начиналась уже распутица. До масляницы оставалось нѣсколько дней. Но погода не вліяла на внутреннее состояніе Парменія Никитича.

Онъ не зналъ навѣрное, выйдетъ ли нѣчто для него рѣшительное изъ сегодняшняго визита къ старухѣ Алекиной, но ему почему-то сдавалось, что даромъ визитъ этотъ не пройдетъ. Эта „старуха“ — не чета Моршанской. Къ ней онъ ѣздилъ аккуратно, два раза въ недѣлю, проводилъ у нея и вечера, читалъ брошюры и рукописныя „записки“, о которыхъ говорить весь чиновный Петербургъ; въ послѣдній разъ — обличеніе цѣлаго вѣдомства, сдѣланное крупнымъ чиновникомъ другого вѣдомства.

Прасковья Степановна Алекина была особа второго класса, вдова одного главноуправляющаго, еще изъ николаевскаго времени, сумѣла удержать за собою не только окладъ мужа, но и его аренды, безвыгздно сидѣла дома на своей оттоманкѣ, постоянно принимала, но ни большихъ обѣдовъ, ни вечеровъ не давала. Такихъ старухъ Рынинъ только и признавалъ: умныхъ, бывалыхъ, прошедшихъ черезъ общество и вліяніе высовопоставленныхъ мужчинъ, старухъ начитанныхъ, съ огромнымъ запасомъ свѣденій, анекдотовъ, остроумныхъ словъ, оцѣнокъ покойниковъ и живыхъ людей изъ петербургскаго свѣта, чиновнаго и дѣловаго міра.

Еще вольноопредѣляющимся онъ былъ вхожъ къ ней. Старуха знавала его отца, и чрезъ нее тотъ получилъ мѣсто, на которомъ не удержался. Она благоволила и къ сыну, и по-французски говорила ему: „mon enfant“. Зину онъ къ ней возилъ. Алекина нашла ее „красивой бабочкой“ и сказала:

— Когда она здѣсь напрыгается, а вамъ губернаторство дадутъ, присылайте ее ко мнѣ разовъ въ недѣлю — я ей дамъ выправку.

Сани повернули въ Сергіевскую и остановились у дома-особняка. У подъѣзда стояла одиночка. Сѣрую, въ яблокахъ, и голубую шапку кучера Рынинъ узналъ. Его предчувствіе сбывалось: у Алекиной сидѣло лицо, нужное ему. Старуха въ послѣдній разъ, какъ онъ у нея былъ, напомнила:

— Завернули бы вы ко мнѣ, мой милый, въ четвергъ.

Онъ выпрямился, бойко выпрыгнулъ изъ саней и, войдя въ сѣни, утвердительно спросилъ у швейцара:

— Здѣсь генералъ Козловскій?

— Такъ точно.

Лакей въ штиблетахъ на площадке второго этажа поклонился ему, какъ частому посѣтителю, и доложилъ въ дверяхъ кабинета „генеральши“, какъ прислуга звала вдову дѣйствительнаго тайнаго совѣтника:

— Полковникъ Рынинъ!

Старуха, въ черной полковой мантильѣ и въ старинномъ чепцѣ, сидѣла, прислонясь бокомъ къ подушкамъ оттоманки. Изъ-подъ кружевъ чепца почти не видно было прядей темныхъ волосъ, безъ сѣдины. Крупное лицо съ короткими носомъ смотрѣло своими, еще не потускнѣвшими, карими глазами весело и проникательно; ротъ былъ маленький; въ молодости она щеголяла своими пунцовыми губами и зубами.

По лѣвую руку, въ низкомъ креслѣ, около столика съ лампой, оставившей высокую, узковатую комнату въ полутьмѣ, сидѣлъ очень моложавый на видъ генералъ, худой въ тѣлѣ и лицѣ и бритый; пепельные усы были свѣтлѣе цвѣтомъ гладко причесанныхъ волосъ на головѣ.

При входѣ Рынина, хозяйка привѣтствовала его рукой. Генералъ обратилъ на него стального цвѣта, длинные глаза и наклонилъ голову съ отгнѣнкомъ чрезвычайной вѣжливости.

Рынинъ сдѣлалъ сначала поклонъ, не доходя до дивана, потомъ поцѣловалъ у старухи руку и еще разъ нагнувъ голову въ сторону генерала.

Тотъ протянулъ ему бѣлую, худую руку съ обручальнымъ кольцомъ и перстнемъ на мизинцѣ. Пожатію Рынинъ почувствовалъ нѣчто большее желанія обласкать.

Этого пепельнаго блондина называли въ свѣтѣ: „un charme“, и дамы, и мужчины. Его „ласку“ Рынинъ разъ уже испыталъ въ одномъ коротенькомъ разговорѣ „на выходѣ“. Она заставила его сразу возненавидѣть этого „случайнаго“ человѣка: такъ Рынинъ звалъ всѣхъ, кто шелъ очень шибко. Но передъ нимъ, въ лицѣ этого „очарователя“, стояла очевидная возможность такого же быстрого повышенія. Вотъ—сановникъ, моложе его видомъ, и уже съ большой фактической силой въ рукахъ. Ему недостаетъ только одной ступеньки до высшаго поста. А давно ли онъ былъ, совершенно такъ, какъ Рынинъ, поручикомъ въ той же дивизіи, правда, побогаче, но зато самаго не-

виднаго происхожденія. Та же Прасковья Степановна Алехина говорить про такихъ:

— Il n'est pas né, du tout...

Кажется, прошелъ черезъ академію и носилъ когда-то золотой аксельбантъ. Но развѣ это что-нибудь значить для того дѣла, во главѣ котораго онъ стоитъ теперь? Въ какихъ-нибудь десять лѣтъ, изъ полковника по особымъ порученіямъ—онъ вотъ что!..

Особенно ѣдко и отчетливо перебралъ все это Рынинъ, сядя передъ генераломъ, справа отъ хозяйки, на такое же низкое кресло. Ихъ раздѣляли два аршина ковра.

— Вотъ мы сейчасъ разбирали съ генераломъ,—Алехина говорила часто по-русски и отлично владѣла языками,—одну... какъ это сказать... загадку. Да, такъ будетъ всего вѣрнѣе назвать.

Генералъ мягко усмѣхнулся въ свои дымчатые усы.

— Нынче мужичокъ въ ходу, не правда ли? Мужичокъ да мужичокъ! Всѣ съ нимъ носятъ, знаете, какъ Иванушка-дурачокъ съ писаной торбой,—старуха любила щегольнуть и народными словами.—Я ничего противъ этого не имѣю. Пускай живетъ, богатѣетъ и насъ, своихъ бывшихъ господъ, обираетъ... Прекрасно. Но неужели онъ не догадается, не нынче—завтра, что всѣ такъ съ нимъ носятъ?.. На это ума немного надо; народъ нашъ—не дуракъ. И тогда что?.. Тогда... какъ у французовъ говорить: *le commissaire avise*?

Она засмѣялась тихо; чуть замѣтнымъ дрожаніемъ усовъ вторилъ ей и генералъ. Смѣхъ Рынина прорывался громче.

— *Mais c'est excessivement grave, messieurs!*—начала опять хозяйка, и даже выпрямилась.—Я вотъ стала страдать безсонницей—не очень давно, но стала. Лежишь такъ на разсвѣтѣ, раздумываешься объ этомъ и спрашиваешь себя: да чѣмъ у насъ еще все держится, *toute la machine*? *Qu'en dites-vous, général?*—неожиданно обратилась она налѣво отъ себя.

Этотъ вопросъ отдался въ головѣ Рынина, точно электрическій звонокъ. Да вѣдь онъ, на дняхъ, поднялъ точъ-въ-точъ ту же тему, въ ресторанѣ, съ Брынцевымъ. И тогда его кольнуло то, что Бринцевъ точно укралъ у него собственную мысль.

Онъ ее считалъ уже теперь несомнѣнно своей, пришедшей ему, первому, а не вычитанной гдѣ-то, въ газетной или журнальной статьѣ.

Генералъ обернулся въ сторону хозяйки и выговорилъ мягкимъ теноровымъ голосомъ:

— *Un mystère!..*

Минута была самая подходящая для Рынина: сказать свою

разгадку. Онъ переждалъ. Послѣ словъ генерала вышла маленькая пауза.

— Вотчиннымъ чувствомъ держится все,—выговорилъ онъ медленно, спокойнымъ тономъ, съ большою убѣжденностью.

Генераль раскрылъ шире свои стальные глаза и подался немного подбородкомъ.

— *Comment dites-vous, mon enfant?*—переспросила старуха.

Это „mon enfant“ коснулось слуха генерала и какъ бы еще сильнѣе заинтересовало его фразой Рынина.

— Все держится вотчиннымъ чувствомъ,—повторилъ тотъ такъ же спокойно и убѣжденно.

Надо было объяснить мысль и сдѣлать это не профессорскимъ тономъ, безъ обширныхъ отступленій. Генералу это бы не понравилось, было бы сочтено за претензію... Слѣдовало говорить опредѣленно, сильно и мягко, чтобы слышался, въ голосѣ и выраженіяхъ, человѣкъ, думавшій о своемъ отечествѣ и желающій подняться до идеи власти, „отеческой и твердой“.

Тонъ ему сразу удался. Такъ нужно говорить собесѣдникамъ высокаго общественнаго положенія, не забывая и себя, своихъ правъ на своеобразность и вѣрность идеи.

Его выслушали съ большимъ вниманіемъ.

— *Monsieur a raison!*—выговорилъ генераль, обращаясь къ хозяйкѣ.—*C'est un point de vue nouveau... et acceptable.*

На блѣдномъ лицѣ съ пепельными усами Рынинъ читалъ дальнѣйшую судьбу его „открытія“. Эти слова: „вотчинное чувство“—будутъ повторены въ ближайшемъ засѣданіи какой-нибудь комиссіи, потомъ въ гостинныхъ. Идея сойдетъ за собственность сначала этого молодого сановника и сдѣлается лозунгомъ. Нужды нѣтъ, что творецъ ея (Рынинъ былъ уже непоколебимо увѣренъ въ томъ, что творецъ ея—онъ) останется въ тѣни; но сейчасъ его сосѣдъ призналъ новизну и вѣрность вывода. И злиться на то, что не онъ, а начинающій свою карьеру полковникъ Рынинъ дошелъ до этой идеи, тотъ не будетъ: видно, какъ ему она припала къ двору.

— Хорошо,—заговорила хозяйка:—вотчинное чувство... Но если такъ, то надо этимъ воспользоваться... Надо держать... *la dragée haute!* Вѣками складывалась эта... вѣра... Слѣдственно нужно прежде всего... Подскажите мнѣ слово, полковникъ,—шутливо добавила старуха.

— Идея власти!—значительно выговорилъ Рынинъ.

— *Assurément,*—чуть слышно какъ бы вздохнулъ генераль изъ своей узкой груди.

— Такъ говорятъ только, а на дѣлѣ опять припѣвъ: мужички, да мужички. *Mais votre idée, mon colonel,—* продолжала Алехина, *—est une vraie trouvaille; n'est ce pas, général?..*

Генералъ наклонилъ голову съ замѣтной усмѣшкой, но ничего больше не сказалъ на тотъ же предметъ разговора и обратился къ хозяйкѣ съ какимъ-то порученіемъ отъ своей жены.

Рынинъ зналъ, что онъ принимается по средамъ, и у него внутри немножко защемило: пригласить ли его генералъ бывать у нихъ. Женѣ его онъ былъ представленъ еще въ Петергофѣ, два года назадъ.

Генералъ всталъ; Рынинъ сдѣлалъ то же. Генералъ нагнулся, но не поцѣловалъ руки у хозяйки, и рукопожатія не было. Онъ поклонился очень низкимъ опущеніемъ головы на грудь и даже слегка прицелкнулъ шпорами.

Проходя мимо Рынина, онъ остановился, протянулъ руку, придержалъ въ ней руку Рынина и сказалъ тѣмъ тономъ, за который приобрѣлъ прозвище „*un charmeur*“:

— *Nous sommes chez nous tous les mercredis... Ma femme sera enchantée de vous voir chez elle...*

Потомъ онъ пошелъ короткими, мягкими шагами; въ походѣ его не осталось ничего отъ кавалерійскаго офицера.

Его шаги затихли при поворотѣ съ площадки на лѣстницу. Хозяйка рукой указала Рынину на то кресло, гдѣ сидѣлъ генералъ, и когда онъ опустился въ него своей длинной фигурой, захлопала беззвучно въ ладоши.

— Молодецъ! молодецъ! побѣду одержалъ надъ нашимъ... *accusateur public...*

— Чѣмъ же?—какъ бы недоумѣвалъ Рынинъ.

— Ахъ, батюшка, нечего скромничать!.. Женѣ вашей можете объявить, что она будетъ губернаторшей къ веснѣ, послѣ святой... *Est-elle ambitieuse?* Ну, да все равно, съ годами придетъ, особенно безъ дѣтей. *Je suis contente de vous, mon enfant...*

Онъ наклонился къ ея старой, пожелтѣлой рукѣ, лежавшей на подушкѣ, почтительно взялъ ее и медленно поцѣловалъ.

— Вамъ я обязанъ,—выговорилъ онъ,—больше чѣмъ себѣ... тѣмъ, что вышло удачнаго сейчасъ... У васъ каждый дѣлается умнѣе...

Алехина прикоснулась слегка губами къ его маковѣ.

— Со старухами умѣете говорить, голубчикъ; нынче это рѣдкость... Не считаете ихъ муміями... Ласковое тѣло двухъ матокъ сосетъ. Хотя вы вообще-то не очень сладкій... настоящій админи-

страторъ... comme il y en avait de mon temps... А какъ это вы выдумали... идея-то ваша насчетъ мужичка и всего русскаго государства, чѣмъ все-то держится?..

— Вотчиннымъ чувствомъ,—выговорилъ Рынинъ и покраснѣлъ отъ удовольствія.

— Прекрасно сказано. Я постараюсь понять это получше, въ первую же безсонницу... Она не заставитъ себя ждать... Молодецъ!..

Рынинъ еще разъ приложился къ рукѣ. Старуха стояла этого: она его поняла и оцѣнила лучше всѣхъ.

Князь Рязскій подъѣзжалъ на плохомъ извозчикѣ—каretty онъ не признавалъ—къ углу Михайловской улицы.

Черезъ пять минутъ онъ войдетъ въ номеръ двадцать-шестой и увидитъ Зину. Она будетъ дома: въ этомъ онъ не сомнѣвался.

Что онъ ей скажетъ? Неужели только передастъ новое извѣщеніе княгини? О чемъ они станутъ говорить? Ему не о чемъ съ ней говорить... Онъ не умѣетъ... онъ боится... Но его тянетъ, въ этомъ онъ увѣренъ, и больше уже не стыдится того, что его тянетъ къ ней...

Мать свою онъ огорчилъ. Она больше отъ него нездорова. Вчера она опять заговорила съ нимъ объ Ольгѣ. Онъ разсердился. Въ первый разъ вырвалось у него нѣсколько рѣзкихъ словъ, почти грубостей... Правда, онъ просилъ у нея прощенія; но никогда еще на него не налетала такая озлобленность.

Добрая, кроткая женщина, вся ушедшая въ любовь къ нему—и онъ такъ озлился! Но онъ не женится на Ольгѣ, ни на комъ не женится... Что въ немъ такое... неужели простая похоть?.. Два дня думалъ онъ, стыдилъ себя, повторялъ это вѣское и позорящее слово, и все-таки не могъ оторваться отъ образа женщины—яркаго, какъ видѣніе, и не хотѣлъ лгать самому себѣ. Да,—это грѣховное, грязное влеченіе къ чужой женѣ, къ женщинѣ, которую онъ не поведетъ къ алтарю.

Виновать ли онъ, однакожъ, что другой раньше его называлъ ее своей женой, кажется, не любя? Онъ мало вникалъ въ душу этого Рынина; по ему сдается, что такой человѣкъ неспособенъ на любовь, на ту любовь, которой держится святость брака. Но все-таки они—мужъ и жена. Всякій, кто „вожделѣетъ“ къ этой женщинѣ, внесетъ зло, грязь, позоръ. Бракъ—нерасторжимъ.

„Бракъ нерасторжимъ“, — повторилъ онъ вчера много разъ, точно хотѣлъ этими словами утратить себя; но они мало дѣйствовали, не больше, чѣмъ то позорящее слово.

Онъ рѣшилъ-было: не ѣхать совсѣмъ къ ней; но потомъ это представилось ему постыднымъ малодушіемъ, прикрытой ложью. Развѣ не прямѣе: пойти на-встрѣчу злу, искушенію, своей животной природѣ, вызвать ихъ на бой и побѣдить? И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!

Такимъ рѣшеніемъ окрыленъ онъ былъ, когда ѣхалъ; а вотъ теперь, въ пяти саженьяхъ отъ подъѣзда Европейской Гостинницы, онъ сталъ полонъ тревоги. Ему хочется не идти на-встрѣчу злу съ развернутой и высоко вознесенной хоругвию, а чего-то другого, гадкаго... застать ее одну... И самая эта тревога ему не тягостна, не омерзительна, какъ будто отрадна...

Надо слѣзать съ саней. Князь заплатилъ извозчику и быстро прошелъ узкой площадкой до сѣней. Онъ бросилъ, подъ шинелью, взглядъ на свой скюртукъ и поправилъ галстукъ инстинктивно; нашелъ, что и то, и другое говорятъ все о той же „похоти“. Скюртукъ былъ спитъ здѣсь, по просьбѣ княгини; но онъ его надѣлъ съ умысломъ, и галстукъ также новый—подарокъ матери.

У перваго швейцара онъ спросилъ:

— Рынины дома?

Но ему хотѣлось знать не это; только то: дома ли Зинаида Мартыновна.

— Полковникъ выѣхали,—доложилъ швейцаръ,—барыня дома!

— Принимаетъ?

— Принимаютъ-съ.

Спросить—есть ли у нея кто-нибудь, онъ не посмѣлъ.

По лѣстницѣ князь входилъ съ поникшей головой. Такъ идутъ люди на северное, постыдное дѣло: пьяница—за штофомъ, игрокъ—къ зеленому столу; эти сравненія пришли ему разомъ, когда онъ поднялся на площадку.

Налѣво—номеръ двадцать-шестой. Еще минута—и онъ тамъ. И что будетъ?.. Упадетъ онъ на колѣни или зарыдастъ? Или бросится цѣловать ее?

Все было возможно; онъ это чувствовалъ.

Вотъ и дверь съ матовымъ стекломъ и номеромъ на стеклѣ.

Тихонько отворилъ онъ дверь и вошелъ въ переднюю. Его встрѣтила Милли.

Онъ этого не ожидалъ, и смутился. Милли узнала его по Шираеву, сейчасъ же вся оправилась и, отворивъ дверь въ гостиную, крикнула:

— Seine Durchlaucht der Herr Fürst!

Этотъ возгласъ довершилъ его смущеніе.

— Ахъ! геръ Фюрстъ!—раздалось оттуда.

Князь узналъ голосъ Снѣткина, потомъ и онъ самъ выдвинулся въ дверь, взялъ его подъ-руку и ввелъ въ гостиную.

Стыдъ овладѣлъ имъ—такой стыдъ, точно его поймали съ поличнымъ. Этотъ Снѣткинъ однимъ своимъ присутствіемъ вызвалъ наружу всю грѣховную тину его чувства.

Не лучше ли бѣжать? Или сказать безъ колебанія, сейчасъ же: „Вотъ я какой искатель свѣта! Вотъ съ чѣмъ я пріѣхалъ сюда, съ какой скверной во всемъ своемъ существѣ!“

— Князь, здравствуйте!

Отъ привѣтствія Зины онъ весь затрепеталъ. Такъ весело и просто, такимъ пріятельскимъ звукомъ кинула она ему эти два слова. Чѣмъ ему смущаться? Они—добрые друзья, не больше. Въ ней нѣтъ ничего грѣховнаго; она нигде не заманиваетъ его.

Ему протянули руку, онъ пожалъ ее, но не поцѣловалъ, сѣлъ около кшетки и заговорилъ довольно свободно; извинился за княгиню, спросилъ о мужѣ, отвѣтилъ на какое-то дурачество Снѣткина. И Снѣткинъ пересталъ его смущать. Даже хорошо, что онъ тутъ.

Но Снѣткинъ взялся за шапку, поглядѣлъ на него съ особой миной, потрепалъ его по плечу и спросилъ:

— А ты знаешь ли, Орестъ, что мы съ тобой больше не увидимся?

И онъ не остановился на смыслѣ этой фразы, пожалъ ему руку, и когда услышалъ, что тотъ ѣдетъ въ Парижъ, пожелалъ ему „веселиться“, ничего больше.

Ушелъ Снѣткинъ. Они вдвоемъ. Разговоръ какъ будто тотъ же, но глаза князя опущены; теперь онъ не рѣшается поднять ихъ; онъ чувствуетъ, что взгляда, одного взгляда довольно будетъ, чтобы все открылось.

Зина откинула голову и сквозъ полусомнутыя рѣсницы глядѣла на голову красавца, приводившую ее еще недавно въ такіе экстазы. Голова такъ же хороша: контуры лба, носъ, нервныя ноздри и глаза, въ ту минуту опущенные. Но экстаза не было. Другое чувство разлилось по ней и давало ей прежнее превосходство надъ мужчиной. Зина видѣла, что передъ ней человѣкъ, охваченный влеченіемъ къ женщинѣ, а женщина—она. Ей сладко сознавать это; но голова ея работаетъ, способна спросить себя—чѣмъ же кончится съ княземъ? Будетъ ли это простой „flirt“, или связь подъ носомъ Парменія Никитича, свѣтскій „mariage à trois“, еслибъ князь пошелъ на него? А если не то и не другое, то не пришла ли самая лучшая минута разорвать съ Рыжымъ, получить законную свободу и сдѣлаться княгиней Рязской?..

На всѣ эти вопросы она успѣла отвѣтить прежде, чѣмъ князь перемѣнилъ положеніе головы и рукъ и обратилъ глаза въ камину, уже съ приподнятыми рѣсницами.

Да, только—послѣднее. Играть она устала; съ такимъ человѣкомъ связь, еслибы онъ и пошелъ на нее—обуза или что-нибудь нелѣпое, какой-нибудь „духовный скандалъ“. Остается разводъ и новое замужество.

Зачѣмъ?

Не любовь-страсть, даже не жалость, или доброта, или оцѣнка его добродѣтелей влекли ее въ князю; скорѣе смутное чувство того, что это-то и будетъ конецъ.

Если онъ станетъ ея мужемъ—первымъ номеромъ сдѣлается она, и такъ должно быть... Тутъ опять всплыло ея давнишнее убѣжденіе въ томъ, что любви между мужчиной и женщиной и быть не можетъ: любви-согласія, любви какъ взаимной жертвы...

Развѣ она не начинаетъ теперь же дѣйствовать съ нимъ, какъ съ врагомъ, хотъ онъ ей и нравится? Мужемъ или любовникомъ она его возьметъ скорѣе всякаго другого, но между ними будетъ вѣчный антагонизмъ... только потому, что онъ—мужчина, а она—женщина.

Она не хотѣла ему мстить за Шириаево, за свое безумство, за свой женскій позоръ... Вся ночь послѣ поѣздки къ нему въ усадьбу пронеслась у нея въ головѣ, та ужасная ночь, точно раздѣлившая ея жизнь пополамъ. Нѣтъ! она мстить ему не будетъ, а могла бы... вотъ сейчасъ заставить пасть въ своимъ ногамъ и крикнуть, какъ тому нѣмцу, въ парѣхъ: „as-tu fini, Guggusse?“

То, что вскипѣло въ ней, когда-то въ деревнѣ, то больше уже не повторится: выйдетъ она за него или только вступитъ съ нимъ въ связь.

— Князь, что же вы на меня не смотрите?—спросила Зина и засмѣялась.

Онъ взглянулъ на нее; рѣсницы его пришли въ нервное состояніе, щеки поблѣднѣли, ротъ начала также замѣтно сводить нервная дрожь.

Еслибы она сохраняла еще на минуту свое вызывающее лицо, онъ бы не совладалъ съ тѣмъ, что его колыхало. Вышло бы что-нибудь „омерзительное“, что-нибудь несмыслимое никакимъ чисто-сердечнымъ сокрушеніемъ.

Но смѣхъ Зины смолкъ. Лицо ея—онъ опять на нее взглянулъ—стало вдругъ серьезно, улыбка исчезла; она, въ свою очередь, опустила рѣсницы и наклонила голову немного вбокъ.

— Я васъ смутила,—опять начала она совсѣмъ другимъ голосомъ:—вы помните мои слова?

— Да,—отвѣтилъ онъ чуть слышно. Это-то напоминаніе и помогло ему овладѣть собой.

Онъ хотѣлъ тогда вызвать ее на объясненіе, узнать, какъ могъ онъ вовлечь ее во что-то грѣховное; съ этою цѣлью дѣлалъ онъ ей первый визитъ въ тотъ разъ, когда не засталъ ее.

— Что же!—продолжала Зина, все такъ же искренно:—я вѣрю въ рѣшительныя встрѣчи. Вы сами знаете и вѣрите, что даромъ ничего въ жизни людей не бываетъ. Тогда я не понимала васъ, и все-таки вы такъ поразили меня...

Она не договорила.

Стыдъ за себя началъ овладѣвать имъ: какъ искренни ея слова, съ какимъ довѣріемъ она обратилась къ нему!.. А онъ?

Еще одно слово Зины, и онъ открылъ бы ей весь „смакъ“ своей души, повинился бы, какъ послѣдній изъ грѣшниковъ.

Смущеніе его Зина принимала все за тотъ же припадокъ страсти.

Стоить ей протянуть ему руку—и онъ ей принадлежитъ. Такой человѣкъ, коль скоро посягнулъ на сердце чужой жены, пойдетъ на всякую жертву. Для него адюльтеръ немислимъ.

„Рынинъ долженъ вернуться обѣдать,—быстро сообразила Зина,—чего же лучше? Въ комнатѣ полусвѣтъ... они вдвоемъ... мужъ входитъ... застаётъ ее на груди князя... Нѣтъ уже ходу назадъ. Дратся князь не станетъ, а то Рынинъ могъ бы и убить его, онъ—хорошій стрѣлокъ... Остальное все будетъ такъ, какъ она рѣшитъ“.

— Какъ низко я палъ! Господи!

Глухія рыданія готовы были прорваться вслѣдъ за этиими словами. Князь закрылъ лицо ладонями и смолкъ.

Рука Зины протянулась къ нему. Она слышала возгласъ: „Господи!“—но первыхъ словъ не могла схватить отъ волненія, которое овладѣло ею только тутъ: она уже не лгала, не интриговала, забыла и расчеты на сцену и скандалъ. Она готова была отдаться ему.

Въ дверяхъ стоялъ Рынинъ. Зина такъ и осталась съ протянутой рукой; успѣла только громко сказать:

— Мой мужъ!

Князь поднялся съ мѣста, повернулся къ Рынину, пробормоталъ что-то и сталъ прощаться. Но все это вышло такъ похоже на его всегдашнюю манеру, такъ обыкновенно, что Рынинъ спокойно проводилъ его до передней, и Зина слышала слова мужа:

— Мой усердный поклонъ княгинѣ.

Зина удержалась отъ взрыва досады. Князь будетъ ея мужемъ, когда она захочетъ. Она сидѣла тихая и увѣренная въ томъ, что вела себя съ нимъ и умно, и честно.

— Зинаида Мартыновна!—весело окликнулъ ее Рынинъ въ дверяхъ.—Я заслужилъ обѣдъ. Прасковья Степановна Алехина приказала вамъ передать, что къ пасхѣ вы будете *madame la préfète*.

— *Très bien, mon ami*,—кратко отвѣтила Зина и позвонила. До пасхи—она знала: кѣмъ она будетъ.

IX.

Больше двухъ лѣтъ сряду, князь Рязскій, когда ложился спать, мысленно обзрѣвалъ пережитый день, рѣшалъ, самъ съ собою, каковы были истинныя побужденія всего того, что онъ сказалъ и сдѣлалъ въ теченіе этого дня. И помыслы, хотя бы мимолетныя, онъ также разбиралъ, всѣ до одного, какіе могъ вспомнить.

На другой же день послѣ встрѣчи съ Зиной въ Петербургѣ, онъ пересталъ это дѣлать. Цѣлую недѣлю прожилъ онъ только съ минутными уколами совѣсти, но на ночь ему стыдно было отдавать себѣ отчетъ. Послѣ разговора съ глазу-на-глазъ, въ Европейской Гостинницѣ, въ тотъ же день, онъ вернулся къ своей исповѣди и пришелъ въ ужасъ.

Онъ не понималъ и тогда женщины, ея побужденій, еще менѣе ея расчетовъ и того, какъ она проиграла свою партію, думая, что доводитъ его до пароксизма страсти. Ничего этого онъ не понималъ! Во всемъ онъ еще разъ обвинилъ себя. Своя собственная „гнусность“ предстала передъ нимъ и заслонила все остальное. И „гнусность“ эта была не передъ женщиной вообще, а передъ женой другого. Зинаида Мартыновна и не должна была знать про его „похоть“ и „посягательство“. Онъ вспомнилъ все, что она говорила ему. Если она не шутила, если дѣйствительно въ Ширяевѣ онъ вызвалъ въ ней нечистое чувство, опять онъ же былъ виной. Стало, въ немъ самомъ сидѣло что-нибудь порочное, что передалось и ей.

Вѣдь у нея нашлось же,—такъ разсуждалъ онъ,—достаточно душевной силы, чтобы побороть свою плоть!.. Она говорила съ нимъ по-товарищески; этотъ ея тонъ и возбуждалъ въ немъ грѣ-

ховность. Внезапно остылъ онъ только тогда, когда она начала говорить искренно. Значить, онъ — опять онъ — соблазняетъ ее.

Какой ужасъ! Какое паденіе! Не такъ слѣдовало ему показывать себя, когда вырвались у него слова:

— Какъ низко я палъ, Господи!

Онъ не долженъ былъ смущаться приходомъ мужа и убѣгать — точно воръ или развратитель честныхъ женщинъ, захваченный врасплохъ. Онъ долженъ былъ обратиться къ мужу и громко, чистосердечно повѣдать ему свою гнусность, выразить раскаяніе и попросить прощенія и у него, и у жены.

А онъ убѣжалъ!..

То, что ему слѣдуетъ дѣлать теперь — онъ это знаетъ, — и колебаній никакихъ у него нѣтъ.

Онъ началъ съ того, что пошелъ къ княгинѣ.

Огорчать ее отказомъ отъ женитьбы на Ольгѣ ему было тяжело; но какъ же могъ онъ брать въ жены ничѣмъ неповинную, хорошую дѣвушку, хоть и свѣтски-воспитанную, если онъ способенъ на такіа внезапныя и гнусныя паденія?

Княгиня выслушала сына, тронутая его волненіемъ, слезами на глазахъ, глубокою искренностью всего, что онъ сказалъ.

Но первый ея вопросъ — вопросъ женщины — былъ:

— Tu as peut-être un amour... ailleurs, mon enfant?

Она спросила это безъ всякой строгости, какъ старшая сестра.

Вопросъ привелъ его въ еще болѣшую тревогу. Онъ началъ говорить о себѣ еще безпощаднѣе, обвинялъ себя въ такой душевной грязи, которую она и представить себѣ не можетъ. Она остановила его жестомъ руки и, улыбаясь, сказала, что не вѣрить ему, что ничего злого ея Орестъ чувствовать не въ состояніи.

Княгиня знала, во что вѣруеть ея сынъ, какую религію онъ себѣ создалъ — не раздѣляла его ученія насчетъ того, какъ жить, его отношеній къ народу, къ деньгамъ, къ простому мужицкому труду; но сама витала мыслями и мечтами на высотахъ піетизма, не порвавшаго свѣтскихъ привычекъ и обычаевъ. Надъ „чужацествомъ“ своего Ореста она никогда, ни въ глаза, ни за глаза, не смѣялась. Многое должно было отпасть отъ него, когда онъ женится или просто сдѣлается старше. Но въ его волненіи она почувствовала возможность страсти; подумала объ этомъ не сразу, къ концу изліяній сына. Она воздержалась отъ всякаго намека и не вызывала дальнѣйшихъ его самобичеваній; напротивъ, остановила ихъ. Скрыть отъ нея онъ ничего не могъ и не хотѣлъ; но онъ не сталъ бы и называть имени женщины, особенно за-

мужней; продолжалъ бы только казнить еще сильнѣе одного себя, почему она его и остановила.

Онъ готовъ былъ ѣхать говорить съ Ольгой, хотя бы его мать и находила, что передъ ней онъ ни въ чемъ не виноватъ. Дѣвушка могла думать о серьезныхъ намѣреніяхъ съ его стороны; онъ не дѣлалъ ей предложенія, но не отказывался отъ нея, а что ужаснѣе всего—не любя ея, какъ нужно полюбить будущую жену, допускалъ этотъ бракъ въ мысляхъ своихъ.

И это объясненіе сына княгиня приняла болѣе кротко, чѣмъ даже можно было ожидать отъ нея. Ее считали въ свѣтѣ не очень умной, нѣкоторые даже—„простой“. Умъ замѣняли ей—не потускнѣвшая въ свѣтѣ правдивость и способность сейчасъ спросить себя: не она ли виновата?

Такъ и тутъ, княгиня остановила во второй разъ самоосужденіе сына и безъ всякихъ упрековъ успокоила его.

Если у него нѣтъ настоящей любви къ Ольгѣ, о женитьбѣ и рѣчи быть не можетъ.

— Я вырву всякій грѣховный помыселъ и къ другой женщинѣ! — порывисто сказалъ онъ, и еслибъ его вѣра позволила ему, прибавилъ бы: —клянусь тебѣ, папаша!

Но княгиня знала, что клятвъ сынъ ея никакихъ не допускалъ.

Ольгу онъ не увлекалъ — такъ говорила она сыну—велъ себя съ ней какъ съ дѣвушкой, которую мать его любить. И еслибы дѣйствительно вышло такъ, что Ольга почему-нибудь считаетъ себя близкой къ замужеству съ нимъ, то не ему, а матери его надо взять на себя объясненіе.

Князь замолчалъ; но ему еще не было легко... Мать его слишкомъ добра; при такомъ „баловствѣ“, ему не удастся дать ей даже понять: до какой степени былъ онъ преисполненъ отвращенія къ своей гнусности. Потому только согласился онъ мысленно со словами матери объ отношеніяхъ его къ Ольгѣ, что самъ онъ не хотѣлъ обижать дѣвушку, хотя бы туманными извиненіями, точно говорить ей: „вы, m-lle Курчаева, собрались за меня замужъ, такъ, извините, я на васъ жениться не могу“.

Что это было бы безтактно, глупо, онъ не думалъ. „Глупость“ и „безтактность“ были для князя слова суетныя, означающія высокомерный взглядъ на поведеніе: чужое или свое—все равно. По его вѣрованіямъ, такое объясненіе съ дѣвушкой было бы просто „гнусно“—въ этомъ словѣ заключалось для него все.

Видя, что сынъ смолкъ и опустил голову, княгиня подумала, что больше у него уже нѣтъ на душѣ ни изліяній, ни самообвиненій. Ей отрадно было сознавать, какъ чистъ онъ своими

помыслими и какая у нихъ теплая связь. Зачѣмъ ему жену теперь, когда мать его еще не дряхлая старуха? Будетъ ли Ольга Курчаева способна понять его, не заставитъ ли она его страдать? Да и какая свѣтская дѣвушка, хоть и добраго сердца, согласится жить такъ, какъ онъ желаетъ; а характеръ у него есть, онъ уступить только изъ любви, и будетъ несчастенъ.

И зачѣмъ она—мать—такъ усердно хлопочетъ о томъ, чтобы женить его? Вѣдь тогда онъ для нея уже не будетъ тѣмъ, чтѣ теперь.

И княгиня улыбнулась мысли, что сынъ ея останется здѣсь, при ней, по крайней мѣрѣ до весны, что онъ опять привыкнетъ къ ней, будетъ цѣнить, съ полною свѣжестью чувства, ея любовь и ласку.

Князь тяжело переводилъ дыханіе и сидѣлъ, не поднимая глазъ. Даже капли пота выступили у него на лбу. Ему предстояло огорчить мать свою и огорчить безповоротно. Но такъ надо было. Еще на дняхъ онъ слишкомъ рѣзко говорилъ съ ней о „безобразіяхъ“ городской жизни. Княгиня вынесла его рѣзкости и не стала съ нимъ спорить. Его взглядовъ она не бралась уже передѣлывать. Она только просила его пожить съ ней подольше.

Новый приступъ волненія прорвался у него въ возгласъ:

— Прости, мама, я долженъ назадъ въ деревню!..

Этотъ глухой возгласъ былъ такъ порывистъ и силенъ, что княгиня почувствовала бесполезность всякихъ упрасиваній. Она сказала только:

— Какъ знаешь, дитя мое; только ты былъ, кажется, доволенъ тѣмъ, какъ идетъ твоя...

Она затруднилась выборомъ слова: „пропаганда“ — она не хотѣла сказать, слово „дѣло“ не пришло ей сразу.

— Да,—торопливо заговорилъ князь, продолжая громко переводить дыханіе:—я не жалуюсь. Мнѣ горько... уѣзжать отъ тебя... не исполнить твоего желанія. Послѣ, черезъ полгода, я буду больше увѣренъ въ себѣ; а теперь...

Онъ не досказалъ; послѣ паузы, княгиня услышала отъ сына вторую исповѣдь: какъ ему нужно остаться одному съ простымъ народомъ, съ мальчиками, съ глазу-на-глазъ со своею совѣстью и продолжать дѣло пересозданія своей души. Еслибы онъ не понадѣялся на себя, онъ не пріѣхалъ бы на зиму въ этотъ Петербургъ, даже и рискуя огорчить ее; много-много, провелъ бы съ ней два-три дня. Его увѣренность въ себѣ вышла простой гордыней, дряннымъ самооправданіемъ. Грубая плоть, грѣховные, хищническіе позывы живутъ еще въ немъ, быть можетъ, и теперь, когда онъ приноситъ въ нихъ полное раскаяніе.

Опять не повѣрила княгиня мрачнымъ самообличеніямъ сына; но она не спорила, не просила, не сказала ему ничего горькаго. Она надѣялась на его привязанность. Черезъ три мѣсяца она его увидитъ въ деревнѣ, только бы эта деревня—съ постояннымъ углубленіемъ въ самого себя—не повела его къ какому-нибудь серьезному разстройству...

Княгиня это допускала.

Мягкость его матери вызвала въ князѣ новое недовольство собою.

Если у нея, какъ бы она ни была добра и снисходительна, не нашлось ни одного звука, чтобы подтвердить тотъ приговоръ, какой онъ себѣ самъ произносилъ, стало быть, онъ говорилъ ей не противъ себя, а въ свою защиту? Когда онъ уходилъ отъ нея, онъ желалъ перенестись сейчасъ же къ мужу Зины, не давать себѣ ни одной секунды времени на то, чтобы его недовольство собою остыло.

Но надо было доѣхать до Европейской Гостинницы. И братъ извозчика сдѣлалось ему противно; все это пахло городомъ, барствомъ, наймомъ, сообщничествомъ съ жизнью, куда мужика—вотъ этого извозчика, что повезетъ его въ Михайловскую улицу,—влечетъ жалкій заработокъ и приучаетъ къ глупому, бесплодному труду, трактиру и труппѣ.

Извозчика онъ все-таки взялъ, чтобы не потерять лишнихъ полчаса, чтобы, идя пѣшкомъ, не измѣнить своему чувству и рѣшенію.

Было еще довольно рано. Онъ могъ застать Рынина, тотчасъ послѣ завтрака. Такъ это и случилось.

Князь вошелъ въ его номеръ, состоявшій изъ двухъ же комнатъ, съ передней, но поменьше и побѣднѣе отдѣланныхъ, чѣмъ у Зины. У письменнаго стола, кромѣ хозяина—спиной къ входной двери, сидѣлъ, лицомъ къ двери, гость, незнакомый ему, молодой господинъ съ наружностью отставного военнаго. Они уже кончали дѣловой разговоръ.

Рынинъ всталъ и встрѣтилъ князя любезно, но безъ особенныхъ выраженій почтительности: онъ уже считалъ нужнымъ держать себя съ нимъ, усиленно соблюдая свое достоинство. Мелькомъ онъ представилъ обоихъ мужчинъ другъ другу и, когда опять сѣлъ въ свое кресло, обратился къ гостю съ заключительной фразой:

— Таково положеніе вопроса, а что дальше будетъ, увидимъ...

Тотъ на это отвѣтилъ довольно длинной тирадой, прежде,

чѣмъ встать. Князь сидѣлъ между ними нѣсколько поодаль, сосредоточенно смотрѣлъ на одну точку — на чернильницу письменнаго стола — и его дыханіе было затруднено. Рынинъ раза два, вскользь, посмотрѣлъ на его лицо и положеніе всей его фигуры и спросилъ себя: „Зачѣмъ этотъ пожаловалъ? Не спроста“.

Въ головѣ его несовсѣмъ ясно, но проступали быстрыя соображенія насчетъ Зины, ея недавняго увлеченія княземъ, то, что онъ самъ не такъ давно думалъ, когда поджидалъ ее изъ цирка, возможность „любвонной вспышки“ и въ этомъ „юродивомъ“, какъ ему пріятно было называть Рязскаго.

Первый гость ушелъ. Рынинъ проводилъ его до передней. Въ томъ, какъ онъ это дѣлалъ, уже появились нѣкоторыя новыя черты. Такъ провожаютъ посѣтителей съ вѣсомъ крупныя officialныя лица, когда тѣ имъ дѣлаютъ свѣтскіе или полудѣловыя визиты. И въ томъ, какъ онъ обратился къ Рязскому, тотчасъ у дверей, съ обѣими руками, слегка только отдѣленными отъ туловища, сидѣлъ оттѣнокъ увѣренности и превосходства.

Онъ началъ практиковаться во всѣхъ этихъ пріемахъ авторитетнаго обхожденія.

За правило принялъ онъ идти прямо къ сомнительному поводу посѣщенія, какъ на этотъ разъ. Надо сейчасъ же предупредить князя и показать ему, что у него есть что-то особенное, съ чѣмъ онъ явился, и сдѣлать это просто, съ шуткой, тономъ человѣка, для котораго нѣтъ затруднительныхъ положеній.

— Вы ко мнѣ не спроста пожаловали, ваше сіятельство? — сказалъ Рынинъ, сѣлъ столу и пододвинулся вмѣстѣ съ кресломъ къ гостю. — Вѣдь такъ?

Углы бровей князя поднялись. Лицо получило страдальческое выраженіе.

— Пожалуйста, — трудно выговорилъ онъ и просительно поглядѣлъ на Рынина влажными глазами: — не называйте меня такъ... даже въ шутку... Вы угадали... Я здѣсь по очень... очень важному дѣлу...

Не такъ хотѣлъ онъ выразиться. Слова: „важное дѣло“ — вышли у него отъ волненія. Дѣло было первой важности для него; но Рынинъ могъ это совсѣмъ иначе понять.

— Къ вашимъ услугамъ, дорогой сосѣдь. — Рынинъ поднесъ князю папиросницу.

— Я не курю!..

Эти слова Рязскій выговорилъ почти жестко; углы бровей опали, между ними углубилась складка; рѣсницы онъ опустилъ

и сталъ смотрѣть на бѣлый жилетъ Рынина, видѣвшійся изъ-подъ растегнутой утренней блузы военного австрійскаго покроя.

— Виновать!.. И въ самомъ дѣлѣ—это большой грѣхъ.

Шутливо-безцеремоннаго намека на его „святость“ Рязскій не слышалъ. По губамъ его прошла дрожь, и можно было замѣтить, какъ онъ беззвучно началъ произносить слова, толпившіяся на его губахъ.

— Передъ вами—человѣкъ,—вдругъ, яснымъ и слегка вибрирующимъ голосомъ, сказалъ Рязскій:—передъ вами,—повторилъ онъ,—жалкій рабъ своей похоти...

Рынинъ, въ первое мгновеніе, серьезно подумалъ, что передъ нимъ чудакъ, у котораго начался болѣе острый періодъ душевнаго разстройства. Онъ даже немного отодвинулся вмѣстѣ съ кресломъ, и сдѣлалось это инстинктивно. Но оглядывать Рязскаго онъ не сталъ и сидѣлъ, слегка нагнувъ голову.

Вся его посадка и мина говорили: „ну, что-то будетъ дальше?“

Князь уже не путался въ словахъ, выговаривалъ ихъ отчетливо и не очень громко, но не въ тонѣ келейной исповѣди, а точно онъ говоритъ, безъ усилія, нѣсколькимъ человѣкамъ, собравшимся въ одной комнатѣ.

— Вотъ какъ я чувствовалъ и поступалъ,—кончилъ онъ и взглянулъ опять просительно и кротоко на Рынина, послѣ того, какъ сказалъ ему, что его привело сюда.—Простите меня!

Никакой неловкости не ощутилъ Парменій Никитичъ. Онъ не разсердился; но его уколола эта „выходка простоватенькаго святоши“, какимъ онъ считалъ Рязскаго, прозрачная искренность его покаянія, высказаннаго безъ всякой рисовки, правда, внижними словами, въ родѣ: „похоть“, „плоть“, „посягательство“, „вожделѣніе“, но такъ, что всякій долженъ былъ почувствовать себя тронутымъ.

Его же эта исповѣдь не тронула, а вольнула. Онъ увидалъ въ ней „блажь“, и за нее нужно было сейчасъ же „осадить“ этого юродиваго. Нужды нѣтъ, что онъ выказалъ душевную чистоту, вѣрность своимъ правиламъ, большую нравственную строгость къ себѣ; противъ „такихъ вещей“—Рынинъ не имѣлъ ничего, но онъ, выслушавшій раскаяніе человѣка, увлекавшагося его женой,—не долженъ очень умиляться такимъ поступкомъ, ни какъ мужъ, ни даже какъ членъ общества, какъ русскій дворянинъ извѣстныхъ взглядовъ на жизнь и мораль: все это отзывалось неумѣстнымъ отрѣшеніемъ отъ обычаевъ и отношеній, передъ которымъ „нечего прыгать“.

— Дѣло вашей совѣсти, князь,—началъ онъ и откинулся на спинку кресла,—такое сознаніе нравственной вины... Я не вижу, откровенно говоря, чтобы вы очень прегрѣшили... даже и противъ седьмой заповѣди... Сколько я понялъ изъ словъ вашихъ, моя жена не слыхала даже отъ васъ самаго обыкновеннаго признанія...

— Это еще не все!..—прервалъ его князь, и весь встрепенулся.—Я смутилъ ея душу... Зинаида Мартыновна...

Быстро сообразилъ Рынинъ, что дѣло пойдетъ о странномъ увлеченіи Зины. Видно, она сама проболталась князю. Нельзя было допускать до дальѣйшихъ объясненій.

— Тутъ,—Рынинъ поднялъ голосъ,—ваша роль кающагося грѣшника уже прекращается, князь. Позвольте мнѣ просить васъ: нейти дальше. Вы не можете знать, что происходило въ чужой душѣ. Прошу васъ думать,—онъ выпрямился,—что во мнѣ говорить не тщеславная щекотливость мужа. Предположимъ, что Зина, одно время, мечтала о васъ... не здѣсь, а въ деревнѣ. Это возможно, и даже понятно.. Вы можете нравиться женщинамъ, особенно съ вашей манерой жить, держать себя и рассуждать... Но я еще разъ прошу васъ не вдаваться въ такое прокурорское обнаженіе своихъ... совершенно фантастическихъ винъ!

— Вы не хотите меня понять?

У князя эти слова вырвались почти со слезами.

— Прекрасно понялъ васъ и отвѣчаю вамъ такъ, какъ сдѣлалъ бы всякій разумный человѣкъ на моемъ мѣстѣ. Только скажите мнѣ, князь: развѣ вы не могли всѣмъ этимъ проникнуться и оставить это при себѣ?

— Я васъ оскорбилъ моимъ сознаніемъ? — вдругъ испугавшись, спросилъ Рязскій.

„Да онъ—дуракъ набитый!“ съ особымъ довольствомъ подумалъ Рынинъ, и вытянулъ ноги. Губы его повела усмѣшка.

— Вовсе нѣтъ!—отвѣтилъ онъ.—Не во мнѣ дѣло. Я просто хочу узнать: почему вы—человѣкъ, ищущій божественной правды,—сочли нужнымъ такъ поступить?..

— А то какъ же?—наивно спросилъ князь и поглядѣлъ на него удивленно.—Увидать свою гнусность — этого мало; надо придти и объявить тому, передъ кѣмъ виноваты!..

— Да, если вы его оскорбили, заставили пострадать. Но ничего подобнаго, въ данномъ случаѣ, нѣтъ. Вы, — я буду выражаться по вашему,—вы почувствовали грѣшное влеченіе къ женѣ моей. Превосходно. И сейчасъ же обличили себя передъ

собственной совѣстью. Женщинѣ вы не нанесли никакой обиды, ничѣмъ ее не смущали.

— Какъ ничѣмъ? А то, что тамъ, въ деревнѣ...

— Князь,—Рынинъ всталъ, отошелъ за кресло и взялся обѣими руками за верхній ободокъ спинки:—я покорно прошу васъ не возвращаться къ тому, чего ни вы, ни я не имѣемъ права касаться. Вы изволите слышать: ни я! А я—ея мужъ. И ничего тутъ серьезнаго быть не могло. Зина воспитана, къ сожалѣнію, въ особенной средѣ. Она, вѣроятно, дурачилась, смѣялась... не надъ вами, а надъ самой собою. Она любитъ показывать свой скептицизмъ. Во всякомъ случаѣ—это до насъ съ вами не касается,—протянулъ Рынинъ послѣднее слово—и на минуту смолкъ.

Ему было пріятно слушать себя: такъ складно, литературно онъ говорилъ. Въ послѣдній годъ онъ совершенно исправилъ свою манеру выражаться: прежнихъ шероховатыхъ жесткостей офицера какъ не бывало; слышно было человѣка, умѣющаго не только соблюсти свое достоинство, свой авторитетъ, но и показать тому, кого надо „проучить“, что его геройство, его евангельское смиреніе, сердечная чистота — неумѣстная рисовка: вотъ какъ Рынинъ понималъ себя въ эту минуту.

Тѣмъ легче было ему такъ именно чувствовать, что передъ нимъ князь сидѣлъ растерянный, съ „глупымъ“ лицомъ.

— Я нахожу,—заговорилъ Рынинъ быстро и покачивался, стоя надъ кресломъ,—я нахожу, любезный князь, что въ такой исповѣди мнѣ, какъ мужу, не было ни малѣйшей надобности. Можетъ быть,—улыбка его сдѣлалась уже совсѣмъ снисходительной,—по вашимъ убѣжденіямъ, вы поступили возвышенно, поангельски; но я, грѣшный, считалъ бы такой поступокъ не только ненужнымъ, но и недостаточно скромнымъ...

— Вы думаете?—почти съ ужасомъ спросилъ князь.

— Читать вамъ мораль я не буду, не имѣю права. Ваше побужденіе было... похвально... Конечно... Но вы не вдумались въ самую суть поступка... За сямъ благодарю васъ за довѣріе и считаю инцидентъ поконченнымъ...

Рынинъ опять сѣлъ и протянулъ руку Рязьскому.

„Инцидентъ... что же это?“—спрашивалъ себя князь и не могъ никакъ привести въ связь свое „намѣреніе“, свой сердечный порывъ—съ тѣмъ, что ему сейчасъ сказалъ этотъ мужъ своимъ довольнымъ, покровительственнымъ тономъ.

„Не то, не то, — повторилъ онъ мысленно: — не сдумѣлъ! Себя выгородилъ, жалкій себялюбецъ!“

Руку его пожималъ Рынинъ: онъ этого не чувствовалъ; онъ весь трепеталъ. Но это возмущеніе собою вызвало въ немъ быструю реакцію. — „Не хорошо такъ возмущаться хоть и самимъ собою“, приказалъ онъ себѣ внутренно, и стихъ; глаза стали смотрѣть въ пространство, лицо больше уже не краснѣло, въ тѣлѣ пропалъ нервный трепеть.

— Не осуждайте меня, — сказалъ онъ спокойно и даже сухо-вато, по звуку: — не берите на себя этого грѣха. Я не смѣю показаться передъ вами и проникнуть къ вашему сердцу. Простите и за это!..

— Полноте, князь! — Рынинъ потрясъ его руку, и они разомъ поднялись со своихъ мѣстъ.

— Дайте мнѣ время, — продолжалъ Ряжскій (онъ точно думалъ вслухъ, для самого себя): — мы увидимся, быть можетъ, въ деревнѣ, вы найдете во мнѣ другого человѣка.

— Вы ѣдете? — спросилъ Рынинъ умышленно-небрежно, чтобы дать понять гостю, что взвинченный тонъ объясненій пора прекратить.

— Завтра! — радостно выговорилъ Ряжскій.

Рынинъ подумалъ только: „неужели онъ пойдетъ объясняться къ Зинѣ?“ — но больше ничего не сказалъ гостю, кромѣ:

— Добраго пути, и благодарю еще разъ за довѣріе.

Въ переднюю онъ пріотворилъ дверь, когда князь надѣвалъ тамъ пинель, но провожать его до корридора не сталъ.

Князь въ корридорѣ остановился, когда дошелъ уже до площадки. Онъ удержалъ себя. Ему показалось „постыднымъ“ то, что онъ не захотѣлъ сразу докончить свое дѣло, идти къ Зинѣ, ограничивался только исповѣдью передъ ея мужемъ. Но страданіе, вызванное въ немъ словами Рынина, произвело новый приступъ обвиненій самого себя.

Вѣдь еще сегодня, утромъ, передъ разговоромъ съ матерью, онъ рѣшилъ, что надо открыть свою „гнусность“ и мужу, и женѣ. А теперь онъ пошелъ къ лѣстницѣ, забылъ о ней, опять постыдно испугался... Ему пугаться — нечего!

Онъ съ новой силой жаждалъ самой безпощадной исповѣди; онъ долженъ былъ показать этой женщинѣ, что въ тысячу разъ хуже, чѣмъ она, опорочилъ и загрязнилъ свою душу.

Круто повернулъ онъ назадъ и пошелъ къ номеру двадцать-шестому. Все, что ему нужно было ей сказать, наполнило его сразу; онъ слышалъ свои слова, онъ не только обнажалъ свою грѣховность, но и благодарилъ ее: ей вѣдь онъ обязанъ тѣмъ,

что въ послѣдній визитъ все грязное сметѣло съ него такъ внезапно, когда она заговорила съ нимъ искреннимъ тономъ.

Безъ этого обращенія къ ней ничего не будетъ сдѣлано; на его душѣ останется все тотъ же грузъ.

Смѣло, безъ волненія, взялся онъ за ручку двери съ матовыми стеклами.

„Что это такое?“—спрашивала себя Зина и не могла еще добраться до чего-нибудь опредѣленнаго,—ее дергало въ разныя стороны: до такой степени то, что вышло десять минутъ передъ тѣмъ, опять на томъ же мѣстѣ, было странно, нелѣпо или унижительно, божественно, если не постыдно для нея, гораздо постыднѣе, чѣмъ сцена въ усадьбѣ князя Рязскаго.

Она разсердилась на Рынина за то, что онъ третьяго-дня вошелъ не въ время, когда около нея сидѣлъ князь—слишкомъ рано, можетъ быть, на двѣ минуты раньше,—въ эти двѣ минуты „все было бы кончено“,—но она осталась вполне увѣренной въ томъ, что князь былъ доведенъ до пароксизма страсти, и довела она его именно тѣмъ, что заговорила съ нимъ какъ женщина, способная пересоздать себя для него. Никакого сомнѣнія въ своемъ торжествѣ не было у нея, и весь тотъ день, когда она обѣдала съ мужемъ и про себя надъ нимъ подтрунивала, и на другой день... Тогда она притихла. Впередъ вкушала она, по кусочкамъ, предстоящую рѣшительную сцену. Мужъ могъ ихъ застать или не застать—это уже подробность. Князь—такой человекъ, что для него—поцѣловать женщину, значить—отдать себя ей на вѣки... пойти на всякую благородную жертву.

Не нужно ей было ни писать ему письма, вызывая на новый разговоръ, ни волноваться его ожиданіемъ. Онъ долженъ былъ придти.

За полчаса до его прихода, сегодня, она хотѣла-было поѣхать кататься, и осталась, увѣренная, что онъ будетъ.

Въ ней, за эти два дня, происходилъ новый успокоительный поворотъ къ личности князя. Она все болѣе и болѣе увѣряла себя, что создана именно для замужества съ такимъ человекомъ, что безъ него ей не выбраться изъ своего тягостнаго убиванья жизни. Она не впадетъ въ его „святошество“, но у нея будетъ мужъ, который зажжетъ въ ней настоящую страсть, красивый, родовитый, кроткій. Не хочетъ она прибирать его къ рукамъ, чтобы заставлятъ его страдать; но она непремѣнно измѣнитъ въ немъ все то, что мѣшало бы ихъ ладу.

Ладъ, душевное довольство представлялись ей возможными

съ этимъ предметомъ ея первой страсти. Она, думая о немъ, мѣшала серьезныя мысли и порыванья съ шутивными; но серьезность превозмогала, даже противъ ея воли.

Передъ приходомъ князя, она была твердо увѣрена въ томъ, что все будетъ кончено, и если она „первая“ заговорить, продолжалъ въ томъ тонѣ, какой она взяла третьего-дня—она сдѣлаетъ это изъ великодушнаго чувства. Ей пріятно будетъ согрѣть и себя, и его, словами, какихъ она еще никому не говорила, кромѣ его. Она покажетъ ему, до какой степени она не мстительна, не помнитъ страданій, доставшихся ей отъ него, отъ его непониманія и холодности.

Безъ малодушной тревоги слышала она его шаги въ передней, сѣла на кушетку, поправила свой пеньюаръ и застыла въ одной позѣ, закрывъ глаза. Это состояніе было ей очень пріятно и ново: сознаніе своей побѣды, увѣренность въ томъ, что она „кончаетъ“, чтобы сейчасъ же „начать“. Болѣе полно, какъ женщина, безъ боли и волненій, она еще не жила. Ей ясно стало, что она, быть можетъ, не меньше склонна къ добру, чѣмъ ея будущій „настоящій мужъ“, только по своему.

Вотъ онъ вошелъ, остановился у дверей; она все еще не раскрывала глазъ. Онъ сдѣлалъ два шага къ кушеткѣ; она почувствовала, что ступаетъ онъ твердо. Тутъ только она взглянула на него.

Князь смотрѣлъ, какъ бывало въ деревнѣ, куда-то вдаль; въ лицѣ возбужденіе прошло, небольшая блѣдность дѣлала его еще привлекательнѣе.

Она не дала ему начать, пригласила рукой присѣсть къ кушеткѣ и заговорила, какъ-будто продолжала то, что было прервано, третьего-дня, приходомъ мужа.

Что она говорила ему? Неужели то, что она ясно видитъ теперь свою „судьбу“, что она готова сбросить съ себя „узы“, что она сдумѣетъ сдѣлаться подругой, достойной такого чловека?.. Неужели всѣ эти слова произносила она вслухъ, наклонившись къ нему? Неужели она, когда говорила, не разглядѣла на его лицѣ чего-нибудь, что должно бы было удержать ее мгновенно?

Да, говорила... и такъ сладко, такъ пространно и мѣстами торжественно, какъ никогда не умѣла, съ тѣхъ поръ, какъ себя помнить. Длилось это съ четверть часа. Онъ не прерывалъ ея; но глаза были опущены, мелькнуло передъ ней нѣчто, напоминавшее ей сцену во флигелѣ его усадьбы... но только мелькнуло. Все, до самаго конца, выговорила она. И опять, какъ

третьяго-дня, только еще сильнѣе, охватило ее чувство близости своей побѣды. Невольно опустила она глаза.

И что же? Онъ сидѣлъ, какъ прикованный къ стулу. Вышла пауза въ нѣсколько секундъ, показавшаяся ей ужасно долгой.

Она должна была и его дослушать до конца. Сначала ей послышался знакомый тонъ, какимъ онъ говаривалъ и въ Ширяевѣ, и у себя.

„Зачѣмъ все это? если онъ — мой, если я довела его до страсти?!“ — спросила она себя.

Но слова были другія. Не сразу схватывала она ихъ: что-то ей мѣшало принимать ихъ въ себя, вновь уяснять себѣ ихъ смыслъ.

„Онъ отказывается отъ меня?“ — былъ второй ея вопросъ.

Не отказывается, а кается ей въ чемъ-то, называетъ себя разными „душеспасительными“, суровыми словами, повторяетъ нѣсколько разъ, что онъ одинъ, только онъ, а никакъ не она, во всемъ виноватъ. Она хотѣла-было спросить, подавленная, какъ бы въ просонкахъ: „да въ чемъ же вы виноваты?“ — и способность рѣчи точно оставила ее. Князь продолжалъ настаивать на своемъ и еще въ чемъ-то обвинялъ себя... въ томъ, кажется, что онъ только выгораживалъ себя, даже и тогда, когда приходилъ каяться.

„Къ кому?“ — мелькнуло у нея въ головѣ, но она не могла остановиться ни на одной опредѣленной мысли. Это ее давило; а мгновенными казалось шуткой, или замаскированнымъ объясненіемъ, или неловкостью человѣка, испугавшагося любовнаго признанія.

Но князь кончалъ; онъ уже отвѣчаетъ теперь на то, что она ему сказала сейчасъ, значить — онъ все понялъ не такъ, какъ въ Ширяевѣ или у себя въ усадьбѣ. Не только понялъ онъ все, но и прямо разсказалъ, какъ, третьяго-дня, она же, Зина, „спасла“ его, когда заговорила съ нимъ не шутливо-вызывающе, а „съ чувствомъ“... Но это чувство „грѣховно“, и онъ еще разъ просилъ у нея прощенія за то, что возбудилъ его въ ея душѣ.

Слезы заблестали у него на опущенныхъ рѣсницахъ. Онъ прощался съ ней, протянулъ ей руку, сказалъ, кажется, что бѣжить изъ Петербурга... Еще немного, и она не удивилась бы, еслибы онъ протянулъ надъ ея головой обѣ руки и призвалъ бы на нее благословеніе неба, послѣ того, какъ выполнилъ свою роль кающагося грѣшника.

И вотъ она одна... и ничего нѣтъ!..

Нѣсколько разъ принималась Зина перебирать въ головѣ, чѣмъ это началось, какъ это кончилось, и не могла убѣдить

себя въ томъ, что такъ дѣйствительно было, что поправить ничего нельзя...

Онъ ушелъ—навсегда, сегодня же уѣдетъ въ деревню; а она останется тутъ, въ своей отелной гостиной: „à gûmîner a bêtise, нушего...“ она не докончила въ головѣ французской фразы и спросила себя:

„А какая это глупость, по счету?“ — т.-е. какая любовная исторія, маленькая или большая? Она начинала по-дѣтски, — такъ, какъ припоминаютъ, сколько было изношено платьевъ или шляпокъ съ извѣстнаго возраста, — считать свои „флёрты“ ... „Двадцать-восемь?.. Кажется, всѣ?..“

Зина вслухъ засмѣялась и поѣхнула ненавистную кушетку. Разомъ, злоба вскипѣла въ ней... Этотъ святоша, идиотъ, остался вѣренъ себѣ!.. Не на него накинулась она въ припадкѣ глухой ярости, а на себя. Ничего больше она не заслуживала, какъ такого, вотъ, послѣдняго наказанія за свою колоссальную глупость, за жалкую сентиментальность, за неумѣнье воспользоваться настроеніемъ и взглядомъ на жизнь, съ какими пріѣхала въ Петербургъ, послѣ своей болѣзни.

Ей ударило въ поясницу, такъ что она должна была схватиться за кресло, и острая боль отразилась сейчасъ же въ правой ногѣ, въ пальцахъ, всего сильнѣе въ большомъ. Это ее испугало. Она пріободрилась, сдѣлала нѣсколько шаговъ, взадъ и впередъ по комнатѣ, и заставила себя думать по другому...

Вѣдь это все вздоръ, не серьезнѣе ея романа съ юношей, на кумысъ... Развѣ она опять полюбила князя или, въ самомъ дѣлѣ, рѣшилась бросить мужа, связать свою судьбу съ такимъ юродивымъ, надъ которымъ Парменій Никитичъ смѣется? И кто же это знаетъ: чтѣ между ними происходило здѣсь, въ оба раза? Никто!.. Да она сама сегодня же расскажетъ обо всемъ мужу, въ такомъ же забавномъ тонѣ, какъ рассказывала про свою деревенскую страсть, за завтракомъ, въ день пріѣзда сюда Сосѣ.

И это надо сдѣлать, непременно! Можно будетъ представить дѣло такъ, что князь, ни съ того, ни съ сего, пришелъ каяться въ своей любви...

Нѣтъ! Она ничего не скажетъ мужу: съ какой стати?.. Не будетъ она ни лгать, ни изворачиваться. Довольно ей и того, что она такъ плоско и банально обманулась: ждала взрыва страсти въ князѣ, въ первый его визитъ, какъ разъ въ ту минуту, когда въ немъ происходило „просвѣтлѣніе“, вызванное ея же тономъ.

Зина начала нервно потирать свои руки и щелкать суставами пальцевъ. Это, въ бывшее время, дѣлала она передъ припадкомъ. Привычка осталась; но звукъ хрустящихъ суставовъ остановилъ ее и снова испугалъ.

Безъ припадковъ!.. Не надо ихъ; она хочетъ быть здоровой всегда и во что бы то ни стало... Правая ступня продолжала ныть. Это еще что такое?

Она взялась за ручку кресла, стоявшаго почти по срединѣ комнаты, и опустилась въ него... Больше она не могла ни разбирать того, что случилось, ни возмущаться, ни бранить себя... Хотя бы кто нибудь пришелъ; плакать она тоже не могла, — а слезы облегчили бы ее; кусокъ, остановившійся въ груди, не давилъ бы ее такъ... Нѣтъ никого... ни Сосѣд, ни Снѣткина... Онъ—на пути въ Парижъ... Никого!.. Не пойдетъ же она къ мужу и не станетъ ему изливаться...

Безпомощно опустила она голову въ обѣ ладони, сидя все въ томъ же креслѣ.

— Зина!—кликнулъ ее голосъ мужа.

Она не тотчасъ подняла голову. Рынинъ подошелъ къ ней, дотронулся своей холодной ладонью до ея плеча. Она слегка вздрогнула.

— Ха, ха, ха!—разнесся по комнатѣ, заглушенный гардинами и ковромъ, непріятный смѣхъ Парменія Никитича.—Значить, блаженный князекъ былъ здѣсь и тебя такъ ухаживалъ?..

— А какъ вы это знаете?—рѣзко спросила Зина.

— Боже мой, Зина! Къ чему такъ волноваться? Что же тутъ удивительнаго?.. Онъ сейчасъ былъ у меня съ форменнымъ показаніемъ... Только я не думалъ, что онъ еще къ тебѣ полѣзеть! Идіотъ! Во всѣхъ частяхъ!..

Губы Рынина произвели что-то похожее на свистъ, но свистнуть вполне онъ не позволилъ бы себѣ не только у жены, но и у себя въ спальнѣ: такія привычки были имъ оставлены въ полку.

Зина съ трудомъ поднялась и подошла къ нему, поглядѣла ему въ глаза со сдвинутыми бровями такъ сурово и гнѣвно, что онъ невольно отвелъ голову нѣсколько назадъ.

— Онъ былъ у васъ,—начала она, и дрожь голоса все возрастала:—онъ былъ у васъ... съ этимъ... и вы не могли меня предупредить?.. Прекрасно!

Руки ея сжались въ кулаки. Рынинъ подумалъ, что она его ударить. Лицо ея было блѣдно, впадало даже въ синеву; глаза стали больше; ихъ огонь сдѣлался злобѣющимъ...

Никогда еще Зина не чувствовала такъ, всѣмъ своимъ су-

ществомъ, коренную враждебность двухъ половъ: мужчины и женщины... И прежде этотъ человѣкъ былъ ей противенъ и тошенъ; но теперь, съ его самодовольной усмѣшкой, съ выраженіемъ желтоватыхъ глазъ, говорившихъ: „я все знаю, — вышъ юродивый, въ котораго вы влюбились до безумія, пришелъ каяться сначала мнѣ“, онъ вызывалъ въ ней ярость, гораздо большую, чѣмъ та, что, за десять минутъ до его прихода, она испытала, здѣсь же, по срединѣ этой комнаты.

— Не извольте обѣситься, — сказалъ онъ: — я ни въ чемъ не виновать!

Онъ подошелъ къ ней еще ближе и взялъ за обѣ руки выше кулака какъ будто съ успокоительной лаской, но тотчасъ же его сильные пальцы напомнили ей сцену въ Ширяевѣ въ его кабинетѣ...

Онъ и здѣсь поступить такъ же, пригнетъ ее къ креслу, и — что еще гаже — сдѣлаетъ это съ шуточкой.

Вся кровь хлынула ей въ лицо. Но она уже овладѣла собою.

— Что ты выдумалъ? — выговорила она и тихонько высвободила руки изъ его пальцевъ. — Я нисколько не бѣшусь!.. Но я только спрашиваю: неужели нельзя было предупредить меня?..

— Кто же могъ предполагать, что его идиотство дойдетъ до такого градуса? Я его два раза остановилъ, когда онъ сталъ говорить о грѣшныхъ чувствахъ, вызванныхъ имъ въ тебѣ.

— Онъ это говорилъ?!

Возгласъ Зины выдавалъ ея душевное состояніе. Рынинъ счелъ нужнымъ дать ей мягкій дружескій урокъ.

— Ты слишкомъ волнуешься, мой другъ, прилягъ на кушетку... Я тебѣ все расскажу. Ты сама разсудишь: кто тутъ больше виновать...

— Je suis tout oreille, — сказала она съ напускною веселостью, и сейчасъ же поняла, какъ фраза плохо прикрывала ея разстройство, обиду, злость...

И она, чувствуя во всемъ тѣлѣ разбитость, прилегла на кушетку.

— Какъ же онъ могъ это знать... про тебя? — спросилъ Рынинъ снисходительно, какъ отецъ говорить дочери, надѣлавшей непростительныхъ глупостей. — Ты ему сама разболтала?..

— C'était du persiflage!

— Не знаю. Если и такъ, то этотъ persiflage — дурного тона... какъ и тонъ, какимъ ты мнѣ рассказала про свою... любовную лихорадку въ Ширяевѣ!

Ее снова схватило, всколыхнуло ее всю—и она его превала.

— *C'est lâche, c'est infâme!*—крикнула она, двигаясь нервно по кушеткѣ.—Вы точно въ уговорѣ были съ этимъ кретиномъ... Слышите! въ уговорѣ... *Une conspiration de mâles!*

Рынинъ пожалъ плечами. Его жестъ подлилъ только масла.

Зина не вспомнила бы черезъ четверть часа, что она наговорила мужу. Но въ ея словахъ было не столько раздраженія противъ него, брезгливости, неизгладимой антипатіи къ его характеру, натурѣ, вѣщности, всему, всему,—сколько накопившихся страданій, какія дала ей страсть къ князю, позорнаго сознанія того, какъ она была сегодня одурочена, какъ человекъ, съ которымъ она мечтала „уйти навсегда“, выдать ее мужу, ему первому пришелъ каяться въ „похоти“ къ ней... Въ „похоти“, и только!

Слушая Зину, Рынинъ внутренне торжествовалъ. Ему даже пріятны были ея „неистовства“.

Развѣ не всѣ женщины такія же, какъ она? Гдѣ у нихъ что-нибудь похожее на правило, мысль, достоинство, серьезный интересъ въ жизни? Еще одно материнство спасаетъ ихъ—да и то не всегда—отъ постыдныхъ паденій, отъ вѣчно гложущаго ихъ полового инстинкта. Самый дрянной мужчина не въ состояніи бы былъ вести себя такъ, какъ его жена, а ее способны считать въ свѣтѣ изящной, умной, представительной женщиной, съ большимъ характеромъ!..

Парменій Никитичъ находилъ въ себѣ, во время „припадка“ Зины, чувства доктора, специалиста по психіатріи, наблюдающаго явленія какой-нибудь „большой истеріи“...

Онъ все время стоялъ около камина и курилъ. Ему захотѣлось-было, цѣлымъ рядомъ вопросовъ, довести Зину до признанія виновной въ своемъ срамѣ и пораженіи только самое себя, но охота прошла: во второй разъ, и все на томъ же мѣстѣ, и въ той же комнатѣ отеля, ему стало ее жалко.

Вдругъ потокъ бѣшеныхъ рѣчей Зины смолкъ. Ее всю передернуло, она схватилась за ногу—и смолкла...

„Такъ вогъ лучше,—подумалъ Рынинъ:—бренное тѣло даетъ ей урокъ“.

Онъ подошелъ къ ней. Съ закрытыми глазами лежала она затылкомъ на спинкѣ кушетки, мертвенно блѣдная.

— Дурно тебѣ?... Позвать Милли?—спросилъ онъ уже безъ насмѣшки въ голосѣ.

— Оставьте меня!..

Эти два слова вышли просительно-дѣтскимъ звукомъ, близкимъ къ плачу.

— На свободѣ обдумай все!—сказалъ онъ, уходя.—Пора пере-
мѣнить... ампула... другъ мой! *Les grandes coquettes ne vous réussissent pas!*

Когда его шаги смолкли за дверью передней, Зина продол-
жительно вздохнула, и, какъ маленькая, точно послѣ наказанія,
она повторяла мысленно: „не воротишь! сама виновата, сама,
сама!“

И слезы безъ конца потекли у нея по охолодѣлымъ щекамъ;
затылокъ, свинцомъ налитый, былъ прикованъ къ кушеткѣ. Въ
ногѣ то прилиwała, то отпускала жгучая боль, посѣтившая ее
сегодня впервые, предвѣстница новаго недуга...

Х.

Съ папками подъ мышкой, въ узкихъ пальто съ мерлуше-
чьими воротниками и въ высокихъ шляпахъ, шагали Шварцъ и
Кремлевъ по платформѣ Николаевского вокзала.

Они поджидали курьерскаго поѣзда. Утро стояло кислое,
туманное; чуть замѣтно моросило. Шла уже вторая недѣля вели-
каго поста.

Оба пріятеля говорили между собою мало; но имъ обоимъ
одинаково хотѣлось увидать поскорѣе Зинаиду Мартыновну...
Недѣлю тому назадъ она уѣхала внезапно въ Москву, вызван-
ная депешей о смерти отца. Мужъ отправился черезъ день на
похороны тестя. Онъ навѣрно возвращается съ ней—и это имъ
было особенно непріятно... увидать сейчасъ же лицо этого „бур-
бона“—они его почему-то такъ прозвали—рядомъ съ той, кто
для нихъ обоихъ была „одинъ восторгъ“!.. И безъ того въ по-
слѣднее время, передъ отъѣздомъ въ Москву, Зинаида Марты-
новна такъ вдругъ измѣнилась—почти не принимала ихъ, никуда
не ѣздила, не помыкала ими,—что было бы „превосходно“; если
и разспрашивала о городскихъ новостяхъ, то не слушала, когда
они, на перебой, начинали ей докладывать. Даже Кремлевъ,
такой скупой на слова, началъ острить и рассказывать анекдоты;
но она его останавливала, говорила: „ахъ, перестаньте болтать!“
и сидѣла съ ногами на кушеткѣ, жаловалась все на боль въ
ногѣ; за докторомъ не посылала, очень похудѣла.

— Но какое у нея лицо!—восторженно повторяли оба прія-
теля, каждый день, за ужиномъ, кончая у Бореля свой день.

Поѣздъ имѣлъ уже пять минутъ „опозданія“:—такъ сказать имъ сторожъ. Они остановились у одного изъ столбовъ деревяннаго навѣса и оглядѣли—кто дожидается. Кромѣ цѣлой кучки артельщиковъ въ бѣлыхъ фартукахъ,—двѣ дамы съ дѣвочкой, старушка въ капорѣ, офицеръ въ жандармскомъ мундирѣ и нѣсколько человѣкъ мужчинъ, не больше пяти-шести, ходившихъ въ разныхъ направленіяхъ, подъ сводами вокзала, поодаль отъ нихъ.

— Что ему нужно?—спросилъ Шварцъ своей обрывистой скороговоркой.—Точно за нами слѣдить?

Онъ указалъ головой на мужчину постарше ихъ, въ шинели съ бобромъ и въ лѣтней фѣтровой шляпѣ. Шварцъ поглядѣлъ на него и тихонько выговорилъ:

— Ignoble particulier!.. А по глазамъ — сейчасъ съ нами заговорить...

— Вотъ еще!

Кремлевъ всегда ужасно боялся „Богъ знаетъ съ кѣмъ разговаривать“.

Мужчина въ довольно подержанной шинели былъ Теняшевъ. Онъ тоже дожидался Зины. Пріѣхалъ онъ на дняхъ, прямо съ крайняго востока, остановился въ Европейской Гостинницѣ, узналъ, что Зина въ Москвѣ, хоронить отца, и будетъ назадъ въ среду. Онъ хотѣлъ сдѣлать ей сюрпризъ.

Теняшевъ пожелтѣлъ,—онъ полгода страдалъ лихорадкой,—но не высохъ, расплылся и значительно полысѣлъ; въ бородѣ, по-прежнему неопратно содержимой, бѣлѣлъ уже не одинъ сѣдой волосъ.

Въ Шварцѣ и Кремлевѣ онъ началъ распознавать адъютантовъ Зины. Навѣрно у нея есть они, вотъ этакого именно вида. Ему захотѣлось съ ними заговорить; въ этихъ случаяхъ онъ никогда не стѣснялся.

Только-что они отошли отъ деревяннаго столба, Теняшевъ повернулся въ нимъ подъ прямымъ угломъ, приподнялъ свою лѣтнюю шляпу, сдѣлавшую весь переѣздъ черезъ океанъ, и самымъ утвердительнымъ тономъ сказалъ имъ:

— Вы дожидаетесь Рыниныхъ, господа?

А потомъ уже назвалъ себя и сейчасъ же прибавилъ, что знаетъ Зину чуть не съ дѣтства и „очень любопытенъ“ услышать отъ нихъ, какъ ея здоровье, хорошо ли живетъ съ мужемъ и осталось ли отъ этого „шута гороховаго“ Мартына Ногайцева еще что-нибудь, кромѣ тѣхъ двухъ-сотъ тысячъ, которыя она принесла тому „ловкачу“ Рынину.

Пріятели съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ слушали его непрерывающуюся рѣчь, оглядывали его и дѣлали про себя почти одни и тѣ же соображенія. Неужели онъ—пріятель Зины? Говорить онъ по-русски съ трактирными словечками и пожиманіемъ плечъ; вообще „моветонистъ“, но употребляетъ и французскія слова съ хорошимъ произношеніемъ; видно, что много жилъ за границей, да и сейчасъ отрекомендовался генеральнымъ консуломъ изъ такого мѣста, гдѣ консулы—политическіе агенты. Не могъ же онъ все это наврать. Вѣдь сейчасъ же прійдутъ Рынины и ея кузина, а ее онъ также называетъ за просто „Сосѣ“, и разсказалъ уже имъ, какъ она „вторилась“ въ швейцарскаго янки, изъ „отставныхъ часовщиковъ“, теперь „кусаетъ локти“ и навѣрно хлопочетъ „опять о разводѣ“. Что-то такое слышали они мелькомъ и отъ Зинаиды Мартыновны.

Нечего дѣлать: надо обойтись съ нимъ вѣжливо. Они сказали ему свои фамиліи.

— Состоите ли при Зинѣ въ званіи ординарцевъ?—спросилъ со смѣхомъ Теняшевъ.

Они хотѣли-было обидѣться; но не обидѣлись: онъ—добрый малый, хоть и „хамоватъ“. Ревновать его къ Зинѣ не стоило, это сейчасъ видно; теперь, въ траурѣ, въ великопостномъ настроеніи, оно и лучше, что такой пріятель внезапно появился; пускай его занимаетъ Зину; они будутъ только пользоваться минутами просвѣтлѣнія. Да и чаще ихъ будутъ пускать. Вѣдь „при ложѣ“ дежурить уже нельзя. Она никуда ѣздить не будетъ—ни въ Михайловскій, ни въ циркъ, по субботамъ.

Кучка артельщиковъ пришла въ движеніе. Показалась круглая грудь локомотива, и свистокъ гулко и непріятно занялъ, проникая до сводовъ дебаркадера.

Съ площадки спальнаго вагона, остановившагося наискось отъ мѣста, гдѣ Теняшевъ говорилъ съ Шварцемъ и Кремлевымъ, первая шагнула съ маленькимъ прыжкомъ Софья Германовна и попала въ широко разставленныя руки Теняшева.

Онъ, кажется, хотѣлъ ее обнять. Она не сразу узнала его и отскочила:

— *Же, же!* — крикнулъ онъ, ломая нарочно французскій языкъ.—Хороша барынька! Закадыку не узнала!

— Ah... *le pauvre ami!*

Сосѣ обрадовалась ему искренно и дала ему цѣловать свою руку въ перчаткѣ.

— А Зина?

Этотъ вопросъ Теняшева, сдѣланный довольно громко, услышалъ Рынинъ, вышедшій изъ вагона раньше Зины.

Теняшевъ не почувствовалъ никакой неловкости. Ему все равно: онъ имѣетъ право такъ звать ее—и будетъ это дѣлать.

Вмѣсто отвѣта показалось въ полуотворенной двери лицо Зины, желтовато-блѣдное, вытянувшееся, очень болѣзненное. Шварцъ и Кремлевъ почти ахнули, и ихъ обоихъ ударило въ сердце то, что „она подурнѣла“.

— Ахъ, голубушка моя, что съ вами?

Возгласъ Теняшева былъ такъ громокъ, что обратилъ даже вниманіе нѣкоторыхъ пассажировъ.

Руки свои онъ также разставилъ, какъ и для пріема Сосд, но Зина остановилась на площадкѣ, взялась рукой за столбикъ и тихо сказала:

— Вы слишкомъ шумны, Теняшевъ. Сосд, ты поѣдешь съ Рынинымъ. Дайте мнѣ руку,—она протянула свою Теняшеву. —Я съ вами въ каретѣ... Есть экипажи отъ отеля?

— Все, все приготовлено!—быстро сказалъ Шварцъ.

Кремлевъ стоялъ съ приподнятой шляпой и безмолвно улыбался.

За Зиной вышелъ изъ двери докторъ Лукашинъ.

Шварцъ и Кремлевъ переглянулись. Они теперь только вспомнили, что одному изъ нихъ надо передать письмо отъ Свѣткина, застрѣливагося въ Парижѣ, недѣлю передъ тѣмъ. Онъ просилъ, въ запискѣ, Шварца сдѣлать это въ „подходящую минуту“.

Теперь было бы совсѣмъ нехстати.

Доктора они не знали въ лицо, но догадались, кто онъ, по тому, какъ онъ поддерживалъ Зинаиду Мартыновну подъ локоть и какъ что-то сказалъ ей вполголоса, почти на ухо.

Всѣ сгучились. Сосд спросила о чемъ-то Теняшева. Рынинъ отдавалъ квитанціи двумъ артельщикамъ. Засуетился и Лукашинъ.

— Вотъ моя рука, голубушка,—сказалъ Теняшевъ, подходя къ Зинѣ сбоку. Онъ замѣчалъ, что всѣмъ было неловко.

Молодые люди тоже топтались на мѣстѣ. Зина совсѣмъ и не смотрѣла въ ихъ сторону.

— *Marchons!*—усталымъ голосомъ сказала она и пошла съ Теняшевымъ. Обернувшись къ мужу и доктору, она прибавила: —Кто-нибудь останется для вещей. Сосд, я очень утомлена... имѣтъ мы завтракать не будемъ.

Тутъ только молодые люди подошли къ ней поближе, спро-

сили о здоровьѣ и узнали: можно ли будетъ, хотъ вечеркомъ, явиться къ ней.

— Если не буду ваяться, приму васъ...—кинула имъ Зина, и на ея лицѣ и тотъ и другой прочли большое разстройство.

Оба огорчились.

Въ каретѣ Теняшевъ взялъ Зину за обѣ руки и такъ къ ней наклонился, точно хотѣлъ поцѣловать ее.

— Вотъ и свидѣлись! Только что же это, родная, какого вы вида—это просто срамъ!

Его голосъ раздражалъ ее. Она высвободила свои руки и выговорила:

— Ахъ, Теняшевъ, вы такой же шумный! Я не могу такъ... я нездорова.

— Да что съ вами? Скажите на милость?

— Подагра!

— Ха, ха, ха!—покатился онъ со смѣху.

— Я вамъ серьезно говорю. Докторъ Лукашинъ увѣряетъ.

— Да онъ всегда былъ тупица... Просто, ударъ... кончина отца... похороны... Это всегда распатаетъ нервы. А что,—спросилъ онъ, нагнувшись къ самому уху:—папахенъ скончался голъ какъ соколъ, или малую долю варбованцевъ не пропало еще? А?..

И онъ подмигнулъ ей съ той же пріятельской гримасой, какъ бывало за границей. Она не разсердилась на него за эту безцеремонность. Правда, онъ теперь казался ей ординариѣ, еще менѣе интереснымъ, опривинциализившимся на своемъ крайнемъ востокѣ, но съ нимъ ей опять стало легко. Послѣ Снѣткина, она нуждалась въ пріятелѣ-мужчинѣ своихъ лѣтъ или старше; а на Теняшева она привыкла смотрѣть какъ на родственника.

— Послѣ него осталось двѣсти-пятьдесятъ тысячъ,—выговорила она безстрастно.

Ей эта крупная цифра не доставила никакого удовольствія, когда она вслухъ произносила ее въ первый разъ.

— Жоли!..

Теняшевъ даже подскочилъ.

— И своихъ приданныхъ не прожили?

— Нѣтъ.

— Умница!..

Онъ нагнулся и поцѣловалъ у нея руку и сейчасъ же, безъ всякаго перехода, началъ рассказывать про себя, про свою бывшую жену, и просилъ совѣта у Зины, какъ ему быть. Жена

чуть не побывала „въ морганатическихъ супругахъ“, а теперь пишетъ ему нѣжныя письма и не прочь сойтись съ нимъ опять.

— Вотъ комбинація-то!—кричалъ Теняшевъ. — Съ собственной женой въ незаконную связь вступить! Не дурно! Вѣдь еслибы мы и законнымъ опять пожелали, такъ насъ разведутъ... Чтожъ! Я ей зла не желаю; только она со мной не проживетъ и полугода. Да я теперь и не одинъ...

— Un collage?—оживленнѣе спросила Зина.

— По туземному! Во временномъ бракѣ, по нотаріальному условію и подъ гарантію мѣстнаго высшаго начальства!.. Я вамъ скажу—премиленкія бабеночки: чистенькія, ласковыя, только волосы очень уже себѣ наващиваютъ. Сравненія нѣтъ съ тѣмъ, что во французскихъ колоніяхъ зовутъ: „комай“. У тѣхъ зубы подъ черный лакъ и въ головѣ насѣкомыя...

Зина прервала его жестомъ.

— Что прикажете дѣлать, голубушка! Скучать сталъ... Смычокъ моихъ горчаровъ передохъ. Только у меня и оставалось. Что дѣлать, что дѣлать!.. И язычницъ съ восьми глазами будешь любить!.. На чужой сторонѣ!..

Это полу-шутовское: „что дѣлать, что дѣлать!“—вызвало на губахъ Зины улыбку. Вотъ онъ выноситъ все, что ему выдается въ лицо жизнь, и утѣшается своей поговоркой. Съ нимъ, по крайней мѣрѣ, ей нечего сдерживаться... Она скорѣе ему, чѣмъ кузинѣ своей, стала бы говорить объ испытаніяхъ этой недѣли, о томъ, что было въ день послѣдняго визита князя, какъ новые припадки уложили ее въ постель, какъ потомъ въ Москвѣ похороны отца и всѣ воспоминанія о смерти матери, о кладбищѣ, ея страсти и попыткѣ навлиять на себя смерть,—какъ все это погрузило ее въ новое мертвенное равнодушіе. Всѣ тамъ были ей тошны: и мужъ, съ своимъ тактомъ великодушнаго сердцевода и джентльмена, и Сосѣ, и Лузалинъ, „выпавившій“ ей о подагрѣ, и городѣ, и гостинница, и она сама... Но всего тошнѣе ей было глядѣть на Сосѣ и слушать ее! Сосѣ опять стремилась къ мужу, къ Альфонсу, обобравшему ее, послѣ возгласовъ о томъ, что онъ пересталъ для нея существовать, что онъ ей гадокъ своими грубыми обманами avec des drôlesses!

Но Зина не заговаривала о ней первая. Теняшевъ, отъ своихъ дѣлъ, перескочилъ и къ Сосѣ и началъ отчасти спрашивать, отчасти самъ дѣлать свои соображенія:

— Обожглась... на часовщикѣ съ семнадцатью панталонами!.. А теперь, поди, ѣдетъ его же выручать?

Зина не выдержала и рассказала ему, какъ Сосѣ въ Москвѣ,

въ самый день похоронъ Мартына Лукича, узнавъ о капиталѣ, оставленномъ имъ, стала просить у нея въ заемъ сто тысячъ рублей.

— Excusez du peu!—крикнулъ Теняшевъ.

Разумѣется, Зина отказала на-отрѣвъ. Сосѣд разревилась, начала называть ее эгоисткой, неблагодарной, чуть не попрекнула всѣми платьями, какія ея мать шила Зинѣ въ дѣтствѣ. Самое Сосѣд она бы сейчасъ выручила изъ всякой бѣды, но давать ей сто тысячъ для ея Альфонса—никогда! Исторія кончилась тѣмъ, что Сосѣд пошла къ отцу,—она затѣмъ и ѣздила въ Москву,—да вдругъ застыдилась просить; отецъ же, на радостяхъ, что ему стало лучше, далъ ей продать нѣсколько павѣвъ по какой-то мануфактурѣ, что составило, вѣжется, больше ста тысячъ. Она просила прощенья у Зины; но возмутительно то, что она опять „пилаеть“ къ своему мужу и лжетъ, скрываетъ это, увѣряетъ, что она такъ стремится за границу только затѣмъ, чтобы спасти свое состояніе, откупиться отъ него.

— Ну, такъ я ее утѣшу!

Теняшевъ хлопнулъ себя по колѣну, подъ шинелью.

Онъ, по дорогѣ въ Петербургъ, въ Италиі, за однимъ табльд'отомъ наткнулся на парочку—супругъ Сосѣд и вольтижерка изъ цирка—ѣхали они изъ Монако и въ отелѣ были прописаны какъ monsieur et madame Stockers.

— Vrai?—почти вскрикнула Зина.

— Лопни мои глаза!..

— Угостите ее! Я очень рада! Надо взять рѣшительныя мѣры.

Оживившись, она стала менѣе блѣдна, и когда карета подъѣзжала уже подъ ворота отеля, Зина прибавила:

— Merci, mon ami, vous m'avez fait du bien!

— Только вотъ что,—успѣлъ сказать ей Теняшевъ, еще въ каретѣ:—не очень-то для васъ пріятная новость.

— А что?

— Княгиня Трубчевская... тутъ же въ отелѣ... лежитъ при смерти... Не нынче—завтра конецъ!

Зина оглянулась на него вбокъ. Лобъ ея наморщился.

— Въ отелѣ?—отрывисто спросила она.

— Въ отдѣленіи, подъѣздъ съ Итальянской, гдѣ приготовлено Софѣѣ Германовнѣ.

— Est-elle bien bas?—спросила Зина прежнимъ, заграничнымъ тономъ, котораго у нея не находилъ пріятель.

— Elle file du plus mauvais coton.

— *P faut que j'aïlle la voir*, — какъ бы про себя сказала Зина. Карета остановилась подъ воротами.

Это извѣстіе о княгинѣ Трубчевской наполнило ее новой горечью, ощущеніемъ чего-то, лившагося прихлоннуть ее. Та и прежде-то была не особенно пріятна, съ циническимъ повтореніемъ фразы: „*je vais claquer!*“ — а какова же будетъ она теперь!..

Внизу, на толстомъ войлочномъ коврѣ, Зина стояла растерянная. Теняшевъ, съ двумя ея мѣшками въ рукахъ, усмѣхался.

Служитель при лифтѣ предложилъ ей подняться. Она не согласилась.

— Почему? — шопотомъ спросилъ Теняшевъ. — Вѣдь вы на ногу жаловались.

— Не люблю!

Но она боялась. Такую точно боязнь она уже испытывала въ Москвѣ, когда свала на отертой коляскѣ, съ Козихи на Тверскую, убѣгая отъ матери въ столбнякѣ, когда ей чудилось, что вотъ-вотъ и у нея отнимутся ноги.

Теняшевъ передалъ мальчику оба мѣшка и повелъ ее подъ руку. Онъ чувствовалъ, какъ она слабо ступаетъ на правую ногу и какая во всемъ ея тѣлѣ дрожь... Подъемъ потребовалъ чуть не десяти минутъ.

Когда они вошли въ номеръ двадцать-шестой, ихъ встрѣтилъ Рынинъ, въ дверяхъ гостиной, съ газетой въ рукахъ. Онъ пріѣхалъ съ Сосѣ гораздо скорѣе и, не зная, вѣроятно, про то, что Теняшевъ сообщилъ женѣ его про умирающую тутъ же въ отелѣ княгиню Трубчевскую, выговорилъ:

— Снѣткинъ-то! каковъ?

И тотчасъ же остановился: увидалъ, что на Зинѣ и безъ того лица нѣтъ. Онъ только-что прочелъ въ лежавшемъ на столѣ сегодняшнемъ номерѣ газеты извѣстіе изъ Парижа съ подробностями самоубійства Снѣткина.

— Что такое?

Зина вся выпрямилась и пошла къ нему, безъ помощи Теняшева.

— Ничего... мой другъ.

Но выпутываться Парменій Никитичъ былъ не мастеръ; первоначальное выраженіе туго сходило у него съ лица, даже подъ сильнымъ напоромъ воли.

— Снѣткинъ? — спросилъ, вмѣшавшись въ разговоръ, Теняшевъ. — Это тотъ?.. Самоубійца въ Парижѣ?.. Я былъ тамъ еще, въ самомъ *Grand Hôtel*ѣ. Молодцомъ! Съ пшюттомъ умеръ! А вы его знали развѣ?

Рынинъ напрасно старался дать ему понять глазами; тотъ все выговорилъ.

Зина запаталась. Ее успѣли поддержать съ обѣихъ сторонъ мужъ и Теняшевъ. Милли еще не пріѣхала съ багажемъ.

Въ пубѣ положили они ее на кушетку. Теняшевъ, перепугавшійся больше Рынина, ругалъ себя „осломъ“, бѣгалъ по комнатѣ, ища воды. Оба боялись обморока; но онъ не случился. Зина тихо стонала и жаловалась на новый припадокъ боли въ ногѣ. Рынинъ услалъ безтолковаго болтуна внизъ, въ квартиру Сосѣ, гдѣ долженъ быть и докторъ. Онъ жилъ въ томъ же коридорѣ.

Когда Зина оправилась и съ помощью вернувшейся Милли сняла съ себя шубу, шляпку и теплыя ботинки, у ногъ ея сидѣлъ на кушеткѣ Лукашинъ, въ головахъ наклонился надъ ней Сосѣ. Рынинъ стоялъ у камина. Теняшева онъ почти выгналъ, — до такой степени тотъ былъ наянливъ.

— *Raurez chère!* — закартавилъ надъ ней голосъ Сосѣ.

Эта нѣжность не трогала ее. Она знала, что у Сосѣ остался противъ нея „зубъ“, за Москву, а теперь она только испугалась, да и вообще не зла. И стало ей сейчасъ же противно то, что она, больная, еле-еле отдѣлавшись отъ припадка, все разбираетъ, судить другихъ, занимается своими мыслями и ощущеніями, не можетъ приказать своей головѣ ничего не думать, дать отдыхъ мозгу.

— Ничего, ничего, — раздался тоже ласковый, менѣ раздражавшій ее голосъ Лукашина, но все такой же „глупый“ — она находила его такимъ и теперь, хоть и вѣрила тому, что онъ добрякъ и больше всѣхъ, гораздо больше мужа, жалѣетъ ее. Онъ да Милли.

— Се Теняшевъ, — продолжала Сосѣ, уже пускаясь въ потокъ рѣчей: — ужасный болтунъ и сплетникъ! *A-t-on jamais vu!*

Но она удержалась, оставляя на вечеръ возмущеніе Теняшевымъ, который, съ подхихиваньемъ, успѣлъ уже рассказать ей про то, какъ онъ накрылъ ее мужа съ наѣзницей въ отелѣ Турина.

Зина поняла, въ чему относилось восклицаніе Сосѣ: „*a-t-on jamais vu!*“ — и презрительная усмѣшка промелькнула на ея покраснѣлыхъ губахъ. Какъ жалка эта Сосѣ! Она обидѣлась за своего Альфонса; она страшно ревнуетъ теперь, — это видно, — и поскачетъ отыскивать его, не потому, что боится за свои деньги, а мужчина ей нуженъ, возлюбленный!..

„*Regain d'amour!*“ — съ гадливостью воскликнула умственно

Зина и вдругъ опустила ноги и сѣла на кушеткѣ. И стало ей еще противнѣе то, что никто не скажетъ ни слова о Снѣткинѣ, о его самоубійствѣ. Что за мерзкое бездушіе! Неужели и она такая же?.. Ну, Лукашинъ молчитъ, какъ докторъ, онъ добрякъ... А Рынинъ? А эта Сосо?.. Не хотятъ ее разстроивать? Но почему же ея жизнь и здоровье цѣннѣе жизни молодого, красиваго, умнаго и способнаго малаго? Какъ она была благодарна своей ногѣ и расшатаннымъ нервамъ, что чуть не растянулась на полу. По крайней мѣрѣ, она показала мужу, что Снѣткинъ былъ ей близокъ... Отъ извѣстія о гибели Парменія Никитича она бы не запаталась и съ больной ногой.

— Лежите, милая барынька!—остановилъ ее Лукашинъ, и даже взялъ ее слегка за плечо.

— Я здорова,—выговорила она и оперлась руками о кушетку.

— *Chérie, pas de bêtises!*—крикнула Сосѳ.

Рынинъ отдѣлился отъ камина и тоже хотѣлъ что-то сказать.

— Гдѣ у тебя газета?—строго сказала ему Зина.

— Какая?—спросилъ онъ.

— Ахъ, какъ это несносно!.. ну, газета, гдѣ—смерть Снѣткина?!

— Но, Зина, мой другъ,—началъ было Рынинъ:—зачѣмъ же себя разстроивать?

— Дайте газету! — безстрастно, но еще тверже выговорила она.

Лукашинъ робко оглянулъ ее, испугался, какъ бы съ ней не сдѣлался столбнякъ отъ раздраженія, и быстро повернулъ голову къ Рынину.

— Позвольте газету, Парменій Никитичъ.

И онъ такъ на него посмотрѣлъ, что тотъ сейчасъ же понялъ его опасеніе, взялъ газету со стола и поднесъ ее Зинѣ молча.

— Гдѣ?—спросила Зина.

— Вотъ тутъ, на четвертомъ столбцѣ.

— Ah! *chérie!*.. *Quelle drôle d'idée!*—не удержалась Сосѳ.

Зина только повела по ней взглядомъ и жадно начала глотать строки газетнаго столбца. Она хорошо схватывала смыслъ. Извѣстіе было перепечатано изъ „Figaro“. Снѣткинъ застрѣлился у себя, въ номерѣ Grand Hôtel'я, передъ письменнымъ бюро. Его нашли въ сидячемъ положеніи, съ улыбающимся лицомъ. Въ переводѣ приведена была французская фраза парижскаго репортера: „une mort très correcte“. Никакого письма на имя женщины онъ не оставилъ. Жилъ онъ одинъ и родственниковъ у него не оказалось. Похоронили его на кладбищѣ „St. Ouen“.

Ее вольнуло то, что не осталось письма на ея имя. Не хотѣлъ ее разстроивать? Да, онъ былъ умный и добрый. Умеръ такъ, какъ говорилъ, и прощался не на шутку; а она была тогда съ нимъ такъ себялюбива, такъ отдалась своей „*gigante passion*“, какъ скартавила бы Сосѳ. Но какъ же его пріятеля, Шварцъ и Кремлевъ? Неужели они ничего не знали? Конечно, знали. Ей ни тотъ, ни другой ничего не сказали на вокзалѣ. Изъ деликатности? Развѣ можно имѣть такія лица, получивъ только-что извѣстіе о смерти пріятеля?

Во рту Зины явилась жолчная горечь, физическое ощущеніе тошноты, которая все сильнѣе захватывала ее.

— Тебѣ его не жаль?—спросила она насмѣшливо кузину.

— Mais je ne sais pas!..

Лукашинъ сказалъ, со вздохомъ:

— Еще русскій неудачникъ!

— По собственной винѣ, — не могъ не замѣтить Рынинъ вслухъ и получилъ упорный взглядъ Зины.

Она даже не сказала ему никакой рѣзкости; только еще крѣпче уперлась руками въ кушетку и встала безъ большого усилія.

— Я здорова! — повторила она и пошла по комнатѣ...—Вы видите, Лукашинъ, я не хромаю. Боли въ ногѣ нѣтъ... Мнѣ хочется ѣсть. Мы можемъ завтракать у Сосѳ. Эта комната наводитъ уныніе.

Никто ей не противорѣчилъ. Черезъ часъ, въ номерѣ Сосѳ, послѣ завтрака, прошедшаго въ отрывочныхъ фразахъ Сосѳ и Рынина, Лукашинъ взглядывалъ на Зину, ѣлъ и иногда вздыхалъ. Первая встала Зина, проплась по комнатѣ довольно твердо и спросила, остановившись у дверей:

— Сосѳ, ты идешь навѣстить княгиню?

— La princesse?—повторила растерянно Сосѳ. — Mais certes... seulement... rien ne presse... Да и ты... какъ же рисковать?.. Дваторъ, не правда ли?

— Я должна ее навѣстить. Я знаю, что она здѣсь... On la dit au plus bas!.. Это было бы...—она искала слова:—ce serait de la dernière lâcheté ne pas aller la voir... Ты можешь и нейти.

Взглядъ Лукашина, обращенный къ Рынину, просилъ его не удерживать больную.

Рынинъ остался на своемъ мѣстѣ. Лукашинъ хотѣлъ-было поддержать Зину на ходу; она остановила его взглядомъ.

— Я совсѣмъ здорова!

Все тѣмъ же упорнымъ звукомъ сказала это Зина и пошла съ Сосѣ въ двери. Та двигалась на своихъ короткихъ ножкахъ, какъ дѣвочка, которую послали въ классъ, на ходу оправляла лифъ и турнюру. Глубокій трауръ Зины, при ея высокой и сильно похудѣвшей фигурѣ, рядомъ съ полу-траурнымъ туалетомъ Сосѣ, дѣлалъ контрастъ между ними еще рѣзче. Сосѣ хотѣлось спросить, какъ вообще ей держаться у княгини, и не лучше ли бы было сначала послать хоть доктора; но она не смѣла выговорить все это вслухъ.

Имъ нужно было пройти до помѣщенія Сосѣ и сдѣлать еще нѣсколько шаговъ въ уголъ, гдѣ было отдѣленіе княгини,—запахло слегка лекаствомъ и особая тишина стояла въ этомъ углу.

Первая отворила дверь Зина. Въ темноватой передней—вдвое ниже остальныхъ комнатъ—сидѣлъ на стулѣ, у зеркала, лакей, изъ отельныхъ; но дежурившій тутъ—иностранецъ, кажется, французъ. Передняя на половину была заставлена дорожными, заграничными сундуками.

— *Madame la princesse est très souffrante*,—выговорилъ тихо лакей; онъ былъ родомъ изъ французской Швейцаріи.

Зина объяснила ему, зачѣмъ онѣ пришли, и спросила: есть ли кто-нибудь у княгини. Около нея „une soeur de charité“ и горничная. Сейчасъ былъ докторъ. Консилиумъ собирался вчера.

— *Madame est bien bas!*—сказалъ швейцарецъ и пошелъ на цыпочкахъ сказать горничной, которую Зина знала еще за границей. Она неизмѣнно состояла при княгинѣ и была еще въ крѣпостныхъ, данныхъ за княгиней въ приданое.

Подождали онѣ недолго и молча. Сосѣ уныло разсматривала сундуки въ чаклахъ съ коронами и инициалами. Зина ни на что опредѣленно не глядѣла. Эта передняя давила ее своимъ низкимъ потолкомъ; изъ щелей двери проходилъ все лекарственный запахъ.

— *Veuillez entrer!*—пригласилъ ихъ лакей еще тише.

На цыпочкахъ вошли онѣ въ большую гостиную, и сходство ея отдѣлки непріятно поразило Зину. И также налѣво была дверь въ спальню. Къ нимъ на встрѣчу вышла сестра милосердія, пожилая, съ усталымъ лицомъ; жидкіе пепельные волосы выступали изъ-подъ ободковъ чепца и нѣсколько смягчали выраженіе.

— Княгиня очень слаба,—заговорила сестра усталымъ и глухимъ голосомъ:—но она не почиваетъ... мы ее посадили сейчасъ... Угодно, я доложу?..

— Пожалуйста,—попросила Зина, и назвала свою фамилію.

Сосѣ только опустила рѣсницы и стояла поодаль. Ей дѣлалось

все жутче. Она просто боялась увидеть умирающую, да и никогда она не любила эту старую „грѣховодницу“ — для княгини Трубчевской она всегда употребляла именно это русское слово.

— Княгиня просить васъ.

Сестра шепнула эти слова въ дверяхъ спальни и сейчасъ же скрылась. Оттуда слышался голосъ, который Зина узнала скорѣе, чѣмъ Сосѣ: такой же жесткій, хриплый, но отрывистѣе, какъ будто она дразнить кого или надъ кѣмъ издѣвается. Этотъ голосъ заставилъ Зину вздрогнуть съ головы до пятъ.

Въ спальню вошли онѣ съ Сосѣ не вмѣстѣ. Сосѣ осталась позади и переступала ножками въ перевалочку.

И спальня была точь-въ-точь такая, какъ у Зины: то же одѣяло, размѣръ кровати, умывальный столъ, цвѣтъ гардинъ. Княгиню посадили въ кресло, стоявшее ниже кровати, обложили ее подушками и накрыли ноги пледомъ, привезеннымъ изъ-за границы; Зина узнала и его.

Горничная Даша, все такъ же похожая на дешевую гувернантку, въ темномъ шерстяномъ платьѣ и шелковомъ фартукѣ, съ чепцомъ на головѣ, наклонилась надъ княгиней и утыкала ее сбоку пледомъ.

Княгиня была одѣта въ блузу изъ тафты стального цвѣта съ кружевами. Лицо ея ужаснуло Зину: все желтобурое съ темноватыми пятнами; краска на волосахъ отчасти сошла, и сѣдина пробивалась прядями и цѣлыми кусками. Жидкую косу завернули ей на маковѣ. Голая шея съ затвердѣлыми синими жилами, морщинистая и напряженная, зила темной впадиной подъ зобомъ.

— Bonjour, petite! — встрѣтила она Зину и протянула руку въ ея направленіи. Рука еще сохранила красоту.

— Ah, princesse!

Въ возгласѣ Зины дрогнуло волненіе. Сосѣ выступила изъ-за своей кузины и, набравшись духу, прокартавила:

— Comment allez-vous, princesse?

Та поглядѣла на нее оловянными зрачками, которые точно плавали въ желтыхъ бѣлкахъ, и ея насмѣшливый ротъ сдѣлалъ мину, отъ которой Сосѣ ударило всю въ краску. Княгиня еле кивнула ей:

— Vous avez de la chance, — съ трудомъ сказала она Зинѣ; видно было, что она не могла найти себѣ мѣста въ креслѣ. — Je vais claquer, cette fois pour sur!

Зина ожидала того же слова: „claquer“, какъ и въ Петергофѣ; но теперь въ звукѣ было что-то еще болѣе жуткое.

— Quelle idée!—вмѣшалась Cocc, чтобы только какъ-нибудь освободиться отъ своего смущенія.

Правый глазъ княгини безмолвно спрашивалъ Зину: „зачѣмъ привела она эту дурочку, cette cruche?“—какъ она назвала Cocc за границей.

— La faculté l'a dit!—заговорила опять княгиня:—les idiots!.. Comme si je ne le savais pas... Depuis longtemps ce n'est que de la pourriture!

И она указала рукой позади спины, тамъ, гдѣ почки.

Зина еле держалась на ногахъ. Смерть—въ образѣ этой старухи, ея руководительницы, ея образца и идеала—смотрѣла на нее оловянными зрачками и вливала ей внутрь почти осязаемый холодъ.

— Vous permettez?—прошептала она и опустила на стулъ.

Ничего она не чувствовала къ умирающей, кромѣ холода, гнетущаго ужаса смерти и сожалѣнія о томъ, зачѣмъ она сюда пришла. Она точно хоронила въ этомъ чуть живомъ существѣ самое-себя. Такой она была бы непременно, еслибы осталась вѣрной питомицей княгини Трубчевской; да и теперь она не ушла, быть можетъ, отъ точно такого же конца.

Ея руки дрожали. Она боялась что-нибудь выговорить, чтобы и дрожаніе губъ не измѣнило ей.

— Et bien, petite,—съ новымъ усиленіемъ спросила княгиня:—faites-vous bon ménage avec le roublard?..

Она хотѣла-было разсмѣяться, но у нея неостало силы, и голову она сейчасъ же откинула на высоко-поднятую подушку.

Зина ничего не отвѣтила. Дрожь ея не проходила.

— Il est fort! M' a-t-il beaucoup arrangée à propos de mes démarches?!..

Не договоривъ, княгиня спохватилась. Зина не должна была слышать отъ нея самой про ея дѣла съ мужемъ, у котораго она хотѣла отобрать управленіе имѣніемъ, что ей не удалось и ускорило смертный исходъ ея болѣзни.

— Des justiciers!—вдругъ съ злобой и очень громко выговорила она и вся поднялась. Лицо было буро-красное, глаза потемнѣли, шея выпрямилась вмѣстѣ со всѣмъ станомъ.—Le régime de la vertu!.. Je m'en fiche!

Голова упала опять вбокъ на одну изъ подушекъ. Глаза закрылись, кулаки она сжала; княгиня заняла протяжно и съ ерхатнѣемъ.

— Господи!—испуганно крикнула горничная.

— Извините! — шопотомъ сказала обѣимъ посѣтительницамъ сестра милосердія.

Съ трудомъ поднялась Зина со стула и должна была опереться о плечо Сосѣ, выходя въ гостиную. Тамъ она еще присѣла, прислушиваясь къ тому, какъ въ спальнѣ обѣ женщины переносили княгиню на постель.

Вечеромъ, когда Зина оставалась одна въ гостиной, — Сосѣ отправилась еще до обѣда по дѣламъ продажи своихъ купоновъ, а Рынина она сама заставила ѣхать и „не тормозиться для нея“, — Милли доложила ей о приходѣ Шварца. Она была разбита, но ничего у нея не болѣло. Не могла она отогнать отъ себя образа княгини съ ея бѣлками и кусками сѣдыхъ волосъ среди крашенныхъ прядей; и ея голосъ звучалъ у нея въ ушахъ, слово: „claquer“ и послѣдній возгласъ: „je m'en fiche!“ Когда она старалась перейти къ чему-нибудь другому, она начинала думать о самоубійствѣ Снѣткина, собралась даже посылать депешу Шварцу, да не знала его адреса, и съ восьми часовъ ждала его.

Она такъ обрадовалась его приходу, что хотѣла идти ему на-встрѣчу; но чуть не упала, когда встала на ноги. Шварцъ явился одинъ, вошелъ къ ней точно къ опасно-больной; она его за это выбрала и стала спрашивать о Снѣткинѣ нарочно сильнымъ голосомъ.

Подробности онъ зналъ только изъ двухъ французскихъ газетъ, которыя читалъ: изъ „Figaro“ да изъ „Gil Blas“. Надя писала ему изъ Ниццы, послѣ похоронъ, и спрашивала: не знаетъ ли онъ чего-нибудь побольше, не писалъ ли кому Снѣткинъ? Обижалась она тѣмъ, что съ ней онъ не разсудилъ проститься „какъ слѣдуетъ“. Зина слушала Шварца и не могла разобрать: жалъ ли ему хоть немножко своего пріятеля; а онъ его дѣйствительно жалѣлъ, только Петербургъ навѣки его заморозилъ. Видѣла она, что онъ что-то такое отъ нея скрываетъ или къ чему-то готовить ее.

— У васъ есть письмо! — отгадала она: — подайте его!..

Шварцъ началъ-было отпѣкиваться. Она назвала его „уродомъ“, приказала сейчасъ же достать письмо изъ бумажника. Ей захотѣлось остаться одной. Этотъ длинный молодой брюнетъ, съ своимъ благообразнымъ арабскимъ лицомъ, тихимъ голосомъ и все тѣми же петербургскими словечками, мѣшалъ ей прочесть письмо. Передъ нимъ она не можетъ даже поплакать, еслибы слезы выступили у нея.

— Прикажете удалиться?—сказалъ онъ, съ условнымъ движеніемъ красивыхъ губъ, и подалъ ей письмо въ конвертѣ съ тѣмъ-то печатнымъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ заключался треугольникъ.

По крайней мѣрѣ, есть хоть таить. И онъ, и Кремлевъ явятся и исчезнутъ по ея знаку. А ему было и ее жаль—и онъ многое бы далъ, чтобы утѣшить ее; но онъ рѣшительно неспособенъ былъ ни сдѣлать это, ни выразить подходящими словами.

Такъ же тихо вышелъ онъ изъ гостиной, какъ и проникнулъ въ нее; его бѣлый галстукъ и вырѣзъ жилета промелькнули передъ глазами Зины, прикованными уже къ письму, которое она все еще не рѣшалась вскрыть.

Листокъ съ печатнымъ адресомъ парижскаго Grand-Hôtel вздрагивалъ въ ея рукахъ. Всѣ четыре страницы исписаны крупнымъ, очень четкимъ почеркомъ, безъ помарокъ, твердой рукой. Письмо Снѣгина было помѣчено 17-го марта новаго стиля.

„Прощайте, сестричка,—читала она:—когда вы разорвете конвертъ, меня свезутъ не знаю ужъ на какое кладбище: я особаго завіщанія, на этотъ конецъ, дѣлать не буду. Но смѣю васъ увѣрить, что все исполню тихо и благородно, что работа будетъ „чистая“. Я сижу теперь за моимъ бюро; всѣ бумаги и счета пересмотрѣлъ; ключъ въ замѣкъ ящика, дверь номера не заперта изнутри. Допишу вамъ, приложу дуло между четвертымъ и пятымъ ребрами и постараюсь сохранить сидячее положеніе въ креслѣ. Пугать никого не буду: ни гарсона, ни даже моей бонны *Félicité*—звукъ отъ бульдога самый жидкій. Бонна войдетъ въ спальню—приготовить постель и въ отворенную дверь увидитъ меня, вскрикнетъ: „*Mon Dieu! monsieur s'est évaporé*“. А ужъ остальное пойдетъ какъ по печатанному.

„Вамъ только и пишу, да записочку Шварцу, чтобы онъ передалъ это письмо въ подходящую минуту. Не подумайте, что изъ фатовства, изъ боязни, чтобы вы не упали безъ чувствъ, а, просто, нѣкоторые не любятъ получать писемъ съ того свѣта, безъ предупрежденія. Причинъ, которыхъ такъ всегда доискиваются въ полицейскихъ дознаніяхъ, я излагать не стану; вы слишкомъ большая умница, чтобы нуждались въ этомъ. Я сдѣлалъ то, что предсказывалъ еще, кажется, у васъ, въ усадьбѣ, помните, во время жаркаго принципиальнаго спора съ Рынинымъ; потомъ заявилъ вамъ, когда пришелъ проститься, въ номеръ 26-й Европейской Гостинницы. Вашъ супругъ и повелитель, конечно, удостоитъ меня нѣсколькихъ фразъ будущаго государственнаго мужа, содержащихъ въ себѣ брезгливую жалость при

видѣ такого безумнаго расходованія силъ—не на пользу отечества. *Пуццай* его! Извините за то, что я подамъ поводъ къ этимъ злукубраціямъ, во время вашего завтрака вдвоемъ.

„Но я хочу сказать вамъ лично, милая Зина,—простите мнѣ эту братскую *privauté*,—что вамъ такъ нельзя жить, какъ вы теперь живете, если вы не хотите кончить такъ же, какъ и я. Повѣрьте, вы ближе къ такому исходу, чѣмъ, быть можетъ, сами думаете. Мой случай проще вашего. Я ни въ купцы, ни въ дѣльцы не гожусь, вѣломъ не хотѣлъ быть, безъ сторублевой ассигнаціи въ бумажникѣ существовать не могу... Ерго... и такъ далѣе. Вы вашихъ денегъ не проживете, по смерти отца, вѣроятно, еще что-нибудь получите, и все-таки можете свести свое я—на нѣтъ, если... Вотъ тутъ надо дать какое-нибудь краткое и глубокое заключеніе.

„Вся трагедія, для каждого изъ насъ, мужчины или женщины, состоитъ въ томъ, что мы не во-время явились. Прежде, въ 40-хъ годахъ, говорили: „среда заѣла“; а одинъ умный французъ называетъ это „совпаденіемъ признаковъ“. Мирабо — не случись революціи—былъ бы просто „ярыжный дворянинъ“ и кончилъ бы на галерахъ, а не великимъ ораторомъ. Такъ и мы всѣ. Не тотъ номеръ взяли. Свой номеръ вы, въ дѣвицахъ, судя по вашимъ разсказамъ, взяли удачно—священнодѣйствіе, во имя высшаго тона, во имя того, что зовется „la haute gomme“, и вы были тогда уравнижены. Вернитесь къ этому, смотря по тому мѣсту, гдѣ будете жить: губернаторшей, если пожелаете нести вериги супружества, или соломенной вдовой, за границей. Последнее—лучше. Ни при комъ вы состоять не должны. Вы—сами по себѣ, и въ этомъ ваше обаяніе и смыслъ вашего бытія, выражаясь торжественнѣе.

„На тотъ случай, еслибы вы думали: „а что же Надя, его collage?“ — сообщаю, что я ее отправилъ обратно, или, лучше, сдать ее съ рукъ на руки одному богатенькому молодому кретину, который ее и утѣшаетъ.

„Они должны еще быть и по сіе время въ Монако.

„Не могу вамъ сказать: „до свиданія“, дорогая сестричка; спасибо за то, что позволили сойтись съ вами.

„Снѣтвинъ“.

Слезы не заискрились на рѣсницахъ Зины. Ей только вступало въ високъ по мѣрѣ того, какъ она читала письмо. Языкъ Снѣтвина вызывалъ въ ея мозгу самые звуки его голоса. Много изъ этого слыхала она отъ него, даже тутъ вотъ, передъ

душевной, гдѣ она лежитъ; тѣ же почти выраженія. Ей представлялись: его улыбающійся красный ротъ, блѣлое лицо съ румянцемъ, лоснящіеся черные волосы. Онъ навѣрно усмѣхался, когда выводилъ перомъ мысли о своей судьбѣ. Жалости, чего-нибудь похожего на ударъ въ сердце, большаго огорченія она не могла выдать изъ себя.

И зачѣмъ онъ кончаетъ обращеніемъ къ ней совѣтомъ? Не знаешь: смѣется онъ или это серьезно? Кто далъ ему право, передъ тѣмъ, какъ приставлять дуло револьвера между четвертымъ и пятымъ ребрами, жалѣть ее? Кто просилъ объ этомъ?

Ей стало стыдно за свои почти негодующіе вопросы. Не она ли виновата въ томъ, что непремѣнно къ ней же вернулся и этотъ самоубійца, а не сказать ей чего-нибудь стоящаго, дѣйствительнаго о себѣ.

Листокъ она сжала въ правой рукѣ и опустила голову на грудь. Ей стало тяжело; но не отъ того, что Сибѣгинъ кончилъ такъ съ собою, а отъ того, что его письмо заставило ее опять вернуться къ своей личности.

Господи! когда же ей дадутъ забыться?! Неужели тогда только, когда она, послѣ какой-нибудь не менѣе ужасной болѣзни, чѣмъ у княгини Трубчевской, соберется умирать?..

Пришелъ навѣстить и узнать о томъ, какъ она себя чувствуетъ, Лукашинъ, сѣлъ въ ноги ея, тихо улыбнулся ей, особенно старательно одѣтый въ черный сюртукъ и даже подстриженный.

Зина хотѣла-было сказать: „да отстаньте вы отъ меня со своими заботами о моемъ здоровьи!“—но воздержалась.

Ей съ этимъ „идіотомъ“ менѣе тяжело, чѣмъ со всѣми. Его доброта дѣйствуетъ на нее лучше его лекарствъ, въ родѣ миндальнаго молока.

— Что вы такъ сіяете?—спросила она его, когда отвѣтила на его вопросъ.

— А нешто это видно?

Лукашинъ вскинулъ оставшеюся на лбу прядью волосъ.

— Еще бы.

Она отгадала: у него большая радость. Въ Петербургѣ, какъ разъ теперь, его завадичный другъ Блэзо, пріѣхавъ изъ Парижа по тѣлебному дѣлу жены, и онъ съ нимъ, до возвращенія въ Москву, будетъ видѣться каждый день. Для свиданія съ нимъ онъ и отпросился на недѣлю у своего старика. Не скрылъ онъ и того отъ Зины, что Кунъ уже „наградилъ“ его, не дожидаясь смерти, обезпечилъ на всю жизнь.

— Я его не оставлю, — наивнымъ тономъ сказалъ Лукашинъ. — Не сбѣгу, заполучивъ кубышку! Добрый человѣкъ! Умреть, буду ѣздить въ гости къ Ивѣ Альфонсычу. Ну, а Россіи-матушки все же не брошу!..

„Вотъ счастливецъ! — думала Зина: — есть же такіе! Съ деньгами или нищимъ — будетъ вѣчно доволенъ“.

Лукашинъ пододвинулся къ ней и потрепалъ ее слегка по протанутой рукѣ.

— Ахъ, барынька!.. Умница вы моя... многого я отъ васъ ждалъ. А, такъ вотъ, мѣста себѣ не найдете. Здоровьице свое забросили... Да и на душѣ у васъ неладно... Все отчего? Дѣтокъ бы нужно!.. Дѣтокъ!.. Денежекъ у васъ теперь еще больше стало... Отправились бы хоть за море, что ли, такую купель отыскали, которая плодородіе бы давала... право!.. Я ничего не могу... Сихъ дѣлъ не мастеръ я... Только хоть глупаго моего совѣта послушайте: не запускайте вы вотъ того, что ножку-то вашу мозжитъ...

Это было сказано такъ заразительно-добро, что двѣ слезинки заискрились на рѣсницахъ Зины.

XI.

Лакеи отеля убрали все со стола и оставили только кофе. У Рынинныхъ обѣдала Уклонская. Она сдѣлала имъ визитъ на другой же день послѣ возвращенія ихъ изъ Москвы, а на третій Парменій Никитичъ попросилъ ее обѣдать. Наканунѣ же вечеромъ умерла княгиня Трубчевская.

Уклонская пріѣхала къ замужней сестрѣ, въ „кумы“, какъ она выразилась, крестить. Зина нашла ее нисколько неизмѣнившейся, такой же молодежавой, изящной, совсѣмъ не пахнущей долгимъ житьемъ въ деревнѣ, но — послѣ того, къ чему привыкла уже здѣсь Зина — немножко чопорной и сухенькой. Этотъ оттѣнокъ въ натурѣ Уклонской сдѣлался ей замѣтенъ только здѣсь. Она было обрадовалась „чудихѣ“, но черезъ полчаса разговора, съ-глазана-глазъ, передъ обѣдомъ, все-таки не могла начать съ ней говорить откровенно, не воспользовалась ея умомъ и пониманіемъ, сжалась и только слушала веселые и забавные рассказы про деревню и нѣкоторые петербургскія гостинныя, гдѣ Уклонская уже побывала.

Трауръ Зины не вызвалъ въ ней никакихъ лишнихъ вопросовъ, — это было сдѣлано изъ нежеланія коснуться чего-нибудь

ящекотливаго. Упомянуто было ею имя князя Рязскаго. Она слышала объ этомъ „чудодѣѣ“; это заставило Зину еще сильнѣе замѣннуться.

За обѣдомъ Рынинъ, очень оживленный, не удержался и заговорилъ о смерти княгини Трубчевской, которую и Уклонская гдѣ-то за границей видѣла и много слышала про нее.

Зина замѣтила ему, что есть такая латинская пословица, запрещающая дурно говорить объ умершихъ.

Онъ согласился съ тѣмъ, что пословица хорошая, но княгиня Трубчевская была для него только поводомъ — поговорить насчетъ цѣлой эпохи, которая отходила уже къ „праотцамъ“. Разъ онъ все-таки называлъ ее и ея сверстницъ „бонапартистками“ и „военно-исправительной ротой“ — но вскользь, и не сталъ дразнить Зину тѣмъ, какъ она когда-то обрекала себя на роль добровольной и даровой чтицы, изучала тонъ и житейскую мудрость княгини.

Отъ Трубчевской и „прожигательницъ“ шестидесятыхъ годовъ Рынинъ перешелъ къ тому, кто нынче „законодательницы модъ“ — онъ любилъ литературные трюизмы — задрѣлъ, по дорогѣ, такую „цыганщину“, какъ Ожигова. Зина почему-то вздрогнула при ея имени. Онъ прошелся слегка надъ „милѣйшей“ Сосѣ, и сталъ перебирать, для Уклонской, давно не бывшей зимой въ Петербургѣ, какой нынче у модныхъ молодыхъ „бабёнокъ“ тонъ съ мужчинами и между собою.

Зина къ концу обѣда, когда разговоръ зашелъ на эту тему, замолчала, совершенно какъ въ Ширяевѣ; только тогда она себя теребила и приравнивала къ „глупой дѣвчонѣ“, не умѣющей вести никакой „causee“, а теперь ей не было никакой охоты вступать въ споръ или помогать своей гостьѣ припоминать, о комъ идетъ рѣчь; да она и сама знала петербургскій свѣтъ только „раг гассгос“, мелькомъ.

Кофе она налила и Уклонской, и мужу; сама пить не стала. Гостыя заняла ея мѣсто на кушеткѣ; Зина настолько себя хорошо чувствовала, что не попросилась туда. Нога ея имѣла свои дни, въ родѣ лихорадочныхъ пароксизмовъ.

Уклонская сѣла съ ногами на кушеткѣ и курила; Зина тоже удобно усылась на диванѣ, передъ столомъ, гдѣ стоялъ кофейный сервизъ. Рынинъ ходилъ по комнатамъ, мимо камина. Канделябръ Зина попросила у гостыя позволенія приказать вынести. Одна лампа давала полусвѣтъ.

Рынинъ былъ особенно въ ударѣ. То, что онъ говорилъ, могла подтвердить и его пріятельница; а она сегодня поглядывала на него ласковѣе, тѣмъ въ деревнѣ; въ ея глазахъ мель-

кала улыбка одобренія; та же улыбка говорила и въ сторону Зины, хотя та не могла ее рассмотреть съ своего мѣста: „онъ правъ, вашъ мужъ, и вамъ не лишнее послушать его“.

— Я ухаживаніемъ не занимаюсь,—продолжалъ онъ,—но я слышу, какъ теперь молодые люди говорятъ съ дѣвушками... Такъ мы говорили только съ кокетками, да и то больше было... ну, хотъ остроумія,—что ли!.. А самыя модныя наши „gong-meuses“? Ну, вы знаете, напримѣръ, кое-кого изъ „май-дирокъ“?

Зина, движеніемъ головы, пожелала объясненія этого слова.

— Это тѣ, что сыплютъ все „*tu deag*“, когда онѣ между собой. Княгиня Бетси, ея сестры... цѣлый кружокъ,—пояснила ей Уклонская:—онѣ самыя тонныя...

— Были,—подхватилъ Рынинъ,—но и онѣ нынче портятся... Между ними... Мими Бѣлкова... какая была прелесть!.. Правда, англазирована черезъ-чуръ... Досталась мужу-болвану. Это опять правда. А теперь, первое удовольствіе — вранье... самое скоромное... и шампанское, и рулетка... Да это куда бы ни шло; но языкъ, языкъ... Ну, вотъ вы, моя однокашница, любите мужицкія слова, и съ бабами вашими выражаетесь ихъ терминами.

— Васъ это коробить?—весело спросила Уклонская.

— Нѣтъ, это ужъ при васъ останется.

— Скажите лучше: вы—чудиха!

— Ничего не чудиха!.. Нашли себѣ игрушку и коротаете время съ пользой... Но я про жаргонъ говорю. Небось вы не станете у себя въ салонѣ за обѣдомъ, на балахъ... допускать языкъ, взятый на прокатъ у трактирныхъ арыгъ. Поживите здѣсь, прислушайтесь... и скажите мнѣ потомъ: лгу я или нѣтъ...

Онъ остановился и заслонилъ отчасти потухавшее пламя камина.

— Знаете... я сейчасъ вспомнилъ... ѣхали мы съ вами, при родителяхъ... въ Швейцаріи это было.

— Изъ Дрездена въ Вевѣ?—вспомнила Уклонская.

— Такъ, такъ... мы съ вами улизнули въ другой вагонъ. Было это уже около Берна. Нашли мы тамъ русскихъ, и такъ еще обрадовались, что русскій громкій разговоръ услышали.

— Помню!—еще радостнѣе вскричала Уклонская:—ѣхало цѣлое общество соотечественниковъ.

— А какъ они говорили?..

— Этого не помню.

— Я помню и весьма отчетливо... Ъли они групи и абри-босы, было ихъ двѣ дѣвицы и трое мужчинъ. Одна, еще съ *pince-nez*, красивая такая.

— Да, да,—подтверждала Уклонская.

— Вотъ она и спрашиваетъ другую: „а сколько ты сожрала грушъ?“ Вы ужъ подошли было къ ихъ скамьѣ и такъ жадно заслушивались въ ихъ разговоръ. Это слово: „сожрала“—точно обварило васъ—маменька васъ строго воспитывала. Вы даже отступили немного назадъ.

— Все теперь припоминаю!

— Курносая-то и спрашиваетъ васъ:—Вы, кажется, испугались слова „жрать“?—Вы покраснѣли, но отвѣтили: „Нѣтъ, вы ошибаетесь“. А другая, красивая-то, сейчасъ и выложила весь свой лексиконъ.—Если, говорить, вамъ слово „жрать“ не нравится, такъ есть еще „лопать“ и „трескать“.—Вся компанія расхохоталась. Я разозлился и что-то хотѣлъ имъ отпѣть, да вы меня схватили за рукавъ и оттащили.

— Какая же мораль?—тихо выговорила Зина.

— А та мораль,—довольно добродушно откликнулся Рынинъ,—что даже и эти напускали на себя... жанръ. И они говорили такъ изъ жанра. Точно также и теперь наши коммѣзѣи.

— Ну, ужъ будто такъ? Я поотстала отъ Петербурга,—сказала Уклонская.

Зина промолчала.

— Да какъ же не такъ? Вотъ вамъ двѣ фразы для образчика: одну я услышалъ на разъѣздѣ, другую въ гостинной, на большомъ балѣ... Обѣ сказаны самыми первыми коммѣзѣями.

— Пожалуйста, не томите! Вы очень меня интригуете.

Уклонская даже задвигалась на кушеткѣ и пустила сильную струю дыма.

— На балѣ... молодая женщина... хотите, назову?... да это сплетничество будетъ—ну, изъ первыхъ, говорить постороннему молодому малому, не брату, не кузену—думаю, что не любовнику—въ полголоса, у зеркала, повернувшись къ нему спиной, а спина вырѣзана чуть не до крестца... „Петя, вынь посюрѣ... шпилька колетъ“...

— *C'est possible*,—согласилась Уклонская.

— *Allons donc!*

Возгласъ Зины былъ точно про себя.

— Слово въ слово!

— *Qu'est-ce que ça prouve?*—построже и погромче спросила Зина.

— Вторую фразу, пожалуйста... *pardon, chère!*—Уклонская кивнула ей.

— Вотъ она—стенографически записана. Такая же гом-

meuse... высшего стиля—считается умницей первой степени—говорить своему двоюродному брату на развѣздѣ: „Серёжка, а Серёжка, подь-ка сюды!.. Утени мнѣ глотку шалью“...

— Да это наши бабы — tout crachées!

Уклонская разсмѣялась.

— И я умѣю такъ!—добавила она.

— Не сомнѣваюсь; но тутъ это жанръ, самый новый видъ... какъ бы это сказать?—ухарства, что ли...

Рынинъ подошелъ къ столу, сѣлъ въ кресло, нагнувъ голову и оперся однимъ локтемъ о колѣно. Больше злая усмѣшка прошла по его губамъ.

— Когда я попадаю... въ инныя гостинныя... гдѣ модныя барыни... такъ мнѣ все кажется, что я приглашенъ на крестины къ эскадронному вахмистру въ Отченашенскѣ, гдѣ съ насъ обязательно сходило по бѣленькой, и подносили намъ, на тарелкѣ, бокалъ теплаго Тотинскаго. Только тѣ полковыя дамы — жены вахмистровъ и писарей—были гораздо проще и приличнѣе... Онѣ не ломались такъ, не впадали въ озорство затѣмъ только, чтобы поддѣлаться подъ тонъ своихъ ухаживателей...

— Гдѣ же мораль?—уже насмѣшливо-строго выговорила Зина.

— Да ужъ если тебѣ угодно,—Рынинъ сохранялъ ту же позу,—я вотъ при одноклассницѣ своей скажу, разъ навсегда: ничего нѣтъ легче, какъ незамѣтно приучиться къ такому тону. Я считаюсь большимъ патриотомъ, но если уже выбирать изъ двухъ: на заграничный ладъ употреблять то, что зовется у васъ —онъ повернулся лицомъ къ Зинѣ—bagout, или вотъ такія прелести пускать: „утени мнѣ глотку“, лучше держаться заграничныхъ фасоновъ!

То, какъ онъ это сказалъ, было не тяжело и не зло и безъ учительства, скорѣе въ искреннемъ, přátельскомъ тонѣ... Уклонская это поняла, Зина не хотѣла ни соглашаться съ нимъ, ни возражать... Ей никакого уже не было дѣла даже до собственнаго языка: какой онъ, петербургскій или заграничный. Ей повезалось лишнимъ и почти смѣшнымъ и то, что Уклонская такъ, повидимому, заинтересовалась „урокомъ“ Парменія Никитича.

Постучались. Вошелъ лакей и остановился у притолки.

— Что нужно?—спросилъ Рынинъ.

— Панихида началась у княгини Трубчевской,—доложилъ онъ.

— Хорошо...

Рынинъ поглядѣлъ сначала на Зину, потомъ переглянулъ съ Уклонской.

— Ты собираешься?

На вопросъ мужа, Зина ничего не отвѣтила прямо; сказала въ сторону Уклонской:

— Я васъ не гоню. Посидите... Ты, кажется, собирався куда-ю?—спросила она Рынина.

— На минутку и я заверну; а теперь, моя милая однокашница, извините меня...

Онъ поцѣловалъ руку Уклонской и вышелъ.

Оставшись опять съ-глазу-на-глазъ съ Уклонской, Зина подумала сейчасъ-же: „нѣтъ, нельзя мнѣ имѣть пріятельницъ-женщинъ; лучше ужъ мужчинъ; съ тѣми проще, когда они не мужа и не влюбленные“....

Эта мысль пришла ей точно противъ ея воли. Она взглянула на Уклонскую, — лицо той было освѣщено лампой, — и въ ея умненькихъ, слегка насмѣшливыхъ глазкахъ не прочла ничего, отвѣщающаго на свое настроеніе.

— А мужъ-то у васъ—охъ какъ поумнѣлъ!—выговорила Уклонская...—Я не стану васъ допрашивать: хорошо вамъ за нимъ живется—такъ у насъ въ уѣздѣ говорятъ — зато прочно будетъ. Мужемъ всегда кончишь, рано или поздно.

Она чуть слышно вздохнула, поглядѣла на Зину съ улыбкой своихъ тоненькихъ губъ и даже комически кивнула ей головой, въ хорошей прическѣ. Потомъ встала, отряхнулась и начала прощаться. Зина удерживала ее вяло.

— Вамъ надо на панихиду... А я общала своимъ провѣдать крестника. Онъ теперь уже спать навѣрно... Только знаете чтò, милая Зинаида Мартыновна: нужно ли вамъ идти на эту панихиду?

— Это послѣдняя...

— Ну, хорошо, если послѣдняя. Позвольте васъ поцѣловать. Я завтра назадъ... Поклониться сосѣду?..

Этотъ вопросъ показался Зинѣ подозрительнымъ. Она сухо отвѣтила:

— Съ какой стати?

Прикоснулась она губами къ щекѣ Уклонской и проводила ее до передней, разбитой походкой.

На панихиду надо было идти. Замѣчаніе Уклонской вернулось къ ней сейчасъ же. Все панихиды! Сколько она ихъ выстояла и въ какихъ-нибудь два мѣсяца! Тамъ будетъ Сосо, оставшаяся еще на два дня, и Теняшевъ, и эта ужасная Ожигова.

Ея имя, произнесенное передъ тѣмъ Рынинымъ, потому заставило ее вздрогнуть, что, въ день смерти Трубчевской, она была

въ спальнѣ покойницы, когда туда влетѣла Ожигова... Сейчасъ же начала она распоряжаться нервно, съ пылающими глазами, приказала приготовить все для омыванія тѣла и сама почти навинулась на него. Зина видѣла это изъ другой комнаты. Что-то отвратительное чудилось ей въ этой страсти Ожиговой къ покойнику, къ обмыванію его тѣла, одѣванію, укладыванію... Но уйти она не могла; сидѣла и смотрѣла.

На послѣднюю панихиду собралось больше; стояли и въ передней, и даже въ корридорѣ. Когда Зина подошла къ толпѣ, у всѣхъ уже были зажжены свѣчи. Она увидала за дверьми, ближе къ гробу, Ожигову, ея мужа, Сосѣ, Теняшева; за нѣскольکو чело-вѣкъ отъ себя, въ передней, Лукашина и его друга, Ива Блѣзо, такого же серьезнаго, въ черной парѣ парижскаго портного. Онъ держалъ свѣчу, по сторонамъ не смотрѣлъ и съ пріятелями не разговаривалъ, велъ себя гораздо строже многихъ русскихъ.

Лукашинъ, завидѣвъ Зину, сейчасъ же началъ искать для нея, на чемъ сѣсть; но она сдѣлала ему знакъ головой — не беспокоиться. Отъ ладана и жара восковыхъ свѣчъ, ее скоро начало мутить, ноги подкашивались. Минорная нота діакона проводила по ея нервамъ точно смычкомъ.

Дольше она не могла выстоять, и тихонько попятилась назадъ, въ корридоръ. Ни Лукашинъ и никто изъ ея знакомыхъ не замѣтилъ этого. Она разсудила зайти къ Сосѣ; тамъ она посидитъ или даже приляжетъ и тамъ же напьется чаю. Туда же, навѣрно, придутъ и всѣ остальные.

Такъ она и сдѣлала. Никто не замѣтилъ ея ухода. У Сосѣ былъ приготовленъ уже чай и ломберный столъ помѣщался у камина, съ двумя свѣчами. Зина не взглянула на него. Дѣвушки не было.

Она прошла въ темную спальню, гдѣ ей такъ стало хорошо, послѣ ладана и свѣчного чада панихиды. Тамъ было прохладно и пахло смѣшанными духами Сосѣ, все той же знаменитой смѣсью, выдуманной ею еще послѣ своего перваго замужества: геліотропъ, жюкей-клубъ и ирисъ.

Только-что она прилегла на постель и ея затылокъ освѣжило плотное и гладкое бѣлье, Зина заснула въ нѣсколько секундъ. Спала она крѣпко, безъ всякихъ грѣзъ; ее разбудилъ взрывъ голосовъ.

Она оглянулась, не могла понять, гдѣ она — въ темнотѣ, лицомъ она лежала къ стѣнѣ — повернулась быстро на другую сторону.

Дверь была пріотворена. Въ гостиной шумно спорили.

— Лягушка вы этакая!

Она узнала крикъ Ожиговой.

— Да помилуйте!

Это возражалъ Теняшевъ.

— Mais la comtesse a raison!..

Зина узнала голосъ Сосд.

— Какъ же я не права? — задорно закричала Ожигова. —
Какое же это баккара?.. Это хуже трюкки...

— Ха, ха, ха!..

Хохоть былъ сладеовато-глупый. Онъ принадлежалъ ея мужу.

— Перестань! — дала на него окрикъ графиня. — Начнемте съизнова. Et pas de bêtises, mes petits, pas de bêtises!

— Madame n'a pas déclaré?

Это еще чей голосъ? Французскій акцентъ, глухой, жидковатый. Да, это Блэзо.

Всѣ тутъ — и послѣ панихиды играютъ въ баккара, или тѣ играютъ, французъ смотреть.

Зина полежала еще минуты двѣ-три. Игра началась съ новымъ азартомъ. Сосд взвизгивала. Ожигова бранилась, мужъ ея безпрестанно хохоталъ.

„Не кошмаръ ли это? — подумала Зина, взяла себя за пульсъ, потомъ повела рукой по волосамъ. — Нѣтъ, это на яву!“

Она поднялась тихо, никто изъ игравшихъ не слышалъ ничего, и стала въ дверяхъ спальни, правой рукой оперлась слегка о косякъ и смотрѣла.

Всѣ сидѣли за ломбернымъ столомъ, точно въ игорномъ домѣ, нагнувшись надъ зеленымъ сукномъ. Свѣчи въ канделябрахъ оплыли и утопали уже въ табачномъ дымѣ. Ей видѣнъ былъ потный лобъ Теняшева, съ папиросой въ углу рта, и профиль графа, съ румянцемъ на пухленькихъ, дряблыхъ щекахъ, и толстый, короткій носъ графини, въ строгомъ креповомъ барокѣ, — шляпу она сняла; выставялась и грудь Сосд, тоже въ черномъ, съ бриллиантами въ ушахъ, въ видѣ крупныхъ капель росы. Блэзо сидѣлъ немного поодаль; но и онъ былъ поглощенъ игрой. На его зрѣніе дѣйствовала пачка ассигнацій на одномъ углу стола, справа отъ Теняшева, занимавшаго среднее мѣсто.

На кругломъ столѣ чай давно остылъ въ чайникѣ. Особый маленькій столикъ занимали двѣ бутылки шампанскаго. Стаканы, до половины недопитые, стояли на карточномъ столѣ въ-разбродъ. Въ одномъ мѣстѣ было мокрое пятно отъ пролитаго вина. Держалъ стаканъ, еще непочатымъ, и Блэзо.

Минуты двѣ стояла Зина, даже задерживала дыханіе. Третьяго-

дня эта Ожигова убирала княгиню въ гробу, съ истерической страстью къ покойникамъ. Эта картина переплеталась теперь для Зины съ картиной баккара, гдѣ передъ ней вставала ея дѣвичья „vie à grandes guides“, на виллѣ Сосд... Всѣ были въ сборѣ, вплоть до фигуры Блэзо, для контраста, и до Лукашина. Онъ навѣрно побѣждалъ принести что-нибудь или распорядиться насчетъ ужина.

Сначала она почувствовала совершенное равнодушіе къ кузинѣ и пріятелю; потомъ и безглаголивое сознаніе своего превосходства, каковы бы ни были ея глупости, пораженія, испытанный ею позоръ, ея недуги и ея супружеская жизнь. Она не можетъ оставаться съ такими русскими... не можетъ... Какъ-то особенно прозрачны стали для нея: Сосд, Теняшевъ, чета Ожиговыхъ... Вотъ и чета опять въ Россіи, все еще мечтаютъ возвратитъ себѣ прежнее положеніе, урвали что-нибудь въ деревнѣ и грубо кутятъ, играютъ, бросаютъ сторублевныя бумажки... Отъ нихъ не уйдешь... въ Петербургъ. Они непремѣнно повадятся къ ней, завтракать, обѣдать... не выкуришь ихъ...

Одинъ здѣсь всего и есть человѣкъ, котораго она способна выносить—вонъ тотъ французъ. Онъ никогда не былъ близокъ ея душѣ; она даже не совсѣмъ вѣритъ его „непримиримымъ“ убѣжденіямъ; но въ его лицѣ ей представилась теперь Франція, Парижъ, въ которомъ она никогда подолгу не жила. Все-таки ей тамъ и одной будетъ легче... Солнце есть, тепло, всякая болтовня, и роскошь настоящая, изящная, дающая тонъ всему міру... А главное, игривый умъ... Она задумалась.

— Monsieur Blaizot,—громко выговорила она:—comment allez-vous?

Всѣ разомъ обернулись и расхохотались.

— Cette pauvre chérie!..

Сосд подскочила къ ней.

— Храповицкаго задали, голубушка, на славу!—крикнулъ Теняшевъ, сіяющій и все болѣе и болѣе потный. Ему везло.

— Пожалуйста! Поставьте бѣленькую!.. Послѣ панихиды отлично!.. Отъ мрачныхъ мыслей отводитъ, — улыбаясь во весь ротъ, говорилъ ей графъ и тянулъ за другую руку. Онъ былъ во фракѣ и бѣломъ галстукѣ и перекачивался съ одной ноги на другую.

— Садитесь!—почти крикнула ей графиня:—задерживаете партію!.. И приструньте вы Теняшева... Еще немножко, и онъ плутовать будетъ.

Графъ глупо разсмѣялся. Зинѣ стало нестерпимо гадко.

— Я не могу, мнѣ пора домой,—выговорила она и отделилась отъ двери. Ступала она довольно твердо.

— Глупости!—крикнула Ожигова.

— Tu vas mal?..

Cosò съ притворною живостью спросила это у нея, почти прикоснувшись носомъ къ ея лицу.

— Je vais bien, mais il faut que je rentre.

Она съ усиленіемъ придала своему отвѣту свѣтскій, мягкій тонъ и обернулась къ Блэзо.

— Donnez-moi le bras, monsieur Blaizot... Vous allez me reconduire chez moi.

Французъ, не успѣвшій хорошо поздороваться съ нею послѣ панихиды, стоялъ все еще со стаканомъ въ рукѣ и хотѣлъ вставить свое привѣтствіе въ рядъ окриковъ и возгласовъ остального общества. Онъ поставилъ тотчасъ же стаканъ свой на ломберный столъ, съ менѣе суровымъ лицомъ пододвинулся къ Зинѣ и согнулъ лѣвую руку, по заграничному обычаю.

— Une fois, deux fois, trois fois,—опросилъ ее черезъ столъ Теняшевъ:—остаетесь?..

— Нѣтъ,—отвѣтила Зина.

— A cheval, messieurs, à cheval!—спасничаль онъ:—то бишь!.. A table, mesdames!.. A table!..

Всѣ опять накинудись на игру.

Въ корридорѣ Блэзо тихо и почтительно сталъ справляться о здоровьѣ Зины и выразилъ удивленіе, какъ она могла такъ крѣпко заснуть подъ шумъ игры. Онъ улыбался чуть замѣтно и выказывалъ свои крѣпкіе, желтоватые зубы. Въ этой улыбкѣ она читала то же превосходство надъ всей компаніей, какое было и въ ней самой, только Блэзо—кремень, или приучилъ себя быть кремнемъ, а она—жалкая „истеричка“, какъ она уже давно прозвала самое себя. И она разспросила его о цѣли его пріѣзда въ Россію. Кое-что она слышала отъ Лукашина. Блэзо обстоятельно, въ очень литературныхъ, суховатыхъ выраженіяхъ, началъ ей рассказывать, кое-гдѣ припиливая легкій сарказмъ надъ русскими порядками и нравами. Они уже сидѣли у нея на диванѣ. Она приказала подать чаю, отъ котораго Блэзо не отказался: онъ былъ большой любитель чая съ тѣхъ поръ, какъ пожилъ въ Россіи.

Его рассказъ о тяжёбомъ дѣлѣ его жены, оставшейся въ Парижѣ, слушала Зина съ удовольствіемъ, не потому, чтобы радовалась опасности, грозившей ему и женѣ его, потерять весь почти капиталъ, но факты говорили за то, какова страна, гдѣ

она сама должна будетъ жить, если останется супругой Парменія Никитича и состарѣется, переѣзжая изъ одного губернскаго города въ другой, если не оснуется навсегда въ Петербургѣ. Блэзо — жена и мужъ — попались такъ, какъ, по увѣренію ея гостя, невозможно было попасться во Франціи. Черезъ всѣ виды плутовства, подлога и недобросовѣстности прошли они въ своемъ тяжеломъ дѣлѣ. Жаловались они не на судъ, а на нравы, на поразительное отсутствіе того, что онъ называлъ „sens moral“. Онъ это выговорилъ не горячася, съ жестоватой, но не злой усмѣшкой.

Зина, безъ всякихъ подготовленій, ввела его въ то состояніе своей души, какое она вынесла изъ картежной комнаты Сосд. Выражаться по-французски ей было заново легко и почти радостно имѣть передъ собой собесѣдника, способнаго оцѣнить всякій удачный оборотъ рѣчи. Она поблагодарила его за то, что онъ случился у Сосд, и за все, что сейчасъ сказалъ. Во Франціи, среди парижскаго общества, должна она жить, а не на своей родинѣ, сдѣлавшей изъ нея — молодой женщины — „клиническаго субъекта“ въ какихъ-нибудь годъ съ небольшимъ!..

Она ждала одобренія со стороны Блэзо. Но онъ не согласился съ ней и сталъ ей, вмѣсто общихъ фразъ, рассказывать опять про себя. Вотъ три года, какъ онъ вернулся въ Парижъ съ женой и сыномъ. Возможность возврата была для него большой радостью. Онъ нашелъ друзей, товарищей, могъ возстановить свое прежнее положеніе, завязать новыя политическія связи, попасть въ ратушу, а потомъ и въ Palais Bourbon, основать газету... Все это осуществимо. Но... жена его начала замѣчать, да и онъ самъ, что ему случается хандрить... Онъ тоскуетъ!.. По комъ?.. По русскимъ!..

— Impossible! — вскрикнула Зина.

— Parfaitement, — подтвердилъ Блэзо тономъ профессора, излагающаго лекціи.

Она потребовала объясненій. Блэзо далъ ихъ. Въ Россіи, вотъ въ этомъ беспорядочномъ и плутоватомъ Петербургѣ, онъ привыкъ къ такой жизни сердца, къ такому добродушію, къ такому режиму дружбы, безъ всякаго расчета на что-либо, что у себя онъ сталъ безсознательно страдать отъ настоящей сухости всѣхъ, кто тамъ окружалъ его, начиная съ родныхъ. И десятки указаній, случаевъ, портретовъ, сценъ пронесли передъ Зиной въ его спокойномъ, мѣстами мѣткомъ, нѣсколько жестоватомъ описаніи.

— Croyez-moi, — закончилъ онъ, и его голосъ сталъ вдругъ

tenir, — restez avec les vôtres!.. Vous souffrirez parmi nous comme moi, beaucoup plus que moi... Il vous manquera toujours quelque chose... Et ce quelque chose, — онъ перевелъ духъ, — c'est l'âme large, quoique déséquilibrée, des slaves!..

Эту фразу слышалъ въ дверяхъ Лукашинъ и захлопалъ. Онъ прибѣжалъ узнать, какъ чувствуетъ себя Зина, и захватить Блэзо; ему хотѣлось увлечь его къ себѣ въ комнату, до ужина... Блэзо черезъ день уѣзжалъ, и ему каждый часъ, проведенный съ нимъ, былъ дорогъ.

Зина сидѣла съ опущенной головой. Все сказанное Блэзо о русскихъ и о томъ, огчего онъ сталъ страдать, изумило ее; но она не хотѣла возражать... Въ этомъ она услышала что-то пережитое, глубоко вѣрное...

Лукашинъ попробовалъ ея пульсъ, нащелъ, что она утомлена „въ личикѣ“, вынулъ часы, показавъ, что у нея „девяносто-три“ и настоялъ на томъ, чтобы она сейчасъ же легла, „хоть для проформы“, такъ какъ она почивала урывками. Онъ увѣрилъ ее, что все это онъ говоритъ „какъ передъ истиннымъ Богомъ“, а не потому, что ему хочется увлечь къ себѣ „благопріятеля“.

— Est-ce que je n'ai pas raison? — сказалъ Зинѣ Блэзо, степенно и ласково, указывая глазами на Лукашина.

— Oui, — съ тихимъ вздохомъ вымолвила Зина. — Идите, — добавила она Лукашину: — облизывать вашего божка!

Когда оба друга вышли, Зина долго еще оставалась подъ впечатлѣніемъ словъ Блэзо. У нея внутри поднимались какъ будто голоса, говорившіе за-одно съ нимъ...

Въ комнатѣ доктора, Блэзо, утомленный своими дѣловыми разъѣздами, панихидой и вечеромъ, въ ожиданіи поздняго ужина, отъ котораго онъ не хотѣлъ отказываться для Лукашина, легъ на его постель и чувствовалъ въ этомъ лежаніи одѣтымъ — „quelque chose de délicieusement slave“.

Въ ногахъ его, на той же кровати, сѣлъ Лукашинъ и поджалъ подъ себя ноги. Одно его огорчало, что Блэзо уѣзжаетъ, и кто его знаетъ, когда вернется. Хорошо, коли тяжба его жены затянется и она еще разъ пришлетъ его ходить по адвокатамъ и судамъ.

Но онъ не выпускалъ изъ головы того, что „Ива“ Альфонсъ сейчасъ такъ задумчиво сказалъ Зинѣ.

— Вѣдь ты признайся, — говорилъ онъ французу, наклоняясь надъ нимъ, въ полусвѣтѣ узкаго нумера: — тебя, небось, тянетъ къ намъ, нужды нѣтъ, что у насъ воровскаго народа нынче столько развелось. Признайся... хоть съ-глазу-на-глазъ... Вѣдь такъ?

— Такъ...—отвѣчалъ медленно Блэзо и вытянулся.

— То-то! за это большое тебѣ спасибо, Ивушка, большое... Коли все у васъ съ жинкой прахомъ пойдетъ, не плачьте... Нужно будетъ на обзаведеніе чего-нибудь... я, по силѣ-возможности...

— Ладно!..—веселѣе выговорилъ Блэзо, и твердое „я“ удалось ему, на этотъ разъ, очень хорошо.

— Спасибо тебѣ и за то, голубчикъ, что такъ говорилъ Зинаидѣ... Куда ей еще летѣть!.. Въ Парижѣ селиться!.. Зимой тамъ климатъ (Лукашинъ произносилъ: „климатъ“) отвратительнѣе здѣшняго; она, съ каминями, не выберется изъ своихъ болей; а весь ея организмъ совсѣмъ расклеился... точно фортепьяны, что въ сыромъ чуланѣ съ годъ стояли... Тебѣ жаль ли ее... а? Ты, когда-то, помнишь, въ Петергофѣ, очень ужъ строгонько ее аттестовалъ... Того ли ты теперь мнѣнія... или помягче?

— Да, — отвѣтилъ Блэзо, голосомъ человѣка засыпающаго; но это „да“ Лукашинъ понялъ по своему...

— Нельзя, Ивушка, такъ все приговоры произносить, какъ у васъ въ девяносто-третьемъ году, что ли, когда вы головы-то рубили точно у насъ, по осени, кухарки кочни капусты.

— Кочни?.. Qu'est-ce?

— Иль запамятовалъ?.. ну, капуста... цѣльная... кочанъ называется.

— Ah!..

— То-то молъ!.. Этакъ нельзя... Женщина, по одному своему естеству, такъ устроена, что достойна сожалѣнія, всегда... Нельзя съ нея требовать, что съ насъ высказывается... Ты вѣдь самъ физиологію проходилъ... пора бы у науки и терпимости научиться... Это, милый, наше евангеліе...

— You are right, — шутливо сказалъ Блэзо, потрепалъ друга по плечу и, послѣ маленькой передышки, прибавилъ: — C'est ça!.. Une femme slave est triplement femme!

— Премудро сказано!

Лукашинъ готовъ былъ поцѣловать его, но онъ зналъ, что Ива такихъ славянскихъ нѣжностей не любилъ и считалъ даже почему-то (онъ никакъ не могъ понять, почему) не совсѣмъ приличными. И опять взяла его досада: зачѣмъ тотъ стремится въ свой Парижъ?..

— Хотя бы ужъ вы опять тамъ получше накуралесили, опять бы ты генерала какого ни на есть къ стулу привязалъ и убѣгъ бы къ намъ... Или бы отыскиали такого воеводу, чтобы онъ въ диктаторы попалъ, а тебя посломъ... Есть ли такіе на примѣтѣ воеводы?.. А?

Онъ теребилъ француза. Тотъ уже задремалъ и сквозъ дремоту отвѣтилъ ему машинально:

— Oui, ma vieille!..

Лукашинъ тотчасъ же смолкъ, отошелъ на цыпочкахъ къ столу, поставилъ свѣчу на полъ, а самъ сѣлъ въ кресло, тиконько ждать, когда придутъ звать ужинать, и оберегать сонъ своего „Ивушки“.

ХII.

Рынины остались одни въ Европейской Гостинницѣ. Сосѣ уѣхала за границу. Тѣло княгини Трубчевской похоронили довольно парадно: отпѣвали въ почтамтской церкви и свезли на кладбище Новодѣвичьяго. Особенно много дамъ и мужчинъ изъ ея общества что-то не собралось. Ее успѣли позабыть, да и неудача интриги противъ мужа вооружала противъ нея. Зина замѣтила это въ церкви, гдѣ она съ трудомъ выстояла обѣдню и панихиду и съ дурно скрываемою безгливостью подошла проститься съ покойницей. На кладбище она не поѣхала, да ее не пустили бы туда и мужъ. Онъ сталъ больше заботиться о ней и чаще заходить въ ея помѣщеніе. Онъ же настаивалъ на томъ, чтобы призвать для консультаціи одну медицинскую знаменитость. На это Зина согласилась не сразу...

Съ Сосо прощанье было почти суровое. Она не могла заставить себя быть съ ней ласковой. Та расплакалась, всхлипывая, упрекала ее въ сухости, оправдывалась, говорила даже: „gronde-moi!.. donne-moi un bon conseil, soutiens-moi!“... Зина сказала ей только:

— Il faut que tu sois la femelle d'un mâle quelconque...

И ей не было ни грустно разставаться съ нею на долго, ни жаль ее... Пускай—этотъ ли Альфонсъ-мужъ, или кто другой—обираетъ ее до тла: она плакать не будетъ... Присутствіе Сосѣ въ отелѣ—останься она еще два-три дня—тяготило бы ее чрезвычайно. Свое поведеніе съ этой подругой дѣтства, такъ долго обожавшей ее, она не считала гадкимъ, недостойнымъ себя. Никакихъ вопросовъ такого рода она себѣ не задавала. Если кто могъ жаловаться, то, конечно, уже она сама. Двѣ недѣли сряду получала она одни горькія ощущенія... Князь, смерть отца, смерть Сибѣкина... смерть Трубчевской... точно всѣ стоворились держать ее въ мертвецкомъ склепѣ...

Не пожалѣла она и объ отъѣздѣ Теняшева въ деревню, въ отцу. Онъ не могъ ей замѣнить Сибѣкина: слишкомъ уже былъ

онъ старомоденъ, шуменъ и незанимателенъ, и она только упрекала себя за прошлое: какъ могла она, въ дѣвушкахъ, допустить себя до пріятельства съ такимъ, хоть и не злымъ, ничтожествомъ... И Лукашинъ, добрыйшій и преданный ей болѣе другихъ, раздражалъ ее своимъ довольствомъ, чувствительной дружбой къ Блэзо, неспособностью понимать, какъ слѣдуетъ, причину ея физическаго разстройства. Когда Лукашинъ пришелъ къ ней проститься, возвращаясь въ Москву, къ своему „старче“—такъ онъ называлъ Куна—онъ, почти со слезами на глазахъ, упрашивалъ ее не упираться, пригласить знаменитаго практиканта и простить ему „неприличіе“ его діагнозы, то, что ему ея новая болѣзнь кажется чѣмъ-то въ родѣ подагры.

— Не волнуйтесь, голубушка,—сказалъ онъ ей вполголоса,— насчетъ Парменія Никитича. Какъ ни какъ, а все-таки вамъ самый близкій человѣкъ, и каковъ онъ ни есть,—васъ не покинетъ. Нынче и такіе въ рѣдкость.

Оставшись совсѣмъ сама съ собой—Шварца и Кремлева она не считала—Зина видѣла около себя одного только мужа... Смутно прошла въ головѣ ея мысль: да чтó за радость ему-то жить съ ней, выказывать хотя бы только наружное вниманіе, выносить ея нравъ и болѣзненность?.. Не страсть и не грубый интересъ дѣйствуетъ въ немъ. Онъ—на дорогѣ, роскоши не любитъ; ея четырехъ сотъ тысячъ ему теперь не надо. Ей какъ будто становилось его жалко, въ первый разъ въ жизни... но онъ, до сихъ поръ, если не врагъ, то чужой... И въ простые друзья она не возьметъ его... Хорошо, еслибы удалось хоть уважать его, хоть послушаться въ чемъ-нибудь добровольно...

Въ каминѣ дотлѣвали послѣдніе угли. Свѣтъ отъ него падалъ на коверъ и оставлялъ остальную часть комнаты въ полутемнотѣ; лѣвый уголъ, гдѣ горѣла свѣча, въ высокомъ подсвѣчникѣ, блѣсовато отдѣлялся отъ общаго сумрака.

Съ ногой, укутанной въ одѣяло—наканунѣ опять былъ припадокъ—Зина лежала на кушеткѣ, полузакрывъ глаза, и сквозь щелку ихъ глядѣла на красное пятно камина.

Боль въ ногѣ не беспокоила ее сегодня, но двигать ею неловко. То, на что „идіотъ“ Лукашинъ намекалъ, подтвердилось; докторъ, знаменитость, разспросилъ ее про отца и про то, „какія у нея были кулинарныя привычки“, выговорилъ безъ всякихъ смягченій, что это—„подагра не подагра“, а „продромы“ ея, что она наследственна, а при „вкусѣ“ къ либерамъ и виноград-

нимъ винамъ можетъ „пожаловать“ и въ молодыхъ лѣтахъ. Онъ потребовалъ самой тихой жизни, строжайшей діеты, и кончилъ предложеніемъ: лѣтомъ отправиться въ Швейцарію, въ Рагацъ.

Не одинъ этотъ „ужасъ“ — сдѣлаться калѣкой въ двадцатьшесть лѣтъ, не одно сознаніе того, что она „affreusement infirme“, приковывало Зину къ кушеткѣ, больше, чѣмъ неловкость при движеніяхъ больной ноги. Она испытывала вся, до глубины своихъ нервовъ, невозможность такъ жить, какъ до сихъ поръ жила. Последнія недѣли казали ей, точно по какому-то уговору: или смерть, или глупую суету, или жалкую дрянность тѣхъ, съ кѣмъ она входила въ жизнь, кого она брала себѣ въ образцы. Эта внягина Трубчевская, эта Сосѣ, ускокавшая къ своему мужу потому только, что долго не было около нея мужчины, а Теняшевъ разбередилъ ее запоздалую ревность одной сплетней, и эти Ожиговы — образчики того международнаго свѣта, гдѣ она думу свою клала на воздѣлываніе высшаго стиля. И самоубійство Снѣгина, и предвзвѣшеніе того, что можетъ ей дать петербургская бойкая жизнь, даже если при ней будутъ состоятъ и не такіе ординарцы, какъ Шварцъ и Кремлевъ, а молодые люди изъ посольствъ и канцелярій министра иностранныхъ дѣлъ.

Ужъ о любви, о своей неудачной страсти, о возможности встрѣчи съ человѣкомъ, который вырвалъ бы ее насильно изъ подъ гнета мужа, она и не мечтала. Не хочетъ она ни страсти, ни флѣрта, ни новаго чувства, ни возвращенія къ старому. Не рвется она изъ замужества. Она чувствуетъ безконечную тягость; но не оттого, что человѣкъ, живущій съ нею въ одномъ отелѣ — мужъ ея!.. Съ нимъ или безъ него — все равно; но такая жизнь мучить ее, какъ отрава. Не смерти она боится и даже не опасной болѣзни, а неспособности забыть, какъ-нибудь и на чемъ-нибудь, свои все разрастающіяся немощи; старости, самой страшной изъ всѣхъ немощей для женщинъ, сложившихся въ то, что она изъ себя сдѣлала.

Уѣхать за границу и тамъ остаться?.. И до разговора своего съ Блэзо, она уже сама доходила почти до того же, только не хотѣла этого говорить. Все равно, ее будутъ посылать то въ Швейцарію, то во Франценсбадъ, то на зиму въ Ниццу... въ эту неизбѣжную, пошлую, до гадости пріѣзжую Ниццу! Даже страсти къ рулеткѣ она не получитъ въ Монте-Карло: поминки Трубчевской вызвали въ ней почти омерзеніе къ игръ...

Темнота комнаты не усыпляла ее, помогала только уходить съ меньшей душевной надсадой въглубь своего существа и знать

при этомъ, что ничего она тамъ не отыщетъ, что подняло бы ее, блеснуло передъ ней радужными цвѣтами и заставило забыть про больную ногу...

Тихонько пріотворилась дверь, вошла на цыпочкахъ Милли. Зина окликнула ее по-нѣмецки, не раскрывая совсѣмъ глазъ. Та доложила, что „Excellenz“ присылалъ спросить, не започивала ли „die Gnädige“; а если нѣтъ, то „Excellenz“ желали бы зайти: вернуться они поздно...

Парменій Никитичъ вчера снялъ мундиръ, переименованъ былъ гражданскимъ чиномъ и вчера же получилъ разрѣшеніе носить иностранный орденъ, пожалованный однимъ изъ славянскихъ государей—звѣзду съ лентой. На этотъ подарокъ Зина не полюбопытствовала даже поглядѣть; но Милли его видѣла и стала тотчасъ же звать барина: „Excellenz“.

Когда она приказала Милли просить барина и та уходила, Зина вспомнила свой разговоръ съ Уклонской—о Рынинѣ. Умная „чудиха“, видно, разсмотрѣла въ немъ что-то такое, чего она прежде не признавала, и прямо посовѣтовала Зинѣ держаться за своего мужа и благодарить судьбу, что „такой случился“.

Этотъ вечерній визитъ съ предосторожностями не особенно тронулъ ее, зато и не вызвалъ пренебрежительной усмѣшки. Что Рынинъ ничего не дѣлаетъ такъ, безъ соображеній—это было для нея аксіомой; но она не могла же не находить того, какъ онъ держится съ ней—неглупымъ и даже не лишеннымъ чего-то, похожего на чувство. Тогда, при Уклонской, онъ говорилъ ядовито, но умно, и та съ нимъ соглашалась; стало быть, онъ не преувеличивалъ и такъ ловко велъ разговоръ, что Уклонская не обидѣлась, хотя и у нея образовался для деревни русскій языкъ въ мужицкомъ вкусѣ.

Все-таки онъ пожелалъ зайти проститься съ ней—по какому-нибудь особому случаю.

Въ дверяхъ уже стоялъ Парменій Никитичъ. Зина, все еще съ полузакрытыми глазами, не рѣшила вопроса, что такое ему понадобилось. Ея взглядъ, когда она повернула голову влѣво, упалъ сначала на что-то цвѣтное на его груди... Это была лента съ широкими полосами по краямъ, выступавшая на бѣломъ жилетѣ и пластронѣ рубашки; рамкой всему служили лацканы фрака.

„Такъ и есть,—подумала она:—показаться въ лентѣ“...

Она прежде непременно прибавила бы слово: „fagseug“, или что-нибудь въ томъ же родѣ; но тутъ прервала сама свою головную фразу и продолжала глядѣть на мужа, по мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ кушеткѣ: онъ во фракѣ, надѣтомъ въ пер-

вый разъ, много выигрывалъ; сухость фигуры и слишкомъ высокій ростъ исчезли; онъ казался полнѣе и пониже; лицо отъ бѣлаго галстука получило небывалую нарядность, бородеу онъ сбрилъ и оставилъ только усы... Зина знала, что для штатскихъ—это особый признакъ чиновнаго изящества, потому что такъ брѣются чины двора; фракъ сидѣлъ на немъ свободно, ленту и звѣзду носилъ онъ—точно въ нихъ родился...

Не могла она не согласиться съ тѣмъ, что Парменій Никитичъ вполнѣ представительнъ, и все, что теперь въ немъ есть и чего онъ добился—приобрѣлъ онъ самъ, своимъ характеромъ. И слово „goublard“ не было ею выговорено мысленно.

— Какъ ты себя чувствуешь?

Рынинъ спросилъ это простымъ, ласковымъ тономъ. Такъ онъ говорилъ бы съ больной сестрой.

Этого тона держался онъ неизмѣнно, даже и послѣ сцены по поводу князя и въ Москвѣ, гдѣ Зина точно совсѣмъ не замѣчала его присутствія. О деньгахъ, о ея новомъ наслѣдствѣ, онъ еще ни разу серьезно не говорилъ съ ней, какъ будто это до него совсѣмъ не касалось, даже не давалъ никакихъ совѣтовъ: куда помѣстить эти двѣсти-пятьдесятъ тысячъ. Она сама ему сказала, что оставить ихъ въ томъ же видѣ, какъ онѣ были при жизни отца...

Промелькнуло у нея въ головѣ, послѣ его вопроса о здоровьѣ: „вотъ сейчасъ заговорить о деньгахъ“.

Она отвѣтила ему суше, чѣмъ его тонъ.

— Нога перестала нить; но двигать ея неловко...

Звукъ ея голоса былъ подавленный. Въ немъ слышалось болѣе уныніе.

— Ты можешь побесѣдовать со мною минутъ десять?—спросилъ онъ и тихо сѣлъ на креслѣ, около нея, сдвинувъ свои высокія ботинки; складную шляпу положилъ онъ на столѣ.

— Это тебя не очень утомить?

— Нѣтъ, говори...

Но она сама чуть не расплакалась, и слезы уже потекли въ эти два слова.

Онъ наклонилъ впередъ и туловище, и голову, и остался такъ сидѣть съ опущенной головой.

— Вотъ видишь ли, Зина,—говорилъ онъ тише обыкновеннаго:—сегодня на вечеръ должно состояться мое назначеніе... Я уже предупреденъ... Я получаю постъ...

Слово: „постъ“ онъ постарался произнести какъ можно проще.

— Поздравляю...

Насмѣшки не было въ поздравленіи Зины, а скорѣе тяжесть: такъ отвѣчаютъ больные, неспособные принять участіе въ удачѣ и радости другихъ потому, что имъ самимъ въ ту минуту слишкомъ тяжело...

— Вотъ я и хотѣлъ спросить тебя: принимать ли мнѣ этотъ постъ теперь, или отклонить до другой, ближайшей вавансіи...

— Почему?—живѣе откликнулась Зина.

— Можетъ быть, нужно будетъ ѣхать за границу, для твоего здоровья?.. Я могу, въ крайнемъ случаѣ, взять отпускъ.

— Не нужно! не нужно!—слезы опять зазвучали въ этихъ возгласахъ Зины.—Теперь мнѣ нужно лежать... За границу я могу и одна...

— Но если я буду назначенъ на дняхъ,—продолжалъ Рынинъ такъ же тихо:—надо ѣхать... А ты не можешь двинуться!..

— Что же тебѣ сокрушаться?—уже съ нѣкоторою горечью возразила она.—Поѣзжай на свой постъ... Я приѣду послѣ... Отсюда или изъ-за границы... Впрочемъ все равно: *bonnet blanc*,—*blanc bonnet*... Я отъ тебя не прошу никакихъ жертвъ...

— Ты поправишься,—ты молода,—говорилъ Рынинъ, точно разсуждалъ вслухъ, самъ съ собою:—но вотъ вѣдь что, другъ мой: чтобы ты была здорова, тебѣ надо какой-нибудь интересъ въ жизни; у тебя нѣтъ никакого...

Зачѣмъ онъ пришелъ растревлять ея раны? Она сама изнывала отъ того же вывода; а онъ съ своими нравоученіями!

Голова Зины быстро отдѣлилась отъ подушки, къ щекамъ прилило, глаза блеснули...

— Я тебѣ не мѣшала и не мѣшаю ни въ чемъ,—начала она скоро, безъ слезъ и безъ раздраженія, но очень твердо, совсѣмъ не ласково и не кротко...

— Кто же тебѣ говорить?

— Я знаю, что ты мнѣ скажешь: „ты сама видишь, Зина... что за люди тебя окружали... Тебѣ и за границей, и въ Петербургѣ невыносимо тошно... *Enfin tu as fini par une bauguerante morale*...“ Но вѣдь это проповѣдь, это... въ родѣ глупостей князя Рязскаго. Гдѣ у тебя право на такую роль? Мораль!.. Убѣжденія!.. Ты сейчасъ мнѣ наговоришь фразъ... Я знаю. А я не вижу и въ томъ, за что ты схватился... *aucun fond moral*!.. Противорѣчія, ложь, маска, расчетъ. *L'ambition*! Вотъ что дѣйствуетъ, вотъ что толкаетъ тебя!.. Принципы, правила, идеи... или какъ ты тамъ назовешь... не въ томъ вовсе дѣло; а ты умѣешь создавать себѣ цѣль... ты убѣрилъ себя, что такъ тебѣ будетъ хорошо!.. Больше ничего тутъ нѣтъ!..

— Положимъ!—отвѣтилъ Рынинъ. Онъ ее не перебилъ; а увидалъ, что она сама остановилась и опустила голову на подушку.—Разстроивать тебя не хочу. Если тебѣ тяжело, я сейчасъ уйду...

— Нѣтъ, я ничего!..

Она сказала это такъ бодро, что онъ сдѣлалъ жестъ головой и продолжалъ говорить.

— Я и не спору съ тобой... Ты воспиталась, жила и теперь еще видишься съ людьми, у которыхъ этого вотъ самаго „seps toga!“ и въ заводѣ никогда не было. Умомъ ты выше ихъ, а съ собой ничего не принесла, никакого запаса, чтобы хоть такъ жить, какъ простые люди говорятъ: „день да ночь—сутки прочъ“. Мнѣ тебя жалко... Ты не обижайся... Чтѣ за счеты между нами!.. Кажется, я тебя своими супружескими правами не подавляю... Жалко мнѣ тебя чрезвычайно...

Она притихла. Голосъ его зазвучалъ гуще, искреннѣе...

— Если ты находишь, что я могу взять постъ въ провинціи постѣ заграничнаго леченія или черезъ двѣ-три недѣли, тебѣ нужно, все равно, жить начальницей губерніи... Я говорю на случай нашего совмѣстнаго житія... Тяжело тебѣ—живи одна. Я не препятствую... Только ты и одна, здѣсь ли, за границей ли, все равно будешь метаться. Тебѣ свобода ни на что!

„Онъ правъ,—подумала она и прибавила:—онъ не глупъ“.

И она начала ему вѣрить.

— Войди въ общую колею—вотъ спасеніе. Дѣтей намъ не дожидаться, ты знаешь. Умъ у тебя безпокойный. Возьми да и приложи его... Кто знаетъ! Это самое „ambition“, чтѣ ты сейчасъ кинула мнѣ—оно можетъ охватить тебя. И прекрасно! Все тогда ты приложишь, чтѣ теперь идетъ у тебя прахомъ: модный стиль твой, жаргонъ, умѣнье оцѣнивать людей, даже то, что ты на мужчину вообще смотришь какъ на врага... Попробуй!.. Вѣдь я не затѣмъ въ провинцію поѣду, чтобы намъ заглухнуть. Тебѣ предстоитъ играть роль здѣсь, держать салонъ.

— Помогать своему мужу дѣлать карьеру?—возразила она, все еще бодримъ голосомъ.

— Я ее самъ сдѣлалъ.—Рынинъ выпрямился.

— Ты смотришь на всѣхъ женщинъ, я знаю какъ... Des êtres malfaisants et inférieurs!..

— Смотрю такъ на тѣхъ, кто мнитъ о себѣ много, а сами ничтожество! Ты просто изнываешь отъ неваренія... не желудка, а души, я такъ это называю.. Попробуй!.. Ничего лучше ты не

найдешь... Тогда и здоровье придетъ, потому что ты перестанешь метаться и глотать себя за всѣ свои неудачные эксперименты...

Онъ всталъ. Его фигуру, парадную, крупную, твердо стоящую на ногахъ, она чувствовала надъ собой. Къ чему было придраться изъ того, что онъ сказалъ ей? Онъ вѣдь ничего не требуетъ: только совѣтуетъ и пришелъ спросить ее—какъ она желаетъ, чтобы онъ поступилъ сегодня, когда вопросъ о его назначеніи рѣшится?

— Хорошо...

Одно это слово Зины раздалось въ полной тишинѣ гостиной. Она не спорила и даже внутренне не желала возражать ему; но его выводы и то, что онъ ей показывалъ въ будущемъ, вошли ей внутрь, какъ ощущеніе неизбежности извѣстной мѣры. Ни въ сердцѣ, ни въ воображеніи не вставало никакихъ образовъ и порывовъ: голова готова была согласиться, все равно, что съ совѣтомъ доктора, пассивно, изъ боязни еще худшихъ послѣдствій...

Своимъ „хорошо“ Зина и отпускала мужа. Но она прибавила, чтобы еще разъ выгородить себя:

— Жертвъ... не нужно!.. ни малѣйшихъ!.. *Poursuivez votre but, sans vous inquiéter de moi!*

Эта французская фраза на „вы“ дала заключительную ноту ихъ совѣщанію...

Тихо, шагая степенно по ковру длинными шагами, выдвинулся Рынинъ изъ комнаты, держа подъ мышкой складную атласную шляпу. Онъ внутренне былъ спокоенъ и уравновѣшенъ. Его желтоватые, сухіе глаза не блестѣли самодовольствомъ. Побѣду надъ „бѣдной“ своей женой онъ не считалъ даже „побѣдой“. Онъ сдѣлалъ сейчасъ, у ея кушетки, доброе дѣло, выразилъ ей свою высшую жалость и подалъ совѣтъ, который она вольна принять или нѣтъ! Онъ не сомнѣвался уже въ томъ, что Зина вполне оцѣнила тѣ его качества, какихъ она ни въ одномъ изъ своихъ „мужчинокъ“ не нашла, да и не найдетъ. Видитъ она и то, что теперь ему не нужно ея четырехъ-сотъ тысячъ, что и не черезъ выкупъ Ширяева, вырученнаго на ея деньги, пошелъ онъ полнымъ ходомъ...

Въ корридорѣ, черезъ нѣсколько шаговъ отъ номера двадцатшестого, съ нимъ встрѣтились Шварцъ и Кремлевъ. Они оба были во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, за аршинъ отъ него остановились оба и отвѣсили ему по поклону. Эта встрѣча смутила ихъ. Оба пробирались къ Зинѣ, посидѣть передъ скучнымъ раутомъ, куда имъ приказано было явиться...

Но оправившись они оба очень скоро, и Шварцъ первый, со сдержанной улыбкой, выговорилъ:

— Поздравляю съ монаршей милостью...

— Получили назначеніе?—спросилъ почтительно Кремлевъ:— и въ дѣйствительные переименовались?...

— Ни то, ни другое, господа...

— Мы слышали о назначеніи,—подтвердилъ Шварцъ.

Рынинъ благосклонно взглянулъ на обоихъ молодыхъ людей: оба красивы, прекрасно держатся, фанаберіи мало, не болтливы, здѣсь бьютъ баклуши, безъ пути, какъ сотни другихъ петербуржцевъ, въ Зину они оба влюблены, это ясно—и такое ухаживаніе превратится въ преданность всему дому, если мужъ приблизить ихъ къ себѣ. Изъ нихъ могутъ выйти представительные чиновники по особымъ порученіямъ.

— Назначеніе еще не состоялось,—выговорилъ онъ тономъ благодушнаго начальника.

— Но ожидается,—съ дѣланной серьезностью подсказалъ Шварцъ.

И онъ, и Кремлевъ подумали: „угораздило же насъ наткнуться!“

— Если состоится... проситесь у Зинаиды Мартыновны на службу,—пошутилъ онъ и сдѣлалъ имъ обоимъ поклонъ.—Вы къ ней?..

— Узнать о здоровьи!—поторопился сообщить Кремлевъ.

— Кажется, она немного утомлена; но вы приважите доложить о себѣ...

— Мы на минутку!—сказали они разомъ.

— Такъ проситесь къ будущей начальницѣ!

Всѣ трое разсмѣялись. Руки онъ имъ не подалъ. Они прошли мимо него учащеннымъ шагомъ, а Рынинъ, дойдя до площадки, остановился и оглядѣлъ себя въ зеркало. Правой рукой онъ началъ натягивать перчатку на лѣвую руку, по привычкѣ военного, еще не забывшаго, что статская мода позволяетъ и даже требуетъ входить въ салонъ съ голыми руками...

Все еще передъ зеркаломъ, Парменій Никитичъ поправилъ галстукъ и высвободилъ одинъ край ленты изъ-подъ борта фрака.

„По камзолу“,—выговорилъ онъ мысленно и нашелъ, что бѣлый жилетъ только и придаетъ лентѣ, надѣтой подъ фракъ, настоящее изящество, чего въ мундирѣ добиться нельзя... Но тотчасъ же онъ застыдился своей суетности, назвалъ себя даже „свобомъ“ и отошелъ отъ зеркала... Не сразу сталъ онъ спускаться

по парадной лѣстницѣ. Лицомъ къ мраморнымъ периламъ, глядя на дверь въ столовую, однимъ сходомъ ниже, натягивалъ онъ перчатку и думалъ... Не думать онъ не умѣлъ, и этимъ всего больше гордился...

Мундира ему совсѣмъ не было жалъ. Онъ по собственному желанію переименовался гражданскимъ чиномъ. Это больше шло къ нему, къ его „идеѣ“, къ тому, что онъ всегда себя видѣлъ дѣятелемъ по внутреннему гражданскому управленію. Военнымъ въ душѣ онъ никогда не считалъ себя, находилъ только, что начинать службу въ видномъ полку и состоять потомъ въ адъютантахъ при комъ-нибудь, играющемъ политическую роль,—какъ сдѣлалъ онъ,—лучшая предварительная школа.

Но внизу онъ замѣтилъ свое отраженіе въ зеркалѣ, у входа въ столовую... Ему нельзя было еще разъ не посмотреть на себя. Отъ всего, еще молодого, мужчины, который стоялъ, во фракѣ и въ лентѣ „по камзолу“, у мраморныхъ перилъ, шли къ нему обратно лучи того теплотвора, что наполнялъ его грудь вмѣстѣ съ сознаніемъ своей силы...

Въ чемъ она заключалась? Онъ въ ту минуту не хотѣлъ разбирать. Да и прежде, и недавно,—когда въ немъ додѣлывался „грунтъ“ его направленія,—онъ не шелъ вглубь своихъ идеаловъ, не донскивался, послѣдователенъ ли онъ во всемъ, дѣйствительно ли онъ вѣрить въ то, что считаетъ спасеніемъ своей родины?.. Онъ вѣрилъ въ себя, и съ него было довольно... Для общаго объясненія существующаго порядка у него имѣлся выводъ о „вотчинномъ чувствѣ“. Сколько въ этомъ выводѣ было тревожнаго или опаснаго, онъ не добирался... И не дѣлалъ этого сознательно. Можетъ, это и вздоръ... Мало ли что кажется намъ вздорнымъ и уродливо смѣшнымъ у турокъ и у китайцевъ; а попробуйте, посмѣйтесь, когда васъ за этотъ смѣхъ могутъ посадить на колъ? Въ груди у него пріятно трепещетъ ему одному знакомый нервъ... И онъ знаетъ, что въ этомъ нервѣ—все дѣло... Ни на „своего брата“ дворянина, ни на „мужичка“ онъ не кладетъ никакихъ наивныхъ упованій... Уже передъ мужичкомъ-то всего менѣе способенъ прыгать... Не боится и тѣхъ, кого иные изъ его будущихъ сверстниковъ, съ желчной гримасой, зовутъ „интеллигентами“. И съ ними онъ готовъ помѣряться—нужды нѣтъ, что онъ—не изъ ученыхъ „моментовъ“, и покажетъ имъ, что онъ не генералъ Брынцевъ, что оппортунизма на русскій манеръ никто въ немъ не найдетъ.

„Никто!“—повторилъ Рининъ про себя, и тогда только сталъ спускаться медленно на вторую площадку.

Уступать нужно одной силѣ, а на соперниковъ и даже на тѣхъ, кому придется дѣлать рапорты, смотрѣть, какъ на случайныхъ людишекъ „безъ идеи“. На такомъ грунтѣ слѣдуетъ устоять до конца, и онъ устоитъ.

— Карета готова!—крикнулъ снизу швейцаръ.

Мальчикъ подбѣжалъ съ шинелью, поднялся на цыпочки и накиннулъ ее на плечи Рынина.

Парменій Никитичъ оглянулся на лѣстницу и благодарно обвелъ ее глазами: по ней входилъ онъ когда-то корнетомъ, а сходить кандидатомъ въ сановники...

Въ номерѣ двадцать-шестомъ, все еще въ полусвѣтѣ, — лампа съ абажуромъ замѣнила свѣчу, — у большого стола сидѣли Шварцъ и Кремлевъ, за чайнымъ приборомъ. Зина лежала на кушеткѣ. Кремлевъ только-что налилъ чашку и спрашивалъ тоненькимъ голоскомъ:

— Какъ прикажете, ваше превосходительство: пониже или покрѣпче?..

— Покрѣпче...—отвѣтила Зина.

Они уже ей сообщили про слова Рынина насчетъ службы при губернаторшѣ. Шварцъ нашелъ за себя и за друга своего, что они поѣхали бы въ провинцію, еслибы „генералъ“ серьезно предложилъ имъ быть у него чиновниками.

— Мы съ вами и въ другую губернію переведемся... и всюду,—добавилъ Кремлевъ.

Имъ не было ни жалко, ни страшно бросить Петербургъ. Безъ Снѣтина и безъ Зины и здѣсь они будутъ адски то-сковать.

Зина выслушала ихъ и сказала шутливо:—Я васъ принимаю.

Когда она взяла изъ рукъ Кремлева чашку чаю и всѣ трое замолчали, ея мысль ушла, не стѣсненная присутствіемъ этихъ двухъ молодыхъ людей, послушныхъ, преданныхъ, хорошо дрессированныхъ. Если въ ихъ тонѣ съ ней уже проскользнула петербургская фамильярность, то вѣдь это она ее сама допускаетъ, а дастъ одинъ легонькій щелчокъ, и они превратятся въ настоящихъ „ординарцевъ“.

Мысль ея продолжала дѣлать кругъ отъ той минуты, когда Рынинъ вышелъ изъ этой комнаты, и стояла теперь на полпути. Зина не хотѣла повторять его доводовъ, читать себѣ самой проповѣди; она только искала чего-то, въ родѣ того, какъ въ рѣшеніи задачь ищутъ ивъ, неизвѣстное... И на половинѣ круга мыслей,

она сначала смутно, потомъ уже опредѣленнѣе начала схватывать этотъ иись... Что ее поддерживало прежде, тамъ, за границей, въ дѣвушкахъ? Развѣ она была умнѣе, чѣмъ сейчасъ вотъ, опытнѣе, лучше понимала людей, цѣнила больше то, что всего дороже въ жизни? Вовсе нѣтъ. Отсюда Зина Ногайцева кажется ей довольно жалкой, полу-русской барышней-франтихой съ постояннымъ червякомъ своего незаконнаго происхожденія и бѣдности... Да и потомъ, на волѣ, богатой невѣстой, дворянкой, стояла ли она, какъ личность, выше, вела ли истинно радостную жизнь, наслаждалась ли, увлекалась ли, по крайней мѣрѣ? И того нѣтъ. Но она служила одному богу—стиля, высшей свѣтлости! Вотъ онъ—иись. Вотъ что поддерживало ее, болѣзненную, наклонную къ „аглицкимъ привычкамъ“, не любящую мужчинъ, сухую и часто хандрящую.

Зина громко вздохнула, отпила немного изъ чашки и отставила ее. Да, служеніе чему-то обязательному, стоящему выше ея самой, держало ее на ногахъ и помогало жить. Письмо Снѣткина пришло ей на память. Вѣдь онъ то же говорить. Надо вернуться къ прежнему, но уже не затѣмъ, чтобы рядомъ съ Сосѣ быть первой „goutteuse“ курорта, а чтобы создать себѣ особое, новое положеніе женщины, не признающей ничего, кромѣ того „стиля“, какой она выработаетъ... Мужъ, его карьера, будущее вліяніе, власть, официальная гостиная, все это должно служить ей, не она всему этому...

Иись былъ найденъ. Но лицо Зины что-то не просіяло, губы не раскрылись, глаза потускнѣли: она приговаривала себя къ долгой жизни безъ личныхъ радостей, и передъ ней поплыли картины какъ во снѣ: вотъ она тридцати лѣтъ, сорока, пятидесяти, вотъ изящной сѣдой старухой строгаго лица. Также прилегла она на кушеткѣ своего салона, и два адъютанта въ бѣлыхъ галстукахъ хлопочутъ около чайнаго столика...

— Messieurs!— произнесла она громче:—vous pouvez vous retirer!

И собственный голосъ показался ей постарѣвшимъ на тридцать лѣтъ...

П. БОВОРЫКИНЪ.

ДѢЛОВЫЕ ЛЮДИ

ВЪ

АМЕРИКѢ.

ГЛАВА IV *).

ПОСТАВЩИКИ РАЗВЛЕЧЕНІЙ ДЛЯ МАССЪ.

Несмотря на преобладающую, со времени войны, среди американцевъ склонность къ биржевой игрѣ и ажіотажу, основаннымъ исключительно на стремленіи поживиться насчетъ менѣе дальновидныхъ или болѣе щепетильныхъ въ нравственномъ отношеніи ближнихъ, и теперь есть, однако, немало людей, составившихъ себѣ огромныя состоянія, если и не простою торговлей, то все-таки путемъ личной энергіи, трудолюбія и законной предпріимчивости. Если избранныя этими лицами средства къ наживѣ такъ или иначе вредно отзываются на ихъ согражданахъ, можно, однако, по справедливости сказать, что зло посѣяли не они сами, а стали только пользоваться въ своихъ интересахъ тѣми искаженными вкусами и нездоровыми тенденціями, которыя независимо отъ нихъ проявились среди народныхъ массъ.

Возьмемъ для освѣщенія особенностей этого класса американскихъ „удачниковъ“ двѣ наиболѣе свѣтлыя и респектабельныя личности, достигшія успѣха и богатства путемъ вполне общезвѣстнымъ и честнымъ.

*) См. выше: май, стр. 116.

Эти двѣ личности—не кто иные, какъ прославившійся на весь свѣтъ владѣлецъ американскихъ цирковъ, Барнумъ, и издатель наиболѣе здѣсь распространеннаго беллетристическаго недѣльнаго изданія, Робертъ Боннеръ, составившій себѣ миллионное состояніе на своемъ „New York Ledger'ъ“. Оба они являются достойными представителями двухъ классовъ поставщиковъ развлечения для массъ, которые отбили у народа охоту къ посѣщенію столь популярныхъ прежде публичныхъ чтеній и церковныхъ митинговъ, привили массамъ вкусъ къ чтенію пустыхъ сенсационныхъ романовъ и страсть къ посѣщенію театровъ, въ которыхъ странствующие актеры даютъ дешевыя, нелѣпыя и не менѣе сенсационныя представленія.

Плохіе подражатели Барнуму и Боннеру заплотнили страну плохими романами и актерами и почти совсѣмъ выжили многочисленный здѣсь прежде классъ лекторовъ, которые переѣзжали изъ одного города и селенія въ другое, забирались въ самую глухую провинцію, вездѣ останавливаясь съ тѣмъ, чтобы давать популярныя чтенія на всевозможныя темы: кто изъ этихъ лекторовъ говорилъ слушателямъ объ образѣ жизни народовъ, видѣнныхъ въ отдаленныхъ странахъ; кто отдавалъ отчетъ о томъ, какими путями справлялся онъ съ возложенною на него миссіей распространенія христіанства среди дикарей; кто читалъ Шекспира, сопровождая чтенія своими комментаріями и объясненіями; кто являлся съ общепонятнымъ, интереснымъ разсказомъ объ историческихъ дѣятеляхъ Новаго и Стараго Свѣта; кто занималъ публику повѣстью о собственныхъ испытаніяхъ за время войны, или сообщалъ слушателямъ о прелестяхъ жизни и богатствѣ природы на дальнемъ югѣ и западѣ Штатовъ; кто объѣзжалъ страну подъ видомъ спирита-медіума, кто проповѣдывалъ болѣе или менѣе дикія доктрины новоизобрѣтенной имъ религіи—лекторамъ не было счета, а области, въ которыя они вдавались, были по истинѣ безпредѣльны.

Конечно, много было среди этихъ лекторовъ лицъ предосудительныхъ; много было среди нихъ если и не прямыхъ мошенниковъ, то полупомѣшанныхъ чудаковъ; многіе изъ нихъ путешествовали по странѣ въ интересахъ той или другой компаніи, стремившейся распродать путемъ восхваленія никуда негодныя земли; но какъ ни предосудительны или корыстны были цѣли, руководившія тѣми или другими лекторами, дѣйствовали они открыто, и любому изъ слушателей предоставлялось право вступить съ ними въ диспутъ и опровергать ихъ заявленія. Допуская даже и то, что многіе изъ этихъ лекторовъ были сами негѣжественны,

чтенія ихъ все-таки имѣли за себя хотя то, что доставляли публикѣ безвредное развлеченіе, собирали въ одно мѣсто и стариковъ, и молодежь, доставляя имъ затѣмъ общую тему для разговоровъ, сближая ихъ этимъ путемъ и пробуждая здоровую жажду знанія въ массахъ. Конечно, многіе лекторы жили тѣмъ, что читали популярныя лекціи о томъ, что сами только-что прочли на-спѣхъ и недостаточно себя усвоили, но зато они передавали это устно, не читая съ рукописи, и по необходимости говорили плавно и занимательно, такъ какъ лектора безъ навыка и юмора нѣкто изъ американцевъ не пошелъ бы и слушать; если же въ комъ ихъ недостаточныя лекціи пробуждали охоту къ чтенію и знанію, тотъ могъ благодарить лекторовъ за это указаніе на книжную область, хотя бы вскорѣ и самъ познавался, въ какія грубыя лекторъ впадалъ ошибки. Но, въ общей сложности, американскій классъ публичныхъ лекторовъ былъ гораздо выше посредственности и вносилъ несомнѣнный свѣтъ въ массы, такъ какъ всякому легче передавать хотя бы вычитанные изъ книгъ факты, нежели выдумывать таковыя изъ собственной головы; а карьера лектора, открытая всякому—равно какъ и платформа политическаго спикера—много содѣйствовала развитію въ американскихъ массахъ того національнаго дара краснорѣчія, которымъ они такъ блистательно отличаются отъ англичанъ и другихъ европейцевъ.

Постепенное исчезновеніе класса лекторовъ изъ среды общеобразовательныхъ факторовъ американской провинціальной жизни признается многими вещь весьма прискорбною. Намъ случилось касаться этого предмета въ разговорѣ со многими здѣшними выдающимися дѣятелями въ политическихъ, ученыхъ и общественныхъ сферахъ—и всѣ они заявляли сожалѣніе свое по поводу измѣненія народныхъ вкусовъ въ этомъ отношеніи; намъ разъ даже случилось быть на частномъ совѣщаніи по этому поводу наиболѣе образованныхъ гражданъ одного провинціального города въ среднихъ штатахъ. Поводомъ къ этому совѣщанію послужило временное пребываніе въ этомъ городкѣ странствующей труппы актеровъ, которые привлекали молодежь самыми безобразными представленіями одной популярной комической оперы, а главное—тѣмъ, что женскій персоналъ труппы являлся на этихъ представленіяхъ во всемъ безобразіи дешевыхъ трико, бѣлилъ, румянъ, фольги и блесковъ. Много было на этомъ совѣщаніи приведено фактовъ въ подтвержденіе вреда даваемыхъ представленій, но всѣ соглашались съ тѣмъ, что послѣ трудового дня для рабочаго чело-вѣка развлеченіе является законной насущной потребностью.

Одинъ лишь изъ присутствующихъ — и тотъ иностранецъ, путешествовавшій по странѣ членъ англійскаго парламента — рискнулъ замѣтить, что недурно бы представителямъ мѣстной интеллигенціи устроить отъ себя курсъ публичныхъ чтеній и другія подходящія здоровыя развлечения для массъ; но его предложеніе было единогласно признано неосуществимымъ: всѣ присутствующіе американцы заявили, что никакія попытки, въ видахъ просвѣщенія низшихъ массъ народа высшими, здѣсь никогда не удавались. Американскій клеркъ, приказчикъ, рабочій съ ревностью отстаиваетъ свою свободу дѣйствій и съ негодованіемъ относится ко всякой попыткѣ организованной системы забавлять или просвѣщать его. „У насъ нѣтъ высшихъ и низшихъ классовъ; и всѣ эти попытки тѣхъ, кто себя почитаетъ въ числѣ „высшихъ“, просвѣщать „низшихъ“ — не что иное, какъ стремленіе заявить такъ или иначе свое превосходство“... Такіе отзывы мнѣ случалось по тому же поводу слышать отъ умныхъ, начитанныхъ рабочихъ, которые сами неодобрительно относились о фиглярствахъ странствующихъ комедіантовъ; но всѣ они сходились на томъ, что изъ двухъ золъ всегда слѣдуетъ выбирать меньшее, а опека „избранныхъ“ согражданъ надъ простымъ людемъ — на ихъ взглядъ опаснѣе, хотя бы какъ социальный прецедентъ, чѣмъ весь тотъ вредъ, который приносится молодежи плохими актерами.

Пусть, однако, читатель не выводитъ отсюда спѣшнаго заключенія объ упрямомъ сопротивленіи американскихъ народныхъ массъ насажденію среди нихъ просвѣтительныхъ началъ; когда хорошее образовательное движеніе проявляется непосредственно въ ихъ собственной средѣ, возникаетъ по инициативѣ „своего брата“ рабочаго, фермера или клерка, тогда подобныя попытки даютъ самые утѣшительные результаты.

Вернемся теперь въ тому классу людей, дѣятельность которыхъ такъ или иначе вредно отзывалась на массахъ.

Сами по себѣ лица эти не только люди недурные, какъ, напр., Боннеръ, но иногда бываютъ, подобно Барнуму, людьми, общественная благотворительность которыхъ принимаетъ весьма широкіе размѣры. Въ тѣхъ двухъ лицахъ, которыхъ мы теперь представляемъ представителями класса, приходится отмѣтить еще ту почетную особенность, что оба они пробились въ богатству собственными силами, являются тѣмъ, что здѣсь называется „self-made men“ — самодѣльными людьми.

Робертъ Боннеръ, собственно говоря, даже и не американецъ родомъ, хотя онъ настолько здѣсь обамериванился, что нѣко-

торые изъ лично съ нимъ знакомыхъ природныхъ американцевъ удивляются, когда приходится при нихъ упоминать о томъ хорошо извѣстномъ фактѣ, что Боннеръ впервые прибылъ сюда изъ Ирландіи въ 1824 году, на пятнадцатомъ году своей жизни. Не мѣшаетъ, впрочемъ, замѣтить, что молодые ирландцы чрезвычайно быстро ассимилируются съ природнымъ населеніемъ страны, тогда какъ переселяющіеся сюда представители расъ германскихъ, французы и итальянцы остаются здѣсь иностранцами и до конца жизни своей, коверкая самымъ безобразнымъ образомъ англійскій языкъ; во второмъ поколѣніи, однако, и они вполне сливаются съ американскою націей.

Прибывъ въ Америку, молодой Боннеръ поселился на фермѣ дяди своего въ штатѣ Коннектикутѣ, а вскорѣ надумалъ изучать ремесло наборщика, и въ непродолжительномъ времени изъ него вышелъ отличный наборщикъ. Рано въ немъ явилось честолюбивое желаніе пробиться въ люди; онъ сознавалъ свои силы, недоволенъ былъ жизнью въ маленькомъ провинціальномъ городѣ, и на двадцатомъ году рѣшился попытать счастья въ Нью-Йоркѣ, гдѣ, благодаря своему искусству, немедля нашелъ себѣ работу наборщикомъ; но ему пришлось перемѣнить три газеты, прежде чѣмъ онъ окончательно основался при „Merchant Ledger“; здѣсь онъ проявилъ свой вкусъ въ расположеніи объявленій съ расчетомъ на привлеченіе глаза читателя и вскорѣ былъ принятъ хозяиномъ въ компаньоны. Но мечты молодого человѣка заходили гораздо далѣе этого скромнаго успѣха: онъ уже составлялъ планы на приобрѣтеніе своей газеты, что ему, наконецъ, и удалось. Пользуясь значительнымъ кредитомъ, онъ скупилъ газету у своего товарища и переименовалъ ее въ простой „Ledger“. Но газету продали ему лишь потому, что шла она чрезвычайно плохо: задачей своей Боннеръ поставилъ привести ее въ хорошій видъ и привлечь на нее вниманіе публики.

Главною спеціальностью газеты установилъ онъ публикацію сенсаціонныхъ рассказовъ и романовъ—и на этой спеціальности Боннеръ нажилъ свое теперешнее огромное состояніе. Съ самаго начала веденія дѣла онъ созналъ пользу пространныхъ, заманчивыхъ объявленій и на изобрѣтеніе новинокъ по этой части обратилъ всѣ свои способности. Въ началѣ его издательской карьеры въ Нью-Йоркѣ появилась писательница, нѣкая Фанни Фернъ, стяжавшая громкую, хотя и недолговременную, популярность, несмотря на весьма незначительный талантъ. Видя, куда клонятся вкусы публики, Боннеръ обратился къ Фанни Фернъ съ неслыханно для нея выгоднымъ предложеніемъ: она получила

весьма небольшую плату съ другихъ журналовъ, онъ же самъ предложилъ заплатить ей тысячу долларовъ за одинъ рассказъ. Но такъ дѣйствовалъ Боннеръ вовсе не по незнанію дѣла или по какимъ-нибудь филантропическимъ побужденіямъ: планъ его имѣлъ въ виду его же личную выгоду. Сговорясь съ Фанни Фернъ, Боннеръ снялъ цѣлые столбцы воскресныхъ выпусковъ газетъ и занялъ каждый столбецъ тремя фразами большого шрифта: *Фанни Фернъ пишетъ для „Ledger’a“! Купите „New York Ledger“!! Прочтите въ „Ledger’ѣ“ рассказъ Фанни Фернъ, стоившій 1000 долларовъ!!!* Многие читатели тогда совсѣмъ еще и не знали, что это за Фанни Фернъ, но, воображая, что тысячу долларовъ не заплатили бы иначе, какъ за произведеніе первокласснаго таланта, — всѣ бросались покупать газету Боннера. Пространныя объявленія стали затѣмъ постоянно употребляться Боннеромъ; онъ достигъ своей цѣли, разбогатѣлъ, но немало положилъ онъ этими годами гениальной изобрѣтательности на отстаиванье своего произведенія—газеты „Леджеръ“.

Вначалѣ стали критиковать его систему громогласныхъ, зазывающихъ толпу объявленій, говоря, что это— „крайне дурной вкусъ“. Что же дѣлаетъ Боннеръ? Въ ту пору появилась на нью-іоркскомъ журнальномъ горизонтѣ высоко-респектабельная недѣльная газета „*Harpers Weekly*“: Боннеръ нанялъ опять по столбцу во всѣхъ воскресныхъ газетахъ и помѣстилъ на нихъ слѣдующія объявленія: *Покупайте „Harpers Weekly“! Покупайте прекрасную газету „Harpers Weekly“!* Публика, конечно, вообразила, что публикуютъ такъ о своей газетѣ сами ея „высокоотитые“ издатели, и мало-по-малу свылась съ новинкой и перестала осуждать Боннера. Впослѣдствіи Боннеръ сталъ держаться слѣдующей остроумной системы: онъ публикуетъ первыя главы новаго сенсационнаго романа въ ежедневныхъ газетахъ, снимая на то цѣлые столбцы, и прерываетъ печатаніе на самомъ интересномъ мѣстѣ, добавляя отъ себя, что продолженіе этого романа появится исключительно въ одномъ „*Ledger’ѣ*“.

Борьба Боннера съ критиками его приемовъ и простыми завистниками его успѣховъ далеко, однако, не была еще закончена. Но онъ преодолевалъ всѣ затрудненія. Стали, напримѣръ, говорить: „Въ „*Ledger’ѣ*“ печатаются одни пустые романы неизвѣстныхъ писателей, не стоитъ ихъ и читать“... Боннеръ не захотѣлъ выносить такихъ нареканій на свою газету и сталъ залучать въ нее самыхъ лучшихъ писателей; въ числѣ сотрудниковъ „*Ledger’a*“ стали встрѣчаться самыя уважаемыя и извѣстныя имена. Способы, которыми Боннеръ этого добился, весьма остроумны.

Такъ, напр., былъ въ то время въ Бостонѣ нѣкто Edward Everett, дипломатъ старой школы, занимавшій высокое положеніе въ обществѣ. Эвереттъ состоялъ президентомъ ассоціаціи американскихъ лѣди, собиравшей деньги на покупку и поддержку дома и гробницы Вашингтона въ Mount Vernon. Боннеръ предложилъ Эверетту написать, — конечно, бесплатно, какъ и подобаетъ высокопоставленной особѣ, — для „Ledger'a“ серію статей „Mount Vernon“, взаменъ чего обязался, со своей стороны, дать 10.000 долларовъ въ фондъ ассоціаціи, президентомъ которой Эвереттъ состоялъ. Впослѣдствіи Боннеръ разными дипломатическими ухищреніями залучилъ писать для „Ledger'a“ общепочитаемаго историка Джорджа Банкрофта и двухъ величайшихъ свѣтилъ журналистики, Беннета-отца и Гораса Грили. Въ довершеніе всего онъ заручился даже сотрудничествомъ самаго популярнаго и остроумнаго американскаго проповѣдника, Генри Уорда Бичера, обратясь къ нему съ просьбою написать для „Ledger'a“ — романъ! Проповѣдникъ отъ роду романовъ не писалъ, хотя въ жизни его они и разыгрывались — и притомъ самые сенсаціонные; но такъ какъ траты преп. Бичера всегда превосходятъ его большіе доходы и самъ онъ, этотъ баловень публики, всегда обрѣтается въ невылазныхъ долгахъ, а Боннеръ за романъ предлагалъ ему 20.000 долларовъ, то Бичеръ соблазнился, — и романъ его „Norwood“, печатавшійся на столбцахъ газеты, читался почти всѣми американцами, тѣмъ болѣе, что этотъ знаменитый проповѣдникъ былъ о ту пору вовлеченъ въ скандальный процессъ, возбужденный противъ него мужемъ одной его прихожанки. Однимъ изъ главныхъ и неизмѣнныхъ „столповъ“, на которыхъ зиждется популярность газеты Боннера, является m-rs Southworth — писательница рѣдкой плодовитости: ей только-что исполнилось 64 года, и въ настоящее время она печатаетъ свой 65-й романъ.

Расходится газета Боннера сотнями тысячъ экземпляровъ, и онъ до сихъ поръ пристально слѣдитъ за своимъ дѣломъ. Главною и, если не ошибаемся, единственною его страстью въ частной жизни являются лошади, которыми онъ самъ править, ежедневно на нихъ катаясь по парку; первыя семь лошадей, прибрѣтенныя Боннеромъ, стоили ему, какъ говорятъ, до 300.000 долларовъ. Въ настоящее время онъ состоитъ владѣльцемъ знаменитой американской кобылы „Maud S.“, которой онъ такъ дорожитъ, что когда на дняхъ ему предложена была за эту лошадь огромная сумма денегъ отъ одной вѣнскаго баронессы, страстной охотницы до лошадей, Боннеръ заявилъ, что не продастъ бы „Maud S.“

и за такія деньги, которыя могли бы скупить цѣлыхъ пять другихъ наилучшихъ коней на свѣтѣ.

Но Боннеръ не скупится тѣмъ временемъ и на дѣла благотворительности: онъ пожертвовалъ недавно 50.000 долларовъ на свою приходскую церковь и постоянно даетъ большія суммы денегъ на коллегіи и больницы, содержимыя пресвитеріанцами, къ толку которыхъ и самъ Боннеръ принадлежитъ.

До кого въ свое время не доходилъ слухъ о Барнумѣ, великомъ американскомъ антрепренерѣ цирковъ, который, года три тому назадъ, повергъ въ печаль весь Лондонъ, скупивъ изъ тамошняго Зоологическаго сада и увезя въ Америку любимца англичанъ, слона „Джембо“, а затѣмъ занималъ всю Англію и Америку газетными сообщеніями о покупке имъ въ Сіамѣ священнаго бѣлаго слона, который долженъ былъ быть ему доставленъ въ Америку въ сопровожденіи приставленныхъ къ нему жрецовъ, а въ концѣ концовъ оказался простымъ плебеемъ, грифельнаго цвѣта слономъ, выкрашеннымъ въ бѣлую краску? Не знаю, какъ Россія, но Англія, Америка и Франція всегда глубоко интересовались и продолжаютъ интересоваться предпріятіями Барнума.

Финней Тэйлоръ Барнумъ—чистый американецъ, родившійся въ 1810 году въ самомъ лонѣ пуританской Новой Англіи. По лѣтамъ Барнумъ—старикъ, но по энергіи и живости нрава продолжаетъ быть молодымъ человекомъ: не сломились его силы за всѣ тѣ невзгоды и труды, которые ему привелось перенести въ своей долгой жизни.

Какъ и большинство американцевъ, пробившихъ себѣ дорогу къ богатству, почестямъ и извѣстности силами одной своей способности, энергіи и упорства въ трудѣ, Барнумъ родился въ деревнѣ и провелъ раннюю пору жизни на отцовской фермѣ, получая отъ отца по десяти сентовъ на день за то, что погонялъ лошадей, которая вела впередъ воловъ, впрягаемыхъ въ плугъ; на каждое 4-ое іюля и другіе дни національныхъ американскихъ празднествъ маленькій Барнумъ появлялся на улицахъ сосѣдняго городка съ лоткомъ сластей своего издѣлія, которыя тутъ же и продавалъ съ барышомъ. Въ Нью-Йоркѣ прибылъ онъ впервые погонщикомъ скота, пятнадцати лѣтъ уже занималъ мѣсто клерка, работая за жалованье въ 6 долларовъ на недѣлю. Девятнадцати лѣтъ Барнумъ уже былъ женатъ, и въ этомъ опять пошелъ по стопамъ большинства дѣловитыхъ американцевъ, которые или женятся рано, несмотря ни на какія препятствія и бѣдность, или, отдавъ лучшую пору жизни на пріобрѣтеніе денегъ, остаются на вѣкъ старыми холостяками, утрачивая съ годами всякій ин-

тересъ къ чему бы то ни было, кромѣ дѣлъ и наживы. Кутежъ и распущенная жизнь почти неизвѣстны среди молодежи внѣ Нью-Йорка, да и въ этомъ городѣ безнравственность является скорѣе моднымъ повѣтріемъ, слабымъ подражаніемъ порокамъ европейской „jeunesse dorée“, нежели зломъ самостоятельнымъ, и держится преимущественно среди молодежи того класса, который уже подвергся моральному зараженію вслѣдствіе неоднократнаго посѣщенія Европы. Нельзя не признать того факта, что Европа дѣйствуетъ растлѣвающимъ образомъ на нравы многихъ американцевъ, прибывающихъ въ Старый Свѣтъ учиться или путешествовать; возвращаясь на родину, они, впрочемъ, большею частью остепеняются подъ строгимъ контролемъ общественнаго мнѣнія. Что общественная нравственность стоитъ гораздо выше въ американскихъ большихъ городахъ, нежели въ европейскихъ, было ясно доказано здѣшнею печатью осенью 1885 г., когда, по поводу скандальныхъ разоблаченій газеты „Pall Mall“ насчетъ лондонской жизни, поднятъ былъ вопросъ, не то же ли самое совершается и въ здѣшнихъ многолюдныхъ центрахъ. Но, несмотря на всѣ старанія газетъ вывести что-нибудь пикантное по той же части, преступленія противъ нравственности, выведенныя на свѣжую воду въ Лондонѣ стараніями Стѣда, оказались несуществующими въ Нью-Йоркѣ.

Обзаведясь, такимъ образомъ, семьей на двадцатомъ году своей жизни, Барнумъ жилъ сдачею комнатъ въ наймы со столомъ, а въ 24-мъ годамъ онъ перепробовалъ до двѣнадцати различныхъ занятій, держась новаго дѣла лишь до тѣхъ поръ, пока оно было доходно, и—подобно большинству своихъ смѣтливыхъ согражданъ—бросая его и высматривая другое занятіе, лишь только прежнее становилось убыточнымъ.

Двадцати-пяти лѣтъ Барнумъ впервые попалъ на свое конечное призваніе въ жизни: онъ случайно купилъ старую негритянку, имѣвшую, какъ увѣрили, 160 лѣтъ отъ роду; Барнумъ заплатилъ за эту диковинку цѣлую тысячу долларовъ и сталъ ее развозить на показъ публикѣ; старуха не прожила и полугода, но Барнумъ все-таки не остался въ убыткѣ, и съ той поры постоянно содержалъ разные музеи и зрѣлища и, подобно Бомнеру, не щадилъ ни денегъ, ни ухищреній на то, чтобы заявить себя, привлечь вниманіе публики. Барнумъ, на вѣку своемъ, нажилъ три или четыре большихъ состоянія, нѣсколько разъ банкротился и три раза терялъ весь капиталъ свой вслѣдствіе пожаровъ. Онъ то ѣздилъ по Штатамъ и Европѣ, показывая удивительнаго карлика, такъ-называемаго Тома Тумба, то выписывалъ въ Америку —

никогда до той поры и самъ ея не слыхавъ—знаменитую пѣвицу Дженни Линдъ и нажилъ полмилліона долларовъ барыша на концертахъ, которыми она сводила американцевъ съ ума въ 1850—1851 годахъ. Обанкротись снова въ 1856 году, Барнумъ опять отправился со своимъ карликомъ въ Европу и объѣхалъ всю Англію, давая вездѣ публичныя чтенія объ „искусствѣ доставать деньги“. Проработавъ, какъ каторжникъ, въ теченіе четырехъ лѣтъ, Барнумъ снова скопляетъ достаточно денегъ на покупку музея и богатѣеть быстро, несмотря на то, что это было время войны 1861—65 годовъ. Въ 1865 году музей его сталъ жертвою пламени; то же повторилось съ нимъ въ 1868 году, но Барнумъ, точно фениксъ, снова возникалъ краше прежняго изъ пепла и развалинъ своихъ удивительныхъ музеевъ, и въ настоящее время имѣетъ состояніе въ 3.000.000 долларовъ и много жертвуетъ на библиотеки и разныя благотворительныя учрежденія своего родного городка. Теперь Барнумъ принялъ въ товарищество циркъ „Great London Show“, тратитъ по 200.000 долларовъ въ годъ на объявленія и въ разѣздахъ по странѣ платитъ по пяти и шести тысячъ долларовъ въ день за перевозку своей труппы, людей, лошадей и звѣринца.

Популярность Барнума весьма велика во всемъ союзѣ и имя его читается высоко многими, почитающими его за образецъ всѣхъ семейныхъ и общественныхъ добродѣтелей. Прибытіе цирка Барнума въ какой-нибудь городъ союза почитается событіемъ. Обыкновенно персоналъ его цирка выстраивается на одной изъ городскихъ окраинъ въ процессію вечеромъ и вступаетъ въ городъ при электрическомъ свѣтѣ и бенгальскихъ огняхъ, подъ музыку оркестра, причемъ всѣ клѣтки со звѣрями выставлены на открытыхъ колесницахъ, а красивѣйшія женщины труппы разставлены по плоскодоннымъ повозкамъ въ картинныхъ позахъ, тогда какъ разные пажы и средневѣковые рыцари въѣзжаютъ въ городъ на чистокровныхъ коняхъ, а скоморохи и варлы—на слонахъ и на пони. О днѣ вступленія цирка Барнума въ городъ всегда заранѣе оповѣщается газетами, и публика толпами высыпаетъ на улицы и терпѣливо стоитъ часами на холоду или жарѣ, ожидая длинную процессію и зрѣлище, до которыхъ американцы—страстные охотники. Даже Нью-Йоркъ не представляетъ исключенія, и въ немъ прибытіе цирка Барнума является своего рода событіемъ и предметомъ разговора въ публикѣ всѣхъ слоевъ въ теченіе однихъ или двухъ сутокъ.

ГЛАВА V.

КАПИТАЛИСТЫ, СОСТАВЛЯЮЩІЕ „ГОРДОСТЬ НАЦІИ“.

Ничто въ людской средѣ не имѣетъ такого блестящаго успѣха, какъ личная удача—„nothing is so successful as success“, говоритъ американская поговорка, и это совершенно вѣрно въ примѣненіи къ Соединеннымъ Штатамъ. Нигдѣ, кажется, личный успѣхъ не встрѣчаетъ такого восторженнаго одобренія, какъ въ этой странѣ.

Книги Талмуда свидѣтельствуютъ о томъ, что древніе евреи почитали бѣдность и болѣзненность чуть ли не позоромъ и во всякомъ случаѣ—порокомъ.. Въ этихъ воззрѣніяхъ американцы являются неуклонными послѣдователями евреевъ. Люди богатые высоко чтутся въ странѣ, хотя здѣсь менѣе чѣмъ гдѣ-нибудь встрѣчается низкопоклонство бѣдныхъ и лѣнивыхъ передъ богачами, отъ которыхъ можно ожидать подачки. И въ своемъ почитаніи богатства американцы отнюдь не руководятся какими-нибудь личными разсчетами; природные американцы просто-на-просто *юрдятся* своими богачами, и доказываютъ это тѣмъ, что за послѣднее десятилѣтіе посылаютъ представителями своими въ конгрессъ болѣею частью людей, нажившихъ хорошія деньги на своихъ частныхъ предпріятіяхъ.

На первый взглядъ этотъ фактъ можетъ показаться лишь свидѣтельствомъ о подрывѣ законности народныхъ выборовъ, о паденіи общественной нравственности, допускающей богачей пробиваться въ конгрессъ, вѣроятно же всего, путемъ поголовнаго подкупа избирателей. Но на дѣлѣ это совершенно не такъ. Печать, и общественные спикеры и проповѣдники привыкли самыми мрачными красками описывать расгѣніе политическихъ нравовъ въ странѣ, и, поступая такъ, органы печати и народные „учителя“ исполняютъ свое призваніе блюстителей народной нравственности: ежедневная печать тѣмъ и жива, что критикуетъ и выставляетъ на видъ малѣйшія уклоненія людей отъ стези правды и добра, равно какъ пасторы на томъ и стоятъ, чтобы толковать прихожанамъ о гнусныхъ грѣхахъ чело-вѣчества; такъ оно, пожалуй, и лучше: чувствуя всегда на себѣ всевидящее око представителей печати, какъ политики, такъ и частныя лица десять разъ подумаютъ, прежде чѣмъ рѣшиться на явно противозаконный поступокъ. Намъ же, пришельцамъ изъ Европы, послѣ болѣе чѣмъ шестилѣтняго пребыванія въ странѣ надо придти къ тому заключенію, что пресловутая утрата со-

знанія политической честности въ американскихъ массахъ — не болѣе какъ мнѣ.

Несмотря на періодически поднимающіяся въ печати разоблаченія скандальныхъ злоупотребленій въ правительственныхъ сферахъ—теперь уже почитается доказаннымъ, что гражданская служба въ Штатахъ стоитъ гораздо выше по честности своей и дѣйствительности, чѣмъ та же служба въ Англіи; разница лишь въ томъ, что англичане не одержимы страстью американцевъ къ разоблаченіямъ и молча стараются замянуть слухи о случающихся у нихъ злоупотребленіяхъ, тогда какъ американцы кричатъ о своихъ на весь свѣтъ.

То же замѣчается и въ другихъ отрасляхъ американской жизни. Въ какія бы подтасовки общественнаго мнѣнія ни вдавались присяжные политиканы, народныя массы—за исключеніемъ жителей тѣхъ кварталовъ большихъ городовъ, гдѣ скучены толпы неакклиматизированныхъ еще эмигрантовъ изъ Европы—народныя массы подаютъ голоса свои на выборахъ сознательно и неподкупно. И если они склонны подавать голоса за своихъ мѣстныхъ богачей, то это дѣлается по твердому убѣжденію въ томъ, что человекъ, сумѣвшій пробить себѣ у всѣхъ на виду дорогу къ богатству, долженъ также быть надѣленъ высшими противъ своихъ согражданъ дѣловыми способностями, а въ силу того сумѣетъ проявить свою разсудительность и въ выработкѣ законовъ для страны, и въ распредѣленіи народныхъ денегъ. Народъ теоретиковъ не признаетъ и краснобаевъ-неудачниковъ не любитъ. Въ первый періодъ существованія американскаго конгресса, въ немъ дѣйствовали почти исключительно одни юристы, какъ это собственно и предполагалось великими патріотами революціоннаго періода, составителями американской конституціи. Теперь же адвокаты и юристы попадаютъ въ конгрессъ лишь послѣ того, какъ достигаютъ успѣха и извѣстности въ частной жизни; большинство же членовъ законодательныхъ собраній страны являются практичными, дѣловыми людьми, притомъ даже весьма невысокаго уровня образованія.

Что здѣсь совсѣмъ не производится попытокъ на подкупъ избирателей въ интересахъ честолюбивыхъ богачей—утверждать невозможно. Но такого рода тактика удастся лишь при содѣйствіи политикановъ или же тогда, когда самъ богачъ—пройдоха недюжинный. Года три тому назадъ, безобидный и недалекій по способностямъ миллионеръ, унаслѣдовавшій свои миллионы отъ отца, потратилъ въ одномъ конгрессионномъ участіи Нью-Йорка цѣлыхъ 70.000 долларовъ на то, чтобы попасть въ конгрессъ—

и былъ не только забаллотированъ, но даже публично освистанъ за свои труды тою же толпой, которая брала раздаваемые этимъ милліонеромъ „шальные“ деньги.

Этою осенью республиканцы выставили своимъ кандидатомъ въ губернаторы Нью-Йорка безобиднаго молодого человѣка, не имѣвшаго за себя ничего, кромѣ унаслѣдованнаго богатства; этотъ мистеръ Давенпортъ былъ образцомъ общественной респектабельности, деньги давалъ на политическую кампанію безъ счета, — а все-таки губернаторомъ былъ выбранъ не онъ, а пробившійся своими стараніями изъ народа, демократъ Гилль.

Если даже и допустить тотъ фактъ, что американцы потому склонны довѣрять веденіе своего національнаго хозяйства людямъ, удачно составившимъ себѣ большіе капиталы, что почитаютъ ихъ лучше подготовленными къ дѣлу и ближе знакомыми съ практической стороною жизни; то фактъ этотъ еще не поясняетъ причинъ того неоспоримаго уваженія, которымъ вообще пользуются американскіе богачи среди своихъ согражданъ.

Съ своей стороны, мы не рѣшаемся выставять свои наблюденія за категорическій отвѣтъ на этотъ вопросъ, но не можемъ все-таки не сказать, что американцы искренно гордятся своими богачами, хвастаются ими: богачи, очевидно, льстятъ ихъ національному самолюбію, то-есть тѣ богачи, которые сами составили свое состояніе и не пользуются таковымъ во вредъ общества и рабочихъ своихъ, какъ Гульдъ, котораго народъ ненавидитъ въ той увѣренности, что Гульдъ подкупаетъ и судей, и цѣлыя законодательныя собранія для проведенія биллей во вредъ обществу и рабочимъ. Но такого рода богачи здѣсь составляютъ исключеніе, и до сихъ поръ одинъ лишь Джей Гульдъ до того сознаетъ себя виноватымъ передъ народомъ, что не рѣшается переѣзжать по своимъ же желѣзнымъ дорогамъ, изъ боязни преднамѣреннаго крушенія своего поѣзда, и содержитъ цѣлый штабъ сыщиковъ, которые обязаны шпионить за его рабочими и за его соперниками на биржѣ, являясь каждый день къ Гульду съ докладомъ. Вандербильтъ, никогда не пользовавшійся репутаціей друга народа, не былъ, однако, непопуляренъ. Въ большинствѣ же случаевъ въ американскихъ богачахъ сильно развито сознаніе отвѣтственности передъ обществомъ, налагаемой на нихъ богатствомъ. Это сознаніе вызываетъ даже наиболѣе себялюбивыхъ богачей платить на пользу общественную извѣстную дань въ формѣ крупныхъ денежныхъ пожертвованій, и въ результатъ является то, что настоящій періодъ, проявляющій столько примѣровъ быстрыхъ обогащеній, не менѣ замѣчателенъ и по широтѣ развивающейся

въ немъ благотворительности. За нѣсколько лѣтъ мы имѣемъ слѣдующіе блистательные тому примѣры: м-г Rich даетъ два милліона долларовъ на бостонскій университетъ; Leonard Case—полтора милліона на реальное училище; м-г Otis—милліонъ на миссіи; м-г Slater—милліонъ на школы для негровъ; м-г Dugant—милліонъ на высшее образованіе женщинъ. Другіе капиталисты стремятся къ улучшенію положенія своихъ фабричныхъ и, дѣлая это, достигаютъ прекрасныхъ финансовыхъ результатовъ для самихъ себя, какъ, напр., Пульманъ, построившій цѣлый городъ для своихъ рабочихъ, значительно увеличилъ тѣмъ свои доходы; а одинъ капиталистъ штата Коннектикута, который вздумалъ давать на своей бумагопрядильной фабрикѣ по чашкѣ бульона слабымъ работницамъ, не приостанавливая работъ, тѣмъ такъ увеличиваетъ производительность труда на своей фабрикѣ, что закуска эта окупается вчетверо, если не болѣе.

Въ другихъ мѣстахъ мануфактуристы, желая какъ можно долѣе удерживать при себѣ рабочихъ, уже набившихъ себѣ на работѣ руки, устраиваютъ при фабрикахъ своихъ магазины угля, лавки провизіи и всякихъ предметовъ потребленія въ рабочемъ быту, продавая все это рабочимъ безъ всякаго для себя барыша за простымъ покрытіемъ издержекъ по этому дѣлу: рабочіе довольны—и хозяинъ богатѣетъ. Другіе мануфактуристы, проникнувшись сознаніемъ того, насколько производительнѣе трудъ грамотнаго рабочаго, устраиваютъ школы. На одной фабрикѣ катушечной бумаги каждому посѣтителю за послѣдніе годы бросалась въ глаза слѣдующая надпись гигантскими буквами: „Послѣ 4-го іюля 1884 года на фабрикѣ этой не станутъ нанимать на работы никого изъ неумѣющихъ читать и писать“...

Преслѣдованіе практическихъ цѣлей даже путемъ благотворительности—черта исполнѣ американская, и она не нуждается здѣсь ни въ какихъ объясненіяхъ.

Этотъ, давно среди американскихъ богачей установившійся, обычай удѣлять часть своего состоянія на благотворительныя или учебныя цѣли, на благо согражданъ—является въ значительной мѣрѣ искупительною чертою богатства въ глазахъ народныхъ массъ. Хотя несомнѣнно, какъ показано выше, что многіе богачи дѣлаютъ щедрыя пожертвованія, единственно уступая давленію общественнаго мнѣнія и безцеремоннымъ намекамъ печати на то, чего граждане вправѣ отъ богачей ожидать; зато многіе—и весьма многіе—американцы съ любовью кладутъ свои кровнымъ трудомъ скопленные деньги на то, чтобы при жизни своей устраивать читальни, коллегіи, больницы, пріюты, не огра-

ничиваясь тѣмъ, чтобы завѣщать на благотворительныя дѣла капиталы, которымъ, все равно, по смерти самому пользоваться уже не придется. И народъ глубоко чувствуетъ эти благодѣянія просвѣщенныхъ богачей и высоко чтитъ имена такихъ людей, какъ Питеръ Куперъ, Джонъ Ваннамеръ, Эзра Корнелль, Джонсъ Хопкинсъ, Вассаръ, Джорджъ Чайльдсъ и другихъ имъ подобныхъ.

Всѣ эти филантропы вышли въ люди изъ бѣдной среды, не получили почти никакого школьнаго образованія, а тѣмъ не менѣе главныя ихъ заботы потомъ направлены были на учрежденіе школъ и облегченіе путей къ высшему образованію. Не легко далась имъ жизненная борьба, и многіе изъ нихъ, по собственному ихъ сознанію, оттого стремились устроить школы, что по опыту знали, какъ трудна дорога къ успѣху безъ преvarительнаго образованія, хотя бы и при неуклонномъ трудолюбіи и энергіи.

Много аналогій представляетъ собою исторія этихъ замѣчательныхъ людей, этихъ, на нашъ взглядъ, наилучшихъ продуктовъ американской цивилизаціи.

Возьмемъ хотя популярнѣйшаго въ Нью-Йоркѣ богача Питера Купера, который умеръ девяностолѣтнимъ старикомъ, искренно всѣми оплакиваемый, весною 1883 года, послѣ того, какъ осуществилъ завѣтную мечту своей жизни — завершилъ, снабдилъ капиталомъ и пустилъ въ ходъ великолѣпное учрежденіе „Соорег Union“, въ которомъ недостаточная молодежь можетъ получать вполне даровое образованіе по различнымъ спеціальнымъ отраслямъ наукъ, искусствъ и техническаго знанія. На постройку зданія „Соорег Union“ — этого достойнаго, вѣковѣчнаго памятника его просвѣщенной гуманности — Питеръ Куперъ потратилъ до 700.000 долларовъ и, кромѣ того, снабдилъ это учрежденіе и присоединенную къ нему даровую читальню капиталомъ, инструментами и разными научными приспособленіями на сумму двухъ милліоновъ долларовъ... А какими средствами были собраны эти капиталы? Прослѣдить за этимъ процессомъ составленія капитала съ заранѣе предвзятою идеею благотворительности — вещь не безынтересная.

Питеръ Куперъ родился не только отъ отца бѣднаго, но отъ человѣка чрезвычайно непостояннаго, всѣмъ недовольнаго, вѣчно бросавшагося отъ добра искать добра и всегда свитавшагося со своей семьей съ одного мѣста на другое. Питеръ былъ пятымъ изъ девяти дѣтей и ходилъ въ школу на всемъ своемъ вѣку только въ теченіе полугода — на восьмомъ году жизни, и то

лишь черезъ день, чередуясь съ братомъ. Восьми лѣтъ онъ уже принужденъ былъ отказаться отъ роскоши посѣщенія школы, хотя бы и даровой, такъ какъ долженъ былъ щипать шерсть со шкуръ кроликовъ, помогая отцу въ его выдѣлкѣ войлочныхъ шляпъ; тогда же Питеръ сталъ и домашнимъ башмачникомъ, такъ какъ дѣти сидѣли безъ башмаковъ; распоровъ разъ старый отцовскій башмакъ, Питеръ добросовѣстно анатомировалъ его, изучилъ его конструцію и затѣмъ соорудилъ изъ него новую пару для ребятъ. Въ подобныхъ трудахъ прошло все его дѣтство; но къ 17-ти годамъ ему удалось сколотить десять долларовъ, и онъ отпросился у отца на заработки въ Нью-Йоркъ.

Первымъ дѣломъ молодого Купера въ столицѣ было положить свои десять долларовъ на покупку лотерейнаго билета, который затѣмъ оказался проигрышнымъ. Урокъ былъ тяжелый, но полезный: Куперъ во всю свою жизнь затѣмъ не вдавался въ азартныя игры и не пытался удвоивать своихъ капиталовъ рискованными операціями и ажіотажемъ на биржахъ.

Потерю свою оплакивать Питеру не было времени, и онъ поступилъ на первое представившееся мѣсто подмастерья къ каретнику на пятилѣтнюю выучку за плату по два доллара въ мѣсяцъ. Хозяинъ не мѣшалъ ему заниматься и читать по вечерамъ, а съ теченіемъ времени такъ къ нему привязался, что предложилъ ему, при окончаніи выучки, ссудить ему въ долгъ капиталъ на устройство своего каретнаго заведенія. Но Куперъ отказался, не желая связывать себя долгами, а поступилъ на шерстяную фабрику, за плату по 9 долларовъ въ недѣлю. Тутъ онъ изобрѣлъ усовершенствованную машину для стрижки овецъ и скопилъ, благодаря ей, 500 долларовъ въ два года: всѣ эти деньги онъ отдалъ матери своей, оставшись самъ при одномъ жалованьи.

Двадцати-трехъ лѣтъ Питеръ Куперъ женился, и рожденіе перваго ребенка дало его изобрѣтательности толчокъ въ новомъ направленіи: онъ придумалъ и устроилъ особую качалку, качающуюся безъ посторонней помощи, съ двигающимися надъ ней вѣеромъ для отгонки отъ ребенка мухъ и приводящую одновременно въ дѣйствіе музыкальный инструментъ, ребенка убаюкивающий. Эти изобрѣтенія ему, однако же, денегъ не принесли, и онъ переселился въ одно изъ предмѣстій Нью-Йорка, гдѣ купилъ полуразвалившуюся фабрику и сталъ на ней варить клей на продажу. На этомъ дѣлѣ Куперъ положилъ прочную основу своему состоянію. Цѣлыхъ тридцать лѣтъ работалъ онъ, ведя дѣло одинъ, съ немногими рабочими, самъ развозя клей покупателямъ, самъ

же ведя и книги. Первые пятнадцать лѣтъ онъ даже огни на фабрикѣ разводилъ самъ — работалъ совсѣмъ одинъ, весь день варя клей, а вечеръ проводилъ въ писаньи писемъ, сведеніи счетовъ и чтеніи съ семьей. Въ тѣ шесть лѣтъ, которыя предшествовали учрежденію Куперомъ своей фабрики, онъ перемѣнилъ девять различныхъ занятій и на каждомъ изъ нихъ наживалъ деньги: его правиломъ было держаться дѣла лишь до той поры, пока оно хорошо оплачивалось, немедленно бросая его, лишь только представлялось что-нибудь болѣе выгодное. При всей своей тяжелой работѣ и заботахъ о семьѣ, Куперъ находилъ время заниматься химіей и механикой; и хотя у него недоставало времени даже и на развлечения, онъ не рѣшился отказаться служить обществу, когда его выбрали президентомъ училищнаго совѣта.

Очевидно, Питеръ Куперъ не принадлежалъ къ тѣмъ эгоистамъ-американцамъ, которые не хотятъ отрываться отъ своихъ частныхъ дѣлъ даже для того, чтобы сходить подать свой голосъ на ближайшемъ избирательномъ пунктѣ.

Кромѣ того, Куперъ имѣлъ совершенную страсть къ работѣ; оставаясь вѣрнымъ избранному дѣлу варки клея, онъ пробовалъ свои силы на всемъ, начиная съ выдѣлки кирпича и до постройки локомотива. Во время возстанія грековъ противъ турокъ, въ 1824—25 годахъ, Куперъ выстроилъ торпедную лодку и послалъ ее инсургентамъ, до которыхъ она, однако же, не дошла, погорѣвъ при морскомъ переѣздѣ. Энергія его не преклонялась ни передъ какими препятствіями. Сгорѣла разъ его фабрика клея — еще задолго до того времени, когда онъ разбогатѣлъ — онъ не потерялъ голову, собралъ свои сбереженія, воспользовался кредитомъ — и на другой же день послѣ пожара подвезъ матеріалъ для новыхъ построекъ и скоро возвелъ фабрику, вдвое болѣешую прежней размѣромъ.

Для успѣшнѣйшаго хода разроставшагося его дѣла Куперу необходимо было имѣть подъ рукою желѣзно-дорожное сообщеніе. Одна желѣзно-дорожная компанія выстроила-было по близости его фабрики линію въ тринадцать миль, но на томъ и бросила дѣло, говоря, что на дорогѣ встрѣчаются такіе крутые повороты, что ими никакой паровикъ не пройдетъ. Тогда самъ Куперъ принялся за дѣло, и скоро самъ придумалъ и устроилъ первый въ Америкѣ локомотивъ: къ этому оригинальному паровику онъ прицѣпилъ ящикъ на подобіе вагона, насажалъ въ него директоровъ дороги и провезъ ихъ самъ по ихъ же линіи, сдѣлавъ 13 миль въ одинъ часъ. Много лѣтъ спустя, на обѣдѣ въ честь

Купера въ Балтиморѣ, этотъ старый паровозъ былъ снова предъ-
явленъ его изобрѣтателю, при неистовомъ восторгѣ публики.

Затѣмъ въ Трентонѣ Куперъ устроилъ самый большой во
всѣхъ Штатахъ прокатный заводъ; въ Пенсильваніи устроилъ
огромную доменную печь, а въ штатѣ Нью-Йорка у него заве-
лись большіе стале-литейные и проволочные заводы. Въ Андо-
верѣ онъ скупилъ желѣзныя копи, выстроилъ къ нимъ на восемь
миль желѣзно-дорожную линію по самой неудобной мѣстности и
вывозилъ этою линіей до 40.000 тоннъ желѣза ежегодно.

Къ этому времени Куперъ сталъ уже миллионеромъ, но все
по прежнему оставался преданнымъ семьяниномъ и горячимъ
сторонникомъ всѣхъ новыхъ открытій. Когда изобрѣтенъ былъ
телеграфъ профессоромъ Морзомъ, Куперъ первый призналъ его
важность. Особенную симпатію пробудилъ въ немъ проектъ нью-
іорскаго богача Цейруса Фильда проложить океанскій кабель
въ Европу. Куперъ тутъ же положилъ 20.000 долларовъ на это
дѣло, и много разъ затѣмъ давалъ меньшія суммы. Притомъ, въ
теченіе всего періода времени отъ 1865 и по 1875 годъ, Куперъ
былъ главною и почти единственною поддержкою американскаго
географическаго общества.

Сорокъ лѣтъ уже проведено было имъ въ непрестанномъ
трудѣ, въ преслѣдованіи рано имъ намѣченной цѣли обогащенія.
Успѣхъ его былъ неоспоримъ; но что удивительно—за все это
время, доброе имя Купера не подверглось ни малѣйшему наре-
канію; успѣхъ этотъ нельзя было приписать даже счастью: онъ
былъ результатомъ тяжелой, неустанной работы, устойчивостью
въ разъ намѣченной цѣли, при строгой экономіи времени, раз-
считливомъ житіи; много, конечно, содѣйствовалъ успѣху Купера
его здравый смыслъ, подсказывавшій ему хорошее помѣщеніе
капиталовъ, быстрота его сообразительности и въ немалой сте-
пени и его честность: слово Купера почиталось не хуже его
векселя, и кредитъ его былъ почти неограниченъ.

До какой изумительной, невѣроятной степени сохранилъ этотъ
миллионеръ свѣжесть сердца, почти юношескій пылъ въ преслѣ-
дованіи правды и добра, очевидно будетъ хотя бы изъ того факта,
что Куперъ, сообразивъ, что прокатный заводъ даетъ ему, бла-
годаря его патентамъ, „слишкомъ много“ дохода на затраченные
капиталы, немедленно спустилъ цѣну на произведенія своего за-
вода, говоря, что нечестно высоко держать цѣну на желѣзо—
вещь всѣмъ необходимую.

Не менѣе оригиналенъ и безъискусственъ былъ онъ и въ дѣ-
лахъ благотворительности. Въ тотъ тяжелый періодъ всеобщаго

застоя въ дѣлахъ и безработицы, который стоялъ въ Штатахъ съ 1874 по 1877 годъ, множество празднаго люда переходило изъ города въ городъ, изъ селенія въ селеніе, въ тщетныхъ, отчаянныхъ поискахъ за работой, которой не хватало нигдѣ. И въ теченіе этихъ ужасныхъ зимъ, когда столько народу оставалось безъ пристанища и обходилось почти безъ пищи въ самомъ Нью-Йоркѣ, старый Питеръ Куперъ ежедневно, отъ 3-хъ и до 6-ти часовъ вечера, засѣдалъ въ кабинетѣ своего дома на Lexington Avenue; дверь дома открыта была для всякаго, а хозяинъ его сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ, по одну сторону котораго лежала грудa серебряныхъ полу-долларовъ, а по другую — доллары бумажками. Кто бы за эти часы ни приходилъ къ Куперу за деньгами — получалъ ихъ; тутъ не спрашивалось — достоинъ ли нищій помощи, не разбиралось — на что онъ эти деньги станетъ употреблять; одно ему приходилось заявить, а именно — что онъ въ этихъ деньгахъ нуждается. Питеръ Куперъ такъ рассуждалъ, что если уже человѣкъ потрудится войти къ нему за подавніемъ, значить ужъ плохо ему приходится. И такимъ образомъ за три зимы Куперъ раздавалъ по 1.500 долларовъ въ каждую недѣлю.

Многіе приверженцы регулируемой, систематической благотворительности, конечно, склонны презрительно пожимать плечами, ужасаясь такому „потворству лѣни и нищенству“; но Куперъ во всю свою жизнь не забылъ, что значитъ голодъ, который самъ онъ не разъ испыталъ въ раннюю пору молодости — и дѣйствовалъ такъ, какъ подсказывало ему состраданіе. И надо сказать, что благодѣянія его глубоко чувствовались массами: стоило старику Куперу появиться въ своемъ открытомъ экипажѣ на городскихъ улицахъ, передъ нимъ снималъ шапку рабочій людъ, всѣ ломовики сторонились, чтобы дать ему проѣхать; когда же онъ умеръ, на 92-мъ году жизни, въ апрѣлѣ 1883 года, весь городъ поверженъ былъ въ трауръ: флаги спущены были на всѣхъ общественныхъ зданіяхъ, за гробомъ его слѣдовали огромныя толпы народа, оторвавшася на эти часы отъ обычной работы; а имя его до сей поры съ гордостью произносится всѣми американцами, не то, что имя его же современника — миллионера Стюарта, о которомъ говорилось въ одной изъ предыдущихъ главъ. И Стюартъ появлялся въ роли благотворителя, но не иначе, какъ въ расчетъ на то, сколько барыша эта благотворительность ему самому принесетъ; онъ не раздавалъ милостыни, не поощрялъ лѣни, но зато не отказывалъ въ мѣстѣ у себя ни одному изъ разорившихся купцовъ, которыхъ въ его

магазинъ перебывало до 1.300 человекъ; всѣхъ ихъ Стюартъ пристраивалъ у себя къ какому-нибудь дѣлу, но дѣлалъ это именно ради того, чтобы помѣшать этимъ несчастнымъ возвратиться къ той торговлѣ, на которой они были бы его конкурентами. Умеръ Стюартъ — никто не сказалъ о немъ добраго слова иначе, какъ отдавая должное его дѣловитости и смѣлости; когда же похоронили этого владѣльца 50-ти миллионѣвъ, тѣло его было похищено изъ склепа и виновные въ томъ не разысканы и до сей поры; о Стюартѣ вспоминаютъ лишь проѣзжая мимо его великолѣпнаго бѣлаго мраморнаго дома на Пятой Авеню, гдѣ, какъ въ золоченой клѣткѣ, затворницей живетъ, въ нѣсколькихъ комнатахъ, его бездѣтная, одинокая вдова.

Куперъ воздвигнулъ себѣ, еще при жизни, прочнѣйшій и популярнѣйшій памятникъ въ образѣ зданія „Соорег Union“, куда каждый вечеръ стекаются толпы рабочаго люда: кто учиться, кто читать, кто рисовать, кто производить физическіе и химическіе опыты, кто слушать даровыя популярныя лекціи съ туманными картинами, кто присутствовать на политическихъ митингахъ, происходящихъ иногда въ стѣнахъ того же зданія. Въ одно женское отдѣленіе „Изящныхъ искусствъ“ въ „Соорег Union“ стремилось въ прошломъ году поступить 1.500 женщинъ, но принята могла быть всего треть этого числа.

Постройкою „Соорег Union“ Куперъ достигъ конечной цѣли, намѣченной имъ себѣ въ раннюю пору жизни, осуществилъ свою завѣтнѣйшую мечту. Какъ мы уже видѣли, Куперъ былъ замѣчательно даровитый человекъ, изобрѣтатель многихъ механическихъ и химическихъ приспособленій, и все это далось ему собственными силами, безъ школьнаго образованія; но онъ тѣмъ живѣе сознавалъ, какъ связанъ былъ онъ въ дѣятельности своей недостаткомъ предварительнаго образованія; пробиваясь впередъ цѣною неимоверныхъ усилій, онъ еще юношей далъ зарокъ расчистить дорогу другимъ труженикамъ по тому же трудному пути, доставляя имъ возможность дароваго обученія спеціальнымъ наукамъ уже по достиженіи взрослого возраста: въ „Соорег Union“ не принимаютъ ученики моложе 15-ти лѣтъ.

Поставлено это дѣло Куперомъ на тѣмъ болѣе прочномъ основаніи, что при постройкѣ „Куперовскаго Института“ онъ, съ присущею ему мудростью, ничего не предпринималъ, не посовѣтовавшись предварительно со своими дѣтьми и женою, и теперь наследники его сами продолжаютъ жертвовать деньги на „Соорег Union“, тогда какъ благотворительныя предпріятія другихъ бо-

гачей часто рушатся, подкапываемыя нескончаемыми процессами недовольныхъ наслѣдниковъ.

Не былъ, впрочемъ, и Питеръ Куперъ безъ недостатковъ: вдавался онъ въ разныя ереси по политическимъ и социальнымъ вопросамъ, выступилъ разъ даже кандидатомъ на президентство отъ малочисленной, такъ-называемой тогда „національной независимой партіи“ — и былъ, конечно, разбитъ на выборахъ; съ чисто дѣтскою наивною Куперъ воображалъ себя весьма знающимъ человекомъ по политической экономіи и раздавалъ въ народъ массы своихъ, весьма плохихъ, брошюръ по вопросу о бумажныхъ деньгахъ, о рабочемъ вопросѣ и проч. Но не вдаваться въ эти увлеченія онъ бы и не могъ — жизнь кипѣла въ немъ сильнымъ ключомъ до самой смерти, и онъ не могъ не принимать живого, хотя бы пороку и ошибочнаго, участія во всемъ, что волновало его современниковъ.

Мы остановились такъ подробно на описаніи карьеры Питера Купера именно потому, что въ немъ сосредоточилось такъ много наилучшихъ, обще-національныхъ чертъ американцевъ, пробивающихъ себѣ дорогу собственными силами. Въ немъ проявилась и склонность американца испробовать всѣ средства къ достиженію успѣха, не останавливаясь ни передъ какими препятствіями, и самоувѣренность, не допускающая американца сомнѣваться въ способности своей чего бы то ни было достичь, къ чему онъ сильно стремится; и благоговѣнное почитаніе знанія, стремленіе къ просвѣщенію, страсть распространять свои идеи путемъ печатнаго слова, привязанность къ семьѣ, увлеченіе разными социальными вопросами, вѣчная юность духа, мѣшающая старымъ людямъ черствѣть и относиться безучастно къ стремленіямъ молодежи, готовность оказывать помощь тогда именно, когда она требуется, не откладывая ея въ долгій ящикъ въ видахъ наилучшаго урегулированія благотворительности; и, наконецъ, извѣстная систематичность въ дѣлахъ, побуждающая молодежь — несмотря на частую смѣну занятій — откладывать деньги при самомъ скудномъ заработкѣ, въ надеждѣ на то, что когда-нибудь откроется случай помѣстить эти деньги съ пользою. При всей распространенности этой послѣдней черты, тѣмъ не менѣе приходится отмѣтить то обстоятельство, что самое тщательное изслѣдованіе карьеръ американскихъ богачей и всѣ собранныя нами частными путями справки не доставляютъ ни малѣйшаго указанія на то, чтобы кто изъ нихъ одержимъ былъ порокомъ скупости; многіе были расчетливы, но скупости — страсти скопленія денегъ ради самихъ денегъ — между американскими богачами не замѣчается.

Щедрую рукою раздаютъ они свои деньги на достойныя дѣла, и весьма часто дѣлаютъ это при жизни своей.

И это послѣднее обстоятельство опять не вызывается случайною наклонностью отдѣльныхъ лицъ. Дѣло въ томъ, что американцы, пробившіе себѣ дорогу въ богатству собственными силами, не получивъ въ молодости школьнаго образованія, несмотря на природный умъ и всю смѣтливость свою, являются съ годами совершенно лишенными возможности находить удовольствіе въ чемъ бы то ни было, кромѣ привычнаго имъ процесса наживы. Тѣ изъ нихъ, которые вынуждены бываютъ, по нездоровью и настоянію докторовъ, отказаться отъ дѣлъ, впадаютъ въ полную хандру, по неспособности пользоваться тѣми богатствами, которыя они такъ хорошо умѣли нажить; недостатковъ образованія не допускаетъ ихъ находить удовольствіе въ развлеченіяхъ развитой публики, путешествія имъ скоро надоедаютъ, чувственность въ нихъ притуплена долгою прежнею школою отказовъ и самоотреченія, да и нравственное ихъ чувство не позволяетъ имъ вдаваться въ грубый кутежъ. Не находя, такимъ образомъ, нигдѣ пріятнаго для себя примѣненія своего богатства, американецъ, нападая, наконецъ, на идею какого-нибудь благотворительнаго предпріятія, отдается ему всею душою, щедро кладетъ на него деньги, увлекается исполненіемъ своихъ плановъ, предвидитъ порою возможность достиженія черезъ нихъ личной славы и почетной извѣстности — и въ результатъ нерѣдко снискиваетъ счастье, покой и значительную популярность.

ГЛАВА VI.

Богачи „просвѣтителѣ“ и ихъ происхожденіе.

Краткій обзоръ дѣятельности самыхъ крупныхъ американскихъ общественныхъ благотворителей будетъ лучшимъ подтвержденіемъ того, что черты эти, отмѣченныя нами въ Питерѣ Куперѣ, повторяются на нашихъ глазахъ на примѣрѣ множества современниковъ. Что же касается прежнихъ временъ, то памятниками просвѣщенной благотворительности тогдашнихъ богачей является множество американскихъ коллегій, университетовъ, академій, которые всѣ, за немногими исключеніями, основаны и поддерживаются на капиталы, опредѣленные на то частными лицами.

Вассаръ положилъ свои миллионы, нажитые на пивоварнѣ, на постройку высшей коллегіи для дѣвушекъ, которая почитается теперь лучшею и самою богатою въ Штатахъ.

Джонсъ Хопкинсъ родился на фермѣ, отъ бѣдныхъ квакеровъ и, подобно всѣмъ деревенскимъ дѣтямъ, принужденъ былъ работать лѣтомъ, посѣщая школу только зимою, поступилъ 17-ти лѣтъ приказчикомъ въ овощную лавку, гдѣ тяжелымъ трудомъ и строгою экономіею скопилъ въ семь лѣтъ 800 долларовъ, и съ этихъ денегъ сталъ богатѣть, нажилъ милліоны на торговлѣ колоніальными товарами, продолжалъ жить экономно, помогая лишь учащейся молодежи и неудачникамъ изъ среды торговцевъ и все время обдумывая и заканчивая свои планы касательно наилучшаго употребленія нажитыхъ имъ капиталовъ. Когда, наконецъ, вскрыто было его завѣщаніе, то оказалось, что онъ оставилъ 7.000.000 на устройство университета въ родномъ своемъ городѣ Балтиморѣ. Теперь завѣтная мечта Джонса Хопкинса осуществлялась, и университетъ его имени считается высшимъ во всѣхъ Соединенныхъ Штатахъ: туда поступаютъ слушать лекціи многіе изъ студентовъ, съ успѣхомъ кончившихъ курсъ въ другихъ университетахъ. При этомъ университетѣ, по идеѣ самого Джонса Хопкинса, учреждено двадцать стипендій имени его основателя, имѣется госпиталь, школа для образованія сирѣтокъ и пріютъ для четырехъ сотъ бѣдныхъ дѣтей, сиротъ-негровъ. Въ настоящее время при университетѣ Джонса Хопкинса состоитъ 41 профессоръ; стипендіи, размѣромъ въ 500 долларовъ на годъ каждая, раздаются недостаточнымъ и достойнымъ студентамъ, независимо отъ ихъ національности; еще въ прошломъ году, какъ мнѣ извѣстно, въ университетѣ Хопкинса состоялъ, въ числѣ стипендіатовъ, одинъ студентъ французъ, а другой—японецъ изъ Токио. Въ этомъ университетѣ не существуетъ ни гонокъ судовъ, ни игръ и состязаній на призы: въ него поступаютъ лишь съ твердымъ рѣшеніемъ заниматься, и небрежныхъ студентовъ, какъ увѣряютъ, совсѣмъ нѣтъ. Полезную дѣятельность свою этотъ университетъ завершаетъ тѣмъ, что издаетъ на собственные средства шесть спеціальныхъ научныхъ журналовъ—по математикѣ, химіи, филологіи, біологіи, исторіи и политической экономіи.

Эзра Корнелль, основатель большого университета этого имени въ западной части штата Нью-Йорка, также принадлежалъ къ семьѣ сельскихъ квакеровъ и провелъ дѣтство въ такой бѣдности, что не имѣлъ времени на посѣщеніе даже и ближайшей сельской школы. Но стремленіе къ образованію было въ немъ никакъ не слабѣе природной энергіи; и вотъ уже на шестнадцатомъ году жизни Эзра, съ братомъ 15 лѣтъ, берется за извѣстную плату срубить для сосѣда цѣлый густой лѣсъ на пятнадцати акрахъ; затѣмъ братья ту же землю расчистили отъ пней, засадили куку-

рузой, получили условленную за то плату, и этимъ путемъ собрали достаточно денегъ на то, чтобы жить, не работая, три зимнихъ мѣсяца, посѣщая школу. 17-ти лѣтъ Эзра Корнелль, собственными усиліями, при помощи меньшихъ братьевъ, построилъ дощатый домъ для семьи отца; а 18-ти онъ уже ушелъ изъ дома на заработки, занимая впослѣдствіи разные мѣста при фабрикахъ и заводахъ въ качествѣ самоучки-механика и плотника.

Но деньги доставались ему туго, несмотря на правильную жизнь и устойчивый трудъ; 36-ти лѣтъ Эзра Корнелль очутился безъ дѣла и безъ гроша денегъ — съ женой и девятью дѣтьми на рукахъ! Тутъ онъ пѣпномъ исходилъ не одну тысячу миль по восточнымъ и среднимъ штатамъ, въ поискахъ за какою бы то ни было работой. Наконецъ, его взялъ къ себѣ Морзъ, изобрѣтатель телеграфа; Эзра Корнелль всей душой увѣровалъ въ великое будущее телеграфнаго дѣла, связалъ съ нимъ всю свою дальнѣйшую судьбу и нажилъ свои первыя 6.000 долларовъ, взявшись построить по контракту телеграфную линію отъ Нью-Йорка къ Альбани. Какъ и большинству другихъ людей, тяжелѣе всего было Корнеллю нажить первыя тысячи; миллионы затѣмъ дались ему сравнительно легко, хотя ему и пришлось, въ теченіе цѣлыхъ 12-ти лѣтъ, работать не жалѣя силъ и почти все время вдали отъ горячо любимой семьи.

Добившись такого богатства, котораго никакъ и не ожидалъ, Эзра Корнелль задался вопросомъ: какъ бы наилучшимъ способомъ распредѣлить это богатство, и мысли его, естественнымъ образомъ, возвращались къ преодолѣннымъ въ жизни препятствіямъ и къ тому времени, когда онъ, юношей, стремился къ знанію и не могъ получить желаннаго образованія. Давалъ Корнелль много на церкви разныхъ толковъ, но это его не удовлетворяло. И вотъ, онъ основываетъ университетъ, удѣливъ на то 200 акровъ земли и полмилліона денегъ. Университетъ былъ открытъ въ 1868 году, и всего стоилъ Корнеллю три милліона. Затѣмъ, въ университетъ поступали пожертвованія отъ многихъ другихъ лицъ, такъ что въ настоящее время онъ почитается однимъ изъ богатѣйшихъ университетовъ въ Штатахъ, и на лекціяхъ его присутствуетъ болѣе тысячи студентовъ. Корнелль умеръ въ 1874 году, въ сознаніи того, что излюбленное дѣло поставлено имъ на твердую почву.

Джонъ Ваннамекеръ — которымъ такъ гордится Филадельфія — по сію пору смотритъ молодымъ человѣкомъ, хотя ему уже 47 лѣтъ и онъ успѣлъ составить себѣ капиталъ въ нѣсколько милліоновъ долларовъ и снискать уваженіе и любовь согражданъ, преимущественно бѣднаго люда, изъ среды котораго вышелъ и самъ.

Первые заработки Ваннамэкера состояли из двух сентов на день, которые он получал от отца-кирпичника за то, что, вставая рано утром, маленький Джонт переворачивал по нѣскольку тысячъ кирпичей; мальчикомъ же поступилъ Ваннамэкеръ въ книжную лавку на жалованье $1\frac{1}{4}$ доллара въ недѣлю, изъ которыхъ проѣдалъ всего два сента на молоко и сухаряхъ въ полдень, откладывая все остальное, уходя на ночь домой, за четыре мили отъ города, возвращаясь, пѣшкомъ же, рано утромъ, обратно. Пребываніе въ книжной лавкѣ послужило мальчику вмѣсто школы, и чтеніе расширило его умственный кругозоръ до такой степени, что, всего 18-ти лѣтъ отъ роду, молодой Ваннамэкеръ вступилъ въ товарищество со знакомымъ молодымъ человекомъ, имѣвшимъ деньги, и принялся издавать газету подъ названіемъ „Everybody's Journal“. Въ дѣлѣ веденія этой газеты, просуществовавшей недолго, Ваннамэкеръ впервые проявилъ свою силу воли и энергію, доходящія почти до гениальности, а равно и способность работать безъ усталости. Онъ самъ писалъ для своей газеты статьи, самъ собиралъ для нея матеріалъ и объявленія, самъ ее продавалъ, самъ набиралъ для нея подписчиковъ. Одновременно съ тѣмъ онъ принималъ дѣятельное участіе въ веденіи воскресныхъ школъ при разныхъ церквахъ и, незамѣтно для себя, присталъ къ обществу тѣхъ многочисленныхъ религіозныхъ американцевъ, которые живо и твердо вѣруютъ въ чудодѣйственную силу общей молитвы. Двадцати-трехъ лѣтъ, Ваннамэкеръ вступилъ приказчикомъ въ магазинъ готового платья, проработавъ въ немъ пятнадцать лѣтъ, сталъ партнеромъ, отлично велъ дѣла, честно продавая и хорошо помѣщая барыши, аккуратно сводя свои счета и постоянно прибѣгая къ содѣйствію громкихъ объявленій. И теперь, отъ самаго Нью-Йорка до Филадельфіи, на 60 миляхъ желѣзной дороги, на глаза безпрестанно попадаютъ на придорожныхъ зданіяхъ и утесахъ объявленія съ именемъ „Wannamaker“, гигантскими буквами, гласящія о томъ, что въ его магазинахъ все можно купить по дешевой цѣнѣ.

Въ настоящее время, у Ваннамэкера три магазина въ Филадельфіи, изъ которыхъ самый большой занимаетъ цѣлыхъ семь акровъ, т.-е. около двухъ десятинъ земли; при одномъ этомъ магазинѣ состоитъ три тысячи служащихъ, имѣется читальня для посѣтителей, почтовое отдѣленіе, ресторанъ, контора для транспортированія покупокъ по всему Союзу и за границу, и проч.

Однако, какъ бы ни былъ занятъ дѣлами Ваннамэкеръ, онъ всегда готовъ все оставить, если какой, хотя бы вполнѣ ему незнакомый, „братъ во Христѣ“ явится къ нему съ просьбою

помолиться; миллионеръ ничуть не утратилъ вѣры своей въ евангельское сказаніе о томъ: „гдѣ соберутся двое или трое вѣрующихъ во имя Мое, тамъ и Я посреди ихъ“, и всегда радъ оставить самое неотложное дѣло, чтобъ присоединиться къ искренней молитвѣ любого приплаго, искренне вѣрующаго, человѣка. Въ теченіе тринадцати лѣтъ Ваннамекеръ состоитъ президентомъ филладельфійской „Христіанской ассоціаціи молодыхъ людей“, на которую пожертвовалъ уже болѣе сотни тысячъ долларовъ; кромѣ того онъ построилъ на свои средства церковь, много денегъ даетъ на госпитали и приюты, а лѣтъ пять тому назадъ учредилъ техническое училище въ „Bethany“, гдѣ 500 мальчиковъ и дѣвочекъ обучаются бесплатно бухгалтеріи, телеграфному искусству, кухонному дѣлу, шитью, живописи, книгопечатанію; заведеніе это весьма сходно въ задачахъ своихъ съ институтомъ, учрежденнымъ Куперомъ въ Нью-Йоркѣ, хотя далеко не достигло такихъ широкихъ размѣровъ; нѣтъ, впрочемъ, сомнѣнія въ томъ, что Ваннамекеръ многое еще сдѣлаетъ для этого любимаго своего учрежденія и не забудетъ надѣлать его частью своихъ капиталовъ, которые всѣ должны пойти на дѣла благотворительности, такъ какъ Ваннамекеръ не женатъ и семьи не имѣетъ.

Въ Филadelphіи живетъ также другой замѣчательный представитель того немалочисленнаго класса американцевъ, которые, по видимому, ставятъ главною цѣлью своей жизни — разбогатѣть и распредѣлить затѣмъ, согласно разумѣнію своему, богатство свое, въ видахъ просвѣщенія и достиженія наибольшей пользы для согражданъ своихъ.

Я говорю о Джорджѣ Чайльдсѣ, собственникѣ большой газеты „Philadelphia Ledger“ и ближайшемъ другѣ недавно умершаго экс-президента Гранта. Помимо чертъ предпримчивости, энергіи и благотворительности, свойственныхъ многимъ американцамъ этого типа, мистеръ Чайльдсъ проявляетъ на себѣ вполне доказанный примѣръ того, какова вырабатывается въ человѣкѣ сила, разъ онъ задался извѣстною цѣлью и не упускаетъ ея затѣмъ изъ вида во всю свою жизнь. Про многихъ, какъ, напр., про Корнелля, Хопкинса, Купера, рассказываютъ, что всѣ они еще въ ранней молодости задались мыслію облагодѣтельствовать своихъ согражданъ устройствомъ именно такихъ учреждений, нужду въ которыхъ они познали по личному опыту, учреждений, которыя впоследствии оказались стойкими, почетными памятниками ихъ славнаго имени. Но эти рассказы, хотя бы идущіе отъ самихъ этихъ миллионеровъ, еще не могутъ признаваться безусловно доказанными. Цѣлью, которой задался Чайльдсъ въ ранней юности,

было приобретение въ собственность большой газеты въ Филадельфи, „Леджеръ“, и это стремление его осуществилось блистательнымъ образомъ, и фактъ является вполне доказаннымъ, такъ какъ Чайльдс много говорилъ объ этой цѣли молодымъ товарищамъ, которые не мало изъ-за того потѣшались надъ нимъ.

И въ самомъ дѣлѣ, не забавно ли было слышать отъ 18-лѣтняго владѣльца нѣсколькихъ сотенъ долларовъ, что онъ купитъ большую газету? А между тѣмъ этотъ самый дерзкій замыселъ Чайльдс осуществилъ въ весьма непродолжительномъ времени. Впрочемъ Чайльдс, хотя еще молодой тогда годами, былъ старъ житейскою опытностью. Ему не было еще и тринадцати лѣтъ, когда онъ поступилъ на парусное судно; въ морѣ онъ пробылъ, однако же, немногимъ болѣе года и уже 14-ти лѣтъ пришелъ въ Филадельфию, напелъ себѣ мѣсто въ книжной лавкѣ и сталъ усердно работать и копить деньги; сообразительность и расторопность мальчика оказались хозяевамъ настолько полезными, что жалованье его постепенно увеличивалось, такъ что въ четыре года, благодаря усиленной экономіи, онъ скопилъ нѣсколько сотъ долларовъ и на эти деньги отерылъ свою торговлю — какъ разъ противъ зданія газеты „Леджеръ“. Тутъ впервые запала ему въ голову мысль о томъ, какъ бы хорошо быть владѣльцемъ этого зданія и газеты, и съ той поры мысль эта овладѣла имъ всецѣло: онъ ежедневно пытался высчитывать, насколько ближе онъ подходитъ къ цѣли, и это помогло ему переносить всякаго рода лишения, чувствительныя для юноши хотя бы самыхъ лучшихъ и умѣренныхъ вкусовъ. Торгуя книгами, Чайльдс проявилъ большой талантъ въ распознаваніи того, что именно требуется публикѣ, а черезъ три года, молодымъ человекомъ 21 года, онъ уже сталъ во главѣ издательскаго товарищества „Childs and Peterson“. Богатства добился онъ раньше, чѣмъ могъ бы и ожидать, и въ 1864 году купилъ-таки „Philadelphia Ledger“, который въ ту пору сталъ плохо расходиться и предложенъ ему былъ по дешевой цѣнѣ. Чайльдс быстро поставилъ эту старую газету снова на хорошую ногу, преобразовалъ ее въ тѣхъ видахъ, чтобъ она являлась вполне „чистымъ листкомъ, который можно бы было, не стѣсняясь, давать въ руки молодежи“, привлекая въ нее объявленія и успѣлъ во всемъ этомъ такъ блистательно, что „Ledger“ является теперь самою популярною газетою для торговцевъ и публики, помѣщающихъ объявленія; расходится она въ числѣ болѣе ста тысячъ экземпляровъ и даетъ Чайльдсу 400.000 долларовъ дохода въ годъ.

Достигнувъ первоначальной цѣли своей, Чайльдс задался

затѣмъ мысля покровительствовать искусствамъ, а главнымъ образомъ, заботою объ облегченіи участи работающихъ при немъ людей. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ успѣваетъ исполнѣ и пользуется исполнѣ заслуженною любовью и популярностью; не только среди бѣднаго люда Филадельфіи, но и во всемъ Союзѣ онъ единогласно признается испытаннымъ другомъ рабочаго чело-вѣка. Отстроивъ великолѣпное зданіе для „Ledger’a“, по своему вкусу и плану, Чайльдсъ отвелъ въ немъ прекрасныя помѣщенія для людей во время работы; въ томъ же зданіи рабочіе могутъ брать и ванны; платить имъ Чайльдсъ болѣе, чѣмъ всѣ другіе хозяева, и, несмотря на всѣ настоянія другихъ издателей, рѣши-тельно отказывается сбавлять рабочимъ своимъ плату. На Рож-дество каждый его рабочий получаетъ отъ хозяина подарокъ, а по истеченіи извѣстнаго срока службы, или въ случаѣ увѣчья, Чайльдсъ даетъ рабочимъ пенсію. Одинъ рабочий получилъ въ типографіи Чайльдса серьезныя увѣчья, не проработавъ у него и года, и съ той поры онъ вотъ уже нѣсколько лѣтъ пользуется пенсіей отъ Чайльдса, не работая совсѣмъ. Каждый рабочий при газетѣ Чайльдса имѣетъ двѣ-три недѣли вакансіи ежегодно при удержаніи полной платы. Въ заботахъ о рабочихъ своихъ Чайльдсъ дошелъ даже до того, что устроилъ для нихъ прекрас-ное кладбище, гдѣ имъ бесплатно отводятся мѣста для погребенія.

Самъ Чайльдсъ съ семьею живетъ въ большой роскоши, но это ни мало ни въ комъ не возбуждаетъ зависти; напротивъ того, всѣ какъ-то привыкли ожидать, что Чайльдсъ всегда возьметъ на себя заботу о достойномъ чествованіи и угощеніи всѣхъ заѣз-жающихъ въ Филадельфію почетныхъ иностранцевъ. Дома Чайльдса въ Филадельфіи, Ньюпортѣ замѣчательны, притомъ, не однимъ хлѣбо-солствомъ хозяина и его добродушнымъ гостепріимствомъ: дома эти являются совершенными музеями разныхъ рѣдкостей; обходя ихъ впервые, трудно даже и понять, какъ могутъ люди комфор-табельно себя чувствовать, живя въ этой ходульной обстановкѣ, гдѣ на каждомъ шагѣ наталкиваешься на предметы, имѣющіе самое различное историческое прошлое, на рѣдкія вещи, являю-щіяся высшимъ проявленіемъ челоѣческаго искусства. Въ та-комъ домѣ-музеѣ не можетъ, казалось бы, быть мѣста свободному развитію личной жизни простого семейства, но Чайльдсъ, повиди-мому, живетъ въ полномъ довольствѣ и никогда, кажется, не бы-ваетъ такъ счастливъ, какъ когда ему удастся залучить въ себѣ кого изъ проѣзжихъ иностранцевъ и водить ихъ по своему дому, показывая имъ свою богатую коллекцію рѣдкихъ часовъ, богатую бібліотеку, драгоценное собраніе автографовъ, между

которыми находятся рукописи Байрона, лорда Литтона, Тэекера, полная рукопись „Нашъ Общій Другъ“ Диккенса и много другихъ. Весьма велика и полна также коллекція фарфоровыхъ вещей въ домѣ Чайльдса, изъ которой онъ всегда предлагаетъ посѣщающимъ его впервые „туристамъ“ выбрать и взять себѣ какую-нибудь чашку на память.

Живя постоянно въ Филадельфіи, тамъ же наживъ всѣ свои деньги, Чайльдсъ щедро даетъ деньги на общественныя нужды, на устройство мѣстныхъ парковъ, на зоологическій садъ, музеи на мѣстную техническую школу. Онъ пожертвовалъ 100.000 долларовъ на устройство всемірной выставки въ Филадельфіи въ 1876 году. Лѣтомъ Чайльдсъ устраиваетъ даровыя загородныя экскурсіи для бѣдныхъ дѣтей; ежегодно даетъ большой обѣдъ мальчикамъ-продавщикамъ газетъ въ Филадельфіи; помогаетъ сѣтнямъ молодыхъ людей доканчивать свое образованіе. Вообще, когда бы ни открывалось въ Филадельфіи достойное поле для примѣненія частной благотворительности, стоитъ только обратиться за содѣйствіемъ къ Чайльдсу—отказа не бываетъ никогда.

Было бы тщетно и пытаться пересчитывать хотя бы наиболѣе видныхъ представителей того класса американцевъ, что вышли въ люди собственными средствами изъ бѣдной среды. Всѣмъ извѣстна исторія президента Гарфильда, павшаго подъ пулю убійцы Гито. Самъ Гарфильдъ состоялъ въ ранней молодости лодочникомъ на каналѣ, а затѣмъ попалъ въ сенаторы и президенты; и тотъ же Гарфильдъ, въ одной изъ своихъ публичныхъ рѣчей, говорилъ: „меня такъ и подтапливаетъ снимать шапку передъ каждымъ оборваннымъ мальчишкой, который мнѣ попадаетъ на улицѣ—никто вѣдь не знаетъ, какія способности, какіе блестящіе задатки могутъ крыться подъ его оборванной курткой“... И это заявленіе Гарфильда вполне оправдывается дѣйствительностью здѣсь, въ Америкѣ, гдѣ совсѣмъ еще не прививается европейскій обычай—гнать дѣтей въ бараній рогъ, подгоняя ихъ подъ требованія родительскаго контроля и дисциплины или же лишая ихъ всякой энергіи, убивая въ нихъ всѣ задатки самостоятельности и предприимчивости, искусственнымъ образомъ натапливая ихъ на мысли и выводы, нянчась съ ними, какъ съ какими хрупкими тепличными растеніями, и тѣмъ временемъ вполне упуская изъ вида то, что ребенокъ не меньше взрослого можетъ находить удовольствія и пользы въ самомъ процессѣ преодоленія препятствій.

Нигдѣ, я полагаю, во всемъ цивилизованномъ мірѣ, не предоставляется такой полнѣйшей свободы дѣтямъ, какъ въ Америкѣ, и это, надо замѣтить, клонится порою къ величайшему неудоб-

ству для постороннихъ лицъ, приходящихъ въ соприкосновеніе съ необузданными порывами и шумными, далеко не безвредными, шалостями и пороками этихъ „кандидатовъ въ великіе люди республики“—всѣхъ тѣхъ, кто неспособенъ раздѣлять восторга нѣжныхъ родителей передъ тѣмъ, что эти послѣдніе почитаютъ проявленіями „рано дающей себя знать гениальности“. Рѣдкому иностранцу, полагаю я, не приходилось серьезно бороться съ желаніемъ преподавать тому или другому изъ этихъ многообѣщающихъ феноменовъ полезный и чувствительный урокъ; но американцы относятся къ этому злу вполне равнодушно, и, не будучи склонны ворчать и злиться на то, чему самимъ помочь невозможно, они съ спокойнымъ духомъ переносятъ въ семьяхъ непрестанный шумъ, вой и перерывы разговора, учиняемые ребятами, не приходятъ въ волненіе, когда имъ глаза выѣдаетъ дымъ отъ костровъ, разводимыхъ на улицахъ дѣтьми, не впадаютъ въ припадки ярости, паступая на петарды, разбрасываемыя дѣтьми на тротуарахъ, не учиняютъ собственноручной расправы, когда ихъ сбиваетъ съ ногъ дѣтскій велосипедъ или салазки, или попадаетъ имъ въ голову огромный резиновый мячъ, или же маленькій, твердый, какъ дерево, шарикъ, которыми, играя, перебрасываются черезъ улицу столицы подростки лѣтъ 14—16-ти.

И эта, ничѣмъ не стѣсняемая, свобода молодыхъ гражданъ даетъ, надо сказать, прекрасные результаты и подтверждаетъ догадки оптимистовъ, увѣряющихъ, что въ дѣтяхъ всегда преобладаютъ задатки хорошаго до той поры, пока эти задатки не попортятся неумѣлыми старшими. Но и то надо сказать, что, проводя добрую половину своего дня на улицѣ, юные американцы не проходятъ той „уличной школы“, которой подпали бы, живя въ любомъ изъ людныхъ европейскихъ центровъ. Правда, что, какъ вычислилъ мнѣ на-дняхъ одинъ мой пріятель, близко знакомый съ городскимъ хозяйствомъ Нью-Йорка, кабаки этого города, еслибы выстроить ихъ въ рядъ, протянулись бы на цѣлыхъ 42 мили (около 60-ти верстъ) въ длину, а виски, пиво и вино, выпиваемыя американцами, обходятся имъ ежегодно въ 900.000.000 долларовъ, т.-е. втрое больше, чѣмъ тратится здѣшнимъ 55-ти-милліоннымъ населеніемъ на хлѣбъ, мясо и народное образованіе, взятыя вмѣстѣ; но американцы надѣлены способностью пить много, не утрачивая сознанія мѣры и приличія, хотя, несомнѣнно, на нихъ самихъ пьянство имѣетъ весьма разрушительное вліяніе—преимущественно дѣйствуя на нервную систему и нерѣдко приводя къ сумасшествію.

Какъ бы то ни было, но это печальное явленіе здѣшней

жизни не бѣтъ въ глаза молодому поколѣнію, и здѣсь въ жилыхъ кварталахъ города, заселенныхъ природными американцами, годами не приходится встрѣтить пьянаго человѣка или натоленуться на какую-нибудь изъ скандальныхъ сценъ, которыя встрѣчаются на каждомъ шагѣ на многихъ людныхъ лондонскихъ улицахъ, среди бѣлаго дня, по закрытіи лавокъ въ полдень по субботамъ. Конечно, и здѣсь всякія сцены разыгрываются въ прирѣчныхъ кварталахъ и въ нижней и восточной части города, заселенныхъ пришельцами изъ Старого Свѣта, продуктами или, скорѣе, отбросками процесса европейской цивилизаціи; но общественная жизнь самихъ американцевъ до такой степени прилична, что не можетъ производить, въ своихъ уличныхъ проявленіяхъ, ни малѣйшаго вреднаго вліянія на молодые умы. Что же касается домашнихъ дразгъ и непріятностей, то они также не туманятъ дѣтскаго круговора, благодаря природной сдержанности американцевъ, не допускающей ихъ забываться въ присутствіи дѣтей.

На такомъ-то просторѣ, въ такихъ благопріятныхъ условіяхъ развиваются силы американскихъ дѣтей. Рано начиная жить школьною и уличною жизнью, мальчики рано проникаются сознаниемъ того, что имъ на каждомъ шагѣ встрѣчаются люди, располагающіе одинаковыми съ ними правами на школу, на игры, на паркъ, на улицы; они привыкаютъ сторониться, давая дорогу другимъ, но и сами тѣмъ же временемъ приучаются проталкиваться впередъ, не наступая слишкомъ безцеремонно сосѣдямъ на ноги: возникаютъ препятствія—умъ ребенка изощряется въ измышленіи средствъ къ ихъ преодоленію; достигается успѣхъ—шумныя одобренія „своего лагеря“ щедро вознаграждаютъ за всѣ труды и лишения; перепадаетъ мальчику въ уличной схваткѣ излишнее количество тумаковъ—горечь пораженія въ значительной степени умѣряется общностью доли съ десяткомъ-другимъ товарищей; то же раннее житейское общеніе развивается въ дѣтяхъ сдержанность, привычку взвѣшивать свои силы и вѣроятныя послѣдствія, прежде чѣмъ пускаться въ рискованное предпріятіе; возбуждаетъ въ нихъ привычку къ логичному представленію своихъ взглядовъ, краснорѣчіе, въ которомъ они рано распознаютъ самое надежное орудіе для переубѣжденія противниковъ, школьная дисциплина, прививаемая дѣтямъ весьма рано подъ видомъ маршировки, разводовъ, репетицій, быстрого очищенія школьнаго зданія на случай пожара—все это располагаетъ дѣтей и на улицѣ держаться извѣстнаго порядка, слушаться своихъ избранныхъ для случая вождей. Этимъ путемъ въ тѣхъ

самыхъ дѣтяхъ, благодаря той самой свободѣ, на которую съ негодованіемъ жалуются иностранцы, естественнымъ образомъ возникаютъ и крѣпнутъ задатки, изъ которыхъ складывается затѣмъ ихъ общественная жизнь, въ видѣ полезныхъ гражданъ общаго отечества, и является тотъ типъ американца, который удивляетъ европейцевъ своей настойчивостью въ преодолѣніи всевозможныхъ препятствій, при невозмутимомъ внѣшнемъ хладнокровіи и подкупающемъ добродушіи. Ничѣмъ не стѣсняемая въ дѣтяхъ энергія процвѣтаетъ, крѣпнетъ на просторѣ, проявляясь въ жизни ихъ исподоволь, а не прорываясь дикими выходами „залихватской удали“, какъ тамъ, гдѣ нѣтъ для дѣтской энергіи естественнаго русла; врожденная энергія подбиваетъ мальчика искать ей примѣненія, отсутствіе же мелкихъ придирокъ и притѣсненій, а равно и неразумной помощи отъ старшихъ, внушаетъ ему раннюю осмотрительность при всей его смѣлости. Въ головѣ американца—даже взрослого—какъ-то не укладывается мысль о томъ, чтобъ онъ чего-нибудь не могъ сдѣлать, чтѣ далось, сдѣлать другому человѣку. Когда же въ жизни встрѣчаются препятствія, сгорая непредвидѣнными, предприимчивому американцу не хочется признать себя побѣжденнымъ и отступить; ему не на кого сваливать вину въ неудачѣ, нечего отговариваться „независящими отъ его воли помѣхами“, самолюбіе его затронуто, и онъ готовъ десять-двадцать дѣлъ перепробовать, прежде чѣмъ признать себя оставленнымъ за флагомъ въ жизненной борьбѣ.

Взросленный при такихъ условіяхъ, американецъ, по самому естеству своему, не проявляетъ никакой склонности къ уединенію, къ кабинетнымъ занятіямъ, на которыя такъ склонны представители германскихъ расъ, напримѣръ; кабинетные ученые здѣсь такъ малочисленны, что ихъ никто и не замѣчаетъ, и они не пользуются никакимъ общественнымъ уваженіемъ. Зато люди, привыкшіе съ успѣхомъ дѣйствовать „на людяхъ“, постоянно поддерживаются одобреніями „своего кружка“, набиваютъ руку въ постановкѣ торговаго, такъ сказать, діагноза; будто инстинктомъ, порою предугадываютъ тотъ моментъ, когда лучше бываетъ бросить доходное до того дѣло, приняться за другое, общающее, при данныхъ обстоятельствахъ, большіе барыши. Въ томъ же постоянномъ толченіи на людяхъ, въ толпѣ, на улицѣ, въ лавкѣ, въ трактирѣ, на биржахъ или въ Wall Street выработывается, по всей вѣроятности, и тотъ талантъ распознавать людей, набирать себѣ подходящихъ компаньоновъ и способныхъ помощниковъ—талантъ, который проявляется въ лицѣ всѣхъ почти американскихъ богачей.

Когда обдумываются американцами ихъ сложные планы торговыхъ и биржевыхъ предпріятій, какимъ путемъ назрѣваетъ въ нихъ твердо намѣченная система дѣйствій въ преслѣдованіи цѣли — сказать невозможно; по всей вѣроятности, опять путемъ „нантіа“, въ той же привычной толпѣ. Но что „цѣль“ — ясная, твердо намѣченная цѣль — рано въ жизни начинала руководить всѣми американскими „удачниками“, этотъ фактъ отмѣчается всѣми серьезными изслѣдователями соціальной жизни Штатовъ; и не ихъ, конечно, имѣлъ въ виду англійскій мыслитель Карлейль, когда писалъ: „Человѣкъ, не имѣющій цѣли въ жизни — то же, что корабль безъ руля: это не человѣкъ, а затерянная вещь, полнѣйшая ничтожность. Имѣйте цѣль въ жизни — хотя бы цѣль эта состояла въ томъ, какъ бы лучше убивать, разсѣкать и продавать быка на говядину; имѣйте только въ виду какую ни-на-есть цѣль; а намѣтивъ цѣль, прикладывайте къ дѣлу своему всю силу ума и мышцъ, которыми надѣлилъ васъ Господь“.

Невозможно отрицать того, что мировоззрѣніе американцевъ развивается зачастую на самыхъ нераціональныхъ основахъ, но, тѣмъ не менѣе, это не приводитъ здѣсь еще ни къ какимъ особенно плачевнымъ результатамъ. Не находя, подчасъ, возможнымъ пользоваться школою въ дѣтствѣ, не успѣвъ составить себѣ привычки развитія вкуса къ дѣльному чтенію, американецъ читаетъ только одно — газеты, въ которыхъ находитъ всю необходимую для себя умственную пищу, отдыхъ, развлеченіе отъ дневныхъ заботъ, сообщеніе обо всемъ, что только его можетъ интересовать, и все это представляется ему въ самомъ легкомъ, сенсаціонномъ, заманчивомъ видѣ. Газеты для зауряднаго американца — это то же, что клубъ и университетъ для европейца; по нимъ узнаетъ онъ послѣднія политическія и общественныя сплетни и въ то же время, изъ тѣхъ же газетъ, почерпаетъ полезнѣйшія свѣденія въ дѣлѣ послѣднихъ научныхъ открытій, примѣненія знанія къ практическимъ цѣлямъ жизни, соціальныхъ требованій, политической экономіи, всесвѣтныхъ политическихъ вопросовъ и т. п.

Поставляютъ также свою лепту воздѣйствія на строй общественнаго мировоззрѣнія и американскіе проповѣдники, неизмѣнно вдающіеся, въ проповѣдяхъ своихъ, въ анализъ наиболѣе животрепещущихъ интересовъ дня; но ихъ вліяніе слишкомъ скоропреходящее, рѣчи ихъ не запечатлѣваются въ умахъ слушателей, подобно тому, какъ запечатлѣвается въ умѣ читателя то, что изо-дня-въ-день твердится газетами, и, притомъ, рѣчи эти, являясь продуктомъ мышленія одного лица, хотя бы и самого раз-

витого и даровитаго, не могутъ снискать себѣ много приверженцевъ, даже среди самыхъ старинныхъ прихожанъ проповѣдника; въ общенародные же слои вліяніе этихъ рѣчей почти и не проникаетъ совсѣмъ.

ГЛАВА VII.

Благопріятныя условія для развитія самодѣятельности и изобрѣтательности.

Какъ ни благопріятны, однако, условія городской жизни въ Штатахъ для дѣтей, но неустраняемая въ городахъ ограниченность дѣтскаго кругозора и снѣжность, эгоистичность всеобщаго строя жизни въ большихъ торговыхъ и промышленныхъ центрахъ и здѣсь невыгодно сказываются на дѣтяхъ, ускоряя ихъ развитіе, обезсиливая слабыхъ, дѣлая дѣтей порою старыми не по годамъ. Скороспѣлые плоды рѣдко бываютъ вполне удачными; скороспѣлость же человѣческаго существа нерѣдко приводитъ его если не къ положительному уродству, то часто къ такому неравномѣрному развитію различныхъ сторонъ ума и тѣла, что получается порою значительная эксцентричность, плохо устранимая тамъ, гдѣ не преобладаетъ въ народѣ склонности къ высшему образованію, сглаживающему многія шероховатости.

Эксцентрическія черты американскаго характера такъ мѣтко и зло очерчены Диккенсомъ въ его романѣ „Мартинъ Чодзльвичъ“, въ „Американскихъ Запискахъ“ и въ сообщеніяхъ другихъ, болѣе или менѣе наблюдательныхъ писателей, что черты эти прекрасно знакомы европейцамъ, принимающимъ, притомъ, всѣ преувеличенія, напр., Диккенса за чистую монету. Правда, что Диккенсъ описывалъ американцевъ такими, какими были они болѣе четверти вѣка тому назадъ, но многія изъ отмѣченныхъ имъ странностей проявляются въ меньшихъ размѣрахъ и до сей поры. Въ особенности много эксцентричностей представляется кореннымъ населеніемъ большихъ городовъ; а эксцентричность едва ли когда проявляется въ человѣческой системѣ, хорошо — физически и морально — уравновѣшенной. Какъ бы то ни было, а что-то кроется въ жизни скученными городскими массами, что мѣшаетъ здоровому, широкому, полному развитію человѣческихъ способностей. Долгія и разностороннія наблюденія американской жизни и тщательные разспросы у людей, надѣленныхъ разносторонней опытностью и принципиальностью, приводятъ насъ къ тому выводу, что рѣдкіе изъ тѣхъ американцевъ, которые прославились своими успѣхами на житейскомъ поприщѣ, выросли въ большихъ городахъ.

Громадное большинство тѣхъ американцевъ, которые составили себѣ громкое имя на поприщѣ политики или военныхъ дѣйствій, торговли или благотворительности, предпримчивости или научныхъ изобрѣтеній—большинство ихъ вышло изъ сельскихъ слоевъ, выросло на полномъ просторѣ полей или же въ интимныхъ кружкахъ маленькихъ городовъ. Въ особенности это замѣчаніе справедливо по отношенію къ тѣмъ сынамъ Америки, которые заслужили международную извѣстность своими изобрѣтеніями, обратили вниманіе всего цивилизованнаго міра на тотъ фактъ, что ни одна изъ другихъ странъ свѣта не доставляетъ такой постоянной и огромной массы новыхъ изобрѣтеній, производимыхъ притомъ, въ большинствѣ случаевъ, людьми весьма недостаточной научной подготовки.

Объясняя этотъ фактъ, лондонскій „Times“ замѣчаетъ, что „житель Новой Англіи есть животное изобрѣтательное по преимуществу. Говорятъ, что такой уже складъ его ума. Онъ всегда старается приспособить вещь лучше, чѣмъ была она приспособлена до него. Каковы бы ни были его подготовка и его призваніе—умъ его вѣчно вертится на мысли о томъ, какъ бы съэкономить свой трудъ; онъ вдается въ механику такъ же, какъ древній грекъ предавался скульптурѣ, какъ венеціанецъ писалъ картины, какъ современный итальянецъ поетъ. Среди американцевъ возникла цѣлая школа людей, отличительная черта которыхъ состоитъ въ замѣчательно сильномъ, широкомъ и смѣломъ механическомъ воображеніи“...

И это совершенно справедливо. Американецъ не любитъ труда, при которомъ не можетъ быть примѣненія его изобрѣтательности; невѣжественный рабочій мало чему научается изъ житейскаго опыта; а предварительное школьное образованіе всякаго природнаго американца естественнымъ путемъ наводитъ его на размышленія, вызываетъ его изобрѣтательные таланты, чѣмъ и объясняется тотъ фактъ, что столь многіе американскіе изобрѣтатели вышли изъ рядовъ простыхъ рабочихъ, которые, подобно Эзрѣ Корнеллю, работая хотя бы надъ выдѣлкою мельчайшей единичной части сложнаго механизма, не перестаютъ измышлять приспособленія къ ускоренію дѣла и облегченію труда. Нѣкоторые американскія машины такъ хитро задуманы, что чуть не надѣлены человѣческимъ смысломъ: машины чистятъ яблоки, обираютъ съ кустовъ ягоды, щиплютъ перья съ живыхъ гусей, вынимаютъ косточки изъ ягодъ, свертываютъ свертки, запаиваютъ жестянки, считаютъ звонкую монету и такъ далѣе,—а все еще изобрѣтеніямъ не предвидится и конца.

И эта національная черта изобрѣтательности проявляется тѣмъ чаще и устойчивѣе, что ее холать повсемѣстно. Профессоръ Белль, шотландецъ родомъ, строить, на примѣръ, всѣ свои машины здѣсь, въ Америкѣ, а не въ Англіи, гдѣ рабочій трудъ значительно ниже, и объясняетъ это тѣмъ, что каждый американскій мануфактуристъ всегда готовъ на время измѣнить свой обычный методъ производства, лишь бы приспособить его къ опытамъ изобрѣтателя; и это не изъ-за какой платонической любви къ изобрѣтеніямъ, а просто изъ постоянной надежды на увеличеніе своихъ собственныхъ прибылей отъ каждаго новаго изобрѣтенія. Вслѣдствіе этого всякія новыя механическія приспособленія устраиваются здѣсь проще и дешевле, тѣмъ болѣе, что американскій рабочій — лучшій въ мірѣ механикъ-самоучка, такъ какъ умъ его обостренъ извѣстною долею высшаго знанія.

Было бы крайне ошибочно приписывать общепомѣченный фактъ провинціального происхожденія большинства замѣчательныхъ людей Америки одному лишь благотворному вліянію сельскаго воздуха и простора на физическое и моральное развитіе дѣтей. Хотя и несомнѣнно, что солидный успѣхъ большинства людей на всѣхъ житейскихъ поприщахъ въ Америкѣ неизмѣнно бываетъ связанъ съ хорошимъ здоровьемъ и, болѣею частью, съ веселымъ нравомъ и изобиліемъ безобиднаго юмора, этими чертами нельзя еще объяснить успѣхъ сельскихъ жителей въ житейскомъ состязаніи. Дѣло въ томъ, что американская провинція, даже маленькіе сельскіе города, совсѣмъ не представляютъ собою тѣхъ гнетущихъ чертъ провинціализма, которыя засасываютъ въ свою тину столько молодыхъ силъ въ странахъ Стараго Свѣта.

Федерализація штатовъ въ дѣлѣ самоуправленія давно привела къ полной децентрализаціи соціальныхъ и умственныхъ тенденцій въ странѣ. Судя по тому, какое вліяніе производится на провинціальныя воззрѣнія въ Англіи и Франціи тѣми умственными, литературными, учеными силами, какія сосредоточены въ Лондонѣ и Парижѣ, европейцы, судя объ Америкѣ, постоянно впадаютъ въ то заблужденіе, что принимаютъ за мѣрку американскаго развитія и за общее направленіе американскихъ симпатій и антипатій то, что доносится въ Европу посредствомъ органовъ печати, отражающихъ на себѣ жизнь такихъ промышленныхъ, политическихъ и научныхъ центровъ, какъ Нью-Йоркъ, Вашингтонъ, Бостонъ. Сами же американцы, напротивъ, весьма мало интересуются тѣмъ, что дѣлается въ этихъ мнимыхъ „центрахъ интеллигенціи“, и положительно ихъ таковыми не признаютъ, заявляя, не безъ нѣкотораго основанія, что ни Нью-Йоркъ, ни Бостонъ

нельзя и считать американскими городами, такъ какъ въ нихъ большинство населенія иностраннаго происхожденія и все ихъ муниципальное управленіе сосредоточено въ рукахъ людей ирландскаго происхожденія.

Далеко не лучшія въ странѣ газеты издаются въ этихъ городахъ, а если въ Нью-Йоркѣ, Бостонѣ, Филадельфіи издается наибольшее количество хорошихъ книгъ и журналовъ, то это еще не означаетъ того, чтобъ чтеніе этихъ изданій главнымъ образомъ производилось на мѣстѣ. Наиболѣе популярны журналы, издающіеся въ этихъ городахъ, расходятся, какъ сообщаетъ писатель, тщательно изучавшій этотъ предметъ ¹⁾, *приблизительно* въ слѣдующей пропорціи въ различныхъ части Союза: 20% изданія остается въ четырехъ среднихъ штатахъ, 20% расходится въ Новой Англіи; 10%—въ десяти южныхъ штатахъ, а остальные 50%—въ западныхъ штатахъ отъ Аллеганскихъ горъ до тихо-океанскаго побережья; даже такой сухой, серьезный журналъ, какъ „North American Review“ отправляетъ одну четверть своего изданія въ западные штаты. Вполнѣ точныхъ цифръ распространенія лучшихъ періодическихъ изданій и книгъ въ странѣ добиться, однако, невозможно, такъ какъ журналы не столько расходятся между подписчиками, сколько между книгопродавцами и странствующими агентами по книжной торговлѣ, продающими книги по сельскимъ мѣстностямъ и провинціи, и этихъ агентовъ въ Штатахъ насчитывается болѣе 5.000.

Равнымъ образомъ, не въ исключительныхъ мѣстностяхъ сосредоточены и главныя коллегіи и университеты страны; число таковыхъ, по переписи 1880 года, доходило въ Штатахъ до 364-хъ, разбѣянныхъ довольно равномерно по всѣмъ штатамъ; въ этихъ коллегіяхъ насчитывалось тогда же 4.160 профессоровъ и 59.594 учащихся обою пола. Школъ реальныхъ, въ связи съ техническими (schools of science) имѣется въ Союзѣ 83 при 953 профессорахъ и 11.584 учащихся; богословскихъ школъ—142, при 633 преподавателяхъ и 5.242 ученикахъ; школъ юридическихъ—48, при 229 профессорахъ и 3.134 учащихся; школъ, выпускающихъ медиковъ и ветеринаровъ, дантистовъ и фармацевтовъ—120, при 1.660 профессорахъ и 14.006 студентахъ. Школъ для высшаго образованія женщинъ—227, при 2.340 профессорахъ и 25.780 учащихся; торговыхъ училищъ—162, при 619 профессорахъ и 27.146 учащихся. Нормальныхъ, учительскихъ семи-

¹⁾ Сенаторъ изъ Мэна, „Е. Е. Hale“ въ октябрьской книжкѣ „North American Review“, 1888.

нарій—220, при 1.466 учителяхъ и 43.077 учащихся; къ этому, наконецъ, приходится прибавить 29.264 учителя и учительницъ публичныхъ народныхъ школъ, въ которыхъ обучается 1.710.461 дѣтей, не говоря о множествѣ частныхъ и общественныхъ приготовительныхъ школъ и специальныхъ учреждений для воспитанія глухонѣмыхъ, слѣпыхъ, идиотовъ, и проч., и проч.

Всѣ эти многочисленныя школы, съ ихъ по истинѣ огромнымъ числомъ преподавателей и учащихся, разсѣяны по всему Союзу. Коллегіи американскія и университеты, стоящія, замѣтимъ, неизмѣримо ниже старыхъ университетовъ Европы, — почти всегда находятся внѣ большихъ городовъ, въ видахъ огражденія студентовъ отъ вреднаго вліянія городской жизни и связанныхъ съ нею развлеченій; и эта отчужденность коллегій отъ большихъ городовъ не ведетъ за собою никакихъ неудобствъ для студентовъ, такъ какъ они всѣ требуемыя для себя книги находятъ у себя подъ руками, въ своихъ богато всѣмъ снабженныхъ бібліотекахъ; вокругъ большихъ коллегій и университетовъ съ теченіемъ времени возникаютъ поселенія и даже маленькіе города, населенные проникнутые духомъ того учебнаго учрежденія, къ которому они примыкаютъ, и не производящія, со своей стороны, почти никакого побочнаго воздѣйствія на молодыхъ студентовъ.

Этой-то разсѣянности по странѣ коллегій съ принадлежащими къ нимъ цѣлами образованныхъ людей, и слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, приписать не только тотъ вполне доказанный фактъ, что въ американской провинціи читаютъ много больше и толковѣе, чѣмъ въ большихъ городахъ, гдѣ женщины ведутъ самую разсѣянную жизнь, а мужчины ограничиваются чтеніемъ однихъ газетъ, но также и неоспоримый фактъ высшаго уровня умственнаго развитія провинціального населенія, за исключеніемъ, конечно, первобытныхъ, мало еще заселенныхъ мѣстностей и тѣхъ частей страны, гдѣ особенно скучены пришлые изъ Европы невѣжественные эмигранты.

Въ тѣхъ же мѣстностяхъ, которыя не подвержены даже и этому освѣжительному сопрیکосновенію разсадниковъ человѣческаго знанія, любознательность и дилеттантскій интересъ къ прогрессу знанія и наукъ поддерживаются въ населеніи разными чтеніями, обществами и митингами, до которыхъ американцы такъ падки; трудно найти въ Штатахъ малѣйшее поселеніе въ нѣсколько сотъ жителей, которое бы не имѣло своего „шекспировскаго“, или „чаутовскаго“, или „историческаго кружка“, или же какихъ собраній для практическихъ упражненій въ иностранныхъ языкахъ, для совмѣстнаго чтенія классиковъ въ англійскомъ переводѣ, не

заходило бы у себя религиозныхъ митинговъ, миссіонерскихъ обществъ, и проч., и проч. Тамъ, гдѣ уже рѣшительно не за что ухватиться интеллектуальному челоѣку, онъ примыкаетъ къ церковнымъ обществамъ разныхъ толковъ, которыя, подъ руководствомъ пасторовъ, устраиваютъ концерты, чтенія, базары, театральныя представленія и прочія развлечения съ благотворительными дѣлами, причемъ не послѣднее, по популярности, времяпрепровожденіе для лэди представляютъ собою „quilting parties“ въ домѣ пастора, куда въ назначенные дни сходится извѣстное число прихожановъ на добровольную „барщину“, занимаясь стеганьемъ ваточныхъ одѣялъ для пастора и изготовленіемъ теплой одежды для мѣстныхъ бѣдныхъ, а иногда для первобытныхъ дикарей дальнихъ странъ, имѣющихъ быть обращенными въ христіанство и одѣтыми на цивилизованный манеръ.

Этой-то живой струѣ общественности и стремленію къ обмѣну мыслей во всѣхъ слояхъ природнаго населенія американской провинціи и слѣдуетъ приписать ту сравнительную легкость, съ которой пробиваются на поверхность молодыя силы; честолюбивой американской молодежи приходится, по большей части, преодолевать лишь матеріальныя лишенія, не наталкиваясь на каждомъ шагѣ на досадныя соціальныя ограниченія, ведущія лишь къ непроизводительной тратѣ молодой энергіи, къ озлобленности молодежи и ея враждебной обособленности отъ предшествовавшаго поколѣнія. Едва ли, полагаемъ мы, могъ бы, напримѣръ, издатель Чайльдсъ или изобрѣтатель Эдисонъ достигнуть такихъ результатовъ и такого высокаго общественнаго положенія въ какой другой странѣ въ такой короткій, сравнительно, періодъ времени.

Трудно подобрать болѣе рельефный примѣръ той непреодолимой энергіи и внутреннихъ ресурсовъ, составляющихъ эссенцію американскаго характера, чѣмъ тотъ, какой проявляется карьерою Томаса Эдисона, американскаго изобрѣтателя электрическаго освѣщенія.

Энергія, отличающая Эдисона, закалилась въ самой суровой школѣ. Родился онъ въ 1847 году въ маленькомъ городѣ Миланѣ, штата Огайо, отъ весьма бѣдныхъ родителей, которые, однако же, обучали его сами кое-чему, такъ какъ школу ему во всю свою жизнь привелось регулярно посѣщать лишь въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Двѣнадцати лѣтъ мальчику уже приходилось самому идти на заработки. Онъ выхлопоталъ себѣ мѣсто разносчика при поѣздахъ желѣзныхъ дорогъ въ Мичиганѣ и сталъ торговать, запасаясь на мѣстѣ выхода поѣзда всякими сластями, фруктами, книгами и газетами, и затѣмъ, во время переѣзда

продавая эти вещи съ барышемъ пассажирамъ. Торговля его пошла такъ успѣшно, что ему пришлось принимать еще четырехъ мальчиковъ себѣ въ помощники. Но всего этого было недостаточно для того, чтобы дать примѣненіе всей энергіи, которую сознавалъ въ себѣ мальчикъ. Разъ ему случилось обмѣнять нѣсколько залежавшихся у него газетъ и журналовъ на „Качественный Анализъ“ Фрезеніуса, и эта книга сразу поглотила все его вниманіе: онъ обратилъ одинъ старый брошенный вагонъ въ лабораторію и проводилъ въ немъ все свое свободное время, употребляя бѣольшую часть своего заработка на покупку разныхъ химическихъ составовъ и, чтобы оградить эту свою собственность отъ пропажи, каждую бутылку помѣчалъ яркимъ ярлыкомъ съ надписью: „ядъ“. Скоро къ этому прибавилъ Эдисонъ еще новое предпріятіе: онъ купилъ по случаю за безцѣнокъ триста фунтовъ стараго типографскаго шрифта, продаваемаго одной изъ газетъ города Детройта; о книгопечатаніи зналъ онъ въ эту пору лишь то, что ему случилось замѣтить въ типографіяхъ, гдѣ онъ, бывало, наблюдалъ за дѣломъ наборщиковъ, приходя въ редакціи запасаться своимъ обычнымъ комплектомъ газетъ на продажу. Недостаточность знаній по части набора не представилась мальчику серьезнымъ препятствіемъ; онъ рѣшилъ, что научится дѣлу на практикѣ, и принялся печатать на поѣздѣ, когда тотъ былъ на полномъ ходу, и издавать газету „Grand Trunk Herald“ — листокъ въ 12×16 дюймовъ величины: онъ наполнялъ его желѣзно-дорожными новостями, анекдотами, сообщеніями о проѣзжаемыхъ мѣстностяхъ и проч. Эта газета Эдисона, если не ошибаюсь, была единственнымъ листкомъ, который гдѣ-либо набирался и печатался на самомъ поѣздѣ; предпріятіемъ молодого Эдисона заинтересовалось желѣзно-дорожное начальство, щедро поддерживали и ободряли его также и пассажиры: газета живо раскупалась, и дѣло шло прекрасно.

Но обоимъ этимъ раннимъ предпріятіямъ молодого Эдисона суждено было имѣть трагическую развязку. Отъ тряски вагона на ходу поѣзда упала однажды на полъ лабораторіи Эдисона склянка съ фосфоромъ и, разбившись, произвела пожаръ. Прибѣжавшій въ-время кондукторъ затушилъ огонь, но побросалъ также за окно вагона много склянокъ и типографскаго шрифта и задалъ юному химику хорошую встрѣпку. Собравъ что уцѣлѣло, бѣдный Томасъ Эдисонъ перенесъ всѣ свои химическія снадобья и шрифтъ и сложилъ ихъ въ подвальномъ этажѣ отцовскаго дома, въ одномъ маленькомъ городѣ Мичигана. Вскорѣ онъ снова сталъ издавать другую газету, подъ названіемъ „The Paul Pry“, которая была

больше и лучше его первоначальнаго „Герольда“. Но, къ несчастію, предприимчивый молодой журналистъ увлекся рвеніемъ къ дѣлу и самъ не замѣтилъ, какъ задѣлъ самолюбіе одного подписчика; тотъ, взбѣшенный этимъ обстоятельствомъ, подстерегъ Эдисона на берегу рѣки, схватилъ его за шиворотъ и бросилъ въ воду; къ счастью, Эдисонъ оказался хорошимъ пловцомъ и выплылъ благополучно къ берегу; издательскій жаръ, однако, былъ въ немъ охлажденъ надолго.

Предприимчивость и настойчивость Эдисона въ преслѣдованіи своихъ цѣлей были таковы, что, не будь онъ даже отъ природы надѣленъ даромъ изобрѣтательности, онъ все-таки навѣрное пробилъ бы себѣ дорогу къ богатству и извѣстности другими путями. Въ теченіе четырехъ лѣтъ, которыя онъ пробылъ разносчикомъ на поѣздѣ, онъ скопилъ цѣлыхъ двѣ тысячи долларовъ на своей мелочной торговлѣ; и все время, которое оставалось ему свободнымъ въ большомъ городѣ Дитройтѣ, онъ проводилъ за чтеніемъ книгъ въ мѣстной публичной библіотекѣ. Чтеніе это, правда, велось безъ всякой системы и не могло быть ему особенно полезнымъ, когда, по его собственному сознанію, онъ былъ такъ еще неопытенъ, что вначалѣ задался-было мыслью прочитатъ всѣ книги въ библіотекѣ подъ-рядъ, какъ онѣ стояли на полкахъ, и дѣйствительно, прочелъ всѣ книги на полкѣ въ 15 футовъ длины, а затѣмъ, конечно, бросилъ это времяпрепровожденіе. Странности Эдисона не мѣшали ему, однако же, быть весьма практичнымъ. Продолжая вести на поѣздахъ торговлю газетами, онъ, въ раннюю пору войны, придумалъ передавать по телеграфу заголовки газетныхъ статей на сосѣднія станціи; эти заголовки свѣжихъ извѣстій возбуждали любопытство подѣзжающихъ путешественниковъ, и они разбирали газеты Эдисона на-расхватъ. Эта система повела къ большимъ барышамъ и возбудила въ самомъ Эдисонѣ интересъ къ телеграфному дѣлу. Около этого времени ему случилось, съ опасностью для своей собственной жизни, выхватить сына одного телеграфиста изъ-подъ подхлотившаго поѣзда, въ благодарность за что отецъ ребенка обучилъ Эдисона телеграфному дѣлу. Это дѣло такъ пришлось Эдисону по душѣ, что онъ тутъ же оставилъ свою торговлю и взялъ мѣсто телеграфиста за ничтожную плату шести съ половиною долларовъ въ недѣлю, и работалъ день и ночь, чтобы усовершенствоваться. Въ теченіе шести мѣсяцевъ онъ перемѣнилъ нѣсколько мѣстъ, работая въ Мичиганѣ, Канадѣ, Индіанѣ и другихъ мѣстахъ, и всего 17-ти лѣтъ отъ роду изобрѣлъ уже свое первое телеграфическое приспособленіе—такъ-называемый „автоматическій повторитель“.

Это былъ замѣчательный успѣхъ для такого молодого мальчика, и неудивительно, что онъ весь предался своей страсти къ научнымъ изслѣдованіямъ и съ немалыми для себя неудобствами. Въ Мемфисѣ его даже прогнали съ мѣста изъ-за того, что онъ былъ „мечтатель“, занятый своими „дикими идеями“. Въ Луисвиллѣ онъ опрокинулъ большой сосудъ съ сѣрной кислотой, прожегъ полъ своей и потолокъ нижней комнаты насеквозъ: и тутъ его разочли. Въ Цинциннати ему отказали отъ мѣста изъ-за того, что онъ проводилъ слишкомъ много времени въ публичной библіотекѣ. Много пришлось ему пережѣнить мѣстъ, пока онъ совершенно случайно не зашелъ въ Нью-Йоркѣ въ одно телеграфное общество въ то самое время, когда тамъ сломался инструментъ. Эдисонъ вызвался поправить инструментъ, справился съ дѣломъ прекрасно, обратилъ на себя вниманіе руководителей дѣла — и это было поворотнымъ шагомъ въ его судьбѣ: въ послѣдующія десять лѣтъ это и другія общества переплатили ему до полумилліона денегъ за привилегію первымъ покупать у него право на пользованіе его новыми изобрѣтеніями.

Теперь Томасу Эдисону всего 39 лѣтъ; онъ сохранилъ всѣ свои силы, свой прежній юношескій видъ, несмотря на пробирающуюся въ волосы сѣдину и почти совершенную глухоту. По сосѣдству съ Нью-Йоркомъ, въ Ньюаркѣ, онъ открылъ большую электрическую фабрику, гдѣ въ какихъ-нибудь нѣсколько лѣтъ, съ помощью 300 рабочихъ, усовершенствовалъ около пятидесяти новыхъ своихъ изобрѣтеній по разнымъ электрическимъ приспособленіямъ. Въ двадцати-четырехъ миляхъ отъ Нью-Йорка устроилъ себѣ Эдисонъ частную резиденцію — такъ-называемый „Menlo Park“ — съ огромной лабораторіей, и здѣсь онъ со страстью углубляется въ свои занятія, работаетъ по 18-ти часовъ въ день, окруженный всѣми удобствами, доставляемыми богатствомъ. Исторія его изобрѣтеній слишкомъ общеизвѣстна, чтобъ приводить ее здѣсь: Эдисонъ безпрестанно беретъ новые патенты, преисполненъ тѣмъ же юношескимъ энтузіазмомъ, какъ и двадцать лѣтъ тому назадъ, и твердо настаиваетъ на томъ, что примѣненію электричества трудно найти и предѣлъ, и что съ нимъ новыя изобрѣтенія могутъ производиться со дня на день. Не измѣнилась въ Эдисонѣ и прежняя его легкость характера, веселость, преданность дѣлу и настойчивость въ преслѣдованіи цѣли: разъ какъ-то одно его изобрѣтеніе по части книгопечатныхъ машинъ долго ему не удавалось: тогда онъ взялъ съ собой на чердакъ, гдѣ стояла машина, пять человѣкъ рабочихъ и заявилъ, что самъ не сойдетъ съ мѣста, пока машина не станетъ дѣйствовать исправно; цѣлыхъ 60 часовъ

сразу онъ проработалъ тогда надъ этой машиной, не засыпая за все это время ни на одну минуту. Наконецъ достигъ своего, легъ спать—и проспалъ 30 часовъ безъ просыпа.

Конечно, не все давалось Эдисону однимъ личнымъ трудомъ и рѣшимостью, когда у него не было еще своихъ капиталовъ на производство опытовъ въ большихъ размѣрахъ. Но въ серьезныхъ денежныхъ затрудненіяхъ его всегда выручала отзывчивость его соотечественниковъ на всѣ научныя открытія и то чутье американцевъ, которое подсказываетъ имъ, какія новыя изобрѣтенія могутъ повести и къ большимъ практическимъ выгодамъ. Когда Эдисонъ пришелъ къ тому выводу, что электричество можетъ быть примѣнено къ освѣщенію, нью-іорская банковая контора „Drexel Morgan & Co“ приняла живой интересъ въ его изысканіяхъ и ссудила ему цѣлыхъ сто тысячъ долларовъ на опыты съ электричествомъ для того, чтобы сдѣлать это освѣщеніе вещью практической. Неистощимое терпѣніе Эдисона хорошо иллюстрируется хотя бы слѣдующимъ однимъ обстоятельствомъ изъ множества подобныхъ: люди, близкіе стоящіе къ Эдисону, угадываютъ, что онъ перепробовалъ цѣлыхъ двѣ тысячи различныхъ матеріаловъ, прежде чѣмъ окончательно рѣшилъ ввести бамбуковыя волокна въ пустоту стекляннаго шара своей электрической лампы. Нечего и говорить о томъ, какія трудности ему пришлось преодолѣть при введеніи электрическаго освѣщенія вопреки яростной оппозиціи газовыхъ обществъ, когда въ однихъ Соединенныхъ Штатахъ до четырехсотъ милліоновъ долларовъ положено въ акціи газовыхъ обществъ; а въ Англіи этихъ акцій насчитывается на цѣлыхъ пятьсотъ милліоновъ. Теперь это сопротивленіе газовыхъ обществъ въ значительной степени устранено и почти всѣ многочисленныя фабрики большихъ городовъ освѣщаются лампами Эдисона. Последнее по счету изобрѣтеніе Эдисона—сообщеніе телеграфныхъ станцій съ поѣздами на ходу и передача въ вагоны телеграфныхъ сообщеній безъ остановки поѣзда—принято здѣсь было при всеобщемъ энтузіазмѣ и будетъ, конечно, имѣть самое широкое примѣненіе. Эдисонъ пользуется въ странѣ великою популярностью, и успѣхи его съ электричествомъ такъ возбуждаютъ народный умъ, что американскіе рабочіе, кажется, готовы вѣрить, что съ электричествомъ для Эдисона нѣтъ ничего невозможнаго.

Двѣ-три особенности американской жизни, наиболѣе указываемыя въ Европѣ, нуждаются въ нѣкоторомъ разъясненіи. На первомъ планѣ стоитъ установившееся въ Европѣ убѣжденіе въ томъ, что Соединенные Штаты—по преимуществу страна земледѣльческая, а въ своихъ мануфактурахъ стоитъ еще далеко позади странъ

западной Европы. Полагая это, европейцы впадаютъ въ большую ошибку. Правда, что Соединенные Штаты вѣрно могутъ быть названы житницей міра, такъ какъ на 118 милліонахъ акрахъ воздѣлываемой здѣсь земли производится 2.698.000.000 бушелей верного хлѣба, тогда какъ даже на 150 милліонахъ акрахъ земли, находящейся подъ плугомъ въ Россіи, производится всего 1.585.000.000 бушелей зерна. Въ 1880 году Штаты стояли во главѣ всѣхъ странъ по размѣрамъ естественнаго ихъ производства, исчисляемаго уже въ 3.020.000.000 долларовъ, тогда какъ даже естественныя производства Россіи, при гораздо большемъ народонаселеніи, за тотъ же годъ, исчислялись всего въ 2.545.000.000 долларовъ; къ тому же $\frac{1}{4}$ всего народнаго богатства въ Соединенныхъ Штатахъ группируется при воздѣлываніи земли и усовершенствованіи ея продуктовъ.

Но еще болѣе знаменателенъ прогрессъ, замѣчаемый въ Штатахъ по мануфактурному производству: въ 1850 году производство каждаго рабочаго на американскихъ фабрикахъ равнялось 1.100 долларовъ въ годъ; а въ 1880 году цѣнность производства здѣшняго рабочаго возвысилась уже до 2.015 долларовъ на годъ. Одновременно съ тѣмъ возросло въ Штатахъ и количество рабочихъ, такъ что въ настоящее время—по народной переписи 1880 года—общій итогъ мануфактурнаго производства на 1.600.000.000 долларовъ въ 1850 году возвысился до 5.560.000.000 долларовъ въ 1880 году, т.-е. мануфактурное производство Штатовъ за тридцатилѣтній періодъ возросло почти на *шестьсотъ* процентовъ, тогда какъ мануфактурное производство Англіи, за тотъ же періодъ времени, возросло лишь на сто процентовъ, поднявшись въ 1880 году до 4.055.000.000 долларовъ. Такимъ образомъ, заатлантическая республика безспорно заняла уже и почетное мѣсто главной мануфактурной страны свѣта; этимъ собственно, какъ полагаемъ, и приходится объяснить быстрое обогащеніе страны: въ 1850 году все богатство Соединенныхъ Штатовъ исчислялось въ 8.430.000.000 долларовъ; въ 1880 году богатство республики дошло до 48.950.000.000 долларовъ, а теперь, въ 1886 году, оно вѣроятно уже простирается до громадной цифры 50.000.000.000 долларовъ.

Между тѣмъ неоспоримо, что, индивидуально взяты, англичане и шотландцы въ дѣлѣ мануфактуръ и изобрѣтательности проявляютъ болѣе таланта, чѣмъ американцы. По изслѣдованіямъ Andrew Carnegie, цѣлыхъ 49% всѣхъ живущихъ въ Штатахъ, англичанъ и шотландцевъ занимаются дѣлами мануфактурными,

тогда какъ въ той же отрасли труда участвуетъ всего 19% природныхъ американцевъ.

Несмотря на всеобщую славу американской изобрѣтательности, неоспоримо дознано, что большинство патентовъ выдается въ Соединенныхъ Штатахъ гражданамъ родомъ изъ Старой Англіи; тогда какъ большинство природныхъ американцевъ предается земледѣлію. Замѣчательно, однако, что даръ изобрѣтательности проявляется въ такой силѣ у англичанъ лишь при условіяхъ жизни въ Соединенныхъ Штатахъ.

Въ этомъ, ни съ чѣмъ на нашъ взглядъ несравнимомъ, музеѣ рѣдкостей—вашингтонскомъ музеѣ патентовъ—выставлено много тысячъ образцовъ всевозможныхъ моделей; съ 1836 года по 1880 годъ выдано было отсюда болѣе трехсотъ тысячъ патентовъ; а въ 1885 году выдано было болѣе 24.000 патентовъ, т.-е. почти на 80% болѣе, чѣмъ въ 1880 году.

Справляясь опять съ отчетами народной переписи въ Штатахъ за 1880 г., находимъ, что изъ тогдашняго 50-милліоннаго населенія страны около 17-ти милліоновъ приходилось лицъ, жившихъ на личный свой заработокъ; изъ нихъ цѣлыхъ 7³/₄ милліоновъ занималось воздѣлываніемъ земли въ той или другой формѣ, и лишь 3.800.000 человекъ приходилось фабричныхъ и другихъ лицъ, связанныхъ съ промышленными и мануфактурными отраслями въ странѣ; тогда какъ по рубрикѣ землепашества насчитывается всего 7% женщинъ, по мануфактурному производству ихъ уже оказывается 16% всего числа рабочихъ. Въ рубрику профессиональныхъ занятій занесено четыре милліона человекъ (сюда же причислены адвокаты, писатели, пасторы, доктора), изъ которыхъ насчитывается 1.360.000 человекъ женской прислуги. Перевозочная и торговая дѣятельность страны находится въ рукахъ 1.800.000 человекъ, изъ которыхъ всего 60.000—женщины.

Вообще и въ Соединенныхъ Штатахъ начинаетъ замѣчаться фактъ притяженія населенія къ большимъ центрамъ населенія; несмотря на то, что большинство замѣчательныхъ по уму и предпріимчивости людей выходитъ здѣсь изъ здоровой сельской среды, но рѣдкій изъ исключительно одаренныхъ молодыхъ людей долго мирится съ деревней — его скоро притягиваетъ къ себѣ городъ со своими широкими приспособленіями къ умственному удовлетворенію человека. Замѣчательно притомъ, что человекъ будто знаетъ, что отъ земли приходится ему всегда черпать новыхъ силъ въ случаяхъ истощенія: въ Штатахъ, напримѣръ, неизмѣнно замѣчается, что послѣ каждаго періода промышленнаго и торговаго застоя множество людей разсѣивается изъ городовъ

по сельскимъ мѣстностямъ, тогда какъ періоды процвѣтанія торговли притягиваютъ и сельскій элементъ къ большимъ городамъ.

Бстати сказать: ни на чемъ, кажется, такъ ярко не сказана сила американской предприимчивости, какъ на развитіи и улучшеніи путей сообщенія. Грандіозности достигнутыхъ въ этомъ отношеніи результатовъ въ значительной степени содѣйствуютъ, впрочемъ, благопріятныя естественныя условія страны: значительнѣйшіе горные хребты всѣ расположены по краямъ, и изъ нихъ течетъ огромное количество водъ западнымъ бассейномъ, гдѣ Миссиссипи съ притоками своими орошаетъ около $1\frac{1}{4}$ милліона квадратныхъ миль территоріи. По исчисленіямъ остроумнаго наблюдателя американскихъ учреждений, Andrew Carnegie ¹⁾, „пароходъ, вышедшій отъ Питтсбурга, въ Пенсильваніи, лежащаго въ 450 миляхъ внутри страны отъ Нью-Йорка и въ 2.000 миляхъ отъ устьевъ Миссиссипи, пройдя всѣми этими рѣчными системами Штатовъ, проплыветъ пространство значительно большее всей окружности земного шара“... Длина Миссиссипи равняется 2.250 милямъ, тогда какъ судоходная длина ея притоковъ доходитъ до 20.000 миль, а великія озера Америки содержатъ въ себѣ $\frac{1}{2}$ всей прѣсной воды на земномъ шарѣ.

Великіе естественные водяные пути страны, кромѣ того, дополнены и соединены между собою искусственными каналами. Въ 1880 году въ Штатахъ насчитывалось 4.468 миль каналовъ, обошедшихся странѣ въ 265 милліоновъ долларовъ; грузъ, проходящій этими каналами, дошелъ, въ томъ же году, до 21.044.292 тоннъ, давая валового сбора на 45 милліоновъ долларовъ. Помимо тѣхъ огромныхъ суммъ, какія ежегодно ассигнуются конгрессомъ на поддержку водяныхъ сообщеній страны, большія деньги идутъ на очистку гаваней и на другія работы, находящіяся преимущественно въ рукахъ офицеровъ арміи и флота.

Давно вошло въ обыкновеніе, среди невѣжественной публики, глумиться надъ американскимъ военнымъ и морскимъ вѣдомствами, которыя многими почитаются чуть ли не пятымъ колесомъ въ административной машинѣ страны. Регулярная армія страны состоитъ всего изъ 25.000 человекъ; да и это число многими здѣсь почитается излишнимъ, такъ какъ не съ кѣмъ имъ воевать, кромѣ почти въ концѣ вымершихъ индѣйцевъ. Правда, что на случай войны армія въ 25.000 солдатъ весьма ничтожна; но затѣмъ же и нужна американской націи постоянная армія, когда, за время гражданской войны 1861—65 го-

¹⁾ Andrew Carnegie: „Triumphant Democracy“.

довъ, она, какъ по мановенію волшебнаго жезла, поставила два милліона волонтеровъ и снарядила 626 военныхъ кораблей? За послѣднія же двадцать лѣтъ по всѣмъ штатамъ Союза добровольно организовалась милиція, члены которой—все люди зажиточные—несутъ службу даромъ, чтобы избавляться отъ „присяжной“ повинности и ради нѣкоторыхъ другихъ мелкихъ льготъ, и не стоятъ Штатамъ большихъ денегъ, кромѣ постройки барачныхъ, манежей и т. п. необходимыхъ вещей; но благодаря этой милиціи, на случай войны, по призыву президента Союза, разомъ можетъ явиться въ его распоряженіи болѣе семи милліоновъ до извѣстной степени обученныхъ, а главное — образованныхъ, патріотичныхъ и интеллигентныхъ солдатъ.

Но офицеры регулярной американской арміи и флота и не претендуютъ на чисто военную карьеру, что было бы при настоящихъ условіяхъ даже смѣшно. Ихъ миссія вполне мирная, но несравненно болѣе высокая и для согражданъ ихъ полезная: они работаютъ и производятъ наблюденія надъ измѣненіями атмосферы посредствомъ широкой системы сигнальных знаковъ—U. S. Signal Service; въ ихъ рукахъ находится бюро измѣненій въ погодѣ—Weather Bureau; они ежедневно составляютъ подробныя метеорологическія и другія карты, немедленно передаваемыя по телеграфу во всѣ большія газеты Союза; ими выработана полнѣйшая система опредѣленія ожидаемыхъ буръ на морѣ и циклоновъ на твердой землѣ; они руководятъ гидрографическимъ бюро, они производятъ топографическія изслѣдованія, измѣренія территорій, руководятъ обширною системою жизнеспасательныхъ станцій, расположенныхъ въ неслѣтномъ количествѣ вдоль всѣхъ морскихъ и озерныхъ береговъ Штатовъ, руководятъ комиссіями по рыболовству: полезной дѣятельности офицеровъ арміи и флота въ краткихъ словахъ и не перечесть.

Конечно, желѣзно-дорожные пути строятся здѣсь не этими слугами центральнаго правительства, а возникаютъ по мысли частныхъ лицъ и компаній, — но и тутъ результаты получаются грандіозные: за 55 лѣтъ въ Штатахъ проведено 128.000 миль желѣзныхъ дорогъ; въ 1880 году на всемъ земномъ шарѣ построено было меньше миль желѣзныхъ дорогъ, чѣмъ въ однихъ Соединенныхъ Штатахъ за тотъ же годъ. Нигдѣ во всемъ свѣтѣ желѣзно-дорожный переѣздъ не обставленъ большими удобствами.

В. МАКЪ-ГАХАНЪ.

БАЛКАНСКІЯ ДѢЛА

■

БОЛГАРСКІЙ ВОПРОСЪ

1877—1887 гг.

— Emile de Laveleye, La péninsule des Balkans. T. I—II. Paris, 1886.—A. von Huhn, Der Kampf der Bulgaren um ihre Nationaleinheit. Lpz. 1886.—Его же, Aus bulgarischer Sturmzeit. Lpz. 1886.—Spiridion Gopčević, Ereignisse in Bulgarien (Unsere Zeit, 1886).—X. Józef Hołubowicz, Bułgarja, jej przeszłość dziająca etc., Krakow, 1885.

I.

Десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы взяли на себя освобожденіе Болгаріи отъ турецкаго ига,—и въ этотъ короткій срокъ намъ пришлось пережить много переменъ и разочарованій. Положеніе наше на Балканскомъ полуостровѣ кореннымъ образомъ измѣнилось. Освобожденные народы рѣшительно отстраняются отъ своихъ освободителей и даже смотрятъ на нихъ какъ на противниковъ, отъ которыхъ нужно освободиться. Сербія окончательно втянулась въ сферу австрійскаго вліянія и австрійскихъ интересовъ; болгары ищутъ поддержки у англичанъ и нѣмцевъ: бывшіе защитники турецкаго господства дѣйствуютъ теперь подъ знаменемъ „свободы и единства“ Болгаріи; а мы отстаиваемъ какъ-будто формальныя права Турціи и неприкосновенность берлинскаго трактата, направленнаго противъ насъ же. Приверженцы

Россіи разсматриваются какъ измѣнники и бунтовщики въ предѣлахъ того княжества, которое создано русскимъ оружіемъ. Однимъ словомъ, роли такъ перемѣшались, что мы не узнаемъ теперь ни балканскихъ „братевъ-славянъ“, ни западно-европейской дипломатіи, и даже о собственной нашей восточной политикѣ выражаемся весьма различными мнѣніями.

Цѣлый рядъ недоразумѣній окружаетъ болгарскій вопросъ въ нашей печати. Иностраннѣйшій принцъ, предложенный Россіею же на постъ болгарскаго князя и утвержденный въ этомъ званіи всѣми великими державами, превратился вдругъ въ „авантюриста“ и „проходимца“—въ глазахъ нашихъ газетъ—только потому, что онъ оказался тѣмъ, чѣмъ былъ съ самаго рожденія—германскимъ принцемъ. Военное возстаніе, низложившее князя, было принято нашими газетными лже-консерваторами за вполне законный способъ дѣйствія, а участвовавшіе въ дѣлѣ офицеры и юнкера возведены были на степень особой политической партіи, призванной имѣть свою долю вліянія на управленіе страной. Регентство, назначенное болгарскимъ княземъ и одобренное большинствомъ народныхъ представителей, принималось за какую-то шайку самозванцевъ, захватившихъ власть по собственному произволу. Можно, дѣйствительно, осуждать политику князя Александра и его замѣстителей, съ точки зрѣнія интересовъ Россіи; но изъ этого еще не слѣдуетъ, что общепринятые политическія понятія должны быть примѣняемы навыворотъ къ болгарскимъ дѣламъ. Наши газеты отрицали, напримѣръ, полномочія софійскихъ правителей на томъ основаніи, что послѣдніе опирались на одну господствующую партію, съ устраненіемъ всякаго участія *оппозиціи* въ управленіи государствомъ; но гдѣ и когда привлекалась къ управленію оппозиція наряду съ господствующею въ данное время партіею? Вѣдь никто не находить ненормальнымъ одностороннее владычество консерваторовъ въ Пруссіи, торіевъ—въ Англіи, республиканцевъ—во Франціи, клерикаловъ—въ Бельгіи; почему же этотъ обычный порядокъ вещей вызываетъ обвиненія въ узурпаторствѣ, когда рѣчь идетъ о Болгаріи? Справедливо ли требовать отъ болгаръ, чтобы они дали Европѣ примѣръ какого-то небывалаго смѣшаннаго управленія, въ которомъ сливались бы всѣ разнородные элементы общества, безъ преобладанія одной партіи надъ другими? Говорятъ, что народныя выборы производятся въ Болгаріи подъ давленіемъ правительства и его агентовъ; но гдѣ же видимъ мы выборы, вполне свободные отъ оффиціальнаго воздѣйствія? Была ли свобода выборовъ болѣе обезпечена въ ту эпоху, когда князь Александръ уничтожилъ конституцію? Наши газеты находятъ,

что возмутительно и преступно со стороны болгарскихъ властей употреблять военную силу противъ военного возстанія и подвергать побѣжденных суровымъ карамъ; но гдѣ и когда поступали иначе въ подобныхъ случаяхъ? Можно признавать политическою ошибкою примѣненіе крутыхъ мѣръ при извѣстныхъ обстоятельствахъ; можно вообще возставать противъ жестокостей военной расправы, допускаемой, однако, законами всѣхъ странъ,—но нельзя ставить кому-нибудь такіа нравственныя требованія, которыхъ ни одно правительство въ мірѣ не считаетъ для себя обязательными. Король Миланъ, внучъ крестьянина Милоша Обреновича, распорядился въ Сербіи гораздо произвольнѣе, чѣмъ князь Александръ и его приверженцы въ Болгаріи; онъ арестовывалъ, изгонялъ и разстрѣливалъ оппозиционныхъ дѣятелей, предпринялъ ничѣмъ не оправдываемое нападеніе на сосѣднее княжество, исключительно изъ-за личнаго честолюбія,—и наши „патріоты“ не находили въ этомъ ничего особенно удивительнаго или незаконнаго. Если мы не расположены силою заставить Болгарію слѣдовать нашимъ указаніямъ, то нужно дѣйствовать разумными доводами, а не обольщать самихъ себя невѣрнымъ освѣщеніемъ событій.

Неправильная оцѣнка болгарскихъ дѣлъ можетъ влечь за собою и практическія ошибки. Изъ-за личности князя газеты какъ-будто забыли о народѣ; у насъ отнеслись враждебно къ осуществленію завѣтной цѣли всѣхъ болгаръ—той самой цѣли, ради которой мы приносили столько тяжелыхъ жертвъ, и которой не удалось намъ достигнуть санъ-стефанскимъ мирнымъ договоромъ. Въ то время, какъ весь болгарскій народъ съ восторгомъ привѣтствовалъ свое національное объединеніе, совершившееся столь легко и просто, наша печать нашла необходимымъ выступить рѣшительно въ защиту правъ султана и требовать восстановленія status-quo даже при помощи турецкихъ войскъ, къ полному недоумѣнію болгаръ и всего славянства. Мы явились въ этомъ случаѣ болѣе непреклонными охранителями берлинскаго трактата, чѣмъ сами авторы его—англичане и австрійцы; наши газеты гораздо больше заботились о правахъ Турціи, чѣмъ сама Порта. Соображенія, побуждавшія рекомендовать такой образъ дѣйствія, могли быть весьма вѣскими и основательными; но они были недоступны пониманію народныхъ массъ, и остались загадкою для большинства болгаръ. Съ этого момента начинается крутой поворотъ въ чувствахъ болгарскихъ патріотовъ относительно Россіи. Мы сознательно оттолкнули отъ себя Болгарію, увлеченную блестящимъ успѣхомъ безкровной филиппопольской революціи 6-го сентября 1885 года. Не при-

мирили нашихъ газетъ съ болгарами и неожиданныя побѣды ихъ надъ войсками короля Милана. Причиною того былъ князь Александръ, — но и онъ былъ устраненъ со сцены, чтобы облегчить возстановленіе могущественнаго русскаго покровительства. Однако эта надежда опять не сбылась. Удаленіе князя ни въ чемъ не поправило положенія страны; напротивъ, оно привело къ хронической неурядицѣ и къ опаснымъ междоусобіямъ. Болгары добивались назначенія новаго князя, сочувственнаго Россіи; но потерпѣли неудачу и въ этомъ. Второстепенные вопросы о срокѣ выборовъ въ народное собраніе и т. п. казались нашей печати болѣе важными, чѣмъ скорое и окончательное разрѣшеніе кризиса въ благопріятномъ для насъ смыслѣ. Болгарское регентство не было намъ враждебно на первыхъ порахъ: оно имѣло Каравелова въ своемъ составѣ, и наши требованія объ освобожденіи офицеровъ, возставшихъ противъ князя Александра, и о снятіи осаднаго положенія — были исполнены. Намъ, однако, не пришлось воспользоваться этимъ результатомъ, чтобы немедленно предложить подходящаго кандидата на княжескій престолъ; долго еще спорили о мелочахъ, возбуждались ненужныя пререканія и упражнялись въ рѣзкостяхъ по адресу регентовъ, которые понимали болгарскій патріотизмъ по своему. Нѣтъ такого оскорбительнаго эпитета, котораго не употребляли бы наши газеты относительно этихъ странныхъ „проходимцевъ“, занимавшихъ уже прежде почетныя должности, основанныя на общемъ довѣріи населенія. Конечно, председатель болгарскаго народнаго собранія или бывшій министръ-президентъ княжества — могли казаться ничтожествами съ нашей болѣе широкой точки зрѣнія; мы привыкли у себя въ болѣе крупнымъ дѣятелямъ, — но вѣдь Болгарія — государство небольшое, и для нея могутъ быть достаточно хороши и тѣ „мелкіе“ люди, которые выдвинулись на первый планъ и приобрѣли популярность въ народѣ, какъ выдвигались многіе мелкіе люди во Франціи, во время ея борьбы съ Германією. Мы порвали сношенія съ регентствомъ и отозвали нашихъ дипломатическихъ представителей, желая этимъ наказать непокорныхъ болгаръ; а въ дѣйствительности мы только очистили мѣсто непріязненнымъ вліяніямъ и оставили безъ надлежащей охраны русскіе интересы въ странѣ. Нашимъ кандидатомъ на трудный и отвѣтственный постъ правителя Болгаріи называли у насъ, правда, одно лицо, но это опять возбудило протесты даже въ сочувственныхъ намъ болгарскихъ кружкахъ. Анти-русскія тенденціи становятся, такимъ образомъ, рѣшительно преобладающими, по мѣрѣ того, какъ устраняются возможные способы примиренія; въ этомъ же духѣ измѣнился самый составъ регент-

ства, и послѣднее дѣйствуетъ теперь уже болѣе рѣзко и круто. Поднять былъ даже вопросъ объ укрощеніи болгаръ турецкими войсками, и эта оригинальная мысль серьезно обсуждалась въ нашихъ „патріотическихъ“ газетахъ, въ видѣ невиннаго будто бы проекта турецкой оккупации. Вообще наша печать дѣлаетъ все возможное для того, чтобы подорвать существующія еще симпатіи къ Россіи въ болгарскомъ населеніи и укрѣпить иностранныя связи на Балканскомъ полуостровѣ, а потому она же отыскиваетъ виноватыхъ за границу, громить австрійцевъ, англичанъ или нѣмцевъ, жалуется, подобно дѣтямъ, на берлинскую или иную интригу.

У насъ принято теперь обвинять Германію за всѣ неудачи русской политики въ теченіе послѣдняго десятилѣтія; но это объясняется лишь обычною нашею скромностью. Русская политика болѣе самостоятельна и свободна, чѣмъ полагаютъ иные патріоты; она не зависитъ даже отъ русскаго общественнаго мнѣнія, и тѣмъ менѣе можетъ слѣдовать указаніямъ изъ Берлина. „Берлинская дипломатія, — говорилось у насъ еще недавно, — не заставляла насъ ни останавливаться у Санъ-Стефано, ни отдавать наши условія мира на усмотрѣніе европейскаго конгресса, ни отталкивать Сербію и Болгарію небрежными или ошибочными дѣйствіями; во всемъ этомъ виноваты мы сами. Князь Бисмаркъ не разъ выражалъ недоумѣніе по поводу непонятной легкости, съ какою мы отказывались отъ естественныхъ плодовъ продолжительной и трудной войны, приведшей къ полному торжеству надъ Турціею; мы не держались принципа „*beati possidentes*“ и добровольно бросали добычу, купленную столь дорогою цѣною, подъ влияніемъ дипломатическихъ угрозъ Англіи. Князь Бисмаркъ не мѣшалъ Россіи и во время недавнихъ болгарскихъ усложненій; Германія дѣйствовала за-одно съ нами и даже отдалилась замѣтно отъ Австро-Венгріи, на востокѣ, чѣмъ и вызвала горькія нареканія вѣнской печати. Если же мы не воспользовались благоприятными обстоятельствами и возбудили противъ себя вражду Болгаріи, то въ этомъ опять-таки виноваты не нѣмцы и даже не англичане или австрійцы, а мы сами. Наши собственные ошибки запутали болгарскій кризисъ и сообщили ему нежелательное намъ направленіе; гораздо лучше сознаться въ этомъ прямо, чѣмъ взваливать отвѣтственность на мнимое коварство друзей и недруговъ“¹⁾.

Извѣстная часть нашей печати всегда настойчиво проповѣдывала политику, основанную на пустомъ самообольщеніи. Но теперь и у другихъ встрѣчаются рѣзкіе отголоски взглядовъ, считавшихся

¹⁾ См. Иностранное Обзоріе, мартъ, 1887, стр. 408—9.

въ былое время спеціальною принадлежностью „Московскихъ Вѣдомостей“. Между прочимъ, въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ было высказано желаніе присоединить Болгарію на правахъ Финляндіи, такъ какъ болгары не имѣютъ-де своего собственнаго правящаго класса, и мы могли бы имъ удѣлить великодушно нѣкоторую долю нашего испытаннаго чиновничества. Страна пользовалась бы самоуправленіемъ въ дѣлахъ внутреннихъ, подъ контролемъ русской военной силы; для этого, по увѣренію журнала, не нужно ни пересмотра берлинскаго трактата, ни согласія великихъ державъ: Европа не посмѣетъ противопоставить намъ свое „veto“—вѣроятно, изъ страха, что мы повторимъ знаменитую угрозу „закидать ее шпалками“. Превращая Болгарію въ русскую провинцію, упомянутый журналъ считаетъ излишнимъ принимать въ расчетъ желанія самихъ болгаръ или вассальную зависимость княжества отъ Турціи; достаточно знать, что такого рѣшенія болгарскаго вопроса требуетъ, будто бы, наша „народная совѣсть“, олицетворяемая кучкою храбрыхъ политикановъ, готовыхъ воевать съ цѣлымъ міромъ у себя дома ¹⁾. Въ подобномъ же воинственномъ духѣ высказывается г. Иловайскій, который, какъ историкъ, долженъ былъ бы помнить тяжелые опыты недавняго прошлаго. То, чего нельзя было достигнуть путемъ войны съ одною лишь Турціею, можетъ быть устроено теперь, вопреки всей Европѣ,—такова, въ сущности, удивительная идея, которую развивали на разные лады наши предприимчивые патріоты. Непостижимое легкомысліе этихъ утверждений не ослабляетъ ихъ вреднаго вліянія на умы; вновь повторяется старая исторія, приводившая уже столько разъ къ опаснымъ испытаніямъ. Положеніе балканскаго вопроса не становится легче или яснѣе отъ смѣлыхъ возгласовъ нашей лже-патріотической печати.

¹⁾ Замѣтимъ кстати, что авторъ этого курьезнаго завоевательнаго проекта, г. Юмаковъ, въ той же книжкѣ „Сѣвернаго Вѣстника“ (1886, № 9), горячо возражаетъ противъ обвиненія его въ воинственности, высказаннаго нами мимоходомъ въ сентябрьской книжкѣ „Вѣстника Европы“ за прошлый годъ (въ замѣткѣ „по поводу недавнихъ толковъ о войнѣ“). Онъ просто забылъ, что имъ писано было раньше, напр., въ майской книжкѣ „Сѣв. Вѣстника“ за 1886 годъ, гдѣ кровавая борьба за гегемонію признается какъ бы общимъ историческимъ закономъ, обязательнымъ и для будущихъ отношеній между народами; онъ также не разъ восхвалялъ генерала Буляндѣ, какъ представителя „отважной“ внѣшней политики во Франціи; онъ доказывалъ въ свое время неизбежность и законность англо-русской войны и т. п. Быть можетъ, во всемъ этомъ нѣтъ ничего дурного съ точки зрѣнія г. Юмакова; но въ такомъ случаѣ становится непонятною та странная рѣзкость, съ какою онъ отозвался на нашу замѣтку. Остается лишь пожалѣть о томъ, что писатель, считающій себя прогрессивнымъ, передовымъ, такъ легко усваиваетъ не только политическіе взгляды, но и полемическіе приемы противнаго лагеря.

II.

Правильное пониманіе восточнаго кризиса можетъ быть выработано только путемъ безпристрастнаго ознакомленія съ политическими стремленіями балканскихъ народностей, съ ихъ общественнымъ развитіемъ и внутренними обстоятельствами за послѣдніе годы. Нужно сознаться, что русская печать сдѣлала въ этомъ отношеніи гораздо меньше, чѣмъ заграничная. Наша литература представляетъ очень мало добросовѣстныхъ описаній современнаго быта Болгаріи или Сербіи, такъ что подробныя свѣденія объ этихъ земляхъ приходится заимствовать изъ иностранныхъ источниковъ. Если не считать газетныхъ и журнальныхъ корреспонденцій, которыя большею частью относятся лишь къ текущимъ злобамъ дня, то въ сущности у насъ не оказывается ни одного цѣльнаго труда, посвященнаго изученію болгарскихъ дѣлъ и событій самаго послѣдняго времени. Между тѣмъ за границею появился за это время цѣлый рядъ подобныхъ сочиненій, и нѣкоторыя изъ нихъ заслуживаютъ полнаго вниманія по серьезной и талантливой разработкѣ фактовъ. За одинъ истекшій годъ вышло пять-шесть весьма поучительныхъ книгъ, написанныхъ иностранцами по поводу балканскаго вопроса, и въ числѣ этихъ книгъ мы находимъ двухтомное сочиненіе такого авторитетнаго ученаго изслѣдователя и публициста, какъ Эмиль де-Лавелэ.

Западно-европейскіе наблюдатели не всегда сохраняютъ безпристрастіе въ дѣлахъ Востока; они слишкомъ часто склонны судить о славянствѣ съ точки зрѣнія существующаго антагонизма интересовъ и традиціонныхъ политическихъ предразсудковъ. Но они имѣютъ одно важное преимущество передъ русскими корреспондентами: они гораздо больше интересуются общими условіями жизни страны и съ любопытствомъ останавливаются на такихъ особенностяхъ въ положеніи и развитіи народа, которыя для насъ кажутся чѣмъ-то привычнымъ и естественнымъ. Какъ бы ни думали иностранцы о восточномъ вопросѣ, они все-таки — только зрители происходящихъ или предстоящихъ событій: для нихъ балканскія племена — нѣчто постороннее и далекое, предметъ наблюденій и дипломатическихъ комбинацій, тогда какъ съ нашей стороны замѣшаны тутъ и внѣшніе государственные интересы, и соображенія національнаго самолюбія, и память о прошлыхъ войнахъ, и ожиданіе новыхъ войнъ. Мы невольно поддаемся чувству раздраженія или безпокойства, когда рѣчь идетъ о придунайскихъ „братушкахъ“; мы не можемъ хладнокровно анализировать явле-

ніа, совершающіяся въ этой щекотливой для насъ области. Насъ занимаетъ главнымъ образомъ политическая сторона того сложнаго процесса, которымъ балканскія земли поочередно отчуждаются отъ Россіи; но не менѣе важное значеніе имѣютъ перемены въ хозяйственномъ бытѣ этихъ земледѣльческихъ странъ, подвергшихся внезапному напору богатыхъ и жадныхъ промышленныхъ силъ Запада. Любопытно прослѣдить, какъ насаждаются и дѣйствуютъ европейскія политическія идеи на свѣжей почвѣ молодыхъ балканскихъ государствъ,—какъ усваиваются и передѣлываются на туземный ладъ дурныя и хорошія черты европейской правительственной системы. Перерожденіе общественныхъ нравовъ и понятій подъ вліяніемъ иностраннаго покровительства представляетъ такой же глубокий интересъ, какъ и экономическая борьба, могущая привести къ порабощенію освобожденныхъ народовъ заграничными биржами и кредиторами. Въ этомъ отношеніи имѣютъ для насъ особенную цѣнность наблюденія и замѣтки Лавелэ, изложенныя въ безпритязательной и отчасти отрывочной формѣ, подъ общимъ заглавіемъ: „La péninsule des Balkans“.

Книга Лавелэ посвящена „знаменитому защитнику угнетенныхъ національностей“, Гладстону, чѣмъ и опредѣляется общій характеръ ея тенденціи. Авторъ хотѣлъ, между прочимъ, изслѣдовать, какія перемены произошли за послѣднія пятнадцать лѣтъ въ патріархальномъ режимѣ семейной задруги и общиннаго землевладѣнія у южныхъ славянъ. „Не надо пропускать настоящаго момента,—говоритъ онъ,—ибо всѣ эти населенія быстро измѣняются. Подъ вліяніемъ желѣзныхъ дорогъ, новыхъ политическихъ формъ и болѣе близкихъ отношеній съ западною Европою, они не замедлятъ оставить свои мѣстные обычаи и первобытныя учрежденія, чтобы усвоить себѣ законодательство и образъ жизни, которые мы называемъ современною цивилизаціею. Они откажутся отъ своихъ живописныхъ костюмовъ и вѣзовыхъ обычаевъ, чтобы одѣваться, мыслить, обсуждать дѣла по-парламентски, ссориться и поучать по образцу Парижа или Лондона“. Авторъ остроумно жалуется на чрезмерное развитіе промышленности, грозящей „испортить и испачкать нашу планету“... „Химическіе продукты отравляютъ воды; отбросы фабрикъ покрываютъ поля; каменноугольный дымъ грязнитъ зелень растений и лазурь неба; нечистоты большихъ городовъ превращаютъ рѣки въ помойныя ямы, откуда выходятъ микробы тифа. Полезное уничтожаетъ красоту. И вездѣ то же самое, и иногда это больно до слезъ. На прелестномъ островѣ святой Елены, близъ публичныхъ садовъ Венеціи, устроена фабрика локомотивовъ; церковныя развалины

V-го вѣка превращены въ печи и трубы, и черный дымъ покрываетъ слоемъ грязнаго пота розовый мраморъ дворца дождей и мозаики св. Марка, какъ это можно видѣть въ Лондонѣ на фасадахъ св. Павла, покрытыхъ сплошь полосами грязи“. Но Лавелъ находитъ и утѣшительную сторону въ этой непріятной картинѣ—возростаніе народнаго богатства, увеличеніе числа зажиточныхъ семействъ; и „если это будетъ такъ продолжаться, то массы будутъ состоять уже не изъ лицъ, живущихъ рабочей платою, а изъ людей, получающихъ прибыль, процентъ или ренту“. Съ тѣмъ же легкимъ оптимизмомъ авторъ рѣшаетъ и другіе вопросы, встрѣчающіеся ему на пути; онъ ограничивается остроумными замѣчаніями, приводитъ фактическія данныя и освѣщаетъ ихъ по-своему, безъ всякихъ научныхъ претензій. Упомянувъ о новыхъ университетскихъ сооруженіяхъ въ Германіи, онъ замѣчаетъ: „прикладная наука есть главный источникъ богатства и слѣдовательно могущества; поэтому, о, государства! хотите быть могущественными и богатыми? Поощряйте ученыхъ“. Пройдя черезъ австрійскія владѣнія, Лавелъ попалъ въ область жгучихъ національныхъ споровъ. „Пробужденіе національностей—по его словамъ—есть неизбежное послѣдствіе развитія демократіи, печати и литературы. Самодержавный монархъ можетъ управлять двадцатью различными народами, не заботясь ни объ ихъ языкѣ, ни объ ихъ происхожденіи. Но все измѣняется, когда наступаетъ царство представительныхъ собраній. Языкъ господствуетъ. На какомъ языкѣ будутъ говорить? Конечно, на народномъ. Занимаясь обученіемъ народа, вы можете дѣлать это только на его языкѣ. Судить людей также нельзя на языкѣ иностранномъ. Чтобы представлять народъ въ парламентъ и заручиться голосами избирателей, необходимо говорить понятнымъ для народа языкомъ. Такимъ способомъ парламентъ, суды, школы, преподаваніе во всѣхъ его степеняхъ мало-по-малу завоевываются языкомъ національнымъ... Это служитъ источникомъ разногласій и затрудненій, которыя становятся почти неодолимыми въ мѣстностяхъ съ смѣшаннымъ населеніемъ... Лучше было бы, безъ сомнѣнія, еслибы въ Европѣ существовало только три-четыре языка или даже одинъ общій для всѣхъ. Но въ ожиданіи, пока исполнится этотъ идеалъ единства, всякій освободившійся народъ, призванный управлять собою, будетъ домогаться признанія правъ своего языка и старается соединиться съ людьми, говорящими на одномъ съ нимъ языкѣ,—развѣ только онъ найдетъ свое полное удовлетвореніе въ избранной національности, соотвѣтствующей его понятіямъ и традиціямъ. Эти именно требованія объ употребленіи національ-

наго языка и стремленіе къ образованію государствъ, основанныхъ на племенныхъ группахъ, волнуютъ въ настоящее время Австрію и полуостровъ Балканскій“.

Въ Вѣнѣ авторъ имѣлъ разговоръ съ министромъ-президентомъ графомъ Таафе, который воспользовался случаемъ для объясненія своей федеральной программы. „Истинное единство,—сказалъ между прочимъ министр,—будетъ результатомъ всеобщаго удовлетворенія; а чтобы удовлетворить всѣхъ, нужно избѣгать нарушенія чьихъ бы то ни было правъ“. Автора удивляетъ только коренное различіе между политикою австрійскаго правительства внутри и тенденціями ея въ дѣлахъ внѣшнихъ. „Внутри славянское движеніе, очевидно, поддерживается. Такъ, въ Галиціи и въ Чехіи ему уступаютъ во всемъ, исключая только возстановленія королевства св. Вячеслава, для котораго, однако, подготавливается почва. Напротивъ, во внѣшней политикѣ, и особенно по ту сторону Дуная, стараются противодействовать славянскому движенію, рискуя даже увеличить въ тревожной степени популярность и вліяніе Россіи. Это противорѣчіе объясняется тѣмъ, что общее имперское министерство совершенно независимо отъ министерствъ Цислейтаніи. Общее министерство состоитъ только изъ трехъ министерствъ—иностранныхъ дѣлъ, финансовъ и военнаго; оно одно имѣетъ право заниматься внѣшними дѣлами, и венгерцы въ немъ преобладаютъ“. Теперь, какъ извѣстно, Австрія поддерживаетъ, однако, славянскую автономію и за Дунаемъ; самыми усердными друзьями Болгаріи оказываются именно мадьяры, такъ что объясненіе Лавеля представляется недостаточнымъ. Стремленія балканскихъ народностей вызывали австрійскую вражду только до тѣхъ поръ, пока они совпадали съ предполагаемыми планами Россіи. Графъ Кальноки лично объяснилъ автору свою политическую программу. „На Западѣ,—замѣтилъ онъ,—намъ приписываютъ завоевательныя намѣренія. Это нелѣпость. Намъ трудно было бы дѣлать приобрѣтенія, способныя удовлетворить обѣ половины имперіи, и притомъ мы имѣемъ наибольшій интересъ въ сохраненіи мира. Но есть завоеванія, о которыхъ мы мечтаемъ, и которымъ вы, какъ экономистъ, будете рукоплескать. Эти завоеванія могутъ быть сдѣланы нашей промышленностью, нашей торговлею и нашей цивилизаціею. Для того, чтобы они могли осуществиться, необходимы желѣзныя дороги въ Сербіи, въ Болгаріи, въ Босніи, въ Македоніи, и особенно нужно соединеніе съ оттоманскою желѣзно-дорожною сѣтью, которое окончательно свяжетъ Востокъ съ Западомъ. Инженеры и дипломаты заняты этимъ дѣломъ. Надѣюсь, что мы достигнемъ цѣли въ скоромъ времени. Я думаю,

вы ничего не будете имѣть противъ того, чтобы удобный вагонъ доставилъ васъ въ три дня изъ Парижа въ Константинополь. Мы работаемъ для васъ, людей Запада". Болѣе подробныя свѣденія объ этомъ предметѣ авторъ получилъ отъ Каллая, имперскаго министра финансовъ и администратора Босніи. По мнѣнію министра, „Австрія призвана въ занятыхъ провинціяхъ исполнить великую миссію, изъ которой вся Европа извлечетъ свою выгоду: австрійцы должны оправдать оккупацию, цивилизуя край". „Насъ упрекаютъ, — продолжалъ Каллай, — что мы до сихъ поръ еще не разрѣшили поземельнаго вопроса въ Босніи. Но то, что происходитъ въ Ирландіи, доказываетъ, съ какими трудностями сопряжено рѣшеніе подобныхъ задачъ. Въ Босніи вопросъ усложняется еще столкновеніемъ мусульманскаго права съ нашими европейскими законами. Нужно изучить положеніе дѣлъ на мѣстѣ, чтобы понять замѣшательства, останавливающія насъ на каждомъ шагѣ. Такъ, по турецкимъ законамъ, всѣ лѣса составляютъ собственность государства, и мы придаемъ большое значеніе этому праву, въ видахъ сбереженія лѣсовъ. Съ другой стороны, поселяне настаиваютъ на своемъ правѣ пользоваться государственными лѣсами, въ силу обычая. Еслибы они довольствовались только тѣмъ, что имъ необходимо, мы не видѣли бы въ этомъ никакого зла; но они истребляютъ деревья безъ всякой пощады. Мы издадимъ законъ для охраны лѣсовъ, столь необходимыхъ въ такой гористой странѣ; но какъ заставить исполнять его? Нужно было бы имѣть армію лѣсныхъ сторожей и вызывать постоянныя столкновенія повсюду". Въ отвѣтъ на замѣчаніе Лавелэ о пользѣ соединенія Босніи и Герцеговины съ Далмаціею, Каллай указалъ на вѣроятные результаты „одного изъ первыхъ благодѣяній оккупации" — недавно оконченной желѣзно-дорожной линіи, соединяющей Вѣну съ центромъ Босніи, Сараевомъ. Авторъ вообще отзывался сочувственно о дѣятельности австрійцевъ на Балканскомъ полуостровѣ; онъ одобряетъ иноземное господство надъ босняками, установленное съ согласія Россіи на берлинскомъ конгрессѣ и вызвавшее извѣстный возгласъ Гладстона, обращенный къ Австріи: „Hands off"! Очевидно, въ этомъ пунктѣ авторъ не сходитъ съ знаменитымъ либеральнымъ вождемъ, которому посвящена его книга.

Направляясь въ Боснію, Лавелэ остановился на нѣсколько дней у извѣстнаго епископа Штроссмайера, въ Дьяковѣ. Авторъ превозноситъ личныя качества и общественныя заслуги католическаго архипастыря, которому хорваты обязаны своею академіею наукъ и своимъ университетомъ. Епископъ Штроссмайеръ при-

надлежитъ къ пренебрегаемой у насъ старой школѣ дѣателей, считающихъ народное просвѣщеніе единственною основою всякихъ успѣховъ—политическихъ, культурныхъ и религіозныхъ. Результаты, достигаемые этою просвѣтительною дѣятельностью, чувствуются на каждомъ шагѣ въ возрождающейся національной жизни австрійскихъ славянъ. Авторъ не думаетъ, чтобы былъ возможенъ или желателенъ успѣхъ пропаганды въ пользу Рима; но „дѣло, которому отдалъ свою жизнь Штрессмайеръ,—возстановленіе хорватской народности,—поставлено настолько крѣпко, что оно выдержитъ уже самыя сильныя испытанія и удары“. Въ окрестностяхъ Дьякова Лавелъ имѣлъ случай наблюдать патриархальный бытъ земледѣльческихъ семейныхъ общинъ, или задругъ, которыя, по его свидѣтельству, пользуются гораздо большимъ благосостояніемъ, чѣмъ прочія крестьянскія хозяйства. Постепенное исчезновеніе задругъ есть фактъ печальный, о которомъ искренно сожалеетъ авторъ. „Мысль, что всякое нововведеніе есть прогрессъ, такъ овладѣла нашими умами, что мы склонны осуждать все исчезающее. Любовь къ переменѣмъ, вкусъ къ роскоши, духъ неподчиненія, вѣянія индивидуализма и проникнутыя ими законодательства, называемыя прогрессивными,—все это убиваетъ задруги. Трудно видѣть во всемъ этомъ истинный прогрессъ“. Въ Босніи авторъ нашелъ уже значительныя слѣды австрійской культуры; но серьезныя реформы затрудняются еще преобладающею ролью мусульманства въ мѣстномъ населеніи. „Счастіе Сербіи, Болгаріи и Румелии—въ томъ, что мусульмане, будучи турками, удалились или уходятъ оттуда. Здѣсь же, будучи славянами, они большею частью остаются“. Въ Сараевѣ Лавелъ помѣстился въ роскошной, монументальной гостинницѣ, устроенной со всевозможнымъ европейскимъ комфортомъ, и по этому поводу онъ опять благословляетъ оккупацию. При содѣйствіи боснійскаго правителя, барона Николича, авторъ ознакомился съ любопытными особенностями землевладѣнія въ странѣ. „Источникомъ собственности считается трудъ. Деревья, посаженные на чужой землѣ, или постройки, возведенныя на ней, составляютъ независимую собственность. То же самое существуетъ въ Алжирѣ; гдѣ часто произведенія почвы раздѣляются между тремя владѣльцами: одинъ собираетъ зерно, другой—плоды деревьевъ, а третій—кормъ для скота, въ теченіе лѣта. Владѣлецъ построекъ или растений на чужой землѣ можетъ приобрѣсти ее въ собственность, если стоимость его работъ превышаетъ цѣнность почвы. Во всемъ мусульманскомъ мірѣ, отъ Марокко до Явы, расчистка земли есть одинъ изъ главныхъ способовъ при-

обрѣтенія права собственности, и право утрачивается съ прекращеніемъ обработки. Общественный интересъ ставитъ границы правамъ частнаго владѣльца. Собственникъ можетъ только пользоваться, но не злоупотреблять землею; онъ долженъ сохранять ея производительность. Онъ не можетъ продавать свою землю кому угодно; сосѣди, обыватели села и арендаторъ имѣютъ право преимущественной покупки. Въ Босніи и Сербіи дѣйствуетъ съ давнихъ временъ благотѣльный принципъ, ограждающій поселанъ отъ разоренія со стороны ростовщиковъ: кредиторы не могутъ отнимать у должника ни его жилища, ни пространства земли, необходимаго для его пропитанія. Мало того, если на земляхъ, подвергнутыхъ аресту и продажѣ, не оказывается скромнаго жилища, соответствующаго положенію неоплатнаго должника, то кредиторы обязаны построить ему избу. Множество людей живетъ въ Сараевѣ насчетъ благотворительности; по разслѣдованію обнаружилось, что всѣ эти нищія владѣютъ домами". Но хорошіе принципы существовали только для мусульманъ, и христіанскіе поселане были доведены до положенія безправнаго свота, или „райи“, при турецкомъ владычествѣ. Австрійское правительство довольствуется пока посредничествомъ между землевладѣльцами-бегами и крестьянами-кметами, съ цѣлью установленія обязательнаго размѣра платежей и повинностей. Земледѣліе находится въ довольно печальномъ состояніи; авторъ совѣтуетъ водворять на государственныхъ земляхъ австрійскихъ поселенцевъ, способныхъ служить примѣромъ для туземнаго крестьянства, — хотя, съ точки зрѣнія босняковъ, раздача поземельныхъ участковъ иностраннымъ колонистамъ была бы крайне несправедлива и нецѣлесообразна. Въ Сараевѣ учреждено статистическое бюро, работы котораго отличаются полнотою и добросовѣстностью; подробный поземельный кадастръ составленъ въ теченіе семи лѣтъ, причемъ израсходовано около семи миліоновъ франковъ. „Пока Боснія принадлежала туркамъ, она оставалась областью болѣе невѣдомою, чѣмъ вершины Гималаевъ или даже Памира. Теперь она извѣстна во всѣхъ своихъ деталяхъ: изслѣдована почва, описаны и измѣрены земельныя владѣнія, опредѣленъ составъ населенія по племенн, религіи и занятіямъ, изученъ аграрный режимъ. Кто пересмотритъ официальные труды здѣшняго бюро, тотъ будетъ знать эту страну лучше, чѣмъ свою“. Число чиновниковъ значительно увеличилось; одинъ учитель приходится на 4.500 жителей; адвокатовъ нѣтъ совсѣмъ, и турки презираютъ ихъ, такъ какъ кораномъ строго осуждены люди, „занимающіеся чужими дѣлами съ хитростью и лукав-

ствомъ, и всякая личность этого рода должна быть изгоняема изъ хорошаго общества“. Въ Сараевѣ издаются двѣ газеты—дѣло небывалое при турецкомъ правительствѣ. Австрійская власть старается сохранить безпристрастіе относительно католиковъ и православныхъ; она устроила православную семинарію, учредила духовную консисторію при митрополитѣ и даетъ средства на поддержаніе и возстановленіе православныхъ церквей. Православные босняки не поддаются католической пропагандѣ; вѣроисповѣданіе неразрывно связано у нихъ съ народностью. Обязательная военная служба сглаживаетъ религіозныя и національныя различія; представители будущаго поколѣнія обучаются совмѣстно въ военномъ боснійскомъ училищѣ и въ 42-хъ общихъ правительственныхъ школахъ. Въ Сараевѣ послѣдовательно учреждены—средне-учебное заведеніе, особенно для сыновей должностныхъ лицъ; классическая гимназія и высшая школа для дѣвицъ. По отчету 1883 года, въ Босніи числится 132 школы, съ 196-ю учителями и 8.132 учащимися; а если считать мусульманскія училища, то учащихся всего 35.660, или на 100 жителей приходится 3 воспитанника. На пути сообщенія потрачено, со времени оккупации, около 14-ти милліоновъ флориновъ, изъ которыхъ 13 милл. дано имперскимъ казначействомъ. Правительство издало уголовный кодексъ, уставы гражданскаго и уголовного судопроизводства, торговый уставъ и законъ о несостоятельности. Сдѣлана также попытка ввести городское самоуправленіе, которымъ пользуется пока только городъ Сараево. Несмотря на всѣ эти исключительные расходы, австрійцамъ удалось избѣгнуть дефицита въ бюджетѣ Босніи и Герцеговины: за 1884 годъ получился избытокъ доходовъ въ 56½ тысячи, при общей цифрѣ бюджета въ 7½ милл. флориновъ. Между тѣмъ бремя налоговъ не только не увеличилось, но еще напротивъ—ослабло; отменены стѣснительные сборы съ поселянъ, пошлины съ продажи крупнаго скота, денежныя взносы лицъ свободныхъ отъ рекрутчины и сборы съ православныхъ на содержаніе ихъ духовенства.

„Что сказать теперь объ австрійской оккупациі?—заключаетъ Лавелло:—Если, забывъ политическіе счеты, имѣть въ виду только прогрессъ цивилизаціи въ Европѣ, то никакое сомнѣніе невозможно; всякій другъ человѣчества долженъ сердечно одобрять оккупацию. Неурядица, съ ея жестокими бѣдствіями и страданіями, все болѣе возростала подъ турецкимъ господствомъ. При новомъ режимѣ предстоитъ быстрое и общее улучшеніе. Но нельзя ли было рѣшить дѣло иначе и лучше? Не слѣдовало ли

присоединить Боснію и Герцеговину къ Сербіи? Предположивъ великодушную готовность Австріи возсоздать сербское царство Душана, мы наткнулись бы прежде всего на два важныя затрудненія. Во-первыхъ, босняки-мусульмане (448.613 чел.), которые сдерживаются теперь корпусомъ отборныхъ войскъ въ 25.000 человекъ, подчиняются Австріи только потому, что она можетъ располагать въ случаѣ надобности полумилліонною арміею; но они едва ли подчинились бы владычеству Сербіи, имѣющей въ мирное время не болѣе 15.000 солдатъ. Это было бы поводомъ къ постояннымъ столкновеніямъ и вызывало бы финансовыя усилія, разорительныя для молодого сербскаго королевства. Другое препятствіе еще болѣе серьезно. Боснія, присоединенная къ Сербіи, оставалась бы вновь отдѣленною отъ далматскаго побережья и портовъ, составляющихъ ея естественное и необходимое дополненіе. Не нужно стремиться къ идеалу, неосуществимому въ данное время. Содѣйствуя развитію благосостоянія и образованія въ Босніи, Австрія подготавливаетъ великое будущее для южно-славянскаго племени. Движеніе національностей столь могущественно и неодолимо, что настанетъ время, когда всѣ славянскія племена на югѣ успѣютъ соединиться подъ федеральною властью, или въ составѣ преобразованной австрійской имперіи, или въ независимомъ союзѣ¹⁾. Къ сожалѣнію, народы предпочитаютъ свое управленіе дурное—чужому хорошему и расчетливому, такъ что нынѣшняя австрійская администрація не можетъ пользоваться особеннымъ сочувствіемъ боснійскихъ сербовъ.

III.

Пребываніе въ Сербіи даетъ мало пріятныхъ впечатлѣній путешественнику при настоящемъ политическомъ положеніи страны. Лавелэ говоритъ о сербскихъ дѣлахъ съ нѣкоторымъ отгнѣнкомъ ироніи. Король Миланъ занятъ своимъ бюджетомъ; онъ радуется, что доходы, составившіе 13 милліоновъ въ 1868 году, при вступленіи его на престолъ, возросли до 34 милліоновъ въ 1883 году. „И мы не остановимся на этомъ,—говорилъ онъ автору,—ибо налоги плохо распределены: они могутъ дать вдвое, не разоряя плательщиковъ“. Лавелэ позволяетъ себѣ замѣтить, что „возростаніе бюджетовъ есть болѣзнь, свойственная всѣмъ совре-

¹⁾ Противъ этого австрофильскаго взгляда Лавелэ горячо возстаетъ г. Стоянъ Бошковицъ въ брошюрѣ: „La mission du peuple serbe“ (Вух., 1886).

меннымъ государствамъ, что нужно бороться съ нею, чтобы она не сдѣлалась смертельною". Король Миланъ понимаетъ по-своему задачи правителя; онъ сооружаетъ рядомъ съ нынѣшнимъ своимъ „кѣнакомъ" обширный дворецъ съ претенціозными куполами, выступающій вплоть до самой ланіи бульвара. На обѣдѣ у короля, Лавелэ вторично напоминаетъ, что „непроизводительные расходы повсюду разоряютъ семейства и государства", и что „монархи должны подавать примѣръ простоты и экономіи". Въ Сербіи хотятъ расширить полномочія центральной власти, въ ущербъ мѣстнымъ общинамъ, для того, чтобы все было болѣе однообразно и методично; „это прогрессъ навыворотъ, ибо на западѣ всѣ признаютъ преимущества децентрализаціи, и мы были бы счастливы, еслибы можно было имѣть общину, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ или въ Сербіи". Бѣлградскіе „государственные люди" желаютъ искусственными мѣрами создать крупную промышленность; для этого устанавливаются монополіи, субсидіи и льготы, обременительныя для казны и для всего населенія. „Всякая монополія, — по замѣчанію автора, — есть преграда, задерживающая развитіе, и ее устраняютъ вездѣ, гдѣ только могутъ. Она имѣетъ еще смыслъ, когда приноситъ доходъ казначейству; но монополія, которая стоитъ денегъ государству и ложится бременемъ на плательщиковъ, есть вещь негнѣная и несправедливая. Въ странѣ, гдѣ всѣ владѣютъ землею и обрабатываютъ ее, не наступило еще время для фабричной промышленности; нѣтъ пролетаріата, который могъ бы доставить дешевыя рабочія руки. Въмѣсто того, чтобы радоваться такому счастливому экономическому состоянію, позволяющему людямъ вести здоровую жизнь въ деревнѣ и зарабатывать хлѣбъ земледѣльческимъ трудомъ, сербское правительство хлопочетъ о созданіи искусственной индустріи, противорѣчащей природѣ вещей и болѣе доступной, чѣмъ напѣ, жестокимъ кризисамъ, отъ которыхъ мы страдаемъ періодически. Какое заблужденіе! Оно вызывается тою идеею, что страна, лишенная крупной промышленности, должна считаться отсталою, варварскою. Видя возвышающіяся фабричныя трубы, эти прогрессисты привѣтствуютъ ихъ, какъ проявленіе западной цивилизаціи. Кто имѣетъ выгоду отъ созданія этихъ учреждений? Ни государство, дающее имъ всякаго рода льготы, ни публика, обираемая монополистами, ни рабочіе, оторванные отъ деревни и скученные въ мастерскихъ. Нѣкоторые иностранные спекуляторы обогатятся, можетъ быть, насчетъ Сербіи и пойдутъ расходовать въ другомъ мѣстѣ чистую прибыль, доставляемую привилегированными поборами... Почти все нужное жи-

телямъ деревень, т.-е. девяти-десятымъ населенія,—одежда, мебель, хозяйственные принадлежности и земледѣльческія орудія,—приготавливается на мѣстѣ домашними промыслами. Затѣмъ уничтожать эти промыслы монопольною конкуренціею, которая взамѣнъ хорошихъ, крѣпкихъ издѣлій, соответствующихъ климату и столь оригинальныхъ, дастъ дешевыя фабричныя матеріи, по образцу австрійскихъ и французскихъ? Здѣсь нѣтъ еще условій для развитія крупной промышленности: ни городскихъ рынковъ, ни потребителей, ни состава рабочихъ“.

Лавелю указалъ сербскому министру финансовъ еще на другую опасность, угрожающую Сербіи,—на „постоянное увеличеніе государственнаго долга, тяготящаго надъ страной, разоряющаго крестьянство и причиняющаго больше вреда, чѣмъ моръ, война и голодъ“. Не существуетъ болѣе вѣрнаго способа обѣдненія: „бѣдствія войны изглаживаются быстро, какъ это видно было на примѣрѣ Франціи послѣ 1870 года; но долгъ вырываетъ хлѣбъ изъ рукъ земледѣльцевъ. Посмотрите на Италію, Россію и Египетъ. Особенно тяжело отзываются долги въ странахъ, отдаленныхъ отъ рынковъ Запада,—гдѣ цѣны продуктовъ низки и денегъ мало. Въ далекой провинціи, гдѣ-нибудь въ центрѣ Балканскаго полуострова, семья пользуется достаткомъ; но заставьте ее платить 20 или 30 франковъ золотомъ банкирамъ Вѣны или Парижа, въ качествѣ ея доли въ платежѣ процентовъ по государственному долгу,—и сколько произведеній должна будетъ продать семья, въ ущербъ своимъ потребностямъ, въ странѣ, гдѣ нѣтъ удобныхъ дорогъ для вывоза и нѣтъ покупателей на мѣстѣ, гдѣ всякій самъ производитъ все, что ему нужно! Легкость займовъ представляетъ неодолимый соблазнъ для правителей. Немедленно получаютъ громадныя средства, а будущность позаботится объ уплатѣ процентовъ и о погашеніи долга. Банкиры всегда готовы предложить деньги взаймы; они берутъ себѣ премію и оставляютъ рискъ за публикою, участвовавшею въ подпискѣ. Дефицитъ возрастаетъ; для покрытія его дѣлается новый заемъ; населеніе подавляется налогами, пока не наступаетъ банкротство. Такова обычная исторія восточныхъ займовъ. Кредитъ—это язва для странъ мало развитыхъ въ промышленномъ отношеніи... Дорого стоющія вооруженія, повторяющіеся займы, отдача въ залогъ самыхъ источниковъ дохода,—все это симптомы, вызывающіе безпокойство“. вмѣстѣ съ тѣмъ развивается до преувеличенныхъ размѣровъ система чиновничества. „Тогда какъ Бельгія, при пяти съ половиною милліонахъ населенія, имѣетъ всего девять провинціальныхъ губернаторовъ, Сербія съ ея 1.800.000 жителей

раздѣлена на двадцать-одинъ департаментъ съ такимъ же количествомъ начальниковъ, и на восемьдесятъ одинъ округъ съ соотвѣтственнымъ числомъ чиновниковъ; у каждаго изъ областныхъ и окружныхъ начальниковъ есть секретари, писцы, канцелярскіе служители“.

Подавляя народную жизнь чрезмѣрною чиновничьею опекою и жертвуя народными средствами для удовлетворенія своего честолюбія и тщеславія, бѣлградское правительство слѣдуетъ политикѣ весьма рискованной и опасной. „Нѣтъ ничего печальнѣе!—говоритъ далѣе Лавелъ:—вотъ и Сербія, страна свободная и только недавно достигшая независимости, идетъ по стопамъ Турціи и Египта. Она постепенно отдаетъ въ обезпеченіе и въ залогъ всѣ свои доходы, давая этимъ право европейскимъ капиталистамъ вмѣшиваться въ ея внутреннюю администрацію. Она утрачиваетъ свою самостоятельность. Она будетъ платить дань уже не въ Константинополѣ, а въ Вѣнѣ и Парижѣ, при условіяхъ болѣе суровыхъ. Она направляется по пути, который ведетъ къ банкротству или къ экономическому рабству сербскаго народа. Для такого ли будущаго боролся Георгій Черный и Милошъ!“... „Еслибы могъ быть услышанъ мой голосъ,—замѣчаетъ авторъ въ другомъ мѣстѣ,—я сказалъ бы сербамъ: сохраните ваши общинныя учрежденія, ваше равномѣрное распредѣленіе земли; уважайте ваши мѣстныя автономіи; берегитесь подавлять ихъ тучей регламентовъ и чиновниковъ. Старайтесь имѣть хорошихъ учителей, образованныхъ священниковъ, практическія школы сельскаго хозяйства, удобные пути сообщенія; затѣмъ предоставьте частной инициативѣ дѣйствовать свободно, и вы сдѣлаетесь притягательнымъ центромъ для образующейся громадной организаціи — балканскаго союза. Но если, напротивъ, вы будете насиловать и давить населеніе, чтобы идти скорѣе и сблизиться съ Западомъ въ болѣе короткій срокъ,—вы приведете къ пропасти Сербію и самихъ себя“.

Что касается внѣшняго положенія Сербіи, то оно, по мнѣнію автора, опредѣляется отчасти образомъ дѣйствій Россіи. „Русская политика,—говоритъ Лавелъ,—успѣла обнаружить замѣчательную неумѣлость и достигла того, что потеряла всѣ плоды своихъ жертвъ. Безъ сомнѣнія, Сербія въ значительной мѣрѣ обязана ей не только своимъ существованіемъ, въ качествѣ самостоятельнаго государства, но и особенно новѣйшимъ увеличеніемъ своей территоріи; между тѣмъ Россія, чтобы держать страну въ зависимости отъ себя, противодействовала развитію ея свободы и возбуждала въ ней внутреннія несогласія. Вслѣдствіе этого сербы не сохранили къ ней никакого чувства признательности. Такую же точно политику про-

водить Россію и въ Болгарію. Она дѣлаетъ вредъ самой себѣ и своимъ протекѣ. Создавая молодыя государства, вы должны соблюдать ихъ независимость и поддерживать ихъ законныя стремленія. Тогда вы можете рассчитывать на нихъ въ минуту опасности“. Авторъ не скрываетъ своего невысокаго мнѣнія о второстепенныхъ и третьестепенныхъ русскихъ дѣятеляхъ на Балканскомъ полуостровѣ. По дорогѣ въ Софію онъ испыталъ, напри- мѣръ, неудобства, весьма чувствительныя для западно-европейскаго путешественника; устранить ихъ было бы не трудно, — какъ онъ полагаетъ, — при нѣкоторой заботливости и пониманіи, безъ особенныхъ денежныхъ затратъ. „Здѣсь нуженъ толковый инженеръ путей сообщенія. Позднѣе мнѣ объяснили, что все, касающееся дорогъ, находилось въ завѣдываніи русскаго офицера. Тогда уже я не удивлялся плохому состоянію дорогъ“. Конечно, въ настоящемъ конкретномъ случаѣ де-Лавелэ разрѣшилъ себѣ довольно широкое обобщеніе этого единичнаго факта, но, тѣмъ не менѣе, характеристично во всемъ этомъ то, что въ Болгаріи несомнѣнно существуетъ почва для усиленія нерасположенія къ намъ — и нѣтъ никакого противоясія тому.

IV.

Лавелэ засталъ въ Болгаріи сильное броженіе, вызванное конфликтомъ съ Россіею по поводу филиппопольскаго переворота. По обыкновенію, онъ вкратцѣ излагаетъ исторію княжества и даетъ характеристику наиболѣе выдающихся его дѣятелей. Молодой и неопытный князь Александръ „мало довѣрялъ ультра-либеральнымъ учрежденіямъ, которыя приняты были болгарскимъ народомъ“. Онъ подчинился вліянію консерваторовъ и по ихъ совѣту въ маѣ 1881 года потребовалъ исключительныхъ полномочій на семь лѣтъ. „Русскій генералъ Эрнротъ, назначенный министромъ, счумѣлъ, при помощи жандармеріи и специальныхъ комиссаровъ, совершенно уничтожить свободу выборовъ. Либералы, преслѣдуемые какъ дикіе звѣри, воздержались отъ участія въ голосованіи... Консервативное министерство надѣялось водворить спокойствіе, удаливъ вождя оппозиціи, Цанкова: послѣдній былъ схваченъ и заключенъ въ тюрьму. Но цѣль не была достигнута. Произволъ только раздражалъ оппозицію. Пятьдесятъ-пять высшихъ чиновниковъ въ Софіи обратились къ государственному совѣту съ петиціею, въ которой ходатайствовали о гарантіяхъ противъ произвола правительства“. Въ виду трудности положенія,

изъ Петербурга были присланы два весьма способныхъ генерала, которымъ удалось обезпечить консерваторамъ успѣхъ на выборахъ. Началась глухая борьба противъ гг. Соболева и Каульбарса, при участіи консерваторовъ и самого князя. Русская дипломатія поняла тогда ошибочность своихъ дѣйствій, направленныхъ въ пользу реакціи, и русскій консулъ побудилъ князя возстановить конституцію въ августѣ 1883 года. Во главѣ министерства становится Цанковъ, который впоследствии уступаетъ мѣсто Каравелову. „Сколько низложенныхъ министровъ,—говоритъ Лавелъ,—сколько быстрыхъ перемѣнъ и скачковъ въ теченіе пяти лѣтъ со времени созданія нынѣшней Болгаріи! Духъ послѣдовательности отсутствовалъ совершенно, а онъ необходимъ, когда дѣло идетъ о новомъ политическомъ устройствѣ страны. Въ этомъ прежде всего виноваты князь и его совѣтники, которые, вопреки демократическимъ тенденціямъ народа, желали управлять самовластно. Попытка могла бы имѣть успѣхъ только при содѣйствіи русской военной силы. Русское правительство отказалось поддерживать этотъ опытъ неумѣстнаго деспотизма, и оно было право, какъ съ точки зрѣнія популярности Россіи между славянами на полуостровѣ, такъ и въ интересахъ европейскаго мира... Россія имѣетъ предъ собою вполне опредѣленную роль на Востокѣ: она должна только защищать два великіе принципа, которымъ принадлежитъ будущее,—принципъ національностей и свободу народнаго самоуправленія. Она можетъ тогда не обращать вниманія на неблагоустройство правителей, ибо она будетъ въ состояніи разсчитывать на симпатіи народовъ. Чтò особенно заслуживаетъ сожалѣнія и порицанія въ исторіи этихъ шести лѣтъ въ Болгаріи,—это наклонность честолюбивыхъ дѣателей опираться на иностранныхъ агентовъ, для борьбы съ противниками и для низверженія ихъ. Общественное мнѣніе должно было бы безпощадно клеймить подобные факты. Вызывать вмѣшательство великихъ державъ—значитъ измѣнять отечеству. Всякій, кто виновенъ въ такомъ оскорбленіи народности, долженъ быть разсматриваемъ какъ измѣнникъ“.

Авторъ считаетъ болгаръ весьма благоразумными, осторожными и разсчетливыми; они не поддаются приманкамъ заграничныхъ предпринимателей, стараются вести свои дѣла самостоятельно и не любятъ чужого вмѣшательства, хотя бы и дружественнаго. Внутреннія разногласія были забыты во время кризиса, пережитаго страной. Но русскіе дипломатическіе агенты — по мнѣнію Лавелъ — „играли въ Софіи роль неловкую и вредную: они хотѣли, чтобы все шло согласно ихъ волѣ, и когда этому противится народное чувство, они усиливаются запутать положеніе, смѣнить

министровъ, парализовать князя и доказать, что въ нихъ нуждаются. Единственный результатъ, котораго они достигнуть, будетъ тотъ, что они заставятъ болгаръ забыть всѣ услуги, оказанныя Россіею, и уничтожатъ всякое чувство благодарности. Русскіе должны бы дѣйствовать совершенно иначе. Они должны покровительствовать, совѣтовать, но никогда не приказывать и не интриговать. Россія создала Болгарію; пусть она поможетъ ей быть независимымъ государствомъ. Зачѣмъ будетъ она мѣшать развитію дѣтища, которое она произвела на свѣтъ? Пусть она сохранитъ за собою роль, доставившую ей нѣкогда сочувствіе всѣхъ славянъ; пусть она поднимаетъ свой голосъ въ пользу райевъ въ Константинополѣ и въ совѣтахъ Европы, ссылаясь на необходимость прочнаго спокойствія и благосостоянія на Балканскомъ полуостровѣ, не только по соображеніямъ челоуѣчности, но и ради общаго мира. Только такимъ способомъ возстановитъ она свое вліяніе; въ противномъ случаѣ она утратитъ его въ Болгаріи и Македоніи, какъ потеряла его раньше въ Сербіи и Хорватіи". Авторъ признаетъ объединеніе болгаръ дѣломъ необходимымъ и въ высшей степени желательнымъ; онъ негодуетъ на дипломатовъ, допустившихъ на берлинскомъ конгрессѣ раздробленіе Болгаріи на двѣ половины и отдавшихъ Македонію обратно въ руки турокъ. Лавелэ приводитъ много фактическихъ свѣдѣній о несчастномъ положеніи македонскихъ христіанъ, угнетаемыхъ арнаутами и турецкою солдатчиною; онъ не разъ указывалъ въ англійской печати на вопіющую несправедливость того равнодушія, съ какимъ относятся великія державы къ жалкой судьбѣ населеній, оставленныхъ подъ турецкимъ игомъ. То, въ чемъ дордъ Биконсфильдъ видѣлъ специальный интересъ Англіи, является благодарною почвою для дальнѣйшаго русскаго вліянія, матеріаломъ для постоянныхъ усложненій и опасныхъ кризисовъ. Въ этомъ авторъ могъ убѣдиться и въ Софіи.

Между прочимъ, наблюдая ходъ внутренней жизни въ княжествѣ, Лавелэ не упускалъ случая повторять тѣ же благоразумные совѣты, какіе высказывались имъ въ Бѣлградѣ. Ему не понравилась чрезмѣрная роскошь княжескаго дворца, сооруженіе котораго стоило болѣе четырехъ милліоновъ франковъ; окрестности столицы лишены растительности, и „здѣсь болѣе необходимо сажать деревья, чѣмъ строить дворцы". Изъ бюджета въ 35 милліоновъ приходится на долю военнаго вѣдомства болѣе 13 милліоновъ; на народное образованіе расходуется около 2 милліоновъ. Въ торговыхъ сношеніяхъ съ Болгаріею первое мѣсто занимаетъ Австрія, второе—Англія, а третье—Румынія. „Русская промыш-

ленность, черезъ чуръ покровительствуемая, не можетъ соперничать съ западною индустріею, и притомъ экономическія условія Болгаріи и Россіи слишкомъ однородны, чтобы торговый обмѣнъ могъ быть значителенъ“. Общее экономическое состояніе не оставляетъ желать ничего лучшаго. „Нѣтъ ни крупнаго землевладѣнія, ни аристократіи, ни вражды между классами. Почти вездѣ крестьяне имѣютъ землю въ размѣрѣхъ вполне достаточномъ для удовлетворенія своихъ потребностей. Арендные договоры здѣсь неизвѣстны“. Любопытна параллель, проводимая авторомъ между сербами и болгарами. „Сербъ обладаетъ болѣе живымъ темпераментомъ; онъ болѣе откровененъ, болѣе расточителенъ, болѣе краснорѣчивъ, болѣе благороденъ и поэтиченъ, но менѣе трудолюбивъ и менѣе настойчивъ. Болгаринъ хладнокровенъ, сосредоточенъ, разсудителенъ и молчаливъ; онъ медленно и вѣрно идетъ къ своей цѣли. Сербы напоминаютъ поляковъ, болгары — чеховъ и саксонцевъ. Первые сдѣлаютъ больше для развитія литературы; послѣдніе — для успѣховъ экономическихъ. Митхадъ-паша устроилъ кафешантаны, чтобы ввести западную цивилизацію въ придунайской области; но они не имѣли успѣха. Люди заняты работою и охотно проводятъ вечера среди своихъ семействъ. Въ общемъ — раса солидная, крѣпкая, плодovitая, нравственная. Она даетъ отличный матеріалъ для общества свободнаго и зажиточнаго“.

Лавелъ останавливается, затѣмъ, на особенностяхъ болгарской конституціи — „одной изъ самыхъ свободныхъ и демократическихъ въ Европѣ“. Когда-то говорили о Наполеонѣ III, что для него „свобода есть предметъ вывоза“; то же самое, по мнѣнію автора, примѣнимо и къ составителямъ тырновской конституціи, въ которой, однако, „можно видѣть доказательство полнаго безкорыстія Россіи“. Самыя широкія вольности обезпечены болгарамъ: свободная печать, безъ залоговъ и цензуры; право схода къ и союзовъ. Всякіе законы и налоги должны быть вотируемы народнымъ собраніемъ; народъ пользуется даровымъ и обязательнымъ обученіемъ. Приговаривать къ какому бы то ни было наказанію могутъ только суды. Конфискаціи не существуютъ. Частная собственность и частная переписка признаются неприкосновенными. Авторъ находитъ, что демократическій строй, установленный въ Болгаріи, требуетъ соблюденія двухъ условій: во-первыхъ, чтобы князь окончательно отказался отъ личнаго управленія и принималъ министровъ, указываемыхъ большинствомъ; и, во-вторыхъ, нужно сохранить старую общинную автономію и не стремиться къ централизаціи, могущей затруднить дѣятельность парламента. Само собою разумѣется, что конституція можетъ имѣть значеніе

только при обычномъ мирномъ ходѣ общественной жизни, а не въ эпоху политическихъ столкновеній, переворотовъ и междоусобій. Болгарія пока еще не имѣетъ внѣшняго долга. Даже послѣдняя война велась при помощи свободныхъ средствъ и реквизицій. Это — большое преимущество болгаръ передъ Сербією, долгъ которой превышаетъ уже 260 милліоновъ франковъ, т.-е. 144 фр. на каждого жителя, или почти 600 франковъ на семью. Болгарія процвѣтала бы во всѣхъ отношеніяхъ, еслибы во главѣ ея поставленъ былъ правитель, болѣе свѣдущій и опытный, чѣмъ князь Александръ. „Недостаточно быть лейтенантомъ прусской арміи, чтобы умѣть управлять народами,—писалъ автору дипломатъ, проводившій нѣсколько лѣтъ въ Софіи:—князю было не болѣе 21 года, и онъ мечталъ о блестящихъ дворцахъ, объ арміяхъ, объ орденахъ и европейскихъ союзахъ. Онъ не имѣлъ никакого понятія объ искусствѣ управленія. Онъ вздумалъ поступать по образцу императора германскаго. Болгарскіе министры были ему непріятны, и онъ держалъ ихъ въ сторонѣ, стараясь имѣть съ ними какъ можно меньше дѣла. Онъ хотѣлъ воспитать болгарскій народъ черезъ посредство казармъ; только полковая служба, по его мнѣнію, образуетъ націю. Онъ серьезно заботился о томъ, чтобы пребываніе въ рядахъ арміи приучало болгаръ къ мясной пищѣ. Въ Софіи воздвигнуты прекрасныя казармы и министерское зданіе для одного только вѣдомства,—ко-нечно, военнаго. Что касается школъ, гимназій и госпиталей, то о нихъ не думали. Князь жалѣетъ, что не можетъ слушать „Лоэнгрина“ въ Софіи. Когда имѣютъ подобные вкусы, то остаются въ Берлинѣ или Дармштадтѣ, а не берутъ на себя управлять болгарамъ“. Лавелэ полагаетъ, что населеніе чувствуетъ глубокую благодарность относительно Россіи. „Общность расы и религіи составляетъ могущественную связующую силу. Русскіе солдаты, мягкосердечные, добрые, снисходительные, заслужили общую любовь... Несмотря на все это, болгары не имѣютъ ни малѣйшаго желанія быть русскими или имѣть русскихъ начальниковъ“. Съ своей стороны, авторъ обращается къ болгарамъ съ цѣлымъ рядомъ наставленій: „Надо избѣгать, какъ чумы, всякаго иноземнаго вмѣшательства въ дѣла внутреннія. Никто не долженъ быть назначаемъ на министерскій или иной вліятельный постъ, не будучи болгариною по рожденію или по натурализаціи. Продолжайте быть экономными въ расходованіи народныхъ средствъ; не дѣлайте публичныхъ займовъ. Остерегайтесь иностранныхъ финансистовъ; они васъ развратятъ, доведутъ васъ до разоренія и рабства. Но принимайте безъ узкой зависти и вражды тѣхъ про-

мышленниковъ, торговцевъ, агрономовъ, которые пожелаютъ поселиться между вами. Не торопитесь вводить у себя крупную промышленность при помощи субсидій и покровительственныхъ пошлинъ; берегите свои мѣстные и традиціонные промыслы; сохраните, по примѣру королевы румынской, свои національныя одежды, гораздо болѣе изящныя и удобныя, чѣмъ наши тѣсныя и мрачныя платья“. Напрасные совѣты! Подражаніе, привычка смѣшивать форму съ сущностью, національное самолюбіе, личныя слабости правителей, — все это рано или поздно заставитъ болгаръ усвоить, вмѣстѣ съ европейскою культурою, и темныя стороны политической жизни, и внѣшнія особенности чужого быта. Нужно только пожелать, чтобы усвоеніе дурного ограничивалось лишь поверхностью, не затрогивая самыхъ основъ народнаго существованія и развитія.

Равноправный союзъ балканскихъ народностей кажется автору единственно возможнымъ и справедливымъ рѣшеніемъ восточнаго вопроса. Недавняя сербская война освѣтила печальную фактическую обстановку, при которой долженъ осуществиться благотѣльный проектъ федераціи. Враждебное соперничество сосѣднихъ племенъ, даже близкихъ по вѣрѣ и по языку, не общается скорого примѣненія разумныхъ требованій филантроповъ. Лавелэ съ понятнымъ негодованіемъ бичуетъ нелѣпую воинственную политику короля Милана. „Необходимо, — говоритъ онъ, — задавить въ самомъ зародышѣ эту бессмысленную и ненавистную теорію равновѣсія, недавно придуманную сербами въ видѣ предлога для самаго произвольнаго, ничѣмъ не оправдываемаго нападенія. Теорія эта не имѣетъ смысла, потому что ни историческіе, ни современные факты не даютъ ей ни малѣйшей точки опоры. Въ Европѣ маленькія государства, въ родѣ Голландіи, Даніи, Бельгіи, Швейцаріи, существуютъ рядомъ съ великими державами. Соединенные Штаты состоятъ изъ громадныхъ государствъ, какъ Калифорнія, Огайо, Нью-Йоркъ, и изъ государствъ очень малыхъ, какъ Мэнъ и Родъ-Айлендъ. Въ Швейцаріи 160.000 итальянцевъ Тессина живутъ мирно и свободно на ряду съ 2.600.000 французовъ и нѣмцевъ. Сербія не имѣла никакого основанія противиться объединенію болгаръ, ибо сама она существуетъ только въ силу права народностей располагать своею судьбою. Эта теорія ненавистна, потому что первымъ ея послѣдствіемъ было бы возбужденіе между молодыми государствами полуострова постоянного антагонизма, который побуждалъ бы ихъ вооружаться и бросаться другъ на друга при каждомъ успѣхѣ одного изъ нихъ. Предположите, что Греція присоединила Кандію или оставшуюся

за турками часть Фессалии; Сербія и Болгарія не допустить этого, такъ какъ нарушилось бы равновѣсіе въ ущербъ ихъ интересамъ! Или: Сербія получаетъ Боснію и Старую Сербію; тогда Греція и Болгарія будутъ имѣть право объявить ей войну!.. Сербскій умъ отравленъ старинными и ложными идеями равновѣсія, межнароднаго соперничества и завоеванія... Чувства, побудившія сербовъ (вѣрнѣе, короля Милана и его совѣтниковъ) предпринять войну, непостижимы. Вся южная часть Сербіи очень слабо населена; есть еще большія пространства земли, ожидающія только рукъ и капиталовъ для произведенія обильной жатвы. Въмѣсто того, чтобы употребить свои средства на колонизацію этой области, Сербія жертвуетъ деньгами и людьми для завоеванія территории, освобожденной уже отъ турецкаго ига и населенной другимъ славянскимъ племенемъ. Она разоряется, чтобы вредить другимъ, безъ всякой выгоды для себя. Еслибы, вмѣсто защиты правъ Турціи и преступнаго нападенія на своихъ собратьевъ, сербы соединились съ Болгаріей и Греціею для освобожденія Македоніи, то они въ настоящее время владѣли бы старо-сербскою землею, Греція распространила бы свою границу до черты своего племенного господства, а остальная область подчинилась бы Болгаріи“. Въ этомъ случаѣ все дѣло — въ размежеваніи спорныхъ земель, и крайняя трудность подобной задачи, при смѣшанномъ составѣ населенія, какъ будто упускается изъ виду авторомъ.

Въ книгѣ Лавелэ удѣлено также не мало мѣста наблюденіямъ и свѣденіямъ относительно Турціи въ собственномъ смыслѣ и ея безобразнаго режима; но эта часть книги, также какъ и глава о Румыніи, не представляетъ для насъ новаго практическаго интереса. Мы привели лишь весьма немногое изъ того богатаго матеріала, который собранъ бельгійскимъ ученымъ, и это немногое даетъ гораздо больше для уразумѣнія балканскаго кризиса, чѣмъ сотни обычныхъ газетныхъ статей и корреспонденцій по поводу происходящихъ на злополучномъ полуостровѣ событій.

V.

Сочиненіе фонъ-Гуна о „борьбѣ болгаръ за національное единство“ заключаетъ въ себѣ подробный и живой рассказъ о военно-политическихъ событіяхъ въ княжествѣ и въ Восточной Румелии, начиная съ филиппопольскаго переворота 6-го сентября 1885 года до полнаго торжества надъ сербами. Въ качествѣ

жоррепондента „Кѣльнской Газеты“, авторъ имѣлъ возможность непосредственно слѣдить за ходомъ дѣлъ и получать всякія свѣденія изъ первыхъ рукъ; но, какъ нѣмецкій патріотъ, онъ слишкомъ односторонне смотритъ на болгарскій кризисъ, на его причины и послѣдствія, на его главныхъ дѣятелей и участниковъ. Онъ черезъ-чуръ преувеличиваетъ личныя заслуги и достоинства князя Александра, который кажется ему высшимъ олицетвореніемъ болгарской національной независимости и свободы. Онъ въ такомъ тонѣ говорить о князѣ, объ *его* арміи и народѣ, какъ будто принцъ Баттенбергъ былъ прирожденнымъ повелителемъ страны и болгары были всегда его подданными. Фонъ-Гунъ не чувствуетъ симпатіи къ Россіи, хотя онъ увѣряетъ въ предисловіи, что у него нѣтъ вражды къ русскимъ, и что онъ „часто защищалъ русскіе интересы и будетъ еще защищать ихъ при другихъ обстоятельствахъ“. Онъ не любитъ также Австро-Венгріи и не скрываетъ своего сожалѣнія о томъ, что Германія поддерживаетъ русскую политику на Востокѣ. Взгляды автора во многомъ поверхностны и ошибочны, но фактическое содержаніе книги весьма любопытно.

По мнѣнію фонъ-Гуна, охлажденіе болгаръ къ русскимъ объясняется, прежде всего, неудачнымъ выборомъ русскихъ офицеровъ и чиновниковъ, дѣйствовавшихъ въ Болгаріи во время оккупации, ихъ высокомеріемъ и расточительностью, ихъ щедрыми окладами, ихъ вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла княжества, ихъ привычками и требованіями, совершенно несогласными съ простотою и скромностью болгарскаго быта. Русскіе дипломатическіе агенты не всегда были дальновидными наблюдателями и часто поступали не совсѣмъ съ тактомъ, раздражая болгаръ безъ надобности и даже безъ намѣренія, вслѣдствіе малаго знакомства съ настроеніемъ и желаніями народа. Они сообщали своему правительству недостаточно полныя свѣденія и, повидимому, проглядѣли объединительное движеніе, направляемое революціоннымъ комитетомъ; поэтому филиппопольскій переворотъ оказался для нихъ неожиданностью. Князь Александръ объяснилъ автору, что о готовящейся революціи онъ узналъ только за три дня до ея наступленія и тотчасъ постѣшилъ послать своего агента въ Филиппополь, чтобы предотвратить вспышку, согласно обѣщанію, данному имъ въ Франценсбадѣ; но было уже поздно: посланецъ не успѣлъ еще прибыть на мѣсто, какъ уже получена была депеша объ арестованіи Гаврила-паши и о всеобщемъ желаніи видѣть князя во главѣ единой Болгаріи. Князь колебался, обдумывалъ свой шагъ въ теченіе двухъ часовъ и, наконецъ, рѣшился взять на себя

ответственность за совершившееся, чтобы избѣгнуть анархіи и рѣзни между болгарами и мусульманами. Говоря о военныхъ силахъ княжества, фонъ-Гунъ отдаетъ справедливость русскимъ офицерамъ, которые „въ дѣлѣ образованія болгарской арміи показали себя настоящими мастерами и въ поразительно короткое время успѣли создать хорошо дисциплинированное и готовое къ бою войско тамъ, гдѣ прежде ничего не было“. Война съ сербами описана авторомъ весьма обстоятельно и толково; наиболее видные герои и подвиги ихъ превозносятся съ истинно-военнымъ восторгомъ. Между прочимъ, упомянувъ о храбромъ начальникѣ артиллеріи, Пановѣ, авторъ замѣчаетъ, что „этотъ выдающійся человѣкъ былъ на дурномъ счету у русскихъ, и они давно уже требовали удаленія его изъ арміи, такъ какъ онъ, не безъ основанія, считался однимъ изъ поборниковъ національной независимости въ средѣ болгарскихъ офицеровъ“. Очевидно, русскія власти только по ошибкѣ или недоразумѣнію могли заподозривать того самаго Панова, который впоследствии погибъ за свою приверженность къ Россіи. Фонъ-Гунъ полагаетъ, что подорвать авторитетъ и обаяніе русскаго имени въ народѣ было бы не во власти князя Александра или кого бы то ни было другого въ Болгаріи: русскимъ стоило бы только пожелать, и отношеніе къ нимъ болгаръ несомнѣнно измѣнилось бы къ лучшему. Авторъ нисколько не хлопочетъ о нѣмецкихъ или австрійскихъ интересахъ на Балканскомъ полуостровѣ; онъ какъ будто искренно увлекается идеею болгарской самостоятельности, хотя и отождествляетъ эту идею съ личностью принца Баттенберга.

Въ другой книгѣ фонъ-Гуна, вышедшей въ концѣ прошлаго года, излагаются событія „бурнаго времени въ Болгаріи“, времени потрясеній и замѣшательствъ, послѣдовавшихъ за сербскою войною. Софійскій переворотъ 9-го августа, его предварительные симптомы, его причины и послѣдствія, удаленіе князя Александра и назначеніе регентства, миссія генерала Каульбарса и выборы въ народное собраніе,—все это является передъ читателемъ въ рядѣ живыхъ очерковъ и характеристикъ, подкрѣпляемыхъ фактическими и отчасти документальными данными. Понятно, что авторъ съ негодованіемъ говоритъ о низложеніи князя, который для него олицетворялъ собою Болгарію. Точка зрѣнія фонъ-Гуна весьма несложна: преступные бунтовщики возстали противъ своего законнаго государя и удалили его насильственно изъ предѣловъ страны; ихъ слѣдовало бы казнить безъ пощады, а князю нужно было возвратить законную власть при содѣйствіи Европы. Этотъ взглядъ невѣренъ даже съ формальной стороны. Принцъ Баттен-

бергъ былъ назначенъ княземъ на извѣстныхъ условіяхъ; онъ не былъ самостоятельнымъ правителемъ, а находился въ вассальной зависимости отъ Порты и подлежалъ контролю великихъ державъ. Если онъ нарушалъ свои обязательства, то его могли смѣнить европейскіе кабинеты, при участіи Турціи; поэтому и болгары не обязаны были подчиняться его смѣлымъ и самовольнымъ дѣйствіямъ, подвергавшимъ опасности внѣшнее положеніе княжества. Авторъ возмущается непостижимою для него суровостью, съ какою официальная Германія отнеслась къ судьбѣ князя Александра. Требованіе германскаго канцлера о недопущеніи военнаго суда надъ участниками переворота представляется фонъ-Гуну крайне несправедливымъ; авторъ даже позволяетъ себѣ выразить сожалѣніе, что арестованные зачинщики не были разстрѣляны немедленно, безъ всякихъ церемоній. Само собою разумѣется, что никакіе смертные приговоры не поддержали бы князя послѣ удачнаго дѣла 9-го августа; они скорѣе вызвали бы катастрофу для него лично. Авторъ заканчиваетъ свою книгу пожеланіемъ, чтобы преемникомъ князя Александра не былъ нѣмецкій принцъ, и чтобы нѣмцамъ не пришлось уже болѣе волноваться изъ-за печальной участи земляка въ Софіи. Такое пожеланіе можетъ быть высказано и въ болѣе широкомъ смыслѣ: правителемъ Болгаріи не долженъ быть иностранный принцъ, чуждый народу по традиціямъ, воззрѣніямъ и интересамъ.

Нѣсколько иныя подробности передаются о тѣхъ же событіяхъ въ очеркахъ Гопчевича, печатавшихся въ журналѣ „Unsere Zeit“ и вошедшихъ позднѣе въ объемистую книгу, подъ заглавіемъ: „Bulgarien und Ostrumelien“. Гопчевичъ ближе знакомъ съ мѣстными условіями и дѣятелями; въ качествѣ австрійскаго серба, онъ соединяетъ въ себѣ положеніе незаинтересованнаго зрителя съ преимуществами полного пониманія родственной болгарской жизни. Онъ знаетъ бытъ страны и стремленія ея интеллигенціи не по однимъ лишь внѣшнимъ фактамъ и не по разговорамъ съ княземъ и его сторонниками; онъ поэтому могъ лучше разобраться въ имѣющемся фактическомъ матеріалѣ, чѣмъ нѣмецъ фонъ-Гунъ. Но Гопчевичъ имѣетъ одинъ существенный недостатокъ: онъ приписываетъ себѣ значительную роль въ дѣлахъ политическихъ и даже военныхъ, а это обстоятельство вызываетъ невольное сомнѣніе въ правдивости его разсказовъ. По увѣренію автора, болгарскіе министры и офицеры часто слѣдовали его указаніямъ; такъ, письмо князя Александра къ королю Милану, не принятое послѣднимъ, было внушено Гопчевичемъ, который убѣдилъ Каравелова предложить Сербіи союзъ на основаніяхъ,

выработанныхъ имъ же, авторомъ; онъ же, Гопчевичъ, далъ министерству остроумный совѣтъ потребовать отъ Порты officialнаго заявленія, что всякое нападеніе на Болгарію будетъ принято султаномъ за враждебное дѣйствіе противъ оттоманской имперіи, которой княжество подвластно; далѣе, авторъ принималъ участіе въ министерскихъ совѣщаніяхъ, являлся на полѣ битвы въ наиболѣе опасныхъ мѣстахъ, первый вступилъ, рискуя жизнью, въ городъ Царибродъ, дѣлился своими запасами съ княземъ и совершилъ вообще не мало подвиговъ, о которыхъ ничего неизвѣстно изъ другихъ источниковъ. Гопчевичъ сообщаетъ, между прочимъ, что переворотъ въ Филиппополѣ былъ устроенъ по плану Каравелова и съ согласія князя, въ чемъ сознались автору самъ министр-президентъ и одинъ изъ приближенныхъ князя, баронъ Ридезель. Авторъ видѣлъ и слышалъ еще болѣе невѣроятныя вещи: онъ будто бы засталъ бывшихъ министровъ Восточной Румелии и главныхъ приверженцевъ партіи Крестовича превращенными въ простыхъ рабочихъ и носильщиковъ на филиппопольскомъ вокзалѣ. Малая достовѣрность подобныхъ утверждений лишаетъ очереди Гопчевича того значенія, какое могутъ имѣть свидѣтельства очевидцевъ для правильной оцѣнки балканскихъ событій.

VI.

Рядомъ съ политикою и независимо отъ нея, продолжается въ Болгаріи внутренняя образовательная работа, содѣйствующая также отчужденію болгаръ отъ Россіи. Мы очень много сдѣлали для болгарской арміи, но очень мало—для болгарскихъ школъ, для интересовъ просвѣщенія и культуры. Нами заведены правительственныя и военныя учрежденія, но мы ничего—или почти ничего—не дали народу въ области тѣхъ нравственныхъ и умственныхъ силъ, которыми питается и поддерживается всякое государственное развитіе. Объ этой духовной сторонѣ болгарской жизни мы находимъ нѣкоторыя поучительныя свѣденія въ книгѣ Іосифа Голубовича, посвященной, главнымъ образомъ, вопросу о католической пропагандѣ въ Болгаріи. Народъ понимаетъ необходимость образованія и высоко цѣнитъ услуги людей, работающихъ въ этомъ направленіи; и католицизмъ можетъ имѣть тамъ успѣхъ только благодаря тому, что мѣстные представители римской церкви употребляютъ всю свою энергію на устройство школъ и пріютовъ, на воспитаніе и обученіе юношества. Населеніе охотно даетъ свои средства на потребности образованія; въ

новѣйшее время основано болѣе 400 народныхъ училищъ, а для снабженія ихъ подготовленными учителями существуютъ двѣ учительскія семинаріи—въ Врацѣ и Шумлѣ. Въ короткій срокъ отъ 1879 до 1881 года, создано 277 новыхъ народныхъ школъ въ предѣлахъ княжества. Страна, уступающая многимъ изъ нашихъ губерній по величинѣ и по количеству жителей, имѣетъ теперь пять мужскихъ гимназій, пять женскихъ, четыре учительскихъ семинаріи, два духовныхъ училища, одну кадетскую школу (въ Софіи) и одну сельско-хозяйственную (въ Русчукѣ). Въ Румелии было уже въ 1881 году около 840 народныхъ болгарскихъ училищъ, съ 48.000 учащихся и 1.000 учителей; среднихъ учебныхъ заведеній было всего четыре—два мужскія и два женскія. Католическіе миссіонеры имѣютъ свои школы въ Филиппополѣ, Адрианополѣ и Монастырѣ: нѣсколько школъ устроено французскими монахинями, прибывшими въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, по приглашенію уніатскаго епископа, Рафаила Попова. Роскошные католическіе костелы въ забалканской Болгаріи поражали поляковъ, принадлежавшихъ къ русской арміи, во время войны 1877 года. Первая деревня, занятая русскою императорскою квартирою послѣ перехода черезъ Дунай, оказалась католическою, и русскихъ встрѣчалъ тамъ всендзъ. Въ Адрианополѣ есть гимназія и семинарія, единственныя въ цѣлой Турціи, но и тѣ—уніатскія; женскій пансіонъ содержится тамъ католическими сестрами изъ Загреба. Болгары были сильно удивлены, когда убѣдились, что русскія военныя власти вовсе не преслѣдуютъ католиковъ и относятся съ одинаковою терпимостью къ людямъ всѣхъ вѣроисповѣданій. Руководители католическихъ школъ особенно боялись князя Черкаскаго, при которомъ чаще всего слышались наиболѣе употребительныя и легкія слова стараго административнаго лексикона: „закрыть“, „изгнать“, „запретить“. Подготовить дѣйствительный противовѣсъ чужой учебной пропагандѣ, въ видѣ русско-болгарскихъ школъ, семинарій и пансіоновъ,—объ этомъ мало думали, такъ какъ подобные способы дѣйствія требуютъ гораздо большей выдержки, настойчивости и пониманія. Католическіе миссіонеры нисколько не пострадали отъ присутствія русскихъ войскъ; напротивъ, они имѣли случай выказать свое самоотверженіе, помогая раненымъ, подбирая брошенныхъ болгарскихъ дѣтей и стараясь всѣми силами облегчить бѣдствія войны для мирнаго населенія. Любопытно и пріятно читать у автора—польскаго всендза—описаніе того восторга, съ какимъ обычные враги Россіи привѣтствовали въ Адрианополѣ вторичное вступленіе русской арміи; всѣ съ лихорадочнымъ не-

терпѣніемъ ожидали русскихъ солдатъ, какъ избавителей отъ анархіи, какъ представителей порядка и законности. Но то, что спасаетъ въ военное время, является недостаточнымъ при мирномъ ходѣ жизни, ибо не однимъ внѣшнимъ порядкомъ живутъ люди.

Если задать себѣ вопросъ, что именно представляли мы собою въ Болгаріи, по окончаніи войны, въ періодъ мирнаго политическаго развитія страны, то прежде всего слѣдуетъ указать, какъ на главную цѣль—на созданіе государственности внутри и солидарности съ Россією извнѣ. Но все это становится весьма неяснымъ и неопредѣленнымъ, если присмотрѣться ближе къ обстоятельствамъ злополучнаго княженія принца Баттенберга. Государственность можетъ быть различная — хорошая и дурная, строго бюрократическая и общественная, съ административнымъ произволомъ и съ строгою законностью, съ свободою хищенія и безъ этой свободы, и т. д. Солидарность съ Россією можетъ быть также понимаема неодинаково; — она можетъ установиться на почвѣ одной военной дисциплины, или она можетъ быть основана на духовномъ родствѣ, на живомъ литературномъ общеніи, на единствѣ вѣщныхъ и политическихъ цѣлей, и т. п. Несомнѣнно, что при князѣ Александрѣ русское вліяніе было только внѣшнее силою, не успѣвшее еще въ точности опредѣлить свои истинныя задачи и свое будущее направленіе; этою силою ловко пользовался молодой иностранный принцъ, въ ущербъ интересамъ и популярности Россіи. Справедливость такого взгляда признана печатно двумя видными русскими дѣятелями въ Болгаріи, генералами Соболевымъ и Эрнротомъ, хотя воззрѣнія и симпатіи ихъ расходятся весьма существенно.

Въ запискѣ Л. Н. Соболева, напечатанной въ „Русской Старинѣ“ и изданной также въ нѣмецкомъ переводѣ ¹⁾, ярко обрисовывается неустойчивое и двусмысленное положеніе русскихъ людей, служившихъ въ Болгаріи при князѣ Александрѣ. Почтенный авторъ, повидимому, весьма разумно смотритъ на болгарскія дѣла. Въ княжествѣ введена была конституція, дабы не отдавать страну иностранному принцу „въ вотчинное управленіе“; но и переворотъ 1881 года, упразднившій конституцію, былъ „совершенъ русскими, которыхъ князь увѣрилъ лично и письменно,

¹⁾ Der erste Fürst von Bulgarien. Aufzeichnungen des russischen Generals und vormaligen bulgarischen Ministerpräsidenten L. Sobolev. Aus dem russischen. Mit einer Einleitung, Lpz. 1886. Мы пользовались только русскимъ подлинникомъ („Русская Старина“, 1886, сентябрь).

что дѣлается это по указанію“ русскаго правительства. „Такимъ способомъ князь достигалъ двухъ цѣлей—получилъ неограниченную власть и возбудилъ болгаръ противъ русскихъ; Россія, избавившая болгаръ отъ тяжелаго турецкаго ига, отдавала ихъ въ рабство нѣмецкому князю. У болгаръ явилось сомнѣніе въ устойчивости политики Россіи, и многіе изъ нихъ стали обращаться къ Западу“. Въ помощь князю, по его просьбѣ, были назначены два генерала, которымъ князь поручилъ поддержать авторитетъ его власти и обезпечить успѣхъ желѣзно-дорожнаго предпріятія, задуманнаго въ Вѣнѣ и Дармштадтѣ. „Этою именно цѣлью и занялся генераль Соболевъ“, по словамъ автора записки. Князь довольно откровенно заявлялъ свои желанія и требованія; русскіе дѣятели добросовѣстно брались за исполненіе ихъ. Допуская созваніе народнаго собранія для разрѣшенія финансовыхъ вопросовъ, князь говорилъ министру-президенту Л. Н. Соболеву слѣдующее: „я требую, чтобы составъ его былъ таковъ, при коемъ депутаты вотировали бы какъ рота солдатъ; если нужно будетъ назначить депутатами отставныхъ унтеръ-офицеровъ, то я ничего не буду имѣть противъ этого, лишь бы народное собраніе дѣлало то, что ему будетъ приказано“. Генераль Соболевъ не возражалъ и повидимому принялъ эту инструкцію къ свѣденію. Болгарскіе министры и депутаты хотѣли уничтожить жандармерію, созданную въ видѣ особаго драгунскаго корпуса послѣ переворота 1881 года. „Во главѣ этой вооруженной полиціи, — поясняетъ авторъ, — какъ всегда дѣлалъ князь при принятіи какой-либо репрессивной мѣры, были поставлены исключительно русскіе офицеры. Жандармерія возбуждала въ княжествѣ крайнее неудовольствіе, ибо въ сущности служила цѣлямъ консервативной клики, и, исполняя ея приказанія, самымъ беззащитнымъ образомъ тѣснила всѣхъ, кто почему-либо былъ несогласенъ съ этою кликою. Русскіе офицеры были поставлены въ униженное положеніе исполнять приказанія болгарскаго министерства, истинныя цѣли котораго были отъ нихъ скрываемы“. И однако русскіе генералы обѣщали князю сохранить жандармерію, вопреки прочимъ министрамъ и народному собранію, — „ибо не даромъ онъ выпросилъ въ Петербургѣ генераловъ“. Послѣдніе, въ концѣ концовъ, побѣдили, при помощи чрезвычайныхъ полномочій. „Генераль Соболевъ заявилъ собранію, что воля князя заключается въ сохраненіи драгунъ, какъ войска. Депутаты обидѣлись и принесли жалобу князю; этотъ послѣдній сказалъ генералу: „Vous avez froissé la chambre“... Генералы Соболевъ и Кауль-

барсь были на сторонѣ князя и были возмущены тѣмъ, что ихъ коллеги-министры, кричавшіе о своей преданности своему государю (?), ни въ грошъ не ставили сего послѣдняго, когда онъ не хотѣлъ сдѣлать того, чего они домогались“. По совѣту генераловъ, вопросъ былъ рѣшенъ княземъ самовластно, рескриптомъ на имя министра-президента. Всѣ эти энергическія усилія поддержать произволъ иностраннаго принца могли привести только къ напрасному раздраженію народа противъ Россіи и къ явному подрыву ея дѣйствительныхъ интересовъ. Впослѣдствіи генераль Соболевъ понялъ странность своей роли въ княжествѣ; но, по обыкновенію, онъ винить только самого князя и иностранныя державы, Австрію и Германію. Для насъ не совсѣмъ ясно, почему нѣмцы и австрійцы виноваты въ томъ, что русскіе генералы работали для ихъ пользы и подготавливали почву для ихъ вліянія. Борются съ народнымъ собраніемъ и съ законами, во имя личной воли князя—развѣ это не значило хлопотать объ охлажденіи болгаръ къ русскимъ дѣятелямъ, смѣшавшимъ почему-то авторитетъ власти съ ея произволомъ?

Позднѣе Л. Н. Соболевъ выступилъ противъ такъ-называемыхъ консерваторовъ болгарскихъ, высказывался за восстановление законнаго порядка и приобрѣлъ этимъ большую популярность въ народѣ. Въ своихъ примѣчаніяхъ къ запискѣ бывшихъ болгарскихъ министровъ, Стоилова, Грекова и Начевича, онъ утверждаетъ уже, что чрезвычайныя полномочія взяты были для того, „чтобы было легче эксплуатировать Болгарію, благо она богата“. Князь Александръ оказывается уже не „государемъ“, которому надо подчиняться въ вопросѣ о драгунахъ, а чѣмъ-то совершенно другимъ. „Князь болгарскій, очевидно, не оцѣнилъ и не понималъ тѣхъ обязательствъ, которыя налагались на него фактомъ выбора его въ князья государства, созданнаго жертвами русскаго народа. Онъ стѣснялся своимъ положеніемъ; онъ хотѣлъ создать себѣ какое-то самостоятельное право. Онъ стѣснялся тырновскою конституціею: она связывала ему руки. Положеніе его казалось ему унижительнымъ, а главное—невыгоднымъ. Переворотомъ 1881 г. онъ разрывалъ нравственную связь съ Россіею и сближался съ Австріею и Германіею, которыя видѣли въ немъ проводника германизации южныхъ славянъ. Онъ опирался на слабую партію болгаръ, но сумѣлъ ввести въ заблужденіе народъ, заявивъ, что за переворотъ стоитъ Россія“. Нравственный разрывъ съ Россіею одновременно съ порученіемъ власти русскимъ генераламъ, сближеніе съ Вѣною и Берлиномъ, посред-

ствомъ русскаго господства,—все это какъ-то плохо вяжется между собою и прямо противорѣчитъ фактамъ, передаваемымъ самимъ же авторомъ. Въ другомъ мѣстѣ Л. Н. Соболевъ замѣчаетъ, что окружавшая князя группа лицъ „окрестила себя названіемъ консервативной партіи, имѣя въ виду, что за одну эту кличку ее будто поддержитъ русское правительство“, и что „въ 1881 году она дѣйствительно обманула наше правительство“. При чемъ же тутъ Австрія и Германія? Забывая свои хлопоты объ авторитетѣ князя, бывшій министр-президентъ находитъ уже, что „князь не долженъ вмѣшиваться въ финансовыя дѣла; онъ долженъ довольствоваться своимъ содержаніемъ“. „Князь самъ говорилъ мнѣ,—продолжаетъ авторъ,—что короли должны обезпечивать себя, что Карлъ румынскій и Миланъ сербскій обезпечили свою будущность“. Отецъ князя, принцъ Александръ Гессенскій, имѣлъ неосторожность жаловаться болгарамъ, что сынъ его бѣденъ, тогда какъ другіе принцы имѣютъ помѣстья, дворцы, капиталы. Насколько авторъ склоненъ обвинять иностранцевъ за русскія ошибки—это можно видѣть, напримѣръ, изъ отзыва его объ избирательномъ законѣ, который былъ имъ же одобренъ и подписанъ. „Выборный законъ былъ составленъ при содѣйствіи Себастіани, француза, участвовавшаго въ знаменитомъ Наполеоновскомъ переворотѣ 2-го декабря. Сей французъ судился впоследствии за мошенничество (!). Въ Варнѣ, гдѣ былъ князь, меня умоляли (?) подписать законъ. Требовалась подпись русскаго генерала. Я его подписалъ, ибо онъ самъ по себѣ, при честномъ его примѣненіи, не могъ нанести большого ущерба народу“. Очевидно, ссылка на чьи-то просьбы и на француза, виновнаго въ мошенничествѣ, нисколько не уменьшаетъ ответственности за подписаніе плохого закона. Генераль Соболевъ не раздѣляетъ того мнѣнія, что неудачныя дѣйствія русскихъ представителей могутъ „послѣдовать сѣмъ раздора и несогласія“ между двумя народами, подобно тому, какъ это случилось относительно Сербіи. „Сербы мнѣ говорили, что Россія сама толкнула ихъ въ Австрію, что графъ Шуваловъ на берлинскомъ конгрессѣ будто послалъ Ристича къ графу Андраши. Этого я не оспариваю. Это выражало, быть можетъ, нѣкоторое презрѣніе русскаго государственнаго человѣка къ Сербіи; но развѣ на этомъ можно основывать политику? Развѣ болгарскіе дѣятели могутъ вести дѣло къ охлажденію болгаръ къ Россіи только потому, что имъ кажется, что генералы Соболевъ и Каульбарсъ отнеслись презрительно къ вожакамъ консервативной партіи?.. Готовъ даже со-

знаться, что я выказалъ имъ это презрѣніе, хотя держалъ себя съ ними очень сдержанно. Но развѣ можно на этомъ строить политику?" На это не трудно отвѣтить вопросомъ: развѣ презрѣніе есть политика? Если мы презираемъ сербовъ или болгаръ, то нечего уже удивляться, что они ищутъ сближенія съ другими, которые ихъ не презираютъ, причемъ плоды нашихъ жертвъ и побѣдъ достаются иностраннымъ державамъ. Такой результатъ едва ли могъ быть желателенъ для Россіи и для русскаго правительства.

Дѣло именно въ томъ, что русскіе дѣятели въ Болгаріи не знали въ точности, что желательно и что нежелательно въ интересахъ русской политики на Востокѣ, и самыя мнѣнія объ этомъ предметѣ измѣнялись, смотря по обстоятельствамъ. Генералъ Соболевъ считаетъ переворотъ 1881 года враждебнымъ для Россіи дѣломъ, а непосредственный руководитель переворота, генералъ Эрнротъ, держится противоположнаго взгляда и беретъ на себя всю отвѣтственность за событія. Князь никого не вводилъ въ заблужденіе; никакого участія Австріи или Германіи не было и быть не могло. Генералъ Эрнротъ полагаетъ, что въ Петербургѣ отнеслись къ перевороту вполне одобрительно; возражали только „либеральствующія газеты“, но до нихъ—прибавляетъ онъ—„мнѣ мало дѣла“. О неминуемости кризиса дано было знать русскому правительству заранѣе; но у насъ, „повидимому, не особенно этимъ интересовались“. Генералъ откровенно рассказываетъ, какъ произошло упраздненіе болгарской конституціи. „Когда 27-го апрѣля 1881 г.,—говоритъ онъ,—я принялъ на себя составленіе кабинета или, вѣрнѣе, всю исполнительную власть, князь Александръ не передавалъ мнѣ какихъ-либо указаній, будто бы имъ полученныхъ въ Петербургѣ. Не будучи обманщикомъ, я не могъ увѣрять своихъ подчиненныхъ, русскихъ офицеровъ, что мѣры, которыя тогда принимались по моему же почину, будто бы указаны русскимъ правительствомъ; въ этомъ никакой надобности и не было... Непосредственныхъ сношеній по политическимъ дѣламъ я съ министерствами въ Петербургѣ не поддерживалъ и не былъ даже снабженъ потребнымъ для сего шифромъ. Заботясь, прежде всего, о сохраненіи моихъ намѣреній въ тайнѣ, пока не наступила пора дѣйствовать, я не призналъ удобнымъ о нихъ сообщать, посредствомъ дипломатическаго агентства въ Софіи, и имѣлъ на это свои основанія... Приписать вліянію Австріи или Германіи переворотъ 1881 года—столь же вѣрно, какъ приписать его вліянію Бельгіи или Румыніи“. При-

томъ, „дипломатическій агентъ Австріи, извѣстный графъ Кевентюллеръ, въ 1881 году блисталъ въ Болгаріи своимъ отсутствіемъ“ ¹⁾.

Выходитъ нѣчто весьма оригинальное: одинъ русскій генералъ видитъ иностранную интригу въ томъ, что совершенно другимъ русскимъ генераломъ, и оба они считаютъ себя солидарными съ русскимъ правительствомъ. Что подумать болгарамъ при такихъ коренныхъ разногласіяхъ между авторитетными представителями Россіи въ княжествѣ? Въ данномъ случаѣ, разногласіе имѣло, впрочемъ, теоретическій характеръ, такъ какъ на практикѣ Л. Н. Соболевъ поддерживалъ тѣ самыя „чрезвычайныя полномочія“, которыя были добыты для князя К. Г. Эрнротомъ. Последній ошибался только въ одномъ: онъ упустилъ изъ виду, что грѣхи „либеральствующихъ газетъ“ имѣютъ глубокіе и прочныя корни въ Болгаріи, въ ея народномъ чувствѣ, въ ея стремленіяхъ къ національному самоуправленію и къ политической независимости. Кому до всего этого нѣтъ дѣла, тотъ не долженъ былъ бы принимать на себя отвѣтственности въ болгарскихъ дѣлахъ.

Русская политика не могла имѣть вполне послѣдовательныхъ истолкователей въ Болгаріи уже потому, что дипломатическіе агенты смѣнялись слишкомъ часто, и каждый изъ нихъ имѣлъ свои особые взгляды на задачи Россіи въ балканскихъ земляхъ. Въ теченіе шести лѣтъ, отъ 1881 года, въ Софіи дѣйствовали поочередно гг. Хитрово, Іонинъ, Кояндеръ, Богдановъ, Неклюдовъ, Карцевъ (временно) и генералъ Каульбарсъ. На каждого дипломата приходится меньше одного года,—т. е. ровно столько, сколько нужно лишь для предварительнаго изученія интересовъ и потребностей княжества, для полнаго ознакомленія съ дѣлами и людьми. Въ Англіи или Австріи смотрятъ на дипломатическія агентства въ предѣлахъ европейскаго юго-востока какъ на посты первостепенной важности, которые могутъ быть поручаемы только опытнымъ и талантливымъ дипломатамъ; у насъ это не совсѣмъ такъ. Частая смѣна дипломатическихъ агентовъ и назначеніе ихъ изъ людей молодыхъ, недостаточно подготовленныхъ къ своей дѣятельности, приводятъ къ тому, что въ области нашихъ восточныхъ интересовъ, цѣлей и способовъ дѣйствія не выработалась еще до сихъ поръ точная и положительная программа, которой слѣдовали бы съ надлежащимъ постоянствомъ и единодушіемъ различныя русскіе дипломаты на Балканскомъ полу-

¹⁾ „Русская Старина“, 1886, ноябрь, стр. 477—8.

островѣ. Австрійцы, нѣмцы и англичане имѣютъ передъ нами два преимущества: во-первыхъ, они твердо знаютъ, чего хотятъ на Востокѣ, и стараются достигнуть желаемого наиболѣе цѣлесообразными средствами, и, во-вторыхъ, они опираются, сверхъ всего прочаго, еще и на европейское богатство, на обаятельную силу высшей культуры и цивилизаціи. На этой культурной почвѣ только и была возможна успѣшная борьба съ соперниками. Только духовнымъ, умственнымъ оружіемъ можемъ мы одерживать прочныя побѣды въ средѣ родственныхъ намъ славянскихъ народностей.

Л. Слонимскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ

* * *

По взморью бродилъ я—и морю внималъ.

О чемъ-то печально и важно

Волна вопрошала—и ей отвѣчалъ

Разсыпчатый берегъ протяжно.

Весь вечеръ ихъ рѣчи внималъ я одинъ,

Объятый тоской безпредѣльной.

Всплылъ мѣсяцъ—и глетчеры дальнихъ вершинъ

Зажглись красотою безцѣльной.

Раскрылся сводъ неба—прекрасенъ и нѣмъ,

Подобно пустынному раю.

И волны въ тиши вопрошали: зачѣмъ?

И берегъ шепталъ имъ: не знаю...

Батумъ.

ИСКУССТВО.

Въ глухой полночный часъ взгляни на лѣсъ цвѣтущій,
Потомъ въ лучахъ утра на тотъ же лѣсъ взгляни:
Не тѣже-ль предъ тобой шумать деревья въ кущи,
Не тотъ же ли ручей лепечетъ въ ихъ тѣни?
Иль утро свѣтлое ручей обогатило
Хотя-бъ одной волной, одною вѣткой—лѣсъ?
Но ты ихъ не узналъ: ихъ солнце освѣтило,
И волны ожили, и каждый листъ воскресъ,
И все, что въ нѣдрахъ тьмы таилось сокровенно,
Ликуя, родилось передъ лицомъ вселенной.

Н. Минскій.

СЧАСТЛИВЕЦЪ

Этюдъ.

Въ мое время, послѣдніе мѣсяцы въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ бывали очень оживлены. Казенная служба (на опредѣленный срокъ) была обязательна, и потому вопросъ о томъ, кто куда пристроится, стоялъ на первомъ планѣ; затѣмъ выдвигался вопросъ о томъ, что будутъ давать родители на прожитокъ и, наконецъ, вопросъ объ экипировкѣ. Во всѣхъ углахъ интерната раздавалось:

- Ты куда?
- Разумѣется, въ министерство иностранныхъ дѣлъ.
- Насъ, братъ, тамъ не совсѣмъ-то долюбиваютъ...
- Нѣтъ, у меня дядя тамъ; онъ похлопочетъ... Ахъ, кабы годикъ... attaché... въ Парижъ!! А ты куда?
- Я... въ департаментъ полиціи исполнительной...—записывается собесѣдникъ и какъ-то стыдливо краснѣетъ.
- Чудакъ!
- У меня тамъ тоже дядя... обѣщаль мѣсто помощника столоначальника... Тысячу двѣсти рублей (тогда рубль еще былъ ассигнаціонный) на полу не поднимешь, а я...

Или:

- Тебѣ сколько родители на житье назначаютъ?
- Мнѣ... двѣ тысячи,—краснѣя, отвѣчаетъ товарищъ, прибавляя цѣлую половину или, по малой мѣрѣ, четверть противъ скромной дѣйствительности.
- А мнѣ пятнадцать! Мамап ужъ прінскала квартиру и меблируетъ ее... un vrai nid d'oiseau! Пару лошадей въ деревнѣ нарочно для меня выѣздили, на-дняхъ приведутъ... О! я..

Наконецъ:

— Ты у кого платье заказываешь?

— У Сарра, а бѣлье—у Лепрётра. А ты?

— Я—у Клеменца... это вѣдь тоже хорошій портной... Бѣлье—дома маменька шьетъ...

— Ахъ!

Повторяю: такъ было въ мое время. Теперь, какъ я слышалъ, между воспитанниками интернатовъ уже существуютъ болѣе серьезныя взгляды на предстоящее будущее, но въ сороковыхъ годахъ разговоры въ родѣ приведеннаго выше стояли на первомъ планѣ и были единственными, возбуждавшими общій интересъ, и несомнѣнно—они не оставались безъ вліянія на будущее. Питомецъ, поступавшій на службу въ департаментъ полиціи исполнительной, жившій на какихъ-нибудь злосчастныхъ тысячу рублей и заказывавшій платье у Клеменца, могъ имѣть очень мало общаго съ блестящимъ питомцемъ, одѣвавшимся у Сарра, мчавшимся по Невскому на ворономъ рысакѣ и имѣвшимъ виды быть въ непродолжительномъ времени *attaché* при посольствѣ въ Парижѣ. Первое время по выходѣ изъ заведенія, товарищи еще видѣлись, но жизнь неумолимо вступала въ свои права и еще неумолимѣ стирала всякіе слѣды пяти-шестилѣтняго сожителства. Молодые люди, не встрѣчаясь въ обществѣ, легко забывали старое однокашничество, и хотя пожимали другъ другу руки въ театрѣ, на улицѣ и т. д., но эти пожатія были чисто формальныя. Уже въ самыхъ стѣнахъ интерната образовывалось два лагеря, изъ которыхъ одинъ былъ не чуждъ зависти, другой—пренебреженія. Но чтѣ всего замѣчательнѣе, даже въ одномъ и томъ же лагерѣ дружескія связи очень рѣдко завязывались прочно,—до такой степени, съ выходомъ на волю, жизненные пути развѣтвлялись, спутывались и все болѣе и болѣе уклонялись въ даль, въ самое короткое время.

Лично, я не могъ похвалиться тѣсными дружескими связями, но все-таки ближе другихъ былъ связанъ съ Валерушкой Крутицынымъ. Я былъ, такъ сказать, средній воспитанникъ; изъ ученія имѣлъ баллы не блестящіе, изъ поведения—и того меньше. Мои виды на будущее были болѣе чѣмъ посредственныя; отсутствіе всякой протекціи и довольно скудное „положеніе“ отъ родныхъ отдавали меня на жертву служебной случайности и осуждали на скитаніе по скромнымъ квартирамъ съ „чернымъ ходомъ“ и на продовольствіе въ кухмистерскихъ. Даже послѣднее было не всегда доступно, потому что молодость требовала дорогихъ развлеченій, и иногда, ради билета въ театръ, я вынуждался замѣнять скромный кухмистерскій обѣдъ десяти-копѣчной колбасой съ булкой.

Старый дядька, который жилъ при мнѣ, и тотъ имѣлъ въ мелочной лавкѣ пищу болѣе сытную и здоровую.

Напротивъ того, Крутицынъ, какъ оказалось изъ моихъ разспросовъ, былъ молодой человѣкъ вполне обеспеченный. Лошадей онъ, правда, не будетъ держать, но квартиру устроить комфортабельно и чистенько, и обѣдать будетъ не иначе, какъ „настоящимъ образомъ“ и въ хорошемъ ресторанѣ. Франтовства особеннаго не дозволить себѣ, а станетъ одѣваться красиво и безукоризненно. На службѣ изнемогать онъ тоже не располагалъ (онъ называлъ чиновниковъ „хамами“), а отбудетъ свой срокъ и затѣмъ выйдетъ на всѣ четыре стороны. Онъ любитъ читать (не одни романы, но и серьезные книжки), охотникъ до театра и не имѣетъ ни малѣйшей склонности къ кутежамъ. Все это даетъ ему право надѣяться, что жизнь его устроится разумно, независимо и свободно.

Но главная его претензія—это быть джентльменомъ. Когда наступитъ время, онъ уѣдетъ изъ Петербурга въ „свое мѣсто“ и будетъ служить по выборамъ. Ибо только такимъ образомъ истинный джентльменъ можетъ оправдать свое призваніе; только тамъ, среди „своихъ“, онъ самымъ дѣломъ покажетъ, что значить высоко держать „свое“ знамя.

— У насъ, mon cher, насчетъ этого самыя незрѣлыя, почти младенческія понятія,—говаривалъ онъ мнѣ. — Дворянство, за исключеніемъ немногихъ уѣздовъ, представляющихъ собой какъ бы оазисы, совершенно забыло о своемъ значеніи въ государствѣ и обратилось въ массу приживальцевъ на хлѣбахъ у казны. Какой-нибудь департаментскій штатскій генералъ съ высоты величія, почти съ пренебреженіемъ, смотритъ на бѣднаго дворянина, приѣзжающаго въ Петербургъ ходатайствовать по своимъ дѣламъ. Въ провинціи, конечно, дѣло идетъ нѣсколько иначе, но едва ли лучше. Тамъ, наоборотъ, дворяне тѣсно стоятъ другъ за друга, но не въ смыслѣ джентльменства, а въ самыхъ вопіющихъ злоупотребленіяхъ. Само собой разумѣется, что такимъ образомъ дѣйствій они производятъ въ массахъ глухое раздраженіе. Крѣпостное право совсѣмъ не такъ худо, какъ о немъ рассказываютъ, и еслибы дворяне относились другъ къ другу строже, то Богъ знаетъ, когда еще этотъ вопросъ поступилъ бы на очередь. А теперь, пожалуй...

Это говорилось еще задолго до слуховъ объ эмансипаціи, и я положительно не понималъ, откуда могъ набраться Валерушка такихъ несвойственныхъ казенному заведенію „принциповъ“. Вѣроятно, они циркулировали въ его семействѣ, которое безвыѣздно

жило въ деревнѣ и играло въ „своемъ мѣстѣ“ значительную роль. Съ своей стороны, помнится, я относился къ этимъ заявленіямъ довольно равнодушно, тѣмъ болѣе, что мысль о возможности упраздненія крѣпостного права въ то время даже мелькомъ не заходила мнѣ въ голову.

Важнѣе всего, что у Крутицына, при самомъ выходѣ со школьной скамьи, была уже задача, довольно, правда, отдаленная и смутная, но все-таки, до извѣстной степени, опредѣлявшая его внутренний міръ.

Онъ не измѣнитъ данному слову, потому что онъ—джентльменъ; онъ не позволитъ себѣ сомнительнаго поступка, потому что онъ—джентльментъ; онъ не ударитъ въ лицо своего слугу, не заставитъ повара съѣсть попавшаго въ супъ таракана, не возьметъ въ наложницы крѣпостную дѣвицу, потому что онъ—джентльменъ; онъ привѣтливо приметъ бѣднаго помѣщика-сосѣда, который явится съ просьбой по дѣлу, потому что онъ—джентльменъ. Вообще, онъ не „замараетъ“ себя... нѣтъ, никогда! Даже наединѣ самъ съ собой онъ будетъ мыслить и чувствовать какъ джентльменъ.

Первыя шесть лѣтъ, которыя Крутицынъ прожилъ въ Петербургѣ, покуда не кончился срокъ обязательной службы, наши дружескія связи продолжали поддерживаться, хотя я долженъ сознаться, что это стоило мнѣ лично нѣкоторыхъ усилій. Впрочемъ не я одинъ, а и другіе товарищи его охотно посѣщали, и онъ всѣхъ принималъ радушно. Ни про кого изъ сверстниковъ я не слыхалъ отъ него паскудной клички „ami-cochon“, которую направо и налево разсыпали графъ Б., графъ О. и другіе баловни фортуны. Напротивъ того, онъ даже искусственной предупредительности не выказывалъ, какъ бы боясь оскорбить ея, а оставался все тѣмъ же простымъ, участливымъ и добрымъ малымъ, какимъ былъ на школьной скамьѣ. Правда, что нѣкоторое время по выходѣ изъ школы у него почти совсѣмъ не было „постороннихъ“ знакомствъ, и потому со стороны не представлялось случая для сравненій и выводовъ. Среда, въ которой ему предстояло вращаться, еще не опредѣлилась, и товарищи составляли пока единственный ресурсъ.

Я зналъ, что у него живетъ въ Петербургѣ сестра, замужемъ за княземъ Х., что домъ этой сестры—одинъ изъ самыхъ блестящихъ, и что тамъ собирается такъ-называемое высшее общество. Валерушка бывалъ у сестры часто, и хотя это представлялось вполне естественнымъ, но я какъ-то инстинктивно страдалъ всякій разъ, когда на мой вопросъ: дома ли Валеріанъ Сергѣичъ? мнѣ

отвѣчали: „въ сестрицѣ уѣхали“. Мнѣ казалось, что тутъ уже кроется зародышъ двойственности. Нерѣдко, когда я сидѣлъ у Крутицына, подъѣзжала въ щегольской коляскѣ къ дому, въ которомъ онъ жилъ, красивая женщина и дѣлала движеніе, чтобы выйти изъ экипажа; но всякій разъ на-встрѣчу ей торопливо выбѣгалъ камердинеръ Крутицына и что-то объяснялъ, послѣ чего сестра опять усаживалась въ коляску и оставалась ждать брата. Крутицынъ, съ своей стороны, извинялся предо мной и, поспѣшно надѣвши пальто, выходилъ изъ дома. Однажды даже такъ случилось, что красавица полюбопытствовала и вышла изъ экипажа, и хотя Валеріанъ крикнулъ ей въ переднюю:

— Je ne suis pas seul...

Но она не послушалась предостереженія и вошла въ кабинетъ.

— Надѣюсь, что вы позволите „вашему другу“ уѣхать со мной?— сказала она, обращаясь ко мнѣ.

Словъ было немного, но въ тонѣ, которымъ были произнесены слова: „вашъ другъ“, заключалась цѣлая поэма. Во всякомъ случаѣ, въ эту минуту въ первый разъ, но все еще смутно, мелькнула мнѣ мысль, что въ „принципахъ“ извѣстной окраски, если даже они залегли въ общее міросозерцаніе въ тѣхъ чуждыхъ надменности формахъ, въ какихъ ихъ воспринялъ Валерушка, можетъ существовать своего рода трещина, сквозь которую просачивается исключительность и относительно „своихъ“, не менѣе фаворизированныхъ фортуну.

Въ наличности этой трещины еще болѣе убѣдили меня дальнѣйшія сношенія съ Крутицынымъ. Съ теченіемъ времени, въ квартирѣ его начали появляться „постороннія“ личности. И хотя онъ очень предупредительно представлялъ насъ другъ другу, но я всегда чувствовалъ при этомъ невольную неловкость. Или придешь такъ, что „посторонняя“ личность уже тутъ, и тогда она немедленно снимается съ мѣста и—со словами: „Итакъ, въ такомъ-то часу...“—удаляется во-свояси.

Или же „посторонняя“ личность появлялась, когда я сидѣлъ у Крутицына.

Заглянувъ въ кабинетъ и увидавъ меня, она восклицала:

— А! ты занятъ дѣлами! Pardon! Я черезъ часъ зайду...

И дѣлала движеніе, чтобы удалиться...

— О, нѣтъ! о, нѣтъ!—удерживалъ пріятеля Валерушка: — останься! ты не помѣшаешь!

Но, разумѣется, я, въ свою очередь, понималъ, что я лишній, и спѣшилъ удалиться.

Тѣмъ не менѣе, я упорствовалъ. Хотя существованіе трещины дѣлалось болѣе и болѣе несомнѣннымъ, но я утѣшалъ себя, что она засѣла не въ убѣжденіяхъ самого Валерушки, а въ той атмосферѣ, въ которой ему, волей-неволей, приходилось вращаться. Самъ онъ—говорилъ я себѣ—противникъ этой, худо скрываемой, надменности, и, конечно, не лжетъ, говоря, что въ ней заключается одна изъ причинъ сословной захудалости. Но не виновать же онъ, что рожденіе фаталистически кинуло его въ такую среду, отъ которой онъ отречься не можетъ. Не отказываться же ему, въ самомъ дѣлѣ, отъ людей, которыхъ онъ непрерывно встрѣчаетъ въ обществѣ и изъ которыхъ многіе связаны съ нимъ узами крови... Нѣтъ, самъ по себѣ, онъ безупречно вѣренъ своимъ убѣжденіямъ, и, конечно, въ „своемъ мѣстѣ“ докажетъ на дѣлѣ, какое его знамя и какъ нужно держать его.

Вообще, Крутицынъ былъ мнѣ симпатиченъ, несмотря на то, что, по убѣжденіямъ, мы принадлежали, такъ сказать, къ совершенно различнымъ приходамъ. Я имѣлъ слегка социалистическую окраску; онъ былъ экономистъ *ring sang*, штудировалъ Сэ и Бастіа, о социалистахъ же пренебрежительно выражался, *qu'ils cherchent midi à quatorze heures*. Затѣмъ, онъ былъ приверженецъ заменутой сословности, а же склонялся на сторону самой широкой безсословности, доходя чуть не до *suffrage universel*, мысль о которомъ тогда уже начинала волновать западную Европу. Но мнѣ, при томъ небольшомъ кругѣ знакомыхъ, какой я имѣлъ, дорогъ былъ въ Крутицынѣ разсуждающій сверстникъ, съ которымъ можно было спорить. Положимъ, эти споры были довольно первоначальнаго свойства и оставляли насъ при своихъ убѣжденіяхъ, но все-таки тутъ было упражненіе, которое въ юношескіе годы цѣнится очень дорого.

— *Mon cher*, — говаривалъ Крутицынъ:—раздѣлишь сегодня все поровну, а завтра неравенство все-таки вступить въ свои права.

— Я знаю это возраженіе, — отвѣчалъ я:—всѣ столоначальники опираются на него, какъ на каменную стѣну; но вѣдь дѣло совсѣмъ не такъ просто, какъ ты его рисуешь. Тутъ цѣлая система со множествомъ подробностей, со сложной обстановкой...

Однако, онъ не убѣждался моими возраженіями и продолжалъ:

— Или эти *anti-lions*, *anti-réquins*! Эти заботы насчетъ вывозки нечистотъ при помощи самоотверженныхъ когорть... Бѣдный Фурье! онъ не предвидѣлъ ни ватерлозетовъ, ни нынѣшнихъ парижскихъ катакомбъ!

— И это сужденіе чисто-столоначальническаго свойства! Фурье не объ однихъ anti-lions писалъ, но и...

И т. д.

Вообще, какъ я уже сказалъ выше, онъ охотно читалъ, но вычитывалъ въ книгахъ именно то, что не только не нарушало хорошаго расположенія духа, но, напротивъ, содѣйствовало поддержанію его.

Онъ былъ счастливъ. Проводилъ время безъ тревоги, испытывалъ доступныя юношѣ удовольствія и едва ли когда-нибудь чувствовалъ себя огорченнымъ. Мнѣ казалось въ то время, что вотъ это-то и есть самое настоящее равновѣсіе души. Онъ принималъ жизнь, какъ она есть, и бралъ отъ нея, что могъ.

— Я ничего особеннаго отъ жизни не требую, — говорилъ онъ нерѣдко, — и нахожу, что она даетъ совершенно достаточно, чтобы удовлетворить меня. Никакой борьбы я не ищу и не буду искать, не потому, чтобы трусилъ, а потому, что борьба — не въ моихъ принципахъ. Только то прочно, что приходитъ въ свое время; насильственно же взятое или искусственно привитое, рано или поздно, погибаетъ, и даже скорѣе рано, чѣмъ поздно. Кто дѣйствуетъ мечомъ, тотъ отъ меча погибнетъ. Вѣрь мнѣ. Конечно, въ людяхъ, среди которыхъ мнѣ приходится жить, есть многое, что мнѣ не по-сердцу, но, вѣроятно, и во мнѣ есть кой-что, что не нравится другимъ. Поэтому я или покоряюсь факту, принимаю его, какъ онъ есть, или же, если это удобно, вступаю въ споръ, въ надеждѣ убѣдить. Но безъ раздраженія, разумно, съ полнымъ сознаніемъ права, которое имѣетъ противникъ отстаивать свое убѣжденіе.

— Но вѣдь иногда это совсѣмъ не убѣжденіе, а просто раздраженіе прихотливаго или развращеннаго темперамента, — возразилъ я.

— Въ такомъ случаѣ споръ напрасенъ. Надо отойти — и больше ничего.

Онъ любилъ женское общество и имѣлъ у женщинъ успѣхъ; но бывалъ ли когда-нибудь влюбленъ — сомнѣваюсь. Мнѣ кажется, настоящая, страстная любовь нарушила бы его душевную ясность, и еслибъ даже запала случайно въ его сердце, то онъ, ради спокойствія своего, употребилъ бы всѣ усилія, чтобы подавить ее.

Онъ любилъ быть „счастливымъ“ — вотъ и все. Однажды прошелъ было слухъ, что онъ безнадежно влюбился въ извѣстную въ то время лоретку (такъ назывались тогдашнія вкоотки),

обладаніе которой оказалось ему не по средствамъ, но, на мой вопросъ объ этомъ, онъ очень резонно отвѣтилъ:

— Помилуй! неужели ты могъ повѣрить, что я положу на одни вѣсы мое личное спокойствіе и вопросъ о какой-то лореткѣ? Лоретка можетъ занять меня на одну минуту, не больше... Ихъ такъ много, такъ много, что предложеніе почти превышаетъ спросъ. Притомъ же, я совсѣмъ не тамъ ищу и не того мнѣ надо. Многіе изъ моихъ пріятелей постоянно проводятъ время въ обществѣ этихъ дѣвицъ; я и самъ иногда не прочь пробыть нѣсколько часовъ въ ихъ компаніи, но, въ концѣ концовъ, это скучно. Говорятъ онѣ глупо, поютъ пошлыя пѣсни, даже движенія у нихъ не красивы, а только циничны. Если тѣла ихъ и дѣйствуютъ возбуждающимъ образомъ на физіку, то это возбужденіе мимолетное. Вѣдь и тутъ все-таки необходима хоть искра ума или, по крайней мѣрѣ, выдержки.

Такимъ образомъ, онъ и съ этой стороны остался неуязвимъ. Самъ выдержанный, онъ и вездѣ искалъ такой же выдержки. Нашедши ее, чувствовалъ себя хорошо и удобно, не найдши — не добивался и проходилъ мимо своею дорогою.

Мнѣ кажется, что и у женщинъ Крутицынъ имѣлъ успѣхъ именно благодаря этой выдержкѣ. Онъ былъ нѣженъ, а не страстенъ, и притомъ безусловно приличенъ и скромнъ. Можно было съ увѣренностью сказать себѣ, что онъ не только словомъ, но и выраженіемъ глазъ, лица не выдастъ тайны, а это въ интимныхъ отношеніяхъ главное. Тихое наслажденіе, безъ порывовъ и даже безъ назойливости, наслажденіе настолько, насколько оно обуславливается обстоятельствами, обстановкой — вотъ идеалъ, который онъ воспиталъ въ себѣ. Даже разговора о сношеніяхъ съ женщинами онъ не допускалъ, потому что и тутъ случайно могла прозвучать нотка, сказаться слово, которое выдало бы его.

— Женщина для меня святыня, — однажды сказалъ онъ мнѣ: — я боюсь коснуться этой святыни, чтобы какимъ-нибудь неосторожнымъ выраженіемъ не оскорбить ея. И потому храню молчаніе.

Между тѣмъ кругъ „постороннихъ“ друзей все больше и больше тѣснился около него. Изъ старыхъ товарищей только я одинъ его посѣщалъ, но и мнѣ приходилось видѣться очень рѣдко. Это было тѣмъ болѣе досадно, что онъ, повидимому, не замѣчалъ ослабленія дружескихъ узъ. По прежнему, онъ былъ со мною привѣтливъ и ровенъ, но, очевидно, большой цѣны частымъ свиданіямъ не придавалъ. Я уже начиналъ склоняться

въ мысли, что во всемъ этомъ кроется глубокий эгоизмъ, но, обдумавши, пришелъ въ убѣжденію, что это—не болѣе, какъ довольство самимъ собою, своимъ положеніемъ, довольство, при которомъ не чувствуется даже потребности въ анализѣ. Жизнь течетъ обычнымъ порядкомъ; обстановка кругомъ или измѣняется, или остается неизмѣнною—все равно; „принципы“ остаются нетронутыми, такъ что ни съ какой стороны нѣтъ мѣста для тревогъ... Вотъ и достаточно.

Только обязательная служба до извѣстной степени выводила его изъ счастливаго безмятежія. Къ ней онъ продолжалъ относиться съ величайшимъ нетерпѣніемъ и, отбывая повинность, выражался, что и онъ каждый день приноситъ свою долю вреда. Думаю, впрочемъ, что и это онъ говорилъ, не анализируя своихъ словъ. Фраза эта, очевидно, была, такъ сказать, семейнымъ преданіемъ и запала въ его душу съ дѣтства въ родномъ домѣ, гдѣ всѣ, начиная съ отца и кончая деревенскими кузенами, кичились какою-то воображаемою независимостью.

Понять значеніе этой независимости было очень трудно, а доказать ее конкретнымъ дѣломъ еще труднѣе. Кажется, она въ томъ, по преимуществу, состояла, что „независимые“ удалялись изъ коронной службы (были дѣля губерніи, называвшіяся „корнетскими“, потому что почти сплошь всѣ помѣщики были отставные корнеты и вообще мало-чиновные люди, но зато обладавшіе хорошими матеріальными средствами). Отставные корнеты поселялись въ своихъ родовыхъ гнѣздахъ, служили по выборамъ и фрондировали, а по тогдашнему выраженію — „фыркали“. Въ образѣ жизни они старались подражать псевдо-англійскимъ порядкамъ. Домашняя прислуга ходила въ ливрейныхъ фракахъ и безшумно мелькала по комнатамъ, исполняя свои обязанности; глава семейства выходилъ къ обѣду во фракъ и въ бѣломъ галстукѣ; въ домѣ царствовала строгая и совершенно опредѣленная выштрованность, нарушенія которой не могла вызвать даже самая настоятельная необходимость, и, наконецъ, ни одинъ мѣстный чиновникъ, служившій не по выборамъ отъ дворянства, не допускался за порогъ барскихъ хоромъ. Въ то время это считалось вольнодумствомъ, и на людей, позволявшихъ себѣ поступать такимъ образомъ, смотрѣли косо, какъ на строптивыхъ. Такъ что, въ суммѣ, вся независимость сводилась къ тому, что люди жили нелѣпою, чуть ли не кюродивою жизнью, невѣдомо съ какого повода бравируя косые взгляды, которые метала на нихъ центральная власть, и называя это „держаніемъ знамени“.

На такую именно жизнь осужденъ былъ и Крутицынъ, но

такъ какъ сѣмена ея залегли въ немъ еще съ дѣтства, то онъ не только не чувствовалъ нелѣпыхъ ея сторонъ, но, по примѣру старшихъ, видѣлъ въ ней „знамя“.

Наконецъ, шестилѣтній срокъ обязательной службы истекъ, и Валерушка успѣшилъ воспользоваться свободой. За два мѣсяца передъ окончаніемъ срока, онъ уже взялъ отпускъ и собрался въ „свое мѣсто“, съ тѣмъ, чтобы оттуда прислать просьбу объ отставкѣ. Въ то время ему минуло двадцать-семь лѣтъ.

Въ день отъѣзда, я одинъ пріѣхалъ проводить его на дебаркадеръ малъпостовъ (желѣзная дорога до Москвы еще не существовала). Время было глухое, июнь въ концѣ; „посторонніе“ друзья разъѣхались по деревнямъ и за границу. Не могу сказать, чтобы сердце мое особенно сжималось въ виду предстоявшей разлуки, но все-таки чувствовалось нѣкоторое томленіе. Я говорилъ себѣ, что разлука будетъ полная, что о перепискѣ нечего и думать, потому что вся сущность нашихъ отношеній замыкалась въ личныхъ свиданіяхъ, и переписываться было не объ чемъ; что ежели и мелькнетъ Крутицынъ на короткое время опять въ Петербургъ, то не иначе, какъ по дѣламъ „знамени“ и врядъ ли вспомнить обо мнѣ, и что вообще врядъ ли мы не въ послѣдній разъ видимъ другъ друга.

Нечего и говорить, что ничего подобнаго въ мысляхъ Крутицына не было. Онъ просто уѣзжалъ, хотя, впрочемъ, искренно и крѣпко жалъ мнѣ руки, благодаря за то, что я не забылъ проводить его. Я помню, что въ послѣднія минуты мнѣ пришла въ голову довольно несообразная мысль. Нѣтъ, думалось мнѣ, надо, наконецъ, поставить вопросъ прямо. Намъ обоимъ по двадцати-семи лѣтъ, мы шесть лѣтъ уже пользуемся свободой, а какіе результаты дала намъ эта свобода? Можемъ ли мы указать на какое-нибудь дѣло или хоть на подготовку къ нему? Имѣемъ ли мы данныя, съ помощью которыхъ можно было бы опредѣлить характеръ предстоящаго намъ будущаго? или намъ еще долго-долго придется плыть по житейскому морю безъ вѣтрила, просто въ качествѣ „молодыхъ людей“?

Мысль эту я не преминулъ сообщить на прощанье Крутицыну:

— Вотъ намъ уже подъ-тридцать, — сказала я: — живемъ мы шесть лѣтъ внѣ школьныхъ стѣнъ, а случалось ли тебѣ когда-нибудь задаться вопросомъ: что дали тебѣ эти годы? сдѣлалъ ли ты какое-нибудь дѣло? наконецъ, приготовился ли къ чему-нибудь? Вообще, можешь ли ты дать себѣ отчетъ въ проведенномъ времени?

Онъ взглянулъ на меня удивленными глазами, точно впервые,

и съ неудовольствіемъ угадалъ во мнѣ какой-то совершенно чуждый ему „безпокойный“ элементъ.

— О чемъ ты говоришь — не понимаю! — отвѣтилъ онъ: — какіе отчеты, какое „дѣло“? какая подготовка? Я жилъ — вотъ и все!

И, подумавъ съ минуту, прибавилъ:

— А „дѣло“, которое мнѣ предстоитъ, и безъ подготовки — всегда на-лицо. Я съ благоговѣніемъ приму его въ свое время изъ рукъ отца и останусь вѣренъ ему до послѣдняго вздоха! Прощай.

Я угадалъ совершенно вѣрно: въ перепискѣ потребности не оказалось. Къ тому же я самъ вскорѣ, вслѣдъ за Крутицынымъ, вынужденъ былъ оставить Петербургъ и удалиться въ глубь провинціи. Валерушка, конечно, и не подозрѣвалъ, что я исчезъ и куда.

Ежели вообще даже внѣшняя перемѣна въ обычной жизненной обстановкѣ неудобно отражается на человѣческомъ существованіи, то тѣмъ тяжелѣе дѣйствуетъ утрата отношеній, имѣющихъ дружескій характеръ, особенно если одною изъ сторонъ эта утрата принимается равнодушно. Есть даже что-то оскорбительное въ подобныхъ внезапныхъ превращеніяхъ, какая-то приниженность чувствуется. Такъ было и со мною. Я называлъ навязчивостью тѣ усилія, которыя дѣлались мною съ цѣлью сохранить еле-державшуюся связь съ Крутицынымъ; я даже негодовалъ на себя, что продолжаю думать объ этой связи. Я положительно чувствовалъ себя пренебреженнымъ.

Впрочемъ поѣздка въ отдаленный край оказалась въ этомъ случаѣ полезительною. Связи съ прежней жизнью разомъ порвались; рѣдко кто обо мнѣ вспомнилъ, да я и самъ не чувствовалъ потребности возвращаться къ прошедшему. Новая жизнь со всѣхъ сторонъ обступила меня; сначала это было похоже на полное одиночество (тоже своего рода существованіе), но впоследствии и люди нашлись... Вѣдь вездѣ живутъ люди, какъ справедливо гласитъ пословица.

О Крутицынѣ я не имѣлъ никакихъ слуховъ. Взялъ ли онъ въ руки „знамя“, и высоко ли его держалъ — никому до этого дѣла въ то время не было, и ни въ какихъ газетахъ о томъ не возвѣщалось. Тихо было тогда, безмолвно; человѣкъ могъ держать „знамя“ и даже въ одиночку обѣдать во фракѣ и въ бѣломъ галстухѣ — никто и не замѣтитъ. И во фракѣ обѣдай, и въ халатѣ

—какъ хочешь, послѣдствія все одни и тѣ же. Даже умываться или не умываться предоставлялось личному произволению.

Я не сомнѣвался, однакожъ, что Валерушка устроился хорошо и не утратилъ душевнаго равновѣсія. Вѣроятно, онъ предводительствуетъ въ „своемъ мѣстѣ“, думалось мнѣ, когда воспоминаніе объ немъ случайно западало мнѣ въ голову. А предводительство, по его мнѣнію, само по себѣ уже есть „дѣло“, которому стоить посвятить жизнь. Мало ли у предводителя обязанностей? И ходатайствовать, и настаивать, и отстаивать и, наконецъ, „фыркать“. Съ утра до вечера—сущая толчея. Такъ, что когда наступитъ ночь, и случайно вздумаешь дать себѣ отчетъ въ прожитомъ днѣ, то не успѣешь и перечислить всего совершеннаго, какъ благодѣтельный сонъ уже спѣшитъ смежить глаза, чтобъ вознаградить усталый организмъ за претерпѣнную дневную суетолюку.

Цѣлыхъ восемь лѣтъ я велъ скитальческую жизнь въ глухомъ краю. И возлежалъ на лонѣ у начальника края, и былъ отмѣтаемъ отъ онаго; былъ и украшеніемъ общества, и заразою его; и удачи, и невзгоды—все испыталъ, чтѣ можно испытать на строю обязательной службы, среди не особенно брезгливыхъ по служебной части коллегъ. Конца этому положенію я не предвидѣлъ. Сначала дѣлалъ нѣкоторыя попытки, чтобы высвободиться, но тѣмъ дальше шелъ вглубь, тѣмъ болѣе и болѣе обживался. Даже солонину и огурцы солилъ въ-прокъ, и вообще зажилъ своимъ домоу, хотя былъ совсѣмъ одинокъ. И теперь вспоминая объ этомъ времени съ какимъ-то сомнѣніемъ, дѣйствительно ли оно было.

Наконецъ, искусъ кончился. Конецъ пришелъ такъ же случайно, какъ случайно пришло и начало. Я оставилъ далекій городъ точно въ забытѣ. Въ то время тамъ еще ничего не было слышно о новыхъ вѣяніяхъ, а тѣмъ болѣе о какихъ-то ломкахъ и реформахъ. Достоверно было только, что чиновникамъ предоставлено, вмѣсто прежнихъ мундировъ и вице-мундировъ, носить мундирные кафтаны и вице-кафтаны. Нѣсколько сутокъ я бѣгалъ, не отдавая себѣ отчета, чтѣ со мной случилось и чтѣ ждетъ меня впереди. Но, добравшись до Москвы, я сразу нюхнулъ свѣжаго воздуха. Несмотря на то, что у меня совсѣмъ не было тамъ знакомыхъ, или же предстояло разыскивать ихъ, я понялъ, что Москва уже не прежняя. На Никольской появилось Чижовское подворье, на Софійскѣ—Ломакинскій домъ съ зеркальными окнами. По Ильинскѣ, Варварскѣ и вообще въ Китай-городѣ проѣзду отъ ломовыхъ извозчиковъ не было—все благовонные товары везли: стало быть, потребность явилась.

Еще не такъ давно, такъ-называемыя „машины“ (органы) были изгнаны изъ трактировъ; теперь Московскій трактиръ щеголялъ двумя машинами, Новотроицкій—чуть не тремя. Отобѣдавши раза три въ общихъ залахъ, я наслушался того, что ушамъ не вѣришь. Говорили, что вопросъ о разрѣшеніи курить на улицахъ уже „прошелъ“, и что затѣмъ на очереди поставленъ будетъ вопросъ о снятіи запрещенія носить бороду и усы. Говорили смѣло, рѣшительно, не опасаясь, что за такія рѣчи пригласятъ къ генералъ-губернатору. Въ заключеніе, желѣзный путь отъ Москвы до Петербурга былъ уже открытъ.

Хорошее это было время, гуляивое, веселое. Денегъ было много, а ежели у кого и оказывалась недостача, то это значило: передъ деньгами! Пріятели, на радостяхъ, охотно давали взаймы, въ трактирахъ—охотно вѣрили въ долгъ. И, притомъ, много ли нужно человѣку, особливо московскому?—рюмка, двѣ рюмки, три рюмки—вотъ онъ и пьянъ! Потому что у него внутри ужъ гнѣздо заведено. А на закуску—кусочекъ хлѣба съ крошечнымъ ломтикомъ ветчины. И этого достаточно, потому что водка сама по себѣ насыщаетъ. Даже половые вострепнулись и летали по заламъ трактировъ съ сіяющими лицами, довольные и счастливые, что, наконецъ, узмы разорваны и наступило время настоящей „вольной“ работы. И они высоко держали своего рода „знамя“.

Прибавьте ко всему этому прибавтки Кокорева, его возню съ севастопольскими героями, угощенія, увеселительныя поѣздки по Николаевской желѣзной дорогѣ, кутежи въ Ушакахъ,—и согласитесь, что бѣдному провинціалу было отъ чего угорѣть.

Когда я добрался до Петербурга, то тамъ куренье на улицахъ было уже въ полномъ разгарѣ, а бороды и усы стали носить даже прежде, нежели вопросъ объ этомъ „прошелъ“. Но всего болѣе занималъ здѣсь вопросъ о прессѣ. Несмотря на то, что цензура не была еще упразднена, печать ужъ повисила тонъ. Въ особенности провинціальная юродивость всплыла наружу, такъ что городничіе, исправники и даже начальники края не на шутку задумались. Затѣвались новыя періодическія изданія, и въ особенности обращалъ на себя вниманіе возникшій „Русскій Вѣстникъ“. При этомъ Петербургъ завидовалъ Москвѣ, въ которой существовалъ совершенно либеральный цензоръ, тогда какъ въ Петербургѣ цензоръ все еще словно не вѣрилъ превращенію, которое въ ихъ глазахъ совершалось. Что касается устности, то она была просто безпримѣрная. Высказывались такія сужденія, говорились такія рѣчи, что хоть бы въ Парижѣ, въ Бельвиллѣ. Словомъ сказать, пробужденіе было полное, и, разумѣется, однимъ

изъ первыхъ украшеній его составлялъ тогдашній premier amou-geux, В. А. Кокоревъ, который на своемъ образномъ языкѣ называлъ его „постукиваньемъ“.

Петербургъ былъ переполненъ наѣзжими провинціалами. Всѣ, у кого водилась лишняя денѣга, или кто имѣлъ возможность занять, — всѣ устремлялись въ Петербургъ, въ источнику. Одни пріѣзжали изъ любопытства, другіе — потому, что ужъ очень забавными казались „благія начинанія“, о которыхъ чуть не ежедневно возвѣщала печать; третьи, наконецъ — въ смутномъ предвидѣніи какой-то угрозы. Крутицынъ былъ тоже въ числѣ пріѣзжихъ, и однажды, въ театрѣ, я услыхалъ сзади знакомый голосъ:

— А! Мельмотъ-скиталецъ! Наконецъ!..

Мы встрѣтились радушно и просто, какъ будто разстались только вчера. Крутицынъ, по прежнему, глядѣлъ счастливо, такъ что сразу было видно, что онъ вполне доволенъ своимъ положеніемъ. На щекахъ его игралъ румянецъ, въ волосахъ — ни признака сѣдины или другого ущерба; походка такая же легкая, съ пріятнымъ перевальцемъ, какъ восемь лѣтъ тому назадъ; нигдѣ ни малѣйшей обрюзглости или отяжелѣлости; одѣтъ безъ франтовства, но безукоризненно. Вообще, онъ не только не постарѣлъ, а какъ будто даже помолодѣлъ. Напротивъ того, я, судя по его словамъ, и похудѣлъ, и обрюзгъ, и постарѣлъ.

— Видно, на окраинахъ-то живетъ не совсѣмъ прігѣваючи! — молвилъ онъ, осматривая меня.

— Чтѣ же ты не прибавляешь: самъ виновать? — пошутилъ я въ отвѣтъ.

— Я, голубчикъ, держусь того правила, что каждый самъ лучше можетъ оцѣнивать собственные поступки. Ты знаешь, я никогда не считалъ себя судьей чужихъ дѣйствій, — при этомъ же убѣжденіи остался я и теперь. Мнѣ достаточно слѣдить за самимъ собой, да и другому не худо бы слѣдовать этому правилу.

Я узналъ, что онъ пріѣхалъ на короткое время и остановился въ гостинницѣ. Не столько дѣла привлекли его, сколько любопытство. Какія могли быть у него дѣла съ бюрократіей? — конечно, никакихъ! Но для любознательности поводовъ было достаточно, и онъ не отрицалъ, что въ обществѣ проснулось нѣчто въ родѣ самочувствія. Не лишнее было принять это явленіе въ соображеніе, въ виду „знамени“, которое онъ держалъ, и, быть можетъ, даже воспользоваться имъ на вѣщшее преуспѣяніе излюбленныхъ интересовъ.

— Здѣсь очень забавно, — выразился онъ чуть-чуть иронически: — курятъ на улицахъ такъ, что, того гляди, сводъ небес-

ный закоптятъ. И бороды отпустили — узнать мудрено. Одинъ Кокоревъ, съ своими героями, чего стѣдить! заглядѣться можно!

— А пресса-то, пресса! — подстрекнулъ я.

— Ну, да, и пресса недурна. Что же! пускай бюрократы побезпокоятся. Вообще, любопытное время. Немножко, какъ будто, сумбуромъ отзывается, но... ничего! Я, по крайней мѣрѣ, не раздѣляю тѣхъ опасеній, которыя высказываются нѣкоторыми изъ людей одного со мною лагеря. Нигдѣ въ Европѣ нѣтъ такой свободы, какъ въ Англіи, и между тѣмъ нигдѣ не существуетъ такого правильнаго теченія жизни. Стало быть, и ты можешь ждать, что когда-нибудь внезапно смѣшавшіеся элементы жизни разлетятся по своимъ мѣстамъ.

Кромѣ того, я узналъ, что онъ женился. И теперь, въ Петербургѣ, онъ съ женой, но она уѣхала на вечеръ къ сестрѣ, а онъ предпочелъ театръ.

— Хорошая у меня жена, умница! — прибавилъ онъ съ видимымъ удовольствіемъ.

— Итакъ, ты счастливъ?

— То-есть, доволенъ, хочешь ты сказать? Выраженій, въ родѣ: „счастье“, „несчастье“, я не совсѣмъ могу взять въ толкъ. Думается, что это что-то пришедшее извнѣ, взятое съ бою. А довольство естественнымъ образомъ залегаетъ внутри. Его, собственно говоря, не чувствуешь, оно само собою разливается по существу и дѣлаетъ жизнь удобною и пріятною.

Сказавши это, онъ пожалъ мнѣ руку и удалился, причемъ не спросилъ, гдѣ я живу, да и самъ не пригласилъ меня къ себѣ. Очевидно, довольство настолько овладѣло имъ, что онъ утратилъ даже представленіе о какомъ-либо обществѣ, кромѣ общества „своихъ“.

Тѣмъ не менѣе, я не утерпѣлъ, и на другой же день, довольно рано, ужъ былъ у него.

Крутицынъ весь сіялъ счастьемъ, — это съ перваго взгляда бросалось въ глаза. Было часовъ около одиннадцати, но и онъ, и жена его уже держали свое „знамя“. Она, прелестная, свѣжая, благоухающая, сидѣла у круглаго стола и разливала чай. Крутицынъ правду сказалъ: по всѣмъ ея движеніямъ, неторопливымъ и плавнымъ, видно было, что она „умница“. И ѣла, и пила она настоящимъ образомъ, не жеманилась, не играла ложкой, не стыдилась, какъ бы говоря: это я случайно пью чай и булку съ масломъ ѣмъ, а обыкновенно я питаюсь эфиромъ! И ѣла, и пила, какъ всѣ смертные, и даже мнѣ, безъ предварительныхъ разспросовъ, налила чашку, — все какъ слѣдуетъ ум-

ницѣ. Что касается до него, то онъ, въ утреннемъ неглижѣ (*tout à fait soggest*), помѣщался сбоку стола. Разумѣется, меня не ждали, и какъ будто даже удивились, что я такъ поспѣшилъ.

— Мнѣ вчера еще Valérien говорилъ о васъ, — сказала она, когда Крутицынъ отрекомендовалъ меня: — и я очень рада познакомиться съ вами. Друзья моего мужа — мои друзья.

Я вспомнилъ подобную же сцену съ сестрою Крутицына, и мнѣ показалось, что въ словахъ: „друзья моего мужа — мои друзья“, сказала такая же поэма. Только это одно нѣсколько поразило впечатлѣніе въ ущербъ „умницѣ“, но, вѣроятно, тутъ уже былъ своего рода фатумъ, отъ котораго никакая выдержка не могла спасти.

Черезъ четверть часа, „умница“ скрылась въ сосѣднюю комнату, и мы остались одни. Я нѣкоторое время такъ пристально вглядывался въ Валерушку, что онъ, смѣясь, замѣтилъ:

— Ты что на меня такъ странно смотришь? Что-нибудь необыкновенное примѣтилъ?

— Нѣтъ, я просто угадать хочу.

— Чтожъ угадывать? Во мнѣ все такъ просто и въ жизни моей такъ мало осложненийъ, что и безъ угадываній можно обойтись. Я даже рассказать тебѣ о себѣ ничего особеннаго не могу. Лучше ты расскажи. Давно ужъ мы не видались, съ той самой минуты, какъ я высвободился изъ Петербурга — помнишь, ты меня проводилъ? Ну же, рассказывай: какъ ты прожилъ восемь лѣтъ? Что предвидишь впереди?..

Я рассказалъ, что могъ, но запасъ у меня былъ не особенно обильный. Въ десять-пятнадцать минутъ все было кончено.

Въ самомъ дѣлѣ, что я оставилъ позади за тѣ восемь лѣтъ, въ продолженіе которыхъ мы не видались? — воспоминаніе о какой-то безконечно-длинной и бессодержательной процедурѣ, до того однообразной, что она напоминала собой сказку о бѣломъ бычкѣ. Настолько была общеизвѣстна эта процедура, настолько всѣмъ надобля, что какъ только наступила благоприятная минута, всѣ взапуски спѣшили отдѣлаться отъ нея, какъ отъ кошмара. Что же касается до эпизодовъ и подробностей, которые отгѣняли одинъ день отъ другого, то они отзываются уже черезъ-чуръ узкою спеціальностью, и положительно никого не могли интересовать. Сегодня — слѣдствіе о вымогательствѣ, завтра — о сокрытіи, послѣ-завтра — о превышеніи или бездѣйствіи, и т. д. Хвалиться, послѣ долгихъ лѣтъ разлуки, передъ пріятелемъ, сколько стоило труда и искусства, чтобы поймать, уличить и вообще довести, съ грѣхомъ пополамъ, какого-нибудь ворешку-станового до

возжелѣннаго 3-го пункта—право, не стоило. Съ другой стороны, и бесѣдовать о дешевизнѣ съѣстныхъ припасовъ было не интересно. Какое дѣло Крутицыну до того, что въ городѣ Глазовѣ пара рябчиковъ стѣдитъ семь копѣекъ серебромъ? Все, чтѣ онъ можетъ сказать по поводу такихъ розсказней—это:

— Дешевизна такъ неимовѣрна, что рябчики непременно должны быть давленные, а не стрѣлянные. Во всякомъ случаѣ, ни одинъ порядочный поваръ не согласится подать давленную дичь на столъ.

— Нѣтъ, лучше о тебѣ будемъ говорить, — сказалъ я, истощивъ свой запасъ.

— Чтѣжъ я могу разсказать тебѣ? Какъ видишь: женатъ, счастливъ; восемь лѣтъ прошли, какъ сонъ.

— Голубчикъ! вѣдь восемь лѣтъ не мало времени; положимъ, для меня, съ фактической стороны, они прошли почти безслѣдно. Существованіе мое было однообразное, подневольное и шло изо дня въ день въ совершенно чуждой мнѣ средѣ. Но и тутъ я убѣжденъ, что если еще не успѣлъ разобраться въ недавнемъ прошломъ, то впослѣдствіи оно все-таки откликнется. Выступать наружу личности, характеристикъ, освѣтятся факты, подробности, а за ними появится цѣлая свита ошибокъ. Сколько окажется поводовъ для самобичеванія, для укоровъ! Какія потрясающія драмы могутъ выплыть на поверхность изъ омута мелочей, которыя настолько переполняютъ жизненную обыденность, что ни сердце, ни умъ, въ минуту совершенія, не трогаются ими! Нѣтъ, перемѣна, происшедшая въ моемъ существованіи, такъ еще свѣжа,—всего нѣсколько мѣсяцевъ,—что я не успѣлъ еще присмотрѣться къ прошлому, и не могу дать себѣ отчета, чѣмъ оно чревато, укорами или поощреніями. Напротивъ, та...

— Мнѣ кажется, что ты ужъ черезъ-чуръ трагически смотришь на вещи...

— Ну, будетъ; дѣйствительно, я что-то некстати развитійствовался. Разсказывай же, разсказывай о себѣ: какъ жилъ, чтѣ дѣлалъ?

— Какъ жилъ?—ну, жилъ, и больше ничего. Признаюсь, я даже не понимаю этого вопроса, и мнѣ кажется, что, гоняясь за разрѣшеніемъ его, tu cherches midi à quatorze heures. Смутно помнится, что мы уже однажды имѣли подобный разговоръ, и я объяснился съ тобою. Но ты, повидимому, несправимъ. Итакъ, повторяю: я жилъ, и не имѣю причины быть недовольнымъ своимъ прошлымъ. Быть можетъ, что это происходитъ отъ того, что я ни-

чего особеннаго не требую, или отъ того, что сама судьба меня притолубливаетъ—во всякомъ случаѣ, я не жалуясь и сознаю себя вполне удовлетвореннымъ. Однажды только я испыталъ серьезное горе—это когда умеръ отецъ, котораго я страстно любилъ. Но время сгладило и это горькое впечатлѣніе; у меня осталась мать, къ которой я также страстно привязанъ, и мы втроемъ живемъ душа въ душу: папа, жена и я. Жаль только, что сестрой приходится видѣться рѣдко, но тутъ ужъ ничего не поделаешь. Словомъ сказать, я живу семейно и согласно, а ежели въ домѣ царствуетъ согласіе, то и жизнь не можетъ не радовать. Достаточно этого для тебя?

— Но вѣдь у тебя было дѣло? доволенъ ли ты имъ?

— И дѣло было, и надѣюсь, что и впредь ему буду служить. И скажу безъ хвастовства, что сознательно противъ однажды усвоенной *règle de conduite* не поступалъ. Держать вѣренное знамя совсѣмъ не легкая задача, и я исполнялъ ее по мѣрѣ моихъ силъ. Я не кичился моими преимуществами, не пользовался ими въ ущербъ моимъ довѣрителямъ, не былъ назойливъ, съ полною готовностью являлся посредникомъ тамъ, гдѣ чувствовалась въ этомъ нужда, входилъ въ положеніе тѣхъ, которые обращались ко мнѣ, отстаивалъ интересы сословія вообще и интересы достойныхъ членовъ этого сословія въ частности,—вотъ мое дѣло! Быть можетъ, оно не блестяще, но удовлетворяетъ меня вполне. И несмотря на кажущуюся простоту, оно порядочно таки сложно, такъ что обѣднаться или опуститься мнѣ не было времени. Вѣдь не только одна тишь да гладь царствовали, а были и шероховатости. Вспомни, что въ мою компетенцію входили не одни дворяне, но и крестьяне. Сверхъ того, и всѣ служащіе по выборамъ... Покойный отецъ сдѣлалъ многое, чтобы нашъ уѣздъ въ административномъ смыслѣ былъ безупреченъ, и я шелъ по стопамъ его. Неужели всего этого недостаточно?

— Помилуй! какъ недостаточно? напротивъ!

— Ты иронизируешь? находишь, что все это мелочи? Но что же дѣлать, если ничего болѣе крупнаго въ жизни не видится?

— То-то вотъ и есть... отчего однѣ только мелочи? отчего положеніе вещей остается на одной точкѣ и ни на какой осязательный результатъ указать нельзя?

— Pardon! Выраженіе: „мелочи“—сорвалось у меня съ языка. Въ сущности, я отнюдь не считаю своего „дѣла“ мелочью. Напротивъ. Очень жалѣю, что ты затѣялъ весь этотъ разговоръ, и даже не хочу вѣрить, чтобы онъ могъ серьезно тебя заинтересо-

вать. Будемъ каждый дѣлать свое дѣло, какъ умѣемъ—вотъ и все, что нужно. А теперь поговоримъ о другомъ.

Мы поговорили еще минутъ десять о вчерашнемъ спектаклѣ и расстались.

Прошло цѣлыхъ тридцать лѣтъ, наполненныхъ какою-то пестротою, въ которой трудно было отыскать руководящую нить. Эпоха „постукиванья“ миновала быстро; наступило суровое, безпощадное отрезвленіе, умѣряемое случайными и не всегда мотивированными возвратами къ лучшимъ временамъ. Въ воздухѣ чуть не каждый день оттепель смѣнялась жгучимъ холодомъ, и наоборотъ; но настоящіе теплые дни перепадали рѣдко. Эти перемены заставляли себя чувствовать тѣмъ болѣе мучительно, что наступали внезапно и вслѣдствіе чисто внѣшнихъ, случайныхъ причинъ. Явленія, имѣвшія совершенно частный характеръ, обобщались и угнетающимъ образомъ отражались на цѣломъ жизненномъ строѣ. Жилось сомнительно, безъ увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, безъ удовлетворенія днемъ настоящимъ. Знамена, которыя всякій спѣшилъ выкинуть въ дни „возрожденія“, вдругъ попрятались; самое представление о возрожденіи стушеввалось и смѣнилось убѣжденіемъ, что ожиданіе дальнѣйшихъ развитій было бы ребячествомъ. Умы воротились къ старинной, излюбленной темѣ: какъ бы выйти неповрежденнымъ изъ сутолоки настоящего дня. Въ прессѣ, рядомъ съ „рабымъ языкомъ“, родился языкъ холопскій, претендовавшій на смѣлость, но, въ сущности, представлявшій смѣсъ наглости, лести и лжи. „Улица“ притихла.

Въ теченіе всего этого времени я былъ почти исключительно поглощенъ литературными занятіями. Скорбныхъ минутъ было не мало, но, по крайней мѣрѣ, поддерживалось горѣніе мысли—и за то спасибо. Всего мучительнѣе было то, что писатель не могъ опредѣлительно указать на своего читателя, такъ что голосъ его раздавался, такъ сказать, на удачу. Но, во всякомъ случаѣ, литературный трудъ самъ по себѣ представляетъ достаточно утѣшеній. Допустимъ, что на особенно плодотворные результаты рассчитывать нечего, но все-таки думается, что хоть что-нибудь, хоть штрихъ одинъ, хоть слабый звукъ—дойдетъ по адресу. Гудить и снуетъ безымянная толпа, совсѣмъ не подозрѣвая, что къ ней обращено горячее писательское слово—и вдругъ выискивается адресатъ, который ловить это слово на-лету.. Это большое счастье, но, въ то же время, надо сказать правду, и боль-

шая рѣдкость, потому что адресать робокъ и обнаруживать свои чувства не всегда считаетъ полезнымъ.

Повторяю: результаты моей дѣятельности были сомнительны, но существовалъ самый процессъ излюбленнаго литературнаго труда, и это до извѣстной степени удовлетворяло. Настоящее слово выговаривалось съ трудомъ, но попытки связать его уже существовали. Еще не утрачена была возможность полемизировать, и творцы холопскаго языка чувствовали хоть какую-нибудь узду. Съ теченіемъ времени и эта возможность исчезла, и холопскій языкъ получилъ возможность всесильно раздаваться изъ края въ край, заражая атмосферу тлѣніемъ и посягая на человѣческіе мозги.

Съ своей стороны, Крутицынъ крѣпче, нежели когда-нибудь, держалъ свое знамя. Онъ понималъ, что плошать не слѣдуетъ, потому что въ пестрое время на первомъ планѣ стоитъ значеніе минуты и возможность ее уловить. Въ первый разъ пришлось ему постичь истинный смыслъ слова: „борьба“, но, однажды сознавъ необходимость участія этого элемента въ человѣческой дѣятельности, онъ уже не остановился передъ нимъ, хотя, по обычаю всѣхъ ищущихъ душевнаго мира людей, принималъ его подъ другимъ наименованіемъ. Онъ называлъ борьбу отстаиваніемъ священныхъ вѣками интересовъ и съ гордостью говорилъ, что его нельзя смѣшивать съ толпою безповойнныхъ, которая занималась отыскиваніемъ какихъ-то новыхъ общественныхъ идеаловъ и формъ. Онъ, по преимуществу, дѣйствовалъ на мѣстныя правящія сферы: убѣждалъ, приглашалъ оставить опасный путь и идти объ руку, по стезѣ благонамѣренности. Но если же это не удавалось, то, выждавъ „минуту“, ѣхалъ въ Петербургъ и настаивалъ на своемъ. И такъ какъ выбранная минута была всегда такая, когда въ извѣстныхъ сферахъ было насчетъ благонамѣренности „твердо“, то жертвъ этой настѣйчивости оказывалось не мало.

Словомъ сказать, Крутицынъ былъ доволенъ, и среди „своихъ“ пользовался не только популярностью, но и любовью. Несмотря на почти непреодолимые трудности, онъ создалъ изъ своего уѣзда дѣйствительный оазисъ, въ которомъ, послѣ эманципаціи, ни одинъ помѣщикъ не продалъ ни пяди занадѣльной земли, въ которомъ господствовалъ преимущественно сиротскій надѣлъ и уже зародились серьезныя задатки крупнаго землевладѣнія. Даже мелкія сошки куда-то исчезли; остались только настоящіе столпы, кровные деревенскіе джентльмены, которые обѣдали въ своихъ семьяхъ, сидя за столомъ во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ.

Хотя въ Петербургъ онъ пріѣзжалъ довольно часто, но со

мной уже не видался. Повидимому, дѣятельность моя была ему не по нраву, и хотя онъ не выражалъ по этому поводу своихъ мнѣній съ обычною въ такихъ случаяхъ ненавистью (все-таки старый товарищ!), но въ глубинѣ души, навѣрное, причислялъ меня къ разряду неблагонадежныхъ элементовъ.

Отъ времени до времени мы видѣлись, но въ публичныхъ мѣстахъ, вполнѣ случайно, и безъ разговоровъ расходились, пожавъ другъ другу руки. Впрочемъ о цѣляхъ его наѣздовъ въ столицу я почти всегда зналъ. Фамилія Крутицына приобрѣла уже значительную извѣстность и встрѣчалась въ газетахъ наравнѣ съ фамиліями самыхъ горячихъ защитниковъ интересовъ консервативной партіи. Помнится, что онъ даже кой-что пописывалъ, хотя безъ особеннаго успѣха. Онъ значительно измѣнилъ свои прежнія убѣжденія относительно бюрократовъ и соглашался, что, при извѣстныхъ условіяхъ, между интересами бюрократическими и сословными не только не существуетъ ни малѣйшей розни, но, напротивъ, первые способствуютъ вторымъ, а вторые оплодотворяютъ первые. Поэтому онъ относился съ довѣріемъ даже къ департаментскимъ столоначальникамъ. Онъ ходатайствовалъ, подавалъ записки, добивался участія въ разнообразныхъ комитетахъ и комиссіяхъ и уже не стоялъ исключительно на сословной почвѣ, но выказывалъ намѣреніе перейти на почву общегосударственную. Сословная обезпеченность можетъ быть достигнута только при соответствующемъ устройствѣ всего государственнаго уклада,—настаивалъ онъ, и слова его будучи, въ сущности, самымъ ординарнымъ общимъ мѣстомъ, считались мудрыми. Ему неоднократно предлагали мѣсто губернатора и даже выше, но онъ на-отрѣзъ отказывался. Въ этомъ отношеніи онъ остался вѣренъ отцовскимъ „принципамъ“, и находилъ, что сословная честь требуетъ неизмѣнной преданности исключительно сословному знамени.

Раза два-три я встрѣчался съ нимъ за границей, преимущественно въ Эмсѣ, куда онъ отъ времени до времени ѣздилъ (всегда въ сопровожденіи жены), чтобы подлечить какую-то неисправность въ легкихъ. Здѣсь, благодаря полному досугу, онъ былъ менѣе сдержанъ и охотно возвращался къ дружескимъ собесѣдованіямъ. Разговоры наши, впрочемъ, не касались „знамени“, ни вообще внутренней политики, а вращались исключительно около кулинарныхъ интересовъ. Гдѣ лучше обѣдать: въ *Hôtel Vierjahreszeiten* или въ кургаузѣ? А можетъ, еще лучше—съ утра разузнавать по извѣстнымъ отелямъ, въ которомъ изъ нихъ предполагается наиболѣе подходящій обѣдъ? Крутицынъ отзывался

о нѣмецкой кухнѣ не только безъ презрѣнія, какъ это дѣлають большинство русскихъ гастрономовъ, но даже хвалили ее. И она, съ своей стороны, способствовала душевной ясности, перевариваясь легко, безъ желудочныхъ переполоховъ. — Во всякомъ обѣдѣ найдешь два-три блюда очень приличныхъ, — говорилъ онъ: — и притомъ такихъ, отъ которыхъ не чувствуется въ желудкѣ никакой тяжести. Все здѣсь такъ устроено, чтобы питаніе, безъ ущерба въ гастрономическомъ смыслѣ, не вредило леченію, но, напротивъ, содѣйствовало.

— Да, голубчикъ, огражденіе интересовъ желудка — это въ своемъ родѣ знамя, — поддакивалъ я ему.

— У насъ, гдѣ-нибудь во Владикавказѣ, непременно свиной отпотчуютъ или солониной накормятъ, а здѣсь даже мѣнусъ въ табльдотахъ составляется не иначе, какъ подъ наблюдениемъ водяного комитета.

— Да, но вѣдь и свинина вкусна!..

— Вкусна — не спорю! но въ гигиеническомъ смыслѣ...

Стало быть, и въ кулинарномъ отношеніи онъ былъ счастливъ: желудокъ въ исправности! — Многіе этого блага съ дѣтскихъ лѣтъ добиваются, да такъ и сходятъ въ могилу съ желудочнымъ заросениемъ.

Сверхъ того, онъ былъ горячій поклонникъ Бисмарка и выжался о немъ:

— Это, братъ, человѣкъ!

И въ этомъ я ему не препятствовалъ, хотя, въ сущности, держался совсѣмъ другого мнѣнія о хитро-сплетенной дѣятельности этого своеобразнаго генія, запутавшаго всю Европу въ какія-то невылазныя тенѣта. Но свобода мнѣній — прежде всего, и мнѣ не безъ основанія думалось: вѣдь отъ того не будетъ ни хуже, ни лучше, что два русскихъ досужихъ человѣка начнутъ препираться о качествахъ человѣка, который простеръ свои длани на востокъ и на западъ, — такъ пускай себѣ...

Повторяю: наши собесѣдованія были легкія, гигиеническія, и Крутицынъ былъ, повидимому, благодаренъ, что я не переносу ихъ на другую почву.

Однажды, однакожь, я не вытерпѣлъ и спросилъ его: — Правда ли, что ты считаешь меня неблагонадежнымъ элементомъ?

— Mais puisque tu demandes cent milles têtes à couper!

— Фу, ты!

Отвѣтъ его былъ нѣсколько придурковать, но такъ какъ онъ, видимо, былъ счастливъ, выказавъ нѣчто похожее на остроуміе,

то я не возражалъ дальше. Счастье такъ счастье!—пусть выпиваетъ чашу ликовація до дна!

Нѣсколько разъ я порывался спросить его, чтѣ онъ дѣлаетъ въ „своемъ мѣстѣ“, и подвинулось ли хоть на вершокъ что-нибудь вслѣдствіе его настояній, отставиваній, ходатайствъ и вообще вслѣдствіе той сутолоки, которой онъ неустанно предается ради излюбленнаго „знамени“; но, предвидя тотъ же стереотипный отвѣтъ, который и прежде слыхалъ отъ него, воздержался.

Впрочемъ и за границей всегда такъ случалось, что постепенно наѣзжали на воды люди, связанные съ Крутицынымъ болѣе интимнымъ образомъ, нежели я, и тогда онъ незамѣтно исчезалъ для меня въ толпѣ „своихъ“.

Гораздо позднѣе я узналъ, что счастье его усугубилось: онъ позналъ свѣтъ истины. Молодость уже миновала (Крутицыну было подъ-шестьдесятъ), да кстати подростъ и сынъ,—у него ихъ было двое, но младшій не особенно радовалъ,—которому онъ и передалъ изъ рукъ въ руки дорогое знамя, въ твердой увѣренности, что молодой человѣкъ будетъ держать его такъ же высоко и крѣпко, какъ держали отецъ и дѣдъ. Самъ же Валерьянъ Сергѣичъ безповоротно заключился въ своемъ chateau и исключительно предался осѣнившему его душевному обновленію. Сначала онъ отдался спиритизму, потомъ сдѣлался ревностнымъ редстокистомъ, а наконецъ и самъ началъ кой-что придумывать. Сложится у него въ головѣ какой-нибудь произвольный афоризмъ—онъ и исповѣдуетъ его, не останавливаясь передъ самыми крайними выводами. Рассказывали, что по вечерамъ въ обширномъ залѣ его chateau собирались домочадцы, начиная отъ жены, дѣтей, гувернантокъ и боннъ и кончая низшей прислугой. Ставился аналой; Крутицынъ надѣвалъ черную раску, выбиралъ главу изъ евангелія и толковалъ ее, разумѣется, въ смыслѣ излюбленнаго афоризма. Толкованія эти продолжались часъ и два; слушатели, конечно, не прекословили, а только вздыхали. И онъ былъ счастливъ безмѣрно.

Въ эпохи нравственнаго и умственнаго уменія, когда реальное дѣло выпадаетъ изъ рукъ, подобныя фантасмагоріи совершаются нерѣдко. Не находя удовлетвореній въ дѣйствительной жизни, общество мечется на удачу, и въ изобиліи выдѣляетъ изъ себя людей, которые съ жадностью бросаются на призрачныя выдумки и въ нихъ обрѣтаютъ душевный миръ. Ни споры, ни возраженія тутъ не помогаютъ, потому что, повторяю, въ самой основѣ новоявленныхъ вѣроученій лежитъ не сознаніе, а только призрачность. Нуженъ душевный миръ—и только.

Нельзя даже съ увѣренностью сказать, какъ относятся сами выдумщики афоризмовъ къ своимъ выдумкамъ: сознають ли они себя способными поддержать ихъ, или послѣднія приходятъ къ нимъ случайно и принимаются исключительно на вѣру. Скорѣе всего, въ этихъ случаяхъ наиболѣе рѣшительнымъ образомъ влияетъ безпріютность жизни, умственная расшатанность и полное отсутствіе реальныхъ интересовъ. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, безсрочно удовлетворяться культомъ какого-то „знамени“, которое и само по себѣ есть не что иное, какъ призракъ, и продолжительное обращеніе съ которымъ можетъ служить только въ смыслъ подготовки къ другимъ призракамъ. Поэтому переходъ отъ „знамени“ къ спиритизму, редстокизму и къ исповѣданію такихъ истинъ, какъ „уши выше лба не растутъ“ или „терпѣніе все преодолеваетъ“, вовсе не такъ неестественъ, какъ это кажется съ перваго взгляда...

Въ послѣдній разъ я видѣлся съ Крутицынымъ недавно. Я былъ уже во власти неизлечимаго и тяжкаго недуга, какъ онъ совершенно неожиданно навѣстилъ меня.

Пріѣхалъ онъ въ Петербургъ по крайнему случаю. Въ первый разъ въ жизни онъ испыталъ страшное горе: у него застрѣлился младшій сынъ, прекрасный и многообѣщавшій юноша, которому едва минуло осьмнадцать лѣтъ.

Молодой человѣкъ не успѣлъ еще сойти со школьной скамьи, а въ существованіе его уже закралась двойственность. Повидимому, онъ не такъ легко, какъ отецъ и старшій братъ, принималъ на вѣру розсказы о свойствахъ „знамени“, и та обязательность, съ которою послѣднія принимались въ родной семьѣ, сильно смущала его. Самъ ли онъ дошелъ до какихъ-то неясныхъ сомнѣній, или былъ наведенъ на нихъ постороннимъ вліяніемъ, — во всякомъ случаѣ, въ немъ совершился внезапный и рѣзкій переломъ. Онъ рано началъ анализировать свою жизнь, рано сталъ вглядываться въ ожидавшее его будущее, такъ что въ ту цвѣтущую пору, когда испытываются однѣ радованія жизни, онъ былъ уже угрюмъ и нелюдимъ. За нѣсколько дней до катастрофы, онъ окончательно задумался и затосковалъ. Приходя по праздникамъ къ сестрѣ, онъ невпопадъ отвѣчалъ на дѣлаемые ему вопросы, забивался въ уголъ и тамъ молчалъ. Страшно подумать, что въ осьмнадцать лѣтъ жизнь можетъ опустылѣть и привести юношу исключительно къ тому, что онъ думаетъ только о томъ, какъ бы поскорѣе покончить расчеты съ нею. Но въ

наше время господства призраковъ и этотъ беспощадный призракъ перестаетъ казаться противоестественнымъ. Скука и душевное утомленіе такъ велики, что даже возможность иныхъ, болѣе радужныхъ перспективъ въ будущемъ искушаетъ очень слабо. Левушка Крутицынъ былъ мальчикъ нервный и впечатлительный; онъ не выдержалъ передъ мыслью о предстоящей семейной разногласицѣ и поспѣшилъ произнести судъ надъ уворенившимися въ семьѣ преданіями, пославъ себѣ вольную смерть.

Старикъ Крутицынъ глубоко измѣнился, и я полагаю, что переиѣна эта произошла въ немъ именно вслѣдствіе постигшаго его горя. Онъ погнулся, волочилъ ногами и часто вздрагивалъ; лицо осунулось, глаза впади и были мутны; волосы въ беспорядкѣ торчали во всѣ стороны; нижняя губа слегка обвисла и дрожала.

— Здравья тебѣ принесъ!—сказалъ онъ мнѣ, стараясь прибодриться:—еще не все для тебя кончено.

Онъ сѣлъ противъ меня, взялъ мои руки и, не выпуская ихъ, долго и пристально смотрѣлъ мнѣ въ глаза. И я увѣренъ, что въ эти минуты прошлое всецѣло пронеслось передъ нимъ, и онъ любилъ меня искренно, горячо.

Мы оба молчали. На этотъ разъ, впрочемъ, молчаніе было содержательнѣе, нежели самый содержательный разговоръ.

Наконецъ, вдоволь насмотрѣвшись, онъ всталъ и произнесъ:

— Ты, помнится, въ былое время спрашивалъ меня о результатахъ, какихъ я достигъ. Результаты—вотъ они! Дряхлая развалина и погибшій сынъ!

Съ этими словами, онъ безнадежно-тоскливо покачалъ головой и, пошатываясь, пошелъ изъ комнаты.

Больше мы не видались.

Н. ЩЕДРИНЪ.

БѢЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ

V *).

Въ 1861 году обнаружилось въ царствѣ польскомъ политическое броженіе, которое потомъ все больше возростало и въ 1862 г. развилось до попытокъ открытаго возстанія. Волненіе уже вскорѣ отразилось на западномъ и частью даже на юго-западномъ краѣ. Въ мысляхъ поляковъ все это была та же Польша: „Корона“ (собственно, царство польское), „Литва“ (сѣверо-западный край) и такъ-называемая „Русь“ (западная Малороссія), изъ которыхъ состояла Польша до-раздѣльная, должны были теперь добыть снова государственную независимость и вмѣстѣ заявить о своемъ политическомъ и „національномъ“ единствѣ. Возстаніе окончилось, какъ и слѣдовало ожидать, самымъ печальнымъ образомъ. Далеко не всѣ классы самого польскаго народа раздѣляли политическое возбужденіе; въ западномъ краѣ въ возстаніи приняла участіе только немногочисленная польская доля населенія, а масса оставалась пассивнымъ, сначала боязливымъ, потомъ несомнѣнно враждебнымъ зрителемъ совершавшихся кровавыхъ сценъ; на юго-западѣ, гдѣ процентъ польскаго населенія былъ совсѣмъ ничтожный, попытки возстанія оказались абсолютно неудачными. Нѣтъ надобности входить здѣсь въ подробности событій, достаточно извѣстныхъ; остановимся лишь на томъ, какъ эти событія отразились на постановкѣ историческаго и этнографическаго вопроса.

Нѣтъ сомнѣнія, что самая возможность этихъ печальныхъ событій являлась слѣдствіемъ историческаго и этнографическаго

*) См. выше: май, 211 стр.

недоразумѣнія, долго покрывавшаго западно-русскій край и въ которомъ болѣе или менѣе повинны были обѣ стороны. Фактически, польскій элементъ господствовалъ въ западномъ краѣ какъ землевладѣльческій и культурно-бытовой; русскій народъ, со времени перваго раздѣла и вплоть до начала 60-хъ годовъ, до 19-го февраля 1861 г., былъ крѣпостнымъ подвластнымъ населеніемъ, которое здѣсь, какъ и въ самой Россіи, не имѣло и не могло имѣть никакого голоса, никакой защиты ни своего гражданскаго, ни затѣмъ даже національнаго положенія. Въ теченіе почти ста лѣтъ послѣ паденія своего государства, польская часть населенія, высшій его классъ, привыкла считать себя хозяевами края, его гражданскими интеллигентными представителями; никто ей въ томъ не противорѣчилъ; и хотя правительство сурово карало рѣдкіе примѣры политическихъ протестацій, отголосковъ возстанія 1831 года, но власть охраняла крѣпостное право польскихъ или полонизованныхъ помѣщиковъ надъ русскимъ народомъ, и это питало иллюзію польскихъ патріотовъ, считавшихъ край польскимъ въ отношеніи національномъ. Въ западномъ краѣ, какъ мы видѣли, развилась съ начала нынѣшняго столѣтія оживленная образовательная и литературная дѣятельность, средоточіемъ которой былъ виленскій университетъ и которая продолжалась здѣсь и по закрытіи университета. Вильна, вмѣстѣ съ Варшавой, Краковомъ, Львовомъ, Познанью, была однимъ изъ главныхъ пунктовъ польской литературной и общественной жизни и здѣсь складывался особый („литовскій“) оттѣнокъ польской поэзіи и литературы; въ западномъ краѣ, въ богатыхъ имѣніяхъ польскихъ аристократовъ собирались обширныя библіотеки, научныя и художественныя коллекціи (напр. въ Несвижѣ, Щорсахъ и пр.); польскіе мѣстные ученые предпринимали разнообразныя изслѣдованія о древностяхъ, топографіи, исторіи, этнографіи, статистикѣ, естественной исторіи края—изслѣдованія, которыми много пользовались потомъ и донинѣ русскіе изыскатели, направившіе сюда свои труды съ 1860-хъ годовъ... Правда, дѣйствительная сущность историческихъ и народныхъ отношеній западнаго края начала уже выясняться и съ другой точки зрѣнія: тѣ изслѣдованія историческія или то собираніе историческаго и этнографическаго матеріала, которое начиналось въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ въ русской литературѣ, не могли не проливать иного свѣта на положеніе вещей,—но эти изслѣдованія оставались пока мѣстными книжными, были дѣломъ специалистовъ, мало проникали въ общество и еще меньше вліяли на административное и соціальное состояніе западно-русскаго на-

рода... Одинъ разъ прошла въ краѣ сильная полоса историческаго движенія—въ уничтоженіи уніи (1839): по существу, это былъ фактъ очень знаменательный, который могъ бы навести мѣстное общество на новыя мысли о положеніи народнаго вопроса въ западномъ краѣ, но бытовая рутина была все еще такъ сильна, что это событіе произвело, кажется, меньше впечатлѣнія и дѣйствія, чѣмъ можно было бы ожидать. Съ другой стороны, въ самомъ русскомъ обществѣ относительно западнаго края продолжалось прежнее незнаніе и равнодушіе.

Нужны были большіе перевероты и шумныя событія, чтобы заставить, наконецъ, оглянуться на прошедшее и на современное состояніе западнаго края. Во внутренней жизни русскаго общества такимъ переверотомъ были реформы, заявленныя и частію исполненныя въ началѣ прошлаго царствованія, — реформы, которыя, какъ бы ни думали о нихъ теперь, несомнѣнно подѣйствовали не только на развитіе понятій общественныхъ и гражданскихъ, но расширили горизонтъ историческій и этнографическій, а затѣмъ и сознаніе національное. Въ первый разъ рѣчь о народѣ имѣла уже не одинъ идеалистическій и платоническій характеръ, но говорила о народѣ настоящемъ, объ его юридическомъ и социальномъ положеніи. Крестьянская реформа, въ своихъ приготовленіяхъ и въ своемъ совершеніи, поднимала вопросъ и о западно-русскомъ народѣ, на которомъ до тѣхъ поръ лежала крѣпостная пелена, скрывавшая его и отъ общественнаго мнѣнія, и отъ научнаго изслѣдованія. Едва объявлена была крестьянская реформа, произошли другія событія, сдѣлавшія западный край предметомъ напряженнаго вниманія. Старое недоразумѣніе, лежавшее на отношеніяхъ западно-русскаго края, высказалось, наконецъ, самымъ острымъ образомъ, когда вспыхнуло польское возстаніе. Поляки въ послѣдній разъ выставили фикцію Польши 1772 года, и западный край сдѣлался сценой мнимо-народнаго возстанія. Извѣстно, что нѣкоторое колебаніе, съ какимъ правительство отнеслось сначала къ польскимъ волненіямъ, вскорѣ смѣнилось самыми крутыми мѣрами къ подавленію возстанія. Эти мѣры вскорѣ возымѣли свое дѣйствіе: возстаніе было окончательно подавлено и начались репрессаліи. Возбужденіе общественной массы, или патріотической публицистики, было тѣмъ сильнѣе, что польское возстаніе, сдѣлавшись предметомъ европейскихъ толковъ, послужило поводомъ къ дипломатическому вмѣшательству, которое было отвергнуто весьма рѣшительно русскимъ правительствомъ, что еще усилило патріотическіе взрывы. Въ то время, когда правительство должно было

объяснять, что западный край есть край русскій по громадному большинству населенія и вмѣстѣ православный, та же тема создала цѣлую литературу въ газетахъ, журналахъ, книгахъ и брошюрахъ.

Въ это время русское общество въ первый разъ узнало съ достовѣрностью объ этнографическомъ составѣ западнаго края и получило понятіе объ его исторіи.

Не входя въ исторію этого политическаго вопроса, упоминаемъ о немъ лишь въ той степени, въ какой онъ касается нашего предмета. Какъ мы сказали, этотъ вопросъ создалъ цѣлую литературу. Къ сожалѣнію, въ тогдашнихъ обстоятельствахъ онъ ставился большею частію столь исключительно, съ такою крайнею нетерпимостью, нерѣдко съ такимъ озлобленіемъ, которыя исключали безпристрастіе и спокойную оцѣнку фактовъ. Въ сущности, для тѣхъ, кто былъ нѣсколько знакомъ съ исторіей Польши и западной Руси, кто присмотрѣлся къ достаточно извѣстнымъ и раньше произведеніямъ старой западно-русской литературы и современной народной поэзіи, было совершенно ясно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ самымъ настоящимъ русскимъ народомъ; но такъ какъ раньше большинство этого не знало, то это становилось открытіемъ, которое считали нужнымъ доказывать не простымъ, спокойнымъ объясненіемъ факта, но съ полемическимъ озлобленіемъ, а часто и съ пѣной у рта. Спокойныхъ разсужденій слышалось тогда всего менѣе: въ разгарѣ усмиренія считалось необходимымъ, говоря о предметѣ, употреблять тотъ же озлобленный способъ выраженій, иначе писатель подвергался обвиненію въ равнодушіи къ національному дѣлу или даже въ измѣнѣ. Воинствующая печать и дѣйствительно бросала подобнаго рода намеки или даже прямые обвиненія противъ тѣхъ, кто не принималъ тогда участія въ этомъ походѣ противъ всего польскаго, который былъ настоящей травлей. Въ самомъ дѣлѣ, факты, какъ мы сказали сейчасъ, были очевидны и не требовалось особаго напряженія, чтобы доказать существованіе западно-русскаго народа и его исторіи; но, во-первыхъ, для справедливой оцѣнки западно-русскихъ затрудненій надо было признать въ полной мѣрѣ, чѣмъ были они приведены между прочимъ и съ русской стороны; а во-вторыхъ, когда спорный вопросъ рѣшался военнымъ истребленіемъ повстанцевъ и смертными казнями, простое человѣческое чувство запрещало издѣваться надъ побѣжденнымъ и слабымъ непріателемъ,—и это человѣческое чувство, конечно, больше отвѣчало настоящему національному достоинству... Воинствующая публицистика находила

поводъ къ своему озлобленію въ тонѣ заграничной польской печати, доходившей нерѣдко до великихъ нелѣпостей; но сторонѣ правой можно было не соперничать съ нею тѣмъ же тономъ.

Приводимъ нѣсколько примѣровъ тогдашняго положенія вопроса въ литературѣ.

Что западно-русскій вопросъ былъ для огромнаго большинства нашего общества открытіемъ и новостью, можно было судить уже изъ того, что о немъ заговорили вдругъ въ 1862—1863 году, когда за годъ передъ тѣмъ о немъ не было и рѣчи, заговорили съ величайшимъ азартомъ, который долженъ былъ прикрыть прежнее молчаніе объ этомъ предметѣ. Та часть литературы, которая особенно горячо взялась за этотъ предметъ, иногда прямо сознавалась, что вопросъ прежде былъ забытъ и русскому обществу неизвѣстенъ. Вотъ, наприимѣръ, эпизодъ изъ своего рода манифеста подъ заглавіемъ: „Изъ Москвы, къ православнымъ бѣлоруссамъ не изъ крестьянъ, преимущественно къ бѣлорусскому духовному сословію“, подписаннаго „Редакціею газеты „День“, ея сотрудами и всѣми сочувствующими съ нею“:

„Мы виноваты предъ вами — простите насъ, — писала редакція „Дня“.—Событія *раскрыли намъ глаза*, заслѣпленные польскою ложью, а вмѣстѣ съ тѣмъ раскрыли и *всю бездну нашей вины*. Мы, русское общество, какъ будто *забыли про существованіе Бѣлоруссін*; мы долго *косячили въ невѣдѣніи* о той глухой, (безвѣстной, но тѣмъ не менѣе достославной, святой борьбѣ, которую вели бѣлоруссы за свою народность и вѣру—съ могучими, сильными, искусными и богатыми, со всѣхъ сторонъ окружавшими ихъ, врагами — польщиною и латинствомъ. Какіе высокіе подвиги совершало ты, бѣлорусское духовенство—бѣдное, угнетенное, сирое, лишенное всякой поддержки общественной и государственной,—подвиги долготерпѣнія и мученичества! Ты старалось уберечь и поддержать въ народѣ до лучшихъ временъ, сквозь всѣ превратности исторіи и насильственно наложенную унию,—преданія православія и память о единствѣ со всею великою Русью... И ты уберегло и поддержало ихъ; лучшія времена настали, и оправдывается божественное слово: „претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ“.

„По истинѣ ваши подвиги безпримѣрно велики, хотя творились они въ тишинѣ и во мракѣ, безъ блеску и треску, безъ тѣхъ громкихъ рукоплесканій, въ которыхъ пріемлютъ себѣ земную мзду за геройскіе подвиги своего алчнаго патріотизма ваши угнетатели поляки. Ваша борьба была тѣмъ труднѣе, что вы боролись честнымъ оружіемъ духа, шли нравственнымъ христіанскимъ путемъ къ честной цѣли, тогда какъ враги ваши, по іезуитскому правилу, что цѣль оправдываетъ всякія средства, — противопоставляли вамъ адскія козни и злоухищренія. Ваша борьба была еще тѣмъ труднѣе, что все богатое, мощное, владѣющее землею сословіе, ваша русская шляхта соблазнились выгодами власти, прельстились на житейскія удобства

и почести, и продали за нихъ православіе и русскую народность. Они ополчались, окатоличились; они, какъ это всегда бываетъ съ отступниками, стали самыми злыми врагами народа и его вѣры,—и тѣмъ не менѣе вы, духовнымъ мечомъ, отстаивали русскую землю... Хвала вамъ по всей Россіи! Только теперь вполнѣ начинаемъ мы здѣсь познавать всю мѣру добра, совершеннаго вами, все достоинство вашихъ дѣлъ,—удивляемся вамъ, благословляемъ васъ и несемъ вамъ дань нашего братскаго сочувствія и участія.

„Премудрость Божія послала нынѣ Бѣлоруссіи рядъ испытаній, которыми, какъ въ горнилѣ, искушаясь и очищаясь, бѣлорусскій народъ возрождается къ новой жизни. Онъ въ первый разъ выступилъ на поле исторіи, какъ историческій дѣятель; онъ явилъ себя міру въ первый разъ, какъ народъ,—русскій народъ,—господинъ и хозяинъ той земли, которую поляки всюду прославили Польшей,—и ничто и никто отнынѣ не отниметъ у него этой части. Польскій мятежъ обличилъ врага, котораго Россія, изъ благодушія, пригрѣвала у себя на груди, обнаружилъ предъ цѣлой Россіей и всѣмъ свѣтомъ — коварство, дерзость и презрѣніе къ русскому народу польскаго или ополченнаго дворянства, и возбудилъ законную месть народную. Настоящіе событія — это какъ бы баня пакибытія для Бѣлоруссіи, по выраженію Апостола; это ея крещеніе въ новую, общую съ Россіей, духовную и гражданскую жизнь, крещеніе—въ неповинной крови зарѣзанныхъ поляками крестьянъ, замученныхъ и повѣшенныхъ поляками священниковъ бѣлорусскихъ—Прокоповича, Конопасевича, Рапацкаго, дѣячака Іозефовича, учителя Смольскаго и многихъ другихъ! Отнынѣ уже не пановать надъ вами гордой польской шляхтѣ, наглѣмъ польскимъ официалистамъ и мелкой польской чиновничьей челяди! Пусть ихъ уберутся къ себѣ домой, въ Польшу. Отнынѣ русская земля должна стать русскою во всѣхъ проявленіяхъ своей жизни, чтобы не было польскаго духу ни слыхомъ не слыхать, ни видомъ не видать... Спѣшите же изгладить послѣдніе признаки польскаго господства въ вашей несчастной странѣ, залечить общественныя раны, нанесенныя вамъ польскимъ гнетомъ, и такъ укрѣпить духовныя силы вашей народности, чтобы и мысль о былой когда-то здѣсь Польшѣ не могла взойти на сердце поляку!“

Итакъ мы, русское общество, *забыли* о существованіи Бѣлоруссіи, мы коснѣли въ *нездѣніи* о той борьбѣ, которая совершалась тамъ долгіе годы, цѣлыя вѣка; только теперь *начинаемъ мы здѣсь познавать* ту пользу, какая принесена была общему дѣлу русской національности этой борьбой бѣлорусскаго народа за свое существованіе, и только теперь, когда польскій мятежъ обнаружилъ „предъ цѣлой Россіей и всѣмъ свѣтомъ“ настоящее положеніе вещей, мы являемся съ своими сочувствіями и съ своей помощью. Это признаніе было совершенно справедливо: западный край былъ дѣйствительно забытъ; но и теперь общественное и литературное отношеніе къ нему было не таково, каково должно бы быть... Правительственная власть явилась со всею своею си-

люю, чтобы подавить возстаніе, и успѣшно сдѣлала свое дѣло; но то, что должно бы быть сдѣлано силою общественною, было крайне неудовлетворительно. Мы упоминали прежде, что общественное дѣйствіе въ этомъ зопросѣ, по всѣмъ обстоятельствамъ времени, ограничилось только однимъ оттѣнкомъ нашего общественного мнѣнія и литературы; здѣсь оказалось не столько разъясненіе выступившихъ на сцену сложныхъ отношеній, — завѣщанныхъ исторіей, приводимыхъ настоящими потребностями населенія, — сколько продолженіе тѣхъ репрессалій, которыя совершались въ военныхъ и административныхъ дѣйствіяхъ того времени. Литература, присвоивавшая себѣ роль исключительно патріотической, ознаменовала себя политической травлей, терявшей, наконецъ, всякое нравственное достоинство, и въ концѣ концовъ оставила вредныя послѣдствія и для западнаго края, и для самого русскаго общества. Примѣры увидимъ дальше.

Не останавливаясь на дѣятельности газетъ, проводившихъ въ особенности политическую идею, или на газетѣ „День“, гдѣ западно-русскій вопросъ послужилъ поводомъ въ новому повторенію извѣстныхъ теорій, приведемъ нѣсколько эпизодовъ изъ одного изданія, теперь почти забытаго, которое было тогда специально посвящено вопросамъ западной и юго-западной Россіи. Это былъ журналъ: „Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи“, предпринятый въ 1862 году Ксенофонтомъ Говорскимъ, лицомъ до того времени неизвѣстнымъ въ литературѣ. Это былъ, кажется, учитель семинаріи въ западномъ краѣ; онъ началъ изданіе именно въ то время, когда совершались первые факты польскаго возстанія; журналъ выходилъ сначала въ Кіевѣ, потомъ (съ сентября 1864 г.) перенесенъ былъ въ Вильну ¹⁾. Журналъ Говорскаго представлялъ нѣчто странное. Онъ посвятилъ себя исключительно борьбѣ противъ полонизма, въ которомъ, конечно, заключалось и католичество, — и защитѣ западно-русской народности и православія, и на дѣлѣ сталъ однимъ изъ такихъ друзей, которые бывають иногда хуже враговъ. Вся исторія западнаго края представлялась журналу только съ одной точки зрѣнія: польская интрига и католическое насиліе; ничего другого въ этой исторіи не было; „интрига“ простиралась такъ далеко, что журналъ усмат-

¹⁾ Изданіе началось съ половины 1862 года, и годъ изданія продолжалъ и потомъ считаться отъ іюля до іюля. Съ 1867 г. годъ изданія сталъ считаться съ января. Съ этого же года, кромѣ „редактора-издателя“, Говорскаго, журналъ подписывалъ еще „редакторъ-сотрудникъ“, Ив. Эремичъ“. Съ 1870 года журналъ, по болѣзни Говорскаго, велся однимъ Эремичемъ и прекратился на 4-й книжкѣ 1871 г. Въ это время умеръ и Говорскій.

ривалъ ее даже въ такихъ явленіяхъ самой русской жизни, которыя, между прочимъ, сами направлялись противъ полонизма. Тѣ мнѣнія, высказывавшіяся въ тогдашней русской литературѣ, которыя не совпадали съ теоріями „Вѣстника“, называемы были безъ церемоніи измѣной; и хотя журналъ занятъ былъ обличеніемъ польскихъ притязаній на западный и юго-западный край, но онъ съ крайней злобой возставалъ противъ какого-нибудь движенія въ мѣстныхъ народностяхъ: такъ, „Вѣстникъ“ Говорскаго въ особенности потрудились надъ распространеніемъ той полезной идеи, что украинифильство есть не что иное, какъ подвохъ польской интриги... Въ журналѣ печатались на первомъ планѣ старыя документы изъ исторіи западнаго края, которые свидѣтельствовали о старыхъ угнетеніяхъ русской церкви и народности; далѣе печатались статьи по исторіи края, въ томъ же обличительномъ направленіи, помѣщались повѣсти (главными беллетристами „Вѣстника“ были Кулишъ, въ первый годъ изданія; Н. Сементовскій, написавшій повѣсть изъ временъ князей Святослава и Владиміра; извѣстный г. Шигаринъ, изображавшій разные неодобрительные поступки поляковъ; далѣе, въ послѣдующихъ годахъ изданія, — Калугинъ, писавшій романы изъ XIV вѣка и драмы изъ еврейскаго быта, Скурховичъ, Вольперъ, Ольшвангеръ и другіе, столь же извѣстные авторы; были, наконецъ, свои стихотворцы, писавшіе не весьма тонкія, но очень злобныя басни на тему польской интриги и т. п.); въ послѣднемъ отдѣлѣ журнала собирались свѣденія о текущихъ событіяхъ, рассказывалось объ истребленіи повстанскихъ бандъ, съ удовольствіемъ говорилось о казняхъ предводителей, велась полемика съ польскими газетами, и т. д. Отдѣлъ публицистическій велся съ большимъ патріотическимъ жаромъ, впадавшимъ и въ семинарскій, и въ полицейскій...

Въ первомъ годѣ изданія была помѣщена статья: „Что такое хлопоманія, и кто такіе хлопоманы?“ Здѣсь ¹⁾ обличается хлопоманія польская, то движеніе, о которомъ намъ случалось говорить и которое, исходя изъ увлеченій польскаго романтическаго украинифильства, приняло теперь политическую тенденцію, въ предположеніи (которое было, конечно, глубокимъ заблужденіемъ), что малорусскій народъ можетъ быть вовлеченъ въ возстаніе; но отъ этой польской хлопоманіи журналъ совершенно отграничилъ хлопоманію малорусскую: въ этой послѣдней видѣлось ему естественное стремленіе въ народу, желаніе содѣйствовать его образованію и вмѣстѣ протестъ противъ польской пропаганды.

¹⁾ „Вѣстникъ“, 1862—1863 гг., т. II, ноябрь, отд. IV, стр. 139—156.

„Наши русинофилы убѣждены, — говорилъ безымянный авторъ статьи, — что просвѣщать народъ посредствомъ одного великорусскаго языка и ограничиваться одною великорусскою литературою — значитъ лишить здѣшняго русскаго человѣка тѣхъ средствъ къ самозащитѣ, которые даны ему Богомъ, затруднять вдѣсь успѣхи русскаго просвѣщенія и почти-что цѣликомъ предавать нашъ народъ въ руки опытныхъ и изобрѣтательныхъ пропагандистовъ, поляковъ, тѣмъ болѣе, что население юго-западныхъ губерній болѣе свыклось, болѣе знакомо съ польскимъ, чѣмъ съ великорусскимъ языкомъ, и лучше его понимаетъ, чѣмъ нарѣчіе великорусское, въ особенности литературное; они полагаютъ, что единственное средство спасти здѣшняго русскаго человѣка отъ польской пропаганды состоитъ въ томъ, чтобы, подражая тактикѣ опытныхъ нашихъ враговъ, стараться поднять здѣшнее русское нарѣчіе въ глазахъ самого народа, доставлять ему просвѣщеніе на его родномъ, наиболѣе понятномъ для него нарѣчій, какъ можно болѣе писать и печатать необходимо нужнаго для народа на этомъ его нарѣчій; но писать и печатать русскою азбукою, и такимъ образомъ, опираясь на богатства общерусской литературы и просвѣщенія, привязывать его къ общерусской литературѣ. Слѣдуя такому убѣжденію, они употребляютъ всѣ силы, чтобы учить народъ на его родномъ нарѣчій, издавать на этомъ русскомъ нарѣчій руководства и народныя книги, наиболѣе принаровленные къ понятіямъ, убѣжденіямъ, взглядамъ и потребностямъ народа, и такимъ образомъ въ противность дѣятельности поляковъ распространять въ народѣ русскую грамотность и просвѣщеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ давать этому народу наиболѣе средствъ къ самозащитѣ. На это-то и направлена теперь вся ихъ дѣятельность. Итакъ, дѣятельность ихъ почти исключительно — дѣятельность просвѣтительная, не заключающая въ себѣ ничего политическаго, кромѣ развѣ противодѣйствія польской пропагандѣ посредствомъ распространенія русской грамотности и просвѣщенія, и кромѣ стремленія выяснить и оживить для всего русинскаго племени ближайшее его духу начало, связывающее всѣхъ его членовъ, отъ Мармароша и Сана до Дона, въ одно нераздѣльное цѣлое и составляющее вмѣстѣ съ тѣмъ естественное звено, прочно связывающее все это племя съ остальною Русью.

„Такой взглядъ на стремленіе и дѣятельность нашихъ русинофиловъ вынесенъ нами изъ непосредственнаго, *безпристрастнаго наблюденія* надъ ними. Насколько вѣренъ этотъ взглядъ, и насколько на самомъ дѣлѣ ошибочны, ложны стремленія и дѣйствія нашего молодого поколѣнія, предоставляемъ раскрыть времени. Смотри на это наше молодое поколѣніе съ исторической точки зрѣнія, мы видимъ въ немъ не что иное, какъ ту силу, которую въ лицѣ образованныхъ нашихъ молодыхъ людей, сблизившихся, сросшихся душою съ русскимъ народомъ здѣшнихъ областей, съ его интересами и стремленіями, выставляетъ самъ нашъ православный народъ противъ дѣятельности ложныхъ хлопмановъ и противъ всякаго подавляющаго внѣшняго вліянія. А потому понятно, почему поляки и ихъ хлопманы видятъ въ нихъ самыхъ опасныхъ для себя враговъ и прибѣгаютъ къ разнымъ клеветамъ, іезуитскимъ выходкамъ и наговорамъ, чтобы парализовать возростаніе этой нашей народной силы... зная

свойства и средства польскихъ пропагандистовъ вести борьбу съ врагами, и свойства, и качества нашихъ загнанныхъ русинофиловъ, мы имѣемъ полное право считать эти слухи злостною клеветою на наше молодое поколѣніе... *Неразумно, грѣшно и позорно* для насъ оставаться далѣе подъ вліяніемъ польскаго общественнаго мнѣнія относительно нашего же родного молодого поколѣнія, допускать полякамъ вносить вражду въ нашу семью и вооружать насъ на нашихъ же братьевъ и наслѣдниковъ; неразумно, говорю, и грѣшно намъ съ враждою, подозрительностью и неприязнью отвращаться отъ нашихъ младшихъ братій изъ-за какихъ-нибудь ихъ крайностей и увлеченій, и тѣмъ подрывать наши собственныя силы и, быть можетъ, вводить наше молодое поколѣніе еще въ большія крайности“.

Но если въ ноябрѣ 1862 года таковъ былъ взглядъ, вынесенный изъ „безпристрастнаго наблюденія“ надъ движеніемъ малорусскаго молодого поколѣнія; если было тогда „неразумно, грѣшно и позорно“ допускать вражду въ нашу семью и вооружать насъ на нашу же братью и наслѣдниковъ, то уже въ началѣ 1863 года „безпристрастный взглядъ“ былъ брошенъ и „позорное, грѣшное и неразумное“ сдѣлалось въ глазахъ Говорскаго гражданскою обязанностью и добродѣтелью. Въ это самое время въ Петербургѣ издавалась „Основа“, посвященная именно тѣмъ задачамъ народнаго просвѣщенія на мѣстной почвѣ, которыми „Вѣстникъ“ только-что заявлялъ свои сочувствія, и съ 1863 года Говорскій начинаетъ озлобленныя нападенія на украинофильство. Не видно, по какому сигналу начались эти нападенія, но онѣ превзошли всякую мѣру приличія и литературнаго достоинства. Смерть Шевченка, въ которомъ, при всемъ несочувствіи къ характеру его произведеній, нельзя было не признать замѣчательнаго поэта и утрата котораго вызвала много горячихъ сочувствій и воспоминаній въ средѣ его земляковъ,—для „Вѣстника“ послужила поводомъ къ статьѣ по истинѣ гнусной ¹⁾: это былъ цѣлый потокъ ругательствъ, и главною причиною всякихъ недостатковъ Шевченка оказывалось то, что онъ былъ неблаго-роднаго происхожденія. Мысль объ изданіи книгъ для народнаго чтенія на малорусскомъ языкѣ, которую излагалъ Костомаровъ въ „Основѣ“, встрѣчена была градомъ обвиненій, какъ мысль зло-вредная и едва не измѣнническая ²⁾. Здѣсь было уже сказано, что эта мысль о книжкахъ на малорусскомъ языкѣ идетъ „не отъ Бога“ (слѣдовательно?), а вскорѣ потомъ въ другихъ статьяхъ было разъяснено, что украинофильство есть именно вѣтъ поль-

¹⁾ 1862—1863, т. IV, апрѣль, IV, стр. 32—42: „Эпизоды изъ жизни Шевченка“ II. М—съ.

²⁾ 1863—1864, т. I, июль, III, стр. 1—6.

свой интриги — знаменитая тема, которая потомъ повторилась множество разъ и благополучно дожила, съ своими результатами, до нашихъ дней.

Эти образчики показываютъ, каково было отношеніе „Вѣстника“ къ народному вопросу. Еслибы въ Бѣлоруссіи было какое-нибудь мѣстное движеніе въ видахъ оживленія народной массы, пробужденія ея изъ вѣковой умственной спячки какою-нибудь книжкою на доступномъ для нея языкѣ, „Вѣстникъ“, очевидно, усмотрѣлъ бы и здѣсь „руку“ — во-первыхъ, діавола, а во-вторыхъ, польской интриги. И вообще журналъ относился ко всякой заботѣ о народномъ образованіи неодобрительно: въ той же книжкѣ помѣщена статья „Кіевскія впечатлѣнія“, гдѣ авторъ, изобразивъ простодушную вѣру кіевскихъ богомольцевъ, приходитъ къ убѣжденію о ненужности и вредѣ самой грамотности, кромѣ церковно-славянской.

„Спрашивается: нужна ли для *этихъ людей* (богомольцевъ, представляющихъ весь народъ) грамотность, о которой въ послѣднее время поднялось столько хлопотъ?..“

Нынѣшніе евреи, — разсуждаетъ авторъ, — всѣ грамотны, но на ихъ умѣ „лежитъ покрывало“; раскольники почти всѣ умѣютъ читать и — остаются раскольниками.

„А извѣстная личность, боящаяся ладану (!!), умнѣе и грамотнѣе всѣхъ ихъ, и евреевъ, и раскольниковъ, знаетъ превосходно всѣ языки и литературу древнюю и новую (!), едва ли даже не онъ (кто?) и заправляетъ всею свѣтскою литературой, какъ средствомъ проводи.тъ въ массы вредныя вѣрованія и убѣжденія; онъ самъ даже *втруетъ и трепещетъ*, да что толку съ этой дьявольской вѣрой этого колоссальнаго дьявольскаго просвѣщенія“ ¹⁾. Статья подписана: „Странникъ“ и не вызвала никакого замѣчанія редакціи.

Взглядъ на просвѣщеніе, какъ на дьявольское ²⁾, достаточно рисуется мнѣніемъ редакціи „Вѣстника“. Это была смѣсь стариннаго „Маяка“ (одинъ изъ его представителей, И. Кулжинскій, былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ публицистовъ „Вѣстника“), новѣйшей „Домашней Бесѣды“ съ прибавкою политической полемики упомянутаго свойства. Оказывалось, что въ русской литературѣ, даже между весьма извѣстными именами, гнѣздились враги отечества. Такъ относился „Вѣстникъ“ къ Костому-

¹⁾ Тамъ же, стр. 14.

²⁾ Выше, въ числѣ представителей этого просвѣщенія названы, напр., Пнеогоръ (sic), Платонъ, Аристотель и „изъ новѣйшихъ знаменитостей“ Адамъ Смитъ и Маколей (II).

рову и ко всему украинфильству¹⁾. Въ 1863 году г. Н. Страховъ написалъ свою извѣстную статью подѣ названіемъ „Роковой вопросъ“, имѣвшую въ виду указать культурную сторону польскаго вопроса, которая могла объяснить, въ извѣстной степени, преобладавшее прежде вліяніе польскаго элемента въ западномъ краѣ. Статья какъ-то не совсѣмъ отвѣчала обычному ходу мыслей г. Страхова защитой этой темы, въ которой была, впрочемъ, доля историческаго факта; она имѣла, какъ извѣстно, самыя печальныя послѣдствія: кромѣ того, что автору пришлось выслушать строгій репримандъ „Р. Вѣстника“ и принести повинную, самый журналъ Достоевскаго, гдѣ она была напечатана, былъ закрытъ. Любопытно, что сдѣлалъ изъ этого „Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи“. Г. Страховъ, въ своей литературной дѣятельности положившій столько труда на обличеніе западныхъ и западническихъ лжеученій, оказался въ ряду „недоучившихся публицистовъ, словно державшихъ конкурсъ по части Геростратовскихъ подвиговъ глумленія надъ всѣмъ, что составляло доселѣ основу силы и славы человѣческихъ обществъ вообще и Россіи въ особенности“, — или даже нѣтъ, г. Страховъ превзошелъ ихъ всѣхъ: „Вѣстникъ“ — „еще не видалъ такого циническаго, такого звѣрскаго ковырня въ язвахъ своей жертвы, какимъ обезсмертилъ себя авторъ этой статьи“... Довольно сказать, что авторъ статьи сравнивается заразъ съ Іудой, съ Хамомъ и Геростратомъ...

Всѣ мѣры, принимавшіяся тогда въ западномъ краѣ, встрѣчались „Вѣстникомъ“ съ величайшими сочувствіями; журналъ исполненъ былъ самыми истребительными намѣреніями относительно всего польскаго, и когда, напримѣръ, славянофилы, настаивая на обрусеніи западнаго края, все-таки допускали существованіе этнографической Польши, „Вѣстникъ“ и ей желалъ и пророчилъ полную гибель и сочинилъ даже, на извѣстную тему, „новую польскую пѣсню“:

Kiedy Polska nie zginęła,

Niech że zginie,—my tak chcemy! и т. д.²⁾

Такого рода журналъ явился въ литературѣ спеціальнымъ защитникомъ „русскаго дѣла“ въ западномъ краѣ. Онъ, очевидно, желалъ идти въ параллель къ тому суровому способу дѣйствій,

¹⁾ Передъ тѣмъ, въ началѣ 60-хъ годовъ, намъ случилось, однако, вѣдѣть Ксенофонта Говорскаго у Костомарова: былъ ли тогда тотъ же Костомаровъ челоѣкомъ неврѣднимъ, или издатель „Вѣстника“ приходилъ къ нему въ качествѣ согласдателя?

²⁾ Тамъ же, 1862—1863, июнь, стр. 153.

какой былъ принять въ этомъ краѣ во времена управленія генерала Муравьева и, какъ мы видѣли, выходилъ изъ предѣловъ литературной постановки вопроса. Онъ, конечно, далеко оставлялъ за собою всякую славянофильскую нетерпимость: здѣсь она превращалась въ необузданное озлобленіе, приправленное ссылками на „истинное христіанство“...

Говорскій высказывалъ твердую увѣренность, что его журналъ именно представляетъ самую чистую русскую народность, ея содержаніе и ея требованія; въ послѣдствіи, по смерти Муравьева, онъ ссылался на письмо, въ которомъ Муравьевъ воздавалъ похвалу патріотической дѣятельности „Вѣстника“ и ея пользы. Говорскій даже приписывалъ себѣ честь поднятія самаго вопроса о западной Руси гораздо раньше „Катковыхъ, Аксаковыхъ и Кояловичей“¹⁾.

Во второй половинѣ 60-хъ годовъ у журнала Говорскаго нашелся противникъ, его достойный — съ другой стороны: это была извѣстная газета „Вѣсть“. Погода нѣсколько перемѣнилась: западно-русскій вопросъ затронуть былъ съ новой точки зрѣнія, — „Вѣсть“, которая вообще брала на себя защиту дворянскаго землевладѣнія и, для своихъ благихъ цѣлей, сыпала обвиненіями въ сенъ-симонизмъ не только противъ изданій, болѣе или менѣе повинныхъ въ либерализмъ, но и противъ самихъ славянофиловъ, эта „Вѣсть“ взяла подъ свое покровительство и дворянское землевладѣніе въ западномъ краѣ, которое было польское. Такимъ образомъ допускалось нѣкоторое отрицаніе прежней, такъ сказать, только истребительной точки зрѣнія на польскій элементъ западнаго края; но и самое отрицаніе прежней крайности, при общемъ

¹⁾ Въ примѣчаніи къ одной статьѣ, гдѣ упоминалось, что униатское духовенство ненавидитъ г. Кояловича, высказавшаго мысль о подложности мощей извѣстнаго Іосафата Кунцевича, редакция „Вѣстника“ писала:

„Авторъ ошибается; не М. О. Кояловичъ первый высказалъ свою (?) мысль о подложности мощей Кунцевича, а К. А. Говорскій, въ своей брошюрѣ, изданной въ 1858 году въ Витебскѣ, подъ заглавіемъ: „Жизнь Іосафата“ (читай: Іосафата), „Кунцевича“, потомъ перепечатанной въ 1862 г. въ издаваемомъ имъ журналѣ „Вѣстникъ Зап. Россіи“ и, наконецъ, въ изданной имъ вновь монографіи Кунцевича, въ 1865 г. въ Вильнѣ, и переведенной въ 1866 году на французскій языкъ и напечатанной въ Берлинѣ. Кстати, мы должны замѣтить здѣсь, *однажды навсегда*, что всякая *имитация* по рѣшенію, такъ названнаго въ нашей прессѣ, польскаго вопроса, принадлежитъ не Катковымъ, Аксаковымъ и Кояловичамъ, какъ многіе *напрасно думаютъ*, но именно Говорскому, — документальнымъ, следовательно, неоспоримымъ доказательствомъ сего служить издававшаяся имъ неофициальная часть „Витебскихъ Губ. Вѣдомостей“ за 1857 и 1858 годы, разныя, изданныя имъ, брошюры до 1860 г. и преимущественно издаваемый имъ съ 1862 года „Вѣстникъ Западной Россіи“. *Приди и виждь!*“ „Вѣстн. Зап. Россіи“, 1867, т. III, кн. 9-я, отд. IV, стр. 232.

характеръ „Вѣсти“, не внушало сочувствія; дѣйствительныхъ разъясненій положенія все-таки не было ¹⁾).

Для остальной печати „Вѣстникъ Западной Россіи“ казался „мрачнымъ сонмищемъ“, напоминавшимъ Магницкаго и Рунича. Споръ съ нимъ былъ бесполезенъ и, пожалуй, не безопасенъ, и существованіе такого „органа“ само по себѣ объясняло, почему западно-русскій вопросъ вообще былъ представленъ въ тогдашней литературѣ такъ односторонне, — или вызывалъ съ другой стороны общественнаго мнѣнія только отрывочныя и неполныя воз-
раженія.

Обратимся къ этнографическимъ фактамъ.

Мы видѣли, что порывъ искренности заставилъ воинствующихъ публицистовъ сознаться, что мы забыли о западномъ краѣ, что мы даже не знали и не интересовались, что въ немъ дѣлается. Это сознаніе подтверждено было голосами изъ самой Бѣлоруссіи, повторенными и въ „Вѣстникѣ“ Говорскаго ²⁾. „Вина всему этому (слабости русскаго дѣла въ западномъ краѣ въ прежнее время) лежитъ, очевидно, глубже, тамъ, въ великорусскомъ обществѣ, въ его ученыхъ членахъ, въ его преподавателяхъ, въ его литературѣ. Въ самомъ дѣлѣ: что было сдѣлано великорусскими людьми, чтобы распространить въ своемъ обществѣ правильный взглядъ на Бѣлоруссію, на эту несчастную Бѣлоруссію? Гдѣ сколько-нибудь порядочныя, общедоступныя сочиненія, которыя бы вѣрно изображали нашу горькую долю?“ Корреспондентъ указываетъ, что въ руководствахъ по русской исторіи недостаточно разъяснялись происхожденіе Бѣлоруссіи и перевороты, въ ней происходившіе, что Бѣлоруссіей считали обыкновенно только могилевскую и витебскую губерніи, а затѣмъ остальнымъ запад-

¹⁾ Въ разгарѣ полемики высказывались, однако, изрѣдка вещи, не лишеныя справедливости или, по крайней мѣрѣ, требовавшія вниманія. Такъ, въ газетѣ „Новое Время“, издававшейся тогда прежнимъ сподвижникомъ Скарятина, Юматовымъ, и Киркоромъ, читаемъ замѣчаніе (принадлежавшее Юматову), что „дѣятельность крайней польской партіи, направленная противъ Россіи, ничего не можетъ принести, кромѣ новыхъ несчастій для польскаго народа. Дѣятельность нашихъ собственныхъ крайнихъ патріотовъ ничего не принесетъ, кромѣ вреда для Россіи и для всего славянскаго міра: обѣ стороны вѣстѣ и каждая порознь работаютъ не для Россіи и не для Польши. Онѣ бессознательно работаютъ, какъ мы говорили и прежде, единственно въ пользу Пруссіи“ (см. „Новое Время“ 1868, № 157, также № 147, 153 и пр.). „Вѣстникъ“ Говорскаго, полемизируя съ этой газетой (1868, т. III, кн. 7-я, отд. III, стр. 1—15), не нашелся, что отвѣчать на этотъ пунктъ; а злорадство журнала, что Пруссія умѣетъ справляться съ поляками, что „лехиты такъ боятся нѣмцевъ“, что „пруссаки — мастера ступевивать колонизми“, это злорадство, конечно, только подтверждало мысль „Новаго Времени“.

²⁾ 1868—1864, т. I, июль, стр. 79—89, выписка изъ газеты „День“.

нымъ губерніямъ давали названіе „Литвы“, не растолковавши, въ какомъ смыслѣ и по какой причинѣ это дѣлается, такъ что читатели остаются въ убѣжденіи, что въ этой такъ-называемой Литвѣ дѣйствительно живутъ одни литовцы и поляки, между тѣмъ какъ литовцы составляютъ большинство населенія только въ ковенской губерніи, а во всѣхъ остальныхъ огромное большинство составляютъ бѣлоруссы, а поляки вездѣ—меньшинство.

Въ упомянутомъ воззваніи редакціи „Дня“, послѣ признанія въ томъ, что мы забыли Бѣлоруссію, слѣдовало увѣщаніе бѣлорусскому духовенству, чтобы оно „разучилось по-польски“, чтобы оно перестало употреблять польскій языкъ, вошедшій у него въ привычку во времена польскаго господства и странный въ то время, когда западный край давно возвратился къ Россіи. „Посудите сами: можете ли вы назваться представителями русской народности (а другихъ она тамъ и не имѣетъ), если вы въ вашихъ семействахъ избѣгаете русскаго языка и говорите по-польски? Какого уваженія и довѣрія можете вы ожидать отъ мѣстнаго русскаго народа, если вамъ ближе, сроднѣе и сподручнѣе языкъ враговъ его вѣры и народности?... Одушевитесь же всѣ, всѣ, безъ различія пола и возраста, истинною, плодотворною любовью къ вашей народности!.. Пусть русская дѣвица, не выучившаяся говорить по-русски, не найдетъ себѣ жениха между вами; пусть русскій, употребляющій вмѣсто русскаго польскій языкъ, изгонится изъ вашего общества и лишится друзей. Страхните же съ себя дремоту, вялость, дряблость, весь соръ и пыль, наметенный на васъ исторіей“, и т. д.

Относительно этого пункта въ Вильнѣ уже скоро были приняты мѣры. Рѣшеніе вопроса начато было приказомъ по полиціи виленскаго полиціймейстера, гдѣ, кромѣ распоряженій относительно наблюденія за порядкомъ въ костелахъ, на гуляньяхъ и т. п., недопущенія какой-либо одежды, имѣющей хотя тѣнь революціонной пропаганды, кромѣ производства „разновременно постепенныхъ обысковъ въ домахъ“, уничтоженія польскихъ выѣскокъ, приказано было еще: „всѣ лавки, магазины, заѣзжіе дома, трактиры, кандитерскія, аптеки и гостинницы вновь осмотрѣть, и если еще гдѣ-нибудь отыщется веденіе счетовъ на польскомъ языкѣ, или же замѣчены будутъ разговаривающіе на этомъ *чуждомъ странъ языкѣ*, то о всѣхъ тотчасъ же донести мнѣ“¹⁾.

Между тѣмъ тотъ же бѣлорусскій корреспондентъ „Дня“ только-что рассказывалъ, что въ дѣйствительности этотъ „чуждый

¹⁾ „Вѣстникъ“, 1863—1864, т. III, мартъ, стр. 856.

странѣ языкъ“ господствовалъ не только между поляками, не только между бѣлоруссами, но проникалъ и въ самыя русскія семьи. Корреспондентъ приписывалъ это „шаткости и неопредѣленности взгляда великорусскихъ людей“ на западный край, вслѣдствіе чего „происходить и то въ высшей степени грустное явленіе, что великорусскіе люди, особенно если рассчитываютъ водвориться у насъ навсегда, *ополячиваются* сами или, по крайней мѣрѣ, *ополячиваютъ* свое потомство, женившись на полякахъ, причемъ приводятъ въ свое оправданіе извѣстную поговорку: съ волками жить—по волчьимъ выть“. Чиновники бѣлорусскіе, происходящіе не изъ шляхты, обыкновенно остаются вѣрны своей національности, но не имѣютъ значенія; а чиновники изъ шляхты, жившей нѣкогда по польскимъ обычаямъ—„съ ногъ до головы заражены польскимъ духомъ, и только православная вѣра мѣшаетъ имъ окончательно слиться съ поляками, бредить унией ¹⁾, посѣщаютъ почти исключительно костелы, употребляютъ постоянно польскій языкъ дома, въ обществѣ, на гуляньяхъ, читаютъ только польскихъ авторов“, и пр. Наконецъ, въ духовенствѣ, „языкъ польскій такъ глубоко вѣлся въ его плоть и кровь, что, во-первыхъ, часто во время литургіи слышишь его употребленіе между церковно-служителями, и, во-вторыхъ, есть пастыри, которые *исповѣдуютъ* своихъ прихожанъ по-польски“ ²⁾).

Авторъ объяснилъ бы дѣло еще полнѣе, еслибы вникнулъ въ то, отчего же произошла эта „шаткость взгляда“ великорусскихъ людей на западный край: безпристрастная исторія указала бы дѣйствительный характеръ отношеній,—но въ ту минуту о безпристрастной исторіи думали всего меньше...

Господство польскаго языка въ средѣ бѣлорускаго духовенства, указанное печатью, повело также къ официальному вмѣшательству церковной власти: епархіальное начальство рассылало не разъ запрещенія духовенству употреблять въ домашней жизни польскій языкъ...

Другой корреспондентъ „Дня“ ³⁾, разсуждая о разныхъ мѣрахъ къ обрусенію западнаго края, относительно данной минуты указывалъ—„такое положеніе: напр. въ Вильнѣ до сихъ поръ нѣтъ ни одного русскаго врача (за исключеніемъ, конечно, полковыхъ), ни содержателя типографіи, гостинницы или кофейной, и вообще, за вычетомъ двухъ-трехъ портныхъ, ни одного рус-

¹⁾ Замѣтимъ, что изображаются 60-е годы—черезъ четверть столѣтія послѣ окончательнаго уничтоженія уни въ западномъ краѣ.

²⁾ Тамъ же, 1863—64, I, июль, стр. 85—88.

³⁾ 1864, № 1.

скаго ремесленника... и, такимъ образомъ, на каждомъ шагу чувствуется потребность, если не говорить, то, по крайней мѣрѣ, понимать по-польски...

Нѣсколько лѣтъ спустя, когда здравый смыслъ сталъ отчасти вступать въ свои права, мы находимъ въ самомъ „Вѣстникѣ“ Говорскаго признанія иного рода. Не одинъ разъ, касаясь вопроса о бѣлорусскомъ духовенствѣ, онъ объясняетъ, что въ условіяхъ западно-русской жизни въ бытъ духовенства естественно проникали польскія черты и самый языкъ, и что надо, наконецъ, признать эти мѣстныя особенности, не вредящія политическимъ цѣлямъ власти. Самъ „Вѣстникъ“ возстаетъ противъ мелочныхъ обвиненій, съ какими обрушивались на западно-русскихъ людей за эти мѣстныя особенности ихъ быта.

„Духовенство (западно-русское),—говорилъ журналъ,—оскорбляютъ подозрѣніемъ въ недостаткѣ... даже благонадежности политической... Подслушанное кѣмъ-либо въ семействѣ здѣшняго духовенства польское слово, подмѣченный въ священнической избѣ образокъ съ латинскою или польскою надписью, замѣченное, въ существѣ дѣла ничтожное, сомнительное и безразличное, отступление отъ православной обрядности Великороссіи, даже самый покрой платья и условія жизни женскаго пола—все это ставится въ укоръ здѣшнему духовенству, а нерѣдко и въ строку, не только писанную, но и печатную... Чтò нарастало вѣками, отъ того нельзя освободиться моментально“¹⁾. Совершенно справедливо.

Въ другой разъ, говорится о положеніи духовенства юго-западнаго, подпадавшаго тѣмъ же вліяніямъ польскимъ, какъ и сѣверо-западное, — и объясняется, почему польскій языкъ дѣлается господствующимъ въ его домашнемъ быту и какой грубой ошибкой было бы дѣлать изъ этого обвиненіе противъ западно-русскаго духовенства²⁾.

VI.

Тревожныя событія въ Польшѣ и западномъ краѣ вызвали и другую дѣятельность для выясненія положенія вещей. Нужно было, наконецъ, опредѣлить истинныя историческія и этнографи-

¹⁾ „Вѣстникъ“, 1869, т. II, кн. 5-я, отд. III, стр. 17.

²⁾ Между прочимъ, говорится здѣсь: „у насъ польскій языкъ до послѣдняго времени игралъ такую роль, какую теперь играетъ французскій языкъ въ высшихъ кругахъ нашего русскаго общества“, и пр. „Вѣстникъ“, 1867, т. III, кн. 8-я, отд. II, стр. 83—89.

ческія отношенія края; вмѣстѣ съ тѣмъ правительство хотѣло дать отвѣтъ на запросы и толки европейской дипломатіи и печати: для той и другой цѣли послужили изданіе двухъ атласовъ западнаго края и одна работа археографической коммиссіи, о которой скажемъ далѣе.

Въ началѣ 1863 года вышло въ Петербургѣ французское изданіе этнографическаго атласа г. Эркерта ¹⁾, предназначенное для читателей европейскихъ. Въ слѣдующемъ году это изданіе вышло по-русски ²⁾. Около того же времени вышелъ другой атласъ—извѣстный подъ именемъ атласа г. Риттиха ³⁾.

Атласъ г. Эркерта можно назвать официальнымъ въ томъ смыслѣ, что онъ составленъ въ особенности по официальнымъ даннымъ министерства внутреннихъ дѣлъ (за 1858 годъ), къ которымъ присоединяются и многіе другіе статистическіе источники; но атласъ не былъ, кажется, исполненіемъ официального порученія и задуманъ былъ по собственной инициативѣ автора ⁴⁾, чѣмъ и должна объясняться нѣкоторая особенность его мнѣній. Въ брошюрѣ, приложенной къ атласу, авторъ излагаетъ свои взгляды на историческій и этнографическій характеръ края. Какъ опредѣлить племенной составъ края, о которомъ шла тогда спорная рѣчь въ дипломатіи, правительственныхъ мѣропріятіяхъ и литературѣ? Вопросъ былъ сложный. Г. Эркертъ, который хотѣлъ быть безпристрастнымъ судьей отношеній, приходилъ къ убѣжденію, что въ западномъ краѣ ничто не опредѣляетъ черты, разграничивающей *русскую* народность отъ *польской*, такъ отчетливо и правильно, какъ различіе вѣроисповѣданій. Такимъ образомъ —

¹⁾ „Atlas ethnographique des provinces, habitées en totalité ou en partie par les Polonais“.

²⁾ „Взглядъ на исторію и этнографію западныхъ губерній Россіи“. Полк. Р. Ф. Эркерта. Спб. 1864 (72 стр.), съ атласомъ.

³⁾ „Атласъ народонаселенія западно-русскаго края, по исповѣданіямъ. Составленъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ въ канцеляріи заведывающаго устройствомъ православныхъ церквей въ западныхъ губерніяхъ. Изданіе второе, исправленное и дополненное (Первое для публики)“. Спб. 1864. Потомъ вышла еще: „Карта народонаселенія августовской и люблинской губерній по исповѣданіямъ и племенамъ“. Спб. (1866) — на двухъ большихъ листахъ, по дѣй картъ на каждую губернію.—Въ „Атласѣ“ предисловіе и таблицы—на русскомъ и французскомъ языкахъ.

⁴⁾ Сколько мы знаемъ, г. Эркертъ, пруссакъ по происхожденію и подданству, перешелъ изъ прусской гвардіи въ русскую около 1850 года, по личной рекомендаціи прусскаго короля имп. Николаю; онъ служилъ въ московскомъ полку, въ началѣ 1860-хъ годовъ былъ полковникомъ и около этого времени назначенъ командиромъ стрѣлковаго баталіона, потомъ стрѣлковой (5-й) бригады въ западномъ краѣ, и командовалъ ею долго; затѣмъ онъ получилъ дивизію на Кавказѣ. Года три тому назадъ онъ вышелъ въ отставку генералъ-лейтенантомъ и уѣхалъ на жительство въ Берлинъ.

„въ западной Россіи, съ сравнительно немногими исключеніями, всѣ славянскіе обитатели православнаго исповѣданія должны считаться русскими, а всѣ тѣ, которые исповѣдуютъ католическую религію, — поляками. Этотъ способъ воззрѣнія не во всѣхъ случаяхъ и не абсолютно правиленъ (для волынской, подольской и кievской губерній онъ правильнѣе, нежели для бѣлорусскихъ губерній); но, говоря относительно, онъ чрезвычайно вѣренъ. Если за основаніе дѣленія принять одинъ только языкъ, то численное отношеніе между русскими и поляками не мало измѣнилось бы въ пользу русскаго населенія и въ ущербъ польскаго“ (стр. 6). Авторъ замѣчаетъ, что этотъ взглядъ на разграниченіе русской и польской народности фактически раздѣляютъ тамъ и простой народъ, русскій и польскій, гражданскія и военныя власти, духовенство, помѣщики и квартировавшіе въ краѣ русскія войска, — и что „чѣмъ ниже степень просвѣщенія, на которой стоятъ народы, сравниваемые между собою въ національномъ отношеніи, тѣмъ важнѣе и рѣшительнѣе значеніе вѣроисповѣданія, какъ способъ разграниченія народностей“ (стр. 10).

Далѣе г. Эркерть говоритъ объ исторической судьбѣ края и, наконецъ, о современномъ этнографическомъ положеніи. Приводимъ два его замѣчанія. „Католическіе бѣлоруссы... по своему образу мыслей, привычкамъ и роду жизни — совершенные поляки. Даже православные по большей части, за неимѣніемъ русскихъ молитвенниковъ, придерживаются католическаго обычая читать въ церкви молитвы изъ польскихъ молитвенниковъ. Вслѣдствіе этого его высокопреосвященство митрополитъ литовскій, въ концѣ 1863 года, счелъ необходимымъ снова подтвердить тамошнему православному духовенству, чтобы оно усугубило стараніе вывести у прихожанъ изъ употребленія польскія молитвы и польскіе молитвенники и замѣнить ихъ молитвами и молитвенниками на славянскомъ или русскомъ языкахъ. Въ то же время православному духовенству литовской епархіи предписано, чтобы въ священнослужительскихъ семействахъ было прекращено употребленіе польскаго языка“ ¹⁾.

Въ тогдашнихъ предположеніяхъ о необходимости исправить

¹⁾ Стр. 65—66. Ср. распоряженіе литовской духовной консисторіи: „объ усугубленіи мѣръ, чтобы никто изъ православныхъ не ходилъ къ богослуженіямъ въ костелы и не употреблялъ польскихъ молитвенниковъ“, въ „Вѣстникъ юго-зап. и зап. Россіи“ 1864—65, т. I, августъ, отд. IV, стр. 238—237 (изъ „Лит. Епарх. Вѣдомостей“), и „предложеніе митрополита Іосифа литовской консисторіи о подтвержденіи духовенству воспитывать своихъ дочерей во всемъ по русскому православному образованію“ тамъ же, т. II, ноябрь, отд. IV, стр. 49—50.

національное положеніе западнаго края считалось, между прочимъ, нужнымъ привлечь въ западный край чисто русскія силы: однимъ казалось, что нужны русскіе чиновники для замѣны ими чиновничества польскаго, оказавшагося вреднымъ для западнаго края; другіе находили необходимымъ усиленіе русскаго землевладѣнія (правительство, какъ извѣстно, употребило обѣ эти мѣры, призывая массами русскихъ чиновниковъ изъ внутреннихъ губерній и передавая польскія конфискованныя имѣнія на льготныхъ условіяхъ благонадежнымъ русскимъ лицамъ); г. Эрвертъ полагалъ, что въ западномъ краѣ есть уже большая сила, дѣйствующая въ національномъ русскомъ смыслѣ.

„Важнѣйшею связью, которая съ 1831 года практически соединяла русскій западъ съ русскимъ востокомъ, или, какъ мы готовы бы были сказать, *лучшимъ національнымъ*, сильнымъ *звеномъ* между ними и самымъ живительнымъ дуновеніемъ воздуха изъ Великой Россіи, постоянно сохранявшимъ свою чистоту и свѣжесть, было пребываніе огромнаго количества войска въ западномъ краѣ, которое, вслѣдствіе своихъ своеобразныхъ (?) зимнихъ стоянокъ, приходило въ самое непосредственное и близкое соприкосновеніе съ тамошнимъ русскимъ крестьяниномъ“ (стр. 60).

Атласъ, составленный подполковникомъ Риттихомъ, подъ руководствомъ г. Батюшкова, изданъ былъ первоначально не для публики, а только для officialнаго употребленія. Только второе изданіе было выпущено для публики. Составленіе его начато было еще въ 1859 году г. Батюшковымъ, который заведывалъ устройствомъ православныхъ храмовъ въ западныхъ губерніяхъ; въ основаніи атласа лежали данныя, доставленныя министерству внутреннихъ дѣлъ особыми чиновниками, командированными въ бѣлорусскій край для осмотра и возобновленія ветхихъ церквей въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. По даннымъ министерства и по свѣденіямъ, почерпнутымъ изъ центральныхъ вѣдомствъ, составлены были первоначально (въ 1860—1861 г.) карты губерній витебской, мѣгилевской и минской; но затѣмъ, съ развитіемъ церковно-строительнаго дѣла и съ поступленіемъ новыхъ матеріаловъ статистическихъ и этнографическихъ, явилась возможность приступить къ составленію вѣроисповѣднаго атласа всего западнаго края имперіи. Окончателъный сводъ матеріала, его разработки и провѣрки съ officialными документами разныхъ вѣдомствъ и учеными статистическими изслѣдованіями, также какъ распредѣленіе на картахъ мѣстностей по исповѣданіямъ и племенамъ, производились г. Риттихомъ. Атласъ состоитъ изъ десяти картъ: одной

общей и девяти отдѣльных картъ, для каждой губерніи ¹⁾. Къ каждой картѣ приложены обильныя статистическія цифры на поляхъ и въ отдѣльныхъ большихъ таблицахъ; кромѣ того, въ началѣ атласа помѣщена не вошедшая въ первое изданіе синхронистическая таблица древнихъ княжествъ западнаго края, составленная Сербиновичемъ ²⁾. Предисловіе къ атласу, объясняющее способъ его составленія, заканчивается словами: „составленный не по гадательнымъ и голословнымъ предрѣшеніямъ, только извращающимъ истину, но основанный на самыхъ точныхъ и несомнѣнныхъ данныхъ, атласъ по вѣроисповѣданіямъ служить лучшимъ опроверженіемъ лживыхъ понятій, распространенныхъ недоброжелателями Россіи о народномъ составѣ нашего западнаго края, который, несмотря на отпечатокъ, оставленный на немъ иновѣрнымъ и иноплеменнымъ владычествомъ, составляетъ въ религіозномъ, племенномъ и историческомъ отношеніяхъ неотъемлемую органическую часть русскаго государства“. Въ началѣ заглавія поставленъ девизъ: „veritas salusque publica“.

Таковы были двѣ обширныя работы, предназначенныя къ устраненію той недостаточности свѣденій о западномъ краѣ, которая создавала упомянутыя „лживыя понятія“ и была дѣйствительно источникомъ многихъ печальныхъ и политически вредныхъ заблужденій. Нечего и говорить о томъ, какъ важно было, что наконецъ подобныя труды появились; жаль было одно, что они не появились нѣсколькими десятками лѣтъ раньше, и отсутствіе ихъ въ прежнее время рисуеъ ту роль западно-русскаго вопроса и въ обществѣ, и даже въ самомъ правительствѣ, на какую мы раньше указывали ³⁾.

¹⁾ Эти губерніи были: могилевская, витебская, минская, виленская, гродненская, ковенская, кievская, подольская, волынская.

²⁾ „По руководству русскіхъ и польскіхъ писателей: Карамзина, Павлищева, Нарбута, Крашевскаго, Ярошевича и друг. и согласно съ изданными археографическою комиссіею древними государственными актами Литвы“.

³⁾ Первые нѣсколько правильныя изученія этого вопроса предприняты были, кажется, въ 1830-хъ и 1840-хъ годахъ, въ министерство Перовскаго, когда въ первый разъ поставлена была задача официальныхъ статистическихъ изслѣдованій. Въ ту пору обращено было вниманіе и на западный край, но работы частью были отрывочны, частью оставались въ неизданномъ видѣ, въ родѣ канцелярской тайны, пока ими не воспользовались офицеры генер. штаба въ своихъ описаніяхъ. Въ 1861 году издана была статистическая работа М. Лебекина, о которой можно упомянуть здѣсь ради нѣкоторыхъ ея странностей. („О племенномъ составѣ народонаселенія западнаго края россійской имперіи“ въ Запискахъ Географическаго Общества, 1861. кн. II, и перепечатана въ „Вѣстникѣ“ Говорскаго, 1862—1863, т. II, октябрь). Лебекинъ, состоявшій при центральномъ статистическомъ комитетѣ, пользовался официальными

Атласы Риттиха и Эркерта, безъ сомнѣнія, имѣли немалое значеніе въ разъясненіи темнаго вопроса. Они встрѣчены были съ большимъ сочувствіемъ въ средѣ людей, заинтересованныхъ вопросомъ, и вызвали нѣсколько замѣчаній, не лишенныхъ важности.

По поводу французскаго изданія атласа Эркерта г. Кояловичъ дѣлалъ сообщеніе въ собраніи Географическаго Общества ¹⁾. Онъ замѣчалъ многія неточности атласа Эркерта, напр., уменьшеніе бѣлорусскихъ поселеній, объяснялъ по картѣ историческіе пути распространенія польской стихіи и, между прочимъ, причины, почему это вліяніе въ прежніе вѣка и до послѣдняго времени встрѣчало такъ мало отпора съ бѣлорусской стороны. Указавъ, напр., на ужасную обстановку бѣлорусскихъ поселеній во многихъ мѣстахъ западнаго края, какъ въ бѣдной болотистой странѣ печально-знаменитаго бассейна Припяти, онъ говоритъ: „на такой почвѣ, въ такомъ положеніи, само собою разумѣется, не легко могла выработываться любовь къ родному и энергическія ея выраженія. Легче могло развиваться, напротивъ, желаніе переселиться въ кого угодно, въ великоруса или поляка, лишь бы какъ-нибудь выйти изъ тяжелаго положенія. Этой измѣнчивости своему родному элементу много способствовало самое нарѣчіе бѣлорусское, которое, при неоспоримо русскомъ строѣ, представляетъ собою, однако, поразительную середину между русскимъ и польскимъ языками“.—Г. Кояловичъ припоминаетъ также нѣкоторые историческіе факты, которые, съ другой стороны, объясняютъ эту слабость бѣлорускаго племенного и религіознаго отпора. Напримѣръ, послѣ перваго раздѣла Польши и наканунѣ послѣдняго, въ Минскѣ еще кипѣла вѣковая борьба, и — „кипѣла очень

давними, но удивительнымъ образомъ смѣшавши современную статистику съ лѣтописными извѣстіями о древнихъ жителяхъ края, исчислялъ здѣсь не только тѣ племена, какія находятся въ наличности въ западномъ краѣ, но и тѣ, которыхъ въ настоящее время совсѣмъ не нѣтъ, а которыя были здѣсь развѣ въ X—XII-мъ вѣкахъ. Напр., онъ не только даетъ цифру великоросіянъ, малоросіянъ, поляковъ, литовцевъ, но ему *извѣстно съ достоверностію*, что въ западномъ краѣ находятся поляне (108.453), древляне (196.900), кривичи (23.016), волыняне (93.744), тиверци и угличи (8.398), хорваты (17.228); въ числѣ инородцевъ указаны атыги съ цифрой 30.927. Такимъ образомъ, когда историки полагали, что тѣ или другія древнія племена безслѣдно исчезли въ позднѣйшемъ племенномъ объединеніи, какъ, напр., какіе-нибудь древляне или тиверци и угличи, или погибли въ исторической борьбѣ, какъ атыги, Лебединъ въ какихъ-то неисповѣдимыхъ источникахъ находилъ ихъ даже въ настоящую минуту и указывалъ ихъ численность не только въ тысячахъ, но даже въ сотняхъ, десяткахъ и единицахъ; и притомъ не только вообще, но даже въ частныхъ цифрахъ по уѣздамъ!

¹⁾ Въ маѣ 1863; оно напечатано въ „Днѣ“, 1863, № 20.

оригинально. Въ 1794 году, въ то время, когда дипломатія рѣшала вопросъ о послѣднемъ раздѣлѣ Польши, когда народу можно было, повидимому, бросить борьбу, въ полной увѣренности, что она рѣшится извнѣ и въ его пользу, минскіе церковные братчики, гласить преданіе, три дня бились съ поляками изъ-за ограды своей братской церкви. Но—какая странность! Въ скоромъ времени (когда все уже рѣшилось) имъ пришлось жаловаться, что великорусскіе монашествующіе устраняютъ ихъ отъ историческаго участія въ дѣлахъ своей церкви. Самая братская церковь переименована изъ древняго имени Петропавловской въ Екатерининскую! Я не даромъ привелъ этотъ фактъ. Я вижу въ немъ бесплодное выраженіе физической силы и несчастное выраженіе моральной бѣлорусской силы“.

Въ послѣднихъ не совсѣмъ ясныхъ словахъ авторъ желалъ сказать, конечно, то, что новая власть, къ сожалѣнію, не хотѣла или не умѣла показать вниманія и уваженія къ мѣстному преданію и обычаю, въ которыхъ и была нравственная сила бѣлорускаго населенія; вмѣсто того, прямо вводился русскій ходячій обычай, въ которомъ официальная сухость бюрократіи соединялась съ бытовою грубоватостью. Вводимое, многими сторонами своими, было чуждо мѣстному населенію, принималось по необходимости, и когда вмѣстѣ съ тѣмъ социальное преимущество все-таки осталось за поляками, бѣлоруссы не получили и теперь достаточно нравственно-общественныхъ опоръ для сопротивленія старому польскому преобладанію,—и, къ нашему удивленію, мы читаемъ у историковъ Бѣлоруссіи, что именно съ конца прошлаго вѣка и совершалась, съ успѣхомъ, усиленная колонизація западнаго края.

Нѣчто подобное этому, какъ увидимъ дальше, повторилось въ Бѣлоруссіи и съ 1860-хъ годовъ... ¹⁾

Г. Кояловичъ заканчивалъ призывомъ „дружнаго участія великорусскихъ общественныхъ силъ“ для блага западнаго края...

Изъ другихъ отзывовъ, явившихся по поводу атласовъ Эркерта и Риттиха ²⁾, остановимся еще на подробной статьѣ г. Бобров-

¹⁾ Любопытно, что г. Кояловичъ, не по примѣру другихъ тогдашнихъ объединителей и официальныхъ историковъ, признавалъ великій трудъ и историческую роль Малороссіи. „Я не могу,—говоритъ онъ,—не признавать *необыкновенныхъ подвиговъ* малороссійскаго племени, совершенныхъ для защиты родного западно-русскаго дѣла... Малороссійское племя выработало твердое сознаніе, что народная западно-русская сила неодолима, и обставило его *двѣми преданіями*. Оно первое возстановило исторически прерванную народную связь Западной Россіи и Великой Россіи“.

²⁾ Напр., еще отзывъ г. Кояловича въ „Р. Инвалидѣ“, 1864, № 174; „Сиб. Вѣдом.“ 1864, № 68 и др.

скаго, представлявшаго извѣстный авторитетъ по указанному выше труду его о гродненской губерніи... Г. Бобровскій ¹⁾ вообще отозвался объ атласѣ Эркерта съ похвалами, хотя находилъ числовые погрѣшности въ разграниченіи поляковъ отъ бѣлоруссовъ, характеристику разныхъ племенъ (въ брошюрѣ) считалъ слабою и неполною. Главною теоретической и практической ошибкой Эркерта г. Бобровскій считалъ его взглядъ, что за основу разграниченія народностей русской и польской въ западномъ краѣ должно быть принято вѣроисповѣданіе. По мнѣнію г. Бобровскаго, въ этомъ случаѣ нѣтъ другого исходнаго пункта, кромѣ языка: „самъ г. Эркертъ чѣмъ, какъ не языкомъ, руководствовался при разграниченіи бѣлоруссовъ отъ малоруссовъ, литовцевъ и латышей отъ бѣлоруссовъ и поляковъ—а между тѣмъ не хочетъ признать такого же принципа для разграниченія поляковъ отъ бѣлоруссовъ и малоруссовъ“. Если бѣлоруссы (по замѣчанію Эркерта) не называютъ себя этимъ именемъ, то они—„говорятъ по-бѣлорусски, следовательно чувствуютъ и думаютъ по-русски“. Собственное толкованіе этого предмета у г. Бобровскаго было слѣдующее:

„Бѣлоруссы, не зная того, что они бѣлоруссы, сохранили и въ обыденной рѣчи, и въ пѣсняхъ, и въ пословицахъ свои опредѣленные, національные, логическія формы, свой духъ, свой опредѣленный характеръ—свои нравы ²⁾, свои обычаи и т. п. Вѣроятно, не безызвѣстно г. Эркерту, что у бѣлоруссовъ, независимо отъ вѣры во Христа, и притомъ безразлично—по греческому или латинскому обряду, остаются еще глубокія вѣрованія въ нѣкоторыя естественныя явленія, какъ въ нѣчто необыкновенное, предубѣжденія, вѣра въ колдовство и чародѣйство; въ этомъ независимо отъ Евангелія заключается ихъ книга судебъ (?), ихъ мораль, загадка и разгадка ихъ существованія (?).

„Исполняя всѣ христіанскіе обряды какъ бы безсознательно, бѣлорусъ—я говорю о большинствѣ, о крестьянахъ—будь онъ православный или католикъ, имѣетъ свои убѣжденія, свою нравственную философію и передаетъ все это вмѣстѣ съ языкомъ своимъ дѣтямъ и внукамъ. Это суевѣріе... сопутствуетъ ему отъ колыбели до могилы и всегда неразлучно съ его языкомъ; въ этомъ-то и надобно искать племенного разграниченія здѣшнихъ

¹⁾ „Можно ли одно вѣроисповѣданіе принять въ основаніе племеннаго разграниченія славянъ западной Россіи?“ (по поводу атласа Эркерта). „Р. Инвалидъ“, 1864, № 75, 80.

²⁾ Вѣроятно такъ: въ подлинникѣ „права“.

славянъ (?), тутъ выясняется и племенное отличіе бѣлоруссовъ, и происхожденіе ихъ отъ одного корня съ великоруссами“...

Г. Бобровскій предостерегаетъ и отъ излишняго довѣрія къ тѣмъ показаніямъ, какія наблюдатель можетъ встрѣтить на мѣстѣ.

„И ксендзъ, и помѣщикъ,—говоритъ онъ,—никогда не скажутъ о бѣлоруссѣ, исповѣдующемъ римско-католическую вѣру, что онъ—бѣлоруссъ или русскій, а скажутъ: литовець... Поговорите съ этимъ литовцемъ, и вы услышите бѣлорусскую рѣчь.

„Мы имѣемъ этнографическіе списки отъ священниковъ и нѣкоторыхъ ксендзовъ гродненской губерніи, доставленные намъ въ числѣ другихъ матеріаловъ при исполненіи возложеннаго на насъ порученія ¹⁾. На спискахъ *тѣхъ и другихъ* прихожане, какъ православные, такъ и католики, названы литовцами и тутъ же приложены образчики языка—вы думаете: литовскаго; нѣтъ, бѣлорусскаго или малороссійскаго...

„Ксендзъ это дѣлалъ потому, что эти бѣлоруссы когда-то входили въ число народностей литовскаго государства. Мы видимъ тутъ не политическую ошибку, какъ думаетъ г. Эркерть, а политическую правду и весьма грубую этнографическую ошибку“.

Другими словами, въ польскомъ и западно-русскомъ употребленіи до послѣдняго времени оставалось старое мѣстное обозначеніе края, державшееся здѣсь прежде въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ и повторявшееся почти бессознательно. Любопытно опять, что сто лѣтъ русскаго господства не измѣнили этой исторически отжившей номенклатуры.

Вообще въ бѣлоруссѣ, полѣшукѣ (т.-е. жителѣ Полѣсья), бужанинѣ, г. Бобровскій видитъ „древнѣйшій типъ славянина, правда изувѣченнаго, но твердаго и терпѣливаго въ своихъ страданіяхъ“. „По своему образу мыслей, говоритъ г. Э., привычкамъ и роду жизни бѣлоруссы (гродненской губерніи)—совершенные поляки. Нѣтъ, г. Эркерть,—пишетъ г. Бобровскій,—вы смотрите на Бѣлоруссію по впечатлѣніямъ, вынесеннымъ изъ палацовъ и костеловъ, встрѣчавшихся по маршруту (?)“.

Изъ приведенныхъ цитатъ можно видѣть, что два наблюдателя вынесли весьма несходное впечатлѣніе, хотя оба жили на мѣстахъ, имѣли въ рукахъ массу оффиціального и частнаго матеріала (намъ не думается при этомъ, чтобы г. Эркерть руководился указаніями палацовъ и костеловъ: мнѣнія его были, кажется, довольно самостоятельны). Очевидно, что изслѣдованіе еще не установилось, что непривычный предметъ не поддавался опре-

¹⁾ Т.-е. описанія гродненской губерніи.

дѣленію на первый взглядъ. Это оказалось и въ общемъ результатѣ, полу-официальныхъ и чисто-официальныхъ изслѣдованій Эрверта и Риттиха. Сличая ихъ данныя, г. Бобровский отмѣтилъ весьма значительную разницу: какъ мы видѣли, Эрвертъ въ разграниченіи народности русской и польской придавалъ особое значеніе различію вѣроисповѣдному; атласъ Риттиха былъ именно вѣроисповѣдный, и тѣмъ не менѣе въ ихъ показаніяхъ ¹⁾ отерывалась слѣдующая разница (мы отендываемъ дробіи):

	по Риттиху:	по Эрверту:
Русскихъ	2.854.000	2.531.000
Поляковъ	383.000	791.000
Литвы и Латышей . . .	713.000	529.000
(затѣмъ, евреевъ, нѣмцевъ, татаръ и пр.)		
всего	4.485.000	4.294.000

Замѣтимъ, что у Эрверта не считаются военные, но число ихъ, по словамъ Бобровскаго, не соответствуетъ разности между обѣими цифрами населенія этихъ губерній, потому что число всѣхъ военно-служащихъ, съ женами и дѣтьми, не превосходило тогда 150.000. По одной гродненской губерніи, которую спеціально изслѣдовалъ самъ г. Бобровский, разница польскаго населенія вышла слѣдующая: Эрвертъ считалъ здѣсь поляковъ 270.000, а Бобровский насчитывалъ всего 83.000. Разница такъ громадна, что въ ея основѣ, очевидно, лежитъ отсутствіе точнаго правила разграниченія, неясность самой сущности вопроса для кого-нибудь изъ изслѣдователей, а можетъ быть, для обоихъ.

Повидимому, г. Бобровский справедливо указывалъ существенное значеніе языка и народнаго преданія, какъ отличительной этнографической черты; но, съ другой стороны, не совсѣмъ ошибался и г. Эрвертъ—онъ ставилъ вопросъ на практическую почву и находилъ не безъ основанія, что въ данныхъ условіяхъ вѣроисповѣдное отличіе было едва ли не важнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ говорили тогда въ одинъ голосъ, что католичество тѣсно связано съ полонизмомъ, и дѣйствительно, церковная католическая іерархія, священство и церковная школа, даже среди населенія католическо-бѣлорускаго, были польскія или сильно полонизованныя, и при извѣстномъ умѣнѣннѣ католическаго духовенства держать въ рукахъ свою паству, оно, конечно, должно было дѣйствовать и дѣйствовало на паству бѣлорусскую въ польскомъ смыслѣ: такимъ образомъ человекъ, говорящій по-бѣлорусски, по своимъ взгля-

¹⁾ Приводимыя ниже цифры относятся къ губерніямъ западнаго края, имѣющимъ бѣлорусское населеніе, именно къ мѣгилевской, минской и значительной части гродненской, виленьской и витебской.

дамъ могъ имѣть всѣ польскія сочувствія—у г. Бобровскаго онъ могъ быть зачисленъ въ бѣлоруссы, а у г. Эркерта—въ поляки. И въ чемъ же, по отзыву всѣхъ русскихъ историковъ, сказалась колонизація края, какъ не въ распространеніи католицизма (явнаго) и уніи (католицизма скрытаго), подъ влияніемъ которыхъ и терялась русская народность?

Правительственныя мѣропріятія того времени и направлялись къ тому, чтобы устранить эту польскую стихію, прямую или косвенную; на томъ же настаивала и патріотическая публицистика. У всѣхъ на устахъ было слово: обрусеніе, которое должно было переродить (или истребить?) самую Польшу, — нечего говорить, что „обрусеніе“ западнаго *русскаго* края стояло вѣдъ всякаго недоумѣнія. Этотъ предметъ породилъ въ свое время цѣлую обширную литературу, на которой было бы слишкомъ долго останавливаться, и мы ограничимся изъ нея двумя-тремя примѣрами, характеризующими этнографическій вопросъ.

Выше мы упоминали уже, что публицистика предлагала по этому случаю и обсуждала разныя мѣры—и полное удаленіе поляковъ (съ переходомъ землевладѣнія въ чисто русскія руки), и замѣщеніе всѣхъ должностей русскими чиновниками, и перевоспитаніе семействъ духовенства, и переселеніе русскихъ рабочихъ и ремесленниковъ, и абсолютное запрещеніе польскаго языка ¹⁾: нѣкоторыя изъ этихъ мѣръ вполнѣ или частію приводились въ исполненіе правительствомъ, но оставалось, однако, сомнѣніе, и многимъ уже въ то время подобныя мѣры казались недостаточными. Одно изъ изданій, наиболѣе занимавшихся этимъ вопросомъ, объясняло, что съ усмиреніемъ польскаго мятежа сдѣлано только внѣшнее дѣло, но остается еще „важнѣйшая и труднѣйшая задача, которая не подъ силу никакой администраціи, какимъ бы искусствомъ и энергіей она ни отличалась и хотя бы въ распоряженіи ея были самыя обширныя средства“.

„Дѣйствительно, въ чемъ теперь дѣло?—спрашивала газета.—Не въ томъ только, чтобы оградить внѣшнимъ образомъ православіе и русскую народность отъ латинскихъ и польскихъ захватовъ, а въ томъ, чтобы православіе и русская народность окрѣпли въ самихъ себѣ настолько, чтобы не нуждаться ни въ какой внѣшней оградѣ, чтобы собственною своею силой восторжествовать вполнѣ надъ папизмомъ и полонизмомъ... Что можетъ сдѣлать государство въ этомъ отношеніи? Оно можетъ запретить *явное* совращеніе въ католицизмъ; но содѣйствовать дѣйствительному укорененію православія, не прибѣгая къ тѣмъ способамъ, которые осуждены исторіею и отвергаются

¹⁾ Въ „Днѣ“ предлагалось даже отправленіе въ западный край русскихъ наемъ.

духомъ нашего времени, оно *рѣшительно не въ состояніи*. Оно можетъ изгнать изъ употребленія польскій языкъ въ своихъ школахъ, въ присутственныхъ мѣстахъ, и, пожалуй еще, съ грѣхомъ пополамъ, во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ, кофейняхъ, кондитерскихъ и т. д.; но распространить и водворить русскій языкъ и русскій духъ въ польскихъ или ополяченныхъ семействахъ и въ обществѣ оно рѣшительно не въ состояніи. Только собственное *внутреннее преустройство* и процвѣтаніе мѣстной русской церкви и мѣстныхъ русскихъ училищъ, только добровольное усвоеніе русскаго языка и русской литературы, какъ единственнаго средства умственнаго общенія края со всею Россіей, въ связи съ процвѣтаніемъ этихъ силъ *въ цѣлой Россіи*, могутъ достигнуть такихъ результатовъ. И въ этомъ отношеніи государство можетъ сдѣлать очень многое. Прежде всего оно можетъ *освободить* русское духовенство и вообще русское общество *отъ препятствій и затрудненій*, которыя еще встрѣчаетъ у насъ самая благонамѣренная дѣятельность; затѣмъ оно можетъ дать средства для обезпеченія быта русскаго духовенства и русскихъ учителей, для умноженія православныхъ храмовъ, духовныхъ и свѣтскихъ училищъ. Но даже матеріальныхъ средствъ, которыми оно располагаетъ въ настоящее время, окажется недостаточно, и необходимо содѣйствіе всего русскаго общества для того, чтобы въ западномъ краѣ Россіи наши православные храмы и православное богослуженіе могли своимъ благолѣпіемъ и торжественностью поровняться съ храмами и богослуженіемъ римско-католическими. Оно можетъ дать значительныя служебныя преимущества, возвысить оклады, назначить премій для привлеченія изъ другихъ мѣстъ Россіи въ западный и особенно въ сѣверо-западный край ея достойныхъ русскихъ учителей и воспитателей; но и тутъ, кромѣ ограниченности средствъ, прошлогодній и отчасти нынѣшняго года опытъ показываетъ, что этихъ однихъ приманокъ недостаточно даже для замѣщенія учительскихъ должностей въ гимназіяхъ природными русскими. (Приводятся цифры по виленскому учебному округу, гдѣ оказывается, что русскіе учителя составляли меньше одной трети—противъ католиковъ и, частію, лютеранъ)... Необходимо воодушевленіе къ дѣлу и извѣстная доля самоотверженія во имя общей пользы, для того, чтобы человѣкъ рѣшился покинуть свою родину, своихъ родныхъ и друзей, и переселиться въ чуждый ему край, гдѣ предстоитъ тяжелая борьба противъ всей окружающей образованной среды, а это воодушевленіе не можетъ быть куплено ни деньгами, ни чинами; оно бываетъ возможно только въ такомъ дѣлѣ, которое цѣлымъ обществомъ принимается особенно близко къ сердцу. Говорить ли еще о томъ, что никакими денежными и служебными преимуществами нельзя вдохнуть въ человѣка рвеніе къ общему дѣлу и готовность служить ему всѣми своими силами, всѣмъ своимъ разумѣніемъ, при всякомъ удобномъ случаѣ,—рвеніе и готовность, въ которыхъ, конечно, нельзя отказать нашимъ противникамъ?

„Впрочемъ, попытка обрусить нашъ западный край одними чисто-правительственными способами была уже сдѣлана, въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, въ прошедшее царствованіе, ознаменовавшееся, между прочимъ, воссоединеніемъ уніатовъ съ православно-греко-

россійскою церковью, и что же оказалось въ результатъ? По свидѣтельству людей, самыхъ свѣдущихъ въ этомъ отношеніи, въ 1832 году, тотчасъ же по подавленіи польской революціи, сѣверо-западный край былъ *менѣе* ополяченъ, чѣмъ по прошествіи 31-го года, когда только-что былъ подавленъ нынѣшній мятежъ. Не поучительно ли это показаніе?...

„Повторяемъ еще разъ: въ настоящее время дѣло идетъ о нравственномъ завоєваніи западнаго края Россіи, а это завоєваніе не можетъ быть совершено иначе, какъ при самомъ живомъ, при самомъ дружномъ содѣйствіи со стороны всей Россіи, со стороны всего русскаго общества. Нравственныя силы нашего общества, за отсутствіемъ средствъ къ ихъ упражненію, дѣйствительно, не очень велики, но мы надѣемся, что ихъ хватило бы для этого дѣла, лишь бы только дана имъ была возможность свободно дѣйствовать порознь и сообща, и лишь бы стремленія къ общепользнымъ цѣлямъ встрѣчались съ сочувствіемъ, а не съ тревожными и напрасными опасеніями“¹⁾.

Все это было чрезвычайно справедливо, потому что дѣйствительно, если хотѣли достигнуть полнаго объединенія западнаго края съ русскимъ центромъ, оно не могло быть совершено одними канцелярскими или военно-административными мѣрами. Требовалось объединеніе жизненное, а эти мѣры были дѣломъ чисто внѣшнимъ, направлялись на поверхностныя проявленія, а внутри идущая жизнь могла продолжать свое прежнее теченіе, отзываясь на эти мѣры равнодушіемъ или пассивнымъ сопротивленіемъ, замыкаясь въ самое себя и создавая внѣшнее единство, подъ которымъ могъ скрываться старый разладъ и взаимное непониманіе. Къ сожалѣнію, оно такъ и было. Изложенный взглядъ, какъ мы сказали, былъ въ существѣ вѣренъ; къ сожалѣнію, жизнь русскаго общества, изъ котораго должно бы исходить объединяющее вліяніе, (по признанію самой газеты) не представляла тѣхъ условій самодѣятельности, при которыхъ только и возможно было бы желаемое нравственное воздѣйствіе. Нужно было бы прежде всего, чтобы западно-русскій вопросъ въ самомъ русскомъ обществѣ могъ быть обсужденъ съ его разныхъ сторонъ, обсужденъ искренно и открыто,—но этой возможности совершенно не было, и тотъ самый кругъ, отъ имени котораго говорила вообще упомянутая газета, не преминулъ бы обвинить въ „измѣнѣ“ тѣхъ, кто рѣшился бы указать инныя, упускаемыя изъ виду стороны предмета, а диктаторскія полномочія, съ которыми тогда управлялся западный край, и съ другой стороны закрывали его отъ общественнаго мнѣнія и литературы... Прошли, напримѣръ, десятии лѣтъ, пока могли явиться въ печати инныя взгляды на по-

¹⁾ „Москов. Вѣдомости“, 1864, № 126.

ложеніе края въ 1860-хъ годахъ ¹⁾, чѣмъ тѣ, какіе въ то время считались безусловно обязательными. Характеръ принимавшихся тогда мѣръ заставлялъ ожидать соответственныхъ результатовъ; слухи, доходившіе изъ края, не были особенно благопріятны, и рассказы и воспоминанія о томъ времени, напечатанные въ послѣдніе годы, вполне ихъ подтверждаютъ; напр., усиленный вызовъ чиновниковъ изъ внутреннихъ губерній далъ вообще не весьма удачный контингентъ дѣятелей, которые шли только на упомянутую „приманку“ и не только не создавали нравственнаго общенія, но отталкивали мѣстныхъ жителей, такъ что и съ приходомъ этихъ „русскихъ дѣятелей“ нравственное объединеніе не устанавливалось; свойство мѣропріятій, крутое и, что называется, экстра-легальное, также мало способствовало водворенію мирныхъ отношеній, среди которыхъ могла бы возникнуть нравственная связь, хотя бы въ первыхъ начаткахъ. Не вдаваясь въ этотъ предметъ, укажемъ одинъ образчикъ, отмѣченный даже въ тогдашней литературѣ. Въ „Голосѣ изъ гродненской губерніи“ ²⁾ мы читаемъ: „Въ средѣ великорусскихъ чиновниковъ нашлись и такія личности, которымъ не мѣсто въ нашемъ краѣ, требующемъ великаго самопожертвованія, теплой любви, разумной дѣятельности и твердой честности отъ служащихъ здѣшнему народному дѣлу; которые прибыли къ намъ, кажется, для того только, чтобы безъ разбора все разрушать, ломать и ничего не созидать, которые, не желая или не умѣя понять и сообразиться съ положеніемъ, нуждами и духомъ здѣшнихъ обитателей, самымъ грубымъ образомъ оскорбляютъ наше духовенство, много пострадавшее въ своемъ прошедшемъ и настоящемъ за свою любовь къ св. вѣрѣ и русскому народу и, кажется, своими страданіями заслужившее нѣкоторое уваженіе, любовь и поддержку. Онѣ, эти личности, подрываютъ святое и плодотворное довѣріе пасомыхъ къ своимъ пастырямъ и своими грубыми, деспотическими поступками убиваютъ развивающееся теперь въ народѣ чувство законности — это необходимое условіе мира и благоденствія каждаго общества и государства“. Повѣсть объ этомъ дѣятелѣ подробно рассказана въ гродненской корреспонденціи и была, конечно, не единственнымъ примѣромъ своего рода...

Въ ряду мѣръ, которыя принимались тогда для обрусенія края, одной изъ особенно замѣтныхъ было „преобразование“ ви-

¹⁾ Напр., извѣстныя, напечатанные недавно, рассказы покойнаго Н. В. Берга и нѣкоторые другіе мемуары о томъ времени.

²⁾ „День“, 1864, № 29.

ленскаго музея древностей. Это была довольно странная исторія, въ которой характерно отразилось двойственное состояніе края, причемъ „преобразование“ не разрѣшило исторической и этнографической двойственности. Дѣло было въ слѣдующемъ. Въ 1856 году основанъ былъ въ Вильнѣ, съ Высочайшаго соизволенія, музей древностей, который долженъ былъ заключать въ себѣ предметы, относящіеся къ исторіи западнаго края Россіи, съ цѣлью, содѣйствуя сохраненію памятниковъ древности, доставить возможность воспользоваться ими къ изученію края; въ рескриптѣ наслѣдника цесаревича, подъ покровительствомъ котораго долженъ былъ существовать вновь открывшійся музей, высказано было также, что музей долженъ былъ содѣйствовать „къ вѣчному скрѣпленію узъ, соединяющихъ бывшія литовскія губерніи съ прочими областями Россіи“. Основаніе музея было вполнѣ дѣломъ графа Евстафія Тышкевича, извѣстнаго ученаго археолога, съ именемъ котораго мы уже встрѣчались выше: онъ передалъ сюда собственную обширную коллекцію древностей и другихъ замѣчательныхъ предметовъ и былъ тогда же назначенъ попечителемъ музея; затѣмъ стали поступать другія пожертвованія отъ мѣстныхъ помѣщиковъ; въ 1858 году, къ упомянутому пріѣзду имп. Александра II-го въ Вильну, составленъ былъ наскоро каталогъ музея. При томъ состояніи социальномъ, какое въ то время еще продолжалось и гдѣ польское землевладѣніе служило официальнымъ представительствомъ края; при томъ положеніи этнографическихъ изученій, которыя, какъ мы видѣли, велись въ то время въ польской литературѣ и едва начинались въ русской (сопровождаясь здѣсь немалыми недоразумѣніями или незнаніемъ), понятно, что въ средѣ тогдашнихъ польскихъ основателей музея старина западнаго края понималась именно въ томъ смыслѣ, какъ привыкли издавна понимать ее въ польской интеллигенціи. Историческая и этнографическая принадлежность края была темнымъ вопросомъ для самихъ русскихъ изслѣдователей, даже самыхъ добросовѣстныхъ: мы упоминали о томъ, что и въ сороковыхъ, и въ пятидесятыхъ годахъ эти изслѣдователи не понимали слова „Литва“ въ приложеніи къ губерніямъ съ бѣлорусскимъ населеніемъ, и старый политическій терминъ считали также и обозначеніемъ племени; что для поляковъ этотъ терминъ оставался еще въ употребленіи, какъ живое историческое преданіе; что и польскіе, и русскіе этнографы все еще находили здѣсь какихъ-то „кривичанскихъ славянъ“, а одинъ русскій этнографъ (Лебединъ) находилъ еще въ 1861 году въ западномъ краѣ не только кривичей, но древлянъ, дреговичей, тиверцевъ, даже

ятвяговъ... Не будемъ притомъ думать, чтобы польскіе основатели музея были какіе-нибудь радикалы, которые съ злонамѣренной тенденціей хотѣли бы удалить изъ музея (какъ ихъ послѣ въ томъ обвиняли) всякій слѣдъ русской старины: напротивъ, это были мѣстные патріоты (въ томъ „литовскомъ“ смыслѣ, какъ ихъ характеризовалъ г. Безсоновъ), далеко не чуждавшіеся связи съ русскою наукой; графъ Тышкевичъ принималъ участіе въ работахъ московскаго археологическаго общества и его имя пользовалось уваженіемъ въ средѣ русскихъ ученыхъ; Киркоръ доставлялъ свои труды въ Географическое Общество въ Петербургѣ, писалъ и по-польски, и по-русски; труды писателей этого круга долго (даже до сихъ поръ) служили для русскихъ изслѣдователей полезнымъ руководствомъ въ изученіи западно-русской старины, какъ труды Нарбутта, Крашевскаго, Ярошевича, Малиновскаго, гр. Тышкевича, Парчевскаго и т. д.; г. Безсоновъ, въ своемъ трудѣ по бѣлорусской этнографіи, съ признательностью называетъ эти и другія имена лицъ, служившихъ съ пользой дѣлу научнаго изслѣдованія западнаго края... Однимъ словомъ, точка зрѣнія, руководившая основателемъ виленскаго музея древностей, не была какой-либо новой выдумкой; это былъ привычный взглядъ интеллигенціи западнаго края, въ то время нимало неоспоренный съ русской стороны, даже признаваемый; присутствіе *польскаго* элемента въ западномъ краѣ, его участіе въ исторіи „Литвы“ съ очень давнихъ и до очень недавнихъ временъ не возбуждало сомнѣній, хотя историческая роль Польши осуждалась съ русской точки зрѣнія; въ новѣйшихъ официальныхъ изслѣдованіяхъ западнаго края, произведенныхъ офицерами генеральнаго штаба, были выведены цѣлыя сотни тысячъ польскаго и католическаго населенія... Въ одно прекрасное утро все это должно было перемѣниться. Крутыя мѣры, принимавшіяся въ западномъ краѣ съ 1863 года, захватили въ началѣ 1865 года и виленскій музей. Хотя, какъ мы видѣли, сами официальные статистики генеральнаго штаба (Риттихъ, Зеленскій, Бобровскій) находили въ западномъ краѣ сотни тысячъ польскаго населенія, въ приказѣ виленскаго полиціймейстера польскій языкъ названъ былъ „чуждымъ странѣ“; весьма понятно, что съ этой точки зрѣнія и виленскій музей, въ которомъ собрано было не мало остатковъ польской старины западнаго края, терялъ право на существованіе ¹⁾. Въ

¹⁾ Замѣтимъ еще, что въ то же время, когда офицеры генеральнаго штаба не подтверждали вывода виленскаго полиціймейстера относительно польскаго языка и вывода преобразователей виленскаго музея, дѣлалось—опять въ официальной средѣ—другое статистическое исчисленіе, разнорѣчившее съ выводами полиціймейстера.

февралѣ 1865 года, въ археологической комиссіи, состоявшей при музеѣ, происходило засѣданіе, съ какимъ-то злорадствомъ описанное въ „Вѣстникѣ“ Говорскаго ¹⁾, какъ своего рода *сoup d'état* или скандалъ. Въ собраніи участвовало вновь вступившее туда военное лицо, которое заявило въ своей рѣчи о необходимости преобразованія музея и истребленія его польскаго духа ²⁾. Вслѣдъ за тѣмъ, въ концѣ февраля 1865 года, отъ главнаго начальника западнаго края, на имя тогдашняго попечителя виленскаго округа (назначеннаго и предсѣдателемъ „комиссіи для разбора и приведенія въ извѣстность и надлежащій порядокъ предметовъ, находящихся въ виленскомъ музеумѣ „древностей“) поступило предложеніе о необходимости пересмотра и преобразованія виленскаго музея. Смыслъ предложенія заключался въ томъ, что музей, въ противность его назначенію быть собраніемъ древностей „литовско-русскаго края“, въ большинствѣ предметовъ „составляетъ коллекцію, относящуюся къ чуждой этому краю польской народности“. „Такое совокупленіе въ этомъ открытомъ для публики хранилищѣ литовско-русской старины предметовъ, относящихся къ польскому народу и польской исторіи, и размѣщеніе на первомъ планѣ тѣхъ изъ нихъ, которые болѣе другихъ напоминали бы о временномъ владычествѣ польскомъ въ здѣшнемъ краѣ, служило къ поддержанію въ здѣшнемъ населеніи и обществѣ превратныхъ понятій о томъ, что край этотъ есть край

Въ статьѣ А. В. Рачинскаго: „Типографская дѣятельность Вильны въ періодъ 1864—65 года“, помѣщенной въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“, 1866, № 35, отношеніе славяно-русскаго печатанія къ латинско-польскому было опредѣлено, по статистическимъ цифрамъ какъ 152:1216. Эта цифра повторена и въ официально издаваемыхъ „Памятникахъ русской старины въ зап. губерніяхъ имперіи“, г. Батюшкова, выи. 6-й, Сиб. 1874, стр. 174.

¹⁾ 1864 — 1865, т. II, декабрь (1864; цензурное дозволеніе 25-го марта 1865), стр. 284—241.

²⁾ Рѣчь начиналась такими словами: „Наука есть святиня, какъ и религія: религія есть вѣра въ истину, наука есть путь къ оной. Слѣдовательно, всякое искаженіе науки, равно какъ и религіи, изъ-за личныхъ выгодъ и для политическихъ цѣлей, есть святотатство“.

Далѣе въ рѣчи говорилось, что музеи должны быть хранилищами исторической истины и быть „зердалами“ современнаго состоянія науки въ извѣстной мѣстности, и что было бы анахронизмомъ, еслибы музеи продолжали „отражать расцвѣтшійся польскій туманъ, когда уже въ него смотрится возстановленная историческая истина“, что говорившій, который бывалъ во многихъ иностранныхъ музеяхъ, нигдѣ „не замѣтилъ отсутствія патріотическаго начала, ни въ одномъ не видѣлъ даже отбѣла, напоминающаго, не только нѣга, но и нашествія непріятельскаго“, и что его „утѣшила только мысль, что на востокѣ Россіи нигдѣ нѣтъ хранилищъ, служащихъ прославленіемъ нѣга татарскаго“.

польскій, а не русскій, а также къ возбужденію въ публикѣ польскихъ идей, противуправительственныхъ стремленій и притязаній на мнимыя права Польши на западно-русскій край"; поэтому, „въ видахъ пресѣченія на будущее время подобныхъ не свойственныхъ ни здѣшней народности, ни настоящему положенію края заявленій, а равнымъ образомъ, почитая необходимымъ сообщить виленскому музеуму надлежащій ему характеръ, соотвѣтственный назначенію быть собраніемъ и хранилищемъ предметовъ, напоминающихъ о русской народности, православіи, искони господствующихъ въ здѣшнемъ краѣ, и содѣйствовать къ вѣщшему скрѣпленію узъ, соединяющихъ литовскія губерніи съ Россією“, приказано было составить особую комиссію (въ которой приняли участіе два военныхъ лица), которая должна была привести въ порядокъ предметы музея, поставить на первомъ планѣ предметы, относящіеся къ русской народности, во второй разрядъ помѣстить „предметы, относящіеся къ литовско-русскому началу“ (?), въ третій разрядъ—предметы обще-научные; наконецъ, предметы, принадлежащіе къ польской народности, „какъ несоставляющіе предметовъ назначенія музеума“, собрать особо, т.-е. удалить изъ музея до дальнѣйшаго распоряженія. Назначенная комиссія, гдѣ долженъ былъ принять участіе и основатель музея, графъ Тышкевичъ, и гдѣ изъ нѣскольکو извѣстныхъ русскихъ ученыхъ находился г. Безсоновъ, служившій тогда въ западномъ краѣ, принялась за дѣло очень ревностно. Понятно, что музей, составлявшійся другимъ кругомъ людей съ прежними понятіями объ историческихъ преданіяхъ края, былъ энергически очищаемъ новыми распорядителями, считавшими польскій элементъ совершенно чуждымъ краю. Было бы долго передавать подробности этого разбора; довольно сказать, что большое число предметовъ отчислено было въ четвертый разрядъ и что дебаты не сохранили спокойствія, приличнаго научнымъ разсужденіямъ. Въ концѣ концовъ, графъ Тышкевичъ, не присутствовавшій по болѣзни въ послѣднихъ собраніяхъ комиссіи, прислалъ (29-го марта 1865 г.) отзывъ, въ которомъ, при всей трудности своего тогдашняго положенія, рѣшился высказать свое мнѣніе о совершившемся преобразованіи и тѣхъ обвиненіяхъ, какія были направлены на строителей музея.

Гр. Тышкевичъ объяснялъ, что, присутствуя въ комиссіи, онъ подписывалъ ея протоколы не потому, чтобы всегда соглашался съ мнѣніями другихъ ея членовъ, а потому, что одинъ его голосъ противъ пяти голосовъ противнаго мнѣнія не могъ имѣть значенія, и, слѣдовательно, его особыя мнѣнія могли бы

только дать поводъ думать, что онъ затрудняетъ успѣшный ходъ дѣйствій комиссій; теперь, когда главная работа кончена и предметы, подлежащіе исключенію изъ музея, уже назначены, онъ рѣшался „заявить свое мнѣніе не въ видѣ протеста или официального особаго мнѣнія, но собственно какъ выраженіе своихъ убѣжденій по предметамъ, имѣющимъ непосредственное соотношеніе съ занятіями комиссій“. Онъ объяснялъ ту историческую точку зрѣнія, съ которой основывался музей, и тотъ провинціальный интересъ, который естественно присоединялся къ мѣстной коллекціи. „Основывая музей въ Вильнѣ, я имѣлъ въ виду древности и памятники польскіе, но мѣстные, т.-е. литовско-русскіе. Подъ словомъ: „виленскій музей“—я разумѣлъ и разумѣю собраніе предметовъ, кои бы, какъ въ зеркалѣ, вѣрно отражали жизнь и дѣянія литовско-русскаго народа во всѣхъ эпохахъ его историческаго существованія. Не думая и не заботясь о томъ, чтобы собираемые предметы представляли только свѣтлые моменты изъ исторіи и дѣяній моихъ предковъ или чтобы изображенія ихъ непременно были прекрасны, я желалъ только, чтобы они были похожи и служили точными снимками съ прошедшаго, на непреложныхъ началахъ исторіи. Я думалъ, что если въ лифляндскомъ и курляндскомъ музеумахъ собраны предметы временъ владычества рыцарей, въ финляндскомъ—Швеціи, въ керченскомъ и одесскомъ—татаръ, то это отнюдь не доказывало, что упомянутые музеумы заботились о собраніи предметовъ, напоминающихъ нѣмецкое, шведское и татарское владычество, но старались только собрать все, что бы могло нагляднымъ образомъ знакомить съ минувшими судьбами тѣхъ мѣстностей, для которыхъ музей предназначался. — Такъ понимая значеніе провинціального музеума, я, конечно, не исключалъ и тѣхъ предметовъ, кои относились къ эпохѣ владычества Польши въ этой странѣ. Но, при всемъ томъ, могу сказать сознательно, въ виленскомъ музеумѣ собственно польскихъ предметовъ почти нѣтъ. Все, что есть,—это мѣстное, литовско-русское“.

Ему приходилось разбирать, какаго рода предметы подлежали исключенію изъ музея по новымъ требованіямъ. „На основаніи предписанія г. главнаго начальника края, комиссія обязана была исключить предметы, напоминающіе временное владычество Польши и относящіеся къ польской исторіи. Извѣстно, что до 1569 года здѣшній край сохранилъ полнѣйшую политическую самостоятельность. Федеративнаго союза съ Польшею ни одинъ историкъ не назоветъ владычествомъ. Извѣстно, что поляки не только не могли здѣсь приобретать собственности, но

даже занимать служебныя должности. Литовско-русское дворянство строго за этимъ наблюдало и свято сохраняло права свои. Въ 1795 г., по третьему раздѣлу Польши, губерніи эти возвращены Россіи. Слѣдовательно, по буквальному смыслу предписанія, исключенію подлежатъ только тѣ предметы, кои относятся къ эпохѣ съ 1569 по 1795 годъ, и только такіе, которые въ непосредственной связи съ польскимъ владычествомъ или польскою исторіею. Но коммиссія не соблаговолила обратить вниманія на эту неопровержимую историческую истину“.

Онъ указываетъ, что коммиссія къ предметамъ, подлежащимъ исключенію, т.-е. напоминающимъ владычество Польши, отнесла даже предметы новѣйшіе, — напримѣръ, знаки масонской ложи „Казиміръ Великій“ („когда, — замѣчаетъ гр. Тышкевичъ, — этотъ Казиміръ никогда не господствовалъ надъ этой страной и умеръ еще до женитьбы Ягайлы на внучкѣ его Ядвигѣ“), или барельефъ въ память парижскаго конгресса 1856 г., изображающій торжество императора Александра, исключенный потому только, что подъ нимъ подпись скульптора Казимира Ельскаго, сдѣлавшаго этотъ барельефъ. Гр. Тышкевичъ „ссылался на судъ всѣхъ ученыхъ обществъ и всѣхъ ученыхъ мужей въ Россіи, и заранѣе твердо убѣжденъ, что не найдется ни одного, который допустилъ бы даже мысль исключить изъ музеума, напр., портретъ такой знаменательной личности, какъ канцлера Льва Сапѣги, этого извѣстнаго издателя перваго Литовскаго Статута на русскомъ языкѣ, этого знаменитаго автора достопамятнаго письма, приводимаго всѣми историками, къ Іосафату Кунцевичу, въ защиту православныхъ“. Онъ недоумѣвалъ, почему исключенъ изъ музея портретъ русскаго генерала Коссаковскаго, повѣшеннаго мятежниками во время народнаго движенія въ Вильнѣ, въ 1794 г., за свою преданность великой Екаторинѣ, — въ то время, когда русское правительство воздвигаетъ въ Варшавѣ памятникъ полякамъ, павшимъ жертвою мятежа за свою преданность правительству. Онъ не понималъ, почему должны были быть исключены изъ музея портреты и бюсты такихъ людей, какъ преданный Россіи митрополитъ Жилинскій, какъ пользовавшіеся европейскою извѣстностью Франкъ и Снядецкіе, какъ основатель обсерваторіи Почобутъ, историкъ Нарбуттъ, „котораго безпристрастный, добросовѣстный трудъ до сихъ поръ служить богатымъ матеріаломъ для всѣхъ русскихъ историковъ“, какъ основатели разныхъ челоувѣколюбивыхъ заведеній въ Вильнѣ, здѣшніе уроженцы, жившіе уже подъ русскою властью... Просьба графа Тышкевича состояла только въ томъ, чтобы назначенные къ исключенію предметы были

вновь подробно рассмотрѣны, сообразно съ точнымъ смысломъ предписанія главнаго начальника края и „имѣя въ виду научныя начала и историческую истину въ отношеніи дѣйствительной эпохи владычества здѣсь Польши“.

На этотъ разъ въ комиссіи предсѣдательствовалъ не попечитель учебнаго округа, а одинъ изъ ея военныхъ членовъ, которымъ и составленъ былъ отвѣтъ на письмо графа Тышкевича. Отвѣтъ былъ очень рѣзкій, и въ немъ давалось понять, что письмо было дѣйствиємъ, которое могло бы быть истолковано въ смыслѣ политической неблагонадежности ¹⁾.

Вся эта исторія производитъ весьма печальное впечатлѣніе. Первый мотивъ къ преобразованію музея былъ, конечно, политическій, и скорѣе можно было бы понять, еслибы что-нибудь случилось съ нимъ въ самомъ разгарѣ страстей, въ періодъ возстанія; но возстаніе было давно укрощено, и вопросъ научный могъ бы рѣшиться болѣе спокойно въ кругу специалистовъ. Возможно, что въ музей находились предметы, которые не совсѣмъ отвѣчали его назначенію и особливо данной минутѣ, но устраненіе ихъ могло бы совершиться болѣе мирно, какъ это соотвѣтствовало бы мирному дѣлу науки; та тенденціозность, которую указывали въ маломъ числѣ предметовъ, относящихся къ исторіи собственно русскаго начала въ западномъ краѣ, легко могла бы быть устранена (и это было бы очень желательно для полноты *мѣстнаго* музея) прибавленіемъ новыхъ предметовъ этого русскаго характера. Что касается удаленія предметовъ изъ эпохи польскаго владычества, оно, очевидно, было ненаучно: изъ исторіи нельзя было бы вычеркнуть дѣйствительно существовавшего факта, и это былъ бы просто пробѣлъ, какъ, съ другой стороны, удаленіе ихъ походило на боязнь передъ польскимъ призракомъ, неприличную для господствующей власти: странно было бы думать, что присутствіе старинныхъ вещей въ историческомъ музеѣ можетъ навлекать какую-либо опасность для русской народности; сопоставленные съ предметами иного рода, которые гово-

¹⁾ Подробная исторія этого преобразованія виленскаго музея была изложена въ протоколахъ двадцати-четырехъ засѣданій комиссіи съ 1-го марта по 27-е апрѣля 1865 года. См. „Дневникъ засѣданій комиссіи для разбора и приведенія въ извѣстность и надлежащій порядокъ предметовъ, находящихся въ виленскомъ музеѣ древностей“, въ „Вѣстникѣ“ Говорскаго, 1864—1865, т. III, апрѣль, отд. I, стр. I—VI и 1—74. Преобразование виленскаго музея было довершено г. Батюшковымъ; позднѣе, во время управленія западнымъ краемъ генерала Потапова, г. Батюшковъ „настоялъ на исключеніи изъ музея всѣхъ 256 предметовъ, признанныхъ неподлежащими храненію въ немъ, и распорядился отправкой ихъ въ Московскій Румянцовскій музей“. См. „Р. Старину“, 1867, май, стр. 555.

рили бы о племенной устойчивости и исторической борьбѣ западно-русскаго народа за свое религіозное и національное право, — эти предметы теряли бы свой односторонній смыслъ и получили бы только свое настоящее значеніе историческаго остатка; дагѣ, виленскій музей былъ, очевидно, мѣстный музей западнаго края, и въ немъ должны были занять мѣсто предметы, принадлежавшіе его мѣстной исторіи и этнографіи; политически — это былъ край русскій, но этнографически въ немъ были не только бѣлоруссы, но и литовцы, и поляки, даже татары и евреи. Наконецъ, въ самомъ отвѣтѣ предсѣдателя коммисіи относительно основателя музея признавалось, что доселѣ графъ Тышкевичъ показывалъ „несомнѣнную преданность“ правительству, и признавалась „благая цѣль“, съ какою онъ основывалъ музей; прибавимъ, что онъ вложилъ въ него много своихъ личныхъ, цѣнныхъ пожертвованій, наконецъ, что это былъ ученый уважаемый и за предѣлами своей родины ¹⁾. По крайней мѣрѣ его личное участіе въ самомъ основаніи учрежденія, получавшаго теперь новое направленіе, заслуживало большей терпимости и вниманія.

Какъ бы то ни было, исторія виленскаго музея была характернымъ отраженіемъ господствовавшаго настроенія. Литература, служившая этому настроенію, принимала, сколько только могла, воинственное, обличительное направленіе: не могло быть и рѣчи о спокойномъ сужденіи не только о новѣйшихъ, но и давно прошедшихъ событіяхъ и отношеніяхъ.

Собственно этнографическіе труды этого времени были немногочисленны. Той школѣ, о которой мы сейчасъ говорили, принадлежитъ собственно одинъ только сборникъ, выпедшій въ Вильнѣ въ 1866 году ²⁾. Въ обширномъ предисловіи, которое подписано г. Гильтебрандтомъ, даются разнородныя, но отрывочныя и безсвязныя свѣденія о значеніи народнаго творчества, объ исторіи края, о разрядахъ пѣсенъ, о чертахъ бѣлорусскаго языка

¹⁾ „Въ отдѣлѣ предметовъ каменнаго періода числится 747 экземпляровъ (говорится въ описаніи современнаго виленскаго музея). Для провинціальнаго музея это коллекція довольно богатая, тѣмъ болѣе, что въ ней есть экземпляры, не встрѣчаемые даже въ болѣе богатыхъ собраніяхъ. Коллекція эта тѣмъ драгоценнѣе, что вся она происхожденія мѣстнаго, такъ какъ только незначительная часть ея вывезена графомъ Тышкевичемъ изъ Швеціи. За эту коллекцію музей въ 1879 году получилъ похвальный отзывъ отъ Антропологической выставки, бывшей въ Москвѣ“. „Вильна и окрестности. Путеводитель и историческая справочная книжка“. Вильна, 1888, стр. 261—262.

²⁾ „Сборникъ памятниковъ народнаго творчества въ сѣверо-западномъ краѣ. Изданіе редакціи Виленскаго Вѣстника“. Выпускъ первый. Вильна, 1866, СХVІІІ и 300 стр., мал. 8°. Первый выпускъ остался и единственнымъ.

и ведется, кромѣ того, полемика съ поляками (заднимъ числомъ) и евреями. Научное значеніе этихъ свѣденій очень умѣренное и, повидимому, меньше занимало издателя, чѣмъ война противъ враговъ русской народности ¹⁾. Собственной научной работы издателя было очень немного: нѣсколько внѣшнихъ сравненій бѣлорусскихъ пѣсенъ съ великорусскими; замѣчанія о бѣлорусскомъ нарѣчій, взятыхъ изъ вторыхъ рукъ; свѣденія о народномъ бытѣ, выписываемыя изъ газетныхъ корреспонденцій; описаніе обрядовъ, заимствуемое у Шпилевскаго и т. п., и все это, снабженное защитой „русскаго дѣла“ въ такомъ же стилѣ, какой мы видѣли въ „Вѣстникѣ“ Говорскаго. Характеристика пѣсенъ крайне неумѣлая, путаная, противорѣчивая. Наибольшая доля пѣсенъ доставлена учениками молодецненской учительской семинаріи.

Подробную и весьма правильную оцѣнку этого сборника, произведенія тогдашней виленской науки, далъ г. Безсоновъ, самъ также въ Вильнѣ работавшій и видѣвшій близко дѣятельность этой науки. — „Вызванный нами въ край, — говоритъ г. Безсоновъ, — для серьезнаго развитія молодыхъ силъ на благодарномъ поприщѣ и весьма скоро обособившійся, въ ряду тогдашнихъ полонофаговъ и жиждовъ, издатель (этого сборника) самъ не собиралъ пѣсенъ среди народа Бѣлой Руси и только отпечаталъ добытое другими собирателями. Изъ 300 набранныхъ такимъ образомъ, отчасти перепечатанныхъ пѣсенъ, къ типическимъ бѣлорусскимъ собственно относится менѣе половины: остальное — къ малорусскимъ или смѣшаннымъ... Издатель не задалъ себѣ труда даже хотя бы слегка провѣрить полученное отъ другихъ, внимательнымъ обращеніемъ къ самому народу, наблюденіемъ его быта и живого нарѣчія. У него не собраны, а какія попадаютъ, не выдѣлены и не разъяснены характерныя черты мѣстнаго народнаго быта... Разумѣется, у издателя пѣсни „дышатъ особеннымъ озлобленіемъ и ненавистью“ противу пановъ и всячески прокливаемыхъ поляковъ, а когда пѣсня говоритъ: „не дивуйтесь, добры люди, что мужикъ гуляетъ, у него есть достатокъ по милости божьей, да и панъ хорошо его знаетъ,

¹⁾ Эта война начинается съ первыхъ же страницъ предисловія, и въ число предполагаемыхъ враговъ отечества попалъ даже г. Зотовъ, издававшій тогда съ Бауманомъ „Иллюстр. Газету“, гдѣ помѣщена была статья, не понравившаяся г. Гильтебрандту: послѣдній ядовито замѣчаетъ, что журналъ „издается, кажется, русскими, но, повидимому, не считающими себя за таковыхъ“ (стр. VII). Но, сколько извѣстно, В. Р. Зотовъ не отрекался отъ своей принадлежности къ русской народности и государству.

только бы не эконоы (управляющіе), мужикъ самъ былъ бы паномъ",—это переводится издателемъ: „по милости божьей и шанской—иронія—у него всего довольно“, такъ что не знаешь, кѣмъ же тутъ сочинена иронія“... Выписавши потомъ нѣсколько нескладныхъ комментаріевъ издателя къ пѣснямъ, г. Безсоновъ продолжаетъ: „Всего же любопытнѣе отношеніе издателя къ мѣстнымъ евреямъ, которыхъ онъ глубоко ненавидитъ и которыхъ печатъ въ его время совѣтовала переселить въ степи, а порою загнать и въ море. Онъ признается, что въ пѣсняхъ „говорится о нихъ немного, всего, кажется, раза два“, и только объясняетъ это скудосью своего сборника, выражая надежду, при дальнѣйшихъ выпускахъ, „достичь другихъ результатов“. Тѣмъ не менѣе въ скудномъ своемъ сборникѣ онъ посвящаетъ 23 страницы охотѣ на евреевъ“... Пересчитавши затѣмъ цѣлый рядъ еврейскихъ преступленій (они „находятся подъ особымъ покровительствомъ поляковъ“, скверняютъ муку на просвиры и вино на богослуженіе, занимаются поддѣлкою денегъ, совершаютъ поджоги и разбой, они—лѣнтяи и тунеядцы, у нихъ „бездна пороковъ“, они „составляютъ государство въ государствахъ“ и т. д.) и поставивши имъ въ вину даже и „значительное увеличеніе количества еврейскихъ головъ“ (!), происходящее отъ ихъ цѣломудрія, которое кажется ему превратнымъ, г. Гильтебрандтъ ожидалъ, что народныя пѣсни непременно должны выразить этотъ его взглядъ на евреевъ... „Внутренняго быта евреевъ,—замѣчаетъ на это г. Безсоновъ,—по собственному признанію, г. Гильтебрандтъ не вѣдаетъ, а пѣсни, подлежащія изданію, то же почти ничего не говорятъ о евреяхъ. Къ чему же распространяться? „Распространились мы о евреяхъ съ нѣкоторою подробностью для того,—пишетъ г. Гильтебрандтъ,—чтобы показать, что крестьяне непременно должны сохранить въ пѣсняхъ воспоминанія о еврейскомъ гнетѣ и насиліяхъ“. Они обязаны исполнить сей приказъ издателя... Евреямъ поставлено въ вину и то, что „заря свободы“, открывшаяся крестьянамъ 19-го февраля, была „смутно (?) встрѣчена евреями“... Разумѣется, — продолжаетъ г. Безсоновъ,—сколько ни выражено здѣсь знаковъ благодарности тогдашнему попечителю округа, г. Корнилову, отъ подобнаго изданія не много выиграла Бѣлоруссія, разъясненіе ея народнаго быта и печатаніе „памятниковъ творчества“: даже этнографія, въ самомъ узкомъ смыслѣ, не найдетъ чѣмъ воспользоваться“, — потому что нѣтъ здѣсь ни подробностей объ обрядахъ и обычаяхъ, ни правильнаго распредѣленія пѣсенъ, ни какой-нибудь системы передачи бѣлорускаго нарѣчія, такъ что Бѣлая Русь является

у г. Гильтебрандта, подобно древней Польшѣ, какимъ-то новымъ Вавилономъ племенъ и нарѣчій. „Мы можемъ только пожалѣть, — заключаетъ г. Безсоновъ, — что молодые таланты вступаютъ на такой скользкій путь, естественно приманчивый лишь извѣстнаго рода старцамъ, которые усердно обрабатывали симъ способомъ край изъ-за своихъ расчетовъ“.

Еще раньше оказались нѣкоторыя другія подробности изданія, мало послужившія его научной репутаціи, а именно, въ сборникѣ открытъ былъ цѣлый рядъ пѣсенъ поддѣльныхъ, грубаго сочинительства которыхъ не счумѣлъ замѣтить издатель, ставшій на стражѣ бѣлорусской народности. Въ разборѣ „Сборника“ г. Гильтебрандта въ „Вѣстникѣ Европы“, 1866 ¹⁾, указана, напр., нелѣпная пѣсня, гдѣ является на сцену „Чернобогъ“ ²⁾; затѣмъ, „заклинательная пѣсня“, гдѣ упоминаются древнія божества Ладѣ и Дивѣ ³⁾; далѣе, пѣсня „Изъ-за Слуцка, изъ-за Клецка“ и „Я Гриць возакъ“ ⁴⁾; наконецъ, еще одна пѣсня. „записанная“ однимъ изъ сотрудниковъ г. Гильтебрандта: „Отъ села до села“, которая на дѣлѣ взята изъ „Гайдамакъ“ Шевченка, и сочинена имъ ⁵⁾.

Любопытно, что пѣсня о Чернобогѣ, о Ладѣ и Дивѣ и еще одна пѣсня, направленная противъ ляховъ — въ цѣломъ „три прекрасныя пѣсни“, по словамъ издателя, сообщены г. Козловичемъ; между тѣмъ эта пѣсня, вмѣстѣ съ двумя другими, изъ которыхъ одна также была заподозрѣна критикой, явилась уже раньше въ „Вѣстникѣ“ Говорскаго, и пѣсня о Чернобогѣ показана записанною въ Несвижѣ ⁶⁾.

¹⁾ Т. IV, отдѣлъ 3, стр. 19—22; разборъ писанъ покойнымъ Н. И. Костомаровымъ. — *Ред.*

²⁾ № CXVІІІ, стр. 115—116.

³⁾ № CXX, стр. 117—118.

⁴⁾ № VI, стр. 7, и № CXVI, стр. 111—113.

⁵⁾ № XCІХ, стр. 93—94. „Съ такою-то неразборчивостію составлялся этотъ сборникъ, — замѣчалъ критикъ „Вѣстника Европы“, — хотя большая часть пѣсенъ и дѣйствительно записаны отъ народа, но многія изъ нихъ переправлены, подправлены, приправлены, и потому остается желать, чтобы народныя произведенія западнаго края впередъ являлись въ такихъ сборникахъ, которые бы могли служить матеріаломъ и для науки“.

⁶⁾ „Вѣстникъ“, 1864—1865, т. II, январь, IV, стр. 423—426: „О народныхъ пѣсняхъ минской губерніи“, статья А. С. Позднѣйшіе критики также не сомнѣвались въ подложности пѣсенъ о Чернобогѣ и Дивѣ; см. Безсонова: „Бѣлорусскія пѣсни“, стр. XLIX—L; Антоновича и Драгоманова: „Историческія пѣсни малорусскаго народа“, I, стр. XXI. Кажется, впрочемъ, что эти критики не знали статьи „Вѣсти Европы“, по крайней мѣрѣ, они не замѣтили другихъ ошибокъ и поддѣлокъ, какія тамъ были уже указаны. Ср. еще замѣчанія г. Романова, „Бѣлорусскій Сборникъ“ Кіевъ, 1886, стр. I—III.

Изъ другихъ трудовъ этого времени замѣтимъ еще только собраніе пѣсенъ, составленное приходскимъ учителемъ Н. Руберовскимъ и хорошо записанное; оно печаталось въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“¹⁾, и нѣсколько другихъ небольшихъ собраній пѣсенъ, сказокъ, описаній обычаевъ и т. д., которыя печатались въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ и „Памятныхъ книжкахъ“ западнаго края и бывали нерѣдко результатомъ добросовѣстнаго изученія. Такою мѣстною работой были, напр., труды М. Дмитріева, который издалъ потомъ свое собраніе отдѣльной книжкой²⁾—книжка безпритязательная, но и весьма неумѣлая³⁾. Въ мѣстныхъ изданіяхъ появились и первыя работы Юл. Крачковскаго; позднѣе онъ издалъ болѣе обширный трудъ, на которомъ мы остановимся дальше.

Въ семидесятыхъ годахъ положеніе вопроса измѣнилось къ лучшему. Правда, на мѣстѣ между-племенные отношенія не исправились; мѣстные или заѣзжіе русскіе патріоты продолжали считать лучшую защиту русскаго дѣла въ крайней нетерпимости и травлѣ элементовъ не-русскихъ (но принадлежащихъ, однако, фактически краю) и даже элементовъ мѣстно-бѣлорусскихъ, когда они были не совсѣмъ похожи на чиновническое понятіе о русской народности,—по крайней мѣрѣ, дѣло измѣнилось несомнѣнно къ лучшему въ области науки. Высокая постановка этнографическаго вопроса въ лучшихъ произведеніяхъ нашей науки повліяла благотворно, и жизнь западно-русскаго народа стала, наконецъ, находить спокойное изслѣдованіе, съ цѣлями науки и внѣ той „злости дня“, которая была прежде дѣйствительною злобою.

А. Пыпинъ.

¹⁾ 1867, № 75—77. Его же: „Свадебные обряды крестьянъ минскаго уѣзда“. „Вил. Вѣстн.“, 1868, № 8, Минск. Губ. Вѣд., 1869, № 31.

²⁾ Собраніе пѣсенъ, сказокъ, обрядовъ и обычаевъ крестьянъ сѣверо-западнаго края, М. А. Дмитріева, Вильна, 1869. 264 стр., мал. 8°.

³⁾ См. разборъ ея у г. Романова, стр. III—IV. Сказки этого сборника раньше были сообщены Дмитріевымъ Аванасьеву (см. Нар. Р. Сказки, вып. 3, изд. 2-е, М. 1860, стр. 6—36), и въ этомъ пунктѣ обвиненія г. Романова несправедливы.

СТЕЛЛА

Романъ въ двухъ частяхъ.

Съ англійскаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Сѣрыя, старыя стѣны лашмерскаго замка висятся массивной твердыней надъ широкой рѣкой Эвонъ въ Миддльширѣ. Рѣка въ этомъ мѣстѣ какъ разъ течетъ такъ плавно и мирно, что трудно повѣрить, чтобы въ ней нашлось достаточно силы, чтобы вертѣть мельничныя колеса или сплавлять барку. Въ этомъ мѣстѣ рѣка носитъ идиллическій характеръ и какъ бы создана для Хлои и Филлиды съ ихъ нѣжными стадами, а не для грубыхъ потребностей повседневной жизни. Однако эта самая рѣка дѣлается утилитарной и несетъ всякаго рода низкія вещи, которыя чернышвыряетъ въ ея воды; она облекается въ темную ливрею дыма и грязи нѣсколько миль далѣе на востокъ отъ лашмерскихъ роцъ, тамъ, гдѣ большой промышленный городъ Брумъ омрачаетъ небеса дымомъ своихъ безчисленныхъ трубъ и портитъ воздухъ смѣшанной вонью многолюднаго города. Но здѣсь нѣтъ никакого даже намека на такое противное промышленное сосѣдство. Ничто не оскверняетъ зеленые скаты холмовъ, окаямляющихъ хрустальныя воды, и подѣ сѣнью вѣковѣчныхъ дубовъ нельзя даже и подозрѣвать о существованіи такого мѣста, какъ Брумъ, и всего лишь въ какихъ-нибудь десяти миляхъ разстоянія.

И со всѣмъ тѣмъ, хотя дымъ Брума и не оскверняетъ голу-

быхъ небесъ, разстилающихся надъ замкомъ, но оказываетъ вліяніе, и далеко не пріятнаго свойства, на обитателей лашмерскаго замка, если судить по расположенію духа милэди въ то самое утро, когда она сидѣла за завтракомъ въ дубовой столовой, съ своимъ пасынкомъ, лордомъ Лашмеромъ, и своимъ сыномъ, школьникомъ изъ Итона.

Ея лордство, вдовствующая баронесса Лашмеръ, женщина именитая. Она — одна изъ дочерей высокорожденной маркизы Питлэндъ, знаменитой и богатствомъ, и талантами, и силой характера. Старая лэди Питлэндъ была законодательницей модъ и свѣтскихъ обычаевъ цѣлыхъ сорокъ лѣтъ, пока не переселилась въ лучший міръ, гдѣ нѣтъ ни каменно-угольныхъ копей, ни руководителей моды; но она передала по наслѣдству многое изъ своихъ талантовъ и прелестей дочерямъ, и старшая изъ нихъ, герцогиня Мальплакѣ, слыветъ умнѣйшей женщиной въ Англіи, такъ какъ сумѣла выдать всѣхъ своихъ дочерей замужъ за богатыхъ людей, и вырастила, воспитала ихъ и вывозила въ свѣтъ, имѣя доходу неполныхъ пять тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

Экономическіе таланты лэди Лашмеръ не подвергались особенно строгому испытанію, такъ какъ Лашмеры богаты капиталами и землями, и могутъ безмятежно глядѣть на пониженіе земельной ренты. Но, тѣмъ не менѣе, въ лашмерскомъ замкѣ не пропадало ни одного унца масла и ни одной чашки молока; не было ни одного пыльнаго уголка и не проживало ни одного лишняго рта, ни въ замкѣ, ни въ старинномъ домѣ на Гросвенорскомъ скверѣ, принадлежавшемъ Лашмерамъ со временъ Питтовъ и Фоксовъ, когда этотъ аристократическій и исключительный скверъ только-что возникъ. У лэди Лашмеръ былъ соколиный глазъ, а умъ устроенъ на подобіе слоновьяго хобота, которымъ можно выворачивать дубъ съ корнями и поднимать съ пола булавку. Умъ лэди Лашмеръ могъ охватывать общественные вопросы и вмѣстѣ съ тѣмъ не упускать изъ виду ни одной мелочи въ кладовой и въ буфетѣ. Однако не слѣдуетъ думать, что лэди Лашмеръ удостоивала когда-либо лично показываться въ кухнѣ или буфетѣ. Ея умъ одинъ всюду царилъ. У нея была экономка, дрожавшая, если она хмурила брови, и рабски ей повиновавшаяся, и черезъ эту вѣрную служанку лэди Лашмеръ могла руководить всѣми закоулками своего дома, измѣрять всякую трапезу, сѣдаемую ея домочадцами, быть увѣренной, что лакеи не выпиваютъ больше положенной имъ порціи пива и что горничныя не жгутъ свѣчей по ночамъ за чтеніемъ романовъ или изготовленіемъ шляпокъ.

Лэди Лашмеръ уже десять лѣтъ вдовствовала и пользовалась десятилѣтнимъ безспорнымъ главенствомъ. Ей было теперь тридцать-восемь лѣтъ; она была красива, пряма какъ стрѣла, безъ единой морщинки или сѣдого волоса. Мистриссъ Монсунъ—собственная модистка принцессы Уэльской—говорила, что у лэди Лашмеръ самая безукоризненная фигура изъ всѣхъ ея кліентовъ и что она величайшая скрига.

— Не думаю, чтобы я нажила тридцать фунтовъ за всѣ годы, что работаю на нее,—говорила мистриссъ Монсунъ,—но платья такъ сидятъ на ней, что она привлекаетъ мнѣ заказчицъ.

Въ эпоху, когда скандальные рассказы про аристократію составляютъ любимую тему разговоровъ, про лэди Лашмеръ никто не могъ сказать ничего худого. Про нее лордъ Бланвилъ, членъ кабинета, такъ выразился:

— У жены моего друга, Лашмера, всѣ добродѣтели. Она хороша собой, образована, исполнена чувства собственного достоинства и цѣломудренна, какъ Діана, и при всемъ томъ—самая непріятная женщина, какую только я знаю.

Лэди Лашмеръ была не изъ тѣхъ, которыя выходятъ изъ себя, когда сердятся. Рассказываютъ, что старуха лэди Питлэндъ ругалась, какъ извозчики, если кто-нибудь осмѣливался ей противорѣчить. Гнѣвъ лэди Лашмеръ изливался въ болѣе приличной, хотя и очень сильной формѣ.

Сегодня утромъ правильное лицо ея почти посинѣло отъ злости въ то время, какъ ея лордство протянуло мѣстную газету „Независимый Брумъ“ своему пасынку.

Они сидѣли за хорошенькимъ круглымъ столикомъ въ прекраснѣйшемъ изъ покоевъ замка. То была небольшая, невысокая комната, гдѣ старыя дубовыя панели выкрашены были въ бѣлую краску. Потолокъ былъ расписанъ купидонами и гирляндами. Высокій, узкій каминъ уставленъ великолѣпными образцами китайскаго фарфора. Драпировки и обшивка мебели изъ изящнаго французскаго ситца, и вездѣ, гдѣ только могла умѣститься ваза съ цвѣтами, красовались знаменитыя лашмерскія розы, красныя, розовыя и желтыя, въ полномъ расцвѣтѣ. Пока длились розы, лэди Лашмеръ не допускала никакихъ другихъ цвѣтовъ въ своихъ апартаментахъ. Тщетно главный садовникъ выставлялъ рѣдкія растенія изъ теплицы.

— Пока у меня могутъ быть розы, не хочу экзотическихъ цвѣтовъ,—говорила лэди Лашмеръ.

Она сидѣла лицомъ къ окну, какъ особа, которой нечего бояться свѣта. Нѣтъ, на этомъ красивомъ лицѣ ни одна чер-

точка не говорила еще о прожитых годах. Тѣ душевныя волненія, которыя способны измѣнять человѣческое лицо и класть отпечатокъ на черты чувствительныхъ людей, никогда не касались лэди Лашмеръ. Она почти всегда жила какъ хотѣла, она почти всегда была счастлива. Когда Богу угодно было призвать къ себѣ ея мужа, послѣ шестилѣтней совмѣстной жизни, она покорила судьбѣ. Онъ былъ двадцатью годами старше ея и хронически больной человѣкъ. Гораздо лучше, что онъ умеръ пятидесяти лѣтъ отъ роду, нежели еслибы пристрадалъ еще нѣсколько десятковъ лѣтъ. Лэди Лашмеръ думала также, что Провидѣніе хорошо бы сдѣлало, убравъ горбатаго сына ея мужа и расчистивъ мѣсто ея родному сыну, красивому, хорошо сложенному мальчику.

Да, сынъ лорда Лашмера былъ горбатъ. Это одно изъ тѣхъ словъ, которыя произносятся всего труднѣе. Старше слуги, знавшіе лорда Лашмера съ колыбели, говорили, что у него слабая спина; но его мамиха не любила играть словами. Она знала, что у него съ младенчества искривленъ позвоночный столбъ и что это слабый ребенокъ, родившійся отъ чересъ-чуръ развитой, интеллигентной матери, и отца, хорошо поживнаго на своемъ вѣку. Она знала, что съ годами спина будетъ искривляться все больше и больше и что узкая грудь можетъ легко дать мѣсто чахоткѣ. Она говорила себѣ, что Губертъ, лордъ Лашмеръ, не доживетъ до преклонныхъ лѣтъ; но боялась, что онъ можетъ достаточно прожить, чтобы жениться и оставить болѣзненнаго сына, который лишитъ наслѣдства ея Викторіана, это воплощеніе физической силы и цвѣтущей юности.

Она не была недобра къ пасынку. Она была слишкомъ умной женщиной, чтобы впасть въ такую ошибку. Она съ самаго начала рѣшила ладить съ сыномъ мужа. Такъ будетъ лучше для нихъ обоихъ и въ особенности для нея. Лашмеру было четырнадцать лѣтъ, когда умеръ его отецъ, а Викторіану—пять; разница между ними была на цѣлыхъ девять лѣтъ, и къ тому же Лашмеръ былъ старше своего возраста. Онъ совсѣмъ не былъ въ общественной школѣ, и не рѣшился вступить въ легкомысленную университетскую республику. Чтò бы дѣлалъ тамъ онъ, парія, горбунъ, среди атлетическихъ и здоровенныхъ молодцовъ? Онъ былъ вырощенъ въ хлопкахъ. У него былъ пожилой гувернеръ, который находился при немъ съ десятилѣтняго возраста и, окончивъ его образованіе, остался въ качествѣ бібліотекаря и секретаря, и былъ еще старый слуга. Лашмеръ много путешествовалъ съ гувернеромъ и со слугой. Онъ прочиталъ гораздо

больше книгъ, чѣмъ вообще двадцатипятилѣтніе молодые люди. Онъ получилъ хорошее классическое образованіе и былъ знакомъ и съ естественными науками. Короче сказать, то былъ болѣзненный мальчишъ, вскормленный книгами; но у него былъ великодушный характеръ и сильныя гуманныя чувства. Поселяне около Лашмера обожали его. Онъ пилъ чай со старухами, читалъ имъ библію, когда онѣ бывали больны, писалъ письма для молодыхъ и старыхъ, разговаривалъ о политикѣ и о метафизикѣ съ глубокомысленными мыслителями и вносилъ свѣтъ благороднаго ума въ каторжный домъ, куда входилъ.

Лэди Лашмеръ была сильна въ политикѣ, и ея идеи о законодательствѣ были стараго торійскаго закала. Она ненавидѣла радикаловъ, и величайшимъ горемъ ея жизни было то, что лашмерскій замокъ находился какъ бы въ нѣдрахъ революціи. Бруммъ былъ радиваленъ до мозга костей, а Бруммъ находился всего въ какихъ-нибудь десяти миляхъ разстоянія. Бруммъ былъ центромъ свободомыслія и нигилизма, а Бруммъ былъ у ея воротъ. Еслибы у нея былъ подъ рукой Аладиновъ африканскій волшебникъ, чтобы перенести ея замокъ куда-нибудь подальше на сѣверъ или на западъ Англіи, то она дорого бы заплатила ему за эту операцію. Но лашмерскій замокъ крѣпко вросъ въ ненавистную почву, и такъ какъ ея лордство презирало вдовье жилище, принадлежавшее ей по праву, и любила этотъ величественный баронскій замокъ и его величавую обстановку, то должна была выносить сосѣдство Брумма съ его сорока тысячею радикалами.

— Это рѣшительное нарушеніе всѣхъ житейскихъ приличій! — воскликнула она.

— Въ чемъ дѣло, матушка? — спросилъ Лашмеръ, взглядывая на нее своими глубоко впавшими, задумчивыми темнокарими глазами. — Опять что-нибудь о Больдвудѣ?

— Разумѣется. Это низкое созданіе опять ораторствовало на новомъ митингѣ. Въ этомъ Бруммѣ, кажется, только и дѣлаютъ, что созываютъ митинги.

— У нихъ мало другихъ развлеченій, — пробормоталъ Лашмеръ.

— У нихъ есть театры и цирки и ужасные кафе-шантаны, — замѣтила ея лордство. — Неужели этого имъ мало!

— Достаточно для легкомысленнаго большинства; но тамъ есть выдающееся меньшинство, научившееся мыслить и желающее высказать свои мысли о великихъ политическихъ вопросахъ.

— Эти мыслители и ораторы — настоящая общественная язва! — воскликнула лэди Лашмеръ, бросая въ сторону газету и принимаясь

за завтракъ съ такимъ видомъ, какъ будто не находила никакого вкуса въ начиненномъ трюфелями цыпленкѣ и въ арабскихъ персикахъ. — Переобразование — вотъ величайшее зло нашего времени. Послѣ воплей о свободныхъ школахъ и высшемъ образованіи, они начинаютъ ворчать на тираннію обязательнаго обученія.

— Быть можетъ, потому, что мы подвѣемъ имъ камень вмѣсто хлѣба, — отвѣчалъ Лашмеръ своимъ кроткимъ, задумчивымъ тономъ. — Мы кормимъ голодныхъ дѣтей логикой и грамматикой, и удивляемся, что они намъ не благодарны.

— Этотъ классъ людей никогда не бываетъ благодаренъ, — сказала леди Лашмеръ, спокойно игнорируя замѣчаніе своего пасынка. — Но, къ счастью, такихъ негодяевъ, какъ Больдвудъ, немного, иначе нашъ замокъ давно бы ограбили, а насъ выгнали бы на большую дорогу; этотъ Больдвудъ хуже Робеспьера. Прочитай его тираду о неравномѣрномъ распредѣленіи богатствъ, его революціонныя выходки противъ крупныхъ землевладѣльцевъ и его грубая дерзость насчетъ герцога Нотерландскаго.

— Больдвудъ всегда хватается черезъ край. Однако, среди этой риторической дребедени, бывають проблески здраваго смысла. Я прочиталъ его спичъ раньше, чѣмъ вы сошли къ завтраку. Онъ отстаиваетъ земледѣльческіе интересы довольно умно, если принять въ соображеніе, что, какъ фабричный рабочій, онъ не можетъ чувствовать особенно сильной симпатіи къ земледѣльческому классу. Его идея о раздѣленіи большихъ фермъ на нѣсколько мелкихъ участковъ и о продажѣ ихъ крестьянамъ, которые бы уплатили за нихъ по частямъ, подобно тому, какъ бѣдные люди платятъ за фортепіано фабриканту, вовсе не дурно.

— А пріятно, нечего сказать, будетъ жить въ Англіи, когда она будетъ раздѣлена на мелкіе участки въ угоду такимъ людямъ, какъ мистеръ Больдвудъ. Но, право же, Лашмеръ, мнѣ кажется, что въ душѣ ты тоже радикаль, — прибавила леди Лашмеръ.

— Нѣтъ, я прогрессивный консерваторъ и считаю, что настоящій консерватизмъ заключается въ томъ, чтобы какъ можно болѣе заботиться о благѣ народа. Мы можемъ научить его уважать привилегіи собственности, только познакомятъ его съ удовольствіемъ владѣть собственностью. Нѣтъ устойчивѣе консерватора, какъ рабочій, которому удалось отложить сто фунтовъ стерлинговъ.

— Ты всегда говоришь какъ книга, Лашмеръ, — подсмѣялась миледи: — я бы желала послушать, какъ ты будешь возражать этому человѣку Больдвуду на большомъ публичномъ митингѣ.

Въ душѣ она находила, что ея горбатый пасынокъ дол-

женъ показаться очень жалкимъ на общественной платформѣ; какъ слабъ покажется его тихій серьезный голосъ послѣ громоподобнаго баса Больдвуда, раскаты котораго наполняли обширное зданіе, точно рыканіе льва!

— Неужели вы, въ самомъ дѣлѣ, хотѣли бы слышать меня говорящимъ въ публикѣ?—спросилъ Лашмеръ, слегка улыбаясь.

Гдѣ тотъ молодой человекъ, который бы много думалъ и много читалъ и не желалъ высказать публично свои мысли?

— Я бы желала, чтобы кто-нибудь отдѣлалъ это животное!—отвѣчала ей лордство нѣсколько уклончиво.

— Если такъ, то я постараюсь изъ всѣхъ силъ разбить его въ будущую среду. Въ городской ратушѣ собирается въ этотъ день консервативный митингъ. Полковникъ Спиллингтонъ, новый консервативный кандидатъ, будетъ говорить рѣчь своимъ избирателямъ. Ожидаютъ, что Больдвудъ явится на митингъ со всѣми своими приверженцами и что произойдетъ свалка. Спиллингтонъ просилъ меня поддержать его... и... да, я охотно возьмусь отвѣчать Больдвуду. Мой спичъ, конечно, будетъ неблестящъ; я—не ораторъ отъ рожденія, какъ Больдвудъ, но на моей сторонѣ будетъ образованіе и...

— И обаяніе громкаго имени,—прибавилъ Викторіанъ, который до сихъ поръ слишкомъ усердно ѣлъ, чтобы принимать участіе въ разговорѣ.—Я жалѣю, что слишкомъ молодъ, а то бы я знатно отдѣлалъ этого Больдвуда. Я бы его въ порошокъ стеръ.

— Какія ужасныя выраженія привозитъ этотъ мальчикъ изъ Итона!—сказала миледи съ содроганіемъ. Но затѣмъ, бросивъ нѣжный, одобрителный взглядъ на красиваго мальчика, гордо прибавила:

— Я надѣюсь, что ты будешь въ парламентъ прежде, нежели проживешь еще десятокъ лѣтъ, Викторіанъ, и что изъ тебя выйдетъ выдающійся политикъ.

— О! я согласенъ поступить въ парламентъ лѣтъ черезъ десять, — безпечно отвѣчалъ мальчикъ, —но прежде желалъ бы объѣздить весь континентъ, какъ сдѣлалъ Генри Сентъ-Джонъ, прежде нежели выступить кандидатомъ въ своемъ фамиліномъ округѣ. Ничто такъ не расширяетъ кругозоръ, какъ дипломатія. Я поступлю въ одно изъ посольствъ; затѣмъ же, какъ окончу курсъ въ коллегіи, поступлю въ парижское посольство, если можно, чтобы какъ можно лучше познакомиться съ жизнью, прежде, нежели окупнуться въ политику.

— Парижъ — превосходное мѣсто... для молодого человека,

который желаетъ приятно провести время, — сказалъ Лашмеръ, улыбаясь будущему дипломату.

— Ты развѣ даромъ потерялъ тамъ время? — спросилъ мальчикъ.

— Нѣтъ, Визъ. Я не такого сорта человѣкъ, чтобы имѣть успѣхъ въ парижскомъ обществѣ. Мои дарованія много рода.

— Бѣдный старикъ Лашмеръ! Ты — самый умный человѣкъ, каковаго только я знаю. Когда я подумаю, какъ много книгъ ты прочиталъ и насколько ты лучше знаешь греческій языкъ, чѣмъ наши классные наставники, я готовъ снять передъ тобой шляпу и раскланяться. Пожалуйста, Лашъ, скажи спичъ въ среду и дай перцу этому радикалу.

— Мы послушаемъ сначала, что скажетъ на этотъ счетъ Спиллингтонъ, — спокойно отвѣчалъ Лашмеръ: — если онъ пожелаетъ, я буду говорить. Онъ долженъ прѣхать къ намъ наканунѣ митинга и переночевать. Вы ничего противъ этого не имѣете, матушка?

Лордъ Лашмеръ всегда обращался за совѣтомъ къ матицѣ во всѣхъ домашнихъ дѣлахъ, приглашеніяхъ и проч. Въ лашмерскомъ замкѣ было только четыре комнаты, въ которыхъ онъ царствовалъ безусловно. Одна изъ нихъ была библіотека и другія — его собственная гостиная, столовая и уборная. Въ этихъ комнатахъ онъ не пользовался никакой властью. Лашмерская библіотека была одна изъ богатѣйшихъ въ Миддлшпирѣ... во всей Англіи. Комната, въ которой хранились эти благородныя сокровища ума, была ихъ достойна. Это былъ продолговатый и высокій покой съ каминомъ на обоихъ концахъ, причѣмъ дубовая отдѣлка каминовъ вышла изъ-подъ рѣзца Гринлинга Гиббонса; потолокъ тоже рѣзной дубовый и книжные шкафы въ одномъ вкусѣ съ каминной отдѣлкой. Письменный столъ лорда Лашмера и его конторка, обширное покойное кресло и хорошенькій маленький чайный столикъ составляли всю меблировку среди этого рѣзного дуба. Единственныя цвѣтныя пятна въ ней были отъ книжныхъ переплетовъ. Лашмеры были знатоки переплетнаго дѣла за послѣднія сто лѣтъ. Они тратили тысячи на это изящное искусство. Они „бросали“ деньги, какъ выражался равнодушный свѣтъ, люди, неспособные понять, что покрывка скромнаго на видъ эльзевира должна стоять четыре или пять фунтовъ.

Гостиная Лашмера выходила въ библіотеку и показалась бы очень большой комнатой въ другомъ домѣ. Она тоже была сверху до низу уставлена полками, на которыхъ помѣщалась

спеціальная бібліотека молодого пѣра, для котораго книги составляли единственную роскошь въ жизни—новыя книги, новыя изданія, книги на различныхъ языкахъ, книги, составлявшія утѣшеніе ихъ владѣльца во дни физическихъ страданій и усталости; жизнь Лашмера состояла изъ краткихъ промежутковъ здоровья, чередовавшихся съ длинными періодами болѣзни. Тѣ счастливые дни, когда онъ чувствовалъ себя хорошо, онъ проводилъ на воздухѣ, наслаждался природой.

Онъ много путешествовалъ и узналъ природу въ самыхъ ея великолѣпныхъ проявленіяхъ, но ему не надо было ходить далеко за красотой. Рощи вокругъ Лашмера, низкіе холмы и пасторальныя долины, извивающійся Эвонъ и англійскія изгороди могли удовлетворить потребностямъ его души.

„Еслибы только у меня былъ товарищъ, кому бы я могъ сообщать всѣ мои дикія фантазіи, я былъ бы вполне счастливъ,—съ сожалѣніемъ думалъ онъ иногда.—Но у меня нѣтъ его. Викторіанъ подниметъ меня на смѣхъ, а милэди подниметъ брови и внутренне спроситъ себя:—нѣтъ ли въ крови Лашмеровъ частицы безумія?“

II.

Полковникъ Спиллингтонъ обѣдалъ въ лашмерскомъ замкѣ наканунѣ дня, когда назначенъ былъ митингъ. Это былъ хорошій типъ англійскаго офицера, прямой, рѣзкій, откровенный, ограниченный и честный, стойкій консерваторъ и настоящій джентльменъ. Онъ былъ достаточно хорошей фамиліи, чтобы его могла выносить дочь великой лэди Питлэндъ. По крайней мѣрѣ въ его родѣ не было торговцевъ, а потому онъ былъ достоинъ сидѣть за столомъ лэди, богатство которой, главнымъ образомъ, было каменноугольнаго происхожденія и которая презирала торговлю. Онъ не особенно розово смотрѣлъ на свое избраніе и сила радикаловъ въ Бруммѣ внушала ему опасенія.

— Но вѣдь должны же здѣсь быть и порядочные люди?—спросилъ онъ.

— Боюсь, что нѣтъ,—отвѣчала милэди.—Еслибы здѣсь были порядочные люди, то такая личность, какъ Больдвудъ, не могла бы существовать.

— Къ несчастію для насъ, матушка, прошли тѣ дни, когда несноснаго гражданина можно было отослать къ его ремеслу или даже выставить у позорнаго столба. Больдвудъ—мирный человѣкъ въ частной жизни, хотя и бушуетъ на платформахъ.

— Кто этотъ Больдвудъ?—спросилъ полковникъ:—всѣ толкуютъ мнѣ про него съ тѣхъ поръ, какъ я согласился выступить кандидатомъ отъ Брумма; а такъ какъ я чужой въ этой мѣстности, а его репутаціе чисто мѣстная, то сознаюсь, что рѣшительно не имѣю понятія, что это за страшный антагонистъ, котораго мнѣ предстоитъ завтра встрѣтить.

— Мистеръ Больдвудъ — жрецъ передового радикализма, — отвѣчалъ Лапмеръ. — Онъ вѣрить въ естественное право каждаго человѣка захватить въ свои руки чужую собственность. Онъ непоколебимо стоитъ на старомъ тезисѣ: *la propriété, c'est le vol*. Первый человѣкъ, который отгородилъ свое поле — былъ врагомъ человечества. Онъ — заклятый врагъ землевладѣльца и фабриканта. Его боги — Руссо и Карлъ Маркъсъ. Онъ желалъ бы уравнять всѣ слои общества, воюетъ съ привилегированными классами, готовъ стереть съ лица земли нашъ домъ или превратить его въ фаланстеръ или больницу, упразднить монархію и палату лордовъ и учредить сенатъ изъ рабочихъ людей, среди которыхъ образованные и интеллигентные люди должны приходиться одинъ на трехъ. Онъ хотѣлъ бы всеобщаго мира, всеобщей свободы торговли; такъ какъ другія націи могутъ не раздѣлять этихъ воззрѣній, то онъ желалъ бы, чтобы Англія отправилась къ нимъ проповѣдывать это новое евангеліе и подставляла бы лѣвую щеку тому, кто ударитъ ее по правой.

— Вы говорите, онъ хорошій ораторъ?

— Я никогда не слышалъ его; но мнѣ говорили, что онъ великолѣпенъ. Я жду съ нетерпѣніемъ завтрашняго дня. Мы можемъ оказаться въ меньшинствѣ, но въ Бруммѣ довольно консерваторовъ, не смотря на сомнѣнія милѣди, и мы помѣряемся силами. Изъ того, что я слышалъ вообще про Больдвуда, я заключаю, что онъ не совсѣмъ невѣжда; нѣкоторые утверждаютъ даже, что онъ — джентльменъ по рожденію и получилъ ученую степень въ Оксфордѣ. Однако мнѣ трудно этому повѣрить, судя по внѣшности этого человѣка. Его показали мнѣ разъ на улицѣ, когда я проѣзжалъ по Брумму — великанъ съ нечесанными волосами, грязно одѣтый и съ неуклюжей походкой. Я не разглядѣлъ его лица, но имѣю полное понятіе объ его общемъ видѣ. Онъ — механикъ, зарабатываетъ большія деньги и считается гениемъ въ своей профессіи. Онъ не уроженецъ Брумма, и не думаю, чтобы кто-нибудь здѣсь зналъ о его прошедшемъ. Онъ — невѣрующій, и гордится этимъ. Онъ пріѣхалъ сюда семь лѣтъ тому назадъ съ женой и ребенкомъ. Жена вскорѣ умерла, но

онъ не женился вторично. Вотъ, полковникъ, все, что мнѣ извѣстно о Джонатанѣ Больдвудѣ.

— Я не боюсь этого джентльмена, — сказалъ весело полковникъ: — онъ увидитъ, что меня трудно обратить въ бѣгство. Но я рассчитываю на васъ, чтобы возражать ему. Я не ораторъ.

— Джентльменъ всегда справится съ хамомъ, — замѣтилъ Викторіанъ, который опустошалъ корзинку съ персиками въ то время, какъ старшіе занимались разговорами.

— Но не тогда, когда хамъ въ своей сферѣ и его окружаютъ пятьсотъ или шестьсотъ хамовъ, готовыхъ его поддерживать, — замѣтилъ Спиллингтонъ. — Кстати, Лашмеръ: сколько народу вмѣщаетъ въ себя ваша ратуша?

— Полторы тысячи, и изъ нихъ навѣрное слишкомъ половина будетъ приверженцевъ Больдвуда. Но пусть это васъ не тревожитъ, такъ какъ добрая половина изъ нихъ не пользуется избирательными правами.

Митингъ назначенъ былъ въ восемь часовъ, а потому обитатели замка, послѣ поздняго полдника, отправились въ Брумъ тотчасъ послѣ чая. Ужинъ послѣ митинга долженъ былъ служить замѣной восьмичасовому обѣду. Все это было какъ слѣдуетъ разъяснено полковнику Спиллингтону, который любитъ покушать и очень одобрялъ лашмерскаго chef. Онъ сильно повалегъ на полдникъ, рассчитавъ, что не скоро опять сядетъ за столъ, снабженный обильными яствами. Онъ ненавидѣлъ чай, кэки, поджаренный хлѣбъ и всѣ тѣ лакомства, какими Викторіанъ наѣдался за пятичасовымъ чаемъ, когда небольшое общество собралось въ будуаръ лэди Лашмеръ, гдѣ былъ сервированъ чай.

— Попробуйте шоколаднаго кэка, полковникъ, онъ необыкновенно какъ вкусенъ, — предлагалъ Викторіанъ съ набитымъ ртомъ.

— Благодарю, мой другъ. Я уже лѣтъ двадцать какъ не беру въ ротъ сладостей и боюсь чаю. Онъ разстроиваетъ мнѣ желудокъ. Я бы охотно выпилъ содовой воды съ водкой, если можно, — вопросительно взглянулъ онъ на лэди Лашмеръ.

— Разумѣется, — отвѣтила любезно милэди, хотя внутренно прониклась презрѣніемъ къ человѣку, котораго требовалось постоянно поддерживать водкой съ содовой водой.

Лашмеръ позвонилъ.

— Надо запастись храбростью, полковникъ, — замѣтилъ онъ, сгѣясь.

— Вы увидите, полковникъ, что Больдвудъ похожъ на Го-

меровскаго циклопа, — вмѣшался Викторіанъ. — Я слышалъ, что онъ много лѣтъ прожилъ съ цыганами и что жена его была цыганка. Онъ очень грубъ, полковникъ. Я не удивлюсь, если онъ вступить съ вами въ рукопашный бой на платформѣ.

— Если дѣло дойдетъ до рукопашной, то я радъ съ нимъ помѣряться, — засмѣялся полковникъ. — Меня пугаютъ только словопренія.

Они выѣхали изъ дому въ началѣ седьмого часа, намѣреваясь пораньше пріѣхать въ ратушу, гдѣ кандидатъ долженъ былъ встрѣтиться съ своимъ агентомъ и нѣкоторыми консервативными столпами въ Брумми.

Былъ чудный лѣтній вечеръ, тихій, мирный; воздухъ напоенъ былъ благоуханіями, и ѣхать въ покойномъ ландо лэди Лашмеръ было очень пріятно.

— Прелестная мѣстность, — похвалилъ полковникъ, — но я все-таки удивляюсь, какъ вы можете проводить большую часть года въ лашмерскомъ замкѣ?

— Я люблю деревню, а Лашмеръ ненавидитъ Лондонъ, — отвѣчала милэди. — Но, вѣроятно, когда Викторіанъ вырастетъ, мнѣ придется проживать большую часть года въ Гросвеноръ-скверѣ.

— Я не буду жить въ Лондонѣ, — презрительно отвѣчала ея сынъ. — Когда я выйду изъ университета, я намѣренъ узнать жизнь. Я буду путешествовать по Европѣ. Я хочу быть свѣтскимъ чело-вѣкомъ.

— Вамъ лучше пожить въ Лондонѣ, если вы хотите узнать жизнь, — сказалъ полковникъ. — Человѣкъ, который не ознакомился съ свѣтской азбукой въ Лондонѣ — навсегда остается полу-ди-каремъ. Принято толковать о превосходствѣ иностранныхъ манеръ, но человѣкъ, воспитавшійся на континентѣ, вообще бываетъ тигромъ, а не львомъ.

— Ну, такъ и я буду тигромъ, — твердо отвѣтилъ Викторіанъ.

Они подъѣзжали къ Брумму, и это стало замѣтно по окружающей атмосферѣ. Чистый, ароматическій воздухъ сталъ отдавать дымомъ и копотью. Высокія трубы показались на синемъ горизонтѣ, цѣлый лѣсъ трубъ. И вскорѣ великолѣпное ландо милэди, съ его большими гнѣдыми конями, кучеромъ въ бѣломъ парикѣ и напудреннымъ выѣзднымъ лакеемъ, его гербами на дверцахъ и блестящей упряжью, ослѣпило глаза ремесленниковъ и фабричныхъ дѣвушекъ, показавшихся на закопченныхъ людныхъ улицахъ. Уличные мальчишки бѣжали слѣдомъ, крича „ура“. А одинъ изъ этихъ востроглазыхъ сорванцовъ, усмотрѣвъ кривую линію,

образуемую спиной Лашмера въ профиль, завопилъ:—Ай, ай! поглядите-ка—горбунъ!

Тонкій слухъ Лашмера уловилъ это восклицаніе, и тонкія губы его слегка искривились отъ внутренней боли. Онъ столько разъ слышалъ это восклицаніе раньше. Оно не было для него чѣмъ-то новымъ. Онъ зналъ, что онъ—существо, отличное отъ другихъ, залейменное природой. Богатство, высокое общественное положеніе и образованіе не могли измѣнить того, что сдѣлала въ злосчастную минуту природа. Творческая рука, отлившая столько мастеровыхъ и землепашцевъ, нищихъ и воровъ, въ безузоризненную съ головы до ногъ форму, дрогнула, создавая послѣдняго лорда Лашмера, и онъ долженъ былъ нести за это наказаніе. Онъ переносилъ свое несчастіе такъ терпѣливо, какъ переносилъ другое, не менѣе тяжелое, бремя невралгическихъ страданій, которыя терзали его съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ онъ только себя помнилъ. Онъ мужественно боролся съ несчастіемъ; онъ упражнялъ бѣдное, слабое тѣло, сколько могъ: за веслами въ лодкѣ, въ сѣдлѣ на верховомъ конѣ, въ прогулкахъ пѣшкомъ. Онъ, горбунъ, былъ искуснымъ гимнастомъ, но онъ никогда не показывалъ своего искусства въ публичныхъ гимнастическихъ залахъ. Онъ тонко понималъ всю смѣшную сторону такого безумнаго тщеславія.

Митингъ созванъ былъ мѣстной консервативной ассоціаціей, но публика допускалась не по билетамъ. Зала была открыта для всѣхъ и задолго до начала рѣчей была биткомъ набита народомъ. Большая, продолговатая зала кипѣла-кипѣла неумнымъ или плохо вымытымъ челоуѣчествомъ, толпой, облеченной въ истасканное, грязное платье, жирныя пятна котораго блестѣли при свѣтѣ газа. Для лэди Лашмеръ, сидѣвшей на платформѣ, это море головъ, озаренное грубымъ желтоватымъ пламенемъ, казалось настоящимъ пандемоніумомъ. Нѣкоторые изъ рабочихъ представлялись ея непривычному глазу воплощенными бѣсами, злыми, ослабившимися бѣсами.

Предсѣдатель открылъ засѣданіе миролюбивымъ, избитымъ спичемъ, повторивъ привычныя общія мѣста. Страна находится наканунѣ кризиса, кризиса, въ которомъ равно замѣшаны національные интересы и личные интересы: торговля, общественная безопасность, миръ внутри страны, честь въ сношеніяхъ съ чужими краями. Пришло время, когда консервативная партія призвана выступить изъ-за кулисъ, за которыми держала ее скромность, короче сказать, пришло время дать толчокъ, дать сильный, здоровый толчокъ общественнымъ дѣламъ.

Таковъ былъ популярный слогъ предсѣдателя, который, какъ онъ вообще убѣдился изъ опыта, всегда выручаетъ передъ собраніемъ, состоящимъ изъ смѣшанныхъ элементовъ.

Но въ настоящемъ случаѣ, прежде нежели консерваторы успѣли перейти къ рукоплесканіямъ, раздался чей-то грубый голосъ въ заднихъ рядахъ собранія, провозгласившій:

— Да, и перевернуть верхъ дномъ общественное зданіе; это самое вы, консерваторы, всегда и дѣлаете, когда начинаете свои толчки.—Это восклицаніе возбудило смѣхъ и испортило весь эффектъ предсѣдательской рѣчи.

А теперь наступилъ чередъ кандидату выступить передъ публикой и отрекомендоваться ей, что онъ и сдѣлалъ въ нѣсколькихъ избитыхъ, шаблонныхъ выраженіяхъ. Жители Брумма слышали такіе спичи съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ у нихъ явились уши для выслушиванія политическихъ преній. Полковникъ Спиллингтонъ былъ плохой ораторъ и ничего не могъ сказать новаго. Но онъ былъ добродушный человѣкъ и съ очень пріятнымъ обращеніемъ. У него было тоже нравственное мужество, чтобы отстаивать свои убѣжденія, и онъ бросилъ нѣсколько крупныхъ камней въ противный лагерь, несмотря на свистки и неудовольствіе большинства, такъ какъ радикалы оказались самыми многочисленными изъ присутствующихъ. Во всякомъ случаѣ, они были самые шумные. И, быть можетъ, шумъ взялъ верхъ надъ численностью.

Прежде нежели полковникъ успѣлъ сѣсть, какой-то человѣкъ очутился посреди залы, гигантъ, великанъ между карликами, такъ какъ обитатели Брумма были малорослы, отъ вредной для здоровья работы.

Смутное, угрожающее лицо обращено было къ платформѣ, ярко освѣщенной газомъ. Круглое лицо съ широкимъ лбомъ, выдающимися скулами и массивной челюстью, съ ярко горѣвшими глазами подъ густыми бровями и цѣлымъ лѣсомъ грубыхъ черныхъ волосъ.

Лапмеръ глядѣлъ на это лицо въ оцѣпенѣніи. Ему казалось, что онъ раньше видѣлъ его, давно, многіе годы тому назадъ во снѣ, прежде нежели родился; да! въ какомъ-то мистическомъ снѣ, въ предыдущей жизни. Ему знакома была каждая черта, Да! эти черты глубоко врѣзались въ его памяти.

III.

— Я предлагаю поправку, — провозгласилъ Джонатанъ Больдвудъ, густымъ, сильнымъ голосомъ.

— На платформу! ступай на платформу, Больдвудъ! — заревѣла толпа. — Говори, молодецъ! ты всегда скажешь что-нибудь дѣльное. Bravo, Больдвудъ! Ура! Больдвудъ!

И вся зала загремѣла такъ, какъ бываетъ въ театрѣ, при появленіи любимаго актера. Толпа расчистила путь оратору, и крики стали оглушительными въ то время, какъ онъ вскарабкался на платформу, тряхнулъ гривой, сложилъ руки и оглядѣлъ собравшіеся глазами, горѣвшими какъ раскаленные угли.

— Вы хотите меня послушать, друзья, — началъ онъ своимъ низкимъ, звучнымъ голосомъ. — Хорошо! Я исполню ваше желаніе. Вы уже наслушались много пустяковъ отъ этихъ господъ, теперь вы услышите нѣсколько здравыхъ словъ отъ меня.

И онъ прямо атаковалъ спичъ полеовника. Онъ пересказалъ старую, старую исторію, шагъ за шагомъ, съ революціонной точки зрѣнія. Онъ подсмѣивался надъ старинными учрежденіями, старинными мнѣніями, епископами и пѣрами, церковью и государствомъ, королевскими синекурами, дворянскими ничтожествами и бесполезными чиновниками. Онъ говорилъ съ ретивостью Дантона и хитростью Мирабо. Онъ говорилъ, какъ бунтовщикъ противъ Бога и королевы, и рѣчь его усыпана была богохульствами.

Когда онъ кончилъ, зала задрожала отъ рукоплесканій, сквозь которыя прорывались робкіе свистки консервативнаго меньшинства.

Гдѣ видѣлъ его прежде Лапмеръ? Въ какую эпоху его жизни мелькнуло передъ нимъ лицо, на которое онъ теперь глядѣлъ во всѣ глаза? Если не въ предыдущей жизни, то давно, давно, во дни его ранняго дѣтства.

Да! теперь онъ припомнилъ: вся сцена встала передъ нимъ.

То было во время университетской гонки. Онъ былъ совсѣмъ маленькимъ мальчикомъ и стоялъ съ отцомъ и матерью на лужайкѣ въ Мортлекѣ, на зеленой лужайкѣ, освѣщенной липами, на которыхъ еще не было листьевъ. Онъ держался за платье матери, бѣдной, больной матери, уже отмѣченной перстомъ смерти, хотя онъ этого и не зналъ, держался за нее внѣ себя отъ возбужденія, зараженный волненіемъ толпы, самъ хорошенько не зная, что такое въ немъ происходитъ.

Толпа и рѣка, казалось, оцѣпенѣли подъ холодными лучами

мартовскаго солнца въ то время, какъ двѣ лодки показались изъ-подъ моста.

— Вонъ тотъ великанъ, шестой нумеръ, гребетъ точно дьяволъ!—закричалъ лордъ Лашмеръ.—Если только онъ не ослабѣетъ, его лодка побѣдитъ. Я никогда еще не видывалъ такого гребца.

Онъ называлъ человѣка по имени, но сынъ его забылъ это имя, хотя ясно помнилъ слова отца. У него была своя собственная маленькая лодка въ ту пору на Эвонѣ и онъ только - что научился грести, а потому и былъ такъ сильно заинтересованъ гонкой.

Оксфордская лодка раньше пронеслась мимо лужайки, опередивъ соперниковъ, и тогда Губертъ Лашмеръ разглядѣлъ лицо гребца: смуглое, некрасивое лицо, сильно развитыя челюсти, широкій лобъ, густыя брови, но лицо, сіявшее гордостью триумфа и побѣды. Оксфордъ выигралъ!

Теперь Лашмеръ видѣлъ передъ собой то же лицо, спустя девятнадцать лѣтъ. Тогдашній гребецъ и теперешній рабочій-слесарь — были одно и то же лицо. Его нельзя было забыть или принять за другого.

Лашмеръ всталъ и подошелъ къ платформѣ, не обращая вниманія на взгляды толпы, устремленные на него. Но здѣсь не было уличныхъ мальчишекъ, которые бы стали смѣяться надъ его уродствомъ. Онъ стоялъ передъ людьми, а несправедливость природы внушаетъ жалость даже ничтожѣйшимъ изъ толпы.

Онъ былъ средняго роста и пропорціонально сложенъ, начиная отъ талии, но горбатая спина и шея, ушедшая въ плечи, слишкомъ были очевидны. Блѣдное лицо съ классическими чертами, тонкія бѣлыя руки и неопредѣлимые словами утонченность и знатность породы заинтересовали даже грубіановъ Брумма. Они слышали, что лордъ Лашмеръ—ученый и поэтъ, нѣчто въ родѣ Байрона, котораго они всѣ знали и читали, въ наши дни дешевыхъ библіотекъ и передовыхъ мыслей. Имъ понравился лордъ лашмерскаго замка, несмотря на то, что они отдались идеямъ, провозглашавшимъ, что лордовъ надо упразднить, землю отъ нихъ отобрать и сдѣлать достояніемъ всей англійской націи и сравнять всѣхъ людей безъ исключенія.

Лордъ Лашмеръ заговорилъ, и всѣ слушали его въ молчаніи.

У него былъ серьезный, твердый голосъ, низкій и звучный, который отчетливо слышался даже на концѣ залы, битомъ набитой народомъ, голосъ совсѣмъ иного тэмбра, чѣмъ у Джона-тана Больдвуда, но тоже обширный по діапазону и силѣ, и болѣе красивый.

— Друзья мои,—началь онъ,—джентльменъ, только-что говорившій съ вами, называетъ себя вашимъ другомъ, но мы всё знаемъ, что означаетъ дружба демагоговъ. Она означаетъ желаніе пролѣзть на чужое мѣсто по чужимъ спинамъ. Вы слышали про Марата, котораго зарѣзала въ ваннѣ Шарлотта Кордэ, надеясь этимъ убійствомъ остановить потоки крови, проливаемые этимъ человѣкомъ. Я не хочу сказать, что мистеръ Больдвудъ похожъ на Марата или что ему пріятно было бы видѣть рѣки крови. Мистеръ Больдвудъ—англичанинъ, Маратъ былъ французъ, а нашъ англійскій демагогъ—съ удовольствіемъ говорю это всегда—бываетъ весьма смягченной копіей съ своего французскаго образца. Однако я все же замѣчу, что еслибы Маратъ стоялъ передъ вами на этой платформѣ сегодня вечеромъ, то онъ говорилъ бы сходно съ мистеромъ Больдвудомъ. Онъ бы попрекалъ васъ вашимъ дневнымъ трудомъ, точно работать изъ-за куска хлѣба—позорно; точно всё мы, королева, принцы, министры, генералы, офицеры, полководцы, юристы, землевладѣльцы, живописцы, поэты, музыканты, всё мы не трудимся и не производимъ то, къ чему способны или что умѣемъ, въ потѣ лица. Согласенъ, что есть сыны Ваала, что бываютъ среди честной и почтенной англійской аристократіи нѣсколько заблудшихъ овецъ, но развѣ ихъ нѣтъ между рабочими? Развѣ нѣтъ между ними лѣнтяевъ, живущихъ на чужой счетъ? Волки и овцы, друзья мои, водятся на всѣхъ ступеняхъ общества, сверху до низу, и тѣ, кто толкуетъ вамъ о равенствѣ людей, говорить о чемъ-то такомъ, чего никогда не было и не будетъ. Развѣ Каинъ и Авель были равны передъ Господомъ? Нѣтъ: Всевышній благословилъ одного и проклялъ другого. Развѣ судьба Іакова и Исава была равна, или судьба Іосифа и его братьевъ? Развѣ природа одинаково распредѣляетъ свои дары? Вотъ я стою передъ вами, друзья мои, сегодня вечеромъ, какъ живое доказательство неравноправности людей. Что же мнѣ нарекать хулы на Бога за то, что онъ меня создалъ отличнымъ отъ другихъ людей? Нѣтъ, я несу свой крестъ, какъ и другіе люди должны нести свой. Будьте увѣрены, что у каждаго есть свое горе. Что каждый изъ насъ долженъ дѣлать, это—примириться съ своей долей и стараться извлечь какъ можно больше счастья изъ жизни для себя и для другихъ, устранять зло понемногу и постепенно, а не посредствомъ внезапныхъ переворотовъ. Надо ждать, чтобы идеи реформы достаточно созрѣли, надо удерживать то, что есть хорошаго въ прошлыхъ учрежденіяхъ Англіи, и отвергать все, что есть въ нихъ худого; отрубать засохшія вѣтви, но стара-

тельно охранять самое дерево; вотъ что я называю истиннымъ консерватизмомъ или истиннымъ либеральнымъ консерватизмомъ“.

Консервативное меньшинство очень дружно рукоплескало лорду Лашмеру. Больдвудъ сидѣлъ и глядѣлъ на публику изъ-подъ нависшихъ, густыхъ бровей глазами, въ которыхъ горѣлъ сердитый огонь, глазами человѣка, который сердитъ на жизнь, на людей, на свою собственную судьбу, на міръ, въ которомъ его постигли только бѣды и несчастья. Вдругъ поднялся шумъ голосовъ, взволнованные возгласы, долетавшіе изъ толпы и среди которыхъ онъ разобралъ собственное имя, и затѣмъ послышалось слово: „пожаръ!“ Въ углу платформы говорили о немъ, глядѣли на него.

Онъ наклонился къ нимъ и спросилъ:

— Что случилось, товарищи?

— Вы живете въ Гольдвинѣ, да?

— Да.

— Гольдвинъ горитъ!

Демагогъ вскочилъ со стула и бросился съ платформы, расталкивая толпу и бормоча:

— Боже мой! а ребенокъ... запертъ на ключъ въ комнатѣ четвертаго этажа!

Онъ схватилъ какого-то человѣка за плечо:

— Что вы слышали о пожарѣ? Правда ли? кто принесъ это извѣстіе? Когда?

— Не болѣе пяти минутъ назадъ; уже многіе побѣжали на пожаръ. Всѣ обыватели Гольдвина.

Больдвудъ не сталъ дожидаться новыхъ подробностей, а продирался къ выходу. Извѣстіе о пожарѣ уже произвело смятеніе въ залѣ, и толпа устремилась къ выходу. Пожаръ былъ такое привлекательное и интересное зрѣлище, что никакой ораторъ не могъ съ нимъ конкурировать.

Гольдвинъ было гигантское зданіе, выстроенное на восточной окраинѣ города, наиболѣе отдаленной отъ лашмерскаго замка. То была громадная модель мебелированного дома, выстроенная нѣсколько лѣтъ тому назадъ однимъ другимъ человѣчествомъ, который хотѣлъ получить всего лишь девять процентовъ на свой капиталъ. То былъ гигантскій караванъ-сарай и кипѣлъ населеніемъ подобно муравьиной кучѣ, такъ какъ онъ былъ все же гораздо лучше чердаковъ и подваловъ, служившихъ жилищемъ населенію центра города, въ томъ отношеніи, что защищалъ отъ непогоды, чего о тѣхъ нельзя было сказать. Зато плата,

взимаемая за комнаты, была довольно высока, и только самые богатые изъ рабочаго класса могли жить въ Гольдвинѣ.

Большудъ занималъ тамъ двѣ комнаты: два небольшихъ ящика въ четвертомъ этажѣ, одинъ съ каминомъ, другой безъ онаго. Комнату съ каминомъ онъ отвелъ подѣ спальню своей маленькой дочери, а самъ спалъ въ холодной. Въ Гольдвинѣ была общая кухня, въ которой обитатели могли варить себѣ пищу, и была общая прачешная, гдѣ женщины сравнивали свои лохмотья и пересказывали другъ другу свои горести; и была также клубная комната, гдѣ мужчины курили, говорили о политикѣ и играли въ домино. Клубъ этотъ былъ, само собой разумѣется, неутасимымъ очагомъ социализма.

Для обитателей чердаковъ и подваловъ Гольдвинъ казался дворцомъ и жить въ Гольдвинѣ считалось почетнымъ. Гольдвинъ представлялъ изъ себя громадное, квадратное, шести-этажное зданіе съ дворомъ по срединѣ—чудовищную груду желтаго кирпича, пробитаго окнами одного образца, раскрывающимися на крытый желѣзный балконъ: все въ немъ было прямолинейно, плоско и однообразно. Эта кирпичная громада—тому, кто глядѣлъ на нее издали—казалась безобразнѣе фабрики, тюрьмы или рабочаго дома. Для тѣхъ же богатыхъ гражданъ, кому это безобразное строеніе маскировало видъ горизонта, оно казалось какимъ-то чудовищнымъ пятномъ на горизонтѣ.

Четверть столѣтія тому назадъ благодѣтельный Гольдвинъ купилъ нѣсколько акровъ пустопорожней земли, и когда грошевыя газеты подняли неумолчный вопль о томъ, какія скверныя жилища у бѣдныхъ жителей Брумма, мистеръ Гольдвинъ выступилъ на публичномъ митингѣ и поклялся выстроить образцовое зданіе, которое будетъ раемъ для рабочаго человѣка. Пока зданіе строилось, мистеръ Гольдвинъ былъ однимъ изъ самыхъ популярныхъ людей въ Бруммѣ. И только когда домъ его былъ готовъ и наемная плата за квартиры стала всѣмъ извѣстна, популярность его стала быстро падать. Но хотя цѣна была и высока, но Гольдвинъ былъ всегда биткомъ набитъ сверху до низу жильцами.

Митингъ окончился среди суматохи и спичей никто не слушалъ. Извѣстіе о пожарѣ достигло и платформы, и лордъ Лашмеръ узналъ, что радикальный вожакъ полетѣлъ спасать своего ребенка. Даже милэди выразила свою симпатію по случаю этого трагическаго обстоятельства.

— Подумать, что у этого созданія можетъ быть человѣче-

свое чувство!—воскликнула она.—Надѣюсь, что никто изъ его близкихъ не сгоритъ.

Она не уразумѣла факта, что „близкіе“ демагога ограничивались однимъ ребенкомъ.

— Я думаю, матушка, съ вашего позволенія остаться здѣсь до конца пожара, только посажу васъ въ экипажъ. Я могу достать извозничій экипажъ и въ немъ вернуться домой.

— Я останусь съ вами,—объявилъ полковникъ Спиллингтонъ.

— И я также!—закричалъ Викторіанъ.

— Нѣтъ, Викторъ, я не позволю тебѣ толкаться среди брумской черни!—сказала леди Лашмеръ. — И надѣюсь, что и вы, Лашмеръ, не станете возиться съ этими грубіянами.

— Со мной онъ не подвергается никакой опасности,—замѣтилъ полковникъ,—но юный Викторъ, конечно, лучше сдѣлаетъ, если поѣдетъ съ вами, милэди, домой.

Леди Лашмеръ протестовала и предлагала подождать въ гостиницѣ, пока ея пасынку можно будетъ ѣхать съ ней домой, но Лашмеръ на это не согласился. Онъ усадилъ милэди въ экипажъ и видѣлъ, какъ Викторіанъ неохотно усѣлся напротивъ матери. Мальчику до смерти хотѣлось какихъ-нибудь приключеній; онъ чувствовалъ въ себѣ силу работать за десятерыхъ пожарныхъ. Пожарная труба пронеслась мимо въ то время, какъ экипажъ милэди стоялъ у крыльца ратуши. Пожарные похожи были на демоновъ; уличные мальчишки вопили въ то время, какъ блестящія каски и мрачныя, рѣшительныя лица подъ ними проносились мимо. И вдругъ приходится ѣхать домой и отказаться отъ интереснаго зрѣлища! Это было тяжело для пылкаго итонскаго школьника. Ландо уѣхало. Лашмеръ и полковникъ сѣли въ кэбъ и приказали извозчику везти себя на пожарнице. Возница и лошади были въ волненіи и понеслись во весь опоръ.

Нужно было проѣхать нѣсколько улицъ и большихъ площадей, расчищенныхъ подъ новыя постройки, прежде, нежели достигъ сцены пожара. Наконецъ, прямо передъ собой, они увидѣли Гольдвинъ, подобно огненному столпу въ пустынѣ. Все гигантское зданіе объято было пламенемъ и дымомъ.

— Должно быть, огонь успѣлъ разгорѣться до прибытія пожарной команды,—сказалъ Лашмеръ, высовываясь изъ кэба и глядя на бушевавшее пламя.

— Она никогда не успѣваетъ прибыть въ-время,—отвѣтилъ Спиллингтонъ.—Какое счастье, что пожаръ начался не ночью. Теперь, по крайней мѣрѣ, люди не спятъ и могутъ выбраться изъ дому.

— Но дѣти?—съ тревогою въ голосѣ проговорилъ Лашмеръ.— Маленькія дѣти, которыя одни остаются въ этой Вавилонской Башнѣ! Безпечныя молодыя матери слоняются по улицамъ, а отцы слушаютъ Бальдвуда. Быть можетъ, вы не знаете, что за матери выходятъ изъ фабричныхъ двѣрушекъ? Господи, спаси бѣдныхъ дѣтей! Я увѣренъ, что десятки ихъ брошены сегодня вечеромъ на произволъ судьбы.

— Ужасно!—пробормоталъ полковникъ и подумалъ, что Лашмеръ, пожалуй, и правъ.

Они подъѣхали тѣмъ временемъ къ дому, но между ними и зданіемъ стояла густая толпа народа.

— Подождите насъ!—приказалъ Лашмеръ кэбмену, выходя изъ кэба, и вмѣстѣ съ Спиллингтономъ сталъ пробираться сквозь толпу.

Наступилъ самый драматическій моментъ. Пожарныя трубы размѣстились по другую сторону зданія и пожарныя дѣятельно работали, но они не могли всюду поспѣть. Предположенія Лашмера оказались вѣрными. Въ этомъ человѣческомъ ульѣ оказался цѣлый рой дѣтей, и матери бѣгали взадъ и впередъ, безъ всякаго толку, умоляя пожарныхъ, толпу и даже пространство спасти ихъ малютокъ и указывая на окно: тамъ, тамъ малютки, здѣсь другія, въ пятомъ этажѣ, седьмомъ, если считать снизу. О! проклятіе на эти высокіе дома, гдѣ дѣти могутъ заживо сгорѣть и помощь невозможна! Огонь сразу вспыхнулъ и съ удивительной силой. Все зданіе было охвачено имъ въ какой-нибудь часъ времени, но зло тайлось долгіе мѣсяцы. Труба, которая проходила черезъ прачешную, кухню и клубную комнату, давно уже раскалилась до красна, а никто этого не зналъ. Они только чувствовали, что въ теплые лѣтніе вечера имъ нестерпимо жарко. Но никто не подозрѣвалъ, что существуетъ опасность; а сегодня, въ десять часовъ вечера, стѣна въ одной изъ комнатъ близъ камина вдругъ загорѣлась, затѣмъ другая, третья, пока длинный столбъ дыма и пламени не поднялся къ небу изъ середины дома, какъ разъ съ центрального пункта, на которомъ стояло имя Уильяма Гольдвина, благодѣтеля народа, смѣло вырѣзанное сверхъ большихъ часовъ съ чернымъ циферблатомъ и бѣлыми металлическими цифрами и стрѣлками,—часы, пробившіе многимъ рабочимъ ихъ послѣдній часъ, но которые больше не будутъ бить ни для живыхъ, ни для мертвыхъ, такъ какъ металлъ, изъ котораго состоятъ ихъ механизмъ, расплавился и сбѣжалъ въ трубу подобно потоку ртути.

Да! вопли и всплескиванія руками, и бѣготня съ растрепав-

пимися волосами были въ этотъ вечеръ удѣломъ тѣхъ беспечныхъ юныхъ матерей, которыя заперли своихъ дѣтей въ домѣ, а сами ушли гулять. Онѣ спрятали подальше спички и заперли дверь на ключъ—и воображали, что позаботились о дѣтяхъ! И вотъ теперь они оказались запертыми въ этой гигантской казармѣ, гдѣ бушевало пламя.

Но пока однѣ матери бѣжали взадъ и впередъ, расталкивая толпу, бросаясь къ незнакомымъ людямъ на шею съ истерическимъ плачемъ и мольбами о спасеніи, а другія стояли блѣдныя какъ смерть и неподвижныя, покоряясь неизбежной судьбѣ, одинъ отецъ энергически принялся за дѣло спасенія своего ребенка, не прося ни у кого помощи и надѣясь только на себя.

— Глядите-ка!—завопила толпа, въ то время, какъ колоссальная фигура Джонатана Больдвуда карабкалась по желѣзнымъ балконамъ, цѣпляясь за водосточныя трубы и поднимаясь все выше и выше.—Глядите-ка! вотъ это человѣкъ съ львинымъ сердцемъ. Дочка у него заперта въ четвертомъ этажѣ. Спаси его, Господи! Онъ задохнется прежде, нежели доберется до нея.

— Онъ успѣетъ добраться!—кричали другіе, и Лашмеру припоминалось рѣшительное, смуглое лицо, наклоненное надъ веслами.—Еще одинъ этажъ, и онъ тамъ!—кричала толпа.

Еще послѣдній балконъ, еще послѣднее усиліе... но прежде нежели онъ успѣлъ ухватиться за рѣшетку, большой столпъ пламени и дыма вырвался изъ окошка, приходившагося какъ разъ напротивъ, и охватилъ его. Раздался такой же отчаянный вопль, какъ тогда, когда Сампсонъ ухватился за колонны храма, и колонны подались, а крыша рухнула... вопль отчаявшагося титана. Толпа отпрянула назадъ съ ужасомъ, и громадная фигура упала почти къ ногамъ Лашмера.

Ни помощи, ни надежды. Демагогъ убитъ до смерти. Онъ испустилъ духъ безъ единого звука.

IV.

Въ то время какъ народъ столпился около покойника, оплакивая его, сожалея о немъ, требуя медицинской помощи, требуя носилокъ, Лашмеръ снялъ сюртукъ, бросилъ его на руки удерживавшему его полковнику Спидлингтону и принялся карабкаться по балконамъ, точь-въ-точь, какъ это сдѣлалъ передъ нимъ Больдвудъ, но съ большей опасностью, такъ какъ дымъ и пламя усиливались съ каждой минутой. Окно за окномъ было охвачено

и извергало пламя. Зрители, не поглощенные мыслью о покойникѣ настолько, чтобы не наблюдать за живыми, вскрикнули отъ ужаса, возбужденнаго такой безумной попыткой.

Но черезъ нѣсколько минутъ зрители убѣдились, что этотъ гимнастъ нѣсколько другого сорта, нежели Больдвудъ. Тонкая, худенькая фигура была надѣлена мускулами, развитыми какъ у атлета. Длинные руки цѣплялись за балконы и водосточныя трубы съ гибкостью и ловкостью змѣи. Неужели то былъ горбунъ, который только-что стоялъ между ними, молчаливый и сосредоточенный?

Нѣкоторые узнали лорда Лашмера, бѣднаго, больного уродца, какимъ они его считали. Другіе, знавшіе его ближе, знали и то, что онъ выработалъ изъ себя искуснѣйшаго гимнаста и выстроилъ гимнастическій залъ въ лашмерскомъ замкѣ, гдѣ закалялъ свое тѣло не хуже римскаго гладіатора. Для этихъ послѣднихъ нѣсколько не удивительно было видѣть его теперешній подвигъ. Да! они были увѣрены, что подвигъ ему удастся. То, чего не могъ выполнить Джонатанъ Больдвудъ, обезсиленный нетрезвою и сидячею жизнью, то удастся... то уже удалось горбатому лорду. Вотъ онъ уже на балконѣ четвертаго этажа, и толпа издала крикъ: ура! походившій на рыданіе.

— Принесите пожарную лѣстницу! — закричали одни, а другіе бросились за ней на ту сторону дома, гдѣ пожарные тоже спасали чужія жизни: дѣтей, старухъ, больныхъ. Но нельзя же было не спасти избавителя, героя, Геркулеса, добровольно вышедшаго на борьбу со смертью.

Погибнетъ ли онъ въ своемъ великодушномъ предпріятіи? Вотъ страшное сомнѣніе, молніей пронизавшее толпу. Даже Рахиль, оплакивавшая дѣтей, прекратила на мгновеніе свои вопли и сухими глазами, съ выраженіемъ напряженнаго ужаса на лицѣ, глядѣла на верхній балконъ, черезъ который скрылся избавитель. Какая судьба ждетъ его во мракѣ и въ дымѣ? Не погибъ ли ужъ онъ?

Нѣтъ! въ то самое мгновеніе, какъ пожарная лѣстница показалась изъ-за угла, качаясь взадъ и впередъ въ рукахъ пожарныхъ, и толпа принялась помогать имъ и подталкивать лѣстницу, къ тому мѣсту, съ котораго скрылся лордъ Лашмеръ, въ тотъ самый моментъ, какъ подоспѣла помощь, тонкая фигура безъ сюртука, выдѣляясь бѣлыми рукавами рубашки, показалась изъ дыма. Лордъ Лашмеръ стоялъ на балконѣ четвертаго этажа съ ребенкомъ на рукахъ. Ему приходилось теперь только ждать, чтобы приставили лѣстницу и оберегать себя и свой живой грузъ отъ пламени, и дѣло въ шляпѣ.

Пять, десять минут крайняго напряженія, и все было кончено. Лашмеръ стоялъ среди толпы съ пятилѣтней дочкой Болдвуда на рукахъ, маленькимъ, худенькимъ созданіемъ въ бѣломъ ночномъ платьицѣ, съ худенькимъ, желтенькимъ сморщеннымъ личикомъ, съ большими лучистыми глазами.

— Боже васъ благослови, сэръ! Боже васъ благослови, сэръ!

Мужчины хлопали въ ладоши; женщины цѣловали его руки, испаряппныя, окровавленные руки, пахнувшія дымомъ и гарью. Не было больше ни радикаловъ, ни консерваторовъ, ни ненавистнаго землевладѣльца и аристократа. Великодушное сердце толпы билось любовью, состраданіемъ, нѣжностью, безкорыстнымъ наслажденіемъ великодушнаго поступка, благородно совершеннаго.

— Клянусь Юпитеромъ, Лашмеръ, я считалъ васъ погибшимъ человѣкомъ! — кричалъ полковникъ Спиллингтонъ. — Вы, должно быть, ранены, быть можетъ, опасно ранены, — прибавилъ онъ, ощупывая плечи и руки молодого человѣка, чтобы убѣдиться: цѣлы ли у него кости.

— Нѣсколько царапинъ, не болѣе того, — отвѣчалъ Лашмеръ спокойно, и затѣмъ, обращаясь къ толпѣ, прибавилъ:

— Друзья мои, что это вы такъ расходились? Я увѣренъ, что каждый изъ васъ сдѣлалъ бы то же самое.

Онъ протискался сквозь толпу къ тому мѣсту, гдѣ оставилъ кэбъ, вмѣстѣ съ спасеннымъ ребенкомъ на рукахъ; дѣвочка судорожно цѣплялась за него, блѣдная и испуганная, не спуская съ него своихъ лучистыхъ, огромныхъ глазъ. Спиллингтонъ слѣдовалъ за нимъ по пятамъ.

— Что вы намѣрены теперь дѣлать съ этимъ ребенкомъ? — спросилъ онъ. — Ее придется помѣстить въ дѣтскій пріютъ.

— Я не намѣренъ помѣщать ее въ пріютъ. Я увезу ее къ себѣ въ домъ.

— Вы хотите увезти въ лашмерскій замокъ ребенка Болдвуда? — удивился Спиллингтонъ.

— Почему нѣтъ? я бы призрѣлъ заблудшую собаку; почему я не могу призрѣть одинокое дитя?

— Большая разница; вы, кажется, этого не признаете. Взять на свое попеченіе дитя радикала — дѣло очень серьезное. И будь я на вашемъ мѣстѣ, я бы немедленно отвезъ ее въ пріютъ и сдать на руки директрисы. Это лучшее, что вы можете для нея сдѣлать!

— Я спасъ ее отъ огня и не намѣренъ снова ввергать въ огонь, — рѣшительно отвѣтилъ Лашмеръ. — Она — моя по волѣ судьбы; это — мой призъ, моя награда. Она никогда, пока я живъ, не переступитъ за порогъ общественнаго пріюта.

Они уже сидѣли въ кэбѣ. Лашмеръ завернулъ въ свой сюртукъ ребенка, а самъ сидѣлъ въ одномъ жилетѣ. Онъ приказалъ кэбмену везти его въ „Джорджу“, главной гостинницѣ Брумма, покровительствуемой окрестными сквайрами, останавливавшимися въ ней, когда имъ случалось прїѣзжать въ Брумъ.

То была старомодная гостинница, съ широкими воротами и просторнымъ дворомъ. Она была построена въ давно минувшіе дни почтовыхъ дорогъ, когда Брумъ еще не возвышался до степени мануфактурнаго города.

Лорда Лашмера знали и почитали въ „Джорджѣ“. Сонные корридорные подавили зѣвки, низко кланяясь его лордству. Хозяйка, засидѣвшаяся за ужиномъ позже обыкновеннаго, ожидая новостей съ пожара, поспѣшила встрѣтить милорда, осведомляясь, не можетъ ли она быть ему полезна.

Она чуть не вскрикнула при видѣ ребенка, глядѣвшаго кругомъ себя испуганными глазами; такое жалкое, блѣдное, желтое личико было у ребенка, что хозяйка „Джорджа“ подумала, что она еще не видывала безобразнѣе ребенка.

— О! милордъ! гдѣ вы ее подобрали? Это, навѣрное, ребенокъ изъ Гольдвина?

— Это дочь Больдвуда, — отвѣчалъ полковникъ, — и милордъ рисковалъ жизнью, чтобы спасти ее. Кстати, что вы выпьете, Лашмеръ, для подкрѣпленія силъ? Шампанскаго или содовой воды съ водкой?

— Я выпью содовой воды съ водкой, если хотите, — отвѣчалъ Лашмеръ. — Не одолжите ли вы мнѣ какую-нибудь шаль, мистрисъ Сейкмуръ? — спросилъ онъ раболѣпно присѣдавшую хозяйку. — И не можете ли вы достать мнѣ пару лошадей, которыя бы отвезли насъ въ Лашмеръ? Я боюсь, что миледи будетъ безпокоиться, пока мы не вернемся въ замокъ.

— Разумѣется, милордъ.

И мистрисъ Сейкмуръ позвонила въ колокольчикъ. — Скажите Джо, чтобы онъ запрягалъ въ ландо сѣрыхъ коней, и какъ можно скорѣе. А вы, Мэри, бѣгите ко мнѣ и принесите одну изъ моихъ шалей, теплую, вязаную, въ нижнемъ ящикѣ, знаете, моя душа. Не таращите глазъ, точно дуручка.

Мэри глядѣла на темнокожую дѣвочку на рукахъ у лорда Лашмера.

— Папочка! — вдругъ закричала дѣвочка жалобнымъ голосомъ, и большіе черные глаза наполнились слезами. — Гдѣ мой папочка? Я хочу видѣть папочку!

Лордъ Лашмеръ беспомощно глядѣлъ на нее. Что могъ онъ

сказать или сдѣлать для утѣшенія ея, не солгавъ? Маленькое существо принялось судорожно рыдать.

— Папочка!—кричала она:—гдѣ папочка? Онъ сгорѣлъ въ огнѣ? онъ раненъ? Пустите меня къ папочкѣ!

— Потомъ, потомъ, моя душечка!—тихо пролепеталъ Лашмеръ. — Дайте ей молока и бисквита, мистриссъ Сейкмуръ. Бѣдняжка, можетъ быть, голодна.

— Бѣдное дитя, — сказала хозяйка, — хочешь сладкаго кѣса, моя душа? Мэри, принесите стаканъ молока и кѣсъ.

Но, когда хозяйка пыталась взять ребенка изъ рукъ милорда, маленькая дѣвочка изъ всѣхъ силъ уцѣпилась за Лашмера.

— Отведите меня къ папочкѣ, — молила она, хмуря брови при видѣ улыбавагося лица мистриссъ Сейкмуръ и не принимающая отъ нея никакихъ ласкъ.

— Честное слово, Лашмеръ, вы ужъ черезъ-чуръ носитесь съ этимъ ребенкомъ! — закричалъ Спиллингтонъ, который выпилъ содовую воду съ водкой и нетерпѣливо желалъ ухъхать.

Для человѣка необѣдаваго такая нескончаемая отсрочка ужина казалась мученьемъ.

— Вамъ бы, право, слѣдовало поручить на ночь дѣвочку хозяйкѣ, а завтра утромъ она передастъ ее кому слѣдуетъ. Я никогда не видѣлъ такой обезьяны. Она черна какъ Эребъ. Въ ней, должно быть, есть арабская кровь.

— Въ ней цыганская кровь, сэръ; каждый знаетъ, что жена Больдвуда была цыганка.

— Готова ли коляска?—спросилъ Лашмеръ.

Хозяйка закричала въ трубу, которая сообщалась съ конюшнею. Послышались таинственные звуки, точно голоса изъ міра духовъ.

— Черезъ пять минутъ, милордъ.

Мэри, главная горничная, принесла тѣмъ временемъ молоко и кѣсъ, и Лашмеръ пытался уговорить дѣвочку выпить молоко и съѣсть бисквитъ. Тщетно! Она плакала и отталкивала его ласковую руку.

— Гдѣ мой папочка? — безнадежно вопрошала она.

Лашмеръ завернулъ ее въ шаль и снесъ въ ландо, одну изъ тѣхъ просторныхъ колямагъ, которыя еще водятся въ провинціальныхъ гостинницахъ, какъ будто предназначенныя для восьмерыхъ. Она была стара, но покойна. Полковникъ Спиллингтонъ застегнулъ пальто на всѣ пуговицы и забился въ уголъ.

— Еслибы только эта дѣвчонка не помѣшала мнѣ выспаться, — думалъ онъ, и Провидѣніе сжалилось надъ нимъ, по-

тому что прежде, нежели они оставили далеко за собой каменные строенія Брумма, дочь Больдвуда заснула крупнымъ сномъ, и полковникъ могъ, въ свою очередь, захрапѣть.

Но глаза Лашмера ни разу не сомкнулись въ эту долгую поѣздку при свѣтѣ лѣтнихъ звѣздъ. Онъ думалъ о мертвомъ лицѣ, искаженномъ отъ удара о мостовую, отъ котораго сломался позвоночный столбъ и треснула одна половина черепа, о смугломъ, энергическомъ лицѣ, въ которомъ каждая черта говорила о мощномъ умѣ въ мощномъ тѣлѣ. И этотъ человѣкъ, имѣвшій такое большое вліяніе на большой рабочей улей, этотъ смѣлый ораторъ и дерзкій мыслитель, человѣкъ, изрекавшій хулу на Создателя и ненавидѣвшій болѣе счастливыхъ своихъ собратій, исчезъ на вѣки, — отъ него остались одни только бранные останки, которые схоронять въ землѣ и позабудутъ.

Всѣ радикалы и свободные мыслители въ Бруммѣ пожалѣютъ объ агитаторѣ; но, быть можетъ, одно только это безпомощное маленькое существо, эта пятилѣтняя дѣвочка будетъ отъ души оплакивать человѣка.

И онъ былъ когда-то джентльменомъ. Какія тяжкія испытанія, какіе горькіе соблазны, ошибки, заблужденія легли между триумфомъ оксфордскаго студента и страшною смертью бруммскаго слесаря? Книги, прочитанныя Лашмеромъ, научили его, что главныя бѣдствія людей происходятъ отчасти отъ нихъ самихъ, и онъ не могъ не подумать, что навѣрное этотъ слесарь согрѣшилъ передъ Богомъ или обществомъ, прежде, нежели обратился въ бруммскаго демагога.

Было уже половина второго, когда сѣрые кони изъ „Джорджа“ въѣхали въ аллею, которая вела къ лашмерскому замку. Рѣка сверкала, оваренная звѣздами, таинственная, прекрасная, среди береговъ, поросшихъ ивами. Въ окнахъ замка тоже былъ свѣтъ, и сѣни, куда вышли лэди Лашмеръ и Викторіанъ, на-встрѣчу прибывшимъ, тоже были освѣщены.

— Мой дорогой полковникъ, я думала, что вы никогда не вернетесь, — вскричала милэди. — Какъ страшно вы, должно быть, проголодались!

И вдругъ она вздрогнула при видѣ Лашмера, державшаго на рукахъ ребенка, завернутаго въ красную шаль:

— Боже мой, Лашмеръ! чтѣ это такое вы привезли?

— Ребенка, милэди, исчадіе ада: дочь демагога Больдвуда, спасенную изъ огня вашимъ героемъ-сыномъ. Клянусь Юпите-

ромъ, лэди Лашмеръ, вы можете гордиться своимъ сыномъ, — сказалъ полковникъ, съ усиленъ прогоняя сонливость, все еще спивавшую ему глаза.

— Вы спасли ребенка Больдвуда? — закричала милэди, глядя въ закоптѣлое лицо Лашмера и затѣмъ оглядывая его платье, ободранное во многихъ мѣстахъ и обгорѣвшее. Но какимъ образомъ?

— Онъ забрался на четвертый этажъ по водосточнымъ трубамъ — самый геройскій поступокъ, какого я когда-либо былъ свидѣтелемъ, — отвѣтилъ полковникъ. — Я дивлюсь, что привезъ вамъ вашего сына живымъ, лэди Лашмеръ.

— Лашмеры всегда были храбрыми, — сказала съ достоинствомъ и милэди, и съ нѣкоторымъ формализмомъ, отъ котораго похолодѣла душа у полковника, поцѣловала пасынка въ лобъ.

— Вы не имѣли права рисковать жизнью изъ-за отродья демагога, — сказала она. — Почему же мистеръ Больдвудъ не могъ спасти ребенка?

— Онъ пытался-было, да убился при этомъ, — отвѣчалъ полковникъ.

— Больдвудъ убился?

— Да. Онъ больше не потревожитъ насъ съ вами, матушка. Его больше нѣтъ въ живыхъ, и это его сиротка-дочъ.

— Но, ради самого неба, къ чему вы привезли ее сюда? Почему вы не передали ее кому слѣдуетъ?

— Вотъ и я то же говорю, — замѣтилъ полковникъ, всей душой стремясь къ ужину.

— Скажите, пожалуйста, кому же слѣдовало передать эту пятилѣтнюю сиротку? — рѣшительно спросилъ Лашмеръ.

— Какъ кому? въ дѣтскій пріютъ!

— Вотъ и я то же говорилъ лорду Лашмеру, — вторилъ полковникъ.

— И вы бы хотѣли, чтобы она начала жизнь какъ нищая и воспиталась бы какъ нищая?

— Воспиталась бы, чтобы быть хорошей служанкой — самое лучшее положеніе для молодой особы. Знаете ли, полковникъ Спиллингтонъ, что я плачу своимъ подгорничнымъ двадцать фунтовъ стерлинговъ въ годъ, причемъ съ подарками это составить и всѣ тридцать. Самая покойная и вѣрная карьера для молодой женщины, Лашмеръ.

— Пока я живъ, она не будетъ горничной, — твердо сказалъ Лашмеръ. — Кто изъ женской прислуги не спитъ? — обратился онъ къ лакею.

— Только горничная милэди, милордъ.

У милэди было двѣ горничныхъ. Она мало пользовалась ихъ услугами, будучи женщиной очень дѣятельной и совсѣмъ не лѣнливой. Но двѣ горничныя полагались ей по этикету, и ея гордость, а не лѣнь, требовала такого штата.

— Позвольте мнѣ попросить Баркеръ объ услугѣ? — спросилъ лордъ Лашмеръ.

— Разумѣется.

Баркеръ была подгорничная и очень милая особа, лѣтъ тридцати-пяти, которая зажигала свѣчи и прибирала комнаты милэди, не гнушаясь иногда взять въ руки метлу.

Баркеръ позвали, и она пришла, заспанная, но улыбающаяся, чтобы выслушать приказъ отъ милэди.

— Лордъ Лашмеръ желаетъ, вѣдается, поручить вашимъ заботамъ ребенка, Баркеръ, — сказала лэди Лашмеръ. — Вы можете, я думаю, положить ее на сегодняшнюю ночь въ свою постель, но сначала сдѣлайте ей теплую ванну. А волосы, я думаю, ей лучше остричь совсѣмъ, подъ гребенку.

— У ребенка нѣтъ скарлатины, матушка.

— Кто знаетъ? У бѣдныхъ людей бываютъ постоянно всякія болѣзни. Во всякомъ случаѣ она навѣрное очень грязна. Пожалуйста, Баркеръ, выкупайте и обстригите ее.

Ребенка вынули изъ шали, и Лашмеръ передалъ его на руки Баркеръ, причемъ бѣленькое платьице и голыя ножки дѣвочки послужили наилучшимъ опроверженіемъ словъ милэди. И платьице, и ножки были безукоризненно чисты.

— Что за безобразный ребенокъ! — закричала лэди Лашмеръ, и затѣмъ, видя, что полковникъ Спиллингтонъ стоитъ задумчивый, уставясь на покрытый для ужина столъ, сжалилась надъ нимъ.

— Унесите ребенка, Баркеръ, и устройте ее какъ только можно лучше, — сказала она. — А теперь будемъ ужинать. Вы, должно быть, страшно проголодались.

— Признаюсь, да, — отвѣчалъ полковникъ; онъ оживалъ, усаживаясь за столъ, и, раскрывая салфетку, съ интересомъ оглядывалъ то, что на немъ стояло.

Майонезъ изъ омара, жареные холодные цыплята и русскій салатъ, съ обильною примѣсью сметаны... гм! все это только закуски... но вотъ лакей подаль ему горячую котлетку à l'indienne, а буфетчикъ сталъ раскупоривать бутылку шампанскаго. Въ сущности, сытымъ можно быть.

— Лашмеръ, неужели ты, въ самомъ дѣлѣ, вскарабкался на

балконъ четвертаго этажа? Я знаю Гольдвинъ: тамъ весь фасадъ въ балконахъ... точно рѣшетка. Я бы самъ могъ, вѣроятно, это сдѣлать, но все же, должно быть, это было чертовски трудно. Я завидую тебѣ!—сказалъ Викторіанъ.

— Надѣюсь, что ты никогда не сдѣлаешь ничего вполнину такого дикаго, —замѣтила леди Лашмеръ ѣдко.

Впервые она давала волю своему раздраженію; но блѣдность ея красиваго лица, гнѣвный блескъ въ глазахъ показывали, въ какомъ она находится состояніи духа съ той минуты, какъ увидѣла ребенка Больдвуда на рукахъ у пасынка. Она была, однако, настолько умна, чтобы не дѣлать сценъ. Лашмерскій замокъ принадлежалъ лорду Лашмеру; онъ былъ въ немъ хозяинъ, а она сама, какъ ни казалась всесильной домочадцамъ и сосѣдямъ, была въ немъ не болѣе какъ гостя. Если Лашмеру вздумалось привезти въ замокъ нищенское отродье и выращивать его въ немъ, подобно всякому другому комнатному животному, то не дѣло милэди вмѣшиваться въ это. Сознаніе своего безсилія только усиливало ея неудовольствіе.

— Викторіанъ, тебѣ давно пора спать!—воскликнула она.— Покойной ночи, полковникъ Спиллингтонъ, или, вѣрнѣе, доброго утра. Я оставляю васъ и Лашмера вдвоемъ, если позволите.

Она пожала руку полковнику, поцѣловала пасынка въ лобъ и ушла, охвативъ рукой своего мальчика за шею.

— Какой чудесный малый, нашъ Лашмеръ!—сказалъ Викторіанъ, поднимаясь съ матерью по лѣстницѣ.—Такой спокойный, скромный и ловкій. Я бы желалъ, чтобы у него была такая же прямая спина, какъ и у всѣхъ людей. Онъ такъ покорно переноситъ свое несчастіе.

— И я бы желала этого, —отвѣчала милэди:—тогда бы онъ не привезъ въ замокъ отродье радикала.

— О! но почему же? если онъ думаетъ обезпечить бѣдную сиротку, онъ помѣститъ ее въ дешевую школу... или пріютъ, знаете; онъ достаточно богатъ, чтобы заниматься благотворительностью.

Лордъ Лашмеръ не помѣстилъ дочь радикала въ дешевую школу; онъ не сталъ также приставать къ друзьямъ и пріятелямъ съ тѣмъ, чтобы они помѣстили сиротку въ какой-нибудь пріютъ, содержащійся на средства благотворителей. Стеллѣ не суждено было попасть подъ кровъ заведенія, предназначеннаго для бездомныхъ сиротъ. Судьбой опредѣлено было Стеллѣ воспитываться въ домѣ англійскаго нобльмена и привыкать къ роскоши и утонченности, составляющей атмосферу тѣхъ, кто родился въ пурпурѣ.

Тщетно дочь великой лэди Питлэндъ протестовала противъ безумной затѣи пасынка усыновить нищенское отродье и намеряла, что въ этомъ проглядываетъ копыто социализма. Тщетно содрогалась она отъ такого поруганія наслѣдственныхъ палатъ. Лашмеръ былъ твердъ, какъ утесъ. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ спокойныхъ, несообщительныхъ молодыхъ людей, которые не скоро на что-нибудь рѣшаются, но, разъ рѣшившись, непоколебимо стоятъ на своемъ.

— Я рѣшилъ это въ то время, какъ ѣхалъ домой, матушка, — объявилъ онъ спокойно, мягко, но тѣмъ рѣшительнымъ тономъ, который милэди слишкомъ хорошо знала. — Спиллингтонъ и дѣвочка спали, и у меня было время обсудить дѣло со всѣхъ сторонъ. Я хочу усыновить дочь Больдвуда и воспитать ее, какъ мою родную дочь. Есть много причинъ въ пользу моего проекта и ни одной противъ него. Я давно желаю имѣть существо, которое бы могъ любить, какое-нибудь юное созданіе, вполне отъ меня зависящее и которое я самъ бы воспиталъ. Я очень люблю Викторіана, но онъ не можетъ быть моимъ постояннымъ товарищемъ. Ему надо пока учиться, а затѣмъ заботиться о томъ, чтобы составить себѣ карьеру. Но одинокая маленькая дѣвочка, которую я могу воспитать какъ хочу — она будетъ мнѣ какъ разъ тѣмъ товарищемъ, о которомъ я вздыхаю. Немного выше собачки и немного ниже равнаго мнѣ существа.

— Ты скоро увидишь, что она страшно стѣснитъ тебя. Если, напримѣръ, ты вздумаешь жениться.

— Я никогда не женюсь, никогда не буду имѣть родныхъ дѣтей. Къ тому времени, какъ эта дѣвочка подрастетъ, я уже успѣю состариться. Она будетъ моимъ утѣшеніемъ въ старости. Мнѣ недавно сказали — вы помните мою продолжительную консультацию съ сэромъ Уильямомъ Спенсеромъ, въ послѣдній разъ, какъ онъ пріѣзжалъ сюда — что, несмотря на мое слабое здоровье, я могу прожить до глубокой старости.

Лэди Лашмеръ замѣтно поблѣднѣла. Но она сидѣла довольно далеко отъ пасынка и глядѣла въ окно, такъ что онъ не замѣтилъ судороги, искривившей ея лицо. Она цѣлые годы твердила себѣ, что Губертъ Лашмеръ не долго проживетъ и что рано или поздно сынъ ея займетъ его мѣсто! И вотъ вдругъ теперь сэръ Уильямъ Спенсеръ объявилъ, что Лашмеръ можетъ прожить до глубокой старости! Тяжело было выслушать это извѣстіе, высказанное спокойнымъ, холоднымъ голосомъ пасынка. Она знала, что онъ — воплощенная правдивость и неспособенъ ни преувеличивать, ни искажать.

— И ты думаешь, что ребенокъ такого человѣка, какъ Бولدвудъ, можетъ быть тебѣ товарищемъ и другомъ впослѣдствіи! Отродье цыганки и демагога! — вскричала леди Лашмеръ, неспособная долѣе сдерживать свою досаду. — Ты не принимаешь въ расчетъ наслѣдственныхъ инстинктовъ.

— Я больше вѣрю въ воспитаніе и привычки, пріобрѣтенныя съ дѣтства, нежели въ наслѣдственный инстинктъ. У дѣвочки хорошо развитый лобъ, прекрасные, ясные глаза, тонкія ноздри, тонкія губы, нѣжная кожа... она вовсе не такой ребенокъ, надъ которымъ не стоило бы поработать.

— Я, право, нахожу, что это безобразнѣйшій ребенокъ, какого только я видѣла въ жизни. Какимъ образомъ ты, такой поклонникъ идеальной красоты, можешь интересоваться такимъ уродцемъ, я, право, не понимаю.

— Она мала и смугла, но я не нахожу ее безобразной. Глаза ея сверкали, какъ звѣзды, вчера вечеромъ. По моимъ понятіямъ, изъ нея вырастетъ очень интересная женщина.

— У тебя такія странныя понятія!

— Не сердитесь, матушка, — кротко успокаивалъ ее Лашмеръ. — Я согласенъ, что нѣсколько эксцентриченъ... природа, видите ли, отлила меня въ особую форму, но вѣдь, въ сущности, у меня немного прихотей. И я обещаю вамъ, что этотъ послѣдній мой капризъ не причинитъ вамъ много безпокойства. Дитя будетъ жить здѣсь въ домѣ; но вамъ незачѣмъ даже помнить объ ея существованіи. Все, что ей нужно — это пару комнатъ въ верхнемъ этажѣ, гдѣ у насъ множество комнатъ, которыя служатъ убѣжищемъ только крысамъ.

— Мышамъ, а не крысамъ, — протестовала миссис.

— Хорошо, пусть будутъ мыши. Это пріятнѣе слышать, но только это самыя крупныя и шумныя мыши, какихъ я только видѣлъ. Ну, вотъ, моя protégée прогонитъ мышей. Я найму ей няньку и отдѣлаю комнаты двѣ-три для нея и для няньки. Она будетъ жить тамъ и никому не помѣшаетъ; а когда я захочу ее видѣть, я велю привести ее въ мой кабинетъ. Вы можете ее случайно встрѣтить какъ-нибудь на лѣстницѣ или въ корридорѣ. Но вѣдь это не можетъ же васъ особенно обезпокоить, а затѣмъ вамъ нечего о ней и думать.

— Это — твой домъ, Лашмеръ. И если ты хочешь наводнить его отродьемъ социализма, не мнѣ съ тобой спорить.

— Я надѣюсь, что наступитъ день, когда вы примиритесь съ моею пріемной дочкой; когда, быть можетъ, она будетъ служить вамъ такимъ же утѣшеніемъ, какъ и мнѣ.

— Никогда, Лашмеръ! Я могу терпѣть ея пребываніе въ этомъ домѣ изъ уваженія къ тебѣ. Я бы должна была точно такъ же подчиниться, еслибы тебѣ вздумалось завести у себя гремучую змѣю. Но я не раздѣляю твоихъ утопическихъ идей и нисколько не сомнѣваюсь, что тебѣ придется раскаться въ своей великодушной опрометчивости прежде, нежели ты и твоя рогатѣе проживете вмѣстѣ три года.

— Мы припомнимъ, по истеченіи этого времени, нашъ разговоръ, и я надѣюсь, что мнѣ удастся убѣдить васъ, что вы ошибаетесь,—сказала Лашмеръ невозмутимо.—А теперь, матушка, скажите: нѣтъ ли у васъ въ виду хорошей дѣвушки, которую я могъ бы нанять въ няньки Стеллѣ?

— Есть племянница Баркеръ; отецъ ея въ садовникахъ, какъ тебѣ извѣстно. Племянница Баркеръ просилась къ намъ въ услуженіе полгода тому назадъ.

— Я бы желалъ переговорить съ племянницей Баркеръ сегодня же утромъ.

Лэди Лашмеръ вздохнула, но приказала призвать племянницу своей горничной. Она не видѣла несносной сиротки со вчерашняго вечера. Дитя находилось на попеченіи у Баркеръ въ самой дальней комнатѣ помѣщенія, отведеннаго для слугъ. Ее пригласили на полчаса въ кабинетъ лорда Лашмера, передъ завтракомъ.

Новая обитательница замка не очень весело вступала въ свою новую жизнь. Безпрерывно, съ жалобными слезами и безразсуднымъ дѣтскимъ раздраженіемъ, она просилась къ отцу.—Гдѣ папочка? Отнесите меня къ папочкѣ!—вотъ былъ ея непрерывный крикъ. И Лашмеръ, при всемъ его философскомъ спокойствіи, никакъ не могъ рѣшиться сообщить ребенку печальную истину. Онъ не могъ раздавить ее словомъ: „никогда“. Дѣти слишкомъ скоро познаютъ значеніе этого рокового слова. Поэтому онъ съ нѣжностью бралъ дѣвочку на колѣни, прижималъ къ сердцу и говорилъ ей, что она увидитъ своего папочку скоро, скоро.

— Когда? сегодня?—спрашивала она.

— Нѣтъ, милочка, не сегодня. Онъ уѣхалъ въ дальній путь.

— Въ Лондонъ?—спрашивала она.

— Дальше.

— Куда же?

— Въ чудную страну. И ты туда поѣдешь со временемъ и увидишься съ нимъ.

— Пустите меня къ нему теперь же.

— Нельзя, милочка.

— Хочу сейчасъ ѣхать къ папочкѣ!—закричала дѣвочка и, соскочивъ съ колѣнъ Лапмера, побѣжала къ двери.

Лапмеръ побѣжалъ за ней и удержалъ ее. Она кричала, бранилась и боролась съ нимъ.

— Я хочу къ папочкѣ! я хочу къ папочкѣ!

Онъ битыхъ четверть часа урезонивалъ и успокаивалъ ее. Но послѣ того приобрѣлъ надъ нею вліяніе. Она съ удовольствіемъ сидѣла у него на колѣняхъ, пристально глядя на него большими черными глазами... ясными, какъ звѣзды, по его собственному выраженію. Она слушала его и какъ будто утѣшилась.

— Скажи мнѣ, крошечка, какъ тебя зовутъ?—спросилъ онъ.

— Стелла.

— Стелла! Какое хорошенькое имя!

— Оно означаетъ звѣзду, — объяснила дѣвочка. — Мнѣ папочка такъ сказалъ.

— Хочешь быть моей звѣздой? Хочешь жить со мной въ этомъ домѣ и играть въ саду и кататься со мной въ лодкѣ по рѣкѣ?

Малютка вытянула шейку и выглянула въ широкое окно въ стилъ Тюдоръ, выходившее на цвѣтникъ, и на зеленые скаты холмовъ въ паркѣ, и на яркую, голубую воду, струившуюся по долинкамъ. Видъ былъ очень красивъ, въ особенности послѣ брумскихъ пустырей, къ которымъ привыкъ глазъ малютки.

— Нѣтъ, — твердо отвѣтила она, поглядѣвши, въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, на живописную картину, открывавшуюся въ окно.—Я не хочу жить съ вами; я хочу жить съ папочкой!

И вотъ, съ тѣмъ божественнымъ терпѣніемъ, съ той неизъяснимой кротостью, которая отличаютъ тѣхъ, кто искренно любитъ маленькихъ дѣтей, Лапмеръ объяснилъ, что путешествіе ея папочки продлится очень долго; что, можетъ быть, пройдетъ лѣто и зима прежде, нежели онъ вернется назадъ или можно будетъ отвезти къ нему Стеллу.

— А до тѣхъ поръ ты не должна плакать и должна быть послушной, ради твоего папочки, Стелла; папочки бываютъ очень несчастны, если имъ говорятъ, что ихъ дѣтки дурно вели себя. Ты будешь добренькой и постарайся полюбить меня, Стелла, не правда ли? ради твоего папочки?

Дитя сдѣлало усиліе и сдавило свое маленькое сердчишко, отерло глаза, подавило рыданія и пошло вмѣстѣ съ Лапмеромъ гулять по саду и черезъ росистый паркъ къ рѣкѣ. Онъ

посадилъ ее въ свою лодку и каталъ по рѣкѣ съ полчаса или около того, и когда отвелъ назадъ въ замокъ, то желтыя щеки окрасились слабымъ румянцемъ, и дѣвочка съ аппетитомъ позавтракала, какъ ему потомъ сообщила Баркеръ.

Онъ увидѣлся съ племянницей Баркеръ послѣ полдника и нашелъ здоровую, краснощекую молодую дѣвушку, очень честную и смиренную на видъ, и немедленно пригласилъ ее въ няньки къ Стеллѣ.

Маленькая дѣвочка отнынѣ стала называться просто Стеллой. Имя Болдвудъ было отброшено и позабыто. Затѣмъ, съ помощью и съ совѣта Баркеръ, лордъ Лашмеръ приказалъ отдѣлать двѣ комнаты въ юго-западной башнѣ, отдаленной отъ той части замка, гдѣ находились роскошные покои лэди Лашмеръ, и этажемъ выше, такъ что было весьма мало вѣроятно, чтобы дѣтскій голосокъ достигалъ ушей, а дѣтское личико попадалось часто на глаза милэди.

Одна изъ двухъ комнатъ была отдѣлана какъ гостиная; въ другой поставили двѣ кровати—для няньки и для ребенка. Въ верхнемъ этажѣ замка комнаты были биткомъ набиты хорошей, старинной, вышедшей изъ моды мебелью, и убранство комнатъ, отведенныхъ для приѣмной дочки лорда Лашмера, совершилось безъ всякихъ хлопотъ. Видъ изъ оконъ башни былъ очаровательный.

— Пусть ее растетъ среди этой чудной природы,—думалъ Лашмеръ, и затѣмъ далъ свои инструкціи племянницѣ Баркеръ, которую мы отнынѣ будемъ называть Бетси, какъ вести ребенка. Сущность этихъ инструкцій составляли: холодная вода, свѣжій воздухъ, правильное питаніе, здоровая и обильная пища. Старшей Баркеръ онъ поручилъ озаботиться о костюмѣ дѣвочки. Пусть она сѣздитъ въ Брумъ и закупить тамъ все, что требуется, если милэди будетъ такъ добра и отпустить ее на нѣсколько часовъ.

— Я думаю, что я могу уладить это съ Селестиной, — замѣтила Баркеръ.

Селестина была парижанка и старшая горничная милэди, которая передѣлывала ея платья и штопала драгоценныя кружева.

— Пожалуйста, уладьте это, какъ знаете, и купите ей самыя хорошія вещи, но простыя. Когда она будетъ годомъ или двумя постарше, я, можетъ быть, самъ буду выбирать ей платья. А теперь я хочу, чтобы она была одѣта всегда въ какую-нибудь легкую, мягкую шерстяную ткань, цвѣта сѣме, а юбокъ и всего, что на-

дѣвается подъ платье, должно быть какъ можно меньше, чтобы они не стѣсняли движенія ребенка.

— Господи! какія прихоти!—подумала Баркеръ, но вслухъ осмѣлилась только возразить на основаніи экономическихъ соображеній.

— Цвѣтъ сгѣше очень марокъ, милордъ; мнѣ кажется, лучше было бы купить матерію лиловаго или коричневаго цвѣта, потомѣе.

— Ни за что на свѣтъ! Вы развѣ думаете, что я хочу, чтобы она похожа была на дѣвочку изъ пріюта? Я хочу, чтобы на нее весело было глядѣть.

— Она такой некрасивый ребенокъ, милордъ. Наряды къ ней не будутъ идти.

— Я хочу, чтобы она была одѣта въ платье цвѣта сгѣше,—рѣшительно проговорилъ милордъ.—И вы купите ей съ полдюжины поясовъ, самыхъ широкихъ, какіе только достанете: пунцовыхъ и блѣдно-голубыхъ. Я дамъ вамъ чевъ въ двадцать или тридцать фунтовъ. Но прошу все купить въ томъ самомъ магазинѣ, въ которомъ покупаетъ свои вещи милэди.

— Это самый дорогой магазинъ въ Брумъ, милордъ.

— Самый дорогой магазинъ оказывается всегда на повѣрку самымъ дешевымъ,—замѣтилъ милордъ.

— Десяти фунтовъ будетъ достаточно даже и для дорогого магазина,—сказала Баркеръ.—Я вѣдь куплю только матеріаль, а Бетси сошьетъ платья; она отличная портниха.

Бетси ухмыльнулась и покраснѣла при этой похвалѣ.

— Какая славная Бетси! — воскликнулъ Лашмеръ. — Но я вамъ дамъ двадцать фунтовъ, чтобы вы не скупились и непременно купили бы самую мягкую и дорогую матерію. Я хочу, чтобы моя дѣвочка была хорошенькая.

— Это невозможно, милордъ,—отвѣчала Баркеръ съ убѣжденіемъ.—Но мы съ Бетси постараемся, чтобы она была какъ можно лучше одѣта.

V.

Слѣдствіе о смерти Джонатана Больдвуда было произведено на слѣдующій день, и лордъ Лашмеръ присутствовалъ на немъ. Свидѣтелей было пропасть, готовыхъ описать его паденіе, еслибы одного голоса для того было недостаточно. Всѣ пожарные признаны невиновными; они молодецки работали на другой сторонѣ дома; ни одна душа не погибла въ этомъ большомъ людскомъ

ульѣ. Единственнымъ несчастіемъ съ людьми была смерть отца, пытавшагося спасти своего ребенка.

Никто не явился, чтобы свидѣтельствовать о прошлой жизни Больдвуда или сообщить, кто онъ такой и какъ попалъ въ Брумъ. Когда коронеръ спросилъ: что случилось съ ребенкомъ, лордъ Лашмеръ выступилъ впередъ и сказалъ, что онъ взялъ дѣвочку въ приемныя дочери, и отнынѣ беретъ на себя отвѣтственность за ея будущность.

— Не думаю, чтобы кто-нибудь сталъ оспаривать у васъ эту привилегію, милордъ,—отвѣтилъ коронеръ,—и надѣюсь, что когда дитя вырастетъ, то сдумѣетъ отблагодарить васъ за спасеніе своей жизни.

Въ комнатѣ раздались хвалебныя восклицанія, когда лордъ Лашмеръ уходилъ изъ нея. Но прежде, чѣмъ онъ оставилъ Брумъ, онъ объявилъ властямъ, что желаетъ похоронить прилично и на свой счетъ бранные останки Больдвуда и купить ему могилу на кладбищѣ. Онъ настойчиво заявлялъ, что никакъ не хочетъ, чтобы Больдвуда похоронили на счетъ прихода.

Два дня спустя, онъ самолично присутствовалъ на похоронахъ—обстоятельство, отнюдь для него не пріятное, такъ какъ радикальная чернь Брумма поставила себѣ за честь сопутствовать мертвому тѣлу агитатора. Но Лашмеръ говорилъ себѣ, что наступитъ день, когда Стелла станетъ разспрашивать про похороны отца и захочетъ сходить на его могилу; онъ хотѣлъ имѣть право сообщить ей, что стоялъ у этой могилы въ то время, какъ гробъ засыпали землей, и слова надежды и упованія произнесены были надъ нимъ.

Поэтому Лашмеръ стоялъ около пастора, когда тотъ произносилъ эти возвышенныя слова, и онъ первый положилъ цвѣты—лѣтнія, бѣлыя розы—на гробъ демагога. Толпа протискивалась впередъ, чтобы поглядѣть на могилу, и не одна заскорузлая рука кидала полевые цвѣты на громадный дубовый гробъ. Въ толпѣ были женщины, которыя плакали, женщины, которыя никогда не слышали оратора, но сознавали, что потеряли друга. Развѣ онъ не отстаивалъ интересы бѣдныхъ и не возставалъ противъ богатыхъ? Развѣ онъ не былъ выразителемъ того недовольства, которое растетъ со дня на день съ распространеніемъ образованія.

Послѣднія лѣтнія розы давно уже отцвѣли, прежде нежели Стелла перестала жалобно проситься къ папочкѣ. Она была кротка и послушна со своимъ благодѣтелемъ; она постепенно привязывалась къ нему. Она любила его общество, любила рѣку и сады, луга и цвѣтушіе берега, книги съ картинками въ биб-

ліотекѣ, гдѣ она обыкновенно сидѣла на полу, потихоньку переворачивая листы иллюстрированного тома, въ то время, какъ Лашмеръ писалъ или читалъ, ни мало не обезпеченный ея присутствіемъ. Она благоденствовала подъ опекой Бетси Баркеръ и наслаждалась комфортомъ и счастьемъ своей новой жизни; но какъ ни была она мала, она не забывала отца. Внезапно лицо ея отуманивалось среди радостной обстановки ея жизни, и слезы градомъ катились по щекамъ, когда она спрашивала у Лашмера: „неужели папочка *никогда* не вернется?“ — Иногда Лашмеръ сожалѣлъ, что онъ сразу не сказалъ ей всю истину, и сомнѣвался, благоразумно ли онъ поступилъ, не постаравшись объяснить этому юному уму значеніе слова „смерть“. Но послѣ того, какъ онъ такъ долго оставлялъ ее въ заблужденіи, онъ не могъ вывести ее вдругъ изъ этого заблужденія. Онъ могъ только въ поэтическихъ и неопредѣленныхъ образахъ рисовать ей чудную страну, куда всѣ они переселятся со временемъ.

Однажды она спросила у него названіе этой отдаленной страны, и онъ сказалъ ей, что это Іерусалимъ.

Стоило ей увидѣть незнакомаго человѣка въ домѣ или въ саду, и она тотчасъ подбѣгала къ нему, вопросительно глядя ему въ лицо: не папочка ли ея вернулся? Каждый разъ, какъ она видѣла высокаго, широкоплечаго человѣка, она испытывала горьчайшее разочарованіе. Издали она принимала его за „папочку“, бѣжала къ нему и хватала за полы сюртука, называя дорогимъ ей именемъ, и—о! какъ горько было видѣть чужое лицо, съ удивленіемъ на нее глядѣвшее!

Сколько разъ послѣ такого разочарованія она плакала въ три ручья, пока не засыпала вся въ слезахъ.

Она была очень умнымъ и понятливымъ ребенкомъ, серьезнымъ не по лѣтамъ, любознательнымъ и глубокомысленнымъ. Она хотѣла все знать, и про солнце, и про луну, про звѣзды, про землю и все, что на ней обитало. Книжки съ картинками служили непрерывнымъ предметомъ для удивленія. Въ нихъ были всѣ этапы человѣческаго знанія, крупные и мелкіе, отъ сокровищъ Агамемнона до послѣдняго открытія о муравьяхъ или афідіяхъ. Лашмеръ былъ безконечно терпѣливъ съ своей живой игрушкой. Онъ откладывалъ въ сторону Платона, чтобы отвѣчать на дѣтскіе вопросы Стеллы, объяснять ей картинки, рассказывать исторіи. Онъ, для котораго книги были сама жизнь, вся прелесть и все счастье жизни, закрывалъ любимаго автора, ради того, чтобы удовлетворить жаднѣ знанія пытливаго юнаго ума.

Большую часть многому научилъ своего ребенка, развилъ его не

по лѣтамъ. Онъ училъ ее, какъ учать обыкновенно люди съ обширнымъ умомъ и лѣнивымъ нравомъ. Онъ сажалъ ее къ себѣ на колѣни и толковалъ съ ней обо всемъ на свѣтѣ, перебѣгая отъ одного сюжета къ другому, то рассказывая ей какую-нибудь сказку изъ древней греческой мифологіи, то сообщая какой-нибудь фактъ изъ жизни и привычекъ крокодиловъ. Но былъ одинъ сюжетъ, котораго онъ никогда не касался: онъ совсѣмъ не говорилъ съ ней о Богѣ. Лапмеру выпало на долю научить ее молиться. Первую, простѣйшую форму молитвы, которую онъ помнилъ еще съ дѣтскихъ лѣтъ, когда его научила ей нянька, онъ сообщилъ Стеллѣ разъ вечеромъ, когда ребенокъ прощался съ нимъ, уходя спать.

— Стелла, я надѣюсь, что ты каждый вечеръ молишься, прежде нежели ляжешь въ постельку и когда встанешь по утру?— спросилъ онъ.

— Чтѣ значить молиться? Бетси говоритъ, что я должна молиться, но я не знаю, чтѣ это значить.

— Развѣ папочка не училъ тебя молиться, Стелла?

Она покачала головой.

— Еслибы это было хорошо, онъ бы научилъ меня, — сказала она:— онъ былъ всегда добръ къ своей Стеллѣ.

— Молитва для всѣхъ насъ хороша, моя душа. Папочка, вѣрно, думалъ, что ты слишкомъ молода, чтобы молиться, слишкомъ молода, чтобы понимать о Богѣ, который создалъ насъ и котораго мы должны любить и бояться.

— Папочка говорилъ, что нѣтъ Бога; что только глупцы вѣрять въ Бога.

— Дитя мое, если мы хотимъ быть счастливы, то намъ нуженъ кто-нибудь, кто выше и лучше насъ и кого бы мы почитали. Намъ нужно сознаніе, что у насъ есть другъ и покровитель, который заботится и охраняетъ насъ. Къ счастью, у большинства изъ насъ есть это сознаніе; оно родится вмѣстѣ съ нами; оно составляетъ часть нашего существа; оно проявляется въ странныхъ и разнообразныхъ формахъ въ различныхъ странахъ, но всегда съ тѣмъ же инстинктомъ—стремленіемъ въ міръ высшій.

И такъ какъ и чувства эти и слова были недоступны дѣтскому пониманію, онъ посадилъ ее къ себѣ на колѣни и пересказалъ исторію Иисуса Христа, исторію его земной жизни, какъ онъ страдалъ и умеръ за людей.

Дитя слушало съ удивленіемъ, широко раскрывъ глаза.

— Папочка этого не зналъ, а то бы онъ полюбилъ Христа,— объявила она.

И послѣ того Лашмеръ научилъ ее первымъ четыремъ строчкамъ дѣтской молитвы, которой онъ научился отъ няньки двадцать-три года тому назадъ: „Gentle Jesus, meek and mild, look upon a little child“.

Стелла повторяла слова за нимъ яснымъ, звучнымъ дѣтскимъ голоскомъ. За этимъ послѣдовали другія молитвы, и прежде всего „Отче Нашъ“, и совѣсть Бетси была освобождена отъ бремени, тяготившаго ее.

Стелла прожила цѣлый мѣсяцъ въ замкѣ, прежде нежели попала на встрѣчу лэди Лашмеръ. Вдовствующая милэди ѣздила въ Лондонъ съ Викторіаномъ и отвезла его въ Итонъ, а затѣмъ провела недѣлю въ Виндзорѣ, чтобы смягчить скорбь разлуки съ своимъ идиоломъ. Она видѣла его на игрѣ въ теннисъ, видѣла его на рѣкѣ, и его юная красота казалась ей совершенствомъ подрастающаго мужчины. Она говорила съ нимъ о его будущемъ, о его карьерѣ, напирая на это слово съ героическимъ стремленіемъ зажечь честолюбіе въ юномъ умѣ.

— Какъ младшій сынъ, ты обязанъ отличиться, Викторіанъ, — говорила она. — Твой бѣдный братъ, лордъ Лашмеръ, онъ можетъ проводить свои дни въ библіотекѣ въ праздныхъ грѣзахъ; но ты будешь нулемъ, если не заработаешь себѣ высокаго положенія въ обществѣ. Ты долженъ быть творцомъ своего величія.

— Я ничего не имѣю противъ того, чтобы быть творцомъ, но нисколько не желаю быть чернорабочимъ и по кирпичу складывать зданіе своего могущества, какъ это дѣлаютъ нищіе, избирая церковь или законовѣденіе для своего поприща.

— Твоей профессіей должна быть политика.

— Это чертовски медленное и, какъ говорятъ, чертовски трудное дѣло. Надо изнывать надъ синими книгами и тошной статистикой и задыхаться въ палатѣ въ душные лѣтніе вечера, когда фешенебельная жизнь рѣвой струится за городомъ. Еслибы я могъ вечеромъ произнести краснорѣчивый спичъ о какомъ-нибудь жгучемъ вопросѣ и проснуться на другое утро знаменитымъ!

— Ахъ! вотъ такъ всегда разсуждаютъ мальчики, которые хотятъ добиться успѣха безъ труда!

— Матушка, — сказалъ мальчикъ, ближе подходя къ ней и понижая голосъ: — знаете ли, что нѣкоторые изъ моихъ товарищей говорятъ мнѣ, что съ моей стороны было бы глупо работать, потому что я *долженъ* быть лордомъ Лашмеромъ со временемъ. Бѣдный Лашъ пользуется такимъ слабымъ здоровьемъ и, конечно, не долго проживетъ, — развѣ вы этого не знаете?

— Кто говорилъ тебѣ, что ты будешь лордомъ Лашмеромъ, тотъ твой злѣйшій врагъ,—строго замѣтила ему мать.—Лашмеръ жестоко страдаетъ отъ невралгіи, бѣдняжка, но у него нѣтъ никакого органическаго поврежденія. Сэръ Уильямъ Спенсеръ сказалъ ему, что онъ можетъ прожить до глубокой старости.

— Я радъ это слышать, — сказалъ мальчикъ, — потому что очень люблю старика Лапа. Онъ всегда былъ мнѣ добрымъ братомъ. Что касается того, чтобы работать, то я терпѣть этого не могу,—да и кто любить? —но я всегда и вездѣ стараюсь быть первымъ и буду. Я применю къ аристократическому радикализму.

— Викторіанъ!—вскричала милэди, поблѣднѣвъ отъ ужаса.

— Никто такъ успѣшно не пролѣзаетъ въ люди, какъ ваппы фаты радикалы. Погляди, напримѣръ, на Мопертюса. Кого слушаютъ съ большимъ уваженіемъ, чѣмъ его? Человѣкъ, родившійся въ пурпурѣ, производитъ такой эффектъ, когда сповойно излагаетъ теоріи крайняго социализма. Я буду проповѣдывать нѣчто въ родѣ того евангелія, которое проповѣдывалъ съ такимъ краснорѣчіемъ бѣдный нищій Больдвудъ. Но только я буду такъ же мягокъ и вѣжливъ, какъ Мопертюсъ, знаете, и буду остроумъ палаты. Ничто такъ не дѣйствительно, какъ остроуміе.

— Но остроуміе—одна изъ тѣхъ немногихъ вещей, которыми нельзя научиться,—замѣтила мать, нѣжно улыбаясь самоуверенности своего мальчика.—Человѣкъ не станетъ теноромъ или остроумъ отъ того, что этого пожелаетъ.

— Посмотримъ,—самоуверенно объявилъ Викторіанъ:—если я буду въ палатѣ, то заставлю ее смѣяться со мной, но не надо мной, матушка.

— Я бы желала, чтобы ты былъ честолюбивъ, — сказала милэди, цѣлуя широкій, крѣпкій лобъ сына: — пусть даже ты будешь самоуверенъ, даже тщеславенъ — все не бѣда, пока ты прилеженъ и трудолюбивъ.

Это было ихъ прощальной бесѣдой. Лэди Лашмеръ никогда не позволила себѣ даже намека на возможность для сына наследовать титулу и богатству своего своднаго брата. И теперь у нея не вырвалось ни единой жалобы на ударъ, нанесенный ей надеждамъ благопріятнымъ діагнозомъ Спенсера. Она теперь сознавала, что надежды эти были безнравственны; однако утѣшалась тѣмъ, что всегда исполняла свой долгъ относительно пасынка, и всегда будетъ его исполнять. Еслибы Провидѣнію угодно было освободить его отъ бремени существованія, она нашла бы, что Провидѣніе поступило мудро и благотѣтельно какъ для

Лашмера, такъ и для Викторіана. Но вторая дочь лэди Питлэндъ была слишкомъ хорошо воспитана, чтобы роптать на Провидѣніе. Она не даромъ ходила два раза въ день въ церковь по воскресеньямъ и ежедневно въ святую недѣлю. Она была крайне ортодоксальна въ своихъ понятіяхъ и смирялась передъ непостижимымъ и невѣдомымъ.

Она вернулась въ Миддльширъ и была радушно встрѣчена пасынкомъ, который выѣхалъ для встрѣчи ея на станцію, доказывая ей этимъ свое почтеніе. Онъ стоялъ на платформѣ, когда поѣздъ остановился, и милэди подумала, что никогда еще онъ не казался такимъ здоровымъ.

— Я не удивлюсь, если сэръ Уильямъ окажется правъ. Онъ смотритъ такъ, что, пожалуй, проживетъ девяносто лѣтъ, — сказала она самой себѣ, и затѣмъ со вздохомъ прибавила:

— Бѣдный Викторіанъ!

При всей своей ортодоксальности, она не могла не огорчаться, что сынъ ея, воплощеніе мужской силы и красоты, долженъ оставаться на заднемъ планѣ, благодаря невзрачному горбуну.

— Какъ ты загорѣлъ, Лашмеръ, и какимъ кажешься здоровякомъ! — проговорила она, пожимая ему руку.

— У меня ни разу не болѣла голова съ тѣхъ поръ, какъ вы уѣхали. Я полагаю, что это потому, что я проводилъ больше времени на воздухѣ, чѣмъ обыкновенно.

— Я бы тебѣ совѣтовала всегда вести такой образъ жизни, — отвѣчала мачиха съ принужденной улыбкой.

Все время, пока они ѣхали домой, она была угрюма и молчалива, ссылаясь на усталость. Ни одного вопроса не задала она о protégée Лашмера; однако, подѣзжая къ замку, она вспомнила про дочь Больдвуда. Изъ-за этой дѣвчонки, безъ сомнѣнія, Лашмеръ проводилъ свое время въ саду и загорѣлъ какъ мужикъ. Эта прихоть сообщила новый интересъ его жизни и оживленіе лицу. Лэди Лашмеръ былъ слишкомъ ортодоксальна, чтобы негодовать на Провидѣніе; но она чувствовала, что можетъ сколько угодно сердиться на дочь Больдвуда.

На слѣдующее утро она стояла на балконѣ въ пеньюарѣ и вдыхала чистый, благоуханный воздухъ, глядя на сверкающую зыбь рѣки. Далеко, далеко, въ саду розъ, красивомъ, старомодномъ квадратѣ изъ зеленого дерна и розовыхъ кустовъ, окруженномъ живой изгородью, она увидѣла двѣ фигуры: Лашмера и маленькой дѣвочки въ бѣломъ платьицѣ. Дѣвочка перебѣгала отъ цвѣтка къ цвѣтку; мужчина расхаживалъ по дерну съ книгой

въ рукахъ; но время отъ времени отрывалъ глаза отъ ея страницъ и, взглядывая на ребенка, вступалъ съ нимъ въ разговоръ.

Лэди Лашмеръ долго наблюдала за ними.

— Слыханное ли дѣло такая нелѣпая прихоть! — сказала она самой себѣ съ презрѣніемъ.

Часомъ позже она впервые встрѣтила дѣвочку въ корридорѣ. Стелла была одна и весело бѣжала, держа въ подолѣ цѣлую грудку полевыхъ цвѣтовъ... веселая, свободная, счастливая. Она только-что вернулась съ утренней прогулки съ Лашмеромъ въ лодкѣ по рѣкѣ.

Милэди положила руку на плечо ребенка и нагнулась, чтобы заглянуть въ желтенькое личико.

Дурна? Нѣтъ, не такъ дурна, какъ ей показалось въ тотъ вечеръ.

Мелкія черты лица были слишкомъ тонкіи, чтобы почестъя некрасивыми. Глаза же были удивительны... слишкомъ велики, слишкомъ черны для ребенка, но въ женщинѣ они были бы достойны Клеопатры.

— Я не удивлюсь, если эта тварь вырастетъ красивой женщиной, — подумала милэди, и тогда всѣ шансы на лицо, что Лашмеръ на ней женится. Съ его эксцентричными идеями въ такомъ бракѣ не будетъ ничего удивительнаго. Дайте подумать: ей пять лѣтъ... раньше двѣнадцати или тринадцати лѣтъ она не годится въ невѣсты. Ну, это все-таки утѣшительно. А пока она помѣшаетъ ему жениться на комъ-нибудь другомъ.

Въ этой послѣдней мысли было тоже своего рода утѣшеніе; однако лэди Лашмеръ не могла принудить себя увидѣть въ ребенкѣ не какую-нибудь змѣю.

— Какъ тебя зовутъ? — строго спросила она.

— Стелла, — отвѣчало дитя, глядя на милэди и нисколько не смущаясь ни ея величественнымъ видомъ, ни великолѣпнымъ платьемъ, ни нахмуренными темными бровями.

— Стелла! Какое театральное имя! — Тебя, должно быть, Лашмеръ называлъ Стеллой?

— Нѣтъ, мой папочка. Онъ звалъ меня Стеллой. Вы знаете, гдѣ мой папочка? — вдругъ спросила она, оживляясь.

Милэди готова была отвѣтить. Еще секунда, и горькая, тяжелая истина была бы обнаружена, но тутъ Лашмеръ вышелъ изъ кабинета и положилъ конецъ бесѣдѣ.

— Вотъ какъ! вы познакомились со Стеллой, — сказалъ онъ. — Не правдали-ли, что она очень похорошѣла на попеченіи у Бетси?

— Я нахожу, что Бетси одѣваетъ ее слишкомъ нарядно, —

отвѣчала милэди, съ негодованіемъ глядя на бѣлое платье и пунцовый поясъ, красные башмачки и коралловое ожерелье на тоненькой шейкѣ, желтоватая бѣлизна которой напоминала слоновою кость.

— О! я люблю, чтобы она была нарядно одѣта! Она вносить красоту и жизнь въ скучную жизнь ученаго. Ну, бѣги теперь, Стелла. Бѣги и пообѣдай и приходи ко мнѣ опять въ четыре часа для урока чтенія. Прощай до четырехъ часовъ.

Онъ поцѣловалъ ее и съ улыбкой отпустилъ. Она побѣжала, бормоча:—въ четыре часа, въ четыре часа... приходитъ въ четыре часа,—точно старалась запечатлѣть этотъ фактъ въ своей памяти.

Лэди Лашмеръ почувствовала бесполезность спора съ пасынкомъ. Его спокойный, рѣшительный характеръ всегда бралъ надъ нею верхъ, когда дѣло шло о серьезномъ намѣреніи съ его стороны. Въ пустякахъ онъ всегда уступалъ ей. Онъ позволялъ ей царствовать самодержавно въ домѣ, котораго онъ былъ наслѣдственный хозяинъ. Онъ предоставлялъ ей тратить столько изъ его денегъ, сколько ей хотѣлось, чтобы поддержать штатъ, далеко превосходившій его потребности; но въ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ были замѣшаны чувства или привязанности, онъ былъ самъ себѣ господинъ.

Милэди желала отдѣлаться отъ старика-буквоѣда, учителя, когда Лашмеръ подростъ. Учитель научилъ ученика всему, что только зналъ. Онъ былъ затрапезнаго вида старикашка и составлялъ пятно на великолѣпномъ фонѣ лашмерскаго замка. Онъ получалъ двѣсти фунтовъ въ годъ за то, что ничего не дѣлалъ. Но когда она высказала эти взгляды Лашмеру, то онъ объявилъ ей, что желаетъ, чтобы Габріэль Вернеръ окончилъ свои дни въ замкѣ.

— Вернеръ слишкомъ старъ, чтобы идти къ чужимъ людямъ и привыкать къ чужимъ обычаямъ, — сказалъ онъ, — и притомъ онъ очень мнѣ полезенъ какъ бібліотекаръ и секретарь. Онъ смотритъ за моими книгами и пишетъ за меня дѣловыя письма.

— Онъ столько же понимаетъ въ дѣлахъ, какъ вотъ эти павлины, — отвѣчала милэди, разсѣянно глядя на птицъ Юноны, расхаживавшихъ по террасѣ, распутивъ хвостъ на солнцѣ.

— Къ счастью, я понимаю и всегда могу научить его.

Такимъ образомъ, Габріэль Вернеръ остался, добродушнаго вида старичокъ съ согбенной спиной и плечами отъ вѣчнаго корнѣнья надъ книгами, такъ что казался почти горбатымъ.

Лэди Лашмеръ порой думала, что онъ изъ лести нажилъ горбъ. Это былъ безвредный старикъ, маленькаго роста и блѣдный, съ высокимъ лбомъ и серебристыми волосами, которые онъ носилъ какъ Милтонъ, на котораго, ему казалось, онъ похожъ. У него было невинное интеллектуальное тщеславіе, и онъ составлялъ подробные комментаріи на Аристотелеву метафизику, которые боялся напечатать, чтобы вдругъ, чего Боже упаси, не прославиться на старости лѣтъ и не сойти въ могилу раздавленнымъ тяжестью лавровыхъ вѣнковъ, какъ Тарпея браслетами осаждающихъ. Онъ жилъ въ замкѣ, не появляясь на глаза его гордой госпожѣ. У него была своя гостиная около библіотеки, гдѣ онъ и пребывалъ въ одиночествѣ, когда не былъ съ Лашмеромъ. Разъ, когда она была въ милостивомъ настроеніи, лэди Лашмеръ пригласила его на полдникъ; въ другой разъ, когда у нея случился ученый гость, она позвала м-ра Вернера обѣдать, съ тѣмъ, чтобы онъ снялъ съ нея бремя бесѣды и восхищенія учеными рѣчами. Мало-по-малу она примирилась съ мыслью, что онъ окончитъ дни свои въ Лашмерѣ. Она даже связала ему теплые перчатки, которыя онъ носилъ, съ умиленіемъ толкуя о „любезности къ нему милэди“.

Въ настоящемъ случаѣ лэди Лашмеръ обратилась за симпатіей къ Габріэлю Вернеру. Она подошла къ нему въ то время, какъ онъ совершалъ свою обычную прогулку на террасѣ, послѣ умѣреннаго полдника, съ томомъ нѣмецкой метафизики подъ мышкой, въ который онъ время отъ времени заглядывалъ, и затѣмъ снова закрывалъ и продолжалъ прогулку.

— Любезный мистеръ Вернеръ, какой у васъ здоровый видъ! — воскликнула милэди: — вы, кажется, гораздо здоровѣй, чѣмъ тогда, когда я уѣзжала изъ замка.

— Я думаю, что это потому, что я гораздо больше бываю на чистомъ воздухѣ, чѣмъ обыкновенно, — отвѣчалъ старикъ, безсознательно повторяя отвѣтъ Лашмера. — Милордъ и я, мы проводили все время на водѣ въ послѣдніе теплые дни; мы брали съ собой и книги, и полдникъ...

— И игрушку милорда... эту ужасную дѣвочку, — перебила лэди Лашмеръ.

— Могу васъ увѣрить, милэди, что эта маленькая дѣвочка — послушнѣйшій ребенокъ и чрезвычайно интересный товарищъ. Я не видывалъ болѣе развитога дѣтскаго ума. Это заставляетъ меня согласиться съ Аристотелемъ, что нѣкоторые низшіе...

— Разумѣется, этотъ ребенокъ долженъ быть хитеръ и себѣ на умѣ. Она — дитя бунта и свободомыслія, дитя человѣка, умъ

котораго былъ направленъ къ тому, чтобы дѣлать зло. Я не удивляюсь, что вы находите этого ребенка умнымъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ ея умъ будетъ служить нескончаемымъ источникомъ бѣдствій... для всѣхъ насъ... если только вы, любезный мистеръ Вернеръ, не употребите своего вліянія надъ Лашмеромъ. Вы имѣете большое на него вліяніе, дорогой сэръ; онъ положительно обожаетъ васъ и думаетъ, что ваша книга произведетъ переворотъ въ европейскомъ мышленіи.

Фраза была громкая, но лэди Лашмеръ не стѣснялась, когда преслѣдовала какую-нибудь цѣль.

— Вы слишкомъ добры,—пробормоталъ послѣдователь Аристотеля.

— Да, дорогой мистеръ Вернеръ,—продолжала милэди поспѣшно:—вы, право, должны пустить въ ходъ вашъ великій умъ, чтобы подѣйствовать на бѣднаго Лашмера. Онъ тоже очень умный человѣкъ, но онъ мечтатель. Вы должны указать ему на опасность, которая таится въ его фантазіи и которую онъ готовитъ себѣ въ будущемъ. Ради самаго неба, что онъ будетъ дѣлать съ этой дѣвочкой, если она окажется дурной? А она навѣрно окажется дурной. Я глубоко вѣрю въ наслѣдственный инстинктъ.

— А я, дорогая лэди Лашмеръ, такъ же глубоко вѣрю въ воспитаніе. Ни за какія блага въ мірѣ не стану я мѣшать Лашмеру въ этой его фантазіи. Припомните, что онъ спасъ жизнь этому ребенку, рискуя своею собственной. Она дана ему самимъ Богомъ. И онъ, кажется, гораздо счастливѣе съ тѣхъ поръ, какъ она здѣсь. Она интересуется, забавляетъ его; она отвлекаетъ его отъ самого себя; а подумайте, какое счастье забыть самого себя, когда природа, *injusta poverga*, была такъ недобра.

Габріэль Вернеръ умолялъ съ смущеніемъ. Не покажется ли фраза „*injusta poverga*“ личнымъ намекомъ? Къ счастью, лэди Лашмеръ воспитывалась въ тѣ дни, когда молодые лэди не учились латыни.

— Не бойтесь результатовъ,—продолжалъ Вернеръ.—Я буду отвѣчать за воспитаніе дѣвочки и ручаюсь, что это воспитаніе побѣдитъ дурные инстинкты, еслибы такіе и оказались въ ея характерѣ.

Лэди Лашмеръ не продолжала разговора. Очевидно, и тутъ нельзя было надѣяться на помощь.

— Я пойду и надѣну шляпку,—сказала она довольно сухо:—мнѣ предстоитъ нѣсколько скучныхъ визитовъ. И оставляю васъ съ вашимъ любезнымъ Платономъ.

Послѣдователь Аристотеля вздрогнулъ при этомъ ненавистномъ имени. Подумать, что послѣ столькихъ лѣтъ бесѣды, послѣ того, какъ онъ такъ часто и такъ подробно излагалъ лэди Лашмеръ характеръ своихъ занятій и изслѣдованій, лэди Лашмеръ все еще не знаетъ, къ какой школѣ онъ принадлежитъ!

Въ продолженіе шести цѣлыхъ лѣтъ Стелла Больдвудъ была почти совсѣмъ счастлива. Она жила въ мірѣ, гдѣ всѣ вещи были новы—для существа, родившагося въ нищенской и простонародной средѣ,—въ мірѣ, гдѣ красота и роскошь были неизмѣнны, въ мірѣ, гдѣ мысль царила, съ каждымъ днемъ расширяя свой горизонтъ. Воспитаніе для Стеллы было то же самое, что солнечный свѣтъ для цвѣтовъ или весенній воздухъ для птицъ. Ея острый умъ жадно ловилъ знаніе; ея живое воображеніе озаряло собственнымъ свѣтомъ всякіе предметы и ее учили такъ, какъ рѣдко учатъ дѣтей въ нашъ архи-просвѣщенный вѣкъ. Ее учили такъ кротко и весело, какъ рассказываетъ дѣтямъ сказки мать, у которой они сидятъ на колѣняхъ. Лашмеръ выработалъ собственную систему обученія. Ее ничему не учили, чтó ее не интересовало, не заставляли повторять сухихъ формулъ, какъ попугая. Ее не мучили техническими отвлеченностями, придуманными современными грамматиками, чтобы пытать дѣтей. Исторія земли, на которой она жила, не стала для нея отвратительной, благодаря сухимъ претензіямъ на ученость, длиннымъ перечнямъ высоты горъ, длины рѣкъ. Она училась красотѣ и славѣ вселенной незамѣтно, по картинкамъ и рассказамъ о различныхъ путешествіяхъ и приключеніяхъ. Въмѣсто того, чтобы набивать свою бѣдную головку всякими скучными цифрами, чтобы въ точности объяснить высоту того или другого пика въ Андахъ или въ Гималаяхъ, она представляла себѣ громаду этихъ горъ, трепетала на краю ихъ страшныхъ пропастей, знакомилась съ странными существами, обитающими на этихъ неприступныхъ высотахъ. Она сидѣла по цѣлымъ часамъ у ногъ Лашмера и слушала про похождения какого-нибудь смѣлаго изслѣдователя и затѣмъ дѣтскимъ карандашомъ рисовала фантастическія картинки днѣхъ, одинокихъ горъ, громаднхъ озеръ и страшныхъ лѣсовъ, міръ, который для ея живой фантазіи былъ такъ же близокъ, какъ и луга и огороды Миддлшира.

Лашмеръ училъ свою воспитанницу исторіи рядомъ рассказовъ, начинавшихся съ библейскихъ, продолжая темнымъ, таинственнымъ Египтомъ до свѣтлаго разсвѣта Греціи. Онъ долго и съ любовью пребывалъ въ мифологическомъ мірѣ Олимпа. Онъ

до мозга костей пропитался греческими легендами, Гезіодомъ и Гомеромъ и всѣми гомерическими пѣснями.

И Стелла любила слушать прекрасные мѣны изъ отжившаго міра и опять, и опять просила разсказать ей исторіи про Діонисія и Деметру, про Елену и Париса, Гектора и Ахиллеса, Аякса и Агамемнона. Въ лодкѣ подъ ивами въ лѣтніе, теплые дни, или передъ зимнимъ каминомъ между послѣ-полуденнымъ чаемъ и восьмичасовымъ обѣдомъ, образованіе Стеллы шло своимъ чередомъ; образованіе путемъ легенды и исторіи, поэзіи и фактовъ; образованіе устнымъ способомъ, который не требовалъ умственного напряженія; образованіе, сѣвшее сѣмена, но не собиравшее жатвы. *Послѣдняя* должна была наступить позже.

Габріэль Вернеръ занимался съ ребенкомъ каждое утро въ продолженіе одного часа. Онъ училъ ее читать, писать и считать. Это былъ единственный трудъ въ ея воспитаніи. Остальное давалось легко и само собой.

Жизнь ихъ шла съ такимъ однообразіемъ, которое для всякаго, кромѣ ученаго, показалось бы нестерпимымъ. Лэди Лашмеръ пріѣзжала и уѣзжала. Она проводила сезонъ въ Гросвеноръ-скверѣ. Она прожила разъ цѣлое лѣто въ Гомбургѣ, для излеченія своей подагры, и брала съ собою Викторіана. Въ другой разъ на каникулы она возила его въ Энгадинъ. Разъ она провела съ нимъ цѣлый мѣсяцъ въ Парижѣ. Но, за исключеніемъ временныхъ отлучекъ въ Лондонъ, въ сезонъ картинныхъ выставокъ, лордъ Лашмеръ рѣдко разставался съ замкомъ. Онъ находилъ удовольствіе, занятія и разнообразіе въ неподобной библиотекѣ, которою гордился лашмерскій замокъ. А развлеченіе и удовольствіе ему доставляло общество его пріемной дочери.

И вотъ, такимъ образомъ, среди роскоши, любимая и балованная, дожила дочь Джонатана Бовдвуда до своего одиннадцатаго года. Она помнила годъ своего рожденія, — какъ ни была мала, и сообщила своему благодѣтелю, потому что этотъ день имѣлъ названіе. Черноволосая дѣвочка, съ глазами точно звѣзды, вступила въ жизнь въ день лѣтняго равноденствія.

Лашмеръ расспрашивалъ ее иногда про ея первое дѣтство... но очень осторожно, боясь оживить ея страстное сожалѣніе объ отцѣ. Онъ спросилъ ее, говорилъ ли ей отецъ что-нибудь про ея мать или про свою жизнь.

Да. Онъ говорилъ ей, что былъ когда-то джентльменомъ, что родился въ большомъ домѣ близъ моря, далеко, далеко отсюда, на шотландской границѣ. Онъ говорилъ ей, что мать ея была

красавица и должна была бы быть очень богата... вотъ все, что Лашмеръ могъ узнать изъ разспросовъ.

Но, въ сущности, вѣдь исторія Джонатана Больдвуда очень мало значила теперь. Ребенка, очевидно, никто не потребуетъ отъ него, а это для Лашмера было главнымъ дѣломъ.

Одна только вещь, принадлежавшая покойнику, была спасена изъ огня. Небольшой металлическій ящичекъ съ буквами Д. Б. былъ найденъ среди пепла и обгорѣлыхъ остатковъ въ той части дома, гдѣ находились комнаты, занимаемыя Больдвудомъ. Ящичекъ былъ узнавъ его сосѣдомъ жильцомъ и переданъ Лашмеру вмѣстѣ съ ключомъ, висѣвшимъ на стальной цѣпочкѣ его часовъ. Часы, цѣпочка и ключъ поступили въ распоряженіе Лашмера послѣ слѣдствія.

Содержимое ящичка вызвало большое разочарованіе. Въ немъ находились бумаги, которыя отъ дыма закоптились такъ, что ихъ нельзя было разобрать. Единственнымъ неиспорченнымъ предметомъ оказался миниатюрный портретъ въ двойномъ золотомъ футлярѣ, который лучше могъ противостоять дѣйствию огня, нежели плохонькій металлическій ящичекъ. Миниатюра—была старомодная живопись на слоновой кости, портретъ человека во цвѣтѣ лѣтъ. Строгое, смуглое лицо, съ большими черными глазами и высокимъ, лысымъ лбомъ. Лашмеръ, судя по особенной формѣ бороды и воротника у скрутка, заключилъ, что оригиналъ портрета былъ иностранецъ; типъ лица и всей внѣшности былъ не англійскій. Онъ показалъ Стеллѣ портретъ и спросилъ, видала ли она его раньше.

— Нѣтъ, никогда. Кто это такой? кто это такой?

Лашмеръ запечаталъ листы закопченной бумаги въ большомъ конвертѣ и тщательно написалъ: „Обгорѣлыя бумаги, найденныя въ шкапулѣ Больдвуда“, вмѣстѣ съ обозначеніемъ мѣста и числа. Онъ вычистилъ шкапулку и положилъ туда обратно миниатюру и бумаги, заперъ, привязалъ ключикъ къ скобѣ и написалъ на ключѣ бумаги, который приклеилъ къ шкапулкѣ: „Эта шкапулка принадлежитъ Стеллѣ Больдвудъ и единственная вещь, которая была спасена изъ имущества ея отца“. Онъ поставилъ шкапулку въ шкафъ, гдѣ хранились наиболѣе дорогія изъ его книгъ: безцѣнный Декамеронъ, старинный экземпляръ Раблэ и нѣкоторые не менѣе почтенные изъ классиковъ, выпедшихъ изъ типографскихъ станковъ средневѣковой Венеціи.

А. Э.

НОВАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ КРИТИКА

Поль Буржэ, Жюль Леметръ, Фердинандъ Брюнетьеръ.

Французская критика, послѣ смерти Теофиля Готье и Сентъ-Бёва, послѣ окончательнаго перехода Тэна въ область философіи и исторіи, долго оставалась безъ выдающихся представителей. Въ работахъ на этой почвѣ никогда не было недостатка, и нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ Поль де-Сентъ-Викторъ, — отличались несомнѣннымъ дарованіемъ; но они были почти неизвѣстны за предѣлами Франціи, да и у себя дома не пользовались ни популярностью, ни авторитетомъ. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ много шуму надѣлали критическіе этюды Эмиля Зола, рѣзко и смѣло водрузившіе знамя ультра-натурализма; но настоящимъ критикомъ Зола не былъ, да и самъ не считалъ себя. Ему нужно было только совершить „походъ“ противъ враговъ „экспериментальнаго“ романа (одинъ изъ его критическихъ сборниковъ такъ и называется: „Une campagne“), подвести теоретическій итогъ своимъ практическимъ стремленіямъ, присоединить къ „проповѣди примѣромъ“ — „проповѣдь доктриной“. Онъ слишкомъ чувствовалъ себя стороною, чтобы быть — или хотя бы только пытаться быть — непристрастнымъ судьей; онъ признавалъ лишь два лагера — свой и чужой, и, превознося первый, топталъ ногами и рвалъ въ куски все принадлежащее къ послѣднему. Ничего болѣе противорѣчащаго недавнему опредѣленію Брандеса: „современная критика не судить, а объясняетъ“ — нельзя себѣ и представить. А между тѣмъ потребность въ *объясненіи* постоянно росла; въ области романа, какъ и въ области поэзіи, безостановочно шла усиленная работа, накоплялась масса характеристичныхъ явленій. Необходимо было разобраться между ними, отыскать ихъ источ-

никъ, установить ихъ взаимную связь, опредѣлить ихъ внутреннее значеніе. Для новаго дѣла напилься и новые дѣятели. Съ однимъ изъ нихъ—Полемъ Буржэ—читатели нашего журнала уже отчасти знакомы ¹⁾; другой—Жюль Леметръ—недавно выпустилъ въ свѣтъ три серіи критическихъ этюдовъ, подъ общимъ заглавіемъ: „Les Contemporains“, и онѣ всѣ выдержали, въ самое короткое время, нѣсколько изданій. Раньше Буржэ и Леметра началъ писать Фердинандъ Брюнетьеръ; но его статьи, сначала появляющіяся въ „Revue des deux Mondes“, потомъ выходящія отдѣльными книгами ²⁾—читаются гораздо меньше, хотя и заслуживаютъ вниманія.

Отличительная черта Жюля Леметра—отсутствіе односторонности и предвзятой мысли, готовность сочувствовать произведеніямъ самаго различнаго характера, писателямъ самыхъ различныхъ направленій. Въ этомъ отношеніи онъ составляетъ прямой контрастъ съ Эмилемъ Зола, для котораго существуетъ только одинъ видъ искусства, одинъ типъ художника. Не довольствуясь высокомѣрнымъ презрѣніемъ къ второстепеннымъ талантамъ „съ того берега“, въ родѣ Шербюлье или Октава Фэлье, Зола доходитъ, какъ извѣстно, до отрицанія Ж.-Занда—и встрѣчаетъ на этомъ пунктѣ рѣшительный отпоръ со стороны Леметра. „Скажите мнѣ, — спрашиваетъ молодой критикъ, — на какомъ основаніи я не долженъ находить удовольствія въ чтеніи „Индіаны“? Я люблю Лелію, обожаю Консюэло, выношу даже Жоржъ-Зандовскихъ рабочихъ—и сознаюсь въ этомъ, не краснѣя... Выборъ образцовъ, перенесеніе въ искусство тѣхъ или другихъ сторонъ дѣйствительности — это дѣло вкуса или темперамента, не подчиненное никакимъ законамъ; претендовать на регламентацію можетъ здѣсь только лже-пророкъ. Искусство, даже натуралистическое, неизбѣжно предполагаетъ *преобразование реальныхъ даныхъ* (une transformation du réel); въ силу какого права хотите вы опредѣлить границу, дальше которой не должно идти это преобразование? Что это за странная и педантическая тиранія, претендующая на управленіе моими наслажденіями? Распиримъ наши симпатіи, —самъ Зола можетъ отъ этого только выиграть, — и позволимъ художнику все, лишь бы только онъ не былъ посредственнымъ и скучнымъ“. Въ другомъ мѣстѣ Леметръ обращается къ самой Ж.-Зандѣ съ лирическимъ воззваніемъ,

¹⁾ См. статью г. Боборыкина: „Дюма-сынъ въ новомъ освѣщеніи“, въ № 10 „Вѣстника Европы“, за 1886 годъ.

²⁾ „Etudes critiques sur l'histoire de la littérature française“, „Histoire et littérature“, „Le Roman Naturaliste“.

напоминающимъ—не формой, но основной мыслью—опѣнку, данную ей Брандесомъ въ исторіи „главныхъ теченій XIX-го вѣка“. Вопреки Зола, проводившему мысль о вредномъ, глупомъ, тлетворномъ влияніи Ж.-Занда на читательницъ, Леметръ выражаетъ желаніе, чтобы современные психопатеи возвратились въ „Жану“ и другимъ романамъ великой идеалистки. „Женщина, павшая послѣ чтенія „Индіаны“, пала бы и безъ того, только еще ниже... Дурно понятые романы Ж. Занда способствовали, быть можетъ, паденію Эммы Бовари, но имъ, зато, она обязана и тѣмъ остаткомъ душевнаго благородства, въ силу котораго она искала и нашла убѣжище въ смерти“.

Принять сторону Ж.-Занда,—не значитъ еще, пожалуй, доказывать особенную храбрость; доктринерамъ „натурализма“ не удалось уничтожить обаяніе, выдержавшее гораздо большую опасность, устоявшее противъ старческихъ произведеній самой писательницы. Гораздо больше мужества нужно для того, чтобы замолвить доброе слово за Ламартина. Забытый еще при жизни, онъ давно признается похороненнымъ въ литературныхъ архивахъ. Леметръ рѣшается утверждать, что нѣкоторыми стихами Ламартина и теперь еще можно восхищаться, что у него есть строфы, „на цѣлые часы наполняющія читателя музыкой или мечтою“. „Не пересчитывайте „Méditations“ или „Harmonies“,—такъовъ ироническій совѣтъ, съ которымъ критикъ обращается въ массѣ публики:—вы либо не найдете въ этомъ никакого удовольствія — и я сочту васъ тогда весьма достойными сожалѣнія, — либо до такой степени поддадитесь чарамъ божественной поэзіи, что сдѣлаетесь равнодушными... даже къ мелочамъ парижской жизни и къ ея хроникерамъ“. Столь же мало заботится Леметръ о господствующихъ теченіяхъ и тогда, когда касается современныхъ писателей, почему нибудь не обрѣтающихся въ авантажъ. Молодое поколѣніе—или, по крайней мѣрѣ, избранная его часть, считающая и до извѣстной степени имѣющая основаніе считать себя передовою (не въ политическомъ или социальномъ отношеніи, а въ художественномъ),—не говоритъ иначе, какъ пожимая плечами, о беллетристикѣ и критикѣ „Revue des deux Mondes“. Леметръ осмѣливается находить и провозглашать во всеуслышаніе,—что далеко не все старо и слабо въ романахъ Октава Фёлье и Рабюссона, въ критическихъ этюдахъ Брюметьера. Съ легкой руки Зола принято издѣваться надъ тяжеловѣсностью Франсиска Сарсэ, надъ его буржуазною банальностью; Леметръ протестуетъ противъ этихъ насмѣшекъ и обращаетъ ихъ острие противъ самихъ насмѣшниковъ. „Сарсэ тяжелъ, тяжелъ какъ

слонъ, — это рѣшено и подписано, а всѣ подписавшіеся и подписывающіеся подъ рѣшеніемъ легки какъ бабочки... Мнѣ надобно, наконецъ, слышать нескончаемое повтореніе этой пѣсни. Нѣтъ, Сарсэ не тяжелъ; не тяжелъ ни его умъ, простой и искренній, ни его слогъ, воспитанный на Вольтеровской прозѣ. Вспомните слова Монтэня о его критикахъ: когда они бьютъ меня по носу, они даютъ щелчокъ Плутарху, — и смотрите, какъ бы ударъ, направляемый вами противъ Сарсэ, не задѣлъ Вольтера... Сарсэ — это XVIII-й вѣкъ, слѣгка развѣ разжирѣвшій и утолщенный“...

Вездѣ и у всѣхъ Леметръ расположенъ видѣть преимущественно сильныя, свѣтлыя стороны; трудно найти критика болѣе доброжелательнаго, болѣе готоваго признать все хорошее, подъ какимъ бы девизомъ оно ни являлось и въ какой бы цвѣтъ ни было окрашено. Строгъ онъ только къ претенціозности, безпощаденъ только къ банальности и пошлости. Онъ остается и здѣсь сдержаннымъ, учтивымъ, избѣгаетъ ервѣпныхъ словъ, не говоритъ ничего оскорбительнаго для *человѣка* — но тѣмъ убійственнѣе удары, наносимые имъ *писателю*. На нѣсколькихъ страницахъ, ни разу, если можно такъ выразиться, не возвысивъ голоса, онъ просто уничтожаетъ Жоржа Онэ — этого представителя торжествующей бездарности, романы котораго, „отмѣнно-нравоучительные и чинные“, замѣнили собою, въ сердцахъ буржуазной публики, побасенки Понсонъ-дю-Террайля и расходятся въ баснословномъ числѣ экземпляровъ, далеко опережая, въ этомъ отношеніи, даже „Assommoir“ и „Nana“ ¹⁾. Другая *bête poïge* Леметра — это Альберъ Вольфъ, типичный хроникеръ послѣдней формаціи, сплетникъ и вѣстовщикъ, гоняющійся за остроуміемъ и изыществомъ, но не умѣющій даже правильно писать по-французски. Въ лицѣ Вольфа (и Блава) Леметръ казнитъ „Фигаро“, эту „удивительную газету, наиболѣе богатую фактами, т.-е. наполненную до самыхъ краевъ массой ненужныхъ свѣденій, — чванящуюся политическими мнѣніями графа Альмавивы, но гибкую и услужливую, какъ лакей, имя котораго она носить“... Въ борьбѣ съ претенціозностью, идущей рука объ руку съ большимъ или меньшимъ талантомъ, оружіемъ Леметра служить шутка, добродушная, но не лишенная жала. Она господствуетъ, напримѣръ, въ статьѣ о Сулари, мало извѣстномъ у насъ, но довольно попу-

¹⁾ Внѣшній, рыночный успѣхъ романовъ Онэ служитъ новымъ доказательствомъ тому, какъ глубоко заблуждались фанатики золаизма, когда гордились ростущимъ спросомъ на романы своего патрона.

лярномъ во Франціи авторъ многочисленныхъ сонетовъ, и въ статьѣ о Ришпенѣ, оригинальная фигура котораго знакома и русской публикѣ. „Есть писатели,—такъ начинается этюдъ о Ришпенѣ, — похожіе на живописцевъ, на музыкантовъ, на токарей, на парфюмеровъ; есть писатели, которыхъ можно назвать царями, и есть другіе, въ гораздо болѣшемъ числѣ, настоящее мѣсто которыхъ было бы за прилавкомъ. Жанъ Ришпенъ—это наѣздникъ изъ цирка, или, еще вѣрнѣе, молодцоватый акробатъ, широкоплечій, цвѣтушій, смуглый, съ золотыми обручами въ густыхъ черныхъ волосахъ, гордо подбоченившійся, вдохновенно жонглирующій кинжалами и металлическими шарами. Эти кинжалы—жестяные, эти шары пусты внутри, но они звенятъ и блестятъ“... Въ другомъ мѣстѣ критикъ сравниваетъ Ришпена съ дорогимъ, породистымъ жеребцомъ, немного массивнымъ, но красивымъ въ своихъ необузданныхъ прыжкахъ и капризахъ. Въ „Рабасаѣ“, Сарду, одно изъ дѣйствующихъ лицъ сожалѣетъ о томъ, что не знаетъ слова болѣе свинскаго, чѣмъ „свинья“; „г. Ришпенъ,—замѣчаетъ Леметръ,—часто ищетъ такого слова“. Онъ любитъ выставить себя врагомъ и отрицателемъ всего созданнаго цивилизаціей; на самомъ дѣлѣ сквозь шкуру ликаря, которую онъ на себя надѣваетъ, безпрестанно проглядываетъ риторъ, усвоившій себѣ всю школьную премудрость. „Туранецъ“, презирающій боговъ и законы, на каждомъ шагѣ оказывается аріидцемъ, мастеромъ въ нанизываніи словъ, бывшимъ ученикомъ нормальной школы, кое-что заимствовавшимъ у романтиковъ, кое-что—даже у самого Буало. Вызовъ, посылаемый имъ божеству, былъ бы болѣе уместенъ въ устахъ атлета, готовящагося къ кулачному бою; атеизмъ Ришпена отзывается чѣмъ-то карнавальнымъ, площаднымъ. Звучность стиха, яркость колорита, опредѣленность рисунка — все это Леметръ охотно признаетъ и въ „Blasphèmes“, и въ „Caresses“, и въ „Chanson des Gueux“. Онъ не вчинаетъ противъ Ришпена никакого *procès de tendance*, ни въ чемъ его не обвиняетъ, ни въ чемъ не хочетъ стѣснить его свободу; онъ только констатируетъ громадную натяжку, непрерывную искусственность поэтического бунта, наполняющаго собою произведенія Ришпена, и вслѣдствіе этого никакъ не можетъ отнестись къ нему серьезно. Въ концѣ концовъ получается критика гораздо болѣе злая и гораздо болѣе справедливая, чѣмъ самыя негодующія выходки противъ безбожія и безнравственности мятежнаго поэта.

Такихъ этюдовъ, какъ посвященные Онэ и Вольфу, Сулари и Ришпену, у Леметра, повторяемъ, немного; почти во всѣхъ

другихъ нота сочувствія и одобренія звучить гораздо чаще и гораздо сильнѣе, чѣмъ нота порицанія и осужденія. Разгадку этому слѣдуетъ искать въ натурѣ Леметра, въ его критическихъ приемахъ и взглядахъ. Чуткій и впечатлительный, онъ легко поддается самымъ разнообразнымъ вліяніямъ. Не то, чтобы онъ подчинялся чужимъ мнѣніямъ, но онъ способенъ жить жизнью изучаемаго имъ писателя, способенъ воспринимать его настроеніе, смотрѣть его глазами, чувствовать его сердцемъ. Сегодня онъ восхищается простымъ здравымъ смысломъ Сарса, завтра онъ будетъ восхищаться утонченностью Ренана; сегодня ему нравится сухость, безстрастіе Рабюссона (*il n'y a aucune émotion dans ses romans; c'est d'une sécheresse qui me ravit*) — завтра ему будетъ нравиться нѣжность, задушевность Пьера Лоти. „Увы! — восклицаетъ онъ самъ: — во мнѣ до такой степени мало преобладаетъ критикъ, что писателю, мною овладѣвающему, я отдаю всецѣло, а потомъ также всецѣло перехожу во власть другого; послѣдующимъ впечатлѣніемъ у меня почти изглаживается предыдущее“. Иногда личная особенность критика возводится имъ даже на степень системы. „Перемѣнчивые сами, — говоритъ онъ въ статьѣ объ Анатолѣ Франсѣ, парафразируя извѣстное изреченіе Сентъ-Бѣва (*„nous sommes mobiles et nous jugeons des êtres mobiles“*), — мы созерцаемъ вѣчно измѣняющійся міръ. Произведенія литературы дефилируютъ передъ нашимъ умственнымъ зеркаломъ; дефиле продолжается долго, зеркало успѣваетъ измѣниться, и новое отраженіе предмета существенно отличается отъ прежняго. Всякій можетъ убѣдиться въ этомъ по собственному опыту. Я нѣкогда обожалъ Корнеля и чуть не презиралъ Расина; теперь я обожаю Расина, а къ Корнелю сталъ почти равнодушенъ. Стихи Мюссэ прежде приводили меня въ восторгъ, отъ котораго теперь я не нахожу и слѣда. В. Гюго былъ для меня волшебной силой, а теперь онъ чуждъ моей душѣ... *Мы хвалимъ то, что мы любимъ, вотъ и все*; только одни всегда любятъ, а потому всегда и хвалятъ одно и то же, а отзывы другихъ измѣняются вмѣстѣ съ ихъ привязанностями... Каковы бы ни были притязанія критики, она не идетъ и не можетъ идти дальше констатированія *впечатлѣній*, вызванныхъ, въ данную минуту и въ данномъ лицѣ, даннымъ произведеніемъ искусства“. Итакъ, Жюль Леметръ проповѣдуетъ критическій „импрессионизмъ“; вѣрнѣе будетъ сказать, что онъ просто провозглашаетъ самого себя „импрессионистомъ“, потому что въ другомъ мѣстѣ (въ статьѣ о Вейсѣ) онъ признаетъ возможность и даже необходимость критики болѣе послѣдовательной и систематичной, менѣе зависимой

отъ минутныхъ „впечатлѣній“. Какъ бы то ни было, роль „впечатлѣній“ въ критикѣ несомнѣнно велика, и законность критическаго „импрессионизма“ едва ли подлежитъ спору, лишь бы только онъ не претендовалъ на единодержавіе и непогрѣшимость (у Жюль Леметра о такой претензіи вовсе нѣтъ и рѣчи). Весь вопросъ сводится къ тому, *кто* и *какъ* испытываетъ впечатлѣнія. На сколько незанимательны и неважны впечатлѣнія ума тяжелаго, ограниченнаго, односторонняго, сухого, настолько интересны впечатлѣнія артистической, даровитой, широкой натуры, ко всему воспримчивой, на все отзывчивой. Такой натурой является Леметръ, не даромъ, очевидно, написавшій цѣлыхъ два тома стихотвореній („Médailles“ и „Petites orientales“). Поль Буржэ, какъ извѣстно, также былъ поэтомъ, прежде чѣмъ сдѣлаться критикомъ и романистомъ; съ поэзіи началъ и Сентъ-Бёвъ.

Свобода отъ доктринерства, отъ системы, доходитъ иногда у Леметра до ироническаго отношенія къ самому себѣ. „Я цѣню мои размышленія,—говоритъ онъ въ статьѣ о Франсѣ,—не выше, чѣмъ они стоятъ на самомъ дѣлѣ; я знаю, что они правильны и вмѣстѣ съ тѣмъ неправильны“. т.-е. неправильны для того, кто не раздѣляетъ „впечатлѣній“ автора. Онъ слѣдуетъ, гдѣ можетъ, завѣщанію Сентъ-Бёва, старается найти и раскрыть внутреннюю связь между личностью писателя и его произведеніями—но самъ же не прочь, иногда, посмѣяться надъ своими усиліями. Въ статьѣ о Глувѣ,—мало извѣстномъ, но, повидимому, довольно оригинальномъ романистѣ,—длинный рядъ остроумныхъ сближеній между содержаніемъ романовъ и саномъ автора (генераль-адвоката при одной изъ провинціальныхъ судебныхъ палатъ) внезапно заканчивается восклицаніемъ: „а вѣдь я, пожалуй, и не подумалъ бы о всемъ этомъ, еслибы не зналъ, что г. Глувѣ служить въ судебномъ вѣдомствѣ!“ Разобравъ, затѣмъ, лучший романъ Глувѣ („Le berger“), Леметръ замѣчаетъ: „теперь я уже не спрашиваю себя, къ какому общественному классу принадлежить авторъ этого романа; это для меня совершенно безразлично; я долженъ сознаться, что если я непочтительно отыскивалъ въ другихъ романахъ г. Глувѣ отголосковъ его судейской профессіи, то только потому, что они не стоятъ на одной высотѣ съ послѣднимъ“. Въ той же статьѣ мы читаемъ: „само собою разумѣется, что я преувеличиваю здѣсь свои впечатлѣнія—но такъ я буду дѣйствовать и впредь, чтобы быть болѣе яснымъ“. Къ оговоркамъ, къ смягченіямъ Леметръ прибѣгаетъ очень часто; руководствуясь „впечатлѣніемъ“, онъ словно боится, чтобы оно не завлекло его слишкомъ далеко, — и въ особенности боится быть

несправедливымъ по отношенію къ разбираемому автору. По временамъ Леметръ точно жалѣетъ, что ему не дано быть прямолинейнымъ, непреклоннымъ представителемъ той или другой эстетической теоріи. „Кто, подобно мнѣ,—говоритъ онъ въ статьѣ о Сарсэ,—старается проникнуть всюду, тотъ часто не имѣетъ собственнаго дома; а это—положеніе незавидное“. Сожалѣніе Леметра кажется намъ напраснымъ. Если онъ иногда скользятъ по поверхности предмета, если нѣкоторымъ изъ его этюдовъ (напр., этюду о Ренагѣ) недостаетъ законченности и полноты, то это объясняется скорѣе поспѣшностью журнальной работы (Леметръ—постоянный сотрудникъ „Revue bleue“), чѣмъ отсутствіемъ критической доктрины. „Впечатлѣнія“ Леметра могутъ быть слишкомъ сильны или слишкомъ слабы, но въ основаніи ихъ почти всегда лежитъ вѣрный, выработанный вкусъ, и еслибы авторъ захотѣлъ, то ему едва ли было бы особенно трудно вывести изъ нихъ и нѣчто въ родѣ системы. Во всякомъ случаѣ, за ними остается достоинство бодрости и свѣжести, рѣдкой въ нашу эпоху унынія и пессимизма.

Чтобы ближе познакомиться съ Леметромъ, остановимся на его отзывѣ о писателѣ, особенно интересномъ для русской публики—объ Эмиль Зола. Зола—въ глазахъ Леметра—не критическій умъ, хотя онъ и писалъ критическія статьи, и не правдивый романистъ, хотя онъ болѣе всего претендуетъ на правдивость; Зола—пессимистъ и эпическій поэтъ. Настоящій „натуралистъ“ въ области современнаго французскаго романа—не Зола, а Альфонсъ Додэ. Зола больше сочиняетъ, чѣмъ наблюдаетъ; характеристичная черта его сочинительства—упрощеніе или обобщеніе. Онъ рисуетъ не столько фигуры, сколько символы или образы, олицетворяющіе собою какую-нибудь элементарную силу. Ему больше удаются массы, хоры, чѣмъ отдѣльныя личности, больше удается фонъ картины, чѣмъ детали перваго плана. Материализируя человѣка, онъ одухотворяетъ неодушевленные предметы; лѣсъ, вабакъ, рынокъ, магазинъ живутъ у него точно человѣческою жизнью, а люди нисходятъ почти на степень животныхъ... Сколько правды во всѣхъ этихъ замѣчаніяхъ, мѣстами поразительно схожихъ съ мнѣніемъ Брандеса, выраженнымъ въ публичной его лекціи о Зола! Одинаково далекій отъ безусловнаго восторга золаистовъ и отъ негодованія классиковъ или пуристовъ, Леметръ стремится исключительно къ тому, чтобы *по-нять* Зола и показать его такимъ, каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Свободный отъ предвзятой мысли, критикъ не предъявляетъ къ романисту требованій, которыхъ послѣдній не можетъ

исполнить; брать, что даютъ, и отыскивать, въ получаемой такимъ образомъ рудѣ, крупинцы драгоценнаго металла — вотъ главная задача Леметра. Дѣйствующія лица ругонъ-маккаровской эпопеи *живутъ*—этого для него довольно; *какова ихъ жизнь*—вопросъ, сравнительно, второстепенный... Къ общей оцѣнкѣ писателя присоединяется у Леметра рядъ отдѣльных замѣчаній, большею частью вѣрныхъ и остроумныхъ. Указавъ на пристрастіе Зола къ изображенію самыхъ грубыхъ, самыхъ низменныхъ сторонъ человѣческаго существованія, Леметръ продолжаетъ: „иногда г. Зола увлекается и рисуется широкія картины, въ которыхъ нѣтъ и слѣда плотскихъ слабостей; но затѣмъ онъ точно чувствуетъ раскаяніе, точно вспоминаетъ, что человѣкъ вездѣ и всегда остается животнымъ, и неожиданно вставляетъ въ свой рассказъ какую-нибудь циничную черту, въ качествѣ memento о всему присущей грязи“ (comme un memento de l'ordure universelle). Не менѣе удачно другое выраженіе Леметра: „романтизмъ—это въ одно и тоже время и отецъ Зола, и его bête noire“. Нѣтъ почти ни одного этюда, въ которомъ не нашлось бы такихъ же мѣткихъ опредѣленій. „Сюлли-Прюдоммъ,—читаемъ мы въ статьѣ объ этомъ поэтѣ,—расширилъ область поэзіи въ двѣ противоположныя стороны: въ сторону мечты и въ сторону спекулятивной мысли, тамъ соприкасаясь съ музыкой, здѣсь—съ прозой“... Сравнивая добросовѣстныхъ ученыхъ съ тѣми средневѣковыми рабочими, которые влагали всю свою душу въ обтеску камня, предназначеннаго для собора, Леметръ говоритъ о Гастонѣ Пари, соединяющемъ ученость съ артистическимъ чувствомъ: „искусный каменщикъ, онъ могъ бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, нарисовать въ совершенствѣ планъ цѣлой постройки“. Очень удачно Леметръ пользуется и орудіемъ исторической параллели. Онъ предпринимаетъ иногда цѣлыя экскурсіи въ прошлое, чтобы выяснить интересующій его современный типъ; онъ раскрываетъ, напримѣръ, преемственную связь Мопассана съ мастерами эротической новеллы, гривуазнаго разсказа, въ особенности съ Лафонтэномъ, и подчеркивая, въ то же время, различіе между прежней и новой разновидностями стариннаго жанра, присоединяетъ къ оправданію Мопассана характеристику свойствъ, дѣлающихъ его однимъ изъ главныхъ представителей „модернизма“. Чтобы понять, какимъ образомъ въ одномъ лицѣ (Армана Сильвестра) можетъ совмѣститься платоническій поэтъ съ бульварнымъ порнографомъ, Леметръ перебираетъ мысленно всѣ аналогическія явленія французской литературы, вспоминаетъ о Маро, Ренье, Жанъ-Баптистѣ Руссо. Разбору поэзіи Франсуа Коппé предпосланъ обзоръ главныхъ измѣненій, кото-

рымъ подвергалась, въ теченіе послѣднихъ ста лѣтъ, французская версификація. Все это сжато, легко (но не легковѣсно), чуждо всякаго педантизма. Иногда Леметру достаточно одного сравненія, чтобы бросить яркій свѣтъ на изучаемаго писателя; таково, напримѣръ, сравненіе Сюлли-Прюдомма съ Андрѣ Шенье — по выбору нѣкоторыхъ сюжетовъ, съ Ренаномъ — по настроенію нѣкоторыхъ поэмъ.

Фердинандъ Брюнетьеръ составляетъ во многомъ прямую противоположность съ Жюлемъ Леметромъ. Леметръ передаетъ свои впечатлѣнія, Брюнетьеръ постоянно разсуждаетъ; Леметръ бесѣдуетъ съ читателями, Брюнетьеръ ихъ поучаетъ; Леметръ не хочетъ знать никакой теоріи, Брюнетьеръ ни на мигъ не отстываетъ отъ однажды принятой доктрины. Леметръ воспитался преимущественно на XIX-мъ, Брюнетьеръ — на XVII-мъ вѣкѣ. Леметръ — человекъ своего времени; Брюнетьеръ чувствуетъ себя всего свободнѣе и лучше, когда перенесется въ давно прошедшую эпоху. Чтобы справедливо оцѣнить Брюнетьера, нужно прочесть его этюды о Расинѣ, Мольерѣ, Боссюэ, Паскалѣ; здѣсь его главная сила, потому что здѣсь его сердечныя привязанности. Если вѣрить Леметру, даже языкъ Брюнетьера — именно тотъ самый, которымъ стали бы писать классики временъ Людовика XIV-го, внезапно перенесенные въ теперешнюю Францію. Намъ интересуютъ, на этотъ разъ, только взгляды Брюнетьера на современную литературу, и потому намъ придется меньше говорить о его достоинствахъ, чѣмъ о его недостаткахъ. Нельзя сказать, однако, чтобы послѣдніе безусловно преобладали надъ первыми даже въ статьяхъ о „натуралистическомъ романѣ“. Мнѣнія Брюнетьера, рѣдко безпристрастныя въ цѣломъ, часто основательны въ подробностяхъ. Изъ того, что онъ не захотѣлъ или не сумѣлъ подмѣтить сильныя стороны Зола или Гонкуровъ, еще не слѣдуетъ, чтобы онъ не бывалъ, сплошь и рядомъ, правъ въ указаніи и оцѣнѣ ихъ слабыхъ сторонъ. Онъ безпрестанно впадаетъ въ крайность, но это — крайность реакціи, служащая небезполезнымъ коррективомъ преувеличенныхъ и тенденціозныхъ похвалъ. Возьмемъ, для примѣра, его отношеніе къ Зола, одинаково враждебное какъ въ 1875 г., когда ему пришлось говорить о первыхъ пяти романахъ рюгонъ-маккаровскаго цикла, такъ и въ 1882, когда онъ разбиралъ „Pot-Bouille“. Безъ сомнѣнія, онъ просмотрѣлъ настоящіе источники силы и оригинальности Зола; зато онъ не ошибся въ сигнализированіи подводныхъ камней, на которые наталкивается, не разбиваясь, мощный корабль

учителя, но которые становятся гибельными для болѣе мелкихъ лодокъ учениковъ. Еще лучше удалась Брюнетьеру полемика противъ теоретическихъ разсужденій Зола. Онъ показалъ наглядно, что натурализмъ и реализмъ внесены въ литературу задолго до ультра-натуралистической проповѣди, что предшественниками новѣйшихъ реалистовъ были, между прочимъ, тѣ самые писатели, на которыхъ они всего ожесточеннѣе нападаютъ (Руссо, В. Скоттъ, Ж.-Зандъ), что простотой замысла и интриги „Вертеръ“, „Оберманъ“, „Адольфъ“ отличаются гораздо больше, чѣмъ многіе романы Бальзака. Онъ выставилъ въ яркомъ свѣтѣ несостоятельность того приѣма, съ помощью котораго Зола-критикъ, Зола-доктринеръ поражаетъ старую „романтическую“ манеру—приѣма, сваливающаго въ одну кучу и основныя свойства жанра, и его извращенія или вырожденія. Подкапываясь подъ пьедесталъ В. Гюго и Ж.-Занда, Зола точно смѣшиваетъ ихъ, порою, съ Дюма-отцомъ или Фредерикомъ Сулье; по справедливому замѣчанію Брюнетьера, это все равно, какъ еслибы кто-либо сталъ бороться съ „натуралистическимъ“ романомъ, заимствуя матеріалъ для его характеристики... изъ произведеній Поль-де-Кока. Мы сочувствуемъ Брюнетьеру и тогда, когда онъ протестуетъ противъ попытокъ Зола осквернить, если можно такъ выразиться, память Ламартина и Ж.-Занда соединеніемъ ихъ именъ съ самыми несимпатичными героинями „Pot-Bouille“ ¹⁾). Скажемъ болѣе: Брюнетьеръ былъ однимъ изъ первыхъ, констатировавшихъ противорѣчіе между теоріей и практикой Зола, упрекнувшихъ его въ отступленіи отъ основнаго принципа „экспериментализма“. Зола,—говоритъ критикъ по поводу „Pot-Bouille“,—пересталъ наблюдать. Son siége est fait, онъ знаетъ уже все то, что ему нужно знать; содержаніе его романовъ предрѣшено помимо тѣхъ справокъ, которыя онъ еще заблагоразсудитъ навести; онъ ограничивается *выводами* изъ заранѣе поставленныхъ посылокъ. Правда, къ послѣднимъ романамъ Зола это замѣчаніе примѣнимо въ гораздо меньшей степени — но въ дѣятельности романиста былъ моментъ, когда ему несомнѣнно угрожала опасность, указанная Брюнетьеромъ... Къ братьямъ Гонкурамъ нашъ критикъ справедливъ еще менѣе, чѣмъ къ Зола, но это не мѣшаетъ ему оцѣнить совершенно вѣрно претенціозность и изысканность Эдмона Гонкура, какъ автора „Faustin“. Отсутствіе у Брюнетьера безусловнаго parti pris про-

¹⁾ Madame Жоссеранъ читаетъ „Jocelyn“; „André“ Ж. Занда становится орудіемъ „сблужденія“ между Октавомъ Мурэ и Маріей Пимонъ. Въ связи съ критическими статьями Зола, это сопоставленіе не можетъ быть признано ни случайнымъ, ни безобиднымъ.

тивъ всей новомодной беллетристики доказывается высокимъ мнѣніемъ его о дарованіи Альфонса Додэ. Онъ дошелъ до этого мнѣнія не сразу; еще послѣ появленія „Fromont jeune et Risler aîné“ онъ совѣтовалъ Додэ не выходить изъ сферы очерка или разсказа, — но тѣмъ искреннѣе удивленіе, внушенное ему „Набобомъ“ и „Королями въ изгнаніи“. Эти романы заставили его признать, хотя и не безъ оговорокъ, законность „импрессионизма“ въ изящной литературѣ. Этюдъ, озаглавленный: „L'Impressionisme dans le roman“, заключаетъ въ себѣ множество тонкихъ замѣчаній; особенно интересенъ разборъ техническихъ приемовъ, съ помощью которыхъ Додэ увлекаетъ и покоряетъ своихъ читателей.

Всего тщательнѣе, изъ писателей несимпатичнаго ему лагеря, Брюнетьеръ изучаетъ Флобера, которому онъ, по вѣрному замѣчанію Леметра, „почти отдаетъ справедливость“. Дѣйствительно, не вполне или недостаточно признанными остаются у Брюнесьера только немногія достоинства Флобера. Это тѣмъ болѣе говоритъ въ пользу критика, что онъ долженъ былъ постоянно вести борьбу съ своими вкусами, остерегаться отъ ошибокъ, въ которыя его могла вовлечь излюбленная система. „Не всѣ, — говоритъ онъ въ одной изъ своихъ раннихъ статей, — обладаютъ даромъ схватывать въ формѣ образа то, что представляется массѣ въ видѣ абстрактнаго выраженія предметовъ; но одного этого дара еще недостаточно... Изъ прозаическихъ и низкихъ сторонъ существованія нужно умѣть выдѣлать скрытое въ нихъ прекрасное; нужно отбрасывать, выбирать, нужно видоизмѣнять дѣйствительность (*transfigurer la réalité*), чтобы извлечь изъ нея идею высшей красоты. Мы принадлежимъ дѣйствительности только наименѣ благородными нашими сторонами (!) — необходимостью ежедневнаго труда, низводящаго насъ на степень машины, аппетитами, приближающими насъ къ животному; все, что есть въ насъ высшаго, способствуетъ нашему освобожденію отъ ига плоти. Въ этомъ смыслѣ можно было утверждать, что *міръ искусства истиннѣе природы и исторіи* — истиннѣе потому, что въ его сферѣ ступеневывается поразительное противорѣчіе между величіемъ цѣли, къ которой мы стремимся, и жалкою слабостью средствъ, которыми мы располагаемъ... Конечно, нѣтъ такого униженнаго, презрѣннаго человѣка, который не могъ бы быть избранъ въ герои романа, но подъ однимъ условіемъ: чтобы въ глубину его униженія проникъ лучъ идеала, чтобы изъ тѣснаго круга, въ который онъ замѣненъ происхожденіемъ или порокомъ, онъ былъ перенесенъ въ область чувствъ, заставляющихъ биться каждое сердце“. Съ такими мнѣніями о задачахъ искусства до

крайности трудно понять Флобера, и если Брюнетьеръ все-таки до известной степени его понять, то это объясняется критическимъ тактомъ, болѣе сильнымъ, чѣмъ теоретическое предубѣжденіе. Опредѣлить значеніе Флобера въ исторіи современной мысли и современнаго чувства, какъ это сдѣлали или пытались сдѣлать Брандесъ и Бурэ, Брюнетьеръ, безъ сомнѣнія, не могъ; но его статьи о Флоберѣ составляютъ крупный вкладъ въ эстетику новѣйшаго романа. Повторяя, въ болѣе широкихъ размѣрахъ, работу, раньше исполненную имъ по отношенію къ Додэ, Брюнетьеръ анализируетъ весьма искусно внѣшніе приемы творчества Флобера. Онъ показываетъ, напримѣръ, какимъ могучимъ орудіемъ служить, въ рукахъ автора „*Madame Bovary*“, „транспозиція чувства въ ощущение“, т.-е. выраженіе душевнаго состоянія въ соотвѣтствующемъ ему внѣшнемъ образѣ („она вспомнила свои мечты, упавшія въ грязь, какъ раненныя ласточки“; „любовь, въ которую она была погружена, стала понижаться, какъ вода въ рѣкѣ, поглощаемая почвой — и обнаружилось илистое дно рѣки“). Онъ обращаетъ вниманіе на ловкій выборъ грамматическихъ формъ, на мастерское употребленіе времени, напр., прошедшаго несовершеннаго (*imparfait*), времени по преимуществу поэтическаго, означающаго какъ бы нѣчто среднее между настоящимъ и минувшимъ ¹⁾). Онъ подчеркиваетъ роль, отводимую Флоберомъ воспоминаніямъ и мечтамъ—роль, благодаря которой романъ освобождается отъ длинныхъ вступленій и все существенное изъ прежней жизни дѣйствующихъ лицъ проходить передъ нами постепенно, мало-по-малу, въ видѣ отрывковъ, приуроченныхъ къ удобному случаю и неразрывно связанныхъ съ ходомъ разсказа. Онъ констатируетъ различіе между описаніями классическими, мало опредѣленными, останавливающимися на общихъ чертахъ картины и едва выдѣляющими ту или другую ея подробность,—описаніями романтическими, нанизывающими одинъ эпизодъ на другой, безъ конца и безъ связи,—и лучшими описаніями Флобера, въ которыхъ все живетъ одною жизнью, все движется и развивается гармонично и параллельно: обстановка, детали, дѣйствіе, душевныя движенія. По справедливому замѣчанію Брюнетьера, Флоберъ,—въ особенности Флоберъ „*Madame Bovary*“ и „*Education sentimentale*“,—стоитъ, въ этомъ отношеніи, гораздо выше Зола, описанія котораго слишкомъ часто обращаются въ перечисленія. Вотъ еще одна особенность

¹⁾ Такой же взглядъ на значеніе *imparfait* мы встрѣчаемъ въ статьѣ Буржэ о братьяхъ Гонкурахъ.

описаній Флобера, подмѣченная Брюнетьеромъ: это—завершеніе ихъ такою чертою, которая сразу сообщаетъ имъ опредѣленную, яркую окраску. Таково, напримѣръ, паденіе зрѣлаго персика, отбѣняющее собою тишину осенней (именно *осенней*) ночи, или удары одиночныхъ капель о раскрытый зонтикъ, дорисовывающіе картину оттепели. Едва ли можно отрицать, что для уясненія *техники* Флобера всѣ эти замѣчанія Брюнетьера имѣютъ большую цѣнность, — а Флоберъ принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, у которыхъ техника намѣренно выдвигается на первый планъ и дѣйствительно имъ овладѣвается.

Ошибочно было бы думать, впрочемъ, что, кромѣ технического искусства, доведеннаго до чрезвычайно высокой степени, Брюнетьеръ у Флобера ничего не видитъ. На одну доску съ техникою онъ ставитъ и психологію „*Madame Bovary*“, признавая этотъ романъ—по нашему мнѣнію, совершенно справедливо—вѣнцомъ творчества Флобера. Первое произведеніе Флобера имѣло счастье появиться въ время и сдѣлаться, вслѣдствіе этого, точно рубежомъ между двумя эпохами. Романтизмъ въ срединѣ пятидесятихъ годовъ отживалъ свой вѣкъ; претензію на открывшееся наслѣдство заявлялъ вульгарный реализмъ Мюрге и Шанфлери. Въ эту минуту выступилъ на сцену законный наслѣдникъ, законный уже потому, что онъ состоялъ въ близкомъ родствѣ съ умирающимъ. „*Madame Bovary*“,—говоритъ Брюнетьеръ,—„соединила въ себѣ то, что желательно было сохранить изъ романтизма, съ тѣмъ, что было справедливаго въ требованіяхъ реализма“. Наравнѣ съ Леметромъ, Брюнетьеръ измѣряетъ достоинство произведенія прежде всего его жизненностью, —а жизнь бьетъ ключомъ въ „*Madame Bovary*“. Документальная точность сама по себѣ не имѣетъ большой цѣны, но она чрезвычайно важна въ связи съ другими достоинствами, также находящимися на лицо въ „*Madame Bovary*“. Дѣйствующія лица этого романа, не исключая самыхъ второстепенныхъ, не только живутъ—они живутъ какъ типическіе представители своей профессіи, своего класса, своего медвѣжьяго угла. Кто захочетъ познакомиться съ нравами французской провинціи около половины XIX-го вѣка, тотъ долго еще будетъ обращаться къ первому роману Флобера. Еще важнѣе, впрочемъ, центральная фигура романа—Эмма Бовари, изображенная, по выраженію Брюнетьера, „во всей полнотѣ ея натуры“ и стоящая на одномъ уровнѣ съ самыми долговѣчными созданіями искусства.

Сказаннаго нами достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что Брюнетьеръ—вовсе не узколобый педантъ, не школьный учитель,

такимъ стараются его выставить фанатики „модернизма“. Несвободный отъ доктринерства, онъ не погружается въ него съ головой, и если видитъ далеко не все, то многое видитъ какъ нельзя лучше. Онъ одностороненъ и исключителенъ наравнѣ съ Зола, ничуть не больше, только въ направленіи прямо противоположномъ. Въ одинаковомъ разстояніи отъ нихъ обоихъ стоитъ Леметръ, одинаково хорошо, поэтому, понимающій и того, и другого. „Въ самомъ несовершенномъ произведеніи Флобера, — такъ заканчиваетъ Леметръ свою статью о Брюнетьерѣ, — я люблю самого Флобера; въ самомъ строгомъ этюдѣ г. Брюнетьера мнѣ нравится самъ г. Брюнетьеръ. Желать ему побольше легкости, побольше снисходительности я не стану; это ему только бы повредило. Пускай онъ остается тѣмъ, что есть; соглашаясь съ нимъ развѣ въ одномъ случаѣ изъ десяти, я всегда уважаю въ немъ мастера своего дѣла“.

Поль Буржэ не похожъ ни на Леметра, ни на Брюнетьера — не похожъ на нихъ уже потому, что онъ не критикъ по профессіи, не совсѣмъ критикъ даже въ своихъ критическихъ этюдахъ. „Я вовсе не имѣлъ въ виду, — говоритъ онъ въ предисловіи къ первому тому „Опытовъ современной психологіи“, — обсуждать дарованія, изображать характеры; личность изучаемыхъ авторовъ едва намѣчена мною, ихъ приемы анализированы лишь настолько, насколько они служатъ признаками времени. Я хотѣлъ только приготовить кое-какой матеріалъ для будущаго историка нравственной жизни во второй половинѣ XIX вѣка“. Въ предисловіи ко второму тому Буржэ опредѣляетъ свою задачу еще точнѣе; предметъ его изслѣдованій — „нѣкоторые изъ причинъ современнаго пессимизма“ или, другими словами, отраженіе пессимизма въ литературѣ, въ свою очередь отражающееся на обществѣ. Леметръ, въ своей статьѣ о Буржэ, формулируетъ ту же мысль нѣсколько иначе: онъ замѣчаетъ, что критика въ рукахъ Буржэ становится чѣмъ-то похожимъ на автобіографію. Прежде всего и больше всего Буржэ изучаетъ тѣ вліянія, которыя онъ испыталъ на самомъ себѣ. Онъ описываетъ преимущественно душевныя состоянія, имъ самимъ пережитыя, объясняетъ преимущественно взгляды, имъ самимъ усвоенные — и эта внутренняя исторія автора является, вмѣстѣ съ тѣмъ, отрывкомъ изъ исторіи цѣлаго поколѣнія. Намъ кажется, что Леметръ правъ; главная сила — или, по меньшей мѣрѣ, главная прелесть — критическихъ этюдовъ Буржэ заключается именно въ личномъ элементѣ, которыми они насквозь пронизаны. Полной оцѣнки изучаемыхъ имъ

писателей онъ не даетъ, но зато нѣкоторыя ихъ стороны выступаютъ на видъ необыкновенно ярко и рельефно.

Прослѣдимъ, для примѣра, этюдъ Буржэ о Флоберѣ. Какъ и въ другихъ своихъ статьяхъ, молодой критикъ—слѣдуя, въ этомъ отношеніи, методу Тэна—приурочиваетъ свои замѣчанія къ двумъ-тремъ чертамъ, особенно характеристичнымъ. Онъ говоритъ сначала о романтизмѣ Флобера, потомъ о его нигилизмѣ, въ заключеніе—о его эстетической теоріи. Флоберъ не только выросъ въ эпоху торжества романтизма, не только воспитался подъ его влияніемъ, но усвоилъ себѣ и сохранилъ навсегда нѣкоторыя отличительныя его свойства. Страсть къ экзотизму—во всему чужому, странному, мало извѣстному, далекому въ пространствѣ и времени,—овладѣла Флоберомъ съ такою же силой, какъ и неутолимая жажда интенсивныхъ ощущеній. Романтическій идеалъ, слагающійся именно изъ этой жажды и этой страсти, былъ неосуществимъ, и чѣмъ жарче было стремленіе къ идеалу, тѣмъ болѣею опасностью оно угрожало личному счастью. Флоберъ чувствовалъ себя титаномъ; находился ли онъ во власти атаксизма, кипѣла ли въ немъ кровь старыхъ норманскихъ пиратовъ, дикихъ и безпокойныхъ какъ океанъ во всякомъ случаѣ нормальнымъ его состояніемъ была экзальтація, обусловливаемая грандіознымъ честолюбіемъ и сознаніемъ собственной силы. Чѣмъ-то прямо противоположнымъ этому состоянію являлась среда, въ которую былъ поставленъ Флоберъ—среда какъ въ самомъ тѣсномъ, такъ и въ самомъ обширномъ смыслѣ слова. У него не было ничего общаго ни съ отцомъ, ни съ роднымъ городомъ (Руаномъ), ни съ Франціей временъ Людовика-Филиппа. Этого мало: къ противорѣчію съ средой и съ эпохой присоединялось въ Флоберѣ противорѣчіе съ самимъ собою. Рано пораженный неизлечимымъ недугомъ, онъ понялъ слабость и ничтожество человеческого организма онъ, который только-что съ разбѣга хотѣлъ взять безконечное. Онъ былъ, въ одно и то же время, поэтъ и аналитикъ, а эта комбинація—величайшее несчастье, какое только можетъ выпасть на долю писателя. Всѣ герои Флобера постигнуты тѣмъ же несчастьемъ; они всѣ неспособны наслаждаться, потому что всѣ слишкомъ многого ожидали отъ наслажденія и всѣ привыкли сравнивать ожиданіе съ осуществленіемъ (говоря словами Пушкина, они всѣ думаютъ даже въ такое время, когда не думаетъ никто). Отсюда только одинъ шагъ до вывода, что такова общая судьба современнаго человѣка—и вотъ, по мнѣнію Буржэ, источникъ пессимизма и нигилизма, свойственнаго Флоберу. Разлагающимъ элементомъ является мысль, предшествующая опыту;

нужно ли, затѣмъ, развивать и поощрять работу мысли, какъ это дѣлаетъ наше время? Не играетъ ли оно съ мыслью, какъ ребенокъ съ ядомъ? Не подкапывается ли мысль подъ физическое здоровье, подъ чувство, подъ волю?... Утомленный и истощенный самосознаніемъ, Флоберъ желалъ слиться съ природой, *одышаться матеріей*; страстнымъ выраженіемъ этого желанія заканчивается любимое произведеніе Флобера — „Tentation de Saint-Antoine“. Постѣдовательнымъ выходомъ изъ такого состоянія было бы самоуничтоженіе, погруженіе въ Нирвану; но Флоберъ не даромъ былъ сыномъ расы, привыкшей къ оптимизму и къ труду. Онъ не измѣнилъ наслѣдственной привычекъ, — и весь предался борьбѣ; бороться можно вѣдь не только дѣломъ, но и словомъ и съ словами. Романтизмъ и наука, оспаривавшіе другъ у друга власть надъ Флоберомъ, вступили въ союзъ, чтобы изобразить внутренній міръ его художественныхъ созданій. Всѣ завоеванія, едѣланныя романтическимъ языкомъ, обратились у Флобера въ средства къ достиженію одной главной цѣли: къ воплощенію, путемъ слова, образовъ, ассоціація которыхъ образуетъ психическую жизнь. Нигилистъ Флоберъ жаждалъ абсолютнаго — и, не находя его ни внѣ себя, ни въ самомъ себѣ, сталъ искать его въ чемъ-то безличномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ невещественномъ: *въ писанной фразѣ*. Ему казалось, что хорошо построенная фраза неразрушима, что она возвышается надъ всеобщей бренностью вещей (*elle existe d'une existence supérieure à l'universelle caducité*). И въ самомъ дѣлѣ, есть сочетанія словъ, настолько совершенныя и правильныя, что измѣнить ихъ къ лучшему было бы невозможно. Найти подобное сочетаніе — значитъ испытать такую же полноту умственного счастья, какую очевидность составляетъ математику. Созерцаніе найденнаго прекращается, на мгновеніе, вѣчную душевную тревогу; умъ какъ бы живетъ въ созданной имъ фразѣ, содрогается отъ блаженства, примиряется съ бременемъ существованія ¹⁾. За этимъ блаженствомъ, за этимъ примиреніемъ Флоберъ гонялся всю жизнь и, становясь все требовательнѣе, все строже къ самому себѣ, доходилъ до агоніи труда, болѣлъ мономаніей совершенства. Зато ему удалось задержать упадокъ французской прозы, этого сокровища, завѣщаннаго великою римскою цивилизаціей. Уступая въ поэзіи — англичанамъ,

¹⁾ Въ статьяхъ Буржэ многое не поддается переводу; мы не беремся передать съ точностью фразы въ родѣ слѣдующихъ: „l'angoisse de l'esprit se détend une minute dans cette contemplation, disons mieux, dans cette incarnation, car l'esprit n'habite-t-il pas la phrase qu'il est parvenu à créer? De tels frissons de toute notre nature intelligente sont si pénétrants qu'ils consolent du mal d'exister“.

въ музыкѣ—нѣмцамъ, въ пластическихъ искусствахъ—южнымъ своимъ сосѣдамъ, французы остаются абсолютными королями въ области прозы, и представителемъ этой королевской власти былъ, до самой своей смерти, Гюставъ Флоберъ.

Такова, въ главныхъ чертахъ, характеристика Флобера, набросанная Полемъ Буржэ. Критическая манера молодого писателя отразилась здѣсь со всѣми своими сильными и слабыми сторонами. Его Флоберъ живетъ и дышетъ, какъ центральная фигура психологическаго романа. Матеріалъ для нея заимствованъ изъ дѣйствительности, но въ его комбинаціи и группировкѣ мы узнаемъ скорѣе художника, чѣмъ критика. Послѣдовательность и простота, съ которою одно господствующее свойство вытекаетъ изъ другого, слишкомъ велики; на самомъ дѣлѣ двигатели, руководящіе жизнью, бываютъ гораздо сложнѣе. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что Буржэ составляетъ себѣ прежде всего общій взглядъ на писателя и потомъ уже ищетъ подтвержденій этому взгляду или просто доводить его до крайнихъ логическихъ его результатовъ. *Выводы* критика безукоризненны, но исходная ихъ точка иногда виситъ на воздухѣ. Если Флоберъ былъ скованнымъ титаномъ, то многое вытекаетъ отсюда само собою; но гдѣ доказательства этой титанической силы, этихъ „порывовъ въ безконечное“? Догадка относительно „атавизма“, цитата изъ романа Гонкуровъ, ссылка на впечатлѣніе, которое производилъ состарѣвшійся Флоберъ—этого слишкомъ мало, чтобы укрѣпить краеугольный камень цѣлой психологической постройки. *Возможность* перехода отъ романтизма къ нигилизму мотивирована у Буржэ какъ нельзя лучше; но возможное и реальное—не одно и то же, и мы не убѣждены, чтобы въ данномъ случаѣ одно совпадало съ другимъ. Оставлены въ сторонѣ критикомъ и скинуты со счетовъ такіа данныя, которыя могли бы существенно повліять на рѣшеніе вопроса. Брюнетьеръ, безъ сомнѣнія, неправъ, называя Флобера *счастливымъ*,—но, по свидѣтельству друзей Флобера, въ его натурѣ было много добродушной наивности, онъ умѣлъ и любилъ быть веселымъ. Въ портретѣ, нарисованномъ Буржэ, для этихъ свойствъ не остается мѣста. На первый планъ выдвигаются черты, наиболѣе родственныя самому критику; когда Буржэ говоритъ о сочетаніи поэзіи съ анализомъ, какъ о неистощимомъ источникѣ печали, онъ несомнѣнно имѣетъ въ виду еще больше самого себя, нежели Флобера. Въ романахъ Буржэ весь интересъ сосредоточивается на немногихъ главныхъ лицахъ; не потому ли критикъ касается почти однихъ центральныхъ образовъ Флобера, хотя именно у послѣдняго (особенно въ „Education sentimentale“)

играють громадную роль второстепенныя фигуры?.. Собственный опытъ, зато, предохранилъ Буржэ отъ ошибки, въ которую слишкомъ часто впадаютъ поклонники Флобера; онъ понялъ, что Флоберъ только *хотѣлъ быть*, но не былъ на самомъ дѣлѣ писателемъ абсолютно безстрастнымъ и объективнымъ. „Флоберъ, — по мѣткому выраженію Буржэ, — только прикрылъ свое я, но не удалилъ его изъ своихъ произведеній. Подобно тому, какъ самая цѣломудренная одежда — будь она грубой монашеской рясой или тонкимъ шелковымъ пеньюаромъ — намѣчаетъ и выдаетъ формы тѣла, одѣяніе словъ, накинутое на чувствительность писателя, не можетъ скрыть ее совершенно“.

Тонкій, чуткій, полный поэзія, Буржэ меньше всего грѣшитъ банальностью, повтореніемъ ходячихъ мнѣній; тѣмъ рѣзче бросаются въ глаза немногія мѣста, составляющія исключеніе изъ общаго правила. Къ числу такихъ исключеній принадлежитъ приведенное нами мнѣніе Буржэ о французской прозѣ. Въ сферѣ прозы, какъ и во всѣхъ другихъ областяхъ искусства, нѣтъ мѣста для абсолютной монархіи; старинное выраженіе: *république des lettres* — сохраняетъ и здѣсь полную силу. Проза Гете и Гейне, Тэккерея и Элліота не уступаетъ лучшимъ образцамъ французской прозы, подобно тому, какъ проза Мериме, Теофиля Готье, Альфонса Додэ едва ли уступаетъ прозѣ Флобера. Флоберъ, какъ прозаикъ, не былъ королемъ ни всемірнымъ, ни специально-французскимъ. Нужно ли прибавлять, что меньше всего можемъ признать за нимъ этотъ санъ мы, русскіе, обладающіе Тургеневской прозой?.. Кстати о Россіи: критики, которымъ посвящена настоящая статья, всѣ знакомы, въ той или другой степени, съ русской литературой. Брюнетьеръ посвятилъ цѣлую статью извѣстному роману: „Что дѣлать“; Леметръ, говоря о послѣднемъ произведеніи Октава Фэлье („Une mort“), противопоставляетъ шаблонной матеріалистѣ французскаго писателя (Сабинѣ, являющейся воплощеніемъ всѣхъ пороковъ) живой образъ русскаго нигилиста, нарисованный въ „Преступленіи и Наказаніи“; Буржэ подробно, съ любовью изучаетъ Тургенева. Онъ преувеличиваетъ, какъ намъ кажется, зависимость Тургенева отъ умственнаго движенія, составляющаго главный предметъ „Психологическихъ этюдовъ“; онъ ошибается, утверждая, что высшимъ развитіемъ наблюдательности Тургеневъ былъ обязанъ французскимъ вліяніямъ и идеямъ, — но это не мѣшаетъ ему глубоко понимать нѣкоторыя черты нашего великаго романиста. Весьма тонко, на примѣръ, подмѣченъ у Буржэ личный характеръ, такъ часто свойственный описаніямъ Тургенева (т.-е. тѣсная связь между картиной и на-

строеніемъ того, кто ее видитъ); вѣрно опредѣлена разница между „средними, заурядными людьми“, выводимыми у Тургенева и у французскихъ реалистовъ. У послѣднихъ человѣкъ толпы всего чаще является безсильнымъ, стертымъ (*usé*), у перваго — незаконченнымъ (*inachevé*) и побѣжденнымъ. Положимъ, что неудачники (*gâtés*) выводятся на сцену и Тургеневымъ; достаточно назвать Веретьева („Затишье“), пропущеннаго Буржэ, но въ современномъ французскомъ романѣ имъ принадлежитъ, безъ сомнѣнія, гораздо болѣе видное мѣсто, чѣмъ въ произведеніяхъ Тургенева.

Критикъ-психологъ, критикъ-доктринеръ, и критикъ-дилетантъ (въ лучшемъ смыслѣ слова): въ этой короткой формулѣ резюмируется все сказанное нами о Буржэ, Брюнетьеръ и Леметръ. Преимущество дарованія — несомнѣнно на сторонѣ перваго; но работа послѣднихъ далеко не безплодна, и если Брюнетьеръ, удерживаемый тѣсными рамками теоріи, едва ли пойдетъ дальше и поднимется выше, то отъ Леметра, свободнаго и полнаго юношеской силы, можно ожидать еще многого. Изъ „впечатлѣній“ — на это мы находимъ намежъ и въ предисловіи къ первой части „Contemporains“ — можетъ выработаться, современемъ, цѣлый рядъ „заключеній“.

К. АРСЕНЬЕВЪ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ИЗЪ ТЕННИСОНА.

Ночь ли, горящая ризою звѣздной,
Мчится надъ бездной
Темныхъ морей,
Утро ль надъ спящими мирно водами
Блещетъ лучами
Алыхъ огней, —
Образъ любимый горитъ предо мною,
Жжетъ мое сердце безумной тоскою...
Призракъ обманутой, горькой любви
Брызжетъ отравою въ раны мои.

Мчись же, мой парусъ, стрѣлою летучей
По влагѣ пѣвучей
Водъ голубыхъ!
Вѣрь мнѣ—покуда ты, гордая, дынешь,—
Ты не услышишь
Жалобъ моихъ.
Пусть пролетятъ вереницею годы,—
Кровью купилъ я отраду свободы;
Пусть надрывается сердце тоской—
Воля, и гордость, и пѣсни со мной.

ИЗЪ ТОМАСА МУРА.

О, не шепчите надъ гробомъ вы имя его дорогое!
 Пусть оно спитъ подъ землею въ глубокомъ и вѣчномъ покоѣ,
 Пусть наши слезы печальныя льются изъ глазъ омраченныхъ
 Тихо, какъ перлы росинокъ, дрожащихъ на ландышахъ сонныхъ.

Падаетъ тихо роса на коверъ изумруднаго 'луга,
 Но отъ нея зеленѣетъ могила усопшаго друга;
 Тяжкія жаркія слезы надъ этой печальной могилой
 Въ теплыхъ сердцахъ оживятъ его образъ волшебною силой...

Я тихо брелъ въ тѣни задумчиваго сада...
 Ночь мчалась надо мной, прозрачна и свѣтла,
 И ароматная прохлада
 Меня, какъ друга, обняла...

Изъ зелени вѣтвей, трепещущихъ и сонныхъ,
 Летѣлъ, лаская слухъ, живой привѣтъ веснѣ
 Незримаго пѣвца ночей посеребренныхъ,
 Грёзъ опьяняющихъ, безумныхъ и влюбленныхъ...
 Всего, что такъ давно сжигало сердце мнѣ.

И въ синевѣ небесъ мерцали надо мною
 Любимые глаза, и въ пѣснѣ соловья,
 Окованный одной безсмертною мечтою,
 Любимый голосъ слышалъ я...

И встрѣчи прежнія неожиданно воскресали —
 Подъ тѣнью блѣдныхъ ивъ надъ дремлющей рѣкой —
 И въ сердце старшій ядъ невидимо вливали,
 И жгли меня блаженною тоской...

И все, что сладкою отравкою обмана
 Вливалось въ грудь мою, что отвлекло меня
 Отъ битвъ, трудовъ и жертвъ — изъ сѣрой мглы тумана
 Вставало предо мной подъ гимны соловья.

И стыдъ не жегъ меня, и пламя тайной муки
Въ душѣ не вспыхнуло!.. Подъ сладостные звуки,
Безъ думы сумрачной, безъ покаянныхъ слезъ,
Въ безсилѣ опустивъ безпомощныя руки,
Я пилъ блаженный ядъ воскресшихъ живыхъ грѣзъ...

Не рыдай надъ пустынной могилой!
Не оплакивай радужныхъ дней,
Что сковали съ волшебною силой
Васъ незримою цѣпью своей!

Изъ тумана невзгодъ и ненастья,
Зажигая волнение въ крови,
Улыбалось вамъ свѣтлое счастье
Благодатной взаимной любви.

Вы дышали блаженствомъ весною,
Не кляни-жъ разразившійся громъ
И иди съ закаленной душою
Многотруднымъ путемъ.

Теплотою живого участья
Согрѣвай изстрадавшійся людъ,
Гдѣ, не зная спокойнаго счастья,
Непомѣрное иго несутъ;

Гдѣ не горечь неожиданной разлуки,
А борьба съ ничтою безъ конца,
Безысходныя, вѣчныя муки
Омрачаютъ сердца...

ОТРЫВОКЪ.

... Какой разнузданный содомъ!
 О, сколько зла и лжи кругомъ,
 Разлито въ воздухъ отравой!
 Тутъ—умиленный патриотъ
 Надъ трупомъ старины кровавой
 Благоговѣнно слезы лить.
 Тамъ лицемѣрь краснорѣчивый,
 Боецъ отважный и прямой,
 Какъ рабъ забитый и трусливый,
 Предъ силой никнетъ головой.
 Свои святые убѣжденыя
 Въ мишурныхъ блѣстахъ пышныхъ фразъ
 Для тупоумнаго глумленья
 Мы выставляемъ на-показъ; —
 Когда же грянетъ громъ неожиданный
 Мы вновь повержены во прахъ,
 И замираетъ вопль желанный
 На цѣпенѣющихъ устахъ.
 Все тотъ же всюду шумъ безплодный
 Неугомонной суеты...

Куда ни бросишь взглядъ—все лживо и ничтожно
 Въ міркѣ презрѣнныхъ дразгъ, разврата и цѣпей,
 И сердце все болитъ, и рвется вдаль тревожно,
 И просить воздуха и солнечныхъ лучей...
 Природа вѣчная! раскрой свои объятя,
 Дай силъ мнѣ на борьбу и влей мнѣ въ сердце вновь
 Не бесполезныя проклятья,
 А животворную любовь!

СОНЪ.

Мнѣ снилось—смерть брела неслышными шагами
 Ко мнѣ въ глубокой мглѣ
 Безмолвной полночи—съ померкшими глазами,
 Съ безстрашьемъ на челѣ,—

И, вѣя холодомъ, склонилась надо мною...
 И—савана блѣднѣй —
 Я ужась подавилъ, нахлынувшій волною,
 И тихо молвилъ ей:
 — Ты здѣсь!.. Струятся дни смѣющагося мая
 Надъ радостной землей,—
 А ты пришла ко мнѣ, безстрастная, нѣмая,
 Съ мертвящею косою!
 Помедли хоть на мигъ—и я приму забвенье;
 Мнѣ душно и темно;
 Отбросивъ тванъ гардинъ, хоть на одно мгновенье
 Отверой мое окно!
 Взгляни: надъ міромъ ночь прозрачно-голубая,
 Въ одеждѣ золотой,
 А ты пришла ко мнѣ, безстрастная, нѣмая,
 Съ мертвящею косою!
 Но если грудь мою сожжетъ недугъ кровавый
 И съ воплемъ на устахъ,
 Не созданный для битвъ, забытый гордой славой,
 Я обращусь во прахъ,
 Но если ты, о, смерть! бессильна предъ судьбою —
 Молю тебя, отерой: —
 Я буду-ль снова жить за сѣнью гробовою
 Безсмертною душой?
 И, отдавая дань могучему влеченью,
 Покинувъ свой эфиръ,
 Могу-ль помчаться вновь неуловимой тѣнью
 Въ родной преступный міръ,
 Чтобъ вызвать вновь изъ мглы тревожной жизни гды
 И тѣмъ послать привѣтъ,
 Кто жадно рвался въ бой подъ знаменемъ свободы
 За истину и свѣтъ,
 Чтобы сродниться вновь съ ихъ чистыми мечтами
 Отзывчивой душой,
 Чтобъ слиться съ жизнью ихъ, чтобъ плакать ихъ слезами,
 Томиться ихъ тоской?..

Θ. Ч—скій.

КЪ ПЕРЕСЕЛЕНЦАМЪ

Изъ путевыхъ замѣтокъ.

I.

Прошедшимъ лѣтомъ пришлось мнѣ поѣздить по нашимъ южнымъ степямъ и, между прочимъ, познакомиться съ тамошними переселенцами. Знакомство это представляло для меня большой интересъ. Хотя переселенческій вопросъ у насъ существуетъ уже давно, и почти каждый годъ мы прочитываемъ въ газетахъ переселенческія приключенія, изображаемыя то тѣмъ, то другимъ случайнымъ наблюдателемъ, но послѣдніе годы для переселенческаго дѣла имѣютъ особенно важное значеніе. Въ эти годы передвинулись большія массы и при новыхъ условіяхъ. Часть передвинулась на дальній востокъ—въ Сибирь, и о нихъ-то свѣденія бываютъ наиболѣе случайны. Другая часть идетъ на востокъ „не столь дальній“—въ Уфу и оренбургскій край. Сюда направляются преимущественно крестьяне рязанскіе, тульскіе, тамбовскіе, курскіе, вятскіе, а въ самое послѣднее время двинулись даже латыши. Наконецъ, третья часть направляется въ южныя степи—новороссійскія и прикубанскія; сюда идутъ полтавцы, кіевцы, харьковцы и тоже курыне. Прикубанскихъ переселенцевъ очень много, и едва ли какая-нибудь статистика опредѣлитъ ихъ численность даже приблизительно, потому что большинство селится на владѣльческихъ земляхъ, безъ покупки ихъ, безъ перечисленій, тратя лишь собственныя деньги, такъ что переселеніе обходится почти безъ всякой помощи официальныхъ учреждений; невидимое ими, оно и не регистрируется. Усиленію переселенческаго движенія много содѣйствовалъ крестьянскій банкъ, потому что съ его помощью у переселяющихся явилась надежда

устроиться на новомъ мѣстѣ гораздо прочнѣе и удобнѣе. Прeжній переселенецъ часто не зналъ—хватить ли у него средствъ для того, чтобы приобрести себѣ хотя клочокъ земли. Если переселенецъ и находилъ продажныя земли, то далеко не у большинства готовыхъ переселиться находились для того деньги: стало быть, надо идти наугадъ: можетъ-быть пріютятъ, а можетъ-быть придется вернуться ни съ чѣмъ, пространствовавъ напрасно долгое время. Да если гдѣ и пріютятъ, то это далеко не прочное устройство; вѣдь мало того, чтобы дали постройться — надо быть сколько-нибудь обезпеченнымъ въ томъ, что не согнать съ занятого и застроеннаго мѣста; а согнать ничего не стоитъ, если только переселенецъ сѣлъ безъ всякаго документа, безъ купли земли. Понятно, что когда явилась возможность пользоваться для покупки банковскими деньгами—дѣло пошло шибче. Кто на одни свои средства не могъ купить земли и переселиться, тотъ, послѣ открытія банка, получилъ эту возможность. Контингентъ переселенцевъ давно былъ готовъ и росъ съ каждымъ годомъ; помощь банка только снимала съ него путы безсилія; и если прежде переселеніе съ прочнымъ устройствомъ доступно было сравнительно болѣе состоятельнымъ, то теперь эта доступность захватила и группы, стоящія на послѣдующей низшей ступени зажиточности — малоземельныхъ и отчасти безземельныхъ. Какъ же тутъ было не усилиться переселенческому движенію! Теперь многіе могутъ уже идти не наугадъ, а зная—гдѣ сядутъ, что купить, сколько приблизительно получатъ на покупку и сколько надо припасти собственныхъ средствъ на переселеніе. Впрочемъ и помощь банка охватываетъ далеко не всѣхъ переселенцевъ. Для сибирскихъ она не существуетъ. Нѣтъ ея пока и для прикубанскихъ, гдѣ ожидается особенно сильный спросъ на нее, такъ какъ тутъ придется разомъ и помогать новымъ переселенцамъ, и содѣйствовать укрѣпленію массы старыхъ, сидящихъ покуда все еще на „чужой“ землѣ.

Интересъ встрѣчи съ переселенцами усиливался еще и потому, что читаемыя въ газетахъ приключенія обыкновенно ограничиваются виѣшною стороною дѣла и основываются исключительно на случайныхъ разсказахъ, требующихъ даже провѣрки ихъ достоверности. Тамъ голодали, тамъ плакали, здѣсь хоронили ребятъ, тутъ проклинали свое предпріятіе, а въ такихъ мѣстахъ кормились милостынею и т. под. Все это-то, конечно, интересно, но при чтеніи остается ощущеніе очень существеннаго пробѣла. Кто же именно были переселенцы, сколько между ними малоземельныхъ и болѣе состоятельныхъ, какія именно условія выгнали ихъ съ родины? Съ какими средствами они поднялись съ мѣста? Недостаточно выяснено ихъ прошлое, а еще проблематичнѣе ихъ будущность. Сѣли ли они

прочно на землю, и если сѣли, то что тамъ встрѣтили, какъ устроились? Переселенцевъ больше наблюдаютъ на „пути“, давая намъ какой-то отрывокъ общей перспективы ихъ перехода изъ одного состоянія въ другое; насъ больше знакомятъ съ однимъ моментомъ важнаго, но переходнаго фазиса ихъ жизни. Чувствуется необходимость чего-то болѣе систематическаго, дающаго, кромѣ картинокъ, еще цифру, число, мѣру. Наконецъ, интересно узнать, какіе результаты дало переселеніе, взялись ли переселенцы энергично за свое новое устройство, или большинство ихъ состояло изъ людей, только отличающихся непосѣдливостью, при которой, легко подымаясь съ одного мѣста, они также не пускаютъ корней на другомъ и готовы сейчасъ же искать третьяго. Обстраиваются ли они въ степи сейчасъ же по приходѣ, или смотрятъ на новое мѣсто какъ на случайное кочевье? Вотъ объ этомъ-то въ печати почти ничего не говорится, и догадкамъ остается много простора. Впрочемъ всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ этимъ дѣломъ, не перечестъ.

Занимаясь собираніемъ различнаго рода свѣденій, перѣзжая изъ одной мѣстности въ другую, изъ одного селенія въ другое, можно было почерпнуть не мало данныхъ, въ болѣе или меньшей степени отвѣчающихъ на подобные вопросы. Приходилось видѣть и вновь початые селенія, и селенія, уже устроенныя, и ихъ поля, и ихъ хлѣбъ, и вообще ихъ хозяйство; приходилось говорить съ сотнями людей.

Путь мой, какъ замѣчено уже выше, лежалъ на югъ, именно въ Новороссію. Здѣсь, особенно въ екатеринославской губерніи, переселенцевъ уже много, и они продолжаютъ прибывать туда изъ губерній: полтавской, харьковской, курской, кievской.

Ѣхалъ я въ самой срединѣ лѣта, когда на югѣ уже вполне опредѣляется урожай, когда становится яснымъ—будутъ ли люди сыты, или имъ придется голодать. Неудивительно, что въ такую пору, кого ни встрѣтишь—помѣщика ли, мужика ли, арендатора ли, хлѣбнаго ли скупщика—все говорятъ объ урожаѣ. Да и по пути окрестныя картины говорятъ то же самое. Здѣсь желтѣетъ выколосившійся хлѣбъ, тамъ степь покрыта сохнувшими дикими травами, здѣсь почти черное поле. Въ одномъ мѣстѣ земля говоритъ: накормлю, въ другомъ—изморою. И какъ ни противоположны подобныя обѣщанія, мнѣ приходилось встрѣчаться и съ тѣми, и съ другими, потому что урожаи и неурожаи прошлаго лѣта расположились именно полосами. Въ однихъ уѣздахъ одной и той же губерніи—порядочно, въ другихъ—видимая бѣда, ропотъ, а подчасъ и плачь. Лѣто вообще было дождливое, холодное, но иными мѣстностями такъ не посчастливи-

лось, что въ самую нужную пору—апрѣль и май—не выпало ни одного порядочнаго дождя. Кое-когда и покажутся тучки, да либо разойдутся, либо направятся туда, гдѣ и прежде уже шли дожди. Встрѣчая противорѣчивые рассказы, то и дѣло приходилось сбиваться въ заключеніяхъ, не зная—кто говорить правду, и кто—нѣтъ. А между тѣмъ вышло, что почти каждый говорилъ правду, только каждый же—о своей мѣстности.

Встрѣчается на пути партія рабочихъ.—Откуда?—Изъ Крыма.—Что же вы такъ рано? вѣдь теперь только іюль, самая рабочая пора; или неурожай въ Крыму?—Какое неурожай! тамъ столько ячменя уродилось, какъ давно не бывало. Только и народу рабочаго нашло туда много, да въ Крыму еще стали заводить машины для уборки. Бѣда съ этими машинами. Мало рабочихъ спрашиваютъ—мы и пошли назадъ, въ орловскую губернію. Одно слово—бѣда. Проходились—и задаромъ.

Въ другомъ мѣстѣ рассказываютъ, что въ бердянскомъ уѣздѣ была даже драка между рабочими изъ-за заработка. „Право на трудъ“ перессорило братьевъ по ремеслу. Въ третьемъ мѣстѣ жалуются на нѣмцевъ-колонистовъ, которые завели у себя даже фабрики для машинъ. Куда дѣнешься? Видно, что машины на югѣ порождаютъ уже какой-то тревожный вопросъ, стѣсняя отхожія земледѣльческій промыселъ.

Помѣщикъ жалуется:—Въ нашей окрестности,—говоритъ онъ,—совсѣмъ бѣда. Въ самую нужную пору—хоть бы тебѣ одинъ дождь. Ну, и пропалъ урожай; а тутъ еще суслики. Въ довершеніе же и цѣнъ не предвидится. Что хочешь, то и дѣлай.

— Ну, а вотъ въ такомъ-то уѣздѣ гораздо лучше,—рассказываютъ новые хозяева.—Дождей было довольно, хлѣбъ вышелъ хорошъ, народъ повеселѣлъ. Урожай не только прокормить, но еще вознаграждать за тяжкій прошлый годъ.

— Не завидно же ваше положеніе, господа.

— Да, хозяйство въ степи—самое рискованное хозяйство: годъ—два, будетъ хорошо, а тамъ, смотри, лѣтъ пять только засухи. Нѣтъ труднѣе степного хозяйства. Кладешь зерно въ землю, и не знаешь даже, вернется ли оно тебѣ. Когда-то въ Египтѣ, при фараонахъ, было семь лѣтъ голода, да вѣдь они были послѣ семи лѣтъ урожая; семь на семь—это значитъ пополамъ. А у насъ дай Богъ два хорошихъ года на три скверныхъ. Правда, когда придетъ хорошій годъ—онъ дастъ столько, какъ нигдѣ; да поди-жъ ты, дождись этого года, угадай, когда онъ будетъ. Кабы знать, когда придетъ неурожай—не сѣять бы. Да и рабочіе тоже дороги и не всегда ихъ достанешь. Мѣстныхъ не хватитъ для хорошаго года, а пришлыхъ иной разъ

найдетъ много, такъ что дѣлать некуда, а въ другой разъ—совсѣмъ мало. Мужику худо, но ему еще легче справляться, потому что онъ работаетъ самъ; цѣна труда для него не составляетъ вопроса, потому что онъ самъ и хозяинъ, и работникъ, а помѣщику очень, очень трудно. Оттого они такъ и охочи продавать землю. Лѣтъ черезъ двадцать—тридцать, посмотрите, много ли уплѣнетъ у насъ помѣщичьихъ имѣній! И теперь нигдѣ нѣтъ такого количества новыхъ владѣльцевъ, какъ у насъ въ степи; кого только между ними нѣтъ: и евреи, и нѣмцы, и купцы, и мѣщане... Да и они не усидятъ долго.

Подобныя же рѣчи рассказывалъ и одинъ почтенный мѣстный старожилъ, занимавшійся систематическимъ собираніемъ статистическихъ данныхъ о помѣщичьихъ хозяйствахъ.—Здѣсь,—говорилъ онъ,—все зависитъ отъ случая. Степь—не то, что какая-нибудь центральная Россія. Системы хозяйства здѣсь—никакой. Это больше пустой разговоръ о правильныхъ хозяйствахъ. Собираю я свѣденія въ самыхъ лучшихъ и въ самыхъ большихъ экономіяхъ, гдѣ все записывается, и что же вышло? Сколько ни придумывали всякой правильности, а въ среднемъ выводѣ за десять лѣтъ все-таки выходитъ не больше двухъ съ половиной дохода отъ десятины! Въ иныхъ же мѣстахъ и два рубля—дай Богъ. Ну какое-жъ это хозяйство, когда ту же самую десятину если просто сдать въ аренду мужику—получится полтинникомъ больше? Изъ-за чего тутъ хлопотать? Въ этомъ уже большинство начинаетъ убѣждаться.

Видъ полей невеселый; вѣсти о помѣщичьемъ хозяйствѣ плохи, мужики тоже жалуются. Кому же весело живетъ въ степи? Говорятъ, однимъ нѣмцамъ-колонистамъ, селенія которыхъ имѣютъ цвѣтушій видъ, которыхъ издали многіе считаютъ даже какими-то распространителями добраго хозяйства. Но на мѣстѣ и о нихъ узнаешь кое-что не совсѣмъ гармонирующее съ установившимися представленіями.

Нѣмцы-колонисты—говоритъ знающій мѣстный человѣкъ—это выхолощенное, дѣлаго стоящее растеніе, совсѣмъ не вознаграждающее за труды и затраты. Когда для мужика жалѣли десятинки—колонисту давали вдесятеро и въ двадцать разъ больше. Чего только для нихъ ни дѣлали! Земли дали вволю, гораздо больше, чѣмъ колонисты смогутъ обработать. Платежи назначили несравненно меньшіе противъ сосѣдняго мужика. Даже въ самое послѣднее время, при выдачѣ владѣнныхъ записей, разжившагося колониста больше пожалѣли, чѣмъ самаго бѣднаго мужика. Сравните-ка ихъ поземельные платежи! Колонистовъ чуть не сто лѣтъ освобождали отъ рекрутства, и вся та рабочая сила, которую обыкновенно терялъ при наборѣ мужикъ, у колониста сохранялась. Чего стоилъ одинъ этотъ источникъ

защиточности! Для колонистовъ, при всѣхъ этихъ дарахъ, содержали еще особое „попечительство“, которое должно было ихъ защищать, тогда какъ мужикъ предоставленъ былъ всѣмъ поборамъ и притѣсненіямъ. Потому колонистъ и привыкъ смотрѣть на себя какъ на существо привилегированное; все это ухаживанье за нимъ приучило его относиться къ сосѣднему населенію свысока, презрительно. Мужикъ—это для него какое-то животное. И что же въ результатъ? Чуть объявили воинскую повинность—колонистъ смотритъ въ Америку, куда-нибудь въ аргентинскую республику; извлекъ изъ страны что можно — и въ чужой край! Онъ уходитъ, но не думайте, чтобы онъ бросилъ полученную землю; нѣтъ, онъ передастъ ее другому, превратитъ все въ деньги и съ деньгами уйдетъ на новое хозяйство. Вотъ-те спасибо.

— Я вамъ расскажу, для примѣра, одинъ эпизодъ изъ такой исторіи колонистовъ N...скаго округа, очень хорошо мнѣ извѣстный,—говорилъ одинъ мой собесѣдникъ. Земли у нихъ было вволю, но вообразили, что колонисты должны быть непременно образцовыми овцеводами, такими, которые и другихъ научать хорошо вести овечье хозяйство. Для этой благой цѣли дали имъ еще прибавку—цѣлыхъ четыре тысячи десятинъ. Это уже не въ счетъ, а такъ себѣ, бенефисъ. Водите овецъ—и поучайте. Такъ и прозывалась эта земля „овчарною“. Хозяиничаютъ колонисты сколько-то лѣтъ, и вдругъ ходатайство: позвольте намъ овчарную землю засѣвать пшеницею. Это образцовые-то овцеводы! Забыли ли въ это время о цѣли первоначальнаго жалованья земли, или просто изъ снисхожденія къ колонисту, но ходатайство было уважено; и пошло пшеничное хозяйство на даровыхъ четырехъ тысячахъ десятинъ. Считайте какъ хотите урожай, но спрашивается: что дать въ двадцать или тридцать лѣтъ доходъ отъ такой массы пшеничнаго посѣва? Дали въ видахъ развитія овцеводства въ краѣ, а свели все къ чистому и крупному подарку. Мудрено ли, что у колонистскаго округа выросъ новый капиталъ въ сотни тысячъ рублей, и на этотъ капиталъ колонисты скупаютъ новыя земли, обрабатываемыя наемными руками. Считайте хоть по рублю съ десятины—съ четырехъ тысячъ будетъ въ годъ 4.000 р., а въ тридцать—120.000, а въ пятьдесятъ лѣтъ—цѣлыхъ двѣсти тысячъ. При такихъ условіяхъ, при такомъ прошломъ, укрѣпившись въ теченіе нѣсколькихъ десятековъ лѣтъ, только и можно, что богатѣть. Посадите въ какую угодно страну—изъ массы подобныхъ льготъ что-нибудь вырастетъ.

— Однако они считаются образцовыми хозяевами?

— И это въ порядочной долѣ предразсудокъ, который у насъ составилъ вдали отъ дѣйствительности или при самомъ поверхност-

номъ взглядѣ на дѣло, когда не донскиваются причинѣ. А взгляните ближе—тоже хищническое хозяйство. Надо разбирать—что дали льготы, и что дали ихъ приемы хозяйства. А поставили бы вы колониста въ такое же положеніе, въ какое ставили мужика—дошелъ ли бы онъ даже до нынѣшняго мужичьяго состоянія? Въ одномъ надо отдать справедливость колонистамъ: они сами работаютъ и умѣютъ беречь каждое приобрѣтеніе. Это ужъ несомнѣнно.

— Да, это такъ,—подтвердилъ другой собесѣдникъ,—только надо сдѣлать маленькую поправку: есть разница между бережливостью и скупостью. Бережливость—это дѣло разсчета, а скупость—это просто страсть къ наживѣ, къ накопленію. Вотъ я вамъ расскажу примѣръ. Зналъ я одного богатаго колониста и видѣлъ самый процессъ его богатѣнія. Чѣмъ больше онъ входилъ въ лѣта, тѣмъ больше наживался. Наконецъ, купилъ тысячу десятинъ. Кажется уже довольно; но, сдѣлавшись крупнымъ помѣщикомъ, онъ продолжалъ жить по-прежнему и ѣздилъ въ томъ же безпокойномъ, традиціонномъ колонистскомъ фургонѣ, въ какомъ ѣздилъ бѣднякомъ. Проходитъ еще нѣсколько лѣтъ—мой Готлибъ Ивановичъ покупаетъ уже вторую тысячу десятинъ. И все тотъ же фургонъ составляетъ его всегдашній экипажъ. Тряско, больно костямъ, но деньги дороже костей. Наконецъ, однажды, еще черезъ нѣсколько лѣтъ, вижу—ѣдетъ Готлибъ Ивановичъ въ какомъ-то старенькомъ кабриолетѣ. Вотъ, думаю, наконецъ пожалѣлъ старикъ свои кости и раскошелится на покупку хоть плохого, но все же болѣе спокойнаго экипажа! Однако, ничуть не бывало. Оказалось, что Готлибъ Ивановичъ недавно купилъ уже третью тысячу десятинъ, и вмѣстѣ съ нею достались ему гуртомъ остатки стараго инвентаря; тутъ былъ и подержанный кабриолетъ, которому особой оцѣнки не сдѣлано. Вотъ почему Готлибъ Ивановичъ сталъ покорять свои кости. Ну, положимъ, бережливость—хорошее дѣло, но вѣдь всему есть мѣра; приобрѣтеніе хорошо, когда оно ведетъ къ какому-нибудь улучшенію благосостоянія, а наживать и наживать, отказывая себѣ во всемъ—вѣдь это недалеко отъ родителя г-жи Простаковой, который умеръ съ голоду на денежномъ сундукѣ.

— Живетъ колонистъ скуп, это правда,—подтвердилъ третій собесѣдникъ. Истратить лишній рубль—это преступленіе. Какова бы ни была его состоятельность, онъ сдерживаетъ себя во всемъ. Его пища нейдетъ дальше молока, свинины да картофеля, потому что это все непокупное. Творогъ, сметану, ветчину у него всегда найдете; для гостя у него припрятана и бутылка вина, но себя онъ со всѣмъ не балуетъ.

— Расскажу вамъ еще одинъ прошлогодній анекдотъ. Ъду я по

железной дорогѣ и въ одномъ вагонѣ со мною—колонистъ, довольно крупный собственникъ, съ дочерью. Разговорились, долго шла у насъ бесѣда; но вдругъ, вижу,—Францъ Петровичъ поблѣднѣлъ и съ безпокойствомъ озирается вокругъ.—Что такое съ вами?—Гдѣ моя галоша?—воскликнулъ онъ, остановивъ вопросительный взглядъ на дочери. Оказалось, что на одной ногѣ колониста галоша есть, на другой—нѣтъ. Началъ онъ съ дочкою усердно разыскивать пропавшую галошу, но поиски не приводили ни къ чему: пропала, да и только. Начинаются 'догадки—какъ могла случиться пропажа, и наконецъ мой собесѣдникъ приходитъ къ печальному заключенію, что, вѣрно, сядя въ вагонъ, онъ зацѣпилъ ногою за ступеньку и потерялъ.—Ахъ, бѣда какая! Ай бѣда!... Охъ, охъ, охъ!—Омрачилось чело старика, и онъ угрюмо замолчалъ. Неловко какъ-то стало и мнѣ, въ виду его печали. Такъ прошло минутъ пять. Наконецъ, вдругъ лицо Франца Петровича прояснилось, повеселѣло и приняло даже какой-то торжествующій видъ. Что бы это значило? Разгадка послѣдовала немедленно:—Ничего,—весело произнесъ старикъ.—Я теперь вспомнилъ, что два года назадъ со мною былъ точно такой случай: тоже пропала галоша, и я тогда же спряталъ оставшуюся отъ пары галошу въ кладовую, тамъ она сбережена; теперь она, да вотъ эта, что на ногѣ, будутъ—пара. Убытку не будетъ.—Ну, гдѣ вы найдете такую предусмотрительность и аккуратность? Два года человекъ тщательно берегъ ненужную вещь и дождался, что она наконецъ пригодилась.

Да, какъ бы то ни было, аккуратность даетъ много колонисту, и это одно изъ его существенныхъ отличій отъ окружающаго люда всякаго состоянія. Правда, она доходитъ часто до курьеза. Въ одномъ мѣстѣ мнѣ рассказывали такой примѣръ колонистской аккуратности. Есть у колонистовъ, какъ и у крестьянъ, свой волостной судъ. Разъ одинъ молодой Гансъ въ чемъ-то проштрафился; истратилъ ли лишнее, или въ чемъ другомъ согрѣшилъ—не помню, но его потащили въ волостной судъ. Почтенные судьи очень серьезно взвѣсили его грѣхъ и рѣшили, что виновному непремѣнно надо отпустить ровно 20 розогъ. Рѣшили, записали, но нужно выждать мѣсячный апелляціонный срокъ до исполненія.—Нѣтъ,—заявилъ обвиненный, нѣсколько подумавши:—вы меня не высѣките!—Высѣкѣмъ,—твердо произнесли судьи. Гансъ уѣхалъ въ городъ и скоро привезъ свидѣтельство врача, удостовѣрившее, что у него порокъ сердца, и потому столь неумѣренное наказаніе, какъ 20 розогъ, можетъ угрожать его жизни. Задумались власти колоніи—какъ тутъ быть? И вотъ, вскорѣ послѣ того, въ уѣздномъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи получается рапортъ волостного правленія съ вопросомъ: правда, объясняетъ правленіе, человекъ съ порокомъ сердца опасно дать разомъ 20 ро-

вогъ; однако нельзя же не исполнить рѣшенія суда? Не разрѣшить ли присутствіе отпустить виновному ту же порцію, только не вѣдучъ, а въ разсрочку, въ нѣсколько пріемовъ: сегодня три розги, дни черезъ два—еще четыре, черезъ недѣлю—пятокъ и такъ до конца, пока не исполнится все назначенное число? Тогда и наказанный живъ будетъ, и правосудіе исполнено. Чѣмъ разрѣшенъ этотъ вопросъ, не знаю.

Что бы ни толковали, однако, о колонистахъ, они составляютъ теперь главную массу довольныхъ въ степи. Владѣя и такъ уже массою земель, они скупаютъ новыя. Купить колонію на запасный капиталъ нѣтъ и посадить туда приростъ своего молодого поколѣнія; но и этому поколѣнію земля дается не даромъ, а на выкупъ. Отцы надѣляютъ, а дѣти постепенно должны выплачивать своей метрополіи, у которой, такимъ образомъ, по истеченіи нѣкотораго времени опять восстанавливается затраченный денежный капиталъ, и идетъ онъ на новую покупку и т. д. Тутъ подобіе пчелиныхъ роевъ, основывающихъ новыя ульи, въ свою очередь выдѣляющіе рои и т. д. Въ последнее время колонисты ударились уже въ Крымъ, въ сѣверную его часть, гдѣ земли еще не успѣли сильно вздорожать, и трудно сказать, гдѣ остановится ихъ расширеніе.

Оставивъ желѣзную дорогу, пришлось мнѣ пуститься въ глубь степи на тележкѣ. Прежде всякаго собиранія свѣдѣній, надобно явиться въ первый отправочный пунктъ—волостное правленіе. Безъ волостного правленія не сдѣлаешь перваго шага. Стоитъ это правленіе особнякомъ вонъ большаго селенія, на выгонѣ. Большая бѣлая изба, хотя и неряшливо содержанная, за отсутствіемъ настоящаго хозяина, такъ какъ единственный тутъ хозяинъ—писарь, существо перелетное. Если иному писарю удастся просидѣть десятокъ лѣтъ на одномъ мѣстѣ, зато другой постоянно перекочевываетъ изъ одного правленія въ другое. Какой же это хозяинъ? Старшина же тутъ не жилецъ, а только частный гость. Южныя волостныя правленія—это не то, что великорусскія. Строены они плоше, полъ очень часто не деревянный, а земляной, только смазанный глиною и очень неровный: въ одномъ концѣ комнаты выше, чѣмъ въ другомъ. Внутреннее убранство тоже отличается отъ великорусскаго, за исключеніемъ, конечно, официальной части: стола, покрытаго сукномъ, шкафа съ бумагами, прибитыхъ по стѣнамъ циркуляровъ и т. под. Въ великорусскомъ волостномъ правленіи, какъ и во всякой избѣ, вы увидите иконы на манеръ суздальскій; а въ южномъ очень часто—рядъ картинокъ; да и иконы другія, въ рамочкахъ, бумажныя; въ южной

хатѣ часто можно встрѣтить бумажныя иконы съ нѣмецкими подписями, съ эмблематическими изображеніями пылающихъ сердецъ, съ позолотою на самой бумагѣ; это, говорятъ, „венгерцы“ разносчики снабжаютъ такими, за недостаткомъ русской живописи. Но зато у южной хаты огромное преимущество предъ великорусскою избою — въ опрятности: стѣны побѣлены, и паразитовъ почти нѣтъ. Проѣздивъ почти полтора мѣсяца, побывавъ во множествѣ хатъ, я не страдалъ отъ клоповъ, какими кишатъ великорусскія избы; случилось спать и на скамейкахъ (на „лавкахъ“), и на специальныхъ спальньихъ помостахъ (по мѣстному, „поль“) и не видать ни одного экземпляра этого ужаснаго животнаго. О тараканахъ нѣтъ и помину. Блохи бываютъ, но не въ такомъ количествѣ.

Возлѣ перваго же посѣщеннаго мною волостного правленія встрѣтилось большое селеніе переселенцевъ, которые только-что начали устройство своей осѣдлости. Видъ такого поселенія своеобразенъ: многое едва начато, многое доведено до половины, а кое-что уже закончено. Вотъ стоитъ новехонькая деревянная хата, въ которой виднѣтся уже полная жизнь, копошатся бабы, дѣти; стѣны побѣлены, а вокругъ оконъ выведены красною или синею краскою бордюры съ разными фантазіями: цвѣточками, вѣточками и т. д. Видно, что строилъ сравнительно зажиточный мужикъ, которому не особенно трудно было въ какіе-нибудь полгода поставить себѣ жилище. Но службъ еще нѣтъ, колодезь только-что начали устраивать; зато огороды въ полномъ развитіи: тутъ и гряда картофеля, и гряда огурцовъ, и гряда дынь или арбузовъ, и цвѣтки маку, а надъ ними возвышаются высокія тычинки подсолнечника съ своими зелено-желтыми головами, обращенными къ солнцу. За этою избою — другая, но она готова только на половину: одна комната готова — другая еще нѣтъ; половина крыши готова или представляетъ еще одни стропила, ничѣмъ не покрытая, а другая половина не начата, словно кто-то отрубилъ половину большой хаты, перенесъ ее сюда и поставилъ; но и въ отрубѣхъ уже копошится жизнь. Дальше — цѣлый старенькій домикъ съ постройками, только сильно запущенный; штукатурка обвалилась, крыша не въ порядкѣ, даже и въ окнахъ цѣлы не всѣ стекла; видно, что тутъ давно не живутъ. Это — постройки прежняго владѣльца проданной крестьянамъ земли. Войдешь внутрь — пустота; въ одномъ углу стоятъ какіе-то старинные поврежденные стѣнные часы въ футлярѣ; стрѣлка показываетъ какой-то часъ, но былъ ли это часъ выѣзда прежняго владѣльца, или часы остановились еще во время его пребыванія — не угадаешь; остались еще два непрочныхъ стула да деревянная икона безъ оклада; всю движимость владѣлецъ увезъ и бросилъ только эти остатки, ко-

торами видимо ужъ совсѣмъ не интересовался. Въ одной двери уцѣлѣла мѣдная ручка, въ другихъ и того нѣтъ. Домикъ этотъ достался кому-то изъ крестьянъ-покупщиковъ, заплатившему за него обществу, и этотъ новый владѣлецъ начинаетъ уже приводить въ порядокъ свое новое жилище. Между отстроеными, полуотстроеными и только начатыми хатами встрѣчаются землянки; онѣ принадлежать тѣмъ, у кого денегъ не хватило на хорошую постройку. Но и землянки землянкамъ рознь. Одна даже мало отличается отъ хаты; все ея отличіе въ томъ, что стѣны кладены не изъ дерева, а изъ земляного кирпича, и она углублена въ землю на какой-нибудь аршинъ или даже немного меньше. Земляной кирпичъ—это нѣчто очень непрочное съ виду: намѣшаютъ въ ямѣ земли съ водою, подбросать туда, для связки, мелкой соломы или навозу, потомъ наръжутъ изъ этой массы какіе-то кубики, высушатъ и такъ кладутъ въ стѣны; однако увѣряютъ, что такая землянка, если хорошо смазана глиною снаружи да хорошо покрыта соломой или камышемъ—простоитъ десятки лѣтъ, будучи меньше подвержена гніенію, чѣмъ дерево. Но бываютъ и другія землянки у совершенныхъ бѣдняковъ: выкопана въ землѣ яма, надъ нею очень низкая земляная надстройка, и вся крыша тоже земляная; окна почти при самомъ уровнѣ земли; среди крыши дымовая труба; издали такая землянка представляется кучкою земли, изъ середины которой вьется дымокъ. Вотъ изъ такихъ-то разнообразныхъ построекъ и составилось длинное, длинное новое селеніе, растянувшееся въ двѣ линіи, по обѣимъ сторонамъ долины, по которой протекаетъ ручей или маленькая рѣчка. Хаты каждой линіи селенія стоятъ на возвышенности, а отъ нихъ внизъ тянутся дворы и огороды; огороды обѣихъ линій смыкаются между собою въ долину. Возлѣ селенія выгонъ, на которомъ начата постройка какого-то общественнаго строенія, кажется, хлѣбнаго амбара. Хотя многое остается еще сдѣлать, но видно, какъ жизнь зашевелилась въ бывшемъ пустырѣ. Зато очень нехорошо смотритъ выгонъ: засуха выжгла почти всю траву, только держится дикій молочай, и весь выгонъ сильно изрытъ норами. Отъ одной норы до другой—сажень или около того. Это—злѣйшій врагъ степного земледѣльца, а особенно переселенца,—сусликъ или овражекъ нарылъ столько норъ. Временами онъ выглядываетъ изъ этихъ норъ, и вы видите нѣчто въ родѣ сѣренькой крысы съ коротенькимъ хвостикомъ, но чуть онъ увидѣлъ приближающагося человѣка—нырнулъ въ землю и пропалъ.

Жизнь появилась въ пустырѣ, а какой это былъ пустыръ—показываетъ окрестность новаго селенія: сухая степь съ дикими травами и безчисленными сусличьими норами. Гдѣ было житѣе однимъ су-

сликамъ—тамъ теперь появился человекъ, и земля начала родить новыя, полезныя растенія—хлѣбъ, картофель, капусту, огурцы, дыни, подсолнечники, макъ и т. д. Старую степь, никогда не паханную или пахавшуюся лишь изрѣдка, участками, стали поднимать плугомъ. Вотъ пространство, покрытое только-что вывороченными пластами земли, и по одному виду ихъ ясно, что тутъ вспахали или „цѣлину“ (новъ), или очень давнія залежи, мало знакомыя съ желѣзомъ плуга. Но поднять сразу всю купленную площадь мужику не подъ силу; для этого нуженъ огромный трудъ, а часто и немалыя издержки. Переселенецъ часто приходитъ изъ такихъ перепаханныхъ мѣстностей, гдѣ можно обрабатывать землю сохою, при помощи одной лошади, а цѣлину и старую зеленъ такъ не подымеешь; тутъ нуженъ плугъ, который двигаютъ быки; стало быть, мужику, пригнавшему на новое мѣсто только свою лошадь, если онъ не имѣетъ средствъ сейчасъ же обзавестись волами и плугами,—нужно или платить постороннимъ людямъ по нѣскольку рублей за подъемъ каждой десятины, или сдавать имъ свою землю на подъемъ изъ доли урожая, причемъ, разумѣется, львиная доля достается тому, кто пахнетъ. За вспаханными участками слѣдуютъ участки, покрытые хлѣбомъ, и еще очень много неподнятой степи.

Но гдѣ зашевелилась жизнь, тамъ сейчасъ же напоминаетъ о себѣ и смерть. Тутъ новое, недостроенное еще селеніе, а невдалекѣ отъ него, среди пустыря, деревянная ограда, внутри которой виднѣются два или три деревянныхъ креста. Это смерть начала свою жатву среди людей, едва только приступившихъ къ посѣвамъ. Жатва смерти опередила первую жатву хлѣба.

Собравшіеся мужички рассказывали исторію своего переселенія. Жили они прежде въ самой густонаселенной части харьковской губерніи, гдѣ очень тѣсно и земли очень дороги. Сидитъ семья на двухъ-трехъ десятинахъ, и съ каждымъ годомъ становится ей тѣснѣе; гдѣ еще не такъ давно были мужикъ да баба—тамъ уже выросло двое или трое взрослыхъ сыновей; куда-жъ имъ дѣваться? не сажать же новую семью на каждой десятинѣ? Своя земля не кормитъ, а попробуешь снимать за деньги сосѣднюю, такъ надо платить рублей 15 или 20 въ лѣто за десятину, такъ что почти никакой выгоды отъ найма нѣтъ; иногда же не отыщешь наемной земли и за такія деньги. Тутъ по-неволѣ захочешь переселиться. И много крестьянъ пускается теперь въ дальнія степи на ровыски подходящей земли. Да и степные помѣщики сами зазываютъ крестьянъ-покупателей, разсылая въ чужія мѣстности или фанторовъ, или объявленія о продажной землѣ. Оттого теперь нерѣдко можно встрѣтить въ степи загожихъ мужичковъ; тѣ на заработкахъ высматриваютъ

зѣмли, а эти просто бродятъ только для развѣдокъ; встрѣтишь того-другого, спросишь:—куда ты идешь?—„А Богъ его знаетъ куда!—отвѣтитъ онъ. — Самъ не знаю, куда зайду, а только намъ оставаться на старомъ мѣстѣ невозможно, житья нѣтъ“.—Вотъ такимъ образомъ чело­вѣкъ восемь изъ посѣщенныхъ мною переселенцевъ забрали въ с. Р—ку, гдѣ помѣщикъ объявилъ продажу земли. Много земель они пересмотрѣли раньше, да имъ тамъ не понравилось, а р—ская земля показалась хороша и цѣна болѣе подходящая. Приторговавши, они пошли домой и стали „набирать“ товарищество для покупки высмотрѣнной земли. Дѣло въ томъ, что банкъ не выдаетъ въ ссуду больше 500 рублей на хозяина—стало быть, надо набрать столько семействъ, чтобы приходящаяся на нихъ ссуда, съ добавкою собственныхъ денегъ покупателей, была достаточна для покупки всего р—скаго имѣнія. Центромъ дѣятельности по набору товарищей стала харьковская деревня С. Охотниковъ до покупки нашлось много, но не всѣ полагались на одни слова „соглядатаевъ“; нѣсколько партій изъ вновь набранныхъ пошли на мѣсто сами, и тутъ составъ покупателей началъ сильно измѣняться: однимъ земля нравится, другимъ нѣтъ,—вотъ эти послѣдніе сейчасъ и отстанутъ; на ихъ мѣсто приходятъ новые, изъ которыхъ часть тоже пойдетъ на осмотръ. Кто изъ этихъ наслушался про засухи, да про жуковъ, да про сусликовъ—тѣ опять назадъ, а другіе плотно пристанутъ къ товариществу. Такъ, больше половины всѣхъ покупателей успѣли осмотрѣть землю лично заранѣе, а ко времени совершенія купчей крѣпости на мѣсто явились почти всѣ. Когда купили, начали дѣлить землю, переѣзжать на мѣсто семьями, перегонять скотъ, строиться. Покупка обошлась по 55 рублей за десятину, и все-таки кругомъ на каждый дворъ пришлось приплатить около ста рублей изъ собственныхъ денегъ, сверхъ ссуды банка. Наконецъ, и послѣ покупки, часть покупателей все-таки отстала: одни раздумали переѣзжать съ родины, а другіе испугались суслика и засухи и ушли. Земля на нихъ въ купчей записана, а ихъ самихъ нѣтъ. Оттого доли земли вышли неровныя; сначала всѣмъ рѣшили-было дать по 10 десятинъ, а послѣ пришлось дѣлить доли отказавшихся—онѣ и достались меньшинству, такъ что у иныхъ покупателей стало вмѣсто одного пая—по два и по три. Раздѣлять эти доли между всѣми поровну нельзя было, потому что иные не хотѣли брать больше, а другіе не могли сдѣлать доплату на лишнюю землю. Многимъ изъ отказывавшихся самимъ было совѣстно отставать отъ общаго дѣла; эти не набрасывали свои доли „на товарищество“, а старались передать свои доли добровольно другимъ и получали отъ охотниковъ свою доплату обратно. Одному до того было стыдно уходить, что онъ долго не признавался въ этомъ намѣ-

реніи сосѣдамъ и ушелъ втихомолку, ночью. „Утѣкъ въ ночь, чтобы не такъ стыдно было“—такъ отозвались о немъ мужики. Всѣхъ переселенцевъ по купчей значилось 90, но изъ нихъ отказались 27, на смѣну которыхъ явилось 7 новыхъ охотниковъ. Новыхъ явилось бы и больше, да неурожаи напугалъ.

Выходить, что переселенцы взялись за дѣло не легкомысленно, а съ твердымъ намѣреніемъ устроиться на новомъ мѣстѣ, съ полною готовностью на жертвы. Въ самомъ дѣлѣ, сколько имъ стоило все это дѣло! Не говоря уже о хлопотахъ, о потерѣ времени, сколько понадобилось вытрясти денегъ! Сверхъ ссуды банка, каждый хозяинъ отдалъ больше ста рублей своихъ собственныхъ денегъ. Перевозъ семьи верстъ за 300, перегонъ скота, перевозъ земледѣльческихъ орудій—это опять деньги и деньги. Далѣе, постройка новыхъ жилищъ. Поставить порядочную деревянную хату—это значитъ издержать 200 рублей и больше. Плохонькая деревянная хата обойдется не меньше ста рублей по мѣстнымъ цѣнамъ и способамъ постройки. Даже землянка—и на ту надо рублей 20—30, а которая получше—на ту и больше. Между тѣмъ въ новомъ селеніи стоятъ уже 52 готовые усадьбы и дѣятельно ведется застройка другихъ. Наконецъ,—распашка цѣлинъ и давнихъ перелоговъ. Поднять 10 десятинъ земли, если нѣтъ на то собственного достаточнаго скота и подходящихъ орудій—рублей 60 или 70. Положимъ, всю землю сразу и не поднимутъ—силъ не хватить; но если надо засѣять два поля—озимое и яровое—все же надо поднять хоть десятинъ пять. Извольте же все это сосчитать! Сообразивъ такіа тяжелыя условія переселенческой дѣйствительности, невольно задаешься прежде всего вопросомъ: да гдѣ же взяли переселенцы столько денегъ? Или это богачи, или люди, влѣзшіе по уши въ новые обременительныя долги?

На повѣрку, однако, вышло ни то, ни другое. Переселенцы обстоятельно рассказали, сколько у кого было денегъ, и вышло нѣчто не совсѣмъ ожиданное. По сведеніи объясненій о каждомъ отдѣльномъ переселенцѣ, вышло слѣдующее: по сту рублей и меньше имѣли только шесть семействъ; двое принесли рублей по 150; около сорока хозяевъ (т.-е. ядро переселенческаго товарищества) имѣли отъ 200 до 300 рублей каждый; четверо имѣли по 400 рублей, одинъ—600 рублей, двое—около 700 руб. и, наконецъ, одинъ даже 1.000 рублей. Отсюда видно, что хотя нѣкоторымъ было и очень трудно, но все же деньги на главные расходы у большинства были. Входить же въ новые долги имъ было даже почти невозможно, потому что переселенецъ—существо, наименѣе пользующееся кредитомъ. На прежнемъ мѣстѣ жительства ему не вѣрять потому, что онъ оттуда уходитъ; а на новомъ мѣстѣ его не знаютъ, да притомъ и мѣстное населеніе

не совѣмъ дружелюбно относится къ пришлому челоѣку; для названія переселенцевъ уже сочинили новое слово, намъ совѣмъ непонятное: прозвали переселенцевъ почему-то „коркулами“. Чтѣ это значить—я никакъ не могъ разъяснить разспросами: просто дразнить „коркулами“, да и баста, и изъ-за этого бывають даже ссоры. Встрѣчаетъ мѣстный мужикъ переселенца и привѣтствуетъ:—Здоровъ, коркулю!—Якій я тебѣ коркулю!.. И пошло, и пошло пререканіе и перебранка. Надо добавить, что это прозваніе случается слышать не только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ екатеринославской, но и въ степной части полтавской губерніи.

На вопросъ—не дѣлали ли переселенцы большихъ займовъ, они отвѣчаютъ просто и вразумительно:—да кто-жъ намъ повѣрить? Но тотъ фактъ, что у нихъ были сотни рублей при самомъ переселеніи, требовалъ разъясненія: не собрались ли сюда самые зажиточные люди, такіе, которымъ хорошо жилось и дома, которые поэтому вовсе даже не нуждались въ переселеніи? Однако подкладка тутъ совѣмъ иная: деньги выручались почти исключительно продажою надѣльныхъ земель на родинѣ и построекъ, иногда же сдачею земли въ аренду, а это далеко не богатство. Были, положимъ, у мужа въ усадьбѣ порядочныя постройки, которыя, при мѣстной дороговизнѣ лѣса, очень пѣнятся. Дома эти постройки никакого богатства не составляли, а только давали своему хозяину жилище, да и занимали онѣ всего какую-нибудь четверть десятины. Живя въ самыхъ цѣнныхъ постройкахъ, при маломъ надѣлѣ, можно голодать. Жить постройками, конечно, нельзя—дохода онѣ не даютъ. Мѣстятъ въ нихъ три-четыре новыя семьи, на которыя распадается прежняя одна семья, послѣ того какъ подросли въ ней новыя работники—тоже немислимо. А продажою этой самой постройки можно выручить рублей 100 или, пожалуй, 200, чтѣ очень помогаетъ при переселеніи. Но однѣ постройки бывають только у самаго малоземельнаго; у другихъ же есть еще и полевые надѣлы—маленькіе, но все-таки есть. Вотъ, напримеръ, хозяинъ, у котораго на родинѣ было двѣ, три или четыре десятины всего; это значить—на *душѣ* всего одна десятина или даже дробь десятины. Въ такой тѣснотѣ харьковскій или курскій мужикъ задыхался; не нужно объяснять, что двумя-тремя десятинами возросшая и растущая еще семья кормиться не въ состояніи. Но такъ какъ эти десятины находятся въ мѣстности, гдѣ земля въ послѣдніе годы сильно вздорожала (между прочимъ, отъ вліянія тѣсноты же), то за нихъ можно выручать рублей по сту, а иногда даже по полутора-ста. И выходитъ, что малоземельнѣйшій двухъ-десятинный мужикъ могъ выручить рублей 200—300; трехъ-десятинный—рублей 300—400. У кого на *семью* было и пять десятинъ—тотъ тоже малоземельный,

страдавшій отъ тѣсноты, но событомъ своего тѣснаго надѣла онъ прибрѣтаетъ нѣсколько сотъ рублей, а включительно съ постройками — если онъ были порядочныя — могъ получить и около 1.000 рублей. Наконецъ, кто не продалъ надѣловъ, а только сдалъ землю въ аренду — и тотъ получалъ не мало. Мы видѣли уже, что люди уходили изъ-за дороговизны найма сосѣднихъ земель, за которыя платили рублей 15—20 въ годъ; стало быть, кто сдалъ года на два въ аренду свои четыре-пять десятинъ, могъ прибрѣтаетъ больше сотни рублей. На вырученныя отъ продажи и сдачи въ аренду надѣловъ деньги мужикъ, конечно, жить не могъ, но эти деньги, при коренномъ переломѣ его хозяйства, совершающемся при переселеніи, дадутъ переселенцу большую подмогу.

Что же выходитъ изъ всего этого? То, что владѣніе нѣсколькими сотнями рублей при переселеніи и крайняя нужда — вещи вполне совмѣстимыя. Кто имѣетъ эти сотни — ушелъ отъ несомнѣнной тѣсноты, и большинство такихъ представляетъ вполне *подходящій* контингентъ для переселенческаго дѣла. Эти люди только мѣняютъ прежнія три-четыре десятины — на 10 десятинъ на новомъ мѣстѣ. Они уходятъ отъ тѣсноты и череполосицы, соединенной съ вѣчными спорами и дразгами, на просторъ, къ округленному владѣнію, гдѣ сосѣдскихъ споровъ почти не будетъ. Стало быть, все это предпріятіе — вполне резонное, заслуживающее всякой поддержки. И сколько ни разспрашивалъ я въ данномъ селеніи о каждомъ отдѣльномъ хозяинѣ — все выходило, что у одного была только одна десятина, у другого — лишь двѣ-три, у рѣдкаго — семь-восемь десятинъ. Если допустить, что иные переселенцы и дѣла были людьми болѣе состоятельными въ денежномъ отношеніи, то это мало измѣнить дѣло; если у кого и были залежныя триста, четыреста рублей, то при переселеніи эти деньги нашли себѣ лучшее дѣло, чѣмъ какое могли бы найти себѣ на старомъ мѣстѣ. Тамъ онъ, можетъ быть, пошли бы на какую-нибудь рискованную торговлю или ростовщичество, а здѣсь онъ пошли на воздѣлываніе новыхъ земель, на превращеніе печальныхъ пустырей въ хлѣбныя поля и цвѣтушіе огороды.

Но все-таки тягость условій переселенія, сама по себѣ, ведетъ къ извѣстному неравенству. У кого было сто или полтора рубля — тотъ малосиленъ справиться съ массою задачъ, представляющихся переселенцу, и не одолѣетъ полного десяти-десятинаго участка. Поэтому иные отказываются отъ полного участка и берутъ меньшіе, а кто побогаче — тѣ охотно берутъ покидаемыя доли. Въ данномъ товариществѣ, на примѣръ, оказалось, что минимумъ земельной доли спустился до 6 десятинъ, а всѣхъ владѣющихъ отъ 6 до 9 десятинъ набралось 13, половина всѣхъ хозяевъ получила по нормальному де-

сяти-десятинному пая, а зато остальные взяли по полтора, по два и по три пая. Необходимость дѣлежа покинутыхъ нѣкоторыми доль по-неволѣ привела къ приему въ товарищество нѣсколькихъ новыхъ участниковъ и надѣленію нѣкоторыхъ излишками, потому что не держать же землю впустѣ, когда „жатва многа, а дѣлателей мало“. Арифметическое равенство въ жизни недостижимо; его далеко нѣтъ и на старыхъ надѣлахъ.

Бѣда только въ формальностяхъ. Земля куплена по купчей крѣпости, гдѣ поименованы всѣ участники покупки, даже и покинувшіе землю: эти послѣдніе передали свои доли другимъ, но какъ это укрѣпить формально, чтобы ушедшій [не могъ потомъ отнять земли у своего преемника, когда послѣдній успѣетъ уже распахать землю и застроить? Это вопросъ, на который правила не дають опредѣленнаго и сколько-нибудь удобнаго отвѣта, а между тѣмъ разныя „аблакаты“ и нотаріусы уже крѣпко начинаютъ совать свой носъ въ крестьянскія и особенно переселенческія дѣла. Идутъ, напр., Иванъ съ Степаномъ къ нотаріусу за совѣтомъ: какъ, молъ, мнѣ, Ивану, передать свою долю Степану? Нотаріусъ знаетъ, что землю можно продавать по крѣпостному акту, а актъ совершенъ на все товарищество въ совокупности—стало быть, купчей тутъ не сострапашь; и вотъ начинаютъ совѣты: „ты, Степанъ, землю возьми и деньги отдай Ивану, а въ обезпеченіе возьми вексель“. А то бываетъ и проще: „выдай, Иванъ, Степану довѣренность на управленіе твоими десятинами и на оплату этой земли“. Вотъ и пошли въ ходъ векселя да довѣренности. И бѣдный Степанъ вѣрить въ силу своей довѣренности, не догадываясь, что отъ Ивана зависитъ уничтожить ее во всякое время. Нотаріусъ же взялъ деньги за совершенный документъ и о послѣдствіяхъ не думаетъ. Много тутъ путаницы надо распутать, и очень чувствуется здѣсь пробѣлъ закона, такъ какъ общіе гражданскіе законы неприменимы къ массовымъ крестьянскимъ владѣніямъ. Тутъ нужны такія основанія владѣнія, которыя подходятъ къ положеніямъ 19-го февраля.

Выше уже было сказано, что урожай и неурожай въ посѣщеныхъ мною мѣстностяхъ расположились полосами. Но, случайно, первые видѣнные мною переселенцы были именно изъ попавшихъ подъ неурожай. Общее впечатлѣніе и выводы о переселенцахъ потому явятся уже въ концѣ настоящаго описанія; но рассказывать частности приходится по порядку, начавъ съ худшаго. Р—скіе крестьяне сильно жаловались на свое положеніе. Засуха сильно имъ повредила и разстроила много надеждъ; къ тому же бѣда не приходитъ одна. Къ засухѣ присоединились суслики (овражки или „оврагъ“, какъ чаще называютъ ихъ переселенцы)—зло, которое уступаетъ только послѣ

долгой и настойчивой борьбы, не совсѣмъ ожидаемой для переселенца. А третій врагъ — нашествіе жука. Р—скимъ переселенцамъ, такимъ образомъ, пришлось встрѣтиться разомъ съ тремя свирѣпыми врагами. Оттого засѣянные поля ихъ имѣли довольно печальный видъ. Издали кажется хлѣбъ хлѣбомъ. Но вотъ подхожу къ этому хлѣбу, и получается другое впечатлѣніе. Мужики косятъ овесъ, но они не вяжутъ его въ снопы, а прямо сгребаютъ въ кучу, какъ траву. Отчего?—да просто оттого, что хлѣбъ не стѣбитъ старательной уборки. Онъ очень рѣдокъ и вдобавокъ очень мало зерна. Возьмешь нѣсколько скошенныхъ стеблей въ руки и видишь, что мужикъ говоритъ правду. Ну, а гдѣ рожь? Да и жито (рожь),—говорятъ,—вышло очень плохое. Солома, пожалуй, есть, а зерна почти нѣтъ; одно—то, что не дала налиться зерну засуха, а другое — проклятый жуекъ „выпилъ“ зерно. Рожь была уже убрана, такъ что повѣрку можно было сдѣлать только въ стогахъ, и она подтвердила сказанное.

— А какой же это былъ жуекъ?—спрашиваю я, не надѣясь увидѣть его за совершившеюся уже уборкою хлѣба.

— А вотъ подивитесь (посмотрите), коли хотите.

— Да гдѣ жъ я его увижу, когда хлѣбъ собрали?

— Гдѣ?—воскликнулъ мужикъ:—а вотъ тутъ.—И съ этими словами онъ наклонился надъ землею убраннаго поля и сгребъ съ земли цѣлую пригоршню мертваго жука.—Вотъ, найлся нашего хлѣба, да и подохъ тутъ.

Вижу—жуекъ, буренѣкій и съ какою-то черною лопатою на спинѣ; внутренніе края его крыльевъ обведены какою-то черною полоскою и при складываніи даютъ черную черту, словно рукоятка лопаты, а выше на спинѣ—примыкающій къ этой чертѣ черный четырехугольникъ. Такъ и получается видъ лопаты. Не знаю, какъ зовутъ этого жука, но одинъ хозяинъ увѣралъ, что это-то и есть самый „австріякъ“.

Мѣстные крестьяне говорятъ, что жуекъ этотъ появляется съ довольно правильною періодичностью; по словамъ однихъ—разъ въ два года, а по словамъ другихъ—разъ въ три года. Явится и обсядетъ колосья, такъ что на одномъ колоскѣ бываетъ по пяти, по восьми и десяти жуковъ. Такъ и „выпьютъ“ зерно. Рассказывали еще про одного помѣщика, который, соображаясь съ періодичностью появленія жука, не сѣялъ въ тотъ годъ, когда ожидалъ его, ни ржи, ни пшеницы, а только овесъ, гречиху и другія растенія, на которыхъ, по формѣ колосьевъ, жуку сидѣть и двигаться неудобно. И будто система эта вполнѣ оправдалась. Но переселенцу все это въ новостъ.

Во всякомъ случаѣ, р—скіе переселенцы въ большемъ горѣ отъ постигшей ихъ въ первый годъ неудачи. Правда, ихъ утѣшаютъ

тѣмъ, что на слѣдующій годъ жука уже не будетъ, что и засухи бывають не каждый годъ, а послѣ двухъ неурожайныхъ годовъ (1885 и 1886) надо непременно ждать всякаго добра и останется воевать только съ сусликомъ; но въ минуту большого горя утѣшенія дѣйствуютъ не сильно. — Вотъ кабы нынѣшній годъ былъ хорошъ, мы бы успѣли поправиться на новомъ мѣстѣ, и не отстало бы отъ насъ столько товарищей, — говорятъ они. Мужикъ, и особенно южный, страшно подавляется впечатлѣніемъ *настоящаго* неурожая; онъ оживляется уже при послѣдующемъ хорошемъ сборѣ хлѣба; тогда онъ спокойно говоритъ о пережитомъ горѣ. Мнѣ послѣ пришлось видѣть такихъ крестьянъ, т.-е. отбывшихъ одинъ тяжкій годъ и повеселѣвшихъ отъ новаго, хорошаго урожая.

Интересно было еще узнать—всѣ ли переселенцы успѣли сбыть свои надѣлы на родинѣ, легко ли они расстаются съ этими надѣлами. Вышло и тутъ нѣчто не совсѣмъ ожидаемое. Хотя большинство надѣлы и сбыло, но многіе силятся удерживать ихъ за собою почти до послѣдней крайности. Изъ 90 переселенцевъ, числившихся вначалѣ, 21 человекъ все еще остались при старыхъ надѣлахъ, да и нѣкоторые изъ остальныхъ, говорятъ, словесно условились съ покупателями, что если-де они вернутъ послѣднимъ взятыя у нихъ деньги, то покупщики согласны будутъ вернуть пріобрѣтенную землю. Положимъ, сами продавцы-переселенцы мало рассчитываютъ на это: гдѣ, молъ, мнѣ собрать деньги для возврата! Это такъ только, на всякій случай, оговорили. Однако и тутъ видится проявленіе привязанности къ надѣльной землѣ и инстинктъ осторожности, который особенно имѣетъ цѣну въ переселенцѣ, показывая, что предстоящій переселенецъ шелъ не очертя голову, а съ оглядкою.

— Зачѣмъ же вы удержали надѣлы?—спрашиваю.

— А вотъ пожиземъ, посмотримъ.—Если хорошо здѣсь укрѣпимся, то, можетъ быть, продадимъ. Продавать теперь разомъ невыгодно; если всѣ станутъ продавать, то дадутъ полцѣны. Да и то сказать: отчего не удержать, если можно будетъ, землю и тамъ, и здѣсь? Тутъ я, положимъ, самъ соберу хлѣбъ, а тамъ, на родинѣ, батько или брать, или кому отдамъ въ аренду. А можетъ быть и самъ обернусь какъ-нибудь туда и сюда.

— Да развѣ можно хозяйничать въ двухъ мѣстахъ, когда тутъ больше трехсотъ верстъ разстоянія? Какъ тутъ поспѣть?

Но нѣкоторые мужики увѣряють, будто можно, хотя бы съ грѣхомъ пополамъ, а землю сбывать во всякомъ случаѣ жалко.—Ну, да затѣмъ,—говорять они,—само собою будетъ видно—можно или нѣтъ, нужно ли продавать, или лучше удержаться.—Признаться, пріятно видѣть, когда мужикъ цѣпко держится за землю. Вѣрнѣе или невѣ-

ренъ его рассчитать, но уже одинъ инстинктъ этотъ — здоровый инстинктъ. Въ другомъ мѣстѣ переселенецъ говорилъ: „мужикъ безъ земли ничего не стоить—какъ же ему не держаться за землю?“ По-видимому, особенно держались за надѣлы и надѣялись удержать ихъ болѣе крупныя семьи. Впрочемъ, инстинктъ, о которомъ идетъ рѣчь, не вездѣ одинаковъ. Не рѣшусь дѣлать обобщеній, но скажу, что менѣе держащимися за надѣльную землю, скорѣе сбывающими ее, мнѣ чаще представлялись полтавцы.

Р—скіе переселенцы оставили во мнѣ много впечатлѣній. При знакомствѣ съ ними открылось то, чего совсѣмъ не видно было на бумагѣ. Бытовая сторона переселенческаго дѣла представила такія внушительныя конкретныя черты, которыя можно было узнать только встрѣтившись лицомъ къ лицу съ самимъ переселенцемъ и осмотрѣвъ собственными глазами его хозяйство. Ясно было, что данные переселенцы не шли наобумъ, что у нихъ была сильная рѣшимость кореннымъ образомъ измѣнить свое положеніе, не останавливаясь передъ жертвами; а жертвы потребовались очень большія, тѣмъ болѣе, что природа и судьба не захотѣли побаловать искателей „новаго счастья“. Напротивъ, тутъ какъ нарочно сошлось многое, чтобы напугать смѣлаго искателя, съ перваго шага. Первый годъ переселенія—и уже цѣлый рядъ неблагоприятныхъ условій. Эти условія успѣли отогнать около четвертой части пришельцевъ, несмотря на ихъ затраты, но ядро переселенцевъ, хоты и преисполнившись огорченій, остается ждать лучшей поры. Да и на смѣну ушедшимъ явились охотники стать на ихъ мѣсто, несмотря на то, что всѣ неблагоприятности предъ ними были уже на-лицо.

Кое-какъ закусивши, чѣмъ можно было раздобыться въ волостномъ правленіи, подъ вечеръ я выѣхалъ изъ Р—ки. Скоро настала темная ночь, и въ степи было уже трудно различать что-либо. Южная, степная, лѣтняя безлунная ночь—далеко не та, что подъ Петербургомъ. Подъ Петербургомъ въ это время ночью свѣтло, почти бѣлая ночь, а въ южной степи ничего не видно. Правда, небо ясно, звѣзды блещутъ ярко, но этотъ свѣтъ ничего не помогаетъ. Напротивъ, именно при звѣздныхъ-то ночахъ приходится часто терять дорогу отъ темноты. Ъхать приходилось не по почтовому тракту, а проселочнымъ путемъ, гдѣ дороги не окопаны, насыпями не обставлены, деревьями не обсажены и гдѣ селенія попадаются не часто. Даже возница мой—и тотъ сбивался; то ему кажется, что ѣдетъ онъ какъ слѣдуетъ, то вдругъ объявить, что надо остановиться, поискать дороги, а потомъ рѣшить, что необходимо вернуться назадъ и слѣ-

латъ гдѣ-то какой-то поворотъ, котораго мы въ-время не сдѣлали. Степь со всѣхъ сторонъ гладкая, такъ что трудно разбирать—гдѣ дорога и гдѣ цѣльное поле. По временамъ случалось доставать изъ кармана спички, зажигать пукъ сухой травы или соломы и этимъ способомъ ориентироваться. Сверканія звѣздъ тутъ только дразнятъ: какъ будто и свѣтъ, а ничего при немъ не увидишь. Въ часы такого пути, когда окрестные предметы не развлекаютъ, открывается большой просторъ для думъ, а думать было о чемъ, такъ какъ р—скія наблюденія возбуждали цѣлый рядъ вопросовъ. Въ самомъ дѣлѣ, я встрѣтилъ людей, повидимому, средней или близкой къ средней мужицкой состоятельности, — людей, пришедшихъ съ порядочными деньгами и довольно порядочно уже успѣвшихъ построиться въ первый же годъ; но таково ли большинство переселенцевъ, случайныя ли были предо мною явленія или болѣе общія? Я видѣлъ людей, испытавшихъ неудачи въ первый годъ, но вѣдь бываютъ переселенцы, постигнутые иною судьбою. Инымъ удается въ первый же годъ отвѣдать „счастія“, т.-е. хорошаго урожая, что, конечно, помогаетъ имъ сразу прочно укрѣпиться; другимъ же, при обычныхъ степныхъ условіяхъ, достанется на долю и два неурожая сряду, а каково это въ первое время по переселеніи, т.-е. когда люди только сѣяли да затрачивали и почти ничего не собирали? Такія ли явленія встрѣтятся въ подобныхъ селеніяхъ, какія пришлось встрѣтить въ Р—кѣ? Новизна встрѣченныхъ фактовъ естественно развивала интересъ къ будущимъ изслѣдованіямъ подобнаго рода.

Переѣхавъ изъ одного селенія въ другое, изъ другого въ третье, не имѣвшія никакого отношенія къ переселеніямъ и населенныя старожилами, я черезъ нѣсколько времени опять попалъ въ волостное правленіе такой волости, гдѣ были переселенцы. Дѣло было уже ночью; большое селеніе все спало, и среди темноты видѣлся только одинъ огонекъ. Вѣрно, тутъ-то и есть правленіе. Мы не ошиблись; свѣча горѣла, точно, въ волостномъ правленіи, въ чемъ мы и убѣдились, когда вышелъ на крыльцо плотный, широколицый человѣкъ, въ какомъ-то балахонѣ, и на вопросъ мой объявилъ, что онъ—писарь такого-то волостного правленія. Въ правленіи оказался еще молодой паренъ—помощникъ писаря; тутъ же стоялъ, съ сумкою, какой-то разсылный сельской почты, и наконецъ та же обычная обстановка правленій: столъ подъ зеленымъ сукномъ, кучи бумагъ, циркуляры по стѣнамъ и на дверцахъ бумагохранительнаго шкафа и т. д. Но здѣсь обстановка была нѣсколько хозяйственнѣе, чѣмъ въ Р—кѣ; было два-три диванчика, гдѣ, казалось, можно уснуть (а уснуть послѣ долгой ѣзды очень хотѣлось), да и стулья поспокойнѣе. Въ домѣ нѣсколько комнатъ, и въ одной замѣтна семейная обста-

новка. Видно, что писарь здѣсь живетъ давно и менѣе склоненъ къ скитаніямъ. Принесли самоваръ, лицъ, хлѣба, а затѣмъ оставалось только спать, распорядившись насчетъ завтрашней экспедиціи. Ночлегъ на диванчикѣ оказался не очень спокойнымъ, потому что тревожили блохи; одинъ разъ даже разбудилъ прїѣздъ разсылнаго отъ какой-то мѣстной власти, но человекъ, по селамъ уже скитавшійся, привыченъ къ такимъ безпокойствамъ; все же не то, что въ иныхъ великорусскихъ избахъ, гдѣ часто никакъ не умудришься заснуть и представляется одинъ исходъ: ѣхать дальше — авось найдешь лучший ночлегъ.

Раннимъ утромъ, пока ставили самоваръ, пошелъ я по деревнѣ. Селеніе очень большое, есть нѣсколько приличныхъ домиковъ подъ соломенною крышею—видно, тутъ есть два-три небольшихъ помѣщика. Есть даже лавка, гдѣ можно достать кусокъ мещерскаго сыру, коробку сардинъ, и тутъ же салныя свѣчи, мука, ремни, гвозди и т. д. Невдалекѣ церковь, но меня остерегали подходить близко къ церковной сторожкѣ, потому что дьячокъ или пономарь держитъ ужасно злую собаку, которая не даетъ проходу постороннему человеку. Между тѣмъ солнце подымалось уже высоко, пугая предстоящимъ зноемъ, и скоро послышался звонокъ телѣжки, въ которой я долженъ былъ отправиться въ дальнѣйшій путь. Надо было спѣшить, тѣмъ болѣе, что до деревни, бывшей моею цѣлью, верстъ восемь или десять.

Мѣстность была въ томъ же родѣ, какъ и при с. Р—кѣ, т. е. сильно выжженная долгою засухою. Всюду желтыя травы, пыль и т. под. Наконецъ показалась вдали какая-то деревня, и уже по одному виду ея можно было заключить, что это переселенческое поселеніе: новое дерево нѣсколькихъ хатъ, постройки, доведенныя только до половины, землянки, начатыя плетневые сараи, два-три колодца и т. под. На улицѣ—если только можно назвать улицею дорогу, вдоль которой хаты протянулись въ одну линію—стояло десятка два крестьянъ, которые меня уже дожидали.

Видъ этого поселенія былъ невзрачнѣе вида Р—ки. Прежде всего бросалось въ глаза то, что переселенцы поселились на почти безводной равнинѣ. Вода только въ колодцахъ (впрочемъ, хорошая), но нѣтъ ни рѣчки, ни ручья, ни прудика. Далѣе, обращало на себя вниманіе сравнительное изобиліе землянокъ. Ихъ было больше, чѣмъ хатъ, да притомъ землянки чаще встрѣчались худшаго типа; маленькія, тѣсныя, глубже сидяція въ землѣ; войдя въ одну изъ нихъ, я подивился тѣсотѣ, и мнѣ показалось даже сомнительнымъ, какъ могла тутъ жить цѣлая семья. Здѣсь у одной стѣны постель („полъ“), а аршинахъ въ двухъ отъ нея, или немного больше, уже другая стѣна;

тутъ же мѣстится и станокъ, на которомъ текутъ полотно. Маленькія оена при самой землѣ. Входя въ землянку—какой-то крутой спускъ; темно, мрачно. Оказалось, однако, что семья здѣсь живетъ несомнѣнно и уже перезимовала. Хозяева не особенно жалуются, хотя прибавляютъ, что, разумѣется, еслибы у нихъ было больше средствъ, то они устроили бы себѣ лучшее жилье.—Каково же было вамъ зимою? не болѣли ли дѣти?—Слава Богу, всѣ здоровы были.—И не холодно?—Нѣтъ, зимою тепло въ землѣ; вотъ только бѣда, когда оттепель: затопишь печку—дымъ не идетъ вверхъ, и его задуваетъ внутрь, въ хату, такъ что усидѣть въ ней трудно.—Хаты тоже какъ-то поменьше, и прочія постройки поплоче. Ограды не въ низинѣ (которой здѣсь нѣтъ), а заняты изъ-подъ ровной же степи. Видъ ихъ довольно жалкій—замѣтно, что солнце жгло ихъ гораздо сильнѣе, чѣмъ долины. Сажали и сѣяли въ огородахъ все, что и въ другихъ селеніяхъ, но растительность вышла тощая, желтая. Въ Р—кѣ можно было расположиться въ волостномъ правленіи, а тутъ надо было искать какого-нибудь пріюта. Мужики посовѣтовали мнѣ забраться на одинъ недостроенный сарай, плетневныя стѣны котораго въ данный часъ прикрывали отъ солнца, принесли туда досчатый столъ, скамейку и собрались сами толпою у входа. Тутъ и начались наши бесѣды.

Оказалось, что здѣсь курскіе переселенцы, которые купили землю уже два года тому назадъ, но вотъ до сихъ поръ все не могутъ устроиться какъ слѣдуетъ. Одно—то, что состоянія не хватаетъ, а другое—они уже отбыли одинъ жестокій неурожай, а теперь дождались второго; добра же еще не видали на новомъ мѣстѣ.

Исторія б—скихъ переселенцевъ (это поселеніе прозвали Б—кою) вначалѣ сходна съ предыдущею. Уходили отъ тѣсноты и дороговизны земель, посылали развѣдчиковъ, одинъ изъ нихъ нашелъ продажную землю и сторговалъ; ходило потомъ на осмотръ человѣкъ десять соглядатаевъ, и, наконецъ, образовалось товарищество покупателей изъ 75 человѣкъ. Точно также послѣ покупки не явились на мѣсто человѣкъ 13 и фактически устранились отъ дѣла, а человѣка три умудрились завести хозяйство на новомъ мѣстѣ, продолжая жить на родинѣ. Они засѣяли нѣсколько десятинъ хлѣба и думали пріѣхать ко времени сбора или поручить этотъ сборъ своимъ довѣреннымъ. На замѣну ушедшихъ явился только одинъ новый охотникъ, что легко объясняется вліяніемъ неурожая, отбивавшаго охоту приставать къ покупкѣ. Такимъ образомъ, фактическихъ хозяевъ на мѣстѣ оказалось 60, вмѣсто 75-ти. Разница небольшая, если принять во вниманіе всѣ постигшія переселенцевъ невзгоды. 22 человѣка уже построили себѣ хаты, а 33 — землянки. Эти переселенцы бѣдѣе предыдущихъ, а главное—испытали больше горя. У нихъ уже слы-

шался сильный ропотъ на свое положеніе:—Два года живемъ уже, а добра еще не видѣли; посмотрите, какой у насъ хлѣбъ? все пожгло, только одна трава; а лѣтъ? а огороды?—И точно, хлѣбъ очень плохъ, лѣтъ въ три вершка ростомъ, толщиною съ нитеу и не по времени желтый; огородные листья вялые; а солнце продолжаетъ палить немилосердно и на дождь нѣтъ надежды. „Проклятый оврагъ“, жукъ—предметы дополнительныхъ жалобъ.—Ну, какъ же тутъ жить намъ?—спрашиваютъ переселенцы. Два года ждали, приходится уже ждать третьяго, а тамъ что будетъ?

Усугубленію затрудненій этихъ крестьянъ послужило то, что они принесли съ собою не очень много денегъ; а недостатокъ денегъ, между прочимъ, объясняется тѣмъ, что они очень неохотно продавали надѣльную землю на родинѣ. Продали всего 20 человекъ, а остальные все удержали надѣлы. Изъ этихъ 20-ти шесть человекъ получили отъ 100 до 200 рублей каждый, семь человекъ—отъ 200 до 300, пятеро—отъ 300 до 400 и двое—отъ 400 до 500. Нѣкоторые, надо полагать, собрали еще кое-какія деньжонки помимо продажи земель, потому что иначе трудно объяснить, какъ вынесли они два неурожая. При благоприятныхъ условіяхъ, подобныя деньги помогли бы имъ устроиться сносно, но б—скимъ переселенцамъ пришлось хуже, тѣмъ какимъ-либо изъ видѣнныхъ мною. Они купили землю за 51 тысячу рублей; въ счетъ этой суммы уплатили 39 тысячъ полученною изъ банка ссудою (больше и нельзя было взять, такъ какъ 125 руб. на душу—максимальный размѣръ); 9 тысячъ рублей уже отдали продавцу изъ собственного кармана, а остальные 3 тысячи отсрочены. Затѣмъ надо было переѣхать на новое мѣсто съ хозяйствомъ, постройиться и поднять землю. Все это требовало большаго времени, и въ первый годъ послѣ покупки переселенцы перезимовали еще на родинѣ, въ курской губерніи. Привыкшіе пахать на родинѣ мягкую землю сохами и лошадьми, они должны были на новомъ мѣстѣ поднимать дѣлину; ихъ скотъ и орудія не могли выполнить подобной задачи, и потому пришлось платить постороннимъ людямъ по 7 рублей за подъемъ каждой десятины. Каково же, послѣ отдачи 9 тысячъ продавцу, издержекъ переѣзда и построекъ, да послѣ 7-ми-рублевой подесятинной уплаты за распапку—испытать два года неурожая? Вмѣсто хорошей жатвы приходилось кормиться покупнымъ хлѣбомъ. Какъ тутъ и не возроптать? И не переселенцу, а постоянно живущему на одномъ мѣстѣ, отъ двухъ-лѣтняго неурожая приходится такъ тяжело, что селенія разбѣгаются въ поискахъ за какимъ-нибудь ломтемъ хлѣба. Видимо, тяжело былъ для б—скихъ переселенцевъ нынѣшній неурожай, но прошедшій годъ, по словамъ ихъ, былъ еще

ужаснѣе. Теперь хотъ кормъ скоту есть, а тогда страшно выжгло и хлѣбъ, и траву.

У большинства есть еще ресурсъ—непроданные на родинѣ надѣлы, за которые можно взять порядочныя деньги. Но эти курскіе мужики держатся за землю еще крѣпче, чѣмъ предыдущіе харьковцы. И постигшія ихъ въ Новороссіи невзгоды не побуждаютъ ихъ къ ускоренію продажи, а скорѣе воздерживаютъ отъ нея.—На всякій случай, лучше сохранить,—разсуждаютъ б—скіе курыне.

Купленная земля раздѣлена между хозяевами по душамъ; на душу положено $\frac{3}{4}$ десятины подъ усадьбы и 3 дес. поля; но число душъ въ семьяхъ не всегда совпадаетъ съ числомъ взятыхъ семейю душевыхъ долей. Разница эта находится въ зависимости отъ требовавшихся доплатъ въ ссудѣ банка изъ собственныхъ средствъ покушниковъ. Кто не могъ внести полной доплаты на все число своихъ душъ, тотъ бралъ нѣсколько меньше земли. При всемъ томъ неравенство невелико: наибольшій хозяйскій пай—на 9 душъ, и такіе пай взяли только двое; по одной душѣ взяли тоже двое; большинство же брало отъ 2 до 4 душъ. Ко времени моего посѣщенія „поднято“ уже было около половины всей земли; остальная—подъ пастбищемъ и т. п. Итакъ, переѣздъ, застройка, распашка земли—какъ много уже сдѣлано для новаго устройства, при самомъ неблагоприятномъ стеченіи обстоятельствъ! Выйдетъ третій годъ урожайный—сгладится вліяніе бѣды, такъ какъ урожаи здѣсь тоже бываютъ сильныя, а не выйдетъ... но нельзя же ждать только однихъ несчастій. Другіе переселенцы, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, вознаграждались же за претерпѣнное вначалѣ.

Выѣхавъ я изъ В—ки часа въ три днемъ, въ самый припекъ; отъѣхали въ „чистую“, пустую уже отъ всякаго жилья степь; солнце палитъ, вѣтра нѣтъ: движенія нигдѣ никакого, кромѣ моей телѣги. Совершенная тишь, та характерная тишь, какая бываетъ въ часы напряженного зноя; слышится только, какъ будто кузнечики стрекочутъ. Но, прислушавшись внимательнѣе, замѣчаю, что это не совсѣмъ похоже на кузнечика: стрѣкотъ съ какимъ-то особеннымъ присвистываніемъ. Спрашиваю возницу:—что это такое?—Развѣ не видите, суслики пересвистываются.—Гдѣ же они?—А вонъ, а вотъ!—И дѣйствительно, вижу въ разныхъ мѣстахъ стоятъ на заднихъ лапкахъ мелкія животныя, въ родѣ крысъ, съ короткими хвостиками, и издають свои характерные звуки. Оглядываюсь въ разные стороны и насчитываю не менѣе десяти штукъ этого врага южныхъ земледѣльцевъ, и всѣ въ одной позѣ. Не смущаясь нашею ѣздой, они не двигаются съ мѣста и продолжаютъ свистѣть. Останавливаю телѣгу—они все не боятся. Но едва я спустилъ ногу на ступеньку, желая

сойти и разсмотрѣть поближе, каждый моментально нырнулъ въ свою нору, и нѣтъ его. Сусликъ понимаетъ, до какихъ поръ можно храбриться.

— Теперь съ нимъ ничего не подѣлаешь, — говоритъ мужикъ: — такія глубокія норы порылъ, что его и не достанешь. Съ весны надо „выдывать“, вотъ какъ только снѣгъ сойдетъ; тогда набьешь ихъ сколько хочешь; а теперь и въ глубину, и въ бокъ повыводилъ такіе ходы подъ землею, что ничего не боится.

Истину этого я скоро узналъ опытомъ. Обычный способъ истребленія суслика — заливанье водою; весною или въ самомъ началѣ лѣта, когда норы еще неглубоки, льютъ въ нору ведро или два воды — сусликъ сейчасъ выплыветъ, и тутъ его убиваютъ. Но позднимъ лѣтомъ это уже трудъ напрасный. Въ одной деревнѣ, ходя съ мужиками по полю и замѣтивъ, какъ нырнулъ въ свою норку сусликъ, я предложилъ мужикамъ залить его. — Глубоко сидитъ, — отвѣчали мужики: — теперь вольешь ведро — вода только *загремитъ*, переливаясь подъ землею. — Однако колодезь былъ близко, кстати возлѣ него были ведра, и мы принялись за дѣло. Влили одно ведро, и точно, послышался какой-то странный звукъ, въ которому очень подходило крестьянское выраженіе: „загремитъ“; вода быстро вбѣжала въ нору, и отъ нея не осталось слѣда; влили второе ведро — то же самое; послѣ пятаго ведра вода на нѣсколько секундъ было-задержалась на поверхности норы, показались пузыри, но затѣмъ опять вода быстро всосалась; сусликъ не вышелъ даже послѣ шестого ведра; тогда мы и бросили наше занятіе.

Ожесточеніе крестьянъ противъ суслика очень велико. — Иногда, — говорилъ мнѣ мужикъ, — вытянешъ проклятаго „оврага“ изъ норки крючкомъ, поднимаешь его, да и размахиваешь крючкомъ на воздухъ; „оврагъ“ вертится, пищитъ, а его товарищи подъ землею откликаются ему и тоже пищать. Видно, жалко имъ товарища.

Земство поощряетъ истребленіе сусликовъ денежными уплатами. Устанавливаютъ обязательныя нормы — сколько сусликовъ долженъ истребить каждый хозяинъ, и учитываютъ эту повинность по числу представленныхъ въ земскую управу лапокъ. А кто представитъ лапокъ больше требуемаго количества, тѣмъ платятъ деньги, хотя, разумѣется, за каждого суслика приходится дробн копейекъ.

— Знаете ли, сколько мы заплатили за сусликовъ въ нынѣшнемъ году? — говорилъ мнѣ членъ губернской земской управы одной новороссійской губерніи: — 130 тысячъ рублей! По одному этому судите, какова масса ихъ, съ какою вредною силою намъ приходится бороться.

Въ самомъ дѣлѣ, ужасная цифра! На нее можно бы содержать

цѣлое крупное учрежденіе. Можно бы имѣть нѣсколько сотъ лишнихъ школъ. И все это выплачиваетъ населеніе одной только губерніи. И за всѣмъ тѣмъ суслика остается еще такъ много, что онъ является однимъ изъ самыхъ губительныхъ бичей сельскаго хозяйства. Если кругомъ на убитаго суслика положить даже копѣйку—и то выходитъ 13.000.000 убитыхъ; но платятся дробя; а сколько остается еще живыхъ? Бѣда въ томъ, что сусликъ плодится нѣсколько разъ въ годъ;—оттого его такъ много, оттого такъ важно истреблять его въ началѣ весны, чтобы онъ не оставлялъ потомства. За убитыхъ раньше и земство платитъ дороже, чѣмъ за убитыхъ лѣтомъ.

Но если такъ многочисленъ этотъ врагъ,—нельзя ли какъ-нибудь утилизировать его? Такая мысль невольно приходитъ въ голову, при слушаніи подобныхъ разсказовъ. Вѣдь есть же у него кожа, жиръ; если что-нибудь дѣлать изъ нихъ, то, съ одной стороны, будетъ новый продуктъ, а съ другой—охрана посѣвовъ; разомъ два дѣла.

— Да, пробовали,—разсказываетъ одинъ земецъ:—думали обрабатывать сусличью кожу на перчатки, но кожа эта слишкомъ мала—хватить развѣ на дѣтскую перчатку. Были еще опыты вытапливанья сала для смазокъ, и ничего, вѣжется, годится. Только все это еще одни опыты, не больше.

— Одинъ мастеръ испробовалъ—было сшивать изъ сусличьихъ кожъ нѣчто въ родѣ мѣха. И сшилъ нѣсколько такихъ „мѣховъ“. Я самъ купилъ у него за нѣсколько рублей, и сдѣлалъ себѣ халатъ,—разсказалъ другой земецъ. Можетъ быть, такой промыселъ и пошелъ бы, да только многіе ли захотятъ покупать подобный товаръ? Вотъ, еслибы кто-нибудь изъ модниковъ захотѣлъ приобрести себѣ подобную вещь, тогда, пожалуй, она вошла бы въ моду и развился бы промыселъ. Примѣръ важень, а такъ—едва ли у насъ что-нибудь выйдетъ.

Я двинулся въ болѣе благополучную мѣстность, гдѣ, по слухамъ, были порядочные дожди и хлѣбъ недурень. Опять дневной зной и темныя ночи, въ которыя то-и-дѣло приходится разспрашивать про дорогу. Встрѣтишь мужичка-малоросса, и спросишь:—а какъ мнѣ проѣхать на такой-то хуторъ? — Да ѣдьте прямо, все прямо,—скажетъ онъ, указывая вдаль рукою:—тутъ будетъ хуторъ Данчѣнка, а дальше—хуторъ Зинчѣнка; тамъ поверните направо и доѣдете до хутора Гнатчѣнка; а затѣмъ будетъ уже и тотъ хуторъ, куда вамъ треба.

На слѣдующій день, подъ вечеръ, вдругъ собрались грозовыя тучи, и скопилось ихъ столько, что ясно было быстрое приближеніе грозы. Освѣженіе воздуха послѣ долгаго зноя, конечно, пріятно, но

когда находишься въ пути — тутъ, прежде всего, хочется поскорѣе доѣхать туда, гдѣ можно скрыться отъ дождя. Однако, какъ ни погонялъ лошадей мой возница, тучи гнались за нами такъ быстро, что на спасеніе не оставалось никакой надежды. Скоро забороздили по небу частыя молніи, загремѣлъ поминутный громъ, поднялся страшный вихрь, наконецъ упала на лицо первая крупная капля, и за нею начался сильнѣйшій дождь, какого я давнымъ-давно не видалъ. Гонимый вѣтромъ, онъ хлесталъ все сбоку; каждая капля была чуть не съ ложку воды; молніи такъ ярки и часты, что, казалось, кто-то съ неба ежеминутно сыплетъ огонь подъ ноги лошадямъ. Досталъ я зонтъ, расправилъ, но вѣтеръ живо вывернулъ его покрышку, показавъ всю тщету надеждъ на подобную защиту. Пришлось предоставить себя на волю стихій, такъ какъ кругомъ одна степь, гдѣ встрѣчаются лишь хлѣбныя копны; а эти копны могутъ защищать только съ одной стороны и не даютъ никакой защиты сверху. Возница говоритъ, что до ближайшаго селенія еще версты три. Спѣшимъ, спѣшимъ, наконецъ блеснулъ гдѣ-то яркій свѣтъ; мы въѣхали въ какое-то большое село и направились прямо на огонь; достигнувъ дома, изъ котораго онъ свѣтился, пришлось еще долго стучать. Наконецъ достучались, дверь заскрипѣла, и на порогѣ показался неопредѣленный человѣческой образъ. — Пожалуйте, сюда пожалуйте!

Вхожу въ домъ, съ меня текутъ ручьи; предо мною — среднихъ лѣтъ еврей, въ длиннополомъ сюртукѣ, и рекомендуется: — Хозяинъ постоялаго двора, Моисей Абрамовичъ Шмольцъ. — Онъ любезно мнѣ услуживаетъ и выражаетъ сожалѣніе о постигшей меня участи.

— Вамъ, можетъ быть, самоваръ?

— Да, пожалуйста, поскорѣе.

— Сейчасъ, сейчасъ! Анна Абрамовна-а!..

Появилась Анна Абрамовна. толстая еврейка, жена или сестра Моисея Абрамовича — не знаю. Оказалось, что я попалъ какъ разъ на вечеръ шабаша, когда семейство Шмольцъ совершало свои моленія при свѣтѣ цѣлаго ряда свѣчей. Эти-то свѣчи и были источникомъ свѣта, бросившагося намъ въ глаза, когда мы въѣзжали въ деревню подъ дождемъ.

Скоро явился самоваръ, а затѣмъ попечительная Анна Абрамовна распорядилась принести двѣ большія подушки, увѣрая, что на ея диванчикѣ и этихъ подушкахъ я великолѣпно усну. Однако, боясь обилія историческихъ воспоминаній этихъ подушекъ, которыя, конечно, знакомы съ головами многихъ проѣзжихъ, я рѣшительно отказался, сказавъ, что всегда сплю на своей маленькой духовой подушкѣ.

Долго не вѣрила Анна Абрамовна, чтобы можно было спать на одной только подушкѣ, да еще такой маленькой, и выставляла достоинства своихъ. А подушки ея были, точно, замѣчательныя: по четыремъ сторонамъ каждой вышиты такія слова: „Головку склони, слатимъ сномъ усни“. Откуда это взялись у Моисея Абрамовича подобныя надписи?—Я заснулъ, какъ убитый, подъ монотонное гудѣніе шабашковыхъ молитвъ, слышавшихся изъ третьей комнаты, а на слѣдующій день попалъ уже въ новую мѣстность, гдѣ поля смотрѣли гораздо лучше, чѣмъ видѣнныя мною прежде.

Ө. Воропоновъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1887 г.

Новый законъ о порядкѣ образованія и о составѣ суда присяжныхъ; отношеніе его къ прежнимъ проектамъ, его сильныя и слабыя стороны. — Законопроектъ объ ограниченіи сферы дѣйствій суда присяжныхъ; три главныя группы дѣлъ, къ которымъ онъ относится; новая форма суда, имъ создаваемая. — Именной указъ 14-го марта. — Нѣсколько словъ о реформѣ мѣстнаго управленія.

Законъ 28-го апрѣля, измѣнившій постановленія о составѣ и о порядкѣ образованія суда присяжныхъ, имѣетъ, прежде всего, то значеніе, которое мы приписывали, въ свое время, закону 12-го іюня 1884 г.; онъ свидѣтельствуетъ о томъ, что суду присяжныхъ, вопреки усиліямъ газетныхъ и иныхъ реакціонеровъ, не суждено исчезнуть изъ нашего судоустройства. Это очень утѣшительно — но этого одного еще мало. Если перемѣны въ полезномъ учрежденіи служатъ гарантіей противъ совершенной его отмѣны, то это — достоинство чисто отрицательнаго свойства; положительная сторона реформы зависитъ отъ характера и направленія нововведеній, вносимыхъ ею въ дѣйствующее право. Разсматриваемый съ этой точки зрѣнія, законъ 28-го апрѣля далеко не во всѣхъ отношеніяхъ можетъ быть названъ перемѣной къ лучшему. Мы не находимъ въ немъ кое-чего, давно уже признаннаго необходимымъ, — и находимъ, наоборотъ, немало правилъ, цѣлесообразность которыхъ, по меньшей мѣрѣ, весьма сомнительна.

Начнемъ съ порядка составленія общаго списка присяжныхъ засѣдателей. Къ участію въ этомъ важномъ дѣлѣ прежде имѣлось въ виду привлечь и тѣхъ, кто можетъ, по закону, быть присяжнымъ засѣдателемъ. Каждому правоспособному, въ этомъ смыслѣ, лицу — если оно не принадлежитъ къ одному изъ податныхъ сословій — предполагалось вмѣнить въ обязанность самому заявлять о себѣ мѣстному мировому судѣ, подъ опасеніемъ ареста или денежнаго штрафа. Это было бы самымъ лучшимъ средствомъ обезпечить полноту спи-

сковъ. Какъ бы серьезно ни относились къ своей задачѣ всѣ тѣ, на кого возложено составленіе списковъ, они легко могутъ допустить пробѣлы, особенно въ категоріяхъ, принадлежность къ которымъ обуславливается признакомъ трудно уловимымъ (напримѣръ, известной цифрой годового дохода). Множество лицъ—и притомъ изъ числа такихъ, включеніе которыхъ въ списокъ присяжныхъ представляется весьма желательнымъ—ускользаютъ отъ отправленія повинности, тѣмъ тяжелѣе падающей на другихъ, и не считаютъ нужнымъ протестовать, потому что не привыкли дорожить своимъ гражданскимъ долгомъ. Оправданіемъ для нихъ служить, до известной степени, самый законъ; они могутъ успокоивать себя мыслью, что привлеченіе или непривлеченіе ихъ въ число присяжныхъ зависитъ всецѣло отъ комиссіи, составляющей списки, что никто не требуетъ и не ожидаетъ отъ нихъ инициативы въ исполненіи обязанности, на нихъ лежащей. Нельзя не пожалѣть по этому, что проектированная-было обязательность заявленій не осуществлена закономъ 28-го апрѣля. Уступаетъ онъ проекту 1883—84 г. и въ томъ отношеніи, что не объединяетъ въ однѣхъ рукахъ работу по предварительному составленію общаго списка. Прежде предполагалось возложить ее на участковаго мирового судью; теперь она распредѣлена между предсѣдателемъ уѣздной земской управы, городскимъ головою, непремѣннымъ членомъ крестьянскаго присутствія и начальникомъ полиціи. Участковый мировой судья стоитъ гораздо ближе къ крестьянскому населенію своего участка, чѣмъ непремѣнный членъ—къ крестьянскому населенію цѣлаго уѣзда; отъ мирового судьи скорѣе можно ожидать точныхъ и полныхъ свѣдѣній, чѣмъ отъ полиціи, заваленной самыми разнообразными обязанностями и привыкшей относиться слегка къ безчисленнымъ справкамъ, перечнямъ, вѣдомостямъ, отъ нея требуемымъ. Повѣрку списковъ, составленныхъ мировымъ судьей, предполагалось поручить мировому съѣзду, съ присоединеніемъ къ нему предводителя дворянства, непремѣннаго члена крестьянскаго присутствія, товарища прокурора, уѣзднаго исправника и нѣсколькихъ уполномоченныхъ отъ уѣзднаго земскаго собранія. Коллегія, такимъ образомъ организованная, имѣла бы, какъ намъ кажется, одно большое преимущество передъ комиссіей, устанавливаемой закономъ 28-го апрѣля. Составъ той и другой—почти одинъ и тотъ же, но комиссія является учрежденіемъ случайнымъ и временнымъ, лишеннымъ твердаго средоточія, вокругъ котораго могли бы группироваться всѣ остальные элементы, между тѣмъ какъ въ коллегіи, прежде проектированной, такимъ средоточіемъ служилъ бы *мировой съездъ*—учрежденіе постоянное, крѣпко сложившееся и хорошо сплывшееся. За успѣхъ задачи, возлагаемой на комиссію, будутъ чувствовать себя

нравственно-отвѣтственными одинаково *всѣ* — то-есть спеціально *никто*; при прежде проектированномъ порядкѣ главная отвѣтственность лежала бы на мировомъ сѣздѣ, тѣмъ болѣе, что его же членами — участковыми мировыми судьями — исполнялась бы работа по предварительному составленію списковъ. Далекое не лишено значенія и то, что въ коллегіи, ядромъ которой служилъ бы мировой сѣздъ, могли бы участвовать всѣ почетные мировые судьи, усиливая собою элементъ земскій, общественный, столь важный и для полноты, и для правильности списковъ.

Во всемъ томъ, что касается порядка составленія списковъ, законъ 28-го апрѣля является какъ бы подтвержденіемъ и продолженіемъ закона 12-го іюня 1884 года; гораздо болѣе новаго и важнаго представляютъ постановленія, опредѣляющія самый составъ суда присяжныхъ. Право и обязанность быть присяжнымъ обуславливались, на основаніи судебныхъ уставовъ, или службой (государственной и общественной), или владѣніемъ, или доходомъ. Эти три категоріи удержаны и новымъ закономъ, но въ каждую изъ нихъ внесены болѣе или менѣе существенныя перемѣны. Имущественный цензъ, выражающійся въ владѣніи недвижимостью, пониженъ; имущественный цензъ, выражающійся въ вознагражденіи за трудъ или въ доходѣ съ капитала, занятія, ремесла или промысла, значительно повышенъ. Съ наибольшимъ довѣріемъ законодательная власть отнеслась къ землевладѣльцамъ; до сихъ поръ въ списокъ присяжныхъ вносились лица, владѣющія ста десятинами или болѣе, а теперь для этого признается достаточнымъ владѣніе землею въ такомъ количествѣ, которое даетъ право голоса на сѣздѣ мелкихъ землевладѣльцевъ. Это количество равняется, какъ извѣстно, одной двадцатой существующаго въ данной мѣстности земскаго ценза, а послѣдній составляетъ, въ большинствѣ уѣздовъ, отъ двухсотъ до трехсотъ пятидесяти десятинъ, рѣдко восходя до 475, 650 и 800 десятинъ. Итакъ, минимальнымъ земельнымъ цензомъ, дающимъ право быть присяжнымъ, является теперь владѣніе десятью десятинами, максимальнымъ — владѣніе сорока десятинами; цензъ пониженъ въ $2\frac{1}{2}$ — 10 разъ. Законъ 28-го апрѣля идетъ, въ этомъ отношеніи, гораздо дальше проекта 1883—84 г., предлагавшаго ограничить цензъ для присяжныхъ одною четвертью земскаго ценза. Весьма незначительно измѣненъ цензъ для владѣльцевъ другихъ недвижимыхъ имуществъ, кромѣ земельныхъ; цифры остались здѣсь тѣ же самыя (стоимость имущества, смотря по мѣстности, опредѣляется въ двѣ тысячи, одну тысячу и пятьсотъ рублей), но средняя изъ нихъ, до сихъ поръ имѣвшая силу для всѣхъ губернскихъ городовъ и градоначальствъ, удержана только для городовъ, въ которыхъ болѣе ста тысячъ жителей. Другими словами, всѣ гу-

бернскіе города съ меньшимъ населеніемъ (а ихъ по крайней мѣрѣ $\frac{1}{2}$ %) поставлены на одинъ уровень съ массой уѣздныхъ городовъ; присяжнымъ, и тамъ, и тутъ, можетъ быть всякій, владѣющій недвижимымъ имуществомъ на сумму не менѣе пятисотъ рублей ¹⁾. Что касается до ценза, выражающагося въ доходѣ или вознагражденіи за трудъ, то судебные уставы опредѣляли его двумя цифрами: 500 рублей—для столицъ и 200 рублей—для всѣхъ остальныхъ мѣстностей. Новый законъ различаетъ и здѣсь тѣ же три категоріи мѣстностей (столицы, города съ населеніемъ болѣе ста тысячъ человекъ и все остальное), о которыхъ мы только-что говорили; для первой категоріи цензъ повышается до одной тысячи, для второй—до шестисотъ, для третьей—до четырехсотъ рублей. На одинъ рядъ съ доходомъ или вознагражденіемъ за трудъ законъ 28-го апрѣля ставитъ и жалованье или пенсію, получаемыя по государственной или общественной службѣ; другими словами, должностныя лица, получающія—смотря по мѣстности—менѣе тысячи, шестисотъ или четырехсотъ рублей, лишаются права быть присяжными, между тѣмъ какъ по дѣйствовавшему до сихъ поръ закону въ общій списокъ присяжныхъ вносились—за извѣстными исключеніями, и теперь сохраняющими свою силу или еще болѣе распространяемыми—*все* состоящія на государственной гражданской или мѣстной выборной службѣ. Итакъ, въ кругъ лицъ, могущихъ быть присяжными, *включаются вновь*, по закону 28-го апрѣля, землевладѣльцы, которымъ принадлежитъ менѣе ста, но болѣе 10—40 (смотря по мѣстности) десятинъ земли, и нѣкоторые домовладѣльцы въ губернскихъ городахъ, имѣющихъ менѣе ста тысячъ жителей; *исключаются изъ него* всѣ чиновники, промышленники, торговцы, ремесленники, люди либеральныхъ профессій, получающіе въ столицахъ—отъ 500 до 1000, въ городахъ съ населеніемъ болѣе ста тысячъ—отъ 200 до 600, въ остальныхъ мѣстностяхъ—отъ 200 до 400 рублей. Уменьшается число лицъ, могущихъ быть присяжными, еще въ другомъ отношеніи: необходимымъ условіемъ включенія въ списокъ присяжныхъ законъ 28-го апрѣля ставитъ *умньше читать по-русски*. Сверхъ того, онъ запрещаетъ включать въ списки присяжныхъ домашнюю прислугу и всѣхъ впавшихъ въ крайнюю бѣдность.

Прежде, чѣмъ приступить къ оцѣнкѣ всѣхъ этихъ нововведеній, мы должны подчеркнуть два пункта, по которымъ законъ 28-го апрѣля выгодно отличается отъ проекта 1883—1884 г. Судебные уставы назначили для всѣхъ сословій одинъ и тотъ же (двадцатипяти-лѣтній) возрастъ, раньше котораго нельзя быть присяжнымъ;

¹⁾ Правда, въ высшую категорію переходятъ уѣздные города, населеніе которыхъ превышаетъ сто тысячъ; но много ли у насъ такихъ городовъ? Кажется—одинъ Бердичевъ.

они открыли доступъ въ присяжные лицамъ сельскаго состоянія, занимавшимъ безпорочно, не менѣе трехъ лѣтъ, должности волостныхъ старшинъ или головъ, волостныхъ судей, сельскихъ старостъ, церковныхъ старостъ. Въ проектѣ 1883-84 гг. предполагалось отступить отъ этихъ началъ, повысивъ возрастной цензъ, для крестьянъ, до тридцати-пяти лѣтъ и признавъ ступеню въ званію присяжнаго, изъ всѣхъ должностей по крестьянскому самоуправленію, одну только должность волостного старшины. Въ свое время мы возражали противъ этихъ предположеній, въ такой же мѣрѣ несправедливыхъ, какъ и непрактичныхъ ¹⁾. Мы указывали на то, что сельскій житель созрѣваетъ, говоря вообще, раньше горожанина, раньше достигаетъ степени развитія, на которой ему суждено остановиться; мы замѣчали, что если повысить возрастной цензъ для крестьянъ-присяжныхъ, то придется повысить его и для крестьянъ-избирателей, для крестьянъ-гласныхъ, и создать, такимъ образомъ, ни на чемъ не основанное различіе между крестьянами и лицами другихъ сословій. Мы старались доказать, что нѣкоторой гарантіей способности быть присяжнымъ служить не только исправленіе должности волостного старшины, но и исполненіе другихъ обязанностей по крестьянскому самоуправленію. Законъ 28-го апрѣля не коснулся ни возрастнаго ценза, ни должностнаго, установленнаго для крестьянъ — и это нельзя не поставить ему въ заслугу. Было бы лучше, быть можетъ, еслибы онъ и во многомъ другомъ поменьше расходился съ судебными уставами.

Въ чемъ заключается главная цѣль новаго закона? Повидимому — въ томъ, чтобы поднять умственный и нравственный уровень суда присяжныхъ. Способствовать этому должно, во-первыхъ, требованіе грамотности, какъ необходимаго условія, безъ котораго никто не можетъ быть присяжнымъ; во-вторыхъ — увеличеніе цифры дохода, дающаго право на званіе присяжнаго. Рядомъ съ этой послѣдней мѣрой стоитъ, однако, другая, могущая привести къ противоположному результату. Затрудняя доступъ въ присяжные для мелкихъ чиновниковъ, промышленниковъ, торговцевъ, законъ 28-го апрѣля облегчаетъ его для мелкихъ землевладѣльцевъ. Собственникъ десяти десятинъ, доходъ котораго исчисляется единицами или, въ лучшемъ случаѣ, десятками рублей, можетъ быть присяжнымъ, а хозяинъ небольшой лавки или мастерской не можетъ, если прибыль его отъ ремесла или торговли не превышаетъ 399 рублей. Почему? Развѣ владѣніе землею, даже въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ, служитъ гарантіей доброй нравственности или умственнаго развитія?

¹⁾ См. Внутр. Обзоръ въ № 4 „В. Евр.“ за 1884 г.

Развѣ кулакъ, промышленный землеу, лучше кулака, промышленнаго товаромъ? Развѣ деревенскій торговецъ, купившій усадьбу, которую до тѣхъ поръ нанималъ, внезапно становится другимъ человекомъ? Еще менѣе объяснима опала, наложенная на мелкихъ чиновниковъ и на другихъ, мало зарабатывающихъ представителей умственного труда. Повсемѣстное почти повышение подоходнаго ценза съ двухсотъ до четырехсотъ рублей закрываетъ доступъ въ присяжные для множества лицъ, вполне способныхъ къ исполненію этой обязанности—для большинства учителей уѣздныхъ училищъ, бухгалтеровъ или дѣлопроизводителей уѣздныхъ земскихъ управъ, провизоровъ, фельдшеровъ, управляющихъ имѣніями и т. п. Съ другой стороны, удвоенный цензъ вполне совмѣстимъ съ полнѣйшимъ невѣжествомъ и непониманіемъ своего долга; совершенно необразованныхъ и неразвитыхъ людей, получающихъ болѣе четырехсотъ рублей, у насъ вездѣ найдется очень много. Гарантіей противъ подкупа такой доходъ, безъ сомнѣнія, служить не можетъ,—да едва ли, впрочемъ, это и имѣлось въ виду при изданіи новаго закона, потому что иначе явнымъ противорѣчіемъ было бы пониженіе земельного ценза. Нельзя же утверждать, что владѣлецъ десяти десятинъ больше огражденъ противъ соблазна, чѣмъ владѣлецъ мастерской или лавки, приносящей чистую прибыль въ нѣсколько сотъ рублей.

Болѣе согласнымъ съ вѣроятной цѣлью закона представляется, повидимому, требованіе грамотности—или, лучше сказать, *полуграмотности*, такъ какъ рѣчь идетъ только объ умѣнь читать. Если присмотрѣться къ этому требованію поближе, то придется, однако, признать и его, съ одной стороны, недостаточнымъ, съ другой стороны — слишкомъ строгимъ. Оно слишкомъ строго въ томъ смыслѣ, что между неграмотными крестьянами немало людей, вполне способныхъ быть присяжными; оно недостаточно потому, что грамотность—а тѣмъ болѣе полу-грамотность—является, сама по себѣ, весьма ненадежнымъ признакомъ развитія. Въ самомъ дѣлѣ, чтѣ въ особенности нужно для присяжнаго? Кромѣ вниманія и добросовѣстности—умѣнье взвѣшивать доказательства и доводы, различать достоверное отъ правдоподобнаго и неправдоподобнаго, группировать фактическія данныя и выводить изъ нихъ логическія заключенія. Это умѣнье дается здравымъ смысломъ и житейскимъ опытомъ, укрѣпляется практической дѣятельностью, выходящею изъ тѣсной рамки земледѣльческаго или иного физическаго труда. Неграмотный крестьянинъ, пробывшій три года волостнымъ старшиной, сельскимъ старостой, гласнымъ земскаго собранія, можетъ быть очень хорошимъ „рядовымъ“ присяжнымъ (значеніе, придаваемое нами слову: *рядовой*, будетъ выяснено нами ниже); въ этомъ едва ли сомнѣвается кто-либо

изъ исполнявшихъ обязанности присяжнаго, особенно въ провинціи. Не споримъ, крестьянамъ-присяжнымъ свойственно иногда предвзятое отношеніе къ нѣкоторымъ видамъ преступленій—слишкомъ суровое къ однимъ, слишкомъ снисходительное къ другимъ; но это не имѣетъ ничего общаго съ грамотностью или неграмотностью и зависитъ всецѣло отъ своеобразныхъ условій крестьянскаго быта. Если неграмотность не составляетъ препятствія къ избранію въ волостные старшины, въ гласные земскаго собранія и городской думы, если степень пользы, приносимая гласными-крестьянами, обусловливается—какъ въ этомъ удостовѣряетъ двадцатилѣтняя практика—исключительно степенью ихъ самостоятельности, то едва ли представлялась необходимость безусловно исключать неграмотныхъ изъ числа присяжныхъ засѣдателей. Изъятіе слѣдовало бы сдѣлать по меньшей мѣрѣ для тѣхъ, которые уже однажды исполняли обязанности присяжнаго—а то теперь однимъ почеркомъ пера зачеркнуты сотни или тысячи лицъ, практически знакомыхъ съ труднымъ дѣломъ.

Изъ всего сказаннаго нами до сихъ поръ отнюдь не слѣдуетъ, чтобы сумма знаній и развитія, которою располагаетъ, въ каждомъ данномъ случаѣ, присутствіе присяжныхъ, была, въ нашихъ глазахъ, тѣмъ-то безразличнымъ. Напротивъ того, мы придаемъ ей огромное значеніе—только измѣряемъ мы ее не количествомъ грамотныхъ или полу-грамотныхъ присяжныхъ. Идеальнымъ составомъ присяжныхъ кажется намъ такой, въ которомъ соединены люди разныхъ общественныхъ классовъ и разныхъ степеней образованія. Присутствіе присяжныхъ, состоящее изъ 9—10 неграмотныхъ крестьянъ и 2—3 образованныхъ людей, внушило бы намъ — *ceteris paribus* — больше довѣрія, тѣмъ присутствіе, въ которомъ всѣ умѣли бы читать—и, пожалуй, даже писать,—но не было бы ни одного образованнаго человека. Вотъ здѣсь-то и выступаетъ на видъ различіе между *рядовыми* присяжными и присяжными-представителями болѣе или менѣе интеллигентнаго меньшинства. Участіе въ составѣ присутствія нѣсколькихъ присяжныхъ послѣднаго типа представляется крайне желательнымъ, иногда почти необходимымъ, потому что безъ ихъ помощи работа можетъ оказаться непосильной для *рядовыхъ* присяжныхъ. Предоставленные самимъ себѣ, неграмотные или *только* грамотные присяжные (различіе между тѣми и другими, съ занимающей насъ точки зрѣнія, весьма невелико) могутъ встрѣтить величайшія затрудненія въ рѣшеніи дѣла—либо вслѣдствіе самаго его содержанія и свойства (назовемъ, для примѣра, дѣла о подлогѣ, о злостномъ банкротствѣ), либо вслѣдствіе процессуальныхъ усложненій (въ родѣ научной экспертизы). Безусловно непреодолимыми эти затрудненія назвать нельзя; нужно только, чтобы въ средѣ самихъ присяжныхъ

были лица, способныя руководить остальными, разъяснить имъ все для нихъ непонятное, устранить возможность недоразумѣній. Какъ бы искусенъ и опытенъ ни былъ предсѣдатель суда, исполнить эту задачу онъ можетъ далеко не всегда, по той простой причинѣ, что ему неизвѣстно душевное состояніе присяжныхъ, неизвѣстны сомнѣнія, рождающіяся въ ихъ умѣ и высказываемыя во время перерывовъ процесса, въ комнатахъ для совѣщаній. Слѣдить съ начала до конца за внутренней работой, происходящей въ каждомъ отдѣльномъ присяжномъ, и удалять съ ея пути всѣ помѣхи и преграды—можетъ только тотъ, кто самъ принадлежитъ къ составу присутствія. Чѣмъ больше между присяжными лицъ, стоящихъ выше средняго уровня, тѣмъ лучше, потому что соразмѣрно съ этимъ увеличиваются шансы всесторонняго и свободнаго обсужденія дѣла. Если въ цѣломъ составѣ присутствія образованный человѣкъ имѣется на-лицо только одинъ, онъ легко можетъ приобрѣсти слишкомъ большую власть надъ другими; ничѣмъ не ограниченное и не уравновѣшенное, его вліяніе можетъ усилиться до степени нравственнаго гнета. Двухъ или трехъ образованныхъ людей—образованныхъ, приблизительно, наравнѣ съ судьями, обвинителемъ и защитникомъ ¹⁾, — вполне достаточно для того, чтобы присутствіе присяжныхъ могло справиться съ любой, самую трудную задачей. Участіе въ немъ людей изъ другихъ классовъ народа служить гарантіей пониманія бытовыхъ условій, часто незнакомыхъ городской интеллигенціи, и противовѣсомъ противъ односторонности и предвзятыхъ мнѣній, возможныхъ не въ одной только крестьянской сферѣ.

Итакъ, важно не то, чтобы всѣ присяжные умѣли читать—важно то, чтобы между присяжными всегда было нѣсколько образованныхъ или, по меньшей мѣрѣ, нѣсколько развитыхъ людей. Новый законъ ни мало не обезпечиваетъ достиженія этой цѣли—а между тѣмъ приблизиться къ ней было бы не особенно трудно. Когда вопросъ объ улучшеніи состава присяжныхъ былъ поднятъ въ первый разъ, въ 1879-80 г., коммиссія, учрежденная при министерствѣ юстиціи, проектировала обязательное включеніе въ списки извѣстнаго числа лицъ, получившихъ высшее, среднее и затѣмъ хоть какое-нибудь образованіе ²⁾. Трудно понять, почему столь разумная мѣра, забытая или отвергнутая уже при составленіи проекта 1883-84 г., не введена въ законъ 28-го апрѣля. Она принесла бы гораздо больше пользы, чѣмъ требованіе полу-грамотности, вполне совмѣстной съ полнѣйшею неразвитостью. Еще практичнѣе, быть можетъ, было бы

¹⁾ Само собою разумѣется, что мы говоримъ здѣсь только объ общемъ образованіи, а не о специальныхъ юридическихъ знаніяхъ.

²⁾ См. Внутр. Обзоріе въ № 4 „Вѣстн. Евр.“ за 1880 г.

составленіе нѣсколькихъ списковъ, между которыми присяжные распредѣлялись бы по степени образованія, съ тѣмъ, чтобы въ составъ присутствія входило каждый разъ, въ извѣстномъ процентномъ отношеніи, по нѣскольку лицъ изъ каждаго списка; иначе могло бы случиться, что по одному дѣлу въ составъ присутствія войдутъ всѣ наличные образованные люди, по другому — не войдетъ никто изъ нихъ. Чтобы увеличить абсолютное число присяжныхъ, болѣе или менѣе образованныхъ, слѣдовало бы установить образовательный цензъ, какъ дополнительное условіе къ цензу имущественному и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ самостоятельный источникъ обязанности и права быть присяжнымъ. Другими словами, при наличности образовательнаго ценза, хотя бы и не особенно высокаго — наприимѣръ, при окончаніи курса, по меньшей мѣрѣ, въ двухклассномъ сельскомъ училищѣ, — имущественный цензъ могъ бы быть пониженъ до крайнихъ предѣловъ, а въ иныхъ случаяхъ и отмѣненъ вовсе. Отъ кого можно ожидать съ болѣею вѣроятностью правильнаго исполненія обязанностей присяжнаго — отъ крестьянина, владѣющаго пятью десятинами, по окончившаго курсъ въ двухклассной школѣ, или отъ полу-грамотнаго лавочника, выручающаго изъ своей торговли не меньше четырехсотъ рублей? Двухъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ мы не можемъ себѣ и представить — а между тѣмъ законъ 28-го апрѣля разрѣшаетъ его въ пользу лавочника. Мы видѣли уже, что лавочникъ имѣетъ преимущество даже передъ учителемъ, фельдшеромъ, чиновникомъ, получающимъ менѣе четырехсотъ рублей; при образовательномъ цензѣ такая аномалія была бы немыслима.

Постановленіе новаго закона, запрещающее вносить въ списки присяжныхъ всѣхъ впавшихъ въ крайнюю бѣдность, имѣетъ въ виду, безъ сомнѣнія, устранить возможность повторенія такихъ случаевъ, когда присяжные не знаютъ, какъ пропитать себя въ продолженіе сессіи, и доходить чуть не до выпрашиванія милостыни. Мы не возражаемъ противъ этого постановленія, но считаемъ его недостаточнымъ для достиженія цѣли. Представимъ себѣ крестьянина, подлежащаго включенію въ списокъ въ качествѣ бывшаго сельскаго старосты. Онъ имѣетъ усадьбу и надѣлъ, ведетъ хозяйство, уплачиваетъ подати; никто и не подумаетъ признать его „впавшимъ въ крайнюю бѣдность“ — а между тѣмъ онъ можетъ быть чрезвычайно затрудненъ необходимостью отправиться въ отдаленный отъ него на нѣсколько десятковъ верстъ уѣздный городъ и прожить тамъ, въ качествѣ присяжнаго, недѣлю или больше. Вотъ почему намъ кажется, что единственнымъ выходомъ изъ неудобствъ, сопряженныхъ съ бѣдностью присяжныхъ, было бы разрѣшеніе земскимъ собраниямъ ассигновать наиболѣе нуждающимся присяжнымъ проѣздныя

и суточные деньги или — еще лучше — принатіе этого расхода на счетъ государственнаго казначейства.

Бполнѣ практичнымъ кажется намъ то постановленіе новаго закона, въ силу котораго присяжный, не явившійся въ судъ, хотя бы и по законной причинѣ, включается председателемъ суда въ списокъ присяжныхъ на одинъ изъ слѣдующихъ періодовъ засѣданій по тому же уѣзду. Совершенно справедливое по отношенію къ другимъ, исправнымъ присяжнымъ, это правило уменьшить число отказовъ по вымышленнымъ причинамъ, число недобросовѣстныхъ уклоненій отъ исполненія обязанностей присяжнаго. До сихъ поръ присяжный, не явившійся въ судъ, освобождался этимъ самымъ отъ вторичнаго призыва по меньшей мѣрѣ на годъ; теперь онъ можетъ быть призванъ вновь въ теченіе того же года — а запасться предложениями для цѣлаго ряда отказовъ довольно трудно. Высшій размѣръ штрафа за первую неявку увеличенъ вдвое (вмѣсто ста — двѣсти рублей); это также должно способствовать исправному исполненію обязанностей присяжнаго.

Въ тѣсной связи съ закономъ, измѣнившимъ составъ суда присяжныхъ, состоитъ законопроектъ, о которомъ недавно появились подробныя свѣденія въ газетахъ ¹⁾ — законопроектъ, клонящійся къ ограниченію среды дѣйствій суда присяжныхъ. Однимъ изъ главныхъ оснований проектируемой мѣры служить, очевидно, предположеніе, что пониманію суда присяжныхъ доступны далеко не всѣ преступленія, подлежащія его вѣденію, вслѣдствіе чего цѣлыя категоріи дѣлъ получаютъ, сплошь и рядомъ, неправильное разрѣшеніе. Другими словами, еслибы личный составъ присяжныхъ былъ болѣе удовлетворителенъ, исчезла бы по меньшей мѣрѣ одна изъ причинъ, заставляющихъ желать уменьшенія компетенціи суда присяжныхъ. Мы далеки отъ мысли, чтобы это желаніе было основательно; мы стараемся только опредѣлить его происхожденіе и указать на взаимную зависимость обѣихъ сторонъ вопроса — той, которую мы уже рассмотрѣли, и той, къ рассмотрѣнію которой теперь переходимъ.

Всѣ разряды дѣлъ, изъъемные законопроектомъ изъ вѣденія суда присяжныхъ, могутъ быть раздѣлены, по мотивамъ изъятія, на три главныя группы. Къ первой всѣ нихъ относятся дѣла, признаваемые настолько сложными и трудными, что нельзя — съ точки зрѣнія составителей законопроекта — ожидать правильнаго ихъ рѣшенія судомъ присяжныхъ; ко второй — дѣла, исключаемыя изъ вѣденія присяжныхъ въ силу соображеній политическаго свойства; къ третьей —

¹⁾ См. „Новости“ 6 и 7 мая, №№ 122 и 123.

дѣла, исключаемыя изъ вѣденія присяжныхъ вслѣдствіе незначительности наказанія, угрожающаго обвиняемымъ. Въ составъ первой группы входятъ дѣла о преступленіяхъ по службѣ государственной и общественной, дѣла о преступленіяхъ, совершаемыхъ служащими въ общественныхъ и частныхъ банкахъ, а также корабельщиками и штурманами, и дѣла о нарушеніи правилъ эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ. Съ нихъ мы и начнемъ разборъ законопроекта.

Можно ли утверждать, что дѣла о преступленіяхъ должности — подъ этимъ общимъ выраженіемъ мы разумѣемъ всѣ дѣла, перечисленные нами выше — отличаются, въ среднемъ выводѣ, болѣею сложностью и трудностью, чѣмъ другія дѣла, оставаемые въ вѣденіи присяжныхъ? Едва ли. Подлоги совершаются не только по службѣ, но и въ частной жизни; запутанными, хитросплетенными, нелегко поддающимися раскрытію они бываютъ какъ въ первомъ случаѣ, такъ и въ послѣднемъ. То же самое слѣдуетъ сказать о присвоеніи, о растратѣ, о всѣхъ другихъ преступленіяхъ, не-спеціально служебнаго характера. Если разборъ дѣла, вызваннаго крушеніемъ банка, сопряженъ иногда съ большими затрудненіями, то ничуть не легче разборъ иного дѣла о злостномъ банкротствѣ или о тонкомъ, умно задуманномъ и ловко исполненномъ мошенничествѣ. Если экспертиза, отъ которой зависитъ, болѣею частью, установленіе проступка, совершеннаго при эксплуатаціи желѣзной дороги, можетъ послужить, въ иныхъ случаяхъ, камнемъ преткновенія для присяжныхъ, то такую же точно роль могутъ разыграть показанія свѣдущихъ людей и во всякомъ другомъ дѣлѣ, разъ что для разъясненія его оказывается необходимымъ содѣйствіе техники или науки. Изъ числа преступленій чисто-служебныхъ одни — напр. лихоимство и вымогательство (т.-е. взятки) — не представляютъ ровно ничего непонятнаго для профана; другія — напр. превышеніе или бездѣйствіе власти — хотя и не такъ просты по своему составу, но всегда могутъ быть разложены на составныя части, т.-е. сведены къ фактамъ, установленіе которыхъ не требуетъ ни спеціальныхъ знаній, ни особой опытности. Никто не спрашиваетъ присяжныхъ, допустилъ ли такой-то превышеніе власти, имѣвшее важныя послѣдствія; въ вопросѣ, предлагаемомъ на ихъ разрѣшеніе, перечисляются конкретныя событія, квалифікація которыхъ принадлежитъ суду. Признать, что рѣшеніе дѣла о преступленіяхъ должности превышаетъ разумѣніе присяжныхъ, значило бы вступить на наклонную плоскость, на которой трудно остановиться. Все, что можно сказать въ этомъ отношеніи о преступленіяхъ должности, примѣнимо ко многимъ, почти ко всѣмъ уголовнымъ дѣламъ — и логическимъ выводомъ изъ частной мѣры является общая, т.-е. совершенное упраздненіе суда присяжныхъ. Вотъ по-

чему мы настаиваемъ еще разъ на необходимости начать реформу съ другого конца и направить ее къ другой цѣли. Заботиться, какъ намъ кажется, нужно не о томъ, чтобы оставить за присяжными только дѣла, соответствующія ихъ способностямъ и силамъ, а о томъ, чтобы повысить уровень этихъ способностей и силъ, сдѣлать ихъ достаточными для разрѣшенія любого дѣла. Последний путь ведетъ къ поднятію авторитета, столь необходимаго для суда—первый ведетъ къ его дискредитированію. „Что это за судъ“,—могутъ сказать всѣ тѣ, кто привыкъ цѣнить учрежденіе исключительно по внѣшнимъ признакамъ,—„что это за судъ, которому государство поручаетъ исключительно дѣла, касающіяся частныхъ лицъ? Какъ только преступленіе направлено противъ интересовъ государства, оно изъымается изъ вѣденія суда присяжныхъ; не ясно ли, что онъ не пользуется довѣріемъ власти, а слѣдовательно и не заслуживаетъ довѣрія?“ Можно пойти еще дальше и спросить: на какомъ основаніи остаются въ вѣденіи присяжныхъ дѣла объ убійствѣ, о разбоѣ, о поджогѣ, едва ли менѣе важныя для самого государства, чѣмъ дѣла о служебной растратѣ или служебномъ подлогѣ? Одно изъ двухъ: или присяжные компетентны для рѣшенія дѣлъ перваго рода—и въ такомъ случаѣ нѣтъ причины устранять ихъ отъ рѣшенія дѣлъ о преступленіяхъ должности; или они одинаково некомпетентны и тамъ, и тутъ—и въ такомъ случаѣ судъ присяжныхъ вовсе не имѣетъ права на существованіе. На какой сторонѣ дилеммы истина—это не требуетъ объясненія. Единственный коррективъ, который можно было бы допустить по дѣламъ до крайности сложнымъ—это учрежденіе для нихъ чего-то въ родѣ спеціальнаго суда присяжныхъ, образуемаго на основаніи особыхъ списковъ или съ усиленнымъ преобладаніемъ образованнаго элемента надъ всѣми другими. Само собою разумѣется, что кругъ дѣйствій такого суда опредѣлялся бы не *предметомъ*, а *свойствомъ* дѣла; ему могли бы быть предоставлены всѣ дѣла, выходящія изъ ряда обыкновенныхъ, кого и чего они бы ни касались. Возбужденіе вопроса о томъ, не слѣдуетъ ли передать дѣло на разсмотрѣніе спеціальнаго суда присяжныхъ, могло бы быть предоставлено прокуратурѣ или обвинительной камерѣ, а разрѣшеніе этого вопроса—уголовному кассационному департаменту сената.

Ко второй группѣ дѣлъ, изъемыхъ законопроектъ изъ вѣденія суда присяжныхъ, принадлежатъ всѣ дѣла о преступленіяхъ, направленныхъ противъ порядка управленія и противъ должностныхъ лицъ, при исполненіи или вслѣдствіе исполненія послѣдними обязанностей службы. Для нѣкоторой части этихъ дѣлъ особенная подсудность была установлена уже закономъ 9-го мая 1878 г.; законъ 11-го мая 1882 г. нѣсколько ее ограничилъ—теперь предпола-

гается значительно ее расширить. Не перечисляя всѣхъ дѣлъ, при-
развиваемыхъ законопроектѣмъ къ сопротивленію или противодѣй-
ствію власти, замѣтимъ только, что представителями власти являются
здѣсь даже частныя лица (корабельщики, хозяева на золотыхъ, се-
ребряныхъ и платиновыхъ присваихъ). Общимъ мотивомъ, въ силу
котораго вся эта группа дѣлъ исключается изъ сферы дѣйствій суда
присяжныхъ, служить, повидимому, предположеніе, что для инте-
ресовъ государственнаго порядка и спокойствія недостаточна охрана,
доставляемая судомъ присяжныхъ. Присяжнымъ приписывается из-
лишняя снисходительность къ преступленіямъ, не затрогивающимъ
отдѣльныхъ лицъ и не всегда исходящимъ изъ корыстныхъ или
безнравственныхъ побужденій; они признаются неспособными понять
опасность, которую эти преступленія угрожаютъ обществу и госу-
дарству. Въ основаніи этого предположенія лежатъ, безъ сомнѣнія,
статистическія данныя—но доказательная ихъ сила требовала бы
всесторонней повѣрки. Допустимъ, что въ тѣхъ судебныхъ округахъ,
гдѣ нѣтъ присяжныхъ (варшавскомъ и тифлискомъ), произносятся,
по дѣламъ о неповиновеніи власти, сравнительно менѣе оправдатель-
ныхъ приговоровъ; но зависитъ ли это различіе единственно отъ со-
става суда, или обусловливается еще другими, не менѣе важными
причинами? Не слѣдуетъ ли, напримѣръ, имѣть въ виду, что дѣла
о противодѣйствіи власти, возникающія изъ аграрныхъ отношеній,
составляютъ явленіе гораздо болѣе обыкновенное въ центрѣ импе-
ріи, чѣмъ на ея окраинахъ? Къ этимъ дѣламъ привлекается, сплошь
и рядомъ, масса обвиняемыхъ,—а чѣмъ больше обвиняемыхъ, тѣмъ
труднѣе убѣдиться въ виновности каждаго изъ нихъ, тѣмъ вѣроят-
нѣе оправданіе всѣхъ или многихъ. Нѣсколько дѣлъ этого рода мо-
гутъ до крайности повысить процентъ оправдательныхъ приговоровъ,
вовсе не доказывая, въ сущности, систематическую слабость уголов-
ной репрессіи. Строже ли, притомъ, будетъ судъ съ участіемъ со-
словныхъ представителей, которымъ предполагается замѣнить, въ
дѣлахъ о противодѣйствіи власти, судъ присяжныхъ? Въ этомъ поз-
волятельно сомнѣваться; въ 1881 г. (послѣднемъ, по которому обя-
родованы уголовно-статистическія данныя) изъ числа приговоровъ,
постановленныхъ судебными палатами при участіи сословныхъ пред-
ставителей, оправдательныхъ было больше половины (почти 53%).
да и въ 1879 и 1880 гг. процентное ихъ отношеніе (33½ и 35½%)
немногимъ только уступало соответствующимъ цифрамъ (38½ и 40%)
изъ области суда присяжныхъ. Отсюда позволятельно заключить, что
увеличенію числа оправданій по дѣламъ о неповиновеніи или про-
тиводѣйствіи власти способствуютъ обстоятельства, не имѣющія ни-
чего общаго съ составомъ суда. Быть можетъ, эти дѣла не всегда

возбуждаются съ достаточною осмотрительностью, не всегда изслѣдуются съ достаточноымъ безпристрастіемъ; быть можетъ, возбужденію ихъ предшествуютъ такія обстоятельства, которыя неизбѣжно становятся попережь осужденію обвиняемыхъ. Гораздо полезнѣе было бы обратить вниманіе на эти стороны вопроса, чѣмъ прибѣгать къ ломкѣ судебныхъ учреждений, къ нагроможденію изъятій, грозящихъ заслонить собою общее правило. Законъ 9-го мая 1878 г. былъ уступкой требованіямъ минуты; онъ имѣлъ временный характеръ и не выходилъ за предѣлы, указанныя его спеціальной задачей—усиленіемъ государственной самообороны. Законопроектъ, о которомъ мы говоримъ теперь, идетъ гораздо дальше; претендуя на прочность и на систематичность, онъ исключаетъ изъ сферы дѣйствій суда присяжныхъ всѣ дѣла, подходящія подъ данную рубрику, отличающіяся извѣстнымъ вѣншимъ признакомъ. И здѣсь гораздо болѣе полезную службу могла бы сослужить совокупность мѣръ, направленныхъ къ улучшенію состава суда присяжныхъ. Если присутствіе присяжныхъ, состоящее всецѣло изъ необразованныхъ и неразвитыхъ людей, можетъ, пожалуй, не распознать опасности, коренящейся въ нарушеніи общественнаго порядка, то со стороны присутствія, располагающаго достаточноымъ запасомъ умственной силы, ожидать подобнаго отношенія къ дѣлу никакъ нельзя; гарантій пониманія и справедливости оно представляетъ ничуть не меньше, чѣмъ коронный судъ, съ участіемъ или безъ участія сословнаго элемента—и представляетъ ихъ одинаково по всякому уголовному процессу, каковъ бы ни былъ его предметъ.

Третья группа дѣлъ, предназначенныхъ къ изъятію изъ круга дѣйствій суда присяжныхъ, обнимаетъ собою всѣ случаи, въ которыхъ высшей мѣрой взысканія является наказаніе, сопряженное съ ограниченіемъ правъ, т.-е. съ потерей нѣкоторыхъ особыхъ правъ и преимуществъ. Сюда относится, съ одной стороны, цѣлый рядъ сравнительно-маловажныхъ преступленій изъ разныхъ областей уголовного права, съ другой стороны—преступленія, совершенныя малолѣтними и несовершеннолѣтними, когда они не влекутъ за собою ни лишенія всѣхъ правъ состоянія, ни лишенія всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ. Мы узнаемъ изъ газетъ („Новости“, № 131), что по вопросу объ этихъ послѣднихъ преступленіяхъ предположенія министерства юстиціи вызвали возраженія со стороны министерства финансовъ. Мотивомъ къ измѣненію закона министерство юстиціи выставило здѣсь то обстоятельство, что снисходительность присяжныхъ къ малолѣтнимъ и несовершеннолѣтнимъ часто доходитъ до полнаго оправданія, равносильнаго помилованію. Иначе смотреть на дѣло министерство финансовъ; оно замѣчаетъ, что смягченіе на-

казанія малолѣтнимъ и несовершеннолѣтнимъ зависятъ, главнымъ образомъ, отъ того, будутъ ли они признаны дѣйствовавшими съ разумѣніемъ или безъ разумѣнія — а объ этомъ лучше всего могутъ судить присяжные, ближе стоящіе къ жизни вообще и въ особенности въ той средѣ, съ которой болѣею частью принадлежать обвиняемые. Мнѣніе министерства финансовъ кажется намъ совершенно правильнымъ. Противъ изъятія дѣлъ о малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ изъ вѣденія суда присяжныхъ говоритъ, кромѣ того, еще одно существенно-важное соображеніе. По общему духу нашихъ законовъ, суду присяжныхъ подвѣдомственны всѣ дѣла, угрожающія *тяжкимъ* наказаніемъ. Этотъ признакъ часто имѣется на-лицо и въ тѣхъ дѣлахъ, по которымъ малолѣтніе и несовершеннолѣтніе не подлежатъ лишенію правъ. Максимумъ наказанія по такимъ дѣламъ доходитъ до весьма продолжительнаго заключенія въ монастырѣ или тюрьмѣ, до ссылки на житье въ Сибирь и отдачи въ исправительныя арестантскія отдѣленія. Всѣ эти карательныя мѣры не становятся легкими отъ того, что съ ними не соединена потеря правъ. Гдѣ же, затѣмъ, основаніе предоставлять упомянутыя нами дѣла рѣшенію короннаго суда, даже безъ участія сословныхъ представителей? Что касается до совершеннолѣтнихъ, то для нихъ высшимъ наказаніемъ, сопряженнымъ съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ, является заключеніе въ крѣпость—на четыре, въ тюрьмѣ—на два года. Это также не можетъ считаться *легкимъ* наказаніемъ, не говоря уже о томъ, что весьма чувствительно, въ иныхъ случаяхъ, и самое ограниченіе правъ. Достаточно припомнить, что для священнослужителей оно влечетъ за собою потерю духовнаго сана, для дворянъ—запрещеніе вступать въ государственную и общественную службу.

Итакъ, заключеніе, къ которому мы приходимъ, одинаково для всѣхъ дѣлъ, которыхъ касается законопроектъ: *нѣтъ ни одной группы преступленій, которую желательно было бы изъять изъ вѣденія суда присяжныхъ*. Посмотримъ теперь поближе на новую форму суда, создаваемую проектомъ. Къ вѣдомству коронныхъ судей онъ относитъ дѣла третьей группы, а также дѣла о преступленіяхъ должности, подсудныя сенату. За этимъ послѣднимъ исключеніемъ, дѣла первой и второй группы предоставляются вѣденію окружнаго суда или судебной палаты, съ участіемъ сословныхъ представителей. Судебной палатѣ, въ этомъ составѣ, проектъ подчиняетъ только дѣла о преступленіяхъ должности, если обвиняемые принадлежатъ къ одной изъ трехъ категорій, установленныхъ ст. 1073 уст. угол. судопр.; всѣ остальные дѣла о преступленіяхъ должности и всѣ дѣла второй группы признаются подсудными смѣшанному присутствію окружнаго суда. Въ составъ этого присутствія входятъ предсѣдатель и два члена суда,

мѣстный уѣздный предводитель дворянства, мѣстный городской голова и одинъ изъ мѣстныхъ волостныхъ старшинъ. Сословные представители—какъ это принято и теперь въ смѣшанныхъ присутствіяхъ сената и судебной палаты—участвуютъ, наравнѣ съ судьями, какъ въ опредѣленіи вины или виновности подсудимаго, такъ и въ постановленіи приговора о наказаніи. Различіе между закономъ 9 мая 1878 г. и настоящимъ законопроектомъ—мы говоримъ теперь только о процессуальной сторонѣ того и другого—сводится, такимъ образомъ, къ двумъ пунктамъ: мѣсто судебной палаты заступаетъ окружный судъ, и въ число сословныхъ представителей не входитъ губернский предводитель дворянства. Численность коллегіи уменьшена, уменьшены и шансы опытности ея членовъ-спеціалистовъ—а всѣ слабыя стороны закона 9-го мая остались тѣ же. Главная изъ нихъ заключается въ томъ, что сословные представители, присоединенные къ короннымъ судьямъ, рѣдко могутъ сохранить самостоятельное отношеніе къ дѣлу. Присяжные призываются на цѣлую сессію, продолжающуюся иногда болѣе недѣли; они имѣютъ время приобрести нѣкоторый навыкъ, между тѣмъ какъ сословные представители часто будутъ призываться въ судъ для рѣшенія одного только процесса. Присяжные обсуждаютъ дѣло отдѣльно отъ судей, не испытывая на себѣ постоянно всю тяжесть ихъ авторитета; сословнымъ представителямъ трудно отстаивать свои мнѣнія противъ цѣлой судебной коллегіи. Съ другой стороны, присяжные рѣшаютъ только вопросъ факта, для всякаго, болѣе или менѣе, понятный и доступный; сословнымъ представителямъ приходится рѣшать вопросы права, совершенно имъ незнакомые. Хорошо еще, если между судьями нѣтъ разногласія, и сословнымъ представителямъ остается только съ спокойною совѣстью присоединиться къ единодушному мнѣнію юристовъ; а что, если судьи держатся діаметрально-различныхъ взглядовъ, и сословнымъ представителямъ предстоитъ сдѣлать выборъ между двумя мнѣніями, одинаково для нихъ непонятными и неубѣдительными? Вѣдь это—положеніе человѣка, ходящаго во тьмѣ и знающаго, что отъ каждаго неувѣрнаго его шага зависитъ чужая жизнь. Не слѣдуетъ ли ожидать, что, за невозможностью различить внутреннее достоинство мнѣній, сословные представители станутъ руководствоваться внѣшней ихъ авторитетностью, т.-е. отдавать предпочтеніе мнѣнію предсѣдателя? Всегда ли, притомъ, сословные представители будутъ стоять выше средняго уровня присяжныхъ. всегда ли они будутъ соединять въ себѣ всѣ условія, необходимыя для правильнаго исполненія трудной обязанности? Волостной старшина, указанный жребіемъ, можетъ быть такимъ лицомъ, которое ни одна комиссія не рѣшилась бы включить въ очередной списокъ присяжныхъ. Городской голова, особенно

въ уѣздномъ городѣ, нерѣдко принадлежитъ къ наименѣ развитой части купечества. Кто и какъ выбирается, силою и радомъ, въ уѣздные предводители дворянства—это слишкомъ хорошо извѣстно. А между тѣмъ законопроектъ ставитъ судъ съ участіемъ сословныхъ представителей настолько выше суда присяжныхъ, что въ случаѣ совокупности преступленій, подлежащихъ вѣденію того и другого, отдаетъ первому преимущество передъ послѣднимъ, т.-е. предоставляетъ его рѣшенію и то дѣло, которое само по себѣ подсудно суду присяжныхъ.

Законъ 9 мая 1878 г. былъ изданъ поспѣшно, подъ вліяніемъ особыхъ обстоятельствъ, изъ которыхъ главнымъ было оправданіе Вѣры Засуличъ. Ничего подобнаго мы въ настоящую минуту не видимъ. Всѣ дѣла, сколько-нибудь соприкасающіяся съ государственной охраной, уже изъяты изъ вѣденія суда присяжныхъ; въ области, которую предполагается къ нимъ прибавить, не произошло и не происходитъ рѣшительно ничего, требующаго чрезвычайныхъ мѣръ предосторожности; оправдательные приговоры присяжныхъ, служившіе, въ послѣднее время, поводомъ или предлогомъ къ агитаціи, относились вовсе не къ тѣмъ преступленіямъ, которыхъ касается законопроектъ. Вновь проектируемая форма суда представляетъ много серьезныхъ неудобствъ, ничѣмъ не выкупаемыхъ и не уравниваемыхъ. Въ виду всего этого, не лучше ли было бы отказаться отъ измѣненій въ юрисдикціи суда присяжныхъ, сосредоточивъ все вниманіе на поднятіи его состава и на улучшеніи самыхъ формъ уголовного процесса?

Именной указъ 14-го марта—обнародованный два мѣсяца спустя, въ половинѣ мая—является естественнымъ результатомъ взаимнаго недовѣрія, господствующаго, съ нѣкоторыхъ поръ, въ области международныхъ отношеній. Прѣжняя терпимость къ иностранцамъ, основанная на началѣ взаимности, все больше и больше выходитъ изъ обычая—и нельзя удивляться тому, что Россія присоединилась къ общему теченію. Не касаясь спеціально-политической стороны вопроса, мы остановимся только на значеніи, которое указъ 14-го марта можетъ имѣть для русскихъ подданныхъ. Ограничивая еще больше прѣжняго число лицъ, могущихъ покупать и арендовать имѣнія въ западномъ краѣ, онъ несомнѣнно ухудшаетъ положеніе мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Всякое новое затрудненіе въ сбытѣ имѣній, всякое новое стѣсненіе въ распоряженіи ими неизбѣжно влечетъ за собою упадокъ ихъ цѣны, безъ того уже значительно пониженной цѣнами рядомъ предшествовавшихъ постановленій. Намъ кажется, что параллельно съ мѣрами противъ иностранцевъ должно было бы идти облегче-

ніе условій, противодѣйствующихъ приобрѣтенію и арендованію имѣній лицами польскаго происхожденія. Чрезвычайно отяготительнымъ для русскихъ подданныхъ могутъ оказаться и тѣ правила, которыя требуютъ безотлагательнаго прекращенія установившихся гражданскихъ отношеній. Въ царствѣ польскомъ иностранцамъ запрещается завѣдывать недвижимыми имѣніями (ваѣ городовъ) въ качествѣ повѣренныхъ или распорядителей. Изъ этого запрещенія не сдѣлано никакихъ изъятій; оно распространяется, слѣдовательно, на всѣхъ тѣхъ, кто состоитъ, въ настоящую минуту, повѣреннымъ или управляющимъ, какъ бы давно они ни занимали одно и то же мѣсто и какъ бы безупречно, во всѣхъ отношеніяхъ, ни было ихъ поведеніе. Землевладѣльцамъ царства польскаго придется, такимъ образомъ, немедленно уволить людей, къ которымъ они питаютъ полное довѣріе и которые, во многихъ случаяхъ, могли бы получить совершенно одобрительное свидѣтельство отъ мѣстной власти. Мы не видимъ причины, по которой высшему начальству края не могло бы быть предоставлено право освобождать такихъ людей отъ дѣйствія новаго закона или, по крайней мѣрѣ, допускать отсрочку, достаточную для приисканія имъ преемниковъ. Одновременное замѣщеніе всѣхъ мѣстъ, очистившихся вслѣдствіе увольненія иностранцевъ, будетъ сопряжено, по всей вѣроятности, съ большими трудностями. Незавидна будетъ также участь землевладѣльцевъ (какъ въ царствѣ польскомъ, такъ и въ западныхъ губерніяхъ), аренднымъ договорамъ которыхъ съ иностранцами наступаютъ сроки вскорѣ послѣ обнародованія указа. Въ одномъ юго-западномъ краѣ, по словамъ мѣстной газеты („Кіевлянина“), иностранныхъ поселенцевъ-арендаторовъ насчитывается около ста тысячъ. Возобновленіе съ ними арендныхъ договоровъ, когда бы ни истекалъ срокъ аренды, безусловно воспрещено, и землевладѣльцамъ придется отыскивать имъ преемниковъ во что бы то ни стало. Не говоримъ уже о положеніи арендаторовъ, имѣвшихъ основаніе рассчитывать на возобновленіе аренды и внезапно теряющихъ не только возможность сохранить за собою насиженное мѣсто, но и возможность замѣнить его другимъ, сосѣднимъ и знакомымъ. Отсрочка, хотя бы небольшая, была бы и здѣсь настоящимъ благодѣяніемъ для обѣихъ сторонъ. Едва ли, наконецъ, необходимо было колебать значеніе актовъ, совершенныхъ до изданія новаго закона, но еще не осуществленныхъ на самомъ дѣлѣ. Такихъ актовъ не можетъ быть много, и сохраненіемъ ихъ силы число имѣній, остающихся за иностранцами, увеличилось бы едва замѣтно. Моментомъ приобрѣтенія права на имѣніе считается у насъ утвержденіе акта, а не начало дѣйствительнаго владѣнія; отступленіе отъ этого начала оправды-

ваются только такими исключительными обстоятельствами, о которых едва ли можетъ быть рѣчь въ данномъ случаѣ.

Правила 14-го марта имѣютъ, какъ сказано въ указѣ, только *временное* значеніе. Одна изъ петербургскихъ газетъ толкуетъ это выраженіе въ томъ смыслѣ, что слѣдуетъ ожидать дальнѣйшихъ мѣръ противъ иностранцевъ — на примѣръ экспроприаціи, т. е. понудительнаго отчужденія имѣній, принадлежащихъ не-русскимъ подданнымъ. Не думаемъ, чтобы такое толкованіе закона можно было признать основательнымъ. Въ формальномъ *правѣ* государственной власти произвести экспроприацію имѣній, принадлежащихъ иностранцамъ, мы ни мало не сомнѣваемся — но *цѣлесообразной* она могла бы быть признана только при такой комбинаціи условій, которой пока мѣсть итъ на-лицо, и только въ такой мѣрѣ, въ какой этого требовала бы крайняя необходимость. Изъ того, что владѣніе иностранцевъ можетъ представлять существенно-важныя неудобства въ нѣкоторыхъ пограничныхъ мѣстностяхъ, еще не слѣдуетъ, чтобы ему нужно было положить конецъ и въ нѣсколькихъ стахъ верстахъ отъ границы — напр. въ губерніяхъ витебской или минской (на которыя распространяется дѣйствіе указа 14-го марта). Придавая новому закону значеніе временныхъ правилъ, законодатель, какъ намъ кажется, имѣлъ въ виду не столько перспективу новыхъ ограничительныхъ мѣръ, сколько возможность возвращенія къ прежнему, нормальному порядку. Скоро ли наступитъ эта возможность — не знаемъ; но во всякомъ случаѣ позволительно надѣяться, что взаимность стѣсненій рано или поздно опять уступить мѣсто взаимности правъ и свободы.

Если вѣрить газетнымъ слухамъ, разсмотрѣніе государственнымъ совѣтомъ проекта положенія о „земскихъ начальникахъ“ отложено до осени. Нужно думать, что къ этому времени будетъ внесена въ государственный совѣтъ и вторая часть работы по преобразованію мѣстнаго управленія, относящаяся specially къ земскимъ учрежденіямъ. Обѣ стороны реформы такъ тѣсно связаны между собою, что трудно оцѣнить одну изъ нихъ, не зная всѣхъ подробностей другой. Отсрочка, однажды допущенная, могла бы быть утилизирована еще въ одномъ отношеніи: можно было бы обнародовать законопроектъ во всеобщее свѣденіе и разрѣшить, этимъ самымъ, обсужденіе его въ печати. Конечно, голосъ печати не замѣнилъ бы собою голосъ земства, — но все же было бы сдѣлано хоть что-нибудь для всесторонняго освѣщенія проектируемой перемѣны. Препятствій къ этому мы не видимъ уже потому, что тайна, долго покрывавшая содержаніе проекта, теперь болѣе не существуетъ. Главныя его черты

извѣстны; извѣстны даже нѣкоторыя возраженія, заявленныя противъ него въ официальныхъ сферахъ. Почему бы не довершить начатое, почему бы не открыть просторъ для критики, основанной не на слухахъ, а на фактахъ, касающейся не только общихъ началъ, но и деталей? Это было бы вполне послѣдовательно, вполне согласно съ лучшими преданіями нашей законодательной практики.

Въ ожиданіи этой желанной минуты мы можемъ только отмѣтить признаки поворота, совершающагося между газетными защитниками законопроекта. Они близки къ тому, чтобы оставить одну изъ своихъ главныхъ позицій; они готовы отказаться отъ *соединенія властей* или, по крайней мѣрѣ, значительно ссузить его сферу. Въ той самой петербургской газетѣ, которая не переставала курить енисіамъ проекту и его составителямъ, появляется, отъ имени редакціи, совѣтъ ограничить судебныя функціи земскихъ начальниковъ. Одинъ изъ сотрудниковъ газеты идетъ еще дальше; въ письмѣ къ редактору, напечатанномъ въ видѣ передовой статьи, онъ выражается слѣдующимъ образомъ: „было бы желательно, чтобы возлагаемыя на земскихъ начальниковъ обязанности по преимуществу ограничивались бы надзоромъ за сельскимъ самоуправленіемъ, *безъ присвоенія имъ судебной власти по отношенію къ крестьянамъ*, что повлекло бы за собою многочисленныя и разнообразныя неудобства, какъ по численному назначенію новыхъ начальниковъ, такъ и въ отношеніи соединенія, при наличности мирового института, судебной и административной власти въ одномъ лицѣ“. Итакъ, взглядъ „Вѣстника Европы“ на соединеніе властей нашелъ себѣ союзника именно тамъ, гдѣ мы всего меньше этого ожидали. Хорошо было бы, еслибы это было „признакомъ времени“.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го іюня (19 мая) 1887 г.

Переѣзна министерства во Франціи.—Кабинетъ Гоблѣ и французскіе финансы.—Исключительная роль генерала Буланжѣ.—Дѣятельность военнаго министра; его заслуги и слабости.—Популярность Буланжѣ и ея причины.—Французская политика относительно Германіи.—Газетные споры о русско-германскихъ отношеніяхъ.—Рабочее движеніе въ Бельгіи.

Переѣзна министерства давно уже не имѣетъ во Франціи того значенія, какое придается кабинетнымъ кризисамъ въ другихъ странахъ. Въ былое время французы могли съ нетерпѣніемъ ожидать отставки какаго-нибудь Руэра или герцога де-Брольи; паденіе министерства могло означать паденіе цѣлой системы, болѣе или менѣе ненавистой обществу, и новыхъ министровъ встрѣчали съ надеждою или страхомъ, смотря по характеру господствовавшихъ вѣяній. Ничего подобнаго не испытываетъ современная Франція; она равнодушно относится къ періодической смѣнѣ кабинетовъ, встрѣчаетъ и провожаетъ ихъ съ насмѣшливой улыбкою, не волнуясь никакими опасеніями или сожалѣніями. Переѣзна министерства не связана теперь съ серьезными послѣдствіями для страны; она касается лишь поверхности политической жизни, не задѣвая существенныхъ интересовъ народа и общества. Для французовъ, въ сущности, безразлично, кто стоитъ во главѣ республиканскаго кабинета—Фрейсинаэ ли, Гоблѣ, или Флокѣ, или Рувьѣ; всѣ эти дѣятели будутъ исполнять свои правительственныя функціи съ одинаковымъ усердіемъ, подъ обычнымъ контролемъ палаты и печати. Публика чувствуетъ только временное неудобство въ промежуткѣ между двумя министерствами, когда неопредѣленность положенія беспокоитъ биржу и нарушаетъ отчасти мирный ходъ парламентскихъ дѣлъ; но кризисъ продолжается не болѣе двухъ-трехъ недѣль, и такой краткій періодъ тревоги не представляетъ особенной важности, даже если онъ повторится раза два въ теченіе года. Такъ смотрятъ теперь французы на министерскія переѣзны, волновавшія ихъ когда-то.

Паденіе кабинета Гоблѣ не было ни для кого неожиданностью; оно считалось неизбѣжнымъ еще два мѣсяца тому назадъ, благодаря возникшимъ разногласіямъ между правительствомъ и большинствомъ палаты депутатовъ по поводу финансовыхъ вопросовъ. Государствен-

ные финансы близко соприкасаются съ интересами всѣхъ и каждаго; въ этой области чаще всего зарождаются конфликты между представителями власти и общественнымъ мнѣніемъ. Сокращеніе расходовъ, превышающихъ нынѣ три милліарда франковъ, сдѣлалось общимъ девизомъ для всѣхъ политическихъ партій; масса избирателей настойчиво требуетъ облегченія податного бремени и возможно бѣльшей экономіи въ бюджетѣ,—а желаніе народа обязательно для представителей его въ парламентѣ. Между тѣмъ министры, слѣдовавшіе одинъ за другимъ, не были въ состояніи исполнить это требованіе, такъ какъ для дѣйствительнаго и прочнаго уменьшенія расходовъ необходимы коренныя реформы въ администраціи: общее сокращеніе штатовъ по всѣмъ вѣдомствамъ, уменьшеніе числа чиновниковъ и упрощеніе всей административной машины. Чтобы сократить бюрократію, министры должны были бы бороться съ своими собственными многочисленными органами, имѣющими за себя многолѣтнюю рутину; множество частныхъ интересовъ было бы затронуто весьма чувствительно, и борьба оказалась бы не по силамъ самому могущественному реформатору при обыкновенныхъ условіяхъ правительственной дѣятельности. Требовалось бы общее единодушіе не только въ пониманіи источниковъ зла, но и въ опредѣленіи средствъ для его устраненія; нужна была бы энергическая рѣшимость, раздѣляемая всѣми членами кабинета и поддерживаемая палатами и прессою.

Бюрократія имѣетъ особое свойство—разростаться непомѣрно въ силу внутренней своей плодovitости, безъ всякаго отношенія къ потребностямъ государства и независимо отъ количества производимой работы; чиновничество размножается само собою, расширяя существующія вѣдомства и канцеляріи подъ предлогомъ мнимыхъ польвъ государственной службы. Честолюбіе каждаго начальника заключается въ томъ, чтобы подвластное ему учрежденіе увеличивалось въ объемъ и пріобрѣтало все бѣльшее число служащихъ. Этотъ естественный недугъ бюрократіи находитъ надлежащій отпоръ только въ природной національной расчетливости и бережливости, какъ, напримѣръ, у нѣмцевъ. Французы долго были заняты преобразованіемъ и улучшеніемъ своего политическаго строя; они мало интересовались подробностями управленія и второстепенными недостатками администраціи, пока тяжесть возростающаго бюджета не заставила плательщиковъ обратить вниманіе на финансы. Оказалось, что финансовыя вопросы неразрывно связаны съ состояніемъ административнаго механизма, унаслѣдованнаго отъ имперіи, и задача реформы выступила во всемъ своемъ сложномъ значеніи. Блестящее матеріальное процвѣтаніе Франціи позволило не только загладить по-

слѣдствіи несчастной войны, но и дѣлать громадныя новыя затраты на укрѣпленіе границъ, на колоніальныя приобрѣтенія и на общепользныя сооруженія и работы; между тѣмъ общій промышленный кризисъ, приведшій въ Европѣ къ напраснымъ усиліямъ протекціонизма, отразился и на благосостояніи французскаго народа. Улучшеніе финансовъ стало главнымъ предметомъ заботъ и причиною министерскихъ кризисовъ. Кабинетъ Фрейсина палъ въ декабрѣ прошлаго года, вслѣдствіе того, что не могъ достигнуть сбереженій, на которыхъ настаивала палата. Парламентское большинство указало министерству на излишество личнаго состава въ мѣстномъ управленіи и на первый разъ признало возможнымъ уничтожить должности супрефектовъ (по нашему, вице-губернаторовъ); министры не соглашались на эту мѣру, и послѣ принятія ея палатою—вышли въ отставку. Министерство Гоблѣ пожертвовало нѣкоторыми супрефектами и сохранило остальныхъ; зато оно обѣщало привести въ порядокъ финансы, не прибѣгая ни къ новымъ налогамъ, ни къ займу. Присмотрѣвшись ближе къ положенію дѣлъ, новый кабинетъ убѣдился, что легче было обѣщать, чѣмъ исполнить предположенныя сокращенія; наиболѣе богатныя части бюджета—по вѣдомствамъ военному и морскому—почти не подлежали критикѣ, въ виду внѣшнихъ обстоятельствъ, и странѣ грозилъ значительный дефицитъ, котораго нельзя было бы пополнить путемъ экономіи. Къ тому же, министр финансовъ, Дофанъ, очевидно, не стоялъ на высотѣ положенія; онъ думалъ ограничиться пока составленіемъ сноснаго бюджета на слѣдующій годъ, отложивъ трудные вопросы о реформахъ до другого времени. Министерскій проектъ бюджета былъ отвергнутъ бюджетною комиссіею палаты и возвращенъ Дофану для исправленія еще до пасхи; но послѣ праздниковъ проектъ вернулся въ палату въ столь же неудовлетворительномъ видѣ. Министръ хотѣлъ незамѣтно ввести подоходный налогъ, измѣнивъ систему сборовъ съ движимаго имущества; онъ рассчитывалъ покрыть дефицитъ при помощи займа и вычеркнуть нѣсколько милліоновъ изъ смѣты обыкновенныхъ расходовъ. Никакихъ серьезныхъ сокращеній предложено не было, и бюджетная комиссія вторично отвергла проектъ Дофана.

Въ засѣданіи 16-го мая (нов. ст.) докладчикъ комиссіи, Камилль Пельтанъ, прочиталъ въ палатѣ убійственный для кабинета разборъ его бюджетныхъ предположеній на 1888-й годъ. Комиссія предлагала принять резолюцію, приглашающую министерство сдѣлать болѣе существенныя поправки въ бюджетѣ. При обсужденіи этого доклада въ палатѣ депутатовъ, 17-го мая, министр финансовъ доказывалъ, что новыя расходы вызываются примѣненіемъ законовъ, вотиrowанныхъ парламентомъ, и что правительство готово подчиниться указа-

пѣлмъ комиссіи относительно желательныхъ сбереженій. Президентъ комиссіи, Рувѣ, объяснилъ, что придумывать практическіе способы для возстановленія равновѣсія въ бюджетѣ—дѣло правительства, а не бюджетной комиссіи, призванной лишь разбирать финансовые проекты министерства; никакіе доводы не ослабятъ того факта, что цифра предположенныхъ издержекъ на 1888 годъ превышаетъ на 58 милліоновъ бюджетъ 1887 года. „Заемъ фигурируетъ здѣсь на 400 милл., и для покрытія дефицита проектируются новые налоги на 136 милліоновъ,—говорилъ Рувѣ,—такъ что въ основу бюджета положены начала, прямо противоположны категорическимъ рѣшеніямъ палаты: заемъ, новые налоги и отсутствіе сбереженій“.

Глава кабинета, Гоблѣ, произнесъ довольно удачную защитительную рѣчь, которую закончилъ, однако, не совсѣмъ ловко. Онъ удивлялся, что комиссія отказываетъ министерству въ своемъ содѣйствіи и довольствуется рѣшеніемъ чисто-отрицательнымъ; дѣло идетъ, очевидно, не о финансовыхъ реформахъ, а о политической перемѣнѣ—о сверженіи министерства; въ такомъ случаѣ, имѣется, вѣроятно, въ виду готовый кабинетъ, у котораго есть уже, пожалуй, готовый проектъ бюджета, причемъ комиссія играла бы роль двусмысленную. Гоблѣ старался, далѣе, доказать, что министерство не заслуживаетъ осужденія, что оно дѣйствовало вполне патріотично во время недавняго международнаго кризиса, и что оно не уклонилось отъ правильного пути въ дѣлахъ внутренней политики. Последняя часть рѣчи не произвела должнаго впечатлѣнія; общая дѣятельность кабинета считалась настолько безцвѣтною, что напоминать о заслугахъ его было нѣсколько рискованно при данномъ настроеніи палаты.

Камилль Пельтанъ возразилъ президенту совѣта министровъ, послѣ чего приступлено было къ голосованію. Рувѣ въ послѣдній разъ спросилъ Гоблѣ, согласно ли министерство произвести дальнѣйшія сокращенія въ бюджетѣ 1888 года; Гоблѣ отвѣчалъ, что не знаетъ, въ чемъ именно искать экономію,—пусть укажутъ ему, и онъ согласится. Палата высказалась противъ министерства незначительнымъ большинствомъ 18 голосовъ: 275 депутатовъ вотировало согласно заключенію комиссіи, а 257—въ пользу правительства. Гоблѣ немедленно заявилъ, что ему нѣтъ уже надобности участвовать въ дальнѣйшихъ преніяхъ. Кабинетъ Гоблѣ пересталъ существовать.

Паденіе скромнаго министерства Гоблѣ возбудило интересъ въ одномъ только отношеніи: оно выдвинуло на первый планъ вопросъ о дальнѣйшей роли генерала Буланже, котораго очень многіе во Франціи желали бы, во что бы то ни стало, сохранить во главѣ военнаго вѣдомства. Значительная часть радикальной партіи, вопреки

своими собственными принципами, предлагаетъ создать для генерала Буланже какое-то совершенно исключительное, привилегированное положеніе; онъ одинъ былъ бы свободенъ отъ солидарной отвѣтственности кабинета и стоялъ бы въ сторонѣ отъ всякихъ министерскихъ комбинацій, оставаясь какъ бы несмѣняемымъ военнымъ министромъ. Для оцѣнки павшаго министерства весьма характеристично то, что оно почти всецѣло покрывалось личностью генерала Буланже, предъ которымъ совершенно стушевывались другіе члены кабинета, включая самого Гоблѣ. Популярность Буланже сильно поддерживалась неулыбчивыми нѣмецкими нападками; о немъ одномъ только и говорили, когда рѣчь шла о Франціи; о его планахъ и намѣреніяхъ разсуждали въ такомъ тонѣ, какъ будто онъ былъ не просто министромъ въ кабинетѣ Гоблѣ, а полновластнымъ диктаторомъ или, по меньшей мѣрѣ, президентомъ республики. Нѣмцы видѣли въ Буланже олицетвореніе идеи возмездія; нѣмецкія газеты громили его неустанно, и французскіе патріоты должны были невольно проникнуться убѣжденіемъ, что этотъ генералъ представляетъ собою великую силу. Тѣмъ не менѣе, выдѣлить Буланже изъ состава министерства, потерпѣвшаго крушеніе, было бы трудно уже потому, что онъ больше кого бы то ни было содѣйствовалъ этому крушенію своими чрезмѣрными финансовыми требованіями. Никто не считалъ себя въ правѣ отказывать въ расходахъ на военныя надобности; предложенія военнаго министра обыкновенно даже не обсуждались, а принимались безпрекословно, чтобы не давать повода къ неудобнымъ или щекотливымъ преніямъ. Высшіе интересы народной обороны, представителемъ которыхъ являлся Буланже, требовали непрерывныхъ и колоссальныхъ жертвъ, и ни одинъ изъ военныхъ министровъ Франціи не доводилъ этихъ жертвъ до такого грандіознаго размѣра, какъ Буланже. Десятки и сотни милліоновъ уходили на усовершенствованія сомнительнаго свойства, на дорогіе опыты и ненужныя нововведенія, а министры имѣли слабость утверждать все, что предлагалъ Буланже. Болѣе десяти милліоновъ употреблено было, напримѣръ, на введеніе какихъ-то новыхъ матрацовъ для солдатъ, — расходъ, не имѣющій, въ сущности, ничего общаго съ потребностями военнаго дѣла. Еще недавно генералъ Буланже потребовалъ ассигнованія четырехъ съ половиною милліоновъ на пробную мобилизацію одного изъ французскихъ корпусовъ, хотя эта затрата не только не производительна, но и можетъ оказаться крайне вредною, при нынѣшнихъ отношеніяхъ съ Германіею. Опыты, которыхъ не дѣлается ни въ германской, ни въ какой-либо другой европейской арміи, едва ли могутъ считаться необходимыми для арміи французской; но министерство Гоблѣ не противорѣчило генералу Буланже въ вопросѣ о пробной мобилизаціи, какъ

не возражало и раньше, въ вопросѣ объ усовершенствованныхъ матрацахъ. Слѣдное исполненіе каждаго желанія военнаго министра составляетъ главнѣйшій грѣхъ павшаго министерства; многіе миліоны бросались въ бездонную бочку военнаго бюджета безъ малѣйшаго подобія критики или контроля со стороны скромныхъ товарищей генерала Буланже. Какой смыслъ могли имѣть попытки министра финансовъ отыскать ничтожныя сбереженія въ расходахъ на таможенную стражу или на сборщиковъ податей, когда военный бюджетъ, возроставшій въ небывалой еще степени, оставался неприкосновеннымъ? Такое исключительное отношеніе министровъ и палаты къ требованіямъ военнаго вѣдомства указывало на характеръ общаго настроенія во Франціи; оно свидѣтельствовало о безотчетномъ страхѣ войны, внушаемомъ дѣйствіями и угрозами Германіи. Ожиданіе неминуемой катастрофы не допускало и мысли о какомъ-либо ограниченіи средствъ, требуемыхъ для цѣлей обороны; всѣ силы бюджета подчинялись интересамъ арміи. Готовность французовъ не останавливаться ни предъ какими жертвами для увеличенія и лучшаго вооруженія арміи была принята нѣмцами за доказательство воинственныхъ замысловъ Франціи,—и нельзя отрицать долю правды въ этомъ выводѣ, если принять во вниманіе лихорадочную и разорительную для французскаго бюджета дѣятельность генерала Буланже. Дѣйствовать такимъ образомъ можно только въ виду скорой войны; быстрыя и дорого стоящія мѣропріятія французскаго министра не могли быть рассчитаны на пассивное поддержаніе вооруженнаго мира. Этимъ отчасти и объясняется безпокойство германской печати; нѣмцы опасались не самого Буланже и его военныхъ мѣръ, а тѣхъ грозныхъ симптомовъ войны, которые выступали наружу въ поспѣшныхъ приготовленіяхъ Франціи. И въ то же время, предположенія о воинственныхъ планахъ генерала Буланже и его единомышленниковъ опровергались многими реформаторскими проектами по военному вѣдомству, проектами, требующими долгаго времени для правильнаго и полезнаго примѣненія. Буланже—не полководецъ, не боевой генералъ, а ловкій организаторъ, энергическій и предприимчивый бюрократъ, умѣющій извлекать пользу изъ національнаго патріотизма, не особенно разборчивый въ средствахъ и ищущій популярности повсюду, гдѣ можно ее добыть.

Генералъ Буланже опирается на радикаловъ крайней лѣвой, чтобы приобрести расположеніе народныхъ массъ; онъ замѣчательно простъ съ солдатами, доступенъ и любезенъ съ подчиненными, вѣжливъ и ласковъ со всѣми, особенно съ газетными репортерами и редакторами. Когда онъ служилъ подъ начальствомъ герцога Омальскаго, онъ добивался его протекціи для повышенія по службѣ; съ переходомъ

власти въ руки рѣшительныхъ республиканцевъ, онъ становится другомъ Клемансо и Анри Рошфора, поддержкою которыхъ пользуется понинѣ. Клемансо впервые выдвинулъ его въ началѣ прошлаго года, при образованіи министерства Фрейсинэ; военнымъ министромъ назначенъ былъ Буланже, благодаря могущественной протекціи предводителя крайней лѣвой. Генералъ Буланже взялся рѣшить въ радикальномъ духѣ стоявшій тогда на очереди вопросъ о членахъ царствовавшихъ династій во Франціи; онъ выступилъ въ палатѣ защитникомъ энергической мѣры—изгнанія принцевъ изъ состава арміи,—и эта мѣра была имъ приведена въ исполненіе. Онъ обошелся рѣзко и круто съ бывшимъ своимъ начальникомъ, герцогомъ Омальскимъ; газеты напомнили Буланже объ отношеніяхъ его къ герцогу, какъ къ корпусному командиру, и напечатали лстыное письмо его къ послѣднему по поводу ожидаемаго повышенія. Генералъ Буланже не усомнился публично объявить это письмо подложнымъ; онъ отрекся отъ унижительныхъ выраженій, употребленныхъ въ письмѣ, и не призналъ себя въ чемъ-либо обязаннымъ герцогу Омальскому. Тогда газеты напечатали факсимиле того письма и обнародовали еще другое, также адресованное герцогу полковникомъ Буланже. Военный министръ принужденъ былъ взять назадъ свое опроверженіе и пытался оправдать себя запаматованіемъ прежнихъ служебныхъ отношеній, тѣмъ болѣе, что онъ не считалъ герцога способнымъ обнародовать частныя письма безъ разрѣшенія авторовъ ихъ. Этотъ непріятный для Буланже эпизодъ остался, однако, безъ чувствительныхъ для него послѣдствій; онъ успѣлъ въ короткое время загладить впечатлѣніе этого удара и сдѣлался любимымъ генераломъ радикальной партіи. Онъ возстановилъ носеніе бороды во французской арміи, показывалъ строгость относительно заслуженныхъ генераловъ, пробовалъ вытѣснить парижскаго губернатора, генерала Соссье, но долженъ былъ извиниться предъ нимъ оффиціально по желанію всѣхъ прочихъ министровъ, словомъ—терпѣлъ неудачи и незамѣтно создавалъ себѣ широкую извѣстность въ народѣ. Онъ старался быть постоянно на виду, служить предметомъ газетныхъ толковъ, давать поводы къ уличнымъ оваціямъ и восторгамъ; въ этомъ ему усердно помогали наиболѣе распространенные листки Парижа, при содѣйствіи газетъ Анри Рошфора и Клемансо. Какъ военный министръ, Буланже отличался плодовитостію и энергіею въ составленіи проектовъ, крайнимъ обиліемъ распоряженій, поддержкою всякихъ нововведеній и изобрѣтеній, широкою щедростію въ затратахъ на военныя надобности, хотя, можетъ быть, нѣкоторыя изъ принятыхъ имъ мѣръ окажутся полезными, и его дѣятельность усилила въ нѣкоторой степени военное положеніе Франціи.

Заслуга Буланже заключается, однако, не въ этихъ спеціальныхъ мѣрахъ, а въ той бодрости духа, которую онъ внесъ въ военныя и политическія сферы французскаго общества. Говорятъ, что онъ оживилъ чувство самоувѣренности въ арміи, поднялъ патріотическое настроеніе въ народѣ и сдѣлалъ изъ идеи возмездія вполнѣ реальную, осязательную силу. Но опасность войны подходила слишкомъ близко, а военныя реформы обходились слишкомъ дорого; умѣренные партіи въ парламентѣ и въ печати стали тяготиться безпокойною дѣятельностью Буланже, которымъ былъ недоволенъ также президентъ республики, Гревй. Есть основаніе думать, что вся парламентская атакъ, предпринятая противъ кабинета Гобле, была, въ сущности, направлена противъ военнаго министра. Правда, ни въ бюджетной комиссіи, ни въ палатѣ не упоминалось прямо о непосильныхъ военныхъ расходахъ, вызываемыхъ проектами генерала Буланже; но противники министерства намекали весьма прозрачно на легкую возможность найти крупныя сбереженія среди трехъ милліардовъ бюджета. Упорное нежеланіе понять эти намеки и коснуться предположенныхъ издержекъ военнаго вѣдомства были истинною причиною паденія Гобле. Самъ Буланже предложилъ сократить свой бюджетъ на 9 милліоновъ, но это сокращеніе относилось къ расходу на обыкновенныя потребности арміи, и тѣ же зачеркнутые милліоны должны были бы появиться въ другомъ мѣстѣ, въ смѣтѣ чрезвычайныхъ расходовъ. А пока военный министръ выказалъ свою мнимую бережливость, которая въ массѣ публики могла быть принята за чистую монету. Что вообще онъ заботится о своей популярности гораздо больше, чѣмъ о дѣйствительныхъ военныхъ интересахъ страны—это можно видѣть изъ многихъ отдѣльныхъ фактовъ. Онъ внесъ элементъ политическаго раздора въ армію, гдѣ и безъ того расшатаны основы прочнаго единства и крѣпкой организаціи; онъ не могъ не знать, что военный министръ, стоящій во главѣ французскихъ военныхъ силъ, не имѣетъ права быть человѣкомъ партіи, и что заигрываніе его съ радикалами, нужное для его личной карьеры, должно раздражать значительную и наиболѣе вліятельную часть французскаго офицерства. Онъ не стѣснялся требовать удаленія такого уважаемаго всѣми генерала, какъ Соссъе; онъ не остановился бы предъ увольненіемъ наиболѣе способныхъ генераловъ французской арміи, подъ предлогомъ ихъ монархическихъ связей и убѣжденій,—такъ какъ этимъ устранились бы соперники, могущіе помѣшать его дальнѣйшимъ успѣхамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Буланже имѣетъ въ себѣ всѣ задатки и замашки народнаго героя; ему недостаетъ только военнаго генія, чтобы уподобиться Наполеону I. Буланже не имѣлъ еще случая оправдать тѣ ожиданія, которыя возлагаются на него съ разныхъ сторонъ: онъ не выигры-

валъ никакихъ сраженій, не совершалъ особенныхъ подвиговъ и не отличался въ бояхъ съ непріятелемъ, а тихо и вѣрно подвигался впередъ по лѣстницѣ военнаго служенія, прибѣгая то къ покровительству герцоговъ, то къ протекціи радикаловъ. Онъ, по мѣткому замѣчанію князя Бисмарка, получилъ свою славу въ кредитъ, и онъ долженъ будетъ расквитаться съ этимъ долгомъ — посредствомъ войны. И дѣйствительно, если задать себѣ вопросъ, чѣмъ заслужилъ Буланже свою громкую военную репутацію, то отвѣтитъ придется не сразу. Никто не зналъ имени Буланже до назначенія его военнымъ министромъ въ кабинетѣ Фрейсинзъ; съ тѣхъ поръ прошло менѣе полтора года, и военная слава его создавалась исключительно на шумныхъ улицахъ Парижа, въ радикальныхъ депутатскихъ кружкахъ, въ мелкой французской прессѣ и въ офиціозныхъ нѣмецкихъ газетахъ. Такого рода извѣстность, какъ бы обширна она ни была, имѣетъ только временный, мимолетный характеръ; она можетъ пріобрѣсти какое-нибудь значеніе только въ томъ случаѣ, если генералу Буланже дана будетъ возможность продолжать фигурировать передъ странною въ качествѣ суетливаго военнаго министра.

Любопытно, что герой французскихъ радикаловъ пользуется сочувствіемъ и въ Россіи, въ средѣ наиболѣе благонамѣренныхъ патріотовъ нашего отечества. Одна изъ русскихъ газетъ, не имѣющихъ ничего общаго съ радикализмомъ, признала Буланже новымъ Наполеономъ, будущимъ спасителемъ Франціи и вѣроятнымъ союзникомъ Россіи въ борьбѣ противъ нѣмцевъ. Уличная парижская слава, завоеванная на плацпарадахъ, превратилась у насъ въ нѣчто серьезное, благодаря свойственной намъ довѣрчивости. Газетные корреспонденты, наиболѣе преданные почему-то генералу Буланже, сообщаютъ о немъ удивительныя свѣденія, для доказательства его правъ на званіе великаго патріота и политика. Во время дѣла Шнебеле онъ будто бы „предложилъ въ совѣтѣ министровъ бросить на границу 50.000 человекъ съ шумомъ и нарочитымъ трескомъ (?), дабы этимъ отвѣтить угрозой на угрозу; Буланже былъ увѣренъ, что этого достаточно, чтобы дѣло Шнебеле немедленно было закончено самымъ миролюбивымъ образомъ. Флурансъ возсталъ противъ этой мѣры. Пятьдесятъ тысячъ человекъ, потребованные военнымъ министромъ, были все-таки отправлены на границу, но безъ шума“. Корреспондентъ добавляетъ таинственно, что ему въ точности извѣстенъ этотъ важный фактъ, котораго онъ не разглашалъ до сихъ поръ по соображеніямъ высшей политики. Фактъ этотъ приводится для того, чтобы выставить все геройство генерала Буланже сравнительно съ ничтожествомъ „мудрыхъ парламентаристовъ“, которые будто бы „совершенно свыклись съ политической бѣгави на заднихъ лапкахъ передъ Берли-

номъ". Если дѣйствительно военный министръ Франціи думалъ испугать Германію нѣсколькими десятками тысячъ войска, то это обнаружило бы въ немъ легкомысліе, понятное еще со стороны газетнаго репортера, но непростительное для военного человѣка. Во Франціи хорошо знаютъ, что въ пограничныхъ нѣмецкихъ провинціяхъ всегда стоитъ на-готовѣ внушительная военная сила, и участь французскаго отряда, брошеннаго на границу „съ шумомъ и трескомъ“, была бы крайне печальна. Хотя генераль Буланже придаетъ большое значеніе „шуму и треску“, но несправедливо было бы приписывать ему явнымъ негѣпости, совершеніе которыхъ могло быть желательно только худшимъ врагамъ Франціи. Можно обвинять въ чемъ угодно нынѣшнихъ правителей и полководцевъ Германіи; но никто не скажетъ, что они способны испугаться мелкой французской угрозы и сдѣлаться миролюбивыми подъ вліяніемъ военныхъ демонстрацій, руководимыхъ канцелярскимъ генераломъ. Газетныя сообщенія, въ родѣ приведеннаго выше, достигаютъ, между тѣмъ, своей цѣли: они какъ будто говорятъ читателю, что одинъ только есть на свѣтѣ великій патріотъ французскій, и что онъ, рано или поздно, поколотитъ нѣмцевъ, которые по неизвѣстной причинѣ кажутся намъ врагами. Сойдетъ теперь со сцены генераль Буланже, и слава его померкнетъ такъ же скоро, какъ и возникла.

Главная трудность составленія новаго кабинета заключалась именно въ личности военного министра, за котораго стоитъ большинство радикальной партіи, составляющей необходимую опору правительства при настоящемъ составѣ палаты. Ни Фрейсизъ, ни Флоке, ни Дюклеръ не могли взять на себя образованіе министерства, въ виду спорнаго вопроса о генералѣ Буланже; одни добивались сохраненія этого министра, другіе категорически возставали противъ такого компромисса, и, наконецъ, значительная часть печати находила прямо неудобнымъ удерживать во главѣ арміи генерала, вызывающаго постоянное раздраженіе въ Германіи. Пока на Буланже нападали нѣмцы, неловко было высказываться противъ него французамъ; удаленіе его въ то время имѣло бы видъ трусливой уступки, которой нельзя было ожидать отъ французскаго патріотизма. Но теперь, когда вышло въ отставку все министерство, благоразумные французы должны быть очень рады тому, что избавились во-время отъ честолюбиваго дѣятеля, поднимавшаго столько ненужнаго шума своею разностороннею хлопотливостью и своими разорительными для страны военными начинаніями. Гораздо лучше будетъ и для Буланже, и для Франціи, если этотъ генераль приобрѣтетъ гдѣ-нибудь въ Алжирѣ или въ Тонкинѣ тѣ военные или административныя лавры, которыми надѣлили его пока въ кредитъ бульварные патріоты Парижа.

Министерство Гоблѣ имѣетъ, повидимому, одну существенную заслугу передъ Франціею и даже передъ Европою: оно держало себя прилично и твердо во время опаснаго международнаго кризиса, въ которомъ дѣло Шнебеле было лишь формальнымъ дипломатическимъ инцидентомъ. Кабинетъ не далъ себя увлечь на путь воинственности и сохранялъ замѣчательное хладнокровіе среди общаго возбужденнаго настроенія; рѣзкія выходки и придирки нѣмецкихъ газетъ оставались безъ отвѣта французскою печатью, и всѣ европейскія симпатіи были невольно на сторонѣ Франціи. Но сдержанность министерства принимала форму крайне неудобную въ политикѣ и могущую давать поводъ къ какимъ угодно толкованіямъ. Министры молчали; сторонники ихъ въ палатѣ и въ прессѣ осторожно обходили жгучій вопросъ о войнѣ и мирѣ; дѣйствовали только канцеляріи Флуранса въ Парижѣ и Гербетта въ Берлинѣ. Нѣмецкая печать долго и систематично обвиняла французовъ въ желаніи нарушить общій миръ, и никакого авторитетнаго отвѣта не получалось отъ министровъ или публицистовъ Франціи. Еще раньше, во время преній о септеннатѣ въ германскомъ сеймѣ, князь Бисмаркъ распространялся о французскихъ военныхъ приготовленіяхъ, о характерѣ будущей франко-нѣмецкой войны и даже о дѣятельности генерала Буланже, и никто изъ французскихъ государственныхъ людей не потрудился публично высказаться на эту жгучую тему, чтобы, по крайней мѣрѣ, опровергнуть приписываемыя Франціи намѣренія, опасныя будто бы для мира Европы. Когда нѣкоторые члены палаты пожелали обратиться съ запросомъ въ Гоблѣ, чтобы доставить ему случай протестовать противъ нѣмецкихъ обвиненій, то глава кабинета просилъ не затрогивать подобныхъ щекотливыхъ вопросовъ, такъ какъ онъ будто бы не можетъ располагать тою свободою слова, которою пользуются въ сосѣдней странѣ относительно французовъ. Этотъ аргументъ свидѣтельствуетъ, конечно, о крайней скромности министерства, но онъ едва ли долженъ быть понятъ въ томъ смыслѣ, что Гоблѣ боялся сказать что-нибудь лишнее и задѣтъ нечаянно самолюбіе нѣмцевъ. Рѣчь о внѣшней политикѣ могла быть заранѣе составлена и затѣмъ прочитана съ трибуны, если ужъ дѣйствительно министры не довѣряли своему ораторскому самообладанію и своей парламентской опытности. Публичное заявленіе французскаго правительства, въ видѣ отвѣта на нѣмецкіе нападки, сразу уничтожило бы предлогъ для воинственной травли и, во всякомъ случаѣ, содѣйствовало бы разъясненію положенія. Всѣ говорили громко о неминуемой войнѣ, и гнетущее чувство овладѣло умами въ Европѣ, а Гоблѣ находилъ, что министры не имѣютъ основанія вступать въ полемику съ газетами. Но вопросъ о мирѣ и войнѣ зависитъ отъ обще-

ственного настроенія, приготовляемаго печатью, и ждать официальныхъ причинъ для того, чтобы возвысить голосъ въ духъ миролюбія, значить—не пытаться вовсе противодѣйствовать событіямъ.

Политика молчанія—плохая политика при настоящихъ условіяхъ международнаго мира. Неустанныя усилія нѣмецкихъ офиціозовъ направлены къ тому, чтобы выставить Францію нарушительницею европейскаго спокойствія, виновницею общихъ вооруженій и тревогъ. Не встрѣчая надлежащаго отпора, этотъ взглядъ все болѣе укореняется не только въ нѣмецкомъ народѣ, но отчасти и въ другихъ странахъ. Энергическія и своевременныя возраженія противъ такого взгляда со стороны французскаго правительства и французской прессы дѣйствовали бы успокоительно на нѣмцевъ, ослабляли бы взаимную вражду и усиливали бы шансы мирнаго настроенія народовъ. Что безопаснѣе молчать, чѣмъ говорить,—это предразсудокъ, въ высшей степени вредный въ области внѣшнихъ отношеній. Нѣтъ ничего пагубнѣе тьмы въ международной политикѣ; существующее повсюду недоувѣріе питается недоразумѣніями и недомолвками, противъ которыхъ есть одно только средство — открытое, правдивое слово. Ни одно правительство не полагается теперь на официальные увѣренія дипломатіи, когда дѣло идетъ объ отношеніяхъ между народами; всѣ прислушиваются къ мнѣніямъ газетъ, къ парламентскимъ рѣчамъ и къ разнообразнымъ симптомамъ такъ-называемаго общественнаго настроенія той или другой страны. И среди общаго шума Франція молчитъ; ея министры избѣгаютъ сказать свое слово, и ихъ молчаніе становится новымъ оружіемъ въ рукахъ враговъ французской націи. Система отмалчиванія настолько утвердилась въ практикѣ французскихъ министровъ по отношенію къ международнымъ дѣламъ, что даже дѣло Шнебеле не вызвало подобающей, хотя бы только газетной, критики. Близкіе къ правительству органы печати обсуждали отдѣльныя частности столеновенія, не затрогивая его принципиальной основы; самая сущность спора была объясняема въ русскихъ и англійскихъ газетахъ, тогда какъ во Франціи какъ будто не замѣчали всей чудовищности нѣмецкой теоріи, въ силу которой иностранные чиновники могутъ быть судимы за „измѣну“ германскому отечеству. Лондонскій „Times“ выразилъ даже удивленіе, что эта теорія принимается французами какъ нѣчто законное и удобопонятное, и что официально она не была подвергнута критической оцѣнкѣ со стороны французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Нельзя не пожелать, чтобы преемники Гоббсѣ были менѣе безличны въ вопросахъ внѣшней политики. Пассивное уклоненіе отъ участія въ жгучихъ международныхъ спорахъ представляетъ опасность для мира; молчаливость принимается за скрытность, за согласіе со всѣмъ тѣмъ,

что приписывается данному правительству, и отношенія могут испортиться окончательно, прежде чѣмъ зло обнаружится въ формѣ дипломатическихъ пререканій.

Много говорятъ въ послѣднее время о предстоящей будто бы новой группировкѣ державъ — о сближеніи Россіи съ Франціею для противодѣйствія преобладанію Германіи въ Европѣ. Изъ того, что союзъ съ двумя сосѣдними имперіями былъ для насъ совершенно бесполезенъ, выводятъ заключеніе, что мы должны искать другихъ союзниковъ, болѣе симпатичныхъ и надежныхъ, и такими подходящими друзьями оказываются именно французы. У насъ вообще не умѣютъ держаться середины; отъ одной крайности мы впадаемъ въ другую, и это придаетъ всей нашей политикѣ характеръ неопредѣленный и колеблющійся. Въ теченіе многихъ лѣтъ мы упорно считали себя обязательными союзниками и помощниками Австріи; мы близко принимали къ сердцу интересы Пруссіи, причемъ руководствовались только отвлеченными и отчасти сантиментальными мотивами, не думая вовсе о реальныхъ выгодахъ Россіи. Мы отличались своимъ великодушіемъ и безкорыстіемъ въ международныхъ дѣлахъ; мы хлопотали о чужихъ интересахъ, въ ущербъ собственной странѣ, и не разъ подвергали народъ жестокимъ бѣдствіямъ войны, изъ-за дружбы къ австрійскому императору Францу или къ прусскому королю Фридриху-Вильгельму. Мы воевали съ французами для пользы нѣмцевъ и австрійцевъ; теперь предлагаютъ намъ бороться съ нѣмцами для пользы Франціи. Чрезмѣрная близость съ Германіею превращается въ столь же напрасную вражду, безъ малѣйшей въ томъ надобности, и пагубныя увлеченія, допущенныя нами въ былое время относительно Берлина и Вѣны, могутъ повториться относительно Парижа. Отъ полной солидарности съ германскою политикою мы готовы перейти къ отрицанію всякихъ связей съ нѣмецкою націею; мы какъ будто имѣемъ охоту совершить нелѣпый скачокъ на встрѣчу французскимъ шовинистамъ, мечтающимъ объ отобраніи Эльзаса и Лотарингіи — при помощи Россіи!! Такъ можно было бы судить, по крайней мѣрѣ, основываясь на сужденіяхъ извѣстной части нашей печати. Своей собственной политики и своихъ собственныхъ интересовъ мы какъ будто не имѣемъ; мы можемъ только имѣть чужія цѣли, если не нѣмецкія, то французскія.

Наши „патріотическія“ газеты настойчиво доказываютъ, что мы обманулись въ нѣмцахъ, что они постоянно мѣшали намъ на востокѣ, что они поддерживали притязанія Австріи и не давали намъ воспользоваться плодами нашихъ побѣдъ въ Болгаріи. По этому поводу завязалась весьма любопытная полемика, сопровождавшаяся важными

разоблаченіями со стороны берлинской офиціозной прессы. „Сѣверо-германская Всеобщая Газета“ заявила категорически, что еще до начала русско-турецкой войны состоялось между нашею дипломатіею и вѣнскимъ кабинетомъ секретное соглашеніе, подписанное 15-го января 1877 года не только безъ участія, но и безъ вѣдома Германіи, и что въ силу этой сдѣлки предоставлено было Австріи занять Боснію съ Герцеговиною. Этимъ именно объясняется то обстоятельство, что представители Россіи не возражали на берлинскомъ прогрессѣ противъ предложенія объ оккупациі австрійцами двухъ турецкихъ провинцій. Всѣ уступки, на какія могла рассчитывать Австрія, дѣлались ей помимо Берлина; Германія, съ своей стороны, поддерживала всѣ русскія требованія, заявленныя офиціально на конгрессѣ, и готова была—по признанію органа князя Бисмарка—отстаивать и другія, болѣе широкія, права побѣдителей, еслибы эти права были заявлены нашими дипломатами. Германское правительство не могло оказывать намъ поддержку въ томъ, что не находило опоры и защиты въ средѣ представителей самой Россіи. Эти фактическія указанія, исходящія изъ столь компетентнаго источника, дали новый оборотъ оживленнымъ газетнымъ спорамъ о значеніи бывшаго тройственного союза. Въ Вѣнѣ и Пештѣ были непріятно поражены разоблаченіями, подрывавшими въ самомъ корнѣ теорію безкорыстнаго туркофильства, которую мадьяры наивно приписывали тогдашнему министру иностранныхъ дѣлъ, графу Андраши. Австрійцы привыкли утѣшать себя мыслью, что Боснія и Герцеговина заняты имъ по особому уполномочію и порученію отъ всей Европы, для водворенія порядка въ пограничныхъ турецкихъ провинціяхъ; теперь органъ германскаго канцлера уничтожаетъ эту иллюзію и высказываетъ прямо, что никакого европейскаго полномочія или „мандата“ не было дано Австріи, и что на конгрессѣ выражено было только согласіе на австрійскую оккупацию, предложенную англичанами и не возбуждившую возраженія со стороны русскихъ дипломатовъ. Венгерскій министр-президентъ, Коломанъ Тисса, старался смягчить жесткій смыслъ этого факта; но въ своей рѣчи, произнесенной въ палатѣ депутатовъ 21-го мая, онъ не могъ поколебать достовѣрность сообщеній „Сѣверо-германской Газеты“. Выводъ изъ этого одинъ: не рассчитывать на союзниковъ, не входить въ секретныя сдѣлки, не замѣнять однихъ друзей другими, а только относиться съ болѣшимъ пониманіемъ къ собственнымъ интересамъ и нуждамъ, твердо оставаться въ предѣлахъ своихъ законныхъ правъ и не увлекаться фантастическими комбинаціями, къ которымъ такъ легко склоняются наши мнимые патріоты.

Бельгія продолжаетъ быть театромъ рабочихъ волненій, которыя имѣютъ, безспорно, политическую подкладку. Въ прошломъ году спокойствіе было восстановлено военною силою; теперь движеніе разростается, и руководители его ясно формулируютъ свои требованія, касающіяся общихъ вопросовъ внутренней политики, а не промышленныхъ интересовъ рабочаго класса. Населеніе Бельгіи давно уже протестуетъ противъ такого порядка вещей, при которомъ парламентская власть принадлежитъ исключительно верхнему слою общества. Бельгія управляется теперь клерикалами, имѣющими большинство въ палатѣ депутатовъ, а клерикалы были всегда непопулярны въ странѣ. Радикальная оппозиція добивается всеобщей подачи голосовъ, и, не имѣя возможности достигнуть чего-либо въ палатахъ, она пользуется волненіями рабочихъ, даетъ имъ организацію и направляетъ ихъ къ намѣченной цѣли. Бельгійское правительство имѣетъ предъ собою крайне трудную и сложную задачу: съ одной стороны, неудобно каждый годъ усмирять возстаніе и одерживать кровавыя побѣды надъ подданными, а съ другой — дѣлать конституціонныя уступки было бы какъ будто несовмѣстимо съ интересами господствующаго богатаго класса, которые по обыкновенію прикрываются достоинствомъ и авторитетомъ власти. Трудно сказать, чѣмъ кончится на этотъ разъ революціонное движеніе въ Бельгіи.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го іюня 1887.

— *Народная поэзія. Историческіе очерки. Ординарнаго академика Ѳ. И. Буслаева.*
Спб. 1887.

Въ прошломъ году вышло двѣ книги „Досуговъ“ г. Буслаева, гдѣ были собраны журнальныя статьи по предметамъ, соприкасавшимся съ его спеціальностью, какъ вопросы художественной критики, путевые очерки и т. п. ¹⁾. Мы отнѣтили эту книгу, какъ прекрасный вкладъ въ нашу образовательную литературу, въ которой рѣдко являются труды, исполненные такого разнообразнаго знанія и живого интереса къ литературѣ и искусству. Настоящая книга есть новый сборникъ трудовъ г. Буслаева, на этотъ разъ посвященныхъ спеціально изслѣдованіямъ о народной поэзіи; повидимому, она составляетъ только начало цѣлаго собранія сочиненій и, безъ сомнѣнія, будетъ еще съ большимъ интересомъ встрѣчена всѣми, кому близко изученіе нашей старины и народности. „Собранныя здѣсь монографіи,—говоритъ г. Буслаевъ въ предисловіи,—относятся къ началу шестидесятыхъ годовъ, за исключеніемъ одной небольшой, которая напечатана въ 1871 г. Какъ по научному методу и воззрѣніямъ, такъ и по матеріалу и пособіямъ, очень немногимъ отличаются онѣ отъ изданныхъ мною въ 1861 г. „Историческихъ Очерковъ“, и какъ бы составляютъ ихъ продолженіе. — Съ тѣхъ поръ изученіе народности значительно расширилось въ объемѣ и содержаніи, и, соотвѣтственно новымъ открытіямъ, установились инныя точки зрѣнія, которые привели ученыхъ къ новому методу въ разработкѣ матеріаловъ. Такъ-называемая Гриммовская школа, съ ея ученіемъ о самобытности народныхъ основъ міеологіи, обычаевъ и сказаній, которое я проводилъ въ своихъ изслѣдованіяхъ, должна была уступить мѣсто теоріи вза-

¹⁾ См. „В. Евр.“ 1886, іюнь, стр. 845 и слѣд.

имнаго между народами общенія въ устныхъ и письменныхъ преданіяхъ. Многое, чтó признавалось тогда за наслѣдственную собственность того или другого народа, оказалось теперь случайнымъ заимствованіемъ, взятымъ извнѣ, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, болѣе или менѣе объясняемыхъ историческими путями, по которымъ направлялись эти культурныя вліянія“.

„Чтобы издать вновь сочиненія, написанныя мною четверть вѣка тому назадъ, надобно было не только восполнить ихъ новыми матеріалами и пособіями, но и поставить на другія основы, данныя новою теоріею. Такая капитальная перестройка требовала многолѣтнихъ трудовъ, на которые у меня не хватало времени за другими специальными работами, да и вообще она была мнѣ уже не по силамъ, и я твердо рѣшился не издавать вновь такъ давно составленныхъ мною монографій по народной поэзіи. Однако, рѣшеніе мое было поколеблено лестнымъ для меня вниманіемъ Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, которое признало небезполезнымъ перепечатать мои изслѣдованія и безъ исправленій, въ видѣ матеріаловъ для исторіи науки по изученію старины и народности. Будучи поощренъ такимъ авторитетнымъ для меня заключеніемъ, я нашелъ въ немъ достаточное оправданіе моей смѣлости напомнить новому поколѣнію ученыхъ о такихъ устарѣлыхъ работахъ, которыя слѣдовало бы въ новомъ изданіи значительно передѣлать“.

Въ этихъ скромныхъ словахъ виденъ истинный ученый, который не застываетъ въ одной, въ прежнее время господствовавшей теоріи, и остается чуткимъ и благожелательнымъ къ дальнѣйшему развитію изученія, хотя бы оно отрицало иной разъ его собственные выводы. Но эти прежніе труды, въ свое время плодотворно подѣйствовавшіе на развитіе народно-поэтическихъ изученій, сохраняютъ въ разныхъ отношеніяхъ свою цѣну и для „новаго поколѣнія ученыхъ“. Они остаются не только важнымъ фактомъ исторіи науки, но образцомъ не сухого книжнаго, а живого любящаго отношенія къ предмету научнаго труда—народу и народной жизни. Во-вторыхъ, объясненія предмета, сдѣланныя у г. Буслаева, съ прежней точки зрѣнія, остаются своего рода программой вопросовъ для новой школы; если прежняя теорія давала болѣе или менѣе законченную картину развитія древняго эпоса по своему взгляду, то новая теорія обязывается не только отнестись критически къ этой постройкѣ, но и объяснить собственную систему построенія. Дѣйствительно, новая школа, выступившая у насъ на смѣну Гриммовской, представила до сихъ поръ много замѣчательныхъ критическихъ возраженій противъ послѣдней и сдѣлала много детальныхъ изслѣдованій большого научнаго значенія; но до сихъ поръ она даетъ слишкомъ мало указаній син-

тетическихъ, вслѣдствіе чего, какъ не разъ было указано, въ популярномъ и учебномъ обращеніи донинѣ господствуютъ наиболѣе одностороннія толкованія древней русской поэзіи по прежнему способу.

Въ настоящей книгѣ заключаются слѣдующія статьи: „Русскій богатырскій эпосъ“ (1862); „Слѣды славянскихъ эпическихъ преданій въ нѣмецкой мифологіи“ (1862); „Бытовые слои русскаго эпоса“ (1871); „Пѣсня о Роландѣ“ (1864); „Испанскій народный эпосъ о Сидѣ“ (1864); „Русскіе духовные стихи“ (1861). Во всѣхъ этихъ статьяхъ разсѣяно много любопытныхъ объясненій эпическаго стиля, много тонкихъ наблюденій, которыя сохраняютъ свою цѣну, хотя измѣняются понятія объ источникахъ самаго содержанія русскаго эпоса. Замѣтимъ притомъ, что г. Буслаеву никакъ нельзя приписать тѣхъ крайностей, въ какія впадали толкователи, видѣвшіе въ богатыряхъ нашего эпоса представителей одной стихійной, облачной или громовой, силы; напротивъ, именно г. Буслаевъ съ самаго начала (въ статьѣ 1871 года) весьма доказательно опровергалъ эти неопредѣленныя и вмѣстѣ узкія толкованія, взятые изъ мифологіи природы.

„Чтобы ориентироваться въ необозримой массѣ сходныхъ между собою данныхъ по эпической поэзіи разныхъ народовъ, — говоритъ г. Буслаевъ, — нѣмецкіе ученые нашли удобнымъ распредѣлить эти данныя по немногимъ рубрикамъ мифологіи природы, съ тѣмъ, чтобы въ основѣ эпическихъ сюжетовъ открывать идеи и представленія, общія эпосу съ мифологіею природы. Но не слишкомъ ли поспѣшно и преждевременно рѣшились обобщить разнообразныя и разнородныя эпическія подробности, подводя ихъ подъ скудныя, голословныя заглавія статей изъ мифологіи природы — о теплѣ, холодѣ и тому подобномъ? Пріемъ этотъ, какъ ни кажется онъ увлекателенъ съ перваго разу, очень опасенъ, легко можетъ быть употребленъ во зло, и это можетъ случиться всякій разъ, какъ только въ объясняемомъ эпическомъ сюжетѣ къ раннему мифу примѣшивается преданіе мѣстное или историческое.

„Въ этомъ отношеніи надобно строго отличать сказку отъ былины. Сказка можетъ цѣликомъ состоять изъ какого-нибудь мифа природы, не приуроченнаго ни къ личности, ни къ мѣсту; потому она и не любитъ собственныхъ именъ... Напротивъ того, былина помѣщаетъ своего князя Владиміра въ Кіевѣ, ведетъ своего Илью Муромца изъ села Карачарова, черезъ лѣса Брынскіе, черныя грязи Смоленскія, мимо города Чернигова и т. д.... Чѣмъ эпосъ первобытнѣе, какъ финская Калевала, тѣмъ больше въ немъ мифологіи природы, и чѣмъ онъ развитѣе, какъ французскія *chansons de geste*, тѣмъ больше въ немъ исторіи и географіи. Такова и наша былина... Мифы природы слишкомъ громадны въ своихъ размѣрахъ. Становясь сюжетами эпи-

ческии, они сокращаются, принимая мѣстные формы историческаго быта и окрашиваясь въ мѣстный, бытовѣй колоритъ.

„Обратить былинку назадъ, въ тотъ до-историческій періодъ, когда она интересовалась только краснымъ солнышкомъ да тучею съ дождемъ, а не княземъ Владиміромъ и Соловьемъ-разбойникомъ, значило бы отказать народному эпосу въ его національномъ интересѣ для послѣдующихъ поколѣній, которыя въ своихъ герояхъ хотѣли вослѣдовать болѣе близкое для себя, болѣе человѣческое, нежели устарѣлыя мнѣя о солнцѣ, дождѣ или громѣ“ (стр. 248—250). Въ этихъ словахъ указана существенная ошибка односторонняго стихійнаго толкованія, и было бы полезно, еслибы онѣ были понаты хотя теперь.

Какъ мы сказали, у г. Буслаева его теорія выросла въ цѣльное представленіе о народной поэзіи, какого еще не создала, съ своей точки зрѣнія, новѣйшая школа (по крайней мѣрѣ, у насъ). Старому изыскателю его тема рисовалась въ цѣлой исторической обстановкѣ русской жизни, доходя и до современнаго положенія народной поэзіи и народной образованности. Въ прежнее время взгляды г. Буслаева въ этомъ послѣднемъ отношеніи подавали иногда поводъ къ недоразумѣніямъ; недостаточно ясно проведена была черта, отдѣлявшая симпатіи страстнаго археолога и любителя народной поэзіи отъ другого рода пристрастій къ „патріархальной старинѣ“; но уже вскорѣ недоразумѣніе выяснилось: основаніемъ взглядовъ автора была теплая, нѣсколько романтически окрашенная, любовь къ народной поэзіи и къ самому народу, свободная, однако, отъ славянофильскихъ односторонностей (къ которымъ г. Буслаевъ всегда относился довольно враждебно), далекая отъ всякой непріязни къ образованію, которая, какъ извѣстно, нерѣдко сопровождала и сопровождаетъ любителей народности, особливо мнимыхъ. Любопытны въ этомъ смыслѣ начальныя страницы въ изслѣдованіи о русскомъ богатырскомъ эпосѣ.

„Народное“, которое слишкомъ часто отождествляется съ исключительностью и ея узкими и грубыми послѣдствіями, для г. Буслаева, напротивъ, нераздѣльно съ общечеловѣческимъ, и высшее развитіе „народнаго“ достигается только въ высокой области общечеловѣческихъ интересовъ просвѣщенія и искусства. „Литература, служа выраженіемъ жизни народа, имѣетъ большее или меньшее значеніе по народу, которому принадлежитъ, т.-е., чѣмъ образованнѣе народъ, чѣмъ важнѣе его нравственное вліяніе на исторію чело-вѣка, тѣмъ значительнѣе его литература... Счастливы тотъ народъ, который въ національныхъ основахъ своей литературы, вмѣстѣ съ любовью къ родинѣ, можетъ воспитывать въ себѣ всѣ высшія, общечеловѣческія стремленія, народъ, который, раскрывая свою національ-

ность, двигаетъ впередъ исторію человѣчества, и въ произведеніяхъ своихъ писателей съ гордостью указываетъ на высшую степень умственнаго и литературнаго развитія, какой только могъ достигнуть человѣческій разумъ въ ту или другую эпоху исторіи цивилизаціи... Литература русская, какъ и прочихъ славянскихъ нарѣчій, принадлежитъ къ тѣмъ скромнымъ явленіямъ, въ которыхъ національное еще не дошло до общечеловѣческаго, не могло еще стать обязательною нравственною силою, передъ которою преклонились бы прочіе образованные народы... Только та національность полагаетъ прочныя для литературы основы, которая совпадаетъ въ своемъ развитіи съ исторіей цивилизаціи“.

Въ старыхъ европейскихъ литературахъ долго и крѣпко держалась народно-поэтическая основа, которой не заглушалъ искусственный стиль поэзіи; въ старой русской литературѣ было не то. „На Руси искусственная литература и народный эпосъ уже съ древнѣйшихъ временъ рѣзко отдѣлялись другъ отъ друга, вслѣдствіе бѣднаго и крайне односторонняго клерикальнаго направленія нашей письменности. Въ XVI, и особенно въ XVII вѣкѣ, народный русскій эпосъ сталъ было заявлять нѣкоторыя права на вліяніе въ искусственной литературѣ, но не успѣлъ ее освѣжить, а внезапный разрывъ Петровской Руси съ національною стариною совсѣмъ уже отрѣзалъ новѣйшую нашу литературу отъ эпическихъ основъ русской національности“.

Но г. Буслаевъ, въ противоположность славянофиламъ, въ самой старой Россіи до-петровской не находилъ вполнѣ народнаго развитія: это послѣднее было и тогда оттѣснено „бѣднымъ и одностороннимъ направленіемъ клерикальнымъ нашей письменности“; г. Буслаевъ не увлекался также и исторической Москвой, которой грубая сила подавила многое изъ народныхъ зачатковъ старины... Новѣйшее обращеніе къ народности, возникшее среди подражательнаго періода нашей литературы, не внушало г. Буслаеву полного довѣрія; съ одной стороны, ему казалось, что это могло быть опять только новой формой подражанія и слѣдовательно дѣломъ поверхностнымъ, а съ другой, что эта народность, къ которой вдругъ почувствовали нѣжность, можетъ оказаться предметомъ эксплуатаціи въ цѣляхъ, постороннихъ народу, какъ это и бываетъ.

Каковы бы ни были новѣйшіе успѣхи изслѣдованій въ этой области, труды г. Буслаева, какъ видимъ, не совсѣмъ еще отходятъ въ исторію науки, какъ онъ это предполагаетъ: чрезвычайно интересные и съ этой исторической точки зрѣнія, они сохраняютъ современное значеніе, заявляя вопросы, на которые еще должна дать отвѣтъ новая школа, и служа живымъ примѣромъ, который внушаетъ,

съ одной стороны, необходимость болѣе широкихъ историческихъ обобщеній, и, съ другой, говорить о глубокомъ любящемъ чувствѣ къ предмету изученій.

Полагаемъ, что настоящая книга есть начало цѣльнаго изданія сочиненій г. Буслаева, и пожелаемъ, чтобы оно не замедлило появленіемъ въ свѣтъ въ своемъ полномъ составѣ.

— *Сергій Филипповъ. Поволжье, Донъ и Кавказъ. Путевые эскизы и силуэты.* Москва, 1887.

Насъ очень заинтересовало заглавіе этой книги. Наша литература не совсѣмъ счастлива въ отдѣлѣ путешествій: есть, правда, множество „путешествій“, чрезвычайно важныхъ для науки и очень интересныхъ, но посвященныхъ почти исключительно только далекимъ, мало извѣстнымъ, странамъ, какъ въ особенности Средняя Азія; но страны ближайшія остаются почти безъ описаній. Наша литература можетъ гордиться именами Оедченка, Пржевальскаго, Потанина; наше Географическое Общество снаряжаетъ множество ученыхъ экспедицій—для изученія такихъ странъ нашего отечества, какъ Новая Земля, Амуръ, Уссурійскій край, Туркестанъ; оно снаряжало, впрочемъ, и этнографическія экспедиціи въ западный и юго-западный край, на архангельскій и вологодскій сѣверъ, но внутренняя Россія остается точно забыта, и этнографы не разъ справедливо жаловались, что, напр., московская губернія въ этнографическомъ отношеніи извѣстна гораздо меньше, чѣмъ архангельская и олонечная.

Восточный край Россіи, избранный г. Филипповымъ цѣлью своего путешествія, принадлежитъ также къ числу недостаточно описанныхъ и, надо думать, представилъ бы не мало важнаго и любопытнаго въ историческомъ, экономическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Своеобразная природа, типы населенія, особенности быта даютъ обильный матеріалъ для наблюденій; взявши трудъ при-смотреть къ этой жизни, познакомиться нѣсколько съ тѣми свѣденіями, какія разбросаны въ литературѣ о разныхъ ея сторонахъ и подробностяхъ, можно было бы дать любопытную картину для тѣхъ, кого занимаютъ вопросы „отечествовѣденія“. Къ удивленію, однако, въ нашей новѣйшей литературѣ нельзя указать буквально ни одной сносной книги о Поволжьи и Донѣ; картины Дона и совсѣмъ нѣтъ, о Волгѣ лучшими остаются все-таки старыя книги, въ родѣ путе-водителя, изданнаго при участіи г. Боголюбова (исключаемъ изъ этого отзыва „Волгу“ г. Рагозина, къ сожалѣнію, остановившуюся на первыхъ выпускахъ). Года два назадъ намъ случилось говорить о новѣйшемъ путеводителѣ по Волгѣ, изданномъ г. Монастырскимъ: книга, все-таки стоившая автору не мало труда, была довольно ужасна.

Что же даетъ новый путешественникъ?

Книга написана въ томъ стилѣ, который въ послѣднее время начинаетъ у насъ все больше распространяться—не къ выгодѣ литературы. Это — стиль надоедливой фельетонной болтовни, которая должна представлять легкость и остроуміе. Въ старое время, путешественникъ по Россіи (такихъ нѣсколько было) относился къ своему предмету безхитростно, но, сколько могъ, добросовѣстно, — онъ старался дать понятіе о характерѣ страны, объ исторіи и „достопримѣчательностяхъ“ встрѣченнаго города, о „нравахъ“, насколько умѣлъ ихъ наблюдать; все это могло быть не совсѣмъ полно, не очень глубоко, но писатель хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, быть обстоятельнымъ. Путешественникъ новѣйшаго типа настроенъ совершенно иначе: всего меньше заботить его эта обстоятельность; онъ не желаетъ утруждать себя историческими и этнографическими справками; достаточно двухъ-трехъ кое-гдѣ надерганныхъ свѣденій; онъ выше этихъ скучныхъ мелочей и, главное, стремится быть занимательнымъ повѣствователемъ—для кафе-шантанной публики.

Г. Филипповъ какъ будто впередъ желаетъ устранить отъ своей книги всякія строгія требованія, назвавши ее „путевыми эскизами и силуэтами“. „Эскизъ“ и „силуэтъ“—кто же будетъ относиться строго къ подобнымъ произведеніямъ искусства? Справедливо,—но эскизъ есть въ искусствѣ, такъ сказать, черновая работа, и обыкновенно художникъ держитъ эскизы у себя въ портфель и выставляетъ уже оконченныя картины. Если эскизъ книжный простирается, какъ у г. Филиппова, на 750 страницъ, то у читателя можетъ, наконецъ, явиться оскомина: онъ ждетъ, чтобы авторъ не только болталъ и остроумничалъ, но когда-нибудь сказалъ и серьезное слово. Но г. Филипповъ, кажется, рѣшилъ не слушать этихъ скучныхъ притязаній читателя.

Вводная глава заключаетъ путь „отъ Москвы до Нижняго-Новгорода“; но читатель ровно ничего не узнаетъ о томъ, что находится на пространствѣ отъ Москвы до Нижняго-Новгорода; онъ узнаетъ только, какой плохой извозчикъ везъ автора до вокзала нижегородской дороги въ Москвѣ, потомъ, съ какими купцами автору пришлось сидѣть въ вагонѣ, и какой былъ глупый кондукторъ, который, ѣдучи изъ Москвы, не зналъ, наведенъ ли мостъ черезъ Оку въ Нижнемъ, что желалось знать автору. Книжка начинается слѣдующимъ образомъ:

„— Да погоняй же! Вѣдь такъ опоздаемъ!

„— Доедемъ, не сумѣвайтесь...

„Взъерошенная пѣгая лошаденка, уныло понутивъ голову, мелкой прысцой труситъ по избитой московской мостовой. А дождь все моро-

снѣть, не переставая, и, кажется, скоро всѣ мои вещи и меня самого можно будетъ выжимать на подобіе мокраго бѣлья,—по неволѣ станешь „сумлѣваться“.

„Наконецъ, миновали заставу. Городъ остался далеко позади и грязныя постройки Рогожскаго предмѣстья неясно вырисовывались въ туманѣ дождливаго ненастнаго дня, сливаясь въ одну общую сѣро-желто-бурую массу“.

Затѣмъ столь же интересное описаніе давки на вокзалѣ, потомъ:

„Третій звонокъ... Оберъ-кондукторъ торопливо пробѣжалъ вдоль линіи вагоновъ, давая на ходу свистокъ. Ему въ отвѣтъ рѣзко прохрипѣлъ свистъ локомотива... Платформа опустѣла“. — Очень ново и любопытно. Затѣмъ нѣсколько словъ о вагонной публикѣ, объ упомянутомъ кондукторѣ, наконецъ: ...„дверь съ трескомъ открывается, показывается кондукторъ. — Приготовьте билеты! Билеты, господа... Нижний!“

Все это, какъ видимъ, авторъ спокойно могъ бы сохранить у себя въ портфель. Читатель уже сдѣлалъ часть пути и встрѣтилъ пока у г. Филиппова одну, ни на что не нужную, болтовню. Въ дальнѣйшихъ разсказахъ все такіе же „эскизы и силуэты“; авторъ соперничаетъ съ г. Лейкинымъ (до г. Немировича-Данченко ему очень далеко) въ описаніи встрѣчныхъ мужичковъ, купцовъ, барынь, франтовъ, очень ядовито надъ ними подшучиваетъ, и наполняетъ этимъ хламомъ половину книги. Важное и неважное одинаково быстро мелькаютъ передъ авторомъ, въ описаніи преобладаетъ разговорная форма, т.-е., что можно сказать на двухъ строкахъ, говорится на двадцати; рассказы купцовъ или мужичковъ передаются съ свойственными имъ „идіотизмами“ языка,—намъ все кажется, не подслушанными на мѣстѣ, а изученными у того же г. Лейкина.

Вторая глава о Нижнемъ-Новгородѣ начинается замѣчаніемъ, что „Нижній—кладъ для туриста“; но нашъ авторъ мало воспользовался кладомъ. „Прошлое города“ изображено на нѣсколькихъ страницахъ отрывочными выписками изъ книжки г. Гадискаго: объ основаніи города княземъ Юріемъ Всеволодовичемъ, о мордовскихъ легендахъ по этому поводу, и т. п.; упомянуты затѣмъ Козьма Мининъ, перенесеніе ярмарки изъ Макарьева въ Нижній, основаніе слободы Кунавина. „Вотъ и вся исторія Нижняго“, исторія столь скудная, что о ней не стоило бы и тревожиться. — Въ слѣдующей главѣ рѣчь о ярмаркѣ; свѣденія объ ея оборотахъ кончаются у г. Филиппова 1875 годомъ, и онъ „къ сожалѣнію не могъ добыть такихъ же свѣдѣній за послѣдующіе годы“.

И такимъ образомъ на всю книгу—отрывочныя свѣденія, мелькающія имена мѣстностей, безчисленные, но въ большинствѣ очень

мало интересныя „картинки нравовъ“, съ ломанымъ „народнымъ“ языкомъ, и т. п.

А между тѣмъ какой любопытной книгой могло бы быть путешествіе по этому краю—цѣлой громадной странѣ восточной Россіи, еслибы положено было на это хоть нѣсколько внимательнаго изученія, и велся бы разсказъ просто, безъ притязаній и потугъ фельетоннаго остроумія.—А. В.

— *Вниманія политика императора Николая I.* Введеніе въ исторію вѣнскихъ сношеній Россіи въ эпоху севастопольской войны. С. С. Татищева. Спб., 1887.

Трудъ г. Татищева представляетъ собою критическій обзоръ дѣятельности русской дипломатіи отъ временъ „священнаго союза“ до начала пятидесятыхъ годовъ, съ точки зрѣнія нынѣшнихъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Авторъ слѣдуетъ весьма удобной системѣ, усвоенной впервые „патріотами“ названной газеты; онъ разсматриваетъ русскую дипломатію какъ нѣчто отдѣльное и независимое отъ русскаго правительства, и, восхваляя послѣднее, смѣло критикуетъ политику, руководимую будто бы посторонними для Россіи людьми. По изложенію г. Татищева выходитъ, что наши дипломаты, при имп. Николаѣ I, не только не выражали истинныхъ намѣреній и цѣлей русскаго правительства, но даже противодѣйствовали имъ въ угоду Австріи или Англіи, какъ будто графъ Нессельроде самъ назначилъ себя министромъ иностранныхъ дѣлъ и не имѣлъ надъ собою никакой власти, а баронъ Брунновъ насильно присвоилъ себѣ званіе русскаго представителя въ Лондонѣ. Всѣ ошибки и роковыя заблужденія политики того времени объясняются для автора очень просто: виноваты были инновѣрцы и иностранцы, дѣйствовавшіе отъ имени Россіи и увлекавшіе ее на невѣрный путь. Придерживаясь этой несложной точки зрѣнія, авторъ долженъ былъ бы зачислить въ инородцы такихъ несомнѣнно русскихъ людей, какъ „поворный слуга Меттерниха, Татищевъ“ (стр. 141), посланникъ въ Константинополь, Бутеневъ и др.; и наоборотъ, чисторусскими дѣятелями оказываются дѣйствительные иностранцы, графы Каподистрія и Поццо-ди-Борго. Независимо отъ такой неудачной основной идеи, объемистая книга г. Татищева, по своему фактическому содержанію, заслуживаетъ серьезнаго вниманія русскихъ читателей, потому что авторъ мимоходомъ даетъ богатый матеріалъ для правильной оцѣнки прошлыхъ политическихъ ошибокъ, для пониманія ихъ причинъ и условій; и каждый можетъ изъ этого матеріала дѣлать свои собственные выводы, не стѣсняясь авторскимъ освѣщеніемъ, явно одностороннимъ и поверхностнымъ. Сверхъ печатныхъ источниковъ и обширной литературы предмета, авторъ пользовался

еще рукописнымъ „Обзоромъ политики русскаго кабинета“ въ царствованіе императора Николая, составленнымъ въ 1839 году барономъ Брунновымъ для тогдашняго наследника престола, цесаревича Александра Николаевича.

Г. Татищевъ справедливо замѣчаетъ въ предисловіи, что, „для успѣшнаго состязанія съ иностранной дипломатіей, нашимъ представителямъ необходимо усвоить себѣ такія же познанія, при одинаковой степени трудолюбія и серьезнаго отношенія къ своему дѣлу“. Очевидно, „нельзя допустить, чтобы драгоцѣннѣйшіе государственные интересы Россіи ввѣрялись людямъ, недостаточно образованнымъ, несвѣдущимъ по своей спеціальности и, слѣдовательно, поставленнымъ, по отношенію къ чужеземцамъ, съ которыми имъ пришлось бы имѣть дѣло, въ положеніе неловкое, затруднительное и унижительное. Это было бы равносильно отправленію арміи, вооруженной дрекольями, въ походъ противъ непріятеля, снабженнаго по части оружія всѣми усовершенствованіями науки и техники“. Но, кромѣ спеціальной подготовки, нужно еще нѣчто другое, болѣе существенное; нужно точное знаніе политическихъ цѣлей, которыхъ требуется достигнуть для пользы и блага страны; а для этого необходимо широкое пониманіе дѣйствительныхъ интересовъ и потребностей государства и народа. Такое пониманіе не дается дипломатическою рутинною или строго-канцелярскимъ способомъ обсужденія текущихъ вопросовъ; отсюда является возможность коренныхъ недоразумѣній, противъ которыхъ не помогутъ самыя лучшія качества и орудія дипломатіи. Вмѣсто реальныхъ интересовъ, мы видѣли призраки, которымъ все приносилось въ жертву; силы и средства государства щедро отдавались въ распоряженіе чужихъ державъ, умѣвшихъ пользоваться нашею наклонностію къ фантазированію. Удивительнѣе всего то, что готовность расточать кровь народную для пользы иностранныхъ кабинетовъ считалась доказательствомъ возвышенныхъ свойствъ внѣшней политики. Пренебреженіе къ нуждамъ и бѣдствіямъ собственной страны составляло главную основу политической программы, господствовавшей въ международныхъ отношеніяхъ Россіи до крымской войны. Эта особенность русской политики коренилась, по взгляду г. Татищева, въ обстоятельствахъ чисто-личныхъ и случайныхъ—въ довѣрчивости и великодушіи нашихъ государственныхъ дѣятелей, въ своекорыстіи и лукавствѣ иноземныхъ правительствъ. Авторъ упускаетъ изъ виду, что отвлеченныя воззрѣнія, предписанныя въ руководство нашимъ дипломатамъ, имѣли очень мало общаго съ потребностями и условіями русской дѣйствительности. У насъ не было общественнаго мнѣнія, или оно было слишкомъ безсильно, чтобы способствовать правильному пониманію политическихъ задачъ Россіи.

Г. Татищевъ, конечно, не одобряетъ владычества Меттерниха въ нашей внѣшней политикѣ; но австрійскій министръ успѣлъ приобрести „безграничное довѣріе“ императора Александра I и направлялъ его дѣйствія къ выгодамъ Австріи. Князь Меттернихъ возвысилъ значеніе своего „послушнаго и преданнаго ученика и послѣдователя, маленькаго Нессельроде“ (стр. 12), бывшаго съ тѣхъ поръ русскимъ министромъ въ теченіе почти сорока лѣтъ. Слѣдуя австрійскимъ внушеніямъ, Россія высказалась рѣшительно противъ стремленія грековъ освободиться отъ „законной“ турецкой власти. Чтобы помочь австрійцамъ подавить итальянцевъ, императоръ Николай, „снисходя на просьбу Меттерниха, приказалъ отпустить заимообразно австрійскому правительству шесть милл. рублей изъ нашего государственнаго казначейства“ (стр. 43). Россія энергически противоудѣствовала національному движенію въ Германіи и даже грозила Пруссіи военнымъ вмѣшательствомъ, въ союзѣ съ Австріею; за это „гнѣвъ германскихъ патріотовъ преимущественно обрушился на Россію“. Никакихъ самостоятельныхъ русскихъ интересовъ не признавалось въ ту эпоху. „Не разъ, со своего воцаренія,—говоритъ г. Татищевъ,—ставилъ онъ (императоръ Николай) всѣ свои силы въ распоряженіе Австріи и Пруссіи, а въ 1849 году доказалъ, что предложенія его не были пустою фразою, рассчитанною на эффектъ. И не однихъ, такъ сказать, ближайшихъ союзниковъ своихъ готовъ онъ былъ защищать русскою кровью. Совокупность поземельнаго status quo Европы, установленнаго договорами, имѣла, по его убѣжденію, право на его покровительство. Онъ одинаково былъ расположенъ послать русскія войска на помощь Голландіи, противъ возставшей Бельгіи въ 1830 году, и этой же самой Бельгіи, узаконенной обще-европейскимъ признаніемъ, противъ завоевательныхъ замысловъ Франціи въ 1852 году“ (стр. 125). Мы облегчили англичанамъ сблизиться съ Франціею, „лично оскорбивъ императора французовъ оговорками, сопровождавшими его признаніе, и отказомъ въ дарованіи ему обычнаго привѣтственнаго титула“ (стр. 128). Г. Татищевъ довольно рѣзко осуждаетъ „дипломатическаго Молчалина, сорокъ лѣтъ управлявшаго внѣшними сношеніями Россіи“ (стр. 192, примѣч.); но дѣло не въ личности министра, а въ тѣхъ принципахъ, которые были для него обязательны. По мнѣнію автора, императору Николаю недоставало „дипломатовъ, русскихъ умомъ и душой“; особенно неудачны были представители на востокѣ, отличавшіеся „корыстолюбіемъ и продажностью“. Графъ Киселевъ жаловался, что „мы имѣли талантъ населить весь край (дунайскія княжества) греками изъ Перы и ими раздражить всѣхъ противъ нашего правительства; теперь одного плута отозвали и замѣнили другимъ... т.-е. промѣняли кукушку на астреба“ (стр. 221). Говоря о неспра-

ведливыхъ дѣйствіяхъ нашихъ относительно Греціи, авторъ объясняетъ ихъ тѣмъ обстоятельствомъ, что „судьбы единовѣрнаго намъ народа призваны были рѣшать, въ качествѣ представителей Россіи, три иновѣрца: уполномоченные наши на лондонской конференціи, лютеранинъ Ливенъ и католикъ Матушевичъ, и самъ вице-канцлеръ-графъ Нессельроде, принадлежавшій, какъ извѣстно, къ англиканскому исповѣданію“ (стр. 274). Авторъ забываетъ, что противъ освобожденія грековъ возставалъ и императоръ Александръ, который даже разошелся съ своимъ министромъ, графомъ Каподистрією, подъ вліяніемъ австрійскаго канцлера. Въ защиту грековъ выступила Англія; она же впослѣдствіи добилаcь расширенія границъ новаго королевства, послѣ добровольнаго отреченія нашего отъ результатовъ, добытыхъ русскими побѣдами по ту сторону Балканъ“ (стр. 273). Результатъ былъ обычный: „та самая Греція, которая должна была дополнить собою систему политическаго преобладанія нашего на востокъ, оказалась державой не только намъ не дружественною, но и прямо враждебною“, такъ что „первый опытъ учрежденія независимаго христіанскаго государства на Балканскомъ полуостровѣ обратился въ явный намъ ущербъ“. Дунайскія княжества, которыя сама Порта предлагала присоединить къ русскимъ владѣніямъ, были очищены нами по просьбѣ Меттерниха, и „такимъ образомъ существенный русскій интересъ, самымъ императоромъ Николаемъ признанный за таковой, былъ принесенъ въ жертву соображеніямъ общей политики“. Подводя „итоги нашей дипломатической дѣятельности въ единовѣрныхъ намъ христіанскихъ княжествахъ Балканскаго полуострова въ первое десятилѣтіе по заключеніи адрианопольскаго трактата“, авторъ признаетъ ихъ крайне неудовлетворительными. „Несмотря на впечатлѣніе, произведенное нашими побѣдами, на обширныя права, предоставленныя намъ мирнымъ договоромъ, русское вліяніе отнюдь не усилилось ни въ дунайскихъ княжествахъ, ни въ Сербіи, и если оно не упало тамъ окончательно, какъ въ Греціи, то благодаря исключительно той, чисто внѣшней, зависимости, въ которую области эти были поставлены трактатами относительно русскаго двора. Не было сдѣлано ни малѣйшей попытки связать ихъ интересы нравственные и матеріальныя съ нашими, развить и упрочить тѣ зачатки общенія, которые заключались въ единствѣ вѣры, отчасти въ племенномъ родствѣ, наконецъ въ историческихъ преданіяхъ“ (стр. 334). Но почти то же самое приходится повторять теперь относительно Болгаріи, ибо одинаковыя причины порождаютъ одинаковыя послѣдствія. Во время борьбы между Египтомъ и Турцією, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, русскія войска защищали султана, и если мы ничего этимъ не достигли, то только вслѣдствіе, будто бы, „ошибокъ, со

вершинныхъ вялою и безцѣтною нашей дипломатіею“, а также по „отсутствію единства и согласія между тремя нашими мѣстными представителями—дипломатическимъ, военнымъ и морскимъ“ (стр. 374 и 381). Австро-русское соглашеніе 1833 года вытекало изъ мотивовъ, которые, по отзыву автора, „не выдерживаютъ и самой снисходительной критики“. Наше политическое положеніе, столь могущественное съ виду, не имѣло подъ собою надежной почвы. „Матеріальныхъ интересовъ у насъ какъ бы вовсе не существовало на востокѣ... Но, за неимѣніемъ собственныхъ матеріальныхъ интересовъ, у насъ несомнѣнно были на востокѣ интересы нравственные, вѣковые, историческіе...; для поддержанія и развитія этихъ нравственныхъ интересовъ нашею дипломатіею не было сдѣлано ровно ничего... Съ господами валашскимъ и молдавскимъ, съ сербскимъ княземъ Милошемъ Обреновичемъ, мы находились въ отношеніяхъ самыхъ натанутыхъ и чуть ли не враждебныхъ. О Греціи и говорить нечего“ (стр. 415). Авторъ во всемъ винить отдѣльныхъ нашихъ дипломатовъ, хотя въ одномъ мѣстѣ онъ самъ же замѣчаетъ, что „обвиненіе въ негодности орудія—пріемъ, свойственный людямъ, не умѣющимъ съ нимъ обращаться“ (стр. 305).

Г. Татищевъ утверждаетъ, что ходъ нашей восточной политики не согласовался будто бы „съ личными воззрѣніями императора Николая, съ высочайшею волею его“, такъ какъ „о дѣйствительномъ направленіи нашей дипломатіи на востокѣ онъ знать не могъ“ (стр. 419). По этой будто бы причинѣ „восточная политика Россіи потекла не по тому руслу, которое мы сами признали соответствующимъ нашимъ нуждамъ, пользамъ и достоинству, а по другому, прорытому руками нашихъ недруговъ, явныхъ и тайныхъ, нашихъ вѣковыхъ соперниковъ“ (стр. 457). Крупнѣйшіе промахи совершаются будто бы случайно, помимо нашей воли, по внушеніямъ того или другого противника; такъ, въ угоду Пальмерстону, „мы собственными руками раздѣляемъ дѣло, совершенное цѣлымъ рядомъ русскихъ поколѣній“, обезсиливаетъ себя и, отказываясь отъ правъ своихъ, теряемъ наше нравственное обаяніе, плодъ вѣковыхъ усилій и блестящихъ побѣдъ военныхъ и дипломатическихъ“ (стр. 517).

Почему все это случалось только съ нами и чѣмъ объяснить нашу несостоятельность во внѣшней политикѣ, сравнительно съ Австріею или Англіею,—объ этомъ г. Татищевъ даже не ставитъ себѣ вопроса. Онъ упоминаетъ, правда, о превосходствѣ британской политики, „ясной и опредѣленной въ своихъ цѣляхъ, смѣлой и рѣшительной въ средствахъ“ (стр. 557), но онъ не входитъ въ разборъ причинъ, почему эти преимущества оказались для насъ какъ бы недоступными. Въ сороковыхъ годахъ русское правительство заявляло твердую рѣ-

шимость „не поощрять стремленій христіанскаго населенія Турціи освободиться изъ-подъ ея власти“; въ случаѣ надобности, мы вызывались даже „честно поддержать Порту въ усиліяхъ ея къ усмирению ея мятежныхъ подданныхъ“ (стр. 566), и это послѣ ряда войнъ на защиту христіанскихъ народностей, подвластныхъ туркамъ! Даже г. Татищевъ не находитъ оправданія подобной политикѣ, противной, какъ онъ говоритъ, „истинѣ и здравому смыслу“. Опять-таки виновата тутъ наша „наносная, въ полномъ смыслѣ слова вѣзземельная, дипломатія“, которая, несмотря на все свое усердіе, должна была ступеваться передъ сознательною энергіею Пальмерстона и сэра Стратфорда-Каннинга. При этомъ „собственное наше дипломатическое положеніе на Босфорѣ было, просто-на-просто, сведено къ нулю“ (стр. 626). Изъ нашихъ постоянныхъ ошибокъ и изъ послѣдовавшей затѣмъ крымской кампаніи авторъ извлекаетъ какой-то „вѣчный, непреложный законъ исторіи“, котораго онъ, однако, не формулируетъ.

Книга г. Татищева, какъ значится на заглавномъ листѣ ея, „рекомендована министерствомъ народнаго просвѣщенія для фундаментальныхъ и ученическихъ (старшаго возраста) библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ“. Этимъ какъ будто признается польза ознакомленія учащихся съ нашей вѣшною политикою и съ критическою ея оцѣнкою, какъ непрерывнаго ряда ошибокъ, хотя истинное пониманіе международныхъ вопросовъ доступно лишь болѣе зрѣлому возрасту, который одинъ можетъ и въ самомъ трудѣ автора отличить, что въ немъ заслуживаетъ вниманія, какъ въ сборникѣ фактовъ и документовъ, и что должно быть отвергнуто, какъ напускное и поддѣльное.—Л. С.

ЗАМѢТКА.

УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ ИТАЛІИ.

— *Cogliolo, Malinconie universitarie. Firenze, 1887.*

Къ вопросамъ, давно стоящимъ на очереди и во вниманіи правительства, и въ сужденіяхъ прессы, и въ ожиданіяхъ общества, принадлежитъ въ Италіи и университетскій. Книжка проф. Кольоло даетъ полное понятіе о его нынѣшнемъ положеніи, освѣщая его возможно объективно, не скрывая и точки зрѣнія автора, какъ заинтересованнаго лица. Но этотъ интересъ не эгоистическій; Кольоло

глубоко проникнуть важностью самого дѣла, любовью къ идеѣ университета, взлелѣянной когда-то въ Италіи, развившейся у нѣмцевъ, такъ что итальянцамъ приходится теперь перенимать изъ Германіи свое же достоинствѣ, съ которымъ они не умѣли справиться. Кольоло— поклонникъ нѣмецкихъ университетскихъ порядковъ; глава, посвященная воспоминаніямъ о гейдельбергскомъ юбилеѣ, написана съ неподдѣльной симпатіей; но въ этой симпатіи есть мѣра. Разбирая вопросъ о стилѣ и содержаніи университетскихъ лекцій, онъ открыто высказывается противъ французскаго метода чтенія (нынѣ, впрочемъ, рѣже практикуемаго, чѣмъ прежде), построеннаго на фразѣхъ и риторическихъ оборотахъ, трескучаго, но мало содержательнаго и слишкомъ общаго; но и спеціальныя курсы нѣмецкихъ профессоровъ, которымъ нынѣ подражаютъ молодые итальянскіе преподаватели, кажутся ему столь же непригодными для цѣлей университетской практики, какъ и первые; между тѣми и другими нѣтъ выбора, но настанетъ необходимость примиренія съ чѣмъ-то среднимъ.

Что особенно прельщаетъ Кольоло въ Германіи—это свѣжесть и цѣльность университетскаго быта (*vita universitaria*), близкое общеніе профессоровъ съ студентами въ работахъ и бесѣдахъ запросто, основанное на взаимномъ признаніи, на уваженіи къ наукѣ и ея представителямъ, на общей любви къ *alma mater*, память о которой всякій нѣмецкій студентъ хранить до гроба, тогда какъ итальянскій—спѣшитъ забыть о ней за стѣнами аудиторіи. Въ этой картинѣ не послѣднюю роль играетъ, по мнѣнію Кольоло, и декоративный элементъ, котораго итальянцы начинаютъ стыдиться, какъ чего-то дѣтскаго въ тѣхъ немногихъ его проявленіяхъ, которыя еще пощадило время, ибо и торжественное празднованіе университетской годовщины, и церемонія поставленія новаго доктора, и кое-гдѣ сохранившіяся профессорскія тоги—все это было когда-то и въ Италіи обставлено тѣмъ живописнымъ рисункомъ, который, не обращаясь къ уму, питаетъ воображеніе и чувства, создавая любовь—къ знамени. Всего этого не создать, если оно уже не дано жизнью, но можно поддержать, что еще есть на памяти и несомнѣнно было въ исторіи. Старые порядки итальянскихъ средневѣковыхъ университетовъ во многомъ напоминаютъ нынѣшнія нѣмецкіе, и мелкіе университеты гдѣ-нибудь въ Камерино или Мачератѣ архаистичнѣе, напр., неаполитанскаго.

Матеріаль, стало быть, есть; есть и отличныя рабочія силы; число студентовъ въ Италіи достигло въ прошломъ году почтенной цифры 14.633; но нѣтъ того, что дѣлаетъ университетъ живымъ институтомъ: нѣтъ любви къ нему ни въ профессорахъ, ни въ студентахъ. Послѣдніе только вторятъ первымъ, но и эти первые несутъ не свою вину. Кольоло повторяетъ отзывъ Савиньи изъ 1825-26-хъ годовъ, остаю-

пійся въ силѣ и донинѣ, что необезпеченность итальянскихъ профессоровъ, ограниченныхъ скуднымъ жалованьемъ, по-неволѣ отвлекаетъ ихъ, при всей любви къ наукѣ, отъ исключительнаго занятія ею. Приходится кормить семью, заботиться о ея будущемъ, и вотъ для медиковъ и юристовъ кафедра становится чѣмъ-то побочнымъ, занимающимъ въ ихъ интересахъ не главное, а второстепенное мѣсто, ибо на первомъ становится адвокатская и медицинская практика. Философы, классики, ботаники поставлены въ этомъ отношеніи хуже, ибо на нихъ въ обществѣ нѣтъ спроса; одинъ бывший коллега Кольоло соединялъ съ профессурой должность взимателя коммунальныхъ податей, другой — торговлю на ярмаркахъ лошадьми, третій занимался продажей старыхъ почтовыхъ марокъ; обезпечивъ профессоровъ хорошимъ жалованьемъ, предоставивъ людямъ науки ей одной, безъ необходимости искать заработка внѣ ея, правительство въ правѣ потребовать отъ нихъ того, чего они дать теперь не могутъ или дадутъ, зарабатываясь черезъ силу и во вредъ здоровью. Эти требованія, — отдѣлать и въ профессорской средѣ овецъ отъ козлищъ, — люди, въ самомъ дѣлѣ преданные наукѣ, ограничатъ дѣятельностью въ университетѣ всѣ свои симпатіи, а встрѣчная симпатія слушателей не замедлитъ явиться. Для этого необходимы прежде всего средства: *was die Wissenschaft vom Staate fordert, ist Geld*, повторяетъ Кольоло слова министра Нокка, сказанныя имъ недавно на 50-лѣтнемъ юбилей Гейдельберга. Но надо также, по ихъ мнѣнію, чтобы и слушатели лично оплачивали преподавателей; это создало бы между ними отношенія, какія обычны теперь въ Германіи, а въ былое время существовали и въ средневѣковой Италіи. Любишь особенно то, за что самъ сознательно платишь, — говоритъ Кольоло, ибо студентъ будетъ самостоятельно выбирать изъ двухъ-трехъ преподавателей одного предмета того, свѣденія котораго свѣжѣе и полнѣе въ избранной имъ наукѣ, и предпочтетъ талантъ посредственности. Выборъ опредѣлится не столько знаніемъ выбирающаго, сколько молвой, репутаціей выбираемаго; ошибки тутъ возможны, но поправимы отъ семестра къ семестру, тогда какъ подсказанный свыше выборъ часто приводитъ къ скандалу, въ родѣ недавно бывшаго, по разсказу Кольоло, въ Неаполѣ, гдѣ нѣкоторые правительственные, „уравненные“ (*pareggiati*) профессора изобрѣли средство заполучать побольше студенческихъ подписей, что и дало какой-то газетѣ поводъ посмѣяться надъ этой „уравненной кражей“, *furto pareggiato*.

Мы не останавливаемся на многихъ вопросахъ, касающихся университета и поднятыхъ Кольоло съ знаніемъ дѣла и рѣдкой объективностью: о гарантіяхъ выбора въ профессора людей, дѣйствительно стоящихъ этого званія; объ испытаніяхъ студентовъ, которыхъ онъ

желалъ бы свести къ одному, окончательному и предметному, отбываемому по окончаніи курса. Одинъ вопросъ мы не обойдемъ безъ вниманія, тѣмъ болѣе, что авторъ касается его въ началѣ книги: вопросъ о необходимости отмѣнить систему одинаковаго вознагражденія для всѣхъ профессоровъ вообще, ибо если одинъ ремесленникъ оплачивается больше другого, потому что лучше его работаетъ, то почему бы не сдѣлать такой же естественной разницы и между представителями науки, не становя подъ одну мѣрку людей талантливыхъ, если не гениальныхъ, съ рядовыми? И въ этомъ взглядѣ авторъ опирается на примѣръ Германіи. Приложима ли эта мѣрка въ другихъ странахъ—вотъ вопросъ, надъ которымъ можно задуматься. Кто будетъ судьей выдающейся талантливости? Общественное мнѣніе, репутація тутъ ни-при-чемъ; оба эти критерія могутъ быть обманчивы; мнѣнія товарищей, представителей науки,—слишкомъ часто субъективны и односторонни, и чувство товарищества можетъ одолѣть истину, а министерство, если даже представить его себѣ верховнымъ ученымъ ареопагомъ, находится въ томъ же положеніи. Приходится предоставить пока одной Германіи право предпочтенія, требующее, какъ посылку, сильно развитыхъ въ обществѣ научныхъ интересовъ, ибо не всѣмъ дозволено, что дозволено Юпитеру.

Проектъ университетской реформы въ Италіи давно выработанъ и поданъ въ сенатъ, на разсмотрѣніе котораго онъ поступитъ въ скоромъ времени. Кольоло разбираетъ, въ одобрительномъ и отрицательномъ смыслѣ, положенія новаго проектируемаго устава, создать который подобало бы, по его мнѣнію, общему сѣзду профессоровъ, какъ естественныхъ знатоковъ университетской жизни и ея требованій и надеждъ. Спросъ по факультетамъ, учиненный министерствомъ Бонги, оказался бесполезнымъ, по его собственному признанію: въ факультетѣ человекъ болѣе или менѣе связанъ, и его рѣшенія односторонни; въ обще-итальянскомъ университетскомъ сѣздѣ онъ почувствуетъ себя болѣе свободнымъ, особнякомъ, обязаннымъ сказать свое, не чужое, слово подъ бдительнымъ надзоромъ общественнаго мнѣнія и неумолимой прессы. Съ мнѣніями, такимъ образомъ высказанными, министерство обязано будетъ считаться. Это не то, что назначенныя сверху комиссіи, передъ которыми Кольоло ощущаетъ и трепеть, и приливы неподдѣльнаго юмора. Комиссіи въ Италіи, должно быть, одолѣли; ихъ созидаютъ по всякому поводу и мелочному вопросу, комиссіи постоянныя и временныя, осѣдлыя и странствующія, такъ что, предлагая пріятелю завтракъ въ ресторанѣ, опасаются услышать зловѣщія слова:—Не могу, я состою въ такой-то комиссіи.—Недостаетъ пока одной: комиссіи для выработки устава комиссій!

Такъ или иначе, законъ о новой, болѣе широкой и удовлетвори-тельной, организаціи университетовъ уже находится на очереди, и намъ остается пожелать его скорѣйшаго обнародыванія. То, что мы о немъ знаемъ, дѣйствительно поспособствуетъ къ развитію не только университетской науки, но и быта; онъ сохранить, вѣроятно, и мелкіе итальянскіе университеты, которые иные считаютъ полезнымъ сократить въ пользу болѣе многочисленныхъ университетскихъ центровъ. Кольоло защищаетъ право первыхъ на равное, дѣятельное существованіе; нѣкоторая неравномѣрность въ распредѣленіи числа слушателей между 21-мъ итальянскимъ университетомъ легко можетъ быть устранена основаніемъ въ захолустныхъ университетахъ стипендій, которыя отвлекутъ отъ другихъ излишекъ студентовъ. Сами по себѣ, провинціальныя университеты полезнѣе столичныхъ въ извѣстномъ отношеніи и мѣрѣ: они болѣе сосредоточиваютъ юношу на первыхъ двухъ курсахъ, предлагая менѣе развлеченій и болѣе научнаго сближенія съ товарищами и профессорами; кончающимъ Кольоло совѣтуетъ, согласно съ нѣмецкимъ *usus'омъ*, посѣщеніе какого-нибудь первокласснаго университета, гдѣ къ вліянію извѣстныхъ преподавателей присоединится и выгода болѣе разнообразнаго товарищества и большая широта общественныхъ интересовъ, слагающихся въ ученое и въ чело-вѣкъ. — Но есть и еще одна причина, которая именно въ Италіи поддержитъ существованіе многихъ университетовъ, въ родѣ „свободнаго“ въ Камерано, въ Мачератѣ (съ 109 студентами противъ 3,894 въ Неаполѣ), Феррарѣ и др.: это—сочувствіе городовъ, ибо въ Италіи города и университеты связаны вѣковыми воспоминаніями, и если въ былое время послѣдніе были для первыхъ статьей дохода и почетомъ вмѣстѣ, теперь почетъ поддерживается преданіемъ, которое обязываетъ къ подражанію. Модена, Парма и Сіена жертвуютъ до 100.000 франковъ въ годъ на свои университеты, добываясь лишь признанія ихъ, со стороны парламента, первоклассными; Генуя, Мессина и Катанія принесли въ прошломъ году громадныя жертвы тому же дѣлу; Флоренція дала на стипендіи 200 тысячъ франковъ, Павія—42 т., Сассара—70 т.; недавно Неаполь вотировалъ своему университету 100 тыс., Туринъ—50 т. ежегодно, не считая 1½ милліона, назначеннаго городомъ на постройку новыхъ лабораторій. Едва ли подобное сочувствіе найдется гдѣ-либо, кромѣ развѣ Германіи; едва ли гдѣ-либо есть такая же готовность жертвовать на университетское дѣло. Въ Италіи это вопросъ забытый, но обновляющійся исторической традиціей.

А. В—скій.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-го іюня 1887.

Старый, но все еще нерѣшенный вопросъ о высшемъ женскомъ образованіи.—Отчетъ комитета общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ въ Петербургѣ.—Судьба женскихъ врачебныхъ курсовъ.—„Двойная бухгалтерія“, принимаемая къ суду.—Новыя нападки на судъ присяжныхъ.—Еще перлъ же-консервативной критики.

Ровно годъ тому назадъ мы говорили на этомъ мѣстѣ о прекращеніи приѣма на высшіе женскіе курсы, въ виду возбужденія министерствомъ народнаго просвѣщенія общаго вопроса о высшемъ женскомъ образованіи. Намъ казалось уже тогда, что первое не вытекало съ необходимостью изъ послѣдняго, что дѣятельность курсовъ могла продолжаться и во время обсужденія ихъ дальнѣйшей судьбы, подобно тому, какъ дѣятельность университетовъ не останавливалась ни на минуту во время продолжительной подготовки новаго университетскаго устава. Еще яснѣе всѣ послѣдствія ничѣмъ, повидимому, не вызваннаго перерыва обнаруживаются теперь, когда существованіе высшихъ женскихъ курсовъ по прежнему виситъ на воздухѣ, а сфера ихъ дѣйствія уменьшается все больше и больше. Съ будущаго учебнаго года на петербургскихъ (бестужевскихъ) курсахъ останутся только двѣ группы слушательницъ, вмѣсто прежнихъ четырехъ; средства курсовъ, составляющіяся преимущественно изъ взносовъ за ученіе, оскудѣютъ еще больше. Между тѣмъ многіе изъ обязательныхъ расходовъ не состоятъ въ прямомъ отношеніи къ числу слушательницъ; такова, на примѣръ, уплата процентовъ и погашенія по займамъ, заключеннымъ для постройки дома, въ которомъ теперь помѣщаются курсы. Они переживаютъ, такимъ образомъ, финансовый кризисъ, застигшій ихъ именно въ то время, когда они только-что стали на ноги и имѣли полное основаніе вѣрить въ свою прочность. Можно надѣяться, что они выдержатъ этотъ кризисъ, выдержатъ его съ помощью того же общественнаго сочувствія, которому они обязаны своимъ быстрымъ ростомъ; но для этого необходимо, чтобы неизвѣстность, до сихъ поръ тяготящая надъ ними, прекратилась какъ можно скорѣе. Слишкомъ тяжело было бы допустить мысль, что бестужевскимъ курсамъ, какъ и всѣмъ другимъ учрежденіямъ этого рода въ Москвѣ, Кіевѣ, Казани, суждено закрыться, хотя бы на время, хотя бы только для того, чтобы немедленно возродиться изъ пепла. Непрерывность развитія—чрезвычайно важное условіе для успѣшнаго хода дѣла. Всѣ данныя для разрѣшенія вопроса о высшемъ жен-

скомъ образованіи имѣются на-лицо, и ничто, повидимому, не оправдываетъ дальнѣйшей отсрочки. Нужно отдать справедливость комитету, завѣдывающему петербургскими курсами; онъ сдѣлалъ все зависящее отъ него, чтобы облегчить исполненіе задачи, возложенной на правительственную комиссію. Его докладная записка, представленная комиссіею еще осенью прошлаго года ¹⁾, заключаетъ въ себѣ цѣлый арсеналъ доводовъ для защиты курсовъ и для борьбы съ ихъ противниками. Нѣтъ ни одной стороны дѣла, которая осталась бы невнясною, ни одного обвиненія или упрека, которые остались бы неопровергнутыми. Всѣ характеристическія черты высшихъ женскихъ курсовъ выступаютъ на видъ одинаково рельефно и всѣ ведутъ къ одному заключенію, безусловно благопріятному для курсовъ.

Враги высшаго женскаго образованія любятъ выставить его созданиємъ моды, искусственно призваннымъ къ жизни и искусственно поддерживаемымъ. Факты и цифры, приводимыя въ докладной запискѣ комитета, доказываютъ еще разъ всю несостоятельность этого мнѣнія. Подъ вліяніемъ моды можно, пожалуй, посѣщать лекціи, ничего за нихъ не платя, относясь къ нимъ совершенно пассивно и бросая ихъ при первыхъ признакахъ утомленія или пресыщенія; но когда лекціи посѣщаются исправно, въ продолженіе четырехъ лѣтъ, когда столь же исправно сдаются репетиціи и экзамены, исполняются обязательныя работы, когда плата за ученіе вносится изъ собственныхъ средствъ слушательницъ, и когда все это дѣлается исключительно изъ любви къ знанію, а не въ ожиданіи какихъ-либо правъ и преимуществъ, то говорить о модѣ, о мимолетномъ увлеченіи, о панурговомъ стадѣ—или недобросовѣстно, или смѣшно. Весьма знаменательна, съ этой точки зрѣнія, параллель, проводимая комитетомъ между бестужевскими курсами и петербургскимъ университетомъ. Изъ числа студентовъ не внесли, въ 1885 г., платы за слушаніе лекцій около 45%, изъ числа слушательницъ—только 8%. При бестужевскихъ курсахъ нѣтъ ни стипендій, ни общества для пособія нуждающимся курсисткамъ; огромное большинство слушательницъ сами взносятъ плату за ученіе, сами добываютъ себѣ средства къ жизни. Безъ сомнѣнія, это ничего не доказываетъ противъ университета,—но это свидѣтельствуетъ о томъ, сколько энергіи нужно для слушательницъ высшихъ курсовъ, сколько жертвъ онѣ должны принести, чтобы достигнуть цѣли. Тѣмъ болѣе характеристично небольшое, сравнительно, число слушательницъ, оставляющихъ курсы до окончанія ученія. Если процентное отношеніе переходящихъ со второго курса на третій и съ третьяго на четвертый почти одно и то же

¹⁾ Она только-что вышла въ свѣтъ, вмѣстѣ съ отчетомъ комитета за 1885-86 г.

на бестужевскихъ курсахъ и въ университетѣ, то для переходящихъ съ перваго курса на второй оно гораздо выше на бестужевскихъ курсахъ; здѣсь оно достигаетъ 73%, между тѣмъ какъ въ университетѣ не превышаетъ 49%. Сравненіе съ университетомъ обнаруживаетъ еще одну любопытную черту: почти одинаковое распредѣленіе студентовъ и слушательницъ между сословіями. Въ университетѣ дворянъ было 59%, лицъ духовнаго званія 8%, лицъ остальныхъ сословій 33%; для женскихъ курсовъ соотвѣтствующія цифры (среднія за три года) были: 57%, 10% и 33%. Близость—поразительная, удостоверяющая несомнѣнно, что стремленіе къ высшему образованію распространяется между женщинами совершенно нормально, а не прививается искусственно къ тѣмъ сферамъ, въ которыхъ нѣтъ для него достаточныхъ данныхъ. Особенно невелико на курсахъ число крестьянокъ и солдатскихъ дочерей; оно не превышаетъ 2% общаго числа слушательницъ.

Мы имѣли уже случай замѣтить, что въ пользу серьезности занятій на бестужевскихъ курсахъ говоритъ весьма сильно распредѣленіе слушательницъ между обоими главными отдѣленіями курсовъ, т.-е. постоянное переполненіе болѣе труднаго—физико-математическаго отдѣленія, сравнительно съ болѣе легкимъ—словеснымъ. То же самое мы видимъ и въ отчетномъ году; на физико-математическомъ отдѣленіи слушательницъ было слишкомъ вдвое больше, чѣмъ на словесномъ (500 и 243), а къ первой цифрѣ слѣдуетъ прибавить еще 36 слушательницъ спеціально-математическаго отдѣленія. О результатахъ занятій даютъ понятіе слѣдующія данныя, заимствуемыя нами изъ докладной записки комитета. Общій средній баллъ, выведенный изъ экзаменныхъ списковъ 1884-85 г., равнялся, для слушательницъ словеснаго отдѣленія— $4\frac{1}{4}$, для слушательницъ физико-математическаго отдѣленія— $4\frac{2}{5}$, для слушательницъ спеціально-математическаго отдѣленія— $4\frac{4}{5}$; чѣмъ труднѣе курсъ, тѣмъ выше оказываются успѣхи. По богословію, обязательному для слушательницъ всѣхъ отдѣленій, средній баллъ былъ $4\frac{8}{10}$. Необходимо прибавить, что высота средняго балла растетъ по мѣрѣ приближенія къ концу курса. На словесномъ отдѣленіи высшую отмѣтку (пять) получили при переходѣ во второй курсъ 48% всѣхъ слушательницъ, при выпускномъ испытаніи—57 $\frac{1}{2}$ %; для физико-математическаго отдѣленія соотвѣтствующія цифры—48 и 63%. Энергія слушательницъ, такимъ образомъ, постоянно растетъ, а не ослабѣваетъ. Неудивительно, что лучшія изъ нихъ оказываются, по окончаніи курса, вполне способными къ ученой дѣятельности. Въ прошломъ году при бестужевскихъ курсахъ состояли, въ качествѣ профессорскихъ ассистентовъ, четыре бывшія слушательницы курсовъ: госпожи Сердобинская—по кафедрѣ физики, Шиффъ—по математикѣ, Давыдова—по химіи, Россійская—по зооло-

гин. Теперь къ нимъ присоединились еще пять: госпожи: Величко—по алгебрѣ и тригонометріи, Бѣлышева—по механикѣ и интегральному исчисленію, Соломко—по минералогіи, Щепкина—по русской исторіи, Веселовская—по латинскому языку. Работы двухъ бывшихъ слушательницъ: госпожъ Россійской—объ „исторіи развитія *Orchestia littorea*“, и Андрусовой—объ инфузоріяхъ керченской бухты, были доложены въ зоологическомъ отдѣленіи петербургскаго общества естествоиспытателей; статьи госпожи Щепкиной: „Популярная литература въ срединѣ XVIII-го вѣка“, напечатана въ „Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія“.

Главное назначеніе общеобразовательнаго учебнаго заведенія, какимъ являются высшіе женскіе курсы, состоитъ, впрочемъ, не въ томъ, чтобы готовить ученыхъ специалистовъ. Приведенные нами факты весьма характеристичны въ смыслъ свидѣтельства о высомъ уровнѣ, до котораго могутъ дойти знанія, приобретаемыя на женскихъ курсахъ; но измѣрять пользу, приносимую курсами, количествомъ ученыхъ трудовъ, исполненныхъ бывшими ихъ слушательницами, было бы большою ошибкой. Намъ кажется, что курсы, и съ этой точки зрѣнія, достигли, въ короткое время, весьма многого; но еслибы они и сдѣлали здѣсь гораздо меньше или не сдѣлали ровно ничего, еслибы ни одна изъ женщинъ, получившихъ высшее образованіе, не посвятила себя научной дѣятельности, это не могло бы служить аргументомъ противъ существованія курсовъ. Ихъ прямая задача—поднять общій уровень развитія, увеличить число силъ, участвующихъ въ общей образовательной работѣ, создать для нея новыя точки опоры въ той самой средѣ, откуда она слишкомъ часто встрѣчала противодѣйствіе,—пассивное, но тѣмъ болѣе упорное. Степень осуществленія этой задачи не подлежитъ точному взвѣшиванію или вычисленію; судить о ней можно будетъ только въ отдаленномъ будущемъ. Покамѣстъ достаточно доказать, что высшее образованіе женщинъ не отвлекаетъ ихъ отъ семейной жизни и помогаетъ имъ на тѣхъ дорогахъ, которыя издавна открыты для женскаго труда. Этому условію удовлетворяетъ докладная записка, составленная комитетомъ бестужевскихъ курсовъ. Комитету удалось собрать свѣденія о дальнѣйшей судьбѣ 218 изъ 400 бывшихъ слушательницъ курсовъ. Изъ нихъ 70 вышли замужъ, не считая тѣхъ, которыя были уже замужемъ во время нахожденія на курсахъ. Это число довольно значительное, въ особенности если принять во вниманіе, что со времени перваго выпуска прошло не болѣе пяти лѣтъ, и что большинство слушательницъ оканчиваетъ курсъ довольно рано, лѣтъ 20 съ небольшими, принадлежа, притомъ, преимущественно къ небогатымъ семействамъ. Сто-тридцать-семь слушательницъ (изъ числа тѣхъ же 218) занимаются воспитаніемъ и преподаваніемъ, т.-е. именно

тою дѣятельностью, которая и до учрежденія высшихъ курсовъ составляла обыкновенный удѣлъ русской трудящейся женщины. Вся разница, такимъ образомъ, заключается въ томъ, что курсы даютъ подготовку, прежде, недостававшую учащимъ женщинамъ, и обеспечиваютъ за ними возможность расширять все болѣе и болѣе свою педагогическую дѣятельность. Остается только устранить внѣшнія преграды, совершенно напрасно стѣсняющія это естественное движеніе. Вскорѣ послѣ открытія бестужевскихъ курсовъ было возбуждено ходатайство о предоставленіи слушательницамъ, успѣшно окончившимъ ученіе, права преподаванія во всѣхъ классахъ женскихъ гимназій. Министерствомъ народнаго просвѣщенія это ходатайство было отклонено, но съ объясненіемъ, что право преподаванія во всѣхъ классахъ гимназій „могло бы быть приобретаемо женщинами наравнѣ съ лицами, ищущими званія учителей среднихъ учебныхъ заведеній, по особому испытанію въ университетѣ, чему *высшіе женскіе курсы могли бы служить хорошимъ подспорьемъ*“. Основываясь на этомъ отзывѣ, нѣкоторыя бывшія слушательницы курсовъ просили допустить ихъ къ испытанію на званіе учителя гимназій, но встрѣчали постоянный отказъ со стороны учебнаго начальства. Нужно надѣяться, что министерство народнаго просвѣщенія возвратится къ своему первоначальному взгляду. Если женщины могутъ быть полезными профессорскими ассистентками на высшихъ курсахъ, то въ способности ихъ быть преподавательницами во всѣхъ классахъ среднихъ женскихъ учебныхъ заведеній сомнѣваться, очевидно, нельзя. Замѣщеніе ими, мало-по-малу, всѣхъ учительскихъ вакансій въ женскихъ гимназіяхъ и институтахъ устранило бы всякій поводъ отрицать практическое значеніе высшихъ женскихъ курсовъ, а польза этой мѣры для учащихся дѣвочекъ едва ли требуетъ доказательствъ.

Нужно ли касаться еще разъ стараго вопроса о политической и нравственной благонадежности высшихъ женскихъ курсовъ? Прижатые къ стѣнѣ, газетные враги женскаго образованія ничего не могли привести въ подтвержденіе своихъ беззастѣнчивыхъ обвиненій; но клевета, однажды пущенная въ ходъ, всегда оставляетъ трудно изгладимый слѣдъ, съ которымъ волей-неволей приходится считаться. „Единичные прискорбные случаи,—читаемъ мы въ докладной запискѣ комитета бестужевскихъ курсовъ,—не могутъ и не должны служить основаніемъ для осужденія цѣлаго учрежденія, имѣющаго дѣло съ массою лицъ. Пусть судьи высшихъ женскихъ курсовъ найдутъ хоть одну, даже небольшую группу людей, въ которой не было бы заблуждающихся или даже испорченныхъ членовъ. Причина нравственной порчи единичныхъ личностей заключается, конечно, не въ изученіи наукъ и не въ строѣ учебнаго заведенія, а во внѣшнемъ влияніи, которое серьезными научными занятіями можетъ быть только

ослаблено, а отнюдь не усилено. Приносимыя въ томъ или другомъ отдѣльномъ случаѣ извѣстныя идеи и стремленія держатся лишь до тѣхъ поръ, пока увлеченная ими личность не заинтересуется преподаваемой наукой. По мѣрѣ того, какъ преподаваніе становится серьезнѣе, слушательницы начинаютъ все болѣе и болѣе увлекаться имъ. и въ старшихъ курсахъ *научные интересы*, а не какіе-либо иные, стоятъ для нихъ на первомъ планѣ... При оцѣнкѣ нравственнаго вліянія какого бы то ни было учебнаго заведенія на учащихся—что вообще есть дѣло въ высокой степени сложное и трудное, требующее крайней внимательности, осторожности и добросовѣстности, — очень часто упускается изъ виду, что гораздо правильнѣе судить о заведеніи не по отдѣльнымъ случаямъ уклоненія отъ желаемого порядка и поведенія въ средѣ учащихся, а по достигнутымъ результатамъ, по тому запасу нравственныхъ и умственныхъ силъ для борьбы со зломъ, который выносятся въ жизнь его питомцами". Это — по истинѣ золотыя слова, примѣнимыя не къ однимъ только высшимъ женскимъ курсамъ и особенно цѣнныя въ переживаемую нами минуту. Въ самомъ дѣлѣ, много ли найдется у насъ теперь высшихъ учебныхъ заведеній, изъ среды которыхъ никто никогда не былъ бы заподозрѣнъ въ политической неблагонадежности? Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что весьма немного. Еслибы здѣсь могла быть рѣчь о солидарной отвѣтственности всѣхъ за нѣсколькихъ или за одного, свобода отъ отвѣтственности оказалась бы исключеніемъ, а не общимъ правиломъ; громадному большинству учебныхъ заведеній пришлось бы признать себя виновными—или, лучше сказать, безъ вины виноватыми. Численнымъ отношеніемъ заподозрѣнныхъ къ учащимся не доказывается ровно ничего, развѣ еслибы оно было уже черезъ-чуръ велико (чего мы нигдѣ не видимъ); во всякомъ случаѣ, цифрамъ, выражающимъ это отношеніе, нельзя придавать *абсолютнаго* значенія. Десять больше одного; но, какъ членъ пропорціи, десять изъ двухъ тысячъ — все равно, что одинъ изъ двухсотъ. И тамъ, и тутъ, отдѣльныя единицы тонутъ въ общей массѣ и не окрашиваютъ ея въ свою краску. Молодые люди, поступающіе въ высшія учебныя заведенія, приносятъ съ собою, сплошь и рядомъ, извѣстное направленіе, извѣстные взгляды; настроить ихъ на другой ладъ новая обстановка, новыя занятія могутъ только постепенно. Внезапной перемѣны нельзя ни ожидать, ни требовать; какъ бы бдительно ни было начальство учебнаго заведенія, оно не можетъ всего знать; какъ бы великъ ни былъ его авторитетъ, оно не можетъ сразу передѣлать молодой умъ и молодую волю. Если прибавить ко всему этому возможность вліяній, не имѣющихъ ничего общаго съ учебнымъ заведеніемъ, то границы его отвѣтственности становятся совершенно ясными. Предполагать

нѣчто въ родѣ причинной связи между высшимъ образованіемъ и развитіемъ преступныхъ стремленій можно было бы только въ такомъ случаѣ, еслибы послѣднія росли параллельно съ первымъ, еслибы на старшихъ курсахъ учебнаго заведенія наклонность къ политической агитаціи встрѣчалась чаще, чѣмъ на младшихъ, и достигала своего апогея ко времени окончанія занятій. Ничего подобнаго, на сколько намъ извѣстно, не наблюдалось у насъ никогда и нигдѣ: напротивъ того, каждый лишній годъ, проведенный въ высшемъ учебномъ заведеніи, уменьшалъ шансы уклоненія съ легальной дороги, и всего ниже эти шансы падали для тѣхъ, кто окончилъ полный курсъ ученія, т.-е. всего дольше оставался подъ вліяніемъ учебнаго заведенія. Гдѣ же, затѣмъ, основанія для заподозриванія учреждений, служащихъ главнымъ источникомъ высшаго образованія, а слѣдовательно, и для принятія чрезвычайныхъ мѣръ, которыя уже грезятся нашимъ газетнымъ реакціонерамъ? Сокращеніе числа студентовъ, увеличеніе платы за ученіе, открытіе доступа въ университетъ исключительно для лицъ, получившихъ аттестатъ зрѣлости въ томъ же учебномъ округѣ, усиленіе „отеческой власти“ начальства надъ студентами—да и надъ профессорами,—все это входитъ, можетъ быть, въ программу мнимыхъ „гражданъ“, но ни для чего подобнаго нѣтъ точекъ опоры въ дѣйствительности. Новый университетскій уставъ, съ разъясняющими и дополняющими его инструкціями и правилами, даетъ университету полную возможность регулировать занятія студентовъ, внести въ ихъ жизнь оздоровляющій и отрезвляющій элементъ усиленнаго труда. Для успѣшнаго исполненія этой задачи необходимо только одно: уваженіе учащихся къ учащимъ, довѣріе первыхъ къ искренности и самостоятельности послѣднихъ. Продиктовать профессорамъ содержаніе ихъ лекцій—значило бы подорвать въ самомъ корнѣ нравственное вліяніе ихъ на студентовъ.

Возвратимся, однако, къ высшимъ женскимъ курсамъ и спросимъ себя: чѣмъ задерживается до сихъ поръ рѣшеніе ихъ участи?—Вопросомъ о размѣрѣ правъ и преимуществъ, которыя имъ слѣдуетъ предоставить? Они развивались и процвѣтали безъ всякихъ привилегій; на томъ же основаніи они могли бы существовать и впредь, пока не наступилъ бы для нихъ моментъ болѣе благопріятный.—Вопросомъ о программѣ, которой они должны держаться? До сихъ поръ въ составъ преподаванія на высшихъ женскихъ курсахъ входили, по выраженію комитета курсовъ, всѣ „главные и основные предметы человеческого знанія“; программа курсовъ начертана, такимъ образомъ, сама собою, и едва ли есть поводъ къ ея измѣненію.—Вопросомъ о средствахъ содержанія курсовъ? Они не получаютъ изъ казны ничего или почти ничего, такъ что и съ этой точки зрѣнія продол-

женіе ихъ дѣятельности не можетъ представлять никакихъ затрудненій.—Вопросомъ о размѣрѣ свѣденій, которыхъ слѣдуетъ требовать отъ вступающихъ на курсы? И этотъ вопросъ, какъ намъ кажется, не допускаетъ двухъ различныхъ рѣшеній. Высшее образованіе есть прямое и естественное продолженіе средняго; оно должно начинаться съ того, на чемъ заканчивается послѣднее. Дипломъ женской гимназій—вотъ ключъ, достаточный для открытія двери высшихъ женскихъ курсовъ. Другое дѣло, еслибы этимъ курсамъ были предоставлены особыя права и преимущества, приравнивающія или приближающія ихъ къ университету; тогда тождеству правъ могло бы соответствовать тождество требованій. Еслибы бывшая слушательница высшихъ курсовъ могла получить, безъ дальнѣйшаго экзамена, званіе учителя гимназій, то вступленіе на курсы, какъ и въ университетъ, могло бы быть обусловлено полученіемъ аттестата зрѣлости. Еще правильнѣе было бы, быть можетъ, приурочить высокія требованія не къ моменту вступленія на курсы, а къ моменту испытанія на то или другое званіе, доступное для женщинъ. Изученіе классическихъ языковъ, въ размѣрѣ гимназическаго курса, было бы обязательно, такимъ образомъ, для тѣхъ лишь женщинъ, которыя хотѣли бы проложить себѣ дорогу въ высшія сферы педагогической дѣятельности: для всѣхъ остальныхъ незачѣмъ было бы затруднять чрезъ мѣру вступленіе на курсы. По мѣткому выраженію министерства народнаго просвѣщенія, курсы составляли бы только *подспорье* къ достиженію цѣли, преслѣдуемой сравнительно немногими, и организовать ихъ *исключительно* въ виду этой цѣли не было бы никакой надобности. Для громаднаго большинства слушательницъ высшихъ курсовъ, посвящающихъ себя семейной жизни или педагогическимъ занятіямъ съ дѣтьми средняго и младшаго возраста, знаніе классическихъ языковъ является совершенно излишнимъ. Аттестатъ зрѣлости, какъ *conditio sine qua* поп для вступленія на курсы, былъ бы ни чѣмъ инымъ, какъ искусственной преградой на пути къ высшему образованію, преградой, ничѣмъ не оправдываемой и ни для чего ненужной.

Если судьба высшихъ женскихъ курсовъ держится на волоскѣ, то волосокъ, долго игравшій ту же роль по отношенію къ женскимъ *врачебнымъ* курсамъ, несомнѣнно доживаетъ свои послѣднія минуты. Со времени приостановки приѣма на эти курсы прошло уже пять лѣтъ, и они должны закрыться, если въ самомъ близкомъ будущемъ не раздастся, наконецъ, воскрешающее ихъ слово. А между тѣмъ пробѣлъ, который они оставляютъ, будетъ еще чувствительнѣе того, который можетъ образоваться вслѣдствіе закрытія высшихъ женскихъ курсовъ. Польза, приносимая женщинами-врачами, давно уже стоитъ внѣ всякаго спора. Въ послѣднее время, какъ нарочно, сходятъ со

спены, въ разныхъ концахъ Россіи, женщины-врачи, оставляющія по себѣ самую добрую память. Тяжелая, изнуряющая работа, захватывающая всю жизнь и безпрестанно доходящая до самоотверженія, быстро пробиваетъ брешь въ немногочисленныхъ рядахъ, а на мѣсто умершихъ труженицъ скоро перестанутъ являться другія... Для возобновленія дѣятельности женскихъ врачебныхъ курсовъ имѣются на-лицо и пути, и средства; неужели имъ суждено исчезнуть безслѣдно, неужели русскимъ женщинамъ, сознающимъ въ себѣ призваніе къ медицинѣ, опять придется искать гостепрѣимства за границей? Уже теперь въ одномъ Парижѣ между *ста-тремя* слушательницами медицинскихъ лекцій насчитывается *семьдесятъ-шесть* русскихъ (французенокъ — только восемь); что же будетъ тогда, когда окончательно утратится надежда на открытіе въ Россіи женскихъ врачебныхъ курсовъ? Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ и здѣсь, пожалуй, можно было толковать о *модѣ*, но мода, непрерывно продолжающаяся болѣе пятнадцати лѣтъ и переживающая самыя тяжелыя испытанія, заслуживаетъ другого названія. Въ русской женской натурѣ влеченіе къ врачебному дѣлу коренится, очевидно, весьма глубоко, соприкасаясь съ самыми лучшими ея сторонами, съ способностью и потребностью самопожертвованія, съ готовностью отдаться всецѣло служенію одной идеѣ. Нигдѣ всѣ эти свойства не могутъ найти для себя болѣе широкаго и болѣе полезнаго примѣненія, какъ въ области медицины, особенно земской, т.-е. народной.

Агитація противъ судебныхъ уставовъ всего опаснѣе въ тѣ минуты, когда она совпадаетъ съ обсужденіемъ официальныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ измѣненію основныхъ началъ уголовного процесса. Такая минута переживается нами теперь, и сообразно съ этимъ усиливаются въ печати замолкшія-было нападенія на судъ присяжныхъ. Они находятъ для себя заранѣе подготовленную почву въ одной особенностях, свойственной нѣкоторымъ сферамъ нашего общества. Тамъ, гдѣ успѣло укорениться чувство законности и сознаніе равенства передъ судомъ, отдѣльное правонарушеніе, какъ бы оно ни было тяжело и серьезно, никогда не возбуждаетъ мысли о чрезвычайной репрессіи, о недостаточности обыкновенныхъ средствъ поддержанія и восстановленія порядка. Для того, чтобы почувствовалась потребность въ усиленіи общественной охраны, здѣсь нужна цѣлая цѣпь событій, выходящихъ изъ ряда, да и тогда возникаетъ вопросъ только объ измѣненіи закона, а не о дѣйствіи помимо и внѣ закона. У насъ такое отношеніе къ дѣлу стало возможнымъ только со времени судебной реформы, но главному теченію безпрестанно приходилось встрѣчаться съ побочными, новизнѣ безпрестанно (и не

всегда успѣшно) приходилось бороться противъ старины. Въ послѣднее время перевѣсъ въ этой борьбѣ явно сталъ переходить на сторону прежнихъ традицій, и онѣ громко заявляютъ, при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, свое мнимое право. Обыкновенный ходъ процесса кажется, съ этой точки зрѣнія, слишкомъ медленнымъ, обыкновенный судъ — слишкомъ снисходительнымъ, обыкновенное наказаніе — слишкомъ слабымъ. Въ инсарскомъ уѣздѣ (пензенской губерніи) убить недавно управляющій имѣніемъ госпожи Тучковой, убить, — какъ говорятъ, — цѣлою толпою крестьянъ, имѣвшею съ нимъ столкновеніе по какому-то хозяйственному вопросу. Безспорно, это преступленіе возмутительное, но возмутительное не больше многихъ другихъ, разсматриваемыхъ, сплошь и рядомъ, съ соблюденіемъ всѣхъ обычныхъ правилъ судопроизводства. Не такъ смотрятъ на него органы реакціонной печати; они находятъ, очевидно, что за первой о немъ вѣстью долженъ былъ немедленно послѣдовать рядъ мѣръ, направленныхъ не столько къ безпристрастному разбору дѣла, сколько къ скорой и суровой расправѣ. Понятно, что такимъ ожиданіямъ никогда не можетъ удовлетворить ни судъ присяжныхъ, ни процессъ, движущійся въ общихъ законныхъ рамкахъ и формахъ. Чѣмъ больше мысль о судѣ, карающемъ во что бы то ни стало, о законѣ, сохраняющемъ свою силу только для будничныхъ, заурядныхъ дѣлъ, о быстротѣ и натискѣ, не оставляющемъ мѣста для простой справедливости, — чѣмъ больше эта мысль проникаетъ въ умы, тѣмъ дальше идетъ путаница понятій. Опять появляется на сцену представленіе о двухъ мѣрахъ и двухъ вѣсахъ, о порядкахъ, годныхъ только для привилегированнаго меньшинства, но не для массы, не для черни. Помѣщикъ обвиняется въ убійствѣ пастуха — пускай онъ судится обыкновеннымъ судомъ, и если судъ найдетъ его дѣйствовавшимъ въ состояніи невмѣняемости, тѣмъ лучше; на этотъ разъ никто не станетъ упрекать судей въ наклонности смѣшивать преступленіе съ болѣзнію. Крестьянинъ обвиняется въ убійствѣ помѣщика или управляющаго — долой судъ присяжныхъ, долой судебныя гарантіи, пускай безотлагательно постановляется приговоръ, и приговоръ непремѣнно обвинительный. Пока мѣстъ, къ счастью, эта „двойная бухгалтерія“ существуетъ только въ мечтахъ реакціонныхъ газетъ, но опасны иногда и самыя мечты, въ особенности когда онѣ находятъ кое-какія точки опоры въ дѣйствительности.

Мы говорили недавно о смѣшномъ недоразумѣніи, въ силу котораго одна изъ петербургскихъ газетъ, всего меньше повинная въ „либерализмъ“, оказалась зачисленною — по спискамъ „Русскаго Вѣстника“ — въ „либеральный“ лагерь. Безмолвно протестуя противъ очевидной ошибки, заподозрѣнная газета доказываетъ свою чистоту...

усмеленными выходками противъ суда присяжныхъ. Въ петербургскомъ окружномъ судѣ состоялся недавно оправдательный приговоръ по дѣлу о купцѣ Б., обвинявшемся въ полученіи денегъ по подложнымъ документамъ. Главной уликой противъ обвиняемаго служило заключеніе экспертовъ, нашедшихъ сходство между его почеркомъ и подписями на подложныхъ документахъ; но кому же неизвѣстно, что сличеніе почерковъ принадлежитъ къ числу самыхъ ненадежныхъ доказательствъ? Учителя чистописанія и секретари судебныхъ мѣстъ, на которыхъ оно обыкновенно возлагается, настолько же компетентны въ этомъ дѣлѣ, какъ и всякій другой грамотный человѣкъ, обладающій наблюдательностью и хорошимъ зрѣніемъ. Объ экспертизѣ и экспертахъ, въ истинномъ смыслѣ слова, здѣсь не можетъ быть и рѣчи; нѣтъ такой науки, нѣтъ такого искусства, изъ которыхъ можно было бы почерпнуть точныя данныя для опредѣленія сходства или несходства почерковъ. Другимъ основаніемъ обвиненія служило показаніе двухъ свидѣтелей, о которыхъ сама газета, негодующая противъ оправданія Б., выражается слѣдующимъ образомъ: „они съ какимъ-то непонятнымъ усердіемъ расписывали Б. самыми черными и густыми красками и даже взводили на него другія подобныя преступленія, которыя на предварительномъ слѣдствіи не подтвердились“. Чтò же удивительнаго, затѣмъ, представляетъ собою оправдательный приговоръ присяжныхъ? Не вѣря свидѣтелямъ, могли ли они обвинить подсудимаго на основаніи однѣхъ только догадокъ, высказанныхъ мнимыми экспертами? Но для газеты, привыкшей бить лежачаго, не обязательна обыкновенная логика. Вердиктъ присяжныхъ признается ею то легко объяснимымъ, то „сокрушающе неожиданнымъ“; правосудіе, въ немъ выразившееся, провозглашается не только „опаснымъ“, но даже „подложнымъ“. „Иной разъ,—читаемъ мы въ той же газетной статьѣ,—встрѣчаясь на банковыхъ процессахъ съ удивительною терпимостью и слѣпымъ милосердіемъ присяжныхъ къ ворами и грабителями худшей категоріи, невольно начинаешь думать, что эти двѣнадцать случайныхъ Соломоновъ совершенно не вѣдаютъ, чтò творять. Они не понимаютъ преступленія, и, произнося: *не виновенъ*, говорятъ на самомъ дѣлѣ: *не понимаю*. Не говоря уже о крестьянахъ и мѣщанахъ, даже чиновники и мелкіе купцы наши весьма плохо понимаютъ основы правильного и производительнаго кредита. Непониманіе это идетъ съ разныхъ сторонъ. Оно просто у мужика, тенденціозно у чиновника, корыстно у купца и торгующаго мѣщанина... Соберите вы изъ этихъ слоевъ общества двѣнадцать судей совѣсти, и одни искренно ничего не поймутъ изъ состава преступленія противъ кредита, другіе увидятъ въ немъ пріятное для нихъ наказаніе кулака, ростовщика и кровопійцы, а третьи увлекутся ловкачествомъ гра-

бителя и пожелаютъ наградить его за ловкость". Разбирать эти невѣроятныя разсужденія мы, конечно, не станемъ; нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, доказывать серьезно, что въ полученіи денегъ по должному документу нѣтъ ничего непонятнаго для крестьянина, окруженнаго со всѣхъ сторонъ ссудо-сберегательными товариществами, и ничего симпатичнаго для чиновника или купца, сплошь и рядомъ вносящаго въ банкъ собственныя свои деньги. Приведенная нами тирада заинтересовала насъ какъ „признакъ времени“, какъ отголосокъ моднаго мотива. Нота, взятая наверху, отражается внизу, только въ другой формѣ, рѣзкой и грубой. Сомнѣніе въ компетентности суда присяжныхъ возводится здѣсь уже на степень прямого отрицанія; статистическія цифры и общія разсужденія замѣняются первымъ появившимся фактомъ, хотя бы онъ и вовсе не годился для данной цѣли. Самъ по себѣ, вердиктъ по дѣлу Б. не доказываетъ ровно ничего; все равно, къ нему прицѣпляется выхода противъ „случайныхъ Соломоновъ“. Избытокъ усердія, какъ и всегда, заводитъ слишкомъ далеко; если въ рѣшеніяхъ суда присяжныхъ, какъ и въ ихъ составѣ, преобладаетъ *случайность*, то логическій выводъ отсюда только одинъ: совершенное упраздненіе суда присяжныхъ,—а оно, покаместъ, не поставлено на очередь въ официальныхъ сферахъ.

Намъ случилось какъ-то недавно привести нѣсколько перловъ *реакціонной* театральнoй критики. Автору, котораго мы цитировали, это выраженіе показалось страннымъ; намъ оно кажется совершенно естественнымъ, потому что реакціонный оттѣнокъ критика можетъ имѣть точно такъ же, какъ и публицистика, беллетристика, исторія и т. п. Само собою разумѣется, что изъ реакціоннаго лагеря можетъ выйти безпристрастный художественный критикъ (хотя такого явленія мы что-то не припомнимъ); но гораздо болѣе обыкновеннымъ бываетъ здѣсь подчиненіе эстетическихъ взглядовъ политическимъ симпатіямъ и антипатіямъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стобитъ только привести еще одну критическую жемчужину, найденную нами въ реакціонной прессѣ. На этотъ разъ дѣло идетъ о критикѣ литературной; прославляется „поэтъ и мыслитель“ К. Н. Леонтьевъ—и провозглашается во всеуслышаніе, что этотъ писатель, „какъ художникъ, долженъ быть поставленъ рядомъ съ высшими представителями русской литературы послѣднихъ десятилѣтій“. Его „художественныя творенія исполнены живой, первобытной прелести и составили бы радость всякой, самой богатой европейской литературы“. Дальше этихъ геркулесовыхъ столбовъ нельзя, повидимому, сдѣлать и шага; но усердный критикъ идетъ еще дальше. „Какъ публицистъ,—вѣщаетъ онъ,—Леонтьевъ имѣетъ еще большее значеніе. Сборникъ

его разсужденій долженъ быть настольной книгой всякаго русскаго человѣка, который желаетъ понять подлинную сущность балканскаго вопроса... Въ вопросахъ внутренней политики Леонтьевъ является представителемъ и вдохновеннымъ жрецомъ священныхъ охранительныхъ началъ, на которыхъ стоитъ и держится русская земля... Разборъ извѣстнаго произведенія гр. Л. Н. Толстого: „Чѣмъ люди живы“, заслуживалъ бы изданія въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ, но даже и сотни оттисковъ его пролежали почти безъ спроса“. Неблагодарная Россія! Какого сына она не оцѣнила и до сихъ поръ не цѣнитъ! Есть, впрочемъ—если вѣрить цитируемой нами газетѣ—„юные умы“, плѣняемые г. Леонтьевымъ „въ послушаніе вѣры“ и подъ его руководствомъ набирающіеся силъ для защиты „основъ“. Интересно было бы познакомиться хотя бы съ однимъ представителемъ этой школы...

ИЗВѢЩЕНІЯ.

Отъ Редакціи. — На поддержаніе сельской школы К. Д. Кавелина, въ селѣ Ивановѣ, тульской губ., бѣлевскаго уѣзда:

1) Къ 1-му мая 1887 г. въ остаткѣ	3.298 р. 98 к.
2) Въ маѣ, отъ К. К. Арсеньева	10 „ — „

Всего къ 1-му іюня 1887 г. . . . 3.308 р. 98 к.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА.

МАЙ — ІЮНЬ, 1887.

Книга пятая. — Май.

	СТР.
К. Д. Кавелинъ.—Материалы для біографій изъ семейной переписки и воспоминаній.—Х. Изъ переписки въ 1872 и 1873 гг.—Д. А. КОРСАКОВА.	5
Стихотворенія.—Завѣщаніе.—А. Ж.—ЧѢ	38
Изъ новыхъ.—Романъ.—Часть третья и послѣдняя.—І-VII.—П. Д. БОБО-РЫКИНА	35
Дѣловые люди въ Америкѣ.—І-III.—В. Н. МАКЪ-ГАХАНЪ	116
Стихотворенія.—Есть мысли мрачныя, есть тягостныя чувства.—С. Г. ФРУГА.	144
Изъ деревни.—Очерки.—І.—А. Н. ЭНГЕЛЬГАРДТА	145
Стихотворенія.—На мотивы изъ Стеккетти.—І-II.—О. М.—ОЙ.	184
Дворянство въ Россіи.—Историческій и общественный очеркъ.—III.—III.	186
Бѣлорусская этнографія.—III-IV.—А. Н. ПЫШИНА	211
Злой гений.—Семейная исторія. У. Коллинза.—Часть пятая и послѣдняя.—А. Э.	253
Еще о современныхъ русскихъ поэтахъ.—Н. Минскій и К. Фофановъ.—К. К. АРСЕНЬЕВА.	311
* * Стих. А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА	330
Хроника.—Казенная свѣдѣнія и русское общество пароходства и торговли.—С. Щ.—ЕВА	331
Внутреннее Овозрѣніе.—Ожидаемое повышеніе пошлины на заграничныя порты; экономическое и общественное значеніе этой мѣры.—Проектируемыя ремесленныя и низшія техническія училища.—Необходимость законодательнаго регулированія земельныхъ товариществъ, созданныхъ уставомъ крестьянскаго поземельнаго банка.—Нѣсколько словъ по поводу толковъ и слуховъ въ печати о фабричной инспекціи и о земскихъ начальникахъ	848
Иностранное Овозрѣніе.—Натянутость международнаго положенія.—Вониственность газетныхъ патріотовъ въ Германіи и въ другихъ странахъ.—Дѣло Шнебеле и вопросъ о военномъ шпіонствѣ.—Особенности спорнаго факта и ихъ серьезное значеніе.—Послѣдствія нѣмецкихъ мѣръ въ Эльзасѣ и Лотарингіи.—Особая теорія государственной измѣны.—Англійскія дѣла.	369
Литературное Овозрѣніе.—Задачи русской народной школы, Н. Горбова.—Современныя выдачи, гр. П. А. Валуева.—Литературные очерки, С. Я. Надсона.—К. К.—Изъ пережитаго, Н. Гилърова Платонова.—Гр. Л. Н. Толстой, какъ художникъ и мыслитель, А. Скабичевскаго.—А. П.—О. К. Нотовичъ (маркизъ О'Квичъ): „Еще немножко философіи“.—Прямые налоги и ихъ организація во Франціи, Власія Судейкина.—Л. С.	385
Поправки къ новѣйшимъ изданіямъ сочиненій Пушкина.—І. Изъ писемъ Пушкина къ Погодину.—Сообщ. Н. БУЛИЧЪ.—II. По поводу двухъ эпиграммъ Пушкина на О. Вулгарина.—Сообщ. В. НАУМЕНКО	404
Изъ Овощественной Хроники.—Публичныя лекціи Георга Брандеса.—Затронутыя имъ вопросы о предѣлахъ и задачахъ критики.—Отношеніе Г. Брандеса къ его предшественникамъ.—Разногласіе въ средѣ защитниковъ церковно-приходской школы.—По вопросу о вѣротерпимости.	410
Извѣщенія.—Отъ Редакціи.—Пожертвованія на поддержаніе сельской школы Кавелина и сооруженіе ему памятника	420
Библіографическій Листокъ.—Этюды о Ж.—Жакѣ Руссо, т. II, А. С. Алексѣева.—Политическая экономія, въ связи съ финансами, Л. В. Ходскаго.—Общедоступная военно-историческая хрестоматія, кн. 2, состав. К. К. Абаза.—Повѣсти, сказки и разсказы Кота-Мурлыки, т. I.—Изъ первыхъ лѣтъ казанскаго университета, Н. Н. Булича.—Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, Д. Кобеко.	

Книга шестая. — Июнь.

СТР.

Дворянство въ Россіи.—Историческій и общественный очеркъ.—Окончаніе.—Ш.	421
Изъ новыхъ.—Романъ.—Часть третья и послѣдняя.—VIII-XII.—Окончаніе.—	
П. Д. БОБОРЫКИНА	453
Дѣловые люди въ Америкѣ.—IV.—В. Н. МАКЪ-ГАХАНЪ	529
Балканскія дѣла и болгарскій вопросъ.—1877—1887 гг.—Л. З. СЛОНИМСКАГО	576
Стихотворенія.—I. По взморью бродилъ я.—II. Искусство.—Н. МИНСКАГО .	613
Счастливецъ.—Этюдъ.—Н. ШЕДРИНА	615
Бѣлорусская этнографія.—V-VI.—А. Н. ПЫПИНА	640
Стелла.—Романъ въ двухъ частяхъ.—Часть первая.—I-V.—А. Э.	682
Новая французская критика.—Очеркъ.—К. К. АРСЕНЬЕВА	731
Стихотворенія.—Изъ Теннисона и Томаса Мура.—Θ. Ч.—скій	751
Хроника.—Къ переселенцамъ.—Изъ путевыхъ замѣтокъ.—I.—Θ. Θ. ВОРОПО-	
НОВА	756
Внутреннее Овозрѣніе.—Новый законъ о порядкѣ образованія и о составѣ суда	
присяжныхъ; отношенія его къ прежнимъ проектамъ, его сильныя и	
слабыя стороны.—Законопроектъ объ ограниченіи сферы дѣйствій суда	
присяжныхъ; три главныя группы дѣлъ, къ которымъ онъ относится;	
новая форма суда, имъ создаваемая.—Именной указъ 14-го марта.—Нѣ-	
сколько словъ о реформѣ мѣстнаго управленія	785
Иностранное Овозрѣніе.—Переимѣна министерства во Франціи.—Кабинетъ Гобле	
и французскіе финансы.—Исключительная роль генерала Буланже.—	
Дѣятельность военнаго министра; его заслуги и слабости.—Популярность	
Буланже и ея причины.—Французская политика относительно Германіи.	
—Газетные споры о русско-германскихъ отношеніяхъ.—Рабочее движе-	
ніе въ Бельгіи	805
Литературное Овозрѣніе.—Народная поэзія, Θ. И. Буслаева.—Поволжье. Донъ	
и Кавказъ, С. Филиппова.—А. В.—Внѣшняя политика имп. Николая I,	
С. С. Татищева.—Л. С.	820
Замѣтка.—Университетъ въ Италіи.—А. В.—СКІЙ	833
Изъ Общественной Хроники.—Старый, но все еще нерѣшенный, вопросъ о выс-	
шемъ женскомъ образованіи.—Отчетъ комитета общества для доставленія	
средствъ высшимъ женскимъ курсамъ въ Петербургѣ—Судьба женскихъ	
врачебныхъ курсовъ.—„Двойная бухгалтерія“, примѣняемая къ суду.—	
Новые нападки на судъ присяжныхъ.—Еще перлъ же-консервативной	
критики	838
Извѣщенія.—Отъ Редакціи.—Пожертвованія на поддержаніе сельской школы	
Кавелина и сооруженіе ему памятника	850
Библиографическій Листокъ.—Современная Персія, д-ра Уильяма, пер. И. Коро-	
стовцова.—Францъ Листъ, П. А. Трифонова.—Древніе и современные	
софисты, соч. Brentano, пер. Я. Поповицкій.—Русскій мыслитель: Го-	
голь, собр. И. Щегловъ.—Военные законы Петра В., изслѣд. П. О. Бо-	
ровскаго.—Жизнь Иисуса Христа, соч. Ф. В. Фаррара, пер. А. П. Ло-	
пухина	

БИБЛОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.

Современная Персія. — Картины современной персидской жизни и характера, х-ра Уильса. Пер. съ англ. Н. Коростовцова. Сиб. 1887. Стр. 279. Ц. 1 р. 26 к.

Книга англійскаго путешественника о Персїи, сошедшей намъ странѣ, представляеть не одинъ интересный матеріалъ для чтенія, который дастъ цѣлый рядъ картинъ и порядковъ, неизроченныхъ для воображенія европейца, такъ что невольно согласишься съ характеристикомъ Персїи, приводимомъ авторомъ со словъ одного изъ вѣстныхъ дипломатовъ, а именно, что Персія есть „le dernier des pays et le dernier des peuples“. Но опитный глазъ д-ра Уильса не сдѣлалъ, однако, той ошибки, въ какую частопадаютъ путешественники, которые, познакомившись съ деморализованною администраціею страны, съ паденіемъ нравовъ правящихъ классовъ, дѣлають общее заключеніе о нравственномъ состояніи народныхъ массъ. По его мнѣнію, писанный презрительный отзывъ о Персїи никакъ не можетъ быть относимъ къ народу, а потому мышкѣн укрѣпилъ свое мнѣніе въ Персїи, подчинить себѣ эту страну средствами, разсчитанными на усиленіе деморализаціи въ странѣ, могутъ привести къ противнымъ результатамъ. Для насъ, русскихъ, особенно любопытна у д-ра Уильса та глава (XVIII), гдѣ говорится о нашей политикѣ въ Персїи. Онъ приписываетъ именно намъ стремленіе воспользоваться господствующими въ Персїи продажною и подкупною, и, несмотря на высказанное имъ выше, все-таки приходять къ заключенію, что „если Англія намѣрена оказывать сопротивленіе Россіи на Востокѣ, то не лучше ли дѣйствовать противъ Россіи съ же оружіемъ“, т. е. пользоваться вышеупомянутыми качествами персидскихъ правительственныхъ классовъ.

Франц. Листъ. — Очеркъ его жизни и дѣятельности. П. А. Трифонова. Сиб. 1887. Стр. 188. Ц. 1 р. 50 к.

Трудъ П. А. Трифонова знакомъ нашимъ читателямъ; онъ появился впервые на страницахъ нашего журнала и впоследствии былъ переработанъ авторомъ. Благодаря появившемуся переводу этой біографіи на французскомъ языкѣ, Францъ Листъ успѣлъ возлестъ ее примѣчательнѣе на поляхъ, и такимъ образомъ могли сдѣлаться извѣстными многіе факты изъ жизни Листа, которые безъ того пропали бы безъ слѣда.

Древнѣе и современнѣе софисты. Соч. Врентано. Съ франц. перев. Я. К. Поповицкія. Сиб. 1887. Ц. 1 р. 50 к.

Цѣль автора — доказать, что наше время не имѣетъ права относиться свысока и пренебрежительно ни къ софистамъ древности, которыми, по его мнѣнію, напрасно считаютъ людей недобросовѣстными, ни къ средневѣковой схоластической философїи. Мы — говорить онъ въ предисловіи — наивно воображали себѣ, что достаточно мыслить многиѣ честно и свободно, чтобы избѣжать изъ ошибокъ; въ результатѣ оказалось, что мы впади въ прежнія ошибки. У насъ другія идеи, другія слова, но при ихъ помощи мы начали ту же игру въ остроуміе. Въ оправданіе глубокаго расстройствъ новѣйшаго

мысленія авторъ приводитъ одно соображеніе, а именно: если — говорить онъ — первая встрѣча философа съ мечтою принимаетъ въ нашихъ глазахъ значеніе философіи, то заблужденіе наше въ этомъ случаѣ невольное; нами мыслитъ философию настолько испорченны, насколько почитатели ихъ доверчивы, — однимъ словомъ, въ наше время, въ другой только формѣ, повторяется исторія греческой софистики и средневѣковой схоластики. — Главная часть труда Врентано посвящена изслѣдованію современныхъ англійскихъ софистовъ, и онъ особенно останавливается на Стюартѣ Миллѣ и Гербертѣ Спенсерѣ.

Русскій мыслитель. Избранныя мысли и отрывки изъ сочиненій Гоголя, его писемъ и воспоминаній. Собралъ Н. Щегловъ. Сиб. 1887. Стр. 188.

По словамъ составителя, цѣль настоящаго изданія служить попытка обрисовать душевный строй Гоголя, какъ мыслителя, стрихами его же собственнаго пера, — другими словами, составитель имѣлъ намѣреніе такимъ способомъ дать читателю какъ бы автобіографію Гоголя. Многолетнія замѣтки Гоголя о Россіи, русскою чело-вѣкъ, объ искусствѣ, литературѣ, театрѣ, женщинахъ — все это извлечено составителемъ преимущественно изъ писемъ Гоголя и его поэмы „Мертвыя Души“. Задача автора, намъ кажется, была бы легче и благодарнѣе, еслибы онъ занялся мыслями изобразить Гоголя, его же перомъ, но какъ художника, а не какъ мыслителя.

Военные законы Петра В. въ рукописяхъ и первоначальныхъ изданіяхъ. Историко-юрид. изслѣдов. П. О. Вобровскаго. Сиб. 1887. Ц. 1 р.

Авторъ имѣлъ въ виду пополнить существенный пробѣлъ въ исторіи русскаго законодательства относительно источниковъ „Устава воинскаго“ Петра Великаго, и съ этою цѣлью привелъ въ порядокъ всѣ свѣдѣнія объ исторіи его образованія и установилъ связь между первоначальными изданіями „Артикула воинскаго“, „Процессовъ“, „Экзерциціи“ и пр., и рукописями, хранящимися въ бібліотекахъ Главнаго Штаба, Публичной Библіотеки и Румянцевскаго музея. Авторъ безусловно отрицаетъ долго господствовавшую мысль о томъ, что нѣмѣцкій текстъ „Устава воинскаго“ есть его подлинникъ. Специалисты, безъ сомнѣнія, оценятъ этотъ трудъ, снабженный въ заключеніе приложеніями съ точными фото-литографическими снимками съ подлинной рукописи „Артикула Воинскаго“.

Жизнь Иисуса Христа. Соч. Ф. В. Фаррага, перев. съ англ. А. П. Допухина. 2-ое изд. Сиб. 1887. Стр. 823. Ц. 8 р.

Въ подлинникъ трудъ извѣстнаго богослова англиканской церкви и автора книгъ: „Жизнь и труды ап. Павла“, въ теченіе 10 лѣтъ, имѣлъ тридцать изданій, а въ русскомъ переводѣ онъ появляется вторымъ, ничѣмъ не уступающимъ, по своей вѣнності, изданію оригинала. Русскій текстъ, какъ и англійскій, снабженъ массою иллюстрацій, знакомыхъ читателю съ археологическими памятниками той эпохи и съ картинами палестинской природы.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

НА 1887 г.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСІЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

Годъ: Полгода: Четверть:

Годъ: Полгода: Четверть:

Безъ доставки . . .	16 р. 50 к.	8 р.	4 р.	Съ пересылкою . . .	17 „ — „	10 „	6 „
Съ доставкою . . .	16 „ — „	9 „	5 „	За границей . . .	19 „ — „	11 „	7 „

Число журналовъ отдѣльно, съ доставкою и пересылкою, въ Россіи — 2 р. 30 к., за границей — 3 руб.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою

ПОДПИСКА принимается — въ Петербургѣ: 1) въ Главной Конторѣ журнала „Вѣстникъ Европы“ въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., 2-я лин., 7; 2) въ ея Отдѣленіи, при книжномъ магазинѣ Э. Мелле, на Невскомъ проспектѣ; — въ Москвѣ: 1) при книжныхъ магазинахъ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; 2) Н. П. Карбасникова, на Моховой, д. Коха, и 3) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи. — Иногородные обращаются по почтѣ въ Редакцію журнала: Спб., Галерная, 20, а лично — въ Главную Контору. Тамъ же принимаются частныя извѣщенія и ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ журналѣ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ исполнѣ за точность и своевременную доставку городскихъ подписчикамъ Главной Конторы и ея Отдѣленій, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые направили подписную сумму по почтѣ въ Редакцію „Вѣстника Европы“, въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое утѣдженіе, гдѣ (№) доушима выдана журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просить извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожителства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородные выписывается 1 р. 50 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе — 40 коп.; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные — недостающее до вышеуказанныхъ сумъ за границей.

Жалобы выписываются исключительно въ Редакцію, если подписка была отълана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не може изъясно получить слѣдующаго номера журнала.

Видены на получение журнала выписываются особо сумъ изъ иногородныхъ, которые приносятъ въ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІИ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер., 7.

Digitized by Google

1947
1948